

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1875

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ
П. П. МАРКСОМЪ

П. МАРКОВ.

На большой Морской
углу Невского просп.
д. Росмана № 9.

КВЕЙЕРМАНЪ.

ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей пльбонной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстные бытовые картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что чрезвычайно говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 коп. Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1876 г. за 1 руб. 80 к. съ пересылкою.

„НИВА“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1871, 1872, 1873, 1874, 1875 годы.

Каждый годъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусства, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ томѣ. Помѣщения въ каждомъ томѣ повѣстей въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ за прошлаго года—имѣетъ право на получение всѣхъ въ нѣмъ приложенныхъ безплатныхъ премій (Эти пять томовъ „НИВЫ“ составляютъ самый лучший подарокъ къ Елкѣ). Покупатели „Нивы“ 1875 года получаютъ обѣ преміи: Смерть Юлія Цезаря и Мадонна въ совершенно хорошемъ видѣ, въ картонномъ футлярѣ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

	Бромкоран.	Въ прост. переп.	Въ казенк. переп. съ золотомъ.
Безъ пересылки	4 р.	4 р. 60 коп.	5 р. 50 коп.
Съ пересылкою	5 „	5 „ 60 „	6 „ 50 „

Желающіе вынестъ заразъ всѣ пять лѣтъ: 1871, 1872, 1873, 1874, и 1875 „НИВЫ“ пользуются уступкою 25% съ цѣны изданія (по 10 съ цѣны за пересылку и за переплетъ) и вымѣняютъ за себѣ пять томовъ:

Промаркированые:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ коленкоровомъ переплетѣ.
20 руб.	23 руб.	27 руб. 50 коп.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Е. Марлитта. Полный переводъ съ нѣмецкаго. Изданъ безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историческая повѣсть, В. И. Кельсіева, времени освобожденія отъ ига татарскаго, съ 6 худож. выполн. рис. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПРИ ПЕТРѢ, историческая повѣсть, В. И. Кельсіева и В. Ключникова, съ 6 худож. выполн. рисунками. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ, историческая повѣсть времени Екатерины Великой. П. Петрова и В. Ключникова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ, соч. автора «Петербургскихъ Трудобъ» Всев. Крестовскаго, 3-е изданіе. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПРО ЧТО ЩЕВЕТАЛА ЛАСТОЧКА, романъ Шмилъгагена. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

ВЪ НАМЫШАХЪ. Повѣсть П. Н. Каразина. Съ 12-ю рис. автора. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ, романъ Э. Вернера. (Переводъ съ нѣмецкаго). Цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

КУМЫСЪ, его физиологическія и терапевтическія дѣйствія. Д-ра В. Штальберга. Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп.

DER KUMYS, seine physiologischen u. therapeutischen Wirkungen, von Dr. E. Stahlberg. Preis 60 Kop., mit Uebers. 75 Kop.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА. Государства и владѣній во всѣхъ частяхъ свѣта, съ 17-го нѣмецкаго изданія. О. Гюбнера. Цѣна 30 к., съ пересылк. 40 коп. Рекомендована Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ, издающаго подъ кинжалами заговорщиковъ въ засѣданіи Римскаго Сената, картина профессора Пилоти. Большая гравюра, въ коей въ особенности отдѣляются характерныя фигуры самого диктатора и его убійцы. Касси, Брута, Касси и проч., она печатана на лучшей бристольской бумагѣ. Величина этой гравюры 21 1/4 вершк. длины и 15 1/4 вершк. ширины. Картина эта можетъ служить великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ комнаты и салона. Цѣна съ пересылкою 2 руб.

МАДОННА СЕВИЛЬСКАЯ, картина Севастіана Морильо Большой вѣстникъ, съ картинны знаменитаго испанскаго живописца, печатана на лучшей картонной бумагѣ, величина картины: 14 1/4 верш. шир. и 17 1/4 да. Картина эта рекомендуется въ особенности любителямъ живописи. Ц. съ перес. 2 р.

НЕРОНЪ И ХРИСТИАНСКІЕ МУЧЕНИКИ, съ картинны Вилгельма фонъ-Каульбаха. Большая гравюра 12 1/2 вершк. шир. и 17 вершк. длины съ пересылкою 1 руб. 50 к.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА Хивинскаго ханства, съ планомъ города Хивы и ситуационною картою Средней Азіи. Цѣна 40 коп. Для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 20 коп. съ пересылкою.

УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ. Цѣна 13 коп.

Оглавление „НИВЫ“ за 1875 годъ.

	стр.		стр.		стр.
1) Стихотворенія.		Дизраэли, первый министр	161	Кишиневъ	651
Аделина Патти. Ознобищина.	142	Елизавета, императрица австрійская.	584	Кочующіе народы береговъ р. Амура	619
Вотъ тебѣ и разъ (картинка).	190	Зимоничъ, Богданъ, попъ	803	Ливадія	191
Въ деревнѣ. <i>И. Ш.—вой</i>	283	Кольцовъ. <i>А. В.</i>	625	Михайловскій дворецъ въ С.-П.-бургѣ	456
Дѣтскія годы. <i>Ея-же</i>	603	Краббе, Никол. Карлов. ген.-адъют.	591	Мостъ чевезъ Дрину	746
Заслуженное спасибо	543	Крутикова, Александра Павловна.	481	Народы { XXIII. Казанскіе татары	87
Какъ это нравится вамъ (голоса изъ толпы) <i>В.</i>	568	Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ	337	{ XXIV. Кавказскіе татары	119
Мягкіе Пегаса. <i>И. Г.</i>	380	Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ	545	{ Бѣлоруссы	138
Музыка. <i>И. Ш.—вой</i>	398	Любимиръ, Михаилъ	682	Россія { XXV. Болгары	190
На чужбину. <i>В.</i>	538	Ляйэлъ, сэръ Чарльзъ	689	{ XXIV. Валахъ и Молдаванъ	410
Насвилю. <i>И. Г.</i>	584	Маргарита Савойская, принцесса	513	Нижній базаръ въ Нижнемъ Новгородѣ	155
Старая исторія. <i>В.</i>	255	Миланъ Сербскій	751	Ночлежныя пріюты въ Берлинѣ	746
Стихотворенія. <i>И. Ш.—вой</i>	456	Мильтонъ Джонъ и его поэма «Потерянный Рай»	286	Очерки Сибири. <i>Н. Назарина</i>	260, 308, 439
Стихотворенія <i>В. С.</i>	797	Миклуха-Маклай, Ник. Ник.	529	Пинскъ	543
Съ новымъ годомъ	2	Монаховъ, Ипполитъ Ивановичъ	369	Похоронная процессія въ Венеціи	734
У бесѣды. <i>В.</i>	638	Наталя Петровна	754	Птичный рядъ	324
Утро въ деревнѣ. <i>П. Мартынова</i>	430	Оскаръ II, кор. Швеціи и Норвегіи.	450	Ржевъ-Владимировъ	470
Это такъ кажется (гол. изъ толпы). <i>В.</i>	439	Петровичъ, Лука	827	Соборъ св. Петра въ Римѣ	418
II. Романы, повѣсти и проч.		Пироговъ, Николай Ивановичъ	641	Соколова гора у Саратова	72
Блуждающіе огоньки (автобіографія Грюнцера). <i>Н. Лѣнова (Стебничаго)</i>	2	Погодинъ, М. П. Некрологъ	835	Скала Соколи подъ Житѣмиромъ	390
34, 65, 82, 100, 114, 132, 147, 168, 184, 199, 218, 227, 248, 262, 279.		Полонскій, Яковъ Петровичъ	732	Странники	816
Бракъ по приказу	458	Савина, Марья Гавриловна	257	Угличъ (Ярославской губерніи). <i>В. М.</i>	686
Булавка (изъ галереи маленькихъ картинокъ). <i>Вѣ—ера</i>	26	Савономъ, Николай Федоровичъ	305	Церковь Л.-Гв. Памайловскаго полка, во имя Св. Троицы, въ С.-П.-бургѣ	278
Василіса прекрасная (русская народная сказка)	55	Семирадскій, Генрихъ Ипполитовичъ	561	Цетинья, главный городъ Черногоріи	638
Водиной <i>В. Н.—ева</i>	212	Самойловъ, Василій Васильевичъ	81	Чугуевъ	193
Воздушнымъ путемъ (изъ Американск. жизни)	104	Струсбергъ	767	Чистополь	59
Двуногіи иолкъ. Романъ <i>Н. Назарина</i>	163,	IV. Историко-археологическіе очерки.		Ярославъ	43
179, 195, 214, 231, 246, 258, 274, 291, 309, 322, 339, 355, 370, 387,		Аничковскій дворецъ (историческій очеркъ). <i>П. Петрова</i>	490	Ярославль	398
309, 322, 339, 355, 370, 387,		Аппіанскій путь во время Цезаризма (Via appia)	526	Эль-Чакко	779
Домовой. (Разсказъ)	363, 376	Варшавская ратуша	776		
Кюкарда Наполеона	812	Вѣздъ Грознаго во Псковѣ	776	VI. Путешествія.	
Кто выигралъ? (Изъ современной угодовой хроники). Романъ <i>Ф. Фридриха</i>	577, 594,	Вѣзшая жизнь женщинъ, временъ цезаризма въ древнемъ Римѣ	10	Аму-Дарьинская ученая экспедиція.— <i>Н. Назарина</i>	35, 129, 417
610, 627, 642, 659, 683, 690, 706, 722, 738, 754, 774, 788, 804, 822, 822.		Вѣздъ Лютера въ Вормсѣ (истор. оч.)	18	Посѣщеніе верш. Шемранскихъ горъ	572
Довкій рулевой (изъ дачной жизни) <i>Б.</i>	507	Десятинная церковь въ Кіевѣ	411	Экспедиція Норденшильда	762, 782, 816
Любовное письмо (картинка)	267	Египетскія древности	407	VII. Охота.	
Ньютономъ былъ великій человѣкъ (изъ Американской жизни)	602	Замокъ князей Литовскихъ въ Вильнѣ	559	Дикая кошка (разск. Тюрингенскаго охотника)	519
(изъ Американской жизни)	602	Иероглифы и разборъ ихъ	497	Псовая охота	433
Орель-Дѣнка (изъ жизни въ тирольскихъ Альпахъ). Повѣсть <i>Вильгельмина фонъ-Гиллерн-Бирхъ</i>	295, 310, 328, 346, 359, 374, 390, 403, 419, 434, 450, 466, 482, 502, 514, 532, 547, 562.	Московское авто-да-фе 1682 года	183	Заячья охота	667
Первый урокъ (картинка)	70	Катакомбы въ древнемъ Римѣ	442	VIII. Естествознаніе.	
Послѣдняя репетиція (изъ галереи маленькихъ картинокъ). <i>В.</i>	619	Кіево-Печерская лавра	327	Барсукъ, хорекъ и ласка	225
Прзринчый сеансъ. (Разсказъ художника)	428	Пражская башня	667	Верблюды, его исторія и географическое распределение	385, 402
Сапожный король (изъ галереи маленькихъ картинокъ). <i>В.</i>	555	Посѣщеніе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ узниковъ	130	Движеніе растений	830
Сила воображенія. (Путевое приключеніе)	14	Подарки царямъ	787	Древность земли	606
Сорокъ Киттиныхъ десятиныхъ. (Разсказъ изъ Американск. жизни)	118	Печерскій монастырь на Волгѣ	354	Животныя, которыя притворяются мертвыми	123
Слѣпой свидѣтель (съ англійскаго)	730	Помеяника	810	Земная атмосфера. <i>Л. Тимофеева</i>	556, 570
Спичечница (изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи)	634, 648,	Римскіе гладиаторы	146	Картина сѣвернаго снѣга	716
Три аккорда. Разсказъ <i>Вѣ—ера</i>	472	Свайныя постройки	460	Капля воды и ея нѣсеніе	335
Хорошенькій козликъ (изъ галереи маленькихъ картинокъ)	135	Свадьба въ царской Москвѣ	711	Красная болотная дичь	504
Чудесное лекарство (съ французскаго)	663	Смерть Сарданапала	194	Куница	107
Шахъ королевъ (изъ разсказовъ за ужиномъ). <i>В.</i>	616	Смерть Юлія Цезаря	673	Кураядскіе лягашы	477
III. Біографіи и характеристики.		Тронъ, Серебряный Царей Петра I. и Ивана V.	821	Левъ	699
Аделина Патти	796	Халдейская христіанская община на берегахъ озера Урміи	154	Львица со львятами (по Брему)	28
Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій и принцесса Александра Датская	542	Церковь Андрея Первозван. въ Кіевѣ	380	Мальштрѣмъ	466
Альфонсъ XII, король Испанскій	113	Шлемъ Кучума	56	Морской акварій	455
Андерсенъ, Гансъ Христіанъ	241	V. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.		Мышьякъ	98
Аризмъ, графъ Гарри	145	Альбанцы и костюмъ ихъ	651	Обзоръ небеснаго свода	426, 486
Бруни, Ф. А.	705	Азіатскій цирюльникъ	99	Обитель духа	177, 440
Бокъ, Карлъ Эрнестъ	696	Англійскій солдатъ	120	Перелетная саранча и ея размноженіе	367
Боткинъ, Серг. Петр., лейбъ-медикъ	609	Антверпенъ	289	Пути перелетныхъ птицъ (по Пальмеру)	511, 522
Борещанинъ, Василій Васильевичъ	42	Берега Намана	707	Пчела медоносная (по Брему)	33
Веръ, Жюль	737	Балтимора	321	Рябчикъ	266
Горбуновъ, Иванъ Федоровичъ	401	Бессарабскіе цыгане	657	Тетеревъ-косачъ	315
		Бугоръ Стѣнки Разина	174	Сонъ подъ микроскопомъ	54
		Вокса и главный ея водопадъ Иматра	535	Хищники и разбойники въ растительномъ царствѣ	235
		Гусятинъ	632	IX. Гигіена.	
		Герцогиня и Боснія	603	Легкія	586
		Далмація	486	Медицинскія бѣзды (человѣческіе паразиты)	539
		Два сцены изъ Хивинскаго похода Н. Н. Донскія казаки	491	Разумное воспитаніе дѣтей	88, 520
		Дорогобужъ	502	X. Животныя.	
		Христіанство въ Крыму	750	Аида	799
		Замокъ въ Алушкѣ	299	Бука	830
		Иваново-Вознесенскъ (Русскій Манчестеръ)	210	Бѣдныя часы. Картина <i>М. Милера</i>	681
		Императорскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ	343	Возвращеніе мужа. Карт. Викт. Жиро	313
		Казвъ въ Борода	570	Вотъ тебѣ и разъ. Съ картины Вильг. Циммера	185
		Калыинъ, на берегу Волги	18	Въ виду барышей. Картина Ярослава Чермала	581

Въ пустынь. Картина Жерома . . .	стр. 372
Василиса прекрасная . . .	55
Грёзы . . .	760
Живые игрушки . . .	830
Зачья охота, картина Р. Френтца . . .	665
Ювь и друзья его, картина Гейльбута . . .	493
Калабриянка, картина В. И. Мартенса . . .	25
Когда-бъ онъ зналъ! Карт. О. Беккера . . .	220
Конфетти. Картина де-Кевинга . . .	201
Красавица Картина Лесли . . .	516
Легкоранокъ. Картина Зюса . . .	502
Литературный альбомъ съ картинами:	
«Взла» Лермонтова . . .	298
«Бъжнъ дугъ» Тургенева . . .	52
«Измаилъ Бей» Лермонтова . . .	252
«Князь Серебряный» гр. А. К. Толстаго . . .	359
«Ночь передъ Рождествомъ» Гоголя . . .	329
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтова . . .	8
«Сраженный рыцарь» Пушкина . . .	86
«Тарасъ Бульба» Гоголя . . .	379
Любимчикъ Картина Андриоли . . .	445
Любовное письмо. Картина Тульмута . . .	269
Милосердіе. Картина Бугеро . . .	633
Могила безъ цвѣтовъ. Карт. З. ролина . . .	601
Молодая герцеговинская дѣвушка у водопада. Картина Я. Чермака . . .	661
На берегу моря въ Шевенингенъ. Карт. Ожиданіе. Картина М. А. Анкера . . .	461
Первый урокъ. Картина Ботибонна . . .	69
Передъ купаньемъ. Картина Перро . . .	645
Послѣдняя репетиція. Карт. Ф. Жирара . . .	617
Посылка. Съ картины Ламбра . . .	565
Потерянный Рай Карт. А. Кабанеля . . .	277
Прерванный Сеансъ. Бъвт. Кортица . . .	429
Псовая охота на Дону: 1) Ждутъ звѣря. Картина пр. Зурландза . . .	433
Псовая охота на Дону 2) Возвращеніе съ охоты. Ею же . . .	436
Сапожный король. Карт. Мункачи . . .	553
Снадебная Корзинка. Картина Вейса . . .	167
Семья Сатировъ. Карт. Луи Приу . . .	393
Слѣпая хранительница свѣтильниковъ въ котаконбахъ. Картина. Гожиня Макса . . .	441
Смерть Сарданапала, съ Карт. Делакроа . . .	196
Спаситель во гробѣ. Карт. Генриха Леви . . .	229
Старая исторія. Картина Бейшлага . . .	253
Тюрингенская дѣвушка. Карт. Брейтбаха . . .	364
Шахъ королевъ. Картина Мейссонье . . .	613

XI. Новыя изобрѣтенія.

Аппаратъ Ниберга . . .	816
Волшебный фонарь . . .	769
Важное открытіе . . .	240
Изготовление дамасскихъ оружейныхъ стволовъ . . .	587
Машины, дѣйствующія солнечной силой . . .	443
Новое изобрѣтеніе карманной газовой лампочки . . .	721
Ново-проектированная желѣз. дорога на Везувій . . .	283
Пароходъ Бессемеръ . . .	172
Подводная желѣзная дорога . . .	283
Фильтрующий аппаратъ Крумбюгеля . . .	303
Успѣхи микросфотографіи . . .	750

XII. Изъ современной жизни.

Бассейнъ Писои въ зданіи новой Парижской оперы . . .	679
Герцеговинское возстаніе . . .	581, 759
Зала въ зданіи всемірной выставкѣ въ Филадельфіи . . .	703
Крушеніе Московскаго Банка . . .	747
Международная телеграфная конвенція въ Петербургѣ . . .	478
Переходъ артиллеріи чрезъ «Аристанъ-белъ-Тау» . . .	828
Несчастный случай въ Петербургѣ . . .	126
Самоѣды на Невѣ . . .	74
Старый годъ . . .	94
Статуя свободы . . .	744

XIII. Судебная хроника.

Процессъ графа Арнима. (Чашинкова) . . .	30, 44 780
--	------------

XIV. Тиражъ выигрыш. Государств. Банна . . .	48, 176, 48, 576
--	------------------

XV. Политическое обозрѣніе.

91, 158, 191, 238, 268, 316, 366, 382, 414, 526, 559, 606, 668, 734.	
Собственная корреспонденція «Нины» изъ Америки . . .	108

XVI. Библиографія.

Брема, атласъ . . .	318
Наши чудодѣи . . .	701
Острова Тихаго океана . . .	318
Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста . . .	335
Стихотворенія Сурикова . . .	335
Практическое руководство для священнослужителей . . .	336
Ж. Мутъе. Основанія Термодинамики . . .	622
Ручной словарь, русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій . . .	735
Хивинскій походъ . . .	156

XVII. Разныя извѣстія. (въ каждомъ №).

XVIII. Смѣсь.

Арабъ въ пустынь . . .	374
Библиотека новой Парижской оперы . . .	270
Благодарный сынъ . . .	239
Борьба Южно-славянскихъ дѣвушекъ съ преслѣдующими ихъ турками . . .	594
Бугоръ Стеньки Разина . . .	174
Бѣдныя часы . . .	682
Бѣлье изъ бумаги . . .	351
Важное химическое открытіе . . .	240
Вліяніе температуры . . .	751
Воздушныя лодки Миллера и Ленка . . .	73
Вредъ апельсиновъ . . .	79
Въ виду барышей . . .	584
Внѣчаніе магистровъ плаванія . . .	588
Внутри вулкана . . .	827
Гарибальди—довѣкъ черепахъ . . .	703
Глубина Атлантическаго океана . . .	94
Дѣтскіе силуэты Бэма . . .	555
Желѣзная муха . . .	142
Жница . . .	715
За дѣдомъ . . .	800
Изъ города . . .	727
Изъ жизни Шимпанзе . . .	560
Интересный автоматъ . . .	270
Интересное открытіе . . .	670
Интересная маска . . .	94
Интересное наслѣдство . . .	110
Исторія локомотивовъ . . .	524
Ювь и друзья его . . .	495
Картина сѣвернаго сіянія . . .	715
Китайская стѣна . . .	60
Когда-бъ онъ зналъ . . .	222
Конфетти. Сцена во время карнавала въ Римѣ . . .	206
Косое какъ средство противъ колотыя у лошади . . .	543
Легкоранокъ . . .	207
Леченіе обжоговъ . . .	110
Любимчикъ . . .	443
Любимый романсъ . . .	667
Мадона Севильская . . .	678
Маленькая смерть . . .	154
Масляница . . .	222
Милосердіе . . .	136
Мильтонъ . . .	682
Миссія іезуитовъ изъ Китаѣ . . .	222
Могила безъ цвѣтовъ . . .	670
Молодая американка . . .	728
Молодая герцеговинка у водопада . . .	670
Молочная пища, какъ причина тифозной горячки . . .	62
Морскія сокровища . . .	382
Мстительная птица . . .	94
На новой квартирѣ . . .	474
На берегу озера . . .	479
На вѣчную разлукъ . . .	696
Недостатокъ въ прислугѣ . . .	142
Нищая Привислянскаго края . . .	91
Новая пушка—великанъ . . .	670
Новый спасительный аппаратъ . . .	110
Новыя открытія въ Австраліи . . .	126
Новое стекло . . .	270
Новый способъ бить скотъ . . .	543
Нѣтъ не винононень . . .	315
Объ ограниченіи сибирской язвой . . .	446
Объядъ изъ саранчи . . .	784
Окамененіе тѣлъ . . .	78

Оригинальности въ англійск. арміи . . .	стр. 835
Осадное положеніе . . .	809
Папирусъ Эберса . . .	430
Пари . . .	703
Пармъ . . .	294
Пасха въ Селѣцѣ . . .	238
Передъ купаньемъ . . .	674
Плащъ пророка . . .	817
Подземный лѣсъ . . .	817
Перное представленіе въ новой Парижской оперѣ . . .	46
Первыя непріятности . . .	603
По американски . . .	784
Подъ медвѣдемъ . . .	222
По волнамъ Траунскаго водопада . . .	350
Порча инструментовъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей . . .	78
Пять дней подъ землей . . .	750
Посылка . . .	568
Потеряныя вещи . . .	28
Потребленіе мяса и цѣны на него въ старыя времена . . .	639
Практическая исправительная мѣра . . .	78
Пробѣлы . . .	126
Происхожденіе имени «Герцеговина» . . .	654
Просушваніе мокрыхъ сапоговъ . . .	336
Промѣдшее и вѣчность . . .	574
Похороны въ Венеціи . . .	735
Различныя скорости . . .	94
Разрушительное наводненіе въ Мас-сачузетъ . . .	590
Распиливаніе деревьевъ проволокой . . .	574
Рихардъ Вагнеръ . . .	431
Снадебная корзинка . . .	167
Соперница капитана Узбба . . .	817
Пари . . .	817
Куриный городъ . . .	817
Собачій квартетъ . . .	817
Семья сатировъ . . .	399
Сенъ-Бернардская собака . . .	414
Смертность людей въ различн. государствахъ Европы . . .	79
Смѣлость мадеиныхъ животныхъ . . .	78
Средство противъ водобоязни . . .	62
Средство противъ выпаденія шерсти у овецъ . . .	512
Средство противъ отравленія . . .	654
Средство узнавать чистое красное вино . . .	336
Старый рыбакъ . . .	350
Странное пари . . .	142
Строители на нѣткахъ . . .	607
Сѣра, какъ огнегаситель . . .	78
Тайна чиселъ . . .	679
Тишендорфъ, Константинъ . . .	59
Трагедія къ акваріумъ . . .	718
Тропическая купальня . . .	424
Тюрингенская дѣвушка . . .	367
Уголь—проводникъ электричества . . .	78
Удачно пущенная граната . . .	743
Усовершенствованный аэроплатъ . . .	654
Ученыя птицы . . .	94
Ферма. Поттера . . .	334
Фонтанъ добродѣли въ Нюрнбергѣ . . .	222
Художественное извѣстіе . . .	156
Чериогорка . . .	695
Школы въ Соединенныхъ Штатахъ . . .	60
Школа для маленькихъ дѣвочекъ въ Альбано . . .	60

Моды.

Моды за Январь съ . . .	12 рис.
» » Февраль » . . .	9 »
» » Мартъ » . . .	8 »
» » Апрель » . . .	10 »
» » Май » . . .	11 »
» » Іюнь » . . .	12 »
» » Іюль » . . .	9 »
» » Августъ » . . .	15 »
» » Сентябрь » . . .	10 »
» » Октябрь » . . .	17 »
» » Ноябрь » . . .	16 »
» » Декабрь » . . .	27 »
Шахматныя задачи въ №№ 49, 50, 52.	

XIX. Рисунки.

Аппіанскій путь . . .	12—13
Аида . . .	795
Аппаратъ Ниберга . . .	814
Альбанды и костюмъ ихъ . . .	652—3
Альбертъ, принцъ Уэльскій и супруга его принцесса Александра Датская . . .	540
Альфонсъ XII, король Испанскій . . .	113

Андерсенъ, Гансъ Христіанъ . . .	стр. 241	Карта путей перелетныхъ птицъ. Ъ.	стр. 509	Перелетная саранча на хлѣбномъ полѣ	стр. 365
Аничковскій двоѣцъ въ С. Петербургѣ	489	Кишенъ въ	649	Печерскій монастырь на Волгѣ близъ	
Антверпенъ	289	Кишлакъ Нукусъ	132	Новгорода	353
Архимъ, графъ Гарри	145	Кіево-Печерская Лавра	325	Пинскъ	54
Бѣзмянъ лугъ	53	Кольцовъ А. В.	625	Посылка	56
Бугоръ Стеньки Разина	173	Кочующіе народы береговъ рѣки		Пироговъ, Николай Ивановичъ	641
Бука	832	Амура	621	По волнамъ Траунскаго водопада	348
Барсукъ	225	Краббе Николай Карловичъ, генералъ-		Подъ медвѣдемъ	221
Бѣла	287	адъют. адмиралъ	593	Полонскій, Яковъ Петровичъ	732
Балтимора	321	Красная болотная дичь	505	Пороховая башня въ Прагѣ	668
Бѣдные часы	681	Крутикова, Александра Павловна	481	Похоронная процессія въ Венеціи	725
Базарные типы	101	Куница	109	Птичный рядъ въ Апраксиномъ дворѣ,	
Бассейвъ Пиеи въ зданіи новой Па-		Курляндская лягавая собака	476	въ С.-Петербургѣ	124
рижской оперы подъ большимъ подъ-		Львица со львятами	29	Розетская надпись	498
ездомъ	677	Легкоранность	205	Ратуша въ Варшавѣ	525
Бессарабскіе цыгане	657	Ластка	225	Ржевъ-Владимиронъ	469
Болгары	188	Любовное письмо	269	Рябчикъ	265
Борьба южно-славянскихъ дѣвушекъ		Любимчикъ	445	Соколова гора	73
съ турец. отрядомъ	596	Левъ	700	Свадебная корзинка	165
Боткинъ, Сергій Петровичъ, лейбъ-		Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ	337	Смерть Сарданапала	196—197
медикъ	609	Ловкій рулевой	508	Спаситель во гробѣ	222
Бруни Федоръ Антоновичъ	705	Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ	545	Старая исторія	252
Бѣлорусскія женщины	140	Любимыиъ Михаилъ	684	Семья сатировъ	393
Бѣлорусскіе	141	Любимый романсъ	669	Сенъ-Бернардская собака	405
Вѣздъ Цютера въ Вормсѣ 1521 г.	20—21	Лямочки на Аку-Дарьѣ	36	Слѣпая въ катакомбахъ	441
«Лотъ тебѣ разъ!»	185	Ляйлъ, сэръ Чарльзъ	689	Сапожный король	553
Возвращеніе мужа	313	Маленькая смерть	153	Сверное сіаніе	716—717
Верблюды въ Монголіи	385	Мальштромъ	465	Статуя свободы	748
Въ ниду барышей	581	Маргарита Савойская, супруга принца		Струсбергъ	768
Вернъ Жюль	737	Гумберта	513	Странники	815
Вѣздъ Грознаго во Псковѣ	773	Масляница въ деревнѣ	117	Савина, Марья Гавриловна	257
Вѣлахъ и Молдананинъ	412	Международная телеграф. конфер. въ		Сазоновъ, Николай Федоровичъ	305
Василиса прекрасная	57	С.-Петербургѣ	477	Самойловъ, Василій Васильевичъ	81
Верещагинъ, Василій Васильевичъ	42	Миклуха-Маклай, русск. путешеств.		Самойды на Невѣ	76, 77
Вечеръ у закавказскаго татарина	121	по Новой Гвинее	529	Сборъ нинограда въ Далмаціи	485
Виды Волги: Бугоръ Стеньки Разина	173	Миллтонъ, Джонъ	273	Семирадскій, Генрихъ Ипполитовичъ	561
Вилла Государа Наслѣдника Цесаре-		Михайловскій дворцъ въ С.-Петербур.	457	Свадьба въ царской Москвѣ въ сред.	
вича въ Линади	189	Молодая американка	729	вѣтъ	709
Водяной	213	Монаховъ, Ипполитъ Ивановичъ	369	Сенъ-Бернардскія сабаки	405
Водопадъ Иматра	533	Морскія иглы и морскія коньки	453	Силуэты Бѣма	548—549
Внѣчаніе въ облакахъ	105	Морскія угри нападаютъ на осминога	452	Скала Соколи подъ Житомиромъ	389
Внѣчаніе магистровъ плаванія нѣ		Мыза, Поль Поттера	332	Слоны и бегемоты	425
Стокгольмъ	385	Миланъ Сербскій	753	Соборъ Св. Петра въ Римѣ въ день	
Гора Касыръ-тау въ Семирѣч. облас.	309	Могила безъ цвѣтовъ	601	Пасхи	421
Гора Чалпыкъ и Медресе	417	Милосердіе	683	Сожженія разрядныхъ книгъ	181
Горбуновъ, Иванъ Федоровичъ	401	Молодая герцеговинка	661	Станція и ущелье Сары-Джасъ въ	
Густинъ	629	Мостъ евангелистовъ	749	Семирѣчинской области	245
Гладиаторы Римскіе	148—149	Маточникъ шаръ	765	Станція Любонная въ Семирѣчинской	
Граната удачно-пущенная	741	Наталя Петровна Сербская	753	сбласти	261
Герцеговинское возстаніе	757	Ночь передъ Рождествомъ	329	Старый рыбакъ	345
Грязи	761	Новый годъ	1	Тетерень-косачъ	317
Дѣя сцены изъ Хивинскаго похода	4—5	На берегу моря	396—397	Тронъ серебряный	821
Десятинная церковь въ Кіевѣ	413	Нѣманъ, его берега	791	Туркменъ-Домудъ (Аму-Дарьин. учен.	
Дизраилъ, Вѣвѣминъ	161	Норденшильдъ передъ языческимъ		экспедиція	129
Дикая кошки	521	алтаремъ	814	Тюрингенская дѣвушка	364
Ломовой. (изъ міра народн. поѣрій)	361	На берегу озера	473	Тарасъ Бульба въ Варшавѣ	377
Донская казачка	492	На яичную разлуку	697	Тропическая купальня	425
Дорогобужъ	500	Начальникъ Ам. Дар. округа, полков.		У бесѣдки	636
Другъ	85	Ивановъ и его свѣта	132	Угличъ, общій видъ	685
Еливанета, императрица Австрійская	589	Па чужбину	537	Ущелье Кастикъ, въ Семирѣч. облас.	244
Евсей (ночь на берегу)	781	Нижній базаръ въ Нижнемъ-Новгородѣ	157	Фонтанъ добродѣтели въ Нюрнбергѣ	217
Жнипа	713	Пичая подычка	93	Фильтрующий аппаратъ	303
«Задремалъ»	4	Ново-проектированная желѣз. дор. на		Фонари (волшебные)	769—71—72
Заячья охота	665	Безуій	284	Хищники и разбойники въ раститель-	
За серьезнымъ дѣломъ	798	Ночное на рѣкѣ Кичейлѣ	37	номъ царствѣ	233
Зимоничъ, Богданъ	803	Обитель духа	177	Холодно	825
Зала въ зданіи всемірной выставки		Островъ Филъ	409	Хорошенькій козликъ	137
въ Филадельфіи	701	Охота на Дону	436	Хорекъ	225
Замокъ въ Алушкѣ	301	Ожиданіе	451	Церковь Андрея Первозваннаго	380
Замокъ князей Литовскихъ въ Вильнѣ		Осадное положеніе	807	Царь Алексѣй Михайловичъ посѣщаетъ	
до 1797 г	557	Окрестности Кяхты	437	узниковъ на страстной недѣлѣ	133
Ивановъ Вознесенскъ	209	Оскаръ II король Швеціи и Норвегіи	449	Церковь лейбъ-гвардіи Измайл. полка	
Игрушки, живыя	833	Проснулся	5	во имя св. Троицы въ Петербургѣ	281
Измайлъ-бей	249	Пѣсня про царя Ивана Васильевича	9	Цетинья, глав. городъ Черногоріи	637
Изготовленіе дамасскихъ стволовъ	588	Петковичъ, Лука	824	Чистополь городъ	61
Изъ города	733	Первый урокъ	69	Часы съ боемъ	787
Императорскій дворецъ въ Царскомъ		Приборъ Марша	17	Чувствительная потеря	799
селѣ	341	Потерянный рай	277	Черногорка	693
Калабріянка	25	Пустыня	372—373	Чугуевъ, Харьковской губерніи	193
Ковшети	201	Прерванный сеансъ	429	Шахъ-абазъ-вали. Древнія развалины	
«Когда-бы онъ зналъ»	220	Псовая охота	433	крѣпости (Аму-Дар. уч. экс.)	420
Князь Серебряный	357	Переходъ артиллеріи	829	Шемранскія горы	573
Красавица	516—517	Передъ купаньемъ	645	Шлемъ Кучума	59
Кишиневъ	649	Патти Аделина	790	Шахъ королень	613
Квартира новая	345	Помпьянка за туалетомъ	811	Шпицбергенъ островъ	764
Карта пути Норденшильда	780	Паромъ (перевозъ)	293	Это я—твоя мама	617
Кубокъ, потѣшный	787	Пароходъ Бессемера	169	Эль-чако	777
Казанскіе татары	89	Пасха нѣ сельцѣ	237	Юмористическіе очерки	16, 31, 47,
Казнь слономъ въ Бародѣ	569	Патентонная карманная газовая		49, 65, 544, 624, 784.	
Калызинъ. (Тверской губерніи)	17	лампа	721	Языкъ пчелы	38
Капля воды и ея населеніе	333	Перная американская желѣз. дорога		Ярославль. Ильинская площадь	45
Карта театра войны въ Герцегов.		въ 1831 г	524		
Серб. Босніи и Черногоріи	604	Первыя непріятности	605		

№ 1 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 1-го января 1874 года ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Ижи́ва» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „ИЖИВА“ НА 1875 Г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ИЖИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „ИЖИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
Издатель „ИЖИВЫ“ **А. Ф. МАРКСЪ**.

Съ Новымъ годомъ! Композиція Пиллацаго, грав. Крыжановскій.

Съ новымъ годомъ!

Полночь бьетъ! Старикъ уходитъ —
И раздался въ этотъ мигъ
Громкій крикъ изъ колыбельки,
То — *малютки* первый крикъ.

Посмотрите, какъ онъ веселъ!
Знаетъ — ждали всѣ его,
Знаетъ онъ, что ожидаютъ
Благи разлвчныхъ отъ него:

Кто — утѣха въ добромъ дѣлѣ,
Кто — награды за труды,
Кто — подлиски, кто — здорovia,
Чудодѣйственной воды,

Тотъ — невѣсты, та — супруга,
Тѣ — доходныхъ, теплыхъ мѣстъ,
А другіе — только силы,
Чтобъ нести тяжелый крестъ...

Мальчуганъ сейчасъ воспрянетъ,
Встанетъ онъ на ножки самъ
И рости какъ будетъ быстро —
Не по днямъ, а по часамъ!

Черезъ мѣсяцъ — бородастый!..
А теперь лепечетъ онъ:
«Ля-ля-ля! Я — *пятыи, пятыи...*
Съ Новымъ годомъ! Всѣмъ поклонъ!» —

Блуждающіе огоньки

(АВТОБІОГРАФІЯ ПРАОТЦЕВА).

М. Лѣскова (Стебницкаго).

I.

Я думаю, что я долженъ непременно написать свою повѣсть, или лучше сказать — свою исповѣдь. (Такъ начинается эта автобіографія.) Мнѣ это кажется вовсе не потому, чтобы я паходилъ свою жизнь особенно интересно и назидательно. Совсѣмъ нѣтъ: исторіи подобныя моей по частямъ встрѣчаются во множествѣ современныхъ романовъ — и я можетъ быть въ значеніи интереса новизны не расскажу ничего такого новаго, чего-бы не зналъ или даже не видалъ читатель, но я буду рассказывать все это не такъ, какъ рассказывается въ романахъ — и это, мнѣ кажется, можетъ составить нѣкоторый интересъ и даже пожалуй новостъ и даже назиданіе.

Я не стану уѣкать однихъ и раздувать значеніе другихъ событій: меня къ этому не вынуждаетъ искусственная и неестественная форма романа, требующая закругленія фабулы и сосредоточенія всего главнаго центра. Въ жизни такъ не бываетъ. Жизнь человека идетъ какъ развивающаяся со скалки хартія, и я ее такъ просто и буду развивать лентою въ предлагаемыхъ мною запискахъ. Кромѣ того, здѣсь можетъ быть представить нѣкоторый интересъ, что эти записки писаны человекомъ, который не будетъ жить въ то время, когда его записки могутъ быть доступны для чтенія. Авторъ уже теперь стоитъ выше всѣхъ предразсудковъ или предвзятыхъ задачъ всякихъ партій и направленій и ни съ кѣмъ не хочетъ заигрывать; а это, надѣюсь, встрѣчается не часто. Я начну свою повѣсть съ дѣтства, съ самыхъ первыхъ своихъ воспоминаній: иначе нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательнаго изображенія характеровъ и духа человека начинаютъ свои романы съ дѣтства героевъ и героинь. Ребенокъ есть тотъ же человекъ въ миниатюрѣ, которая все увеличивается.

„Дитя — это отецъ будущаго человека“, говорятъ любящіе эффектъ французы, а здравый смыслъ нашихъ предковъ еще глубже и проще выразилъ это поговоркою: „каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.“

И такъ: прежде чѣмъ вы наступите на мою отшельническую могилу, не откажитесь подойти къ моей дѣтской колыбели, — иначе, я боюсь, вы какъ и другіе будете недоумѣвать: зачѣмъ я очутился въ скитѣ?

Поэтъ Бенедиктовъ, произведеніями котораго я вдохновлялся въ дни моей юности (я былъ юнъ тогда, когда еще юноши любили поэзію), однажды напугалъ меня. Вычитая у него, что „счастье наше“ не что иное какъ „перлъ опущенный на дно“ и что „кто лѣниво влагу тянетъ и боится что хмѣльна“, то „слабый смерт-

ный, не достанетъ онъ жемчужнаго зерна“ и илѣнился другимъ образомъ, образомъ человека, который „согрѣвъ въ душѣ отвагу, вдругъ изъ чаши до чиста гонитъ жизненную брагу въ распаленныя уста.“ Я съ дѣтства уже приспособился припасть — и безъ передышки, безъ удержа, выпить мою чашу, достать со дна ея заветный перлъ, и я ее выпилъ и — слышу надъ собою:

Вотъ счастливецъ! дотяну ся;
Чашу разомъ о земь хлопъ....
Браво, браво! оглянулся,
А за нимъ отверзтыи гробъ.

Да, это такъ: за мной отверзтыи гробъ — и въ виду его я обращаю къ моей колыбели и попробую разставить легкія вѣхи для обозначенія моихъ скитальничествъ между двумя крайними точками бытія.

Я былъ странный путникъ: бодрый, но неудержимо стремящійся впередъ, я безпрестанно терялъ тропу, путался, и когда я хотѣлъ поправиться, то выходило что я не зналъ куда повернуть и еще хуже запутывался. Единственный поворотъ, сдѣлавъ который я немножко ориентировался, это — тропа въ скитъ. Только уѣздившись здѣсь, въ этой старой вышкѣ, гдѣ догораетъ моя лампада, послѣ думъ во тьмѣ одинокихъ ночей, я приучилъ себя глядѣть на все мое прошлое какъ на тѣ блудящіе огоньки, мерцающіе порою надъ кладбищемъ и болотомъ, которые видны изъ моей кельи. Поздно вижу я, что искалъ свѣта и тепла тамъ, гдѣ только былъ одинъ заводящій въ трясину блескъ, и что вмѣсто полной чаши, которую я хотѣлъ выпить, я „вкушая“ вкусилъ мало меду и се азъ умираю.“

Но начнемъ аб ово, если не съ самой колыбели, то хоть съ той поры, какъ я себя помню. Это тоже въ моемъ родѣ моментъ довольно оригинальный и вѣроятно не совсѣмъ такой, какой сберегся у каждаго для перваго воспоминанія.

Я въ первый разъ созналъ свою индивидуальность съ довольно возвышенной точки: я держался обѣими руками за нижнюю планку рамы и висѣлъ надъ тротуаромъ за окномъ пятого этажа.

Случай этотъ былъ нѣкогда предметомъ большихъ толковъ одного густонаселеннаго польскаго города, гдѣ тогда стоялъ кавалерійскій полкъ, которымъ командовалъ мой отецъ; руки мои ослабѣли и готовы были выпустить раму, вдругъ меня за нихъ кто-то схватилъ и вытянулъ въ комнату.

Для моихъ родныхъ и домашнихъ навсегда осталось тайною: какъ я очутился за окномъ. Прислуга, сморгнѣвшею которой я былъ поручень, увѣрила, что меня смануль и вытянулъ за окно бѣсъ; отецъ мой увѣрялъ, что виною всему мое фантазерство и распушенность, за ко-

торыя моя мать терпѣла вѣщныя гоненія: а мать... она ничего не говорила и только плакала надо мною и шептала:

— Что такое дѣлается въ твоёмъ маленькомъ сердечикѣ и въ твоей голошкѣ?

По все это уже было разумѣется послѣ, а я буду послѣдователемъ въ этомъ разсказѣ.

И вылезъ за окно и повисъ на подоконникѣ, когда родителей моихъ не было дома—и оттого доставленный мною имъ сюрпризъ имѣлъ сугубый эффектъ: позираясь домой въ открытой коляскѣ, они при поворотѣ въ свою улицу увидали массу народа, съ ужасомъ глядящую на домъ, въ которомъ мы жили,—и взглянувъ сами по направлению, куда смотрѣли другіе, увидали меня писцаго на пыготѣ восьми сажень и готового ежеминутно оборваться и упасть на тротуарныя плиты.

Съ матушкой сдѣлался тяжкій и глубокій обморокъ, изъ котораго ее едва могли вывести, межъ тѣмъ какъ отецъ въ это время успѣлъ избѣжать навстрѣчу въ свою квартиру и схватить меня за руки спасти отъ неминуемаго паденія.

И лучше и яснѣе всего въ жизни помню вечеръ этого дня: я лежалъ въ дѣтской, въ своей крошаткѣ, задремнутой голубымъ ситцевымъ пологомъ. Послѣ своихъ эквилибристическихъ упражненій я уже соснулъ крѣпкимъ сномъ—и проснувшись слышалъ, какъ въ столовой, смежной съ моею дѣтскою комнатою, отецъ мой и нѣсколько гостей вели касающуюся меня оживленную бесѣду, межъ тѣмъ какъ сквозь ткань полога мнѣ былъ слышенъ силуэтъ матери, попякшей головой у моей крошатки.

— Этотъ мальчишка—какое-то замѣчательное явленіе въ природѣ, говорилъ мой отецъ, и при этомъ высказала опасеніе, что изъ меня современемъ испремѣнно выйдетъ какой-нибудь совершенно неспособный къ жизни фантазеръ.—Всмотритесь вы въ его глаза, продолжалъ отецъ,—онъ все какъ будто что-то ловить взоромъ и къ чему-то стремится... И не забудьте, что этотъ изгладъ у него таковъ съ самой минуты его рожденія. И помню, когда меня привели къ пеленальному столу, на которомъ его управляла бабка,—онъ не плакалъ а превнимательно разсматривалъ ея лицо—и потомъ перевелъ глаза еще выше, началъ еще внимательнѣе разглядывать пестрый трафаретъ компатнаго карниза. И тогда же сказалъ: „Э, да это кажется въ свѣтъ пришелъ новый верхолецъ, которыхъ и безъ него довольно.“

— Однако вы могли въ этомъ ошибиться, отвѣчалъ ему одинъ изъ гостей и другъ нашего дома.

— Да, отиѣчалъ отецъ,—но у меня вѣрный глазъ и я не ошибся. Моя жена,—даромъ, что она лютеранка,—она вѣритъ въ русскаго Бога и привѣщаетъ разныхъ монаховъ и странниковъ, которыхъ я, между нами сказать, терпѣть не могу; но представьте вы себѣ, что одинъ изъ такихъ господъ, какой-то Паппишъ, до сихъ поръ иногда пишушій намъ непостижимыя письма, смыслъ которыхъ становится яснѣе послѣ какого нибудь непредвидѣннаго событія, недѣли три тому назадъ прислалъ намъ письмо, въ которомъ между всякимъ вздоромъ было сказано: „а плодъ Богу предназначенный Онъ ангеломъ заповѣсть сохранить во всѣхъ путяхъ и на рукахъ его возмунуть и не разбѣется.“ Поищите, я далеку отъ суевѣрій, и самъ недавно прочиталъ одного ксепдза, который показывалъ фальшивое чудо,—но я увѣренъ, что моему мальчишкѣ, когда онъ остался одинъ, здѣсь въ комнатѣ непремѣнно что нибудь померещилось—и онъ потянулся за этимъ видѣніемъ и очутился за окномъ.

Услыхавъ этотъ разговоръ, я началъ припоминать какъ это было—и дѣйствительно вспомнилъ, что передо мною неслось что-то легкое, тонкое и прекрасное: оно ткнуло меня за собою, или мнѣ только казалось, что

оно меня тянетъ, но я бросился къ нему и... очутился въ описанномъ положеніи между небомъ и землею, откуда и пачинается рядъ моихъ воспоминаній.

II.

Отцу вѣроятно очень не нравились и мой характеръ и моя наружность, но крайней мѣрѣ я припыкъ такъ умозаключать, судя по немногимъ моимъ столкновеніямъ съ виновникомъ моего бытія. Если батюшкѣ приходилось видѣть меня, когда онъ былъ въ духѣ, онъ обыкновенно бралъ меня за ухо и говорилъ:

— Учись-братецъ всему полезному, а то, если будешь бесполезенъ, я тебя въ уланы отдамъ.

И этого ужасно боялся и ревностно учился всему чему меня учили.

Если батюшка былъ не въ духѣ,—что съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни случалось довольно часто,—то тогда онъ просто былъ страшенъ: онъ краснѣлъ въ лицѣ, металъ ужасные взгляды, топталъ ногами и ржалъ все, что ему попадалось подъ руку. Когда поднималась такая буря, всѣ въ домѣ проникались трепетомъ и старались какъ птицы передъ грозой спрятаться куда попало, пока эта буря пронесется. Съ отцомъ на это время оставались матушка и старшій писокій денщикъ. И не знаю какъ они ладили съ безмѣрно раздражительностію и вспыльчивостію моего отца, но помню, что при всей моей тогдашней младенческой малосмысленности я постигалъ ихъ величіе—и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ въ исполненныя небесной кротости глаза моей прекрасной матери и въ маленькое сморщенное лицо денщика, худенькаго солдата Окулова.

И не знаю какъ мать и Окуловъ управлялись со вспыльчивостію моего отца, но только онъ имъ повиновался и успокаивался.

Но наконецъ выдался случай, который и ихъ вліяніе сдѣлалъ бесполезнымъ; это было такимъ образомъ: отецъ мой получилъ полкъ, въ которомъ прежде служилъ и съ которымъ былъ во множествѣ сраженій. Полкъ этотъ тогда только-что позвратился изъ похода и находился въ сильномъ безпорядкѣ: люди были дурно одѣты, лошади искалечены; а между тѣмъ ему черезъ мѣсяцъ назначенъ былъ смотръ, отъ такого лица, отъ котораго всецѣло зависѣла вся отцова карьера. Матушку это ужасно встревожило. По обычаю полковыхъ дамъ тогдашняго времени, она достаточно понимала требованія и условія военной службы и знала характеръ лица, которому отецъ мой долженъ былъ явиться на смотръ свой разстроенный полкъ. Это былъ человекъ не злой и даже пожалуй по своему добрый, но къ сожалѣнію чрезвычайно схожій по характеру съ отцомъ моимъ: онъ былъ горячъ, вспыльчивъ и потому весьма часто несправедливъ. Матушка ждала большихъ непріятностей отъ встрѣчи этихъ двухъ характеровъ въ лицѣ подчиненнаго и начальника. Плохой, богадѣльный видъ полка долженъ былъ произвести самое дурное впечатлѣніе, а никакихъ надеждъ нельзя было возлагать на то, что осматривающее лицо войдетъ въ разборъ причинъ поставившихъ полкъ въ такое положеніе. Отцу оставалось: или отказаться отъ полка, или же обмундировать и ремонтировать его на свой счетъ. Считаю первое знакомъ недостойной трусости, отецъ рѣшился на второе; но это требовало большихъ денегъ, которыхъ у моего отца не было и которыхъ онъ ни у кого не могъ занять въ страпѣ, гдѣ къ намъ относились враждебно. Тогда мать, всегда бывшая утѣшителемъ ангеломъ всѣхъ скорбящихъ и сѣгующихъ, поѣхала со мною въ Лифляндію къ бабушкѣ, вдовѣ барона, нѣкогда слу-

Задремаль. Сцена изъ хивинскаго похода. Рис. Н. Карзинъ, грав. Ольшевскій.

Проснулся. Сцена изъ хивинскаго похода. Рис. Н. Каразинъ, грав. Напфръ.

жившаго въ русской службѣ,—откуда мы и возвратились съ значительною суммою, которой было достаточно на то, чтобы привести нашъ полкъ въ сколько нибудь приличный видъ. Деньги эти были выручены залогомъ довольно богатаго имѣнія, составлявшаго собственность моей бабушки, матери и ея сестеръ. Слѣдующій залогъ былъ сдѣланъ на самыхъ невыгодныхъ и тяжкихъ условіяхъ, но тягость эта значительно уменьшалась несомнѣнною надеждою скорой и легкой расплаты. Полкъ тогда давалъ командиру хорошія средства, которыми гнущаться было не въ духѣ времени, а къ тому же вскорѣ послѣ смотра предстояло получение ремонтныхъ денегъ, которыя могли съ изыскомъ погасить всю сумму займа. Однимъ словомъ, во всемъ этомъ не предвидѣлось ни малѣйшаго затрудненія—и отецъ мой принялся за дѣло съ свойственною ему неумолимою энергіею. Въ полковыхъ швалыняхъ и мастерскихъ кипѣла горячая и безустанная работа, въ которой кромѣ своихъ людей участвовали наемные мастера, какихъ только гдѣ нибудь могли отыскать въ окрестной чертѣ. Подручные люди отца оказывали ему самую ревностную помощь: одни закупали коней, другіе занимались ихъ выѣзкою и обученіемъ, третьи пригонкою вещей и амуниціи и т. п. Времени до смотра оставалось очень не много, и потому многое дѣлалось наспѣхъ, неаккуратно; на одно затрачивалось болѣе чѣмъ слѣдовало, другое дѣлалось кое-какъ. Будучи самъ человекомъ очень честнымъ, отецъ мой страдалъ изысканною довѣрчивостью и терпѣть не могъ никакой подозрительности; это благородное свойство его души послужило ему немножко во вредъ: занятыхъ суммъ недостало, и матушка папшлась вынужденною занять еще нѣсколько тысячъ подъ вексель на покупку инструментовъ для полковой музыки. Но за то теперь уже все было произведено на славу и притомъ успѣло въ срокъ къ своему времени. Я помню, какъ, передъ самымъ смотровымъ днемъ, музыканты принесли къ намъ на дворъ старыя, измятые и изломанные инструменты и вмѣсто нихъ взяли изъ высокой каменной кладовой блестящія новыя трубы, на которыхъ тутъ же и съиграли передъ окнами матери „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ.“

Въ прелестныхъ глазахъ матери сіяла безпредѣльная радость и благодарность Небу, которое помогло ей все это устроить для спокойствія мужа. Она заплакала—и выславъ музыкантамъ вина и ассигнацію, бросилась на колѣни, и прижавъ меня къ своей груди, стала молиться...

Въ эту минуту въ ея комнату вошелъ мой отецъ: онъ былъ очень доволенъ но озабоченъ и повидимому хотѣлъ тотчасъ же выйти назадъ,—но увидавъ молящуюся мать, самъ сталъ на колѣни, положилъ молча земной поклонъ—и восклоняся обнявъ матушку и меня, и поцѣловавъ насъ обоихъ сказалъ:

— Каролина! ты самый лучшій ангелъ во всей вселенной, а на землѣ тебѣ нѣтъ подобной женщины.

— Не говори этого, Павелъ, отвѣчала матушка,—это лесть или заблужденіе, но... добавила она съ такими особенными слезами, какихъ я никогда прежде не видывалъ,—но объ одномъ тебя прошу: какъ бы ты ни увлекался всѣмъ тѣмъ что тебѣ покажется прекраснымъ, не отнимай ни одной капли твоей любви отъ сына.

Съ этимъ матушка пододвинула меня рукою къ отцу, а сама сѣла въ кресла и закрыла глаза своими нѣжными бѣлыми руками.

Отецъ мой показался мнѣ очень смущеннымъ: онъ какъ будто застыдился чего-то по поводу приведенныхъ мною краткихъ словъ матери—и небрежно обнявъ меня, поцѣловалъ въ голову и проговорилъ:

— Да, да; я, братъ Меркулъ, тебя очень люблю, но только ты не будь фантазеръ и учись всему полезному, а то я тебя въ гусары отдамъ.

Эта небольшая семейная сцена имѣла важное вліяніе въ моемъ развитіи, какъ потому, что я изъ нея смугно уразумѣлъ тщательно скрываемую отъ меня драму моихъ родителей, такъ и потому, что это единственная и послѣдняя сцена въ которой я видѣлъ моихъ родителей въ такихъ задушевныхъ отношеніяхъ.

Я во всю жизнь мою не переставалъ грустить о томъ, что дѣтство мое не было обставлено иначе,—и думаю, что безудержная погоня за семейнымъ счастьемъ, которой я впоследствии часто предавался съ такимъ безразсуднымъ азартомъ, имѣла первою своею причиною сожалѣніе о томъ, что мать моя не была счастлива,—что въ семьѣ моей не было того, что зовутъ „совѣтъ и любовь“. Я зналъ, что слово «увлеченіе» есть имя какого-то нашего врага.

Увлеченія! Боже мой, какъ печальны ваши слѣдствія и какъ поздно человекъ начинаетъ понимать, что поддаваясь вамъ безъ удержа—онъ оскорбляетъ не ту узкую мораль, которая въ разныя времена послушна разнымъ велѣніямъ, а рушить вѣковѣчный заветъ, въ разладѣ съ которымъ нѣтъ мѣста для счастья! Но объ этомъ рѣчь впереди: я могу себя утѣшить, что, занимаясь исторіею моей жизни, я еще не разъ встрѣчу удобный случай обратиться къ этимъ мыслямъ,—а теперь буду непрерывно продолжать мое повѣствованіе, дошедшее до событія, которое я долженъ назвать первою моею катастрофою.

III.

Я не имѣлъ болѣе ни времени, ни случая наблюдать отношенія моихъ родителей, потому что отецъ мой скоропостижно умеръ на другой день послѣ описанной мною сцены. Съ этого и началась та катастрофа, о которой я сказалъ въ концѣ предыдущей главы.

На первый разъ самое ужасное въ этомъ несчастіи была его неожиданность. Люди, которые всякій случай находятъ безразлично удобнымъ для остроты и насмѣшекъ, говорили, что «полковникъ Праотцевъ зарѣзалъ на славу живой ниткой», но этотъ скверный каламбуръ имѣлъ очень точный смыслъ.

Дѣло было такъ: полкъ отца вышелъ къ смотру въ такомъ блестящемъ состояніи, что осматривающему его лицу не оставалось ничего кромѣ какъ хвалить и благодарить. Все шло какъ нельзя лучше, но вдругъ... О ужасъ! вдругъ высокая особа замѣтила, что на мундирѣ одного изъ солдатъ ослабѣла пуговица. Были ли тому виною поспѣшность работы, или прѣлая нитка, но только когда особа съ безмѣрною радостью сдѣланнаго открытія дернула эту пуговицу, то злополучная оловяшка сію же минуту отвалилась. Особа вскинула и пошла дергать все ниже и ниже, шибче и шибче.... За одною пуговицею послѣдовала другая, третья: особа ихъ рвала, рвала съ солдатъ и наконецъ въ неистовѣйшемъ бѣшенствѣ бросилась на самого моего отца съ крикомъ:

— Можетъ быть у васъ и у самихъ все на живую нитку? при чемъ особа схватила отца за пуговицу; но отецъ быстро далъ шпоры коню—и отскочивъ въ сторону, весь побагровѣвъ, отвѣтилъ:

— Не троньте меня, ваше-ство: я щекотливъ.

Особа повернула лошадь назадъ и понеслась крича по рядамъ:

— Скверно, мерзко!

Мать все это видѣла и слышала стоя у открытаго окна въ залѣ, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ для офицеровъ полка и для самой особы. Теперь этотъ столъ былъ какъ насмѣшка надъ папшею семейной бѣдой. Но это еще была не велика бѣда въ сравненіи съ тѣмъ, что ждало насъ впереди. Бѣды

ревнивы и дружны—и не идутъ въ одиночку, а бродятъ толпами. Прежде чѣмъ матушка могла сообразить и обдумать какъ встрѣтить отца, который долженъ былъ возвратиться въ гнѣвъ,—двери залы растворились и въ нихъ появился мой отецъ, поддерживаемый двумя деньщиками. Онъ молча указалъ глазами на кресло—и когда его посадили, сорвалъ съ себя галстухъ и прохрипѣлъ:

— Попа!

Матушка кинулась къ нему, а онъ схватилъ ея руку, прижалъ ее къ лицу—и тотчасъ же умеръ подъ шопотъ отходной, которую началъ читать надъ нимъ прибѣжавшій священникъ.

Такъ умеръ мой храбрый и честный, изрубленный въ бояхъ отецъ, котораго я мало зналъ и черты котораго въ настоящее время едва могу воскресить въ моей памяти. Едва помню его бравую военную фигуру, коротко стриженную голову, усы и бакенбарды съ сѣдыми концами, горячій рубенсовскій цвѣтъ лица и синіе глаза: вотъ и все.

Совсѣмъ не то съ лицомъ матери. Мнѣ даже становится совѣстно, что я не умѣлъ поровну раздѣлить моихъ привязанностей между моими родителями,—но это уже такъ сложилось. Я беззавѣтно предалъ всю мою душу моей матери, небесный образъ которой безвыходно живетъ въ моей душѣ. Два раза въ жизни, когда я терялъ его, я былъ на краю пропасти и... тутъ снова являлся мнѣ онъ, этотъ священный ликъ съ свѣтлыми кудрями Скиавонэ и съ глубокими очами познавшаго свѣтъ, провидца. Матушка была-бы красавица, если бы она не была ангеломъ.

Приходя себѣ на память впечатлѣніе какое производила моя мать на людей, которые ее видѣли въ первый разъ, я всегда припоминаю мнѣніе Сократа, что „познаніе есть только воспоминаніе того, что мы нѣкогда знали“. Впервые встрѣчая мою мать, всякій чувствовалъ, что онъ ее будто когда-то уже встрѣчалъ, и при томъ встрѣчалъ въ необыкновенную для себя минуту; каждому казалось, что она ему или уже когда-то сдѣлала, или еще сдѣлаетъ что-то доброе и хорошее. Однимъ словомъ, это было доброе, чудное лицо, о которомъ я не буду говорить болѣе—какъ потому, что рискую никогда не кончить съ этимъ описаніемъ, такъ и потому, что вижу теперь передъ собою этотъ священный для меня ликъ, съ застѣнчивой скромностью запрещающей мнѣ слагать ему мои ничтожныя хвалы.

Послѣ смерти отца, мы съ матушкой остались не только нищими, но на насъ лежала вина разоренія моей престарѣлой бабки и тетокъ, имѣніе которыхъ, заложенное для моего отца, было продано съ молотка. Бѣды повисли надъ нами тучей: старуха бабка не вы-

несла своего горя—и когда ее стали выводить изъ ея родового баронскаго дома, она умерла на порогѣ. Мы этого не видали: мы съ матерью тогда еще оставались въ томъ самомъ городкѣ, гдѣ скончался мой отецъ, и откуда мою мать теперь не выпускали за ея долгъ по векселю, за деньги, взятые ею на покупку новыхъ инструментовъ для полковаго оркестра. Платить намъ было не изъ чего, такъ какъ все наше имущество заключалось въ небольшихъ походныхъ пожиткахъ, да тѣхъ старыхъ трубахъ, которыя были свалены въ амбарѣ вмѣстѣ съ новыми. Кредиторы должны были убѣдиться въ несостоятельности матушки и разсрочить ей долгъ на мелкіе платежи, какіе она надѣялась производить изъ имѣвшагося въ виду пенсіона за отцову службу.

Я впрочемъ не помню какъ шли всѣ эти переговоры и сдѣлки, потому что едва-ли не первымъ дѣломъ моей матери, послѣ того какъ она овдовѣла, было отвезти меня въ Петербургъ, гдѣ при содѣйствіи нѣкоторыхъ доброжелателей удалось пріютить меня въ существовавшее тогда отдѣленіе малолѣтнихъ, откуда дѣтей по достиженіи ими извѣстнаго возраста переводили въ кадетскіе корпуса. Зачисленіе въ кадеты въ тѣ времена считалось вожделѣннѣйшимъ устройствомъ судьбы мальчика—и матушка стало быть могла не безпокоиться, что ужъ я непременно выйду въ люди. Пребываніе мое въ отдѣленіи малолѣтнихъ и потомъ въ одномъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ преисполнено для меня самыхъ разнообразныхъ воспоминаній, между которыми грустныхъ конечно болѣе чѣмъ веселыхъ, но я не стану заносить ихъ съ свои записки. Мнѣ противно положить своею рукою лишній камень въ прибавку ко всей тягости, въ такомъ изобиліи набросанной на эти школы. Да и къ чему бы это послужило? Масса описаній темныхъ сторонъ нашей школьной жизни такъ велика, что я не вижу нужды увеличивать ее своими разсказами, тѣмъ болѣе что я не могу сказать ничего новаго и... долженъ сознаться, что я все таки чувствую благодарность къ этому заведенію, которое призрѣло и воспитало меня такъ, какъ оно могло и умѣло. Оставленный самому себѣ, на руки безпомощной матери моей, я бы конечно былъ еще несчастливѣе—и потому миръ тебѣ, мой дѣтскій пріютъ, видѣвшій мои дѣтскія слезы!

Изъ всей школьной жизни уомяну только объ одномъ событіи, вслѣдствіи котораго я неожиданно разстался съ стѣнами заведенія и вылетѣлъ въ жизнь ранѣе положеннаго срока и не въ томъ направленіи, къ которому специально готовился.

(Продолженіе будетъ.)

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ХИВИНСКАГО ПОХОДА.

Продолжительная, почти непрерывная война, которую мы ведемъ въ Средней Азіи,—богата разными кровавыми эпизодами, крупными и мелкими, такъ и просянувшими подъ перо и карандашъ художника. Наши рисунки—эпизоды изъ этой военной драмы—выхвачены прямо изъ тревожной, полной опасностей и лишений военной жизни русскаго солдата, оторваннаго силою обстоятельствъ отъ родины, отъ всего, что было близко его простому сердцу и заброшеннаго въ страну ему чуждую, непривѣтливую, встрѣтившую его не съ поклономъ а съ коварнымъ ножомъ, съ предательскою петлею,—съ разными бѣдами и лихами, со всѣмъ тѣмъ—съ чѣмъ умѣетъ бороться нашъ солдатъ, а если и не умѣетъ сначала то скоро научивается—благодаря своей смѣливости и находчивости, или-же горькому опыту.

Не всегда опасность грозитъ въ открытомъ бою, чаще она таится гдѣ нибудь по близости во время относительной тишины, въ минуту спокойствія и отдыха.

Дремлетъ усталый часовой... Конечно, ему дремать на своемъ посту не слѣдуетъ, но противъ природы ничего не подѣлаешь... Отломавъ сороковерстный переходъ, проложилъ онъ себѣ и своимъ

обозамъ дорогу, тамъ гдѣ ея не было и признака; нельзя упрекнуть солдата, если невольно сомкнулся на минуту измученные глаза и приклонить опъ на стволъ своего ружья свою озябшую голову... И вотъ, онершись на штуцеръ, на краю обрыва, у изломанной глиняной стѣнки задремалъ одинокій часовой—и грезится ему далекія милыя сцены; грезится ему широкая улица роднаго села, грезится ярко-затопленная печь, грезится ему поле колосистое, лугъ поросшій цвѣтами, свистъ косы въ богатырскомъ размахѣ косаря... Грезится ему, быть можетъ, дорогія черты лица молодой жены, а можетъ и дѣвочки-невѣсты... Предразсвѣтныи вѣтеръ чуть прохватываетъ его сквозь полотно его рубахи, и шевелитъ концы его назатыльника, усиливая, еще того нуще, неотвязную, непобѣдимую дремоту.

А врагъ близко... всего въ нѣсколькихъ шагахъ; вонъ онъ словно змѣя притаился въ бурьянъ, между камнями, и его совсѣмъ не видно: онъ умѣетъ притансы... Онъ словно приросъ къ землѣ, и только по временамъ приподнимаетъ свою голову, поглядывая своими зоркими воровскими глазами впередъ, все въ одну и ту же сторону... Бѣлая точка, которая его манила издали, начинаетъ при-

нимать определенныя формы по мѣрѣ приближенія къ ней: вотъ уже видны складки русской рубахи, вотъ уже чернѣет ремень—патронной сумки, виднѣ узелъ тесмы, на которой виситъ черезъ плечо—плотно набитый походный мѣшокъ-ранецъ, сверкнулъ блескъ на концѣ стального штыка... «Задремаль», замѣчаетъ подкрадывающийся—и на его изрытомъ оспою, изборозженномъ старыми шрамами, воровскомъ лицѣ змѣнится довольная улыбка...

Проползъ еще, приналъ, прислушался еще, подползъ уже близко, шаговъ пять-шесть осталось... кусочекъ глины оборвался и съ легкимъ шумомъ скользнулъ внизъ—холодный потъ проступилъ подъ рваными, красными отрепьями халата... Приподнявъ голову часовой, оглянулся, посмотрѣлъ своими припухшими утомленными глазами... Ничего не видно подозрительнаго, все тихо кругомъ—и снова склонилась на руки его голова, снова заронились въ его мозгу отрадные грезы.

А высоко-высоко, на посвѣтлѣвшемъ небѣ, чуть виднѣется черная точка; эта точка спускается все ниже и ниже... Разсѣкая утренній воздухъ широкимъ размахомъ сильнаго крыла, степной орелъ завидѣлъ уже внизу готовящуюся катастрофу и чувствуетъ скорую добычу... Не знаетъ только, что ему придется рвать своими когтями и клювомъ—красное ли тряпье, или бѣлую рубаху... Вѣрно послѣднюю...

Такъ бы и было, еслибъ у ногъ часоваго, свернувшись клубомъ, не спалъ вѣрный Кудлашка...

То, чего не могъ слышать спящій человекъ, то не миновало чуткаго уха сторожеваго пса... И въ самую критическую минуту, чуть не при взмахѣ криваго ножа, съ свирѣпымъ лаемъ сорвался съ мѣста пестъ, перескочилъ ограду и вцѣпился зубами въ красное тряпье, не замѣчая, не обращая вниманія на удары по немъ,—и оба, и звѣрь и человекъ, покатались внизъ, поднимая пыль, сталкивая съ мѣста камни, окрашивая бурьянъ и колючку свѣжею кровью.

Проснулся часовой—и понялъ, въ чемъ дѣло; прицѣлился и ждетъ удобнаго мгновенія для выстрѣла.

Но не всегда случается такъ, Кудлашка могъ побѣжать на рогатую кухню за костью—и тогда дѣло разыгралось-бы совсѣмъ другимъ образомъ...

Въ то время, когда мы находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ Бухарскимъ ханствомъ, не одна русская голова вынималась изъ переметной сумки пріѣхавшаго въ Бухару джигита-багыри. И щедрый въ подобныхъ случаяхъ—повелитель Бухары въ видахъ поощренія платилъ за кровавый трофей золотое тилля (монета около четырехъ нашихъ рублей), новый красный халатъ и своею благосклонностью.

И охотники до этихъ наградъ снова отірапливались на охоту за «Акъ-Кульмакъ» (бѣлыми рубахами), пробираясь къ нашимъ передовымъ линіямъ.

Н. К.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ

«Пѣсня про царя Івана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова» Лермонтова.

Едва ли найдется въ русской литературѣ болѣе художественное, болѣе вѣрное народному духу изображеніе тяжкихъ временъ *опричнины*, чѣмъ вышеприведенная пѣсня нашего поэта,—не смотря на то, что основательное изученіе русской народности только-что начиналось въ его время и вообще въ такъ-называемый Пушкинскій періодъ. Въ этой пѣснѣ-поэмѣ Лермонтовъ вполнѣ отрывается отъ моднаго и напускнаго байроническаго строя мыслей и вдохновенія—и съ мастерствомъ самобытнаго великаго таланта иступаетъ на мало-вѣдомую, почти дѣственную почву народнаго творчества, запечатлѣвая мощнымъ стихомъ на пѣсколькихъ страничкахъ цѣлую историческую эпоху.

Опричнина, учрежденная Грознымъ, какъ извѣстно, вызвана была государственной необходимостью. Крамола бояръ, которые почти самовластно правили Россіей въ дѣтствѣ Іоанна IV, достигли крайней степени развитія. Увлеченный взаимною рознью, счедами и подкочками другъ подъ друга, бояре совершенно забывали объ отечествѣ и не только не блюли его интересовъ, но не рѣдко, будучи побуждаемы счастливыми соперниками, прямо измѣняли родинѣ, отбѣгая въ Литву и проч.

Молодой государь, одаренный великимъ государственнымъ смысломъ, видѣлъ, что люди, поставленные историческимъ ходомъ дѣлъ въ головѣ *земщины*, только губятъ *землю*. Надо было создать новыхъ дѣятелей, которые стояли бы *въ сторонѣ* отъ старыхъ порядковъ, не имѣли бы ни какихъ родовыхъ счетовъ съ прошлымъ, были бы *опричь* бояръ и земли, *кромя* ихъ. И вотъ являются *опричники* или *кромшники*, не имѣющие ничего общаго съ *земщиной* и группирующіеся тѣснымъ кружкомъ вокругъ одной личности царя. Они несутъ въ числѣ прочихъ атрибутовъ своего призванія *песью голову* (знакъ *грозности*) и *метлау* (знакъ очищенія государства отъ стараго сора). Съ помощью этой страшной свиты, Грозный вступаетъ въ борьбу съ крамолой бояръ и казнить ихъ безъ милости ради блага родины. Таковъ смыслъ дѣяній, представляемыхъ въ исторіи историками какъ-бы слѣдствіемъ кровожадности самого правителя Россіи. То же самое стремленіе къ усиленію монархической власти насчетъ земской (феодалной) аристократіи видимъ мы и въ западной Европѣ около этого времени. Въ могущественнѣйшемъ католическомъ государствѣ, Испаніи, обладавшей въ то время полесвітомъ, послѣ Карла V выдвигаются суровый образъ Филиппа II и мрачная фигура герцога Альбы; на папскомъ престолѣ сидитъ Сикстъ V, въ бытность кардиналомъ прикидывавшійся хилымъ, хворымъ, согбеннымъ старикомъ, а надѣвъ тиару заговорившій такимъ голосомъ, что привелъ всѣхъ въ трепетъ; въ Англіи Елисавета почти самовластно распоряжается парламентомъ; во Франціи предчувствуется Ришелье.

Но таковъ неумолимый законъ исторіи: какъ только въ государствѣ образуется привилегированное сословіе, располагающее властью и силой, оно съ теченіемъ времени начинаетъ злоупотреблять ими (преторіанцы и областные легіоны въ древнемъ Римѣ, турецкая стража и мамелюки въ Халифатѣ, янычары въ Турціи и т. д.). Не избѣгла этого и русская опричнина. Кромшники, чувствуя свою силу, презрительно относились не къ однимъ боярамъ но и ко всей *земщинѣ*. Вотъ одинъ изъ такихъ-то эпизодовъ и рисуетъ Лермонтовъ въ своей пѣснѣ:

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато-серебро пересчитываетъ....
Отзвонили вечерню въ святыхъ церквахъ,
За кремлемъ горитъ заря туманная,
Пабѣгаютъ тучки на небо,—
Гонитъ ихъ метелица расцѣваючи;
Оустѣль широкий гостинный дворъ.
Запраетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со дружиною;
Злаго пса-ворчуха зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ,
И пошелъ онъ домой призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молодая жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью.
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣвна,
«А куда дѣвалась, затаилась
«Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
«А что дѣтки мои любезныя,
«Чай забѣгались, заигрались,
«Спозаранку спать уложились?
— Господи ты мой, Степанъ Парамоновичъ?
Я скажу тебѣ диво-дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна...
Вотъ ужъ нонѣ пришелъ съ молодой попадѣй,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,—
А по сию пору твоя хозяйшка
Изъ приходской церкви не вернулась.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда душой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ,
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу,
А на улицѣ ночь темнѣющая,
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаешь слѣдъ человѣчскій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверь хлопнула.
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,

Литературный альбомъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца
Калашникова. Соч. Лермонтова. Рис. П. Коверзневъ, грав. Барановскій.

Косы русыя расплетены
Спѣтомъ-песемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя какъ безумныя;
Уста шепчуть рѣчи непонятныя.

«Ужь ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
«Пѣ какомъ дворѣ, на площади,
«Что растрепаны твои волосы,
«Что одежда вся твоя изорвана?
«Ужь гуляла ты, пировала ты,
«Чай съ сынами все боярскими?...
«Не на то передъ святыми иконами
«Мы съ тобой, жена, обручались,
«Золотыми кольцами мѣнялись!..
«Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
«За дубовую дверь скованую,
«Чтобы свѣту божьего ты не видѣла,
«Мое имя честное не порочила...»

П услышавъ то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голушка,
Затрилась какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:

«Государь ты мой, красно солнышко,
«Нѣ убей меня, или выслушай!
«Твои рѣчи—будто острый ножъ,
«Отъ нихъ сердце разрывается.
«Не боюсь я смерти лютой,
«Не боюсь я людской молвы,
«А боюсь твоей немилости...»

«Отъ вечерни я домой шла ночью
«Вдоль по улицѣ одинѣшенька.
«П послышалось мнѣ, будто свѣтъ хрустѣть;
«Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
«Мои поженки подкосились,
«Шелковой фатой я закрылася.
«П онъ сильно схватилъ меня за руки,
«П сказалъ мнѣ такъ тихимъ шепотомъ:
«—Что пужаешься, красная красавица.
Я не поръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя Грознаго,
Прозываюсь Кирибѣвичемъ,
А изъ сластои семьи изъ Малютинной...»

«Ненугалась я пуще прежняго;
«Закружилась моя бѣдная головушка.
«П онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
«П цалуя все приговаривалъ:

—Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, али цѣстной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюбви меня, обойми меня
Хоть единый разъ на прощаніе.

«П ласкалъ онъ меня, цаловалъ онъ меня,
«П щекахъ моихъ и теперь горятъ,
«Живымъ пламенемъ разлипаются
«Поцалуп его окаянные..
«А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
«Смѣются на насъ пальцемъ показывали...»

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
«П домой стремглавъ бѣжать бросилася,
«П остались въ рукахъ у разбойника
«Мой узорный платокъ—твой подарочекъ
«П фата моя бухарская.
«Опозорилъ онъ, оскрамилъ меня,
«Меня, честную, испорченную.

П что скажутъ злые сосѣдушки?
«П кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
«Злымъ охульникамъ на поруганіе!
«На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
«У кого просить стану помощи?

Говорила такъ Алена Дмитревна,
Горючими слезами залилася...

Какъ вступился удалой купецъ за поруганную честь молодой жены, какъ онъ вызвалъ своего оскорбителя, молодого опричника Кирибѣвича, на кулачномъ бою предъ лицомъ самого Грознаго царя и что за тѣмъ послѣдовало—все это слишкомъ извѣстно и слишкомъ художественно изложено въ иѣспѣ, для того чтобы передавать содержаніе ся своими словами. А перечитывать высокія поэтическія созданія — дѣло не лишнее, особенно въ наше время, когда стан самозванныхъ судей, въ родѣ знаменитаго крыловскаго цѣнителя солоновинной иѣсни, со всѣхъ сторонъ сплется подкормать неземлемые пьедесталы славнѣйшихъ именъ русской литературы и рекомендуютъ своихъ иѣтуховъ-кумовьевъ въ законодатели вкуса и творчества.

Вѣвшая жизнь

женщинъ временъ цесаризма въ древнемъ Римѣ.

Недавно, говоря о домашней жизни древняго грека, мы коснулись и положенія греческой женщины въ ту отдаленную эпоху. Теперь, по поводу прилагаемаго снимка съ превосходной картины Буланжа, мы хотимъ побесѣдовать съ читателями о женахъ и дочеряхъ всемірнаго владыки — вѣвнаго города—древняго Рима.

У римлянъ прекрасный полъ пользовался несравненно высшимъ почетомъ и болѣе широкими правами, чѣмъ у эллиновъ, и вліяніе его на семейную и общественную жизнь властителей всего извѣстнаго тогда свѣта вполне соответствовало тому положенію, котораго искони добилась женщина въ Римѣ историческимъ путемъ. По всей вѣроятности, первоначальная патриархальность домашняго очага, строгость брачнаго союза и святость семейныхъ узъ перешли къ римлянамъ отъ этрусковъ и въ особенности отъ сабинянъ. По римское преданіе приписываетъ высокое уваженіе къ женщинамъ ихъ заслугамъ при основаніи государства. По сказаніямъ древнихъ лѣтописцевъ, Римъ основанъ былъ горстью бездомныхъ, безсмысленныхъ выходцевъ изъ Лациума, которые, пугаясь въ женахъ, пользовались какимъ-то празднествомъ у сосѣдняго имъ народа сабиновъ и похитили ихъ дочерей. Сабиняне пустились въ погоню и постигли по-

хитителей—кровапролитіе было неизбежно, и юный городъ, черезъ рои и окопы котораго смѣлся перекрыгнуть младшій братъ основателя (какъ говорить сата), долженъ былъ неминуемо погибнуть съ своимъ малочисленнымъ населеніемъ въ борьбѣ противъ такого сильнаго народа, какъ сабиняне. По похищеніи сабинянки заступились за своихъ мужей передъ родными — и это заступничество спасло Римъ. Въ память этого Ромулъ установилъ въ основанномъ имъ Римѣ въ честь ихъ женское празднество *матроналий*, освободилъ женщинъ (матронъ) отъ всякой работы кромѣ шерстяныхъ издѣлій, приказалъ уступать имъ дорогу при встрѣчѣ на улицѣ, назначилъ смертную казнь за оскорбленіе матроны дерзкою рѣчью или поступкомъ, и узаконилъ чтобы разводившейся съ женою отдавала ей половину состоянія, если только она не уличена въ нечестности или покушеніи отравить мужа. Висоцѣдствіи, во время возмущенія патриція Коріолапа, посадившаго Римъ съ мятежными Вольсками, когда женское посольство съ матерью и женою мятежника во главѣ, разжало было и уговорило гордаго аристократа снять осаду, — женщинамъ въ награду за вторичное спасеніе Рима дозволено было носить пурпуръ и золото. Наконецъ, когда римскія матроны пожертвовали свои драго-

цѣнности въ государственную казну, чтобы составить потребованную Камилломъ десятую часть Вейентинской добычи, — имъ было разрѣшено въ самомъ Римѣ раздѣлывать въ колесницахъ, а по смерти при погребеніи палупствовали ихъ публичными похвальными рѣчами. Достоинно замѣчанія, что два величайшіе государственные переворота—учрежденіе республики при Тарквиніи Гордомъ, обезчестившимъ Лукрецію, и уничтоженіе децемвировъ, одинъ изъ которыхъ совершилъ то же преступленіе относительно Виргиніи, — послѣдовали въ возмездіе за насилія противъ женщинъ, — и что героической Клелии, въ безпримѣрное отличіе, воздвигнута была конная статуя. Всѣ эти сказанія указываютъ на то, что общество гражданъ древняго Рима было крѣпко именно семейнымъ союзомъ, который возможенъ лишь подъ условіемъ добродѣтели *матерей* (матронъ) и непоколебимой вѣрности женъ.

Понятно, что такихъ женщинъ нельзя было заставить, подобно изнѣженнымъ гречанкамъ, проявлять въ какомъ нибудь гнѣсѣ, лишивъ ихъ всякихъ средствъ къ развитію. Уже самое похищеніе сабинянокъ указываетъ на присутствіе женщинъ при общественныхъ играхъ, — а первая школа, упоминаемая въ лѣтописяхъ Рима, была школою для дѣвицъ на форумѣ (площадь),

которую посещала в числе прочих и несчастная Виргиния в 449 году до Р. Х. По свободной принимающей гостей в отсутствие мужа, матрона приобретала тем большее значение как воспитательница своих дочерей, содержа подрастающих девушек в строжайшей нравственности и целомудрии, тщательно отдаляя от них все, что хоть сколько нибудь оскорбляло их. Катон, будучи цензором, выгнал однажды из сената некоего Манилия за то, что тот днем в присутствии дочери поцеловал свою жену. Публий Мевий убил одного отщепенца, который печально коснулся его дочери. Что касается сыновей — послушным в строгости Тацита. «Мать, говорит он, — которой величайшая слава состоит в управлении домом и посвящении себя делам, руководит не только серьезными занятиями их, но и самыми играми в часы отдыха своих сыновей. Таковы были: Корнелия, мать Гракхов, Аппелия, мать Цезаря, Атия, мать Августа.» Между приводимыми в примечании Тацитом наиболее выдающимися дочерьми старшего Цициона Африканского, которая, в ответ на выходы своей приемницы хваставшейся своими драгоценностями, вынесла ей на руках свое единственное сокровище — малютку сына.

Римская матрона была владыкой домашнего хозяйства — и символом власти вручала ей тотчас после свадьбы ключи от всех кладовых, которые она должна была возратить лишь в случае развода; по это последнее могло быть только по воле мужа и составляло такую редкость, что когда, например, Спурий Карвиль Руга развелся со своей женой по бездельности, то это возбудило всеобщее негодование.

Не ограничивая стеснениями гинекеума, подобно грекам, жена правит всем домом, принимает участие в званых пирах и занятиях своего мужа, неизменно пользуется посещениями своих гостей и титулом «госпожи» (*domina*) от всех домашних и самого супруга. «В дом не было ничего раздельного» пишет Колумелла о нравов своих предков: «не было прав исключительно принадлежавших жене или мужу, но тот и другая или рука об руку с полным единодушием, так что рачительность хозяйки дома вполне соответствовала гражданскому рвению главы. Кроме домашних божеств, лар и пенатов, над супружеским согласием бодрствовала особая богиня, Юнона миготворная. Храм ее на Палатинской горке был убран оскверненными жемчугами, куда она несла свои жалобы и до тех пор не возвращалась домой, пока мужья не приходили за ними с повинной. Сам суровый Катон говаривал: «тот кто бьет жену или детей — палает под руками на величайшую святость» и ставил доброго семьянина выше мудрого сенатора.

Таковы-то были почет и сопряженная с ним разумная свобода женщин в блестящую эпоху Рима. Но что стало с ними, куда делась добрая нравственность, добродетели и сама женственность в тлетворную эпоху цезаризма?

Пышность, роскошь и расточительность, говорить Шоссер, — заметная и в последнее время республики, дошли при императорах, до крайних предель, благодаря тому, что чувственные наслаждения сделались самым важным элементом жизни. Как видно из открытий в Геркулануме и Помпеи, комфорт в постройках домов, костюмах и вообще во внешнем обиходе, был доведен тогда до такой высокой степени, что в этом отношении даже современные европейцы едва ли опередили древних, а в некоторых положительных отстали от них. Роскошь в устройстве и украшении дворцов, загородных вилл и бань, многочисленность и разнообразие прислуги превосходит всякое воображение. Доро-

гие ковры и материи стали необходимостью. Серебряные изваяния домашних богов и целый ряд картин упрямали вход. В следующих покоях помещалась целая канцелярия рабов, заведовавших домашним хозяйством. на которое уже не хватало одной госпожи. В каждом значительном доме находилось несколько косметов или парикмахеров, на которых лежала обязанность одевать по моде своих господ, сглаживать на лице морщины, поддвигать фальшивые зубы и подкрашивать брови. Столовая зала дышала неслыханной роскошью. Слуги дома были хорошими певцами, а во время подавания и перемены кушаньев играла музыка и пелись песни. Богачи употребляли все средства, чтобы разнообразить яства, и не жалели огромных сумм для приготовления самых утонченных и редких блюд^{*)}. Приличия не позволяли говорить о других видах чувственных наслаждений того времени, когда безнравственности, поощряемая высшими классами, как некогда во Франции во времена регента, быстро развивалась в народ.

Женщина, в большинстве случаев, была тем, что мы сами изредка слышим, эта старая общезвестная истина не могла не иметь места и в данном переломе нравов римского общества. К концу республики и во времена империи женщины получают еще больше свободы, и дружба женского равноправия оставалось бы только радоваться, если бы к этому не присоединилось духа ложной эманципации (как две капли воды похожей на недавнее модное движение в этом смысле в наше время) и поголовного поправления вичных законов нравственности. Прежде всего женщины добились несравненно высшего образования, которое простиралось до знакомства с греческой литературой и музыкой. Сама Корнелия, мать Гракхов, провела последние годы своей жизни в Мизен, окруженная учеными и греками. Супруга великого Помпея, кроме вышеупомянутых знаний, была сильна в геометрии и философии. Плиний младший с наивным восхищением любящего сердца пишет о своей жене: «она перелагает и поет мои стихи под цитру, не учившись ни у каких учителей кроме своей любви, которая лучшей наставницей. К тому же, из любви ко мне, она принимает участие и в литературе. Книгами моими она просто зачитывается. Когда я читаю перед моими слушателями, она сидит скрывшись за занавесом и радостно внимает их похвалам.» Но уже Овидий замечает про тогдашние *синие чулки*: «правда, нападают кое где, как редкий посев, учения девушек; за то роют книжки не учения, но желания казаться таковыми.» Еще резче возмущает Ювенал против учения женщин и пристрастия их к греческому языку, который в древнем Риме считался такой же обязательной принадлежностью образования, как у нас французский. «Что может быть противнее, восклицает он, — когда ни одна из них не считает себя достойной любви, если не слышалась из латинки гречанкой или чистой афинячкой?» «Несносные пьяницы», говорит он далее, — «та, что едва устывшись начинает хвалить Виргилия, извинять умирающую Дидону, сравнивать и критиковать поэтов. В одну чашу всовь бросает он Виргилия, в другую — Гомера. Грамматик уступают ей, профессоров риторики она сама побивает, слушатели молчат, сам глашатай не добьется слова, ни даже дружка, — такой поток слов извергает она из уст своих; кажется, словно звонить за раз во все колокола...»

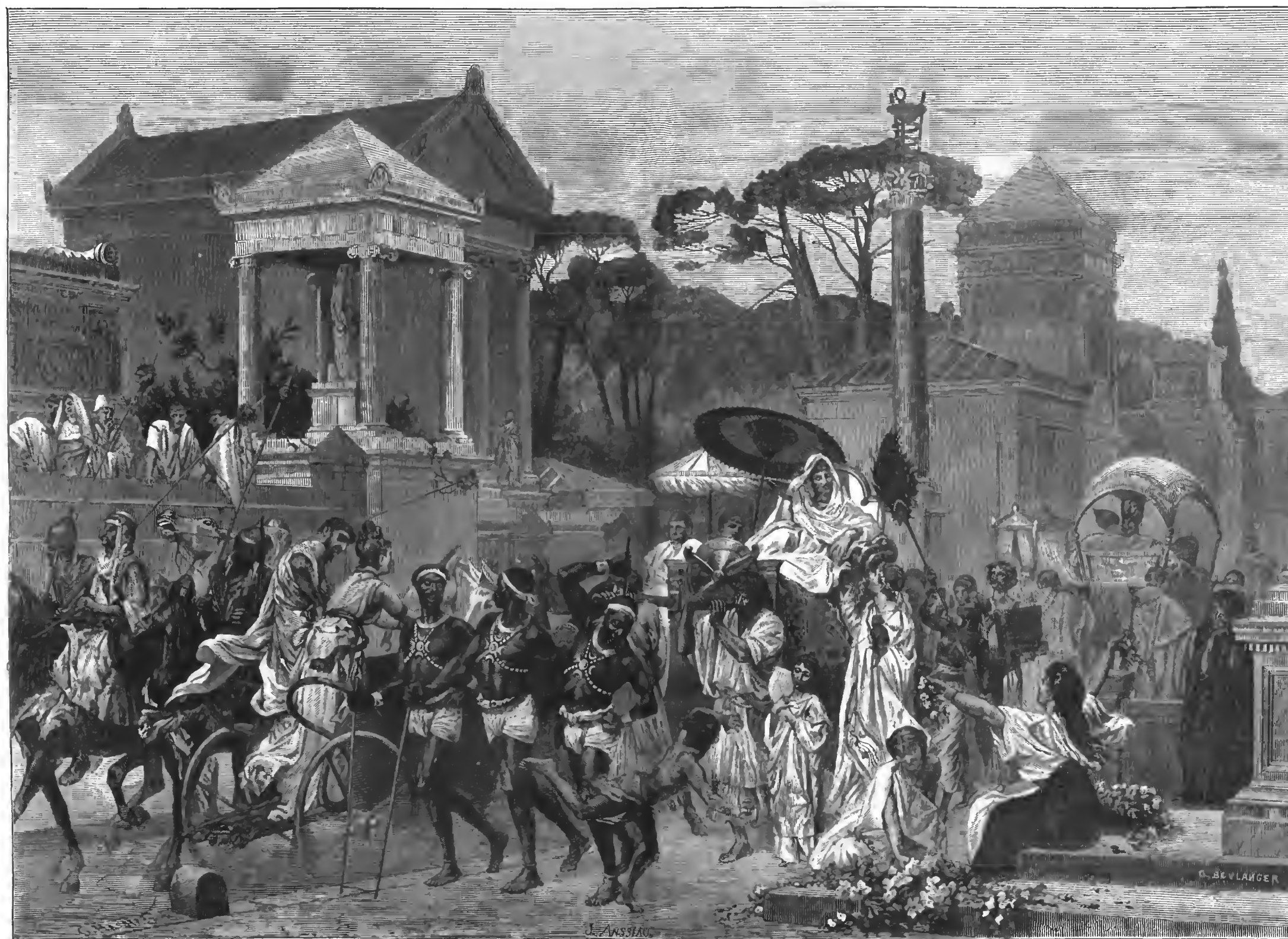
Литературный дилетантизм привел римских женщин к так называемому *есе-знайству*. Они окружили себя греческими философами, преимущественно изучая «рес-

публику Платона, которого взгляд на женщин как нельзя более подходил ко вкусам эпохи цезаризма.

Свобода женщин в дом дошла до развращения в это время — и прежняя сдержанность римской матроны исчезла без следа. Цирки, театр и амфитеатры открыли их ненасытной страсти к удовольствиям, куда они стекались толпами «людей посмотреть и себя показать», как буквально говорит Овидий в своей «Науке о любви.» Но в театре и амфитеатре женщины еще сидели позади мужей, и поклонникам ничего иного не оставалось как искать утешения в искусстве говорить глазами и знаками, — тогда как на играх в цирке и что уже не мешало сидеть в перемежку — и Овидий дает различные, соответственные места, советы, как легче заводить знакомство.

В прогулках римские женщины также далеко опередили афинянок. Это гулянье обыкновенно происходило в прилегающих к храмам или окружающим сады крытых колонадах, в тени которых прогуливались красавицы и где молодые люди, по свидетельству Овидия, пускали в ход все уловки современных фляперов и *retis-crevés*. При выходе из дому употреблялись покойные носилки (*lectica*), снабженные балдахинами и занавесками, в которых так удобно было принимать ласкательные позы, в роскошном наряде, и являться в публику на плечах темноцветных рабов, одетых в красное. Вот перед нами одно из таких многолюдных мест — *Via Appia*. В глубине заднего плана скрывается одна из вышеописанных крытых лектик, которая представляется верхом скромности в сравнении с тем, что так пагло представляет на показ толпы свою владелицу, ослепленную лишь одним зонтом; с другой стороны молодая перитишка вбегает на нее прохладой громадного опахала, между тем как госпожа любезно разговаривает с молодым центурионом, который вместе с жезлом, знаком своего достоинства, держит на локте ручную обезьяну — этого олицетворенный символ порочных страстей. Напрасно бедные цветочницы из кожи лезут, чтобы обратить внимание богатой госпожи на предлагаемые ей вилки: ей гораздо интереснее городские слякоти, подробности последнего землетрясения или наводнения; она готова даже вступить в разговор с врождающимися всадниками из цесарского коноя и, забыв их повостей, рассказать им самые сокровенные тайны домашнего очага. Но она еще ничто в сравнении с своей соперницей по успеваемости в свите, которую вы видите слева, правящую парой ретивых коней в колеснице. Это знаменитая Павлика. Всему Риму известно, что она помешана на лошадях. Поясь ее застегиваются конскими мордочками из чеканного серебра; ее кольца, серьги, диадема все из таких же головок. Стояла ее заставлены драгоценнейшими скакунами, выигранными ею об заклад на ристалище. Лошади эти едят корм на дорожной посуде, за ними ухаживают великодушно разряженные рабы. Она лично являлась бы к составлению на арену, если бы это не слишком уже оскорбляло даже тогдашние распушенные нравы. Посмотрите, с какой материнской нежностью правит она своей парой: слева у нее запряжены великолепный жеребец *Velox* (Быстрый), чистой арабской крови, происходящий от знаменитой кобылы *Sagittae* (Стрелы), на которую однажды в горах Нубии напала львица и вцепилась ей в бока острыми когтями, сшибила повалить на землю; *Sagitta* в смертельном ужасе несется по утесам к морю и низвергается в кипящую пучину, — львица, которой неожиданная ванна сильно пришлась не по вкусу, покладает свою жертву — и *Sagitta* спасается на близлежащем острове, — несколько месяцев спустя она принесла же-

*) См. Нива 1873 года, № 20.

Via Appia (Аппианскій путь) во времена цезаризма. Женщины на прогулкѣ. Картина Г. Буланже, грав. Массиа.
 Гравюра эта приобретена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого худ. произведенія Гунигемъ и Комп.

ребенка, бѣлаго какъ снѣгъ, но—о чудо!—на боку у него явственно вырѣзались два темныхъ пятна въ формѣ львиныхъ лапъ. Вотъ каково происхождение Велоска! Что до его парной сирава, то это не менѣе достославная Фортуна (Удача), извившая пальму первенства на послѣднихъ скачкахъ въ Алтіохіи: возница упалъ, запутавшись въ вожжахъ, а Фортуна безъ него повела скачку—и два раза описавъ окружность арены, счастливо достигла цѣли.

Можно ли послѣ этого винить Навзизу въ томъ, что она заботится объ этой парѣ гораздо болѣе, чѣмъ о родныхъ дѣтихъ, которые по цѣлымъ днямъ остаются одни подъ надзоромъ разирающихъ ихъ рабовъ!.. По-крайней мѣрѣ, молодой патрицій, стоящій съ нею въ колесницѣ, вполне оправдываетъ благородную страсть владычицы его сердца.

А вы, собравшіеся тамъ за стѣной, у перестилы богини Стыдливости?... Напрасно одни изъ васъ такъ горестно недоумѣвая, другіе съ такимъ прерывистымъ созерцаютъ происходящее на глазахъ ихъ... Не остановитъ васъ паденіе разрушающагося, дрихлаго, древняго міра!.. И болѣе громкіе вѣти, какъ безпощадный сатирикъ Ювеналъ, и грозно-карательная рѣчь чистаго юношескаго поэта Лукана, не могли отрезвить этихъ людей, у которыхъ исчезла всякая совѣсть, всякое сознание чего либо, кромѣ скотской жизни, полной обжорства, пьянства и разврата... Не беретъ ихъ и злалъ, ѣдкая пашетка уличнаго мальчишки, котораго съ такимъ звѣрствомъ бьетъ палкой этотъ чернѣйшій рабъ на потѣху своимъ товарищамъ... Глухи они остались и въ великомъ истинномъ христіанствѣ, которыя уже нѣсколько десятиковъ лѣтъ мощнымълаголомъ провозвѣстниковъ новой эры разгоняетъ во всѣхъ концахъ одряхлѣвшей имперіи.

И можно ли рассчитывать на какойнибудь отзывъ въ душѣ тѣхъ женщинъ, которыя пируютъ почи на пролетѣ, поглащая чудовищной величины устрицы, состязаясь

съ мужчинами въ томъ, кто болѣе выпьетъ фалерискаго, пока въ глазахъ не завертятся полъ и не раздвоится свѣточъ, горящій на столѣ? Спрашивается, что же стало съ домашнимъ очагомъ, его управленіемъ и мирными радостями? Могъ ли онъ уцѣлѣть въ такое время, когда самые храмы осквернялись неслыханною раснущенностью. Разводъ стали такъ часты, что Сенека жалуется будто бы женщины «считаютъ года не по консульствамъ, а по различнымъ мужьямъ, съ которыми онѣ состояли въ законномъ супружествѣ, оставляя мужниному домъ для новаго брака и вновь выходя замужъ для развода.» Роскошь и праздность женщинъ дошли до того, что онѣ не только не заботились о надзорѣ за пряжей и тканями изготовляемыми руками рабынь, но открыто презирали домашнія издѣлія, покупая нерѣдко цѣною цѣлыхъ состояній произведенія далекіхъ странъ. Ливія, супруга Августа, выписала себѣ изъ Сиріи зонтикъ изъ страусиныхъ перьевъ, осыпанный жемчугомъ и стоившій годового жалованья пяти сенаторовъ. Величайшую расточительность выказывали римлянки въ золотыхъ украшеніяхъ, осыпанныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Лоллія Паулина, жена Калигулы, по свидѣтельству Плінія старшаго, явилась однажды на брачный пиръ, слошъ усыпанная жемчугомъ и изумрудами, которыя въ перемежку сверкали у нея въ волосахъ, ушахъ, на шеѣ и на пальцахъ и стоили 3.000.000 таллеровъ. Жемчугъ римлянки любили болѣе камней. Царь купилъ Серпидію жемчужину за 435.000 таллеровъ. Шелковые ткани входять въ моду уже со времени Нерона. Прозрачныя ткани острова Коса славятся въ Римѣ не менѣе Греціи; Гораций и Сенека единодушно утверждаютъ, будто бы женщина въ подобномъ нарядѣ не можетъ привлечь боговъ въ свидѣтели того, что она не обнажена. Въ древніи времена цвѣтъ женскаго платья (*туники и столы*, соответствовавшихъ греческому хитону,

и *паллы*, соответствовавшей гиматію)—былъ исключительно бѣлый и пурпурный; но уже Плавтъ упоминаетъ о расшитыхъ золотомъ, красноватыхъ, желтыхъ, шафранныхъ, и аквамариновыхъ одѣяніяхъ; были также ткани на подобіе обляри (моаре). Обувью служили сандалии или римскіе башмаки богато изукрашенные и яркихъ цвѣтовъ. Головной уборъ былъ чрезвычайно разнообразенъ; косы, локоны, греческая прическа въ узелъ, высоко взбитые пшпони чередовались другъ съ другомъ. Любимымъ цвѣтомъ волосъ былъ рыжеватый-желтый, какъ и у насъ въ послѣднее время; для приданія волосамъ этой окраски употреблялся щелокъ и щелочная мыла, добываемыя отъ галловъ и германцовъ. Эти же народы стекались въ Римъ цѣлыми массами для стрижки и продажи своихъ волосъ на парики и наколки. Подъ такимъ-то бѣлокурнымъ парикомъ предпринимала и Мессалина свои ночныя срашествованія. Что касается различныхъ румянъ притираний и мазей, то многія женщины по нѣскольку разъ въ день патирались саломъ, а Поппея Сабина постоянно держала въ стойлахъ 500 ослицъ для умыванія лица молокомъ. Благоуханными маслами и эссенціями душили не только волосы, но и платье, преимущественно послѣ бани и передъ обѣдомъ: любимымъ ароматомъ былъ нардъ изъ Аравіи.

Конечно, и въ эту печальную эпоху были прекрасныя жены и добрыя матери семейства, какъ свидѣлствуютъ надгробныя надписки, хотя самыя надписи на нихъ нерѣдко безсовѣстно гнали. Тацитъ и Пліній приводятъ блестящіе примѣры женской добродѣтели и героизма, рисуя намъ женщинъ которыя полнымъ самоотверженіемъ и даже смертью зачатѣливыя супружескую любовь; но эти исключительныя явленія безплодно терпѣлись въ мутномъ потоцѣ повальной безнравственности.

СИЛА ВОООБРАЖЕНІЯ. (Путевое приключеніе).

Была бурная ночь. По разяреному морю бѣшено катили громадные волны, яростно порываясь высокой набережной Генуезскаго залива и съ ревомъ разбиваясь о ея мощныя гранитныя плиты. Вѣтеръ проливисто гудѣлъ. У желѣзныхъ перилъ стояли пассажиры, въ томъ числѣ и я, въ ожиданіи шлюнокъ отъ парохода, который долженъ былъ отвезти насъ въ Ливорно. Свѣтъ съ малка попеременно то освѣщалъ наши лица, то надалъ въ противоположную сторону. Все находилось въ какомъ-то напряженномъ состояніи и хранили молчаніе; дамы были блѣдны и испуганно смотрѣли на разыгравшееся море. Мужчины, болѣе знакомые съ явленіями моря, любовались величественнымъ зрѣлищемъ, другіе помоложе присмирѣли, но никто не говорилъ.

Наконецъ показались шлюпки. Живо закинула работа въ рукахъ матросовъ, которые исполняли свои обязанности съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ и въ чемъ не бывало. Обычное «готово?» раздалось съ набережной. «Готово!», отвѣчаетъ штурмомъ и бодро отчаливаетъ шлюпка въ бушующее море, проходя между длинными темными рядами кораблей, снасти которыхъ точно стонутъ подъ ударами бури. Вотъ уже нашъ пароходъ. Выскочъ съ клубами дыма вѣтеръ далеко развѣвалъ по морю длинную полосу искръ, вылетающихъ изъ дымившейся трубы. Наконецъ спушена лѣстница; но безъ трепета вскарабкались дамы по качавшейся лѣстницѣ, за ними мужчины, и былъ послѣднимъ. Ближайшимъ ко мнѣ взбирался по лѣстницѣ старій англичанинъ; мгновенный свѣтъ фонаря, случайно пронесеннаго тогда на палубѣ, ослѣпительно сверкнулъ ему въ глаза; онъ поматнуулъ, но въ ту же секунду мнѣ удалось удержать его и помочь ему благополучно достигнуть палубы. Вѣжлиное: *Most obliged, sir!* было выраженіемъ его благодарности.

Въ этомъ *Most obliged, sir*, заключалось не болѣе какъ обычное «благодарю покорно», но на этотъ разъ оно имѣло для меня особенное значеніе: мнѣ представился случай завязать съ этимъ англичаниномъ разговоръ и удовлетворить своему давнишнему любопытству. Еще прежде, во время моего пребыванія въ отелѣ *St. George di Malta*, я ежедневно встрѣчалъ этого старика за табльдотомъ. Въ его наружности не было ничего особеннаго; средняго роста, съ правильными чертами лица и гладко выбритымъ подбородкомъ,

онъ имѣлъ свѣтлые большіе глаза, благородное выраженіе лица, былъ изящно, но просто одѣтъ. Но возлѣ него постоянно находился его сынъ, существо въ высшей степени загадочное, поражающее своимъ видомъ самаго плохого наблюдателя, представляя собою странную смѣсь молодости и старости. Отчасти бѣлокурые, отчасти сѣдые волосы на головѣ, свѣтлыя бакы, интеллигентное выраженіе лица и въ то же время отсутствіе малѣйшей искорки жизни въ тускло-стеклянныхъ голубыхъ глазахъ, изборожденное глубокими морщинами лицо, вѣчное безмолвіе, отсутствіе всякаго движенія мысли на высокомъ лбу, — словомъ: все существо молодого чловека обнаруживало полнѣйшую безжизненность и старческую дряблость. Отецъ ухаживалъ за нимъ съ необыкновенною нѣжностью, но всѣ его ласки и предупредительность не производили на сына ни малѣйшаго впечатлѣнія,—такъ какъ онъ оставался равнодушнымъ даже къ оживленной бесѣдѣ и веселымъ шуткамъ дамы, обдававшихъ за тѣмъ же столомъ. Послѣ обѣда старикъ обыкновенно тотчасъ же удалялся, никогда не обмѣниваясь ни съ кѣмъ ни единымъ словомъ,—и такимъ образомъ юноша-старикъ остался для всѣхъ непроницаемою загадкою—и лишь мнѣ одному, благодаря случайному обстоятельству, удалось услышать отъ старика привѣтливое слово.

Сдавъ багажъ, мы вошли въ общую каюту. Большой ярковысвѣщенный залъ, роскошная обстановка, удобныя мягкія кресла, а главное привлекательный запахъ апитныхъ блюдъ заставили насъ скоро забыть объ испытанномъ, тѣмъ болѣе что бури мало по малу утихла и наше громадное судно лишь едва замѣтно покачивалось волнами. Каждый старался найти себѣ мѣстечко поудобнѣе; нашъ старикъ съ сыномъ тоже заняли мѣста и устали въ мягкихъ креслахъ.

«Куда ты?» обратился старикъ къ сыну, поднявшемуся съ мѣста.—На верхъ.—«Зачѣмъ?»—Хочу тамъ остаться и смотрѣть на море.» Молодой чловекъ вышелъ изъ салона; старикъ посмотрѣлъ съ минуту, всталъ и подошелъ прямо ко мнѣ.—Собственно говоря, обратился онъ ко мнѣ, слегка поклонившись,—вы сегодня снасли мнѣ жизнь. Повидимому вы здѣсь одни, я въ настоящее время тоже; что еслибъ намъ устѣться вмѣстѣ и провести нѣсколько часовъ за бутылкою *Old Sherry*? «Было-би

то именно, чего я искренно желаю», ответил я и с коротким: «мнѣ очень пріятно» поспѣловалъ за нимъ. Мы устѣлись какъ можно удобнѣе, Sherry поданъ, и скоро завязался между нами самый оживленный разговоръ.

Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ далекихъ путешествіяхъ по внутренней Африкѣ, спрашивалъ о различныхъ текущихъ вопросахъ, на что я старался давать по возможности обстоятельныя объясненія, которыя въ свою очередь вели къ новымъ сравненіямъ и замѣчаніямъ съ его стороны. Такъ протекло нѣсколько часовъ — я почти совсѣмъ забылъ о предметѣ моего давнишняго любопытства. Но когда онъ обратился къ служѣ съ порученіемъ посмотреть, что дѣлаетъ его сынъ, я вспомнилъ о немъ и съ необходимыми предосторожностями постарался завести разговоръ о молодомъ человѣкѣ.

— Вы навѣрное путешествуете теперь для улучшенія здоровья вашего сына?—Его здоровье, слава Богу, вполне восстановлено, и это укрѣпляетъ меня въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ поправится разстроенное состояніе его духа, такъ сильно потрясеннаго тяжелыми воспоминаніями.—Такъ молодъ и уже тяжелыя воспоминанія? замѣтилъ я.—Самыя страшныя, какія только можно представить себѣ. Если угодно, я вамъ разскажу исторію его страданій; познакомившись ближе со мною, вы, можетъ быть, во время нашего дальнѣйшаго путешествія, будете мнѣ полезны въ моихъ заботахъ о сынѣ.—Я далъ ему самое искреннее увѣреніе въ томъ, что ничто не можетъ быть мнѣ пріятнѣе, какъ содѣйствовать душевному обновленію своего ближняго. Старикъ дружески кивнулъ головою, пожалъ мнѣ руку и разсказалъ слѣдующее:

Года два тому назадъ сынъ мой, къ общему удовольствію моему и родныхъ, обручился съ дочерью моего друга, богатаго коммерсанта. Молодость, красота и богатство со стороны невесты; развитой умъ, старая солидная торговля, пользовавшаяся репутациею въ Сити и къ тому стальная фабрика въ Манчестерѣ со стороны моего сына; взаимная горячая любовь,—казалось бы тутъ было все, что составляетъ счастье человѣка на землѣ, не правда ли?—Около мѣсяца до свадьбы мы пригласили невесту съ ея отцомъ съѣздить къ намъ въ Манчестеръ осмотрѣть нашу фабрику и провести нѣсколько дней на нашей дачѣ. Нечего прибавлять, что молодые люди души не чады другъ въ другѣ. Однако взрывъ парового котла и происшедшее отъ этого маленькое разстройство въ дѣлахъ фабрики помѣшали мнѣ и сыну отправиться въ Лондонъ вмѣстѣ съ невестою; мы должны были посѣтить туда, какъ только дѣла на фабрикѣ будутъ устроены. Сынъ стоналъ отъ нертирія, наконецъ все было готово; мы пріѣхали въ Лондонъ и первымъ дѣломъ моего сына было, конечно, отправиться къ невестѣ. Въ прихожей лакей молча снялъ съ него верхнее платье и шляпу и низко поклонившись медленно проговорилъ: вашъ тестъ не можетъ принять васъ въ настоящую минуту.—А миссъ дома? спросилъ нѣсколько удивленно сынъ мой.—Домъ.—Одна?—Одна. Быстро поспѣшили онъ пройти черезъ комнату къ салону, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить ее, съ удовольствіемъ замѣтивъ цвѣты, подаренные имъ невестѣ и воздѣлываемые ея рукою; онъ отворилъ дверь въ салонъ;—окинувъ завѣшанный на столѣ передъ распалѣмъ горятъ свѣчи, передъ ними украшенный бѣлыми цвѣтами гробъ—невѣста умерла! На желѣзнодорожномъ поѣздѣ, на которомъ она возвращалась отъ насъ, случилось несчастіе: нѣкоторые пассажиры, въ томъ числѣ отецъ невесты, отдѣлились легкими ушибами, и только она одна получила смертельное потрясеніе мозга. Страшный вопль вырвался изъ груди моего песчаннаго сына, на его крикъ сбѣжались всѣ члены семьи. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, что ни одно изъ извѣстій, которыя они намъ послали, не дошло до насъ, и что сынъ мой ни однимъ намекомъ не былъ предупрежденъ о постигшемъ его несчастіи. Какъ привидѣніе стоялъ онъ посреди комнаты—я только спустя два дня онъ нѣсколько пришелъ въ себя. Съ нѣмымъ отчаяніемъ присутствовалъ онъ на погребеніи покойной въ фамильномъ склепѣ; туго и безмысленно глядѣлъ онъ на все происходившее, не издавъ ни одного вздоха, не проронивъ ни одной слезинки. Когда же саркофагъ былъ запертъ, ноги у него подкосились—и онъ упалъ въ обморокъ. Въ полумракѣ склепа онъ остался совершенно незамѣченнымъ, каждый изъ присутствовавшихъ былъ слишкомъ занятъ мыслями объ усопшей. Всѣ разошлись, дверь заперта, сынъ мой—заживо схороненъ!

Ужасы первые секунды послѣ того, какъ онъ очнулся. Приподнявшись на плечо, онъ пристально всматривался въ окружающій его непроницаемый мракъ: гдѣ онъ? Скоро однако онъ опомнился: онъ запертъ, можетъ быть, забытъ въ склепѣ; его ожидаетъ мучительнѣйшая, голодная смерть. Вотъ оно передъ нимъ, привидѣніе голода, со всѣми ужасными атрибутами, какія только можетъ создать воображеніе въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ находился тогда сынъ мой. Оно приближается къ нему со своими впадинами, сверкающими глазами, съ засохшимъ языкомъ и губами, исхудалымъ лицомъ, костлявыми руками; изъ-за ломотьевъ, колеблемыхъ легкими вѣтеркомъ, виднѣлся обнаженный скелетъ. Еле показалося, будто онъ слышитъ хриплый смѣхъ привидѣнія,—въ ужасѣ онъ вскрикнулъ и вторично упалъ въ обморокъ. Но холодные камни скоро привели его въ себя. «Жить!» воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ: «я хочу, я долженъ жить!» Обшаривъ карманъ, онъ нашелъ тамъ свое огниво и небольшую, съ палецъ длиною, восковую свѣчку. Добывъ огня, онъ направился къ двери, но увы, она герметически прилегаетъ къ камню, и проникнуть че-

резъ все такъ же трудно, какъ черезъ самый камень. Что дѣлать? Но прежде всего нужно потушить свѣчку; отъ горящаго воздуха можетъ испортиться, а что еще важнѣе, воскъ свѣчки можетъ служить ему въ пищу. Быть можетъ, онъ забытъ здѣсь, его будутъ искать, и отъ одного часа жизни, отъ одного кусочка воска, зависить быть можетъ, все его спасеніе. Осторожно кладетъ онъ свѣчку обратно въ карманъ. — Давно ли онъ уже здѣсь? Онъ не знаетъ. Онъ начинаетъ ощущать незнакомое томлящее чувство — голодъ, должно быть, и откусивъ четвертую часть свѣчки, проглатываетъ ее. Онъ старается привести въ порядокъ свои мысли, хватается невольно за карманъ,—радостная дрожь пробѣгаетъ у него по тѣлу, онъ имѣетъ при себѣ свой поѣдъ! Три маленькихъ и тонкихъ клинка. Но сколько плѣшишковъ завоевало свободу съ помощью подобныхъ и еще болѣе пичтожныхъ инструментовъ. Живо за работу! Достаточно вѣдь прорѣзать хотъ маленькую дырку въ двери, и тогда можно будетъ кричать, а въ теченіи двухъ-трехъ дней кто нибудь пройдетъ же мимо. Дрожащею рукою приступаетъ онъ къ дѣлу, по, Боже! какъ медленно подвигается работа, едва-ли не по одному волокну срѣзываетъ онъ каждый разъ. Онъ работаетъ все съ большимъ усердіемъ, по, стой! клинокъ сломался. Онъ отрясетъ выступившій на лбу холодный потъ и начинаетъ съизнова. Послѣ долгой работы ему удалось сдѣлать маленькое, съ орѣхъ величиною углубленіе, между тѣмъ дверь должна быть дюйма въ два толщины; но онъ не теряетъ бодрости, вдругъ—трескъ, второй клинокъ сломленъ! остается одинъ только клинокъ. Въ лихорадочномъ волненіи, онъ садится, чтобы немного успокоиться. Кровь обильно струилась изъ пальцевъ, которые онъ въ пылу работы больше порѣзалъ, чѣмъ дерево.

Успокоившись, онъ берется опять за работу съ послѣднимъ клинкомъ. Терпѣніе! терпѣніе! терпѣть онъ самому себѣ каждый разъ; ножъ проникаетъ все глубже, скоро, должно быть, дверь будетъ просверлена насквозь; клинокъ звонко задребезжалъ, дерево прорѣзано, но за нимъ—жельзо! Холодная дрожь пробѣгаетъ по всему его тѣлу; онъ пробуетъ повернуть клинокъ въ сторону, но тутъ же лишается его, а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и послѣдній лучъ надежды. Ноги подкашиваются, онъ садится на ступеньки, чтобы собраться съ силами. Долго сидѣлъ онъ въ какомъ-то забытій, безцѣльно глядя въ могильный мракъ, и не будучи въ состояніи сосредоточиться на какой нибудь мысли; наконецъ чувства возвратились къ нему. Онъ задается вопросомъ, зачѣмъ ему собственно такъ отчаяваться. Безъ сомнѣнія, его здѣсь забыли, его будутъ искать; но вотъ вопросъ: догадаться-ли, что онъ здѣсь? Полиція забьетъ тревогу, въ газетахъ появятся подробнѣйшія описанія его наружности, и неужели не найдется ни одного умнаго полицейста, который, задавъ бы вопросъ, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ,—а вѣдь тогда онъ былъ бы спасенъ. Его начинаютъ знобить; сырая стѣна склепа должно быть, тому причиною, но вѣроятно также, что холодный утренній воздухъ пробираетъ его. Съ того утра, когда онъ присутствовалъ на похоронахъ, онъ ничего не ѣлъ, онъ опять ощущаетъ голодъ, онъ проглатываетъ еще кусочекъ воску. Замѣчательно, онъ не чувствуетъ вовсе жажды, но причинъ ли возбужденнаго состоянія или влажности стѣны; по все равно, отчего бы это ни происходило, это къ лучшему.

Онъ встаетъ и медленно похаживаетъ вокругъ саркофаговъ, чтобы поддерживать бдительное состояніе. Воображеніе его начинаетъ разыгрываться, и вся прошлая жизнь развертывается передъ нимъ въ яркихъ образахъ. Всѣ видѣнія когда-то лица обрисовывались на стѣпахъ склепа, всѣ слышанные голоса звонко отдавались въ ушахъ. Всѣ случайности его судьбы за послѣдній годъ, блаженство и страданія любви, все возстало передъ со всею возможною отчужденностью. Должно быть опять уже смеркнулось. Онъ всего на разстояніи получаса отъ шумныхъ улицъ Лондона, и не смотря на то такъ безконечно далекъ отъ всего міра, отъ разнѣ на вѣки отъ отца и матери. Заснуть было бы вѣрно гибелью, онъ продолжаетъ ходить взадъ и впередъ; но опъ ужасно усталъ, онъ долженъ дѣлать надъ собою страшныя усилія, чтобы удерживаться на ногахъ. Обильный потъ катится со лба, отчаяніе начинаетъ овладѣвать имъ, но, чу! шаги приближаются, сердце чуть не разорвалось, дверь отпирается, полная струя солнечнаго свѣта озаряетъ его лицо—и безъ чувствъ падаетъ онъ въ мои объятія.

Старикъ помолчалъ съ минуту и задумчиво посмотрѣлъ вокругъ себя.—Онъ скоро очнулся, продолжалъ онъ,—и не смотря на кратковременное его заключеніе, былъ уже тогда точно такимъ, каковы вы его находите теперь, съ посѣдѣвшею головою, безжизненнымъ лицомъ и тусклыми глазами.

—Кратковременное заключеніе? спросилъ я удивленно,—развѣ два дня и три ночи, проведенные въ ужаснѣйшемъ отчаяніи, можно назвать кратковременными?—Но это ему казалось только, съ грустною улыбкою отвѣтилъ старикъ,—на самомъ же дѣлѣ заключеніе его продолжалось *часъ и семнадцать минутъ*.

Я точно оцѣнилъ отъ удивленія. Старикъ всталъ, пожелалъ мнѣ покойной ночи и удалился въ свою каюту. Медленно поднялся я на палубу; тамъ, у бушприта, стоялъ знакомый намъ молодой человѣкъ и смотрѣлъ на игру волнъ, но лицо его оставалось неподвижнымъ: ни радости, ни удивленія, ни горя. Стало занимать утро, становилось холодно, и я пошелъ отыскивать свою койку, но напрасно: мысли были долго сосредоточены на только что слышанномъ, и только клякъ: Ливорно! заставилъ меня возвратиться къ дѣйствительности.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 13-го іюля сего года было объявлено по флоту Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Балтійской таможенной флотилии. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», десятое и послѣднее судно этой флотилии, винтовая шхуна «Часовой», уже отправлена изъ Кронштадта на назначенную ей дистанцію—отъ Кронштадта до маяка Дагерордъ, на западной оконечности острова Даго.

Весь составъ таможенной флотилии состоитъ изъ 10 судовъ: 3-хъ шхунъ и 7-ми деревянныхъ палубныхъ паровыхъ барказовъ (яхтъ) съ машинами высокаго давленія, въ 15 силъ каждая. Всѣ суда флотилии имѣютъ по одному сильному парному 4 фунт. орудію, заряжающемуся съ казенной части, команды же вооружены скорострѣльными ручьями, револьверами и палашами. Сооруженіе флотилии обошлось около 400.000 р.

Несмотря на недавнее учрежденіе флотилии, ввозъ контрабанды моремъ теперь почти прекратился, или по крайней мѣрѣ объ немъ нѣтъ слуховъ, а государственный доходъ по сбору акциза на вино и соль значительно увеличился.

Служба таможенныхъ крейсеровъ—очень не легка, зато она составляетъ преносходную школу для молодыхъ матросовъ флота. Плаваніе крейсеровъ продолжается до 10-ти мѣсяцевъ; нѣкоторые же изъ нихъ вовсе не оканчиваютъ кампанію, т. е. круглый годъ имѣютъ плаваніе прѣбрежное, посреди мелей и камней, непрекращающееся ни въ бурное осеннее время, ни въ туманы со снѣгомъ и морозомъ, ни, наконецъ, въ темныя ночи, продолжающіяся съ 3-хъ часовъ дня до 9-ти утра, т. е. 18 часовъ въ сутки которыхъ чуть ли не опаснѣе самыхъ штормовъ.

Чтобы облегчить по возможности положеніе служащихъ на крейсерахъ и предотвратить вредное вліяніе такой трудной службы на ихъ здоровье, каюты на судахъ флотилии отапливаются паровыми трубами, такъ что людямъ, спускающимся съ верку, есть гдѣ обогрѣться и обсушиться; матросы имѣютъ также теплую и непромокаемую одежду, длинныя сапоги и спасительные пробковые пояса на каждого человѣка. Команды крейсеровъ получаютъ усиленное содержаніе и состоятъ изъ молодыхъ матросовъ, назначаемыхъ только на два года, по истеченіи которыхъ они возвращаются въ прежнія мѣста своего служенія. При малочисленности состава этихъ командъ (на барказѣ 7 человѣкъ, на малой шхунѣ 13 человѣкъ и на большой 25 челов., считая тутъ же и машинную прислугу), каждому матросу приходится исполнять всевозможныя работы: каждый изъ нихъ и рулевой, и лотовой, и гребецъ, каждый и артиллеристъ, и стрѣлокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обучаются такелажнымъ работамъ и грамотности. Такимъ образомъ, таможенная флотилия будетъ давать флоту ежегодно отъ 60-ти до 70-ти отлично подготовленныхъ, грамотныхъ матросовъ.

— 30-го октября, въ 11½ часовъ вечера, финляндская шхуна *Ноетъ* при сильномъ NW штормѣ и течи выброшена была на мель противъ южной морской дамбы Виндавской

гавани. Крушеніе вслѣдствіе темноты ночи было замѣчено лишь съ разсвѣтомъ 31-го октября. Тотчасъ была выслана недавно передъ тѣмъ доставленная на станцію спасательная лодка. Чѣмъ болѣе лодка приближалась къ мѣсту крушенія, тѣмъ сильнѣе становился прибой волнъ, и нѣсколько разъ лодка и ея команда были покрываемы бурунами. Наконецъ лодкѣ удалось приблизиться къ судну, снять съ него людей, числомъ восемь, и при значительныхъ усиліяхъ возвратиться въ гавань.

ПРАЗДНЕСТВА.

— По поводу празднованія 12 декабря пятидесятилѣтія со времени производства въ чинъ генерала, въ 1824 году, члена Государственного Совѣта и Комитета о раненыхъ,

въ черезъ Рейнъ, Дмитрій Ерофеевичъ вступилъ съ нашими войсками въ предѣлы Франціи и участвовалъ въ сраженіяхъ при Арси-сѣ, Фершампенуазѣ и подъ Парижемъ. Персидская, а затѣмъ Турецкая война открыли еще болѣе широкое поприще для боевой дѣятельности Дмитрія Ерофеевича, участвовавшего въ этихъ кампаніяхъ въ качествѣ начальника самостоятельныхъ отрядовъ и администратора. Назначенный съ открытіемъ Турецкой кампаніи, въ 1828 году, исправляющимъ должность начальника Штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ Сакенъ, за отличіе при штурмѣ Карса, тѣмъ онымъ взялъ приступомъ башни, отнявъ у непріятеля съ бою 8 орудія, овладѣвъ укрѣпленною горою Карадагъ и, командуя всѣмъ правымъ флангомъ, взялъ городъ и первый вошелъ съ непріятелемъ въ переговоры о сдачѣ цитадели, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Затѣмъ генералъ Сакенъ участвовалъ въ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ въ сраженіяхъ подъ Прагою и подъ Гроховымъ. Въ 1849 году, послѣ участія въ Венгерской кампаніи, Всемилостивѣйше удостоенъ званія генералъ-адъютанта. Вскорѣ затѣмъ наступила хотя и тяжелая, но славная година Восточной войны. Имя Дмитрія Ерофеевича тѣсно связано съ воспоминаніями объ этой славной эпохѣ, какъ защитника Одессы, за оборону которой генералъ-адъютантъ Остенъ-Сакенъ былъ награжденъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго, и какъ самаго близкаго участника въ оборонѣ Севастополя, въ званіи начальника Севастопольскаго гарнизона. Вліяніе Дмитрія Ерофеевича на нравственные силы гарнизона было самое благотворное: его твердость, хладнокровіе и презрѣніе къ опасности служили примѣромъ и вдохновеніемъ для каждого изъ защитниковъ Севастополя. Въ 1855 году Дмитрій Ерофеевичъ былъ Всемилостивѣйше возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ Государственного совѣта.

— Посланная Его Императорскимъ Величествомъ въ подарокъ Бухарскому Эмиру золотая карета уже доставлена въ Бухару. Во время провоза кареты по бухарскимъ владѣніямъ изъ всѣхъ встрѣчавшихся по дорогѣ укрѣпленій выѣзжали на встрѣчу почетные жители. Взошли сарбазовъ и хоры музыки выступавались въ бухарскихъ крѣпостяхъ въ то время, когда провозился чрезъ нихъ царскій подарокъ. Въ Бухарѣ карета поставлена въ особо приготовленномъ для нея при дворцѣ Эмира мѣстѣ, подъ парчевымъ шелковымъ покрываломъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Съ новымъ годомъ (съ рисункомъ). — Благодѣище огоньки. (автобіографія Праотцева). Н. Лѣскова (Стебницкаго). — Дѣя сценъ изъ Хининскаго похода (съ двумя рисунками). — Литературный альбомъ. — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Лирмонтоа (съ рисункомъ). — Вѣнчаніе жизни женщинъ времени царя въ древнѣйшій Римъ (съ рисункомъ). — Сила вооруженія. (Путевое приключеніе). — Газеты извѣстия. — Въ клубѣ (рисункомъ).

Моды за Января съ 14 рисунками чертежами и выкроекъ

Редакторъ В. Елюшиневъ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. ВЪ КЛУБѢ.

Молодой человѣкъ. Позвольте просить васъ, милостивая государыня...
Варышня. Благодарю. Я ужъ ангажирована.
Мод. человѣкъ. (немного вспыхнувъ и смѣясь) Позвольте-съ... Я собственно не танцовать! Я прошу васъ только подыгнать: вы изволите сидѣть на моей новой шляпѣ-съ...

шефа 7-го уланскаго Ольвипольскаго полка, генералъ-адъютанта, генералъ-отъ-кавалеріи графа Дмитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена 1-го, состоящаго въ офицерскихъ чинахъ 67 лѣтъ, «Русскій Инвалидъ» дѣлаетъ перечисленіе главнѣйшихъ фактовъ служебной дѣятельности юбиляра, изъ которыхъ между прочимъ видно: Поступивъ на службу въ 1804 году юнкеромъ въ Елисаветградскій гусарскій полкъ Дмитрій Ерофеевичъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1805, 1806 и 1809 годовъ, причемъ въ 1807 году былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Въ отечественную войну 1812 года Дмитрій Ерофеевичъ участвовалъ почти во всѣхъ замѣчательныхъ сраженіяхъ этой кампаніи; въ теченіе 1813 года былъ въ сраженіяхъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ. По перепра-

При этомъ номерѣ для всѣхъ гг. подписч. приложено объявленіе отъ „Торговаго дома Корпуса“.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 2 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

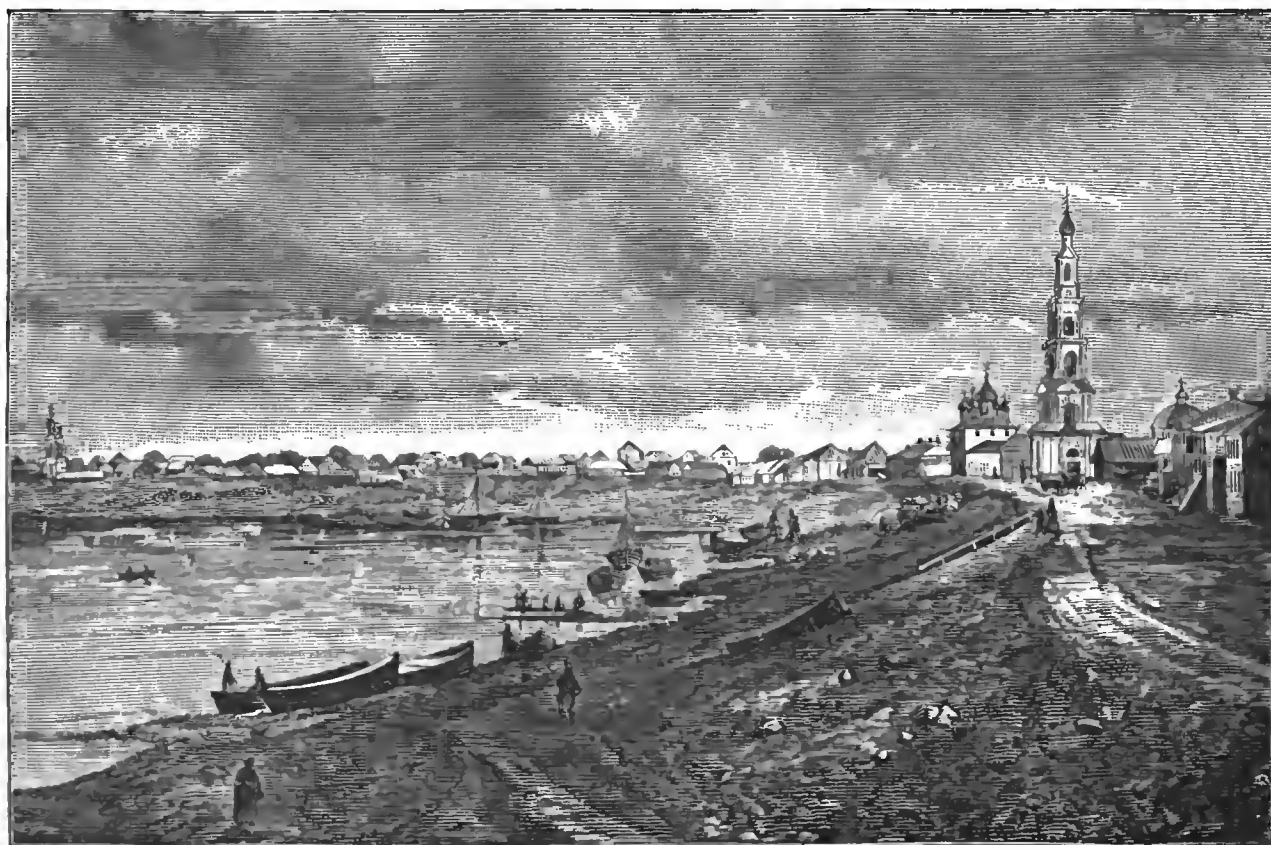
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выдавъ 6-го января 1875 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ копторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера.
Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Городъ Белязинъ, Тверской губерніи. Съ фотографіи рис. Космаковъ, грав. Дьяманъ.

Городъ Калязинъ, на берегу Волги.

Въѣздя изъ Твери на пароходѣ по Волгѣ, на 187 верстѣ отъ этого города, открывается видъ на расположенный на лѣвомъ берегу городъ Калязинъ (подъ 50°15' сѣв. шир. и 56° восточной долготы). Хотя онъ лежитъ на обрывистомъ и довольно возвышенномъ берегу, однако бывають годы, когда при весеннемъ половодьи нѣкоторыя улицы его затопляются водою. Картина раскинушагося по берегу рѣки городка съ его чистенькими и даже довольно порядочными для маленькаго города домами, съ нѣсколькими красивой архитектуры колокольнями, приятно дѣйствуетъ на глазъ путешественника. Надо сознаться, берега Волги, несмотря на ихъ живописность, не лишены однако утомительной однообразности, и каждый городокъ встрѣчающійся на пути порохода несвольно обращаетъ на себя вниманіе любознательныхъ туристовъ.

Калязинъ—уѣздный городъ Тверской губерніи. Прежде онъ былъ экономическою слободою Макарьевского Калязинскаго монастыря, отъ котораго и получилъ свое названіе. Городомъ онъ сдѣлалъ лишь съ 1776 года, когда при учрежденіи губерніи въ немъ учреждены были присутственныя мѣста. Калязинъ представляетъ путешественникамъ мѣсто интересное и въ историческомъ отношеніи. Здѣсь находится Троицкій Калязинъ монастырь; около него произошло знаменитое въ русскихъ лѣтоисписяхъ сраженіе, въ которомъ молодой полководецъ Михаилъ Скопинъ Шуйскій, соединившись съ шведскимъ генераломъ Делагарди, нанесъ окончательное пораженіе Салгѣ. Эта битва рѣшила участь тушинскаго самозванца и заставила его бѣжать изъ своего лагеря. Его скоро покинули поляки, въ свою очередь принужденные Скопиннымъ бросить начатую осаду Троицко-Сергіевской Лавры. Такимъ образомъ, сраженіе подъ Калязинимъ имѣло громадное вліяніе въ дѣлѣ освобожденія Москвы отъ осады, которой она подверглась въ смутную эпоху.

Троицкій Калязинъ монастырь—мужской 1-го класса. Онъ былъ основанъ въ XV столѣтіи преподобнымъ Макаріемъ, а названіе свое получилъ отъ Калязи, владыка того мѣста, на которомъ онъ выстроенъ. Изъ четырехъ монастырскихъ церквей, большаго вниманія заслуживаетъ соборъ во имя Живоначальной Троицы, выстроенный вмѣстѣ съ его колокольнею въ 1654 году игуменомъ

Сергіемъ. *) Въ этомъ храмѣ и почитаютъ св. мощи преподобнаго Макарія; открыты они были въ 1512 г., 18 лѣтъ послѣ погребенія. О томъ когда и кѣмъ былъ воздвигнутъ этотъ храмъ—путешественникъ можетъ получить самыя подробныя свѣдѣнія изъ надписи, сохранившейся на одной изъ его стѣнъ. **) Обнесенный каменною оградой съ нѣсколькими башнями, Калязинъ монастырь представляетъ картину оригинальную, въ совершенномъ древнерусскомъ вкусѣ. Какъ видно изъ надписи подъ святыми воротами, эти стѣны начались строиться въ 1624 году и окончены были лишь въ 1648 г. Воспоминаніемъ отъ смутнаго времени здѣсь сохранились нѣсколько пушекъ отъ 2½ до 4 аршинъ длиною и нѣсколько сотъ чугунныхъ ядеръ, которыя достались монастырю по вѣсѣмъ вѣтроуламъ отъ поляковъ. Воспоминаніемъ же о преподобномъ Макаріѣ въ ризницѣ монастырской сохранились: два деревянныхъ потира, дискосъ и два блюда, на которыхъ онъ совершалъ обыкновенно литургію.

Кромѣ этого монастыря, управляемаго архимандритомъ, въ городѣ находится еще 7 каменныхъ церквей. Въ немъ считается до 1200 домовъ, изъ которыхъ 175 каменныхъ. Представителями мануфактурной дѣятельности города служатъ 27 разныхъ фабрикъ и заводовъ, изъ которыхъ 10 крахмальныхъ и 2 свѣчныхъ. Жители Калязина занимаются еще значительной торговлей, въ которой главную роль играть сбытъ хлѣба. Другія произведенія, исключая крахмалу, не имѣютъ значительнаго сбыта. Вообще можно сказать, что съ калязинской пристани отправляется каждый годъ до 300 судовъ съ грузомъ на сумму до милліона рублей.

Въ Калязинѣ считается до 7528 жителей обоего пола и находится одно уѣздное, одно приходское училище и городская больница.

Послѣ очерка города, счтемъ не лишнимъ упомянуть о торговцахъ Калязинскаго уѣзда, которые отличаются такою же способностью и такимъ же предприимчивымъ духомъ какъ и сосѣди ихъ ярославцы. Но, подобно тому какъ и тамъ, не всѣ села посвящаютъ себя исключительно промышленности. Промыслами на сторонѣ особенно занимаются села: Семенидово, Воспишино, Красное и Медвѣдицкая вотчина.

Въѣздъ Лютера въ Вормсъ. Историческій очеркъ.

Въ старомъ, богоспасаемомъ, градѣ Вормсѣ на Рейнѣ, слѣдовательно на землѣ священной Германской имперіи, уже съ января 1521 года былъ открытъ сеймъ, созванный императоромъ Карломъ V. для обсужденія и рѣшенія многихъ важныхъ вопросовъ. Благодаря этому сейму, въ стѣнахъ стараго города собралось такое множество князей, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, что чуть-ли не на каждомъ домѣ развивались знамена, флаги и блестящія щиты. Эти украшенія указывали, что ноть въ такомъ-то зданіи остановился такой-то князь или рыцарь, потому что въ свѣтѣ князей было много рыцарей и особъ изъ высшаго духовенства. Такъ какъ у этой знатной, именитой толпы не было почти никакихъ занятій, то большую часть времени князья, рыцари и духовные отъ нечего дѣлать проводили въ гостинницахъ и даже погребкахъ. И такія мѣста бывали обыкновенно всегда переполнены. День былъ воскресный, а именно это было въ воскресенье (Miscicordia) 24 апрѣля 1521 г.

Въ одномъ изъ самыхъ аристократическихъ такъ-сказать ресторановъ, устроенномъ въ нижнемъ этажѣ дома Іоаннитскаго командорства, въ небольшой залѣ собралось нѣсколько рыцарей и духовныхъ лицъ. Бесѣда, по видимому, была довольно оживленная. Господа эти весьма даже горячо толковали о томъ что въ скоромъ времени свершится и въ ожиданіи чего весь городъ волнуется—одни негодуютъ, другіе ликуютъ. Докторъ Лютеръ изъ Виттенберга, обвиненный въ ереси, вызванъ въ Вормсъ, на сеймъ, чтобы оправдаться передъ лицомъ этого судилища, покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Прошла молва, что онъ 4-го апрѣля изѣхалъ изъ Виттенберга вмѣстѣ съ гонимомъ отъ императора—Каспаромъ Штурмомъ, который передалъ Лютеру приглашеніе явиться въ Вормсъ и вручилъ ему особую грамоту срокомъ на *двадцать одинъ день*. Мелкіе торговцы и прочіи странствующій людъ, привлеченный сеймомъ въ Вормсъ, разнесли вѣсть, что Лютеръ уже прибылъ во Франкфуртъ. Вотъ объ этомъ-то и толковали, съ видимымъ волненіемъ, господа, собравшіеся въ Іоаннитскомъ командорствѣ. Обществу состояло изъ рыцарей (между ними былъ Ф. Крамъ) и нѣсколькихъ духовныхъ особъ. Укажемъ на болѣе важныхъ: баденскій канцлеръ Вегусъ, духовникъ императора, Іоаннъ Глапио (францисканецъ), доминиканскій пріоръ Іоаннъ Фабри изъ Аугсбурга и папскій посолъ (нунцій) Александръ. Всѣ они были заклятыми врагами «еретика», только канцлеръ Вегусъ менѣе строго осуждалъ Лютера за нападки его на торговлю индульгенціями, но за то рѣшительно обвинялъ монаха въ остальныхъ его посягательствахъ.

— Ну, вы, конечно, можете говорить что угодно, произнесъ канцлеръ, обращаясь къ Глапио, который такъ и сыпалъ отборными жесткими фразами:—по пока Лютеръ ограничился только тѣмъ, что обличалъ дѣйствительныя злоупотребленія при продажѣ индульгенцій—его не слѣдовало обвинять въ ереси. Въ этомъ онъ не былъ виноватъ. Сочиненія его, трактующія объ этомъ предметѣ—мнѣ извѣстны. Я читалъ ихъ и могу сказать, что эти книги даже для меня назидательны. Но вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ посмѣнулъ на каноническое право и на власть папы—онъ сталъ еретикомъ! Разумѣется, теперь монахъ этотъ не можетъ быть не обвиненъ въ ереси; однако-же мнѣ все-таки было-бы желательно, чтобы съ нимъ обошлись помягче, вообще—кратко... Это папѣрино голова дѣльная, сердце мужественное! Въѣдъ такой человѣкъ былъ бы просто благомъ для церкви, если-бы удалось наставить его на путь истинный, освободивъ отъ заблужденій!...

— Я то же думаю, заговорилъ ингольштадтскій профессоръ Экъ, депутатъ отъ курфюрста Трирскаго,—что слѣдуетъ постараться убѣдить его, доказать, что онъ слишкомъ далеко зашелъ, подѣйствовать на него словомъ, потому что страхомъ (насколько я его знаю) ничего не сдѣлаешь.... Угрозой не заставить его отречься! Сеймъ, по моему мнѣнію, не совсѣмъ удобное мѣсто для обсужденія подобнаго дѣла.... Всею лучше было-бы созвать для этой цѣли особый соборъ.

— Все это такъ, замѣтилъ Александръ,—если-бы только курфюрстъ, покровитель его, не настаивалъ на томъ, чтобы разсмотрѣніе этого дѣла непременно происходило на нѣмецкой землѣ. Но въѣдъ слыжа же, такъ сказать, *выписать* соборъ въ Германію; къ намъ же, въ Италию, курфюрстъ не хочетъ отпустить Лютера.

— Позвольте, мнѣ кажется, вмѣшался рыцарь Ф. Крамъ,—что вамъ, итальянцамъ, слѣдовало-бы тоже хоть разъ уступить! Тѣмъ болѣе—случай такой важный.... Скажите, на основаніи какого закона всѣ соборы должны непременно созываться въ Италию?... Какъ будто ужъ мы, нѣмцы, и недостойны такой чести! Развѣ въ былыя времена въ Германіи не было соборовъ?... Теперь папскій дворъ желаетъ, чтобы все дѣлалось вблизи его, подъ его падзоромъ....

*) т. е. во время правленія царя Алексѣя Михайловича и патріаршества знаменитаго Никона.

**) Въ притворѣ храма находится каменная гробница преславащаго Серапіона, на которой и высѣчена надпись: дѣла 7111 предстаетъ рабъ Божій пресвященній митрополитъ Серапіонъ Сорскій и Подольскій, майя во 2-ой день, постриженикъ Калязина монастыря, уроженецъ г. Балезина.

— Вы, как кажется, уже на пути въ область ереси! воскликнул смѣясь Алаандръ. — Развѣ не во власти папы назначать мѣсто, гдѣ быть собору?...

— Нѣтъ, я добрый католикъ, и какъ вѣрный слуга почитаю его святѣйшество, возразилъ Ф. Краммъ. — Лютера я пламенно ненавижу, и его вмѣстѣ со всѣми прочими еретиками охотѣе всего увидѣлъ-бы на пылающемъ кострѣ, — но я не могу одобрить того, что папа все хочетъ совершать въ Италіи!... Самые доходные приходы во всѣхъ странахъ онъ отдаетъ своимъ итальянцамъ, а католикамъ другихъ націй — ничего!... Вѣрите мнѣ, что ничто такъ не помогаетъ распространенію еретическаго духа, какъ повсемѣстное возвышеніе итальянцевъ... Да, и вотъ ненависть къ нимъ переносится на неповинную церковь!...

Іоаннъ Глаію, въ запальчивости, почти крикнулъ:

— А я думаю, что всѣ мы, отъ души желающіе побѣды истинной вѣры надъ ересью, всѣ мы должны были-бы оставаться единоплеменными! Намъ не слѣдуетъ ссориться изъ-за формальностей! Несогласіе наше является какъ-бы пособникомъ ереси, которая и становится отъ этого болѣе дерзкой... Я согласенъ съ тѣмъ, что на сеймѣ не мѣсто разсматривать подобное дѣло и что этого высокоумнаго человека силою заставить отречься нельзя. Пусть такъ! Но я желалъ-бы только знать, неужели онъ на пути въ Вормсъ?...

— Я могу сообщить вамъ касательно этого самое вѣрное извѣстіе, заговорилъ одинъ изъ рыцарей: — рейткнехтъ мой пріѣхалъ сегодня изъ Франкфурта и сказалъ, что самъ видѣлъ тамъ Лютера. Лютеръ остановился въ домѣ у Екатерининскихъ воротъ... Народъ такъ и лѣзетъ туда! Настоящая осада! И каждый разъ, какъ онъ появляется въ окнѣ — толпа восторженно приветствуетъ его...

— Это ужасно! произнесъ Глаію. — Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы все сдѣлали, чтобы не допустить монаха сюда... Но, какъ видно, онъ сильно заносчивъ, высокомеренъ, и словить его нельзя! Мы надѣялись пугнуть Лютера самымъ вызовомъ на сеймъ — вѣдь долженъ-же онъ былъ почувствовать ничтожество свое, безсиліе передъ лицомъ такого блестящаго собранія! Онъ — простой монахъ, по настоящему, долженъ былъ опѣшавать въ такомъ случаѣ и, наконецъ, *не мышило бы* ему вспомнить Гусса... И что-же?... Лютеръ — изъясняетъ готовность явиться на сеймъ; онъ, повидимому, не ощущаетъ ни малѣйшей робости передъ величіемъ трибунала!... Мы даже стороной велѣли *предостеречь* его, пока онъ еше на дорогѣ въ Вормсъ, — но на всѣ предостереженія упрямецъ этотъ, говорятъ, постоянно и дерзко отвѣчалъ такъ: «Меня вызвали — ну, я и явлюсь, — хоть-бы тамъ, въ Вормсѣ, было столько же чертей, сколько черенцовъ на крестѣ, и если-бы даже сооруженъ былъ костеръ вышиной до облаковъ!»... Въ самомъ началѣ сейма противъ Лютера была обнародована булла, затѣмъ Алаандръ говорилъ рѣчь противъ него-же... Смыслъ этой рѣчи онъ долженъ былъ-бы хорошо понять, потому что вѣдь обо всемъ ему доносили! Здѣсь у курфюрста много добрыхъ совѣтниковъ и рыцарей, которые и сообщаютъ Лютеру самыя свѣжія новости... Потомъ, мы выхлопотали у императора эдиктъ, въ силу котораго всѣ сочиненія еретика сданы были на руки начальству; мы велѣли сочиненія эти сжечь публично, гдѣ только возможно было устроить такое ауто-да-фе, а онъ отвѣтилъ на это — публичнымъ-же сожженіемъ папской буллы! Однимъ словомъ — чѣмъ сильнѣе нападаютъ на него, тѣмъ дерзновеннѣе и безумнѣе становится онъ... Слѣдуетъ серьезно опасаться, что Лютеръ и на сеймѣ не растеряется и — онъ не лишень даже слова — оправдаетъ себя съ свойственною ему ловкостью... Папа, въ своей *Bulla Coenae*, проклялъ его во всеуслышаніе, какъ еретика, даже по имени его назвалъ, — но онъ и вниманія не обратилъ на это! Напротивъ — сталъ еще упрямѣе!... И такъ, все напрасно! Монахъ этотъ неустрашимъ и — идетъ сюда... Это просто несчастье, если онъ будетъ здѣсь: отвѣты его передъ трибуналомъ помогутъ только распространенію его славы, и все это дѣло явится въ блестящемъ видѣ передъ глазами всего свѣта!... Вотъ, если-бы кто нибудь зналъ средство удержать этого нахальнаго монаха, не допустить его до Вормса... Но что я говорю? Конечно, охранныя грамота сдѣлаетъ путь его безопаснымъ... Да, и мы не могли добиться, чтобы грамота эта была уничтожена!... Императоръ держитъ свое слово: онъ и знать не хочетъ того, что легко можетъ отпереться, ибо *никто не обязанъ держать слова даннаго еретикъ*... А насколько я знаю Карла, онъ не прочь будетъ снабдить Лютера такой-же грамотой и на обратный путь!... Хотя я и духовникъ императора, но вмѣшиваться въ дѣла его не дерзаю...

— А я все-таки надѣюсь, заговаривалъ рыцарь Ф. Краммъ, — что намъ удастся не допустить его до Вормса... Задержутъ! Нѣтъ, не легко ему будетъ пробраться сюда изъ Франкфурта: все дворянство въ Оденвальдѣ — добрые, вѣрные котолки! Двоюродный братъ мой, Эрбахъ, писалъ мнѣ, что они дали другъ другу слово захватить еретика на дорогѣ и сдѣлать его безвреднымъ. Отъ Оппенгейма до Вормса всѣ пути заграждены ему — рыцари и ихъ рейтары вездѣ на сторожѣ... Ну и если онъ попадется къ нимъ въ лапы, то ужъ не увидѣтъ ему больше ни солнца, ни луны!... Въ подземной тюрьмѣ какого нибудь замка у него достаточно будетъ времени поразмыслить о содѣянной имъ дерзости!...

— Ну, это не совсѣмъ хорошо, замѣтилъ Вегусъ, — значитъ, имперскіе рыцари въ Оденвальдѣ не хотятъ съ должнымъ уваженіемъ отнестись къ охранный грамотѣ, данной императоромъ... Но я

все-таки полагаю, что они не рѣшатся наложить руку на Каспара Штурма, гонца его величества. Они, конечно, еще одумаются!...

— А я противнаго мнѣнія, сказалъ Алаандръ, — нѣтъ, они не одумаются! Эти имперскіе рыцари — преуспѣвшие господа... Императорскія повелѣнія они ни во что не ставятъ. Есть у меня вѣрные данныя, что и Зикингенъ съ своимъ коннымъ отрядомъ, стоитъ на готовѣ... Вотъ это-то обстоятельство скорѣе могло-бы побудить рыцарей не заграждать пути Лютеру, ибо схватка съ Зикингеномъ пугаетъ ихъ... Я знаю, что между имперскими рыцарями довольно много такихъ, которые весьма даже благосклонно относятся къ еретикъ... Да вотъ, говорить, что здѣсь, въ городѣ, собралось ихъ болѣе четырехсотъ, и они порѣшили — въ крайнемъ случаѣ дѣло силою освободить Лютера, если охранныя грамота будетъ уничтожена... Конечно, можетъ быть, тутъ преувеличиваютъ, но я получилъ письма, въ которыхъ были подобныя угрозы. Во всякомъ случаѣ, нельзя не сказать, что Оденвальдское рыцарство составляетъ прекрасное исключеніе — это все славные люди; большинство-же имперскихъ рыцарей способно дѣйствовать въ пользу еретика.

— Чтобы какому нибудь рыцарю удалось захватить Лютера — это еще сомнительно, такъ по крайней мѣрѣ я думаю, заговорилъ Глаію, — хотя и увѣренъ, что лично графъ Эрбахъ храбръ и отваженъ, притомъ-же онъ ревностный христіанинъ, врагъ всякой ереси... Уничтожить еретика-доктора ему потому хочется, что онъ надѣется этимъ оказать услугу церкви, т. е. загладить старыя свои грѣхи... Графъ хотѣлъ какъ-то предпринять путешествие въ Святую Землю, но ему помѣшали исполнить такое благое намѣреніе... Ну, вотъ, онъ и сдѣлаетъ теперь *все*, чтобы осуществить *второй* свой планъ. Если-же это не удастся, то я стану ожидать успѣха съ другой стороны — и успѣха лучшаго... Я говорилъ съ курфюрстомъ Майнцскимъ; онъ принялъ мой совѣтъ и я ожидаю теперь благаго результата... А палатинъ (Фридрихъ Саксонскій) дрожалъ за своего друга — такъ я его напугалъ! Онъ даже написалъ письмо Лютеру, въ которомъ убѣждалъ его вернуться... Но это не принесло никакой пользы! Онъ далъ мнѣ прочесть отвѣтъ монаха. Лютеръ, увѣдомляя его о скоромъ своемъ пріѣздѣ, пишетъ: «Мы прибудемъ, любезный палатинъ, хотя-бы самъ сатана нагородилъ мнѣ на пути бездну преградъ и глеческихъ препятствій. Пусть онъ дѣйствуетъ вопреки императорскимъ приказамъ и булламъ, а мы придемъ на зло всѣмъ адскимъ помѣхамъ, на зло дьявольской силѣ, властвующей на землѣ и подъ землей! Христосъ пребываетъ въ Вормсѣ, какъ и вездѣ, а потому я рѣшился не обращать вниманія на сатану и пугнуть его!» — И такъ, письмо покровителя не подѣйствовало... Тогда курфюрстъ Майнцскій написалъ Зикингену, чтобы тотъ убѣдилъ друга своего, Лютера, отправиться не въ Вормсъ, а въ Эбернбургъ, и тамъ, находясь въ полной безопасности, обсудить все это дѣло совместно съ нѣсколькими духовными лицами, командированными для этой цѣли папой и императоромъ. Что-жъ, можетъ быть это и поможетъ, если Лютеръ увидитъ, что и могущественный покровитель его — Зикингенъ тоже — опасается за него и даже приглашаетъ его къ себѣ?... Вамъ вѣдь извѣстно, что Эбернбургъ — это убежище всѣхъ враговъ церкви, и ужъ гдѣ живетъ Гуттенъ — тамъ-то и находится самое гнѣздо еретиковъ! Мы, конечно, и въ Эбернбургѣ ничего не подѣлаемъ съ этимъ монахомъ, но, по крайней мѣрѣ, дѣло-то не получитъ такой огласки, какъ тутъ; потише, келейнымъ образомъ — гораздо лучше, да и Лютеру скорѣе можетъ повредить это, т. е. если онъ не явится въ Вормсъ по приглашенію императора. На предполагаемомъ диспутѣ въ Эбернбургѣ я самъ вызвался быть оппонентомъ — и скажу, что задача эта не совсѣмъ-то пріятная, ибо Лютеръ — такой противникъ, которымъ нельзя пренебрегать при словесномъ состязаніи, тѣмъ болѣе, что онъ, чувствуя себя тамъ въ совершенной безопасности, удвоитъ свою смѣлость... Очень пріятно-бы мнѣ было, еслибы планъ этотъ удержать его, не допустить до сейма — удался. Это было-бы проще всего! И я надѣюсь на успѣхъ, потому что Зикингенъ не привыкъ, чтобы ему въ чемъ-бы то ни было отказывали. Мнѣ удалось расположить въ пользу этого плана Вуцера, совѣтника Зикингена. Вуцерь вѣдь тоже живетъ въ Эбернбургѣ.

— Что-жъ, это недурно придумано и дѣло ведено тонокъ, замѣтилъ канцлеръ Вегусъ, — во всякомъ случаѣ, предпринять такую мѣру лучше, чѣмъ нарушать охранный грамоту, данную императоромъ... Но я боюсь, что-бы ваши тетя не оказались слишкомъ тоненькими для *такой* птички: она прорветъ сѣть — и улетитъ!.. Какъ-бы то ни было, я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что хорошо было-бы задержать Лютера, не дать ему возможности публично произнести рѣчь передъ цѣлымъ сеймомъ... Полагаю, что рѣчь его нанесетъ не малый вредъ церкви...

— Надѣюсь, что такъ или иначе, а это намъ удастся, сказалъ Краммъ, — я думаю, что дѣло обойдется безъ пролитія крови... Впрочемъ, меня нисколько не огорчало-бы, если-бы при этомъ дерзкій еретикъ отправился къ ираотцамъ!..

Такъ какъ было уже довольно поздно, то собесѣдники поднялись съ своихъ мѣстъ и отправились восвояси. Канцлеръ Вегусъ, дорогой, отвѣдя рыцари Ф. Крамма всторонку, сообщилъ ему, что для его сына пашлось наконецъ приличное мѣстечко. Краммъ пріѣхалъ въ Вормсъ съ шестнадцатилѣтнимъ своимъ сыномъ, разсчитывая воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ — стеченіемъ въ одномъ мѣстѣ столькихъ высокородныхъ особъ — и опредѣлить мальчика на службу къ какому нибудь знат-

Въездъ Лютера въ Вормсѣ 1521 г. Съ картины Шнайтсберга. Грав. Эттингъ.

ному рыцарю или князю. Канцлеру удалось это устроить, и он объявил Крамму, что герцог Эрхц Брауншвейгский, также прибывший на сейм, изъявляет готовность принять молодого Крамму к себе на службу в качестве лейб-пажа.

— Для вашего мальчика место это отличное, прибавил Вегус:— герцог Эрхц—человек честный и щедрый, ну, и катolik он добрый.... При его дворе все, можно сказать, поставлено на самую благородную ногу; на днях вам пужно будет жить с ним, вместе с сыном, чтобы, понимаете, представить будущего лейб-пажа. Герцог живет с пфальцграфом Людвигом в гостинице «Лебедь».

Рыцарь поблагодарил канцлера за усильное его ходатайство в этом деле и, проводив Вегуса до дому, пожелал ему спокойной ночи.

II.

Дородный хозяин гостиницы под названием «Золотой Крест», в Оппенгейме, стоял под сводами ворот своего старинного дома и глядел на рыночную площадь. Дом этот, как древний благородный замок, выстроен был в смутные времена средних веков, а потому и мог быть, в случае надобности, не только жилищем, но и крепостью. Все здание, вместе с обширным двором внутри, было обнесено высокою, крепкою зубчатой стеною. Самый замок фронтоном своим выходил на площадь, причем нижняя часть стены его—из массивных каменных плит—не имела окон; вместе с ней были бойницы, за которыми находились конюшни. Весь первый этаж отдавался в распоряжение приезжающих. Над воротами высилась массивная башня, как-бы защищая вход в замок.

Это было вечером того же 14-го апреля 1521 г. Смотри на площадь, хозяин «Золотого Креста» замечал толпу молодцоватых всадников, которые направлялись как раз к воротам его гостиницы. Вот они подъехали и остановились. Предводитель их, не слезая с коня, обратился к хозяину «Золотого Креста» с вопросом: может-ли он дать ему и его свите помещение на ночь?

Толстик сейчас же, по голосу, узнал человека, заговорившего с ним, потому что человек этот, понадеясь в Оппенгейм, постоянно останавливался у него. Это был—богатый, могущественный граф Ф. Эрбах, обладатель поместий в Оденвальде.

— Пожалуйте, ваша милость, пожалуйста, ответил хозяин, почтительно снимая шапку,—взъезжайте! Сказать по правде—сегодня у меня маленько тесновато, так как большая компания путешественников тоже остановилась, но для вашей милости всегда место найдется! Прошу покорно пожаловать!

Новые гости въехали на обширный двор «Золотого Креста». Оруженосцы отвели лошадей в конюшни, а сам хозяин повел графа наверх по витой лестнице.

Войдя в большую комнату, с окнами на рыночную площадь, рыцарь оглянулся и, как кажется, остался доволен.

— Ну, так у вас уже есть гости—а? заговорил он.—Кто же они такие?

— По имени-то я их не знаю, но, надо полагать, что они из духовенства и едут на сейм. Между ними очень даже ученые есть господа, потому что, извольте видеть, они, за обедом, премного говорили на иностранном диалекте. Должно быть это—итальянцы, либо испанцы.... Я-то ни единого словечка не понял! В свите его величества довольно много чужестранных духовных особ—ну, вот, верно и эти-то оттуда-же, потому что их сопровождает рыцарь, носящий цвета императора. Да вам-то едва-ли придется встретиться с ним: очень уж дорога их утомля—и они наверно полегли все спать.

— Ну, и я не мало проехал и тоже порядком устал, заметил граф Эрбах.—Будьте так добры, мастер Килиан, велите-ка подать мне сюда любимый мой «ночной» напиток! Полагаю что в эту комнату вы отдали в мое распоряжение?

— К вашим услугам, милостивый граф! Располагайтесь тут. Да у меня другой свободной комнаты и нет.... Эта собственная столовая.... Отдаю ее вам—уж не взыщите!

— Пить, ничего... Я совершенно доволен и таким помещением, сказал рыцарь и начал снимать с себя доспехи.—Я тоже думаю скоро уехать, чтобы хорошенько отдохнуть, потому что мне предстоит еще длинный путь. А скажете-ка, не слышали-ли вы: проезжал здесь еретики-то из Виттенберга? Говорят, он уже на пути в Вормс....

— Ну, я не очень-то интересуюсь политикой, ответил мастер Килиан и прибавил:—нет, касательно еретика ничего такого не слышал, то есть насчет его проезда.... Да уж в городе-то нашем наверно без шума не обошлось-бы, если-бы это случилось, потому всякий захотел-бы тоже поглядеть на такое чудило!.. Нет, все тихо было.

— Ну-так он еще пройдет тут. Распорядитесь же насчет напитка-то!

Хозяин удалился. Когда «напиток» был принесен, граф подошел к одному из низеньких окон, выходивших на рыночную площадь, отворил его и присел у подоконника, чтобы осветить голову и лицо послы долгой, утомительной езды. Прохладный ночной ветерок пахнул на него. Оконце это находилось как раз возле одной из угловых башен; граф мог ви-

деть часть стены ее, а в ней—окно (оно было пробито выше окошек столовой), которое тоже было отворено и освещено. По движущейся тени он заключил, что там в башне кто-то ходит взад и вперед,—и не ошибся, потому что услышал чей-то громкий голос.... Рыцарь стал прислушиваться и, немного погодя, убедился, что незнакомец не просто говорит, а молится вслух—на немецком языке!... Сначала отдельные слова, а потом и целые фразы стали долетать до неба.

И сколько истинной, теплой веры было в той молитве! Слова звучали так искренно, что, казалось, они лились прямо из отворста сердца молящегося... Рыцарь, благодаря почной тишине, ясно, отчетливо слышал теперь каждое слово; он был глубоко тронут и невольно скрестил руки на груди... Прошло полчаса, а незнакомец все молился; слова неудержимым потоком лились; молитва тем же далее, тем становилась восторженнее, пламеннее, будучи преисполнена верой и упованием.... Иногда казалось, что все это говорил невинный отрок, обращаясь к отцу своему—так неподдельно искренно, детски-чисто выражал молящийся перед лицом Господа свои мысли: он молился о церкви, о всем христианстве, просил благодетельства страсти и князьям мира сего, просил благодати и всякого счастья любезным соотечам своим—и немцам.... Наконец, звучно и громко воскликнув «аминь!», незнакомец задумал огонь и затворил окно.

— Ну, это должно быть замечательно-благочестивый человек! проговорил граф про себя и прибавил:—такой молитвы я не слышал еще ни разу в жизни! Да, ничье слово не западало так глубоко в мою душу!.. Это, вероятно, одно из тех чужестранных духовных лиц, о которых говорил хозяин.... Но он не итальянец и не испанец: я не слышал еще человека, который владел-бы так великолепно немецким языком! Это просто была какой-то чудный поток: благозвучные волны, одна за другой, катились и исчезали в торжественной тишине.... Наверно, человека этого нарочно пригласили приехать на сейм, чтобы он вступил в борьбу с Лютером и победил-бы сего злого Виттенбергского еретика. Ну, тому против этого не устоять, без всякого сомнения! Этот, как видно, слишком хорошо умеет владеть «мечом веры»!.. Завтра утром мне слезу непременно посетить его и попросить благословения на задуманное мною доброе дело.... Конечно, строго говоря, я мог-бы теперь спокойно пропустить Лютера в Вормс, потому что вде еретика с таким мужем не совладать.... А вот завтра поговорю с ним насчет моего предприятия, узнаю его мнение. Может быть, ему будет решительно все равно—захвачу-ли я его противника или нет: ведь он должен разбить его в пух и прах—и наверно разобьет!..

Убаюкиваемый такими мыслями, граф Эрбах лег в постель и скоро заснул крепким сном, как и подобает здоровяку.

Утром, на другой день, он кликнул мастера Килиана и, когда тот явился, поручил ему сходить к незнакомцу, находившемуся в угловой башне, и спросить: может-ли рыцарь посетить его, так как он, рыцарь, желал-бы переговорить с ним об одном важном деле?—Хозяин вернулся с утвердительным ответом. Граф сейчас-же и отправился к незнакомцу. Войдя в комнату угловой башни, рыцарь увидел там человека худоского, но крепкого и стройного, в одежде августинского монаха, который и встретил гостя самым дружелюбным образом.

— Чем могу служить вам? спросил он.

— Достоинственный муж, заговорил граф,—вчера ночью я слышал, так как окно ваше было отворено, как вы молились... Молитва ваша глубоко взволновала мое сердце. В вас должна быть какая-то особенная святость и кроме того вы—ученый муж.... Вот, и хотелось-бы мне получить от вас благословение, либо я задумал одно благочестивое дело, ради которого и отправляюсь сегодня в путь.

— От всей души благословляю вас, сказал монах,—но не называйте меня святым.... Куда нам до святости! Я такой-же блудный грешник, как и вы, и живу лишь милостью Божией, но люблю всем сердцем своим Господа нашего Иисуса. Вижу что и вы любите Его, а потому вы для меня—добрый друг и брат, которому я желаю всякого благополучия. Скажу вам: не возлагайте слепца надежды на добрые дела, ибо Господь видит и сердце наше.

— Воистину так, преподобный отче, промолвил рыцарь:—и если Господь устремит око Свое в мое сердце, то увидит, что задуманное мною дело я хочу свершить лишь для блага Его святой Церкви!..

— Если это так, то вы уже имеете благословение свыше, а потому от меня, скромного блудного монаха, вам и не нужно никакого напутствия,—но, повторяю, я охотно благословляю вас. Да, блудная церковь терзает ний внутри и извне!.. Она истекает кровью.... Тысячи раи зияют на ее теле—и ни у кого нет для нее цыгильного балзема!.. Свиньи страшно изрыли вертоград Господний!.. И вот, мне вдвойне приятно встретить в вас человека, имеющего намерение сделать что нибудь полезное для церкви Христовой.

— В таком случае, я все вам открою и попрошу у вас «духовного» совета, проговорил граф.—Но прежде всего, скажите: вас наверно вызвали на Вормский сейм, чтобы вы могли там побороться за церковь?

— Совершенно справедливо, ответил монах: — да, я должен свидетельствовать о божественной правде, ибо на нее ныне свирепеют нападения... Ее поносить именно те, которые должны были бы служить ей защитой и проповедовать о ней!..

— Значит, я не ошибся. И так, послушайте меня. Перед вами — граф фон Эрбах из Оденвальда. Я и спутники мои предприняли это путешествие цѣлью захватить на дороге страшного еретика — Лютера, который уже находится на пути въ Вормс. Захватив еретика, мы отправимся обратно, и я запрючу его въ подземную тюрьму моего замка. Духовник мой говорил мне, что он такой еретик, каких еще и не бывало на землѣ! Лютер отрицает Бога и Господа нашего Иисуса Христа; он и тѣломъ, и душой — всецѣло преданъ дьяволу... Устроить такъ, чтобы онъ былъ вполне безвреднымъ существомъ — это обязанность каждаго добраго христианина! Такое дѣло похвальнѣе всякаго другаго подвига, напимѣръ — путешествія ко святымъ мѣстамъ, въ Иерусалимъ, которое, однако, я также предпринялъ — бы весьма охотно. Вотъ, на дѣлахъ, онъ долженъ пробѣжать тутъ, по близости — ну, я и подкарауливаю его... Если вы благословите меня, то я буду увѣренъ, что Господь пошлетъ мнѣ удачу — и благодаря вашимъ молитвамъ, еретикъ будетъ въ моихъ рукахъ. Да, вы такъ умѣете молиться, что небо навѣрно услышитъ ваши моления!..

— Ну, господинъ графъ фонъ-Эрбахъ, произнесъ улыбаясь монахъ, — ваша молитва уже услышана! Передъ вами — тотъ самый архиеретикъ, котораго вы хотите поймать. Я — Лютер. Дѣлайте что угодно и что будетъ согласно съ волею Божьей. Я въ вашихъ рукахъ... Если Господь Богъ восхотѣлъ, чтобы я погибъ отъ вашей руки — пусть такъ и будетъ! Я готовъ.

Слова эти такъ поразили рыцаря, что онъ совершенно растерялся и приговорилъ:

— Какъ!.. неужели вы... вы тотъ самый Лютеръ, которому приписываютъ такую массу зла?.. Быть этого не можетъ!.. Я собственными ушами слышалъ, какъ вы можете молиться; знаю, каково вѣру въ Бога и Господа Христа наполнило ваше сердце; знаю... Нѣтъ, не обманывайте меня! Вы не въ состояніи быть такимъ какимъ васъ представляютъ, вы — не злодѣй!

— Тѣмъ не менѣе я все-таки — Лютеръ, ответил монахъ. — Послушайте, они васъ бесовски обманули! Да, я вѣрую всѣмъ сердцемъ въ Спасителя нашего, я хотѣлъ видѣть Его святую церковь обновленною, чистою... Безбожные, продажные люди слишкомъ стали злоупотреблять этой святиней, загрозили ея!.. И вотъ, за это-то они и ругаютъ меня еретикомъ!..

Графъ схватилъ руки Лютера и произнесъ взволнованнымъ голосомъ.

— О, если-бы они вчера, ночью, могли слышать васъ, слышать молитвы ваши, то не говорили-бы они такъ, не разглашали бы, что вы хотите разрушить церковь, уничтожить самую вѣру... Я знаю, вѣру, что вы святы передъ лицомъ Господа, и никто не разувѣритъ меня въ этомъ! И если вы говорите, что церковь должна быть обновлена, очищена, что злоупотребления есть и ихъ надо искоренить, — то слова наши справедливы, и все это должно быть сущей правдой. Человекъ, молищійся такъ, какъ молитесь вы, не можетъ быть лжецомъ! Это — благочестивый, искренній христианинъ. Вы были увѣрены, что вчера, ночью, васъ никто не слышалъ; вы вѣдь не знали, что каждое слово долетало до меня... Вотъ этимъ мечомъ я буду доказывать всѣмъ и каждому то, во что самъ теперь увѣровалъ, и да будетъ благословенъ часъ нашей встрѣчи! Я узналъ Лютера!..

Они разговорились. Графъ Эрбахъ, какъ истинный христианинъ и вообще человекъ благочестивый, не могъ не внять словамъ Мартина Лютера: онъ прозрѣлъ, съ глазъ его какъ-бы упала повязка... Рѣчь монаха была проста, убѣдительно; онъ многое разъяснилъ рыцарю, указавъ ему, какъ римскіе попы затемняютъ и искажаютъ святое учение — самое Евангеліе, вслѣдствіе чего благородные германцы лишены возможности наслаждаться священнѣйшими дарами, великою благодатью, дарованною Христомъ, Спасителемъ всего міра.

— Все сказанное вами да благословитъ Господь! произнесъ графъ. — Вы открыли мнѣ глаза, и я увидѣлъ евангельскую истину! Дѣйствительно, рыцарь окончательно прозрѣлъ; всѣ сомнѣнія его разсѣялись какъ туманъ, исчезающій при блескѣ солнечныхъ лучей.

— Отнынѣ — я вашъ, продолжалъ онъ, — и вы смотрите на меня, какъ на своего ученика, который всѣмъ обязанъ учителю! Боже мой, въ какой грѣхъ ввели-бы меня эти проклятые лицемеры, если-бы я наложилъ руку на васъ, послануль бы на самого избранника Божія!.. Такъ какъ я виноватъ въ помыслахъ своихъ, то хочу и это загладить. Не ѣздите въ Вормсъ, преподобный отецъ! Они отнимутъ тамъ у васъ охранную грамоту, а потомъ отнимутъ и жизнь... Знаю я — многие втайнѣ помышляютъ объ этомъ, да вѣдь и самъ я былъ за одно съ ними! Слушайте: между Опенгеймомъ и Вормсомъ всѣ ущелья заняты конными отрядами, которые и подкарауливаютъ васъ... Если вамъ и удастся спастись и благополучно доѣхать до Вормса — въ самомъ Вормсѣ вамъ угрожаютъ еще большія опасности... Вѣрьте же мнѣ! Отправимся лучше въ мой замокъ Эрбахъ... Тамъ васъ ничто не потревожитъ, а въ случаѣ чего — общаю защитѣ моего гостя до послѣдней капли крови! Не ѣздите въ Вормсъ... Лучше быть подавѣе отъ ливнаго договора!..

— Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе ко мнѣ расположеніе, сказалъ Лютеръ, тронутый такимъ вниманіемъ рыцаря, — но я — воинъ Христовъ и долженъ идти своей дорогой. На сеймъ — такъ на сеймъ! Въ Вормсѣ мнѣ надо быть — и я буду тамъ. Оставайтесь вѣрныя своему призванію, пойду я впередъ и, если потребуютъ крови моей — пусть она прольется... Я буду благодарить тогда Господа за такую великую милость Его, потому что я недостойнъ прійти за Него вѣнецъ мученической... Да уже меня они останавливали на пути, уговаривали всячески вернуться, но Всевышній укрѣпляетъ мой духъ и я пребываю твердымъ. Еще въ Веймарѣ меня закидали предостереженіями: и справа, и слева говорили мнѣ, что я и сочиненія мои осуждены и выстѣ со мной будутъ преданы сожженію... Меня такъ тамъ пугали, что точный мой спутникъ наконецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не лучше-ли будетъ вернуться? не пожелаю-ли я этого?.. Да вотъ еще сегодня получилъ я письмо отъ палатина — и онъ то же самое софтуется... Вчера вечеромъ отъ Зикингена прібылъ сюда гонецъ — Буцеръ. Зикингенъ предлагаетъ мнѣ укрыться въ своемъ замкѣ, какъ въ безопасномъ мѣстѣ; тамъ соберется нѣсколько теологовъ, и вотъ съ ними-то я и долженъ буду обсудить все дѣло: такимъ образомъ диспутъ пройдетъ мирно, ибо я и противникъ мои будемъ въ полнѣйшей безопасности... Но внутренній голосъ говоритъ мнѣ: «Иди на сеймъ. Ты долженъ свидетельствовать тамъ о своемъ Господѣ! Успѣхъ — въ рукахъ Божіихъ!.. Императоръ и мой князь-покровитель рѣшилъ такъ, — и я обязанъ идти туда, куда мнѣ указано. Пусть этотъ не мною избранъ... И такъ, разстанемся друзьями! Благодарю васъ отъ всего сердца и молю Господа, да поможетъ Онъ вамъ еще лучше, еще яснѣе уразумѣть Его святое евангеліе!..

— Нѣтъ, воскликнулъ графъ, — мы не разстанемся! Я не покину Божьяго человека!.. Во главѣ моего отряда я буду сопровождать васъ въ Вормсъ и ужъ позабочусь о вашей безопасности. Будьте спокойны — ничего не бойтесь: я достаточно силенъ, чтобы отразить нападеніе на васъ прежнихъ моихъ союзниковъ; я имъ покажу себя, если они не захотятъ сами добромъ отказаться отъ своего намѣренія!..

— Силы небесныя! произнесъ Лютеръ и, обратившись къ рыцарю, сказалъ: — господинъ графъ, я состою подъ высшей охраной, а потому могу обойтись безъ вашей защиты... Безъ воли Божьей ни единый волосъ съ головы моей не упадетъ, если-бы даже на меня напали ваши прежніе союзники!.. Но если Всевышнему угодно будетъ, что-бы я пострадалъ, то ужъ тутъ никакія воины ничего не подѣлаютъ!.. Конечно, если вы хотите ѣхать со мной, то въ этомъ я вамъ не препятствую. Вамъ Богъ, видно, вложилъ эту мысль въ ваше сердце, и я поэтому не стану васъ отговаривать. Ну, теперь пора и въ дорогу! Повозочка готова, спутники мои тамъ уже ждутъ меня... Да хранитъ васъ Богъ, господинъ графъ, и да вознаградитъ Онъ васъ за ваше дружеское!

III.

Во вторникъ 16-го апрѣля, около полудня, рыцарь Ф. Краммъ собрался съ сыномъ своимъ къ герцогу Эриху Брауншвейгскому. Выйдя изъ воротъ дома, они увидѣли тамъ и самъ толпы народа; нѣкоторые улицы и площади были просто загроздены горожанами. Дѣло въ томъ, что разнесся слухъ — будто Лютеръ уже близко и скоро въѣдетъ въ самый городъ. Большинство Вормскихъ гражданъ было на сторонѣ реформатора, а потому понятно, что съ самаго утра всѣ они были на ногахъ, чтобы встрѣтить и привѣтствовать его. — Въ то время, когда Краммъ съ своимъ сыномъ шелъ по главной улицѣ — со стороны городскихъ воротъ послышались восторженные, радостные крики... Еще нѣсколько шаговъ — и рыцарь увидѣлъ приближающуюся процессію — поѣздъ Лютера.

Самъ реформаторъ, собравъ его по ордену — монаховъ Амсдорфа и г. Ф. Суавенъ сидѣли въ открытой повозкѣ (пѣто въ родѣ коляски съ небольшимъ бадахиномъ). Повозку это одоужилъ Лютеру Виттенбергскій Магистратъ. Передъ ней неистово прыгала и плясала придворный путь Курфюрста Баварскаго — Лѣффлеръ. Опустивъ на правое свое плечо длинный шестъ съ распятиемъ (употребляемый обыкновенно при похоронныхъ процессіяхъ), онъ громко пѣлъ, какъ слѣдуетъ, по церковному, слѣдующій стихъ извѣстныя молитвы: «Advenisti desiderabilis, quem expectabamus in tenebris (И вотъ, пришелъ ты, желанный, котораго ждали мы во мракѣ!)!» — Желалъ-ли Лѣффлеръ, прикрывшись маской, выразить этимъ свою преданность реформатору, — или, быть можетъ, держа погребальное распятие, онъ хотѣлъ символически представить Лютеру, при въѣздѣ въ городъ, то, что ожидаетъ его въ Вормсѣ, т. е. что онъ идетъ на вѣрную смерть?.. Намъ это неизвѣстно. За повозкой слѣдовалъ верхомъ на кобѣ императорскій гонецъ — Каспаръ Штурмъ, вручившій Лютеру охранную грамоту. Онъ былъ въ парадномъ костюмѣ, въ шляпѣ съ перьями, на груди его блестялъ вышитый орелъ. Оруженосецъ Штурма несъ за нимъ шлемъ и конюе. Тутъ же шелъ Юстусъ Иснасъ съ своимъ «фамулузомъ», а за ними ѣхали верхами саксонскіе дворяне: Бернгардъ Ф. Гиршефельдъ, Иоганнъ Шотте, Альбрехтъ Ф. Линденау и другіе, нарочито выѣхавшіе со свитой настрѣчу Лютеру. Громадная толпа людей обоюго пола и всѣхъ возрастовъ валила за всадниками. Вся эта масса была за городскими воротами, гдѣ и встрѣтила Лютера, чтобы потомъ прово-

дуть «смѣлаго монаха» до его квартиры въ городѣ. Неумолкаемое «ура!» звучало въ воздухѣ.

Рыцарь Ф. Краммъ съ сыномъ своимъ, взойдя на верхнюю ступеньку крыльца одного изъ домовъ, остановился тамъ и ждалъ, когда улица очистится. Теперь процессія шла мимо него. По временамъ, отрывочными словами онъ невольно обнаруживалъ досаду, даже гнѣвался, если толпа слишкомъ ужъ шумно начинала ликовать, но случилось, что по лицу его скользила улыбка удовольствія; это именно бывало тогда, когда вдругъ раздавался рѣзкій свистъ или слышался въ толпѣ крикъ ненависти...

— Да, безуміе заразительно, произнесъ Краммъ, покачивая головой: — одинъ дуракъ плодитъ тысячи себѣ подобныхъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ этого человѣка, могирающаго церкви и государство, привлеченнаго къ суду какъ преступника, — этого человѣка безумная толпа встрѣчаетъ радостными криками!.. Ну, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, эти-же самые безумцы станутъ также ликовать, реветъ отъ восторга, при видѣ пылающаго костра, а на немъ — еретика!.. Только императоръ остался-бы твердъ, не поколебался-бы его!.. Впрочемъ, тотъ-то ввелъ уже въ соблазнъ не малое число дворянъ...

— Знаешь что, отецъ, заговорилъ молодой Краммъ, указывая на Лютера: — человѣкъ этотъ, въ монашеской рясѣ, не можетъ быть еретикомъ... Какое у него открытое лицо, ласковый видъ! Ты только посмотри, какъ онъ благочестиво, скромно глядитъ! Нѣтъ, онъ навѣрно добрый христіанинъ! Я, знаешь, скорѣе представилъ-бы себѣ еретика въ видѣ... въ видѣ патера Глапио... У Глапио въ глазахъ есть что-то злое, лукавое... Ну, а святошество онъ умѣетъ представить!..

— Молчи, мальчишка! воскликнулъ раздраженный рыцарь. — Гдѣ тебѣ разсуждать о томъ, чего еще не понимаешь! У тебя голова слишкомъ еще молода, чтобы перевернуть подобныя вещи...

— Ахъ, погляди-ка, погляди! крикнулъ мальчикъ: — вонъ тамъ — въ поѣздѣ — идетъ нашъ Эрбахъ, да не одинъ — со святой своей! О, я хорошо вижу его рыцарскіе цвѣта!

— Что ты бредишь! вскричалъ рыцарь. — Развѣ онъ сталъ-бы украшать собою подобную процессію?! Развѣ Эрбахъ можетъ такъ нарядно провожать того, кто случайно ускользнулъ изъ его рукъ?

— Ахъ, да право-же, отецъ, это — онъ! Гляди: на ворономъ конѣ! Краммъ взглянулъ пристально — и убѣдился въ истинѣ. Сынъ его не ошибся: действительно, за валившей толпой ѣхалъ графъ Эрбахъ со своимъ отрядомъ...

— Все вверхъ дномъ перевернулось! воскликнулъ рыцарь, невольно разставивъ руки. — Что-жъ это такое?!.. Графъ Эрбахъ... за еретикомъ... во главѣ почетной стражи... За еретикомъ, котораго онъ самъ-же хотѣлъ уничтожить?!.. Ну, идемъ... Надо-же до конца все это досмотрѣть! Посмотримъ что будетъ дальше...

Они прошли переулкомъ, опередили процессію и какъ разъ во время подошли къ воротамъ дома, гдѣ жилъ Курфюрстъ Саксонскій съ свитой. Тутъ и остановилась виттенбергская колмага, потому что комната Лютеру была приготовлена именно въ этомъ домѣ. Толпа рыцарей собралась у воротъ — и какая толпа! Среди ея были даже владѣтельные князья, какъ напр., ландграфъ Гессенскій. Всѣ восторженно приветствовали августинскаго монаха, и вслѣдъ за нимъ вошли въ домъ... А толпа все прибывала да прибывала; много знатныхъ, высокопоставленныхъ особъ явилось сюда, чтобы приветствовать Лютера: одни выходили, другіе входили въ ворота... Вся улица гудѣла.

Рыцарь Ф. Краммъ, стиснувъ зубы отъ дурнѣвшей его злобы, стоялъ и смотрѣлъ на все это, будучи не въ силахъ оторваться отъ такого несправедливаго зрѣлища... Наконецъ, какъ-бы очнувшись и вспоминая, для чего онъ вышелъ изъ дому, быстро повернулся и поспѣшно зашагалъ по направлению къ жилищу герцога Эриха. Сынъ послѣдовалъ за нимъ. — Красивый, стройный мальчикъ понравился герцогу и былъ сейчасъ-же принятъ въ пажы.

IV.

Неспокойно было на душѣ рыцаря Ф. Краммы; тяжелые дни пришлось ему пережить... Хотя родственнику и бывшему его единомышленнику — Эрбаху и не удалось ослабить въ немъ чувства отвращенія къ Лютеру, однако-же рыцарь долженъ былъ сознаться, что монахъ этотъ — человѣкъ замѣчательный, обладающій значительною нравственною силою... Послѣ смѣлой, безстрашной рѣчи Лютера передъ сеймомъ, Краммъ почувствовалъ, какъ уваженіе къ «еретикъ» возросло въ немъ. «Я зовѣсь передъ вами: я не могу поступить иначе; Боже, помоги мнѣ! Аминь!» Эти послѣднія, заключительныя слова рѣчи «еретика» произвели на рыцаря особенно сильное впечатлѣніе... Волей-неволей, а онъ долженъ былъ признать, что человѣкъ, гонимый такъ, дѣйствительно по влеченію сердца, искренно, по совѣсти, — что онъ проникнутъ словомъ Божіемъ и обладаетъ такою мощью, противъ которой ничто не устоитъ, даже сама смерть не можетъ устрашить его...

Защитительную рѣчь свою передъ императоромъ и передъ лицомъ всего сейма Лютеръ произнесъ 18-го апрѣля. — Когда въ этотъ день онъ проходилъ въ залу засѣданія сейма, помѣщающуюся въ императорскомъ замкѣ, Краммъ стоялъ у входа въ эту залу около стараго своего военачальника Георга Ф. Фрундсберга, съ которымъ ему довелось побывать во многихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, какъ старикъ Фрундсбергъ, оставивъ реформатора, по-

трепалъ его по плечу и ласково проговорилъ: «Монашекъ, монашекъ! Идемъ ты теперь учинить такое нападеніе, совершить такое дѣло, какого ни я, ни многіе другіе полководцы не совершали еще, не смотря на самый строгій боевой порядокъ... Ну, ежели ты не заблуждаешься, смотришь вѣрно и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла — продолжай себѣ съ Богомъ, дѣйствуй и будь покоенъ: Господь тебя не оставитъ!»... Не могъ не замѣтить рыцарь и того, какъ многіе изъ членовъ сейма, именитые князья съ нескрываемою радостью приветствовали Лютера при появлении его въ залѣ. Слышалъ Краммъ, какъ въ толпѣ рыцарей сотни мечей громко звякнули, когда сами рыцари увидѣли, что къ реформатору подошло двое коронныхъ чиновниковъ... Звякнули мечи и раздался грозный вопросъ: «Не арестовываютъ-ли его?...» Если-бы Лютеръ не успокоилъ своихъ друзей, крикнувъ имъ дружескимъ тономъ: «Нѣтъ, это они меня только сопровождаютъ!», то еще неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это вспышка — такъ по крайней мѣрѣ показалось Крамму... И тутъ онъ долженъ былъ сознаться, что такая сила явилась и развилась изъ одного только простаго зернышка, сознательно-полнаго исповѣданія вѣры, — что толчокъ былъ данъ простымъ, безвѣстнымъ монахомъ, у котораго однако сита убѣжденія была велика... Да, и сила эта теперь такова, что никакія насильственные мѣры къ предотвращенію ея дальнейшаго развитія не дадутъ желаемого результата; даже могущественный Карлъ V не въ состояніи будетъ побѣдить ее... Если рыцарь Ф. Краммъ колебался и былъ почти готовъ перемѣнить образъ мыслей, если въ душѣ его происходила сильная борьба, — то слышъ его, какъ существо еще юное, свѣжее сердцемъ, не долго думая бросился въ волины всеобщаго одушевленія, примкнувъ къ тѣмъ, которые восторгались «смѣлымъ монахомъ». Во время религиозныхъ преній на сеймѣ, молодой Краммъ, въ качествѣ пажа, стоялъ за кресломъ своего господина, герцога Эриха Брауншвейгскаго. Уже много было наговорено съ обѣихъ сторонъ, но споръ все еще длился; стало смеркаться, золъ и совѣтъ стемнѣло, а потому принуждены были освѣтить залу факелами. Герцогъ Эрихъ любилъ, какъ говорится, *промочить горляночку*; поэтому пажу его частенько такъ приходилось наполнять чудеснымъ эймбекскимъ пивомъ серебряную кружку, которая и стояла тутъ-же, на готовѣ, за герцогскимъ кресломъ.

Когда Лютеръ окончилъ свою рѣчь и уже выходилъ изъ залы — испанскіе императорскіе гѣлохранители разразились презрительнымъ смѣхомъ; это заставило вскинуть молодого пажа; щеки его заалѣли отъ гнѣва, глаза сверкнули — и вдругъ заблестѣли радостно, весело... Герцогъ Эрихъ, обратившись къ нему и указывая на Лютера, сказалъ:

— Ну-ка, мальчикъ, ступай, отнеси этому доброму челопѣку кружечку съ прохладительнымъ, освѣжающимъ напиткомъ! Слѣдуетъ, слѣдуетъ ему выпить... Заслужилъ! Пусть онъ вѣруетъ во что ему угодно, пусть проповѣдуетъ, учить чему хочетъ, — но онъ — молодецъ, потому что умѣетъ постоять за свои убѣжденія, хорошо умѣетъ!.. Скажи ты ему, что я, католическій князь, самъ только-что пилъ изъ этой кружки... Не подумалъ-бы онъ, что я хочу его отравить! Такъ и скажи. Ну, поживѣ!

Молодой пажъ, храбро пробравшись въ толпѣ, прошелъ всю залу, съ серебряной кружкой въ рукѣ, и настѣлъ Лютера уже въ передней комнатѣ, гдѣ реформаторъ былъ окруженъ друзьями, пожимавшими ему руку. Друзья вызвали его проводить его до квартиры. Съ сияющимъ, радостнымъ лицомъ подошелъ юный Краммъ къ монаху, поднесъ ему кружку и передалъ слова своего господина.

Лютеръ, сильно вспотѣвшій, почти мокрый отъ пота, нисколько не колебался, съ полнымъ довѣріемъ къ германскому герцогу, взялъ кружку и осушилъ ее разомъ. Отдавая кружку обратно, онъ сказалъ: — «Какъ герцогъ Эрихъ вспомнилъ пилъ обо мнѣ, такъ да помянетъ его Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ послѣдній часъ его!»

И вспомянулъ старикъ герцогъ, на смертномъ одрѣ своемъ, эти слова Мартина Лютера, и пожелалъ онъ, чтобы пажъ его, Францъ Ф. Краммъ, взялъ евангеліе и прочелъ ему напутствіе... Такимъ образомъ, оканчивая свой жизненный путь, у послѣдней пристани всѣхъ смертныхъ, герцогъ Эрихъ наслаждался живительной струей изъ книги, надъ которой поработалъ тотъ, кому онъ самъ, въ трудную минуту жизни, подалъ кружку и утоилъ жажду...

Когда молодой пажъ, съ опорожнившейся кружкой, отходилъ отъ Лютера, послѣдній, обратившись къ одному изъ друзей своихъ, весело сказалъ: «Если-бы у меня, вмѣсто одной головы, была цѣлая тысяча головъ, я-бы скорѣе позволилъ отрубить себѣ всѣ, но ужъ ни на юту не уступилъ-бы, не перемѣнилъ-бы убѣжденій!»

Францъ Краммъ запомнилъ и эти слова августинскаго монаха-реформатора.

Этотъ день — 18-е апрѣля — былъ побѣднымъ днемъ для евангелической церкви. Она одержала побѣду въ стѣнахъ Вормса.

Мы представили читателю отдѣльный эпизодъ, картинку изъ временъ реформаци; но то, что изображено нами въ частности, относительно графа Эрбаха, обонихъ Краммовъ и Эриха Брауншвейгскаго, можно смѣло перенести на цѣлую массу современныхъ имъ людей, ибо на самомъ дѣлѣ одушевленіе тогда было всеобщее, такъ что наша картинка является только частичкой картины громаднаго размѣра. Десятки тысячъ католиковъ поколебались въ прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ и, наконецъ, прозрѣли, принявъ то, что по невѣдѣнію своему гнали и преслѣдовали. Многіе

изъ заклятыхъ враговъ Лютера, какъ еретика, лжеучителя, превратились въ друзей его и стали въ ряды бойцовъ за дѣло реформации...

Лютеръ явился въ Вормсъ въ качествѣ *подсудимаго*—и, не смотря на это, въѣздъ его въ этотъ городъ былъ триумфальнымъ шествіемъ. Тутъ столкнулись двѣ мощныя силы: виѣвныя—императоръ или вообще государство, во всеоружіи своемъ, —и внутрен-

няя, духовная: слово Божіе, возвыщенное устами бѣднаго монаха, готоваго пожертвовать жизнью, чтобы отстоять правду... Съ человѣческой точки зрѣнія, какъ хотите, въ борьбѣ этой—силы были далеко не равны, и все-таки *повидимому* слабѣйшая — побѣдила, что исторія и доказала; побѣда осталась за тѣмъ, кто ставилъ превыше всего—слово Божіе.

Калабріанка. Картина В. И. Мартенса. Грав. Гальбергеръ.

КАЛАБРИАНКА

Итальянки пользуются у насъ славою необыкновенныхъ красавицъ. Какъ во многихъ другихъ вещахъ—и здѣсь большую роль играетъ склонность сѣверянъ находить все иностранное красивѣе нежелъ свое родное. Правда, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи попадаются женскія фигуры, поражающія, особенно на первый взглядъ, красотой лица и благородствомъ осанки, но при болѣе близкомъ ознакомленіи съ ними мы убѣждаемся въ томъ, что южный, романскій брюнетъ есть прямая противоположность славянскому блондину. Черты лица итальянскихъ дѣвушекъ и женщинъ болѣе выразительны и болѣе обращаютъ на себя вниманіе, нежелъ нашихъ.—но характеръ самаго выраженія, послѣ того какъ

ослабѣетъ восторгъ къ иностранкамъ, нельзя сказать, чтобы былъ чрезъ чуръ пріятеленъ. Итальянки въ общемъ и цѣломъ оказываются то дурами и кокетками, то онѣ чрезвычайно пылы въ своихъ страстяхъ и живости характера. Онѣ перѣдко добросердечны, но ихъ добросердечіе поверхностно и имѣетъ въ себѣ много дѣтскаго. И черты лица напоминаютъ собою дѣтскія. При первомъ взглядѣ, глаза ихъ кажутся очаровательно огненными, но всмотрѣвшись ближе, мы приходимъ къ убѣжденію, что эта очаровательность во многомъ зависитъ отъ темной окраски и подвижности взора. Лица женщинъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Луккѣ и Пезолѣ, необыкновенно тупы и широки,

некрасивы или даже прямо отвратительны. Напротив того, тип римских женщин, въ отношеніи формъ, осанки и лица, исполненъ благородства и необычайно правильнаго изящества. У флорентинокъ лица маленькія, живыя и нерѣдко напоминаютъ собою лички прекрасныхъ нарижанокъ, — только цвѣтъ лица болѣе здоровый нежели у послѣднихъ. Очень молодыя дѣвушки и женщины значительно превосходятъ нашихъ — пышнымъ развитіемъ своихъ тѣлесныхъ формъ, но за то послѣ 25—28 лѣтъ эти художественныя и красивыя фигуры до того осовываются и

старѣютъ, что является сомнѣніе въ ихъ прежней красотѣ. Южныя итальянки болѣею частью некрасивы, онѣ обыкновенно маленькаго роста, истощенныя, имѣютъ подвижное лицо со злымъ выраженіемъ. Въ гористыхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Калабріи и Сициліи, особенно въ Палермо, встрѣчаются настоящіе южныя, живыя и выразительныя лица, сильно привлекающія своею пылкою наивною. Однѣ изъ этихъ типовъ представлены на нашей картинѣ въ калабріанкѣ.

Р у л а в к а.

(Изъ галлерей маленькихъ картинокъ.)

Въ небольшой комнаткѣ, на диванчикѣ полулежала молодая дѣвушка, недуренькая собой, — и повидимому думала. Брови ея были слегка сдвинуты, она покусывала губы и какъ-то первически-скоро то сматывала, то наматывала на палецъ обрывокъ красной шерстинки. Выраженіе лица ея вообще было повеселое... Вдругъ она вздрогнула и выронила шерстинку: дверь распахнулась, и въ комнату влетѣла молодая женщина съ большимъ платкомъ на головѣ. Еще на порогѣ она воскликнула:

— Варя, неужели это правда?!

— Ахъ, это ты, Паша?!

Подруги поцѣлвались.

— Правда?... Ну, по лицу вижу, что правда!... А—ахъ!..

— Да сбрось платокъ-то... Садись.

— Сяду, сяду! Я, знаешь, вѣдь нарочно забѣжала... Не повѣрила... Фекла Сидоровна говоритъ: „Варя-то у Васильисы Васильевны помолвлена“... „За кого? Врете вы, говорю... Какъ же я этого не знаю?...“ Говоритъ: „За богатаго купца, а фамиліи не помню“... Я такъ и всплеснула руками! Нѣтъ, говорю, быть этого не можетъ... Сама побѣгу и спрошу...

— Да-пу, сядь же, сядь! Вотъ сюда.

И Варя потянула ее за руку.

Паша сбросила платокъ и бухнулась на диванъ рядомъ съ подругой своей, не переставая тараторить.

— Фекла Сидоровна кофіемъ стала потчивать... Ну, васъ, говорю, и съ кофіемъ вашими! Некогда... Бѣжать надо! Да и кофію-то у ней прескверный... Марья Степановна говоритъ, что она перенарки пьетъ... Пере-варки? И куда она, чортъ ее знаетъ, деньги беретъ?... Ахъ да: такъ правда? Выходишь за-мужъ?... Какъ же это ты такъ-а?... А Дмитрій Петровичъ-то что-же? Хороша-а, нечего сказать!... Полюбила — и измѣнила... Ай-ля-ля!... Правду говорить, что амуръ, смѣясь, всѣ клятвы-пишетъ стрѣлою на водѣ!...

Варя, какъ ни была печальна, но эта трескотня заставила ее улыбнуться.

— Постой, постой! Не выслушала меня и ужъ обвиняешь, проговорила она.—Кто тебѣ сказалъ, что я измѣнила Дмитрію Петровичу? Фекла Сидоровна, что-ли?... Понимаешь ты: нѣтъ его здѣсь теперь... Это-то и горе мое! Онъ уѣхалъ въ Москву по дѣламъ... дня на три, а можетъ и на недѣлю... «Какъ вернуться, говорить, и дѣла, какъ слѣдуетъ, устрою—ну, тогда и насчетъ свадьбы можно... А покаместъ, говорить, ни гу-гу; станемъ держать это въ секретѣ...» А тутъ вотъ, безъ него, этотъ и подвернулся! Паленька, извѣстно, соблазнился—ну, каже—купекъ! «Маршъ, говорить, и—конецъ!»

— Богатый, значитъ?

— Бѣдныхъ купцовъ не бываетъ. Двѣ лавки, что-ли... И вѣдь вовсе не старъ, но толстый... противный... Бегемотъ!

— А фамилія какъ?

— Мясищевъ. Вообрази: Мя-си-щевъ! Ужасъ что такое!

— Что-жъ, если онъ бегемотъ, такъ это подходить... Но откуда онъ явился?

— Познакомился гдѣ-то съ паленькой. Разъ пять у насъ былъ... Въ преферансъ играли... Я всегда чай разливаю, ну, онъ и влюбился...

— Скажите пожалуйста! Влюбленъ?!

— Ужъ и не говори... Когда смотрѣть на меня — глаза у него такіе, какъ мокрая вишня... А главное—руки потныя... Терпѣть не могу такихъ рукъ!

— Былъ у васъ разговоръ о любви? Объяснился онъ?

— Объяснился. Я ему прямо сказала: «послушайте, ну, что вамъ за охота именно на мнѣ жениться?...» „Ну, ужъ про то, говорить, я знаю“... «Я васъ, говорю, не люблю. да и что вы нашли во мнѣ удивительнаго? Я злая, характерная, шпильки мастерница запускать... Ну, и что за жизнь будетъ! Право, лучше меня есть“... Улыбается! „Какія это, спрашиваетъ, позвольте узнать—шпильки?“ „Невидимыя, говорю, булавы... Отстаньте!“ Смѣется—и все тутъ.

— Бѣдная Варя! Да ты говорила отцу-то, что у тебя ужъ есть женихъ? Про Дмитрія Петровича-то говорила?

— И не рада, что сказала... Во-первыхъ, не повѣрилъ... «Что-жъ ты, говорить, раньше мнѣ объ этомъ не объявила?

Врешь! А во-вторыхъ: не пара онъ тебѣ. Да и гдѣ онъ? Явился, повертѣлъ хвостомъ да и былъ таковъ! Будешь сидѣть теперь у моря да ждать погоды? Въ дѣвкахъ остаться хочешь? Евстигней Алексѣичъ—находка! Радоваться надо“—и пошелъ...

— Евстигнеемъ его зовутъ?

— Да. Это, говорить, не мужицкое, а греческое имя...

— А маменька на твоей сторонѣ?

— Какое! Тоже пристала: «выходи! Богатой купчихой будешь, въ шелкахъ да въ бархатѣ степенъ ходишь“... Вчера онъ браслетъ прислалъ.

— Н-пу? И дорогой?...

У Паши глаза сверкнули.

— Рублей пятьдесятъ стоитъ... Да не интересно...

— Ахъ, душечка, покажи! Съ камнями?

— Дѣ вошь тамъ, въ комодѣ, коробочка...

Паша прыгнула къ комоду—и черезъ секунду на правой рукѣ ея блеснулъ хорошенькій браслетъ.

— Ахъ, какая прелесть!...

— Ужъ не знаю, что теперь и дѣлать, проговорила Варя задумчиво:—хоть-бы ты посоветовала... Паша, а?

— Нѣтъ, я думаю—больше полсотни стоитъ... Д—да!

— А она про браслетъ!

— Что ты сказала?

— Да я прошу у тебя совѣта... Какъ же мнѣ теперь быть?

Паша вздохнула, развела руками, причемъ однакъ мелькомъ взглянула на правую, на которой былъ браслетъ...

— Дмитрій Петровичъ тебѣ ли аль?

— Одно письмо получила. Ну, конечно, любезности разныя...

А потомъ хоть-бы строчку! Даже удивительно!...

— Гм!... Знаешь что, Варя?...

— Что? Говори, говори...

— Вотъ, видишь-ли: любовь—любовью... это такъ; но знаешь, Варя, въ наше время ужъ если выходить за-мужъ, такъ ужъ все-же лучше за богатаго...

— Да вѣдь противенъ онъ мнѣ!... Что-жъ ты теперь другое поешь? То—измѣнила, измѣнила“, а теперь что говорить? Браслетъ соблазнилъ?...

Паша сконфузилась и, снявъ браслетъ, снова уѣлась рядомъ съ подругой.

— Ну, извини... Это я такъ... Сглупила!... Ты вотъ что: ты напиши скорѣй Дмитрію Петровичу, все объясни ему...

— Третьяго дня писала. Молчать.

— Странно. Ну, подождать надо, дѣлать нечего...

— Подождать! А вонъ паленька хочетъ, чтобы завтра было обрученіе...

Обѣ замолчали. Паша нечаянно взглянула на футляръ браслета и вздохнула. Варя тоже вздохнула.

— Нѣтъ, ужъ, видно, судьба моя такая!...

— Неужели нельзя урезонить?...

Варя махнула только рукой и торопливо вынула платокъ изъ кармана.

— Ну, коли такъ... Эхъ, Варя! Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы вотъ нарочно, на зло Дмитрію Петровичу, вышла за этого греческаго бегемота! Да! Ужъ наказала-бы я его... Пусть страдаетъ, пусть мучится! Этакой, прано, невѣжа! Его любить, о немъ думать, а онъ даже на такое важное письмо не отвѣчаетъ... Пожалуй, влюбился тамъ, въ Москвѣ, въ какуюнибудь, забылъ тебя!...

Въ эту минуту дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась, и на порогѣ появилась дѣвушка, лѣтъ восьми-девяти. Пятясь задомъ, она тащила за веревочку телѣжку о трехъ колесахъ, въ которой лежали двѣ куклы: одна настоящая, съ продавленными лбомъ, безъ руки, по въ розовомъ кисейномъ платьѣ, другая—просто свертокъ изъ разныя тряпоекъ. Свертокъ этотъ на одномъ концѣ былъ крѣпко перехваченъ тесемкой; перехваченная часть обернутая кускомъ каменкора, изображала голову и лицо этой куклы, а брови, глаза, носъ въ профиль и усы съ бородой были нарисованы чернилами.

Остановившись посреди комнаты, дѣвушка засмѣялась и проговорила:

— А вотъ и свадьба пріѣхала! Здравствуйте-сь!

— Какая же свадьба? спросила Паша.
 — Варина. Вот это—сестрица Варя (она указала на куклу в розовом платѣ), а это—женихъ Варинъ, толстый дядя, который съ бородой... Похожъ?...
 — Похожъ. Настоящее чучело! Это ты, Лиза, сама сдѣлала?
 — Сама. Вѣдь дядя толстый выйдетъ?...
 Вынувъ „дядю“ изъ тѣлѣжки, Лиза стала его подбрасывать.
 — Тебѣ вотъ весело, начала Паша,—а Варя плачетъ...
 Лиза бросилась къ сестрѣ.
 — Сестрица, ты плачешь? О чемъ?
 — Я совсѣмъ не плачу, отвѣтила Варя, отвернувшись.
 — Э-э, пѣтъ! плакала... Вижу! Глаза красные... вонъ, и около носика мокро...
 — Это такъ... отъ насморка...
 И Варя погладила сестренку по головѣ.
 — Нѣтъ, плакала, плакала! вѣшалась Паша.—Вотъ, и ты-бы, Лиза, тоже заплакала!
 — Зачѣмъ?... Ахъ, какая ты, тетя Паша!
 — Какъ зачѣмъ? Да вѣдь ты теперь одна останешься... Этотъ, толстый-то, беретъ Варю къ себѣ, совсѣмъ беретъ!
 — Неправда! Какъ онъ смѣетъ?... Варя—наша! Сестрица, равнѣ ты уйдешь отъ насъ?...
 — Ахъ, Паша, зачѣмъ ты ее дразнишь?...
 — Не хочеть уйдти да уйдеть, поддразнивала Паша;—вотъ съ этотъ самый и утѣшитъ!
 Она указала на тряпичный свертокъ.
 — Этотъ?!
 Дѣвочка посмотрѣла на куклу, покраснѣла, слезы навернулись на ея глазахъ, она уже приготовилась заревѣть, но раздумала и воскликнула:
 — Ахъ, онъ гадкій! Сестрица, правда, что онъ хочеть утѣшить тебя?...
 — Ну—да, да! отвѣтила Паша.—И она уже не будетъ больше Варей, а станеть называться Варварой Ивановной. Ужъ ты прости съ пей!...
 Лиза опять сдѣлала губы...
 — Такъ это-то и есть свадьба? А я думала—это такъ только... балъ будетъ, танцовать будутъ, конфетки стануть подавать... и Варя не уйдетъ... Сестрица, душечка, вѣдь тебѣ не хочется къ нему ийти?...
 Варя молча мотнула головой.
 — Нс хочется? да?... Такъ оставайся!
 — А карета-то на что? замѣтила Паша.—Вѣдь онъ Варю въ карстѣ увезетъ, большой каретѣ!
 — А ты не садись, сестрица!
 — Паша, да перестань...
 Лиза вскочила на диванъ и обхватила сестру за шею.
 — А я тебя не пущу! Какъ же я безъ тебя останусь? Кто же будетъ меня учить читать и писать?
 — Папа тебя въ школу отдастъ, сказала Паша.
 — Нс хочу въ школу! Не хочу!
 Дѣвочка прыгнула съ дивана, схватила тряпичнаго дядю и стала его трясти.
 — А! Это ты все падѣлалъ?... У, гадкій! Чучело! А еще женихъ!... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!
 И калепкоровая физиономія получила нѣсколько оплеухъ.
 — На, сестрица, прибей его хорошенько! Возьми-же!
 — Послѣ, послѣ, проговорила Варя, встала и подошла къ окну.
 Паша хохотала, подзадоривая дѣвочку.
 — Дай-ка мнѣ его, Лиза, дай! Вотъ я ему задамъ!
 Растрепанная кукла очутилась въ ея рукахъ. Она выхватила изъ своего платка большую булавку и стала тыкать ею въ парисованный бокомъ носъ „жениха“.
 Лиза пришла въ восторгъ и захопала въ ладошки.
 — Сестрица! Варя! Тетя ему носъ колетъ! визжала она.—Самый носъ! Чудесно! Дай мнѣ булавку, Паша! Я сама хочу! Тетя, голубушка, дай!...
 Въ дверяхъ показалась Василиса Васильевна.
 — Что это у васъ тутъ за веселье? спросила она.
 Лиза съсѣчасъ-же стихла, сложила въ тѣлѣжку псѣвсту и жениха и „свадьба“ уѣхала изъ компаты. Паша, повертѣвшись еще и сболтнуть что-то о скверномъ кофе Феклы Сидоровны, распрощалась и выпорхнула. Варя, стоя у окна, чертила что-то пальцемъ на запотѣвшемъ стеклѣ...
 — Ты это что притихла? спросила Василиса Васильевна Лизу, проходя мимо нея въ свою спальню.—Ужъ вѣрно напроказила?... Дѣвочка слегка вздрогнула.
 — И?... Нѣтъ, мамаша... Я ничего... Я сижу...
 И, взглянувъ мелькомъ на толстаго «жениха», Лиза вздохнула, подперла голову ручкой и задумалась о чемъ-то...

Было около семи часовъ вечера.
 Въ квартирѣ надворнаго совѣтника, Ивана Ивановича Сапдаракова, все сіяло и блестяло. Стѣнные лампы, рѣдко зажигавшіяся, горѣли особенно свѣтло; казалось, опѣ протестовали, доказывая, что также хорошо могутъ горѣть хоть каждый день... Все было приготовлено къ пріему гостей: бутылки съ виномъ и ромомъ откупорены самимъ Иваномъ Ива-

новичемъ; сукно на двухъ ломберныхъ столахъ вычищено; гдѣ нужно—вставлены стеариновые свѣчи; даже одна попала туда, гдѣ обыкновенно въ будничное время господствуетъ таинственный мракъ; въ гостинной накурено (даже съ излишкомъ) монашенками и т. д. и т. д.

Иванъ Ивановичъ, повидимому, хотѣлъ отпраздновать какъ слѣдуетъ помолвку дочери своей—Вари.

Намъ не извѣстно, что именно заставило наконецъ Варю согласиться на предложеніе Евстигней Алексѣича Мясничева, по что дѣло было слажено—въ этомъ никто уже не сомнѣвался. И вотъ, сегодня вчеромъ должно свершиться обрученіе ихъ...

Въ гостинной еще никого не было. Василиса Васильевна заканчивала свой «туалетъ»; супругъ ея, уже во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, шмыгалъ изъ кухни въ столовую и обратно. «Смотри, чтобы пироги не подгорѣли! Боже тебя сохрани!» раздавался его голосъ въ кухню.—«Да тутъ бокалы не всѣ!» вдругъ слышалось изъ столовой. «Василиса Васильевна, вы ихъ перетерали?... Чортъ знаетъ, какъ она паряжеться долго!...» Варя, въ бѣломъ платѣ, съ розовой отдѣлкой, туго заспорованная, сидѣла въ своей комнатѣ; лицо ея было печально, грустно; она, не мигая, смотрѣла куда-то въ уголъ и—вотъ подите-же! какъ ни была грустна—кушала съ аппетитомъ виноградныя ягоды, держа въ лѣвой рукѣ чутъ-ли не фунтовую кистъ винограда. Лиза, въ хорошенькомъ голубомъ платьицѣ, завитая и щедро напомаженная, прохаживалась по всѣмъ комнатамъ, любуясь ихъ праздничнымъ видомъ. Кончикъ носика ея былъ замазанъ карепьемъ (она уже успѣла лизнуть крышку кандитерскаго пирога), по такъ какъ она была въ нѣкоторомъ волненіи, да и вообще мало заботилась еще о своемъ личикѣ, то и не замѣчала этого, хотя и осматривала въ зеркало на себя.

Но вотъ звякнулъ въ передней колокольчикъ...

Черезъ полчаса гостей набралось уже довольно, а равно въ восемь часовъ пріѣхалъ Евстигней Алексѣичъ съ маменькой своей Фіопой Михайловной. Мясничевъ былъ во фракѣ, съ брилліантовыми пуговками и запонками на рубашкѣ; непомѣрно толстая золотая цѣпь отъ часовъ красовалась у него на бѣлой жилеткѣ. Фіона Михайловна сіяла самоцвѣтными камнями. На пей было фіолетовое бархатное платье.

Иванъ Ивановичъ самъ встрѣтилъ въ прихожей дорогихъ гостей и торжественно повелъ ихъ въ гостиную, чтобы усадить на почетномъ мѣстѣ. Диванъ и два кресла около него были по этой причинѣ нѣкъмъ не заняты.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, хозяинъ громкогласно произнесъ...

— Фіона Михайловна, пожалуйста на диванчикъ! Жена, рядомъ съ дорогой гостьей! Евстигней Алексѣичъ, прошу! Вотъ, сюда-съ, на креслицо!

И онъ указалъ жениху на лѣвое кресло, а самъ ловко поднялся къ правому, чтобы усесться vis-à-vis.

Мясничевъ, улыбающійся, довольный, сіяющій лицомъ и не менѣе сіяющій запонками, пріятно согнулся, раздвинувъ слегка фалды фрака, грузно опустился въ кресло и—тутъ произошло нѣчто необычайное!

Въ гостинной раздался вопль...

Евстигней Алексѣичъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла, побагровѣлъ и съ секунду стоялъ, какъ ошеломяченный... Воцарилась мертвая тишина, ибо никто ничего не понималъ, всѣ были изумлены...

— О, чортъ побори!!!

И съ этими словами Мясничевъ бросился въ первую попавшуюся дверь—въ кабинетъ хозяина, а за нимъ бросился и Иванъ Ивановичъ. Дверь за ними захлопнулась.

— Что такое? а? Боже мой! что? заговорили изволнованные гости.

Василиса Васильевна и Фіона Михайловна пагнулись падъ лѣвнымъ кресломъ, но ничего подозрительнаго не нашли на мягкой подушкѣ: ни змѣи, ни скорпіона на креслѣ не оказалось...

Въ кабинетѣ громко заговорили и, спустя минуты двѣ, дверь съ шумомъ отворилась.

— Это... это чортъ знаетъ что такое! воскликнулъ Евстигней Алексѣичъ, быстро входя въ гостинную.—Мамзенька, извольте взглянуть! ха, ха, ха!...

И онъ подаль Фіонѣ Михайловнѣ большую черную булавку, немного погнутую.

— Непостижимо! воскликнулъ въ свою очередь Иванъ Ивановичъ, тоже уже очутившійся въ гостинной.

— Меня-съ, маменька, ранили! какъ это вамъ нравится? Ха, ха, ха!...

— Но это... недоразумѣніе! пролетѣлъ хозяинъ.

— Это-то? Ужъ извините, почтеннѣйшій: булавка и остается булавкой!...

— Но помните! Какъ нибудь печально... развѣ...

— Умылипенно-съ, а не печально! рѣзко перебилъ его Мясничевъ и, повернувшись на каблукахъ, обратился къ Варѣ:

— Благодарю васъ, Варвара Ивановна! Во время подпустили лилипутъ... п-да-съ! Такъ вотъ опѣ, *невидимая-то булавка!* Мерси! Ужъ точно что—мастерицы!.. Ха, ха, ха! Маменька, ѣдьте!..

Мясничевы вышли изъ гостинной...

Иванъ Ивановичъ, вытаращивъ глаза и подбоченившись, подскочилъ къ дочери.

— Это... ты—ты?! Варвара!

Варвара отшатнулась.

— Что вы, паленка?!

— Говори, про какія булавки онъ говорилъ—а?!

— Но... утѣрю васъ...

— Говор-р-ри!!..

Между Иваномъ Ивановичемъ и Варей мелькнуло голубое платице—и Лиза слезливо крикнула:

— Варя не виновата!—Это—я!..

Хотя вообще добровольное раскаяніе является смягчающимъ обстоятельствомъ, но въ данномъ случаѣ никакого смягченія не послѣдовало: Иванъ Ивановичъ собственноручно выскѣкъ преступницу...

Вечеринка окончательно разстроилась.

Но, строго говоря, развѣ Лиза была виновата?.. Паша—вотъ главная виновница трагическаго происшествія, случившагося въ квартирѣ палатнаго совѣтника Сандаракова. Это—Паша выскѣла Лизу, а не Иванъ Ивановичъ!

Наконецъ, развѣ дѣвочка рассчитывала на такой эффектъ, на такой крутой оборотъ дѣла? Она хотѣла только толстому дядѣ досадить чѣмъ нибудь, такъ какъ онъ возмѣлъ памфлеты увезти въ каретѣ; ея сестрину—Варю... Развѣ Мясницевъ не случайно сѣлъ въ лѣвое кресло?.. И

развѣ дѣвочка не наугадъ воткнула булавку именно въ эту подушку?.. Иванъ Ивановичъ могъ предложить ему правое кресло и, конечно, въ такомъ случаѣ, самъ наткнулся-бы на булавку...

И такъ, Лиза была выскѣсна. Паша не была привлечена къ отвѣтственности, а Варя—пзбавилась отъ жениха...

Она уложила Лизу въ своей комнатѣ, тихонько накормила ее вареньемъ, виноградомъ, конфетами,—и та, хотя еще по временамъ и всхлипывала, очень скоро успокоилась, даже развеселилась...

* * *

На другой день, въ десятомъ часу утра, Варя получила изъ Москвы телеграмму такого содержания:

«Всѣ дѣла устроены. Мѣсто три тысячи. Буду женихомъ. Завтра буду. Объяви это. Дмитрий Блюдечкинъ.»

Иванъ Ивановичъ только рукой махнулъ...

* * *

Паша и Фекла Сидорова (та самая, что скверный кофе пьетъ) разжужжываютъ теперь всѣмъ и каждому, что будто-бы Евѣнгій Алексѣичъ Мясницевъ, не посмотрѣвши, даже на стулъ пынче не садится...

Извѣстно, языкъ безъ костей.

Вѣ-ерь.

Львица и львята.

(по БРЕМУ).

«Еще ни одинъ художникъ, говоритъ Шейдлинъ, не изобразилъ удовлетворительно льва, какъ царя звѣрей, обладающаго серьезной душой. Легко нарисовать мотылька, но льва быть можетъ совершенно невозможно; это-то и доказываетъ, какъ онъ стоитъ высоко.... Левъ—человѣческое животное, подобно тому какъ между людьми есть люди *скотскіе*.»

Можно, конечно, не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, однако же въ общемъ оно довольно вѣрно: уже одно то, что левъ живетъ съ львицей до извѣстной степени какъ-бы въ бракѣ, ставитъ его на пѣкій нѣдесталъ. Этому мы не истрѣчаемъ, нисетъ Брэмъ, ни у одного изъ прочихъ хищныхъ млекопитающихъ. Когда львица кормитъ дѣтеншій, левъ долго не покидаетъ ее. Онъ ходитъ съ ней за добычей и охраняетъ свою подругу и юныхъ львенковъ. Время года, когда левъ живетъ съ львицей, весьма различно, смотря по обитаемой имъ странѣ, потому что дѣтеныши рождаются всегда весной. Львица пѣжно любитъ своихъ маленькихъ, и грудю предстаетъ себѣ зрѣлище, болѣе граціозное, чѣмъ самка льва со своими дѣтьми. Хорошенькіе львенки играютъ другъ съ другомъ какъ котята, а мать смотритъ на ихъ дѣтскія забавы съ величайшимъ удовольствіемъ. Такія сцены можно видѣть въ зоологическихъ садахъ, звѣринцахъ, потому что львы очень часто размножаются въ неволѣ. Въ настоящемъ № нашего журнала читатель можетъ полюбоваться такой сценкой, переданной искуснымъ карандашомъ художника.

На свободѣ львица, кормящая своихъ дѣтеншій, становится пуглива для всѣхъ мѣстности, которую она избрала своего рзиденціей, и весьма опасна. Она рѣдко оставляетъ свой «дворецъ» и, если уходитъ, то обыкновенно для того, чтобы наняться, а потому и самая рзиденція непрерывно находится по близости воды. Левъ заботится о ея пропитаніи и присматриваетъ за дѣть-

ми, когда она уходитъ отъ нихъ.—Первое время львята—довольно безпомощныя твари. Ходить они начинаютъ лишь на второмъ мѣсяцѣ своей жизни, а играть начинаютъ еще поздне. Сначала они мяукаютъ совершенно какъ кошки, но потомъ голосъ ихъ становится сильнѣе и полнѣе. Въ играхъ своихъ они неповоротливы, неуклюжи, но съ возрастомъ приобретаютъ ловкость. Черезъ полгода мать перестаетъ кормить ихъ; но еще до этого они начинаютъ сопровождать родителей въ пабѣтахъ ихъ. Къ концу перваго года львски достигаютъ величины большой собаки. Около третьяго года у самца начинается грива, подлѣго же роста и развитія оба пола достигаютъ на шестомъ или седьмомъ году. Левъ замѣчательно долготѣнъ. Извѣстны случаи, что львы жили по 70 лѣтъ даже въ неволѣ.—Выше мы упомянули, что левъ весьма ревностно охраняетъ львицу и юныхъ львятъ, а потому чрезвычайно трудно завладѣть послѣдними. Обыкновенно львятъ похищаютъ въ то время, когда они еще маленькіе и ласковы, выходя случая, когда мать куда нибудь уйдетъ.

Если похищеніе и удалось, куда львица еще не вернулась, то все-таки не вся опасность миновала: оба родителя цѣлые дни въ страшной ярости рыщутъ по окрестности, отыскивая своихъ дѣтей.—Львы, пойманные въ молодомъ возрастѣ, при соотвѣтственномъ уходѣ, дѣлаются очень ручными. За молодыхъ львятъ, которые ежегодно привозятся въ города для продажи, европейцы платятъ отъ 50 до 150 франковъ.

Брэмъ рассказываетъ, что онъ воспиталъ львицу, которая и прожила у него два года. Она въ короткое время привыкла ко всѣмъ въ домѣ, а за хозяиномъ своимъ ходила повсюду какъ собака, ласкалась и вообще всегда была кротка и честна. «Фальшивости въ ней не было нисколько»—вотъ отзывъ Брэма о своей львицѣ—Бахидѣ.

Потерянные вещи.

Какое множество швейныхъ иголокъ готовится ежедневно! Пѣсколько милліоновъ! Куда же всѣ онѣ дѣваются? Пришедшихъ въ негодность бываетъ чрезвычайно мало, а каждый день теряются онѣ еще совершенно годными къ употребленію. Какъ же пзально количество иголъ пропадающихъ ежедневно? Недостатка въ иглахъ ниско не испытывалъ, а излишняго заготовленія ихъ не предпринимали бы фабриканты. Изъ этого со строгого послѣдовательностію можно вывести заключеніе, что пропадаетъ ихъ столько, сколько готовится вновь. Стадо быть новая вещь готовится потому только, что столько же старыхъ приходятъ въ негодность или теряются.

Все что воспроизводится—подвергается и уничтоженію, но отъ этого на свѣтѣ хуже не становится; напротивъ того, хуже было бы еслибъ нѣ воспроизведенныя вещи не выживали бы изъ вѣка,—потому что это безпрерывное уничтоженіе вещей старыхъ служитъ источникомъ работы вѣхъ вещей новыхъ—и эта работа составляетъ основу нашей культуры.

Можетъ быть многіе будутъ того мнѣнія, что пропаша вещей вызываетъ огромную трату времени и рабочаго труда. Не выгодно ли бы, напимѣръ, было для чловѣчества, еслибъ не ока-

зывалось надобности ежедневно дѣлать по нѣскольку милліоновъ иголокъ?

Но еслибъ не работалось столько милліоновъ иголъ ежедневно, то онѣ нискогда бы не были такъ ни-по-чѣмъ дешевы, и мы за пѣсколько иголокъ, которыя тщательно берегли бы, платили бы больше чѣмъ за множество такъ дешево продающихся.

Кому кажется это преувеличеннымъ, тотъ пусть попробуетъ заказать себѣ иголку нарочно—и онъ удостовѣрится, что хорошая, правильно и чисто сдѣланная стальная игла съ крѣпкимъ и острымъ кончикомъ и прочнымъ, гладкимъ ушкомъ, не можетъ обойтись меньше, какъ въ 1 рубль серебромъ. Онѣ такъ ни по чѣмъ дешевы только потому, что изготовляются въ огромныхъ массахъ и что для нихъ изобрѣтены машины со всѣми приспособленіями къ удешевленію ихъ производства. Если жъ есть возможность изготовлять ихъ въ огромныхъ массахъ только потому, что онѣ въ такихъ жъ массахъ изводятся,—то всякое намѣреніе не терять ихъ будетъ клониться къ тому, чтобъ ихъ не фабриковали; а отъ этого, въ свою очередь, каждая одиночная игла будетъ обходиться очень дорого.

И то же самое, что съ потерянными иголками, бываетъ на свѣтѣ

Лъвица со лъватами. Рис. Шпехт, грав. Руфф.

и со всеми вещами, в обломках и остатках которых потеряны иглы и не замечаются. Если бы меньше пропадало, то меньше производилось бы трудом—и по мере того производство становилось бы дороже. И так, заметим, что между *цельностью*, *потреблением* и *истреблением* существует гармония, ставящая их в уравнивающую между собою отношения, с первого взгляда представляющиеся взаимно противоположными.

Но неужели же, в самом деле, безпрестанное истребление вещей, которые должны быть вновь производимы, не служит поводом к обидчивости людей?

Отвечать на это можно бы было в нескольких словах, но они будут так несогласны с обыкновенным взглядом на вещи, что мы сделаем маленькое отступление.

То же самое в быту мужском бывает со спичками, что у женщин с иглами. Какое немощное количество истребляется спичек! Если бы прототипы наши, обходившиеся кремнем, трупом и огнем, взглянули бы на эту расточительность, то пришли бы в ужас. И в наше недавнее время, в Саксонии правительство запретило были спички в продолжении пяти лет, в видах народной экономии. Но когда они введены были и там, как повсюду, во всеобщее употребление, то в Саксонии люди несколько не обиделись.

Богатство заключается не в обладании, а в полезном употреблении того, что имеем и применяем к производительному труду. Иглы окунаются в рукоделье, а на спички никому не раззорительно заплатить безделью из-за того, чтобы не тратить время на добывание огня посредством кремня и трута.

Если ктонибудь имеет напр. фунт железа, то ему мало с этого прока, но если из этого фунта надфилать иголок, то ценность его увеличивается в 10 раз. Самый ценный металл, золото, дешевле железа, когда последнее обработано. Маленькая спиральная пружинка в наших карманных часах, которая имеет место под так называемую ось, маятником,—делается из выработанного железа, т. е. стали; но так как из фунта железа надфилается больше семи тысяч таких пружинков, то ценность этого фунта железа становится выше стоимости фунта золота. Так точно, иголки дороже ничего почти не стоят; а когда из него надфилать несколько тысяч спичек, то оно будет иметь цену.

Нам могут возразить, что мы все хвалимся своим временем, усовершенствованием производительности труда и прибыли от него; скажут, что за польза нам—то, не делаящим ни иголки, ни спичек, и ни сколько через это обогащающимся, а издерживающимся на все это деньги. Они могут подумать, не приводим ли мы все только софизмы. Но этого нет! Наш ответ на это следующий:

Эта кажущаяся расточительность не ведет к обидчивости, а скорее служит к обогащению и благосостоянию вообще. Есть в жизни потребности, которые если будут удовлетворяться одним только человеком для самого себя и избранного кружка своего, то они могут послужить в ущерб и ему и его приближенным, и тогда это может называться расточительностью. Но если эти потребности становятся общими для всех, то могут сделаться источником благосостояния и богатства,—содвигая *промышленности*.

Если бы богатейший из монархов Европы Людовик XIV вздумал бы построить для самого себя железную дорогу, то разорил бы этим пол-Франции *). Напротив того, в наше время, в состоянии доставить себе удобство ехать по железным дорогам беднейший рабочий—и в этом нет расточительности, а напротив сбережение и времени и физических сил, которые для него дороже платы за проезд.

Из всех отраслей фабричного производства, ни одна не стоит так близко к иголкам, как фабрикация стальных перьев. Их изготовляется тоже по нескольку миллионов в день; но они не теряются так в полной своей годности как иглы, а бросаются уже тогда, как отслужат иногда не маловажную службу и становятся негодными. Распространение употребления ст. перьев не столько важно для нас в смысле общего хозяйства, сколько в смысле интеллектуальном. Оно доказывает, что в наше время пишут гораздо больше, чем прежде. Из шести миллионов писем, доставляемых теперь ежегодно одному Берлинскому городскому почтовому, пусть не многи служили бы доказательством прогресса в сфере мыслительной жизни,—то и тогда сумма смыслового содержания их окажется далеко большею, чем в первые годы основания в Берлине городской почты, когда число писем доходило там не больше как до каких-нибудь тридцати тысяч.

Мы завели речь об швейных игольках, которые ежедневно заготавливаются в огромных массах и в таких же массах теряются. Не то ли же делается и с произведениями в сфере деятельности умственной? Газеты ежедневно выходят в огромных массах—и доставивши на минуту пищу мыслям читателей, уничтожаются в таких же массах. Годовая плата за газеты, издаваемая в одном только Берлине, превышает миллион тмлеров,—сумму охотно выдаваемую читателями для того, чтобы удовлетворить мыслительной потребности, которая между многочисленными другими потребностями теряется также, как и иголки в массе других вещей пропадающих. Пожалуй и это можно бы назвать тратой мыслительной деятельности; но несколько человечество не беднеть от потреблений всего того, что производится, коль скоро общепотребительность этих произведений способствует производству,—настолько же это бывает и с произведениями в сфере деятельности умственной. Казалось бы, что все гениальное, производимое представителями мысли, терется безследно; но обращение его в массы, постепенно увеличивающееся, доказывает больший прогресс умственной деятельности, которым характеризуется в нас наше мнение того как и прогрессом материальным.

В круговорот вещей на свете и потерянная иголка не всегда окончательно пропадает. Если она, каким бы то ни было образом попала бы на поле, там всепоглощающий кислород воздуха окислит бы ее, потом она в дождевой воде растворилась бы и превратилась бы в составную часть пищи для растений—и в закоме нибудь съел бы или шпинат явилась бы опять на стол прежней своей обладательницы, как составная часть вкусной и способствующей здоровью пищи.

*) Если бы даже вымогали на это деньги с завоеванных им провинций; потому что завоевание и контрибуция в завоеванных землях производилась бы на счет сил французов.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

(Собственными корреспонденциями «Нивы»)

В Германии общественное внимание было обращено всецело на процесс г. Арнима. Нет сомнения, что этот процесс представляет дуэль между канцлером-прогрессистом и посланником-феодалом—аристократом по происхождению и принципам. Отсюда—разлад в политических мненьях между этими двумя государственными людьми; разлад, принявший обширные размеры после того как г. Бисмарк пристал к лагерю националов-либералов. Если во время войны и после нея г. Бисмарк был неумолимым врагом Франции, что доказывает его конфиденциальная переписка, то во всяком случае он не является перед нами врагом мелочным и не выставляется во внутреннюю дла Франции путем интриг и слесен, подобно бывшему посланнику г. Арниму. Читая письма г. Арнима, невольно находишь, что г. Бисмарк совершенно справедливо называл их *фальстопами*. Германский посланник конечно мог *сообразно инструкциям* и в указанной мере поддерживать ту или другую партию во Франции; но открываться с журналистами и распускать слухи, что канцлер того правительства, которое он представляет, ищет случая объявить снова войну Франции,—он был не в праве, так что обвинение его в *слишком самостоятельной политике* и затем в присвоении официальных документов—совершенно законно и справедливо. В этом и состоит обвинительный акт, заключивший следствие, которое производил г. Пескаторе в Париже и Берлине. Из следствия и допроса членов посольства в Париже, г. Пескаторе мог убедиться, что пропавшие документы находятся у г. Арнима, и

затем что г. посланник держал себя изолированно от прочих членов посольства; в Берлине г. Пескаторе снимал допросы с подсудимого и делал необходимые розыски.

Суд, под председательством г. Рейха, после чтения несложного обвинительного акта, решил прочесть при открытых дверях конфиденциальную переписку, утаенную г. Арнимом. Были исключены только денеш, касавшиеся вселенского собора и католического вопроса в Германии, так как подсудимый возвратил их во время следствия. Заметим, однако, что и они были прочтаны, только при закрытых дверях. Фоссова газета изложила однако их содержание, чем суд был крайне недоволен, потому что гг. члены и адвокаты обязаны хранить в тайне то, что читается при закрытых дверях.

Что касается сообщений Фоссовой газеты, то мы можем утверждать, что они не отличаются большой точностью; скажем только, сколько нам известно, что роль г. Арнима не состояла *исключительно* в старании сблизиться с епископом *враждебными догматами непопулярности папы*, и что он довольно благосклонно относился к клерикальной пропаганде в Германии, Австрии, Венгрии и Франции.

Прежде чем излагать показания свидетелей,—сделаем обзор дипломатических документов первой категории.

Нота 8 ноября 1872 г. написанная г. Арнимом, по поводу письма генерала Мантейфеля к г. Бисмарку, в которой этот генерал сообщает разговор, происходивший между г. Арнимом и г. Сен-Валье в Нанси. Г. Мантейфель говорит, что г. Арним сказал французскому делегату, что Франция после г. Тьера перейдет к режиму г. Гамбетты, затем к коммунистическому режиму.

и затѣмъ къ военной диктатурѣ, — если она не рѣшится возстановить монархію, т. е. прочный политическій порядокъ.

Подсудимый отрицаетъ вѣрность этого заявленія г. Мантейфеля; и дѣйствительно, прежде отрицанія на судѣ г. Арнима сдѣлалъ попытку такого рода на одной изъ депешъ касавшейся этого предмета: «опять слетѣли Эдвина» (г. Мантейфеля), такъ что можно заключить, что или г. Мантейфель дурно понималъ г. Сенъ Валье, или этотъ послѣдній передалъ слова г. Арнима въ нѣсколько иной формѣ.

Депеша 23 ноября 1872 г. Г. Бисмаркъ пишетъ посланнику, что возстановленіе монархіи во Франціи только ухудшитъ существующія отношенія между этой страной и Германіей, потому что французское правительство будетъ находится тогда подъ влияніемъ клерикаловъ и ультрамонтановъ. Что же касается до уплаты контрибуціи, то всякое правительство Франціи уплатитъ ее. Затѣмъ канцлеръ выражаетъ желаніе, чтобы всѣ дипломатическіе представители Германіи слѣдовали этому взгляду. Изъ этой депеши уже видно, что канцлеръ и посланникъ совершенно расходятся въ мнѣніяхъ касательно исправленія германской политики во Франціи.

Нота 23 декабря 1872 г. Г. Бисмаркъ оспариваетъ въ ней взгляды г. Арнима на положеніе партій въ Национальномъ Собраніи, и одобряетъ политику г. Тьера. Нота г. Арнима 22 января 1872 г. открываетъ собой цѣлый рядъ нападокъ на политику г. Тьера, которого онъ называетъ человекомъ неогрѣшимымъ во всемъ, чего онъ не знаетъ. Въ этой депешѣ онъ указываетъ канцлеру на отсталыя экономическія понятія г. Тьера по поводу налога на сырые продукты, затѣмъ говоритъ, что онъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ — зная, что пока Национальному Собранію не кѣмъ его замѣнить. Въ заключеніе г. Арнимъ говоритъ, что тепершнее *status quo* во Франціи крайне непрочное, и что упрямство президента республики можетъ повести и къ междоусобицѣ войнѣ, если Франція еще способна къ энергическому образу дѣйствій.

Депеша г. Бисмарка 24 января 1872 г. Канцлеръ имперіи сообщаетъ г. Арниму для руководства важнѣйшія мѣста изъ мемуара, представленнаго генераломъ Флерисъ С.-Петербургскому кабинету, — и приглашаетъ г. Арнима слѣдить за партіями во Франціи, чтобы предупредить извѣстнаго рода интриги.

Депеша 29 января 1872 г., въ которой г. Бисмаркъ рекомендуетъ г. Арниму сблизиться съ княземъ Орловымъ, который, не смотря на дружественныя отношенія съ французскимъ обществомъ, остается русскимъ въ душѣ и другомъ Германіи.

Депеша г. Тиле (Thiele) 10 февраля 1872 г. сообщаетъ г. Арниму разговоръ г. Тьера съ княземъ Орловымъ.

Трудно сказать, съ какою именно цѣлью прочтаны были послѣднія три депеши на судѣ, потому что онѣ не имѣютъ прямого отношенія къ процессу; только будущее можетъ показать настоящую причину такой дипломатической откровенности, на которую г. Бисмаркъ старается казаться вынужденнымъ.

Во всякомъ случаѣ эта ловка привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ, въ чемъ мы убѣдились изъ французскихъ газетъ и слѣдующей замѣтки Times; корреспондентъ ея, живущій въ Парижѣ, видѣлся тотчасъ послѣ опубликованія вышесказанныхъ депешъ съ однимъ изъ «самыхъ знаменитыхъ политическихъ людей Франціи», который сказалъ ему: «искренній тош этихъ депешъ, годъ въ которомъ онѣ были писаны, — все придастъ имъ характеръ правдивости и, повидимому, отклоняетъ всякое подозрѣніе въ умыслѣ. Тѣмъ не менѣе, внимательно читая ихъ и взвѣсивъ каждое выраженіе, приходишь къ убѣжденію, что авторъ очень хорошо знаетъ, что рано или поздно эти документы будутъ преданы гласности. Такъ и случилось спустя два съ половиною года. Замѣтьте при этомъ, что опубликованіе ихъ не вызвано необходимостью, такъ какъ они рѣшительно не нужны для хода процесса. Г. Бисмаркъ оказалъ дурную услугу князю Орлову, которого онъ называетъ своимъ другомъ, утверждая, что

отношенія его къ французскому обществу не искренны, такъ какъ онъ будто бы воплѣтъ сочувствуетъ политикѣ нашихъ зарейпскихъ сосѣдей. Но это не вѣрно и никто этому не повѣритъ во Франціи по слѣдующей причинѣ: если бы это было справедливо, если бы политика князя Орлова не была *воплѣт* самостоятельна, то неужели вы думаете, что г. Бисмаркъ разоблачилъ бы неискренность русскаго посланника передъ Франціей въ такую эпоху, когда ему выгоды всего было бы пользоваться единомысліемъ такого могущественнаго союзника. Этотъ вортрѣтъ князя Орлова вовсе не похожъ на него, — я также его знаю».

Депеша г. Бисмарка 12 февраля 1872 г. Канцлеръ имперіи указываетъ г. Арниму на то, — что онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе *Kreuz Zeitung*, что статья этой газеты, произведшая непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ, не была внушена правительствомъ, такъ какъ газета эта вовсе не офиціозная, но даже враждебная правительству съ нѣкотораго времени. Изъ этого обстоятельства г. Бисмаркъ приходитъ къ тому заключенію, что г.

Арнимъ не достаточно слѣдитъ за отечественной журналистикой, вслѣдствіе чего и дѣлаетъ такіе промахи. Затѣмъ онъ убѣдительно проситъ г. посланника обратить вниманіе на то, что онъ заваленъ дѣлами и рѣшительно не въ состояніи уделять время на подобную переписку.

Депеша г. Висселена, старшаго секретаря посольства въ Парижѣ, 22 апреля 1872 г., въ которой этотъ дипломатъ сообщаетъ канцлеру о донесеніи г. Грамацкаго, консула въ Гаврѣ, о рѣчахъ произнесенныхъ г. Гамбеттой въ Анжерѣ и Гаврѣ. Г. консулъ говоритъ, что внезапное появленіе на политическомъ поприщѣ г. Гамбетты, послѣ долгаго молчанія которое многие принимали за отреченіе отъ дальнѣйшей политической роли, указываетъ на то, что бывшій диктаторъ имѣетъ сильную партію; толь его рѣчей свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ смотритъ на себя какъ на преемника г. Тьера, и надѣется на могущество радикаловъ во Франціи.

Депеша 2 декабря 1872 г. Г. Арнимъ сообщаетъ въ ней канцлеру имперіи о журналистѣ Гефнерѣ, который будто бы очень друженъ съ г. Гамбеттой и пишетъ подъ его внушеніемъ корреспонденціи въ Аугсбургскую газету. Подъ влияніемъ г. Гамбетты и французскихъ демократовъ пишетъ также и г. Шарвади (чекъ) въ австрійской газетѣ *Wanderer*. Но самый главный дѣйтель по части союза французскихъ и нѣмецкихъ радикаловъ — это г. Симонъ Дейтъ, по словамъ г. Арнима. Онъ говоритъ даже, что г. Дейтъ участвуетъ въ изданіи газеты *«Republique Française»* и имѣетъ пай въ 50 тысячъ франковъ. Этотъ журналистъ по словамъ г. Арнима принималъ участіе въ Комунѣ, но по недостатку доказательствъ былъ только изгнанъ французскимъ правительствомъ; затѣмъ,

благодаря покровительству г. Гамбетты, ему было позволено вернуться въ Парижъ. Кромѣ того г. Дейтъ, говоритъ посланникъ, принимаетъ участіе въ изданіи вѣнской газеты *Neue Freie Presse* и очень друженъ съ ея редакторомъ г. Этсвѣ. Наконецъ въ числѣ враждебныхъ Германіи публицистовъ выставлены гг. Конъ и Грегори Ганеско, который, если не ошибаемся, писалъ одно время корреспонденціи въ одну очень распространенную русскую газету.

Тотчасъ по опубликованіи изложенной нами депеши г. Гамбетта опровергъ въ газетѣ *Republique Française* всякое участіе г. Гефнера въ изданіи этой газеты, и заявилъ, что г. Гефнеръ являлся въ редакцію за справками *всего два раза*; что же касается до г. Дейтъ, то онъ его мало знаетъ и его кажется итъ во Франціи.

Депеша г. Арнима 22 января 1873 г. Въ этомъ дипломатическомъ фельетонѣ, чрезвычайно длинномъ, съ большою претензіей на знаніе людей вообще и французскаго общества въ особенности, г. Арнимъ жалуетъ на непріятное положеніе, въ какое поставлены нѣмецкіе подданные живущіе во Франціи, и на изолированное положеніе членовъ германскаго посольства въ Парижѣ. Только ему, г. Арниму, оказываютъ уваженіе изъ боязни раздражить Германію. Ненависть такъ-де сильна, что нечего даже ожидать отъ времени. «Если бы я сталъ утверждать, что нѣмцы

КРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Барыня. Oh mon Dieu! Quelle douleur! Ah-ah!.. Мужъ барыни. Докторъ, батюшка, поторопись-же! Она умираетъ!

Докторъ. О, нѣтъ... Подождемъ еще... Выпейте ноть вина—это васъ успокоитъ.

Барыня. Oh, mon Dieu!! Ah!!

Мужъ. Послушайте, докторъ... Ахъ, она не вынесетъ! Умоляю васъ!.. Идемте!

Докторъ. Погодите, еще опасности нѣтъ... Ничего!

Барыня. Ай-й-й! О, какъ скверно! Гдѣ-же докторъ? умираю!..

Докторъ. Это ужъ по-русски... Идемте, значитъ, пора!

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕ МѢСЯЦЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Иивы» 15 коп. съ пересылкою 20 ко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „ИИВА“ НА 1875 Г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ИИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во все другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- ПОДПИСКА** принимается въ конторѣ редакціи „ИИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

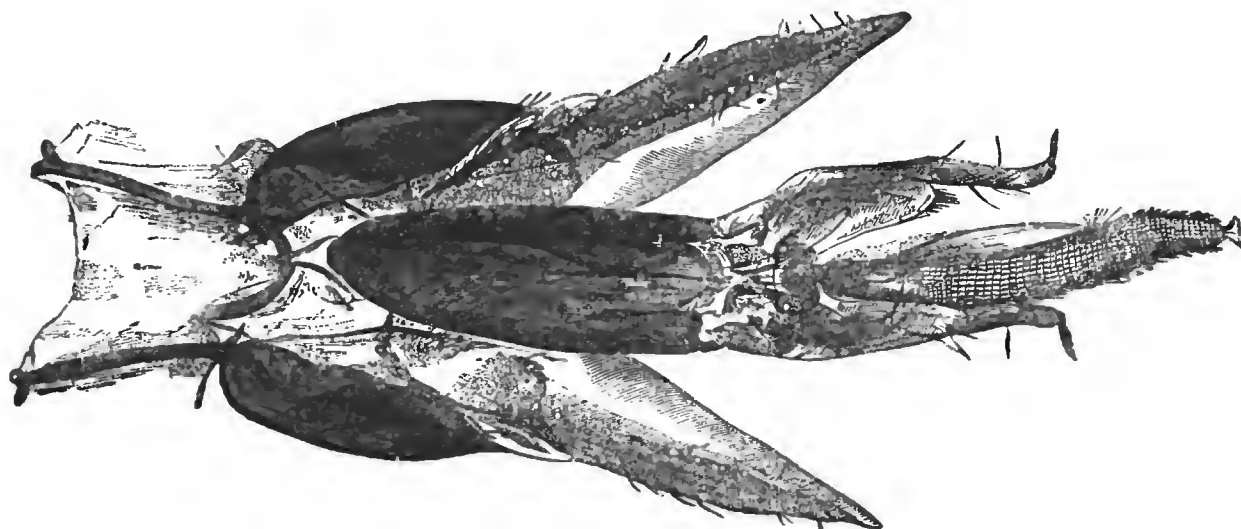
Каждый новый подписчикъ на 1875 г. получаетъ все уже вышедшіе номера.

Издатель „ИИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ

Пчела медоносная (по Фрэму).

Наружный видъ пчелы извѣстенъ почти каждому. Это большая муха чернаго цвѣта,—но, вслѣдствіе того что она покрыта красножелтыми волосками, кажушаяся намъ рыжею.

образующими родъ щеточки для сметанія пыли съ цвѣтовъ; затѣмъ, при такихъ прекрасно устроенныхъ орудіяхъ добыванія пищи и превосходной лабораторіи внутри тѣла, гдѣ вырабатываются медъ, воскъ и питательная кашка для потомства, онѣ одарены еще изумительнымъ трудолюбіемъ и неутомимою дѣятельностію. Онѣ поэтому вполне заслуживаютъ данное имъ названіе *рабочихъ*.

Языкъ (сосательный хоботокъ) пчелы, сильно увеличенный.

Между пчелами различаютъ три сорта: 1) самокъ или *матокъ*, *царицъ*, 2) самцовъ или *трутней* и 3) бесполовъ или *рабочихъ* пчелъ. Послѣднія отличаются отъ матокъ или трутней: большею длиною языка и челюстей, посредствомъ которыхъ онѣ высасываютъ сокъ изъ глубины цвѣтка,—ямочкою на наружной поверхности заднихъ лапокъ, которая служитъ какъ-бы коробочкой для собиранія цвѣточной пыли; болѣе густыми волосками на ножкахъ,

ются медъ, воскъ и питательная кашка для потомства, онѣ одарены еще изумительнымъ трудолюбіемъ и неутомимою дѣятельностію. Онѣ поэтому вполне заслуживаютъ данное имъ названіе *рабочихъ*.

Въ высшей степени интересна жизнь пчелъ, которая устроена на общественныхъ началахъ, напоминающихъ собою челоѣческое государство.

Трудолюбие пчел вошло в поговорку и сделалось символом высокой добродетели, но плоды его сумели оценить человек — и воспользоваться ими для своего удовольствия. Человек сумел закрестить пчел и сделать их домашними животными, устроив для них жилища или домики для жилья, так-называемые ульи (дикие, бродячие на свободе, пчелы теперь редки); но он не успел изменить хоть скольконибудь врожденные им от природы привычки, которыми они остаются верными в продолжение тысячелетий. Жизненный картина пчел, которую мы здесь стараемся изобразить в кратких чертах, хотя, может быть, и не будет иметь интереса для пчеловодов или пасечников, но за то она должна заинтересовать всякого любознательного друга природы своею благоустроенностью, не мешающей ей однако быть чрезвычайно подвижной.

Начнем с того момента, когда рой пчел, оставивши (по причинам, которые будут указаны) старый улей, под предводительством своей матки отправляется искать для себя жилище. Пчеловодам хорошо известно время, когда происходит такого рода перекочевка пчел—обыкновенно в июле—и они уже наперед готовят удобные квартиры для желанных переселенцев. Квартиры эти обыкновенно представляют собою или ящики или выдолбленные колоды с острокопечною крышкою, под нею отверстие для влета, вокруг леточного отверстия устроены нечто в роде балконов (дощечки как в голубятнях). Внутренность иногда еще вымазывается воском. Если одна из таких квартир поправилась маткой, то в ней поселится весь пчелиный рой—и она превращается в улей. Весьма курьезна церемония, которая совершается в честь новоселья. Прежде, чем войти в улей, пчелы выстраиваются парадом на крыльце, становятся на задних лапках, передние вытягивают вверх и какою-то особым манером размахивают крыльями. При этом они в знак радости испражняются. Послѣ этого входят внутрь—и немедленно начинают работу. Она состоит в устройстве жилых отделений для будущего поколения, которое незамедлительно родится, благодаря усердию матки,—далее, в устройстве кладовых, для сохранения съестных припасов, заботливо собираемых пчелами не только для ежедневного расхода но и на зимнее время,—и прочих хозяйственных приспособлений. Что касается строительного материала, нужного для этих построек и состоящего преимущественно из воска, то его пчелам не занимать—стать: он у них всегда заготовлен в предостаточном количестве еще до переселения в новое жилище и хранится в чистом бруске, откуда он, при первой надобности, выдвигается пчелою в вид пластинки сквозь промежутки между кольцами. Чрезвычайно оригинален способ, по которому пчелы производят свои постройки. Ухватившись друг за друга лапками, они образуют таким образом одну, две или больше вислицы цѣпей—и в каждой цѣпи закладку постройки делают пчелы, вислицы в самом низу. Это делается так, что каждая нижняя пчела рядом принимает у своей верхней соседки выдвинутую из брюха восковую пластинку, и разжевавши ее до состояния мягкой кашицы, отправляется, ползая по всей цѣпи, вверх, чтобы прилѣпить ее къ потолку. Вторая пчела делает тоже самое—и так далее. В результате получается постройка, состоящая из ряда горизонтально расположенных, шестисторонних длинных ящичков, с отверстиями по бокам въ входа. Ряды этих так-называемых ящечков напоминают собою ряды палаточных друг на другѣ гробовъ. Архитектурная правильность, с которою выведена каждая клеточка, по истинѣ изумительна; точнѣе нельзя делать циркулемъ и линейкою. Стены представляют собою цѣлые пласты, состоящие изъ безчисленнаго множества клеточекъ.

Интересенъ также способ, какимъ пчелы собираютъ в полѣ провиантъ, который частью идетъ въ пищу имъ самимъ и потомству, частью служитъ строительнымъ материаломъ. В состав провианта входятъ четыре продукта: медъ, вода, цвѣточная пыль и смолистые вещества. Говоря о медѣ, мы разумѣемъ сладкій сокъ цвѣтовъ, который пчела языкомъ вылизываетъ изъ вѣтника; проглатываетъ и внутри своего тѣла превращаетъ въ настоящий медъ, собирающийся въ особомъ пузырь съ выводнымъ отверстиемъ. Воду пчелы собираютъ такимъ же путемъ, но ее не сохраняютъ про запасъ въ кладовыхъ, какъ это дѣлаютъ съ медомъ, а употребляютъ тотчасъ въ питье или на постройку. Цвѣточную пыль пчела сметаетъ съ лепестковъ волосистыми частями тѣла, головою и грудью, въ то время, когда протискивается въ глубь цвѣточного вѣтника, и искусно загребаеъ ее щеточками въ упомянутыхъ же коробочки заднихъ лапокъ. Своими острыми челюстями, устроенными на подобіе ложечекъ, пчела расщепляетъ пылинки, если они еще сами не вскрылись, забираетъ ихъ содержимое передними лапками, затѣмъ средними переноситъ на задніе лапки. Смолистыя же вещества, которые главнымъ образомъ идутъ на приготовленіе воска, пчела собираетъ съ почекъ березы, тополей и иголь хвойныхъ деревьевъ; сокребая смолу своими острыми челюстями, пчела прачетъ и ее въ коробочку. Что путемъ подобнаго собиранія пищи съ растеній пчелы способствуютъ ихъ плодотворенію—фактъ общезвѣстный. Достойно вниманія еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о необыкновенно развитомъ у пчелъ топографическомъ инстинктѣ, или выражаясь проще: способностяхъ быстрого ознакомленія съ мѣстностью, выбранной ими для посе-

ленія. Пчела, когда ей приходится въ первый разъ летѣть изъ улья для добычя пищи, всегда дѣлаетъ нѣсколько круговъ около своего жилища, очевидно изучая при этомъ его ближайшую окрестность, и затѣмъ лишь пускается стремглавъ въ какую нибудь близлежащую сахарную фабрику или плантацію. Походы въ эти обѣтованныя для пчелъ мѣста часто стоятъ жизни тысячамъ изъ нихъ, но это едвали служить устрашающимъ урокомъ тѣмъ, которымъ разъ удалось возвратиться домой съ богатою добычею. И хотя большая часть изъ этой добычи идетъ на долю тунеядцевъ-трутней и лишь незначительная часть этой добычи остается той пчелѣ, которая ее добыла съ опасностью жизни—это однако нисколько не ослабляетъ въ ней энергіи и смѣлости для дальнѣйшихъ опасныхъ походовъ: и это обстоятельство говорить въ пользу присущей пчелѣ удивительной выносливости, доходящей до самоотверженія. Изъ мѣста, на которое сдѣланъ былъ опустошительный набѣгъ, пчелы возвращаются домой кратчайшей дорогой, а это и есть признакъ хорошо развитаго топографическаго инстинкта. Прилетѣвши домой, пчела садится на крыльцѣ (т. наз. леточная доска) и отдыхаетъ, затѣмъ уже влетаетъ въ улей, поднимается вверхъ, гдѣ обыкновенно помѣщаются такъ-сказать хлѣбныя магазины—и въ одну изъ клеточекъ отряхиваетъ задніе лапки, высыпая все содержимое коробочекъ. Если ей самой это не удается, то одна изъ сестеръ помогаетъ. Высыпавъ вронантъ, пчела воскомъ заплѣляетъ ее отверстие. Смолистыя вещества, собранныя въ деревцевъ, идутъ на приготовленіе такъ-называемой пчелиной узи, т. е. смазки, посредствомъ которой заплѣняются всѣ дыры и щели, пропускающія холодъ и сырость. Часто въ ульяхъ находятъ тѣла мертвыхъ животныхъ, заплѣненныхъ смазкою. Такъ въ одномъ ульѣ нашли дохлую мышъ, облепленную съ головы до ногъ; этимъ способомъ пчелы, очевидно, предохраняли себя отъ вони и вреда, распространяемаго гніеніемъ дохлятины. Пчелы, значитъ, имѣютъ понятіе и объ гигиенѣ.

Спустя вѣсколько дней послѣ переселенія въ новый улей, матка начинаетъ класть яйца. В течение 4 — 5 лѣтней своей жизни матка сноситъ ежегодно отъ пятидесяти до шести-десяти тысячъ яицъ. Такимъ образомъ, каждая пчелиная матка производитъ въ свою жизнь отъ двухъ—до трехсотъ тысячъ потомства. Такое множество пчелъ угрожало бы человѣку разореніемъ его плантацій и сахарныхъ фабрикъ, еслибы онъ не предпринималъ мѣръ къ ихъ истребленію.

Весьма интересна церемонія, которою сопровождается кладка яицъ. Матка, сонутствуемая толпою тѣлохранителей, обходитъ всѣ клеточки и осматриваетъ каждую, прежде чѣмъ положить туда яйцо. Оно бываетъ молочнаго цвѣта и прозрачно. Какъ только матка положила въ какую нибудь клетку яйцо, окружающія ее пчелы тотчасъ заплѣляютъ эту клетку, предварительно вложивши туда комочекъ студени, приготовленной изъ меда, воска и воды,—пищу для будущей пчелки. На четвертый день изъ яйца вылупляется личинка, имѣющая видъ кольчататаго червячка; личинка вырастаетъ весьма быстро, поѣдая при этомъ значительное количество пищи, заботливо доставляемой ей пчелами-нявками, такъ что къ шестому дню она выполняетъ собою всю клетку. Въ это время пчелы на-глухо закрываютъ клетку посредствомъ восковой крышки, такъ какъ личинка, сбросивши съ себя кожу, одѣвается въ самодѣльный шелковый коконъ и остается въ немъ безъ пищи въ теченіе 14 дней. Въ такомъ состояніи ее называютъ куколкою. Къ двадцать первому дню, послѣ того какъ положено было яйцо, изъ клетки выплываетъ новая пчелка. Сестры встрѣчаютъ ее весьма привѣтливо, облизываютъ ее и накармливаютъ. Вскорѣ послѣ этого новая согражданка вступаетъ въ должность, гдѣ она наравнѣ съ другими своими сверстницами, исполняетъ различныя домашнія службы; ухаживаетъ за личинками, выметаетъ клеточки и исправляетъ ихъ, гдѣ нужно, и тому подобное. Въ такой должности-нявки и домашней работницы—она остается восемь дней, а затѣмъ вырывается изъ улья на свободу, гдѣ она рыщетъ по полямъ и лугамъ, отыскивая пищу себѣ и другимъ. Ежедневно въ теченіе всего лѣта предпринимаетъ она далекія путешествія по окрестностямъ улья и не разъ подвергаетъ при этомъ свою жизнь опасности, но ей все ни о чемъ; одного она только боится—невысти. Въ дождливый, пасмурный день она остается дома.

При той кипучей дѣятельности, какую обнаруживаютъ рабочія пчелы, имъ должно казаться въ высшей степени возмутительнымъ совершенное бездѣлье самцовъ или трутней, которыхъ вся работа состоитъ въ ножираніи чужими трудами добытаго хлѣба и въ правдономъ разгуливаніи вокругъ улья. Дѣйствительно, ихъ терпятъ только потому, что они нужны маткѣ; когда же матка нанесетъ достаточно яицъ и въ услугахъ трутней нѣтъ больше надобности, тогда ихъ избиваютъ поголовно. Избѣженіе трутней обыкновенно происходитъ въ концѣ іюля и въ началѣ августа. Въ это время пчелы нападаютъ на самцовъ, загоняютъ ихъ въ какой нибудь уголъ, держатъ ихъ тамъ въ плѣну до тѣхъ поръ, пока не заморятъ ихъ голодомъ. Или же гонятся за ними по улью, кусаютъ ихъ и колятъ своими жалами. Замѣчательно при этомъ, что жало не застреваетъ въ тѣлѣ трутней, какъ въ тѣлѣ человѣка, и укусившая пчела отъ этого не умираетъ. Причина, почему пчелиное жало задерживается въ мѣстѣ человѣка и причиняетъ пчелѣ смерть, лежитъ въ особомъ устройствѣ жала, въ которомъ зубцы обращены острыми вверхъ, вслѣдствіе чего оно легко выдвѣрнется въ тѣло, но при вытягиваніи зацѣпляется сво-

нии зубами. Съ удаленіемъ изъ улья тѣлѣ убитыхъ трутней, наступаютъ прежній мирный порядки.

Въ это время обыкновенно уменьшается сборъ питательнаго матеріала, вслѣдствіе увяданія цвѣтовъ и изсяканія источниковъ, — и пчелы перѣдко бывають вынуждены приступить къ запасамъ, сдѣланнымъ на зиму. Если-же и такихъ запасовъ сдѣлано мало, тогда пчелы прибѣгаютъ къ воровству. Сначала нѣсколько пчелъ отправляются высматривать чужіе ульи — и затѣмъ организуется цѣлая шайка, производящая набѣги съ цѣлью грабежа. Правда, хищникамъ часто достается отъ владѣльницъ улья, которые жизнью отстаиваютъ свою собственность, но перспектива голодной смерти придаетъ имъ отваги. Такіе набѣги совершаются въ теченіе августа, октября и даже ноября.

Съ наступленіемъ зимы начинается время отдыха для пчелъ. Онѣ запераются въ своихъ ульяхъ, садятся кучками плотно прижимаясь другъ къ другу, чтобы такимъ образомъ было теплѣе, и лишь изрѣдка въ солнечную погоду вылетаютъ за водою и за такъ-называемою «большою нуждою». Замѣчательно, что пчела весьма рѣдко совершаетъ свои природныя отправленія дома, а всегда на улицѣ, такъ что въ этомъ отношеніи ее можно причислить къ самымъ опрятнымъ животнымъ. Питаются онѣ въ теченіи зимы тѣмъ запасомъ меда, который сдѣланъ былъ лѣтомъ. Зимній сезонъ продолжается для нихъ до марта, а иногда до апрѣля.

Уже первые лучи весенняго солнца служатъ для пчелъ стимуломъ, пробуждающимъ ихъ отъ зимняго покоя. Съ громкимъ жужжаніемъ и шумомъ онѣ вырываются изъ улья — и рѣзко летаютъ по воздуху, видимо радуясь полученной вповѣ свободу. Первое дѣло, которымъ онѣ празднуютъ свой выходъ изъ заключенія, это испражнение. Если случайно какалъ нибудь хозяйка выѣсила не подалеку отъ улья сущиться бѣлье, то она будетъ крайне огорчена, увидѣвъ его въ нѣсколько минутъ покрывшимся сплошь бурю крапчатую живописью. Пчелы, какъ и всѣ прочія наѣдошныя, любятъ садиться на свѣтлые предметы. Затѣмъ начинается чистка и уборка улья, точно предъ большимъ праздникомъ. Тѣла умершихъ пчелъ выносятся вонъ; крышки, упавшія съ клѣтокъ при добываніи изъ нихъ пищи, и сотнями валяющіяся на полу,

подбираются и тоже выбрасываются; испорченные соты исправляются. Словомъ, работа кипитъ, несмотря на то, что пчелы порядкомъ поистощались въ теченіи зимы. Вылеты изъ улья принимаются только въ хорошую погоду. Затѣмъ начинается постройка новаго рода клѣтокъ большей величины, нежели прежнія, и въ нихъ матка кладетъ яйца, изъ которыхъ черезъ двадцать четыре дня выходятъ новые трутни. Въ отдаленномъ углу улья устраиваются нѣсколько клѣтокъ еще большей величины и цилиндрической формы, которыя снабжаются всѣми удобствами: это клѣтки будущихъ царицъ. За этими клѣтками рабочія пчелы ухаживаютъ съ величайшею заботливостью, доставляя имъ самую лучшую пищу. Новыя матки созрѣваютъ на семнадцатый день послѣ кладки яйца — и тутъ-то дѣла улья начинаютъ усложняться. Старая матка, чья скорый конецъ своему царствованію, безпечно ходитъ взадъ и впередъ по улью и всячески старается уничтожить своихъ соперницъ. Но это ей рѣдко удается, такъ какъ жизнь послѣднихъ тщательно охраняется рабочими пчелами. Матка тогда остается одно — выселиться изъ улья, что она и дѣлаетъ. Съ толпою вѣрныхъ подданныхъ она отправляется искать новой территоріи, гдѣ она можетъ основать новое государство. Пчеловоды, предвидя это уже заранѣе, готовятъ для новой колоніи кто домики, кто ящики, кто просто колоды. Между тѣмъ въ старомъ ульѣ приговляются къ торжественной встрѣчѣ молодой царицы, долженствующей наследовать матери. Хорошо еще, если она родилась одиночкой; но горе, когда родились еще сестры: споръ о наследіи престола рѣшается тогда путемъ кровавой междоусобной войны, послѣдствіемъ которой бываетъ либо смерть остальныхъ претендентокъ, либо ихъ выселеніе. Въ послѣднемъ случаѣ являються новыя колоніи или такъ называемыя «вторичныя рои». Остается еще упомянуть о одномъ куріозѣ. Въ случаѣ, если по какимъ-либо обстоятельствамъ матка погибаетъ — и на ея мѣсто не предвидится новой, выбираютъ одну изъ рабочихъ пчелъ, обыкновенно самую сильную, и оказываютъ ей такое же вниманіе, какъ и настоящей, кровной царицѣ. Благодаря отдыху и хорошей пищѣ, она скоро начинаетъ класть яйца, — но увы! изъ этихъ яицъ выходятъ одни только трутни.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція.

III *).

Природа и типы Аму-Дарьинской дельты.

Вся громадная дельта Аму, — эта неизвѣданная еще, загадочная страна, изсѣдованіе которой составляло цѣль нашей экспедиціи, — есть по преимуществу страна водъ... Не смотря даже на близкое сосѣдство такихъ необъятныхъ, совершенно безводныхъ пустынь, — страна эта сохраняетъ рѣзкія черты, отличительно рознящія ее отъ прочихъ оазисовъ, — черты исключительно принадлежащія воднымъ, богато-орошеннымъ странамъ.

Земель удобныхъ непосредственно для обработки — здѣсь очень мало, а мѣстами и нѣтъ вовсе; открытыя обширныя водныя пространства смѣняются болотами и топями, или-же сплошными чащами камыша, джунгила, дикаго терновника и прочей подобной растительности, обусловленной единственно обиліемъ влажности въ странѣ. Слабыя руки полу-дикаря земледѣльца очищаютъ себя подъ плантацію небольшіе участки — и не всегда силы этихъ рукъ достаточно чтобы годъ въ годъ поддерживать разъ-одржанную побѣду; иначе дикая растительность поглотитъ все, что имъ приобрѣтено съ величайшими усиліями, — усиліями быть можетъ такими, что повторить ихъ земледѣлецъ уже не въ состояніи.

Отходя отъ этихъ топей и зарослей, отступая туда гдѣ водъ все-таки не такъ уже много, — земледѣлецъ попадаетъ между двухъ огней: на него надвигаются страшные сосѣди — сыпучіе пески; а пески эти подступили вплотную, они стоятъ на самомъ такъ-сказать порогѣ.

Вѣтеръ, дуя со стороны этихъ мертвыхъ пространствъ, наноситъ цѣлыя тучи мелкаго песка и пыли, движетъ впередъ цѣлыя песчаныя горы, измѣняетъ ихъ очертанія и заваливаетъ оросительныя каналы земледѣльца, покрываетъ толстымъ слоемъ обработанныя пространства.

И плоды колосальныхъ усилій человѣка гибнуть разомъ — и гибнуть безвозвратно.

*) См. I и II статьи въ „Нивѣ“ 1874 г., стр. 566 и 694.

Интересно прослѣдить эту пограничную черту между мертвыми несчастными пустынями и обработанною землею. Путешественникъ ежеминутно видитъ передъ собою разные признаки этой безконечной борьбы рукъ земледѣльца съ природою: тамъ побѣждаетъ одинъ, — здѣсь побѣждаетъ другая; — тамъ въ пески выдвинулась цѣлая система арыковъ, по этимъ арыкамъ протекла вода, словно свѣжая кровь, впрыснутая въ жилы умирающаго тѣла, — эта вода оживила мѣстность, — желтый однообразный фонъ заперстрѣлъ зеленью, въ зелени защебетали птицы, умирающее тѣло ожило.

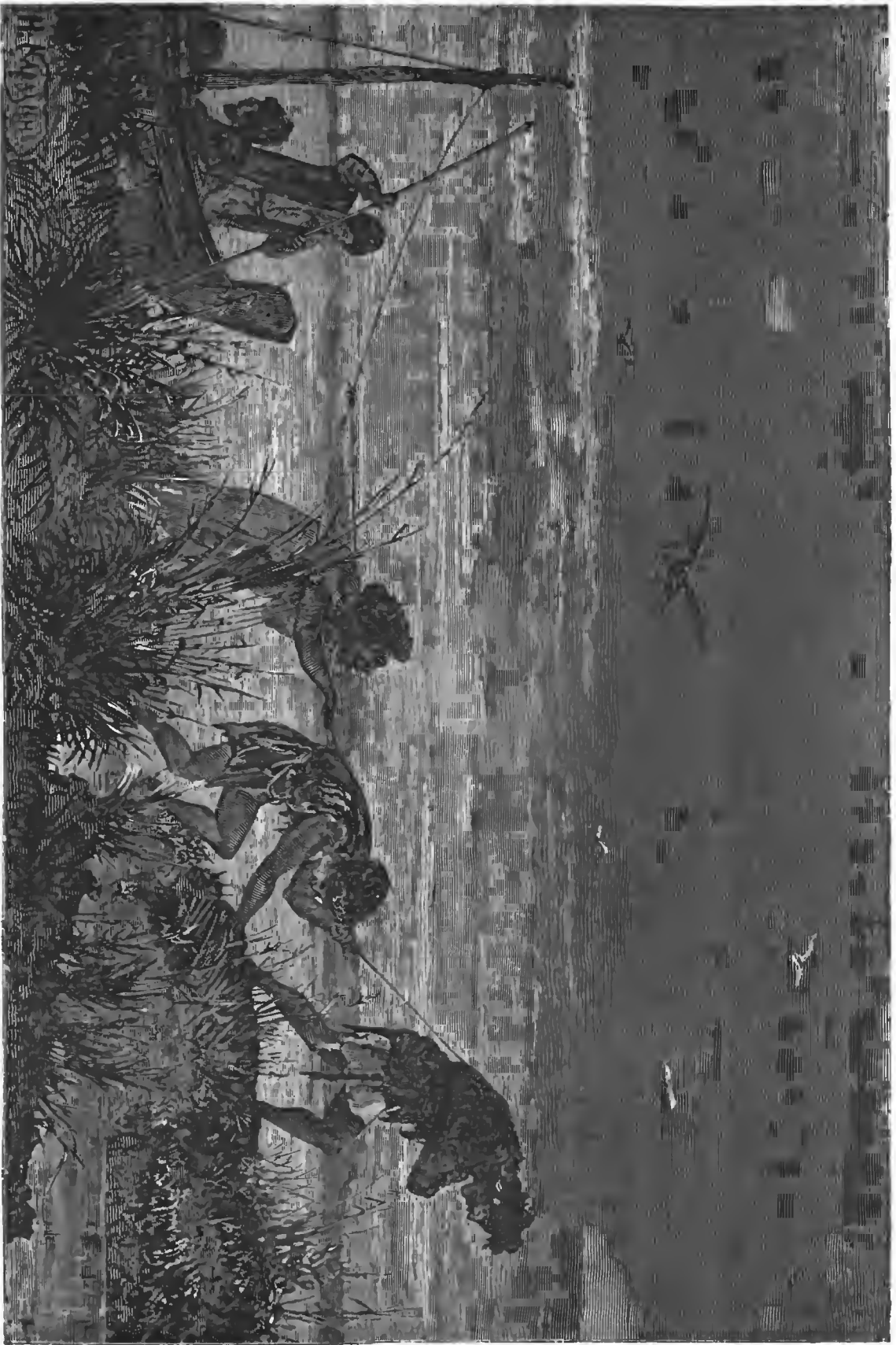
А рядомъ, въ свою очередь, въ самую глубь плантацій врѣзались пески, покрыли поля, — потушили разгорѣвшуюся было жизнь, — и торчатъ въ этомъ пескѣ: высохшіе стволы деревьевъ, разрушенные стѣны сакель, погребенныхъ подъ аршиннымъ и болѣе слоемъ.

Много рукъ надо чтобы съ успѣхомъ выдерживать эту непрерывную борьбу, а рукъ этихъ очень и очень не много, ихъ даже менѣе чѣмъ достаточно; — поневолѣ человѣку пришлось держаться поближе къ водамъ и припоровливать всю свою жизнь, всю свою обстановку такъ, чтобы въ этихъ водныхъ массахъ видѣть не враговъ своихъ, а союзниковъ — друзей.

Пришлось, значитъ, жить земноводною жизнью; — такъ и сложилась жизнь въ низовьяхъ Аму-Дарьинской дельты. Земля и ея плоды заняли второстепенную роль; вода и то, что въ ней и на ней, заняли первую....

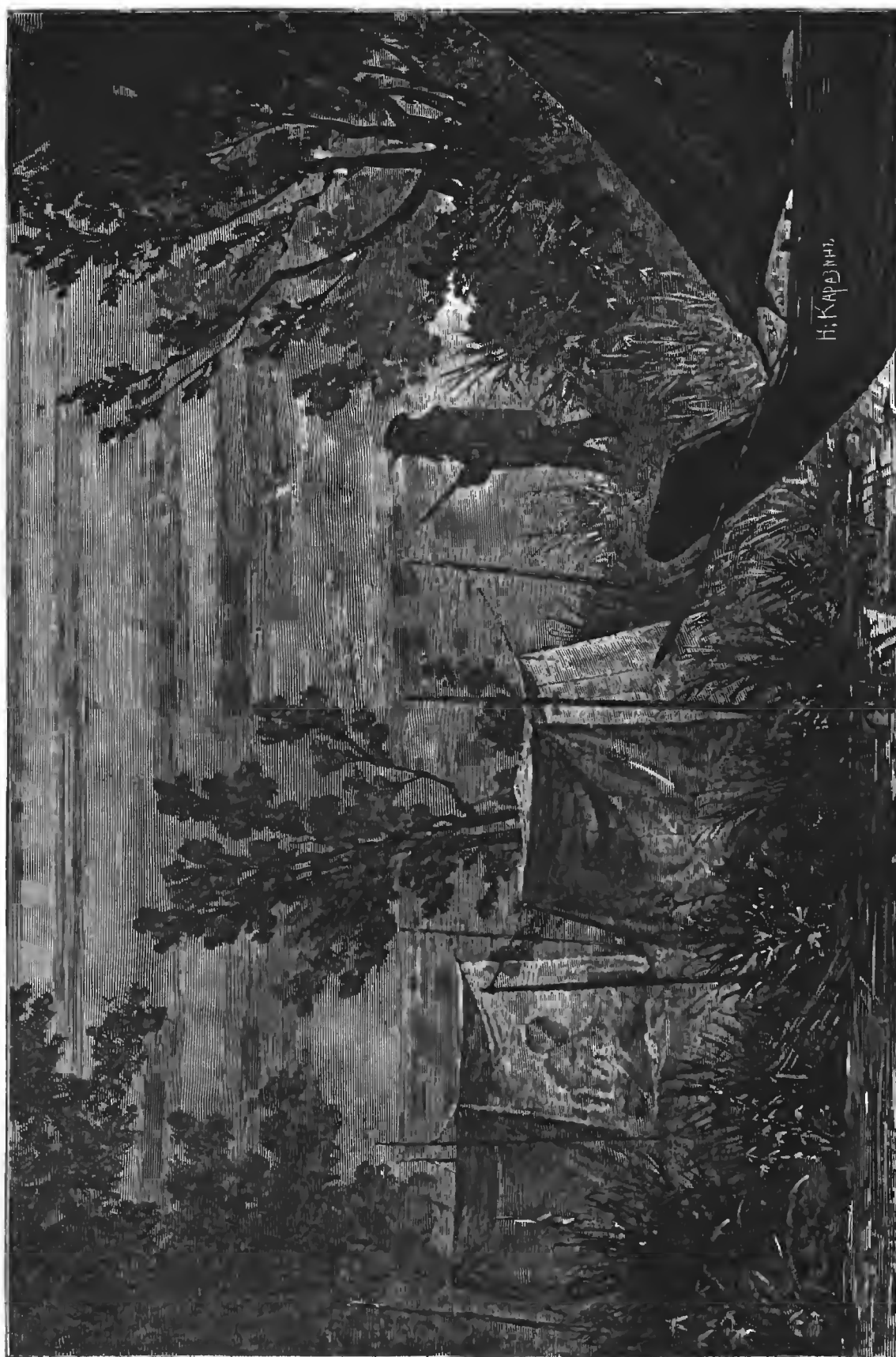
Верблюды, это кровное дитя пустынь безводныхъ, далеко отошелъ отъ береговъ въ свои степи; — какъ, лодка замѣнила его здѣсь въ низовьяхъ — и замѣнила не безъ значительной выгоды для человѣка.

Обитатель этихъ земледельныхъ ауловъ — болѣе кочевникъ чѣмъ осѣдлый. Онъ не можетъ положиться на жилище постоянное; что можетъ гарантировать ему безопасность? можетъ-ли онъ быть увѣренъ, что завтра вода не подступитъ къ его порогу и не подмочитъ стѣны его сакли? — Кибитка легкая, во всякую минуту легко переносимая, — дѣлается его постояннымъ обиталищемъ.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Демонстрируют на Аму-Дарь.

Рисов. членъ экспедиціи Н. Н. Каразинъ, грав. Стешковский.

Аму-Дарьинская ученая экспедиция. Ночное на рѣкѣ Бичейли.

Рисов. членъ экспедици Н. Н. Карзинъ, грав. Боярский.

Эти кибитки значительно рознятся от кибитокъ стѣнныхъ кочевниковъ, болѣе прочныхъ, комфортабельныхъ, достигающихъ иногда значительныхъ размѣровъ и тяжести, — такихъ кибитокъ, что на подъемъ и разборку ихъ потребно по нѣскольку верблюдовъ. Здѣшняя кибитка — маленькая и легкая; одинъ только верхъ ея войлочный, — стѣны же изъ камыша, подобраннаго и связаннаго, на манеръ того какъ у насъ дѣлаютъ балконныя деревянныя шторы.

Подобную кибитку одинъ человекъ можетъ снять и уложить въ лодку менѣе чѣмъ въ полчаса, — въ столько же времени — онъ можетъ и снова поставить ея на мѣсто. Начинается наводненіе; — весь аулъ, угрожаемый этимъ наводненіемъ, быстро поднимается на ноги, снимаетъ свои жилища, укладываетъ ихъ на лодки со всѣмъ незатѣйливымъ домашнимъ скарбомъ, — и перебирается на новое, сухое мѣсто, до котораго вода доберется еще не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не доберется.

Главный промыселъ этихъ ауловъ — рыболовство, — а это тоже такой промыселъ, что не позволяетъ слѣдить на одномъ и томъ же мѣстѣ; рыба тоже любитъ жизнь кочевую.

Я уже говорилъ, въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ писемъ, о бытѣ и жизни кочевыхъ рыбаковъ каракалпачковъ, о ихъ временныхъ жилищахъ, на водахъ озеръ Сары-Куль и Кара-куль. Эти рассказы довольно ясно характеризуютъ ихъ жизнь, чтобы теперь распространяться о томъ же болѣе.

По всѣмъ низовьямъ дельты нельзя найти и одного пункта, куда невозможно было бы добраться водою, — а потому — водные пути суть главнѣйшіе пути сообщенія съ дельтой. Опять верблюдъ оказывается совершенно лишнимъ, его услугъ не требуется, да кстати — животное это и само не можетъ переносить влажнаго климата низовьевъ, не можетъ выдержать этихъ испытаній — въ видѣ міриады комаровъ и прочей кусающей твари. Верблюдъ бѣжитъ въ свои сухія степи, — и ни за какія деньги вы не найдете лѣтомъ близко отъ низовьевъ даже одного пресловутаго *корабля пустыни*.

Корова, коза, баранъ, отчасти лошадь, — вотъ все что нужно каракалпаку: корова составляетъ роскошь, доступную не для каждаго; лошадь еще большую роскошь; — остается баранъ и коза, но первый, тоже какъ и верблюдъ, сынъ степей и не любитъ воды и ея тумановъ, хирѣетъ и дохнетъ; остается коза, все переносица, — ко всему примѣняющаяся. — И вотъ это животное составляетъ главнѣйшій элементъ низоваго скотоводства.

Коза даетъ шерсть и молоко для дѣтей; хлѣба можно вымѣнить на рыбу у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, — денегъ можно достать, завязавшись перевозкою тяжестей по водамъ арыковъ, протоковъ и безчисленныхъ рукавовъ Аму, — и жизнь каракалпака, полукочеваго рыбака совершенно удовлетворена. Она полна; ему больше и желать нечего, — да кстати, постоянный дамокловъ мечъ, висящій надъ головою каракалпака, это страхъ тюркменскихъ набѣговъ, — для него имѣетъ мало значенія. Кто мѣшаетъ ему снять свои кибитки при первомъ тревожномъ крикѣ, уложить эти кибитки въ лодки (кайки), забрать на нихъ женъ своихъ и дѣтей — и уйти въ озеро, въ самую глубь этихъ недоступныхъ камышей, куда уже, на вѣрное, никакой тюркменъ не доберется.

Казалось бы, при подобной обстановкѣ — всѣ изобрѣтательныя способности, всѣ силы ума у низоваго каракалпака должны были быть устремлены на судостроеніе и усовершенствованіе лодокъ; на дѣлѣ же выходятъ совсѣмъ напротивъ — такого-же устройства кайки, каковы были нѣсколько вѣковъ тому назадъ, быть можетъ даже такіе что перевозили знаменитаго путешественника Марко-Поло, — существуютъ и понынѣ, безъ всякихъ измѣненій и приспособленій. Эти кайки отличаются одинъ отъ другаго только размѣромъ: — самые большіе достигаютъ до двадцати-пяти аршинъ длины и шести ширины; самые маленькіе аршина четыре длины при ширинѣ только аршинъ. Строятся кайки очень незатѣйливо, хотя довольно оригинальнымъ способомъ.

Начинается постройка кайки такъ: вырывается яма въ землѣ

на берегу, совершенно такой формы какую жѣлаютъ придать лодкѣ, — стѣнки и дно этой ямы тщательно выравниваются и смазываются глиною. Устроивъ эту форму, начинаютъ обкладывать ее кусками дерзва, — сажаютъ эти куски на шипы, проконопачиваютъ промежуточныя щели сухими цѣвтовыми мотелками камыша, оставляя на кормѣ и носу узкіе промежутки для вставки носоваго и кормоваго брусевъ, вырубленныхъ изъ цѣлага дерева, по одной и той же формѣ; эти части довольно ясно замѣтны на нашемъ рисункѣ. Затѣмъ, связываютъ всю постройку поперечными перекладинами, бимсами, — и, когда дѣло окончено, созываютъ какъ можно больше народу, чтобы прямо руками вынуть построенное судно изъ земли, — дотащить его до воды и спустить.

Работа большого кайка тянется недѣли двѣ, даже больше. Страшная дороговизна лѣснаго матеріала влечетъ за собою конечно и большую стоимость лодокъ; такъ напримѣръ, хорошій новый кайкъ большого размѣра цѣнится въ четыреста и болѣе хивинскихъ тилли *), сумма по-здѣшнему весьма значительная.

Обладатель большого кайка — можетъ смѣло считать себя человекомъ богатымъ и совершенно обезпеченнымъ. — Перевозя товары и продукты съ мѣста на мѣсто, онъ получаетъ за провозъ довольно значительную плату, вполне достаточную для удовлетворенія всѣхъ его семейныхъ потребностей и позволяющую кромѣ того скопить изрядный запасной капиталъ. Хорошій кайкъ приноситъ хозяину въ годъ до пятисотъ и болѣе тиллей, — такъ что въ первый же годъ окупаетъ съ барышемъ стоимость постройки.

Маленькіе кайки строятся такимъ же образомъ какъ и большіе, но обходятся несравненно дешевле, потому что дороговизна дерева обуславливается главнымъ образомъ его размѣрами: трудно найти большой брусъ — длиннѣе пяти аршинъ; мелкій же лѣсъ встрѣчается въ гораздо большемъ количествѣ. Особенно цѣнятся бимсы и кормовыя части, а въ малыхъ лодкахъ эти части не имѣютъ большого значенія.

Бѣдные семейства имѣютъ общественныя кайки, по одному на нѣсколько семей, — есть и такіе бѣдняки, что всю жизнь не могутъ собраться обзавестись собственной лодкою, а потому вѣчно работаютъ за плату у владѣльцевъ судовъ — и работаютъ они положительно за бездѣлицу, принимая въ расчетъ ихъ тяжелую, полную всевозможныхъ лишеній, трудовую службу.

Внизъ по теченію кайки ходятъ на веслахъ и шестахъ, вверхъ только на лямкахъ, тягую по берегу, — даже самые маленькіе кайки не могутъ выгребать веслами противъ теченія, и если дно глубоко и до него нельзя достать шестомъ, то и имъ приходится пользоваться исключительно этимъ допотопнымъ способомъ.

Бурлачество, явленіе умершее у насъ на Волгѣ, — здѣсь, на Аму-дарѣ, живетъ еще полною жизнью.

Наши рисунки изображаютъ переѣздъ членовъ экспедиціи по протокамъ Аму-Дарьи вверхъ тягую на лямкахъ; одинъ — самое плаваніе, другой — остановку на ночлегъ.

Вотъ вамъ типы Аму-дарьянскихъ бурлаковъ — «кайкчи». Оборванные, босонogie, въ громадныхъ, отрепанныхъ бараньихъ шапкахъ, они мѣрно, нога въ ногу, тянутся по поросшему камышемъ берегу... Дорога ихъ тяжелая и небезопасная. — То имъ приходится пробираться сквозь чащу колючаго кустарника, то лѣзть по самому краю обрыва, рискуя ежеминутно быть сдернутыми бичевою въ воду, то надо вязнуть по грудь въ топкомъ береговомъ болотѣ.... Принимая во вниманіе еще міриады комаровъ, ядовитыхъ змѣй, гнѣздящихся въ чащахъ и подъ кочками болотъ, страшныя низовыя лихорадки — мало найдется людей, которые могли бы позавидовать жизни этихъ бѣдняковъ полудикарей....

Разсвѣтъ поднимаетъ бурлаковъ на ноги и запрягаетъ ихъ въ лямки, — глубокая ночь и полная темнота останавливаетъ плаваніе, и кайкчи ложатся спать. Днемъ останавливаются рѣдко и не надолго; хозяинъ лодки то и дѣло покрикиваетъ:

*) Хивинское тилли — золотая монета въ 1 р. 80 к. стоимости; бухарское тилли до 4 р.

гайда-гайда.... гей! Барра-кельды!—и другіе понукающіе возгласы....

На ночь лодку притягиваютъ къ берегу,—прочно привязываютъ ее или къ деревьямъ, если таковыя имѣются, или же ко вбитымъ въ землю шестамъ, если мѣстность голая; всѣ высаживаются на берегъ, первымъ дѣломъ разбиваютъ полога отъ комаровъ, какъ изображено на нашемъ второмъ рисункѣ, раскладываютъ огни для дыма, по той же причинѣ,—и ложатся спать, заполняя подъ эти полога, куда комары забраться не могутъ.

Пункты подобныхъ ночлеговъ большею частью одни и тѣ же; къ нимъ уже попривыкли и на нихъ всегда собираются по нѣскольку кайковъ, такъ что ночь проводится въ довольно

большомъ обществѣ. Я видѣлъ подобныя стоянки—гдѣ собиралось кайковъ по двадцати и больше.

Внизъ по теченію кайки спускаются довольно скоро; вверхъ же тянутся чрезвычайно медленно, — но азіаты народъ неторопливый: имъ все равно—днемъ ли раньше прійти или позже, на лодкѣ покойно сидѣть и спать,—на этой же лодкѣ, на носовой части устроена и печь для варки пищи—чего же еще нужно?

Только богатые владѣльцы лошадей, народъ торопливый, предпочитаютъ переѣзды верхомъ или на арбахъ—прямыми дорогами; большинство же и не садится на сѣдло, проводя почти всю свою жизнь на лодкахъ.

Н. Каразинъ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(АВТОБІОГРАФІЯ ПРАОТЦЕВА).

Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

IV.

Не знаю какъ бы надлежало правильнѣе назвать происшествіе, которое около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ случилось въ одномъ изъ петербургскихъ корпусовъ, именно въ томъ, гдѣ я воспитывался. Я впрочемъ не буду рассказывать этой исторіи, малоинтересной для взрослыхъ. Достаточно сказать, что наиболѣе провинившихся (въ томъ числѣ и меня) исключили изъ корпуса для опредѣленія въ статскую службу.

Закрывая этимъ періодъ моей жизни, протекшей подъ попечительной опекой, перехожу къ началу моего *жизня на волю*, которою я умѣлъ пользоваться не благодаримъ какъ та птичка, которую выпустилъ изъ клѣтки ребенокъ, и которая на первой же кровлѣ попала въ лапы хищной кошки.

Впрочемъ изгнавъ насъ изъ залы, гдѣ мы были лишены кадетскаго званія, начальство еще не сразу покинуло насъ на произволъ судьбы. До этого еще долженъ былъ пройти одинъ небольшой интервальный актъ, въ продолженіе котораго мы чувствовали надъ собою руку некаяго о насъ милосердія.

Насъ не прогнали изъ корпуснаго зданія, вѣроятно привавъ во вниманіе, что намъ рѣшительно не куда было бы дѣться и всѣ мы въ первую же ночь непременно попали бы подъ опеку ночнаго полицейскаго дозора. Но какъ мы уже были не кадеты, то корпусъ находилъ невозможнымъ предоставить въ наше пользованіе ни одного изъ помѣщеній отведенныхъ кадетамъ. Самое оставленіе насъ въ карцерѣ было признано неудобнымъ—и насъ отвели въ одинъ изъ дальнихъ корпусныхъ флигелей, гдѣ въ наше временное пользованіе были представлены три большія комнаты нижняго этажа.

Мебели здѣсь рѣшительно никакой не было, но къ ночи солдаты притащили сюда нѣсколько старыхъ, отслужившихъ срокъ матрасовъ и старый же, чорный, изрѣзанный ножичками, небольшой столъ.

Оглядѣвшись въ своемъ новомъ жильѣ, мы тотчасъ же сдѣлали дальнѣйшую рекогносцировку и открыли, что находимся въ помѣщеніи совершенно изолированномъ и притомъ безъ всякаго контроля.

Это открытіе необыкновенно насъ обрадовало. Мы почувствовали себя на свободѣ, заплѣли: „Цыгане вольною толпой по Бессараби кочуютъ“, потомъ собственными руками разложили матрасы рядомъ по полу и улегшись на нихъ въ покату, какъ попало, уснули

крѣпкимъ сладчайшимъ и безмятежнѣйшимъ сномъ. Утромъ, когда мы еще спали, пришелъ къ намъ офицеръ съ извѣстіемъ, что мы будемъ пользоваться здѣшнимъ пріютомъ до тѣхъ поръ, пока начальство справитъ намъ штатское платье и устроитъ нашу разсылку къ родителямъ. Для послѣдняго распоряженія отъ насъ были потребованы свѣдѣнія о томъ, куда кто можетъ ѣхать,—и мы были расписаны группами по трактамъ.

Тутъ я впервые задумался надъ тѣмъ: куда я прѣйду? Матушка, которой я очень давно не видалъ, жила въ Лифляндіи на маленькой мызѣ, оставшейся ей и теткамъ послѣ продажи ихъ имѣнія за отцовъ долгъ. Я началъ размышлять: какова можетъ быть жизнь моей матери въ этомъ положеніи и какъ ее должно поразить мое появленіе? Разсуждая обо всемъ этомъ, я тихонько сплкнулъ и написалъ матушкѣ всю горькую правду о постигшей меня участи. Я утѣшалъ ее, что стану для нея жить и безъ усталости работать, но овладѣвавшее мною при этомъ смущеніе еще болѣе усиливалось; я вспомнилъ, что я ровно ничего не умѣю дѣлать и въ шестнадцать лѣтъ ѣду къ матери не для облегченія ея участи а скорѣе для усиленія ея заботъ.

— Я ничему полезному не выучился—и даже въ гусары не гоюсь, размышлялъ я съ ужасомъ припоминая себѣ отцовы слова. Я видѣлъ, что роковое предчувствіе его надо мною уже начинаетъ сбываться, что я дѣйствительно того и гляди буду фантазеромъ и ничего путнаго въ моей жизни не сдѣлаю.

Но къ значительному облегченію, или по крайней мѣрѣ къ отстрочкѣ моихъ скорбей, я не могъ долго держать нити моихъ печальныхъ размышленій: жизнь, которую вели мы въ нашемъ карантинѣ, тому неблагоприятствовала.

Насъ, изгнанниковъ, было около сорока человекъ, изъ которыхъ кое у кого нашлись маленькія деньжонки, маленькія разумѣется по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, но по тогдашнему весьма достаточныя для того, чтобы ходить въ верхнія мѣста театровъ и покупать сообща другія недорогія удовольствія. Въ числѣ послѣднихъ было вино, которое солдаты безпрепятственно приносили намъ въ нашу казарму. Многимъ вино было еще не по вкусу, и нашлось между нами не мало такихъ, которые и вовсе не могли его пить, но положеніе дѣлъ было таково, что стало нужно пріучаться. Непитущихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, прозвали „дѣвчонками“,—и за то тѣ, которые не хотѣли быть дѣвчонками, отличались напиваясь до того, что мы перѣдко должны были отливать ихъ водою.

Межъ тѣмъ штатское обмундированіе для насъ было готово и на завтра былъ назначенъ разѣздъ буй-

*) Съ этого нумера повѣсть «Блуждающіе огоньки» будетъ продолжаться безостановочно.

ной компаніи (она стала теперь достойна этого названія). Интересуясь способом нашей разсылки, мы узнали, что начальство подрядило нѣсколько „протяжныхъ троечниковъ“, распредѣливъ ихъ по трактамъ на большіе города, куда лежалъ путь разсортированныхъ на трактовые пункты пассажирамъ. Пользуясь полною свободою ходить куда хотимъ, мы разумѣется сейчасъ же отправились на указанный намъ постоянный дворъ, который былъ гдѣ-то въ Гончарной улицѣ,—и тамъ, подъ темными навѣсами сараевъ этого двора, мы дружески познакомились съ извозчиками, съ которыми должны были ѣхать.

Тутъ я долженъ сказать, что я къ величайшему моему удовольствію освободился отъ лифляндской группы, въ которую былъ сначала записанъ,—и переписался въ группу кievскую, потому что матушка, въ отвѣтъ на мое письмо объ исключеніи меня изъ корпуса, увѣдомила меня, что мнѣ въ Лифляндію ѣхать не за чѣмъ, потому что тамъ она не надѣется найдти для меня никакого дѣла, а что она немедленно же пользуется удобнымъ случаемъ переѣхать въ Кіевъ, гдѣ одинъ родственникъ моего отца занималъ тогда довольно видную штатскую должность—и мать надѣялась, что онъ не откажется дать мнѣ какое нибудь мѣсто по гражданской службѣ.

Это было для меня чрезвычайно радостное извѣстіе; во первыхъ, я пересталъ завидовать нашимъ товарищамъ, которые ѣхали въ славянскомъ собратствѣ, между тѣмъ какъ я долженъ былъ тянуться съ нѣмцами; потомъ, вмѣсто мызной мазанки въ сѣрой Лифляндіи, я стремился къ „червонной украинѣ“, подъ тѣнь ея тополей и черешень, къ ея барвинкамъ, къ Днѣпру, къ святынямъ Кіева, подъ сводъ пещеръ, гдѣ опочили Антоній, Несторъ и Никола князь, сбросившій вѣнецъ и въ рубищѣ стоявшій у горотъ Печерской лавры.....

О Боже, какимъ неописаннымъ восторгомъ была полна душа моя при одной мысли, что я все это увижу! Я потерялъ всякое самообладаніе—и точно опынѣвъ отъ восторга, почти не обращалъ вниманія на все, что вокругъ меня происходило. Помню только, какъ мы съ участливостью осматривали большія, крытыя троечныя телѣги, въ которыхъ намъ надлежало ѣхать; садились въ нихъ, вылѣзали и снова садились; дѣлили между собою мѣста; осматривали лошадей, цѣнили ихъ, опредѣляли ихъ достоинство, силу и характеръ; потомъ отправившись съ своими будущими возницами въ какой-то грязненькій трактиръ, гдѣ пили чай и водку. На этотъ разъ насъ угощали мужики и мы всѣ пили,—даже тѣ, кто никогда не бралъ въ ротъ капли вина, должны были выпить по двѣ или по три полурюмки сладкой водки.

Черезъ часъ мы всѣ были пьяны, и не знавшіе что съ нами дѣлать мужики запрягли парю одну изъ своихъ крытыхъ телѣгъ, упаковали насъ туда какъ умѣли и отвезли въ корпусъ.

Мы этому ни мало не противились; мы уже освоились съ своимъ безначальнымъ положеніемъ и привыкли считать себя вольными казаками, надъ которыми нѣтъ старшаго. А потому насъ ни мало не пугала мысль, что мы явимся въ корпусъ въ такомъ развращенномъ и омерзительномъ видѣ. Мы ѣхали распѣвая военныя пѣсни, дрянные романсы, обнимались, барахтались, кривлялись, дѣлали ручки проезжавшимъ дамамъ и вообще вели себя какъ настоящіе пьяницы. Дома солдаты насъ едва уложили, а утромъ едва добулись. На дворѣ уже стояли, погромыхивая тяжелыми бубенцами, толстоногоія тройки съ росливыми дугами, и въ комнату къ намъ полوزъ ѣдкій дымокъ тютюну, который курили ожидавшіе насъ у дверей извозчики.

Сердце ёкнуло: наше пришло до насъ.

— Господи, что-то будетъ?

Солдаты начали выносить наши пожитки и размѣщать ихъ по телѣгамъ, кто къ которой былъ росписанъ. Шумъ, говоръ, бѣготня, движеніе, все это при моей больной спохмѣлыя головѣ представлялось мнѣ какъ волны хаоса.

Пришелъ корпусный батюшка, покропилъ насъ водою; потомъ казначей далъ намъ по двадцати семи рублей пятидесяти копѣекъ денегъ на дорогу, и нагруженный нами повозки съѣхавъ съ казеннаго двора тяжело застучали по мостовой, медленно подвигаясь къ пестрымъ бревнамъ заставы.

Впереди былъ длинный, очень длинный путь, о которомъ не могутъ составить себѣ даже приблизительно вѣрнаго понятія люди доѣзжающіе нынче отъ Петербурга до Кіева въ трое сутокъ и въ добавокъ безъ всякихъ приключеній. Тогда было не то, особенно съ такими солидными путешественниками, каковы были мы.

V.

Намъ, по нашимъ расчетамъ, на этотъ переѣздъ требовалось не менѣе мѣсяца, а нашъ извозчикъ утѣшалъ, что можетъ быть потребуется еще и побольше.

Извозчикъ, для ѣдущихъ на протяжныхъ, это совсѣмъ не то, что кондукторъ для нынѣшняго путешественника, несущагося по желѣзной дорогѣ. Съ извозчикомъ сѣдоки непременно сближались и даже сжились, потому что протяжная путина—это часть жизни, въ которой люди дѣлили вмѣстѣ и горе и радость, и опасности и всѣ его досады. „Вмѣстѣ моли и всѣ сохли“ какъ выражается извозный людъ. Нашъ извозчикъ, отправленный везти молодыхъ господчиковъ по кievскому тракту, былъ небольшой, но очень крѣпкій, коренастый мужикъ изъ новгородской губерніи. Звали его Кирилъ. Онъ былъ раскольникъ, но вѣроятно очень плохой, потому что и пилъ и курилъ, и самъ себя называлъ „попорченнымъ“; но онъ былъ очень веселый и казалось добрый малый, отъ общества котораго мы пророчили себѣ дорогой не мало удовольствій. Они тотчасъ и начались. Выѣхавъ съ нами изъ Петербурга за московскую рогатку, Кирилъ остановилъ у какаго-то домика лошадей и объявилъ, что, здѣсь живетъ его пріятель Иванъ Ивановичъ Елкинъ, къ которому, если не заѣхать и ему какъ слѣдуетъ не поклониться, то намъ въ дорогѣ не будетъ никакой спорыньи.

Мы не прекословили и зашли: это былъ кабакъ, въ которомъ разумѣется никакого Ивана Ивановича не было, а сидѣлъ простой цѣловальникъ. Здѣсь мы, по настоянію Кирилы, всѣ выпили: кто могъ—водки; а кто не могъ пить водки, тотъ пилъ пиво или медъ.

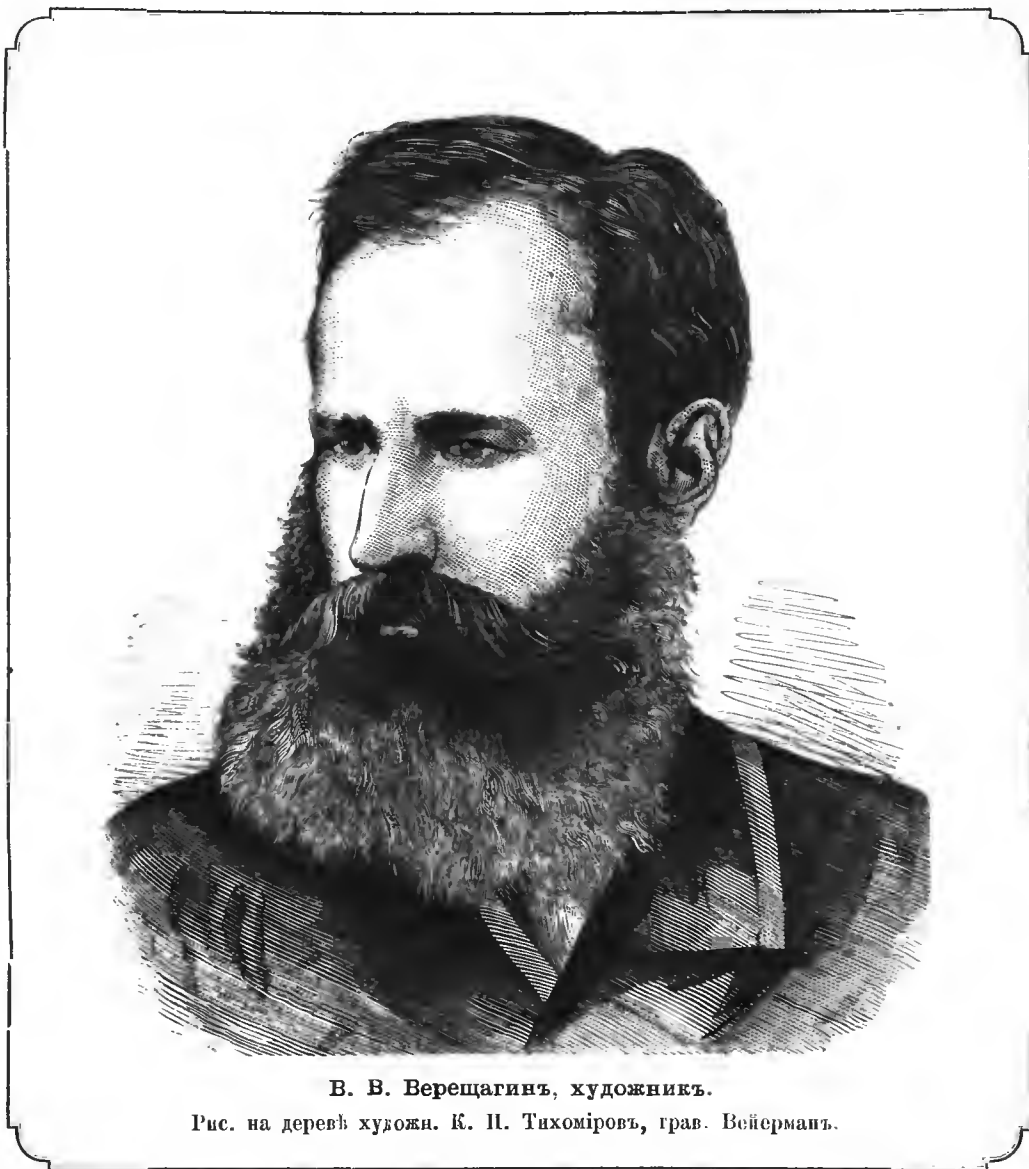
Совершивъ такое возліаніе путевому божеству, всѣ мы охмѣлѣли, и ѣдучи сначала пѣли свои военныя пѣсни и романсы, а потомъ заснули.

Насъ въ повозкѣ помѣщалось восемь человѣкъ, но какъ мы были всѣ люди небольшіе и покладливые, а къ тому же и пожитками необремененные, то особаго стѣсненія не чувствовали. Но не смотря на то, что мы соблюли обычай указанный намъ Кирилою и войдя къ Ивану Ивановичу Елкину совершили въ честь его возліаніе, путь нашъ не спорился: мы ѣхали, разумѣется, шагомъ, дѣлая не болѣе пятидесяти верстъ въ день, съ передневыми черезъ два дня въ третій. Это всякому должно бы показаться чрезвычайно утомительнымъ и скучнымъ, но насъ все занимало: и новыя люди, и новыя мѣста,—и мы не погоняли нашего возницу, а добивались только одного, чтобы передневы приходились въ городахъ или по-крайней мѣрѣ въ хорошихъ мѣстахъ, которые мы осматривали, купались и спали.—Къ Иванамъ Ивановичамъ Елкинымъ, которыхъ по дорогѣ было чрезвычайно много и которые всѣ оказыва-

лись добрыми друзьями Кирила, мы уже болѣе не заходили — потому-ли что многимъ изъ насъ пришлось дорогою порядочно переболѣть, послѣ петербургскихъ оргій, или потому что на насъ очень хорошо дѣйствовала природа и новостъ мѣста и людей, которыхъ мы „изучали“ съ огмѣнною охотою и внимательностію.

Кирилъ, который любилъ выпить, по считалъ неумѣстнымъ дѣлать это на свои деньги, покрѣпившись дня два и видя что изъ насъ ему нѣтъ сотоварищей и хлѣбосоловъ, поднялся на штуку: онъ отдѣлилъ у себя на козлахъ такъ-называемую „бесѣдочку“, въ ко-

ми викакихъ не происходило, но только во всѣхъ въ насъ въ теченіе немногихъ дней, проведенныхъ въ пути, какъ-то смѣлѣе и рѣзче начала обозначаться наша индивидуальная разность. Въ корпусѣ мы всѣ въ общихъ чертахъ характера и взглядовъ походили другъ на друга, — всѣ мы были *кадеты*; а теперь, хотя мы оставались въ своей же однокошнической компаніи, въ насъ обозначались будущіе фаты, щеголи, которые будутъ пускать пыль въ глаза, и задумчивые философы съ зародышемъ червя въ безпокойномъ вдаль-засматривающемъ воображеніи. Вскорѣ эта разновидность

торую постоянно присаживалъ кого-нибудь изъ прохожихъ, и выручаемый этимъ путемъ деньги считалъ позволительнымъ вручать Ивану Ивановичу Елкину. Пассажировъ этихъ онъ набиралъ вездѣ: по дорогѣ и на ночлегахъ по постояннымъ дворамъ, откуда мы обыкновенно съѣзжали чрезвычайно рано. Чтобы не тревожиться утромъ, а также чтобы не платить особыхъ денегъ за ночлегъ, мы всѣ спали въ повозкѣ, — и Кирилъ, съѣзжая со двора, не будилъ насъ; а обѣденный покормъ, длившійся часа четыре, мы нерѣдко держали у дороги на лѣсныхъ опушкахъ, или гдѣ нибудь надъ рѣкою, въ которой непременно купались и иногда по нѣскольку разъ въ самое короткое время.

Сколько нибудь замѣчательныхъ происшествій съ на-

обнаружилась въ весьма осязательной для насъ формѣ.

Въ Твери штатъ нашъ долженъ былъ уменьшиться. Здѣсь намъ надлежало высадить одного товарища, по фамиліи Волосатина, отецъ котораго служилъ предсѣдателемъ какой-то изъ тверскихъ палатъ.

По этому случаю мы сдѣлали въ Твери дневку — и высаженный здѣсь товарищъ нашъ пріѣхалъ къ намъ на постоянный дворъ въ дрожкахъ, запряженныхъ парю лошадей, и пригласилъ насъ всѣхъ отъ имени своего отца на вечеръ.

Этотъ товарищъ былъ изъ тѣхъ, которые подавали надежду сдѣлаться щеголими и франтами, — и два часа времени, проведенные имъ въ разлукѣ съ нами въ домѣ своего отца, безмѣрно подвинули въ немъ впередъ эту

наклонность. Онъ звалъ насъ привѣтливо, но съ замѣтною небрежностью и говорилъ съ нами не слѣзая съ дрожекъ, на которыхъ сидѣлъ въ щеголеватомъ новомъ платьѣ, съ тросточкою въ рукахъ,—тогда какъ мы толпились вокругъ него всѣ запыленные и въ истасканныхъ дорожныхъ курткахъ.

Онъ наслаждался своимъ превосходствомъ и безъ церемоніи сказалъ намъ:

— Только, приглашая васъ къ себѣ въ домъ, я надѣюсь, что вы понимаете, что вамъ надо будетъ привести себя въ порядокъ и хорошенько приодѣться, а не валить толпою какъ попало; у насъ будутъ гости и будутъ танцевать: вотъ я для этого даже сейчасъ и ѣду купить себѣ и сестрѣ перчатки. Совѣтую всѣмъ вамъ, кто хочетъ танцевать, тоже застаться хорошими перчатками,—иначе нельзя.

— Боже мой! какъ это хорошо: будутъ танцевать!

— И у него есть сестра!

— Да одна ли сестра—вѣрно будетъ и еще много дамъ! воскликнули разомъ нѣсколько голосовъ послѣ того, какъ товарищъ покатишь, обдавъ насъ цѣлымъ облакомъ пыли,—и всѣ мы кинулись къ своимъ узелкамъ, въ которыхъ были увязаны нашъ штатскій гардеробъ, построенный воевнымъ портнымъ.

Восторгъ былъ всеобщій но непродолжительный, потому что одинъ изъ товарищей, имѣвшій въ задаткѣ червя самолюбія, объявилъ, что онъ не пойдетъ, потому что Волосатинъ приглашалъ насъ очень обиднымъ тономъ.

Тонъ! мы, недавніе безцеремонные товарищи, вырвавшіе недавно изъ рукъ другъ у друга кусокъ пирога или булки, и нестыдившіеся выпрашивать одинъ у друга самыхъ ничтожныхъ мелочей,—уже теперь разби-

рали *тонъ*! Да и какъ еще разбирали? хоть бы какому записному дипломату или свѣтскому критику.

Вотъ свѣтъ! вотъ его первое наитіе, неизвѣстно откуда забравшееся въ нашу тѣлѣгу, и тутъ же рядомъ несостоятельность его законовъ передъ шопотомъ жгучихъ силъ доброй молодости.

— Да, заговорили мы—мы всѣ согласны; Волосатинъ скотинка: онъ очень форситъ, обидѣлъ насъ, но все таки онъ нашъ товарищъ и мы дурно сдѣлаемъ, если пренебрежемъ его приглашеніемъ. Онъ одинъ виноватъ; а мы, если не пойдемъ,—мы покажемъ, что и мы сами невѣжи и не знаемъ какъ должно свѣтскихъ приличій. Принявъ приглашеніе, надо идти.

— Мы оскорбимъ его отца, который насъ звалъ и который можетъ быть очень заслуженный человекъ.

— Какой чортъ «заслуженный»! просто какойнибудь приказный.

— Но мы теперь и сами пр.... То есть мы всѣ теперь статскіе, отбѣчали мы со вздохомъ.

— И наконецъ, онъ говорилъ, тамъ есть у него сестра, а развѣ можно оказать невѣжливость жепчинѣ.

Эта „сестра“, мнѣ кажется, очень много значила для всѣхъ насъ: всѣмъ намъ было пріятно называть молодое женское лицо.... стѣнки не устояли. Мы рѣшили перчатокъ не покупать, потому что такой экстренный расходъ былъ намъ не по карману,—по принарядясь въ свои сюртуки, отправились въ качествѣ нетанцующихъ на вечеръ, который для меня имѣлъ очень серьезное значеніе съ довольно несприятными послѣдствіями.

(Продолженіе будетъ.)

Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Имя г. Верещагина сразу приобрѣло себѣ громадную извѣстность и славу. Выставка его произведеній, бывшая въ Петербургѣ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, весной 1874 г., составляетъ одно изъ выдающихся явленій нашей общественной жизни. Сильный талантъ художника привлекъ въ залы министерства огромныя массы публики, невиданныя до тѣхъ поръ ни на какихъ выставкахъ; многіе, простоявъ съ часъ въ густой толпѣ на лѣстницѣ и не имѣя терпѣнія ждать дольше, припужденны были уходить, не добравшись до картинъ. Такъ увлекать массы можетъ только истинный талантъ, проникнутый горячей любовью къ своему дѣлу. И знатоки искусства и публика по достоинству оцѣнили талантъ художника. Выставка верещагинскихъ картинъ имѣла двойной интересъ: художественный и этнографическій; длинный рядъ мастерскихъ рисунковъ, эскизовъ, картинъ, то трагическаго, то комическаго содержанія, совершенно уносилъ зрителя въ другую жизнь, на далекій, фантастическій востокъ, со всей его лѣтностью, со всѣми его кровожадными инстинктами, живописными лохмотьями и религиознымъ фанатизмомъ. Рядомъ съ этимъ, какой глубокой любовью проникнуты картины художника, изображающія суровую, полную неимоверныхъ лишеній боевую жизнь нашего солдата-героя! Подробно останавливаться на произведеніяхъ г. Верещагина, съ которыми мы познакомились на этой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной выставкѣ, мы не будемъ—въ свое время мы давали объ ней отчетъ нашимъ читателямъ (въ № 15 «Нивы» за 1874 г.); но мы не можемъ пройтись молчаніемъ того обвиненія, которое было по поводу ея возведено г. академикомъ Тютрюмовымъ на г. Верещагина. Мы вкратцѣ расскажемъ весь ходъ такъ называемой «тютрюмовской исторіи». Въ № 253 газеты «Голосъ» было напечатано письмо г. Верещагина изъ Бомбея, въ которомъ онъ, находя, по своему убѣжденію, всѣ чины и отличія въ искусствѣ вредными, отказался отъ званія профессора, предложеннаго ему академіею художествъ за его картины. Отказъ этотъ привелъ г. академика Тютрюмова въ самое яростное негодованіе. Разбирая въ своей статьѣ поступокъ г. Верещагина, г. академикъ не поспешилъ на самую неприличную выходку, обвиняя художника въ шарлатанствѣ, подлогѣ, алчности и тому подобныхъ прекрасныхъ качествахъ. Онъ говоритъ, что г. Верещагину дѣйствительно неловко признавать себя профессоромъ, такъ какъ картины *писаны имъ въ Мюнхенѣ компанейскимъ способомъ*, а имя его не болѣе какъ одна фирма,—что г. Верещагинъ пускалъ въ ходъ всевозможныя новаго рода изобрѣтенія съ цѣлю скрыть разные недостатки и

недочеты своихъ картинъ и набить на нихъ цѣну, чтобы во что-бы то ни стало расплатиться съ своими мюнхенскими сотрудниками. Надо прибавить при этомъ, что г. Тютрюмовъ говорилъ это не отъ одного своего лица, а какъ бы отъ лица всѣхъ художниковъ вообще. Это вызвало со стороны послѣднихъ энергическій протестъ; они публично заявили себя совершенно чуждыми мнѣніямъ г. академика Тютрюмова. Подъ протестомъ подписаны уважаемые имена: баронъ М. П. Клодтъ, В. Яковій, И. Шишкинъ, П. Забѣлло, К. Гунъ, баронъ М. К. Клодтъ, Г. Мясоедовъ, И. Крамской, П. Чистяковъ, А. Поповъ, И. Ге.

И такъ, г. академикъ Тютрюмовъ остался одинъ при своихъ мнѣніяхъ. Между тѣмъ г. В. Стасовъ, коротко знающій г. Верещагина и какъ художника и какъ человека и взявшій во время его отсутствія слѣдить за его художественными интересами, потребовалъ отъ г. Тютрюмова объясненій касательно его обвиненій противъ г. Верещагина. Видя что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, почтенный академикъ сталъ увертываться и наконецъ прямо объявилъ въ «Русск. Міръ» (№ 29.) что фактовъ у него никакихъ нѣтъ, а говорилъ онъ только по слухамъ. Но г. Стасовъ затѣмъ уничтожилъ до самаго корня и клеветническіе слухи, откуда бы и отъ кого бы они ни шли. Проживающій въ Мюнхенѣ нашъ художникъ г. Коцебу, предложилъ ему обратиться къ «Мюнхенскому художественному Товариществу», состоящему приблизительно изъ 600 членовъ, съ просьбою *произвести слѣдствіе* по обвиненію В. В. Верещагина г. академикомъ Тютрюмовымъ въ томъ, что онъ не самъ писалъ свои картины, а нанималъ для этого мюнхенскихъ художниковъ. Г. Стасовъ съ радостью принялъ это предложеніе и въ № 358 Спб. Вѣд. мы находимъ его отчетъ о результатахъ этого слѣдствія.

Мюнхенское художественное товарищество прислало г. Стасову отъ 30-го декабря 1874 г. официальное письмо, гдѣ положительно отрицается какая бы то ни было художественная помощь г. Верещагину со стороны мюнхенскихъ художниковъ. «Сверхъ того», заключаетъ свое письмо Мюнхенское Художественное Товарищество, «мы можемъ заявить съ величайшимъ удовольствіемъ, что какъ въ нашемъ общемъ собраніи, такъ и внѣ его, во всѣхъ художественныхъ кружкахъ, фактъ оклеветанія такого высокаго художника какъ г. Верещагинъ, вызвалъ глубочайшее негодованіе, и что—безъ единого исключенія—всѣ многочисленные художники, знающіе произведенія г. Верещагина по фотографіямъ, выразили самую твердую увѣренность, что характеръ и высокая оригинальность этихъ созданій на сюжеты изъ ташкентской войны—

рѣшительно исключаютъ участіе всякой другой руки, кромѣ руки одного, единственнаго мастера.»

Подписали: Предсѣдатель комитета Мюнхенскаго Художественнаго Товарищества: *Конрадъ Гоффъ*, секретарь: *профессоръ Антонъ Гессе*, члены комитета: *профессоръ Г. Л. Раабъ*, *К. Кронбергеръ*, *В. Линденшмидтъ*, *профессоръ А. Вагнеръ*, *Вильмъ Маркъ*, *Иозефъ Брандтъ*, *Д. Ланко*, *А. Коцебу*.

Кажется, истина теперь достаточно разъяснена. Недостойная выходка только еще болѣе упрочила извѣстность нашего даровитаго соотечественника, портретъ котораго мы предлагаемъ въ настоящемъ № «Нивы». Въ заключеніе подѣлимся съ нашими читателями извѣстными намъ біографическими свѣдѣніями о г. Верещагинѣ.

Василій Васильевичъ Верещагинъ родился 14-го октября 1818 г. въ селѣ Любечѣ, Новгородской губерніи Черниговскаго уѣзда. Судьба, или лучше-сказать родные предназначали сго (какъ это случилось со многими знаменитыми художниками и артистами) совсѣмъ къ иному поприщу, чѣмъ то, на которомъ онъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ. По желанію отца, онъ поступилъ въ Морской кадетской корпусъ, но страсть къ живописи не оставляла его, и еще изъ корпуса (съ 1838 г.) онъ сталъ посѣщать рисовальныя классы на биржѣ. Въ 1860 г. кончивъ первымъ курсъ Морскомъ корпусѣ, онъ въ тотъ же годъ поступилъ въ академию художествъ, гдѣ три года спустя получилъ 2-ю серебряную медаль за картину, написанную имъ на программу «Женщины Пенелопы». По выходѣ изъ академіи г. Верещагинъ отправился на Кавказъ. Чудесная природа, типическія картины мѣстнаго быта—дали богатый матеріалъ для карандаша художника. Послѣ Кавказа онъ поѣхалъ въ Парижъ; тамъ онъ и написалъ текстъ своего «Путешествія въ Закавказье», который былъ

переведенъ на французскій языкъ и изданъ съ гравюрами, сдѣланными съ его рисунковъ, въ журналѣ «*Au tour du monde*». Оригинальный, текстъ автора съ 30-ю рисунками, помѣщенъ въ журналѣ «Всесвѣтный Путешественникъ» за 1870 г.

Проработавъ два года въ Парижѣ подъ вліяніемъ французскаго художника Жерома, г. Верещагинъ уѣхалъ въ Туркестанъ. Это было въ разгаръ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи. Хотя г. Верещагинъ и не состоялъ въ военной службѣ, но страстная его натура не позволяла ему оставаться только зрителемъ борьбы:—во время осады Самарканда, когда горсть защитниковъ уже изнемогла подъ натисками дикаго врага, г. Верещагинъ съумѣлъ водружить ихъ, и побѣда осталась за нами. За этотъ подвигъ г. Верещагинъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія.

Послѣ второй заграничной поѣздки, предпринятой имъ въ 1869 г., онъ опять вернулся въ Туркестанъ. Мы уже знаемъ, что было создано имъ во время этихъ поѣздокъ. Выставка верещагинскихъ картинъ въ Лондонскомъ хрустальномъ дворцѣ сдѣлала имя нашего художника извѣстнымъ въ Европѣ. Въ настоящее время г. Верещагинъ путешествуетъ съ тѣми же художественными цѣлями по Остѣ-Индіи. Живая, дѣятельная фантазія увлекаетъ его все дальше въ глубь этой сказочной страны—развѣ она въ дѣтствѣ не очаровывала и нашего воображенія, могучей, причудливой красотой своей природы, таинственной религіей, мрачными обрядами и прочими чудесами. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ г. Стасовымъ, г. Верещагинъ находится въ началѣ зимы въ Агрѣ и оттуда направился въ Пеналь. Безъ сомнѣнія, это путешествіе даетъ много новыхъ сокровищъ русскому искусству, такой талантъ не можетъ оставаться неподвижнымъ, мы вправе ожидать отъ него еще большихъ шаговъ впередъ.

Ярославъ.

Ярославъ, живописно расположенный на высокомъ правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки Котороси,—одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ. Онъ богатъ историческими воспоминаніями и древними святынями. Объ основаніи его, предполагаемомъ между 1025 и 1036 годами, существуетъ слѣдующее преданіе: развѣ, Великій князь Ярославъ Владимировичъ, обозрѣвая Ростовскую область, отсталъ отъ своей дружины и остановился на правомъ берегу Волги близъ слиянія ея съ рѣкою Которосью. Тутъ, у одного оврага, въ дремучемъ лѣсу, на него напала медвѣдица, но онъ убилъ ее топоромъ. Въ память этого событія, князь повелѣлъ срубить на этомъ мѣстѣ городъ и называть его Ярославлемъ, и скорѣе построилъ въ немъ церковь во имя св. пророка Іліи. Названіе *рубленаго города* сохранилось и понынѣ за той частью города, которая послужила ему основаніемъ; оврагу дано имъ Медвѣдья, а въ гербѣ ярославской губерніи красуется на серебряномъ полѣ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ, съ золотой сѣкирой на плечѣ.

Съ 1219 г. Ярославъ былъ главнымъ городомъ Удѣльнаго княжества до присоединенія его къ Москвѣ. Особенную извѣстность Ярославъ началъ приобретать со временъ Константина Всеволодовича, который обстроилъ городъ каменными зданіями а основалъ при Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, древнѣйшемъ въ Россіи, знаменитое въ древности училище, переведенное въ 1214 г. въ Ростовъ.

Въ воспоминаніяхъ Ярославля есть не мало тяжелыхъ годинъ. Въ 1221 г. онъ былъ опустошенъ пожаромъ, истребившимъ 17 церквей и лучшіе дома города. Въ 1237 г. его выжгли татары; въ 1364 г. въ немъ свирѣпствовалъ страшный моръ, такъ-называемая *черная смерть*. Въ 1371 г. новгородская волинка, разбойничая по Волгѣ, разграбила Ярославль. Въ XVI столѣтіи, онъ опять нѣсколько разъ бывалъ жертвою огня, истребившаго почти весь городъ. Во время одного изъ этихъ пожаровъ сгорѣлъ соборный храмъ и подъ его развалинами обрѣтены негнѣнныя мощи ярославскихъ благовѣрныхъ князей Василия и Константина.

Потомъ городъ былъ снова отстроенъ и обнесенъ землянымъ валомъ и глубокимъ рвомъ съ башнями, изъ которыхъ три уцѣлѣли до сихъ поръ. Эта часть города, находящаяся внѣ «рубленаго», получила названіе *земляно*. При Іоаннѣ Грозномъ Ярославль уже процвѣталъ какъ лучшій изъ торговыхъ городовъ Россіи, но слѣдующее затѣмъ бѣдственное время на Русь снова тяжело отозвалось на Ярославлѣ.

Въ тяжкій 1612 г., когда бѣдствія Россіи достигли крайнихъ предѣловъ и народъ сталъ поголовно ополчаться для освобожденія отечества, Ярославль былъ сборнымъ мѣстомъ дружинъ, стекавшихся сюда на зовъ Пожарскаго съ инзовыхъ, украинныхъ и поморскихъ городовъ. Князь Пожарскій простоялъ въ Ярославлѣ полгода. Отъ чрезвычайнаго скопленія войска и народа, въ городѣ открылась была зараза, но, по преданію, прекратилась чудеснымъ образомъ. Однако Россія еще не скоро освободилась отъ враговъ; поляки и собственныя разбойничьи шайки продолжали грабить наши города и села, и въ 1615 г. Ярославль снова сдѣлался сборнымъ пунктомъ войскъ для отраженія этихъ страшныхъ скопищъ, злодѣйствовавшихъ подъ предводительствомъ Лисовска-

го. Въ 1617 г., когда запорожскій гетманъ Сагайдачный перешелъ на сторону королевича Владислава, запорожцы вмѣстѣ съ поляками подступили къ Ярославлю; но сго укрѣпленія, защищаемыя боярскими Черкасскими, выдержали ихъ осаду, и ни одинъ неприятель не былъ впущенъ въ городъ.

Съ водвореніемъ спокойствія въ Россіи, промышленная и торговая дѣятельность Ярославля снова стала процвѣтать. Уже въ XV и въ XVI столѣтіяхъ встрѣчаемъ мы здѣсь значительную промышленность и обширную торговлю. Когда, въ царствованіе Ісаканна Грознаго, англичане получили привилегію на торговлю во всѣхъ городахъ сѣверной Россіи, то завели здѣсь свои конторы, существовавшія до конца XVII столѣтія. Въ то время уже англичане отзывались объ Ярославлѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ Московіи, гдѣ обмѣниваются въ огромныхъ размѣрахъ произведенія востока и запада, сѣвера и юга. Значеніе его должно было еще возвыситься съ того времени, когда Петръ началъ связывать водными системами центръ Россіи съ Балтійскимъ моремъ. Торговля обогатила жителей и способствовала къ украшенію города каменными зданіями и церквями, и въ настоящее время это одинъ изъ самыхъ благоустроенныхъ и богатыхъ городовъ въ Россіи. При Петрѣ Великомъ Ярославль былъ обращенъ въ провинціальныи городъ, а на степень губернскаго города онъ былъ возведенъ при Императрицѣ Екатеринѣ.

Осматривая Ярославль, вы на каждомъ шагѣ чувствуете себя въ городѣ древнемъ, полномъ преданій старины и чтимой русскимъ народомъ святыни. Городъ дѣлится на двѣ историческія части: «Рубленный» городъ и «Земляной», съ остатками древнихъ укрѣпленій. Старинный Земляной городъ составляетъ теперь центръ города, и заключаетъ въ себѣ два монастыря, двѣнадцать церквей, присутственныя мѣста, домъ начальника губерніи, парадную Ильинскую площадь, представленную на нашей картинкѣ, гостинный дворъ и главный рынокъ.

Сѣверо-восточная часть Ярославля называется «Таборами»; названіе это также имѣетъ историческое происхожденіе, потому что въ смутное время, въ началѣ XVII столѣтія, здѣсь былъ расположенъ польскій лагерь.

Монастыри и церкви Ярославля хранятъ въ себѣ много историческихъ воспоминаній далекой древности. Къ древнѣйшимъ памятникамъ Ярославля принадлежатъ: церковь *Св. Петра и Павла* стоящая на мѣстѣ древнѣйшаго въ Россіи монастыря, что видно изъ житія преподобнаго Никиты Столпника и лѣтописей XII столѣтія; тутъ покоятся останки ярославскихъ князей первой династіи. Церковь *Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы*; отъ этой церкви 10-го іюня 1658 г. начался «великій» пожаръ, истребившій 3 монастыря, 29 приходскихъ церквей, всѣ торговые ряды, 1480 домовъ и множество народа. Недалеко отсюда стоялъ, по преданію, дворецъ удѣльныхъ князей ярославскихъ. Соборная церковь во имя *Успенія Божіей Матери*, построенная въ 1215 г. Великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ. Здѣсь покоятся мощи св. благовѣрныхъ князей ярославскихъ Василия и Константина. *Архіерейскій домъ*, находящійся также на мѣстѣ одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи монастырей, Спасо-Преображенскаго. Въ 1216 г. Константинъ Всеволодовичъ построилъ въ Спасо-Преображен-

скомъ монастырѣ первую каменную церковь во имя Преображенія Господня, которая считается древнѣйшимъ памятникомъ зодчества. Здѣсь погребались, въ другой каменной церкви во имя Входа въ Иерусалимъ, ярославскіе князья второй династіи, начиная съ Теодора Ростиславича. Въ 1609 г. монастырь выдержалъ 24-ю дневную осаду и отразилъ отчаянные приступы поляковъ. Въ 1768 г. онъ сгорѣлъ, и исправленъ по повелѣнію Императрицы Екатерины, а въ 1787 г. обращенъ въ Архіерейскій домъ.

Съ Архіерейскимъ домомъ соединено еще одно историческое воспоминаніе: въ 1613 г. царь Михаилъ Феодоровичъ жилъ въ теченіи 26-ти дней въ архіерейскихъ кельяхъ. Отсюда онъ послалъ въ Москву первую грамоту, которою извѣщалъ Земскій Соборъ о своемъ согласіи на принятіе царскаго вѣнца.

Архіерейская ризница въ высшей степени замѣчательна по хранящимся въ ней древнимъ сокровищамъ бывшаго монастыря; между послѣдними заслуживаютъ особеннаго вниманія старинныя книги, рукописи и образцы древней славяно-русской иконописи. Здѣсь найдены были первый списокъ «Слова о Полку Игоревѣ».

Святѣйшія особенно чтимая ярославцами—это икона *Нерукотвореннаго образа Спасителя*. Съ нею соединены патріотическія воспоминанія 1612 г.; въ честь ея тогда же было положено основаніе *Всеградской* церкви Спасителя.

Всѣхъ церквей въ Ярославлѣ 77 съ 88 придѣлами. Изъ числа ихъ, 42 построены раньше XVIII столѣтія. Въ памяти неодолезнаго избавленія Ярославля отъ многочисленныхъ бѣдствій, какимъ онъ подвергался въ теченіи своего почти восьми-вѣковаго существованія, въ благочестивомъ Ярославлѣ бывають частныя крестныя ходы, совершаемыя съ большою торжественностью при большомъ стеченіи народа.

Говоря объ историческихъ достопамятностяхъ Ярославля, нельзя не упомянуть о знаменитыхъ въ нашей исторіи личностяхъ, для которыхъ онъ служилъ мѣстомъ заточенія и ссылки. Лѣтописи передають, что здѣсь сидѣли подъ стражей Великіе Князья Семѣй и Петръ, сосланные сюда Иоанномъ III въ 1493 г. Далѣе въ 1606 г., послѣ низверженія перваго самозванца, Марина Мининъ съ своимъ отцомъ и слѣшкомъ тремястами ихъ единомышленниковъ были сосланы въ Ярославль, гдѣ содержались подъ крѣпкой стражей за городскими земляными валами. Знаменитый временщикъ Биронъ былъ въ 1742 г. перевезенъ изъ первоначальнаго мѣста своей ссылки. Пелыма, въ Ярославлѣ; онъ жилъ тутъ съ своимъ семействомъ до 1751 г., пока опять не былъ вызванъ Петромъ III ко двору. Въ оградѣ Николо-Надѣинской церкви находится зданіе 1-й полицейской части, построенное изъ кирпичей того дома, въ которомъ жилъ Биронъ во время своей ссылки. Домъ и стоялъ неподалеку отъ этого мѣста.

Мы уже говорили, что въ Ярославлѣ было основано первое извѣстное на сѣверѣ училище. Въ Ярославлѣ же, въ 1748 г. былъ основанъ купцомъ Волковымъ, первый въ Россіи театръ, а въ 1786 и 1787 годахъ здѣсь издавался журналъ «Единенный Пошехонецъ». И въ настоящее время Ярославль обладаетъ довольно значительными образовательными средствами. Кромѣ извѣстнаго Демидовскаго Лицея и гимназій, здѣсь есть достаточное количество среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, и двѣ довольно порядочныя библіотеки, одна при дворянскомъ клубѣ, другая при книжномъ магазинѣ.

О внѣшней сторонѣ города можно судить по нашей картинѣ, на которой представлена главная площадь въ городѣ, такъ-называемая Парадная или Ильинская. Она примыкаетъ однимъ своимъ краемъ къ губернарскому саду; на другомъ краю стоитъ древняя церковь во имя св. пророка Іліи, замѣчательная по богатству украшеній. Въ этой церкви есть между прочимъ серебряный вызолоченный *козичъ*, въ которомъ хранится часть *Ризы Господней*, присланная въ даръ церкви патріархомъ Юсифомъ. Въ ней также интересна стѣнная живопись, которую писали въ 1680 г. двое костромскихъ и одиннадцать ярославскихъ живописцевъ. Кругомъ этой площади сосредоточены казенныя зданія и присутственные мѣста, около которыхъ выстроены тѣмбры врыты чугунныя цушки, взятые съ бывшихъ укрѣпленій. Прямо вы видите городской Соборъ во имя Успенія Божіей Матери, вѣтвю—Архіерейскій домъ. Вправо отъ Собора возвышается въ видѣ бронзовой колонны памятникъ основателю Ярославскаго Лицея, П. Г. Демидову. Позади казенныхъ зданій находится новый и старый гостинный дворъ. Къ

Ильинской площади примыкають всѣ главныя улицы; вмѣстѣ съ Волжской набережной она составляетъ самую лучшую часть города. На ней бываетъ главная годовая ярмарка, продолжающаяся отъ 5 до 20 марта.

Общій видъ Ярославля съ Волги, особенно съ луговой ея стороны, чрезвычайно красивъ. Надъ широкой рѣкой возвышается крутой берегъ въ 32 саж. вышины, точно высокой крѣпости и валъ. Надъ городомъ господствуютъ старинныя главы многочисленныхъ церквей. Невольно снимаетъ русскій человѣкъ шапку и крестится на древнія святыни. Большая часть церквей толпится густыми массами на переднемъ планѣ, остальные теряются вдали. Западная часть города разстилается въ долину, а восточная круто спускается къ Волгѣ. *Волжская набережная* обложена на значительную высоту отъ воды дикимъ сѣрымъ камнемъ, по верхней окраинѣ котораго проложена аллея для прогулокъ; остальная часть склона обдѣлана дерномъ. Вверху набережной устроенъ прекрасный бульваръ съ террасами на Волгу и съ красивой чугунной рѣшеткой съ береговой стороны. По набережной тянется рядъ церквей и красивыхъ зданій; древнія постройки бросаются въ глаза своимъ оригинальнымъ характеромъ, а новыя—изяществомъ и даже роскошью отдѣлки. *Которостная набережная*, безъ сомнѣнія, уступаетъ Волжской по богатству отдѣлки, но зато съ нея открывается чудо какой видъ на углу соединенія Волги съ Которостью. На пристани кинитъ дѣятельность, множество судовъ ждутъ своей очереди разгружаться или нагружаться,—а тамъ Волга, извиваясь въ берегахъ, терется у горизонта. Эта набережная также хорошо обстроена, и на ней много красивыхъ строеній и церквей.

Положеніе Ярославля при главной сухопутной дорогѣ между двумя столицами и при Волгѣ, соединяющей внутренній губерніи съ сѣверными и сѣверо-западными, было главной причиной развитія въ немъ обширной торговли, увеличенію которой много способствовала еще и близость Нижняго Новгорода. Обороты ярославскаго купчества простираются до 4,000,000 руб. сер. Нагрузка и выгрузка судовъ продолжается во всю навигацію. Отъ пристани ежегодно отходитъ до 600 судовъ съ разнымъ грузомъ, да разгружается до 650 судовъ и до 30 плотовъ. Главная торговля производится хлѣбомъ и желѣзомъ; въ послѣдней отрасли торговли ярославцы едва ли имѣють себѣ соперниковъ.

Ярославль, какъ извѣстно, славится также своей фабрично-заводской промышленностью. Въ немъ считается 61 фабрика въ городѣ и 17 за городомъ. Изъ нихъ особенной извѣстностью пользуется *Большая Ярославская Мануфактура*, основанная въ 1722 г. Основатель ея, ярославскій купецъ Затрапезниковъ, положилъ начало полотняной фабрикаціи въ Россіи. Здѣсь выдѣлывалось преимущественно сѣдѣчное полотно, коломника и равендукъ, на сумму до милліона руб. Фабрика эта удостоивалась посѣщенія высочайшихъ особъ при проѣздѣ ихъ черезъ Ярославль. Послѣ бывшаго на ней въ 1844 г. пожара, сдѣланнаго большаго опустошенія, она пришла въ упадокъ. Въ настоящее время она принадлежитъ товариществу на паяхъ. Послѣ этой главной промышленности, процвѣтають здѣсь съ дальнихъ лѣтъ кожевенныя заводы; здѣшняя кофта цѣнилась высоко иностранцами, наравнѣ съ казанской. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія ярославскія кожи еще славилась. Знаменитый путешественникъ Георгіи, посѣтившій Ярославль, отзывался о нихъ съ величайшей похвалой, какъ о лучшихъ въ Россіи. Но въ настоящее время Ярославль долженъ уступить въ кожевенномъ дѣлѣ Казани и Нижнему Новгороду. Вообще надо замѣтить, что нынѣ въ заводско-фабричной промышленности Ярославля замѣтенъ упадокъ; самое цвѣтущее ея состояніе относится къ прошлому столѣтію.

Центръ полотнянаго производства всей Ярославской губерніи—село Великое близъ Ярославля. Жители этого мѣстечка производятъ значительный торгъ льномъ, пришею и полотнами. Всѣ руки заняты этой промышленностью; одни ткуть, другіе выдѣлываютъ пряжу. Послѣднею работою заняты даже дѣти, между тѣмъ какъ взрослые мужчины и женщины занимаются на фабрикѣ. Въ окрестностяхъ села усстроено особое заведеніе для бѣленія полотна по голландскому способу. Село Великое ежегодно поставляетъ полотна къ Императорскому двору.

Въ Ярославлѣ родился Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

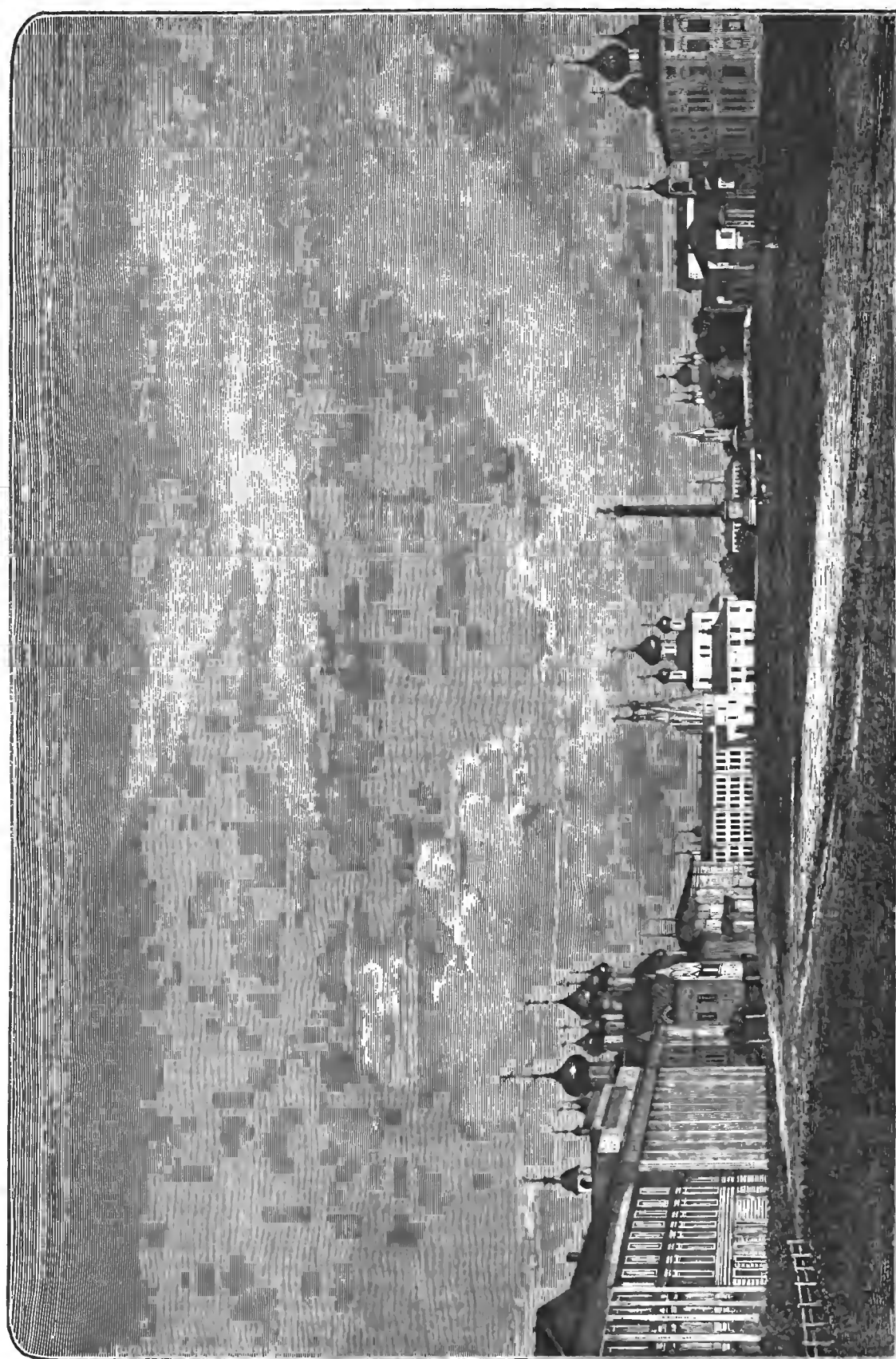
(Собственныя корреспонденціи «Нивы») (окончаніе).

Депеша г. Арнима 18 декабря 1873 года. Посланникъ спрашиваетъ г. Бисмарка, какую роль онъ долженъ занимать среди прочихъ нѣмецкихъ посланниковъ въ Парижѣ, и говорить, что его положеніе затруднительно. Въ депешѣ 21 января 1874 года, г. Бисмаркъ удивляется подобному вопросу со стороны г. посланника, такъ какъ *всякому* должно быть извѣстно, что по общегерманской конституціи каждой державѣ гарантировано право имѣть представителя въ Парижѣ, только съ указанными ограниченіями. Затѣмъ г. Бисмаркъ рѣзко замѣчаетъ г. Арниму, что его политика

идеть въ разрѣзъ съ желаніями Императора, и что если онъ желаетъ быть посланникомъ, то долженъ слушаться инструкцій своего непосредственнаго начальника. Въ концѣ этой депеши канцлеръ говорить, что ему некогда вдаваться въ полемику съ г. посланникомъ и проситъ его разъ навсегда избавить его отъ этого труда.

Депеша 11 января 1874 года. Г. Бисмаркъ замѣчаетъ г. Арниму, что въ дѣлѣ пастырскихъ посланій представленія его французскому правительству не были достаточно энергичны и были сдѣланы нѣсколько поздно.

Донесеніе г. Арнима 13 января 1874 года. Г. посланникъ говоритъ о состояніи Франціи и о г. Броѣ. Отзывъ его объ немъ

Г. Ярославль. Ильинская площадь. Съ фотограф и рисов. П. А. Кисмакова, грав. Барановский.

крайне не лестны, да и вообще онъ съ пренебреженіемъ относится къ орлеанистамъ. Г. Грой, говоритъ посланникъ, — не имѣетъ приверженцовъ въ странѣ, и любопытно знать: долго-ли онъ удержится на своемъ мѣстѣ.

Донесеніе г. Арнима 11 апреля 1874 года. Франціей, говоритъ германскій посланникъ, — управляютъ люди начавшіе свою карьеру во время Юльскаго монархіи, затѣмъ находившіеся 20 лѣтъ въ бездѣйствіи, и ничему не научившіеся за этотъ періодъ времени. Всѣ они, кромѣ герцога Деказа, совершенно неспособны управлять государственными дѣлами — и вдобавокъ очень не молоды. И Наполеонъ IV и Гамбетта, если имъ удастся добиться власти, должны будутъ управлять съ помощью молодого поколѣнія. На теперешнихъ дѣятелей рассчитывать нечего.

«Возстановленіе династіи Бонапартовъ будетъ всего выходящимъ для Германіи» говоритъ г. Бисмаркъ въ отвѣтъ на эту денежку въ одномъ изъ майскихъ писемъ, — «и, не выѣшавшая во внутренній дѣла Франціи, германскій посланникъ можетъ оказывать нѣкоторую поддержку этой партіи». Затѣмъ, еще въ одной денежкѣ г. Бисмаркъ выразилъ то же убѣжденіе, что *возвращеніе династіи Бонапартовъ можетъ измѣнить къ лучшему отношенія двухъ націй*, добавивъ при этомъ, что изъ всѣхъ партій во Франціи только бонапартисты ищутъ союза съ Германіей.

Вотъ наиболѣе интересные документы, прочитанные во время засѣданій. Въ май мѣсяцѣ переписка между г. Бисмаркомъ и г. посланникомъ прекратилась; затѣмъ, г. Арнимъ былъ скорѣй отозванъ изъ Франціи.

По прочтеніи документовъ начался допросъ свидѣтелей. Г. Весделенъ (Wesdeler), на вопросъ предсѣдателя о томъ: у кого хранились ключи отъ архива и бюро секретныхъ бумагъ, — отвѣчалъ, что они постоянно находились у г. Арнима, что развѣ только, во время отсутствія подсудимаго, они были у него; секретныхъ бумагъ онъ не разбиралъ и не читалъ, полагаясь ему только развѣ одна денежка касающаяся духовнаго вопроса, и онъ ее положилъ на мѣсто. Впрочемъ и самъ г. Арнимъ не заявлялъ на судѣ о пропажѣ документовъ и не извѣщалъ ни на кого подозрѣнія. Защитникъ Докторъ заявилъ при этомъ, что г. Арнимъ приказывалъ иногда служащимъ въ посольствѣ принести ту или другую связку денежекъ и повѣрять имъ ключи. На вопросъ суда, имѣвшій цѣлью узнать: соблюдался-ли установленный порядокъ при получении денежекъ, — свидѣтель Гаммердорферъ показалъ, что денежки записывались не по мѣрѣ полученія ихъ въ настольный реестръ, а тогда когда ихъ накопилось значительное количество, приблизительно черезъ три или четыре недѣли; въ теченіи этого времени онъ находился у подсудимаго, у котораго былъ постоянно ключъ отъ бюро. Свидѣтель Гольштейнъ, секретарь посольства, заявляетъ, что ему никто не поручалъ слѣдить за дѣйствіями г. Арнима; что же касается до вопроса: принималъ-ли участіе подсудимый въ интригахъ сопровождавшихъ наденіе г. Тьера, то свидѣтель заявляетъ, что подсудимый не принималъ никакого участія, и статьи нѣкоторыхъ газетъ о свиданіи г. Арнима съ вожаками монархическихъ партій во Франціи — совершенно ложны. Затѣмъ г. Гольштейнъ говоритъ, что онъ слышалъ какъ г. Арнимъ говорилъ, что его не

послѣдуетъ отозвать, такъ какъ онъ обладаетъ документами, которые могутъ сильно повредить г. Бисмарку; въ заключеніе своего показанія г. Гольштейнъ заявилъ, что парижскій корреспондентъ нѣмецкихъ газетъ г. Ландсбергъ въ разговорѣ сообщилъ, что г. Арнимъ говорилъ ему о стараніи г. Бисмарка найти предлогъ къ войнѣ съ Франціей, и что подъ его внушеніемъ появились нѣкоторыя статьи въ австрійскихъ газетахъ. Самъ г. Ландсбергъ показалъ на судѣ, что онъ въ точности не помнитъ своихъ выраженій, такъ какъ въ качествѣ корреспондента многихъ газетъ ему приходится говорить съ многими лицами, но что смыслъ его словъ былъ такой какъ показывается г. Гольштейнъ. Затѣмъ онъ добавилъ, что въ этомъ-же разговорѣ онъ выразилъ г. Гольштейну свое сожалѣніе въ томъ, что г. Арнимъ не хочетъ признаться что статья *Neue Freie Presse* написана по его инициативѣ. Въ обвинительной рѣчи прокуроръ г. Тессендорфъ воспользовался этими показаніями, а равно и безспорнымъ фактомъ утѣси и присвоеніи казенныхъ документовъ — и подвел преступленіе, въ которомъ обвинялся г. Арнимъ, подъ статью 133 уголовного кодекса, проси судъ подвергнуть подсудимаго заключенію въ тюрьмѣ на два съ половиною года; лишенію же гражданскихъ правъ подсудимаго не подвергать, такъ какъ корыстныхъ цѣлей онъ не имѣлъ.

Защитники подсудимаго, гг. Мункель, Докторъ и Гольцендорфъ, отвѣчали обвинительной власти — каждый по своему предмету. Первые два ошвергали свидѣтельскія показанія и самый фактъ утѣси ихъ кліентомъ 11-ти денежекъ, исчезнувшихъ совершенно. Затѣмъ указали на отношенія г. Бисмарка къ подсудимому и на рѣзкій тонъ денежекъ канцлера ниперіи. Г. Гольцендорфъ старался доказать частный характеръ этой переписки, основывая свои выводы на томъ, что она не удовлетворяетъ общепринятымъ формамъ дипломатической переписки. Г. прокуроръ отвѣчалъ, что г. Гольцендорфъ не экспертъ а защитникъ, а поэтому мнѣнія его касательно технической стороны переписки вовсе не обязательны для суда.

Послѣднее слово, какъ и всегда, принадлежитъ подсудимому. Графъ Гарри Арнимъ всталъ и произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что онъ всегда служилъ честно своему отечеству и государю — и никогда не имѣлъ того злого умысла, въ которомъ его обвиняютъ. Потомъ, указавъ на денежки, лежавшія на столѣ передъ прокуроромъ, добавилъ: «для всѣхъ присутствующихъ эти документы — простая куча бумагъ; для меня — это могила, гдѣ похоронена дружба связывавшая меня съ человѣкомъ питающимъ теперь ко мнѣ вражду».

Приговоръ суда обьявленъ былъ 19-го декабря. Согласно ст. 133, судъ призналъ Арнима виновнымъ не въ похищеніи документовъ и нарушеніи служебныхъ обязанностей, а только въ небрежности, грозившей опасностью общественному спокойствію, почему и приговорилъ подсудимаго къ *тремя-мѣсячному* заключенію въ тюрьмѣ, съ зачетомъ въ этотъ срокъ и мѣсяца предварительнаго заключенія. Прокуроръ внесъ свой протестъ противъ этого рѣшенія, а вслѣдъ за тѣмъ апеллировалъ графъ Арнимъ.

Н. Чапниковъ.

С м ѣ с ѣ

Первое представленіе въ новой большой парижской оперѣ. Читатели «Нивы» уже знакомы съ вѣнскимъ видомъ великолѣпнаго зданія новой парижской оперы, по картинкѣ, которая была дана нами въ № 51 «Нивы» за 1874 г. Теперь передаемъ, со словъ «Фигаро», о первомъ представленіи въ этомъ роскошнѣйшемъ изъ современныхъ театровъ, происходившемъ 6 января и. с. Собственно представленіе, само по себѣ, было весьма мало интересно. Настоящая или мнимая болѣзнь г-жи Нильсонъ заставила дирекцію почти въ послѣднюю минуту совершенно измѣнить всю первоначальную программу. Представленіе состояло изъ двухъ актовъ «Жидовки», первой сцены 4-го акта «Гугенотовъ» и хорошаго балета «Ручей». Роль «Жидовки» была вновь ангажированная, но уже очень старая г-жа Краусъ, нѣкогда блиставшая въ Вѣнѣ, а теперь уже значительно утратившая свои голосовыя средства, хотя и до сихъ поръ ей нельзя отказать въ большомъ драматическомъ талантѣ. Впрочемъ, какъ для глазъ, такъ и для уха, спектакль происходилъ не на сценѣ а въ залѣ, и спектакль этотъ былъ дѣйствительно такой блестящій, какой можетъ быть данъ только Парижемъ. Такой коллекціи красивыхъ женщинъ и изящныхъ туалетовъ нигдѣ не увидишь кромѣ Парижа. И въ монархѣхъ въ этотъ вечеръ не было недостатка. Во-первыхъ тутъ присутствовало 250 «государей», т. е. членовъ національнаго собранія, потомъ король Альфонсъ XII, королева Изабелла, эскъ-король ганноверскій Георгъ V съ кронпринцемъ и двумя очень хорошенкими принцессами, всѣ принцы и принцессы орлеанскіе, — и въ ложѣ, назначавшейся во времена оны для императора, маршалъ Макъ-Магонъ и герцогиня Манджентская. Лордъ-мэръ Лондона съ своей свитой, всѣ въ средневѣковыхъ костюмахъ, составляли, конечно, предметъ общаго вниманія. Изъ дипломатическаго корпуса присутствовали только главы миссій, такъ какъ, почему-то въ по-

сольства было послано очень немного приглашеній. Графъ и графиня Гогенлоэ, графъ и графиня Аппони, лордъ Лайонсъ, Али-Паша и баварскій уполномоченный, тайный совѣтникъ нисольства Рудгартъ, были помѣщены въ одной изъ среднихъ ложъ «entre les colonnes». Всѣ министры, маршалы, президентъ и члены бюро національнаго собранія, депутаты всѣхъ большихъ государственныхъ учреждений и корпорацій, главнѣйшіе представители гражданской и военной власти, многочисленныя представители аристократіи, интеллигенціи и богатства, банкиры, ростовщики, знаменитые художники разныхъ отраслей искусства, однимъ словомъ, весь Парижъ, «tout Paris» принималъ участіе въ этомъ «парадномъ никникѣ». Слово это, выдумка Фигаро, такъ какъ, разумѣется, только «приглашенные» имѣли счастье быть допущенными на этотъ парадный спектакль, заплативъ, впрочемъ, хорошія деньги за «пригласительный» билетъ. За исключеніемъ маршалъ Макъ-Магона и журналистовъ, которые имѣютъ здѣсь повсюду свободный доступъ, всѣ присутствовавшіе заплатили за свои мѣста. Герцогъ Деказъ нашелъ однако такой способъ приглашенія не совсѣмъ правильнымъ, по крайней мѣрѣ относительно дипломатическаго корпуса; онъ распорядился, чтобы о посланническихъ билетахъ озаботился любезный «introduceur des ambassadeurs», г. Моларъ, и такимъ образомъ, относительно заграничныхъ гостей, вошедшая въ поговорку французская любезность была спасена. Во время антрактовъ всѣ эта блестящая публика выходила въ чудесное фойе и удивлялась великолѣпью и вкусу его отдѣлки. Когда въ фойе появился Донъ-Альфонсъ, ведя подъ руку свою сіяющую радостью мать, ему со всѣхъ сторонъ дѣлались громкія оваціи, доказательство, что много «приглашеній» попало въ радикальныя руки. Спектакль кончился въ 12½ часовъ. Снаружи театра собрались громадные толпы народа, которые, какъ кажется, интересовались больше

маскарадомъ лордъ-мэра, нежели маршаломъ Макъ-Магономъ. Последняго не провожали никакими криками, между тѣмъ какъ представителей города Лондона приѣзжавшихъ многочисленныхъ ура. Распоряженія при сѣздѣ и разъѣздѣ экипажей были очень некоротки, вообще эта «*Soirée d'inauguration*» много критикуется въ Парижѣ. Одинъ изъ распорядителей, нѣкогда де Кюмонъ, министръ просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, на другой же день потерялъ свой портфель. Директоръ оперы, г. Галанзѣ, приобрѣлъ себѣ въ этотъ вечеръ столько враговъ, что или онъ въ скоромъ времени долженъ будетъ отступить передъ ними, или они еще больше усилятъ его теперешнее положеніе. Тѣра не было въ театрѣ; само собою разумѣется, ему была послана ложа отъ министра, но онъ черезъ свою жену отослалъ ее обратно г. Кюмону. Можетъ быть экс-президентъ нашелъ болѣе приличнымъ не принимать этой любезности отъ министра, котораго онъ замыслилъ было сверзить.

Передадимъ еще нѣкоторые подробности изъ другихъ отчетовъ объ этомъ торжественномъ вечерѣ. Монаментальныя строенія, окружающія оперную площадь, были такъ богато иллюминированы, что зданіе оперы, освѣщенное только внутри, оставалось почти совсѣмъ въ тѣни, отчего очень теряли его грандіозныя пропорціи. Тѣмъ сильнѣе за то было впечатлѣніе при входѣ внутрь, хотя освѣщеніе залы и не было вполнѣ безукоризненно: недостатку люстръ должны были помогать брилліанты и драгоценныя камни, сѣвшіе на дамахъ, и роскошная пестрота ихъ изумительныхъ туалетовъ. Лордъ-мэръ Лондона съ своей супругой и свитой приѣхалъ съ большою помпой. Ему предшествовали два герцога съ ихъ атрибутами, потомъ шелъ онъ самъ въ своей древней пурпуровой бархатной мантии, въ напудренномъ нарикѣ,

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Грав. Сташковскій

— Мамаша, зачѣмъ намъ бояться грозы, когда другіе не боятся? Вонъ тамъ—мужички... Они со-
сѣмъ не испугались?..

— Ахъ, Оеді! Мужики, бабы—это все люди бѣд-
ные... Молнія притягивается металломъ, а у нихъ нѣтъ
ни золотыхъ вещей, ни серебряныхъ монетъ, какъ у
насъ... Чего-же имъ бояться? Ну, скорѣй, скорѣй!

подъ руку съ лэди мэршей; за ними слѣдовало два шерифа, также напудренные, въ черномъ бархатномъ костюмѣ, четыре трубача въ ярко-красныхъ костюмахъ и шесть съ верку до низу покрытыхъ галунами лакеевъ. Все это вѣстѣ, правду сказать, составляло болѣе шутовской, нежели внушающей маскарадъ. Президентъ республики подѣхалъ къ театрѣ съ эскортой кирасировъ, освѣщавшихъ ему путь факелами; густая масса народа, толпившаяся на площади, приняла его почти-тельно, но безъ всякихъ восклицаній, между тѣмъ какъ при приѣздѣ представителя города Лондона, раздалась веселая: гнп! гнп! гоп! ура!

Во время представленія маршалъ Макъ-Магонъ сдѣлалъ визитъ въ ложи ихъ испанскихъ и ганноверскихъ величествъ. Донъ Альфонсъ вообще получилъ въ свою ложу много визитовъ, между прочимъ герцога Мунш, у котораго онъ обѣдалъ передъ спектаклемъ. Политическій міръ сходилъ преимущественно въ фойе. Строитель новой оперы, г. Гарнье, скрывался въ ложѣ третьяго яруса, что не помѣшало публикѣ на прощанье сдѣлать ему восторженную овацію.

Редакторъ В. Ключниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Пчела медоносная (по Бремъ) (съ рисункомъ). — Аму-Дарьинская ученая экспедиція. III (съ двумя рисунками) Н. Каразина. — Блуждающіе огоньки (автобіографія Праотцева). Н. С. Лѣнова (Стебничаго) (продолженіе). — В. В. Верещагинъ (съ портретомъ). — Городъ Ярославль (съ рисункомъ). — Судебная хроника (окончаніе). — Смѣсь. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — 20-й тиражъ выигрышей государственнаго банка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ дозволенія медицинскаго департамента.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перепариваемо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

У АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ спб. — химической лабораторіи русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Баладина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова—Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москвительныхъ торговыхъ Россійской имперіи. 26—7.

Съ будущаго Января мѣсяца

ВЪ ГАЗЕТѢ

„РУССКІЙ МІРЪ“,

начнется печатаніе исторической повѣсти

Вс. В. КРЕСТОВСКАГО:

„ДѢДЫ“

5—1

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Бурггардта, Вас. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 5. 8—1

12 карточекъ 1 руб., уголъ Гороховой и Большой Садовой № 36.—Фот. Андерсона.

ВОДОДѢЙСТВУЮЩІЯ МОЛОТИЛКИ

на рѣкахъ, ручьяхъ и проточныхъ прудахъ, молотятъ отъ 350 до 700 сноповъ въ часъ сиромолотомъ. Строитель оныхъ землевладѣлецъ Переславль-Залѣскаго уѣзда Влад. Губ., Алексѣй Васильевичъ Федосѣевъ.

1-й заемъ 1864 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ

20-й тиражъ 2-го января 1875 г.

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденного 13-го ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го января 1875 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публки, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
50	18	500	4522	14	500	8948	15	500	14060	32	500	16223	47	500	18265	12	500
150	5	500	4584	25	500	8998	10	500	14098	36	500	16227	20	500	18371	48	500
193	30	500	4756	31	500	9030	6	500	14218	38	500	16450	3	500	18423	13	500
237	36	500	4822	2	500	9076	30	500	14412	13	5000	16462	44	8000	18489	43	500
279	39	500	4873	46	500	9404	45	500	14442	31	500	16537	12	500	18515	22	8000
361	13	500	4889	21	500	9419	50	500	14469	17	1000	16596	31	500	18557	30	500
544	32	500	4939	25	500	9459	34	500	14479	14	500	16628	42	500	18563	42	500
548	20	500	4960	50	500	9640	29	500	14486	23	500	16660	21	500	18565	6	500
649	2	500	4995	42	500	9701	5	500	14518	42	500	16733	44	500	18656	22	500
660	17	500	5085	24	1000	9744	12	500	14541	7	500	16836	36	500	18669	15	500
756	46	500	5110	32	500	9874	49	500	14563	48	1000	16859	14	500	18819	18	500
757	38	500	5113	34	500	9992	47	500	14602	49	5000	16959	18	500	18819	34	500
786	3	5000	5144	1	500	10085	9	500	14617	30	5000	16966	38	500	18824	34	500
809	23	500	5205	14	1000	10092	46	500	14788	5	500	17031	50	500	18859	24	1000
830	20	500	5537	21	500	10266	49	500	14923	34	500	17057	20	500	18901	40	500
876	2	500	5582	32	500	10282	34	500	15023	15	500	17066	37	500	18990	27	500
913	21	500	5620	22	500	10318	28	8000	15035	26	500	17148	35	500	19040	3	10500
931	31	500	5643	46	1000	10327	46	10000	15056	45	500	17218	12	500	19172	12	000
976	41	500	5649	46	500	10369	30	500	15154	27	25000	17294	47	500	19174	9	500
1017	36	500	5691	43	500	10429	17	500	15247	28	1000	17384	37	500	19195	10	500
1055	22	1000	5744	38	500	10439	49	500	15301	35	1000	17483	11	500	19334	28	500
1164	16	1000	5789	2	1000	10705	40	500	15403	19	1000	17540	14	1000	19359	27	500
1278	21	500	5808	46	500	10748	46	500	15504	32	500	17688	36	500	19373	4	5500
1291	15	500	5858	12	500	10879	36	500	15546	14	500	17786	17	5000	19415	25	000
1347	5	500	5904	32	500	10892	26	500	15663	3	500	17922	9	500	19454	43	500
1375	4	500	5992	50	500	10921	11	500	15852	38	500	17955	38	500	19614	34	500
1381	5	500	6042	35	500	10969	18	500	15857	27	75000	17976	18	500	19619	40	500
1393	10	500	6125	3	500	11048	9	500	15873	44	500	18030	14	500	19625	35	500
1647	1	500	6203	15	500	11126	38	500	15908	20	500	18059	13	5000	19662	21	500
1649	18	500	6342	35	500	11297	5	500	15933	35	500	18073	36	500	19735	36	8500
1670	6	500	6380	5	500	11339	20	1000	15935	21	500	18116	37	500	19784	34	000
1782	40	1000	6419	34	500	11342	24	500	15981	49	500	18121	7	500	19787	20	500
1885	7	500	6572	23	500	11375	32	500	16148	33	500	18136	32	500	19947	49	500
1945	34	500	6625	13	500	11471	47	500	16150	44	500	18257	34	500	19959	32	500
1951	44	500	6636	12	500	11477	13	500	Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1875 года.								
2143	1	500	6654	49	500	11514	19	500									
2326	38	500	6659	17	500	11634	4	500	ТАБЛИЦА								
2334	8	500	6706	41	500	11670	47	500									
2391	28	500	6707	35	500	11690	44	500	серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 2-го января 1875 года.								
2652	14	500	6808	48	500	11702	34	500									
2681	21	500	6859	17	500	11724	12	500	ПУМЕРА СЕРІЙ.								
2726	45	500	6864	7	500	11753	21	500									
2726	46	1000	7066	1	500	11776	12	500									
2873	4	500	7109	26	500	11780	6	500									
2953	3	500	7268	13	5000	11791	49	500									
3179	33	10000	7307	37	500	11848	23	500									
3290	35	500	7307	42	500	11879	4	500									
3419	6	500	7319	27	500	11900	29	500									
3797	49	8000	7370	17	500	12044	22	500									
3872	49	500	7384	28	500	12411	33	500									
3886	11	500	7391	24	500	12551	20	500									
4013	24	500	7468	3	500	12642	32	500									
4106	13	500	7530	5	500	12869	21	500									
4149	31	500	7631	45	500	12902	16	500									
4211	25	500	7893	17	1000	12912	31	500									
4217	38	500	7913	18	500	12930	21	500									
4224	50	500	7971	6	500	12938	49	1000									
4269	11	1000	8145	45	500	12990	50	500									
4292	50	500	8151	34	500	13160	45	500									
4367	2	1000	8201	31	500	13248	23	500									
4381	4	500	8241	37	500	13268	50	500									
4425	34	500	8377	33	500	13454	37	500									
4451	47	500	8481	41	500	13526	46	500									
4474	36	500	8546	29	500	13542	50	2 0000									
4520	29	500	8635	21	500	13578	38	500									
4521	14	500	8797	25	500	14022	32	40000									

Всего 54 серіи, составляющихъ 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1875 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 4 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р. VI. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. нумера.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), соч. Н. ЛѢСКОВА (СТЕБНИЦКАГО).

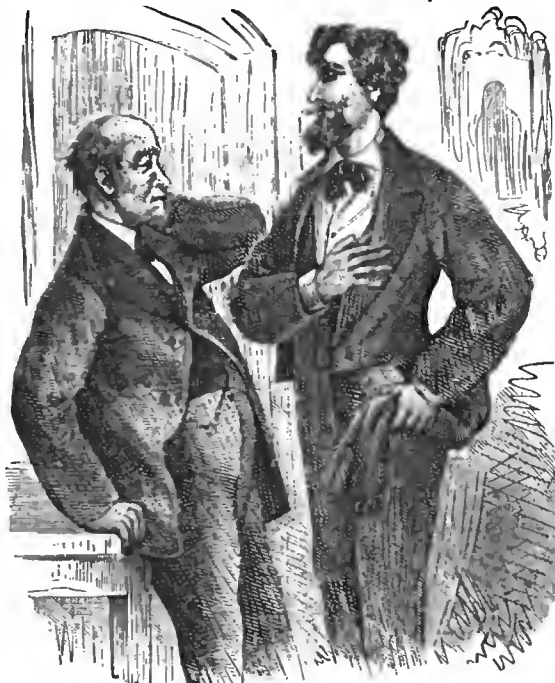
VI.

Къ немалой нашей досадѣ выходило, что всѣ мы довольно поотвыкли отъ женскаго общества, которое видѣли еще дѣтьми и въ которое совсѣмъ не умѣли вступить теперь, находясь въ своей странной неопредѣленной порѣ и въ своемъ неопредѣленномъ положеніи „нетанцующихъ кавалеровъ.“

Самый первый шагъ вступленія въ освѣщенный залъ путалъ и сбивалъ всѣ наши свѣтскія соображенія, а къ тому же мы никого не знали въ томъ домѣ, куда намъ предстояло предстать, и вдобавокъ насъ некому было отрекомендовать и представить.

Положеніе было трудное, и оно еще усложнялось тѣмъ, что когда мы явились въ домъ—до нашего слуха долетѣли звуки баласа и сквозь неплотно-притворенныя двери передней, гдѣ мы стояли ожидая Волосатина, видны были мелькающія пары.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ!

— Послушайте, Андрей Андреевичъ, вѣдь портной — то, которого вы мнѣ такъ усердно рекомендовали, — выходитъ порядочная шельма! Отдалъ я ему сюртукъ поправить — ну, и знаете, что онъ съ нимъ сдѣлалъ? Исправилъ и... заложилъ!...

— Такъ — съ. Но, заложивъ мнѣ сюртукъ, онъ вынулъ мой фракъ — вотъ этотъ самый, который я отдавалъ ему поправлять. Поэтому — то я и рекомендовалъ вамъ этого портного... ха, ха, ха! Вы, Иванъ Ивановичъ, вотъ что теперь сдѣлайте: въ свою очередь отрекомендуйте этого самаго портного кому нибудь — ну, и получите сюртукъ свой обратно!

Волосатинъ, за которымъ мы послали человѣка, не выходилъ къ намъ и его невозможно было ждать, потому что, по словамъ лакея, онъ танцовать, — невозможно было и стоять безъ толку и движенія въ передней, тѣмъ болѣе что какой-то пожилой господинъ, котораго мы всѣ приняли за хозяина, проходилъ черезъ переднюю къ залѣ пригласить насъ войти и, взойдя самъ впереди насъ, поцѣловалъ руки двухъ дамъ, сидѣвшихъ ближе ко входу.

Мы длинною вереницею вступили за нимъ, и слѣдуя во всемъ его примѣру, начали по очереди подходить къ ручкамъ всѣхъ дамъ. Неумѣстный приѣмъ этотъ, которымъ мы по неопытности своей подражали взошедшему передъ нами другу дома, обратилъ на насъ всеобщее вниманіе, — и я, шедшій впереди лобызавшей руки шереинги, видя смущеніе дѣвицъ и насмѣшки мужичинъ, не зная, какъ мнѣ остановиться и куда вести за собой

свой гусёкъ. Я желалъ-бы быть лучше поглощеннымъ землею, какъ вдругъ, приклонясь къ рукѣ одной молодой, блѣдной блондинки съ добрыми голубыми глазами, я почувствовалъ, что рука ея, ускользнувъ отъ моихъ губъ, легла на мое плечо, и сама она добрымъ дружескимъ шопотомъ проговорила мнѣ:

— Давайте лучше вальсировать!

Я подхватилъ ее—и сначала неловко, а потомъ съ достаточною смѣлостію сдѣлать съ нею туръ и посадить ее на мѣсто.

Въ этой умѣренности мною по счастью руководило правило, по которому намъ на балахъ запрещалось дѣлать съ дамами болѣе одного тура вальса,—и то изъ всей нашей компаніи зналъ это правило одинъ я, такъ какъ на кадетскихъ балахъ для танцевъ съ дамами отбирались лучшіе танцоры, въ числѣ которыхъ я всегда былъ первымъ. А не знай я этого, я вѣроятно закружился бы до новаго неприличія, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока моя дама сама бы меня оставила.

Но по счастью опытность спасла меня, а моему примѣру послѣдовали и другіе мои товарищи, которыхъ я увидѣлъ вальсирующими, когда опустилъ свою даму.

— Сядьте возлѣ меня, пригласила меня моя дама.

Я млѣлъ: она мнѣ казалась прекрасною и такою доброю, что я ее уже безповоротно полюбилъ.

— Мой братъ говорилъ мнѣ, что вамъ далеко еще ѣхать... начала она.

Ея братъ! Великій Боже! это *она* и есть, она, сама она, его сестра! О вы, души моей предчувствія, сбылись: надаромъ меня влекло сюда; надаромъ.... нѣтъ, надаромъ: я былъ влюбленъ и притомъ не только безповоротно, но и смертельно влюбленъ!

Я только хотѣлъ бы знать ея имя и.... хотя приблизительно: на сколько лѣтъ она меня старше?

Желанія мои сбылись: ко мнѣ подошелъ нашъ блестящій товарищъ Викторъ Волосатинъ—и отвѣдя меня въ уголъ, гдѣ были сбиты въ кучу всѣ прочіе товарищи моего бѣдствія, сказалъ:

— Надо же быть такимъ пошлымъ дуракомъ какъ ты, чтобы войдя въ залъ начать прикладываться къ ручкамъ всѣхъ дамъ, и потомъ еще вальсировать въ три па и безъ перчатокъ.... Это можно въ корпусѣ, но въ свѣтѣ такъ не поступаютъ.

— Я было привелъ въ свое оправданіе примѣръ взошедшаго передо мною старичка, но Волосатинъ еще разъ назвалъ меня дуракомъ и растолковалъ, что тотъ старичокъ—его дядя, который держитъ себя здѣсь по родственному, между тѣмъ какъ я....

Ну да, я и самъ зналъ, что сдѣлалъ ужасный и непростительный поступокъ и достоинъ за то всякой кары, а потому и не возражалъ и не обижался дружескимъ выговоромъ, тѣмъ болѣе что все это была такая мелочь въ сравненіи съ любовью, которою я пламенѣлъ къ его прекрасной и доброй сестрѣ, которая (это впрочемъ очень большой секретъ) *сама ангажировала меня на мазурку*.

Отъ этой радости я просто былъ какъ въ чадѣ и цѣлый вечеръ ни съ кѣмъ не танцевалъ ни одного танца, а все смотрѣлъ изъ-за мужчинъ *на нее*. И что же вы думаете?—*она* меня понимала; она тоже не танцевала и отказывала всѣмъ, кто къ ней подходилъ. Это было мнѣ очень пріятно и вѣрное сердце мое слало ей тысячу благословеній. Не сводя съ нея глазъ, я все находилъ ее прекраснѣе и прекраснѣе, и она въ самомъ дѣлѣ была недурна: у нея были прелестные бѣлокурые волосы, очень-очень доброе лицо и большіе тоже добрые, ласковые сѣрые глаза, чудная шея и высокая, стройная фигура, а я съ дѣтства моего страстно любилъ женщинъ высокаго роста, чему вѣроятно не мало обязанъ стройной фигурѣ А. Паулы Монти, изображеніе которой висѣло на стѣнѣ въ моей дѣтской комнатѣ и дѣйствовало на развитіе моего эстетическаго вкуса. — Къ тому же,

сестра Волосатина мнѣ правилась своимъ поведеніемъ: она не вертѣлась какъ всѣ дѣвицы, а все болѣе сидѣла со старушками и добродушно сносила тормошенія безпрестанно подбѣгавшей къ ней кучерявой брюнетки, къ которой нѣсколько изъ моихъ товарищей относились съ антажементами и получали отказъ. Эта кичливая и вѣтряная особа все танцевала съ франтами, которые по моему мнѣнію не имѣли ровно никакихъ достоинствъ.

Вечеръ пропелъ—и моя блондинка сама отыскала меня глазами и сама выбрала для насъ скромное мѣсто, устроивъ предварительно нѣсколько паръ для моихъ товарищей, у которыхъ все таки не оказалось ни одной такой красивой дамы какъ моя, а что всего важнѣе: я не думаю, чтобы чья нибудь другая дама умѣла вести такой оживленный разговоръ. Она все время мазурки проговорила со мною про корпусъ, интересовалась нашею исторіею, нашею прошлою жизнью и наконецъ, заговоривъ о моихъ планахъ на будущее, сказала, что мнѣ еще необходимо много учиться.

Это меня немножечко обидѣло, но у меня былъ готовъ отвѣтъ, что условіемъ исключенія насъ изъ корпуса было воспрещеніе намъ поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія и обязательство вступить немедленно въ статскую службу. Но у нея тоже не стояло дѣло за отвѣтомъ.

— Учиться вездѣ можно, отвѣчала она,—даже и въ тюрьмѣ и на службѣ—и учиться непремѣнно должно не для правъ и не для чиновъ, а для самого себя, для своего собственнаго развитія. Пониманіе есть высочайшее благо.

Мнѣ помнится, что я подъ конецъ мазурки далъ ей слово, что буду учиться и именно такъ, какъ она мнѣ внушала, т. е. не для полученія привилегій и правъ, а *для себя*, для своего собственнаго усовершенствованія и развитія.

Странная, прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая въ моей жизни какъ мимолетное видѣніе, а между тѣмъ мимоходомъ бросившая въ душу мнѣ свѣтлая сѣмена: какъ много я тебѣ обязанъ и какъ часто я вспоминалъ тебя—предтечу всѣхъ моихъ грядущихъ увлеченій,—тебя, единственную изъ женщинъ, которую я любилъ и не страдалъ и не каялся за эту любовь! О, если бы ты знала, какъ ты была мнѣ дорога, не тогда, когда я былъ въ тебя влюбленъ моею мальчишескою любовью, а когда я зрѣлымъ мужемъ глядѣлъ на женщину хваленаго, позднѣйшаго времени и.... съ болѣзненною грустью видѣлъ полное исчезновеніе въ новой женщинѣ высокихъ воспитывающихъ молодого мужчину инстинктовъ и влеченій, — исчезновеніе, которое восполнить развѣ *новѣйшія* женщины, выступающія послѣ отошедшихъ новыхъ.

Возвратясь съ вечера, который намъ показался прекраснымъ баломъ, я во всю остальную ночь не могъ заснуть отъ любви, и утро застало меня сидящимъ у окна и мечтающимъ *о ней*. Я обдумывалъ планъ, какъ я стану учиться безъ помощи учителей, сдѣлаюсь очень образованнымъ человекомъ и явлюсь къ ней вполне достойный ея вниманія. А пока... пока я хотѣлъ ей написать объ этомъ, такъ какъ я былъ твердо увѣренъ, что одна подобная рѣшимость съ моей стороны непремѣнно должна быть ей очень пріятна.

Но Кириллъ уже запрягалъ своихъ лошадей—и товарищи встали и начали пить чай и собираться въ путь. Письмо надлежало отложить.

Мы сѣли—и я уѣзжалъ безъ малѣйшей надежды узнать даже имя своей дамы, какъ вдругъ недалеко около заставы насъ обогналъ Волосатинъ. Онъ ѣхалъ съ мальчикомъ купаться и везъ передъ собою на бѣговыхъ дрожкахъ закрытую салфеткою корзину.

— Эй, вы, путешественники! крикнулъ онъ намъ,—вотъ моя старшая сестра шлетъ вамъ пироговъ, ватрушекъ и фруктовъ. Подѣлитесь, да не подеритесь, пото-

му что она любить миръ и любовь. А тебѣ, Праотцевъ, она кромѣ того посылаетъ вотъ эту какую-то книжицу: это вѣроятно за твою добродѣтель, что ты вчера съ нею отъ души отпоясывалъ.

Я взялъ съ благоговѣніемъ поданную мнѣ имъ, запечатанную въ бумагу, книжечку, но былъ оскорбленъ тономъ, какимъ онъ говорилъ о сестрѣ.

Я даже не удержался и поставилъ ему это на видъ, но онъ нагло расхохотался и отвѣчалъ:

— Да ты ужь не влюбленъ-ли въ Аню? а? Сознавайся-ка, братъ, сознавайся! Вѣдь это съ вами-философами бываетъ, но только жаль, что сестрѣ скоро тридцать лѣтъ, а тебѣ шестнадцать.

— Тридцать! подумалъ я:—это немножко неприятно!

А Волосатинъ продолжалъ хвастать своею другою сестрою Юленькой, той самой кучерявой брюнеточкой, которая вчера безпрестанно подлетала къ старшей сестрѣ и тормозила ее—и затѣмъ онъ уѣхалъ, рассказавъ предварительно, что эта хваленая его сестра выходитъ замужъ за адъютанта и что онъ самъ вѣроятно когда нибудь женится на красавицѣ.

Кто-то изъ насъ шутя назвался къ нему на свадьбу.

— Полови, молъ, насъ, когда будешь жениться.

Но Волосатинъ въ отвѣтъ на это съ оскорбительною практичностью замѣтилъ, что это будетъ видно, смотря по тому, кто изъ насъ какъ сумеетъ себя устроить въ обществѣ.

Ему казалось, что онъ себя уже отлично устроилъ, и товарищи, вслѣдъ ему, называли его „отвратительнымъ фатишкой“,—но мнѣ до этого не было никакого дѣла, потому что я былъ влюбленъ и желалъ обращаться въ сферахъ по преимуществу близкихъ къ предмету моей любви. Я быстро раснаковалъ приведенную Волосатинымъ корзинку и старался какъ можно болѣе съѣсть прикормленных его сестрою пироговъ, чтобы они не доставались другимъ, а между этимъ занятіемъ распечаталъ подаренную ему мнѣ книгу: это былъ романъ Гольдсмита „Векфильдскій священникъ.“

Я въ первый разъ имѣлъ въ рукахъ это сочиненіе и прочелъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, сократившимъ для меня время путешествія до Москвы.

Въ Москвѣ насъ ждалъ маленький сюрпризъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отказались заходить съ своимъ Кирилломъ къ Ивану Ивановичу Елкину, возница нашъ значительно къ намъ охладѣлъ и даже сдѣлался нѣсколько сухъ и суровъ, изъ чего мы дерзнули заключить, что этотъ добрый человекъ не столько добръ, сколько лукавъ и лицемеренъ. Но ему самому мы ничѣмъ не обнаруживали нашего открытія, потому что все мы, не смотря на военное воспитаніе, кажется, его порядкомъ побаивались. Въ Москвѣ же онъ насъ напугалъ и довольно сильно.

VII.

Такъ какъ мы сами себѣ мѣсть для остановокъ не набирали, а подчинялись въ этомъ опытности и произволу Кирилла, то и въ Москвѣ намъ пришлось пристать тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ. Здѣсь намъ послужилъ пристанищемъ простой постоялый дворъ, гдѣ-то у Рогожской заставы. Намъ впрочемъ это было все равно, потому что помѣщеніемъ для насъ, какъ я выше сказалъ, всю дорогу служила повозка, а расстоянія для насъ тогда не существовали, да и притомъ для насъ въ Москвѣ всякое мѣсто было свято и интересно. При одной мысли, что мы „въ Москвѣ“, ни у одного изъ насъ не было другаго намѣренія, какъ бѣжать, смотрѣть, восторгаться и падать ницъ (безъ всякаго преувеличенія, мы непремѣнно хотѣли хоть нѣсколько разъ *упасть ницъ*, но намъ удалось сдѣлать это только въ соборахъ, потому что на площадяхъ и на улицахъ такое желаніе оказывалось совершенно неудобноисполнимымъ). Путешествовали

мы по Москвѣ по образу пѣшаго хожденія и вообще очень экономничали, такъ какъ видѣли впереди еще очень большой путь, а денегъ у насъ было мало; какова же была наша досада, когда въ Москвѣ намъ пришлось прожить вмѣсто одного дня цѣлые четыре, потому что нашъ Кириллъ съ перваго же вечера пропалъ, и пропадалъ ровнымъ ровнехонько четверо сутокъ! Мы сами поили и кормили его лошадей и нетерпѣливо поджидали его по цѣлымъ днямъ, сидя за воротами на опрокинутой колодѣ, но Кириллъ какъ въ воду канулъ. Въ отчаяніи отъ того, что съ нами будетъ, такъ какъ деньги казна отдала Кириллу и никто другой насъ до Кіера не повезетъ, мы жестоко приуныли. Самая Москва потеряла для насъ свою цѣну: все наши обозрѣнія ограничились побѣгушками перваго дня, и затѣмъ мы не осматрѣли великаго множества мѣстъ, изъ которымъ влекли насъ прочитанные въ корзинѣ романы Лажечникова, Мосальскаго и Загоскина. Все мы странно унали духомъ, а нѣкоторые изъ насъ даже малодушно плакали, и тѣмъ наводили на другихъ еще большее уныніе, дошедшее наконецъ до всеобщаго отчаянія и страха. Къ кому мы ни обращались за свѣденіями о своемъ возницѣ, все это было напрасно: никто не давалъ намъ никакого опровержительнаго отвѣта; но наконецъ какой-то извозчикъ съжался и сообщилъ намъ, требовавъ съ насъ рубль за открытіе томившей насъ тайны, что Кириллъ водить по Москвѣ медвѣдя.

Эта невѣроятная новость насъ обрадовала, и тревожила, и огорчила: какъ-де это не стыдно Кириллу, человеку столь обстоятельному и старовѣру, забыть свое дѣло и предаться такому пустому шарлатанскому занятію какъ гожденіе медвѣдя?

— Отъ можетъ погибнуть, предполагали мы и съ минуты на минуту ожидали, что кто нибудь привезетъ на дворъ и броситъ его несчастный трупъ, разтерзаный медвѣдемъ.

Но наконецъ къ ночи четвертаго дня Кириллъ явился—мрачный и тяжелый, но живой, хотя впрочемъ съ несомнѣнными знаками только-что-перенесенной тигостной борьбы съ медвѣдемъ: армякъ и рубашка на одномъ плечѣ у него были прорваны насквозь и сквозь прорѣху виднѣлось голое тѣло съ страшнымъ синякомъ, лѣво возлѣ носа было расцарапано и покрыто черными струпами, а на шеѣ подъ лѣвымъ ухомъ въ складкахъ кожи чернѣла засохшая кровь.

Взглянувъ на него, мы не стали укорять его и только полюбопытствовали: правда-ли что онъ все это время водилъ медвѣдя?

— Водилъ, чтобы его проклятого чортъ ободралъ! отвѣчалъ Кирила—и уткнувшись лицомъ въ сѣно, захрипѣлъ.

Мы тоже не стали его ни о чемъ болѣе разспрашивать и поскорѣе улеглись спать въ своей повозкѣ, а утромъ были пробуждены зычнымъ крикомъ, который раздавался изъ хозяйскихъ комнатъ. Въ этомъ крикѣ среди многихъ другихъ голосовъ мы могли различать и голосъ нашего Кирилы.

— Не водить было тебѣ-подлецъ медвѣдя! не молоденькій ты, чтобы баловствами заниматься! выкрикивалъ хозяинъ.

— Что дѣлать: Господь попустилъ! отвѣчалъ Кирила.

— Такъ потъ за то теперь и оставь намъ на прокормленіе пристяжную.

— Помилуй! просилъ Кириллъ,—мнѣ безъ третьей лошади все равно, что пропасть!

— Ничего; пусть тебя палачъ плетью помплетъ, а ты оставляй пристяжную да и все тутъ: я ужь два года на тебѣ сорокъ рублей жду, а ты всякій разъ какъ приѣдешь—опять за свою привычку: по Москвѣ медвѣдя водить! Итъ; иди, иди, запрягай пару, а лѣвую оставь; не велики твои господчики—парой ихъ доведешь.

Кирилъ жалостно просить пощады и клялся что ему парой насъ не довести, потому что ближе къ Киеву пойдутъ большіе пески, и парой ни за что телѣгу не выволочить; но дворникъ былъ неумолимъ и настаивать на томъ, чтобы третью лошадь оставить ему: мы-де ея тутъ твоего медвѣдя покормимъ.

Все это насъ ужасно смутило: намъ представлялось и жалостное наше путешествіе на несчастной парѣ вмѣсто тройки, и потомъ намъ чрезвычайно жалко было обреченной на сѣденье медвѣдю лошади, такъ какъ мы уже успѣли сильно сдружиться съ кирилиными конями—и особенно съ лѣвымъ буланымъ мереномъ, у котораго былъ пресеселый нравъ, позволявшій ему со всѣхъ, кто къ нему подходилъ, срывать шапки, и толстая широкая спина, на которой мы поочередно сиживали въ то время, когда буланый ѣлъ на покормѣ подъ сараями свой овесъ.

Межъ тѣмъ какъ мы волновались подобными чувствами—до нашего слуха долетѣли другіе голоса, касавшіеся уже непосредственно насъ самихъ: кто-то давалъ Кирилъ мысль прижать насъ и потребовать отъ насъ доплаты къ суммѣ, слѣдовавшей ему за нашъ провозъ; но Кирилъ энергически противъ этаго протестовалъ и наотрѣзъ отказался насъ безпокоить, объявивъ, что онъ всю плату получилъ сполна и что это дѣло казенное—и онъ „мошенства“ ни за что сдѣлать не хочетъ, „а скорѣе пойдетъ куда-то къ начальству и скажетъ: такъ и такъ и. т. д.

Мы далѣе не вслушивались—и тронутые благородствомъ Кирилы рѣшились скорѣе выручить его необходимою суммою, для чего съ каждаго изъ насъ семерыхъ нужно было около шести рублей ассигнаціями. Мы уже развязали свои мѣшки и складовали эту значительную по нашимъ средствамъ сумму, какъ вдругъ она оказалась вовсе ненужною, потому что утихшій на мгновение крикъ снова раздался съ удвоенной силой, и Кирилъ слетѣвъ съ шумомъ и грохотомъ съ крыльца проворно схватилъ подъ уздцы свою уже запряженную тройку и свелъ ее со двора, а потомъ вскочилъ на облучокъ и поѣхалъ рысью.

Считая такую скорую ѣзду дѣломъ совершенно необыкновеннымъ, мы выглянули изъ-подъ роговъ нашей повозки на своего возницу—и увидавъ его въ какой-то ажитаціи, снова попрытались.

Я, можетъ быть, дурно дѣлаю, вдаваясь во всѣ мелочи нашего перваго путешествія, но во первыхъ все это мнѣ чрезвычайно мило какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ моихъ юношескихъ воспоминаній, а во вторыхъ, пока я дѣлалъ это путешествіе, оно, кажется, не знаю почему, дѣлало грунтъ для образованія моего характера, развитіе котораго связано съ исторіею бѣдствій и злослучій моей послѣдующей жизни.

Московскій медвѣдь, оставшійся для насъ мудреною загадкой, повидимому произвелъ весьма сильное впечатлѣніе и на самого Кирилу, который совершенно утратилъ на время свою веселость и сдѣлавшись чрезвычайно молчаливымъ, все выбиралъ пальцами подлинявшіе у него въ бородѣ волосы. На прорѣхи своего платья и раны своего лица онъ не обращалъ никакого вниманія, не смотря на то, что количество поврежденій на его лицѣ, кажется, нѣсколько усилилось послѣ его объясненій съ московскимъ дворникомъ, отъ котораго онъ спасся какою-то неизвѣстною намъ находчивостью.

Три дня послѣ выѣзда нашего изъ Москвы онъ все спалъ: спалъ на стоянкахъ, спалъ и дорогою—и съ этою цѣлю, для доставленія большаго удобства себѣ, никого не подсаживалъ въ бесѣдку, а лежалъ растянувшись вдоль обоихъ мѣстъ на передкѣ. Лошадьми же правилъ кто-нибудь изъ насъ, но впрочемъ мы это дѣлали болѣе для своего удовольствія, такъ какъ привычныя къ своему дѣлу кони сами знали, что имъ было нужно дѣлать, и шли своею мѣрною походою.

Въ Тулѣ мы высадили еще одного товарища, а въ Орлѣ двухъ—и остались вчетверомъ, изъ которыхъ одному надлежало остаться въ Глуховѣ, другому въ Нѣжинѣ, а мнѣ и нѣкому поляку Краснопольскому вдвоемъ ѣхать до Киева. Но однако же не всѣ мы доѣхали до мѣстъ своего назначенія: намъ суждено было погубить дорогою своего нѣжинскаго товарища, маленькаго Кнышенко. Это—небольшое, но очень трагическое происшествіе, которое чрезвычайно меня поразило, особенно своею краткою простотою и неожиданностію.

Я, конечно, зналъ, что всѣ люди смертны, но я.... все таки думалъ, что такое солидное дѣло какъ умираніе должно происходить съ нѣкоторою подготовкою, въ родѣ того какъ было съ отцомъ, апоплексическому удару котораго предшествовалъ нравственный ударъ.

(Продолженіе будетъ.)

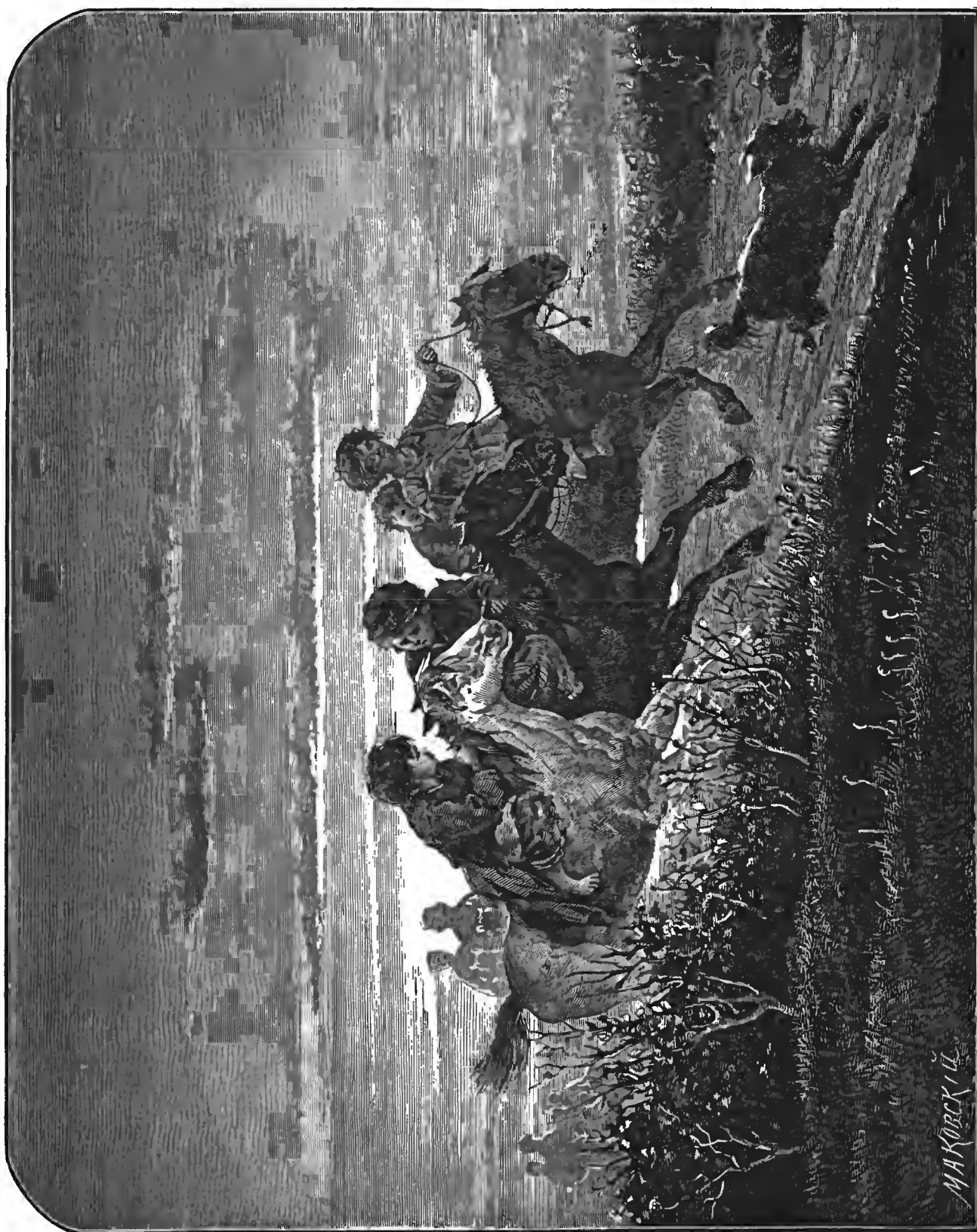
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Нѣжинъ лугъ“ Тургенева,

(Рисунокъ В. Маковского).

Въ началѣ прошлаго года мы помѣстили снимокъ съ картины даровитаго московскаго художника, В. Е. Маковского, «Нѣжинъ Лугъ», исполненный для насъ самимъ авторомъ; теперъ спѣшимъ приложить въ рѣдантахъ новое его произведеніе на ту же тему. Первая картина представляла крестьянскихъ дѣтей, расположившихся на ночлегъ среди пасущагося табуна въ ночномъ; предлагаемая въ настоящемъ номерѣ изображаетъ ихъ на возвратномъ пути домой. На сѣренькомъ фонѣ разсѣята мнѣтся веселая ватага, на перегонки понукая лошадей. Впереди всѣхъ—Павелъ, герой этой повѣсти-поэмы о маленькихъ людяхъ. Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ поэтическія строки «Записокъ охотника», въ которыхъ такъ рельефно намѣченъ мощно-слабавшійся, много-обѣщавшій характеръ этого парня-ребенка; какъ, тотчасъ послѣ страшныхъ разсказовъ о домовомъ въ старой рольнѣ и о покойникѣ-баринѣ, выходящемъ по почамъ изъ могилы, на поиски за разрывъ-травой,—разсказовъ, отъ которыхъ другой мальчуганъ, Костя, забился съ годовой подъ отцовскій полушубокъ,—Павелъ, заслышавъ шорохъ въ ночномъ сумракѣ и озлобленный лай собакъ, съ одной дубинкой въ рукѣ кинулся верхомъ на лошадь и поскакалъ на встрѣчу невѣдомой опасности.... «Я думалъ: волкъ», равнодушно пояснилъ онъ, вернув-

шись послѣ фальшивой тревоги. И этотъ смѣльчакъ, такъ страшно бросившійся на звѣря, тутъ же хмуро задумывается о томъ, что ему почудился голосъ звавшего его Васи, который пезадолго утонулъ въ близлежащей рѣчкѣ. Впрочемъ, вѣрный себѣ, онъ и тутъ, небрежно тряхнувъ волосами, прибавляетъ: «Да мнѣ что!» А между тѣмъ, предчувствіе не обманывало его—и этой отважной, кипящей избыткомъ силъ, юной жизни суждено было погаснуть—въ томъ же «почномъ», съ опасностями котораго такъ сроднилось его сердце. Вскорѣ затѣмъ онъ убится, упавъ съ лошади. Но эта катастрофа еще далеко впереди того момента, что избранъ художникомъ для его картины. Посмотрите, какимъ неподдѣльнымъ оживленіемъ дышатъ эти дѣтскія лица! Какъ старательно обгоняютъ другъ друга мальчуганы-наѣздники, колотя босыми ноженками своихъ шершавыхъ буцефаловъ!.. Дома, въ теплой избѣ ждетъ ихъ награда за всѣ неудобства «ночнаго» съ его голодухой и холоднымъ утреникомъ,—награда въ видѣ чашки молока съ накрошеннымъ хлѣбомъ, а кто побогаче—того matka пожалуй и чайкомъ побалуеетъ... «Эй! вы—милыя!.. и дружно топочатъ кляченки, поднимая столбы пыли проселкомъ и тоже порываясь къ дому съ вольныхъ кормовъ...

Литературный альбомъ „Вязникъ лугъ“ Тургенева, Съ картины В. Е. Маковского, на деревѣ рис. самъ авторъ, грав. Пущъ.

СОНЪ ПОДЪ МИКРОСКОПОМЪ.

Человѣкъ, безъ сомнѣнія, въ правѣ называть себя «вѣнцомъ творенія», «царемъ животнаго міра»; тѣмъ не менѣе однако самъ высокій проявленіи его природы, начиная отъ области бурныхъ страстей и кончая областью спокойной мысли и поэтического творчества, происходятъ въ связи съ вещественными измѣненіями въ его организмѣ, именно въ центрѣ нервной системы—въ мозгѣ. Прослѣдить эти вещественныя измѣненія, совершающіяся въ мозгѣ, дѣло въ высшей степени трудное; поэтому мы должны высоко цѣнить труды каждаго, кто задается цѣлью внести лучъ свѣта въ это темное царство.

На этотъ разъ мы займемся такъ-сказать отрицательною стороною нашего вопроса, т. е. мы рассмотримъ тѣ вещественныя измѣненія, которыя происходятъ въ мозгѣ въ то время, когда послѣдній не дѣйствуетъ, а находится въ покоѣ, что бываетъ во время сна.

Исслѣдованія съ цѣлью рѣшить этотъ интересный вопросъ сдѣланы однимъ англійскимъ врачомъ, *Артуромъ Дурасомъ*, и способомъ весьма остроумнымъ.

«Не мучь животнаго ради своего удовольствія» — изреченіе очень гуманное, которое слѣдуетъ соблюдать всякому; но оно теряетъ свою обязательную силу, если скоро дѣло идетъ о серьезномъ научномъ изслѣдованіи природы животнаго организма, съ которымъ сходенъ также и человѣческій. Читатели поэтому востанутъ ученому врачу, который, для того, чтобы *наблюдать мозгъ во время сна*, вырѣзываетъ у собакъ на черепѣ окошечки, въ эти окошечки вставляетъ кусочки стекла (съ цѣлью, во первыхъ, предохраненія мозга отъ давленія вѣшняго воздуха, а во вторыхъ, предохраненія отъ вытѣзанія мозговыхъ оболочекъ) и, помощью увеличительнаго стекла или такъ-называемой лупы, наблюдаютъ за измѣненіями, происходящими въ этомъ вмѣстѣнціи ума. Сострадателныя читатели еще болѣе успокоятся, если имъ сказать, что до операціи собаки были нахлороформированы и, слѣдовательно, не чувствовали ни какой боли, но тѣмъ болѣе они должны были удивиться, когда, послѣ пробужденія отъ глубокаго сна, у нихъ вдругъ стало такъ свѣтло въ головѣ.

Не будемъ говорить здѣсь объ измѣненіяхъ, которыя были наблюдаемы въ крови подѣ влініемъ хлороформа, такъ какъ это для нашей цѣли не существенно. Когда изслѣдуемое животное пробуждалось отъ наведеннаго на него сна, то, по словамъ доктора Артура, «мозгъ покрывался легкой краснотой» и выпячивался въ искусственно-сдѣланную отверстія въ черепѣ. По мѣрѣ того, какъ животное становилось все бодрѣе, — несмотря на то, что ему разгуливать со своими окошками на головѣ, разумеется, не давали, — наполненіе кровью мягкой, пѣвнкой оболочки мозга (такъ называемой *pia mater*) выступало все явственнѣе. Сдѣлались видными маленькіе сосуды, которыхъ прежде вовсе не видно было, а болѣе крупныя сосуды видимо переполнились кровью. И что все это означало? Означало, очевидно, то, что въ бодрственномъ состояніи произошелъ значительный приливъ крови къ пришедшему въ дѣятельное состояніе мозгу и, какъ всегда бываетъ при усиленномъ притокѣ крови, произошло ускореніе кровообращенія. Послѣ этого животное накормили и оставили въ покоѣ. И что же?—какъ только животное начало засыпать нормальнымъ сномъ, поверхность мозга начала постепенно бѣднѣть; кровеносныя сосуды снадились, до-того набухшіи мозгъ сталъ сѣднѣваться, такъ что уже не выполнялъ всей полости черепа. Для устранения возраженія, что припикшіи въ полость черепа во время операціи воздухъ могъ произвести раздраженіе мозга и нарушеніе его отправленій, одновременно наблюдались двѣ собаки, изъ которыхъ одну всегда поддерживали въ бодрственномъ состояніи, въ то время какъ другая спала, при чемъ у нервной замѣчалось явленія противоположнаго свойства, чѣмъ у послѣдней. Результаты повторныхъ опытовъ были одни и тѣ же: въ состояніи покоя въ мозгѣ происходило замедленіе кровообращенія, а въ состояніи дѣятельности происходило ускореніе кровообращенія,—между тѣмъ какъ прежде склонны были думать, что сонъ является вѣдѣствиемъ застоя крови въ сосудахъ, отводящихъ кровь къ сердцу (такъ наз. венахъ), и возвышеннаго давленія на мозгъ. Что наука могла допустить такое предположеніе, какъ послѣднее, кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что относительно другихъ органовъ уже давно извѣстно, что, при усиленіи ихъ дѣятельности, они получаютъ изъ общаго запаса крови большее количество послѣдней, чѣмъ они содержатъ въ состояніи покоя. Наиболѣе рѣзкій примѣръ этому мы видимъ въ желудкѣ во время пищеvarенія, когда къ нему (желудку) приливаетъ масса новой крови, которой въ немъ прежде не было. Но съ увеличеніемъ массы крови и ускореніемъ ея движенія—происходитъ и усиленное и болѣе быстрое окисленіе или сгараніе ея частей, и менѣе такъ-называемыхъ кровяныхъ шариковъ; другими словами, происходитъ усиленный притокъ отъ сердца—богатой кислородомъ (такъ-называемой артеріальной) крови. Въ примѣненіи къ мозгу это значитъ вотъ что: дѣятельность мозга равнозначуща съ окислені-

емъ или стараніемъ его вещества, ибо—дѣлаемъ обратное заключеніе—бодрственное состояніе обнаруживается усиленнымъ притокомъ артеріальной, т. е. приносящей кислородъ, крови. Такъ какъ дѣятельность мозга необходимо должна совпадать съ бодрственнымъ состояніемъ, то эта дѣятельность (если только о ней вообще можетъ быть рѣчь), должна слѣдовательно сопровождаться усиленною затратой вещества. Спрашивается: куда же дѣвается это затраченное вещество? Очевидно, оно уносится потокомъ крови съ тѣмъ, чтобы выдѣлиться чрезъ кожу и легкіи въ видѣ газа, чрезъ почки въ видѣ раствора солей, или быть удаленнымъ обыкновеннымъ путемъ, какъ вещество, сослужившее свою службу и сдѣлавшееся негоднымъ къ дальнѣйшему потребленію. Извѣстно вѣдь, что продолжительная умственная дѣятельность, особенно если она совершается постоянно въ одномъ направленіи, истощаетъ насъ,—хотя и не на столько еще, чтобы можно было думать о полномъ издержаніи всего запаса годнаго къ потребленію мозговаго вещества; такъ какъ извѣстно вѣдь, что можно, при надобности, посредствомъ извѣстныхъ раздражающихъ средствъ (прохладительныхъ нитокъ) побудить мозгъ къ новой работѣ. На чемъ основано состояніе, называемое нами «мозговою усталостію», до сихъ поръ еще не объяснено. Наиболѣе вѣроятнымъ кажется предположеніе, что кровь перестаетъ въ одно и то же время выдѣлять то мозговое вещество, которое она воспринимаетъ. Должно, слѣдовательно, наступить извѣстное насыщеніе крови мозговымъ веществомъ, дѣлающее затруднительнымъ, а затѣмъ и невозможнымъ, дальнѣйшее воспріятіе этого вещества. Въ пользу этого предположенія можно привести слѣдующій аналогичный примѣръ: именно, что въ замкнутомъ пространствѣ свѣча тухнетъ отъ угольной кислоты, которую она сама производитъ, не смотря на то, что въ воздухѣ еще есть достаточный запасъ кислорода, способнаго поддерживать горѣніе. Другими словами, атмосфера становится до того насыщена углекислотою, что не воспринимаетъ уже дальнѣйшаго выдѣленія ея отъ свѣчи. Но какъ бы тамъ ни было, достоверно, что природа сама ступитъ къ прижежиному, говори ему: «перестань работать, на этотъ разъ съ тебя довольно!» Благоуразумный слушается этого увѣщанія, ибо увѣщательница располагаетъ и исполнительною властью—заставляетъ его заснуть. Теперь наступитъ, слѣдовательно, противоположное состояніе въ черепной полости. Мозгъ сѣднѣвается, въ есудистыхъ сѣтяхъ кровь движется медленнѣе, изъ кровяного потока выдѣляется какъ разъ соответственное и требуемое количество питательнаго матеріала и, по прошествіи извѣстнаго времени, органъ снова возвращается къ своему первоначальному свѣжему состоянію и самъ будитъ, чтобы начать работу съ-изнова.

Касательно вопроса о томъ, дѣйствительно ли во время сна происходитъ питаніе мозга, т. е. усвоеніе послѣднимъ новыхъ веществъ, взаимѣ утраченныхъ имъ въ бодрственномъ состояніи, — мы находимъ отвѣтъ у того же англійскаго врача-исслѣдователя. Извѣстно, что если двѣ жидкости, содержащія различныя растворы,—положимъ, напримѣръ, сахарная вода и водный растворъ соли,—отдѣлены одна отъ другой животною перегородкой, каковую представляютъ изъ себя кусокъ кишки и т. п., то эти двѣ жидкости будутъ взаимно обмѣниваться своими составными частями, до извѣстнаго предѣла. Въ нашемъ случаѣ сахаръ будетъ переходить въ солевой растворъ и, на оборотъ, соль — въ сахарный. Въ нашемъ организмѣ происходитъ точно такая же исторія. Другамъ наблюдалъ, что когда опъ чрезъ кроличью кишку, изоленную въ растворъ, пропускалъ другой растворъ, съ *большою или меньшею* скоростью, то въ первомъ случаѣ больше *вступало* наружнаго раствора въ кишку, а во второмъ болѣе *выходило* раствора изъ кишки наружу. Такъ какъ кровь безъ сомнѣнія есть носитель новаго питательнаго матеріала для всего организма, то въ отношеніи къ нашему случаю, т. е. примѣнительно къ мозгу, навѣрно позволительно думать, что во время бодрствованія, во время дѣятельности мозга, слѣдовательно, во время сильнаго напленія его кровью и, какъ мы мимоходомъ замѣтили, одновременнаго ускоренія кровообращенія, органъ *болѣе теряетъ вещества, нежели прибавляетъ*, и что въ противоположномъ случаѣ, т. е. во время сна, происходитъ обратное.

Если правда, что всякій органъ, когда онъ приходитъ въ дѣятельное состояніе, требуетъ усиленнаго притока крови, то прямое слѣдствіе отсюда, что не всѣ роды органовъ одновременно могутъ находиться въ одинаковой дѣятельности. Какъ на грубый примѣръ, мы укажемъ, что человѣкъ не можетъ во время бѣга легко размышлять. Мы знаемъ также, что отдѣльные органы тѣла, во время сна, когда нервная и мышечная системы отдыхаютъ, находятся въ усиленной дѣятельности: кожа успешно испаряетъ, плечи потѣетъ, почки отдѣляютъ большія соли и проч. и проч., короче, отсюда прямое правило: всегда задавать одновременно большую работу только одной системѣ органовъ, для того чтобы за нею обезпечить большую потребность въ крови. Не объясняется ли этимъ такъ-же паразитическое

хорошо тотъ фактъ что, послѣ плотнаго обѣда (когда, слѣдовательно, желудку задана большая работа) мы обыкновенно чувствуемъ потребность въ тѣлесномъ и душевномъ покоѣ—и отнюдь не цѣлесообразно поступаемъ, берясь въ это время за чтеніе. То обстоятельство, что обыкновенно за такимъ чтеніемъ засыпаютъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ вѣрность высказанныхъ выше положеній.

Дальнѣйшее доказательство въ пользу вышесказаннаго представляютъ различныя средства, которыя мы употребляемъ для того, чтобы скорѣе заснуть. Возьмемъ любое изъ нихъ. Известно, что легче засыпаютъ и сонъ бываетъ крѣпче, если предъ самымъ отходомъ ко сну обмывать все тѣло, или большую часть его, холодною водою. Это наблюдение, выведенное изъ опыта, станетъ совершенно понятнымъ, если представимъ себѣ, что отъ холодной воды наступаетъ реакція въ кожѣ, которая выражается возвышеніемъ температуры, краснотою, набуханіемъ, словомъ — признаками усиленнаго притока крови. Естественнымъ образомъ, такой усиленный притокъ крови къ кожѣ сопряженъ съ оттокомъ крови отъ другихъ внутреннихъ органовъ,—слѣдовательно и въ мозгѣ должно наступать такое состояние, которое, какъ мы видѣли, есть необходимое условіе сна. Въ этомъ же смыслѣ будетъ также дѣйствовать горячая подкисленная ножная ванна, или же такъ-называемый Жанотовскій сапогъ (Ventouse monstre), т. е. сухая банка, покрывающая ногу по колѣно.

Если бы нужно было привести еще доказательство тому, что недѣйтельное состояние мозга совпадаетъ съ уменьшеніемъ ко-

личества содержащейся въ немъ крови, то можно указать на припадки внезапнаго обморока, которые такъ легко уничтожить, если положить больного такимъ образомъ, чтобы голова приходилась ниже ногъ, или, еще лучше, если ноги приподнять, для того, чтобы кровь сильнѣе прилиwała къ головѣ (т. е. къ мозгу).

Дургамъ объясняетъ наконецъ сновидѣнія какъ непроизвольную дѣятельность мозговыхъ волоконъ, которыя, послѣ того какъ онѣ восприняли достаточно питательнаго матеріала, подвергаются раздраженію отъ усилившагося притока крови. Мнѣніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ общезвѣстномъ фактѣ, что сны являются обыкновенно незадолго до пробужденія.

Равнымъ образомъ находятъ себѣ интересное объясненіе въ изслѣдованіяхъ Дургамъ и результаты опытовъ, произведенныхъ студентами Лейпцигскаго университета, если не ошибаемся, подъ руководствомъ профессора Фехнера, и состоявшихъ въ томъ, что изслѣдуемые лица посредствомъ шума опредѣленной силы пробуждались отъ сна въ разные его періоды. При этомъ нашла именно, что спавшаго еще легко было разбудить немного спустя послѣ засыпанія, всего труднѣе — полчаса спустя, позже все еще трудно, а затѣмъ по мѣрѣ приближенія къ самопробужденію все легче и легче. Такимъ образомъ періодъ засыпанія совпадаетъ съ началомъ уменьшенія кровяного давленія, періодъ наиболѣе глубокаго сна — съ наибольшимъ паденіемъ этого давленія, наконецъ послѣдній періодъ пробужденія — съ постепеннымъ возрастаніемъ напора крови.

Василиса Прекрасная.

Русская народная сказка.

Жилъ былъ въ нѣкоторомъ царствѣ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ съ женою душа въ душу, и прижили они только одну дочку—прозвали ее Василисой прекрасной. Дѣвочкѣ только еще восемь лѣтъ минуло, какъ вдругъ мать расхворалась тяжелою немочью, призвала къ себѣ дочку и сказала ей: «Василисушка! Вижу я, что смерть моя пришла. Запомни же мои слова. Вотъ возьми эту куколку, береги ее всегда при себѣ, и никому не показывай; а приключится тебѣ какое горе, ты эту куколку покорми и сохвѣта у нея попроси. Она тебя отъ всякой бѣды выручитъ». Благословила мать дочку, поцѣловала ее, да скорѣе и умерла.

Потужилъ купецъ по женѣ, потужилъ, да потомъ и не вытерпѣлъ—женился. Взялъ онъ себѣ въ жены вдову съ двумя дочками на ноздрѣхъ. Не стало житья Василисѣ, отъ мачихи и дочекъ ея. Цѣлый день рукъ не покладывая работала она, и стали ее бранить да корить, а часто и голодомъ морить. Видитъ дѣвица—плохи дѣла, поидетъ вечеромъ въ чуланчикъ, захватитъ съ собой остатки ужина, поставитъ ихъ передъ куколкой и приговариваетъ: «на, милая куколка, покушай да моего горя послушай—живу я въ домѣ одна у батюшки и не вижу никакой радости, мачиха съ дочками поѣдомъ ѣдятъ и скоро сонѣмъ заѣдятъ; какъ быть мнѣ, куколка скажи,—и что дѣлать мнѣ укажи. Покушаетъ куколка и дастъ ей хорошій совѣтъ, а то и въ работѣ поможетъ; и гряды выполетъ и ванусу польетъ, такъ дѣло пошло пока Василиса не подросла и не стала неистой. Женихи къ ней такъ и лѣзутъ, другъ передъ другомъ старятся, за Василисою урываются, а на дочекъ мачихи и смотрѣть не хотятъ; стало мачихи это обидно и говоритъ она всѣмъ женихамъ: «не отдамъ вамъ младшей раньше старшихъ дочерей», такъ и остается Василиса въ дѣвухахъ, а дочекъ мачихи все никто не беретъ. И стало Василисѣ жить еще хуже прежняго.

Разъ уѣхалъ купецъ по торговымъ дѣламъ, по разнымъ странамъ, по далекимъ морямъ, и сговорила съ дочками извести Василису прекрасную. Прослышала она, что подъ иоромомъ, на самой опушкѣ лѣса темнаго—темнаго да дремучаго—есть у купца домъ, а въ домѣ жить никто не жилъ, всѣ боялись затѣмъ что на полянѣ въ избушкѣ баба-яга жила и была эта баба людоедка. Мачиха тотчасъ перебралась въ этотъ домъ на новоселье, да сговорившись съ дочками, задала имъ обѣимъ и Василисѣ прекрасной по уроку. Одну заставила кружева плести, другую чулокъ вязать, а Василису прясть. Поставила она передъ тремя дѣвухами работницами огарокъ въ подсвѣшникѣ, а сама въ городъ зачѣмъ-то уѣхала. Свѣча нагорѣла, стала старшая дочь нагаръ со свѣчи снимать да будто ненарокомъ по приказанію матери огонь-то и потушила. «Что теперь намъ дѣлать?» завопили обѣ мачихины дочки: «огня въ цѣломъ домѣ нѣтъ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ ягѣ, что въ лѣсу на полянѣ живетъ». — «Мнѣ не надо», отозвалась младшая, что кружева плела, «мнѣ и отъ булавочъ свѣтло». — «И мнѣ не надо», сказала та, что чулокъ вязала, «мнѣ отъ спицъ свѣтло!» — «Такъ вотъ кому надо!» вскинулись тутъ обѣ сестры на Василису, «тебѣ и идти за нимъ въ лѣсъ дремучій, къ бабѣ ягѣ». И вы-

толкали они бѣдную Василису изъ горницы. Пошла Василиса въ свой чуланъ, поставила свой ужинъ передъ куколкой и сказала: «на, куколка, покушай, да моего горя послушай: посылаютъ меня злые дочки мачихины за огнемъ къ бабѣ ягѣ, а я смерть боюсь ее, она вѣдь меня съѣстъ». Куклолка ужинъ свой съѣла и загорѣлись у ней глазенки, словно двѣ свѣчки воску яраго. «Не бойся, Василисушка, не страшись, Василиса прекрасная!» говоритъ она дѣвухѣ, «ступай куда тебя посылаютъ, только меня держи при себѣ и тогда ужъ нечего тебѣ бояться бабы яги!» Послушалась ее Василиса, положила куколку къ себѣ за пазуху, перекрестилась и выступила въ путь да дорогу, въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она дрожитъ. Вдругъ мимо ея по лѣсу скачетъ всадникъ, самъ бѣлый и доспѣхъ на немъ бѣлый и конь подъ нимъ бѣлый; чуть онъ промелькнулъ, на дворѣ разсвѣтать стало. Дальше идетъ Василиса, а мимо нея опять мчится на конѣ другой всадникъ, и самъ красный и доспѣхъ на немъ красный и конь подъ нимъ красный; чуть только онъ проскакалъ — стало всходить красно солнышко. И отъ самаго восхода солнечнаго шла Василиса до поздняго вечера, ужъ совсѣмъ за вечерѣло, когда вышла она на поляну — да такъ и ахнула: среди поляны стоитъ изба бабы яги, а вокругъ той избы заборъ изъ костей человѣческихъ и весь онъ сверху усаженъ черепами людскими, а у тѣхъ череповъ глаза такъ и свѣтятся... Въмѣсто дверей у воротъ—ноги человѣческія, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка тяжелаго—ротъ съ острыми зубами. Обомлѣла Василиса отъ ужаса и стала, какъ икона, не зная: впередъ ли идти ей—назадъ ли бѣжать. Вдругъ опять видитъ проскакалъ мимо ея всадникъ, самъ черныи и въ черномъ доспѣхѣ и конь подъ нимъ черныи, какъ ночь темная, подскакалъ онъ къ воротамъ бабы яги и пропалъ, какъ сквозь землю провалился—и только онъ сгинулъ, наступила въ лѣсу темная ночь.... Одни глаза у череповъ какъ жаръ горятъ и поляну около избы освѣщаютъ.

Пока Василиса всему этому дивилась и не знала куда дѣваться отъ страха, слышитъ она въ лѣсу страшный шумъ, трещать деревья, верхушками безъ вѣтру покачиваются, хрустятъ подъ чѣю-то ногою сухой валежникъ,—вызываетъ изъ чащи баба яга, сама въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, померомъ слѣдъ заметаетъ. Подѣхала она къ воротамъ — остановилась, понюхала кругомъ себя воздухъ, да какъ закричитъ зычнымъ голосомъ, «фу фу! русскимъ духомъ пахнетъ! Кто здѣсь? вызовись». Василиса бѣдняжка изъ-за кустиковъ вышла, подошла къ бабѣ ягѣ, низко поклонилась и говоритъ—«это я бабушка! Мачихины дочки меня къ тебѣ за огнемъ послали». — «Хорошо, сказала баба яга,—ихъ то я знаю, а тебя нѣтъ, такъ ты поживи у меня да поработай, тогда и огня тебѣ дамъ; а не угодишь мнѣ работой—самое тебя съѣмъ». Потомъ оборотилась она къ воротамъ и громко вскрикнула:

Вы запоры мои крѣпкіе—отомкнитесь!

Ворота мои широкіе—отворитесь!

Отворились ворота, вѣхала во дворъ баба яга и Василиса вошла за ней слѣдомъ, а ворота опять съ шумомъ, съ визгомъ

на глазу захопнувшись. Вошла баба яга въ горницу, на лавкѣ растянувшись, няяла Василису принести пзъ погреба и квасу и меду и вынуть изъ печи все, что было наготовлено, и все это съѣла,—а было тутъ снадобья, что и десятирѣмъ работникамъ не съѣсть. Уложила баба яга спать, да и говоритъ Василису: «когда завтра уяду—смотри, дворъ вычисти, пзбу вымети, обѣдъ состряпай, да изъ закорма мѣру пшенпцы вынь да очисти ее отъ черныхъ зернушекъ. Коли всего не исправишь—не одоброватъ тебѣ». Баба яга захрапѣла, а Василиса свою куколку накормила, съ ней поговорила, смотритъ—на утро когда баба яга уѣхала, куколка все съѣла и лишь только черный всадникъ подѣхалъ и ночь темная настала съ нею, баба яга воротилась, у Василисы все уже готово, все справлено. Осталась баба яга довольна и на завтра ей урокъ еще больше дала. Съѣла баба яга за столъ да и спрашиваетъ Василису: «что ты ничего не говоришь со мною? стоишь какъ нѣмая!»—«Не смѣю я говорить съ тобой», отвѣчаетъ Василиса: «а если позволишь, я бы тебя кое о чемъ пораспросила».—«Спрашивай!»—«Хочу спросить тебя о томъ, что видѣла въ лѣсу, какъ шла къ тебѣ; обогнали меня три всадника да три витязя—одинъ весь бѣлый, другой весь красный, третій весь черный—кто они такіе?» «Бѣлый всадникъ—это день мой ясный, красный всадникъ—это солнышко мое красное, а черный всадникъ, это ночь моя темная, все мои слуги вѣрные. Ну о чемъ же ты меня еще спрашивать станешь?»—«Будетъ съ меня и этого, бабушка!»—«Хорошо, что меня не спрашиваешь о томъ, что у меня во дворѣ видѣла, потому я этого не люблю, что бы соръ изъ избы не выносили».

Долго ли коротко ли жила Василиса прекрасная у бабы яги, но все она со своей куклой работы справляла, такъ что разъ и спрашиваетъ ее баба яга. «Какъ ты успеваешь все то передѣлать, что и тебѣ задаю?»—и отвѣчаетъ ей Василиса: «мнѣ, бабушка, матушкино благословеніе помогаетъ».—«Такъ ты благословенная!... убирайся же поскорѣ прочь отсюда—мнѣ благословенныхъ не нужно». Вытолкала она Василису за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ, наткнула его на палку, отдала ей и сказала: «вотъ тебѣ огонь для махиныхъ дочекъ, снеси его бережно до дому».

Бѣгомъ пустилась Василиса домой и всю дорогу въ темномъ

лѣсу освѣщала ей черепъ, и казались ей по дорогѣ деревья страшными чудовищами, вершинами словно главами покачивающихъ, сучьями, какъ когтями, на ней платье раздражаютъ. Подходить она наконецъ къ дому, видятъ сестры и махича ждуть ея не дожидутся; онъ безъ Василисы нигдѣ огня добыть не могли: самимъ высѣчь не удавалось, а отъ сосѣдей возмуть—у нихъ не горѣть. Обрадовались они огню, который имъ принесла Василиса, все разомъ къ нему сунулись съ лучинами... Но только коснулись глазъ черепа, какъ все три разомъ и погорѣли. Одной Василисы пламя не тронуло.

Видитъ Василиса прекрасная—одной жить ей нечего, пошла она и поселилась у одной старушки и жила съ ней—живетъ у нея, отца поджидаетъ. И говоритъ она однажды старушкѣ: «скупно мнѣ безъ дѣла сидѣть, бабушка, купи мнѣ лыну лучшаго, я хоть прятъ буду». Купила лыну старушка, съѣла за работу Василиса и загорѣлась у ней въ рукахъ работа и напирала она прижи самой тонкой и говоритъ старушкѣ: «вотъ тебѣ, бабушка, полотно, поди продай его, а деньги себѣ возьми». Взглянула старушка на прижу да такъ и ахнула: «нѣтъ, дитятко, я это полотно прямо къ царю отнесу, такого полотна кромѣ царя и носить некому». И понесла она полотно царю, тотъ и захотѣлъ рубашки изъ него шить, отдавалъ лучшимъ швеямъ, никто не беретъ шить, больно ужъ тонко полотно; позвалъ онъ старушку и отдалъ ей шить рубашки. Сшила Василиса рубашки и понесла къ царю ихъ старушка, а Василиса подъ окошкомъ сидитъ и дожидается. Вдругъ на дворъ въѣзжаетъ нежданно-негаданно царскій посолъ, становится подъ окошкомъ и говоритъ Василисѣ. «Царь государь хочетъ видѣть ту искусницу, что работала ему сорочки, онъ хочетъ ее изъ своихъ собственныхъ царскихъ рукъ наградить». Пошла Василиса, принарядилась и явилась передъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису прекрасную, такъ и полюбилъ ее безъ памяти. «Красавица моя», говорилъ ей: «не разстанусь я съ тобой; будь мнѣ женой доброй и вѣрной».—«Готова, государь, исполнить твою волю, только не могу подъ вѣнецъ идти безъ отцовскаго благословенія». Подождаль Царь отца, а какъ тотъ прѣхалъ, такъ и свадьбу справили и зажили они вмѣстѣ, и старушку съ собой взяли, а Василиса прекрасная съ куклой своею до конца жизни не разставалась.

Шлемъ Кучума.

Въ Московской Оружейной палатѣ есть желѣзный шлемъ маджурскій, въ три вѣнца, съ наверхнемъ и трубкой для перьевъ или волосъ. Вокругъ пѣнцовъ надпись индѣйско-тибетскими буквами ранѣе XVII вѣка. По описи 1687 г., по сказкѣ мастеровъ, была въ казѣ «Кучумовская шапка»; но эта шапка, которую величаютъ теперь Кучумовымъ шлемомъ, рѣшить мудрено. Въ описи 1687 г. значится и шлемъ Кучумовъ, поднесенный Государю Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Описание его, впрочемъ, не приходится къ экземплярѣ, рисунокъ съ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ. По описи 1687 г. (л. 467) схожее съ нашимъ изображеніемъ описаніе приурочено къ одной изъ желѣзныхъ шапокъ *калмыцкихъ* (?), неизвѣстно кѣмъ и по какому случаю доставленныхъ. Съ какой стати покойный А. О. Вельтманъ, въ своемъ описаніи Оружейной палаты (стр. 236) написалъ, что шапки эти «бѣлы сомнѣнія доставлены отъ Ермака» (?)—мы, рѣшительно, недоумѣваемъ.

Но если въ такомъ положеніи находится вопросъ о подлинности вещи и принадлежности ея Кучуму, то это нисколько не можетъ ослабить впечатлѣній, на нѣваемыхъ именемъ послѣдняго Сибирскаго царя. Эти то впечатлѣнія мы и думаемъ развить передъ читателями «Нивы».

Имя Кучумъ, прежде всего, переноситъ воображеніе наше въ дни Ивана Грознаго, у котораго, — что бы ни говорили о немъ историки школы Карамзина, вслѣдъ за своимъ просвѣтителемъ, смотрѣвшимъ на многіе вопросы нашей исторіи односторонне, и прежде всего съ явными натяжками для подтвержденія своей идеи о минимой *чуждоности характера* (въ вѣкъ то возрожденія!) Грознаго,—у этого царя, повторимъ, были здоровые взгляды на требованія Россіи, какъ государства. Въ силу же здороваго пониманія потребностей государства—какъ тѣла, подлежащаго развитію,—Иванъ Васильевичъ Грозный чуть не тридцать лѣтъ дѣлалъ мысль закрѣпить за собою Сибирь,—извѣстную въ Москвѣ отнюдь не по имени только, но по торговымъ оборотамъ, увеличить которые было нужно и выгодно для насъ. Географическаго опредѣленія мы не будемъ касаться; слово «Сибирь» и могло въ то время выражать только востокъ за Камой и Зауралье вообще; оно одно для русской торговли все и значило; туда она и прокладывала широкую дорогу уже задолго. Отъ торговыхъ людей московскіе правители знали уже, что за «Каменнымъ поясомъ» Герберштейна и нашимъ Ураломъ существуетъ вогуло-татарское ханство. «Сибирскій юртъ», независимая орда, въ своемъ вѣдѣніи имѣющая въ извѣстныхъ мѣстахъ привалы (если не постоянныя становища), по окруженію ихъ паюмъ что-ли называвшіяся по русски *городищами* и *городами*. Главнымъ

пзъ нихъ было *Старое городище* (по татарски «Искаръ») на р. Сосвѣ, притокѣ Оби рѣкѣ, въ 120 верстахъ отъ устья этого притока. Границы Юрта Сибирскаго, — по Небольсину — на сѣверъ устье, на западъ верховья Конды (Обскаго же притока), на востокъ р. Иртышъ, на югъ же—лѣвый берегъ р. Ишима. За Ишимомъ «Верхняя земля», кажется, больше зависѣвшая отъ ногайскихъ ордъ, чѣмъ отъ владѣтеля Сибирскаго юрта. Въ XVI вѣкѣ въ Сибирь распространилось сильно магометанство, благодаря усиленному пашагизу сюда Ногаевъ, Кыргизъ и Бухарцевъ, стремившихся съ юга, на Иртышъ и Яикъ. Небольшое число коренныхъ обитателей, финскихъ народцевъ, было осѣдлымъ и съ признаками цивилизаціи (выражающейся обращеніемъ къ напѣвѣ); большинство было кочевниковъ, едва ли численностью не превосходившихъ обитателей лѣсныхъ племъ—звѣролововъ по признацію, для насъ (какъ торговой силы) разумѣется представляющихъ первостепенный и исключительный интересъ. Кочевники, разумѣется, на дѣйственныхъ путяхъ Зауральскаго раздѣла, съ успѣхомъ занимались скотоводствомъ. Ни тѣ, ни другіе (ни звѣроловы, ни кочевники) *не плавали* по рѣкамъ на *судахъ*, не смотря на ширину сибирскихъ рѣкъ. На это послѣднее обстоятельство просимъ обратить вниманіе.

Съ паденіемъ Казани, оружіемъ Грознаго завоеванъ Астраханскій юртъ, и между Ногами—недавно еще единственнаго силою на нижнемъ Поволжѣ и далѣе къ востоку—пронеслось ясное предчувствіе утраты всего значенія. Не могло это ощущеніе не передаться на восточномъ концѣ ногайскаго владычества: рассчитывая забѣжать впередъ, для извлеченія возможной пользы изъ новой, выдвинувшейся такъ ярко теперь, русской силы—какой-то владѣлецъ изъ Сибирскихъ, *Етыгаръ*, посылаетъ къ царю московскому пословъ—поздравить съ истребленіемъ царства, гдѣ хозяйничали Ногаи. Етыгаръ этотъ выразилъ еще желаніе, чтобы Москва утвердила спокойствіе и безопасность его земли, богатство которой въ пушномъ товарѣ представляли присланные государю собори и бѣлки. Иванъ Васильевичъ принялъ благосклонно посольство Етыгарово, велѣлъ отписать ему, что для безопасности ему слѣдуетъ не ограничиваться единичными помпками и самъ, въ грамотѣ къ Англійскому королю Эдуарду, придать себѣ новый титулъ *повелителя Сибири* (1554).

Если настоящее ничтожное само по себѣ обстоятельство, каково было посольство Етыгара, заставило Ивана Васильевича посылать украситъ себя титуломъ *Сибирскаго*, то ясно, что ему горячо хотѣлось не одного, номинальнаго прозванія.

Въ 1567 году Царь, напримѣръ, посылаетъ казаковъ съ атаманами Иваномъ Петровымъ и Бурашемъ Колычевымъ—про-

Василиса Прекрасная. Русская сказка. Рисоваль Коверзневъ, грав. Ольшевскій.

вѣдывать земли за Сибирью! Стремлешиа тутъ уже ясно выка- зываются: самъ по себѣ, Сибирскій юртъ былъ положимъ нева- женъ; но онъ останавливалъ, своимъ стоянцемъ на пути,—нави подобныя развѣдки. Въ 1557 году, вмѣстѣ съ посланцемъ Еты- гара, явился въ Москвѣ засыльные отъ какихъ-то еще двухъ сибирскихъ царевичей: Мамин-шахъ отъ Муртазы и Тапкинъ отъ Ахмедъ-Гирея.

Двое послѣднихъ были поган, или киргизы, и братья между собою.

Какъ видно, Етыгартъ и эти царевичи пели уже съ юртов- никомъ Кучумомъ, въ то время, борьбу, не желая подчиниться кочевнику, завоевательныя побужденія котораго ясно обнару- живались. Недостаточность пушной присылки вызвала гнѣвъ Ивана Васильевича на Етыгара: задержаны послы его въ Мос- ковѣ и посланъ татаринъ намѣть погрозить владыкѣ. Науганный прислать тотчасъ 1000 соболей, и послы его, съ пушною данью, еще «грамоту шертную» припезли со князю печатью, что ся учинилъ князь въ холометѣхъ. Этотъ данникъ убитъ въ 1563 го- ду сыномъ Муртазы—Кучумомъ, который сталъ называть себя царемъ Сибирскимъ и сталъ къ московскому царю далеко не въ тѣ отношенія, какъ навѣи его соперникъ (хотя по смыслу грамоты его къ Ивану Васильевичу и видно полное желаніе ве- сти торговои сношенія), заявляя какъ равный равному: «похошъ миру—и мы помиримся, а похошъ воеваться—и мы воюемъ».

Не того хотѣлось Грозному. Онъ свое желаніе уже определен- но выразилъ второму посланцу Кучумову, написавъ въ грамотѣ готовность взять Сибирь «подъ свою высокую руку и оборо- ганье». И на этомъ не встрѣтилось остановки. Въ «титурникѣ», подѣ грамоты Кучумовой 1571 года, на полѣ отмѣтка: «послать о томъ, что бы его царь и великій князь изьялъ въ свои руки, а данъ со всея Сибирскія земли ималъ по прежнему обычаю». Съ этимъ отвѣтомъ, рѣшительнымъ уже, посланъ къ Кучуму сынъ боярскій третьякъ Чабуковъ, но его отъ коварнаго царя сибир- скаго ждала смерть. Между тѣмъ, въ 1558 году, «кунецаго чи- на человекъ», Григорій Аникіевъ Строгановъ, заявилъ москов- скому правительству, что по берегамъ р. Камы до Чусовой есть мѣста пустыя, необитаемыя и для всѣхъ бесполезныя покуда, какъ какъ при существованіи соинныхъ истопниковъ тамъ ни- кто ни на безлюдь не пользуется. Онъ же хотѣлъ заняться пывозкою соли и просилъ на то позволенія (разумѣется съ да- чей ему земель?), обязываясь нѣсколько поставить дворы, по еще построить городокъ съ пушками и здѣсь беречь границу «отъ погайскихъ и пныхъ ордъ».

Апрѣля 4, 1558 года, просилъ Строгановымъ грамота дана ему и въ ней оговорено право безбортнаго пользованія землею, но при этомъ наказано строго, что бы грамото-пользователь «не дерзаетъ принимать къ себѣ воровъ и боярскихъ людей бѣ- глыхъ съ животомъ, и татей, и разбойниковъ», а «если Григорій станеть не по сей грамотѣ ходити, или учнетъ воровати—и си наша грамота не въ грамоту».

Спусти четырнадцать лѣтъ послѣ дачи этой грамоты, а имен- но на другой годъ послѣ втораго посольства Кучума и вслѣдъ за убійствомъ имъ Чабукова, Иванъ Васильевичъ Грозный, оговаривая, что во вѣстияхъ съ Пермью отъ воеводы князя П. Ю. Булгакова дошли слухи о приходахъ на Пермь Черемисы, писать уже прямо о военныхъ дѣйствіяхъ:

«Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ жили съ великимъ береженьемъ; а выберетъ у себя юлову добра, ди съ нимъ охочихъ людей казиковъ, сколько приберется, по всякимъ ору- жиямъ, съ ручницами и съ сайдаки... А какъ юлову выберете и охочихъ людей...—посылами бѣ войною ходити и воевати павныхъ измѣнниковъ: на Черемису и Остяковъ, и на Вотьяковъ, и на Пойтъ, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложимся».

Уральскіе казаки и теперь повѣтъ пѣсно:

«Какъ на Волгѣ, да на Камышенѣ
—Казаки живутъ люди вольные.
«У казаковъ былъ атаманушка,
—Ермакомъ звали Тимофенчемъ».

А что были это за Ермакъ — по Сибирской исторіи кое-что извѣстно. Въ Суздаля жилъ посадскій человекъ Афанасій Григорьевъ Аленшгъ; не везло ему, бѣдняку, на родинѣ, онъ переѣхалъ въ Владиміръ и занялся извозомъ. Нужда заставляла его возить въ дѣса муромскіе людей недобрыхъ. Одна шайка такихъ молодцовъ попалась, да оговорила и Афанасія. Его взяли тоже въ тюрьму, но оправдали что ли, или за взятку съ его давателями выстѣ выпустили такъ, неизвѣстно; — только, ока- завшись на свободѣ, онъ переселился въ юрсецкій уѣздъ и тамъ померъ, оставивъ двухъ сыновей Родіона и Тимофея, пе- реселившихся на Чусовую, къ Строгановымъ. Тамъ у братьевъ семья завелась. У Родіона родились сыновья Дмитрій да Лука, а у Тимофея Гаврило, Фролъ да Висилій. Младшій былъ Васи- лій, по силѣ и рѣшительности превосходилъ далеко всѣхъ брать- евъ. Ходилъ этотъ Василій на стругахъ по Камѣ и по Волгѣ, гдѣ, въ бытность его кашеваромъ, товарищи прозвали его за крѣ- пость, можетъ быть и въ отношеніи желудка, — Ермакъ, что значить *жестокъ* — камень. Сколько лѣтъ ходилъ Ермакъ на стру- гахъ—трудно рассчитать; только надобѣть ему упорный трудъ—и бросивъ работу, прибралъ удалой силачъ артель, на свой страхъ, всякой бездомной сволочи, да съ нею просто сталъ обирать струга

проѣзжающихъ. Шалости этой вольницы росли и развивались по мѣрѣ удачъ и, наконецъ, Ермакъ съ шайкою рискнулъ на пред- приятіе смѣлое и обширное: сдѣлать наваденіе на населенный Сарайчикъ—главное гнѣздо Погаевъ; взяли его приступомъ и со- жгли, взявъ богатую добычу. Погайскій князь Урусь не хотѣлъ вѣрить, что бы этотъ подвигъ совершилъ быть не московскимъ пойскомъ—и, для очищенія себя отъ нареканія, Царь далъ при- казъ двинуть изъ Казани и Астрахани ратниковъ для поимки грабителей—и захваченныхъ казнить. Это было въ концѣ 1580 или въ началѣ 1581 г. Въ числѣ атамановъ, казнить которыхъ велѣно при посылкѣ извѣстія въ украинныя города, первымъ стоитъ имя Ивана Колыа—соратника и сподвижника Ермака; его имени однако нѣтъ.

Гроза эта заставила шайку спастись, разумѣется, туда, гдѣ не могла встрѣтиться съ ними, съ двухъ сторонъ идущая, воен- ная сила; по этому вольница направилась на востокъ къ Уралу и въ горы, въ Сибирь, покрайней мѣрѣ, на рѣку Чусовую, гдѣ жила такая же вольница—подъ именемъ вольныхъ пахарей на земляхъ Строгановыхъ, которымъ дальне возноса, положеннаго за землю, до жилищъ и дѣла не было. Здѣсь, Ермакъ, и шайка его, убавившись по время стало быть съ сохранившею добычу, могла бы жить припѣваючи; но гроза наѣдовъ Кучумовыхъ за- хребетниковъ была у всѣхъ въ свѣжей памяти. Кучумъ былъ изъ погаевъ, тактику которыхъ Ермакъ съ шайкою изучилъ, пускаясь на Сарайчикъ и оказавшись побѣдителями. Могли ли быть удачливѣе, особенно странныя такіе противники? Между тѣмъ, зная что Кучумъ много уже награбилъ, да въ лицѣ его ненависти тѣхъ же погаевъ, вызвавшихъ волжскую грозу, раз- рушившую житье на чужой счетъ въ Низовѣхъ,—Ермакова шай- ка, снабженная всякаго рода вѣрными свѣдѣніями о силѣ про- тивниковъ, переманила за Каменный поасъ. Горе было сдѣлать перевалъ этотъ, съ пошамъ на выкопкахъ или на плечахъ своихъ, а какъ только опытные въ дѣлѣ стройки струговъ молодцы до- брались до рѣки, достаточно водной для слага, то, окруженные дѣломъ, они не долго стали думать: какъ выдти изъ затрудненія. Построили струга и на нихъ поплыли въ Туру, съ которой на- чинался Кучумовъ юртъ. Въ немъ первое поселѣе было узлѣ князя Игнѣя (на мѣстѣ нынѣшняго Туринска). Дикари собра- лись защищать было свою собственность, но первые выстрѣлы изъ ручницъ (ружей) обратили ихъ въ бѣгство—пораженныхъ не- извѣстной силой. Слухъ о невозможности стоять противъ плов- цовъ, на стругахъ—полетѣлъ вдаль, предвѣщая ихъ поимленіе. На устѣхъ Тавды является новая толпа, предводимая близкимъ къ Кучуму сапошникомъ Таузаномъ,—и также разогнана ручницами и самъ предводитель представленъ Ермаку. Тренеша передъ обла- дателемъ боя, поражающаго чѣмъ-то сверхъестественнымъ, Таузанъ «повѣдалъ по ряду про сибирскихъ царей и князей, про мурзъ и улановъ и про царя Кучума». Ермакъ слѣдовательно добылъ такіа свѣдѣнія, которыхъ ему не откуда было еще получить, судя по степени точности и вѣрности. Какъ великій политикъ, выяснивъ Таузана, Ермакъ отпустилъ его: доканчи- вать, конечно, передъ Царемъ Кучумомъ дѣло казачьей прона- гадцы. Страхъ овладѣть не на вукку сыномъ Муртазы—и онъ собираетъ цѣлѣ своей защиты и ввѣряетъ ее батырю Маметъ-Кузу, сыну или брату своему. При урочищѣ Бабасоль, между Тавдою и Иртышемъ, встрѣтилъ этотъ герой пелама страшно- го противника, которымъ и былъ побѣжденъ, но долго оспаривалъ побѣду, не пугаясь грома ручницъ. Подѣ Чувашовымъ, гдѣ готовилъ Маметкулъ Ермаку засаду, онъ самъ былъ обманутъ противникомъ—и 23 Октября 1582 года, несмотря на прибытіе самаго Кучума на подкрѣпленіе, русская сила сломила погаевъ. Приступъ къ Чувашеву увѣнчался полнымъ успѣхомъ: Мамет- кулъ получилъ тяжелую рану, лишился чувствъ, увиселъ, и безъ него побѣдители окончили дѣло въ свою пользу. Кучумъ поте- рялъ и поддержку отъ остяковъ, только страхомъ смирившихъ погаями. Собрать Кучумъ свои пожитки и бѣжалъ куда глаза глядятъ. Столица его взята Ермакомъ, по—пустая!

Въ два мѣсяца Юртъ Кучумовъ поваленъ удачливомъ атама- номъ. И тутъ-то на казаковъ нашло раздумье: приходилъ по- рохъ къ концу; истощились запасы; сообщенія съ Русью нѣтъ, и глядитъ въ глаза—зима Сибирская! къ счастью, дѣла цвѣта- нились неожиданно. Явились князцы Остяцкіе и напезли запасовъ—необходимому гоштелю ненавистныхъ имъ погаевъ. О Кучумѣ и Маметкулѣ слуха нѣтъ. Эта неизвѣстность снѣрва му- чила казаковъ, незнавшихъ: гдѣ и что? готовыхъ видѣть вокругъ измѣну; но сила обстоятельствъ вылечила отъ боязни. Подкра- лись ногамъ къ оплошнымъ рыбаконамъ на Тоболѣ и перерѣзали ихъ снѣжнихъ (5 Декабря, на Абакѣхъ), но Ермакъ за это ко- варство заплатилъ погонею и плѣномъ героя Маметкула. Безъ него же Кучумъ еще больше увалъ духомъ. Больше этого, тот- часъ въ вступленіи въ Юртъ—столицу Кучумову, Ермакъ по- слалъ въ Москву атамана вѣрнаго, приговореннаго къ казни за волжскія шалости—Кольцо: съ повинною и повергнутиемъ къ сто- ламъ Государя новаго царства. Извѣстіе побѣдителя—виноватаго съ подаркомъ царства—послѣдовало, вѣроятно, вслѣдъ за отсы- лкой грозной грамоты царской Строгановымъ, но отпискѣ Чер- дынскаго воеводы Пелеведицына о незащитѣ Перми отъ вогулъ, черемисы и остяковъ, когда казачьи воровскія наики вмѣсто отпора ушли за каменный поасъ. Мы готовы вѣрить, что эта

грозная грамота взвела на Строгановых, по ложному слуху, небывалое преступление царской воли. Ермак действовал на свой страх, не на их, по сему и едва ли даже с извещением им своевременно. По присылке вѣстника Ермакова, посланца въ Сибирь воевода Болховской, которому вѣдѣно было выслать Маметкула и привести съ запасами и порохомъ, къ Ермаку 350 человекъ ратниковъ. Походъ ихъ замедлился и не могъ начаться раньше весны 1584 г., такъ что до него воротился Кольцо къ своему другу, въ годъ смерти Иоанна, то же испытывавшему удачу и неудачи, ожидая безплодно подмоги. Отправивъ Маметкула въ Москву возбудила всю злобу Кучума. Въ началѣ Августа 1584 г., услышавъ что бывший Царь Сибирскій, скитался недалеко отъ русскаго становища, не пускаетъ бухарцевъ, на стругѣ отправился Ермакъ до урочища Атбанъ на Вагаѣ и, застигнутый ночью, причалилъ къ острову; остановился на почлегъ и не принялъ никакихъ предосторожностей. Кучумъ скрылся подлѣ и, подъ шумъ бури и ливень дождя, напалъ на спя-

щихъ казаковъ. Одинъ спасся изъ нихъ. Ермакъ погибъ въ эту ночь, на 5-е Августа 1584 г. Узнавъ о смерти его—казаки бѣжали. Царское войско воротило ихъ, придя слишкомъ поздно. Кучумъ своимъ чернымъ дѣломъ не воротилъ власти. Являются искателями ея сынъ его Авей и племянникъ Етыгера Сейдакъ. Смирились три воеводы, когда, спустя семь лѣтъ, Кучумъ выступилъ на сцену за плѣненіемъ Сейдака, въ 1591 г. Его разбилъ князь Кольцовъ Мосальскій, на Ишимѣ. Еще черезъ семь лѣтъ, 20 Августа 1598 г. только, взятъ грозный и до конца непреклонный Царь Сибирскій воеводою Восейковымъ. Онъ самъ бѣжалъ съ дороги и скрылся у поганей, но ими убитъ; а плѣнные его шесть сыновей и жены отправлены въ Москву, и Царь Борисъ припѣлъ семью изгнанниковъ на русскіе хлѣбы. Вотъ какой типъ непреклоннаго, непросящаго пощады и до смерти сохранившаго свое достоинство, человека съ сильнѣйшимъ характеромъ, коварнаго, безпощаднаго, но великаго и въ самомъ несчастіи,—напоминаетъ намъ шлемъ Кучума.

Чистополь.

Московская Оружейная палата

Шлемъ Кучума.

рис. Коверзевъ гр. Динманъ.

Задолго до начала исторіи Россіи, въ предѣлахъ пышнѣйшей Казанской губерніи, по Волгѣ и Камѣ жили Болгары — народъ пышнѣйшій самостоятельное политическое существованіе.

Въ XIII вѣкѣ Болгарія была поработана Монголами, а потомъ вошла въ составъ особой татарской орды — Казанскаго царства.

Вотъ въ этомъ-то Казанскомъ царствѣ, часть котораго занимаетъ теперь Казанская губернія, на лѣвомъ берегу рѣки Камы процвѣтаетъ теперь узнанный городъ Чистополь.

Поселеніе на мѣстѣ пышнѣйшаго Чистополя существовало съ давняго времени; въ прошломъ столѣтіи это мѣсто было населено пришельцами разнаго рода и преимущественно помѣщичьими людьми, укрывавшимися отъ своихъ господъ. Около половины прошлаго столѣтія бѣглецы были высланы отсюда по принадлежности—и мѣсто поселенія съ этого времени получило названіе *Чистаго поля*; но оно вскорѣ быстро стало заселяться, благодаря удобствамъ мѣстности, такъ что въ 1782 году село Чистополь сдѣлано узнаннымъ городомъ.

Съ сѣвера, Чистополь прилегаетъ къ Камѣ и затону рѣки Прости. Затонъ этотъ идетъ вдоль большей части города и, по удобству для нагрузки хлѣба, вдоль всего своего берега обстроены амбарами.

Мѣстоположеніе города ровное съ легкою покатостью къ рѣкѣ Камѣ и затону; въ разстояніи 200 сажень отъ урвия весеннихъ водъ стоитъ некрутой и невысокій уступъ, вообще высота чистопольской мѣстности незначительна. По гребню уступа или берега расположена набережная, Простинская улица, а снизу подъ уступомъ улица Амбарная. Западная часть города стоитъ на 3 косогорахъ, раздѣленныхъ двумя большими оврагами, въ которыхъ текутъ рѣчки, Большая и Малая Бернятка, соединяющіяся въ одну и пониже Прости впадающія въ Волгу.

Окружность города простирается до 7 верстъ, прпчемъ земли подъ городомъ считается около 3 съ половиною тысячъ десятинъ,

и самъ городъ, имѣя болѣе тысячи домовъ, украшается болѣе чѣмъ пятьюдесятью каменными зданіями.

По своему торговому значенію, Чистополь занимаетъ первое мѣсто послѣ губернскаго города Казани. Хотя торговая дѣятельность этого города не обнимаетъ такихъ разнообразныхъ предметовъ какъ въ Казани, но за то по хлѣбной торговлѣ ему принадлежитъ первое мѣсто въ губерніи. Около 50 домовъ занимаютъ почти исключительно хлѣбную торговлю. Изъ которыхъ нѣкоторые изъ крупныхъ торговцевъ имѣютъ прямыя дѣла съ Рыбинскомъ и Петербургомъ, большая же часть сдаютъ свой хлѣбъ иногороднымъ оптовымъ торговцамъ и поставщикамъ казеннаго провіанта, который въ общей численности составляетъ по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ всего количества отпускаемаго съ этой пристани.

На базарѣ не увидишь ни одного воза: весь привозимый хлѣбъ еще за чертой города встрѣчаютъ мальчишки-татарченки, которые зазываютъ крестьянъ прямо на дворы къ купцамъ. Уже у себя дома начинаютъ покупатели торговаться; къ дѣлу обыкновенно приступаютъ, поднося стаканчикъ вина; такимъ же образомъ и заканчивается сдѣлка. Сверхъ угоденія, Мордва и Чуваши (жители Чистопольскаго уѣзда) любятъ получать деньги непременно мелкою и свѣтлою монетою, что и исполняютъ покупатели охотно. Дальнѣе поселеніе въ короткіе зимніе дни не пускаются въ обратный путь, а остаются почевать у того же хозяина, которому они продали свой хлѣбъ. Хозяинъ обязанъ накормить продавца и лошадь. Разумѣется, всѣ расходы по гостепріимству входятъ въ покупную цѣну.

Ежегодно изъ Чистополя отправляется до 1,000,000 четвертей хлѣба, овса и пшеницы. Отправка другихъ произведеній, сравнительно съ хлѣбомъ, представляетъ небольшія цѣнности, но все же сумма оборотовъ этой торговли простирается до 200,000 руб.

Смѣсь.

Въ Лейпцигѣ скончался Константинъ Тишендорфъ, знаменитый изслѣдователь древнихъ библейскихъ текстовъ и профессоръ Теологіи и Палеографіи при Лейпцигскомъ Университетѣ. Онъ родился въ Лангенфельдѣ 18-го Января 1815 года, а умеръ въ Лейпцигѣ 7-го Декабря 1874 года, отъ удара, который за послѣднее время повторялся съ нимъ уже нѣсколько разъ и такъ разстроилъ его здоровье, что задолго до смерти Тишендорфъ былъ уже не въ состояніи заниматься какой-бы то ни было умственной работою.

Съ 1834 по 1838 годъ слушалъ онъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, при которомъ въ 1840 году сдѣлался доцентомъ. Въ томъ же году удалось ему, съ помощью саксонскаго правительства, совершить огромное путешествіе. Сначала поѣхалъ онъ въ Парижъ, а тамъ, въ Англію, Голландію, Швейцарію, Египетъ, посѣтилъ монастыри Петрійской Пустыни, былъ на Синаѣ и въ Палестинѣ, всюду доискиваясь до незнакомыхъ и неразвѣданныхъ еще библейскихъ рукописей.

Трудъ его вознаграждался успѣхомъ, такъ какъ онъ находилъ весьма гажимыя древнія письмена. Дальнѣйшія свои путешествія совершалъ онъ съ 1849 по 1859 годъ—и въ послѣднемъ, сдѣланномъ на счетъ русскаго правительства, отыскалъ знаменитый «Codex Sinaiticus», самую древнюю греческую рукопись Библии.

По повелѣнію Императора Александра II-го, рукопись эта была издана четырехъ-томнымъ фоліантомъ въ день тысячелѣтія Россіи (въ 1862). Самого-же ученаго Государь щедро вознаградилъ милостями и почестями. Не только въ Россіи, но всюду, гдѣ проѣзжалъ Тишендорфъ, ему устраивали великолѣпныя встрѣчи, и много чиновъ и орденовъ досталось на его долю. Между прочимъ, во время послѣдняго пребыванія его въ Англіи, Кембриджскій и Оксфордскій университеты поднесли ему, по обычаю страны, патентъ на званіе «Доктора правъ», «Doctor of Law and Doctor of civil Law.»

Знаменитная Китайская стѣна не даромъ называется у поэта Камюэнса, въ его Луизиадѣ, самой величайшей постройкой въ мірѣ; дѣйствительно, крѣпость эта не имѣетъ ничего себѣ подобнаго по величинѣ. Раздѣляя Китайскую Имперію отъ Татарскаго Ханства, она начинается въ Нингѣ у Ляотунскаго залива, лежащаго на 25 миль сѣвернѣе Пекина. Точно пѣз волнъ подымается стѣна съ двухъ-прусной въ этомъ мѣстѣ пагодою или храмомъ, на которой съ 1861 года прусскими морскими кадетами съ корабля «Аркона» (зимовавшаго въ томъ году въ бухтѣ), артиллеріею, невольно бросающимися въ глаза каждому моряку буквами, написано имя «Кизелекъ».

До сихъ поръ еще навѣрное не опредѣлено время, когда началась постройка этого укрѣпленія, хотя принято считать за болѣе вѣроятное: начало—за 250 лѣтъ до Рождества Христова; окончаніе—въ 5-мъ столѣтіи послѣ Р. Х.

Итого, вмѣстѣ съ работою, эта замѣчательная стѣна существуетъ уже болѣе 2000 лѣтъ!! Употребленное изъ нихъ на постройку время, 700 лѣтъ, не покажется намъ слишкомъ громаднымъ, а скорѣе даже замѣчательно короткимъ, если принять во вниманіе, во 1-хъ, длину всей стѣны (отъ 350—400 миль), а во 2-хъ тѣ страшныя препятствія и затрудненія, которыя приходилось преодолевать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., тамъ, гдѣ проводили стѣну черезъ горы вышиною въ 5000 ф. Уже съ самаго начала, проходя отъ моря, по небольшой равнинѣ, тѣнется она по тремъ горнымъ хребтамъ, изъ которыхъ средній вышиною въ 4000 ф. а южный въ 2000 ф., и не взирая на неровности почвы, стѣна выдвигалась всюду одинаковой высоты.

Трудъ этотъ впрочемъ совершенно бесполезный, такъ какъ легко можно было обвести стѣну вокругъ этихъ горъ, не подымаясь на ихъ вершину. Ширина этихъ хребтовъ равняется двумъ нѣмецкимъ милямъ, а если принять въ расчетъ тѣ сотни большихъ и малыхъ неровностей, которыя приходилось уравнивать, то пожалуй выйдетъ и вдвое болѣе. Изъ этого видно, какой гигантскій трудъ долженъ былъ быть употребленъ для постройки одного только этого пространства, составляющаго сотую долю всего протяженія стѣны; прибавимъ къ этому—что всѣ тяжести поднимались вверхъ однимъ человѣческимъ руками.

Вопросъ, для чего китайскіе повелители настаивали на проведеніи стѣны по горамъ, останется навсегда нерѣшеннымъ.

Средняя высота постройки равняется 35 фут., включая сюда и 7 ф. занимаемыхъ бойницами верхней части стѣны. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ приходится углубленія или овраги, высота стѣны доходитъ до 80, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже до 100 фут. Снаружи со стороны Манчуріи стѣна вертикальна, внутренняя-же ея сторона отлогая, книзу все расширяясь. Средняя ширина нижней части 60 ф., а верхней 26 ф.

Не смотря на это, стѣна далеко не массивна, такъ какъ обшита она только съ двухъ сторонъ, внутри-же наполнена землею, а сверху замощена. Обшивка ея, толщиною въ 3 ф., состоитъ изъ сѣраго двойнаго кирпича, одинаковаго съ нашими величинами, и лежитъ на прекрасно-цементированныхъ гранитныхъ камняхъ. Съ внутренней стороны, во многихъ мѣстахъ уже кирпичъ сорванъ и пошелъ на постройку соседнихъ городовъ и селеній, наружная-же сторона прекрасно сохранилась, хотя во многихъ мѣстахъ подпоры разрушены и иногда даже на протяженіи 40 ф. ихъ вовсе не достаетъ.

Черезъ каждые 120 шаговъ наружная сторона стѣны оланкирована 4-хъ угольными выдающимися на 20-ть ф. впередъ башнями; внутренняя-же сторона стѣны имѣетъ такую-же оборону черезъ каждые 500 шаговъ. Эти башни чрезвычайно солидно выстроены и для болѣе крѣпости прорѣзаны продольными и поперечными стѣнами—и также какъ и вся стѣна снабжены бойницами, которыя однако по своей величинѣ и положенію не могутъ служить для пушекъ а только для ручнаго огнестрѣльнаго оружія.

Спрашивается, какая была цѣль этого колоссальнаго произведенія?

Защищать китайцевъ, этотъ спокойный и миролюбивый народъ, отъ постоянныхъ разбойничьихъ набѣговъ соседнихъ татарскихъ и монгольскихъ ордъ.

Но эта гигантская постройка не соответствовала своему назначенію, такъ какъ для защиты всѣхъ ея крѣпостей потребовалось бы столько миллионъ солдатъ, сколько не въ состояніи выставить вся Китайская Имперія; а потому, не взирая на эту стѣну, татары снова ворвались—и вотъ уже 200 лѣтъ какъ принадлежащіе къ ихъ племенн манчужей правятъ Небесной Имперіей и современно конечно разрушатъ окончателно возведенныя противъ нихъ укрѣпленія. До сихъ-же поръ, не смотря на всю ошибочность своего существованія, стѣна эта стоитъ и служитъ какъ бы живымъ свидѣтельствомъ энергіи и власти прежнихъ китайскихъ повелителей.

Одинъ Англичанинъ высчиталъ, что изъ всего ея матеріала можно было-бы выстроить стѣну, въ 3 ф. ширины и вышины вокругъ всего земнаго шара! Взявъ въ основаніе среднее число высоты 35 ф., окажется что стѣна имѣетъ на каждую милю 50 миллионъ кирпичей, что составитъ на 400 миль 20,000 миллионъ (каждый изъ этихъ кирпичей длиною въ 15, шириною въ 8, а вышиною въ 4 дюйма). Въ этотъ расчетъ однако не входитъ ни гранитный фундаментъ, ни даже верхняя часть (бойницы) стѣны.

Школа для маленькихъ дѣвочекъ въ Альбано. Жаръ былъ невыносимый. Раскаленная земля жгла намъ ноги; лучи солнца, подно тучъ копій, падали на наши головы и плеча.

— «Войдемъ сюда», сказалъ мнѣ молодой художникъ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ основалъ въ этой мѣстности свою мастерскую.

— «Куда войти? въ эту школу для маленькихъ дѣвочекъ?»

— «Отчего же нѣтъ? Тамъ по крайней мѣрѣ мы найдемъ немного тѣни.»

— «Но мы помѣшаемъ занятіямъ!»

Мой другъ разразился громкимъ смѣхомъ. Онъ переступилъ порогъ двери и, обращаясь къ наставницѣ по итальянски, просилъ ее прочесть ему заглавіе книги, которую онъ взялъ у меня изъ рукъ и положилъ передъ ея глазами.

Бѣдная женщина съ удивленіемъ посмотрѣла на него и призналась, что скоро уже двѣ недѣли, какъ она потеряла свои очки (навѣрно какая нибудь негодная дѣвчонка спрятала ихъ).

Мой другъ извинился и сказалъ мнѣ по французски.

— «Безъ очковъ или съ очками, вы думаете, что это бѣдное созданіе въ самомъ дѣлѣ преподаетъ что нибудь маленькимъ дурочкамъ? Впрочемъ, онѣ очень занимательны съ ихъ взъерошенными волосами, въ платьяхъ, надѣтыхъ какъ попоало, съ ихъ маленькими голыми плечами и со всѣми ихъ дѣтскими прелестями. Я сейчасъ набросаю двухъ или трехъ изъ нихъ и начну съ этой, которая смѣется намъ въ лицо.

И безъ всякой церемоніи онъ развернулъ свой портфель, сѣлъ на скамейку, очинилъ карандашъ и велѣлъ ученицѣ принять позу.

Дѣти, даже и въ Италіи, любятъ смотрѣть, какъ рисуютъ.

Дѣвочка съ удовольствіемъ согласилась исполнить желаніе живописца и кокетливо помѣстилась, шагахъ въ десяти отъ него, опершись на одну изъ своихъ подругъ.

Всѣ прочія сѣлись и оцѣнили ихъ. Въ это время старушка заснула.—«Видите, какъ онѣ вдругъ сдѣлались скромны и внимательны», сказалъ живописецъ, «притомъ же я имъ даю родъ урока рисованія. Онѣ болѣе научатся, смотря какъ я рисую, нежели занимаясь по ихъ книгамъ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Мы нисколько не мѣшаемъ здѣсь, повѣрьте, что напротивъ....

Затѣмъ художникъ сдѣлалъ нѣсколько карикатуръ и раздалъ ихъ вокругъ себя. Рисунки были приняты съ восторгомъ.»

Я зашелъ опять въ одинъ изъ слѣдующихъ дней въ школу, желая составить себѣ понятіе объ результатахъ преподаванія: самыя прилежныя ученицы кое-какъ складывали буквы,—вотъ и все.

Подобныя школы можно встрѣтить еще во многихъ странахъ. Но, въ настоящее время, въ Италіи первоначальное обученіе дѣлается громадные успѣхи. Государство жертвуетъ уже болѣе значительныя суммы на преподаваніе. При 1000 франковъ общихъ расходовъ, Италія даетъ на образованіе 17 франковъ, между тѣмъ какъ Франція даетъ только 11, а Австрія 14. Число народныхъ школъ увеличивается и выборъ наставниковъ былъ бы менѣе труденъ, нежели въ различныхъ частяхъ Европы, если бы имъ могли немного лучше платить, ибо въ Италіи жить очень дешево. Въ 1863 году считалось 22,760 школъ при сельскихъ обществахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ школы встрѣчаешь повсюду, даже на открытомъ воздухѣ и въ лѣсу. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ одинъ французскій ученый, Г-нъ Пуссиль, который путешествовалъ по штату Кентукки. «Однажды вечеромъ, входя въ густой лѣсъ, нѣсколько порѣдѣвшій отъ недавней рубки, посреди которой возвышался огромный навѣсъ изъ тесу, мы были очень удивлены, видя около сотни маленькихъ горныхъ лошадей, привязанныхъ къ колыямъ, расположеннымъ вокругъ входа въ это деревенское зданіе, откуда вылетало жужжанье смѣшанныхъ голосовъ. Это была школа. Дѣти отъ 6 до 12 лѣтъ сидѣли на скамейкахъ и приходили по очереди отвѣчать свой урокъ передъ учителемъ благородной наружности, сидящимъ отдѣльно за столомъ. Всѣ эти возбужденныя маленькія фizioноміи посреди пустыни составляли очаровательное зрѣлище.

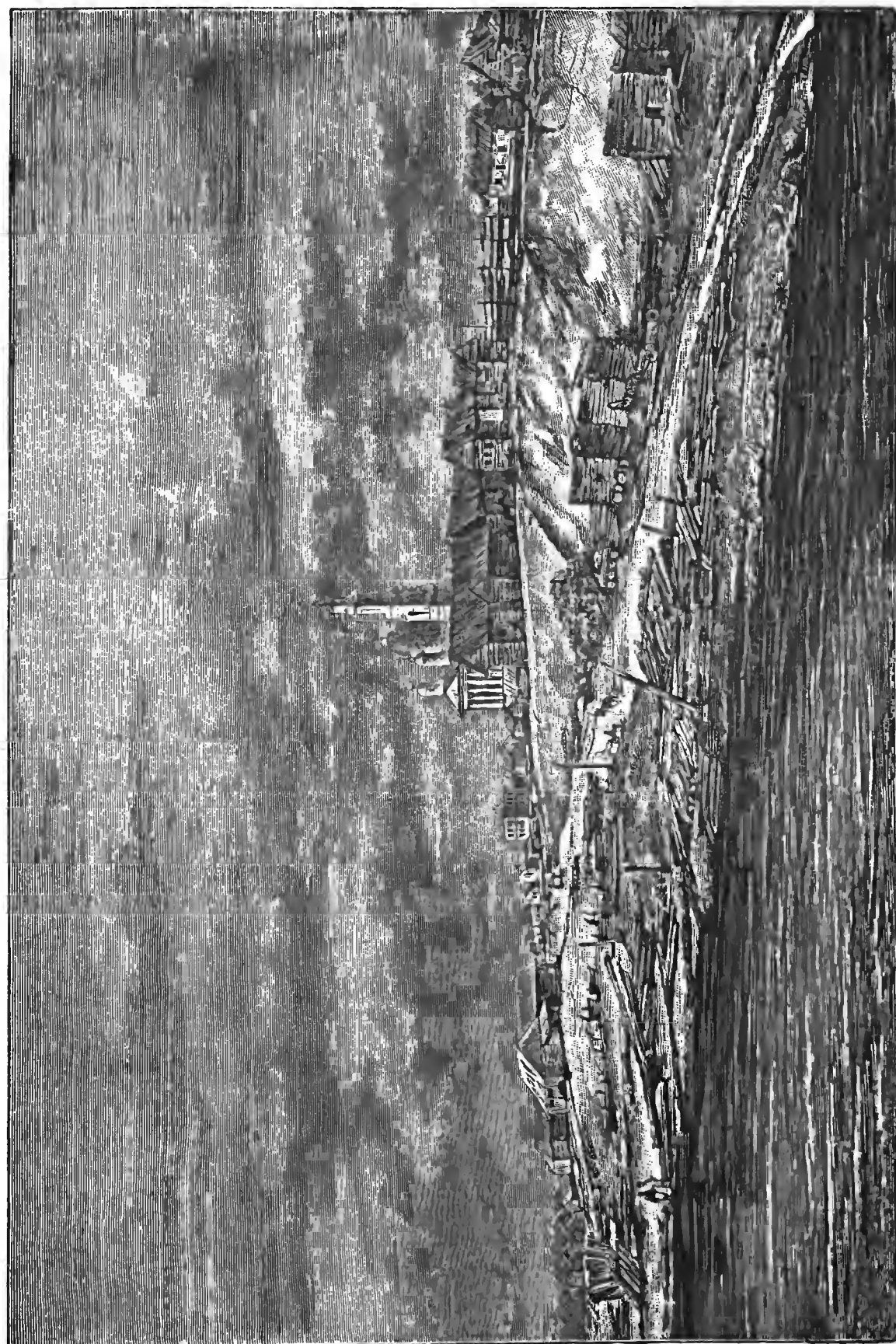
Урокъ былъ близокъ къ концу—и каждый ученикъ подходилъ къ учителю для полученія отъ него удостовѣренія въ присутствіи на урокъ, назначеннаго для родителей.

Ребенокъ весело выбѣгалъ затѣмъ изъ класса и, вскочивъ на своего конька, потрясал фуражкой, съ крикомъ ура, пускался въ путь къ дому родителей.

Когда никого болѣе не осталось, учитель присоединился къ намъ, чтобы идти обратно въ деревню Христіанбургъ, гдѣ онъ жилъ и куда мы намѣревались идти спать.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ весьма почтенный человѣкъ, совершенно вѣрно сознававшій всю нравственную важность своего занятія. Онъ намъ объяснялъ по дорогѣ, что такъ какъ онъ одинъ не имѣлъ возможности ходить давать частные уроки по всѣмъ одиноко расположеннымъ въ окрестности фермамъ, то ему выстроили родъ сарая, по возможности въ центрѣ кантона, и что два раза въ недѣлю онъ ходитъ туда давать уроки чистописанія, чтенія, ариметики и исторіи.

Дѣти ходятъ къ нему за шесть лѣ въ окрестности, и онъ насъ увѣрялъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто изъ нихъ опоздалъ къ часу, назначенному для открытія класса.

Городъ Чисгополь. Съ авторели проф. Боголюбова рисов. Космаковъ, грав. Напѣръ.

Истинно, как прочно установилось первоначальное обучение в Соединенных Штатах. Оно особенно старается создать граждан достаточно-образованных, чтобы они могли впоследствии разумно интересоваться общественными делами. Приучают детей внимательно читать жизни великих людей, которые почтили, прославили и обогатили отечество. Таким образом дети рано дѣлаются серьезными. Почти невозможно найти в Соединенных Штатах мужчину или женщину, которые не умели бы читать, писать и считать.

Нѣтъ ни одной хижины, въ которой, какъ бы бѣдна ни была она, не встрѣчалось бы книгъ.

— «Просвѣщайте народъ!» было первымъ поставленнымъ, которое далъ Вильямъ Пеннъ, учреждая штатъ Пенсильванію.

«Просвѣщайте народъ!» было послѣднимъ завѣщаніемъ, которое далъ Вашингтонъ республикѣ.

«Просвѣщайте народъ!» постоянно повторялъ Джефферсонъ.

Слышите ли погода такое замѣчаніе:—Просвѣщеніе помогаетъ ли нравственному улучшенію американцевъ?— Можно на это отвѣтить:

Лучше ли было бы, еслибы ихъ оставляли въ самомъ грубомъ невѣжествѣ?

Молочная пища какъ причина тифозной горячки. Въ Дублинскомъ Медицинскомъ журналѣ, за ноябрь прошлаго года, былъ помѣщенъ отчетъ, представленный однимъ докторомъ дѣлавшимъ наблюденія надъ происхожденіемъ тифозной эпидеміи, которая (по его словамъ) въ 6 или 7-ми различныхъ мѣстахъ начиналась отъ употребленія испорченнаго молока. Для подтвержденія этого онъ приводитъ слѣдующіе примѣры: въ одномъ домѣ двое изъ прислуги или подозрительное на видъ молоко, двое-же другихъ отказались его пробовать; первые заболѣли тифомъ—вторые-же остались здоровыми. Въ другомъ домѣ десять человѣкъ прислуги или испорченное молоко. Изъ нихъ 5 заболѣло. Хозяева-же, которые покупали свое молоко въ другомъ мѣстѣ, остались живы и здоровы. Также, изъ троихъ дѣтей, двое напившись молока тотчасъ-же заболѣли, а третій, полюбившій его, остался здоровымъ. Отъ кнженія испорченности молока терпѣла свою силу. Во время эпидеміи оказалось, что изъ 62-хъ заболѣвшихъ, 59 брали молоко въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Когда накрыли поставщика его и продажа молока въ его лавкѣ была запрещена—эпидемія прекратилась. Во всѣхъ этихъ случаяхъ безпечность, нечистоплотность или алчность продавцевъ—приносили съ собою страшную болѣзнь, и не только тифозная, но и скарлатинная эпидемія началась въ Шотландіи (въ Сентъ-Андрюсѣ) по той же причинѣ. Вслѣдствіе этого во многихъ городахъ Англіи принавлено по одному хорошо-знающему молочное дѣло человѣку—обязанность котораго наблюдать, дабы молоко не продавалось испорченнымъ.

Не мѣшало-бы и у насъ завести такой же порядокъ!

Средство противъ водобоязни. Страшная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ водобоязни, зарождается, говорятъ, въ организмѣ собакъ и кошекъ—и передается человѣку и другимъ животнымъ посредствомъ укушенія животнаго, страдающаго этимъ ужаснымъ недугомъ. Припадки водобоязни у человѣка—ужасны. Онъ тоскуетъ, мечется изъ угла въ уголъ, его мучитъ жажда, но онъ пить не можетъ, потому что видъ воды производить у него судорогу въ глоткѣ—и онъ, при всемъ желаніи, не можетъ проглотить ни капли. Передъ смертію онъ начинаетъ гусаться, кусаетъ одѣяла, подушки, даже твердые предметы, и нѣкоторые больные упрямиваются, чтобы ихъ связали, потому что они не могутъ удержаться, чтобы не кусать своихъ близкихъ или тѣхъ кто за ними ходитъ. При случаѣ, они схватываютъ зубами неосторожно поднесшую къ нимъ руку и впадаютъ въ нее зубами съ яростію взбѣшеннаго дикаго звѣря. Случается, что на нихъ находятъ минуты просвѣтленія, они чувствуютъ что умираютъ, прощаются съ окружающими и опять выдаютъ въ порывы бѣшенства, котораго картина неописуемо-ужасна. Вырженіе лица человѣка, умирающаго въ водобоязни, долго снится всякому, кто видѣлъ его вблизи: это—на темномъ фонѣ обыкновеннаго выраженія сумасшедшаго, пріекъ, довольно долго остающіеся приблизки звѣрской злобы.

Множество средствъ было предложено противъ этой страшной болѣзни; но вырзыванье и выжиганье раны пособляетъ не всегда, особенно если сдѣланы не тотчасъ послѣ укушенія и нѣ успѣвъ вросаться. Между тѣмъ существуютъ свѣдѣтельства несомнѣнно-достоверныхъ людей, показывающія, что есть обладатели секретныхъ какихъ-то средствъ, безошибочно излечивающіе вся случаи начинающагося бѣшенства. Нечего и говорить, что это люди неученые.

Пусть же теперь люди науки изслѣдуютъ это дѣло на основаніи слѣдующей мысли и слѣдующихъ фактовъ, о которыхъ легко могутъ судить читатели.

Въ Америкѣ между охотниками существуетъ убѣжденіе, что скорпионъ или скунскъ, извѣстный горный звѣрокъ, котораго мѣхъ употребляется на воротники и шубы,—всегда бываетъ бѣшенъ, что его укушеніе всегда бываетъ смертельно, и смерть съ болѣе или менѣе ясными признаками водобоязни приключается въ періодъ времени отъ десяти дней до года. Это замѣчено на людяхъ и на собакахъ, и въ этомъ фактѣ не сомнѣвается ни одинъ

охотникъ, ни одинъ мѣховщикъ, ни одинъ врачъ, практикующій въ бранхъ, гдѣ скунсы водятся. Въ подтвержденіе этого мнѣнія невольно вспоминается, что принадлежащія къ тому же семейству воючекъ, ритогины, наши хорьки, горностаи, ласки, соболи и кунцы пользуются у нашихъ русскихъ охотниковъ тоже очень дурною славой:—«Собаку ты въ суму не пуничай!»—говорилъ мѣх охотникъ мужикъ въ Крестецкомъ уѣздѣ;—когда сжель раненъ, молодая собака яво хватить, а онъ вышнётся въ морду—пришла собака: у лво зубъ съ ядомъ». У меня самого пропала драгоценная собака съ очень подозрительными припадками, похожими на водобоязнь. Она подохла въ январѣ или въ февралѣ, а хорекъ укушалъ ее мѣсяцевъ за пять, въ августѣ.

Правѣно очень хорошо, что *rust hoc* не значитъ еще *propter hoc*; но очень большое число наблюденій и общее у всѣхъ охотниковъ существующее убѣжденіе заставляютъ падъ этимъ фактомъ, надъ *довитымъ зубомъ* хорька, призадуматься.

Далѣе извѣстно, что всѣ воючки обладаютъ болѣе или менѣе развитымъ аппаратомъ, отдѣляющимъ нѣкоторое вещество съ очень сильнымъ запахомъ. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ двухъ особенныхъ желѣзокъ, а выделяемое вещество бываетъ или бѣлое, или желтоватое, обладаетъ запахомъ гораздо болѣе сильнымъ и устойчивымъ, чѣмъ мускусъ; если вдыхать этотъ запахъ долго, то онъ производитъ тошноту, за которую слѣдуютъ иногда опасные спазмы въ желудкѣ. Въ небольшихъ пріемахъ это вещество дѣйствуетъ какъ вѣрное противуспазмодическое средство.

Вотъ и все. Можно изъ приведенныхъ фактовъ сдѣлать безъ большой натяжки слѣдующій выводъ: если дѣйствительно укушеніе хорька производитъ болѣзнь, тождественную съ водобоязнью, если въ самомъ дѣлѣ доказано будетъ, что нѣкоторые желѣзки по рту видовъ *Mustela*, *Merbitis* и *Ritoginis* отдѣляютъ слюву, равняющуюся по ядовитости слювѣ бѣшеннаго волка или собаки, а между тѣмъ сами носители и производители этого постояннаго яда, сколько извѣстно, остаются при этомъ живы и, по своему, здоровы,—то не слѣдуетъ-ли изъ этого, что они сами не издыхаютъ всякій день отъ водобоязни только потому, что они носятъ съ собою тоже постоянно отдѣляемое противоядіе, именно въ воючкихъ желѣзкахъ? Да еще кто знаетъ, не слѣдуетъ-ли предположить, что въ случаѣ болѣзненнаго прекращенія отдѣленія воючкихъ желѣзокъ, хорьки и скунсы издыхаютъ съ припадками водобоязни? Не слѣдуетъ-ли считать, что случаи бѣшенства волковъ и собакъ происходятъ не отъ произвольнаго зарожденія яда въ организмахъ этихъ животныхъ, а именно отъ укушенія хорьками или кунцами, которыя можетъ быть бываютъ потомъ заѣдены, а съ голодухи можетъ быть и съѣдены, а все таки ихъ укушеніе отзывается потомъ зарожденіемъ страшной болѣзни.

Какъ бы то ни было, отысканіе средства противъ ужаснѣйшей изъ болѣзней составляетъ такое важное, такое благодѣтельное дѣло, что вопросъ этотъ требуетъ серьезной разработки. Наши общества охоты, наши общества покровительства животнымъ и ветеринарный институтъ имѣютъ на это всѣ средства. И вопервыхъ, общества охоты должны собрать возможно большее число достоверныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ касательно укушенія людей и собакъ хорьками, горностами и тому подобнымъ воючками и доставить прямо въ ветеринарный институтъ—собакъ, несомнѣнно укушенныхъ ими, для дальнѣйшихъ серьезныхъ наблюденій. Далѣе должно быть въ широкіхъ размѣрахъ испытано впрыскиваніе подъ кожу животныхъ, несомнѣнно бѣшеныхъ или укушенныхъ бѣшенными, воючей ядкости или ея препаратовъ. Для подобныхъ опытовъ существуетъ у насъ въ Петербургѣ агентство совершенно готовое, какъ будто нарочно для этого придуманное. Это петербургское Общество охоты, существующее при петербургскомъ Обществѣ покровительства животнымъ. Общество охоты есть такъ сказать субкомитетъ Общества покровительства животнымъ. Субкомитетъ имѣетъ цѣлью, кромѣ главной цѣли Общества, противодѣйствовать неправильному разорительному истребленію дичи. Онъ, субкомитетъ, состоитъ изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ, конечно готовыхъ служить полезному дѣлу, совпадающему съ цѣлями главнаго Общества, въ особенности-же снатию съ собики обвиненія въ томъ, будто въ ней зарождается одинъ изъ страшнѣйшихъ ядовъ,—обвиненія, справедливость котораго не только не доказана, но, вѣроятно, доказано будетъ противоположное. Что касается до ветеринарнаго института при нашей Медикохирургической академіи, то нечего и говорить, что онъ сосредоточиваетъ въ себѣ лучшія наши умственные силы по части ветеринарныхъ наукъ, и опыты будутъ производиться съ тѣмъ вниманіемъ, какое требуется возможностью этого благодѣтельного дѣла.

Мы знаемъ очень хорошо, что есть серьезные врачи, которые скептически относятся къ водобоязни и считаютъ ее первымъ припадкомъ, осложненнымъ дѣйствіемъ воображенія. Но это значитъ только, что имъ не случалось видѣть большого, умирающаго въ водобоязни. Да если бы даже они и были правы, то представляющееся весьма вѣроятнымъ дѣйствительное лекарство отъ такъ-называемой водобоязни было-бы все таки вѣрнымъ средствомъ противъ ужасающихъ, смертельныхъ первыхъ припадковъ, осложненныхъ только роковымъ дѣйствіемъ воображенія, которое ведетъ прямо къ смерти.

Разныя Извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Въ четвергъ 2-го января, исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня назначенія Его Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича Шефомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. По этому случаю командиры и все офицеры этого полка, какъ служащіе въ полку въ настоящее время, такъ и служившіе прежде, собрались, сообщая въ „Русскомъ Инвалидѣ“, 2-го января, въ 10½ часовъ утра, въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ Его Высочества, для привѣсенія поздравленія своему Шефу.

— Высочайше повелѣно по случаю кончины Герцога Евгения Виртембергскаго наложить трауръ при Высочайшемъ Дворѣ на восемь дней съ обыкновенными раздѣленіями, включая этотъ трауръ въ тотъ, который уже носится по Курфюрсту Рессенскому.

Дѣйствія правительства.

Ощипъ обзоръ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1875 годъ.

Въ роснѣе на 1875 г. писано:	
Доходы.	
Обыкновенныхъ Государственныхъ доходовъ	532.306.209 р.
Оборотныхъ поступленій	18.864.204 „
Ресурсы, специально назначенныя на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройство портовъ	8.190.780 „
Всего доходовъ	559.361.193 р.
Расходы.	
Обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ	525.050.426 р.
На подборъ изъ окладныхъ сборовъ	4.000.000 „
Оборотныхъ расходовъ	18.864.204 „
Временныхъ, изъ специальныхъ ресурсовъ, расходовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройство портовъ	8.190.780 „
Всего расходовъ	556.105.410 р.
Превышеніе въ доходахъ	3.255.783 „
	559.361.193 р.

— Государь Императоръ, 5-го декабря 1874 года, Высочайше повелѣлъ сформировать: „Приостановить и временно дальнѣйшимъ учрежденіемъ совѣтъ присяжныхъ новгородскихъ въ округахъ тѣхъ судебныхъ палатъ, гдѣ оныя до сего времени еще не открыты.

— Высочайше повелѣно: Государственные земскіе сборы, въ размѣрѣ окладовъ, утвержденныя по сѣбамъ и раскладкамъ на трехлѣтіе съ 1875 г., присоединить съ 1-го января 1875 г. къ доходамъ Государственного казначейства, наравнѣ съ прочими казенными сборами. Затѣмъ составленіе сѣбѣ и раскладкамъ государственнаго земскаго сбора по трехлѣтіямъ отменяется.

Высочайше повелѣно: „Время, проведенное во вступленіи приговора въ законную силу въ тюремномъ заключеніи лицами, присужденными къ одержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, въ крѣпости, въ рабочемъ или смѣрительномъ домѣ, въ тюрьмѣ или подѣ арестомъ, записывается въ опредѣленный приговоромъ срокъ“.

Высочайше повелѣно: Лидей князя Безбородко въ Нижній переобразовать, въ 1875 году, въ историко-филологическій институтъ князя Безбородко, на основаніи Высочайшихъ утвержденныхъ устава и штата Императорскаго историко-филологическаго института.

Военное и морское дѣло.

О выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1874 году.

Всего по Европейской Россіи должно было вынуждено 698.736 чел., въ томъ числѣ неизбѣжающихъ права на льготу по семейному положенію 346.673, а лицъ призываемыхъ сословій 12.554. По развѣсткѣ на это число призываемыхъ назначено было взять новобранцевъ 144.934 человека, что составило около 1/3 всего числа призываемыхъ и около половины незачтенныхъ. Назначенное число новобранцевъ въ было принято безъ подбора, за исключеніемъ: 1) 109 человекъ по Таврической губерніи, вслѣдствіе неимѣнія, огласно Высочайшему повелѣнію 11 ноября, бѣжавшихъ татаръ послѣдующими жеребьями

и приостановленія, по Высочайшему повелѣнію 27 ноября, призыва къ исполненію воинской повинности болгаръ, водворившихся въ 1861 году; 2) 2-хъ человекъ Инфандской губерніи и 20-ти человекъ Бессарабской губерніи, за отсутствіемъ значительнаго числа лицъ отъ явки къ призыву. Вообще число неявившихся къ призыву и освѣдѣствованію составляетъ 24.330 человекъ — 3 1/2% общего числа призываемыхъ. Уклоненіе это почти не касалось крестьянскаго сословія и ограничивалось почти исключительно и въ особенности еврейскимъ. Для набора назначеннаго по развѣсткѣ числа новобранцевъ была освидѣствована 1/3 часть общего числа выпущенныхъ жеребій, причѣмъ около 1/4 забраковано, а 1/10 получила отсрочку по невозможности или до выздоровленія. Несмотря на вышеуказанныя уклоненія отъ призыва, наборъ почти по космическимъ лицамъ, имѣющихъ право на льготу по семейному положенію. Всего принято льготныхъ: 3-го разряда 385 человекъ, 2-го 226. Принадлеженіе льготныхъ касается преимущественно губерній царства Польскаго, а въ внутреннихъ губ. рѣхъ — оставляется лишь рѣдкое исключеніе. Но число женатыхъ, оцѣною значительное: 53.639 человекъ, болѣе 1/3 всего числа новобранцевъ. Лица призываемыхъ сословій поступило въ войска 3.161 человекъ, 2 1/2% общего числа новобранцевъ; получили отсрочку для окончанія образованія 1.887 человекъ, 1/3 часть всѣхъ лицъ призываемыхъ сословій, подлежащихъ призыву. Ресурсы въ кавалеріи зачтено 884, около 1/2% числа, сдѣланнаго по развѣсткѣ новобранцевъ.

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ сообщаютъ, что Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа приказалъ извѣщать объ этомъ по войскамъ, что всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ Высочайшимъ разрѣшено посѣщать театры, събывая слѣдующія правила относительно занятія мѣстъ: 1) нижніе чины унтеръ-офицерскаго званія могутъ быть какъ въ креслахъ, такъ и въ ложахъ, но въ креслахъ не ближе 7-го ряда, а въ ложахъ не ближе 2-го яруса. 2) Нижніе чины рядового званія въ креслахъ быть не могутъ въ рядахъ, а могутъ быть только въ ложахъ, начиная съ 3-го яруса, на балконахъ и въ галлереяхъ. При посѣщеніи театровъ всѣ вообще нижніе чины должны быть въ той формѣ, какая для того установлена, но въ мундирахъ, каскахъ и при оружіи.

— Въ сообщаемыхъ обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству свидѣній видно между прочимъ, что въ 1874 году учреждены мореходные классы: въ Одессѣ, Таганрогѣ, въ Патрической полости Архангельскаго уѣзда, и въ Куинернскомъ селеніи, Онежскаго уѣзда. Въ началѣ настоящаго года будутъ учреждены также же классы: въ деревнѣ Гайнцѣ, Инфандской губерніи, три класса въ сѣверо-восточномъ въ настоящее время одного, и по одному классу въ деревнѣ Ринукѣ, близъ Рига, въ Балтійскомъ Портѣ, въ Аккерманѣ, въ Керчи, въ Астраханской губерніи: въ поселкахъ Тинковѣ, Вахрамевкѣ и въ гор. Астрахани. Мореходную школу при С.-Петербургскомъ рѣчномъ яхт-клубѣ, на устройство которой уже собрано болѣе 4.250 рублей, предполагается открыть на осмѣхъ основанія въ будущемъ году. Въ Нижнемъ-Новгородѣ имѣется въ виду учредить классы для рѣчного и морскаго плаванія. Въ скоромъ времени предполагается приступить къ учрежденію классовъ въ Нотѣ (городъ жондуется по 600 рублей въ годѣ), Апахѣ, Ейскѣ, Бердянскѣ, Азовѣ, Севастополѣ, Одессѣ, Красномъ-Яру, Ливанѣ (городъ жертвуетъ по 500 руб. и желаетъ учрежденія трехъ классовъ въѣздомъ пѣшпѣшного одного пѣшпѣшного класса), въ Ревелѣ, Гавсѣ, Перновѣ и въ Курляндскихъ имѣніяхъ: Полангѣ и Ангорѣ. Затѣмъ идетъ переписка объ учрежденіи мореходныхъ классовъ въ Ростоки-на-Дону, Старочеркаскѣ, Аксайской станицѣ и Голой пристани.

Промышленность.

— На Мурманскомъ берегу къ навигаціи 1874 года рыбное ловленіе занимались 3.438 человекъ на 817 промысловыхъ лодкахъ. Количеству выловленной рыбы преслѣжалось до 457.000 пудовъ, цѣною на 256.000 руб. По величинѣ расходовъ на организацію промысла, чистый доходъ можетъ быть опредѣленъ приблизительно въ 128.000 руб. Цѣна на рыбу въ теченіе лѣта имѣ-

валась: въ началѣ промысла, когда рыба требовалась для нагрузки судовъ въ С.-Петербургѣ, треска продавалась 40 — 50 к. и доходила до 60 коп. за пудъ въ свѣжемъ видѣ, а затѣмъ цѣна на нее стояла болѣею частью отъ 30 до 40 коп. пудъ; палтусина продавалась отъ 80 к. до 1 р. 60 коп., а сайда съ пикнутой отъ 20 до 30 коп. пудъ.

— Эксплуатация нефти въ Вуйнѣ — въ Кіевской губерніи — быстро развивается. На мѣстѣ добыванія нефти возведено уже нѣсколько деревянныхъ построекъ, а владельцы имѣнія выписали изъ Галиціи опытнаго мастера для наблюденія за предстоящими развѣдками. Становится ярено уже торговля мѣстной неочищенной нефтью и обычае съ ея разнѣхъ базарахъ высто дѣтѣ.

Сельское хозяйство.

— Работы по прорытію канала для орошенія Голодной степи начали 10-го ноября 1874 года. При открытіи этихъ работъ присутствовали, какъ сообщаютъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“, военный губернаторъ Сыр-дарьинской области, генералъ-лейтенантъ Голопачевъ. Рабочихъ на первый разъ собрано было 6.000 человекъ, изъ Ходженскаго уѣзда, на 14 дѣй; длина линіи работъ 4 версты сѣмью, средняя ширина вымоки 126 сажень; вынуты земли и отнесено въ кавальеры 10.766 кубовъ. По проекту, каналъ долженъ питаться водою изъ рѣки Сыр-Дары, имѣя живое сѣченіе въ 400 квадратъ футовъ и расходуя въ секунду 1.200 куб. футовъ воды, орошать трехпольное хозяйство въ 120.000 десятинъ, изъ которыхъ 40.000 десятинъ могутъ быть постоянно заняты посѣвами. Орошеніе Голодной степи, прибавляя извѣстная газета, принесетъ огромную пользу жителямъ Ходженскаго уѣзда, гдѣ земли, способной къ производительности, весьма мало, по недостатку въ водѣ. Насколько нуждаются въ распространеніи орошенныхъ плодородной земли жители сѣвернаго Ура-любискаго района, видно изъ того, что они продаютъ уже не землю, а воду. Кромѣ того и Джанкский районъ получить значительныя выгоды отъ предстоящаго орошенія Голодной степи. Узнать о начинающихся работахъ по проведенію арыка, Джанкские жители стали просить дозволенія произвести всѣ работы на свой счетъ, съ тѣмъ чтобы имъ предоставлено было право владѣнія орошенною землею. Если прибавить къ этому, что въ лежащемъ тутъ же за Голодной степью Зарыинскомъ округѣ орошены уже всѣ пригодныя къ тому мѣста, такъ что остаются безъ воды только возвышенныя плоскости (чухъ), а Бусарский оазисъ въ то время орошенъ, то будетъ понятно, какое огромное значеніе имѣютъ н.ч. тѣмъ работѣ по проведенію канала, который дастъ для обработокъ 120.000 десятинъ плодородной, превосходной земли.

Несчастія.

12-го декабря, утромъ, чрезъ города Тамбовъ, Козловъ и Моршанскъ пронеслась съ югозапада сильная буря, продолжавшаяся нѣсколько часовъ свирѣе. Бурею этою въ Тамбовѣ сорваны и повреждены желѣзныя крыши на 45 зданій, сверхъ того повалено нѣсколько заборовъ и незначительныя строения; въ Козловѣ также сорваны со многихъ домовъ желѣзныя крыши, сбиты со столбовъ фонари, повалены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ телеграфныя проволоки и причинены разныя другія поврежденія; въ Моршанскѣ сорваны желѣзныя крыши съ 2 церквей, 20 каменныхъ домовъ и 4 каменныхъ торговыхъ кортуса; въ пригородныхъ слободахъ пострадали то же крыши домовъ и сорвано до 15 вътрѣшнихъ мельницъ; въ городскомъ сенокосѣ бору повалено около 3.000 большихъ деревъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Всплывающіе огоньки (Автобіографія Протопопа). Соч. Н. С. Лѣнова (Стебникова) (продолженіе). — Юморъ тѣлесныя очерки (съ рисункомъ). — Литературный альбомъ „Вѣстникъ дугъ“ Тургенева (рисунки В. Маковского). — Сонъ подъ микроскопомъ. — Василиса Прокрестная. Русская народная сказка (съ рисункомъ). — Шлюхъ Кутуза (съ рисункомъ). П. Н. Петрова. — Городъ Уингсаль (съ рисункомъ). — Сѣнь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СѢМЯННОЕ ДѢЛО

Федора Васильевича Шульца

ВЪ МОСКВѢ, на Мясницкой, домъ №760а

имѣетъ честь уведомить, что прейсъ-курантъ сѣментамъ, хлѣбнымъ и проч. экономическимъ, огороднымъ, дѣточнымъ и дресвянымъ, изъ печати вышелъ и разсылается желающимъ его имѣть чрезъ почту бесплатно.

Съ будущаго Января мѣсяца
ВЪ ГАЗЕТѢ

„РУССКІЙ МІРЪ“,

Начнется печатаніе исторической повѣсти

Вс. В. КРЕСТОВСКАГО:

„ДѢДЫ“.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БЪЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

для мужского и
женского пола, какъ
и для дѣтей,
изъ фабрики

МЕЙ И ЭДЛИХЪ, ВЪ ЛЕЙПЦИГЪ,

въ самомъ скоромъ времени доставало себѣ благосклонность знатѣйшихъ классовъ челоѣческаго общества, какъ по своей изящности, по своимъ практическимъ и хорошо пущимъ фасонамъ, по своей крѣпости и чрезвычайной удобности, которую оно подаетъ всякому имъ пользующемуся (мыть и гладить совсѣмъ не существуетъ здѣсь), такъ и по своей дешевой цѣнѣ, и по своимъ большимъ преимуществамъ предпочитается оно во всей Европѣ. — Бѣлыя изъ бумаги съ полнымъ полотнянымъ покровомъ (Linen-cloth) составляетъ самое чрезвычайное, что только можно было производить до сѣхъ поръ. Изготавливаются ВОРОТНИКИ, МАНЖЕТЫ и ЖЕМИЗЕТКИ, какъ въ бѣлой, такъ и въ

разныхъ другихъ краскахъ и съ полотнянымъ покровомъ для мужского и женского пола и для дѣтей.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ по мелочному торгу высылается всякому безплатно и франкировано.

Отправляется во все государства. Продавцамъ уступка.

Письма просить адресовать:

Мей и Эдлихъ, 9 Неймарктъ, въ Лейпцигѣ.

Meu & Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Перенести просить въ французскомъ или въ нѣмецкомъ языкѣ.

13—1

6—1

БОЛЬШОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ЦѢНЪ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

**ЛУЧШИХЪ НАСТОЯЩ. АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
СО ВСѢМИ НОВЫМИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯМИ И АПАРАТАМИ.**

СЕМЕЙНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ.

Элиасъ Хау, младш., А. 60 руб.
Виллера Вильсона 55 »
Вильсонъ Гибсъ 55 »

Каждая машина вполнѣ опробована на работѣ. Повышеніе въ цѣнѣ зависитъ только отъ болѣе элегантной отдѣлки. Превосходныя швейныя машины для мастерскихъ, также по уменьшеннымъ цѣнамъ. Ручныя швейныя машины лучшихъ системъ:

Въ 1 нитку отъ 18 до 20 руб.
Въ 2 нитки отъ 25 до 35 руб.

БОЛЬШОЙ АССОРТИМЕНТЪ машинныхъ игловокъ, бумаги, нитокъ, шелку, машиннаго костюмаго масла и проч. Машинная бумага Бруксъ въ 200 ярдъ, всѣхъ №№, бѣлая и черная, за катушку 8 к., одного № за дюжину 75 к., разныхъ №№ 85 к. Цѣтная всѣхъ возможныхъ копировъ катушка 10 к., дюжина 1 р. Машинныя иглы Хау, Виллеръ Вильсонъ, Зингеръ, Гроверъ-Беккеръ и проч. за иглоку 8 к., дюжина 75 к., Вильсонъ и Гибсъ за иглоку 15 к., дюж. 1 р. 50 к. Гг. торговцамъ дѣлается большая уступка.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

А. КРУМБЮГЕЛЬ,

№ 62, Невскій Проспектъ, противъ аничкова дворца.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ доннынъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ: способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ поощрѣ кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 23, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33. и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—8

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Бурггардта, Вас. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 5.

8—2

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена.

50—2

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ

(на Пречистенкѣ, въ домѣ Степанова)

находится складъ изданій:

Общедоступныя чтенія о русской исторіи. С. М. Соловьева. Цѣна 1 руб. 1874.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. С. М. Соловьева. Цѣна 1 руб. 25 коп. 1872.

Московскій Музей прикладныхъ знаний. Матеріалы для исторіи его устройства и первый годичный отчетъ. Цѣна 1 руб. 25 коп. 1874. Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія. Антропологи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Томы I-XV.

Въ ихъ числѣ вышедшіе въ 1874 году выпуски.

Томъ XI. Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко (пять выпусковъ).

XIII. Труды Отдѣла Этнографіи (два выпус. по 1 р. 25 к.)

XIV. Протоколы засѣданій Общества. Цѣна 2 руб.

Гг. книгопродавцы при выпискѣ и покупкѣ этихъ изданій пользуются уступкою 20%.

4—1

„ОТЪ РЕДАКЦИИ НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ ВЪ 1875 Г.

Покорѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на пногородный. . . 60 к.
- 2) > > Иногороднаго на С.-Петербургскій. . . 50 >
- 3) > > Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

№ 5 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкой въ С.-Петербургъ 5 р. VI. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. номера.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стевницкаго).

VIII.

Въ Тулѣ и Орлѣ мы были безпкойны, какъ бы нашъ Кириллѣ опять не повелѣ медвѣдя, такъ какъ онъ намъ уже разсказалъ, что это такое значило, — и мы изъ словъ его узнали, что въ вожденіи медвѣдя никакой настоящей звѣрь этой породы не участвовалъ, а что это было ничто иное, какъ то, что Кириллѣ встрѣтился въ Москвѣ съ своими земляками такъ сильно запилъ, что впалъ въ потемнѣніе разсудка и не помнитъ, гдѣ ходилъ и что дѣлалъ; пока его кто-то изъ тѣхъ же земляковъ отколо- тилъ и бросилъ у воротъ постоялаго двора, гдѣ мы его ждали въ такомъ ужасномъ перепугѣ и тоскѣ.

Однако и въ Тулѣ и въ Орлѣ Кириллѣ показалъ характеръ и удержался, да и впередъ обѣщалъ быть воздерженъ и даже выражалъ твердое намѣреніе, довезя насъ до Кіева, оставитъ навсегда свой извощичій про-

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Малороссіянникъ. Будьте здоровы! Треба менѣ пять карбованцивъ (рублей). Роту (проценту) дамъ только-же — пять карбованцивъ, а свѣтку у закладъ берите... Добре? Эге?...
Берей-ростовицкѣ. Позамай, давай свѣтку. (Беретъ свѣтку) Ну, харосо — пять карбованцивъ и проценту пять — значить будешь долженъ мнѣ десять карбованцивъ; но проценты — впередъ... Ужь такой жакогъ у меня! Значить, пять рублей пусть у меня останутся и ты мнѣ дай темерца векогъ на пять карбованцивъ.
Малороссіянникъ. О цѣ добра штука: ни грошей, ни свѣтки! А цѣ-жъ винъ не бреше — вѣрно, собачій сынъ, сказавъ!

мысль и ѣхать домой, гдѣ у него была жена, которая всегда могла его отъ всякихъ глупостей воздержать. Теперь онъ жилъ въ нѣкоторомъ умиленномъ состояніи и воздыхая повторялъ прекрасную пословицу, что „земляной рубль тонокъ да дологъ, а торговый широкъ да коротокъ“.

Пословицу эту мы хвалили, но все таки насъ пугала мысль: не пропили-ли Кириллѣ въ Москвѣ всѣ деньги, данныя ему за нашъ провозъ — и мы хотѣли узнать: будетъ-ли ему съ чѣмъ доставить насъ до Кіева? Много церемониться было не изъ чего — и мы откровенно выразили ему наши опасенія; но Кириллѣ насъ тотчасъ же благородно успокоилъ и притомъ сдѣлалъ самому себѣ нѣкоторый комплиментъ, сказавъ, что онъ водилъ медвѣдя держа разсудокъ въ сумѣ и пилъ только на чужой счетъ своихъ земляковъ, а всѣ деньги забилъ въ

сапоги подъ стельку,—и потому когда товарищи захотѣли снять съ него и пропить тѣ сапоги, то онъ тутъ сейчасъ почувствовался и вскричалъ караулъ, но сапогъ снять не далъ, а лучше согласился претерпѣть неудовольствие на самомъ себѣ, что и воспослѣдовало.

Мы проѣхали всю Орловскую губернію, встрѣтили въ Упорѣ у сада графа Гейдена первые тополи—и налюбовавшись ими, вскорѣ перевалили за широкую балку, посрединѣ которой текъ маленькій ручеекъ, служившій живымъ урочищемъ, составляющимъ границу Великой Россіи съ Малороссією.

Теперь переѣздъ этотъ ничего не значить для путешественника, да и онъ совершается совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы неребирались изъ страны „неба, елей и песку“ въ страну украинскихъ черешень. Желѣзная дорога оставила далеко въ бокъ характерную мѣстность тогдашней переправы, и получившую очень характерное названіе: „пьяная балка“. Здѣсь на одномъ пологомъ скатѣ была великорусская, совершенно разоренная деревушка съ раскрытыми крышами и покосившимися избами, а на другомъ немножко болѣе крутомъ и возвышенномъ берегу чистенькій какъ колпикъ малороссійскій хуторокъ. Ихъ раздѣляла только одна *пьяная балка* и соединять мостъ; затѣмъ у нихъ всѣ условія жизни были одни и тѣ же: одинъ климатъ, одна почва, однѣ перемѣны погоды;—но на орловской т. е. на великорусской сторонѣ были поражающіе нищета и голодъ, а на малорусской или черниговской вѣяло инымъ. Малороссійскій хуторъ процвѣтаетъ, великорусская деревня извелась въ концѣ—и невозможно было рѣшить: чего еще она здѣсь держится? Въ этой деревнѣ ни одинъ проѣзжій или прохожій не останавливался—какъ потому что здѣсь буквально не было жилья въ человѣческомъ смыслѣ, такъ и потому что все населеніе этихъ разоренныхъ дворовъ пользовалось ужаснѣйшею репутаціею.

По одну сторону *пьяной балки* была дорогая и скверная откупная водка, по другую дешевая и хорошая. На самомъ мосту стоялъ кордонъ, бдительно наблюдавшій, чтобы великоруссы не проносили къ себѣ капли малороссійской водки; но проносить ее въ желудкѣ кордонъ не могъ возбранить—и вотъ почему балочники орловской губерніи были такъ отчаянно бѣдны: они постоянно все, что могли, тащили къ жидамъ на малороссійскую сторону и тамъ пропивали все до чиста.

Въ самой балкѣ всегда стояли караваны телѣгъ: всѣ извозчики и не извозчики, всякая христіанская душа считала необходимою, сдѣлавъ шагъ за малороссійскій рубежъ, сейчасъ же здѣсь намертво напиться дешевою водкою,—и отъ того здѣсь постоянно бывали ссоры, драки и даже перѣдко убійства, о которыхъ мы много слышали отъ Кирилы, говорившаго о „*пьяной балочкѣ*“ съ восторгомъ, по меньшей мѣрѣ приличествовавшимъ развѣ напирѣмъ приближенію вѣрующаго къ Палестинѣ.

— Ахъ! восклицалъ онъ осклабясь и простирая руки въ томъ направленіи, гдѣ была *Пьяная балка*. Восхваляя это мѣсто, онъ въ восторгѣ своемъ называлъ его не мѣстомъ, а мѣстилищемъ, и говорилъ что „тамъ идетъ постоянно шумъ, грохотъ, и что тамъ кто ни проѣзжаетъ—сейчасъ начинать пить, и стоять подъ горой мужики и купцы и все водку носятъ, а потомъ часто бьются, такъ что даже за версту бываетъ слышенъ стонъ точно въ страженіи. А когда между собою надоѣстъ драться, то кордонщиковъ бьютъ и даже перѣдко убиваютъ.“

Эта картина по-видимому совершенно плѣнила нашего Кирилла, у котораго на лицѣ уже проходили слѣды московскаго вожденія медвѣдя, и мы опасались не разрѣшилъ бы онъ въ Пьяной балкѣ снова; но онъ категорически отбѣчалъ, что хотя бы и желалъ, такъ не можетъ, потому что онъ далъ самому Богу зарокъ водки не пить, а развѣ только попробуетъ наливки, что и ис-

полнилъ тотчасъ же какъ мы перетанулись за логовину на черниговскую сторону.

Всего безобразія этой пьяной балки я рѣшительно не могу описать: это одпо бы составило ужаснѣйшую картину отвратительнѣйшаго жанра. Вездѣ стояли и бродили омерзительно-пьяные мужики; торчали опрокинутые возы, раздавались хриплые голоса; довелось намъ даже слышать и тѣ стоны, которые въ восторгѣ описывалъ Кириллъ, учинившійся здѣсь пьянымъ какъ стелька.

Мы были этимъ пѣскаванію удивлены, но онъ намъ самымъ обстоятельнымъ образомъ разъяснилъ, какъ случилось, что данный Богу зарокъ не помѣшалъ ему пачтнуться. Выходило, что, давая зарокъ, онъ умышленно разумѣлъ одну лишь водку настоящаго бѣлаго цвѣта, а ни о какихъ иныхъ напиткахъ не упоминалъ, и потому всѣмъ инымъ напиткомъ съ чистою совѣстію могъ напиваться.

Путешествуя далѣе до ночлега, онъ останавливался уже у всякой корчмы и все пилъ „чвертку красенькой“, при чемъ нѣсколько разъ снова начиналъ намъ объяснять, какъ онъ уменъ и предусмотрителенъ въ томъ отношеніи, что далъ зарокъ Богу не пить простой *бѣлой* водки, а насчетъ „цвѣтной или красенькой“ ничего касающаго не обѣщалъ.“ Это его такъ утѣшило и придало ему такую отвагу, что онъ даже утверждалъ, что Богъ съ него „никакой правы не имѣетъ взыскивать на счетъ того, о чемъ у нихъ договора не было.“

Противъ одинъ день, онъ продолжалъ то же самое и на другой, и все болѣе и болѣе входилъ въ стухъ—и досадуя что его никто не подчуеъ, возмѣлъ намѣреніе „хорошо проучить чортовыхъ хохловъ“, которые по его мнѣнію были до жалости глупы.

Скоро къ тому представился случай: мы проѣзжали какое-то село въ большой праздникъ. Въ корчмѣ была масса народа. Кириллъ остановилъ лошадей, зашелъ въ корчму и пропалъ тамъ.

Подождавъ его около четверти часа, двое изъ нашихъ пошли его вызвать, но возвратились съ извѣстіемъ что нашъ возница затѣлъ какую-то штуку съ хохлами и и ни за что не хотѣлъ выходить изъ корчмы.

Штука эта состояла въ томъ, что Кириллъ спросилъ у шинкаря чвертку водки—и не выпивъ самъ ни одной капли распотчивалъ ее на трехъ ближайшихъ малороссійскихъ мужиковъ. Тѣ ничего не подозрѣвая выпили, а теперь Кириллъ объявилъ имъ, что и они въ свою очередь каждый должны его попотчивать. Мужики почесавшись затребовали каждый по чверткѣ, а нашъ Кириллъ, сливъ все это въ одну посуду, поблагодарилъ и выпилъ, уже на сей разъ совсѣмъ позабывъ свой зарокъ не пить *бѣлой*.

При безобразномъ пьянствѣ нашего провожатаго мы кое-какъ добрались до Королевца, маленькаго грязнаго городишки, гдѣ тогда шла ярмарка и гдѣ Кириллъ снова „надулъ проклятыхъ хохловъ“, но уже на этотъ разъ его находчивость избрала орудіемъ для обмана насъ самихъ. Онъ устроилъ все это такъ обдуманно, смѣло и тонко, что мы ничего не могли понять до тѣхъ поръ, пока онъ выполнилъ весь свой коварный умыселъ, чрезвычайно напѣ тогда обидѣвшій и опечалившій, а нынче, когда я пишу эти строки, заставляющій меня невольно улываться.

Надо сказать, что между нами тремя, которыхъ везъ теперь Кириллъ, былъ нѣкто, котораго я назову Станиславомъ Пенъковскимъ. Этотъ молодой полякъ былъ годами двумя насъ постарше, высокъ ростомъ, довольно мужествененъ, красивъ собою, при этомъ большой франтъ—и по польскому обычаю франтъ довольно безвкусный.

Подчиняясь своей страсти къ щегольству, онъ въ Москвѣ купилъ у какого-то своего земляка венгерку съ шпурами и кутасами, яркоцвѣтные широкіе шаровары и

красную турецкую ермолку съ синею шелковою кистью; въ этомъ странномъ нарядѣ онъ и ѣхалъ, постоянно высовываясь изъ повозки.

Кирилль, какъ только его голова немножко поправи-
вилась послѣ московскаго пьянства, обратить вниманіе
на этотъ нарядъ, и многократно его одобрялъ, а потомъ,
вѣроятно вслѣдствіе долгихъ соображеній, нашелъ слу-
чай его утилизировать. Началось это съ того, что чуть
гдѣ нибудь на мосту случалась безпорядица и давка—
Кирилль просилъ Пеньковскаго высунуться и покри-
чать, что тотъ съ удовольствіемъ и исполнялъ, дѣлая
нерѣдко и даже нѣсколько болѣе того, о чемъ просилъ
его Кирилль. Такъ, Пеньковскій зачастую, не ограничи-
ваясь крикомъ изъ телѣги, выскакивалъ вонъ—и выхва-
тивъ у Кирила его длинный троечническій кнутъ, хлес-
талъ имъ встрѣчныхъ мужиковъ и ихъ лошадей, отчего
послѣднія метались въ стороны и нерѣдко валили и
опрокидывали возы, мимо которыхъ мы потомъ съ тор-
жествомъ проѣзжали среди мужиковъ, снимавшихъ въ
страхѣ свои шапки и вѣроятно славшихъ намъ тысячи
проклятій. Но какъ бы тамъ ни было, а Пеньковскій
ездѣ по дорогѣ производилъ очень большой эффектъ—
и Кирилль, находя въ этомъ не малую для себя выгоду,
очень часто его хвалилъ и даже угощалъ пивомъ и
водкою.

Такъ было во все время путешествія по Великой Россіи.

Вѣхавъ въ Малороссію, Кирилль началъ еще болѣе
лѣстить пану Пеньковскому и увѣрялъ, что ему стоитъ
показаться, такъ дураки хохлы для него все съ себя
покидаютъ.

Пеньковскому необыкновенно нравилось, что онъ иг-
раетъ такую замѣтную роль, и онъ по приглашенію
Кирилы началъ съ нимъ заходить во всякую корчму.
И что-же выходило? дѣйствительно, чуть бывало Пень-
ковскій взойдетъ и сядетъ, а Кирилль шепнетъ одно
слово шинкарю или шинкарѣ, какъ тѣ тотчасъ подають
имъ обоимъ наливки, сколько они хотятъ, а также да-
вали и закусокъ, и ни за что не требовали ни гроша, а
только выпроваживая ихъ—тихонько вслѣдъ имъ плевали.

Я и мой другой товарищъ понять не могли: за кого
это насъ принимаютъ? Пеньковскій же увѣрялъ насъ,
что все это вѣроятно происходитъ отъ того что онъ
будто-бы похожъ на казакаго атамана, въ чемъ его въ
свою очередь увѣрилъ лѣстивый и коварный Кирилль.
Такъ мы доѣхали до Королевца, гдѣ суждено было про-
изоидти развязкѣ этаго пошлаго и смѣшнаго анекдота.

IX.

Ярмарка въ Королевцѣ стояла на единственной не-
мощеной и чрезвычайно грязной городской площади.
Я уже теперь не помню около какихъ это было чиселъ,
но знаю, что время было осеннее. Постоялые дворы
вокругъ площади всѣ были заняты—и Кирилль, не вѣз-
жал никуда на дворъ, остановился за угломъ одного
дома у самой площади, выпрягъ здѣсь своихъ коней и
растянувъ хрептугъ поставилъ ихъ къ корму, а самъ
приступилъ къ Пеньковскому съ просьбою пройтись
по базару. Кирилль сказалъ, что ему надо купить для
себя пару бубенчиковъ, и что будто-бы ему гораздо спод-
ручнѣе сдѣлать это приобрѣтеніе вмѣстѣ съ Пеньков-
скимъ.

Пеньковскій не отказался, и они пошли; а я и другой
мой товарищъ, маленькій Кнышенко, заинтересованные
тѣмъ, неужели имъ и бубенчики достанутся даромъ, —
слѣдили за ними издали.

Пеньковскій въ своемъ пестромъ, въ глаза кидая-
щемся нарядѣ шолъ впереди,—а Кирилль, обыкновенно
обращавшійся съ нами за панибрата, здѣсь вдругъ какъ
будто проникся къ Пеньковскому крайнимъ и самымъ
подобострастнымъ почтеніемъ. Онъ шелъ сзади и тща-
тельно оберегалъ, что-бы его кто не толкнулъ, а между

тѣмъ постоянно шепталъ что-то на стороны встрѣчнымъ
людямъ, которые тотчасъ-же со страхомъ разступались,
и крестясь совали Кирилль кто гронгъ, кто бубликъ, и
потомъ собираясь толпою издали тинулись за ними со
страхомъ, смѣшаннымъ съ неодолимымъ любопытствомъ.

До нашего слуха долетало какое-то чуждое слово, зна-
ченія котораго мы не понимали, но видѣли, что вере-
ница слѣдовавшая за Пеньковскимъ все увеличивалась.
Посреди торга толпа ступилась до невозможности, и
сидѣвшія тутъ на землѣ торговки, съ яблоками, булками
и плоскою королевцевою колбасою, начали подавать со-
провождавшему Пеньковскаго Кирилль каждая отъ сво-
ихъ щедротъ: кто булку, кто пару яицъ, кто еще что
было подъ рукою; при томъ опять каждая, подавъ эту
жертву, набожно крестилась и съ отвращеніемъ плевала
всторону.

На площади внятнѣе прогудѣло опять то же слово
чуждое и незнакомое намъ; слово это было: „катъ“.

— Ката везутъ, московскаго ката въ Кіевъ везутъ:
жертвуйте кату що-бы милостивѣйше билъ! шептали со
всѣхъ сторонъ—и жертвы до того увеличились, что Ки-
рилль уже былъ значительно ими обремененъ и замѣ-
тивъ насъ передать намъ долю своего сбора, послѣ чего
и отъ насъ тоже всѣ отшатнулись и пронеслось:

— А се его ученики. Они еще бити не можуть, а
тільки привязують.

И намъ пошла особая, добавочная жертва!

Положеніе выходило престранное, и какъ мы пони-
мали—не совсѣмъ ладное; но Пеньковскій обаянный
своимъ великолѣпіемъ, идучи впереди, ничего этого не
слыхалъ.

Онъ зашелъ въ балаганъ и купилъ или даромъ взялъ
бубенчики, положилъ ихъ въ карманъ и погромыхивая
ими пошелъ еще съ большимъ эффектомъ; зашелъ въ
палатку, гдѣ продавали вино и гдѣ были разные пьяные
люди. Однако, не смотря на то, что всѣ эти люди были
пьяны, чуть только они взошли и Кирилль кивнулъ имъ
головою на Пеньковскаго—они перестали шумѣть и
потребовали для него непокупнаго вина. Кирилль оста-
вилъ здѣсь Пеньковскаго, а самъ, изрядно пьяный, вер-
нулся къ телѣгѣ съ цѣлымъ ворохомъ разныхъ закупокъ
и гостинцевъ. Онъ живой рукой заложилъ лошадей—и
мы подѣхали къ куреню, гдѣ оставался великолѣпный
Пеньковскій.

Услышавъ звонъ нашихъ новыхъ бубенчиковъ, онъ
вылѣзъ изъ подъ грязной палатки—и мы поѣхали.

У насъ былъ цѣлый сборъ пироговъ, рыбы, колбасы,
яицъ, вина, рѣпы, табаку и моркови, которую немоло-
сердно хрюстала подгулявшій Кирилль; но тутъ вдругъ
случилось неожиданнѣйшее и казуснѣйшее происшествіе:
не успѣли мы отѣхать и трехъ верстъ отъ города,
какъ насъ обогналъ тарантасъ, запряженный тройкою
лошадей. Намъ было велѣно остановиться—и красноли-
цый господинъ съ военною осанкою потребовалъ отъ
насъ наши паспорта.

Мы развязали сумочки и предъявили наши бумаги.
Военный господинъ просмотрѣлъ ихъ—и непосредственно
за тѣмъ сбивъ съ Кирилы шапку, началъ таскать его
за вихры и бить по щекамъ.

Кто былъ этотъ быстрый на руку королевцкій на-
чальникъ? это такъ и осталось намъ неизвѣстно, но мы
ему были очень благодарны, что онъ проучилъ Кирилу,
а главное открылъ намъ, что коварный мужиченко вы-
давалъ нашего великолѣпнаго товарища за московскаго
палача, котораго оно будто-бы везетъ въ Кіевъ поль-
скую графиню наказывать, а насъ двухъ выдавалъ за
его учениковъ.

Всѣ мы этимъ очень обидѣлись, а Пеньковскій потре-
бовалъ отъ Кирилы объясненій: неужто онъ смѣлъ на-
зывать его палачомъ? Но жестоко выпоронный Кирилль,
хрустя во рту оставшеюся у него морковью, отвѣчалъ:

— Ну такъ что же тебѣ изъ того за бѣда?

— Какъ что за бѣда? я не хочу быть палачомъ.

— Ну не хочешь, такъ и не будешь.

— А какъ же смѣлъ ты меня называть палачомъ?

— Эко важность какая: какъ смѣлъ? Антиресуются: что такого за пестраго чорта везешь? я и сказалъ, что везу палача въ Кіевъ; за то-же тебѣ вездѣ почтеніе было, а меня отодрали.

Пеньковскій пожалъ плечами—и быстро сбросивъ съ себя свои яркіе шаровары, сказалъ намъ:

— Господа, мы одурачены.

Мы согласились; но нашли, что все таки Кирилъ досталось хуже всѣхъ, потому что у насъ пострадала репутация, а у него спина, отъ которой онъ жестоко прихотѣлъ и нѣсколько дней не могъ разогнуться. Мы же съ своей стороны дали другъ другу слово, что эта исторія останется между нами. Нынѣ я впервые нарушаю это слово, но дѣлаю это впрочемъ съ совершенно-покойной совѣстью, потому что оба лица, которымъ я обязался молчаніемъ, уже давно погибли отъ двухъ случайностей: Кнышенко утонулъ въ рѣкѣ Сеймѣ, а погибель послѣдняго, т. е. Пеньковского, дѣло позднѣйшей эпохи; но маленький Кнышенко утонулъ на третій же день послѣ описаннаго королевецкаго событія—и утонулъ этотъ бѣдный ребенокъ неожиданно, весело и граціозно, какъ жилъ, но однако его смерть была для меня ужаснымъ, потрясающимъ событіемъ. Она дала мнѣ первый поводъ къ нѣскольکو рановременнымъ размышленіямъ о непрочности всего земнаго, и о тщетѣ и несбыточности самыхъ ближайшихъ надеждъ. Это сдѣлалось потомъ моею болѣзнію, которая мнѣ во многомъ вредила и во многомъ была полезна.

Кнышенко былъ добрый и очень нѣжный мальчикъ: онъ пламенно любилъ свою мать, говорилъ о ней съ восторгомъ и стремился къ ней съ какою-то болѣзненною страстностію. У него была тетрадка, въ которой онъ ежедневно зачеркивалъ дни разлуки—и не зачеркнувъ только трехъ дней, разстался съ нею на вѣки. Я видѣлъ въ этомъ злую насмѣшку рока.

Кнышенко умеръ такимъ образомъ: мы пріѣхали въ красивое мѣстечко Батурино, бывшую столицу Мазепы, гдѣ есть развалины гетманскаго дома и опустѣлый дворецъ Разумовскаго. Обѣжавъ всѣ достопримѣчательности этого мѣстечка, мы не смотря на позднее время года вздумали сами половить въ рѣкѣ Сеймѣ здѣшнихъ знаменитыхъ раковъ. Раздѣвшись, мы спустились въ воду и стали шарить подъ корчами и береговыми уступами. Кнышенко при этомъ трунилъ надъ „кастомъ“ Пеньковскимъ, который оказывался чрезвычайно неловкимъ въ ловлѣ, между тѣмъ какъ Кнышенко оказывался очень ловокъ въ труненьи—и такъ допекъ Пеньковского своими насмѣшками, что тотъ бросился на него съ поднятымъ кулакомъ. Кнышенко началъ отбивать его, поднимая въ лицо его тучу брызгъ и... вдругъ исчезъ въ облакѣ этихъ брызгъ и болѣе не показался. Онъ вѣроятно оступился и попалъ въ одинъ изъ глубокихъ, тинистыхъ омутковъ, которыхъ въ этой рѣкѣ чрезвычайно много; а можетъ быть съ нимъ случился ударъ, такъ какъ всѣ мы послѣ королевецкой оргіи все таки были еще немножко пьяны.

Исторія эта надѣлала намъ множество тяжелыхъ и самыхъ непріятныхъ хлопотъ и продержала насъ въ Батурино около четырехъ сутокъ, пока утопленника достали, вскрыли и похоронили.

Въ эти дни мы разумѣется совсѣмъ протрезвились, и бѣдная душа моя, открывъ всю бездну своего глубокаго паденія, терзалась немилосердно. Въ гибели Кнышенко я видѣлъ несчастье, которое ниспослано намъ въ наказаніе за наше безчинное поведеніе: за питье сладкой водки и наливковъ, и въ особенности за оскорбленіе нравственности вольнымъ обхожденіемъ съ королевецкими ярморѣчными красавицами. Разстроенные кутежами, нервы мои помогли моему страданію, а вдобавокъ Кирилъ въ

это время вѣроятно вспомнилъ совѣты данные ему въ Москвѣ, чтобы онъ поприжалъ насъ,—и вотъ онъ вздумалъ теперь воспользоваться сдѣланною намъ задержкою и, придравшись къ ней, потребовалъ съ насъ возмѣщенія его убытковъ въ размѣрѣ цѣлыхъ ста рублей (разумѣется ассигнаціями.)

Не знаю: какъ бы я отнесся къ такому нечестному и наглому требованію при другихъ обстоятельствахъ, но въ эту пору я былъ радъ всякой новой карѣ—и съ удовольствіемъ отдалъ всѣ свои деньги до послѣдней кофѣйки, такъ что „кату“ уже пришлось дополнить очень немного.

Бѣхали мы послѣ этого скучно: въ повозкѣ для насъ двухъ открылся просторъ, пользуясь которымъ Пеньковскій все спалъ въ растяжку, а я вздыхалъ и размышлялъ о томъ, какъ поразить вѣсть о смерти Кнышенко его родителей, которые вѣроятно насъ встрѣтятъ въ Нѣжинѣ. Я часто плакалъ и молился, чтобы Богъ далъ мнѣ благодать слова, способнаго хотя немного облегчить скорбь бѣдныхъ родителей моего товарища. Я все подыскивалъ удобныхъ изрѣченій для выраженія той моей мысли, что ихъ сыну можетъ быть совсѣмъ не худо, потому что мы не знаемъ, что такое смерть: можетъ быть она вовсе не несчастье, а счастье.

Впослѣдствіи, встрѣтивъ эту самую мысль у Сократа въ его отвѣтной рѣчи судьямъ, приговорившимъ его къ смерти, я былъ пораженъ: откуда могъ взять эту мысль я, будучи мальчикомъ и невѣждою. Но тѣмъ не менѣе, какъ бы тамъ ни было, а *мы сошлисъ съ Сократомъ* въ то время, когда я зналъ о „великомъ старцѣ“ только то, что, судя по видѣннымъ нѣкогда бюстамъ этого мудреца, онъ былъ очень некрасивъ и очевидно не имѣлъ военной выправки, безъ которой человѣку трудно держать себя съ достоинствомъ въ хорошемъ обществѣ.

Со мной происходилъ ужасно тяжелый нравственный переворотъ, достигшій наконецъ до такого экстаза, что я не видѣлъ средствъ оставаться въ живыхъ—никому не открывъ сей мрачной бездны моего паденія. Я хотѣлъ бы написать объ этомъ матушкѣ, но мнѣ показалось, что она какъ близкое лицо не перенесетъ всего ужаса, какимъ должна была объять ея чистую душу моя исповѣдь. Я рѣшилъ подождать пока пріѣду и тогда лично открыть матери снѣдающую меня скорбь, не иначе какъ съ немедленнымъ же обѣтомъ посвятить всю мою остальную жизнь исправленію моихъ недостойнствъ и загладить ихъ подвигами добра и самопожертвованія.

Подвиги—это была моя всегдашняя мечта; самоотреченіе и самопожертвованіе—это *идея*, въ которую болѣе или менѣе ясно отформировалось это упоительное и нетерпѣливое мечтаніе.

Смѣшно; но тотъ сдѣлаетъ мнѣ большое одолженіе, кто не станетъ смѣяться надъ этими смѣшными порывами, такъ какъ я не знаю ничего лучше ихъ,—и горе тому, кто не вкушалъ сладостнаго желанія страданія за другихъ! Онъ не зналъ лучшаго и чистѣйшаго удовольствія, какое возможно человѣку испытать на землѣ.

Но возвращаюсь къ тогдашнимъ моимъ затрудненіямъ въ потребности исповѣди и въ обрѣтеніи благодатныхъ словъ, которыя могли бы облегчить скорбь родителей, потерявшихъ сына.

Я этимъ былъ такъ занятъ, что, молясь о помощи свыше, началъ ощущать вблизи себя въ повозкѣ чье-то присутствіе, — присутствіе многихъ, очень многихъ существъ, которые бѣхали со мною и понимали мои думы, въ глубочайшей тайнѣ хранимыя отъ моего возницы и оскверненнаго товарища.

Мы пріѣхали въ городокъ Борзну, на который теперь болѣе тоже не лежитъ главный путь къ Кіеву. Эта Борзна—до жалости ничтожный и маленький городокъ, при первомъ взглядѣ на который становится понятенъ крайній пре-

Первый урокъ. Картина Бутибонна, грав. Напѣръ.

Гравюра эта приобретена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гупилемъ и Ко.

дѣлъ того, до чего можетъ быть мелка жизнь и глубока отчаянная скука. Не тоска,—чувство тяжелое, но живое, сочное и подвижное, имѣющее свои фазы и переходы,—а сухая скука, раздражающая человѣка и побуждающая его дѣлать то, чего бы онъ ни за что не хотѣлъ сдѣлать.

Мнѣ казалось, что эта скука точно здѣсь виситъ въ воздухѣ: и не успѣлъ я стать на ноги, какъ она уже охватила меня точно спрутъ или пиявка и неодолимо начала присасываться къ моему сердцу. Я вышелъ за ворота постоялаго двора—и взглянувъ на пустую площадь и на украшавшую ее тюрьму, ощутилъ неодолимую потребность бѣжать и скрыться. Мой извозчикъ, мой товарищъ, самая телѣга въ которой я путешествовалъ—были мнѣ противны, они служили мнѣ напоминаніемъ тягостныхъ и отвратительныхъ событий. У меня уже была *испорченная жизнь*—и мнѣ хотѣлось оплакать и сбросить ее. Я увидалъ гдѣ-то за соломенными крышами стройные конусы зеленыхъ, въ рядъ вытянутыхъ тополей—и бросился къ нимъ, надѣясь найти тутъ отдыхъ отъ сжимавшей мое сердце тоски, и я бѣжалъ не напрасно. Видѣнные мною деревья стояли впродолженіе заборъ, за которымъ ютился довольно чистенькій домикъ съ надписью, возвѣщавшею, что здѣсь помѣщается городская больница.

Это было претихое мѣсто, какъ разъ идущее подъ стать тому, чего я искалъ. Между тополями и темнымъ заборомъ была довольно глубокая, заросшая травой канава, въ которую я юркнулъ какъ хоръ—и упавъ на ея дно, легъ лицомъ ницъ къ землѣ и заплакалъ.

Я оплакивалъ свою *погибшую жизнь*, свое глубокое, нравственное паденіе, страшно разстроившее мое воображеніе и нервы и доведшее меня до отчаянія, что я соприсяжусь безднѣ грязныхъ пороковъ уже недостойнъ и не могу взглянуть въ свѣтлые глаза моей матери,—что я лишилъ себя права обнять ее и принять ея поцѣлуй на мое скверное лицо, которое дѣйствительно осунулось и жестоко измѣнилось. Это произошло отъ большаго нравственнаго страданія и мукъ, которыя я испытывалъ казня себя за всю развращенность, столь быстро усвоенную мною съ тѣхъ поръ, какъ я очутился на волѣ. Оплакивая въ канавѣ свое паденіе, я проникался духомъ смиренія: я порицалъ свободу (и это такъ рано!) и жаждалъ какой-то сладкой неволи и тосковать о какомъ-то рабствѣ,—рабствѣ сладкомъ, добромъ, смиромъ, покорномъ и покойномъ,—словомъ: о рабствѣ пріязни и попечительной дружбы, которая бы потребовала отъ меня отчета и нанесла бы мнѣ заслу-

женные мною укоры, нанесла бы тономъ глубокимъ и сильнымъ, но такимъ, который бы неизбѣжно смягчался и открывалъ мнѣ будущее въ спокойномъ свѣтѣ. Но гдѣ же такой другъ, передъ которымъ бы я могъ подвергнуть себя такому сладостному самобичеванію?—Гдѣ? Великій Боже! меня словно осыпало горячимъ пескомъ: какъ же я смѣю роптать, что у меня нѣтъ друга! Какъ могъ я въ эти минуты позабыть о ней, о той доброй сестрѣ моего тверскаго товарища, которая умѣла такъ ловко поправить мою ошибку на вечерѣ у ихъ отца и такъ великодушно меня обладала и прислала мнѣ на дорогу книгу и пироговъ? Развѣ это еще не дружба, и притомъ болѣе чѣмъ обыкновенная дружба—дружба съ женщиной!

О, какое это было сладостное воспоминаніе! я почувствовалъ въ сердцѣ болѣзненно сладкій уколъ, который, подыскивая сравненіе, могу приравнять къ прикосновенію гальваническаго тока; свѣжая, я лучше бы хотѣлъ сказать: *лунная* молодая кровь ртутью пробѣжала по моимъ жиламъ, я почувствовалъ, что я люблю и по всей вѣроятности самъ взаимно любимъ... Иначе это не могло быть! Я вскочилъ на ноги, схватился руками за грудь и зашатался. Мнѣ показалось, что въ этой сорной канавѣ я какъ будто снова нашелъ мою потерянную чистоту,—и вотъ я, упершись руками въ края канавы, выскочилъ и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ въ городъ. Здѣсь я купилъ въ лавкѣ бумаги и конвертъ и сѣлъ за столомъ въ кухнѣ писать письмо къ моей пафосской богинѣ, въ которой женщина для меня ни мало не затмѣвала божественный, мною созданный образъ; я любить ее, но не иначе какъ смертный можетъ любить богиню—и не предполагалъ, чтобы несомнѣнная ея любовь ко мнѣ имѣла другой характеръ, несоотвѣтствующій разницѣ нашихъ отношеній.

Я хотѣлъ бы слушать ее, но слушать какъ внушеніе; я хотѣлъ бы даже прикоснуться къ ней, но не иначе какъ прикоснуться устами къ краю ея одежды.

То, что я танцевать съ нею, представлялось мнѣ ужаснымъ оскорбленіемъ ея величія—и я съ этого началъ мое весьма почтительное, но безмѣрно глупое письмо.

Совершая этотъ безумный поступокъ, я находилъ его прекраснымъ и не видалъ никакой неловкости въ томъ, что пишу въ неизвѣстный мнѣ домъ, къ совершенно почти незнакомой мнѣ дѣвушкѣ.

Но тѣмъ хуже было для меня—по всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ въ бреду совершеннаго поступка.

(Продолженіе будетъ.)

ПЕРВЫЙ УРОКЪ.

(Картинка.)

...Заколыхалась портьера, дверь тихо отворилась—и въ буфетъ генеральши Лампасовой вошла ключница—женщина пожилая, въ темномъ шерстяномъ платьѣ, въ тюлевомъ чепцѣ, изукрашенномъ темными лентами. На лѣвой рукѣ ея висѣлъ ридиколь, изъ котораго торчали чучельныя спицы. Она была сухощава, сутуловата; лицо у нея было пухлое, желтоватое; тонкія безцвѣтныя губы и маленькіе сѣрые глаза, немного косые, никакъ не могли служить украшеніемъ этой фizioноміи.

—Что тебѣ, Анна Ѳедоровна? спросила барыня.

Согнувшись и по-кошачьи ступая по ковру, ключница дошла до середины комнаты, остановилась и проговорила какимъ-то таинственнымъ голосомъ:

—Позвольте, матушка, прежде дверь запереть?

—Это зачѣмъ? Что за секретъ!..

Генеральша не безъ усилія сдѣлала большіе глаза и положила на столѣикъ книгу, которую читала.

—Позвольте? повторила Анна Ѳедоровна почтительнымъ тономъ, но какъ-то твердо-настойчиво.

—Да-ну, заприай, заприай! Что случилось?..

И страхъ, и любопытство взволновали госпожу Лампасову.

Старушка тѣмъ же кошачьимъ шагомъ направилась къ двери, заперла ее и живо очутилась у кресла своей госпожи.

—Сколько разъ я говорила тебѣ, Анна Ѳедоровна, чтобы ты меня не смѣла пугать?.. Что это у тебя за манера!..

Анна Ѳедоровна молчала и смотрѣла упорно въ пухлый подбородокъ барыни.

—Какіе нибудь пустяки, а ты сейчасъ и голосъ измѣнишь, и двери запираешь начнешь, продолжала генеральша далеко не сердитымъ голосомъ—если кого любить, того жалѣютъ, берегутъ!..

—Винувата-съ, матушка, Марья Павловна... Ужъ я лучше въ другой разъ, проговорила ключница.

—Ну, вотъ еще! Ужъ начала—такъ говори. Все равно встревожила меня... Ну, что такое?..

По правдѣ сказать, Марья Павловна любила все романтическое, таинственное, страшное, и вообще не прочь была давать полную волю своему воображенію. Если она и читала подобныя нотации Аннѣ Ѳедоровнѣ, то это только такъ... для виду, что очень хорошо и понимала Анна Ѳедоровна.

Ключница легонько крикнула, наклонилась к барынь и прошептала:

— Заговорь-сь, заговорь открыла...

— Что? За-го-ворь... Какой заговорь?!

Как страшно и приятно было в эту минуту Марья Павловна!

— Подслушала-сь... Смуту насчет нашей барышни... Онъ смущаетъ ее, хотятъ совлечь...

— Кто онъ?

— А сосѣдскія барышни: Софья Яковлевна и Людмила Яковлевна. Да-сь... Онъ и напроски потихоньку курятъ, однѣ днемъ гулять ходятъ... «Мы, дескать, по-африкански!»

— По-американски, поправила генеральша.

— А Сашенька наша, извѣстно, не такъ воспитана. Смутитъ невнимательную душу очень даже легко-сь... Ну и годочки-то ихніе теперь ужъ настоящіе, не дѣвочка она, а дѣвица какъ надо быть...

— Дѣло-то, дѣло въ чемъ? Ахъ, говори по порядку! Ну, садись вотъ на это кресло...

Анна Оедоровна только и ждала этого приглашенія.

— Ахъ, зачѣмъ же-сь... Я и постою... Помилуйте, матушка Марья Павловна! А дѣло было такъ-сь: сегодня, послѣ фриштики, когда вы позволили уйтъ къ себѣ—барышни пошли въ Сашенькину комнату. Только смотрю это я—и замѣтила, что Сашенька какъ будто чѣмъ-то озабочена... Глазки такіе неспокойныя и, можно сказать, даже грустныя... Дверь-то онѣ притворили, да не плотно. Слышу—бесѣдуютъ о чемъ-то, и такъ это рѣзисто, особенно Софья-то Яковлевна... Убѣждаютъ нашу барышню, уговариваютъ... Думаю я себѣ: грѣхъ на моей душенькѣ будетъ, если я не подслушаю ихней бесѣды... Можетъ что и не дѣло затѣвають, но африкански?.. Ну, притворила я дверь тихонечко—смотрю, а онѣ всѣ за драпир сидятъ—значитъ, меня-то имъ не видать. Стала слушать. А тутъ ступилъ у двери стоить—я и сѣла вотъ такимъ манеромъ.

Анна Оедоровна опустилась въ кресло.

— Ну, сѣла. Слушаю. Сашенька и говоритъ: «Нѣтъ, я боюсь... Не смущайте вы меня... Хотя и дѣйствительно, говоритъ, сердце мое стремится, но боюсь...» А Софья Яковлевна ей: «Ахъ, ты ребенокъ! Бояться волковъ—въ лѣсъ не ходить... Да ты только рѣшишь, а ужъ какъ познакомишься—такъ навѣрно полюбишь! Тебя такъ и станеть къ нему тинуть»...

— Къ нему? Кто же это онъ? спросила генеральша, слегка сдвинувъ брови.

— А ужъ этого не знаю, матушка, и врать не хочу... Только должно быть, что онъ изъ военныхъ, потому онѣ его ужасъ какъ расхваливали: и блестящій-то онъ, и голубой такой... Либо гусаръ, либо уланъ—Богъ ихъ вѣдаетъ!... По словамъ-то ихъ видно, что мужчина красивый, крѣпкій...

— Вѣрно гродненскій гусаръ, мелькнуло въ головѣ Марьи Павловны—у нихъ голубой мундиръ... Но гдѣ же она его видѣла?..

— Ну, одно слово—такой красавецъ, что даже духъ захватываетъ!.. Сама слышала, какъ Людмила Яковлевна сказала: «духъ захватываетъ»... А бояться его нечего: никакихъ неприятностей не сдѣлаетъ... Да, какъ же! Развѣ влѣзешь въ душу-то къ нему?.. Ну, Софья Яковлевна, впрочемъ, и сказала: «Надо быть, говорить, осторожной, потому путь это скользкій... Долго ли до паденія? Свихнуться, говорить, не мудрено... А ты держись твердо, а главное—не робѣй»...

Генеральша опять сдѣлала большіе глаза.

— Свихнуться не мудрено... Такъ и сказала?..

— Такъ и сказала, потому много примѣровъ бывало, что неосторожныя падали...

Марья Павловна вспыхнула.

— Врешь ты все! Не можетъ этого быть, чтобы Саша... Не вѣрю, не вѣрю!

— Какъ угодно-сь, только я не вру, обидѣлась Анна Оедоровна,—отсохни мой языкъ! И что мнѣ врать?.. Пятнадцать лѣтъ у васъ живу, Петеньку и Сашеньку вынуждала, а ни разу не солгала передъ вами, матушка Марья Павловна!..

— Ну, а Саша что-же?

— А Сашенька опять: «Нѣтъ, боюсь... Да кому-же, говорить, я привыкла все мамашѣ говорить, а тутъ потихоньку... А такъ бы, кажется, и бросилась»...

— Ахъ, скверная дѣвочка! воскликнула про себя генеральша.

— Ну, а потомъ, слышу, заговорили промежъ себя понотомъ... Засмѣялись... Кто-то изъ нихъ вскочилъ со стула... Тутъ Софья Яковлевна крикнула: «Молодецъ Саша!» Цѣловаться стали... Я поскорѣй прочь, да вотъ къ вамъ и явилась...

— Ну, хорошо... Стулай и сейчасъ позови... Нѣтъ, не надо! Не зови ее... Погоди, Анна Оедоровна...

Марья Павловна задумалась. Она очевидно была встревожена... Въ самомъ дѣлѣ, Сашенькѣ ужъ восемнадцать лѣтъ... Въ эту пору сердце просыпается... Первая любовь внезапно овладѣваетъ имъ... Тутъ генеральша вспомнила, что она сама въ первый разъ влюбилась, когда ей было семнадцать—и тоже въ военнаго... Все таки нельзя же это такъ оставить...

— Слушай, Анна Оедоровна, заговорила она—я такъ рѣшилась: покаместъ не надо подавать виду, что мы знаемъ, но нужно строго сдѣлать... Понимаешь? Что замѣтишь—сейчасъ доложи мнѣ. Если письмо увидишь какое—перехвати и неси сюда... А главное—никому ни слова! Держи языкъ за зубами... Слышишь?..

Ключница только собралась было зарекомендовать себя, увѣрить, что она первостатейная скромница, какъ вдругъ за дверями будуара раздались веселые голоса... Кто-то дернулъ за ручку замка, пробуя отворить дверь.

— Мамаша! крикнула Сашенька за дверями.

— Отвори, шепнула Марья Павловна ключницѣ.

Анна Оедоровна исполнила приказаніе.

Въ комнату влетѣла Сашенька и двѣ ея подруги—«сосѣдскія барышни, африканки».

— Душечка, мамаша! звонко зашептала Сашенька.—Я къ вамъ съ большой-пребольшой просьбой... За Соней и Лялей приѣхали большіе сани... Пустите меня съ ними покататься!..

— Ахъ, отпустите ее, Марья Павловна! Пожалуста! заговорили разомъ Софья и Людмила Яковлевны.

— Ну, мамаша, будьте такія добренькія!

— Погода чудесная! Семь градусовъ только!

— Навѣ кучеръ Петръ—хорошій кучеръ!

Марья Павловна пытливо поглядѣла на Сашеньку.

— Что это тебѣ вдругъ гулять захотѣлось? Ты такая была домосѣдка... Холоду боялась... а?..

— Я не хочу больше быть домосѣдкой...

— Да и это вредно! воскликнула Софья Яковлевна.

— Для здоровья необходимо гулять! прибавила Людмила Яковлевна.

— Ну, хорошо. Только одѣнься же потеплѣе...

— Ахъ, душечка мамаша! Сорокъ пять миллионѣвъ мерси!

— Погоди, погоди, сѣге! остановила ее Марья Павловна.—Я согласна тебя отпустить, но съ условіемъ: такъ какъ сани большіе, то будетъ мѣсто и Аннѣ Оедоровнѣ... Анна Оедоровна, ты поѣдешь съ ними.

Барышни скрыли легкую гримаску, но въ то же мгновеніе старшая «африканка», незамѣтно толкнувъ сестру и Сашеньку, весело проговорила:

— О, конечно, мѣсто и для нея найдется!

— Беремъ ее, беремъ! подхватили Сашенька и Людмила.—Идите, Анна Оедоровна, одѣвайтесь! Поскорѣй! Мы сейчасъ готовы будемъ... Марш!..

И три граціи выпорхнули изъ будуара.

— Ты, Анна Оедоровна, имъ не прекослони, а только наблюдай, и потомъ все мнѣ перескажи, сказала генеральша.—Ну, ступай же.

Ключница кисло улыбнулась и выскользнула изъ будуара. Она думала иначе распорядиться своимъ временемъ: послѣ открытія заговора, ей хотѣлось вслѣдъ испить кофійку, а тутъ надо ѣхать въ качествѣ наблюдательницы, заблудить на морозѣ... Да и боялась она «господскихъ» лошадей... Но ужъ дѣлать было нечего!.. Не прошло и пяти минутъ, какъ крѣпкая пара вороныхъ понесла по снѣжной дорогѣ трехъ барышень и старую Анну Оедоровну.

— Шибче! скомандовала Софья Яковлевна.

— Куда приказывали? спросилъ кучеръ.

— Ну-да, туда! Живѣй, Петръ!

— Господи Иисусе! прошептала Анна Оедоровна и зажмурила глаза, чтобы не видѣть, какъ справа и слѣва замелькали дома, выѣски, фонарные столбы, экипажи, люди... Ухъ, даже духъ захватывало!..

* * *

Прошло два часа. Марья Павловна ходила по гостиной и думала о томъ, когда дочь ея успѣла влюбиться въ гусара... Кто онъ такой?.. Изъ хорошей-ли фамиліи?.. Гдѣ она могла его видѣть?.. У сосѣдокъ? Очень можетъ быть... Тѣ, разумеется, приняли въ ней участіе... Ну, какъ же—первая любовь и не помочь!.. Вызвались устроить свиданіе на прогулкѣ... Но зачѣмъ ей такъ скрывать со мной?.. Странно, Саша была со мной прежде откровенна... Но вѣдь если свиданіе состоится, если она увидитъ его, то гдѣ гдѣ же ей скрыть радость?.. Сейчасъ на лицѣ все увидишь...

Въ прихожей звякнулъ колокольчикъ и, минуто спустя, въ гостиную впорхнула Сашенька—такая свѣженькая, розовая, сіющая... Она не ожидала встрѣтиться тутъ съ мамашей и—смущалась...

— А-а, протянула Марья Павловна и взяла ее за руку.—Долго же вы гуляли!.. Постой, постой!.. Какъ у тебя глаза и щеки горятъ!.. А гдѣ Анна Оедоровна?..

— Она пропала, кажется, въ свою комнату...

— Отчего ты прямо не глядишь на меня?..

— Я?.. Нѣтъ, я прямо...

— Саша, ты ничего не скрываешь отъ меня?.. Ты какъ будто смущена... Да?.. А вѣдь я знаю все...

— Все знаете?.. Ну, виновата!.. Простите!

И Сашенька, поймавъ руку матери, поцѣловала ее.

— Простите! Я не хотѣла вамъ раньше говорить, потому что... потому что вы, пожалуй, помѣшали бы, не позволили... Но ахъ, мамаша, какое это пріятное ощущеніе, если бы вы знали!.. Предеть что такое!.. Я съ перваго раза все поняла... Вѣдь это такъ просто...

— Все поняла?.. Прек-кра-сно!.. Конечно, все это очень просто... И ты—влюбилась!..

— Совсѣмъ влюбилась! Я не видѣла, какъ время пролетѣло... Я не могла съ нимъ расстаться... И ноги даже не устали!..

— Разстаться с ним не могла?.. Вот как!..
 Марья Павловна даже покраснела и глаза вытаращила.
 — Скажите пожалуйста!.. Ноги не устали... Что-ж ты танцовала с ним, что-ли?.. Прошу покорно!.. Уж точно что по-американски... И фамилию этого гусара знаешь? Говори все!..
 Сашенька в свою очередь вытаращила глаза.
 — О каком вы гусаре говорите, мамаша?..
 — Ну-да, в блестящем-то голубом мундире — кто он?..
 — В мундире?.. Я, право, не понимаю...
 — Ну, конечно, пальто у него было сверху... Ты меня не понимаешь?..
 — Позвольте, мамаша...
 — Позвольте — ты где была?
 — Да мы все, вчетвером, были на катке и... и я брала первый урок катанья на коньках... Я не хотела вам раньше говорить... Вы так всегда за меня боитесь! Ах, право, это не опасно!.. Сначала я держалась за Лялю и за Соню, ну, а по-

томь и сама ршилась... И — ничего!.. Только там, мамаша, никакого гусара не было... Хотя у Анны Федоровны спросите!..
 Генеральша опять покраснела и не знала что сказать...
 — Ну, поди же,ними кофточку... Внш как ты раскрасилась!.. Долго-ли простудиться...
 — А вы позволите мне еще... туда?
 — Увидим, увидим... Только зачѣм ты мне не сказала?.. Это не хорошо, ма сѣре.
 — Больше не буду. Простили — да?..
 И Сашенька обняла мамашу.
 — А теперь вы скажите, о каком гусаре...
 — Да это так... понутила... Ну, иди же, иди!
 Дѣвушка выбѣжала изъ гостиной.
 — Ну, хороша ты, Анна Федоровна! говорила потом генеральша ключницѣ. — Гусара голубого выдумала!.. Это онъ про катокъ говорили... Конечно, дѣдъ блеститъ, и цѣта онъ голубого.. Ахъ, ты! Кофе крѣпкій пьешь — вотъ у тебя въ ухахъ и шумитъ, слышишь худо... Пей-ка кофе свой съ водичей!

Соколова гора

у Саратова.

В лоцине, у подножия горъ, ставших стѣной съ сѣвера и востока — лежить Саратовъ, самый населенный городъ на Волгѣ. Собственно Соколовой называется сѣверная гора. Многія возвышенности волжскихъ береговъ носятъ это названіе (такъ, есть Соколовы горы на луговой сторонѣ, по рѣчкѣ Соку, есть въ Жегуляхъ и Усольскихъ горахъ, на лѣвѣ). Одни утверждаютъ, что оно произошло отъ крутыхъ утесовъ, скалъ, а другіе ссылаются на мѣстные преданія о томъ, что будто въ старые годы на ихъ вершинахъ водились соколы. Последнее преданіе сохранилось и о Соколовой горѣ у Саратова. Теперь на ней глѣтъ и слѣдовъ когда-то бывшаго лѣса — онъ давно вырубленъ и уступилъ мѣсто тощей, выжигаемой каждое лѣто солнцемъ травѣ. Склоны, обращенные къ городу, все изрыты вѣшними потоками и дождями; мѣстами застроены (по горѣ дѣлятся домики предмѣстья); на одной изъ вершинъ (шихановѣ) — татарское кладбище — поперечный Глѣбовскій оврагъ обнажаетъ толстыя напластованія глины, супеску и известняка.

Съ гребня Соколовой горы на далекое разстояніе видно за-волжье; внизу — протокъ Волги Тарханка, Беклемишев островъ, дальше — все широкое русло рѣки съ песками, зеленью, озерами и затонами. Съ южной стороны, къ Волгѣ — страшный обрывъ, отъ котораго немногимъ уступаетъ выдающимся пунктамъ Жегулей и Усольскихъ горъ, что легко видѣть изъ слѣдующей таблицы высотъ, выраженныхъ саженями:

Сѣрная гора	110.
1-я вышка Молодецкаго кургана	101.
2-я вышка	98.
Караульный бугоръ (въ Усольскихъ горахъ)	87.
Обрывъ Соколовой горы	80.

Блѣный Камень, Усинскій курганъ (31 с.), скала Лепешка (22) и др. очевидно не могутъ идти въ сравненіе.

Соколова гора достойна вниманія и въ историческомъ отношеніи, имѣя ея записано въ исторію молодого края.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ Саратовъ ждалъ къ себѣ Пугачева. Городъ въ то время былъ не великъ и плохо укрѣпленъ. Земляной валъ, наскоро поднятый по приказанію воеводы Бошняка, тянулся черезъ базаръ, мимо церкви Михаила Архангела до воеводскаго дома, а за воеводскимъ домомъ начинался лѣсъ, гдѣ часто находили себѣ убѣжище шайки смѣлыхъ разбойниковъ. Въ Саратовѣ было до 8,000 народу; цѣлый полкъ солдатъ, которыхъ жители въ шутку прозвали краснопереыми, да нѣсколько чугунныхъ пушекъ на валу, кромѣ другаго оружія. Бошнякъ долго ждалъ Пугачева, наконецъ рѣшилъ оставить для охраны города три тысячи, а съ остальными идти въ лѣсъ, гдѣ надѣялся напасть на самозванца врасплохъ. Изъ города велѣно было идти на помощь, какъ только заслышатъ палубу. Но Пугачевъ выбралъ иной путь къ Саратову: онъ укрѣпился въ двухъ верстахъ отъ Бошняковой засады и дѣлалъ видъ что хочетъ сдѣлать нападеніе. Ночью множество костровъ, разложенныхъ въ пугачевскомъ лагерѣ, еще болѣе убѣдилъ въ этомъ Бошняка. Воевода рассчитывалъ напасть рано утромъ, на сонныхъ. Пугачевъ однако не дремалъ. У огня оставленъ былъ небольшой отрядъ, а главная сила, тысячъ въ восемь или десять, повернула влѣво на Каланчу и Соколову гору, гдѣ помѣстилась артиллерія. Пугачевскія пушки очутились въ тылу саратовскихъ укрѣпленій и осада началась съ утра. Съ Соколовой, прямо по городу, летѣли ядра; съ Каланчи, въ перерѣзъ, летѣли другіе. Бошнякъ былъ отрезанъ отъ Саратова. Кое-кто изъ пугачевцевъ пробрался черезъ Глѣбовскій оврагъ въ городъ; мятежники укрѣпились въ гостинномъ дворѣ и грабили лавки. Другой отрядъ Пугачева, совершенно неожиданно для жителей, высадился съ

Волги. Преданіе говоритъ, что будто самозванецъ, разстрѣлявъ всѣ ядра и картечь, отдалъ приказъ заряжать пушки тяжелыми мѣдными деньгами, причемъ саратовской черни удалось поживиться Екатеринбургскими пятаками. Отъ непрерывныхъ выстрѣловъ городъ запылалъ и половина его выгорѣла. Испуганные жители бѣжали въ лѣсъ, на Волгу, гдѣ кормились кое-чѣмъ, другіе передались. Бошнякъ, видя что дѣло проиграно — тоже бѣжалъ; войско, бывшее съ нимъ, перешло къ пугачевцамъ. По городу начался грабежъ.

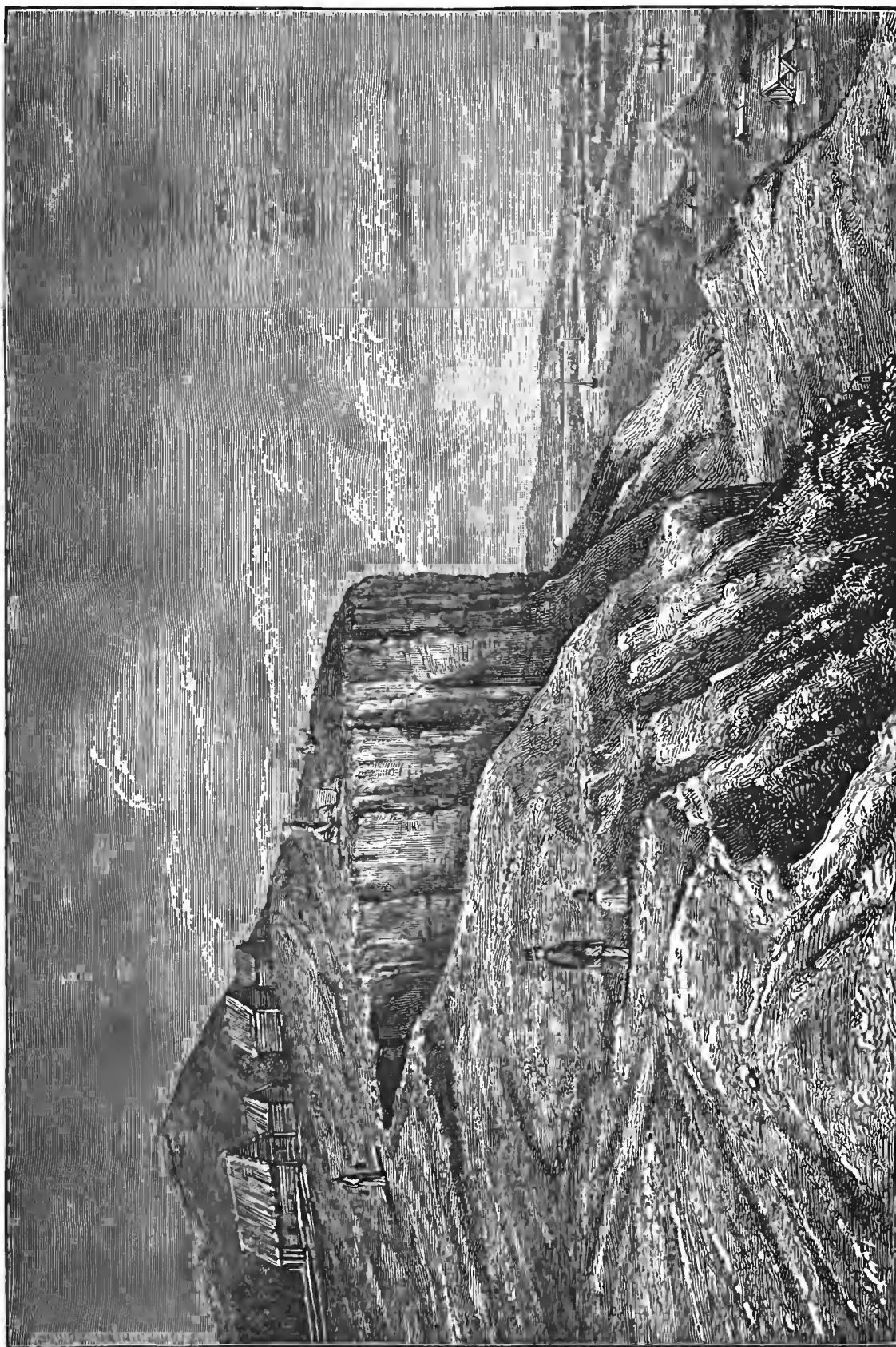
На шиханѣ Соколовой горы стояла и палатка самозванца, около трехъ тысячъ человекъ пришли къ ней съ повинной головой. Ихъ велѣно было приводить къ присягѣ.

«Тутъ насъ подвели ближе къ палаткѣ Пугача», пишетъ очевидецъ саратовской осады, Калмыковъ, «и онъ сказалъ намъ рѣчь, во время которой я могъ разглядѣть весьма хорошо его черные глаза и черные усы. Палатка была шелковая бѣлая, съ разными золотыми узорами. Внутри ея было небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ и золотой бахромой, что все представляло глазамъ весьма пріятный видъ. На этомъ возвышеніи сидѣлъ Пугачъ во фракѣ, съ кортикомъ, а на головѣ имѣлъ казацкую шапку съ золотымъ крестомъ. Ленту имѣлъ голубую, а на правомъ плечѣ — звѣзду. Въ рукахъ у него была зрительная труба, въ которую онъ по временамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита около него была также съ крестами и медалями, на подобіе генераловъ».

«Я вѣдь законный императоръ», говорилъ Пугачовъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, — жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единого. Они склонили ея, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился и они всѣ вознегодовали на меня, подо-сали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ — выпелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоцѣнной для всякаго русскаго. Ступайте, живите — наслаждайтесь ею! Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву».

На крутомъ обрывѣ Соколовой горы стояли висѣльщицы, на которыя то и дѣло вадергивали людей, слышались плачъ и крики о пощадѣ. Нѣсколько дворянскихъ семействъ, желая укрыться отъ самозванца, переодѣлись въ крестьянское платье, вымазались сажей, но были узнаны и схвачены. Ихъ повѣсили всѣхъ. Сюда-же, на Соколову гору, пригнали съ Волги шестьдесятъ бурлаковъ и казнили за то, что будто они ругали Петра третьяго. Трупы, еще не успѣвшие остыть на висѣльцѣ, кидали съ обрыва, а внизу мятежники подбирали ихъ и стаскивали въ Волгу.

По улицамъ Саратова металась буйная толпа пугачевцевъ, лилась кровь, валялись груды тѣлъ. Самозванецъ все время не сходилъ съ Соколовой горы, простоялъ на ней около недѣли; затѣмъ снялъ лагерь и двинулся по Астраханской дорогѣ. Надолго остались въ памяти саратовцевъ шиханъ Соколовой горы надъ городомъ и страшные дни первыхъ чиселъ августа 1774 года. Не такъ давно, 26 июня 1859 года, Соколова гора опять напомнила о себѣ: на ней произошелъ обвалъ, отъ котораго потеряли бѣдные жители 4-й части города. Земля дала нѣсколько глубокихъ трещинъ, параллельно теченію Волги; часть горы сползла. Обвалъ этотъ былъ четвертымъ въ исторіи горы: первый случился въ концѣ прошлаго столѣтія; второй и третій — въ первой половинѣ нынѣшняго. Многіе выражаютъ опасеніе, что рано или поздно катастрофа должна повториться, потому что Соколова проточена атмосферными осадками и родниками, а грунтъ горы не крѣпокъ.

Обрывъ Соколовой горы на Волгѣ. Съ акварели Профессора Боголюбова, рис. И. Космаковъ, грав. Барановскій.

САМОѢДЫ НА НЕВѢ.

Странное впечатлѣніе испытываетъ — не коренной петербуржецъ, а затѣжій провинціалъ, попавъ о святкахъ на широкую Неву-красавицу, сплошь опушенную своею зимней горностаевою мантѣей. Прїѣхавъ ненадолго, онъ прежде всего торопится познакомиться съ знакомыхъ и нужныхъ людей; вотъ онъ побывать уже почти по всѣхъ людныхъ частяхъ города, на Литейной, на Невскомъ, въ Морскіяхъ, и пробирается къ старому университетскому товарищу, прїютившемуся гдѣ-то въ углу Васильевского острова или въ мирныхъ палестинахъ Петербургской стороны. Весь еще взбурораженный и оглушенный звонками омнибусовъ, грохотомъ колесъ и гуломъ той стоголовой гидры, что зовется петербургскою панелью, — онъ прїятно успокаивается, выѣзжая къ безлюдью набережной, кутаясь потеплѣе въ шубу отъ рѣзкаго пронизывающаго вѣтра изъ дощины рѣки. Саши тихо скользятъ по наклонной плоскости одного изъ свѣздонъ на ледъ; широкая бѣлоснѣжная скатерть разстилается передъ глазами — вдругъ... что это?... не сонъ ли на яву?...

Въ самомъ сердцѣ цивилизованнаго города, который едва-ли не одинъ во всей Россіи можетъ похвастаться вымпломъ европейскимъ, на среднѣй царственной Невѣ, высится коническій палатъ изъ тонкаго лѣса, покрытый хлоростомъ и обложенный дерномъ; палатъ этотъ топится — изъ отверстій на верху конуса валяютъ струйки дыма, — значить здѣсь живутъ? — да, понѣ изъ-за лхаднаго полога выглядываетъ женщина съ ребенкомъ, словно сплосъ зашиглы въ зпѣриныя шкуры. А что это за живогныя стопплсь у входа въ это чудное жилище? «Боже мой! да это стверные олени!» восклицаетъ изумленный туристъ, протпрал глаза. Пѣтъ сомнѣнія, это лопская вѣжа или самоѣдскій чумъ. Вонъ и самоѣдъ въ своей *малитѣ*, или лопарь, закутанный въ

свой *печокъ*, родъ мѣховой рубашки шерстью вверхъ, поверхъ котораго надѣтъ еще полушубокъ; сидитъ онъ прикурнувъ на своихъ самоѣдныхъ санкахъ и поджидаетъ охотника прокатиться подлѣ Невы-широкой. Если прибавить къ этому нѣсколько собакъ, очень похожихъ на эскимосскихъ, да затѣную порону, поровнищую поживиться косточкой, — картина будетъ совершенно полна...

Какъ попали сюда эти дикіе кочевники далекаго, крайняго сѣвера, — эти маленькіе люди, едва достигающіе 5 футовъ росту, съ жпвыми глазками, острыми подбородкомъ, широкимъ ртомъ и толстымъ, приплюснутымъ носомъ? Увы! неужели и этимъ дѣтямъ природы не чужда корысть и порождаемые ею промыслы?.. Да, читатель, если вамъ не жалъ нѣсколькихъ конфекъ, можете доставить себѣ удовольствіе прокатиться по Невѣ на тѣхъ самыхъ оленяхъ, которые быть можетъ не разъ перекрестили вдоль и поперекъ безотрадные снѣговья пустыни лопской земли и кольскаго побережья... Что самоѣды — настоящіе самоѣды — время отъ времени нлѣются въ сѣверную Пальмиру за этимъ промысломъ — фактъ несомнѣнный, и даже въ то время, когда мы шпнемъ эти строки, противъ Сенатской площади расположилась цѣлая семья ихъ, торгующая семгой своего улова, обувью изъ оленьихъ шкуръ и т. п. мѣстными пздѣльями. А потому, если вы мой добрый читатель случайно заглянете въ эту сторону — дайте имъ ваши нѣсколько конфекъ, хотя бы даже и не пожелали подвергаться риску на ихъ допотопномъ экипажѣ. Помните, что въ такой точно вѣжѣ, по средѣ всѣхъ лишній полярной мачихи-природы, живетъ иногда обширная семья — и живетъ она исключительно рыбой да безвкусными бѣлыми куропатками, которыхъ просто-душный дикарь считаетъ летучею рыбой и съ чистой совѣстью ѣстъ даже великимъ постомъ.

НОЧЛЕЖНЫЕ ПРИЮТЫ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Раздается пронзительный свистъ, толпа скупившаяся на встрѣчу приближающемуся поѣзду. Вскорѣ раздаются радостныя восклицанія, сердечныя привѣтствія, какъ прїѣзжихъ, такъ и встрѣчающихся; вездѣ радостныя, веселыя лица.

Наконецъ толпа разошлась; и тѣ, которыхъ никто не встрѣчалъ, также съ удивренностью пошли своей дорогой, какъ люди знакомые съ мѣстомъ и знающіе куда имъ идти; только одна молодая, свѣженькая деревенская дѣвушка, съ узелочкомъ въ рукахъ (знакъ, что она прїѣхала въ Берлинъ искать мѣста), одиноко и задумчиво стояла всторонѣ. Къ ней подошелъ смотритель станціи, и на оспѣтъ ей, что она не знаетъ куда ей идти въ такую пору, указать ей на объявленіе, вывѣшенное на стѣнѣ: «Бездомныя женщины и дѣвушки находятъ ночлегъ въ пріютѣ Фюзилпритрассе, № 3; бездомные мушны въ пріютѣ Бюппингитрассе, 4». Смотритель ласково разсказалъ ей дорогу, успокоилъ ее, такъ что она весело изjala свой узелокъ и пошла по указаннымъ улицамъ.

Но меня, все время слѣдившаго за этой дѣвушкой, тяжело поразило слово «бездомный». Ужасная мысль! Не имѣть во всемъ мірѣ угла, который бы можно было назвать своимъ, — не знать, куда можно преклопить на ночь свою усталую голову!

Неужели же много такихъ несчастныхъ? Я вернулся домой, въ свою тѣсную, уютную комнату, гдѣ ждала меня моя милая жена, съ моими дорогими малютками, и такъ прїятливо горѣла лампа; но я не могъ радоваться своему счастью — мысль о «бездомныхъ» преслѣдовала меня; на другой день я пошелъ вечеромъ въ *мужеской*, на слѣдующій день въ *женскій пріюты*. Мнѣ хочется подѣлиться съ читателями всѣмъ, что я тамъ видѣлъ прекраснаго. Можетъ быть разсказъ этотъ пріобрѣтетъ новыхъ друзей добруму дѣлу, и дастъ нѣкоторыя полезныя указанія учредителямъ подобныхъ благотѣльныхъ учреждений, изъ которыхъ такъ пуждаются большіе центры, куда стекаются съ разныхъ сторонъ массы народа.

Оба пріюта устроены почти одинаково; они служатъ убѣжищемъ только на ночь, отворяя свои ворота вечеромъ и запирая ихъ утромъ. Каждый, входящій сюда, заявляетъ о себѣ у окна «отцу дома», объявляетъ сколько ему лѣтъ и сколько разъ онъ уже почевалъ въ пріютѣ въ этомъ мѣсяцѣ. Все это записывается въ книгу. Жепщины имѣютъ право пользоваться пріютомъ только пять разъ въ мѣсяцъ, мужчины моложе 30 лѣтъ два раза, старше этого возраста три раза. Всѣ эти безпріютные люди получаютъ здѣсь самый прїятливый прїемъ. Каждому назначаютъ въ какой этажъ ему идти, въ первый, во второй или въ третій. И въ этомъ распорядкѣни пргладываетъ трогательное вниманіе къ возрасту и силамъ ночлежниковъ; молодые посылаются

въ верхній этажъ, старыя или убогіе въ нижній. Ни имени, ни обстоятельности приходящихъ въ пріютъ не спрашивается, и эта деликатность служитъ характеристическимъ отличіемъ этихъ пріютовъ отъ полицейскихъ прїемныхъ покоевъ.

Чтобы ясно показать разницу между первыми и послѣдними, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на полицейскомъ пріемномъ покоѣ. Этотъ покой находится въ полицейскомъ зданіи на Мольткенмарктѣ. Черезъ занятый караульными дворъ намъ нужно пройти къ заднему флигелю и подняться во второй этажъ. Тутъ передъ запертymi дверями съ желѣзной рѣшеткой, каждаго приходящаго принимаетъ полицейскій чиновникъ и ведетъ въ контору, гдѣ записывается его имя, званіе и прочее; первое клеймо положено на бѣдняка, онъ «записанъ въ книгу», какъ голорится въ народѣ. Затѣмъ онъ уже идетъ на свое мѣсто. Мужчины помѣщаются отдѣльно отъ женщинъ и дѣтей. Въ большой затѣ стоятъ ряды низенькихъ деревянныхъ скамеекъ; на нихъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидятъ цѣлую ночь 50, 60, 70 и болѣе человекъ, обратясь лицомъ къ возвышенію, на которомъ сидитъ дежурный полицейскій. Никто не смѣетъ выйти изъ комнаты, даже вагерь-клизетъ находится тутъ же, за деревянной перегородкой. За неповиновеніе или буйное поведение, которое особенно часто позволяютъ себѣ пьяные ночлежники, ихъ тотчасъ же запираютъ въ «карцеръ». Женская комната — точно такая же, съ той только разницей, что она не такъ палита народомъ, и потому ночлежницы могутъ тамъ расположиться нѣсколько удобнѣе.

Въ такомъ состояніи, безъ всякой пищи, они остаются здѣсь до 10 часовъ утра; затѣмъ каждый подвергается докторскому осмотру, его не могутъ избѣжать ни женщины, ни дѣвушки — часто это ведетъ къ ужаснымъ сценамъ! Послѣ этого всѣ разпускаются или подлѣ псытательный арестъ, или въ исправительный домъ или въ больницу, а попадавшіе въ покой нѣсколько разъ отсылаются въ рабочий домъ.

Какая разница въ ночлежномъ пріютѣ! Всякій находитъ тамъ ласковую встрѣчу; не принимаются только пьяные, но и тутъ, гуманный отецъ дома, принимая въ соображеніе, какъ легко можетъ впасть въ такое состояніе голодный или прозябшій, отводитъ для нихъ особенное мѣсто, гдѣ они могутъ проспать, а потомъ ужъ ихъ принимаютъ въ общую спальню, и отводятъ прежде всего въ комнату со всеми принадлежностями для умыванья, какъ-то: опрятными умывальниками, мыломъ, полотенцами. Каждый непременно долженъ вымыться. Въ другой комнатѣ приготовлены ванны, и каждый желающій или желающая могутъ взять тамъ ванну, и между тѣмъ проспунуть, а если нужно и разгладить свое платье. Ванны эти посѣщаются весь

ма охотно; въ мужскомъ пріютѣ ихъ берется до 700, въ женскомъ до 150 въ мѣсяцъ. Послѣ этого идутъ въ спальни; до сихъ поръ послѣднія устроены на 245 человекъ въ мужскомъ пріютѣ и на 120 въ женскомъ. Это свѣтлыя, высокія, отлпчно вентилированныя и теплыя комнаты съ желѣзными кроватями, пружинными матрацами и двумя покрывалами, одно для подстилки внизъ, другое для окутыванья. Все это чисто, опрятно. Кромѣ того есть столы и стулья, и у каждой кровати пара туфель. Здѣсь все спятъ, болтаютъ, читаютъ или книги изъ находящейся при пріютѣ маленькой библиотеки, или газеты, которыя держатся здѣсь нарочно для нуждающихся въ работѣ; потомъ ужинаятъ, такъ какъ каждый ночлежникъ получаетъ миску супу и порцію хлѣба. Многие пользуются временемъ, чтобы по возможности обчистить себя, на что имъ даются полотенца, нитки и лоскуты для заплатокъ. Залы эти производятъ самое отрадное впечатлѣніе; даже тѣ изъ ночлежниковъ, которые вначалѣ стѣсняются своимъ положеніемъ, вскорѣ бывають совершенно утѣшены, видя такое гуманное отношеніе къ себѣ въ этомъ комфортабельномъ, спокойномъ пріютѣ.

Каждый часамъ они ложатся спать, снимаютъ только сапоги и верхнее платье; утромъ опять все умываются, получаютъ по большой чашкѣ кофе съ маленькимъ хлѣбцомъ, и отдохнувъ и подкрѣпивъ такимъ образомъ свои силы, идутъ искать работы. Не позабыто и объ тѣхъ, которые бы внезапно заболѣли: въ каждомъ пріютѣ есть свѣтлая, чистая комнатка для больныхъ, гдѣ они могутъ оставаться до другаго дня или до прихода доктора; первыя домашнія средства, какъ напримѣръ ромашка, горчичники и т. п., всегда есть подъ рукой; а въ женскомъ пріютѣ, гдѣ возможны случаи такого нервнаго возбужденія, которое можетъ доходить до сумасшествія, есть для такихъ больныхъ особая комната съ мягкими стѣнами, такъ что находящіеся тамъ больныя не могутъ причинить себѣ никакого вреда.

Однимъ словомъ практическое и дышащее человеколюбіемъ устройство ночлежныхъ пріютовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Я просидѣлъ два вечера сряду съ «отцами домовъ» у ихъ оконекъ и смотрѣлъ на приходившихъ. Это удивительная смѣсь: сюда приходятъ и молодые мастеровые, или молоденькія служанки, честный, свѣжій народъ,—и рядомъ же съ ними вы видите заблудившихся или изнуренныхъ лицъ; здѣсь шплетъ пристанница идущій на родину съ котомкой за плечами, выписанный изъ больницы и еще не нашедшій себѣ мѣста, и тому подобный безпріютный народъ,—и каждый находитъ себѣ спокойный уголокъ на печь.

Очень рѣдко можно увидѣть здѣсь личность, которая заслуживала бы названіе сволочи, потому что такіе люди или ищутъ притока у своей же брата, или шатаются гдѣ попало, или находятъ ночлегъ въ разныхъ извѣстныхъ имъ вертепахъ, въ такъ называемыхъ «ямахъ».

А еслибы и попалъ сюда какой нибудь преступникъ—чтожъ изъ этого? Въ эту ночь онъ будетъ безвреденъ—и общество будетъ въ безопасности отъ него. Между тѣмъ эта благоприятная обстановка, гдѣ ему въ первый разъ оказываютъ безкорыстную поддержку, гдѣ съ нимъ обращаются какъ съ нуждающимся въ помощи, а не какъ съ отщепенцемъ общества, можетъ быть пробудить въ его душѣ самыя лучшія чувства и сдѣлаетъ переворотъ во всѣхъ его мысляхъ. Такіе случаи, конечно, не подлежатъ статистикѣ, но мнѣ кажется, что именно на закоренѣлаго человека такіа вещи часто производятъ удивительно теплое, примиряющее впечатлѣніе.

Сколько трогательныхъ и потрясающихъ сценъ пропосидѣть въ стѣнахъ этихъ пріютовъ! Такъ, на моихъ глазахъ привелъ въ пріютъ мальчикъ изъ Дрездена, потерявшій свою тетку; потомъ пришло двое плачущихъ дѣтей: во время ихъ отсутствія изъ дому, родителей ихъ прогнали съ квартиры, и бѣдные дѣти не знали гдѣ ихъ пахнутъ; несчастная мать пришла съ умирающимъ ребенкомъ,—«мать дома» подарила ребенку куклу, это была первая и единственная, какую онъ имѣлъ въ жизни, и малютка не сводила съ непрерывной игрушкѣ неподвижныхъ потухающихъ глазъ, пока не закрыла ихъ на вѣки; ребенокъ умеръ улыбаясь, и послѣднее его слово было: «моя кукла!» Вошелъ хорошо и опрятно одѣтый старикъ—«63 лѣтъ, въ первый разъ явившійся въ пріютъ», какъ онъ заявилъ о себѣ; очки, застѣнчивый, смущенный видъ, связка книгъ подъ мышкой, показывавш въ немъ нѣмецкаго ученаго—его очевидно также прогнали съ квартиры. Онъ робкимъ голосомъ попросилъ позволенія поужинать въ стѣнахъ, и чтобы его не видѣли, всталъ съ своей чашкой въ темный уголокъ подъ лѣстницей, а потомъ поскорѣ пошелъ въ спальную залу; и видѣлъ какъ онъ сидѣлъ тамъ низко спустивъ шляпу на лицо, такъ какъ еще не пришло время ложиться. Сколько надеждъ, сколько гордыхъ плановъ погибло въ этомъ человекѣ, и сколько трудовъ и горестей привели къ такому плачевному результату? Еще счастье его, что онъ найдетъ въ трудную минуту убѣжище, которое можетъ быть спасти его отъ самоубійства! А можетъ быть онъ еще получитъ отсюда и какую нибудь работу, перешпку и что либо подобное.

Отецъ дома по мѣрѣ своихъ силъ старается устроить тѣхъ, которые открываютъ ему свое положеніе,—разумѣется, не принимая на себя ручательства за рекомендуемыхъ имъ лицъ; многие обращаются сюда за рабочими или прислугой, и часто от-

сюда поступаютъ на очень хорошія мѣста,—потому что если на примѣръ дѣвушка, пріѣхавшая изъ деревни, приходитъ ночевать въ пріютъ, то это уже говоритъ въ ея пользу, такъ какъ она не пошла шиться куда попало, предоставляя себя всякимъ случайностямъ. Отецъ дома принимаетъ въ этихъ дѣвушкахъ большое участіе; случилось разъ, что одна бѣдная дѣвушка пришла изъ дому съ хорошимъ запасомъ бѣлья, платья и всего необходимого, и какая-то плутовка завела ее въ какой-то переулокъ и обобрала ее всю; громко плача, въ отчаяніи она вернулась назадъ въ пріютъ. Отецъ дома рассказалъ объ этомъ одному изъ вѣстному своимъ благотворительнымъ богатому господину; этотъ послѣдній взялъ дѣвушку къ себѣ, жена его сдѣлала ей въ замѣнъ потерянныхъ вещей новыя, потомъ достала ей хорошее мѣсто—и дѣвушка была спасена!

Такъ во всемъ господствуетъ здѣсь духъ чистѣйшаго человеколюбія; учредители этихъ пріютовъ заслуживаютъ величайшей признательности общества.

Интересно первое возникновеніе этихъ благотворительныхъ учреждений: первая мысль объ этомъ явилась слѣдующимъ образомъ:

Осень 1868 года была очень сурова; наступили пасмурные дни, длинныя ночи, погода стояла холодная и сырая. Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ вечеровъ, нѣсколько друзей, членовъ приходскаго благотворительнаго общества, сидѣли въ веселомъ разговаривали о томъ, о семъ; маленькое общество пріятно проводило время въ своемъ кружкѣ; въ свѣтлой, большой комнатѣ было такъ легко и уютно, а на дворѣ лишь дождь и шумъ изъ теръ. Вдругъ дождь захлесталъ въ окна—и сидѣть въ теплѣ и покоѣ показалось всеміи еще вдвое пріятнѣе, какъ кто-то сказалъ: «А бѣдные-то, которые бродятъ въ такую пору, голые, иззябшіе и бездомные!»

«Да, это ужасно, но этого не должно быть: мы устроимъ для нихъ пріютъ!»

Мысль эта необыкновенно воспламенила сердца присутствующихъ; они рѣшились энергически приняться за дѣло, и набравъ еще нѣсколькихъ членовъ, сначала обсудить это въ приходскихъ благотворительныхъ обществахъ, а потомъ идти и дальше.

Первое общее собраніе по этому дѣлу происходило 30-го ноября 1868 года, на него были приглашены президентъ полиціи и директоры благотворительныхъ обществъ, какъ лица особенно заинтересованныя обсуждаемымъ предметомъ.

Все являли готовность помогать прекрасному предпріятію. Стали обсуждать планъ, какъ водится, не обошлось безъ разныхъ, хотя и благонамѣренныхъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайныхъ мелочныхъ соображеній: говорили, что такой пріютъ будетъ давать привилегію безпорядочнымъ и лѣнливымъ, на счетъ хорошихъ и трудолюбивыхъ; что личности, способные еще исправиться, будутъ совершенно деморализованы, такъ какъ пріютъ предполагается бесплатныи, что это послужитъ только поощреніемъ разнымъ бродягамъ; говорили, что на посѣщеніе такого пріюта женщинами нечего и разсчитывать, развѣ что какія нибудь негодныя, скорѣе всего пышныя старухи, будутъ приходять въ него, и т. д. Но къ чести людей, задумавшихъ дѣло, все эти возраженія нисколько не испугали ихъ и не отклонили ихъ отъ того, что разъ было признано ими хорошимъ. Результаты показали, какъ неосновательны были все эти опасенія.

Итакъ, дѣло пошло съ Божьей помощью впередъ. Какъ прѣжде Авг. Герм. Франке основалъ Галльскій протестантскій домъ безъ копѣйки денегъ, съ одной твердой вѣрой, что Богъ не оставитъ его предпріятія,—такъ и теперь предсѣдатель Общества г. Тольде, 7-го декабря того же года, безъ существованія какой-либо кассы для этой цѣли, нанявъ за 280 талеровъ часть пустатаго помѣщенія артиллерійскихъ мастерскихъ, на углу Доротеенъ и Нейе-Вильгельмштрассе; 12-го декабря комитетъ напечаталъ воззваніе къ берлинскимъ жителямъ, благотворительныхъ которыхъ выказалась въ этомъ случаѣ самымъ блистательнымъ образомъ.

Пріютъ былъ открытъ 3-го января 1869 года; онъ былъ еще едва снабженъ чѣмъ нужно; члены комитета собрались въ пустыхъ комнатахъ; съ веселымъ духомъ и съ чистой радостью была прибита надъ входными дверями доска: «Ночлежный пріютъ для бездомныхъ женщинъ и дѣвушекъ» (потому что это казалось всего необходимымъ), и едва успѣли ее прибѣть, какъ дверь отворилась—и вошла молодая дѣвушка 18 лѣтъ, только что пріѣхавшая съ чужой стороны. Отецъ дома былъ въ затрудненіи, еще почти ничего не было готово, но все заговорили: «Нѣтъ, этой первой посѣтителыни мы никакъ не должны отказывать, надо хоть какъ бы ии было помѣстить ее».

Такимъ образомъ, эта молодая дѣвушка была въ ту ночь первой и единственной ночлежницей пріюта.

Какъ возросла съ тѣхъ поръ эта цифра!

Щедрыя пожертвованія, членскіе взносы, записательныя суммы, и наконецъ великолѣпный базаръ въ 1870 году, въ день открытія новой ратуши, дали средства, кромѣ женскаго пріюта, основать еще пріютъ для мужчинъ. Общество могло купить мѣсто и построить зданіе съ описанными выше приспособленіями.

Въ промежутокъ времени отъ 1-го апрѣля до 31-го октября прошлаго года, мужской пріютъ далъ убѣжище 42,918 ночлежникамъ (на 17,159 больше 1872 года); въ этотъ же періодъ времени, женскій пріютъ далъ 15,263 бездомнымъ женщинамъ пристанище, пищу, а при случаѣ, помощь и совѣтъ. Нѣтъ ника-

Самоѣды на Невѣ. Рис. Валдеръ, грав. Робертъ.

го сомнѣнія, что эти приюты удержали многихъ отъ болѣе глубокаго паденія, отъ порока и преступленія. Сколько усталыхъ, измученныхъ людей, отдохнувъ здѣсь, снова приобрѣтали силу работать! Въ первомъ году однихъ дѣтей было принято 2,370—ужасно выповорить—2,370 дѣтей безъ крова и приюта.

Образцовый порядокъ приютовъ держится главнымъ образомъ благодаря дѣятельному участию, принимаемому въ нихъ членами общества, которые постоянно инспектируютъ и каждый вечеръ посѣщаютъ приюты. Выборъ приютскихъ отцовъ

такъ хорошъ, что никогда еще не бывало никакихъ жалобъ, хотя есть книга для занесенія таковыхъ. О числѣ и возрастѣ почтенниковъ представляются суточные, мѣсячные и годовые отчеты.

Учредители приютовъ, преслѣдуя свою истинно челоѣколюбивую задачу, употребляютъ всѣ средства, чтобы обезпечить существованіе начатаго ими добраго дѣла въ будущемъ,—и по мѣрѣ увеличенія своихъ средствъ распространять его болѣе и болѣе въ настоящемъ.

С М Ъ С Ъ.

Смѣлость маленькихъ животныхъ. Смѣлость бываетъ часто врождена, самымъ маленькимъ животнымъ, что доказываетъ намъ порода барсучьихъ собакъ (таксовъ), которые безъ размышленія кидаются на самыхъ большихъ собакъ и другихъ животныхъ,—вступаютъ въ подземный бой, гдѣ даже часто мало воздуха, съ кусающимъ и очень осторожнымъ барсучкомъ, и при первомъ укушеніи не только не оставляютъ его, но готовы бороться все больше и больше. Подобную храбрость встрѣчаемъ мы и у горностаевъ (*mustela erminea*), которые вступаютъ часто въ бой съ животными, превышающими ихъ величиной своей въ 10 или даже въ 20 разъ,—какъ-то: съ зайцами, большими крысами и даже иногда рѣшаются бороться съ козулями. Мнѣ пришлось однажды видѣть необыкновенный случай, какъ маленький ястребъ-воробейникъ (*falco nisus*) напалъ на морскаго орла (*falco albicilla*); случай этотъ крайне поразилъ меня, такъ какъ я не могъ себѣ представить существованія подобной смѣлости въ такой маленькой птичкѣ. Вотъ какъ было дѣло: Я содержалъ довольно долго въ большой клеткѣ морскаго орла, кормилъ его сырымъ мясомъ и иногда животными, которыхъ живыми сажалъ ему въ клетку, галокъ, соорокъ, разныхъ подстрѣленныхъ птицъ, изрѣдка даже и кошекъ, которыхъ мой орелъ немедленно уничтожалъ. Однажды достался мнѣ ястребъ-воробейникъ, самый маленький изъ этой породы; и посадилъ его въ клетку и думалъ, что орелъ сейчасъ же справится съ нимъ. Но какого же было мое удивленіе, когда птичка, увидавъ своего большаго врага, тотчасъ же кинулась на него и такъ удивила орла своимъ нападеніемъ, что тотъ все отступая запертался въ самый уголъ клетки. Тутъ наступила пауза. Соперники смотрѣли другъ на друга съ угрожающими взглядами, пока наконецъ орелъ схватилъ когтистыми маленькаго героя и въ мгновеніе уничтожилъ его.

Окаменение тѣлъ. Въ настоящее время, когда такъ много интересуютъ вопросъ о сожженіи мертвыхъ тѣлъ, одинъ французъ изъ Гренобля, М-е Фонтине, придумалъ сдѣлать изъ нихъ слѣдующее практическое употребленіе. Онъ обрызгиваетъ умершаго составленною имъ для этого жидкостью, которая, устраняя разложеніе, имѣетъ свойство по прошествіи 5 лѣтъ, совершенно окаменѣть тѣла. Такимъ образомъ въ семействѣ можетъ сохраниться цѣлый рядъ предковъ, и современемъ Фонтине предлагаетъ, которому нибудь изъ потомковъ, сдѣлать изъ нихъ слѣдующее, тройное употребленіе.

Тѣла обыкновенныхъ людей будутъ служить фундаментомъ для строющагося дома; тѣла хорошихъ женщинъ поставятся въ паркѣ вмѣсто статуй; а знаменитые люди семейства, галванически облитые мѣдью, будутъ стоять на пьедесталахъ. Такъ-то можетъ устроиться, хорошо и со вкусомъ, челонѣкъ, оставшись при этомъ всегда въ кругу своего семейства!

Практическая исправительная мѣра. Въ Нью-Йоркѣ, какъ извѣстно, не славится чистотою нравовъ своихъ жителей, находится однако замѣчательное учрежденіе для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Это учебный корабль, на который сажаютъ испорченныхъ мальчиковъ и, подвергая самой строгой морской дисциплинѣ, стараются пересоздать ихъ, обращая въ порядочныхъ людей.

Морская жизнь, полная приключеній, такъ заманчива для молодости, что современемъ они обыкновенно обращаются изъ преступниковъ въ хорошихъ матросовъ.

Корабль «Меркурій», назначенный для этой мѣры, совершаетъ длинные рейсы, останавливаясь какъ можно менѣе въ гаваняхъ, чтобы тѣмъ не давая дѣтямъ сообщаться съ другими людьми.

Сѣра какъ огнегаситель. Мало извѣстный, но заслуживающій одобренія, способъ при гашеніи воспламеняющихся дымоныхъ трубъ—это сѣрный порошокъ.

Каждому домовладѣльцу не мѣшало бы имѣть его про запасъ, въ количествѣ отъ 1-го до 2-хъ фунтовъ, смѣшаннымъ съ 1-мъ или 1½ лотами пороха.

Въ случаѣ же пожара, осторожно всыпать порошокъ этотъ

въ соответствующую трубу плиты, печку или каминъ, поджечь его и поспѣшить удалиться, чтобы не задохнуться отъ дыма. При воспламененіи этого состава, образуется сѣрнистый газъ, который подымется къверху. Принадлежа къ разряду газовъ не поддерживающихъ дыханіе и горѣніе—онъ естественно уничтожитъ пламя въ нѣсколько минутъ.

Не лишнимъ считаемъ мы выписать изъ нѣмецкаго журнала «Über Land und Meer» слѣдующую весьма интересную и полезную замѣтку, о томъ, что такіе инструменты какъ косы, серпы, топоры, ножи и такъ далѣе, подвергаются, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, порчѣ; они синѣютъ, скашиваются и лишаются навсегда своего острія. Даже лунный снѣгъ дѣйствуетъ на нихъ, и мы видимъ, что оставленная невзначай пила въ одну ночь скривливается и не годится уже больше въ употребленіе.

Каудорсе, инспекторъ телеграфовъ въ Лозаннѣ (*Société Vaudoise des sciences naturelles*) обращаетъ наше вниманіе на уголь, какъ замѣчательный проводникъ электричества, и советуетъ защищать отъ молніи дома, стоящіе отдѣльно, слѣдующимъ образомъ: Взять два столба, обуглить ихъ поверхность во всю длину и вбить въ сырую землю не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Концы этихъ столбовъ, сверху, должны быть заострены конусообразно и снабжены металлическимъ шпидомъ, которымъ въ случаѣ крайности можетъ служить гвоздь, обращенный остриемъ вверхъ. Не мѣшаетъ вмѣстѣ со столбами зарыть немного желѣза, такъ какъ оно облегчитъ электричеству переходъ въ землю. Обугливаніе поверхности столбовъ, должно повториться, едва только будетъ замѣтно, что кора начинаетъ сходить; иначе утратится дѣйствіе этого новѣйшаго громоотвода.

Не смотря на то, что всѣ опыты, произведенные надъ воздухоплаваніемъ во время послѣдней осады Парижа, не привели ни къ какому практическому результату, духъ открытія и предпримчивости не ослабѣваетъ, а напротивъ двигается хотя мало по малу, но впередъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Вѣнѣ, одному механику, по имени Ленку, удалось изобрѣсти, вмѣсто до сихъ поръ извѣстныхъ шаровъ, воздушную лодку, управляемую посредствомъ руля; теперь же мы узнаемъ, что профессоръ Эрнестъ Миллеръ изобрѣлъ, въ свою очередь, такую же лодку и выставилъ ея модель въ одномъ изъ общественныхъ зданій Пешта. Модель эта, какъ по замысловатости своей конструкции, такъ и по точности движенія, съ которымъ подымается вверхъ, вполне одобрена компетентными судьями.

Постройка этой лодки, также какъ и ленковской основана на теоріи *птичьаго полета*, т. е. на движеніи впередъ, посредствомъ крыльевъ въ наклонной плоскости. Крылья приводятся въ движеніе особеннымъ двигателемъ, положеніе котораго въ воздухѣ не измѣняется. Напряженіе силы, при поднятіи лодки, совершенно нормально. Теперь ясно, почему не удавались прежнія высокія вычисленія при подъемѣ шара!

Движеніемъ двухъ крыльевъ, изъ которыхъ каждое принимаетъ противоположное направленіе (такъ какъ они приводятся въ движеніе независимо другъ отъ друга), совершается поднятіе всего тѣла. Третье же крыло, прикрѣпленное спереди, имѣетъ горизонтальное направленіе и даетъ лодкѣ ровное и горизонтальное же движеніе; простой парусъ, на кормѣ, замѣняетъ руль.

Отъ души желаемъ, чтобы проба въ большомъ видѣ удалась также хорошо какъ и въ маломъ; во всякомъ же случаѣ открытія Миллера и Ленка очень важны для слѣдующихъ воздухоплавателей предпріятій.

Церковныя, метрическія свидѣтельства, о рожденіяхъ, бракахъ и смерти, сохранялись въ Парижѣ въ Архивахъ Министерства Юстиціи, вслѣдствіе чего страшно пострадали отъ пожара этого зданія, во время революціи и коммуны. Бумаги эти почти обуглились и чтобы сдѣлать ихъ удобочитаемыми, прибѣгли къ слѣдующему весьма интересному способу. Осторожно снимаютъ

съ полокъ обзугленные томы, отдѣляютъ листы отъ корешковъ, смачиваютъ ихъ водою и держатъ надъ огнемъ. Испаряющаяся вода, начинаетъ медленно подымать первый листъ и на черной страницѣ обрисовываются еще болѣе темныя, какъ бы блестящія буквы, точно серебряныя цвѣты на темномъ бархатѣ. Поспѣшно снимаютъ копию, такъ какъ слѣдующій листъ начинаетъ приподниматься, — и такъ далѣе продолжается эта операція до конца книги. Присутствующихъ при этой процедурѣ чиновниковъ, разумеется, приводятъ къ присягѣ, а снятыя копия свидѣтельствуютъ какъ подлинники.

Апельсины — въ настоящее время года — самый употребительный фруктъ; но кто бы могъ думать, что эти столь невинные на видъ плоды содержатъ въ себѣ вредныя вещества! Профессоръ Вирховъ (тотъ самый, который открылъ трихинъ) нашелъ, что при продолжительномъ ихъ употребленіи заводятся во внутренности человека червяки, производящіе сильныя болѣзни. Поэтому мы совѣтуемъ брать, особенно дамамъ, любящимъ такъ эти фрукты, умеренное ихъ употребленіе.

Изъ сообщенныхъ, однимъ докторомъ, свѣдѣній, на британскомъ учено-соціалномъ конгрессѣ, о долговѣчности и смертности людей въ различныхъ государствахъ Европы, мы узнаемъ, что Россія въ этомъ отношеніи стоитъ ниже всѣхъ. Среднее число лѣтъ жизни въ Россіи 25, причемъ наибольшая смер-

ность на Кавказѣ и на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей, меньше-же въ Остзейскихъ провинціяхъ. За Россіей слѣдуетъ Италія, гдѣ процентъ смертности числится 30%, хотя въ отдѣльных ея областяхъ цифра эта неодинакова. Въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Сардиніи и Сициліи она 29, въ Пармѣ 25, въ Моденѣ и Романьѣ 31, въ Тосканѣ 33, въ Неаполѣ 35, а въ самой здоровой мѣстности въ Умбріи, а также и въ Римѣ, 27.

По числу смертности одинаково съ Италіею считается Австрія, въ Пруссіи-же, Баваріи и Саксоніи она 29. Ни въ одномъ изъ этихъ государствъ среднее число лѣтъ жизни не доходитъ до 30.

Въ Норвегіи, гдѣ цифра смертности 17%, число рожденій 34, средніе годы жизни 50 лѣтъ. Въ Швеціи и Даніи цифра смертности 22%, а жизненный по всей Скандинавіи кругомъ около 44. Въ Бельгіи цифра смертности одинакова со шведскою, въ Ганноверѣ цифра эта 23%, въ Голландіи 26, а среднее число лѣтъ жизни 35.

Во Франціи цифра эта понизилась съ 23-хъ до 22-хъ — и также высока она въ Великобританіи, хотя въ различныхъ провинціяхъ она не одинакова.

До сихъ поръ еще окончательно не опредѣлено, вслѣдствіе какихъ причинъ образовалась подобная разница въ результатахъ; вліяніе-ли это климатовъ, занятій-ли, болѣе или меньше бережливости здоровья, или пищи?

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣла церкви.

— Въ 1874 г. появилась энциклика папы Пія IX отъ 13-го мая, хотя и адресованная на имя галицкаго митрополита Сембратовича, но обсуждавшая преимущественно положеніе дѣлъ въ Холмской епархіи. Въ этой энцикликѣ римскій престолъ въ первый разъ открыто заявляетъ свое одобреніе ясымъ искаженнымъ, введеннымъ въ постычій обрядъ, и провозглашаетъ новое начало молчаливаго одобренія различныхъ нововведеній, вносимыхъ къ болѣе тѣсному сближенію греко-уніатской Церкви съ римско-католическою. Если прежнее папы предписывали сохраненіе восточнаго обряда неприсоединеннымъ и не допускали, подъ страхомъ навазанія, никакихъ въ немъ измѣненій безъ своего особаго разрѣшенія, обусловливая, явочнымъ, дарованіе своего покровительства и защиты сему обряду сохраненіемъ интересовъ римско-католической Церкви, то папа Пій IX въ упомянутомъ посланіи уже высказало не скрываетъ своего предпочтенія латинскому обряду. Последняя папская энциклика не замедлила распространиться по множествѣ экземпляровъ между уніатскимъ населеніемъ Холмской епархіи. Она еще болѣе смутила народный умъ и усложнила рѣшеніе мучившей уніатовъ задачи. Уніатскому населенію оставалось одно изъ двухъ: или подчиниться новымъ, небывалымъ объясненіямъ папы, или послѣдовать по пути, указавшему ему высшимъ духовнымъ учрежденіемъ епархіи, которое поддерживало и оправдало истинный обрядъ отъ латинскаго вліянія. Народное чувство оцѣнило но достоинству посягательства римскаго престола на дорогое, завѣщанное ему предками достояніе и, движимымъ этимъ чувствомъ, нѣкоторая часть народонаселенія Сѣверо-западной губерніи не поколебалась наконецъ занять громко свое желаніе: «быть одной вѣры съ Бѣлымъ Царемъ». Въ концѣ истекшаго года нѣкоторые греко-уніатскіе приходы стали составлять протесты о желаніи своимъ присоединиться къ православной Церкви. По полученіи о семъ первыхъ свѣдѣній, Правительство отпесло въ этому важному дѣлу съ полнымъ вниманіемъ и надлежащею ослѣдствіемъ. Оно рѣшилось, не допуская вѣзвѣстныхъ толкованій мѣръ, примѣнять уніатовъ въ православіе не прежде какъ по предварительному и обстоятельному разсѣдванію, дѣйствительно ли изреченное ими желаніе исполнимо добровольно, и не вызвано ли новое движеніе уніатовъ какими-либо внѣшними давленіями, которому народъ безсознательно поворачивается. Между тѣмъ начавшееся движеніе росло быстро и число уніатскихъ приходовъ, изъявившихъ желаніе возвратиться къ древне-отеческой Церкви, увеличилось все болѣе и болѣе. Отъ народа движеніе не замедлило перейти и къ духовенству — фактъ знаменательный, доказывающій ясно, что настоящее желаніе составляетъ результатъ внутренней борьбы и сознательно принятаго народомъ рѣшенія, а не движеніе массы, слѣпо слѣдующей за своими вожаками. При такомъ положеніи дѣла Правительствомъ въ вѣтрѣ уже болѣе никакихъ затрудненій къ удовлетворенію настоятельныхъ ходатайствъ уніатовъ о возсоединеніи ихъ съ православною Церковью. По всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, къ которому съ 11-го декабря 1874 года перешло управленіе греко-уніатскими дѣлами, Государю Императору благоугодно было Высочайшимъ разрѣшеніемъ варшавскому генералъ-губернатору сдѣлать распоряженіе объ объявленіи уніатскимъ приходомъ Сѣверо-западной губерніи, изъявившимъ желаніе присоединиться къ православной Церкви, что, Всемилостивѣйше снисходя къ ихъ просьбамъ, Его Величество соизволило новѣлѣть уважать таковыя ихъ ходатайства. Вслѣдъ за симъ и Святѣйшій Синодъ, которому должно было настоящее дѣло, преподать архіепископу варшавскому свое благословеніе на возсоединеніе съ православіемъ какъ нынѣ, такъ и въ будущее время, духовныхъ и мірянъ греко-уніатскаго исповѣданія. Въ минувшее воскресенье, 12-го января, въ Варшавѣ сообщено по телеграфу, что 45 приходовъ, въ коихъ числятся до 50.000 душъ населенія и 26 греко-уніатскихъ священниковъ, оvolчательно присоединились къ Церкви ихъ предковъ. Самый актъ воз-

соединенія начался съ Бѣльскаго прихода, въ церкви коего было совершенно торжественное богослуженіе въ сосопровождающимъ Іоанніемъ архіепископомъ варшавскимъ, причемъ присутствовали какъ ясы присоединившіеся священники, такъ и депутаты отъ всѣхъ 45 приходовъ.

Городская хроника.

— Положенію рабочаго класса въ Одессѣ, замѣчаютъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», вызываетъ въ настоящее время на серьезныя размышленія. Извѣстны въ городѣ чугуно-литейные и механическіе заводы, за неимѣніемъ работъ, увольняютъ большую часть своихъ рабочихъ; тоже замѣчается и въ мастерскихъ одесской желѣзной дороги, администрація которой отпускаетъ большую часть своихъ рабочихъ. Для остающихся же меньшинства рабоче время, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плата сокращены на столько, что рабочіи имѣютъ возможность получить только половину прежняго заработка. Средній заработокъ дня, составляющій до сихъ поръ отъ 1 р. до 1 р. 30 к., спустился на 50 или 65 коп.

— При полицейскихъ участкахъ гор. Варшавы устроены въ настоящую зиму такъ-называемыя обогревательныя комнаты. Въ комнатахъ этихъ со времени ихъ открытія (17-го декабря) по 22-е декабря перебувало 825 чел.; изъ нихъ оставалось на ночлегъ 788 человѣкъ.

— Курская городская дума, по предложенію городского головы, ассигновала 5.000 р. на устройство городской публичной библіотеки.

— Тамбовская городская дума, предоставивъ инженеръ-коллежскому ассесору А. А. Бунге устройству водопровода, поручила городской управѣ заключить съ нимъ, иотариальнымъ порядкомъ, надлежащій контрактъ. Въ силу сего контракта: 1. Водопроводъ долженъ доставлять 150.000 ведеръ въ сутки. 2. Предприниматель отпускаетъ 10.000 ведеръ бесплатно на поливку улицъ. 3. Плата за воду для обыкновеннаго употребленія должна быть не выше 1/4 коп. за ведро.

— Арестантами Владимірской губерніи съ 1-го января по 1-е декабря 1874 года заработано: въ тюремныхъ замкахъ 4.510 руб. 5 коп.; во владимірскомъ исправительномъ отдѣленіи 5.897 р. 33 1/2 коп. и во владимірскомъ рабоче-смирительномъ домѣ 1.556 руб. 67 3/4 коп. Съ неловины 1868 года по 1-е декабря 1874 года заработано всего арестантами 58.464 руб. 86 1/4 коп.

Земская хроника.

— Зубцовское Уездное Земское Собраніе, выслушавъ заведеніе председателя Собранія о пожертвованіи нигерійскимъ купцомъ В. С. Ведерниковымъ въ пользу земства выстроенаго имъ зданія для больницы въ Погорьѣ-лѣхъ Городицъ, опредѣлило г. Ведерникова благодарить отъ имени земства, а для обсужденія мѣръ объ устройствѣ больницы въ пожертвованномъ зданіи избрать особую Комиссію.

— Московское Губернское Земское Собраніе нѣмѣнней очередной сессіи постановило возобновить ходатайство о соединеніи желѣзною дорогою Москвы съ Каширью.

— Очередное Покровское Уездное, Владимірской губерніи, Земское Собраніе, постановило приобрести въ пользу земства желѣзную алтеку въ гор. Покровѣ за 6.500 р. и при этомъ поручило Уездной Управѣ отпустить бѣднымъ жителямъ городомъ Покрова и Киржача и всего Покровскаго уѣзда дѣлазства по процентамъ земскаго врача бесплатно; дѣлазства же для лицъ состоятельныхъ, а также дѣлазства, отпускаемыхъ изъ алтеки безъ процентовъ, являющія по той цѣлѣ, въ какую они будутъ обходиться земству.

— Еваторіевское Губернское Земское Собраніе постановило: ассигновать 500 рублей на изданіе памятной вышивки Еваторіевской губерніи, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ процентовъ, получаемыхъ съ заласнаго капитала губернскаго сора.

— Переславское Уездное, Владимірской губерніи, Земское Собраніе, выслушавъ предложеніе председателя С.-Петербургскаго Отдѣла Комитета Грамотности объ

овазаніи содѣйствія къ распространенію хорового пѣнія, постановило просить Училищный Соезтъ о явленіи, по возможности, хорового пѣнія въ подѣдомственныхъ ему училищахъ.

Торговля.

— Въ Авмолінской области, при неимѣніи большихъ постоянныхъ рынковъ, при отдаленности поселеній другъ отъ друга, ярмарки имѣютъ весьма важное значеніе вообще и въ особенности для кочеваго населенія, составляющаго болѣе двухъ третей всего населенія области. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ отличныя ярмарки обширности своихъ оборотовъ: авмолінская — въ гор. Авмолінскѣ и танчичувская, бывающая послѣ авмолінской, въ степи, въ 100 верстахъ отъ гор. Петропавловска — самая обширная изъ всѣхъ ярмарокъ. На первую привезено было въ 1873 году товаровъ: азіатскихъ (изъ Бухары, Кокана и Ташкента) на 168.193 р., русскихъ мануфактурныхъ произведеній на 69.500 р., кожаныхъ на 8.300 р., желѣзныхъ на 5.800 р., деревянной посуды и пр. крестьянскихъ издѣлій на 960 р. Продано: азіатскихъ товаровъ на 76.890 р., русскихъ мануфактурныхъ, кожаныхъ и желѣзныхъ на 14.000 руб., деревянной посуды и пр. крестьянскихъ издѣлій на 960 р. Всего привезено было товаровъ на 251.755 р. и продано на 91.850 руб. Изъ мѣстныхъ произведеній прѣзжками покупателями куплено лошадей на 13.000 р., барановъ на 100.000 р., рогаго скота на 68.500 р., воловѣхъ и конскихъ ковъ на 1.500 р., рыбы сухой на 400 р., шкуръ гатарыхъ, лебенихъ и заячьихъ на 3.100 р., всего на 186.500 рублей. Такимъ образомъ сбытъ туземныхъ произведеній превышаетъ на 94.650 р. сбытъ произведеній привозныхъ.

Сельское хозяйство.

— Членъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи В. В. Опмартъ сообщаетъ на землѣ г. Гладуна въ деревнѣ Самойловкѣ, Анапскаго уѣзда, Херсонской губ., 15 тысячъ деревъ разныхъ породъ, преимущественно акацій и айланта. Г. Гладунъ уступилъ 10 десятинъ своей земли для лѣсоразведенія и устройства питомника. Соезтъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи предполагаетъ устроить бюро разведенія лѣсовъ въ краѣ. Вуюро это будетъ принимать на себя, какъ сообщаетъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», продажу саженцевъ и сѣмянъ различныхъ древесныхъ породъ — тѣмъ изъ сельскихъ хозяевъ, которые пожелали бы разводить у себя лѣсъ.

— Средняя Азія, по изотермическимъ условіямъ своимъ, лежитъ въ полѣхъ фруктовыхъ деревьевъ и винограда, которые наравнѣ съ хлопкомъ, шелкомъ и хлѣбными продуктами составляютъ главнѣйшій источникъ благосостоянія туземцевъ. До яворенія русскихъ въ Туркестанскомъ краѣ туземцы воздѣлывали виноградъ почти исключительно для употребленія его въ пищу, въ сырѣхъ и сухомъ видѣ. Кроме того изъ винограда варили бекмесъ, густой и сладкій сиропъ въ родѣ меда и масаласъ — опьяняющій напитокъ, въ родѣ вареваго вина. Въ сушеномъ видѣ употребляли для замѣны сахара, при пѣхѣ чая. Вообще туземные садоводы не старались улучшать качество своихъ плодовъ, а только обращали вниманіе на размѣръ урожая и сочность ягоди, такъ какъ при продажѣ винограда они получали плату не за вачество продукта, а за количество проданныхъ ими лудовъ. При воздѣлываніи винограда, такими цѣлями всего нельзя получить хорошихъ вѣвъ. Но туземные виноградники, какъ доказали сдѣланные опыты, легко могутъ быть улучшены посредствомъ вравильнаго ухода, и чрезъ годъ такого ухода можно надѣяться получить вина высваго достоинства, что и подтверждается вичномъ, полученнымъ г. Первуннымъ изъ его виноградника. Виноградникъ этотъ, изъ опыта, былъ орошенъ только одинъ разъ, а потому изъ его плодовъ и вышло вино крѣпкое (сухое), легка въпрочемъ пріятное на вкусъ. Это вино имѣетъ сходство съ мадеромъ, и не видервъ общаеетъ успѣшно конкурировать съ привозными винами.

— Изъ Семирѣченской области пишутъ въ „Туркестанскій Вѣдомости“, что въ Ыркенскомъ уѣздѣ въ травѣ ощущается большой недостатокъ, за исключеніемъ долины: Алтынь-Эмельской и Каратайской, гдѣ вслѣдствіе розлива весной горныхъ рѣчекъ трава родилась удовлетворительная; но ей только достаточно для однихъ осѣдлыхъ жителей на кормъ домашняго скота: для вѣзвскихъ табуновъ ея оказалось мало. Вообще положеніе вѣзвскихъ табуновъ, въ особенности въ зимнее время, крайне плачевно; они находятся сплошь въ зависимости отъ измѣненій въ природѣ. Недостатокъ подножнаго корма, гололеда, бураны и сибѣ, производятъ самыя гибельныя послѣдствія; къ этому еще нужно прибавить, что у мелкаго скота страшные враги—тигры и волки. Громадныя стада барановъ гибнутъ отъ волковъ, какъ это было недавно около станціи Джангызъ-агау, гдѣ около полутора ста барановъ иранско волками въ одну ночь. Охота на волковъ даетъ здѣсь ничтожные результаты, такъ какъ киргизы на большей части бьютъ ихъ холодными оружіемъ, охотятся верхомъ; а казаки вовсе не охотятся на волки, которые здѣсь чрезвычайно малы и художерсны.

Новыя открытія.

— Въ засѣданіи Русскаго техническаго общества, 4-го января, г. Д. Романовскій сдѣлалъ сообщеніе о „произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ мѣсторожденій ибѣотныхъ общепольныхъ минераловъ въ Сыръ-дарьинской области“. По ходатайству туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Кауфмана, докладчикъ, но Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ, какъ сообщаютъ въ „Рус. Инвалидѣ“, прошлымъ лѣтомъ въ Сыръ-дарьинскій край для геологическихъ изслѣдованій. Главное вниманіе изслѣдователи было обращено на мѣсторожденія каменнаго угля, которыми изобилуетъ этотъ край. Почти всѣ мѣсторожденія находятся на возвышенностяхъ (около 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря) но не представляютъ собою одной сплошной массы угля, а болѣею частью являются въ видѣ отбросковъ, такъ что мѣсторожденія не вслѣдъ богаты. Между Ташкентомъ и Туркестаномъ, на протяженіи 200 верстъ, тянутся мѣсторожденія каменнаго угля; главная масса пласта, овола сажени ширины, понадеется также кучками, какъ бы отрывками одного большаго образованія. Въ настоящее время уже доказано, что находящійся здѣсь уголь не

принадлежитъ въ настоящей важенноугольной формации, но относится къ нижнеюрской породѣ. Въ долинѣ Кокни-Сай (недалекъ отъ Ходжента) въ рудникахъ разрабатывалось до 200.000 пудовъ каменнаго угля; если производить дальнѣйшую разработку, то при пластѣ въ четыре аршина можно, по мнѣнію докладчика, получить не менѣе мѣръ 19.000.000 пудовъ. Лучшій уголь изъ всей Сыръ-дарьинской области добывается въ татарниковскихъ мѣсторожденіяхъ, названныхъ такъ по имени горнаго инженера А. С. Татарникова, вѣрнее производнаго разработку угля въ этомъ краѣ. Въ настоящее время въ этихъ рудникахъ уже добыто около 300.000 пудовъ превосходнаго угля, причѣмъ ежегодно добывается до 70.000 пудовъ. Въ горахъ Каратау встрѣчаются и естественныя обнаженія, но какъ тутъ, такъ почти и повсемѣстно въ этомъ краѣ, осмотровыми докладчикомъ возвышенности весьма однообразны въ геологическомъ отношеніи: за немногими исключеніями, вслѣдъ встрѣчаются образованія третичныя. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ г. Романовскимъ въ Сыръ-дарьинской области, ему удалось, кромѣ каменнаго угля, изслѣдовать и другіе минералы, попадающіеся въ этой странѣ. Въ области края Каратау весьма распространены желѣзные руды, но нѣтъ ни одного капитальнаго мѣсторожденія; около Самарканда тоже встрѣчаются желѣзные руды; что касается мѣдныхъ рудъ, то ихъ въ Сыръ-дарьинской области довольно много, но онѣ еще очень мало изслѣдованы. Мѣстами находятся богатые мѣсторожденія свинцовой руды: такъ напримѣръ, въ горахъ Кара-Мозаръ одинъ пудъ руды даетъ 60% чистаго свинца, а одинъ пудъ свинца, въ свою очередь, даетъ 1 1/2 золотника серебра. Эти же горы изобилуютъ также бирюзой, добычаніе которой не представляетъ особыя затрудненій, такъ какъ она понадеется почти на дорогѣ, болѣею частью мелкими зернами. По дорогѣ въ Ходжентъ, около селенія Сангаръ, открыты мѣсторожденія каменной соли, замѣчательной тѣмъ, что она имѣетъ то же сложеніе и такой же видъ, какъ добываемая около Кракова величественная „зеленая“ соль (Grünpalz).

Музыка.

— Въ м. Байрамчѣ, Бессарабской губерніи, на второй день праздника Рождества Христова, воспитанниками мѣстной учительской семинаріи данъ былъ концертъ. Въ этомъ концертѣ хоръ, составленный изъ семинаристовъ, прекрасно исполнилъ нѣсколько пѣснь. Благодаря заботамъ

учителей пѣніи, при байрамчянской церкви образовались два хора пѣвчихъ: одинъ изъ учениковъ и ученицъ народнаго училища, другой изъ семинаристовъ; пѣніе ихъ привлекаетъ всегда въ церковь большое число богоугодныхъ.

— Хоръ трубачей 5-го уланскаго Литовскаго Его Высочества Эрцгерцога Австрійскаго Альберта полка далъ 14-го декабря въ гор. Влодавскѣ концертъ съ участіемъ любителей, предназначивъ сборъ въ пользу жителей гор. Кронштадта, пострадавшихъ отъ пожара. Съ концерта этого, за вычетомъ расходовъ по его устройству, собрано сто рублей, которые и препровождены въ редакцію „Русскаго Инвалида“ и переданы ею, по назначенію, въ Кронштадтскій Комитетъ для выдачи пособія погорѣльцамъ.

Празднества.

— 27-го сентября праздновалось въ Селенгинскѣ двухсотлѣтіе основанія города. Въ крестномъ ходѣ въ числѣ подиятыхъ иконъ была икона Кіевопечерской Божіей Матери, свидѣтельница мужественной защиты Севастополя и Инкермана русскими войсками, носившая на себѣ видимый знакъ отъ удара осколкомъ неурительской гранаты. Эта икона прислана была въ даръ Селенгинску отъ селенгинскаго ибѣотнаго полка. Другая икона, Успеніи главы Іоанна Предтечи, прислана была основателями Селенгинскаго укрѣпленія, казаками, и находилась во всѣхъ ихъ походахъ и вылазкахъ во время осады Селенгинска монголами.

— Столѣтній юбилей лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка будетъ праздноваться, по Высочайшему повелѣнію, 19-го февраля 1875 года.

СОДЕРЖАНІЕ: Блуждающіе огоньки (Автобіографія Протцева). Соч. Н. С. Лѣникова (Стебничаго) (продолженіе).—Юридическіе очерки (съ рисункомъ).—Первый урокъ (съ рисункомъ).—Солова Гора на Волгѣ (съ рисункомъ).—Самодѣи на Невѣ (съ рисункомъ).—Ночлегные пріюты въ Берлинѣ.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

4 книга популярнаго естественно-историческаго Сборника

„ПРИРОДА“

Издаваемая подъ редакціей проф. С. А. Усова и Л. П. Сабанѣева, въ отдѣльной продажѣ цѣна 4 р.

Въ 1875 году Сборникъ Природа будетъ выходить по той-же программѣ, 4 раза въ годъ, книгами оооо 25 печатныхъ листовъ, на веленовой бумагѣ, съ 6—8 таблицами, частью хромофотографіями и полиптиками. Подписная цѣна 12 р. съ пересылкою и доставкой 13 р. 50 к. (въ текстѣ).

При подпискѣ на 1875 годъ, лица требующія одновременно (изъ редакціи) и 1874 годъ получаютъ оба года за 24 р., съ книгами 1873 года выслать 30 р. Подписка въ разсрочку по соглашенію съ редакціей.

1 книга Сборника за 1875 г. печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ 6-я (ПОСЛѢДНЯЯ) КНИГА 1874 Г.

„ЖУРНАЛА ОХОТЫ“

Издаваемый Императорскомъ Обществомъ размноженіе охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты.

(съ фотолитографіей на стѣлѣ, таблицей и 6 фоліот.)

Журналъ Охоты выходитъ ежемѣсячно (со 2-го полугодія 1874 г.) вынимаемъ до 5 печатныхъ листовъ, на веленовой бумагѣ, съ хромофотографической или фотографической таблицей въ каждой книгѣ и полиптиками въ текстѣ. Первый № Журнала за 1874 г. по неанасящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ вышелъ въ концѣ Октября. Первый № Журнала за 1875 годъ выйдетъ въ концѣ Января.

Подписная цѣна на годъ 8 р., съ перес. и доставкой 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

(съ 1-го Іюля 1874 г. по 1 Января 1876 г. 12 р. съ перес. 13 р. 50 к.)

Подписка на Сборникъ Природа и Журналъ Охоты принимается въ Москвѣ въ редакціи обоихъ Журналовъ (Петровка, домъ Самаринъ, противъ монастыря), у Соловьева, Васильева, Глазунова, Кашкина, Савельева, и въ Центральномъ книжномъ Магазинѣ; въ Петербургѣ у Вазулова и Черессова; въ Кіевѣ въ Южно-Русскомъ книжномъ магазинѣ. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію.

Во всѣхъ Книжныхъ Магазилахъ въ Петербургѣ и Москвѣ продается КНИГА

ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКИ

соч. Миссъ Джессъ-Визъ переводъ съ Англійскаго.

Цѣна 80 коп.

3—1

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

Руководство къ изученію часового мастерства

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ.

Съ 10-ю гравированными рисунками.

Нижній-Новгородъ 1870 года.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство, но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться съ часами при поправкѣ, прибавленіе и убавленіе хода, поправка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и аэлектромантныхъ, вычисленіе относительной разности мѣстностей по времени; составленія приносныя и напіе, каленіе сталей, шлифованіе и полированіе металловъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебрение. По этому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для саесарей, наладчиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній. Продается: въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ инногородцевъ.—Пересылка бесплатно.

3—1

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ СИГАРЪ

РИЖСКИХЪ: К. КУХЧИНСКАГО и Ко.

ВАРШАВСКИХЪ: БР. ПОЛЯКЕВИЧЪ.

Цѣна 1 р., 2 р., 3 р., 3 1/2 р., 4 р., 4 1/2 р., 5 р., 6 р., 7 р., и 8 р., за 100. штукъ.

ЮЖНЫЙ ТУРЕЦКІЙ ТАБАКЪ:

Асмолова, Кушперова, Айваза и Капона.

Цѣна 48 к., 96 к., 1 р. 40 к., 1 р. 60 к., 1 р. 80 к., 2 р., 2 р. 20 к., 2 р. 40 к., 3 р., 4 р., и 6 руб., за одинъ фунтъ.

Рекомендуемъ вновь открытый магазинъ подъ фирмою

„ШПАКОВСКІЙ“

на углу Казанской ул. и Вознесенскаго просп. въ д. Жуковой (б. Тура.) противъ Варваринской Гостиницы.

Тутъ-же принимаются заказы на Южный табакъ и папирсы:

12 карточекъ 1 р. уголь Гороховой и Большой Садовой № 36.—Фот. Андерсона.

№ 6

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 9-го Февраля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.

VI. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. номера.

Василій Васильевичъ Самойловъ.

16-го января въ Петербургѣ праздновался 40-лѣтній юбилей артистической дѣятельности даровитѣйшаго изъ представителей русской драматической труппы, В. В. Самойлова. Прилагая портретъ знаменитаго актера-протѣя, чуть не повѣка совмѣщавшаго въ своемъ репертуарѣ почти невозможныя противоположности, равно владѣвшаго глубокимъ, чисто-русскимъ комизмомъ и потрясающею душою драмой, — мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ, къ сожалѣнію, весьма отрывочныя и неполныя, благодаря чрезвычайной скромности Самойлова, не дозволившей ему сообщить что-либо о своей частной жизни въ его «Воспоминаніяхъ» *).

Самойловъ родился въ 1809 году въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его пользовался заслуженною извѣстностью въ качествѣ пѣвца русской оперы. Образованіе свое Василій Ва-

силевичъ, вмѣстѣ съ двумя братьями, получилъ въ Горномъ Корпусѣ, который въ двадцатыхъ годахъ представлялъ образецъ военно-учебныхъ заведеній. Кромѣ наукъ, здѣсь преподавалась живопись, музыка, пѣніе, танцы и фехтованіе; въ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе и даже свой театр. Но замѣчательно, что молодой Самойловъ, усердно занимаясь живописью и музыкой, вовсе не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ и даже отказывался отъ участія въ корпусныхъ спектакляхъ, гдѣ ему все выпадали роли молодыхъ дворянъ, что казалось униженнымъ для его самолюбія. Поступленіе его на сцену было дѣломъ чистой случайности.

Покойный Императоръ Николай Павловичъ спросилъ однажды у Самойлова-отца, почему ни одинъ изъ сыновей его не опредѣленъ на сцену и неужели ни одинъ изъ нихъ не наследовалъ его таланта. Получивъ

*) Русская старина. 1875 г. Январь.

утвердительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ, Государь выразилъ желаніе видѣть ихъ на сценѣ, не смотря на то, что каждый изъ братьевъ обязанъ былъ отслужить 10 лѣтъ за свое образованіе. Знаменательныя слова Государя, что «офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ—нѣтъ», рѣшили грядущую судьбу Василія Васильевича, на которомъ остановился выборъ отца. Въ то время (1834 г.), онъ былъ уже офицеромъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ. Такимъ образомъ, онъ волей-неволей оставилъ эпюлеты, а 3 октября того же года состоялся первый дебютъ его въ оперѣ Меколя «Юсифъ Прекрасный», въ роли Юсифа, которую проходилъ съ нимъ Дагъокка, отецъ знаменитой пѣвицы Шоберлехнеръ. М. С. Щенкинъ, случайно пріѣхавшій изъ Москвы, былъ *первымъ и единственнымъ* человекомъ, который прослушалъ молодого артиста до дебюта, и со слезами на глазахъ предсказалъ ему вѣрный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту, когда занавѣсъ давно уже поднялся и ждали выхода Юсифа, Самойловъ до того оробѣлъ, что отцу пришлось буквально вытолкнуть его на сцену. Дебютъ все таки удался—а послѣ втораго, Самойловъ, въ январѣ 1835 г., поступилъ на сцену съ 2.500 руб. ассигнаціями жалованья, играя то въ операхъ, то въ водевиляхъ. Молодой, съ пріятною наружностью, отличаясь изящными манерами, онъ занялъ неблагодарное амплуа *первыя любовниковъ*. На пути начинающаго актера стояли Максимовъ, Дюръ, П. И. Григорьевъ, Сосницкій, Мартыновъ, П. А. Каратыпинъ, —которые, будучи любимцами публики, первенствовали въ новыхъ водевиляхъ, собственно для нихъ и писанныхъ. Къ Самойлову, какъ новичку, и авторы и публика относились съ недоверіемъ. По этому Самойловъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ (1834—1837), преимущественно выступалъ въ теноровыхъ партіяхъ оперъ, чередуясь съ Леонидовымъ (Шарпантье), Шемаевымъ и Пестромъ Рамазановымъ. За это время, впрочемъ, сыграно имъ двадцать семь ролей, изъ которыхъ 9 партій въ операхъ и опереткахъ (въ томъ числѣ и *Макса* въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ»). Много несправедливостей испытывалъ Самойловъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности. Перейдя въ драматическую труппу, онъ въ теченіе десяти лѣтъ не могъ добиться сколько-нибудь значительныхъ ролей—и при своемъ жалованьи, котораго не доставало на содержаніе семьи (артистъ былъ женатъ и имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей), вынужденъ былъ заниматься живописными работами за деньги; такимъ образомъ одно искусство служило подспорьемъ другому. Кстати: будучи талантливымъ рисовальщикомъ и острымъ наблюдателемъ, Самойловъ всегда превосходилъ всѣхъ товарищей въ искусствѣ гримироваться. Почти съ самаго начала своей службы, онъ имѣлъ обыкновеніе, получивъ новую роль, набрасывать ей типъ акварелью—и такимъ образомъ за сорокъ лѣтъ накопить чрезвычайно богатый альбомъ. Случай выдвинулъ его на сцену, случай помогъ ему наконецъ выдвинуться и на сценѣ. За отсутствіемъ Мартынова, Василій Васильевичъ получилъ роль старика музыкан-

ла въ драмѣ «Отставной театральныи музыкантъ и княгиня». Игра его до того понравилась Императору, что онъ почтилъ артиста подаркомъ и похвалою, позвавъ его къ себѣ по выходѣ изъ ложи. «Спасибо, Самойловъ, сказалъ Государь,—только смотри, ты своею игрою заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого не прощу».

Съ этого времени положеніе Самойлова улучшилось—п многосторонній талантъ его получилъ полную возможность развиваться. Съ 1834 года по настоящій, Василій Васильевичъ сыгралъ болѣе 500 ролей въ драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ, создавалъ до безконечности разнообразныя и глубоко-художественныя типы. Вотъ ихъ хронологическій перечень въ «Русской Старинѣ»: старика Пузыречкина (отставной театральныи музыкантъ); Пектерьена (Завтракъ у Предводителя); графа Любина (Провинціалька); Чаркина (Богатая старушка); Тимофея Леонтьевича (Деньщикъ); Ицки (Маркитантка); Любима Торцова (Бѣдность не порокъ); Агаѳона (Не такъ живи, какъ хочешь); Иванова (Въ чужомъ пиру похмѣлье); Крещинскаго (Свадьба Крещинскаго); Кузовкина (Одновдорецъ); Станціоннаго Смотрителя (Станціонный Смотритель); Ивана Миropyча (Легка надбавка); Архипа (Грѣхъ да бѣда); Бурцова (Пасынокъ); Петра (не такъ живи, какъ хочешь); Дорен (Гувернеръ); Кременчугова (Свѣтъ и его тѣнь); Шалыгина (Воевода); Тарабасва (Паутина); Имшина (Самоправды); Ладущкина (Говорунъ); Васантъ-Басанскаго (Пробный камень); Ростаковскаго (Ревизоръ); Оомы Оомича (Семейныя тайны); роль въ пьесѣ: Шутники—(соч. Островскаго); Фрола Скобѣева (Фролъ Скабѣевъ); Ополѣва (Старый баринъ); Ястребова (Ангель доброты и невинности); Шмерца (Мужья одолѣли); Труханскаго (Закнутыя тенета); Баланина (Роковой шагъ); Графа Говорлина (Говорлинъ); Берестова (Старое старіе) и мног. другія.

Наиболѣе замѣчательныя изъ историческихъ ролей: Третьяковскій (Русскій Фаустъ); Кулибинъ (Кулибинъ); Костровъ (Ермилъ Костровъ); Сусанинъ (Костромскіе лѣса); Дмитріевскій (13 января 1807 года); Сумароковъ (30 августа 1756 г.); Дмитрій Самозванецъ (Дмитрій Самозванецъ—Чаева и Борисъ Годуновъ — Пушкина); Иванъ Грозный (Василиса Мелентьева—Островскаго); Князь Серебряный, Смерть Іоанна Грознаго — графа А. К. Толстаго); Волыскій (Лединой домъ). Изъ историческихъ личностей иностранныхъ, Самойловъ олицетворялъ неподражаемо: Ришелье (Ришелье); Кромвеля (Смерть Кромвеля); Нерона (Неронъ); Людовика XI (Закладованный домъ).

Репертуаръ ролей В. В. Самойлова въ трагедіяхъ Шекспира ограничивается тремя ролями: Лиръ (1859); Шейлокъ (1860); Гамлетъ (1863). Игра Самойлова въ «Королѣ Лирѣ» до того поразила Айру Ольдриджа, что послѣдній прислалъ Василью Васильевичу письмо, исполненное глубокаго признанія его таланта и свидѣтельствующее о томъ, что знаменитый африканскій трагикъ нашелъ для себя безполезнымъ и поучительнымъ присутствовать во время представленій своего русскаго собрата.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

X.

Письмо выходило чрезвычайно пространное и, какъ мнѣ тогда казалось необыкновенно, трогательное и задушевное. Въ послѣднемъ, я думаю, я ни мало не ошибался, потому что искреннѣе меня тогда не могла быть и сама отвлеченная искренность. Начавъ, какъ я сказалъ выше, съ того, что возвелъ Nathalie Волосатину въ санъ богини, я просилъ у нея прощенія въ томъ, что огорчилъ ее моею невоспитанностью,—и далѣе пространно описывалъ ей мое душевное состояніе и объяснялъ причины, отъ которыхъ оно произошло, т. е. я выисповѣдался, что пилъ вино и вообще *палъ*; но, однако, по счастью я еще какъ-то удержался—и скорбя о своемъ паденіи, ничего не открылъ насчетъ королевскихъ ярмарочныхъ дамъ подъ шатрами, а объяснялъ ужасъ и низость своего паденія экивоками. Я просилъ сестру Волосатина обдумать мое ужасное положеніе и примѣнить ея нѣжность—если не ко мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ ея брату, моему товарищу, который по его лѣтамъ и неопытности могъ подвергнуться тѣмъ-же искушеніямъ, какими былъ искушенъ и я, и потомъ подпасть подъ тѣ-же муки раскаянія, какими я страдаю. Все, чего я хотѣлъ отъ нея для себя, я выпрашивалъ у нея для ея брата и потому считалъ его въ это время

моимъ лучшимъ другомъ и такъ къ нему и относился въ письмѣ, которое передъ выѣздомъ своимъ изъ Борзны сдалъ на почту.

Но зачѣмъ я все это сдѣлалъ? Этотъ поздній вопросъ возникъ во мнѣ почти немедленно-же послѣ того, какъ соломенные борзеньскія кровли утонули въ туманной чертѣ горизонта и я остался самъ со своими думами. Мало по малу мною начали овладѣвать сомнѣнія: позволительно-ли было съ моей стороны такое письменное обращеніе къ дѣвушкѣ, которую я видѣлъ всего одинъ вечеръ? Послѣ нѣкоторыхъ соображеній мнѣ начало казаться, что это не совсѣмъ позволительно,—и чѣмъ я болѣе размышлялъ, тѣмъ эта непозволительность становилась все яснѣе и возмутительнѣе. Къ тому-же я теперь не могъ отвѣчать за каждое выраженіе моего письма, потому что хотя у меня и было черновое, но я, переписывая на бѣло, кое-что измѣнилъ и—какъ мнѣ теперь казалось—во многихъ мѣстахъ весьма прозрачно обнаруживалъ свою возвышеннѣйшую любовь къ моей корреспонденткѣ. А что, если это письмо попадетъ кому-нибудь изъ ея семейныхъ, или она сама покажетъ его своему брату? О, какой стыдъ и ужасъ! Какъ они будутъ надо мной смѣяться? Или вдругъ ея отецъ напишетъ объ этомъ моей матери и, пожалуй, приложитъ въ подлинникъ мое письмо?... Великій Господи! мнѣ показалось, что я этого

не вынесу—и для спасенія своей чести мнѣ тогда по меньшей мѣрѣ должно будетъ застрѣлиться.

Я умолялъ Кирила вернуться назадъ въ Борзну, съ тою цѣлю, чтобы выпросить у почтмейстера назадъ мое письмо; но Кирилъ, сдѣлавшійся послѣ постигшей его подъ Королевцемъ испріятности чрезвычайно мрачнымъ, не хотѣлъ меня слушать. Вообще теперь при выѣздѣ изъ городовъ онъ обнаруживалъ большую торопливость и безпокойство и ни за что не хотѣлъ остановиться; да къ тому-же я и самъ скоро понялъ, что возвращеніе было-бы теперь бесполезно, потому что я подалъ письмо передъ самымъ отправленіемъ почты, которая теперь мчитъ мое письмо на сѣверъ,—межъ тѣмъ, какъ я, злополучный, самъ неуклонно тянусь на югъ, гдѣ, однако, меня найдеть и постигнетъ какое-то роковое и неотразимое послѣдствіе посланной корреспонденціи.

Никакая помощь, никакая поправка были невозможны,—и я, упавъ на дно телѣги, старалъ со стыда и не видѣлъ никакого спасенія отъ неминуемаго позора, въ неотразимости котораго меня совершенно увѣрило мое безпокойное воображеніе.

Но, впрочемъ, какъ застрѣлиться мнѣ очень не хотѣлось, то я скоро занялся подѣскиваніемъ другаго подходящаго средства, обратясь къ которому, я только умеръ-бы для людей, а для самого себя былъ-бы живъ.

Передо мной мелькнулъ монастырь—и я счелъ эту мысль за благотѣльное наитіе свыше.

— Что-же, думалъ я,—мнѣ дѣйствительно остается одно: скрыться навсегда въ стѣнахъ какого-нибудь монастыря и посвятить всю будущую мою жизнь искупленію безразсудствъ моей глупой молодости.

Въ святой простотѣ ума и, сердца, я находясь въ преддверіи лабиринта, думалъ, что я уже прошелъ его и что мнѣ пора въ тотъ затонъ, куда я, какъ сказочный ершъ, попалъ исхोдивъ всѣ океаны и рѣки и обивъ всѣ свои мышцы и перья въ борьбѣ съ волнами моря житейскаго. Я думалъ, что я дошелъ до края моихъ безразсудствъ, когда только еще начиналъ къ нимъ получать смутное влеченіе. Но какъ-бы тамъ ни было, а желаніе мое удалиться отъ міра было непреложно—и я рѣшилъ немедленно-же приводить его въ дѣйствіе.

„Постригусь, думалъ я,—и тогда извѣщу матушку, что я уже не отъ міра сего, а причина этого навсегда останется моею глубокою тайною“.

Въ Нѣжинѣ я убѣждалъ въ какой-то городской монастырь, и потребовалъ, чтобы меня проводили къ настоятелю; но настоятель былъ въ отлучкѣ и въ его отсутствіи монастыремъ правилъ монахъ, котораго я назову отцомъ Діодоромъ.

Мнѣ было нѣкогда ждать—и я потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили отцу Діодору; а самъ остался въ монастырскомъ дворикѣ. Я хотѣлъ избѣжать встрѣчи съ родными покойнаго Книпенки, для которыхъ не выдумалъ никакого утѣшительнаго слова, потому что мою сократовскую мысль о томъ, что смерть можетъ быть есть благо, всякій разъ перебивали слова переведенной на русскій языкъ греческой пѣсенки, которую мнѣ пѣвала матушка. Въ этой пѣснѣ поется, какъ одинъ маленький мальчикъ освѣдомляется у матери: зачѣмъ она груститъ объ умершей его сестрицѣ, маленькой Зоѣ, которая по собственнымъ-же словамъ матери теперь „уже въ лучшемъ мірѣ, гдѣ божьи ангелы живутъ и ходятъ розовыя зори“. И что-же? бѣдная мать, зная такія хорошія слова утѣшенія для другихъ, сама не утѣшается ни свѣтомъ зорь, ни міромъ ангеловъ, и груститъ, что

У бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ-бы изъ окна,
Какъ съ цвѣткомъ и мотыльками
Забавляется она.

Я чувствовалъ, что на такую грусть рѣшительно ничего не отвѣтишь, и бѣжалъ отъ разрывающей душу

тоски. Потомъ, во-вторыхъ, я былъ увѣренъ въ живой для себя потребности бесѣды съ духовнымъ лицомъ на-счетъ своего намѣренія поступить въ монастырь.

Но представьте-же себѣ, что случилось здѣсь съ этимъ моимъ намѣреніемъ! Холодный осенній вѣтеръ, колю вертѣвшійся на небольшомъ монастырскомъ дворѣ, привелъ меня въ отвратительнѣйшее безпокойное состояніе. Невольно наблюдая мятущееся безпокойство внѣ келій, я проникалъ моимъ воображеніемъ внутрь ихъ и убѣждался, что здѣсь вездѣ непокой и смятеніе,—что за всякою этой стѣною, передъ каждой трепещущею лампадой трепещетъ, мятется и поетъ человеческій духъ, подражая смятенію, вою и досаждающему шуму этого вѣтра.

Отцу Діодору было лучше-бы не принимать меня, но обстоятельства такъ благопріятствовали моему ходатайству, что я былъ допущенъ въ очень большую и довольно хорошо убранную келью, гдѣ во второй—стѣдовавшей за залой—комнатѣ увидалъ на диванѣ свѣжаго, здороваго и очень полнаго грека, въ черной полубархатной рясѣ съ желтымъ фуляровымъ подбоемъ и съ глазами яркими, какъ вспыснутыя прованскимъ масломъ маслины. Передъ почтеннымъ инокомъ стояла старинная бронзовая чернильница и такой-же бронзовый колокольчикъ, а сбоку его въ креслѣ сидѣла розовая дама, передъ которою на столѣ были разставлены четыре тарелки, изъ коихъ на одной были фиги, на другой фундуки, на третьей розовый рахатъ-лукумъ, а на четвертой какое-то миндальное печенье и рюмка съ санторинскимъ виномъ, распространявшимъ по комнатѣ свой не-пріятный аптечный запахъ.

Эта обстановка немножко не совсѣмъ шла подъ стать моему аскетическому настроенію, для собесѣдованія о которомъ я сюда явился.

Отецъ Діодоръ (это былъ онъ), встрѣтя меня, показалъ на кресло *vis-à-vis* съ угощавшейся у него дамой и и спросилъ меня съ сильнымъ греческимъ акцентомъ, что мнѣ отъ него нужно.

Я весьма не смѣло объяснилъ съ замѣшательствомъ зачѣмъ пришелъ. Инокъ слушалъ меня, какъ мнѣ показалось съ первыхъ-же моихъ словъ, безъ всякаго вниманія, и во все время—пока я разъяснялъ мрачное настроеніе души моей, требующей уединенія и покоя,—молча подвигалъ то одну, то другую тарелку къ своей гостьѣ, которая была гораздо внимательнѣе къ моему горю: она не сводила съ меня глазъ, преглупо улыбаясь и чавкая крахмалистый рахатъ-лакумъ, который линялъ къ ея розовымъ деснамъ.

Когда рѣчь моя была кончена, великолѣпный отецъ Діодоръ позвонилъ въ колокольчикъ, и велѣлъ вошедшему служкѣ подать „цаскумъ на кофе“.

— Съ молѣкомъ, или безъ молѣкомъ? спросилъ молодой вертлявый греческій служка.

— Безъ никому, отвѣчалъ иннокъ Діодоръ и опять началъ угощать свою гостью, не обращая никакого вниманія ни на самого меня, ни на мои остающіеся безъ разрѣшенія вопросы, о которыхъ я и самъ въ эти минуты пересталъ думать и разсуждалъ: зачѣмъ эти два грека говорятъ между собою по-русски, когда имъ очевидно гораздо удобнѣе было-бы объясняться по гречески?

Межъ тѣмъ служка подаль чашку кофе и графинчикъ рому, выразившій собою, какъ видно то „безъ никому“, о которомъ сказалъ ему монахъ.

Я кофе выпилъ, но отъ рому отказался, не смотря на то, что меня имъ сильно подчивали и самъ отецъ Діодоръ и его гостья, говорившая очень мягкимъ добрымъ голосомъ на чистомъ малороссійскомъ нарѣчій, которое мнѣ очень нравилось всегда и нравится понынѣ. Но мнѣ нужно было не угощеніе, а отвѣтъ на мои скорбящіе запросы,—а его-то и не было. Монахъ и дама молчали, я ждалъ отвѣта—и ждалъ его втунѣ. Тогда я рѣшился повторить свой вопросъ и предложилъ ему въ прямой формѣ, требующей прямого-же отвѣта.

— Это вы надо прежде спросить съ папінкомъ, съ мамінкомъ.

Я сказалъ, что мой отецъ уже умеръ.

— Спросить съ мамінкомъ, отвѣчалъ отецъ Діодоръ и сейчасъ-же вышелъ въ другую комнату, откуда впрочемъ черезъ минуту снова появился и пригласилъ туда и меня и свою даму.

Здѣсь намъ открылся довольно хорошо сервированный столъ, уставленный разными вкусными блюдами, между которыми я обратилъ особенное вниманіе на жареную курицу, начиненную густой манной кашей, яицами и изюмомъ. Она мнѣ очень понравилась—и я непритворно оказалъ ей усердную честь, запивая по настоянію хозяина каждый кусокъ то сладкимъ люнелемъ, то санторинскимъ, которое мало по малу все теряло свой вначалѣ столь непріятный для меня запахъ, а подѣ конецъ даже начало мнѣ очень нравиться.

Я приходилъ въ прекрасное настроеніе духа, совсѣмъ не похожее на то, въ какомъ я явился въ греческую обитель,—и замѣчалъ, что то же самое происходило и съ моимъ хозяиномъ, который сначала молчалъ и какъ будто тяготился мною, а теперь сдѣлался очень пріятливъ и даже очень говорливъ.

XI.

Достопочтенный отецъ Діодоръ вообще очень плохо выражался по-русски, но говорилъ охотно. Подыскивая слова, онъ въ интервалахъ причмокивалъ и присасывалъ, сластилъ глазами, помогалъ себѣ мимическими движеніями лица и изображалъ руками все то, что по его мнѣнію было недостаточно ясно выражено его словомъ.

— Пцю, пцю, пцю, зачмокалъ онъ вдругъ, самъ начиная говорить о моемъ желаніи поступить въ монастырь,—желаніи, которое онъ ни одобрялъ, ни порицалъ, но проводилъ ту мысль, что мнѣ въ монастырь собираться рано: что прежде надо „всего испытать“. „Всего, пцю, пцю, пцю, всего, всего“, смаковалъ онъ, показывая руками во всѣ стороны.

Присутствовавшая при этомъ гостья, однако, улыбаясь, замѣтила, что если все испытать, то тогда, пожалуй, въ монастырь „и не захочется“; но отецъ Діодоръ утверждалъ, что человѣку есть опредѣленіе, котораго онъ никакъ не избѣгнетъ, и при этомъ ставилъ себя въ примѣръ. Онъ рассказалъ слѣдующее.

— Насъ было цѣптыре братья, началъ онъ, — и мы всѣ, всѣ какъ есть, посла на царскій служба и били воины. Старсій братъ Костаки посолъ митосъ пѣхотосъ пщцю.... вотъ такъ! (монахъ, сжавъ кулакъ, выпустилъ средній и указательный пальцы, промаршировалъ ими по столу и опять произнесъ: „вотъ такъ“). Этимъ онъ наглядно изобразилъ, что такое пѣхота, и потомъ продолжалъ: Другой братъ Дмитраки посолъ въ кавалерія (причемъ отецъ Діодоръ посадилъ два пальца своей правой руки на указательный лѣвой—и сдѣлавъ на нихъ маленький объѣздъ вокругъ тарелки, пояснилъ: „вотъ такъ, кавалерія“). Затѣмъ снова рассказъ: третій Мануэлѣсъ посолъ митосъ артилеріосъ (при этомъ правый кулакъ отца Діодора быстро вскочилъ на лѣвый и поѣхалъ на немъ по столу, какъ на лафетѣ, а третій палецъ онъ выставилъ впередъ и очень наглядно изобразилъ имъ сидящую на лафетѣ пушку). Пуски, пуски! заговорилъ, указывая на этотъ палецъ, отецъ Діодоръ:— вотъ такъ: пуски! И вслѣдъ за симъ онъ весь сугубо оживившись воскликнулъ:—а я, самый маленькій, самый мизинчикъ, посолъ митосъ флѣтосъ,—вотъ такъ.

Тутъ рассказчикъ эффектно положилъ кисть одной руки на другую, такъ что большіе пальцы приходились съ двухъ противоположныхъ сторонъ—и подвигая ладонями по воздуху, гребъ большими пальцами точно веслами и приговаривалъ:

— Флѣтъ, вотъ такъ: флѣтъ! И, продолжалъ Діодоръ,— когда я просолъ насквозъ весь цѣлый свѣтъ, то у меня

били всѣ разные ордены и кресты, даже съ этой стороны (онъ указалъ рукою отъ одного своего плеча на другое), и одна самая большая крестъ не умѣстился и тутъ повисъ, заключилъ онъ показавъ, что орденскій крестъ, для котораго уже не было мѣста у него на груди, кое-какъ долженъ былъ помѣститься на шеѣ.

Но не смотря на всю эту массу, почтенный отецъ Діодоръ однако попалъ въ монахи и указывалъ мнѣ на это, какъ на знакъ воли Промысла, а потомъ пошелъ еще храбрѣе и храбрѣе: онъ рассказывалъ памъ о храбрости давнихъ и недавнихъ греческихъ грековъ въ родѣ Колокотрони, Ботцариса и Бобелины, а отъ нихъ непосредственно переносился къ нашему балаклавскому баталіону, героизмъ котораго выходитъ еще грандіознѣе.

— О, наса балаклавской баталіонъ, великая баталіонъ, она никому не спигался, восторженно говорилъ Діодоръ и при этомъ рассказавъ, что будто-бы этотъ славный баталіонъ греческихъ героевъ когда-то однажды на смотрѣ одному лицу показалъ, что такое значить греки. Это было такъ, что будто-бы лицо, осматривая разныя войска, прівітствовало всѣхъ словами: „здорово, ребята“! и всѣ русскія войска на это прівітствіе конечно отвѣчали радостнымъ крикомъ: „здравія желаемъ вашество“. Но когда лицо крикнуло тоже „здорово, ребята“ баталіону, то греки будто только посмотрѣли одинъ на другого, почмокали и покачавъ головами перешепнулись: „Что мы за ребята? мы греки, а не ребята“, и промолчали. Видя это начальникъ снова повторилъ: „здорово, ребята“, но мудрые греки снова переглянулись и снова нашли, что они не ребята, и потому опять не откликнулись. Тогда будто-бы начальникъ этотъ „билъ не глупый въ своя голова“ и, догадавшись, сказать „злаевымъ“ голосомъ:

— Калисперосъ, греки!

А тѣ вдругъ, какъ одинъ положили:

— Калкалитрумъ вашество! такъ вотъ что значить греческій целовѣкъ! Греческій целовѣкъ самая умный целовѣкъ! похваливалъ мнѣ своихъ соотичей подгулявшій отецъ Діодоръ—и я не знаю, про какія бы еще греческія чудеса онъ мнѣ не рассказавъ, если бы служба не доложилъ, что къ монастырю подѣхала наша повозка и мои спутники зовутъ меня ѣхать.

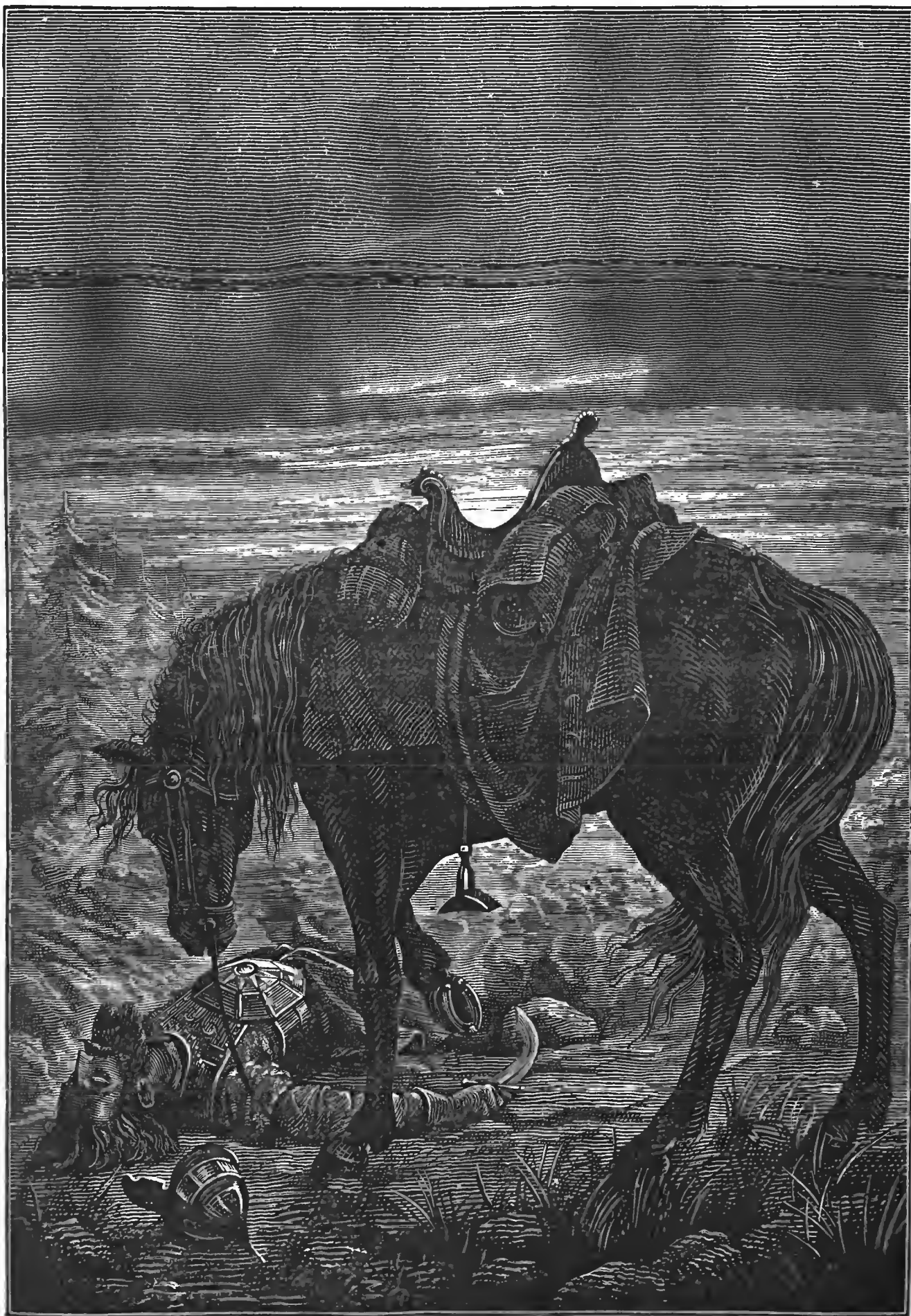
Въ самомъ дѣлѣ на дворѣ уже вечерѣло, и я простился съ хлѣбосольнымъ Діодоромъ и уѣхалъ напутствованный его благословеніемъ, просфоркою, бутылкою санторинскаго вина и увѣреніемъ, что всякому человѣку положенъ свой предѣлъ, котораго онъ не обѣзжитъ.

— Если будетъ предѣлъ, то и зенисса и будетъ у тебя орденъ съ энта сторона до энта сторона, а одна не помѣстится и тутъ на шеѣ повиснетъ, а все черный клобукъ попадешь, увѣрялъ онъ меня напослѣдяхъ, и увѣрялъ, какъ я теперь вижу, чрезвычайно прозорливо и обстоятельно; но тогда я его словамъ не повѣрилъ и самого его счелъ ни за что иное, какъ за гуляку, понапавшаго не на свое мѣсто.

Полагаю, что причина подобнаго легкомыслія съ моей стороны должна была заключаться въ крайней скатости и небрежности преподаванія священной исторіи въ нашемъ корпусѣ.

Но въ тѣ юные годы и при тогдашней моей невѣжественности и неопытности я ничего этого не понималъ, и пророчества отца Діодора пустилъ по вѣтру вмѣстѣ со всѣми его нескладными рассказами о его братьяхъ, отличавшихся въ пѣхотѣ, при пусакахъ, и во флотѣ и о всей греческой храбрости и о находчивой политичности знаменитаго, но уже болѣе несуществующаго въ Россіи греческаго балаклавскаго баталіона.

Но какъ бы то ни было, внутренній голосъ внутренняго чувства обманулъ меня уже два раза: разъ въ канавѣ, когда я почувствовалъ возрожденіе къ новой жизни и тотчасъ же сдѣлалъ новую глупость, написавъ письмо въ Тверь,—второй разъ теперь въ мона-

Другъ. Рис. Медведѣва, грав. Барановскій.

стырь, гдѣ я мечталъ встрѣтить успокоеніе и напелъ рахатъ-лукумъ и прочее, что мною описано.

— Гдѣ же, гдѣ же покой? допрашивалъ я себя, dokonчивая свое путешествіе грустный и унылый. Я былъ въ отчаяніи, что только лишь ѣдучи къ мѣсту своего назначенія я уже перепортилъ всю свою жизнь: я находилъ, что эта жизнь жестоко меня обманула; что я не нашелъ въ ней и ужъ конечно не найду той правды и того добра, для которыхъ считалъ себя призваннымъ. Я боялся какъ бы послѣ всего этого мнѣ не довелось еще открыть, что и мать моя можетъ быть не совсѣмъ такое глубокое и возвышенно-благородное созданіе, какимъ я себѣ ее воображалъ. По мѣрѣ своего собственнаго паденія я все болѣе и болѣе раздражался и дѣлался мизантропомъ. Въ этомъ лежалъ задатокъ моего спасенія.

Природа моя требовала реакціи, но возбужденіе ея должно было придти откуда-то извнѣ.

Въ такомъ именно состояніи былъ я, когда увидѣлъ блестящій крестъ кievской печерской лавры и вслѣдъ затѣмъ передо мною открылись кievскія высоты со всею чудною нагорною панорамой этого живописнаго города. Я съ жадностію обозрѣвалъ это мѣстоположеніе и находилъ, что братья Кій, Щекъ и Хоревъ обладали гораздо болѣе совершеннымъ вкусомъ, чѣмъ основатель Москвы бояринъ Кучка и закладчики многихъ другихъ великорусскихъ городовъ. При самомъ первомъ взглядѣ на Кіевъ дѣлается понятно, почему святые отшельники нашей земли избирали именно это мѣсто для перехода съ него въ высшія обители. Кіево-печерская вершина—это русская ступень на небо. Здѣсь, у подножія этихъ горъ, изрытыхъ древнерусскими христіанскими подвижниками, всякій человекъ какъ у подножія Сіона становится хоть на минуту вѣрующимъ; необходимость гля-

дѣть вдаль и вверхъ на эти уносящіеся подъ небо красоты будить душу—и у нея, какъ у отогрѣвающегося на подъемѣ орла, обновляются крылья.

Сухменная философія моя развѣялась подъ свѣжимъ вѣтромъ, которымъ насъ охватило на днѣпровскомъ паромѣ, и я вступилъ на кievскій берегъ Днѣпра юношею и сыномъ моей родины и моей доброй матери, которую такъ долго не видалъ, о которой нѣкогда столь сильно тосковалъ и грустилъ и къ ногамъ которой горѣлъ не терпѣніемъ теперь броситься, и обнять ихъ хоть умереть подъ ея покровомъ и при ея благословеніи.

Я не замѣчалъ, въ какомъ состояніи находилъсь мой Кирилль и мой товарищъ въ то время, когда мы проѣзжали низкія арки крѣпостныхъ воротъ, и самъ себя не помню какъ благодаря Кирилиной расторопности и толковитости мы остановились у одного низенькаго домика, на окнахъ котораго я увидалъ въ тамбурѣ вязанія бѣлыхъ шторы, какія любила по вечерамъ дѣлать моя матушка, а за ними вдали на противоположной стѣнѣ въ скромной черной рамѣ давно знакомую мнѣ гравюру, изображавшую Фридриха Великаго съ его штабомъ.

Не было никакого сомнѣнія, что здѣсь, именно здѣсь, живетъ моя прелестная мать.

Я взвизгнулъ, затрясся и свалившись съ телѣги бросился къ низенькимъ желтымъ дверямъ, но онѣ были заперты. Еле держась на дрожавшихъ ногахъ, я сталъ отчаянно стучать въ нихъ и... мнѣ сначала показалось въ ближайшемъ окнѣ блѣдное, какъ бы испуганное лицо: затѣмъ послышался шумъ, за дверью пронеслись быстрые легкіе шаги, задвижка щелкнула—и я упалъ на грудь высокой доброй старушки, черты которой только могли напомнить мою мать.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Сраженный рыцарь“ Лушкіна.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнливою градою идутъ облака,
Межъ ними луна золотая.

* * *

Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
Копье раздроблено, въ перчаткѣ бузатъ,
И шитъ подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзился шиоръ въ увлажненный мохъ,
Лежатъ неподвижно—и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блнстаны кровавомъ.

* * *

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ и стонетъ...

Быть можетъ, наканунѣ еще витязь, томимый злымъ предчувствіемъ, спрашивалъ у присмирѣвшаго своего друга:

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой
Не грызешь своихъ удила?
Али я тебя не хожу?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль воевода не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не зланыя стремена?»

И отвѣчалъ ему конь печальный:

«Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу тономъ дальнымъ,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;

Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ краѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей шеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что намѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока».

А бывало и такъ, что витязь погибалъ отъ руки не суроваго а коварнаго врага, который не сдиралъ серебряныхъ подковъ съ легкихъ ногъ «друга» и не покрывалъ, намѣсто чапрака, вспотѣвшіе бока коня кожей сраженнаго противника... Не то было у него на умѣ!... Если любовь и дружба въ старину, какъ и въ наши дни, имѣли всегда мѣсто въ сердцѣ человѣческомъ, то измѣна и коварство также находили тамъ довольно помѣстительный уголокъ—и вотъ

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
«Воронъ, гдѣ-бъ намъ отобѣдать?
Какъ-бы намъ о томъ провѣдать?»
Воронъ ворону въ отвѣтъ:
«Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитый.
Кѣмъ убить и отъ чего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка ворона,
Да хозяйка молодая...»
Соколъ въ рошу улетѣлъ,
На кобылку нѣдругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова—
Не убитаго—живова.

Н А Р О Д Ы Р о с с и и . *)

XXIII. Казанские татары.

Казанские татары принадлежат к племени, известному у русских под общим названием татары, под которым слѣдует разумѣть многочисленных турко-татарских народцев, распространившихся от Волги до Алтая и до Лены. Это болѣею частью потомки обитателей бывшаго Казанскаго царства. Смѣшавшись отчасти съ финскими элементами, они поселились преимущественно въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ, въ числѣ 430,000 душъ въ первой изъ названныхъ губерній и 250,000 во второй. Общее же число татаръ, живущихъ въ Россіи и разбѣянныхъ по разнымъ губерніямъ, простирается до 1,140,000. Национальнымъ центромъ ихъ служитъ Казань; въ одномъ этомъ городѣ насчитывается до 6,500 татаръ обоего пола. Казанскіе татары, по своимъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ, принадлежатъ къ числу благородныхъ коленъ; это бесспорно одно изъ самыхъ лучшихъ и сносныхъ племенъ, происшедшихъ отъ смѣшенія турецкой и монгольской крови. Въ отношеніи образованія и просвѣщенія, этимъ татарамъ принадлежитъ первенство не только среди всѣхъ западныхъ отраслей турко-татарскаго племени, но среди всѣхъ вообще известныхъ намъ вѣтвей этого племени. Черты лица казанскихъ татаръ напоминаютъ болѣе турецкій, нежели монгольскій типъ; впрочемъ, собственно въ Казани, они до такой степени смѣшались съ другими расами, что почти утратили чистый татарскій типъ. Нѣкоторые дѣлятъ ихъ, по ихъ различнымъ физіогноміямъ, на четыре группы, а именно: *чистыхъ татаръ, татаръ смѣшанныхъ съ монголами, европейскихъ татаръ* (смѣсь татаръ и кавказскихъ расъ) и на *татаръ смѣшанныхъ съ финнами*. У этихъ послѣднихъ татаръ бывають иногда до безобразія широкія скулы и сѣкучій носъ. У казанскихъ татаръ лицо продолговатое, глаза большіе сѣрые или черные, взоръ пронзительный, носъ длинный съ красивымъ горбикомъ, губы толстыя; скулы у нихъ незначительны, борода рѣдка, но прекраснаго чернаго цвѣта, аккуратно подстриженная и около губъ подбритая; черепъ продолговатый и тонкій, голова выбрита и покрыта тюбетейкой (маленькой шапочкой); очень толстая шея, широкія плечи, высокая грудь. Характеристическая же черта въ наружности татарина—это длинныя, отстающіе отъ головы уши. Сложены татары прекрасно; они высокорослы, держатся очень стройно и прямо. Походка ихъ степенная, важная. Татарки вообще средняго роста, довольно толстыя, такъ же какъ мужчины, и держатся такъ же прямо какъ послѣдніе. Татарскія женщины были бы очень недурны собою, но онѣ скоро старѣють, потому что слишкомъ рано выходятъ замужъ. Пятнадцатилѣтняя невѣста уже не считается слишкомъ молодой; въ 12-ть, въ 13-ть лѣтъ, дѣвушку уже сватають женихи. Кромѣ того татарки портятъ себя разными притираниями; онѣ размазываютъ свои лица какъ маски, бѣлками и румянами, чернятъ бубки, красятъ вѣки, брови, волосы.

Характеръ татаръ нескателный, вкрадчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ они горды и честолюбивы. Самая лучшая ихъ черта—гостеприимство. Бѣда если вы откажетесь отъ его радушнаго угощенія, вы нанесете ему этимъ кровную обиду. Въ татарскихъ семьяхъ, вопреки восточнымъ обычаямъ, царствуетъ полное согласіе, и дѣти получаютъ тщательное воспитаніе. Способность къ разнаго рода занятіямъ, трезвость, вѣрность и опрятность татаръ дѣлають изъ нихъ отличныхъ работниковъ. Обработка кожъ составляетъ ихъ національное ремесло; казанскій сафьянъ и юфть известны повсюду, а они выдѣлываются преимущественно татарами.

Къ земледѣлію татары не очень склонны, но предпочитаютъ ему разные промыслы. Татаринъ—торганти по преимуществу. Едва успѣетъ онъ сколотить конѣйку, какъ тотчасъ же начинаетъ какую нибудь торговлю, пакунаетъ разныхъ мелочей, или детто, конской сбруи, всякихъ бездѣлушекъ для деревенскаго женскаго туалета, бѣлизы, румянъ, мыла, краски для волосъ, и отправляется съ своими товарами по деревнямъ или по городскимъ базарамъ. Татары, владѣющіе большими капиталами, ведутъ торговлю съ китайцами, бухарцами и персіянами; другіе обращаютъ капиталы на фабрики. Для облегченія торговыхъ сношеній, въ татарскихъ школахъ учатъ молодыхъ татаръ бухарскому и персидскому языкамъ, но замѣчательно, что живя среди русскихъ съ которыми они и по торговлѣ имѣють постоянныя сношенія, татары очень рѣдко знаютъ русскій языкъ; не говоря уже о томъ чтобы писать, рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ порядочно говорить по русски.

Казанскіе татары замѣчательны своей опрятностью. Во всей ихъ обстановкѣ видна склонность къ удобствамъ жизни, даже нѣкоторой роскоши. Комнаты ихъ всегда чисто убраны, полъ устланъ циновками; на широкихъ скамьяхъ «подмарахъ», вдоль стѣнъ, разсланы перины, а у бѣдныхъ кошмы, и пышно взби-

тыты подушки; столы покрыты узорчатыми скатертями. У зажиточныхъ мѣщанъ или крестьянъ, украшеніемъ горницы служатъ красиво обитые сундуки, покрытые коврами. Въ углу стоитъ, также покрытый, столъ съ разной посудой, чайными фарфоровыми чашками и нѣсколькими подносами. У печки всегда стоитъ самоваръ—эта необходимая принадлежность всякаго сколько нибудь зажиточнаго татарина. Окна уставлены горшками бальзамниковъ и душистой базилики. Какъ мужчины такъ и женщины одѣваются очень опрятно. Одежда бѣднаго класса состоитъ изъ простой мыталеваго рубашки, вышитой у ворота и на рукавахъ, синихъ холосатыхъ шароваровъ, бухарскаго камзола и сѣрой поярковой шляпы. Зимой сверхъ рубахи накинута баранья шуба, а поярковая шляпа замѣняется бараньей шапкой. Женскій костюмъ очень похожъ на мужской. Но за то богатые татары и татарки одѣваются съ восточной роскошью. Мужчины носятъ узкій архауку, который дѣлается изъ холосатой шелковой матеріи и доходитъ до коленъ; вмѣсто кушака, онъ часто подпоясывается нестрой шалью, обернутой нѣсколько разъ вокругъ талии. Сверхъ этой одежды надѣвается длинный, широкій халатъ свѣтлаго цвѣта, также изъ дорогой шелковой матеріи. Бритую голову они покрываютъ тюбетейкой, иногда роскошно вышитой золотомъ, шелками и разноцвѣтными камнями. На ногахъ они носятъ сафьяные сапоги безъ подшивъ, а сверхъ сапоговъ надѣвають туфли. Богатые татарки съ утра наряжаются въ парчевыя или дорогія шелковыя платья. Головной уборъ ихъ унизанъ жемчугомъ и драгоценными камнями; грудь и шея покрыты золотыми и серебряными монетами, напизанными одна на другую въ видѣ рыбьей чешуи. Головной уборъ молодыхъ дѣвушекъ отличается множествомъ мелкихъ косъ, падающихъ по плечамъ; въ кончикъ каждой косы нанизаны золотыя монеты. Чѣмъ богаче татарка, тѣмъ тщательнѣе скрываетъ она свое лицо отъ всякаго посторонняго мужчины, кромѣ мужа. Даже свекоръ, деверья, дяди, двоюродные братья, не должны видѣть ее съ открытымъ лицомъ. Она постоянно закрываетъ свое лицо большимъ покрываломъ «зипавомъ», и открываетъ его. Вообще жизнь первостепенной татарки невообразимо однообразна и скучна. Богатая татарка рѣшительно ничего не дѣлаетъ, даже не занимается хозяйствомъ; она только и заботится о своихъ нарядахъ, и сидитъ дѣлѣй день, поджавъ ноги, на диванѣ; ея день разнообразится лишь питьемъ чая, который не сходитъ со стола, да фѣей всякихъ самыхъ жирныхъ кушаньевъ. Она никогда не выѣзжаетъ на улицу иначе какъ съ ногъ до головы закутанная въ покрывало, изъ подъ котораго она чуть-чуть выставляетъ одинъ глазъ, чтобы посмотрѣть на свѣтъ божій. Важныя татарскія барыни не ѣздятъ даже на народные праздники, куда собирается по нѣскольку тысячъ человѣкъ изъ самой Казани и изъ окрестныхъ деревень.

Главные татарскіе праздники—«сабанъ» и «джинъ»; они празднуются весной. На полѣ, отведенномъ для празднества, устраиваютъ въ эти дни, на скорую руку, нѣсколько палатокъ, гдѣ продаются разные простонародные гостинцы. Нѣсколько «куррайчей» музыкантовъ, играютъ на самодѣльныхъ инструментахъ; подъ эту музыку идетъ оживленная пляска, допускаемая для однихъ мужчинъ,—женщины только смотрятъ изъ своихъ kibitokъ. «Джурганъ», татарскіе пѣвцы, жалобнымъ, гнуснымъ голосомъ, поютъ народныя татарскія пѣсни. Мелодіи этихъ послѣднихъ чрезвычайно монотонны. Приводимъ въ переводѣ отрывки изъ такихъ пѣсенъ.

«Разсвѣтаетъ ли, разсвѣтаетъ ли день? Видитъ ли кто-нибудь разсвѣтъ? Ждетъ ли кто-нибудь друга, такъ какъ я жду ее?»

«Сколь велика Волга, сколько пространства протекаетъ она, сколько Іосифъ любилъ Зюлейку, столько я люблю тебя».

«Брови твои черны какъ чернила Корана, твой ростъ красивый, красота твоя совершенна; меня съ тобой, и тебя со мной, соединишь ли когда Аллахъ?»

«Подобная тебѣ красавица рѣдко можетъ родиться: не рожденіе человека ты—ты звѣзда упавшая съ неба.»

«Свѣтъ приносятъ намъ луна и солнца; ты свѣтъ же ихъ; развѣ только гуріи восьми раевъ могутъ сравниться съ тобой.»

«О душа моя, уголокъ моего сердца, чернота моихъ очей! я не могу споситъ твоего взора, я слабѣю,—я схожу съ ума,

«Будь великодушна, будь милостива, не убивай, не уничтожай меня!»

Какъ видно изъ содержанія этихъ пѣсенъ, любовь играетъ въ нихъ главную роль, не смотря на строгія постановленія восточныхъ законодателей относительно женщинъ. Впрочемъ, не богатыхъ, и особенно деревенскія татарки пользуются несравненно болѣею свободой, нежели богатые. Онѣ ходятъ почти безъ покрывала и закрываются только встрѣтятся съ татаринкомъ.

Кромѣ народныхъ пѣсенъ, татары имѣють и изыскую литературу, но она не подвигается впередъ. Зато грамотность очень распространена между татарами. При каждой мечети полагает-

*) См. «Ниву» 1870, 1871, 1872, 1873 и 1874 гг.

ся училище, гдѣ кромѣ чтенія, письма и основаній магометанской религіи, учатъ еще арабскому языку, насколько онъ необходимъ для пониманія алкорана. Обязанность учителя обыкновенно исполняетъ мулла мечети, и пельза не отдать должной справедливости татарскимъ мулламъ: они распространяютъ восточное просвѣщеніе не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ. Жена муллы учитъ дѣвочки; рѣдкая татарка не знаетъ грамоты. Дома дѣвочки учатся у своихъ матерей различнымъ рукодѣліямъ. Особенно славятся татарскія золотшвейки; въ этомъ искусствѣ онѣ достигли большаго совершенства. Онѣ составляютъ превосходные узоры въ восточномъ вкусѣ для татарскихъ тюбетеекъ и башмаковъ и сапожковъ «ичегъ», стоящихъ иногда до полутора рубля сребромъ.

Въ Казанѣ 1802 г. была основана татарская типографія. Работники здѣсь всѣ были изъ татаръ. Въ этой типографіи, въ теченіе трехъ лѣтъ, было напечатано 11,000 экземпляровъ татарской азбуки, 7,000 экз. 7-й части алкорана и 10,200 экз. другихъ книгъ въ стихахъ и въ прозѣ, по большей части изъясненій на коранъ, и 2,000 экз. полнаго корана въ 30 частяхъ.

Татары—ревностные мусульмане; ихъ ахуны и муллы подчинены муфти, имѣющему свою резиденцію въ Уфѣ. Во всякой татарской деревнѣ непременно есть мечеть, даже двѣ, а нѣрѣдко и больше; только онѣ по большей части деревянные, и кромѣ минарета, главный корпусъ мало чѣмъ отличается отъ простаго дома или избы. Обыкновенно мечети строятся двухъ-этажны; лѣтомъ богослуженіе отправляется въ холодномъ верхнемъ этажѣ, а зимой въ нижнемъ этажѣ, который отапливается. Внутренность татарскихъ храмовъ соответствуетъ ихъ наружному виду; ихъ бѣдность и даже нѣкоторое неряшливость поражаютъ тѣмъ болѣе, что въ татарскихъ домахъ видны совершенно противоположное этому. Въмѣсто ковровъ по полу мечети валяются какія-то разорванныя тряпки, стѣны голыя, безъ всякихъ украшеній. Также непривѣтливо смотрятъ и татарскія кладбища, которыя даже не огорожены; только разбросанные тамъ и сямъ, одинокіе камни свидѣлствуютъ, что здѣсь похоронены прахъ какого-нибудь нравовѣрнаго. Глубокое уваженіе,

питаемое мусульманами къ могиламъ ихъ предковъ, повидимому совершенно утратилось въ татарахъ.

Къ сожалѣнію, утрачиваются мало по малу и многія изъ ихъ прежнихъ хорошихъ качествъ. О пьянствѣ между татарами, въ старыя времена, не было и помину, такъ какъ коранъ запрещаетъ пить вино, такъ же какъ бѣтъ свинину. Однако, правовѣрные нашли средство удовлетворить своей страсти и мириться съ религіей. Магометъ запретилъ вино, но разрѣшилъ балзамъ, то есть настойку изъ разныхъ травъ, — и она начинаетъ входить въ большое употребленіе у татаръ; отчаянные вольнодумцы не отказываются и отъ простой водки. Почти на всѣхъ вывѣскахъ городскихъ и деревенскихъ кабаковъ, рядомъ съ русскою, читаешь и татарскую надпись: «балзамъ».

Что татары—страшные конокрады, это извѣстно всѣмъ и каждому. Поймать татарина съ покражей не легко. Воруютъ они скотъ и лошадей для мяса, такъ какъ ни одинъ татаринъ не сядетъ обѣдать безъ мяса. Бѣтъ онъ жирно; національное татарское кушанье, салма, состоитъ изъ крошеннаго тѣста съ бараньимъ жиромъ; по праздникамъ на столѣ татарина является непременно баранина, а въ торжественные дни, какъ-то свадьбы и ширества, парадные праздники—лошадиное мясо. Между ними образовался классъ людей безземельныхъ и безконныхъ; такіе татары вовсе не имѣютъ домашняго хозяйства; одни нанимаются на заводы, ходятъ по разнымъ заработкамъ, живутъ въ батракахъ у русскихъ крестьянъ, другіе пускаются въ конокрадство. Уѣздные и губернскіе тюремные замки наполнены татарами-конокрадами, и всѣ мѣры противъ этого зла остаются неэффективными.

Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ татарамъ жить въ большомъ согласіи съ русскими. Татары, получившіе образованіе, вступаютъ въ государственную службу чиновниками, и тогда они не брѣютъ головы и одѣваются по европейски; но собираясь въ мечеть надѣваютъ свой національный костюмъ, и покрываютъ голову чалмой или тюбаномъ, чтобы не видно было волосъ. Между кунцами уже весьма немногіе носятъ пазваніе князей, которое перешло къ нимъ отъ предковъ, бывшихъ мурзаша при владычествѣ хановъ,—хотя нашъ народъ до сихъ поръ еще, въ шутку, называетъ каждаго татарина «княземъ».

РАЗУМНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

Нравственное воспитаніе. *)

Уходъ развиваетъ растенія, воспитаніе развиваетъ людей.

Руссо (Змилов).

I.

Задача нравственнаго воспитанія далеко сложнее задачи физическаго воспитанія. Физическое воспитаніе ищетъ дѣлю содѣйствовать правильному развитію тѣлесныхъ силъ ребенка, нравственное же воспитаніе стремится развить его душевныя способности чувство, умъ и волю. Само собою разумется, что воспитаніе физическое должно предшествовать и служить основаніемъ воспитанію нравственному, ибо только въ здоровой тѣлѣ здоровая душа.

При изложеніи основныхъ правилъ, которыхъ нужно держаться при нравственномъ воспитаніи маленькихъ дѣтей, мы будемъ обращать вниманіе нашихъ читателей преимущественно на тѣ стороны душевной организаціи дѣтей, которыя подлежатъ измѣненію подъ влияніемъ воспитательныхъ мѣръ; тѣ же черты въ характерѣ, которыя (какъ и въшнія) передаются дѣтямъ отъ родителей по наслѣдству, мы обойдемъ, такъ-какъ онѣ не поддаются никакому воспитательному вліянію.

При этомъ напомнимъ, что при воспитаніи нравственной натуры ребенка необходимо строго сообразоваться со свойствами его темперамента. **) Только при этомъ условіи воспитаніе будетъ удовлетворять своей главной цѣли — содѣйствовать правильному естественному развитію ребенка, а не будетъ искусственно насильственной ломкою его натуры. А воспитаніе сообразно съ природою дѣтей и есть тотъ идеалъ, который проповѣдовали первые великіе педагогъ, каковы Руссо, Песталоцци и Фребель, и этотъ идеалъ теперь признанъ наиболее разумнымъ и плодотворнымъ лучшимъ современными педагогами. Такимъ образомъ, задача нравственнаго воспитанія должна состоять въ томъ, чтобы съ одной стороны содѣйствовать развитію хорошихъ свойствъ, принадлежащихъ данному темпераменту, а съ другой—устраивать по возможности тѣ причины, которыя способствуютъ развитію дурныхъ качествъ. Успѣшное выполненіе этой задачи требуетъ знанія дѣтской природы, опытности и терпѣнія.

*) О физическомъ воспитаніи см. Ниву за 1874 г. №№ 26, 36, 50, 52.

**) О темпераментахъ и ихъ значеніи въ воспитаніи подробно было говорено въ первой изъ указанныхъ статей.

Приступая къ практической сторонѣ вопроса о нравственномъ воспитаніи маленькихъ дѣтей, мы остановимся прежде всего на одномъ явленіи, играющемъ весьма видную роль въ первомъ періодѣ жизни ребенка и, при неправильномъ отношеніи къ этому явленію, могущимъ имѣть вредное вліяніе на характеръ дитяти. Мы говоримъ о плачѣ дѣтей.

Ребенокъ плачетъ какъ только родится на свѣтъ. Этотъ первый плачъ выражаетъ непріятное ощущеніе, испытываемое ребенкомъ при переходѣ изъ тѣла матери, гдѣ ему было тепло и уютно, въ окружающій міръ, гдѣ его раздражаетъ и холодный атмосферный воздухъ и посторонніе облекающіе его предметы, каковы: подушка и проч. Этотъ плачъ также произведенъ и безсознательно, какъ непріятные и безсознательныя тѣ крики, которые испускаютъ взрослые, когда внезапно входятъ въ холодную воду ванны, рѣки или моря. Всякое сильное раздраженіе кожи черезъ нервы передается органамъ дыханія и голоса — и выражается крикомъ. То той же причинѣ ребенокъ плачетъ, когда его лупаютъ. Водѣ, къ температурѣ которой ребенокъ еще не привыкъ, раздражаетъ его тонкую пѣжную кожу и черезъ нервы вызываетъ къ дѣйствію голосовой аппаратъ. Плачъ въ этомъ случаѣ выражаетъ непріятное ощущеніе холода.

Далѣе, ребенокъ плачетъ, когда онъ голоденъ. Чувство голода и у взрослыхъ вызываетъ раздраженное состояніе нервовъ, а у ребенка тѣмъ болѣе, такъ какъ его нервная система въ высшей степени чувствительна. Взрослый сердится, волнуется, вричитъ, когда ему хочется ѣсть; ребенокъ же плачетъ, ибо плачъ—его первый языкъ. Плачемъ дитя даетъ знать матери или кормилицѣ, что ему хочется груди,—получивъ ее, онъ тотчасъ унолкаетъ.

Плачетъ ребенокъ, когда онъ мокръ. Непріятное ощущеніе холода и влажности вызываетъ въ немъ раздраженіе, которое онъ передаетъ окружающимъ людямъ на обычномъ своемъ нарѣчѣ, зовя ихъ на помощь. Ему смѣняется мокрое бѣлье на сухое, и онъ опять молчитъ.

Ребенокъ долгое время лежитъ неподвижно. Его члены онѣмѣли отъ долгаго покоя, имъ нужно движеніе. Ребенокъ снова плачетъ: онъ проситъ, чтобы его пошевелили. Берите дитя на руки, поиграйте съ нимъ, и оно снова будетъ спокойно.

Ребенка туго спеленали, ему сдавили животъ и грудь, онъ не

может дышать свободно. И вотъ онъ снова плачетъ и мечется въ безпокойствѣ. Развяжите варварскія узы—и ребенокъ придетъ въ себя.

Что мы видимъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ? Мы видимъ, что плачемъ ребенокъ выражаетъ, что ему неприятно то или другое ощущеніе и что онъ желаетъ отъ него избавиться. Разъ два мать или кормилица обратили вниманіе на его жалобы: накормили когда онъ голоденъ, перемѣнили бѣлье когда оно омочилось, поиграли съ нимъ когда онъ долго лежалъ, освободили отъ тѣплыхъ пеленокъ,—и онъ начинаетъ сознавать, что

съ ребенкомъ имѣетъ вредное вліяніе не только на здоровье, но и на дальнѣйшій характеръ ребенка.

Часто ребенокъ плачетъ отъ боли живота. Мать, а особенно кормилица, какъ часто случается, употребляетъ въ пищу труднопереваримыя вещества, не подозревая того, что отъ этого портится ея молоко и раздражаетъ вѣжный желудокъ ребенка, накопляются вѣтры въ кишкахъ и причиняютъ колики, отъ которыхъ онъ плачетъ. Словомъ, въ первый годъ жизни ребенка плачь есть его языкъ, на которомъ онъ выражаетъ свои ощущенія, желанія и просьбы.

Народы Россіи. XXIII. Казанскіе татары, гр. Меранъ.

за плачемъ слѣдуетъ удовлетвореніе его потребностямъ. Онъ начинаетъ видѣть въ плачѣ средство избавляться отъ неприятныхъ ощущеній—и въ каждомъ случаѣ онъ обращается къ этому средству. Тутъ-то и надо быть на сторожѣ, если хотятъ, чтобы дитя не сдѣлалось капризнымъ. Нужно понимать этотъ плачь и каждый разъ доискаться причины его, въ противномъ случаѣ причинимъ только напрасныя страданія ребенку и неприятели себя. Неопытныя матери или няни, не понимая крика ребенка, часто приписываютъ его простому капризу—и либо не обращаютъ вниманія на ребенка, либо прибѣгаютъ къ розгѣ и этимъ доводятъ иногда ребенка до конвульсій. Такое обращеніе

Начиная со 2-го года, дѣти употребляютъ для выраженія своихъ желаній новый языкъ—языкъ жестовъ. Когда ребенку захочется какую-нибудь вещь, онъ протягиваетъ къ ней свои ручки, отънявъ свой жестъ различными звуками, но уже не плачетъ. Хныканье и плачь пускаетъ въ ходъ лишь тогда, когда на его мимическое движеніе не было обращено вниманіе взрослыхъ. Въ этомъ періодѣ—сознательнаго плача—необходимъ тактъ со стороны взрослого въ обращеніи съ ребенкомъ, чтобы онъ не сдѣлался капризнымъ. Въ этомъ отношеніи весьма полезно держаться наставленія, которое даетъ знатокъ дѣтской природы Руссо въ своемъ Эмильѣ.

«Когда ребенок, говорит он,—протягивает руку, молча и въ усилиях, он думает достать предмет, потому что не ощущается разстоянія: он заблуждается въ этомъ случаѣ. Но когда, протягивая руку, онъ жалуется и кричитъ, тогда онъ не обманывается относительно разстоянія, а приказываетъ: или предметъ приблизиться, или вамъ принести его. Въ первомъ случаѣ медленнымъ шагомъ поднесите ребенка къ предмету, во второмъ—не показывайте даже вида, что слышите его крикъ; чѣмъ сильнѣе онъ будетъ, тѣмъ менѣе должны вы его слушаться. Съ раннимъ поръ слѣдуетъ приучать ребенка не повелѣвать ни людямъ, потому что онъ имъ не господинъ, ни вещамъ, потому что онъ его не слышать». «Два, три, четыре раза (говорятъ авторы «Практическихъ замѣтокъ о воспитаніи») вы не давали ребенку вещи на первое его требованіе, указываніе пальцемъ; но вы его удовлетворяли только послѣ продолжительнаго хныканія или плача,—то знайте же, что вы сами виноваты въ томъ, что вашъ ребенокъ дѣлается для васъ докучливѣе и неспріятнѣе; знайте же, что если вы будете слабодушны и нерѣшительны въ вашемъ обращеніи съ вашимъ ребенкомъ, вы дѣлаете изъ него деспота—своевольца, которому вы сами послужите послѣ игрушечному». Стоитъ ребенку разъ убѣдиться въ томъ, что плачемъ онъ отъ васъ добьется того, чего онъ безъ плача не получаетъ,—онъ станетъ прибѣгать къ нему каждый разъ, когда ему захочется какой-нибудь вещи, которую вы ему дать не хотите. Если при этомъ вы будете такъ неосторожны, что попытаетесь унять его какимъ-нибудь лакомствомъ, то вы его этимъ испортите въ концѣ: онъ будетъ плакать уже и тогда, когда передъ его глазами не будетъ никакой привлекательной вещи. Ему вдругъ захочется то конфектъ, то сахару, то хлѣба, то того, то сего,—словомъ: онъ будетъ плакать и плакать и сдѣлается настоящимъ *капризнымъ* ребенкомъ.

Ребенокъ сидитъ у васъ на рукахъ, вы играете съ нимъ. Войти къ вамъ вашъ знакомый, вы начинаете съ нимъ говорить о чемъ-нибудь важномъ и забываете о своемъ питомцѣ. Послѣднему между тѣмъ хочется, чтобы вы съ нимъ продолжали играть; онъ выражаетъ это жестами,—но вы, будучи увлечены разговоромъ, не замѣчаете этого; ребенокъ начинаетъ хныкать,—вы опять не замѣчаете, онъ вдругъ начинаетъ плакать—и вы прерываете разговоръ и начинаете его успокаивать. Если такая исторія повторится вѣскольکو разъ, ребенокъ узнаетъ, что васъ можно побѣдить только плачемъ,—и онъ начнетъ прибѣгать къ этому средству каждый разъ, когда ему захочется, чтобы вы имъ занимались. Въ этомъ случаѣ опытные воспитатели совѣтуютъ поступать такъ: или бросьте разговоръ тотчасъ, какъ ребенокъ дѣлается скучнымъ и, не доводя его до слезъ, продолжайте играть съ нимъ; или же, если разговоръ такъ важенъ и безотлагателенъ, что его прервать нельзя,—то отдайте ребенка нянѣ или кому вибду другому, чтобы его забавляли. Если же вамъ отдать его кому-то въ данную минуту и онъ уже плачетъ, то самое лучшее не обращать на него вниманія; тогда онъ увидитъ, что плачь не помогаетъ—и онъ перестанетъ. Даже и дѣти не любятъ трудиться даромъ, говоритъ по этому поводу Руссо.

Или: вы купаете ребенка, онъ плескается въ водѣ и радуется. Но вотъ вы его вынимаете изъ корыта, завертываете въ простыню и начинаете вытирать. Ребенокъ просится назадъ, въ корыто. Вы его не слушаете и продолжаете вытирать. Онъ начинаетъ плакать... Тутъ два исхода: если вы не слабодушны, перенесите дѣтскій плачь, одѣвайте вашего ребенка и старайтесь развлечь его какимъ-нибудь болѣе интереснымъ предметомъ (только не конфетками!). Нѣсколько разъ вы это сдѣлаете—и вашъ ребенокъ привыкнетъ выходить изъ купели безъ всякаго плача. Но разъ вы смягчились его плачемъ и перенесли его назадъ въ воду, будьте увѣрены, что эта исторія повторится при каждомъ купаньи. Ребенокъ узналъ вашу слабость—и будетъ ею пользоваться всегда и вездѣ.

Если вы желаете отучить отъ каприза ребенка полутора или двухъ, трехъ лѣтъ, говорятъ авторы «Практическихъ замѣтокъ о воспитаніи», то не употребляйте длинной скамьи (т. е. розогъ), какъ совѣтуютъ нѣкоторые педагоги. Лучшее средство есть именно то, о которомъ мы говорили и которое было предложено Руссо. Ово, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, что вы не должны обращать ни малѣйшаго вниманія на плачь капризнаго ребенка; если вашъ ребенокъ ложится на полъ, топаетъ ногами, раздражаетъ себѣ горло, дѣлается хриплымъ, бѣжитъ за вами, кричитъ, плачетъ и т. д.,—не обращайтесь на него ни малѣйшаго вниманія, какъ будто дѣло васъ не касается. Если вамъ покажется, что вашъ ребенокъ не выдержитъ продолжительнаго плача, усиливающегося все болѣе и болѣе,—отвѣдайте его отъ плача такимъ образомъ, чтобы онъ не зналъ, что вы все это дѣлаете для него: внесите въ комнату какую-нибудь новую интересную вещь или введите какую-нибудь новую игру и играйте съ другими дѣтьми, если они у васъ есть. Ребенокъ, увлекшись новою интересною для него вещью, забудетъ о своемъ горѣ и перестанетъ плакать. Если ребенокъ вашъ, переставши плакать, подойдетъ къ вамъ и захочетъ принять участіе въ затѣванной вами игрѣ,—не отгоняйте его прочь, а примите его въ вашу игру и не напоминайте ему о прежней исторіи. Если онъ, послѣ нѣкотораго времени снова начнетъ плакать, вы продолжайте свое дѣло, какъ будто его нѣтъ и плача его не слышите.

Какъ только ребенокъ замолчитъ,—а это онъ сдѣлаетъ непременно, если увидитъ, что на него не обращаютъ вниманія,—вы, если можете, удовлетворите его желаніе. Если же его требованіе не можетъ быть исполнено по какимъ-нибудь обстоятельствомъ, то оставьте его непоколебимымъ—и вы выиграете дѣло. Если вашъ ребенокъ нѣсколько разъ увидитъ, что его плачь васъ не трогаетъ,—онъ оставитъ его какъ бесполезное средство и будетъ выражать свои желанія въ формѣ просьбы. При этомъ вы не должны ударяться въ крайность и отказывать ребенку во всемъ, чего бы онъ ни просилъ: постоянными отказами вы его только озлобите и потеряете его любовь. Напротивъ, гдѣ можно—удовлетворите ребенка; а если не можете, то постарайтесь сдѣлать вашъ отказъ болѣе мягкимъ: доставьте вашему ребенку взаменъ отказываемаго какое-нибудь другое невинное удовольствіе. Чѣмъ моложе и чувствительнѣе вашъ ребенокъ, тѣмъ нѣжнѣе должно быть ваше обращеніе съ нимъ. Безусловно отказывать вы должны вашему ребенку только тогда, когда его требованіе совершенно неразумно, даже вредно для него. Но и тогда вашъ тонъ въ отказѣ долженъ быть твердымъ и спокоенъ, безъ всякаго слѣда раздраженія и гнѣва. Удары, которыми родители часто отвѣчаютъ на неосновательныя требованія своихъ дѣтей, не только не урезонируютъ ихъ, но приносятъ имъ прямой вредъ въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, неосторожными ударами, силу котораго во гнѣвъ рассчитать нельзя,—можно пришибить ребенка и сдѣлать его калѣкой на всю жизнь *); во вторыхъ, грубое обращеніе съ дѣтьми влияетъ вредно на ихъ характеръ, дѣлаетъ ихъ грубыми и жестокими въ обращеніи съ другими.

Дѣти, чьихъ родители или воспитатели постоянно бьютъ, выходятъ или забытыми тупыми людьми, или буйными самодурами.

Съ другой стороны, излишняя нѣжность и снисхожденіе къ всякимъ справедливымъ и несправедливымъ требованіямъ дѣтей дѣлаетъ ихъ избалованными и капризными. Особенно часто матери прибѣгаютъ къ неумѣстному въжничанью по слѣдующему обстоятельству.

Ребенокъ, по своей или чужой винѣ, упалъ. Тотчасъ поднимается суматоха, всѣ кидаются къ ребенку и вачинаютъ около него хлопотать. Ребенокъ, если онъ даже и не ушибся крѣпко, думаетъ, что съ нимъ произошло что-то ужасное—и онъ тотчасъ распускаетъ нюхи. Мать или няня начинаютъ его оплакивать, ласкать и утѣшать разными способами, чтобы его успокоить. Между тѣмъ это имъ рѣдко удается, такъ какъ напуганный ребенокъ долго не можетъ оправиться отъ наведеннаго на него взрослыми страха. Особенно сильна бываетъ тревога, ежели у ребенка покажется въ ушибенномъ мѣстѣ кровь. Мы были свидѣтелями одной сцены, гдѣ ребенокъ, ушибшій себѣ лобъ до крови, плакалъ чуть ли не всю ночь, увѣряя, что лишился глаза.

Вредъ отъ излишней суеты при паденіи ребенка—двойной. Во первыхъ, пугая ребенка, его дѣлаютъ трусомъ, который будетъ бояться шагу ступить безъ посторонней помощи. А это поведетъ къ тому, что онъ сдѣлается еще болѣе неповоротливымъ и вѣуклюжимъ. Во вторыхъ, ребенку внушаютъ привычку преувеличивать свои страданія и пользоваться этимъ для различныхъ вымогательствъ.

Самое полезное въ этомъ случаѣ—поступать такъ, какъ совѣтуютъ опытные воспитатели и во главѣ ихъ Руссо. Если ребенокъ упалъ и ушибъ не великъ, не дѣлайте сильной тревоги, а спокойно подходите къ ребенку и подвиньте его. Если ребенокъ ушибся и даже до крови, окажите необходимую при этомъ случаѣ помощь, но оставьте все время спокойной и не пугайте ребенка. Для остановки крови прикладывайте холодную воду, а для предупрежденія опухоли приложите ушибленное мѣсто вѣлнкомъ отъ ножа, а еще лучше полосками липкаго пластыря. Знайте разъ навсегда, что раны и ушибы въ дѣтскомъ возрастѣ далеко не такъ опасны, какъ въ пожиломъ, и заживаютъ болѣею частью весьма быстро. Вывихи же и переломы костей составляютъ болѣзнь рѣдкость, такъ какъ кости у дѣтей чрезвычайно упруги и мягки. Чтѣ бы ни случилось, по возможности будьте хладнокровны и приучите вашего ребенка съ молодости переносить боль терпѣливо, иначе вы его сдѣлаете жалкою тряпкой. Нѣтъ несчастнее человека, который отъ малѣйшей боли раскисаетъ и дѣлается неспособнымъ къ работѣ.

Упомянемъ объ одной нещепной шуткѣ, часто пускаемой въ ходъ матерями или няней для униманія упавшаго ребенка: онъ бьетъ полъ ва томъ мѣстѣ, гдѣ ребенокъ упалъ, или ступль, за который онъ зацѣпился. Это не только бессмысленно, но и вредно, такъ какъ ребенка обманываютъ насчетъ истинной причины его паденія—неосторожности.

Слѣдуетъ упомянуть о такъ-взываемомъ *болѣзненномъ* плачѣ дѣтей, который нужно уметь отличать отъ здороваго плача вслѣдствіе каприза. Въ началѣ и во время развитія каждой болѣзни,—особенно катарра дыхательныхъ или пищеварительныхъ органовъ, къ которому болѣе всего расположены дѣти,—они, какъ и взрослые, становятся весьма впечатлительными, такъ что мало-мальски неспріятное ощущеніе вызываетъ значительное раздраженіе нервовъ, выражающееся плачемъ. Особенно часто и по долгу плачутъ *малокровныя* дѣти, у которыхъ нервная система

* Въ медицинѣ приводится много примѣровъ, гдѣ дѣти отъ неосторожнаго удара по головѣ или по-уху получили воспаленіе мозга или оглохли на всю жизнь.

чрезвычайно легко возбудима. Къ такому плачу слѣдуетъ относиться совершенно иначе, чѣмъ къ плачу здороваго, но капризнаго ребенка. Тутъ, кромѣ основательнаго леченія болѣзни (которое должно производиться непременно *врачемъ*, а не по собственному соображенію или совѣту домашнихъ), нуженъ нѣжный материнскій уходъ, который долженъ состоять въ устраниніи, по мѣрѣ силъ и возможности, всякихъ поводовъ къ раздраженію ребенка. Необходимо стараться о томъ, чтобы ребенокъ плакалъ какъ можно *меньше*; иначе здоровье его не скоро поправится. А для этого нужно, чтобы не только мать или няня, но и всѣ посторонніе обращались съ ребенкомъ ласково, и чтобы малѣйшія

его прихоти, если онѣ только безвредны, удовлетворялись немедленно. Не нужно только, какъ часто дѣлаютъ, пичкать ребенка сластями, такъ какъ этимъ только еще больше разстраиваютъ ему желудокъ, отъ чего его нервная система становится еще болѣе раздражительною. Самое полезное въ такихъ случаяхъ—развлекать ребенка посредствомъ подходящихъ для его возраста *игръ*, которыя, кромѣ того, что приносятъ ребенку душевное успокоеніе, дѣйствуютъ еще развивающимъ образомъ на его умъ.

О важности и значенія игръ въ воспитаніи дѣтей поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

Нищая Привислянскаго края.

Существовали и существуютъ въ нашемъ подлунномъ мірѣ люди мягкосердечные, впечатлительныя натуры, и люди жестокосердые, хладнокровные, которыхъ ничѣмъ не проймешь. Мягкосердечныхъ называютъ иногда безхарактерными. Эти—люди если доведется—и „кома́ра не обидятъ“, но на словахъ, однако, побиваютъ чуть-ли не слоновъ. Они отворачиваются отъ картинокъ, которыя такъ или иначе могутъ затронуть сердце, они не выносятъ даже простыхъ, обыденныхъ сценъ... На глазахъ у нихъ, напримѣръ, навертываются слезы, если они видятъ, что кухарка, съ ножомъ въ рукѣ, ловитъ курицу! Людямъ жестокосердымъ, напротивъ, любое кровавое зрѣлище доставляетъ наслажденіе... Если курица удастся спрятаться отъ кухарки, то „жестокосердый“ первый уважаетъ мѣсто, гдѣ курица притаилась: „Вишь ты куда, проклятая, забралась! Вонъ она, тутъ-тутъ!“—Мягкосердечныхъ людей эксплуатируютъ чуть-ли не на каждомъ шагу, и часто они, потрясенные только внѣшнимъ видомъ, искусно-сдѣланной маской, вдаются въ обманъ, бросаютъ деньги и бѣгутъ, лишь-бы только отдѣлаться отъ непріятнаго впечатлѣнія.

Вотъ передъ вами полячка—нищая. Сидитъ она у дороги, перебираетъ четки и, какъ кажется, не осо-

бенно убита горемъ. Правда, она не молода, но однако и не дряхлая, безпомощная старуха; повидимому—могла-бы еще поработать, ибо не можетъ быть, что-бы никакой работы не знала, проживъ около пятидесяти лѣтъ въ людской средѣ. Женщина эта предпочитаетъ легкій трудъ—трудъ попрошайничества, вполне увѣренная, что изъ десяти прохожихъ навѣрно три-четыре окажутся принадлежащими къ разряду мягкосердечныхъ, впечатлительныхъ, готовыхъ при каждомъ удобномъ случаѣ растрогаться... И она не ошибается. — Говорятъ: „съ міру по ниткѣ—голому рубашка“. Это правда; можно даже скопить цѣлую дюжину рубашекъ. Не всякій нищій—дѣйствительно бѣднякъ, не имѣющій ничего за душой; въ массѣ нищенствующихъ бывали и *богачи*. Иной, скопивъ деньги, которыхъ хватило-бы ему до конца жизни, продолжаетъ вести бродяжническую жизнь и кланяться гроши; попрошайничество дѣлается маніей, потребностью,—и вотъ *богачь-нищій*, умирая гдѣ-нибудь въ подвалѣ или на чердакѣ, оставляетъ послѣ себя *тысячу рублей*. Этому, читатель, бывали примѣры.

Можетъ быть и эта полячка-нищая (рисованная конечно съ натуры) на самомъ дѣлѣ богаче насъ съ вами...

Старый годъ.

Политическая жизнь цивилизованнаго міра въ истекшемъ году представляетъ вамъ рядъ событій, завѣщанныхъ ему отъ предшествующихъ пяти-шести лѣтъ. Какъ ни странны, какъ ни неожиданны повидимому были нѣкоторые изъ этихъ событій—тѣмъ не менѣе, при болѣе внимательномъ ихъ изученіи, они представляются не болѣе какъ послѣдствіями тѣхъ причинъ, которыя дѣйствовали въ прежнее время и продолжаютъ дѣйствовать до сихъ поръ. Главнѣйшими отличительными чертами политической жизни въ Западѣ являются: съ одной стороны, борьба государственной власти съ духовенствомъ, старающимся удержать за собой вліяніе на политическія и общественныя дѣла въ странѣ и тѣмъ укрѣпить за собою значеніе государственной силы, а съ другой—борьба прогрессистской партіи противъ партіи консервативной. Различнаго рода попытки умалять значеніе духовенства, какъ политическаго сословія, встрѣчаемъ во многихъ католическихъ и протестантскихъ государствахъ Европы и Америки: Пруссія, Австрія, Бельгія, Англія, Італія, Бразилія и даже Испанія представляютъ намъ не мало примѣровъ того, съ какимъ единодушіемъ цивилизованная часть общества дѣйствуетъ противъ незаконныхъ притязаній духовенства. Наибольшее развитіе получила эта борьба въ Германіи, въ этой заклѣтой противниці папства. Собственно говоря, столкновеніе между свѣтскою и духовною властями не представляютъ ничего новаго въ исторіи христіанскихъ государствъ Западной Европы: оно является лишь неизбежнымъ послѣдствіемъ съ одной стороны, духа времени, а съ другой—особеннымъ образомъ сложившихся историческихъ обстоятельствъ; и если намъ такъ часто приходится давать объ этой борьбѣ отчетъ нашимъ читателямъ, то это потому, что она представляетъ въ Германіи вообще, а въ Пруссіи въ особенности, такія любопытныя подробности, которыя способны возбудить къ себѣ полное вниманіе. Противникомъ папства и

незаконныхъ притязаній духовенства является въ этой странѣ правительство, видящее въ католицизмѣ личнаго для себя врага, врага германскаго объединенія и германской свободы; правительство, вышедъ съ княземъ Бисмаркомъ, поддерживаетъ партію такъ-называемыхъ національныхъ либераловъ, весьма многочисленную въ Парламентѣ,—и значительная часть печати. Съ рѣдкимъ единодушіемъ и замѣчательною стойкостью проводить она въ жизнь тѣ законы и всякаго рода мѣропріятія, которые клонятся къ водворенію духовенства (какъ католическаго, такъ и протестантскаго) въ границы той власти, которая отвѣчаетъ ихъ призванію, какъ духовныхъ пастырей и блюстителей христіанскаго благочестія. Вслѣдъ за издавіемъ этихъ мѣръ возникали обыкновенно сопротивленіе и новыя выходы духовныхъ—какъ противъ правительственныхъ распоряженій, такъ и противъ ненавистной имъ партіи. Противъ насилія приходится дѣйствовать насиліемъ же; правительство, для укрощенія непокорныхъ, стало прибѣгать къ штрафамъ, арестамъ, секвестру имущества духовенства и наконецъ высылкѣ упорствующихъ изъ предѣловъ отечества. Но подобныя крутыя мѣры, вмѣсто успокоенія, внесли въ борьбу еще болѣе ожесточенія и даже ненависти. Опираясь на невѣжественную массу, преимущественно же на женскую ея половину, какъ вѣроятно суетливую,—духовенство обратилось уже къ совершенно непозволительнымъ и даже рискованнымъ для него средствамъ: оно принялось разжигать народныя страсти, возбуждать сельское сословіе и рабочихъ противъ свѣтскихъ властей и даже подстрекать населеніе къ возстанію. Въ нѣкоторыхъ приходахъ города Вѣны проповѣдники, съ духовной кафедры, пользуясь движеніемъ въ средѣ рабочихъ, стали указывать народу средства, гдѣ добыть богатства, — конечно, не обыкновенными, а революціонными средствами. Намеки на этотъ счетъ встрѣчаемъ и въ пастырскомъ посланіи кардинала Раушера, появившемся въ томъ же

городѣ. Однимъ словомъ, борьба свѣтской власти съ духовенствомъ, при началѣ которой мы теперь присутствуемъ, грозитъ принять хроническій характеръ и охватываетъ уже болѣшую половину Европы. Разразившись же въ Италіи, она нанесетъ папству и господству клерикаловъ рѣшительный ударъ. А такъ какъ и папство, и тѣмъ болѣе клерикальная партія вообще—все еще довольно сильны и добровольно поступиться своею ролью никакъ не расположены, то безъ серьезнаго столкновения дѣло вѣроятно не обойдется,—и намъ предстоитъ, быть можетъ, сдѣлаться зрителями борьбы, послѣдствія которыхъ предугадать теперь затруднительно.

Столкновения прогрессистской партіи съ партіей консервативной въ прошломъ году были столь-же часты, какъ и въ предшествующее время. Но только въ разныхъ государствахъ они имѣли различный усилъ и выражались подъ различными формами. Въ Германіи, партію прогрессистскую составляютъ національные либералы, имѣетъ съ социалистами; все они поддерживаютъ правительство въ борьбѣ его съ клерикалами—и за это дѣлаютъ ему уступки по другимъ вопросамъ. Говоря вообще, большинство германскаго парламента состоитъ въ большемъ согласіи съ правительствомъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было изъ современныхъ намъ конституціонныхъ государствъ. Но что особенно замѣчательно—такъ это то, что правительство встречаетъ поддержку именно въ той партіи, на которую всего меньше могло рассчитывать. Впрочемъ, между либеральною партіей и правительствомъ Германіи въ прошедшемъ году была одна весьма серьезная размолвка, причемъ вѣмекій парламентъ выказалъ въ которую долю самостоятельности. Это было, какъ читатели вѣроятно помнятъ, по поводу внесеннаго въ палату проекта новаго военнаго закона, которымъ предлагалось парламенту утвердить цифру мирнаго состава арміи въ извѣстномъ процентѣ, а также утвердить разъ на всегда сумму, необходимую на содержаніе арміи. Этимъ закономъ фактически отнималось у парламента право ежегоднаго утвержденія военнаго бюджета, право контролировать расходы по содержанію арміи. Противъ всякаго ожиданія, проектъ новаго военнаго закона, не смотря на многозначительную рѣчь графа Мольте, былъ принятъ парламентомъ съ оговорками и оговариваніями, касавшимися именно тѣхъ пунктовъ, на которые мы только-что указали. Исторія эта подняла на ноги и правительство, и парламентъ, и общественное мнѣніе. Князь Бисмаркъ вздумалъ было пригрозить отставкой, самъ императоръ выѣхалъ въ это дѣло; тѣмъ не мѣнее пришлось уступить голосу народныхъ представителей, и собраніе вошло въ соглашеніе съ правительствомъ, послѣдствіемъ чего было утвержденіе военнаго бюджета не на всегда, а только на 7 лѣтъ.—Дѣйствія партіи прогресса во Франціи отождествляются съ стремленіями республиканской партіи. Выражая готовность поддерживать власть маршала Макъ-Магона въ продолженіе назначеннаго для этого семилѣтняго срока, ова желала воспользоваться этимъ временемъ для окончательнаго провозглашенія республики. Но этому препятствовали происки монархистовъ, защищавшихъ своихъ претендентовъ и желавшихъ провозглашенія монархической формы правленія. Маршалъ-президентъ, объявившій, что онъ стѣсняется исполнить данныя ему Національнымъ Собраніемъ полномочія, находилъ, однако, въ весьма двусмысленномъ положеніи, и поневоѣ, не зная хорошенько желаній страны, принужденъ былъ угождать каждой партіи: монархической—вслѣдствіе личной своей къ ней симпатіи, а республиканской—изъ опасенія раздражить ее. Колебанія въ политикѣ выражались постоянною сменою кабинетовъ, изъ которыхъ ни одинъ еще не сумѣлъ угодить собранію. При всемъ томъ, самый выборъ лица (герцога де-Броуи), съ которымъ маршалъ постоянно и во всемъ совѣтовался, показывалъ отчасти, чему сочувствуетъ и къ чему стремился глава французской республики. Новый годъ внесъ въ положеніе этой злополучной страны много новаго, о чемъ мы и побесѣдуемъ съ читателями въ одномъ изъ ближайшихъ политическихъ обозрѣній.

Положеніе дѣлъ въ Англіи вѣсколько разнится отъ положенія дѣлъ на континентѣ. Либеральное министерство Гладстона, уступивъ мѣсто консервативной партіи, съ Дизраэли во главѣ, показало, что общественное мнѣніе этой страны, при всемъ своемъ довѣріи къ прежнимъ дѣтелямъ, желаетъ теперь упроченія и развитія тѣхъ реформъ, которыя произведены либеральною партіею за послѣднее время. Самъ предводитель этой партіи, знаменитый Гладстонъ, теперь уже «не у дѣлъ» и, удалившись въ свое помѣстье, какъ видно по всему, намѣренъ провести послѣдніе годы своей жизни вдали отъ политическихъ тревоженій. Въ концѣ стараго года онъ подарилъ свѣтъ брошюрою противъ папства, нахлѣдавшюю много шума не въ одной только Англіи, но и во всей Европѣ и Америкѣ. Съ свойственной ему неопровержимой логикой и большимъ знаніемъ дѣла, вооружается онъ противъ папизма, какъ политической силы, разрушаетъ все доводы его защитниковъ, изобличаетъ всю шаткость и даже рискованность того дѣла, поддерживать которое они берутся. Еще большее впечатлѣніе произвело недавнее заявленіе Гладстона о

томъ, что онъ слагаетъ съ себя руководство дѣйствіями партіи вигговъ или либеральной, предпочитая остаться всторонѣ отъ политической борьбы. Почти вся печать съ прискорбіемъ отзывалась о такомъ неожиданномъ рѣшеніи главы пѣлаго движенія, наиболѣе даровитаго, ученаго и опытнаго представителя партіи прогресса,—прибавляя при этомъ, что въ средѣ ея въ настоящее время едва-ли найдется дѣтель, равный ему по дарованіямъ, опытности и вліянію на умы своихъ единомышленниковъ. Что касается затѣмъ до министерства Дизраэли, то оно, не пользуясь особенною популярностью среди авглійскаго народа, пока еще ничѣмъ себя не заявило. Въ дѣлахъ внѣшней политики Англія заявила себя, по обыкновенію, съ эгоистической стороны, особенно въ вопросѣ объ установленіи законовъ на случай войны, возбужденномъ собиравшейся въ прошломъ году, по инициативѣ Россіи, брусельской конференціей.

Упомянувъ объ этой послѣдней, нельзя не сказать, что она уже сама въ себѣ заключала элементы, препятствовавшие установленію какихъ-либо общихъ взглядовъ на нѣкоторые вопросы междунагоднаго права. Это въ особенности справедливо относительно взглядовъ, высказанныхъ на совѣщаніи представителями Германіи, старавшимися не только оправдать, но даже установить въ видѣ правила тотъ образъ дѣйствія, которому слѣдовала нѣмецкая армія въ послѣднюю войну. Какъ бы-то ни было, но попытка установить, путемъ мирнаго соглашенія, представителей различныхъ государствъ, извѣстныя правила по отношенію къ побѣжденнымъ, къ мирному и вооруженному населенію, къ военнопленнымъ и т. под.,—во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго сочувствія и представляетъ едва-ли не самую свѣтлую точку на политическомъ горизонтѣ прошлаго года.

Испанія даритъ насъ ежегодными и подчасъ совершенно непредвидѣнными новизнами. Старый годъ начался и кончился для нея государственнымъ переворотомъ: въ январѣ, при непосредственномъ участіи генерала Пави, разогнавшихъ кортесы, установилась республика маршала Серрано, а въ декабрѣ эта послѣдняя смѣнилась монархіей, съ принцемъ Альфонсомъ XII во главѣ. Новый король, которому едва только 17 лѣтъ, своимъ неожиданнымъ благополучіемъ обязанъ одному изъ ловкихъ генераловъ, приверженцу Бурбонской фамилии. Возстановленіе въ Испаніи монархіи совершилось въ какихъ-нибудь 3—4 дня, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. У молодого короля, а слѣдовательно и у династии Бурбоновъ, явилось вдругъ столько приверженцевъ, что просто глазамъ не вѣришь: къ нему пристали не только духовенство, всегда державшее сторону бывшей королевы Изабеллы и всей ея фамилии, не только армія и горожане,—но даже генералы, произведшіе въ 1868 году революцію противъ матери Альфонса, явились къ нему съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ; даже такіе завѣдомо-республиканскіе города и провинціи, какъ Барселона и Валенсія, признали его своимъ королемъ. Възвѣдъ короля въ Мадридѣ былъ обставленъ большою торжественностью; овациямъ, пріемамъ и поздравленіямъ не было конца; все повидимому радовалось и ликовало испривторно. Первыми дѣйствіями новаго правительства было изданіе декретовъ въ пользу духовенства, которому увеличено его содержаніе на подмилліона пиастровъ, возстановленіе трехъ орденовъ, упраздненіе суда присяжныхъ, введеннаго республиканскимъ правительствомъ, и т. под. Судя по началу, новое правительство Испаніи, уничтоживъ различныя внѣшнія церемоніи, какъ напр. цѣлованіе руки у короля, во всемъ остальномъ намѣрено, кажется, слѣдовать старымъ преданіямъ и симпатіямъ, завѣщаннымъ ему отъ монархіи шестидесятихъ годовъ и ранѣе. Несмотря на заявленіе о томъ, что оно намѣрено быть правительствомъ примиренія, но отнюдь не реакціонернымъ,—общаніе это пока еще далеко отъ исполненія и есть нѣкоторыя основанія предполагать, что односторонняя поддержка новымъ правительствомъ духовенства грозитъ современнымъ перейти въ столь обычную въ Испаніи религіозную нетерпимость. Изъ европейскихъ государствъ лишь весьма немногія признавали правительство Альфонса XII; большинство-же находится въ выжидательномъ положеніи—пока народная воля не выскажется окончательно въ пользу молодого короля. Между тѣмъ, въ странѣ далеко не спокойно: карлисты нисколько не думаютъ уступить; ихъ не страшатъ ни частые переходы собственныхъ офицеровъ на сторону правительства, ни дарованная королемъ Альфонсомъ амнистія для тѣхъ изъ карлистскихъ приверженцевъ, которые пожелаютъ перейти въ ряды правительственныхъ войскъ. Послѣднія извѣстія говорятъ, впрочемъ, что подготавливается общая атакъа на карлистовъ, причемъ войска правительства ударятъ на нихъ съ разныхъ сторонъ.

Изъ остальныхъ событий, волновавшихъ общественное мнѣніе Западной Европы въ прошедшемъ году, слѣдуетъ упомянуть о бѣгствѣ бывшаго наполеоновскаго маршала Базева, процессѣ графа Арнима, подвергшагося аресту по требованію князя Бисмарка, созданіе новой конституціи въ Швейцаріи, сѣзды старокотоликовъ, поѣздку Макъ-Магона по сѣвернымъ провинціямъ Франціи, открытіе заговора въ Италіи, покушеніе Кульмана на жизнь князя Бисмарка и проч., и проч.

Нищая Полячка. Рис. Фридрихсенъ. грав. Бренд'Амуръ.

С м ѣ с ь.

Интересная маска. Въ маскарадѣ, бывшемъ въ праздникахъ въ Большомъ театрѣ, отличалась одна очень интересная, дамская маска. Она то и дѣло интриговала разныхъ кавалеровъ, приглашая ихъ пройти съ ней немножко. Въ красноречивыхъ словахъ, она объясняла имъ, что пріѣхала въ маскарадъ вовсе не для удовольствія, но единственно ради того чтобы сдѣлать доброе дѣло. Ей бы ничего не значило, такъ говорила интересная маска,—заставить своего любезнаго кавалера угостить ее маленькимъ ужиномъ, который бы стоилъ десять и больше рублей серебромъ. Но она отказывается отъ этого удовольствія, и проситъ подумать объ трехъ несчастныхъ дѣтяхъ, лишившихся передъ самыми праздниками отца и матери. Она впрочемъ не требуетъ отдавать пожертвования въ ея руки; лучше всего самимъ убѣдиться въ безпомощномъ положеніи несчастныхъ сиротъ, и при этомъ интересная маска протягивала своему спутнику билетикъ съ адресомъ осиротѣлыхъ дѣтей. Говорятъ, что этотъ оригинальный способъ взывать къ благотворительности, имѣлъ блистательный успѣхъ. Подъ этой маской скрывалась, какъ говорить молва, одна изъ дамъ высшаго круга — очень извѣстная у насъ на попріищѣ благотворительности.

Глубина Атлантического океана. Измѣренія глубины Атлантического океана, до настоящаго времени, никакъ не могли придти къ согласнымъ результатамъ. Это происходило главнымъ образомъ отъ дурнаго устройства и легкости лота, который, будучи увлекаемъ въ сторону теченіемъ, трогалъ дно, послѣ того какъ спускалось невѣрной длины веревка. Такъ нѣкоторые принимаютъ глубину океана вблизи острова Св. Елены въ 29,000 футовъ; другіе же при 39,600 футахъ, не достигали еще дна въ сѣверной части Атлантического океана. Лишь съ продолженіемъ телеграфной проволоки на днѣ океана, измѣренія его глубины стали производиться съ болѣею вѣрностью и тщательностью. Сэръ Л. М. Клинтонъ, капитанъ англійскаго корвета «Булдогъ», употреблялъ въ глубинахъ меньше 1,200 футовъ 28 фунтовъ свинца, на глубинахъ въ 6,000 футовъ 50 фунтовъ свинца, на глубинахъ превышающихъ эту послѣднюю цифру, онъ употреблялъ желѣзный лотъ въ 118 фунтовъ вѣсу. Употребляемый въ настоящее время на болѣешихъ глубинахъ лотъ, который при прикосновеніи къ морскому дну отдѣляется отъ веревки, вѣситъ 2 центнера. Веревка можетъ поднять тяжесть въ пятнадцать съ половиною центнеровъ; она свита изъ лучшей итальянской пенки и покрыта смѣсью изъ воска и масла, что значительно увеличиваетъ скорость съ какой она должна скользить черезъ воду. На такой аппаратъ можно положиться вполне.

Въ изслѣдованіяхъ моря, ни одна страна не истратила такъ много денегъ, не снарядила такого количества кораблей, не употребляла столько заботъ объ усовершенствованіи инструментовъ для измѣренія морской глубины — какъ Англія. Въ 1873 г. она послала въ Атлантическій океанъ экспедицію, которая должна вѣскодько лѣтъ заниматься изслѣдованіемъ океана — и принадлежить къ совершеннѣйшимъ, какія были до сихъ поръ снаряжаемы для этой цѣли.

Винтовой корветъ «Challenger», капитанъ Джоржъ С. Наресъ, въ половинѣ января 1873 г. достигъ Гибралтара и направился мимо Мадейры на Санта-Круцъ-де-Тенерифъ. Въ половинѣ марта онъ прибылъ въ С. Томасъ, сдѣлавъ по дорогѣ 22 измѣренія лотомъ и цѣлый рядъ измѣреній температуры. Эти послѣдніе показываютъ постоянное пониженіе температуры на глубинѣ: на 9000 футахъ находится 2½ град. Цельсія, а на болѣешихъ глубинахъ температура постоянно держится между нулемъ и 2 градусами Цельсія; изъ этого стало быть слѣдуетъ заключать, что на двѣ глубокаго атлантическаго бассейна находится полярная вода, фактъ, на который впервые указывалъ Гумбольдтъ еще въ 1812 г.

По близости С. Томаса было найдено глубочайшее, до сихъ поръ съ достовѣрностью измѣренное мѣсто; тяжесть достигла дна на глубинѣ 23,400 фута. Чтобы спустить на такую глубину лотъ въ два центнера вѣсомъ — понадобилось часъ двѣнадцать минутъ времени; а чтобы вытянуть вазадъ веревку, безъ тяжестей, которые, какъ упомянуто выше, при прикосновеніи ко дну отдѣляются, потребовалось два часа. Забравъ на Бермудскихъ островахъ угля и другихъ припасовъ, экспедиція продолжала свои измѣренія въ разныхъ мѣстахъ около этой группы острововъ, замѣчательныхъ необыкновенной крутизной, съ какой они выходятъ изъ глубины болѣе 12,000 футовъ. Корветъ дважды объѣхалъ мѣсто, считавшееся по сіе время наиглубочайшимъ въ Атлантическомъ океанѣ; въ первый разъ, измѣреніе показало 16,200 футовъ тамъ, гдѣ прежде при 30,420 футахъ еще не доставали до дна; второе измѣреніе дало 15,900 футахъ тамъ, гдѣ прежде полагали 22,200 футахъ. Вообще глубина океана оказывается мень-

шей чѣмъ до сихъ поръ думали. Глубочайшія измѣренныя корветомъ мѣста — лежатъ по сѣверную сторону востъ-индскихъ острововъ; на сѣверо-востокъ отъ Порторико было измѣрено 23,250 футовъ — не маленькая глубина, да надъ ней еще на двѣ мили поднимаются ледники высочайшихъ горъ.

Мстительная птица. Хотя многіе ученые и зоологи вполне отвергаютъ въ животныхъ присутствіе ума, приписывая всѣ ихъ дѣйствія одному только инстинкту, — мы, не входя въ разсужденія по этому поводу, помѣстимъ только слѣдующій фактъ, который сообщаетъ «Journal de Trévoux», предоставляя самимъ читателямъ судить, слѣдуетъ ли отнести его къ умственнымъ отправлениямъ или только проявленію инстинкта: «Во Франціи, въ довольно близкомъ разстояніи отъ одной фермы, сова свила себѣ гнѣздо внутри срубленнаго дуба и вывела двухъ маленькихъ. Одинъ крестьянскій мальчикъ, жившій на фермѣ, замѣтилъ гнѣздо, разорилъ его и убилъ птицъ, которые довольно уже подросли. Въ слѣдующіе вечера, возвращаясь съ работъ, мальчикъ замѣчалъ летавшаго около дома самца, во не обращалъ на это вниманія, находя весьма естественнымъ, что филинъ по привычкѣ летаетъ около бывшаго гнѣзда. Между тѣмъ птица летала не напрасно: филинъ подстерегалъ убійцу своихъ дѣтей. Въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней искалъ онъ удобнаго случая — и наконецъ, завидя, что мальчикъ вышелъ одинъ съ фермы, ринулся на него съ высоты дерева — и ударомъ лапы вырвалъ почти весь лѣвый глазъ у несчастнаго. Бѣднякъ вскрикнулъ отъ боли и упалъ безъ чувствъ. Раненому была подана медицинская помощь, причемъ докторъ объяснилъ, что глазной зрачекъ разорванъ, и прибавилъ, что если бы когти птицы пришили немного дальше настоящаго мѣста, то глазъ совѣтъ былъ бы вырванъ. При всемъ томъ, несчастный вѣроятно потеряетъ его.

Ученныя птицы. Заговоривъ разъ о птицахъ, считаемъ не лишнимъ помѣстить слѣдующую замѣтку. Издаваемая въ Балтиморѣ газета «American» рассказываетъ нелишенные интереса данныя о появившейся въ Балтиморѣ группѣ ученыхъ птицъ. «Владѣлецъ этой группы, ходя по улицамъ и желая дать представленія гдѣ бываетъ удобно, останавливается, раскладываетъ круглый столикъ и выпускаетъ изъ кѣтокъ своихъ птицъ, которыя, нисколько не смущаясь собирающейся публики, не выказываютъ ни малѣйшаго попомовненія къ побѣгу. Затѣмъ хозяинъ заставляетъ ихъ дѣлать самыя разнообразныя и интересныя эволюціи и упражненія. Птицы зовутъ въ колокольчики порознь и вмѣстѣ, тащутъ маленькія тачки, ходятъ по натянутому шнуру, производятъ выстрѣлы изъ пистолета, танцуютъ, балансируютъ на маленькихъ трапеціяхъ и т. п. Самыя изумительныя и заслуживающія особаго вниманія упражненія исполняются однимъ попугаемъ. Онъ преважно выступаетъ на средину стола — и отбѣсивъ поклонъ всѣмъ присутствующимъ, садится на маленькій стульчикъ, поставленный противъ колокольчика, къ языку котораго прикрѣплена веревка. Затѣмъ каждый изъ присутствующихъ можетъ приказывать попугаю произвести известное число ударовъ въ колокольчикъ. Если ему, напримеръ, велѣтъ сдѣлать десять ударовъ, то овъ привстаетъ со стула, хватаетъ веревку и звонитъ дѣйствительно десять разъ; послѣ чего овъ снова раскланивается и садится на свое мѣсто. Упражненіе это повторялось много разъ — и за исключеніемъ одного случая попугай ви разу не ошибался. Хозяинъ этихъ интересныхъ птицъ говоритъ, что попугай въ состояніи произвести до двадцати семи ударовъ въ колокольчикъ, — и что онъ, хозяинъ бился съ этимъ попугаемъ около года, съ цѣлью приучить его звонить до тридцати разъ, но безуспѣшно; память птицы до того числа не доходитъ.

Различныя скорости. Въ одну секунду локомотивъ пробѣгаетъ 70 футовъ, скаковая лошадь 75 футахъ, верный токъ 90 футахъ; орелъ пролетаетъ въ одну секунду 100 футахъ, звукъ 1000 футахъ, пушечное ядро 1500 футахъ, свѣтъ 900 милліоновъ футовъ и электричество 1300 милліоновъ футовъ. Если человѣкъ уколеть себя пальцемъ, то онъ созвѣтъ это ощущеніе только черезъ 1/30 секунды, такъ какъ нервное возбужденіе, отъ котораго зависитъ всякая душевная дѣятельность, требуетъ столько времени, чтобы пройти пространство отъ пальца къ мозгу, т. е. около 3 футовъ. Если уколъ будетъ сдѣланъ въ ногѣ, то пройдетъ 2/30 секунды, прежде чѣмъ нервное возбужденіе передается мозгу и почувствуется сознание или ощущеніе укола, такъ какъ эти части тѣла отдалены одна отъ другой на 6 футовъ. Если китъ будетъ раненъ въ хвостъ, то онъ почувствуетъ это, если прижмѣтъ къ нему вышесказанное вычисленіе, только по прошествіи цѣлой секунды.

Разные Известия.

Действия правительства.

— Высочайше повелено: разрешить учреждение комитета съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита.

— Высочайше повелено: обмыть кредитных билетов старших образцов, с особым каждый раз разрешением министра финансов, продолжать до 1876 года, с тем, чтобы с 1-го января 1876 года таковой обмыть был совершенно прекращен, о чем и объявить во всеобщее сведение.

— Высочайше повелено: адания Нижегородского названного ярмарочного гостинного двора, кроме церкви, главного дома и других ярмарочных сооружений, передать в собственность торгующих в означенном гостинном дворе лиц, на основаньи прилагаемых при сем приказ.

Народное просвещение.

— На базмат 17-го сего января годичным авт Харьковского университета прочитан был отчет о деятельности его за минувший академический год. Из отчета этого видно между прочим, что в настоящем году в университете числится 60 преподавателей (в том числе 38 ординарных профессоров, 6 экстраординарных, 12 доцентов, 4 приват-доцента) и 3 лектора иностранных языков. Студентов в 1-му января 1874 года состояло: на историко-филологическому факультету 20, физико-математическому 42, юридическому 165, медицинскому 162, итого 389. Из 1-му же января текущего года студентов было 407 чел. Студентов ветеринарного института, посещавших университетские лекции, было до 150 человек. Употреблено в 1874 г. на содержание стипендиатов (из 1875 г. состояло 127) до 92,000 руб. Недостаточным студентам, из числа не пользовавшихся стипендиями, выдано от университета более 9,000 руб. в вид пособий.

— 21-го ноября минувшего года открыты училище в станице Хомутовской совершенно на новых началах, чье другое училище в области Войска Донского. Находясь в станицах и хуторах училища обыкновенно два трети своего содержания получают от войска и одну треть от общества. Хомутовское же училище, взамен денежной субсидии от войска, получило 320 дес. земли, арендно платю с второй должно будет содержаться. Это первый случай обременения будущими училища землей. Директору Новочеркасской гимназии и училища Донского области пришло в мысль воспользоваться этим случаем для того, чтобы связать лесоразведение и садоводство со школою. Предложено из 320 дес., данных Хомутовскому училищу, отделить 80 дес. для разведения лесных пород, могущих произрастать в области Войска Донского вообще и в частности — на ее восточной стороне. С этой целью уже посланы смена различных пород, чтобы весной устроить питомник, из которого можно было рассаживать деревья на дворы, а со временем и на отведенной для лесоразведения земли. Разведение лесов и садов на восточной стороне, где особенно мало растительности, весьма возможно, что подтверждается существующими там садами некоторых местных владельцев; в садах этих произрастают почти фруктовых все деревья лесных пород, встречающихся в Муском и других округах, как-то: дуб, ясень, клен и др.

— 30-го ноября 1874 года открыта на гор. Моздок, Терской области, начальная женская школа народоучения. Население Моздока простирается до 12,000 душ. Иногородцы, как-то: грузины, армяне, осетины, ногаи и др. составляют большинство жителей города. Русское население составляет самый незначительный процент и принадлежит, по преимуществу, к военному сословию. Население города состоит преимущественно из христиан. Число нехристиан (магометан) доходит только до 817 душ обоого пола. Из это число входят, по преимуществу, ногаи, кавказские татары и черкесы. Но, несмотря на преобладание христиан и на незначительность всего населения города, последний до сих пор не имел ни одной народной школы.

Военное и морское дѣло.

— Государь Император Высочайше соизволил разрешить нижним чинам исхъ званій вѣдѣть въ вышнихъ и посѣдѣть театры, съ тѣми ограничениями, которыми ближайшіе начальники признаютъ нужными установить, приходясь въ мѣстнымъ условиямъ.

— 16-го января, из офицеромъ стрѣльбѣ войска гвардіи, на Семеновскомъ плацу, происходило, въ присутствіи помощника Его Высочества Главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго воинскаго округа, генералъ-адъютанта барона Вистмара, первое въ этомъ году составленіе офицеромъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Въ составіи принимало участіе 53 офицера, выполнявшихъ на предпріимомъ испытаніи необходимыхъ для доущенія на составленіе условій. Первые призы выданы лейбъ-гвардіи нѣмцовой полка штабсъ-капитану Бархатову и состоящій при Его Величества Высочайшій Инспекторъ стрѣльбѣ батальонномъ генералъ-маіору Вейн-

траубе. Первый изъ вторыхъ призовъ выигралъ Собственнаго Его Величества конвой штабсъ-ротмистръ князь Нахичеване. Первые призы состояли изъ отличныхъ ружей съ двумя парами стволовъ, въ ящикахъ съ приборомъ; штабсъ-капитану Бархатову выданы призы цѣной въ 250 р., а генералъ-маіору Вейтраубе въ 150 р. Штабсъ-ротмистръ князь Невкшидзе получилъ ружье Дина (Diane) въ чехлѣ, цѣною въ 110 рублей.

— Въ составіи въ фехтовальномъ боѣ, происходившемъ 11-го января, комитетомъ судей удостоены, въ сообразности въ „Русск. Инаалидѣ“, награжденія призами нижеследующими офицерами:

На разпирѣ. Первымъ призомъ: 2-го резервнаго сапернаго батальона поручикъ Кальчевскій; вторымъ — лейбъ-гвардіи нѣмцовой полка поручикъ Зноско-Боровскій.

На эспадонѣ. Вторымъ призомъ: 110-го пѣхотнаго казачка полка поручикъ Вагманъ; вторымъ — 160-го пѣхотнаго казачка полка поручикъ Порывищевъ.

— Изъ сообщаемыхъ „Русскимъ Инаалидомъ“ свѣдѣній объ юнкерскихъ училищахъ между прочимъ видно: Главную массу юнкеровъ въ настоящемъ составѣ училищъ составляютъ дѣтские (2/3), лица православнаго вѣроисповѣданія (9/10), молодые люди въ возрастѣ отъ 16 1/2 до 21 года (8/4). Юнкера всѣхъ вообще училищъ и катедри, за малыми исключеніями, охотно исполняютъ всѣ служебныя требованія, и большинство ихъ, весьма анатичное, съ любовью занимается науками, провинитую искреннимъ желаніемъ воспользоваться средствами юнкерскихъ училищъ для пріобрѣтенія тѣхъ познаній и катедри, дисциплины и военномъ дѣлѣ вообще, съ которыми несомнѣнно и самые успѣхи въ ихъ дальнѣйшей служебной дѣятельности, въ качествѣ строевыхъ офицеровъ. Училища юнкерскія въ настоящемъ году имѣютъ въ спеціальномъ классѣ 1,800 юнкеровъ, изъ числа которыхъ, за исключеніемъ 7 проц. непроизводительныхъ убыли, будетъ подготовлено для производства въ офицеры 1,675 портупей-юнкеровъ, а изъ нихъ до 11 проц. съ правами 2-го разряда по общему образованію, т. е. прошедши не менѣе 6 классовъ гимназій и 2 классовъ семинарій. Тѣхъ лицъ въ составѣ старшаго класса считается более 20 проц. уже въ четырехъ училищахъ: чугуевскомъ, тверскомъ, петербургскомъ и казанскомъ.

— Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ о личномъ составѣ русскаго флота въ прошломъ году, видно между прочимъ, что къ 1-му января 1874 года по спискамъ состояло: адмираловъ 19, вице-адмираловъ 30, контръ-адмираловъ 32, капитановъ 1-го ранга 20, капитановъ 2-го ранга 97, капитанъ-лейтенантовъ 303, лейтенантовъ 443, мицмановъ 125 и гардемаринъ 51. Итого флотскихъ чиновъ 1,305. По спискамъ 1-го мая прошлаго года нижнихъ чиновъ на службѣ находилось до 25,787 человекъ. Изъ этого числа: въ гвардейскомъ экипажѣ, 8-ми флотскихъ экипажахъ Балтійскаго моря, учебно-артиллерійской командѣ, военно-морскомъ гимнастическомъ заведеніи, флотской стрѣлковой ротѣ, ревельскомъ полуказачьѣ, севастопольской и архангельской флотскихъ ротѣхъ и 1-мъ финскимъ надводнымъ экипажѣ въ Гельсингфорсѣ числилось 17,941 человекъ; въ двухъ флотскихъ экипажахъ Черноморскаго флота 3,500 человекъ; въ Каспійской флотилии 1,436 человекъ; въ Аральской флотилии 460 и въ Сибирской флотилии 2,450 человекъ.

Гигіена.

— Въ началѣ декабря минувшаго года одинъ изъ торгующихъ свинымъ мясомъ въ Харьковѣ, мѣстный 2-ой гильдіи купецъ Легеръ, обратился къ профессору Харьковскаго университета Крылову съ вопросомъ, можно ли и какъ именно устроить распознавательный трюпикъ изъ свиномъ мясѣ, употребляемомъ г. Легеромъ для притомленія колбасъ и ветчины. Это назвалось г. Легеру необходимо, потому что и въ Россіи начали появляться случаи зараженія людей означенными наразимами. Получивъ отъ г. Крылова утвердительный отвѣтъ на свой вопросъ, г. Легеръ просилъ указать людей, которымъ бы могло быть поручено это дѣло. Профессоръ Крыловъ предложилъ это занятіе тремъ студентамъ-медикамъ 4 курса, имѣвшимъ знакомство не только съ техникою подобнаго изслѣдованія, но и съ формами исхожихъ паразитовъ и съ тѣми признаками, какия они вызываютъ въ организмѣ. Послѣ предварительныхъ переговоровъ между г. Легеромъ и гг. студентами, былъ составленъ проектъ нотаріальнаго условія, въ силу котораго послѣдніе обязались въ теченіе года производить, подъ руководствомъ профессора Крылова, микроскопическія изслѣдованія употребляемаго г. Легеромъ для притомленія колбасъ и ветчины свиного мяса, съ цѣлью устранить возможность продажи и употребленія изъ нищу мяса съ трихинами. Договоръ этотъ приводится уже въ исполненіе съ соотвѣствующимъ его цѣли акуратностію.

— Въ Одессѣ открыты недавно ночная дежурства военныя врачи. Дежурные врачи будутъ подавать помощь всякому нуждающемуся съ 10 час. вечера до 7 ч. утра. Кроме того врачи намерены приглашать для участія въ ночныхъ дежурствахъ акушеровъ и заѣмъ устроить для подаванія приходившихъ больнымъ медицинскаго пособия аптека.

Сельское хозяйство.

— На сѣверовосточномъ побережьи Чернаго моря — въ Потѣ, Сухумѣ и другихъ мѣстностяхъ — водѣляется въ теченіе послѣднихъ 4—5 лѣтъ растение Eucalyptus glo-

билиа. Растеніе это, обладавъ свойствомъ вытягивать изъ почвы влагу, а чрезъ это осушать болота и уничтожать причину малярическихъ иснареній, возбудило къ себѣ въ послѣднее время чрезвычайный интересъ. Путешественники и врачи, наблюдавшие явленіе разведенія эвкалипта на санитарныя условія мѣстности, убѣждены въ томъ, что плантація этого дерева могутъ исполнить оцнать ноздухъ тѣхъ болотистыхъ мѣстностей, въ которыхъ эпидемически господствуетъ перемежающаяся лихорадка, дѣйствуя въ этотъ случаѣ двумя путями: во-первыхъ, уничтоженіемъ вредныхъ примѣсей въ ноздуху, и во-вторыхъ, заглушеніемъ, чрезъ осушку почвы, той мощной болотной растительности, продуктомъ разложенія которой является малярія. Ростъ эвкалипта столь быстръ, что, поставленный въ благоприятныя условія, онъ въ первый годъ растетъ отъ 40 до 50 центиметровъ въ мѣсяцъ; на второмъ году ростъ въ вышину, однако, сравнительно уменьшится и дерево начинаетъ расти болѣе въ толщину, такъ что съ теченіемъ времени оно принимаетъ огромныя размѣры. Къ сожалѣнію, Ескалртыа, котораго воздѣлываніе идетъ успѣшно почти всюду по берегамъ Средиземнаго моря, не можетъ противостоятъ зимнимъ морозамъ, что и случилось въ Потѣ и въ Сухумѣ, гдѣ суровая зима 1873—1874 годовъ уничтожила великолѣпные экземпляры этого дерева. Но тѣмъ не менѣе эвкалиптъ растетъ на Кавказѣ быстрее другихъ деревьевъ и очень хорошо переноситъ мѣстные морозы и вѣтры. Зима прошедшаго года на Кавказѣ выходила изъ ряда обыкновенныхъ по своимъ жестокимъ холодамъ и морозамъ, и можно думать, что этотъ исключительный случай не помѣщаетъ достигнуть полной акклиматизація растенія. Кроме своего главнаго свойства вытягивать изъ почвы влагу, эвкалиптъ обладаетъ и другими полезными качествами. Такъ, онъ употребляется какъ противолихорадочное средство. Сиропъ изъ настоя листьевъ совершенно излѣчиваетъ, въ употребленіи д-ра Корниера (Lyon medicale, апр. 1872), перемежающуюся лихорадку въ 43 изъ 50 случаевъ, изъ которыхъ многіе были очень упорны и противостали дѣйствію хинина. Приложеніе свѣжихъ листьевъ во рамы и язы производитъ дезинфицирующее дѣйствіе и способствуетъ образованію рубца. Дистиллированная вода листьевъ (aq. Eucalyptus) есть лучшее средство для уничтоженія болѣзненныхъ потовъ и употребляется нерѣдко какъ косметическое средство.

Наши окранны.

— Изъ Аму-дарьинскаго отдѣла получены „Русскимъ Инаалидомъ“ слѣдующія между прочимъ извѣстія отъ 2 декабря: Ханъ хивинскій, въ дополненіе къ прежде посланному 60,600 руб., прислать въ укр. Петро-Александровское, изъ счега контрибуціи 1874 г., еще 21,400 руб., изъ нихъ 18,000 серебромъ и 3,400 руб. кредитными билетами.

Движеніе называемаго разбѣда, состоящаго изъ сотни съ ракетнымъ движениемъ, отъ укр. Петро-Александровскаго въ укр. Мешки, дало возможность партіи освобожденныхъ отъ рабства персиянъ, отправившейся на родину, благополучно прибыть на ур. Бабакинъ.

Въ предѣлахъ Аму-дарьинскаго отдѣла въ середнѣхъ ноября былъ одинъ случай грабежа. 14-го ноября нѣтъ человекъ чаудуровъ перешли на канѣ на нашъ правый берегъ и около сурганъ Назаръ-хана ограбили у одного жившаго тутъ каракалпакъ трехъ быковъ. Не входя въ подробности подобнаго, хотя и маловажнаго, насильственнаго проступка туркменомъ, начальникъ отдѣла тотчасъ же просилъ Хивинскаго Хана и приказъ выслѣдить.

Другой случай разбоя былъ у гор. Кыпчака (въ Хивинскомъ ханствѣ), въ виду нашего правого берега рѣки. 15-го ноября шайка чаудуровъ же, въ числѣ 15 человекъ, разграбляла около Лаудана лодки, при чемъ одинъ лодочникъ былъ убитъ, а два ранены; остальные были спасены посланными съ нашего берега, но распоряженію коучагого тутъ киргизскаго бѣа, джигитамъ.

Письмомъ отъ 26-го ноября хивинскій Ханъ увѣдомилъ начальника отдѣла, что въ нему выжились въ Хиву старшины отъ Юмудовъ съ вѣзденіемъ, что они готовы возвратитъ бухарцамъ барановъ, увезенныхъ ими въ послѣднее время около Бабакинъ; что они уплатятъ намъ и положенную на нихъ въ 1873 году денежную нѣню и, наконецъ, они дадутъ изъ каждаго отдѣленія людей для кирудовъ, которые, соединясь съ узбекскими караулами изъ пукеровъ, переловятъ и представятъ всѣхъ воровъ и дурныхъ людей. Ханъ сообщаетъ въ письмѣ, что и отъ чаудуровъ прѣжали къ нему двое старшинъ и также обѣщались уплачивать наложенную на нихъ въ прошломъ году нѣню, причемъ просили выслать въ ихъ кочевья конныхъ людей, которые переловили бы разбойниковъ и воровъ. На основаніи атой просьбы, Ханъ послалъ въ земли чаудуровъ Махмудъ-саула-баку съ 500 конными людьми.

СОДЕРЖАНІЕ: В. В. Самойловъ (съ портретомъ). — Блуждающіе огоньки (Автобіографія Праотца). — Соч. М. С. Лѣскова (Стебничаго) (продолженіе). — Литературный альбомъ „Сраженій рыцарѣ“ Пушкина (съ рисункомъ). — Народы Россіи. XXIII. Казанскіе татары (съ рисункомъ). — Разумное воспитаніе дѣтей. II. Праваственное воспитаніе. — Ниццѣ Привлѣскаго края (съ рисункомъ). — Старый годъ. — Смыслъ. — Разныя извѣстія. — Приложеніе: МОДЫ за февраль съ 9 рисунками и листъ чертежей выкройки.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Подписка на 1875 годъ на ежедневную газету

„НОВОСТИ“

НОВОСТИ, какъ ежедневное изданіе, при своей незначительной цѣнѣ, предъ тѣмъ самымъ разнообразнымъ и интереснымъ матеріаломъ для чтенія, одинаково удовлетворяющій потребностямъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ читателей.

НОВОСТИ, выходящія ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней, полными листами, въ каждомъ номерѣ доставляютъ читателю самыя интересные факты изъ отечественной и заграничной жизни.

НОВОСТИ даютъ ежедневно фельетонъ, въ который входятъ рассказы, очерки, повѣсти, романы и стихотворенія. Фельетоны „Новостей“, по разнообразію сюжетовъ, по живости и строгому выбору, доставляютъ пріятное развлеченіе читателямъ всѣхъ классовъ и возрастовъ.

НОВОСТИ, кромѣ множества помѣщенныхъ въ нихъ рассказовъ, приступили въ послѣднее время къ печатанію обширнаго русскаго романа изъ американской жизни Николая Муромскаго (псевдонимъ) — „Въ Новомъ Свѣтѣ“.

Интересъ, возбужденный этимъ романомъ, въ которомъ въ первый разъ въ русской печати появляется изображеніе, въ талантливомъ и живомъ разсказѣ, внутренней стороны американской жизни, побудилъ автора приступить къ составленію втораго тома его романа, который мы **НАДѢМЕСЯ** напечатать въ теченіе будущаго года.

НОВОСТИ, постоянно улучшаясь во всѣхъ отношеніяхъ, представляютъ въ теченіи послѣднихъ 1875 года еще болѣе интересъ, чѣмъ тотъ, который имъ удалось возбудить въ короткое время, съ переходомъ газеты къ новымъ издателямъ и редактору, употребляющимъ всѣ средства и усилія къ совершенствованію своей газеты.

Безъ доставки: на 12 м. 7 р., 6 м. 4 р., 3 м. 2 р., 50 к., 1 м. 1 р.

Съ доставкою: 12 м. 8 р., 6 м. 5 р., 3 м. 2 р. 50 к., 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: во все города на 12 м. 9 р., 6 м. 5 р. 50 к., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, кромѣ главной конторы „Новостей“, въ книжномъ магазинѣ Базунова; у Казанск. моста д. Олькина.

Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы „Новостей“, въ Тверской, Малый Гнѣздовскій пер., д. Пѣгова квар. № 5.

3—2

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Исикова въ С. Петербургѣ, Гостиный дворъ и
Аписимова въ Москвѣ, Никольская улица.

СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

О пенсіяхъ, эмеритурѣ и пособіяхъ за службу по Военно-Сухопутному и Гранданскому вѣдомствамъ всѣхъ Министерствъ.

Москва 1874 года, изд. А. Веденѣва.

Книга эта, какъ весьма полное и полезное руководство, рекомендуется всѣмъ вообще лицамъ, состоящимъ на Государственной службѣ, а равно и ихъ семействамъ, которыя, въ случаѣ смерти мужей и отцовъ ихъ, безъ посторонней помощи, могутъ исходатайствовать себѣ: пенсіи или единовременные пособія.

Цѣна Сборника съ пересылкою 1 рубль.

Въ виду княжескаго спроса публикою означеннаго Сборника и ограниченнаго чи-ла экземпляровъ оного, оставшихся въ продажѣ, желающіе приобрести этотъ Сборникъ благоволятъ посрѣдствомъ своихъ требованій къ издателю А. А. Веденѣву, въ Москву, на большой Никитской улицѣ, домъ бывшій Книжкинъ Голицыной.

3—2

6—3

Во всѣхъ Книжныхъ Магазинахъ въ Петербургѣ и Москвѣ продается

КНИГА

ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКИ

соч. **Миссъ Джексъ-Блэкъ** переводъ съ Англійскаго.

Цѣна 80 коп.

3—2

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Бурггардта, Вас. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 5.

8—4

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена.

50—4

ОТЪ РЕДАКЦІИ РЕМЕСЛЕННОЙ ГАЗЕТЫ

ЛИСТКА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА**ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.**

Въ выходящихъ тетрадяхъ *Листка Сельскаго Хозяйства и естествознанія* напечатаны слѣдующія статьи: что выгодно земледѣльцамъ воздѣлывать? Раннее парниковое огороженіе; Уходъ за садовыми деревьями; воздѣлываніе хмѣля; разведеніе шампинионовъ; 3 хроника всѣхъ открытій и усовершенствованій; устройства вътрѣшнихъ, водныхъ и парныхъ мельницъ (8 рис.); Сибирская охота и много другихъ статей. Помимо подписки „Листокъ“ выдается съ 1-го. **Цѣна** съ пересылкой во все города **три рубля**. Лица выкупающіе пять руб. при *Листкѣ* 1875 года получаютъ: 1) *Архитектурный Сборникъ* 120 рисун. сельскихъ домовъ, бесѣдокъ, погребовъ, мебели и проч. 2) *Иллюстрированную Справочную книгу для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ съ календаремъ на 1875 годъ*, содержаніе которой слѣдующее: Пчеловодство.— Скотоводство.—Птицеводство.—Шелководство.—Пчелководство.—Садоводство.—Приготовленіе Сельско-хозяйственныхъ машинъ.—Образцы машинъ и новыхъ орудій.—Токарное ремесло.—Выпловка.—Столярное мастерство.—Слесарное и Кузнечное.—Красильное искусство.—Переплетное мастерство.—Молочное.—Образцы ремесленныхъ изделий и новыхъ машинъ.—Трѣбаванія на *Листокъ* и книги, адресовать: въ *Москву, въ редакцію Ремесленной Газеты и Листка Сельскаго хозяйства*. (Моховая, домъ Кулакина).

Редакторъ-Издатель **Н. Ф. Савичъ**.

ОДЕССКІЯ КАТАКОМБЫ.

Ром. въ 2-хъ част. изъ записокъ Полицейск. агента В. Прадина, вышедшій недавно въ свѣтъ. Ц. 3 р. съ перес. въ все города 3 р. 50 к. Складъ въ С.П.Б. въ Николаев. Вокзалѣ, при книжной торговлѣ. Е. Шемякина.

Открыта подписка на второе изданіе ДВУНАДЕСЯТЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ

размѣра 10—12 вершковъ, исполняемыхъ масляными красками по оригиналамъ Художника Барвитова. Цѣна на деревѣ 12 руб., на холстѣ 8 руб. Подписка принимается исключительно въ Конторѣ Заведенія „Метахромотинія“ Бакочій и Ко. въ С.-Петербургѣ по Троицкому Переулку домъ № 27

РАTI LAIT DE BEAUTÉ Новозобрѣтенной химіи. составъ, извѣстной въ мірѣ подъ названіемъ „Латти-де-Боте“. Восхитительная бѣлизна, бѣлизна, гладкость, прозрачность и натуральной бѣло-розовой румянецъ навсегда появляется при употребленіи этого сокровища, а особенно на лицо лицамъ престарѣлыхъ лѣтъ, имѣющимъ коку вытую, жесткую и морщинистую, а равно противъ тресканій, шероховатости кожи, загара, прыщей, угрей; уничтожаетъ нечистоту съ лица. Ц. за флак. 3 р., съ пересылк. 4 р. Главной складъ въ С.П.Б., в. Морск., уг. Горюх., д. № 20 в. 9, можно также купить въ Гост. дворъ г. магаз. Рузанова и въ Пасажѣ, у Пюна. Сей составъ разрѣшенъ С.П.Б. медицинс. начальствомъ.

2—1

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ

(на Пречистенкѣ, въ домѣ Степанова)

находится складъ изданій:

Общедоступныя чтенія о русской исторіи. С. М. Соловьева. Цѣна 1 руб. 1874.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. С. М. Соловьева. Цѣна 1 руб. 25 коп. 1872.

Московский Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства и первый годичный отчетъ. Цѣна 1 руб. 25 коп. 1874.

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія. Антропологии и Этиографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Томы I—XV.

Въ ихъ числѣ вышли въ 1874 году выпуски.

Томъ XI. Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко (пять выпусковъ).

XIII. Труды Отдѣла Этиографіи. (два выпус. по 1 р. 25 к.)

XIV. Протоколы засѣданій Общества. Цѣна 2 руб.

Гг. книгопродавцы при выпискѣ и покупкѣ этихъ изданій пользуются уступкою 20%.

4—3

Съ будущаго Января мѣсяца
ВЪ ГАЗЕТЪ

„РУССКІЙ МІРЪ“

Начнется печатаніе исторической повѣсти

Вс. В. КРЕСТОВСКАГО:

„ДѢДЫ“

5—4

„При этомъ номерѣ для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайн. магазина О. А. Корещенко въ Москвѣ“.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 7 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 15-го Февраля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кроме Воскресенья). Плата за строку пятнадцать к. с.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ нумерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:
1) за перемѣну С.-Петерб. на Иногород. — 60 к.
2) „ „ Иногор. на С.-Петербург. — 50 „
3) „ „ Иногород. на Иногород. — 30 „

Отдѣльные нумера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.		На 6 мѣ.		На 4 мѣ.		На 3 мѣ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Безъ доставки въ Петерб.	4	—	2	—	1	50	1	—
Съ доставкою въ Петерб.	5	—	3	—	2	—	1	50
Безъ доставки въ Москвѣ,								
черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга,	4	50	—	—	—	—	—	—
А. Ф. Живарева и Васильева.								
Съ пересылкою во всѣ города и мѣст. Русской Имперіи	5	50	3	—	2	—	1	50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.

Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. нумера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонорара. Бесплатными считаются тѣ статьи, на которыя условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; меньшія-же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, нерѣшимыя адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу). Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ и гравюры ищутся въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе пробрѣтать таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

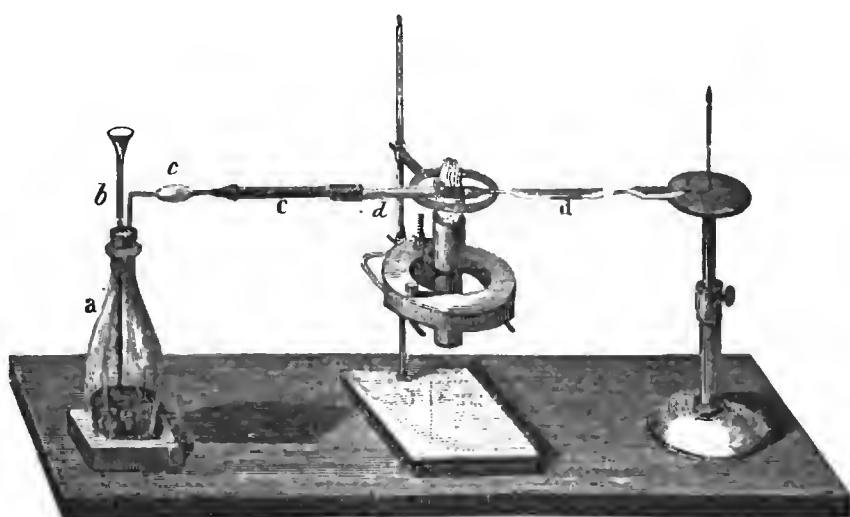
Мышьякъ.

Что мышьякъ есть сильнѣйшій ядъ — извѣстно каждому, но только въ большинствѣ случаевъ этимъ и ограничиваются всѣ свѣдѣнія. Если же обращаютъ вниманіе на ядовитость такія тѣла какъ мѣдъ и свинецъ, то, по нашему мнѣнію, болѣе близкое знакомство съ мышьякомъ даже положительно необходимо. Правда, большая часть домашнихъ предметовъ, съ которыми мы, такъ сказать, находимся въ непосредственномъ прикосновеніи, дѣлаются изъ мѣди и свинца, а потому предостереженіе относительно ихъ ядовитости имѣетъ большое значеніе. Но еще важнѣе въ этомъ случаѣ нѣкоторыя указанія относительно мышьяка, потому что мѣдъ и свинецъ извѣстны каждому и почти всегда зависятъ отъ насъ самихъ заранее принятъ извѣстныя мѣры предосторожности; а мышьякъ совершенно неувидимъ для челоука незнакомаго съ химіею — и зачастую находится на предметахъ, которые менѣе всего считаются ядовитыми.

Въ общежитіи подъ именемъ мышьяка извѣстно бѣлое вещество, похожее въ порошокъ на муку. Но собственно это не мышьякъ, а химическое соединеніе его съ кислородомъ. Настоящій мышьякъ имѣетъ стально-сѣрый цвѣтъ, металлическій блескъ въ свѣжѣмъ изломѣ и вообще по наружному виду чрезвычайно

сходенъ съ металломъ, почему и называется *металлическимъ мышьякомъ*. На воздухѣ онъ быстро тускнѣетъ, а нагрѣтый горитъ блестящимъ синевато-бѣлымъ пламенемъ, съ образованіемъ паровъ, которые по охлажденіи обращаются въ бѣлое вещество, называемое мышьяковистою кислотою, *бѣлымъ мышьякомъ* или въ общежитіи — просто мышьякомъ.

Мышьякъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ тѣламъ. Встрѣчается въ металлическомъ видѣ въ кристаллахъ, но только рѣдко, преимущественно попадаетъ въ видѣ почкообразной массы, зернами, гроздыми и проч. Замѣчательно присутствіе мышьяка въ значительномъ количествѣ въ нѣкоторыхъ минеральныхъ водахъ; даѣе находили его въ каменныхъ угляхъ въ желѣзныхъ рудахъ и въ остаткахъ получаемыхъ отъ выпариванія морской воды. Металлическій мышьякъ получаютъ и искусственно. Открытіе его приписываютъ Бран-

Приборъ Марша для распознаванія мышьяка. Грав. Вейерманъ.

ту въ 1633 году, хотя о немъ упоминали нѣсколько раньше и другіе.

Бѣлый мышьякъ былъ извѣстенъ еще въ VIII столѣтіи послѣ Р. Хр. Онъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ мышьяковымъ препаратамъ, обращающимся въ общежитіи, и представ-

леть, какъ сказано выше, соединеніе мышьяка съ кислородомъ. Имъ-то преимущественно и отравляются.

Бѣлый мышьякъ встрѣчается въ природѣ въ соединеніи съ прочими тѣлами, образуя различные минералы. Но обыкновенно его получаютъ искусственно изъ металлическаго мышьяка, изъ сѣрнистаго и мышьяковаго колчедана.

Какъ о ядѣ въ первый разъ упоминается о немъ въ 1384 г. Именно, одинъ монахъ изъ С. Дени говоритъ, что Наваррскій король, Карлъ Плохой (Charles le Mauvais), слышавъ за большаго знатока въ тайномъ искусствѣ (такъ называли тогда свѣдѣнія о дѣйствіи ядовъ), сдѣлать предложеніе министру Вудретону отравить бѣлымъ мышьякомъ французскаго короля Карла VI-го и другихъ. Въ инструкціи, данной наваррскимъ королемъ Вудретону, ясно говорится о свойствахъ этого вещества.

Во Франціи бѣлый мышьякъ пользовался большою популярностью. Его продавали во всякой аптекѣ, подъ именемъ «Poudre de succession» — т. е. порошокъ для наслѣдства.

Въ Италіи была знаменитая отравительница, по имени Тоффана. Говорятъ, что она отравила до 600 человекъ, въ томъ числѣ и двухъ папъ — Пия III и Климента XIV. Употребляемый ею ядъ назывался «Aqua de Toffana», которая была ничто иное какъ растворъ бѣлаго мышьяка — и при томъ сильнѣе или слабѣе, смотря потому, требовалась-ли быстрая или медленная смерть отравляемаго.

Въ чемъ заключается дѣйствіе мышьяка на животный организмъ — неизвѣстно. Но отравленіе происходитъ не только въ томъ случаѣ, когда мышьякъ принятъ внутрь, а даже если просто выпитъ растворомъ его въ открытую рану. Дѣйствіе его быстрѣе, когда желудокъ пустъ. Что же касается количества, могущаго отравить человека, то $\frac{1}{10}$ ч. золотника оказываетъ уже весьма вредное дѣйствіе, а $\frac{3}{10}$ ч. зол. положительно смертельно *).

Приведенныя выше количества смертельны только въ такомъ случаѣ, если принять сразу. Напротивъ того, если приемы увеличивать постепенно, начиная съ самой незначительной дозы, то человекъ въ такой мѣрѣ привыкаетъ къ нему, что въ состояніи сдѣлать до $\frac{5}{10}$ ч. зол. безъ вреда. Мало того, человекъ въ такомъ случаѣ полнѣе, становится бодрѣе и живѣе. Но особенно благоприятное дѣйствіе оказываетъ мышьякъ на дыхательные органы, въ значительной степени облегчая дыханіе. Также восстанавливаетъ силы, если организмъ истощенъ. Это замѣчательное свойство мышьяка хорошо извѣстно жителямъ горныхъ странъ, напр. въ Тироли, гдѣ имъ обыкновенно приправляютъ пищу какъ людямъ, такъ и животнымъ, преимущественно же лошадямъ. Всѣмъ извѣстно, что ходить по горамъ, да при томъ съ тяжестими, чрезвычайно утомительно, отчего обыкновенно дѣлается одышка и вообще человекъ скоро устаетъ. Употребляя же мышьякъ, организмъ гораздо легче переноситъ подобныя трудности. Нерѣдко его употребляютъ и молодые люди, желающіе сдѣлаться красивыми и полными. Замѣчательно еще то обстоятельство, что если человекъ, привыкнущій къ мышьяку, вдругъ прекратить его приемы, то появляются всѣ признаки отравы, а затѣмъ и смерть. Единственное средство спасенія отъ смерти — это снова возобновить приемъ. Были примѣры, что люди доживали, при постоянномъ употребленіи мышьяка, до 60 лѣтъ.

Мышьякъ, соединяясь съ другими тѣлами, образуетъ не только твердые, но и газообразныя соединенія. Такъ, съ водороднымъ газомъ онъ образуетъ мышьяковистый водородъ — одинъ изъ самыхъ сильнѣйшихъ ядовъ. Получить его весьма легко. Сперва добываютъ просто водородъ. (Водородъ — это газъ, входящій въ составъ воды, отчего и получилъ свое названіе; въ 14,5 разъ легче воздуха и въ смѣшеніи съ послѣднимъ даетъ сильные взрывы, если зажечь). Приборъ при этомъ употребляется слѣдующій:

Въ стеклянку (а) помѣщаютъ кусочки цинка и чрезъ воронку (б) наливаютъ слабой сѣрной кислоты. Тотчасъ въ стеклянкѣ образуется водородный газъ, который подымается по колѣчатой трубкѣ, затѣмъ идетъ по трубкѣ (с), наполненной веществомъ имѣющимъ свойство осушать газъ, и наконецъ, по трубкѣ (д) выходитъ на воздухъ. Когда воздухъ изъ прибора вытѣсненъ, у отверстія трубки (д) выходящій водородъ зажигаютъ, который горитъ бѣднымъ пламенемъ. Если же теперь прибавить чрезъ воронку какого-нибудь мышьяковаго соединенія, или если къ цинку раньше прибавлено нѣсколько мышьяка, то получается мышьяковистый водородъ, который обнаруживается тѣмъ, что бѣдное пламя горящаго водорода дѣлается длиннѣе и получаетъ синеватый оттѣнокъ и блескъ. Кромѣ того, если въ такое пламя внести холодное фарфоровое блюдечко, то на послѣднемъ получается блестящее зеркальное пятно, стальное-сѣраго цвѣта, состоящее изъ металлическаго мышьяка. Такое же пятно получается въ узкой части трубки (д), если ее выше сильно нагрѣть. Это весьма характерная реакція на мышьяковистый водородъ — и вообще ни одна проба на мышьякъ не обходится безъ описаннаго выше прибора, который называется приборомъ Марша. Приборъ Марша оказываетъ важную услугу при судебно-химическихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ только

помощію его рѣшается вопросъ, была ли произведена отравка мышьякомъ или чѣмъ инымъ.

Въ настоящее время вполнѣ знакомы со свойствами этого газа, а потому при работахъ съ нимъ употребляютъ всевозможныя предосторожности. Нѣсколько же десятиковъ лѣтъ назадъ о существованіи его еще не знали. Но, вотъ, одному химику захотѣлось узнать, что получится, если обыкновенный водородъ добывать не помощью чистаго цинка, а сплавленнаго съ мышьякомъ. Результатомъ такого опыта было открытіе мышьяковистаго водорода, но открытіе это стоило химику жизни. Дѣло происходило такъ:

Нѣкто, Геленъ, въ 1815 году, получалъ водородъ помощью цинка, сплавленнаго съ мышьякомъ, въ подобномъ же приборѣ и такъ же, какъ описано выше. Случилось, что пробки въ приборѣ были неплотно пригнаны, отчего газъ выходилъ на воздухъ, не достигая конца прибора. Желая знать, въ которомъ мѣстѣ выходитъ газъ, Геленъ наклонился къ прибору, нюхнулъ три или четыре раза, вдругъ упалъ въ обморокъ, а чрезъ 24 часа умеръ со всѣми признаками отравленія мышьякомъ. Мышьяковистый водородъ — совершенно безцвѣтный газъ, имѣетъ острый чесночный запахъ и при -40° обращается въ жидкость.

Мышьякъ съ сѣрою образуетъ два минерала: реалгаръ, краснаго цвѣта, и оперментъ — желтаго. Сѣрнистыя соединенія мышьяка извѣстны были еще Аристотелю, и древніе употребляли его въ медицинѣ и красильномъ искусствѣ. Въ настоящее время ихъ готовятъ на фабрикахъ, какъ краски превосходнаго краснаго и желтаго цвѣтовъ.

Соединенія мышьяка съ другими тѣлами отличаются превосходными цвѣтами, образуя краски: краснаго, желтаго и зеленого цвѣтовъ. Особенно замѣчательны зеленя, напр. швейнфуртская зелень, состоящая изъ мышьяковокислой и уксуснокислой окиси мѣди. Дамамъ особенно хорошо извѣстно, что итъ-которыя цвѣтныя матеріи, преимущественно зеленныя, при искусственномъ освѣщеніи измѣняютъ свой превосходный цвѣтъ. Между тѣмъ, швейнфуртская зелень одинаково превосходна какъ вечеромъ, такъ и днемъ — и нѣтъ другой краски, которая могла бы въ равной степени замѣнить ее. Поэтому фабриканты часто окрашиваютъ послѣднее такіе предметы, какъ дамскіе головные уборы, легкія дамскія платья и толстыя сторичны матеріи. Но чаще мышьяковыя краски употребляютъ на обояхъ фабрикахъ, почему при покупкѣ обоевъ зеленого цвѣта слѣдуетъ предварительно убѣдиться, не окрашены ли онѣ мышьяковыми красками. Если кусокъ такихъ обоевъ зажечь, то появляется сильный чесночный запахъ, который и указываетъ присутствіе мышьяка. Кромѣ того, опущенныя въ растворъ нашатырнаго спирта, обои обезцвѣчиваются, т. е. бумага дѣлается бѣлою, а нашатырный спиртъ синѣетъ. Такимъ же образомъ можно попытаться и матеріи. Красныя и желтыя краски открыты нѣсколько труднѣе. Само собою разумѣется, что мышьякъ, находящійся въ видѣ красокъ на упомянутыхъ выше предметахъ, отравляетъ тѣхъ лицъ, которые имѣютъ съ ними прикосновеніе. Въ доказательство я приведу нѣсколько случаевъ, описанныхъ докторомъ Зонненшейномъ.

Въ одномъ семействѣ умеръ грудной ребенокъ съ признаками отравленія мышьякомъ. Докторъ Зонненштейнъ, въ качествѣ судебного химика, изслѣдовалъ елени и другіе предметы, оставшіеся послѣ умершаго. Изслѣдованіе показало присутствіе мышьяка. Комната, въ которой жилъ умершій ребенокъ, была обклеена зелеными обоями. Чтобы объяснить, какимъ образомъ эта ядовитая краска могла отравить ребенка, былъ сдѣланъ слѣдующій опытъ. По срединѣ комнаты поставили столъ съ совершенно гладкою, полированной поверхностью, и въ продолженіи восьми дней никто въ нее не входилъ. По прошествіи этого времени образовавшаяся на столѣ пыль подвергнута микроскопическому изслѣдованію, которое ясно показало присутствіе зеленыхъ частичекъ. Изслѣдовательно, краска механически отдѣляется отъ обоевъ, въ видѣ пыли поселяется въ воздухѣ, изъ котораго попадаетъ въ легкія, а также и на другіе предметы.

Но особенно опасны такіе обои, когда комната сыра, потому что отъ дѣйствія сырости выделяется изъ краски мышьяковистый водородъ, о которомъ говорено выше.

Одинъ господинъ сильно заболѣлъ именно при подобныхъ обстоятельствахъ. Признаки болѣзни указывали на отравленіе мышьякомъ, почему сдѣлалъ такой опытъ. Въ комнатѣ больного поставили аспираторъ *), съ которымъ соединили длинную стеклянную трубку изъ тугоплавкаго стекла. Трубка съ передняго конца нагрѣвалась довольно сильно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. По окончаніи опыта въ холодной части трубки образовался налетъ металлическаго мышьяка. Образование его объясняется тѣмъ, что проходящій чрезъ трубку комнатный воздухъ содержалъ мышьяковистый водородъ, который отъ нагрѣванія разложился: водородъ уходилъ въ аспираторъ, а мышьякъ, какъ тѣло твердое при обыкновенной температурѣ, осаждался въ холодной части трубки, въ видѣ налета.

Также имѣютъ обыкновеніе подкрашивать разными красящими веществами купанья, особенно широкія. Если для сего

*) Между тѣмъ на животныхъ дѣйствіе его не такъ сильно — в овца, напр., можетъ съѣсть до 4 золотниковъ безъ всякаго вреда.

*) Аспираторомъ называется приборъ, служащій для вытѣгиванія воздуха.

употреблена чистая краска—бѣды въ томъ нѣтъ. Но случается и противное. Вотъ примѣръ.

Чинивши одного административнаго учрежденія, въ Берлинѣ, сдѣлали обѣдъ, послѣ котораго всѣ заболѣли. Дѣло обошлось безъ особенныхъ послѣдствій, но только появившіеся у больныхъ симптомы показались доктору подозрительными, вслѣдствіе чего онъ подвергнулъ экскременты ихъ химическому изслѣдованію и нашелъ мышьякъ. Затѣмъ подвергли испытанію кушанья, подававшіяся за обѣдомъ, и въ красномъ соусѣ изъ вишенъ нашли мышьякъ. Стало ясно, что обѣдавшие отравились мышьякомъ, заключавшимся въ соусѣ. Потомъ оказалось, что поваръ, желая придать хорошій цвѣтъ соусу, подбавилъ въ него карминнаго лаку, а послѣдній содержалъ мышьякъ.

Кромѣ красокъ, мышьякъ употребляется при многихъ техническихъ производствахъ, напр., при фабрикаціи дрови, на стекланныхъ заводахъ, при производствѣ анилиновыхъ красокъ, а въ послѣднее время за границею на кожевенныхъ заводахъ, для ускоренія процесса дубленія и пр.

Оказывается, что онъ даже имѣетъ пѣкоторое особенное употребленіе, именно: изъ всего числа отравъ—три четверти совершаются мышьякомъ. Часто, конечно, отравляются по неосторожности или вѣрнѣе по небрежности лицъ, въ домѣ которыхъ онъ хранится какъ средство противъ крысъ и мышей. Въ этомъ случаѣ даже непрактично употреблять мышьякъ, потому что животныя почти всегда пздыхаютъ въ своихъ норахъ, подъ поломъ, трупы ихъ гниютъ, отчего распространяется въ высшей степени несприятный запахъ, такъ что перѣдко ломаютъ полъ, чтобы оттуда ихъ вынуть. Гораздо удобнѣе давать негашеную известь, смѣшанную съ масломъ или съ чѣмъ другимъ. Отъ извести желудокъ животныхъ приходитъ въ воспаленное состояніе, появляется сильнѣйшая жажда, которая и выгоняетъ ихъ на улицу.

Мышьякъ и въ настоящее время употребляется въ медицинѣ при грудныхъ болѣзняхъ.

Наконецъ, всѣмъ известная бумага для пстреленія мухъ—пропитана бѣлымъ мышьякомъ, чѣмъ собственно и обуславливается ея ядовитость.

Бѣлый мышьякъ дѣйствуетъ на организмъ быстрѣе, чѣмъ металлическій и сѣрный. Это зависитъ отъ того, что первый—хотя трудно, но всетаки растворяется въ водѣ; тогда какъ послѣдніе не растворимы, и потому, принятые въ желудокъ, требуютъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, чтобы подъ влияніемъ химическаго дѣйствія желудочнаго сока сдѣлались растворимыми, а затѣмъ уже переходить въ кровь. Но самымъ опаснымъ является мышьяковистый водородъ. Введенныя въ желудокъ твердыя соединенія мышьяка, въ особенности, если скоро захватить, можно весьма легко удалить и тѣмъ самымъ спасти отравленнаго; тогда какъ мышьяковистый водородъ, какъ газообразное тѣло, съѣсть нельзя, а можно только вдохнуть, а потому проникнувши въ легкія, онъ тотчасъ растворяется въ крови и разносится по всему тѣлу.

Во всякомъ случаѣ, какимъ-бы соединеніемъ мышьяка ни отравились, при этомъ появляются слѣдующіе признаки. Черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, что зависитъ отъ многихъ причинъ, является тошнота, рвота; затѣмъ жаръ, жажда, сильная боль въ животѣ, трудное дыханіе, судороги и, наконецъ, смерть. И чѣмъ дольше мышьякъ остается въ желудкѣ—тѣмъ болѣе его переходитъ въ кровь, слѣдовательно тѣмъ и опаснѣе. Поэтому, самая главная помощь заключается въ возможно-быстромъ удаленіи яда изъ желудка, для чего даютъ больному пить парное молоко, теплый чай, теплый льняной и овсяный отвары, чѣмъ искусственно возбуждается рвота, вмѣстѣ съ которою выходитъ и мышьякъ. Кромѣ того, льняной и овсяный отвары обволакиваютъ желудокъ и, такимъ образомъ, препятствуютъ дальнѣйшему переходу его въ кровь. Но весьма дѣйствительное противоядіе представляетъ смѣсь окиси желѣза съ магнезіею. Смѣсь эта всегда находится въ аптекахъ готовою, а потому при случаяхъ отравы тотчасъ слѣдуетъ послать за этимъ противоядіемъ, которое отпустить всякому, безъ доктора.

Когда предполагаютъ, что смерть произошла отъ мышьяка, то трупъ вскрываютъ, вынимаютъ содержимое желудка и кишокъ—и все тщательно разсматривается въ лупу, при чемъ обыкновенно и находятъ частицы бѣлаго мышьяка. Ихъ отбираютъ и испытываютъ отдѣльно. Если же при этомъ ничего не окажется, то упомянутыя выше вещества, вмѣстѣ съ желудкомъ и кишками подвергаютъ химической обработкѣ, имѣющей цѣлю: уничтожить массу постороннихъ веществъ и собрать только одинъ мышьякъ въ маломъ количествѣ жидкости. Отсыкая ли твердый мышьякъ или получили его въ жидкости, черезъ обработку желудка и кишокъ,—во всякомъ случаѣ для окончательнаго убѣжденія подвергаютъ ихъ испытанію въ приборѣ Марша, о которомъ говорено выше. Если же отравы не смертельна, то испытываютъ рвоту и экскременты больного.

Нерѣдко возникаетъ слѣдствіе, когда отравленный уже нѣсколько лѣтъ лежитъ въ могилѣ. Въ такомъ случаѣ разрываютъ могилу, собираютъ, что осталось отъ трупа, даже захватываютъ нѣсколько земли, окружавшей гробъ, и испытываютъ по вышеописанному способу.

Способы изслѣдованія мышьяка въ настоящее время до такой степени разработаны, что, напр., въ приборѣ Марша можно открыть до $\frac{1}{4000}$ ч. зол. А какъ количество въ десять разъ большее не производитъ еще вреднаго дѣйствія на организмъ, то, коль скоро возникаетъ подозрѣніе въ отравленіи этимъ ядомъ, химикъ имѣетъ полную возможность и при томъ совершенно точно подтвердить или отвергнуть подобное обвиненіе.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвши свойства и особенности мышьяка, читатель согласится со мною, что вещество это можетъ имѣть большое вліяніе на здоровье и даже на самую жизнь нашу, если не относиться съ осторожностію ко всему тому, о чемъ говорено въ этой статьѣ.

П. Николаевъ.

БАЗАРНЫЕ ТИПЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Азиатскій цирюльникъ.

Мулла „Девлетъ-ша“—человѣкъ очень хорошій.

Его знаютъ на всемъ самаркандскомъ базарѣ, да и не на одномъ базарѣ, даже за предѣлами его, вплоть до самаго еврейскаго предмѣстья. Его даже знаютъ въ другихъ городахъ: въ Бухарѣ и въ Ташкентѣ; не всѣ—но знаютъ.

Городъ Самаркандъ стоитъ на самомъ бойкомъ, проѣздомъ трактѣ, базаръ самаркандскій какъ разъ посреди города; всѣ улицы къ этому базару сходятся, и на самомъ-то этомъ перекресткѣ помѣщается лавочка муллы Девлетъ-ша.

И другихъ купцовъ, тоже хорошихъ людей, много живетъ на этомъ перекресткѣ, но эти другіе такою, какъ Девлетъ-ша, извѣстностью не пользуются. Не пользуются они потому, что не всякому они нужны, а мулла Девлетъ-ша нуженъ всякому, особенно человѣку проѣзжему.

Ѣдетъ купецъ, съ караваномъ или такъ верхомъ въ одиночку, Ѣдетъ день, Ѣдетъ два и даже больше, много пыли набьется въ его голову сквозь ткань чалмы, много грязи наберется въ его бороду; а тутъ еще жара, духота, потъ съ лица всю дорогу не сходитъ;—почесывается купецъ, скребетъ пальцами себѣ въ бородѣ, за-

пускаетъ всю пятерню подъ свою чалму—и тамъ тоже поскребывается и думаетъ:

— Вотъ хорошо, прїѣду въ Самаркандъ, остановлюсь на базарѣ, зайду къ муллѣ Девлетъ-ша, онъ мнѣ голову чисто-начисто выбрѣетъ, бороду разчешетъ и промоетъ... Отлично тогда буду себя чувствовать.

Какже послѣ этого не знать муллу Девлетъ-ша, такого полезнаго и пріятнаго человѣка для всѣхъ путешественниковъ!

Законъ Магомета предписываетъ правовѣрнымъ брить голову и подстригать усы,—а волосы, и тамъ и тутъ, растутъ скоро;—день-два, глядишь—уже и покалываютъ. Опять надо идти къ Девлетъ-шѣ, человѣку пріятному; вѣсти онъ все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается, поразскажетъ и сообщитъ много интереснаго.

И дѣйствительно, мулла Девлетъ-ша все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается. Онъ газетъ не получаетъ, потому что здѣсь газетъ никто не издаетъ; онъ и книгъ не читаетъ, потому что кромѣ корана никакихъ книгъ нѣтъ;—зато онъ много проѣзжаго народа знаетъ, изъ всѣхъ мѣстъ, ближнихъ и дальнихъ—и этотъ-то проѣзжій народъ, со всѣхъ концовъ свѣта, везетъ ему новости.

Лавочка Девлетъ-ша устроена такимъ образомъ: большая сакля выходитъ на улицу—навѣсомъ, подъ этимъ навѣсомъ устроено возвышеніе, вдоль всей стѣны. Возвышеніе это покрыто цыновками и коврикомъ, на немъ сидѣть и удобно и пріятно. Большой проломъ въ стѣнѣ ведетъ во внутренность сакли, гдѣ сложены всѣ пожитки хозяина; это больше для зимняго времени помѣщеніе, а лѣтомъ все время подъ навѣсомъ проводится. На стѣнахъ развѣшаны всѣ принадлежности хозяйскаго дѣла: бритвы, тарелочки, гребешки, полотенца—все что нужно—подъ рукою.

Самъ хозяинъ—человѣкъ уже не молодой, борода съ просѣдью, чалму носить тканую, полосатую, халатъ тоже полосатый адресный, только халатъ этотъ онъ рѣдко надѣваетъ, и жарко и движенія стѣсняетъ,—толи-дѣло въ одной рубашкѣ! прохладно, удобно; засучилъ рукава до самыхъ плечъ и приступай къ работѣ.

Рано утромъ поднимается Девлетъ-ша на ноги, подмететъ передъ лавочкою, смахнетъ пыль и соръ съ коврика, наточитъ бритвы, сваритъ чаю въ кунганѣ, закуритъ кальянъ, сядетъ и ждетъ.

И никогда ему не приходится ждать очень долго.

Не успѣютъ другіе сосѣди его отодвинуть доски своихъ дверей, не успѣетъ мясникъ Шарипъ повѣсить на крюкъ ночью-зарѣзаннаго барана, не успѣетъ шорникъ

Магометъ-дуванъ разложить свои питія попоны,—смотришь, а къ Девлетъ-ша уже пришли посѣтители.

— Аллахъ да благословитъ домъ твой! будь здоровъ, мулла Девлетъ-ша! тяжело слазить съ лошади купецъ Рустемъ-бекъ изъ Джизака.

— Аллахъ да благословитъ пріѣздъ твой и дальнѣйшую дорогу, отвѣчаетъ Девлетъ.

Усталъ пріѣзжій, всю ночь ѣхалъ, ноги даже затекли; конь тоже повѣсилъ голову: стоитъ, словно его только что выкупали. Привяжетъ купецъ лошадь къ столбу, гдѣ нибудь всторонкѣ, самъ на приступокъ подъ навѣсъ заберется, сядетъ, сниметъ чалму тяжеловѣсную; пока хозяинъ бритвы готовить, чаю зеленого глотнетъ чашечку и кальянъ покурить...

И начинается работа.

Плавню такъ, легко ходитъ бритва по угловатому черепу, плавно текутъ умныя рѣчи съ той и съ другой стороны... Не успѣетъ Девлетъ съ одною головою покончить, глядь — ужъ и еще посѣтители набираются... кто за дѣломъ, а кто и такъ просто, разговоры послушать, да по другимъ мѣстамъ передать все слышанное.

И такъ до вечера, пародъ отъ навѣса муллы Девлетъ-ша, лучшаго цирюльника въ Самаркандѣ, не расходится.

Какже послѣ этого не знать муллу Девлетъ-ша, такого человѣка хорошаго, пріятнаго и полезнаго!

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева). Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

ХІІ.

Я не помню, какъ исчезли съ моихъ глазъ Кирилъ и мой Пенъковскій,—но они во всякомъ случаѣ сдѣлали это какъ-то такъ хорошо и деликатно, что ни одной минуты не помѣшали мнѣ любоваться священными чертами лица моей неимоверно-постарѣвшей матери.

Тому, кто не зналъ ее шесть лѣтъ назадъ, въ ея нынѣшнемъ благородіи, полномъ возвышеннѣйшаго выраженія лицъ все таки было бы трудно угадать ту очаровательную, неземную красавицу, какою она была въ роковой годъ смерти отца. Нѣжно-прозрачное лицо ея теперь было желто—и его робко оживляли лихорадочный румянецъ, вызванный тревогою чувствъ, возбужденныхъ моимъ прибытіемъ; злаго-кудрые ея волосы, какихъ я не видалъ ни у кого кромѣ путеводнаго ангела Товіа, на картинѣ Ари Шефера,—волосы легкіе, нѣжные и въ то-же время какіе-то смиренномудрые, подернулись сѣдиною, которая покрывала ихъ точно прозрачною дымкой; они были по старому зачесаны въ локоны, но этихъ локоновъ было уже немного,—они уже не волновались вокругъ всей головы, какъ это было встарь, а только напоминали прежнюю прическу спереди, вокругъ висковъ и лба, межъ тѣмъ какъ всю остальную часть головы покрывала черная кружевная косынка, красиво завязанная двумя широкими лопастями у подбородка. Ростъ и фигура, превосходной формы руки и строгій поставъ головы на античной, слегка лишь пожелтѣвшей шеѣ—были все тѣ-же; но губы поблѣднѣли, и въ голубыхъ, полныхъ ласки и привѣта, глазахъ блуждалъ какой-то тревожный огонь.

Не сводя глазъ съ матушкинаго лица, я созерцалъ ее въ безмолвномъ благоговѣніи, стоя передъ нею на колѣняхъ и держа въ своихъ рукахъ ея руки. Матушка сидѣла въ креслѣ и также молча смотрѣла то на меня, то на небольшой акварельный портретъ, который стоялъ возлѣ нея на крышкѣ ея открытой рабочей шкатулки.

Это былъ портретъ моего покойнаго отца, на кото-

раго я теперь былъ поразительно похожъ—и хотя въ этомъ обстоятельстве не было ничего удивительнаго, но матушка была этимъ видимо сильно занята. Высвободивъ изъ моихъ рукъ свои руки, она въ одну изъ нихъ взяла этотъ портретъ, а другою приподняла волоса съ моего лба—и еще пристальнѣе взглянувъ мнѣ въ лицо, отодвинулась и прошептала:

— Какое полное повтореніе во всемъ!

Въ этомъ восклицаніи мнѣ послышалось что-то болѣзненное, что-то такое чему мать моя какъ будто въ одно и то же время и радовалась и ужасалась. Она должно быть и сама это замѣтила, и вѣроятно сочтя неумѣстнымъ обнаруженіе передо мною подобнаго чувства, тотчасъ-же подавила его въ себѣ—и придавъ своему лицу простое выраженіе, договорила съ улыбкою:

— Если замѣнить этотъ пупокъ на твоей губѣ густыми усами, бросить нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ голову и немножко постарить лицо, ты былъ-бы настоящій двойникъ твоего отца. Это общаетъ, что ты будешь имѣть недурную наружность.

Желая блеснуть умомъ и серіозностью, я каплянулъ и хотѣлъ сказать, что наружность не много значитъ; но матушка точно прочла мою мисль и отвѣтила на нее продолжая рѣчь свою:

— Хорошая форма имѣетъ много привлекательнаго, сказала она,—въ хорошей формѣ надо стараться имѣть и хорошее содержаніе,—иначе она красивая надпись на дурномъ товарѣ. Ты впрочемъ очень счастливъ—рано испытываешь несчастье: я увѣрена, что оно дало тебѣ хорошій урокъ.

Это меня ужасно тронуло—и я еще жарче припалъ къ матушкинымъ рукамъ и на нихъ изъ глазъ моихъ полились обильныя слезы.

— Ты не плачь, продолжала матушка нѣжнымъ и ласковымъ но какъ будто нѣсколько дѣловымъ тономъ,—тебѣ теперь нужны не слезы а душевная бодрость. Ты лишенъ самаго величайшаго блага—правильнаго образованія; но Богъ милосердъ, можетъ быть мы не только

Вазарные типы. Цирюльникъ въ Средней Азии.

ничего не потеряемъ, а даже выиграемъ. А о томъ, что ты потерялъ нѣсколько правъ или служебныхъ привилегій—не стоитъ и думать. Все дѣло въ облагороженіи чувствъ и просвѣщеніи ума и сердца, чего мы съ тобою и станемъ достигать, сынъ мой, и въ чемъ намъ, надѣюсь, никто не помѣшаетъ.

Я вздрогнулъ: это были почти тѣ же самые слова, какія я слышалъ въ Твери отъ сестры Волосатина, которой я написалъ и послалъ свое глупое письмо. Ненавистное воспоминаніе объ этомъ письмѣ снова бросило меня въ краску, и я, продолжая стоять съ поникшею головою передъ моею матерью, долженъ былъ дѣлать надъ собою усиліе, чтобы понимать ея—сначала безъ всякаго труда до глубины души моеи проникавшія—рѣчи.

А матушка все продолжала ласкать меня своею рукою по лицу и по головѣ—и въ то-же время излагала мнѣ, что ея уже предпринято для того, чтобы прерванное образованіе мое не остановилось на этомъ перерывѣ, и что она еще намѣрена сдѣлать въ этихъ же цѣляхъ. Передо мною открывался обширный и обстоятельно обдуманнѣйшій планъ, который показывалъ мнѣ, что я жестоко ошибался почитая себя уже совсѣмъ вырваннѣйшимъ на волю,—и въ то-же самое время этотъ планъ знакомилъ меня съ такою стороною ума и характера моеи матери, какихъ я не видалъ до сихъ поръ ни въ одномъ человѣкѣ и уже никакъ не подозрѣвалъ въ моеи маман, при мечтахъ и размысленіяхъ о которой передо мною до сихъ поръ обыкновенно стояли только нѣжная заботливость и доброта. Блудчи къ ней изъ корпуса, я хотя и не былъ намѣренъ отвергать ея материнскаго авторитета, но все таки въ сокровеннѣйшихъ своихъ мечтахъ я дѣлалъ мысль, что мы съ нею встрѣтимся и станемъ жить на равной ногѣ, даже пожалуй съ нѣкоторымъ перевѣсомъ на мою сторону, такъ какъ я *мужчина*. Теперь на дѣлѣ, на первыхъ же порахъ, выходило совсѣмъ другое: я видѣлъ, что я еще мальчикъ, судьбою котораго намѣрена властно распоряжаться хотя очень добрая и попечительная, но въ то-же время неуклонно-твердая воля.

Матушка сообщила мнѣ, что пріѣхавъ мѣсяцъ тому назадъ въ Кіевъ, она уже устроила, что дядя дастъ мнѣ мѣсто въ своей канцеляріи, но что это мѣсто будетъ разумѣется самое незначительное и по моимъ обязанностямъ и по вознагражденію, которое я буду получать за мою службу.

— Но это и справедливо и прекрасно, говорила она, поднявъ меня съ полу и занявшись приготовленіемъ для меня чая изъ чистенькаго томпаковаго походнаго самовара моего отца—самовара который я очень хорошо помнилъ и который теперь принесла очень опрятно одѣтая пожилая женщина въ темномъ платьѣ и въ бѣломъ чепцѣ.—*Это справедливо*, продолжала маман,—потому что ты не будучи подготовленъ ни къ какой полезной дѣятельности не можешь претендовать на лучшія мѣста, которыя должны принадлежать достойнѣйшимъ; и это *прекрасно* потому что при незначительныхъ обязанностяхъ по службѣ у тебя будетъ оставаться много времени на полезныя занятія для обогащенія свѣдѣніями твоего ума и развитія твоего сердца.

Въ способахъ достиженія этого развитія и обогащенія матушка явилась такою же основательною какъ и во всемъ томъ, что я отъ нея уже слышалъ. Усадивъ меня сбоку отъ себя за столъ, къ корзинкѣ съ булками и стакану чаю, она сообщила мнѣ, что уладивъ мое поступленіе на службу (къ чему я былъ обязанъ при моемъ исключеніи изъ корпуса) она обратилась къ свѣдущимъ людямъ, съ помощію которыхъ такъ же тихо и благонадежно устроила для меня возможность заниматься науками. Она сказала мнѣ, что и самый городъ Кіевъ она выбрала для нашего житья во первыхъ потому, что не хотѣла, чтобы я проводилъ юность между чужеземнымъ населеніемъ въ Лифляндіи, которая хотя и была

ея родиной, но для меня не годится. Маман высказала, что будучи сыномъ русскаго человѣка я долженъ взрости и воспитаться въ преданіяхъ и симпатіяхъ русскаго края; а потомъ она указала вторую причину выбора Кіева: эта причина заключалась въ томъ, что здѣсь есть университетъ, который она назвала источникомъ свѣта проливающимъ свои лучи на все, что становится въ возможной къ нему близости.

Я все это слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя и не совсѣмъ ясно понималъ какое просвѣтительное вліяніе можетъ имѣть университетъ чрезъ одно пребываніе съ нимъ въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ... Но матушка и это точно сейчасъ же прозрѣла, и какъ-бы въ скобкахъ разъяснила мнѣ распространеніе въ обществѣ добрыхъ и высокихъ идей посредствомъ обращенія съ просвѣщенными людьми, руководящими образованіемъ университетскаго юношества.

Меня поражала и эта простота и ясность ея взгляда и ея спокойное *savoir faire*, съ которымъ она все располагала какъ будто играла по нотамъ. Особенно же меня удивила ея прозорливость, съ какою она словно читала въ умѣ моемъ и тотчасъ сгнѣшила разъяснить все, что мнѣ было неясно. Но что всего болѣе на меня дѣйствовало — и дѣйствовало благотворнѣйшимъ образомъ—это опредѣленность ея сужденій, полныхъ, точныхъ, основательныхъ, такъ что къ нимъ не нужно было просить у нея никакихъ прибавленій, точно такъ же какъ отъ нихъ ничего нельзя было-бы отнять безъ ущерба ихъ полнотѣ и положительности.

Самыя мельчайшія детали составленного ею для меня плана уложены были въ такой незыблемый кодексъ, что совершеннѣе его въ этомъ родѣ уже кажется ничего нельзя было придумать.

Да простить мнѣ читатель (если таковой будетъ у моихъ записокъ), да простить онъ мнѣ, что я ниже этихъ строкъ сейчасъ приведу въ дословномъ изложеніи разговоръ послѣдовавшій между мною и моею матерью.

Нѣтъ нужды, что въ немъ не будетъ эффектныхъ *crescendo* и *forto*, а все просто и плавно какъ безстрастный діалогъ. Я его упомянулъ весь отъ слова до слова въ теченіе очень многихъ лѣтъ, а это несомнѣнное ручательство, что въ немъ есть *нѣчто* способное вѣзаться въ память.

XIII.

— Ты будешь спать вотъ тамъ, сказала матушка указавъ мнѣ на небольшую комнату влѣво отъ гостиной, гдѣ мы пили чай,—а вотъ здѣсь направо—точно такая же моя комната. Тутъ все наше помѣщеніе, какимъ мы можемъ располагать, и намъ большаго не нужно,—милліоны людей, гораздо болѣе насъ имѣющіе права на большія удобства, лишены и такихъ. Это очень жалко, но пособить этому не въ нашихъ силахъ, а притомъ же это вѣрно такъ нужно, или такъ угодно Богу.

Она при этомъ слегка наморщила свой античный лобъ и подавила вздохъ, который свидѣтельствовалъ, что она искренно смущается тѣмъ, что у нея съ сыномъ есть для двоихъ три комнаты, между тѣмъ какъ у другихъ, болѣе насъ достойныхъ—этого нѣтъ.

Затѣмъ она продолжала:

— Сегодня ты отдохнешь отъ дороги и мы кое-куда сходимъ: не въ люди, а въ церковь, гдѣ ты долженъ помолиться за своего отца и попросить себѣ благословенія на твои начинанія; потомъ я тебѣ покажу городъ, который имѣетъ очень много интересныхъ мѣстъ и прекрасныхъ видовъ. Позже передъ вечеромъ къ намъ придетъ одинъ мой новый другъ, профессоръ Духовной Академіи Иванъ Ивановичъ Альтанскій;—это очень умный, скромный и честный человѣкъ, при которомъ я прошу тебя держать себя въ разговорахъ скромно и разсудительно. Лучше всего говори меньше и больше слушай его: это самое умное правило, сохраняющій которое ни-

когда не кается. Въ десять часовъ Иванъ Ивановичъ отъ насъ уйдетъ: онъ очень аккуратенъ и это его часъ; а онъ такъ благоразуменъ, что не отступаетъ безъ нужды отъ своихъ правилъ. Нынче мы ради дня твоего прѣзда позволили себѣ полѣниться, а съ завтрашняго дня и мы будемъ подражать доброму примѣру Ивана Ивановича и начнемъ блюсти свое правило. Мы будемъ вставать не очень рано—не ранѣе семи часовъ. Это вовсе необременительно, а напротивъ даже здорово, да и ты, я думаю, точно также вставалъ и въ корпусѣ?

— Да-съ, папан, отвѣчалъ я кашлянувъ, и эти почти первыя слова, произнесенныя мною въ домѣ моей матери, прозвучали такъ младенчески робко, что и даже сконфузился дѣтской интонаціи, съ которою ихъ выговоришь, и снова откашлялся стараясь показать, что ребячливость моего голоса произошла отъ случайности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскѣжить гортань на случай умѣстнаго произнесенія новаго слова.

— Вотъ и прекрасно, продолжала мать,—значить вставанье въ семь часовъ не будетъ для тебя обременительно?

— Нисколько, папан.

— Въ полчаса ты окончишь свой туалетъ...

— О, папан, даже гораздо скорѣе.

— Въ излишней поспѣшности нѣтъ нужды, да и въ ней мало толку. Нужно дѣлать все въ свое время, тогда у человѣка достанетъ времени все сдѣлать умно и спокойно. Въ половинѣ восьмага мы стоя вмѣстѣ прочтемъ главу изъ нѣмецкой библіи. Это моя всегдашняя лютеранская привычка съ дѣтства, которую я удержала и и принявъ православіе. Къ тому же это будетъ тебѣ пѣкоторою практикою въ нѣмецкомъ языкѣ, который ты долженъ знать какъ изъ уваженія къ національности твоей матери, такъ и потому что онъ имѣетъ обширную и едва-ли не лучшую литературу....

— Но, маман, перебилъ я покраснѣвъ отъ своей смѣлости,—развѣ вы православная? (Я зналъ что мать моя при жизни отца была лютеранкой—и дѣйствительно очень изумился, когда она упомянула вскользь о своемъ православіи).

— Да, отвѣчала матушка:—Богъ одинъ и христіанство полно и совершенно въ ученіи всѣхъ церквей,—по крайней мѣрѣ, я имѣю такое мнѣніе объ этомъ предметѣ,—но я нашла, что матери все таки гораздо удобнѣе исповѣдывать ту вѣру, въ ученіи которой она должна воспитать своихъ дѣтей. Я православная потому, что такимъ долженъ быть ты. Но это мое дѣло, а мы будемъ знакомиться съ нашимъ уставомъ, которому я положила слѣдовать. Окончивъ чтеніе библіи, мы будемъ пить нашъ чай; потомъ девятый часъ пройдетъ въ занятіяхъ греческимъ языкомъ, который очень интересенъ, и изученіе котораго тебя конечно чрезвычайно займетъ. Отъ девяти до десяти мы будемъ заниматься исторіей,—я хочу проверить твои знанія, и за этимъ же легкимъ предметомъ ты немножко отдохнешь отъ перваго урока. Затѣмъ одиннадцатый часъ отдадимъ латинскому языку и потомъ будемъ завтракать, послѣ чего ты будешь ходить на службу. Что ты тамъ будешь дѣлать въ канцеляріи—я этого конечно не знаю, но старайся разумѣется все, что тебѣ поручать, дѣлать усердно и аккуратно. Я думаю, что ты будешь просто переписывать какія-нибудь бумаги. Ничего, не пренебрегай и этимъ; все, что человѣкъ себѣ усвоить, ему на что нибудь пригодится, особенно же тебѣ практика въ письмѣ можетъ быть очень полезна. Сколько я могла замѣтить по твоимъ письмамъ, у тебя довольно неразборчивый почеркъ, а это очень дурно и невѣжливо: благовоспитанный человѣкъ всегда долженъ писать такъ, что бы чтеніе его письма не затрудняло читающаго. Или ты можешь быть только ко мнѣ такъ небрежно писать?

— Маман, какъ вы это можете думать?!

— Нѣтъ, я этого и не думаю, а я только проверяю

тебя. Извини меня: вѣдь давно не видались. Но я про-должаю: въ три часа ты будешь возвращаться—и это будетъ часъ нашего обѣда; потомъ ты имѣешь цѣлый часъ въ твое собственное распоряженіе. Въ пять часовъ будешь приходить Иванъ Ивановичъ, и у васъ съ нимъ начнется урокъ по математикѣ и по всѣмъ другимъ наукамъ, въ которыхъ я не могу быть тебѣ полезна. По его словамъ, тебѣ не тяжело будетъ заниматься два часа, а онъ такой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, что его во всемъ надо слушаться. При томъ же онъ такъ талантливо преподаетъ, что мнѣ будетъ большимъ удовольствіемъ присутствовать при вашемъ урокѣ.

— О, маман, вы такъ милостивы! пролепеталъ я, чувствуя, что у меня горятъ уши и заплетается языкъ отъ страха передъ этой строгой программой, ожидающей меня развѣренной и развѣшенной жизни.

Но матушка отклонила отъ себя мою благодарность и сказала, что она намѣрена это дѣлать для себя самой, потому что не знаетъ лучшаго удовольствія какъ учиться.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ этомъ случаѣ она говорила мнѣ правду только отчасти; то есть она дѣйствительно любила учиться, но главная ея цѣль присутствовать при всѣхъ моихъ занятіяхъ заключалась въ поощреніи меня къ тѣмъ довольно утомительнымъ трудамъ, на которые она меня обрекала.

А труды эти были еще не всѣ исчислены: у нея еще было *supplément* моего дня, который она оставляла *pour la bonne bouche*. *Supplément* этотъ заключался въ томъ, что въ восьмомъ часу къ намъ будетъ ежедневно заходить дочь моего профессора Ивана Ивановича, молодая дѣвушка Хариточка, о которой маман отозвалась съ необыкновенною теплотою какъ о прелестнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ созданіи.

— Она здѣсь по сосѣдству беретъ отъ семи до восьми часовъ урокъ музыки и пѣнія, объяснила маман,—а потомъ заходить ко мнѣ—и мы съ нею часъ занимаемся англійскимъ языкомъ, что мнѣ доставляетъ большое удовольствіе, потому что мой маленькій другъ Харита—очаровательнѣйшая дитя и притомъ занятіе съ нею мнѣ доставляетъ практику въ англійскомъ языкѣ, который я, ни съ кѣмъ не говоря на немъ, могла бы рисковать позабыть. Теперь, добавила матушка,—я надѣюсь, этотъ рискъ немножко уменьшится, потому что ты за компанію съ Харитой конечно захочешь быть моимъ вторымъ ученикомъ, и потомъ мы вѣроятно скоро найдемъ возможность сдѣлать этотъ языкъ нашимъ домашнимъ разговорнымъ языкомъ попережку съ французскимъ, на которомъ будемъ объясняться до обѣда. Если Богъ намъ поможетъ, все это пойдетъ стройно и прелестно, а въ то же время это сблизитъ тебя съ достойнѣйшимъ семействомъ Алтанскаго, который вызвался давать тебѣ почти даровые уроки, потому что онъ не хочетъ брать деньги, а будетъ заниматься съ тобою за мои уроки его дочери. Видишь-ли, какъ твоя мать съ Божіею помощію успѣла все это устроить ко всеобщей выгодѣ и удовольствію.

— О, превосходно, маман, превосходно!

— Да; и у насъ еще отъ половины девятаго часа до полуночи всякій день будетъ оставаться цѣлая бездна свободнаго времени для удовольствій. Въ это время Харита намъ всегда что нибудь сыграетъ на фортепіано... Ты узнаешь его или нѣтъ, нашъ старый фортепіано? онъ довольно пожилъ и поѣздилъ по свѣту, но еще служить—и мы на немъ себѣ недурно аккомпанируемъ и поемъ собица маленькія тріо и романсы. У Ивана Ивановича очень недурной баритонъ, а у тебя вѣроятно тоже найдется какой-нибудь голосокъ, потому что... у твоего отца былъ прекрасный голосъ, а ты во всемъ на него похожъ. Но если бы и не такъ, для домашняго пѣнія въ своемъ кружкѣ можно пѣть и съ незначительнымъ голосомъ,—тутъ все дѣло въ нѣкоторомъ умѣнѣи,

а я въ этомъ кое-что смыслу и помогу тебѣ. Въ десять часовъ наши гости обыкновенно уходятъ къ себѣ: Иванъ Ивановичъ готовится къ лекціямъ, а Харита распорядится хозяйствомъ, такъ какъ она бѣдняжка имѣла несчастіе годъ тому назадъ осиротѣть послѣ смерти матери. Мы же съ тобой съ этихъ поръ вольные казаки: ты мнѣ часокъ считаешь какуюнибудь русскую повесть или романъ, а въ одинадцать мы разойдемся по своимъ комнатамъ, чтобы часъ передъ сномъ имѣть время обдумать проведенный день и написать если нужно какіенибудь письма нашимъ далекимъ друзьямъ, которыхъ не можемъ видѣть. Вѣдь у тебя, надѣюсь, связаны какія-нибудь связи съ лицами, переписка съ которыми можетъ доставить тебѣ удовольствіе?

Это былъ ужасный вопросъ, при которомъ я разомъ же минуту вспомнилъ мое борзенское посланіе къ тверской барышнѣ, и хотѣлъ бы провалиться сквозь землю.

— Mais oui, mais comment donc, mais sans doute, маман... то есть нѣтъ, маман... я никому не общалъ, пролепеталъ я краснѣя и тупя въ столъ глаза, со страхомъ, что моя мать прочтетъ въ нихъ безпощадный мой позоръ и безчестіе.

Но увы,—весь этотъ маневръ былъ совершенно напрасенъ: чѣмъ я тщательнѣе старался быть скрытнымъ, тѣмъ легче и яснѣе читала мать сокровенную тайну души моей.

(Продолженіе будетъ).

Воздушнымъ путемъ.

(Изъ американской жизни).

I.

Это было въ первыхъ числахъ сентября прошлаго года.

Погода стояла теплая и, какъ кажется, не думала перемѣняться. Смерклось. Въ саду, примыкавшемъ къ дому цинциннатскаго гражданина, мистера Уельша, на скамеечкѣ сидѣло двое молодыхъ людей: недуренькая блондинка, съ темными бровями, свѣжимъ личкомъ, и довольно красивый каналеръ, брюнетъ, съ бородкой и густыми выходящими волосами, которые были прикрыты сѣрой широкополой шляпой. Дѣвушка держала въ рукѣ прутикъ и задумчиво глядѣла на какія-то фигуры, начерченные у ногъ ея на дорожкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ. Молодой человѣкъ курилъ сигару и, также чѣмъ-то озабоченный, слѣдилъ какъ-то особенно упорно за тоненькой синей струйкой дыма... Вдругъ она отклонилась въ сторону — это пахнуло вѣтеркомъ; зашумѣли верхушки деревьевъ — и снова все стихло. Полузавядшій листокъ, сорвавшись съ вѣтки, кружась и треща какъ бабочка, пролетѣлъ мимо сѣрой шляпы, задръжалъ перья на сигарѣ и упалъ на дорожку — какъ разъ на то мѣсто, гдѣ было что-то начерчено.

Молодой человѣкъ очнулся, взглянулъ нечаянно на рисунокъ, сдѣланный прутикомъ, потомъ на блондинку, потомъ опять на рисунокъ и, улыбувшись, прочелъ:

— Три тысячи долларовъ!

— Да, Чарльзъ, три тысячи, проговорила дѣвушка вздохнувъ и принялась медленно затирать прутикомъ три нуля и красиво выведенную цифру 3.

— Вотъ, и слѣдъ пропалъ! воскликнула она и засмѣялась. — Гдѣ теперь эти три тысячи?... Увы, исчезли!..

— Ну, не большая бѣда, что ихъ нѣтъ на пескѣ, а вотъ что не хорошо, Мэри...

— Что въ карманѣ не хватаетъ у тебя ровно такой суммы? подхватила Мэри. — Знаю, знаю!..

— Именно *т-те-р* не хватаетъ, замѣтилъ Чарльзъ, — и это меня бѣситъ! Конечно, у меня будетъ и больше 6,000 долларовъ, но вѣдь придется годъ ждать, а можетъ и больше...

— Да, папа упрямъ...

— Нѣтъ, онъ не упрямъ, а послѣдователенъ... Но ты подумай: потерять годъ, вырвать двѣнадцать мѣсяцевъ изъ нашей жизни — это ужасно!.. Неужели люди нынче такъ долговѣчны, что одинъ годъ — ничего не значитъ?

— Ты вчера опять говорилъ съ нимъ?

Молодой человѣкъ кивнулъ головой.

— Говорилъ и больше не буду, потому что все это слова, слова... Дѣло надо дѣлать, мозгамъ шевелить. Мнѣ даже нравится, что отецъ твой такъ твердъ... Будь я на его мѣстѣ, я бы, вѣроятно, также поступилъ. «Я васъ, говоритъ, — мистеръ Чарльзъ Кальтонъ, очень люблю и уважаю, но, по моимъ расчетамъ, мужъ Мэри на первыхъ порахъ долженъ имѣть минимумъ 6,000 долларовъ и долженъ быть моимъ компаньономъ. Къ ней сватается нѣмецъ-эмигрантъ, разбогатѣвшій здѣсь, солидный негодянтъ, но она»...

— «Но она любитъ не его, а васъ», подхватила Мэри, — ахъ, это я все знаю! Зачѣмъ ты рассказываешь это? Потомъ онъ сказалъ: «Я ей не претенствую — пусть выходитъ за кого ей угодно, но ужъ если хочется ей поступать вообще самостоятельно, то пусть постѣ и не обращается ко мнѣ за помощью...»

— Такъ, такъ! Совершенно справедливо. И знаешь, Мэри, что я ему сказалъ?

— Ты ему сказалъ, что у тебя 3,000 долларовъ есть.

— Да, и прибавилъ, что не позже *перваго октября* у меня будетъ 6,000 долларовъ.

Дѣвушка широко открыла глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты это сказалъ?

— Сказалъ.

— Но... откуда же, Чарльзъ? Какимъ путемъ?

— Гм! Вотъ въ этомъ то и вопросъ... Я и самъ не знаю откуда...

— Не знаешь — и даешь обѣщаніе!

— Что-жъ такое? Это меня, такъ сказать, окрылитъ... Вотъ я буду думать. Развѣ ты сомнѣваешься, что у меня голова на плечахъ?.. Ну, и ты тоже подумай, Мэри...

— Да я ужъ думала, только...

— Только ничего не выходитъ? Ну, это не бѣда... Были у меня планы, но я ихъ отбросилъ... Само собою разумѣется, что эти 3,000 долларовъ должны быть приобретены не мошенническимъ образомъ, а такъ сказать путемъ честнымъ... Н-да, трудненько! Впрочемъ, у меня вертится въ головѣ одно изобрѣтеніе, только все какъ-то не ладится... А хорошо, если бы удалось! Взялъ бы привилегію, наконецъ — просто бы продалъ ее и — денежки въ карманѣ!

Мэри зарумянилась и взяла руку Чарльза.

— Это не секретъ, Чарли?

— Да не ладится, отвѣтилъ онъ и зѣвнулъ. — Нечего и говорить. Вотъ надо будетъ съѣздить къ механику — мистеру Мильбрэту...

— Смотри-ка, Чарли: сейчасъ вотъ ко мнѣ на колѣни упалъ листъ, а на немъ — двѣ букашки! Имъ, вѣроятно, захотѣлось поскорѣе понасть на землю, вотъ онѣ и выбрали такой листочекъ, который долженъ былъ скоро оторваться... Не правда ли, какія умныя букашки?

— Да, экипажъ выбрали отличный! Только онъ не доставитъ ихъ обратно на дерево.

Мэри сдунула «экипажъ» съ ладони. Оба замолчали.

— Ты когда же отправишься къ механику — завтра? спросила она, положивъ руку на плечо Чарльза.

Отвѣта не послѣдовало.

— Чарльзъ!

И Мэри легонько толкнула его.

— Что ты говоришь?

— Ты завтра пойдешь къ Мильбрэту?

— Къ Мильбрэту?... Какому... зачѣмъ...

Молодой человѣкъ, казалось, ничего не понималъ и хотя смотрѣлъ на дѣвушку, но видѣлъ передъ собой что-то другое... Брови его были совинуты, онъ кусалъ губы...

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь ты самъ говорилъ...

Чарльзъ вдругъ швырнулъ окурокъ сигары, вскочилъ со скамейки и воскликнулъ:

— Только такимъ путемъ! Да... Но... надо торопиться... До свиданья, Мэри!

Онъ нагнулся къ ней, чмокнувъ ее въ лобъ и быстро пошелъ.

Дѣвушка вскочила и побѣжала за нимъ.

— Стой же, подожди! Чарльзъ! Ахъ, какой!..

Она нагнала его у калитки сада.

— Какимъ путемъ? Ну, погляди же на меня!

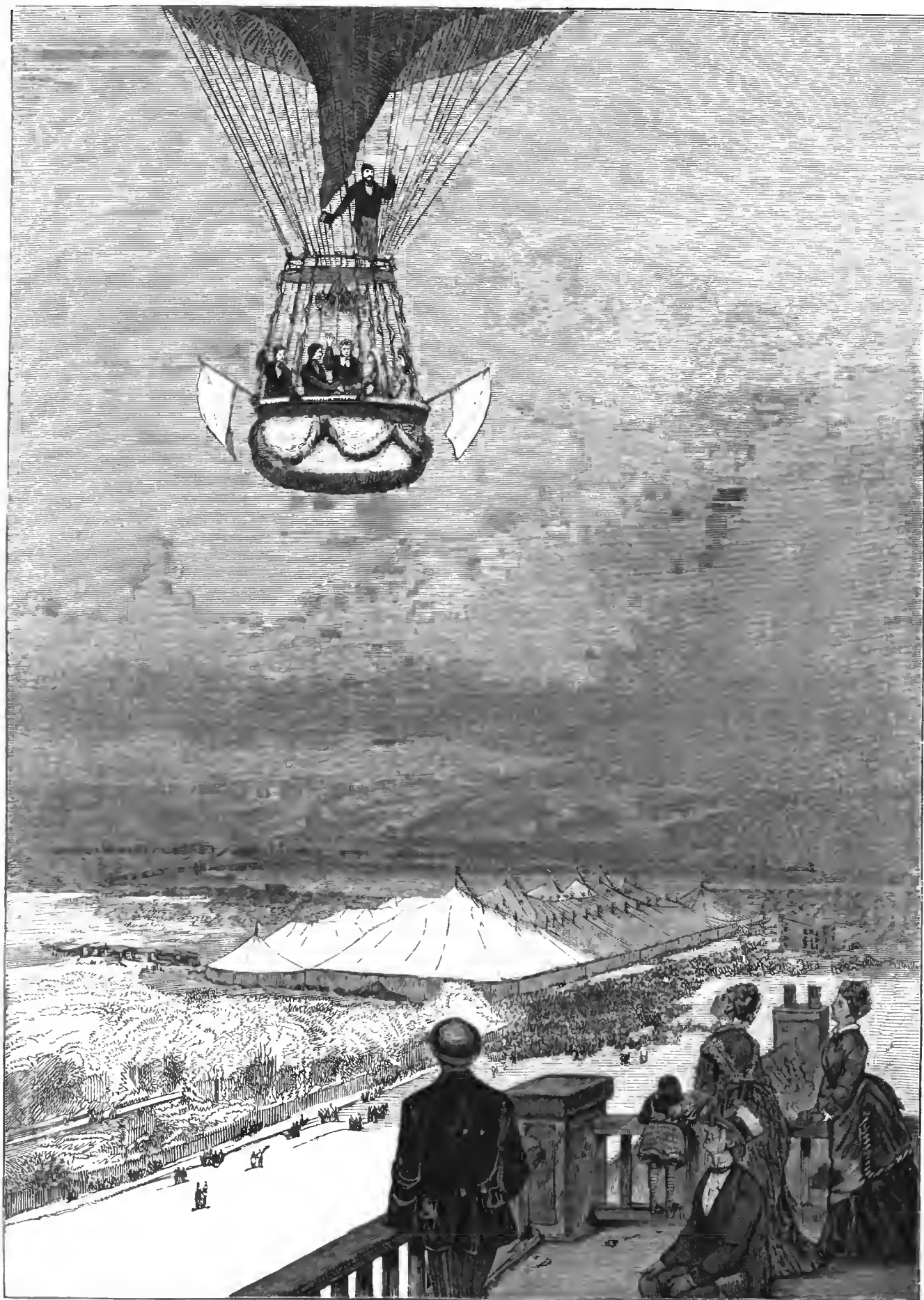
— Нѣтъ, нусти... Это еще секретъ... Надо прежде узнать кое-что, произнесъ Чарльзъ весело. — Время дорого. Нельзя терять ни одной секунды... Прощай!

— Хотѣю одно слово!

— Путемъ — воздушнымъ!

— Онъ помѣшался, мелькнуло въ головѣ Мэри, и дрожь пробѣжала по ней...

— Развѣ мы хуже букашекъ?... До свиданья! крикнулъ Чарльзъ и скрылся за калиткой.

Възлѣтаніе въ облакахъ, совершенное въ Цинцинати 17 Сентября 1874 г.

II.

На другой день утром, когда Мэри сидела у себя в комнате и вместе с подружкой своей занималась устройством маленького аквариума, к ней явился молодой человек и подать записочку.

— А! воскликнула мисс Уэльш и протянула руку вошедшему — Здравствуйте, мистер Кунь! Вы отъ Чарльза?

— Да-с. Он теперь на фабрике. Там много работы, вот он и просит меня, благо мы по пути, доставить вам эту записку, ответил молодой человек.

— Благодарю вас. Ах да! Позвольте познакомиться вас с моей подружкой — Анни Иетес. Анни, обратилась она к девушке, передай тебе друг Чарльза — Вильям Кунь.

Молодые люди пожали друг другу руку.

— Так вы видели сегодня Чарльза?.. Ну, что он?

Мэри пристально взглянула на гостя. Глаза ее были не совсем спокойны.

— Видеть. Он — ничего.

— Ничего. Вы ничего такого не заметили... странного.

— Ровно ничего. Он даже веселее стал. Да вот прочтите, что он пишет; я не стану вам мешать. Мы тоже надо кое-куда по делам, а потому позвольте откланяться.

— Идите, идите! Время — деньги! Кланяйтесь Чарльзу.

Вильям Кунь вышел.

Мисс Уэльш с некоторым волнением развернула записку.

— Что он пишет? спросила Анни.

— А вот — слушай, и Мэри стала читать:

«Ну, кажется все идет на лад! Ты часто мне говорила, что готова за мною всюду, а потому я уверен в твоём согласии, которое необходимо. Не хочу и извиняться в том, что начал дело без тебя. Вчера вечером был у Барнума. Виделся и с мистером Дональдсоном. В главном договорились. Подробности — сегодня при свидании. Тебе, Мэри, непременно нужно будет отправиться завтра в Питтсбург к одному моему знакомому — прекрасному человеку. Но так как нам нужно о многом переговорить, то сегодня к семи часам вечера прошу пожаловать ко мне на свидание. Пригласил пожалуста и Анни ко мне на чашку чая. У меня будут: Вильям, мисс Арабелла Вильсон и еще кое-кто.

Твой Ч.»

— Что-ж это такое? удивилась Анни.

— Я сама не понимаю.. Боже, неужели он помешался?..

— Н-ну, зачем так говорить!..

— Да ведь все это как-то странно! проговорила Мэри, рассматривая записку. — И зачем он был у Барнума? Кто это такой Дональдсон?.. И потом «в Питтсбург» — к прекрасному человеку..»

— Одно ясно, заметила Анни: — он задумал с тобой куда-то бежать..

— От кого-же нам бежать?.. Нет, это было бы глупо..

— Охота тебе мучиться! Отправимся сегодня вечером к нему — и все объяснится. Ведь мы пойдем туда?

— О, да, Анни! Непременно идем. Зачем же теперь 7 часов! Но.. Чарльз или с ума сошел, или что нибудь удивительное придумал.. Ты как думаешь?..

— Думаю, что последнее вероятнее.

— Да? Знаешь, и мне стало что-то весело!.. Нет, тут в комнате душно.. Бежим в сад, Анни!

III.

Прошла неделя. Погода стояла все еще теплая, прекрасная. Было около десяти часов утра Улицы Цинцинати, как всегда, были оживлены. Масса разноцветных афиш пестрела там и сям, но толпу любопытных особенно привлекало огромное объявление на красной бумаге. У этой афишки толпа любопытных сильно теснилась.

— Что такое? О чем? раздавались голоса из задних рядов. — Какая новость? Эй, читайте громко!

— Дядя Джон! Голос у тебя зычный — валяй-ка!

— Пропустите дядю Джона!

— О, чорт вас побери! Прямо на мозолы!..

— Слушали? О заоблачном вѣнчанье объявлено... Штука!

— Быть не может! когда?..

— Да вон — афиша! И в газете читать сегодня...

Действительно, в цинцинатском «Народном Листе», в номере, вышедшем 17-го сентября объявлено было следующее:

«Высоко в воздух!..»

Сегодня заоблачное вѣнчанье! Вѣнчальный налож над землей. Первое большое бракосочетание на воздушном шаре «Мамонт» мистера П. Т. Барнума.

Место спуска: большой римский гипподром.

Время: по окончании послѣдственных представлений.

Свадебный поезд будет состоять изъ слѣдующихъ особъ:

невесты — мисс Мэри Уэльш,
жениха — Чарльза Кальтона,

подруги невесты — мисс Анни Иетес,
друзки жениха — Вильяма Куна.
пастора — Х. Б. Джефриса и
управляющего шаром — В. Х. Дональдсона.

Референдарий Джефрис, пастор Шведенбургского прихода в Питтсбурге — я был тот самый «прекрасный человечек», о котором Чарльз Кальтон упоминал в записке своей к Мэри.

IV.

Грянула музыка. Громкий, уже совсем раздунный «Мамонт» тихо повертывался и покачивался на привязи. К сѣтѣ его, въ разброску, было прикрѣплено до дюжины букетов изъ живыхъ цвѣтовъ. Большая корзина, предназначенная для воздухоплавателей и стоявшая около шара, была разукрашена цвѣтами, лентами и флагами американскими и прландскими, и устлана дорогимъ ковромъ. Веревки, которыми гондола прикрѣплялась къ сѣтѣ, покрывающей «Мамонтъ», были обвиты разноцветными лентами.

Мистер Дональдсон, во фракѣ и круглой шляпѣ, былъ особенно веселъ. Окончивъ всѣ приготовления, онъ подошелъ къ Чарльзу Кальтону, что-то сказалъ ему и повернувшись крикнулъ:

— Закрѣпить краны! Господа, готово! Пожалуйста!

Мисс Мэри, немножко блѣдная, въ великолѣпномъ шелковомъ платьѣ цвѣта gris-perle, первая прыгнула въ корзину, а за ней вошли въ гондолу: женихъ, Анни Иетес, В. Кунь, референдарий Джефрисъ и м-ръ Дональдсонъ.

Публика (а ее было нѣсколько тысячъ) завоновалась и заревѣла отъ восторга.

— Руби веревки! раздалась команда.

«Мамонтъ» вздрогнулъ, наклонился на бокъ, завертѣлся, рванулся и торжественно, плавно поднялся, увлекая за собою корзину. Было тихо, ни малѣйшаго вѣтерка.

Восторженные крики толпы заглушили музыку. Дамы замалали платками, мужчины — шляпами; нѣкоторыя изъ дамъ даже прослезились.. Мистрисъ Уэльш, мать Мэри, долго не рѣшалась посмотреть вверхъ, за то м-ръ Уэльш то и дѣло наводилъ огромный бинокль на удаляющійся шаръ.. М-ръ Уэльш былъ въ отличнѣйшемъ расположении духа.

Всѣ видѣли, какъ пасторъ Джефрисъ, при поднятіи шара, всталъ въ гондолѣ между женихомъ и невестой. Обрядъ вѣнчанія начался..

— Какъ только парочка наша будетъ обвѣнчана тамъ — мистеръ Дональдсонъ сейчасъ спуститъ парашютъ, обратилъ м-ръ Уэльш къ своей супругѣ. — Посмотри-ка, какъ ужъ они высоко?..

Мэри взглянула внизъ и невольно зажмурила глаза.

— Вонъ тамъ... въ туманѣ... два пятнышка: бѣлое и зеленое... Это — домъ нашъ и садъ! мелькнуло у нея въ головѣ, и она крѣпче сжала руку Чарльза..

А «Мамонтъ» тащилъ ихъ все выше и выше.

Пасторъ Джефрисъ дѣлалъ свое дѣло, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающее, какъ будто онъ и не оставялъ земли, какъ будто и знать не хотѣлъ, что между небомъ и землей, на высотѣ 6,000 футовъ, виситъ корзиночка, а въ корзиночкѣ этой находится онъ самъ..

Обрядъ вѣнчанія уже шелъ къ концу.

И вотъ, вдали отъ міра, среди торжественной тишины, прозвучало слово «amen!» а за нимъ другое: «Почтуйтесь!»..

— Ну дѣти, будьте же счастливы! заговорилъ пасторъ. — Бракосочетаніе ваше совершилось при небывалой еще обстановкѣ, при условіяхъ исключительныхъ. Поженитесь вы не на землѣ, а надъ землей, а потому желаю вамъ пребывать и впредь превыше всѣхъ заботъ земныхъ, житейскихъ дрязей, которыя мучатъ только свѣтлый, такъ сказать, дискъ души! Смотрите на всю суету мірскую также свысока, какъ теперь глядите внизъ, съ такой захватывающей духъ высоты, на оставленный нами муравейникъ. Желаю вамъ еще, дѣти, пройти жизненный путь также плавно и тихо, какъ теперь всѣ мы тихо, безъ толчковъ, скользимъ надъ землей!..»

Начались взаимныя поздравленія, объятія, поцѣлуи, такъ что даже корзиночка заколебалась!..

Въ эту самую минуту яркій лучъ солнца, до сихъ поръ скрывавшагося за тучей, какъ бы поздравляя новобрачныхъ, освѣтилъ маленькую группу... Лица всѣхъ находившихся въ гондолѣ стали еще веселѣе..

— Вотъ и солнце поздравило васъ! замѣтилъ Джефрисъ.

— Что-жъ, это добрый знак! воскликнулъ Чарльзъ.

— Мистеръ Дональдсонъ, крикнулъ Кунь, — спустили вы парашютъ?..

— Спустилъ, конечно! Господа, теперь по бокалу шампанскаго!

Хлопнула пробка — и полетѣла на землю съ высоты шести тысячъ футовъ.

— Однако, тутъ прохладно, замѣтила Мэри.

— Да, подхватила Анни, — свѣжо зѣсь!.. У меня руки озябли.

— Мистеръ Дональдсонъ сказалъ Чарльзу, — дамы озябли, а потому надо посидѣть дома..

— Домой так! Домой! Сейчас, господа!
 — Но какой чудесный, чистый воздух! воскликнул пасторъ.
 — Мамонтъ» довольно быстро спускался на землю...

Мистеръ Барнумъ не остался въ накладѣ: много долларовъ было собрано съ публички 17-го сентября! Чарльзъ Кальтонъ получил выговоренную имъ часть барыша, что составило даже *более 3,000 долларовъ*. Въ виду того, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе *ранѣе* срока—перваго октября—мистеръ Уэльшъ объявилъ ему, что не можетъ взять его къ себѣ въ компаньоны, тѣмъ болѣе, что такой компаньонъ даже опасенъ...

— Ужъ больно смѣлая, буйная голова у васъ, любезнѣйшій мой зять!.. Нѣтъ, вамъ, мистеръ Чарльзъ Кальтонъ, слѣдуетъ стать во главѣ какого-нибудь предпріятія, да самому пскать себѣ компаньона... Н-да! Ну, а такъ какъ шести тысячъ долларовъ маловато для этого, то вотъ она, летунья-то (онъ указалъ на дочь),—ахъ, виноватъ! Я хотѣлъ сказать: мистрисъ Мэри Кальтонъ... Ну, такъ вотъ она прибавитъ къ нимъ еще 6,000... Хе, хе, хе!.. А мнѣ такого компаньона—ни-ни! Не надо... Шести тысячъ футовъ надъ землей—не шутка! Того и гляди свернешь себѣ шею...

Тутъ тестъ и зять крѣпко облобызались.

КУНИЦА.

Настоящая куница, называемая „лѣсной“ или „благородной“, представляетъ самый совершенный типъ всего семейства куніицъ. Это красивенькое животное принадлежитъ къ самымъ вреднымъ изъ всѣхъ мелкихъ хищныхъ породъ Европы. Въ немъ мы находимъ всѣ качества, необходимыя для разбойничьей жизни, въ полномъ смыслѣ слова. Тѣло у куницы продолговатое; ножки короткія, сильныя; пальцы вооружены крѣпкими, острыми когтями; голова маленькая, а уши и глаза большіе, зубы-же — бѣдовыя. Взрослая куница имѣетъ въ длину почти 20 дюймовъ, а хвостъ бываетъ длиною отъ 11—12 дюймовъ. Мѣхъ на всей верхней части тѣла и на хвостѣ темно-бурый, на лбу и щекахъ свѣтло-бурый, на бокахъ и брюхѣ—желтоватый, на ножкахъ почти черный. Мѣхъ этотъ пушистъ, мягокъ, блестящъ и ближе всѣхъ другихъ мѣховъ подходитъ къ собольему. Онъ состоитъ изъ довольно длинныхъ, твердыхъ волосъ и короткаго мягкаго подшерстка, который спереди бѣловато-сѣраго цвѣта, а сзади и на бокахъ—желтоватаго. Зимой общій оттѣнокъ мѣха темнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Отличительнымъ признакомъ куницы служить то, что горло и нижняя часть шеи ея окрашены въ яркій желтый цвѣтъ. Она—какъ сказано выше—разбойникъ. Движенія ея чрезвычайно быстры и вѣрны, она скользитъ крадучись и всюду пролѣзаетъ. Добыча куницамъ достается вообще легко: мало того, что онѣ отлично бѣгаютъ и карабкаются, онѣ и плаваютъ хорошо и умѣютъ дѣлать большіе прыжки, да кромѣ того звѣрокъ этотъ очень выносливъ и отличается замѣчательною расторопностью. Чувства у нихъ достаточно развиты: обоняніе тонко, слухъ хорошъ, зрѣніе прекрасное—и, какъ-бы въ добавокъ ко всему этому, въ вонючихъ желѣзахъ онѣ имѣютъ средство защиты противъ хищныхъ животныхъ болѣе сильныхъ, чѣмъ онѣ сами. Вообще куницы умны, хитры, лукавы, но и въ храбрости имъ нельзя отказать, такъ что въ умственномъ отношеніи онѣ также надѣлены всѣми качествами, необходимыми для успѣха въ борьбѣ за существованіе. Родина лѣсной куницы — всѣ лѣсистыя мѣстности сѣверной половины земнаго шара. Самая крупная куница живетъ въ Швеціи; мѣхъ у нея вдвое гуще и длиннѣе, чѣмъ у нѣмецкихъ куницъ. Она обитаетъ въ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсахъ и встрѣчается тѣмъ чаще чѣмъ пустыннѣе, гуще и темнѣе лѣсъ. Это настоящее „древесное“ животное, ибо куница взбирается на деревья и бѣгаетъ по сучьямъ въ совершенствѣ; никакое другое хищное животное не перещеголяетъ ее въ этомъ искусствѣ. Дуплистыя деревья, покинутыя гнѣзда дикихъ голубей, хищныхъ птицъ и бѣлокъ служатъ ей приютомъ. Цѣлый день она спитъ въ своемъ гнѣздѣ, но какъ только настанутъ сумерки — просыпается, встаетъ и начинаетъ разбойничать, преслѣдуя всякое животное, которое въ силахъ одолѣть. Куница смѣло нападаетъ на зайца или молодую косулю: подкравшись, она внезапно бросается на добычу и душитъ ее. Не менѣе опасна она и для птичьего населенія. Всѣ куриныя породы имѣютъ въ ней безпощаднаго непріятеля. Тихо, безъ малѣйшаго шума,

скользить она къ мѣсту ихъ ночлега, все равно—находится-ли онъ на вѣтвяхъ дерева или на землѣ,—и прежде чѣмъ осторожная куница успѣетъ почуять блестящаго бандита—онъ уже держитъ ее въ своихъ лапкахъ, впирается зубами въ затылокъ и нѣсколькими ударами раздробляетъ шею или перегрызаетъ артеріи и жадно пьетъ вытекающую кровь. Куница гоняется открыто только за лаящими звѣрками и умѣетъ сладить даже съ проворной и ловкой бѣлкой. За водяными крысами и водяными птицами она бродитъ по берегамъ прудовъ, а если нужно, то охотится за ними и въ ихъ стихіи—водѣ. На зайцевъ нападаетъ въ норахъ, или когда они выходятъ искать корма. Кромѣ того разоряетъ птичьи гнѣзда, отыскиваетъ ульи и таскаетъ медъ; любитъ плоды, и ѣстъ очень охотно всякія ягоды, груши, вишни, сливы и пр. Когда въ лѣсу начинаетъ ощущаться недостатокъ въ пищѣ, куница становится смѣлѣе и подходитъ даже къ человѣческому жилью, но впрочемъ только въ болшой нуждѣ. Во дворахъ она пощипываетъ курятники и голубятни, гдѣ и производитъ страшныя опустошенія: задушить несравненно болѣе, чѣмъ ей нужно,—иногда погубить цѣлый курятникъ, а съ собой унесетъ всего-то одну курицу.

Въ концѣ января или февраля, говоритъ А. Брамъ, у куницъ начинается время любви. Наблюдатель, которому въ эти мѣсяцы удастся въ лунную ночь напасть на нашу разбойницу, въ большомъ лѣсу, увидитъ нѣсколькихъ куницъ, бѣгающихъ въ сильномъ волненіи по деревьямъ. Пыхтя и ворча преслѣдуютъ другъ друга влюбленные самцы, и если оба одинаково сильны, то на вѣтвяхъ происходитъ иногда отчаянная схватка въ честь ихъ дамы. А дама по обычаю своего пола находитъ большое удовольствіе глядѣть на такой турниръ и долго держитъ въ почтительномъ отдаленіи обоихъ рыцарей, пока наконецъ не отдастся сильнѣйшему“.

За лѣсной куницей охотятся самымъ усерднымъ образомъ, какъ для того, чтобы положить предѣлъ ея разбоямъ, такъ и для добыванія ея драгоцѣннаго мѣха. Всего удачнѣе бываетъ охота по свѣжему снѣгу, потому что тутъ лучше можно отыскать слѣдъ звѣрка не только на землѣ, но и на сучьяхъ, покрытыхъ снѣгомъ. Случайно, можно, конечно, найти куницу и въ лѣсу, напр. на вѣтви дерева, на которой она любитъ расположиться въ растяжку. Тутъ ее легко застрѣлить; даже если первый выстрѣлъ былъ неудаченъ, можно успѣть выпустить второй зарядъ, такъ какъ куница не трогается съ мѣста и безстрашно смотритъ въ глаза охотнику. Если съ собой нѣтъ ружья, то можно повѣсить платокъ или перчатку на палку передъ куницей и идти спокойно домой за ружьемъ. Всякій новый предметъ такъ забавляетъ ее, что ей и въ голову не приходитъ бѣжать. При охотѣ за лѣсной куницей нужно имѣть хорошую собаку, которая смѣло бросилась-бы на звѣрка и хватала его зубами, не смотря на отчаянныя прыжки. Въ капканъ куница попадаетъ довольно легко, если онъ сдѣланъ какъ слѣдуетъ и ловко спрятанъ. Для приманки кладутъ

обыкновенно кусокъ хлѣба, поджаренный вмѣстѣ съ лукомъ и медомъ на несоленомъ маслѣ и посыпанный камфорой. На нашей картинкѣ представлена куница, попавшаяся въ капканъ. Молодыхъ куницъ можно легко выкормить, сначала молокомъ и хлѣбомъ, потомъ мясомъ—прежде птичьимъ, а послѣ мясомъ и другихъ животныхъ, напр. мышей, зайца и т. п.; впоследствии, когда

онѣ подрастутъ, можно давать имъ разные плоды. Изъ всѣхъ приручаемыхъ хищныхъ животныхъ—куницы самыя милыя и забавныя, однако онѣ рѣдко теряютъ природную дикость—такъ что кунички, выросшей въ неволѣ, вообще слѣдуетъ остерегаться: она не прочь, ни съ того, ни съ сего, укусить даже хозяина; зубы-же ея слишкомъ глубоко впиваются въ тѣло.

Изъ Америки

(Собственные корреспонденціи «Нивы»).

Чѣмъ больше изучаешь громадный международный рынокъ, Нью-Йоркъ, тѣмъ больше удивляешься. Городъ здѣсь начинается непосредственно у морскаго залива, у самой воды. Набережныя—широкія улицы; съ одной стороны рядъ домовъ, съ другой рядъ кораблей, приставленныхъ вплотъ къ берегу,—идетъ нагрузка и выгрузка съ кипучею дѣятельностью, такъ, какъ обыкновенно въ приморскомъ городѣ. Но разница въ томъ, что океанскій заливъ, на которомъ стоитъ Нью-Йоркъ, чрезвычайно глубока: корабли пристають къ самому берегу. Здѣсь выгружаютъ тюки съ сѣномъ, которое не привозится иначе какъ прессованное; тамъ заатлантическій пароходъ-громада приткнулся къ берегу и бугспритомъ едва не хватаетъ черезъ улицу до домовъ, стоящихъ на набережной; тутъ выгружаютъ барку съ каменнымъ углемъ, а тамъ одна за другою мелькаютъ корзинныя съ персиками, съ грушами, со сливами, съ виноградомъ и цѣлыя кисти банановъ; еще дальше—на паровой баркѣ стоитъ высокая узкая деревянная башня, въ которой ходитъ вверхъ и внизъ рядъ черпаковъ, поднимающихъ зерновой хлѣбъ для пересыпки его въ трюмъ грузимаго корабля; это такъ называемый элеваторъ. Еще десять шаговъ дальше—почти на берегу торчатъ пароходный винтъ, имѣющій сажени двѣ поперечника, пароходный киль и корма, поднимающаяся своей палубой вровень съ трех-этажными домами набережной. Это—пароходъ, поднятый на пловучій докъ для осмотра или какой-нибудь починки. Дальше опять пристань заатлантическаго пароходства: бочки и тюки товаровъ везутся цѣлою вереницею паровонныхъ ломовыхъ возовъ, а барки со льдомъ передаютъ свой грузъ пароходному погребу, въ которомъ заготовлена провизія для пассажировъ. Дальше опять корабли, корабли, пароходы, стоящіе одинъ возлѣ другаго плотнымъ рядомъ. Таковы здѣшнія набережныя по обѣ стороны узкаго, длиннаго гранитаго мыса, вдающагося въ море. На этомъ мысѣ стоитъ городъ Нью-Йоркъ, имѣющій миллионъ жителей. По этому мысу легко можете судить, что здѣсь набережныя—совсѣмъ не аристократическія части города, какъ у насъ въ Петербургѣ. Дома, обращенные лицомъ къ ряду кораблей, заняты внизу пивными лавками, винными погребами, а сверху—корабельными которами или складами канатовъ, блоковъ, парусовъ, корабельныхъ сухарей, якорей, цѣпей и тому подобныхъ мореходныхъ товаровъ. Поэтому набережныя очень оживлены, но не гуляющими, а чернорабочими, которые тутъ и пьютъ, и ѣдятъ, и работаютъ, и нанимаются. Много видно двухколесныхъ телѣжекъ, на которыхъ укрѣплены большіе плоскіе ящики, наполненные устрицами, которые тутъ же и потребляются и рабочими, и матросами, и всѣмъ желающими. Продавцы ловко открываютъ раковины, а потребители, побрякивая на устрицу изъ бутылки укусу съ перцемъ, отправляютъ ее вилкой по назначенію. Цѣна за штуку—копѣйка. Между матросами слышится чаще всего англійскій языкъ, но случается, мелькаетъ и нѣмецкій, и итальянскій, и французскій, и испанскій, и шведскій, и датскій, и какіе-то звуки, принадлежащіе къ совершенно чуждымъ для европейскаго слуха языкамъ. Ежели попадаются негры, то они держатся непременно особыми, отдѣльными группами.

Самая южная оконечность Нью-Йоркскаго мыса, смотрящая прямо въ заливъ, называется батареей, не занятая ни кораблями, ни строениями; она одѣта гранитомъ и усажена нѣсколькими деревьями, которые однако растутъ плохо на припекѣ. Тутъ пушекъ никакихъ нѣтъ; наставлено множество чугунныхъ скамеекъ, и зритель отдѣленъ отъ воды, т. е. отъ океанскаго залива, гранитными столбиками, соединенными цѣпью—какъ на набережной Васильевскаго острова, около кронштадтскихъ пароходныхъ пристаней. Видъ съ этихъ скамеекъ на батареѣ не особенно живописенъ; правый и лѣвый берегъ залива расходятся и уходятъ въ даль, а на первомъ планѣ море. Но что и говорить, что за оживленіе! Какъ это море кипитъ дѣятельностью, такъ это передать очень трудно. Точно извозчики на Невскомъ проспектѣ, перемѣшанные съ каретами и вагонами желѣзно-конной дороги, снуютъ взадъ и впередъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, то есть въ оживленное время,—такъ здѣсь снуютъ взадъ и впередъ пароходы, пароходки, корабли, яхты, лодки, огнивая эту pointe, торопясь на правую или на лѣвую сторону города. Бѣжать пароходикъ, ему на встрѣчу другой, за нимъ третій, тутъ три

почти въ одномъ направленіи, тамъ щеголеват-оснащенная яхточка скользитъ и плавно покачивается на волнахъ, поднимаемыхъ пароходами, тамъ идетъ большой океанскій пароходъ, не торопясь пробирается къ своей пристани. Тутъ корабли, только-что отчалившіе, поднимаютъ паруса, направляясь въ Австралію; здѣсь плыветъ двух-этажная бѣлая красиво-отдѣланная барка на буксирѣ небольшого парохода; на ней штукъ шестьсотъ дѣтей и около двухсотъ женщинъ; плохонькая музыка играетъ вальсъ: это пикникъ устроенный для бѣдныхъ дѣтей благотворительнымъ обществомъ. А тамъ опять пароходы, норабли, яхты, лодки, такъ что въ глазахъ зарѣбитъ,—и едва вѣришь своимъ собственнымъ глазамъ, что столько дѣла можетъ скопиться въ одномъ крошечномъ пунктѣ земнаго шара,—дѣла, которое должно быть сдѣлано сегодня, сейчасъ, сію минуту, потому что въ слѣдующую минуту будетъ другое дѣло.

Лѣтъ сто тому назадъ Нью-Йоркъ весь помѣщался вокругъ батареи на южной части того мыса, по которому онъ такъ разросся. Эта старая часть города, теперь составляющая дѣловую кварталъ: улицы кривыя, узкія, и по необходимости грязноватыя. Къ сѣверу отъ дѣловой части, между неправильными улицами, незаметно является первая улица, идущая прямо съ востока на западъ, потомъ за ней вторая, третья, четвертая и такъ далѣе, до двадцатой. Всѣ онѣ идутъ отъ восточнаго берега мыса до западнаго. Подъ прямымъ угломъ пересѣкаются эти улицы десяткомъ проспектовъ (avenues), идущихъ съ юга прямо на сѣверъ. Всѣ проспекты—торговые улицы, въ родѣ Невскаго проспекта или Гороховой; всѣ просто улицы—почти вовсе не имѣютъ лавокъ и магазиновъ и предназначаются для житья частныхъ людей. Многія изъ этихъ улицъ удивительно живописны; онѣ обсажены густыми деревьями, похожи на аллеи, но обѣимъ сторонамъ которыхъ стоятъ дома, сплошь безъ промежутковъ и вовсе безъ воротъ, такъ что тротуары, большаею частью асфальтовые, совершенно гладки и ровны. Проспекты обыкновенно шире улицъ, немного поуже наше Литейной, и сплошь усажены магазинами и лавками, которые ведутъ себя съ удивительною непринужденностью: онѣ выворочены внутренностями наружу, такъ что третья часть широкихъ тротуаровъ, а иногда и больше, занята товарами, вынесенными изъ лавки. Противъ мной лавки развѣшаются готовые рубашки и другія части бѣлья, противъ другой—зелень, дыни, арбузы, капуста, персики, бананы; третья выставилась наружу съ мебелью всевозможныхъ видовъ и величинъ, тамъ готовое платье развѣшено какъ на толкучемъ и задѣваетъ прохожаго то рукавомъ, то полою. Приблизительно двадцатая лавка украшена человѣческой деревянною фигурою—то вовсе ростъ, то въ половину натуральной величины. Обычай удержалъ этотъ видъ выставки для табачныхъ и сигарныхъ лавокъ; фигура изображаетъ собою то краснокожаго въ небываломъ одѣяніи, то даму въ балетной позѣ, то смѣшнаго джентльмена съ сигарой въ зубахъ, то турка, то что нибудь никогда небывалое, и все это или курить, или предлагаетъ прохожему пачку папиросъ. О художественномъ исполненіи или даже о томъ, чтобы фигура, всегда ярко окрашенная, имѣла сколько-нибудь близкое сходство съ человѣкомъ, никто не хлопочетъ; это и не нужно, потому что всякій прохожій понимаетъ значеніе подобной выставки.

Въ итогѣ никакъ нельзя сказать, чтобы городъ былъ красивъ. Есть зданія, нарисованныя прекрасно, но вдругъ, ни къ селу ни къ городу, на крышѣ поставлена какая-нибудь нелѣпая вышка, напоминающая не то китайскій храмъ, не то шахдергагорскую пагоду. Архитектура, какъ искусство, находится здѣсь не въ авантажѣ; архитектура какъ ремесло—процвѣтаетъ. Постройки прочны, легки, многія части ихъ чугунныя, есть зданія цѣликомъ желѣзныя, но за то стили перемѣшиваются самымъ варварскимъ образомъ; есть дорическія колонны съ ионическими капителами, есть колонны вовсе безъ капителей; новое зданіе почтатъ, построенное изъ гранита и желѣза, поражаетъ безвкусицею и громадностью. Но красота прорывается иногда вопреки безвкуснымъ американцамъ: скверы или парки, а также аллеи въ улицахъ, составляютъ неопытное украшеніе. Фонтаны въ скверахъ мѣстами очень хороши, а ихъ резервуары

обсажены прелестными водяными растениями. Воробьи, какъ известно, не охотники до соленой воды, омывающей съ обѣихъ сторонъ Нью-Йоркскій мысъ, а потому они иногда склпются у фонтановъ большими обществами и плещутся въ водѣ съ безшабашною веселостію. Голубей въ городѣ пѣтъ; воронъ и галокъ не видалъ ни разу. Собакъ очень мало, всѣ въ

но удобнѣе и гораздо дешевле, чѣмъ при помощи этого почтеннаго сословія лицъ, которые воображаютъ, будто они работаютъ сидя на облучкѣ сапей или на козлахъ. По всѣмъ проспектамъ, верстѣ на десять въ длину, устроены желѣзнодорожныя вагоны, и вагоны ходятъ по нимъ денно и ночью, днемъ каждыя двѣ-три минуты, а съ десяти часовъ вечера до 6 час.

Буница. Рис. Дэйверъ, грав. Пейнз.

намордникахъ. Собакъ безъ хозяевъ забираютъ особо приставленные для этого люди, и продержавъ сутки, на тотъ случай что явится хозяинъ, сажаютъ всѣхъ виѣстѣ въ большую клетку и погружаютъ въ воду. Коровъ въ городѣ пѣтъ ни одной, какъ оно и слѣдуетъ: эта исключительно-сельская рогатая производительница молока должна жить въ деревнѣ. Наконецъ извозчиковъ пѣтъ, а между тѣмъ сообщеніе по городу несравнен-

утра—каждые полчаса. Съ непривычки мнѣ сначала жалъ бывало, что вагонъ проходить мимо угла въ то время, какъ мнѣ оставалось дойти всего шаговъ тридцать; замедляешь шагъ, чтобы напрасно не спѣшить, и едва успѣваешь къ слѣдующему вагону. По нѣкоторымъ улицамъ вагоны ходятъ и поперекъ города, и во всѣхъ цѣна одинакова—пять центовъ или шесть копѣекъ за конецъ. Когда узнаешь направленіе вагоновъ, то

ними побаловаться весьма удобно и приятно. По востребованию пассажиров или проходящих желающих съехать, они останавливаются на первом перекрестке, а в промежутках между остановками едут очень скоро. Отсутствие извозчиков делает то, что городские улицы (не проспекты) имеют очень приятный, несколько провинциальный вид; перед домами цветут кусты китайских роз; многие стены домов почти сплошь покрыты ползучими растениями, тишина невозмутимая, и по вечерам, на наружных лестницах домов, освещенных деревьями, показываются группы мужчин, дам, детей. Выходить очень красиво и несколько патриархально, как-то по деревенски.

Совсем некрасивая черта Нью-Йорка состоит в значительном количестве негров, из которых многие живут в услужении, а некоторые ведут торговлю и имеют значительные капиталы. Они одеваются в обыкновенные черные куртки, и отличаются щегольским бдением. Но их физиономии, как ни часто попадают, а производят впечатлительные неприятные. А их дамы — так просто ужас! Иная одета щегольски, со вкусом, но никогда не к лицу. Может быть в пестрых, яркоцветных, каких-нибудь клетчатых платьях они были бы сносите; но легкие блязны платья и особенно кружева служат только к тому, чтобы ярче выставить их прискорбный цвет кожи и унылые наводящие черты. Мне случалось видеть очень дорогую, очень красивую детскую колясочку, которую не знала нянька-негринка. В ней, среди блязны шолка, багиста и кружева, покоился младенец, черный как уголь. Совсем некрасиво!

Далее, еще замечательная черта здешняя состоит в том, что все дома, кроме магазинов, стоят слепые, или словно с завязанными глазами: окна все сплошь закрыты посредством жалюзи. В жаркое время, особенно когда солнце свитит в дом, оно еще понятно; но точно также с завязанными глазами стоять в дома в тени, и теперь, при густо-облачном небе. Недавно только понял я, в чем тут дело: американские хозяйки берегут свои конры и мебель, которые выцветают от солнца, — и потому живут в темноте. Это портит им глаза, это вредно действует на общее здоровье детей и взрослых, и самые образованные из них понимают это, но — коровь жалко. Здесь все полны обиты коврами, даже у городских и у каменищников, ковры плохенькие, а все так ковры, и хозяйки берегут их нуще глаза. От этого глаза вообще здесь слабы: выходя из дому прямо на здешнее горнее и яркое солнце, тутемцы вредят своему зрению жестоко. От этого иногда дети развиваются с болзненной быстротой, напр. здесь можно встретить двенадцатилетнюю девочку с ростою и развитием семнадцатилетней девочки: такая бы

кноенно умирают. В России мне случалось встречать подобные случаи, но здесь они бесконечно чаще, и пока я не вижу этому иной причины, кроме темноты в комнатах.

Дети здесь содержатся с большою свободой: бродят без надзора, гуляют и играют вместе в общественных скверах, или у своих домов. От этого происходит явление, какого не встретите ни в какой стране на свете: беспрестанно дети пропадают, так что в год круглым счетом полиция находит по 5,767 детей заблудившихся в городе! Часть их возвращается родителям, а часть поступает в Центральное Дено. Случаются поэтому и полные пропажи детей, которых следы потом отыскиваются через восемь, через десять, через четырнадцать лет. В самом деле иной раз мудрено не соблазняться. Вчера я видел в одной из бедных частей города, т. е. в улицах, прилегающих к набережным, девочку лет трех, одетую довольно странно: на ней не было ни башмаков, ни чулок, ни рубашки, ничего кроме холщевой без рукавов куртки старшего брата, застегнутой на спину. Не смотря на такой простодушный костюм, растерпанная, с размазанною по лицу грязью, девочка — с полусъеденным ломтем арбуза в руках — была очаровательно хороша.

Да, кстати о здешних костюмах: юные граждане свободной страны сплошь и рядом нопаются вовсе босиком, в одних рубашках, и нередко целыми толпами, в бедных частях города, затвывают игры. Поэтому телеграфные проволоки сплошь и рядом увешаны хвостами змеев, которые пускаются здесь с большим удовольствием и с полною свободой.

Что здесь неоцененно хорошо, так это погода. С тех пор как я здесь, в течении осени, было только один дождливый день и два такие дня, в которые можно было подумывать надеть суконное платье; в остальные дни было градусов по двадцати пяти в тени, а ночью не менее 17-ти, а чаще по 20-ти, как напр., 4/16 сентября. Такой климат, конечно, способствует разведению плодов, и цена их очень доступна. Самый лучший, крупный, сочный, на выбор персик стоит 4 копейки; ананасы отошли, но в июле цена за штуку была 10 копеек, банан отборный 5 копеек, а яблоки так дешевы, что каждое даже небогатое семейство запасает себя на зиму яблочного мармелада. Нередко случается видеть на улицах целые возы громадных арбузов, по 10 коп., дыни — тоже. Персики, при покупке с возов, не считом а мфрю, приходится по копейке за штуку. В таких условиях жить очень легко. Говорят, что зима бывает свирло холодна. Это — увидим.

С М Ъ С Ъ .

Интересное наследство. Недавно в Фонтенбло умерла старушка девяносто лет, богатая женщина. В самый день смерти вскрыто было ее духовное завещание, и в нем между прочим заключалась следующая статья: „Завещая моему доктору все, что находится в старом дубовом сундуке в моей уборной, как знак признательности за просвещенное его внимание и мудрые советы и рецепты, которые помогли мне дожить до такой старости. Ключ от сундука найдут под матрасом моей постели“. Завещание это сильно встревожило наследников, от которых ускользало, повидному, богатство покойной родственницы. Наконец, дали знать доктору, и он явился. Потеряв вручаемый ему ключ от сундука... Открывают его и находят истонченным, даже не откупоренными все лекарства и микстуры, прописанные доктором своей пациентке в продолжении двадцати пяти лет.

Новый спасительный аппарат. Американский журнал „Scientific American“ сообщает интересную новость: об изобретении нового спасительного снаряда, которому посл производившихся опытов нельзя не отдать справедливости, особенно в виду его практичности и применимости. Снаряд этот, изобретенный, по словам газеты, известным американским миллионером Мерриманом, состоит из резиновой одежды, которая надевается поверх нижнего платья из фланели. Резиновое платье это не прилегает плотно к телу, но между ним и фланелью накачивается воздух, поддерживающий пловца на воде и предохраняющий его от ушибов, снаружи приделаны к одежде карманы в которые могут быть положены разные необходимые снаряды. Одежда внутри разделена на несколько герметически закупоривающих воздух частей, так, что если она гуд и порвалась или в нее стала просачиваться вода, то это несколько не повредит пловцу. Последний может также утвердить на голове особый фонарь чтобы быть замеченным ночью. Аппарат позволяет пловцу поддерживать кроме самого себя еще тяжесть в 300 фунтов. Средством для передвижения служить весло с двумя лопатами; укрывши на нем парус, пловец может пользоваться силою ветра, вывесить флаг, показать что он в опасности или что у него не достает пищи. Последний оставляется в особом, также герметически-закупоривающемся кармане. Снаряд позволяет в воде принимать, как угодно, положение. Можно

надеяться, что изобретением этим по его практичности воспользуются или будут снабжены спасительные станции наших обществ подания помощи при кораблекрушениях.

Лечение ожогов. Считаю весьма не лишним сообщить читателям нашего журнала об опытах, произведенных доктором Вакуловским, лечения ожогов холодною водою. Опыты эти свидетельствуют, что самые страшные ожоги всего тела не влекли за собою смерти, благодаря единственно тому, что получившим их было подано тотчас пособие заключавшееся в холодной ванне, или в завертывании и в прикладывании к обожженным местам прохладительных компрессов. Употребление которого-либо из этих видов пособия доктор Вакуловский советует продолжать до тех пор, пока перестанут жгучие боли. Так один обожженный с головы до ног, при взрыве пороха, унтер-офицер был обертываем в мокрую простыню, беспрестанно переминяемая по мфр согревания, в продолжении 16-ти часов; затем одна дама, обваренная опрокинувшимся на нее самоваром, была выдержана в ванне более суток времени. По прекращении жгучих болей начато в этих случаях, конечно, рациональное лечение, при пособии которого больные и получили совершенное выздоровление.

Какова-бы ни представлялась степень ожогов, холод, проводимый в виде холодной воды или холодных обертываний в мокрую простыню, есть и всегда будет надежнейшим, лучшим и единственным средством посл случаев ожога. Ничто так благотворно не может в первое время ожога влиять на гибельные часто последствия как холодная вода. Она почти мгновенно и во всяком случае лучше вспыхивающих других средств унимает боль от ожогов, ограничивает последующее воспаление, утиряет лихорадку, освежает потерпевшего, успокаивает от неизбежного испуга и потрясения нервов. Во многих случаях, кроме холодных компрессов, ничего не бывает нужно при ожогах, причем натяжение кожи и кожи на обожженных местах под компрессами происходит быстро и правильно. Перемена компрессов всегда удобна и легка: холодная вода везд отыщется. Притом врач, призванному к потерпевшему ожогу, при всякой его степени будет более удобно осмотреть больного, когда ему были прикладываемы холодные компрессы, легко снимаемые и не усиливающие страдания больных.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Въ понедѣльникъ, 27-го января, прибывшій въ С.-Петербургъ съ особымъ порученіемъ чрезвычайный посланникъ его величества Императора Германскаго г. Радовицъ, имѣлъ честь представиться въ аудіенціи Государю Императору и вручить Его Величеству свои кредитныя грамоты.

Дѣйствія правительства.

— Высочайше повелѣно: 1. Министру Финансовъ приступить къ новому (IV) выпуску мѣдной 50-ти-рублевой въ пудѣ достоинства монеты на сумму 3.000.000 рублей. 2. Продлить дѣйствіе Екатеринбургскаго монетнаго двора на одинъ 1875 годъ, оставивъ его, по прежнему, въ вѣдѣніи горнаго вѣдомства, съ тѣмъ чтобы означеннымъ монетнымъ дорогомъ было отчеканено мѣдной монеты, въ счетъ IV выпуска, сколько окажется возможнымъ изъ имѣющихся на ономъ запасовъ мѣди, и чтобы перечеканка всѣхъ этихъ запасовъ окончена была къ 1-му января 1876 года.

Дѣла церкви.

— Въ общемъ собраніи Общества распространія св. писанія въ Россіи, состоявшемъ 21-го декабря, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества, заключающій въ себѣ слѣдующіи между прочимъ свѣдѣнія: Въ теченіе шести мѣсяцевъ отпущено изъ петербургскаго и московскаго складовъ общества 20.611 экземпляровъ св. книгъ на 7.394 р. 30 к.; къ 1-му ноября состояло на лицъ въ обоихъ складахъ 19.145 экземпляровъ. Самыми усердными покупателями оказались, какъ и всегда, солдаты, чему весьма много способствуетъ распространеніе въ войскахъ обученіе грамотѣ. Такъ, въ одномъ полку (въ Енисѣйскъ) куплено было у книгошопи на 80 р. св. книгъ, а въ Майкопскомъ лагерѣ приобретено солдатами св. книгъ на 200 руб. Всего же распространено книгошопами въ отчетное полугодіе до 6.000 экземпляровъ св. писанія.

— Изъ свѣдѣній о ходѣ церковностроительнаго дѣла въ Волынской губерніи въ минувшій году видно между прочимъ, что работы въ этотъ періодъ времени произвелись по 272 церквямъ. Стоимость работъ, произведенныхъ въ церквахъ этихъ приходовъ, простиралась въ сложности, до 238.759 рублей.

Всего отстроено въ прошлѣмъ году 44 церкви: 38 деревенныхъ и 6 каменныхъ.

Народное просвѣщеніе.

— 10-го января состоялся актъ въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра. Изъ прочитаннаго на этомъ актѣ отчета о дѣятельности университета въ 1874 году видно между прочимъ, что къ 1-му января 1874 года состояло въ университетѣ 796 студентовъ и 63 постороннихъ слушателя. Изъ этого числа освобождены отъ платы за слушаніе лекцій 710 студентовъ и пользовались пособіями и стипендіями 328 чел. Въ теченіе 1874 года роздано было стипендій и пособій: изъ штатной суммы 24.454 р. 65 к. и изъ спеціальныхъ средствъ 2.092 р. 72 к. Кроме того поочередностью о недостаточныхъ студентахъ роздано 5.595 р. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, земства нѣкоторыхъ губерній, въ особенности Черниговской, оказывали денежныя пособія недостаточнымъ студентамъ взносомъ платы за ученіе или назначеніемъ постоянныхъ стипендій.

— Башкиры Уфимскаго уѣзда, Урманъ - Кудейской волости, на волостномъ сходѣ 16-го декабря 1874 года постановили: за невозможностью отдѣлѣть участки земли для образованія фонда на освѣщеніе народныхъ школъ, такъ какъ земли еще не размежеваны между селеніями волости, пожертвовать на казеніе земельнаго участка 1.000 рублей и зданіе для школы, съ тѣмъ чтобы въ этой школѣ дѣти ихъ обучались русскому и татарскому языкамъ.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: Въ гор. Вѣрномъ 15-го сентября прошлаго года при Семирѣчинскомъ православномъ братствѣ открыты пріютъ и школа для дѣтей новокрещенныхъ китайскихъ эмигрантовъ калмыковъ; 1-го декабря открыто въ с. Усть-Славинскѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, одноклассное народное училище Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія; 6-го января въ приписанной къ гор. Симбирску пригородной слободѣ Канавѣ открыты 2 городскихъ начальныя народныя училища — мужское и женское.

Военное и морское дѣло.

— Въ Катта-Курганѣ 4-го октября минувшаго года обществомъ офицеровъ 5-го туркестанскаго линейнаго батальона открыто первое въ Туркестанскомъ краѣ военное собраніе. Для того, чтобы понять всю важность и значеніе устройства офицеровъ къ собранію на далекихъ окраинахъ, необходимо знать, замѣчаютъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, о тѣхъ неудобствъ и особенностяхъ, которыми такъ отличается жизнь офицеровъ: при дороговизнѣ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, неудобствѣ, тѣснотѣ и разбросанности квартиръ, офицеры почти не имѣютъ возможности собираться другъ у друга безъ того, чтобы не стѣснять хозяина, и такимъ образомъ стрѣчаются только или на ученьяхъ, или едѣнбурѣ на службѣ. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ собраніе какъ средство, служащее къ сближенію офицеровъ между собою, а чрезъ это и къ достиженію единенія общества. Домъ, занимаемый собраніемъ, состоитъ изъ 7 комнатъ. При немъ устраивается туръ для стрельбы изъ револьверовъ. Библиотѣка собранія состоитъ изъ 600 томовъ разныхъ болѣе извѣстныхъ сочиненій; особенное вниманіе заслуживаютъ отдѣлы общерусскаго, армянскаго и ассирійскаго, на эти отдѣлы обращено особенное вниманіе. Что же касается до періодическихъ изданій, то читаются лучше изъ русскихъ журналовъ а

болѣе извѣстныхъ и распространенныхъ газеты; изъ иностранныхъ изданій выписываются два нѣмецкія и по одному французскому и англійскому журналу. Для зимнихъ занятій въ собраніи имѣются военныя шашки, много пазловъ и картъ. Предполагается также читать лекціи.

Театръ и музыка.

— Въ Вологдѣ открытъ недавно вновь — выстроенный второй частный театр. Отдѣлка ложъ, креселъ и декораций, пшутъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомствахъ, хотя небогата, но очень изящна. Обновленіе театра выгодно на долю любителей, давнишнихъ представленіе въ пользу владѣльца театра.

— Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 28-го января 1875 г. утвержденъ уставъ общества артистовъ-музыкантовъ въ гор. Москвѣ.

— Въ гор. Кѣльцахъ организуется, по словамъ „Варшавскаго Дневника“, общество любителей вокальной и инструментальной музыки, уставъ котораго уже представленъ на утвержденіе.

Гигіена.

— 29-го января, въ помѣщеніи С.-Петербургской губернской земской управы, открытъ былъ членомъ управы графомъ Сиверомъ первый петербургскій губернский санитарный съѣздъ. На съѣздъ прибыли 22 медика и два ветеринара. Предсѣдателемъ избранъ докторъ Бертенсонъ, губернской медицинской инспекторъ, секретаремъ — докторъ Штейнъ, земскій врачъ Гдовскаго уѣзда.

— При разсмотрѣніи въ С.-Петербургской городской думѣ вопроса объ увеличеніи, въ виду увеличенія больныхъ тифозными болѣзнями, больничныхъ средствъ, главный П. В. Жуковский сообщилъ собранію, что, благодаря мѣрамъ городской управы и санитарной комиссіи и отпуску изъ Государственнаго казначейства 40.000 р., открыто въ настоящее время слѣдующее количество дополнительныхъ кроватей для больныхъ: въ военномъ госпиталѣ — 300, на Александровской мануфактурѣ — 300 и на Комаровской дачѣ (на Малой Охтѣ) — 400.

Промышленность.

— Членъ Харьковскаго общества опытныхъ наукъ Щербачевъ сдѣлалъ, какъ сообщается въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, очень важное открытіе въ садовомъ производствѣ. Ему удалось достигнуть очень простымъ и дешевымъ способомъ превращенія поваренной соли посредствомъ углекислаго амміака въ соду, не прибѣгая къ дорого стоющему давлению. Открытіе это можетъ имѣть важное значеніе въ технику производствъ какъ соды, такъ и мыловаренія въ Россіи, а въ особенности въ Германіи и Англіи, гдѣ преобладаетъ еще доселѣ способъ Леблана, требующій огромнаго количества топлива и цѣнныхъ нечой. Способъ же Щербачева даетъ огромный выходъ соды, не требуя значительнаго количества топлива и никакихъ особенныхъ нечой. Это изобрѣтеніе приобретаетъ весьма важное значеніе въ слѣдствіе открытія огромныхъ залежей каменной соды въ Славянскѣ и Бахмутѣ.

— Примѣръ г. Пастухова, рѣшившаго практически вопросъ о притоглованіи чугуна на энтрацитѣ, не остался безъ послѣдовательствъ. Въ настоящее время земляне дѣлѣе Мусскаго округа Л. Р. Бобриковъ намеренъ основать у себя въ имѣніи, какъ сообщается въ „Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“, чугуноплавильный заводъ въ небольшихъ размѣрахъ. Необходимый капиталъ на осуществленіе предпріятія составляетъ въ формѣ товарищества на пахѣ, въ С.-Петербургѣ.

— Въ Кіевской губерніи, на дачѣ Александрии, при м. Бѣлой-Церкви, предпринимается графомъ Браницкимъ постройка технической лабораторіи. Цѣль этой лабораторіи — дать возможность мѣстнымъ техникамъ производить опыты по свеклосахарному производству, а также по винокуренію и шпозваренію.

Торговля.

— Въ теченіе одной недѣли по 3-е (15-е) января отпущено за границу изъ Россіи чрезъ Броды, Галиполь и Подольскъ 141.000 пуд. разнаго хлѣбнаго товара. Большая часть его подвезена была на поводахъ, и только небольшое количество по Кіево-Брестской и Одесской желѣзнымъ дорогамъ.

— Въ слѣдствіе неурожая свекловичныя ожидаютъ въ 1875 году большаго привоза сахара изъ Австріи въ Россію. До 4-го (16-го) января чрзъ Подольскъ завезено уже въ Россію 1.800 пуд. сахара.

— Торговля сношенія Одессы съ Китаемъ и Индѣей со времени прорытія Суэзскаго канала съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливаются. Сношенія эти, касающіяся не только конечныхъ пунктовъ, но и промежуточныхъ (мѣста пріятія и доставки грузовъ: Одесса, Константинополь, Портъ-Саидъ, Суэцъ, Аденъ и Бомбей), главнымъ образомъ поддерживаются пароходами Русскаго общ. прих. торг. и Одес. к. жел. дор. Въ январѣ должны были отправиться изъ Одессы въ дальнее плаваніе пароходы общества „Одесса“, а затѣмъ „Аксай“. Въ числѣ пароходовъ Рус. общ. пар. и торг. ест. и пароходы, отправляемые непосредственно въ Китай исключительно за грузомъ чай, съ послѣдней цѣлью предполагалось отправить пароходы „Чихачевъ“ и „Россія“.

— Обычное движеніе на Крещенской ярмаркѣ въ Харьковѣ началось только съ десятихъ чиселъ января. До настоящаго арменскіе сырьевые товары привезено: шерсти мѣтой до 8.000 пуд., переругу до 30.000 пуд., овчины шкурой до 30.000 ш., рѣзной до 70.000 шт. Сиропъ изъ эти товары оживленны и цѣны стоятъ слѣ-

дующія: на палу ошину 8 р. за пудъ, за рѣзную продать отъ 1 р. 90 коп. до 2 р. 20 к. за штуку, но сдѣлокъ еще не состоялось. Можно думать, что вообще на эти товары цѣны будутъ стоять высоки, такъ какъ въ Москвѣ запасы ихъ весьма незначительны, а привозъ гораздо менѣе прежнихъ лѣтъ, когда на ярмарку привозилось овчины до 500.000 штукъ. Фабричными товарами и въ особенности ситцами начинаютъ торговать хорошо. Товаровъ пушиныхъ, шубныхъ, пуху и пера въ нѣмнѣшнюю ярмарку ожидать много нельзя; особенно мало въ настоящее время пуху и пера по причинѣ бездорожья. Что касается до ирриза бичачныхъ и коронныхъ ковъ, то онѣ дошли до небывалаго количества и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается. Такое обиліе ковъ объясняется сильными падежами скота между Харьковомъ и Курскомъ, гдѣ у многихъ хозяевъ изъ 100 головъ не осталось и 10.

Спортъ.

— Изъ помѣщеннаго въ „Рус. Инвалидѣ“ извлеченія изъ отчета казанскаго атамана войска Донскаго о конскихъ скачкахъ видно между прочимъ, что скачки для коннозаводчиковъ, офицеровъ и дворянъ войска производились въ Новочеркасскѣ, а для урядниковъ и казаковъ въ Новочеркасскѣ и въ станціяхъ: Нижне-Чирской, Вешенской и Урюпинской. Вообще на новочеркасскія скачки представлено было коннозаводчиками 16 лошадей (8 жеребцовъ и 8 кобылъ); изъ нихъ участвовали въ скачкахъ 14 лошадей. Въ Новочеркасскѣ урядниковъ и казаковъ скакало 16 человекъ на обыкновенномъ ишпорѣ; къ составу на скачкахъ въ станціи Нижне-Чирской нѣмалъ 29 служивыхъ урядниковъ и казаковъ; въ станціи Вешен кой и въ Урюпинской 27. Двадцатитрехлѣтнее существованіе на Дону скачекъ, съ ежегоднымъ отпускомъ изъ войсковыхъ суммъ на призы: коннозаводчикамъ 1.500 руб., на офицерскую скачку 300 р. и на народно-казачью въ четыре отдѣла 1.600 р., по заключенію войскаго казанскаго атамана, благотворно повліяло на улучшеніе частнаго коннозаводства. Это выражается тѣмъ, что выведенныя доисками коннозаводчиками въ собственныя заводы чистокровныя лошади съ полными усѣхами составляютъ на столѣчныхъ ишпордахъ, а представляемыя ими же на новочеркасскія скачки полукровныя лошади выражаютъ типъ лучшей кавалерійской лошади, такъ какъ большинство ихъ идетъ въ ремонтъ кавалеріи.

Литература.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 24-го сего января, Высочайшимъ повелѣніемъ на снятіе съ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ двухъ предостереженій, объявленныхъ ей до 1-го января сего года, въ лицѣ бывшаго редактора-издателя газеты В. О. Корна.

Новыя книги.

Модестовъ, В. И. Лекціи по исторіи римской литературы. Курскъ П. Вѣкъ Августа. Кіевъ. Унив. тин. 8 д. IX—321 стр. 800 экз.

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи путагачева бунта. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Сиб. Изд. и тин. Акад. наукъ. 8 д. 144 стр. 200 экз. Ц. 60 к.

Арсеньевъ, Е. К. Замѣтки о русской адвокатурѣ. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго общества присяжныхъ повѣренныхъ за 1866—74 г. Сиб. Демакова. 8 д. 294 стр. 1.010 экз. Ц. 2 р.

Ісмаковъ, Н. (Стебникій). На ножахъ. Ром. Изд. 3-е Москва. Тин. Югансонъ. 4 д. стр. 3.000 экз.

БИРЖЕВОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1875 года.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
Полумперіалы.	5,85 ¹ / ₂	5,88	—
Дисконты	5 ¹ / ₄	6 ¹ / ₂	—
5% бил. Госуд. Банка:			
1-го выпуска	98	98 ¹ / ₄	98 ¹ / ₄ ; 4 ¹ / ₂
2-го „	97 ¹ / ₂	98 ¹ / ₂	98
3-го „	97 ¹ / ₂	98 ¹ / ₂	—

Фонды.

6% серебрѣмъ	113 ³ / ₄	—	—
5% 5-го займа 1854 г.	98	98 ³ / ₄	88
5% 1-й антур. займа	194 ¹ / ₂	195	—
5% 2-й антур. займа	194 ¹ / ₂	195	—
5% аккупны. свѣдѣт.	96 ³ / ₄	97	97
5 ¹ / ₂ % ренты	101 ¹ / ₄	101 ¹ / ₄	—
5% консол. обл. жел. дор. 4-го выпуска	111	111 ¹ / ₄	—
4% обл. Николаевской ж. дор.	121 ¹ / ₂	—	—

СОДЕРЖАНІЕ: Мышьякъ (съ рисункомъ). — Бауцающіе огоньки (Автобіографія Простова). Соч. Н. С. Лѣскова (Стебникова) (продолженіе). — Базарные тины. Цирюльникъ изъ Средней азіи (съ рисункомъ). — Воздушныя нутежъ (съ рисункомъ). — Купца (съ рисункомъ). — Изъ Америки (собственные корреспондентіи „Нивы“). — Сибирь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клоппниковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

А. ЛОБЕРГЪ,

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ, принимаетъ ежедневно отъ 9 утра до 6 час. вечера. Уголь Офицерской ул. и Вознесенскаго пр., д. № 13—2, кварт. № 15.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

МАГАЗИНЪ

Мельхировыхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, луженой, эмалированной кухонной посуды и проч. необходимыхъ вещей въ домашнемъ хозяйствѣ.

Цѣны рѣшительныя (prix-fixe).

Въ С.-Петербургѣ: по Литейной домъ № 57, близъ Невскаго проспекта.

КОСМЕТИКЪ И ДУХИ.

Спеціальная торговля косметическими и туалетными принадлежностями здѣшнихъ и иностранныхъ извѣстнѣйшихъ фабрикъ. Душистые, туалетныя и медицинскія мыла. Мыло изъ экстракта Бельгійской воды для освѣтленія и очищенія кожи. Помада, туалетныя воды Любентъ и др. Пасты для англійскихъ и французскихъ духовъ: Атисонъ, Бейеръ, Хендри, Пино, Логранъ, Рио, Ризмелъ и пр. Бельгійскій О-де-колонъ. И. М. Фарина и Клем. Мартенсъ. Ружина, бѣлыя, изысканнѣйшія рисовыя пудры: Логранъ, Фай, Пино, (пудра Капемьеръ, незмѣтная на лицѣ, придающая чрезвычайную нѣжность и бѣлизну). Зубныя порошки и эссенціи: д-ръ Пьерръ Пеллетъ, Евансъ, Бото, Фрикова, Гигиеническаго общества и др. Краски для волосъ, орхивый экстрактъ, о-де-колонъ, Eau des fées, оризаны, жемчуженъ, хромокомъ, индиганъ. Большой выборъ гребенекъ, гребней: щетокъ зубныхъ, ногтирныхъ, головныхъ, платяныхъ и др. Нижегородскіе заказы исполняются въ точности и скоромъ времени и высылаются прейс-куранта.

Магазинъ А. ШТЕЙНБЕРГА, Невскій пр. д. Касанскаго Собора № 25.

Передается библіотека

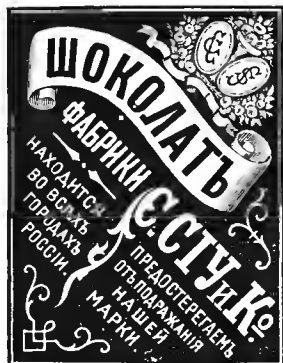
Адресоваться: на Петерб. стор. по Большому просп. № 24 кварт. № 10.

ВЪ МОСКВѢ

ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ

деревянный, двухъэтажный, съ двумя флигелями, двумя картинными сараями, двумя композитами, нѣсколькими погребами, отдѣльною прачешною. Домъ и всѣ строения прочныя и не требуютъ на нѣсколько ремонтъ; при домѣ большой старинный садъ съ яблонями, деревьями: бѣшеною и кургачомъ; всей земли по плану 2040¹/₂ сажень. Мѣстность возвышенная и солнечная, разстояніе отъ центра города 15-ть минутъ ѣзды. — Продастся съ мебелью, зеркалами, экипажамъ, и со всею обстановкою; цѣна 10 т. рублей, дохода 3200 руб. застрахованъ въ 30 т. руб. не заложено. Адресъ: близъ церкви Знаменія въ Зубовѣ, въ домѣ Хамовническаго переулка, домъ П. А. Аршаутова, гдѣ и проживаетъ хозяинъ.

3—1

6—4

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ «НИВЫ» продаются съ слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсера Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсера и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для пощ. 1 р.
Семья вольнодумцевъ, истор. пов., Петрова и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подписчиковъ 75 к.
Черны, повѣсти и разсказы, соч. Веев. Крестовскаго. Ц. съ пер. 1 75 к., для подписчиковъ 90 к.
Про что щебетала ласточка, ром. Шпилъ-гагена. Ц. съ пер. 1 р. 75 к., для пощ. 1 р.
Въ намышахъ. Повѣсть Каравина. Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ пер. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Маршана. Ц. съ пер. 2 р., для пощ. 1 р. 30 к.

3—1

Dr. HUNNIUS bleibt in Hapsal und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Исакова въ С. Петербургѣ, Гостиный дворъ и
Анисимова въ Москвѣ, Никольская улица.

СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

О пенсіяхъ, эмеритурѣ и пособіяхъ за службу по Военно-Сухопутному и Гражданскому вѣдомствамъ всѣхъ Министерствъ.

Москва 1874 года, изд. А. Веденѣва.

Книга эта, какъ весьма полезная и полезное руководство, рекомендуется всѣмъ вообще лицамъ, состоящимъ на Государственной службѣ, а равно и ихъ семействамъ, которыхъ, въ случаѣ смерти мужей и отцовъ ихъ, безъ посторонней помощи, могутъ исхоратайствовать себѣ: пенсіи или единовременныя пособія.

Цѣна Сборника съ пересылкою 1 рубль.

Въ виду значительнаго спроса публично означеннаго Сборника и ограниченнаго числа экземпляровъ оного, оставшихся въ продажѣ, желющіе приобрести этотъ Сборникъ благоволятъ посѣтить своими требованіями въ издателью А. А. Веденѣву, въ Москву, на большой Никитской улицѣ, домъ бывшій Книжкинъ Голицыной.

3—3

При этомъ номерѣ для гг. городск. подпис. прилагается объявленіе отъ магазина Крумбюгеля о фильтрующемъ аппаратѣ.

Подписка на 1875 годъ на ежедневную газету

„НОВОСТИ“

НОВОСТИ, какъ ежедневное изданіе, при своей незначительной цѣнѣ, представляютъ самый разнообразный и интересный матеріалъ для чтенія, одинаково удовлетворяющій потребности, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ читателей.

НОВОСТИ, выходящія ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней, полными листами, въ каждомъ номерѣ доставляютъ читателю самыя интересные факты изъ отечественной и заграничной жизни.

НОВОСТИ даютъ ежедневно фельетоны, въ которыхъ входить разсказы, очерки, повѣсти, романы и стихотворенія. Фельетоны „Новостей“, по разнообразію своихъ сюжетовъ, по живости и строгому выбору, доставляютъ пріятное развлеченіе читателямъ всѣхъ классовъ и возрастовъ.

НОВОСТИ, кромѣ множества помѣщенныхъ въ нихъ разсказовъ, прислуживъ въ послѣднее время къ печатанію обширнаго русскаго романа изъ американской жизни Николая Муромскаго (псевдонимъ) — „Въ Новомъ Свѣтѣ“.

Интересъ, возбужденный этимъ романомъ, въ которомъ въ первый разъ въ руссой печати появляется изображеніе, въ талантливомъ и живомъ разсказѣ, внутренней стороны американской жизни, побудилъ автора приступить къ составленію втораго тома его романа, который мы НАДБЕМСЯ напечатать въ теченіе будущаго года.

НОВОСТИ, постоянно улучшаясь во всѣхъ отношеніяхъ, представляютъ въ теченіе наступающаго 1875 года еще болѣе интересъ, чѣмъ тотъ, который имъ удалось возбудить въ короткое время, съ переходомъ газеты къ новымъ издателямъ и редактору, употребившимъ всѣ средства и усилія къ совершенствованію своей газеты.

Безъ доставки: на 12 м. 7 р., 6 м. 4 р., 3 м. 2 р., 50 к., 1 м. 1 р.

Съ доставкою: 12 м. 8 р., 6 м. 5 р., 3 м. 2 р. 50 к., 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: во все города на 12 м. 9 р., 6 м. 5 р. 50 в., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, кромѣ главной конторы „Новостей“, въ книжномъ магазинѣ Базунова; у Казанск. моста д. Олькина.

Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы „Новостей“, въ Тверской, Малый Гиндиковскій пер., д. Пыгова квар. № 5.

3—2

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

Руководство къ изученію часоваго мастерства

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ.

Съ 10-ю гравированными рисунками.

Нижний-Новгородъ 1870 года.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обрабатывать съ часами при повѣркѣ, прибаласіе и убавленіе хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электроматическихъ, вычисленіе, относительной разности мѣстностей и времени; составленіе припоисъ и напие, каленіе сталей, литье и полировка металловъ, окрашивание мѣди, золоченіе и серебрѣніе. По этому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для слесарей, паяльничковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для приобретенія научныхъ познаній. Продастся: въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ. — Пересылка бесплатно.

3—2

RATTI LAIT DE BEAUTÉ Новозобрѣтенной химич. составъ, извѣстной въ мірѣ подъ названіемъ „Ратти-де-де-Боте“. Восхитительная бѣлизна, нѣжность, гладкость, прозрачность и натуральной бѣло-розовой румянецъ навсегда появляются при употребленіи этого сокровища, а особенно важно лицамъ престарѣлыхъ лѣтъ, имѣющимъ козу видую, желтую и морщинистую, а равно противъ трескамя. перхотавости кожи, загара, прыщей, угрей: уничтожаетъ нечистоты съ лица. Ц. за флак. 3 р., съ пересылк. 4 р. Главной складъ въ С.П.Б., Б. Морск., уг. Горох., д. № 26 кв. 9, можно также купить въ Гост. дворъ въ магаз. Буланова и въ Ласкавѣ, у Пюна. Сей составъ разрѣшаетъ С.П.Б. медицинск. начальствомъ.

2—2

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ

(на Пречистенкѣ, въ домѣ Степанова)

находится складъ изданій:

Общедоступныя чтенія о русской исторіи. С. М. Соловьева. Цѣна 1 руб. 1874.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. С. М. Соловьева. Цѣна 1 руб. 25 коп. 1872.

Московский Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства и первый годичный отчетъ. Цѣна 1 руб. 25 коп. 1874.

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія. Антропологи и Этнографія, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Томы I—XV.

Въ ихъ числѣ вышли въ 1874 году выпуски.

Томъ XI. Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко (пять выпусковъ).

XIII. Труды Отдѣла Этнографіи (два выпус. по 1 р. 25 к.)

XIV. Протоколы засѣданій Общества. Цѣна 2 руб.

Гг. книгопродавцы при выпискѣ и покупкѣ этихъ изданій пользуются устункою 20%.

4—4

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена.

50—5

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 8 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданы 23-го Февраля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫБРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

АЛЬФОНСЪ XII, КОРОЛЬ ИСПАНСКІЙ.

Прилагая портретъ молодого монарха, такъ неомиданно призваннаго стать у кормила правленія государствомъ, дѣла котораго запутаны едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ,—спѣшимъ сообщить нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о новомъ королѣ Испаніи.

Донъ Альфонсъ, сынъ королевы Изабеллы II и инфанта Франсиска-д'Ассизи-Марин-Фердинанда, родился 28-го ноября (н. с.) 1857 года. Въ 1868 году онъ покинулъ Испанію вмѣстѣ съ своими родителями, которыхъ временное правительство 30-го сентября объявило низложенными съ трона; а 25-го июня

1870 г. августѣйшая мать его, поселившаяся въ Парижѣ, отказалась въ его пользу отъ своихъ правъ на корону Испаніи.

Times, сообщая о вступленіи Дона - Альфонса на престолъ его предковъ, говорить, что молодой король получилъ хорошее воспитаніе и не имѣетъ личныхъ враговъ въ странѣ, которую призванъ управлять. «Конечно, прибавляетъ эта газета,—онъ не могъ исполнить избѣгнуть вліянія тѣхъ доктринъ, что были столь пагубны для его династіи,—и до тѣхъ поръ пока жива его мать, онъ вѣроятно долженъ будетъ внимать совѣтамъ, которые отнюдь не послужатъ на пользу

АЛЬФОНСЪ XII, король испанскій.

конституционному государю, которого какъ собственный интересъ такъ равно и долгъ состоятъ главнымъ образомъ въ преданіи прошлаго забвенію. Но испанцы могутъ питать основательную надежду, что изъ семнадцати-лѣтняго юноши можетъ выйти современемъ хорошій правитель и что царствование его представляетъ странъ будущность болѣе утѣшительную чѣмъ диктатура или федеративная республика».

Съ другой стороны, мадридскій корреспондентъ «Кельнской газеты» сообщаетъ слѣдующія, небезъ-интересныя черты характера молодого монарха. «Извѣстно, что министры начинаютъ уже поговаривать о неуступчивости короля. «Вы очень ошибаетесь», говорилъ одинъ изъ нихъ своему пріятелю: «если думаете, что изъ Альфонса можно дѣлать все что угодно». Всюду разсказывается, какъ донъ-Альфонсъ заявилъ одному изъ своихъ нынѣшнихъ сановниковъ: «Если я скажу вѣчто такое что вамъ не понравится, знайте, что я не допускаю никакихъ протинорѣчивыхъ замѣчаній. Вы всегда должны подать въ отставку». Одна знатная дама, искавшая случая замолвить словечко

въ пользу одного кубанскаго семейства, добившись аудіенціи, начала просьбою извинить ее, если она докучаетъ королю... «Дамы никогда не докучаютъ мнѣ» перебилъ король и, выслушавъ просьбу ея, отвѣтилъ: «Я еще такъ недавно принялъ правленіе и кубанцы ни въ чемъ еще не могутъ на меня лично пожаловаться; скажите же кубанцамъ, чтобъ они сначала перенулись къ порядку, а тамъ—посмотримъ». Когда мадридскій генералъ-губернаторъ спросилъ короля, въ какомъ часу онъ долженъ приходить за повелѣніями его величества, донъ-Альфонсъ отвѣчалъ ему: «Я еще студентъ, и вамъ слѣдуетъ приходить какъ можно раньше, въ девять часовъ—вотъ будетъ ваше время».—«Въ девять часовъ вечера?» спросилъ губернаторъ.—«Нѣтъ, въ девять часовъ утра». Раненько таки по мадридскимъ привычкамъ! Каково бы ни было будущее, горизонтъ котораго сильно омраченъ клерикальной и придворными интригами,—нельзя не сочувствовать той твердости, этому чуть ли не главному качеству хорошаго правителя, которая появляется въ молодомъ королѣ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева). Роч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

XIV.

Матушка разумѣется не могла точно отгадать характера моихъ корреспондентныхъ чудотвореній любовнаго характера, но ясно видѣла, что простой вопросъ ея смутилъ меня,—и я чувствовалъ, какъ ея умный, проницательный взглядъ упалъ на мое лицо и произвелъ меня до самаго сердца, занявшаго и затрепетавшаго отъ страха: что если моя пошлая выходка какъ нибудь отбросится... Что если матушка узнаетъ, что я влюбленъ... или былъ влюбленъ, потому что теперь уже во мнѣ не оставалось и слѣда моей любви къ тридцатилѣтней тверской барышнѣ, а все существо мое было поглощено и проникнуто страхомъ и благоговѣніемъ къ другой женщинѣ, которая шестнадцать лѣтъ тому назадъ дала мнѣ бытіе и теперь давала мнѣ жизнь.

Однако безмѣрное материнское милосердіе смиротворило надо мною,—и матушка, не предлагая мнѣ никакого новаго вопроса о корреспонденціяхъ, замѣтила только, что переписка—очень важная вещь и притомъ вещь очень полезная, ибо ею поддерживаются отношенія съ людьми и кромѣ того она лучше всего способствуетъ къ приобрѣтенію навыка къ хорошему изложенію своихъ мыслей.

Съ этимъ матанъ встала изъ-за стола, за которымъ пила меня чаемъ; а я, чтобы оторвать разговоръ отъ тягостной для меня темы о перепискѣ, поспѣшилъ вильнуть въ сторону и освѣдомиться: чего-же будутъ стоить мои уроки латинскаго и греческаго языка?

— А ничего, кромѣ одного нашего добраго желанія, отвѣчала мать, покрывая полотенцемъ чайную шкатулку, въ которую замкнула ложечки.

— Какъ ничего, матан? кто же будетъ меня даромъ учить по латыни и по гречески?

— Пока ты не выучишься этимъ языкамъ больше меня, я сама буду съ тобою ими заниматься.

— Вы, chère matan!

— Mais oui, moi-même, mon fils. Что же это тебя такъ удивляетъ?

— Matan... простите меня... но развѣ дамы знаютъ по латынѣ и по гречески?

— Да, которыя учились—тѣ, я думаю, знаютъ.

— А вы развѣ учились, матан?

— Навѣрно.

— Я этого не думалъ... я не помню, чтобы вы знали по латыни и по гречески.

— Ты и не можешь этого помнить, потому что я училась имъ въ самые послѣдніе годы въ Лифляндіи. У меня тамъ почти не было никакого дѣла,—и я, чтобы не скучать, нашла удовольствіе заниматься двумя этими языками, которые теперь кромѣ удовольствія знать ихъ доставляютъ мнѣ и пользу: я могу имъ выучить тебя, а это не шутка—такъ какъ безъ нихъ передъ тобою никогда-бы не открылся во всей полнотѣ прелестный классическій міръ съ его нерушимыми образами и величавымъ характеромъ его жизни.

— Но, матан, вѣдь это такая учоность!

— Совсѣмъ нѣтъ: знаніе языковъ отнюдь еще не учоность, а только средство къ достиженію учоности, которую, если мнѣ поможетъ Богъ и твое усердіе, я хочу дать тебѣ въ неизмѣнное утѣшеніе твоей жизни.

И съ этими словами матушка удалилась въ свою комнату, чтобы надѣть шляпу, а я подошелъ къ окну и сталъ отуманенный и оглушенный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ, слышалъ, понималъ и предчувствовалъ.

Гдѣ этотъ корпусъ, его казарма, Кирилъ, моя тверская любовь, пьяная балочка, утопленникъ Кыльпенко и палачъ Пенькиновскій, и отецъ Діодоръ съ его дамою и рахатъ-лукумомъ?—Все это точно было уже Богъ знаетъ, какъ давно, да даже всего этого какъ будто-бы и совсѣмъ не было. Трезвая рѣчь моей доброй матери, каждое слово которой дышало такою возвышенною и разумною обо мнѣ попечительностію и заботою, была сілоамскою купелью, въ которой я окунулся и сталъ здоровъ, и бодръ, и чистъ, какъ будто только слетѣлъ въ этотъ міръ изъ горнихъ міровъ, гдѣ не водятъ медвѣдей и не говорятъ о хлѣбѣ, ни о винѣ, ни о палацахъ, ни о домахъ, для счастья которыхъ нуженъ рахатъ-лукумъ, или „рогатый кумъ“, какъ мы его называли въ своемъ корпусѣ. На меня отовсюду вѣло здоровымъ стремленіемъ къ неутомимой, энергической дѣятельности и любовью къ созерцательной мудрости,—и чистый источникъ всего этого было столь близкое мнѣ существо какъ моя мать. Боже мой, какъ я ею гордился! О, какъ я ее буду любить и лелѣять! Она была несчастлива: я это помню; но за то теперь... Душа моя вскипѣла высочайшимъ восторгомъ, въ горлѣ какъ клубокъ шевельнулись спазмы,—и я не удержавшись громко зарыдалъ и, услыжавъ за собою шаги моей матери, бросился передъ нею на полъ—и обнявъ ея колѣни, облилъ ноги ея моими чистыми покаянными сле-

зами, каких не могъ добыть ни въ борзенской канавѣ, ни въ нѣжинскомъ монастырѣ.

Матушка подняла меня съ полу, заставила выпить стаканъ воды, потомъ нѣжно прижала меня къ груди—и поцѣловавъ въ лобъ, сказала:

— У тебя есть сердце: это меня радуетъ; но этого еще мало, чтобы не дѣлать зла.

— Что-же нужно, маман? Дайте мнѣ все то, что нужно, чтобы не сдѣлать никому никакого зла.

— Проси объ этомъ Его! отвѣчала мать—и указавъ на небо, велѣла подать себѣ руку.

Мы вышли *подъ руку*, какъ пара совершенно равныхъ другъ другу людей. Мой ростъ уже совершенно позволилъ мнѣ вести ее *подъ руку*: я былъ кавалеръ, она моя дама,—и вспоминая теперь всю прошедшую жизнь мою, я увѣренъ, что рука моя, на которую впоследствии опиралось не мало дамъ, никогда уже не вела женщины столь возвышенной и прекрасной—не смотря на тогдашнее тридцать шесть лѣтъ, которыми имѣла моя превосходная мать.

Начавъ мое цѣленіе на колѣняхъ передъ нею, съ глазами опущенными внизъ, я теперь шолъ съ нею усвоенный и твердый, устремляя очищенный слезами взглядъ на небо съ непоколебимою вѣрою, что для меня будутъ отверзты сферы наивысшаго и наичистѣйшаго счастья, потому что со мною какъ съ Товіемъ идетъ мой Рафаиль, который научитъ меня достать желчь, нужную для просвѣтленія мысленныхъ глазъ моихъ.

Но было уже одно проклятое, ненавистное обстоятельство, которое и въ эти минуты смущало, томило и даже просто угнетало меня: это обстоятельство опять таки заключалось въ томъ-же роковомъ борзенскомъ письмѣ, котораго неотвязное предчувствіе заставляло меня страшно бояться, и какъ ниже увидимъ, совершенно справедливо.

XV.

Когда мы съ матушкой вышли для первой прогулки моей по Кіеву, день былъ пасмурный, но очень тихій и пріятный. На зданіяхъ и на всѣхъ предметахъ лежалъ мягкій и теплый сѣрожелтоватый колоритъ. Все имѣло свой цвѣтъ, но какъ говорятъ живописцы, все по колерамъ было точно слегка *протерто* умброю.

Мы зашли въ Софійскій соборъ, гдѣ я впервые увидалъ мощи и приложился къ нимъ вмѣстѣ съ матерью. Тутъ же мы осмотрѣли гробъ Ярослава и древніе фрески, которые только тогда очищали отъ слоя штукатурки и реставрировали. Изъ Софійскаго собора мы прошли на террасу Андреевской церкви. Я пришелъ въ безумный восторгъ отъ легкаго фасада этого граціознаго храма, и особенно отъ вида, который съ отсюда открывается на Подоль и пологую часть заднѣпровья. Отсюда мы зашли въ Трехсвятительскую церковь, по преданіямъ строенную еще до принятія Владиміромъ христіанской вѣры, и потомъ перешли въ Михайловскій монастырь.

Здѣсь матушка направилась въ очень темный уединенный уголокъ *подъ арками*, и ставъ на колѣни сказала мнѣ:

— Помолись о твоёмъ отцѣ.

Мы помоллись тихо, но мнѣ кажется очень усердно, хотя намъ никто не пѣлъ ни панихиды ни молебновъ.

Я замѣтилъ это, но не подалъ матери никакого знака—и хорошо сдѣлалъ: впоследствии я скоро убѣдился, что принявъ Православіе она удержала въ себѣ очень много лютеранскаго духа. Но о вѣрованіяхъ матушки еще придется говорить гораздо пространнѣе, а потому на этомъ остановимся.

Окончивъ свое паломничество, мы отправились къ ка-

толической горѣ, откуда открылся новый превосходный видъ на другую часть города и Днѣпра.

Матушка безпрестанно рассказывала мнѣ значеніе каждой мѣстности и cadaго предмета, при чемъ я могъ убѣдиться въ большомъ и весьма пріятномъ, живомъ знаніи ею исторіи, что меня впрочемъ уже не удивляло, потому что я, проведя съ нею два часа, получилъ непоколебимое убѣжденіе, что она говоритъ только о томъ, что основательно знаетъ.

Поворачивая съ площадки къ небольшому спуску, который велъ къ стоявшему тогда на Крещатику театру, мы на полугорѣ повстрѣчали молодую дѣвушку въ сѣромъ платьѣ, завернутую въ большой, мягкій, пушистый платокъ. На темнорусой головѣ ея была скромная плеточка, а въ рукѣ длинный черныи шелковый зонтикъ, на который она опиралась и шла тихо и какъ будто съ усталостью.

Не знаю почему она обратила на себя мое большое вниманіе, но это вниманіе еще болѣе увеличивалось, когда я замѣтилъ, что она намъ улыбается и что на ея улыбку такою же улыбкою отвѣчаетъ моя мать.

Наконецъ мы встрѣтились—и дѣвушка, не кланяясь матери и не говоря ей никакого привѣтствія, прямо спросила.

— Дождались?

— Какъ видишь, мой другъ, отвѣчала кивнувъ на меня головою матушка, и онѣ обѣ подали другъ другу руки, при чемъ дѣвушка поднесла руку матери къ своимъ губамъ и поцѣловала ее, а потомъ протянула свою ручку мнѣ и съ прелестной ласковой улыбкой молвила:

— Мы съ вами непременно должны подружиться: я люблю вашу маманъ какъ родная дочь и хочу, чтобы вы любили меня какъ сестру.

Я очень неловко поклонился и еще неловче пожалъ поданную мнѣ ручку въ темной перчаткѣ.

— Это мой молодой другъ, дочь профессора Ивана Ивановича Альтанскаго, о которой я тебѣ говорила, сказала, мать.

— А вы уже успѣли обо мнѣ говорить? подхватила улыбаясь дѣвушка, и тотчасъ же оборотясь ко мнѣ добавила:—Катерина Васильевна такъ меня избаловала, что я боюсь забыть и начать думать, что я въ самомъ дѣлѣ достойна ея вниманія; но вы, какъ мой непремѣнный другъ и нарѣченный братъ, пожалуйста спасайте меня отъ самообольщенія и шуняйте за мои пороки, которыхъ во мнѣ ужасная бездна.

— Напримѣръ? спросила нѣжно и съ наслажденіемъ на нее глядя мать.

Дѣвушка разсмѣялась и сдвинувъ почти прямолинейно-лежавшія густыя темныя брови, проговорила:

— За примѣромъ-ли дѣло? вотъ первый примѣръ: моя невольность: я хожу по воздуху, когда мнѣ позволено выходить только въ солнечные дни. Это гадко.

— А зачѣмъ ты это дѣлаешь, Харита?

— Ужасно скучно, отвѣчала она и нѣмолодому лицу ея точно пробѣжало облако, но сейчасъ же развѣялось и дѣвушка улыбаясь отнеслась ко мнѣ съ словами:—видите какая я пустая: жалеюся на скуку и сама смѣюсь. Вы однако не торопитесь дѣлать заключенія, что я сумасшедшая. Когда вы познакомитесь съ нашей прекрасной малороссійской поэзіей, на чемъ я по праву дружбы буду непременно настаивать, то вы увидите, что тутъ нѣтъ необходимости: у насъ воспѣваютъ такъ „лихо“, которое „смѣется“. А прочесть я не задерживаю васъ,—прощайте до вечера.

Она показала намъ руки и пошла въ гору, къ монастырю, а мы внизъ къ Крещатику, но матушка сдѣлавъ нѣсколько шаговъ остановилась и оборотилась назадъ.

Альтанская была отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и тоже словно по какому-то предчувствію оборотилась—и онѣ перемолвились съ моею матерью молчаливыми взглядами, изъ которыхъ я тогда не понималъ ничего.

Лицо матери выразило неудовольствие и даже гнѣвность.

— Неужто ничего? спросила съ негодованіемъ мать.

— Ни-ч-е-г-о, отвѣчала растягивая слово дѣвушка и улыбнувшись добавила:—ничего Катерина Васильевна, ничего, да и не будетъ ничего.

Послѣднія слова она проговорила скоро, и кивнувъ намъ головой, быстро завернулась и пошла торопливой походкой дальше.

По мѣрѣ того, какъ она поднималась на гору, легкій, едва замѣтный вѣтерокъ обхватывалъ ее крѣпче и приминая покрывавшую ее сѣрую пушистую паль къ ея молодому, стройному тѣлу, обрисовывалъ ея фигуру мягкими плавными линіями, благодаря которымъ контуръ точно сливался съ воздухомъ и исчезалъ въ этомъ сліяніи.

— Это она, маман? спросилъ я, когда мы пошли своей дорогой.

— Да, она, отвѣчала съ нѣкоторой сухостью мать.

— Харит... то есть, однако какъ же это, маман, ея настоящее имя?

— Харитина... Харитина Ивановна.

— Харитина!

— Да.

— Возможно-ли это, маман?

— А почему же нѣтъ?

— Такая прекрасная дѣвушка...

— Ну—и что далѣе?

— И между тѣмъ... такое имя!

— Какое же? чѣмъ оно тебѣ не нравится?

— Оно тривиально.

— Тривиально? Ни мало, ты вѣрно не то хотѣлъ сказать.

— Нѣтъ, маман, я именно хотѣлъ сказать это самое.

— Ну тогда мнѣ должно будетъ пожалѣть, что ты употребляешь слова не понимая ихъ значенія. Объясни мнѣ, что выражается словомъ „тривиально“.

Я не могъ этого объяснить и молчалъ. „Нехорошо, гадко, простонародно, неблагозвучно, думаю я, но все это было не то, что я разумѣлъ подъ словомъ „тривиально“, значенія котораго дѣйствительно не понималъ.

— Вотъ видишь ли какъ опасно говорить о томъ, чего обстоятельно не знаешь, сказала матушка—и объяснивъ мнѣ происхожденіе латинскаго слова „trivialis“ въ смыслѣ чего-то пошлаго и безпрестанно встрѣчающагося, добавила, что имя Харитина въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе тривиально, чѣмъ множество другихъ безпрестанно намъ встрѣчающихся имянъ.

Тогда я, желая поправиться и точнѣе выразить свою мысль сказать, что имя Харитина по моему мнѣнію неблагозвучно, но матушка доказала мнѣ, что это имя хорошо и по смыслу, который въ себѣ заключаетъ, и пріятно по звучности.

— Х-а-р-и-т-и-н-а! произнесла она эллинискимъ произношеніемъ, такъ что буква и послѣ р слилась въ ея устахъ въ гортанный *эй*,—прекрасный звукъ, а значеніе еще лучшее; Харитина значитъ *позна благодати*. Для такой неоціненной дѣвушки, какъ та которую мы встрѣтили, я бы затруднилась выбрать лучшее имя, способное полнѣе выразить ея свойства. Въ уменьшительной же и въ ласкательной формѣ здѣсь въ Малороссіи изъ этого имени дѣлаютъ *Христия*,—это ужъ просто прелестно.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ хорошо, отвѣчалъ я, начиная чувствовать, что имя Харитина въ самомъ дѣлѣ получило для меня съ материныхъ словъ совѣтъ другой вкусъ и ароматъ.

— Эге! да ты уступчивъ; это прекрасно, спорливость—черта удаляющая человѣка отъ истины. Но сознавшись, спѣши же брать назадъ слово, а то это сознание будетъ мало полезно.

— Беру, маман, и даже охотно беру, но только позвольте мнѣ еще предложить вамъ одинъ вопросъ—опять объ именахъ же. Она... эта дѣвушка назвала васъ два раза Катериной Васильевной. Что это значитъ, маман?

— Не все-ли равно, что Катерина Васильевна, или Каролина-Вильгельмина? перебила матушка,—для тебя мое имя просто *мать*.

И послѣ этихъ словъ она заговорила со мною опять о городѣ. Оріентируя меня по отношенію къ болѣе интереснымъ мѣстамъ, она показала мнѣ гдѣ садъ, гдѣ лежитъ мой путь въ канцелярію, гдѣ почта—и при послѣднемъ указаніи добавила:

— Идучи на службу, ты будешь заходить на почту отдавать мои письма—это немножко облегчитъ нашу Бригиту, у которой съ твоимъ пріѣздомъ прибавляется дѣла.

Я разумѣется изъяснилъ радостное согласіе править эту почтовую службу—и мы завершивъ большую прогулку возвратились домой, гдѣ насъ ждалъ въ средней комнатѣ накрытый на два прибора столъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ скромныхъ но вкусныхъ блюдъ и яблока вмѣсто десерта. За столомъ намъ служила та же Бригита, то есть та же женщина въ темномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, которая принесла самоваръ въ минуту моего пріѣзда, и которая была нашей кухаркой и горничной.

Послѣ обѣда матушка удалилась въ свою комнату и сѣвъ въ старое глубокое кресло, закрыла пальцами рукъ глаза,—я не могъ понять, погрузилась ли она въ тихій сонъ, или въ глубокую думу; но поспѣшилъ воспользоваться минутою свободы, чтобы удовлетворить образованнейшей за дорогу страстишкѣ покурить. Я тихонько зажегъ папироску и долго простоялъ съ нею у открытой форточки, а потомъ почувствовалъ неодолимый позывъ ко сну и прислонясь къ подушкѣ мгновенно уснулъ. Я спалъ глубоко и крѣпко, но казалосьськвозь сонъ слышалъ, какъ мать входила въ мою комнату—и притворивъ форточку, разгонила что-то по воздуху носовымъ платкомъ. Отъ этого представленія ко мнѣ привязалось какое-то безпокойное сновидѣніе, подъ наитіемъ котораго я и проснулся. На дворѣ было уже темно, но въ мою комнату по полу ползло откуда-то густое, желто-пунсовое освѣщеніе. Сначала я не могъ понять, что это за свѣтъ, но потомъ отгадалъ, что это вѣроятно гдѣ нибудь топится печка.

Тишина была мертвая: ни шелеста, ни звука,—такъ что мнѣ даже стало страшно—и я, осторожно спустившись съ постели, началъ осматриваться.

Въ простомъ кирпичномъ каминѣ, который былъ устроенъ въ матушкиной комнатѣ, ярко горѣли дрова—и отъ нихъ-то и шло то пунсовое пламя, которое, пробѣгая черезъ всю нашу залу, тушевалось концомъ свѣта по полу моей комнаты. На этотъ счетъ я не ошибся, но что касается самаго характера окружающаго меня безмолвія, то я не разгадалъ его: это не была *мертвая тишина*, а напротивъ это было безмолвіе глубокаго чувства и живой грусти, которыхъ я однако не могъ понять, хотя и видѣлъ ихъ въ образѣ очень граціозной и одухотворенной группы.

Матушка сидѣла передъ огнемъ въ своемъ креслѣ, и опустивъ книзу глаза, грустно смотрѣла на ярко освѣщенную огнемъ голову Хариты, которая полулежала на разостланой у ногъ матери на полу козьею шкурѣ, и обхвативъ руками матушкины колѣна, прислонилась къ нимъ головою. Мнѣ было какъ нельзя лучше видно все ея лицо, обращенное въ ту сторону, откуда я наблюдалъ ее. Свѣтъ падалъ на обѣ эти фигуры неровно: опущенное книзу лицо матушки было въ мягкомъ спокойномъ полутонѣ, межъ тѣмъ какъ голова и вся фигура Алтанской точно горѣли въ огнѣ. Однѣ ея ноги, уходя къ рампѣ камина, терялись и точно будто исчезали въ тѣни.

Масляница въ деревнѣ. Рисов. Н. Караджинъ, гравир. К. Вейерманъ.

Не было-ли это освѣщеніе прообразованіемъ того, что происходило тогда въ сердцахъ этихъ двухъ существъ, одного уже полумертваго и гаснущаго, а другаго полнаго жизненнаго разгара, но уже во всю мочь сердца вкушающаго священную сладость страданія.

Онѣ ничего между собой не говорили; но, какъ мнѣ показалось, обѣ онѣ вмѣстѣ думали объ одномъ и томъ-же. Стоя въ молчаніи у своей двери, я хорошо видѣлъ ихъ лица, — и былъ пораженъ тѣмъ, что при первой встрѣчѣ съ Альтанскою не замѣтилъ ея прекрасной, характерной красоты. Изъ всего ея лица я тогда разсмотрѣлъ только большіе сѣрые глаза съ длинными черными рѣсницами и черныя же прямолинейныя брови. Теперь я видѣлъ весь овалъ ея немножко продолговатаго лица, и пораженъ былъ строгою гармоничностью его линий и горячо-блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ щекъ, по которымъ какъ брилліантъ искрились и играли передъ огнемъ двѣ слезинки.

— Какъ она прекрасна и о чемъ она можетъ такъ грустить и плакать? Матушка непременно должна все это знать, думалъ я и тоже во что-бы то ни стало хотѣлъ это узнать, съ тѣмъ чтобы если можно сдѣлаться другомъ этой дѣвушки. Вѣдь она сама-же просила меня объ этомъ. А я хотѣлъ умереть за нее, лишь бы она такъ не грустила и не плакала.

— Но кто же могъ быть виновникомъ этихъ ея страданій? О, съ какимъ бы удовольствіемъ я сдѣлалъ ему теперь самую невозможную дерзость! Но что онъ и гдѣ онъ?

Среди этихъ мечтаній, въ продолженіе которыхъ я былъ какъ бы въ легкомъ бреду подъ обаяніемъ темныхъ бровей Хариты, входная дверь въ залу изъ передней отворилась — и на порогѣ ея показалась высокая, немножко сгорбленная мягкая фигура въ длинномъ скортукѣ и огромномъ высокомъ галстукѣ, высоко подпиравшемъ продолговатую сѣдую голову съ такими же прямолинейными бровями какъ у Хариты.

— Это ея отецъ! воскликнулъ я въ себѣ, пораженный большимъ сходствомъ лица взмогшаго старика съ лицомъ только-что разсмотрѣнной мною дѣвушки. Не съ нимъ ли мнѣ и придется за нее сражаться? Досадно! Это будетъ не совсѣмъ удобно, потому что матушка при мнѣ наговорила этому старику бездну самыхъ лестныхъ похвалъ и избрала его быть моимъ просвѣтителемъ. Однако посмотримъ. Чтобы быть благороднымъ — не надо ничѣмъ дорожить кромѣ чести. Семья съ раннихъ лѣтъ зародила во мнѣ эту склонность, корпусное сотоварищество ея воспитало; раннее изгнаніе закрѣпило, а что сдѣлали изъ него послѣдующія обстоятельство — о томъ рѣчь впереди.

(Продолженіе будетъ).

Сорокъ Киттиныхъ десятинокъ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Бертонъ и Джонсъ жили, каждый самъ по себѣ, въ двухъ стоящихъ неподалеку другъ отъ друга блокаузахъ. Джонъ былъ женатъ; прежде онъ жилъ въ маленькой деревушкѣ въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ Сѣверной Америки, но такъ какъ тамъ, несмотря на воловьую работу, ему невозможно было прокормить свою семью, то онъ, вмѣстѣ съ Бертономъ, переселился въ сѣверную Миннесоту, далеко на западъ. Семейство свое онъ оставилъ у тестя, пока не устроится на новомъ мѣстѣ. Они съ Бертономъ думали, соединенными средствами, основать поселеніе: послѣ долгихъ странствованій, имъ удалось наконецъ, въ довольно безлюдной мѣстности, купить на выгодныхъ условіяхъ 340 акровъ земли.

Въ то время какъ началась и кончилась наша исторія (а она началась и кончилась въ одну недѣлю), въ той странѣ жило не больше двадцати семей въ раскинутыхъ далеко одно отъ друга поселеніяхъ.

Въ одинъ прекрасный день, зимой, между двумя новыми поселенцами завязалась ссора, которая изъ пустяковъ разгорѣлась до того, что они рѣшили наконецъ строго на строго раздѣлить свои земли. Раздѣлъ состоялся мирнымъ образомъ, только они никакъ не могли сговориться насчетъ одного весьма выгодно-расположеннаго и плодороднаго участка въ сорокъ десятинокъ. Неприязнь между бывшими друзьями вспыхнула съ новой силой. Каждый хотѣлъ непременно владѣть этимъ кускомъ земли, и обѣ стороны наконецъ до того ожесточились, что сосѣди не безъ основаній боялись, что это дѣло не обойдется безъ кровопролитія. По крайней мѣрѣ Бертонъ почти постоянно держался вблизи спорнаго участка, и громко объявлялъ, что покажись ему только Джонъ, онъ тутъ же застрѣлитъ его. Джонъ, съ своей стороны, также передъ свидѣтелями поклялся, что будь что будетъ, а ужъ онъ завладѣетъ этой землей, а если застанетъ на ней Бертонъ, то всадитъ пулю въ его упрямую башку. Но неожиданное прибытіе жены и ребенка Джона, отодвинуло эту ссору на задній планъ.

Джоновъ блокаузъ былъ еще недостроенъ, и такъ къ ему пришлось сильно работать цѣлый день, чтобы пригнать жену и ребенка, то оба смертельные врага цѣлый день не попадались другъ другу. Одно обстоятельство особенно побуждало Джона торопиться своей работой — утромъ солнце показалось окруженное четырьмя побочными солнцами. Это явленіе природы довольно обыкновенно въ той странѣ, и жители изъ долготѣннаго опыта знали, что неминуемымъ послѣдствіемъ его въ теченіи слѣдующихъ сутокъ будетъ страшная буря. Въ то время какъ Джонъ, напрягая всѣ свои силы, работалъ для охраны жены и ребенка, ему не разъ приходила мысль объ уступкѣ — и онъ почти сожалѣлъ, что изъ-за спорнаго клочка земли допустилъ себя до такой безумной запальчивости. Однакоже такое кроткое настро-

еніе опять уступило мѣсто твердой рѣшимости не уступить ни въ какомъ случаѣ. Когда онъ послѣ этого началъ думать о возможныхъ послѣдствіяхъ встрѣчи между ними, которая можетъ быть будетъ стоить ему жизни, мысль эта приводила его въ ужасъ. Онъ съ горестью и страхомъ думалъ о своей маленькой, двухлѣтней дочерѣ, Китти, которой можетъ быть скоро суждено будетъ остаться сиротой. Но, послѣ такой сильной бури, расходившіяся волны не могутъ улетѣть сразу. Гнѣвъ скоро опять заглушилъ всякую мысль объ уступкѣ и примиреніи; демонъ злобы и мести снова восгоржестовалъ, и поселивъ въ суровой груди за минуту передъ тѣмъ мягкаго человѣка, непоколебимое рѣшеніе во что бы то ни стало отомстить ненавистному врагу.

Пока отецъ торопился что было силы сколачивать крышу съ надворной стороны дома, а мать была чѣмъ-то занята въ домѣ, маленькая Китти попробовала отворить наружную дверь блокауза; это удалось ей какъ нельзя лучше, такъ какъ дверь была только слегка притворена, — въ ней еще не было ни замка, ни задвижки. Множество новыхъ явленій, въ совершенно незнакомой обстановкѣ, въ высшей степени возбудили вниманіе малышки; она переползла черезъ порогъ, и сначала нерѣшительно осмѣлилась сдѣлать нѣсколько шаговъ по узенькой тропинкѣ, которая шла отъ дому въ поля и была окаймлена съ обѣихъ сторонъ высохшей травой и почернѣлыми стеблями подсолнечниковъ. Тутъ ребенка заманивалъ впередъ завялый цвѣточекъ, тамъ ей хотѣлось сорвать стебелекъ, и такъ, шагъ за шагомъ, она уходила дальше и дальше въ прерію, которая безгранично тянулась за полями. Она была такъ рада бродить здѣсь на полной свободѣ, безъ укоризненныхъ остановокъ со стороны матери. Объ опасности она, конечно, не имѣла ни малѣйшаго понятія. Правда, рѣзкіе порывы холоднаго вѣтра сильно рѣзали ей носикъ и щечки, ручейки ея совсѣмъ покраснѣли отъ холода, но временами у нея захватывало духъ. Но отъ радости она не обращала никакого вниманія на все это; невпное дитя не знало, что эти порывы вѣтра суть предвѣстники приближающагося гигантскими шагами зимняго бурана.

Мать замѣтила первая отсутствіе ребенка — но подумала, что вѣрно Джонъ взялъ свою любимицу къ себѣ. Джонъ же, въ увѣренности, что его дорогая малышка спокойно сидитъ дома, пошелъ въ лѣсъ, чтобы набрать поскорѣе нѣсколько дровъ, какъ вдругъ буря разразилась; весь запененный снѣгомъ, полуживой, онъ едва отыскалъ дорогу домой, чуть не замерзнувъ отъ жестокаго холода. Еще въ послѣднюю минуту онъ захватилъ огромную охапку дровъ, чтобы женѣ и ребенку было тепло въ эту страшную ночь, наступившую надъ терзаемой бурей и занесенной снѣгомъ землей. Кто не усилъ бы во время найти безопасное убѣжище, тотъ погибъ въ ужасной снѣжной мятели, съ быстротою молніи заносившей безконечную прерію.

Только-что разгорѣлся огонь въ очагѣ, какъ Джонъ схватился Кипти. На его едва выговоренный отъ страха вопросъ, жена его въ безмолвномъ ужасѣ остановила на немъ глаза — оба поняли, что любимое ихъ дитя погибло въ страшномъ снѣжномъ буранѣ.

Валитъ такой густой снѣгъ, ночь была такъ темна, что ничего нельзя было разглядѣть въ трехъ шагахъ, однако Джонъ сдѣлалъ попытку пробиться впередъ по маленькой тропинкѣ, такъ какъ онъ догадывался, что Кипти пошла по этому направленію; по все вокругъ было покрыто глубочайшимъ снѣгомъ, и Джонъ скоро самъ сбился съ дороги. Бродя на удачу, по полямъ въ снѣгу, онъ съ ужасомъ громче и громче кричалъ дорогое имя, но скоро онъ самъ не зналъ ни гдѣ онъ, ни куда онъ идетъ. Проведя въ такомъ отчаянномъ состояніи часа два, выбившись изъ силъ, онъ къ счастью очутился около какого-то дома; отъ усталости онъ едва передвигалъ ноги, вѣтеръ напесъ его на домъ — и онъ вдругъ увидѣлъ свою жену ломавшую въ отчаяніи руки. Онъ словно обезумѣлъ отъ страха и горя. Ссора съ Бертонъ, не дававшая ему спать ночи, сверхъестественныя усилія послѣднихъ двухъ часовъ совершенно истощили его силы; онъ упалъ на порогъ своей двери въ полнѣйшемъ изнеможеніи. Къ его счастью его не понесло на прерію, гдѣ его бы ждала вѣрная гибель, какъ это случилось не съ однимъ измученнымъ путешкомъ въ эту ужасную ночь.

Жена Джона ждала его возвращенія въ безумномъ страхѣ; она по нѣскольکو разъ сверху до низу обыскивала блокаузъ, мучительная тоска гнала ее изъ дома, чтобы посмотрѣть еще вездѣ около дома. Все напрасно. Вдругъ въ комнату вошелъ ей мужъ съ замороженными руками и ногами, измученный до смерти. А на дворѣ бушевала и ревѣла бѣшеная буря; казалось она сейчасъ снесетъ блокаузъ, и только съ большимъ трудомъ можно было поддерживать въ очагѣ огонь, едва достаточный для того, чтобы убитые горемъ родители не замерзли отъ холода.

Бертонъ почти весь этотъ день не отходилъ отъ спорныхъ сорока десятнигъ, съ твердой рѣшимостью подстерѣжать Джона, какъ только тотъ покажетъ свой носъ. Онъ ничего не слышалъ о прибытіи семейства прежняго своего товарища, и думалъ, что его врагъ изъ трусости боится показаться ему на глаза, или спрячется гдѣ нибудь въ кустахъ, чтобы оттуда неожиданно напасть на него. Вслѣдствіе этого, Бертонъ былъ очень остороженъ, однако буря заставила его идти наконецъ домой. Онъ попробовалъ отыскать тропинку, ведущую къ его блокаузу, но тщетно. Не будъ онъ такъ закаленъ всѣми суровостями жизни тамъ, на далекой окраинѣ цивилизаціи, то онъ навѣрно бы погибъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ своего собственнаго дома. Однако, благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ, онъ удержалъ направленіе, какъ вдругъ ему послышался слабый крикъ, и подъ самыми его ногами поднялось что-то все покрытое снѣгомъ и сейчасъ же опять упало въ снѣгъ. Онъ ужъ поднималъ ружье и готовъ былъ спустить курокъ, какъ снова послышался тотъ же крикъ — такъ похожій на человѣческій, что онъ опустилъ ружье и осторожно наклонился къ тому мѣсту, откуда онъ выходилъ.

Онъ нашелъ маленькаго ребенка. Бертонъ не могъ припомнить, видѣлъ ли когда такого маленькаго ребенка у кого нибудь изъ немцынхъ поселенцевъ въ этой странѣ. Но разсуждать было некогда; онъ зналъ очень хорошо, что ему падо наперекъ всѣ силы, чтобы найти крышу себѣ и ребенку, не то оба они должны должны замерзнуть. Поэтому онъ, не раздумывая, взялъ безпомощное дитя на свои сильные руки, и сталъ пробиваться

дальше черезъ глубокія снѣжныя массы. Ребенокъ положилъ свои дрожащія руки на его запыльзую щеку и проленеталъ «папа!» Бертонъ крѣпче прижалъ его къ себѣ, и продолжалъ бороться съ гуще и гуще падающимъ снѣгомъ, мужественнѣе, чѣмъ прежде.

Наконецъ онъ нашелъ свой блокаузъ. Маленькое существо въ его рукахъ почти совсѣмъ околѣло; онъ завернулъ ребенка въ теплый буйоловый мѣхъ, и поспѣшно затопилъ очагъ. Когда хлѣбина немного обогрѣлась, онъ взялъ ребенка къ себѣ на колѣни, онустилъ ея замороженные пальчики въ холодную воду и спросилъ, какъ ея зовутъ.

«Кипти», отвѣчала она.

«Кипти, а дальше какъ? Чья ты Кипти?»

«Твоя Кипти». Такъ какъ она очень мало видѣла своего отца, то привяла Бертонъ за отца.

Бертонъ не спалъ всю ночь; онъ все подкладывалъ дровъ, чтобы не сводить огня. Ему никогда не приходилось обращаться съ дѣтми, и онъ воображалъ, что маленькое созданіе непременно замерзнетъ, если въ комнатѣ не будетъ огня. Такъ какъ и весь слѣдующій день буря нисколько не унималась, и поэтому онъ не смѣлъ еще выдти отыскивать родителей пайденной крошки, и оставить ее одну, то онъ то и дѣло набивалъ печку дровами, смѣялся надъ забавной дѣтской болтовней дѣвченокки и кормилъ ее ветчиной и хлѣбомъ, и пилъ кофею.

На второй день буря наконецъ утихла. Было почти 30 градусъ мороза, но такъ какъ Бертонъ понималъ, что родители ребенка считаютъ его погибшимъ, то онъ съ величайшею заботливостью завернулъ его въ одѣяла и мягкія шкуры и кое-какъ дождалъ до перваго сосѣда.

«Это Джонъвъ ребенокъ», сказала хозяйка. — «Я видѣла какъ вчера его вынимали изъ экипажа».

Бертонъ, въ изумленіи, на минуту неподвижно вытаращилъ глаза на Кипти. Наконецъ, онъ опять закуталъ ее и пошелъ прочь, «шагая точно сумасшедшій», какъ говорила потомъ хозяйка, смотрѣвшая ему въ слѣдъ.

Когда онъ вошелъ къ Джону, то нашелъ его и его жену убитыми отчаяніемъ; они сидѣли передъ огнемъ, туло устремивъ въ него глаза. Они почти не замѣтили его прихода. Надежда найти свое любимое дитя живымъ — покинула ихъ; они считали его погребеннымъ подъ однимъ изъ множества напесенныхъ снѣжннхъ съ сугробовъ, и надѣялись только на печальное свиданіе весной, когда растаютъ глубокіе снѣга.

Когда усталый Бертонъ поставилъ свою ногу на землю, раскуталъ маленькую Кипти и сказалъ: «вотъ, Джонъ, ваша Кипти», изъ стѣпенной материнской груди вырвался громкій крикъ. Но Джонъ вскопчилъ на ноги, схватилъ руку своего стараго товарища и нетвердымъ голосомъ проговорилъ: «Бертонъ, старшій товарищъ!» Потрясенный внезапной переменою своихъ чувствъ, онъ снова упалъ на стулъ и громко зарыдалъ, давъ полную волю слезамъ. Бертонъ опять завелъ рѣчь: «Джонъ, старшій товарищъ! Возьми себѣ эти сорокъ десятнигъ. Мнѣ просто страшно подумать, что я чуть было не сдѣлалъ убійцей отца нашей маленькой Кипти».

Джонъ быстро поднялся съ мѣста и воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Оставь ихъ себѣ. Я сдѣлаю законный актъ, по которому ты будешь единственнымъ владѣльцемъ этого участка».

Такъ онъ и сдѣлалъ, но Бертонъ подарилъ землю Кипти. Съ тѣхъ поръ это мѣсто такъ и называется: «Сорокъ Киптиныхъ десятнигъ».

Н А Р О Д Ы Р О С С І И.

XXV. Кавказскіе татары.

Между народами Кавказа, о которыхъ я уже говорилъ въ «Нивѣ», самое незамѣтное мѣсто безспорно принадлежитъ Татарами; здѣсь ихъ насчитываютъ вемного болѣе ста тысячъ. Живутъ они, по преимуществу, въ Ставропольской губерніи и въ юго-восточномъ Закавказьи. Первые носятъ общее названіе «степныхъ татаръ», а вторые дробятся на три незначительныя племена: «кумыкское», «трухменское» и «ногайское». «Степные татары» ведутъ жизнь кочующую, переходятъ съ своими стадами съ мѣста на мѣсто и по образу жизни очень сходны съ киргизами или калмыками, рядомъ съ которыми они живутъ на кочевкахъ. «Закавказскіе татары», наоборотъ, предпочитаютъ городскую жизнь степной и охотно пріобрѣтаютъ разную недвижимую собственность, — не только подражая въ своей жизни Персамъ, но даже заимствуя отъ нихъ моду на ношеніе платья и въ особенности мѣховыхъ шапокъ. Поэтому и живутъ татары въ ближайшихъ провинціяхъ къ персидской границѣ; такъ напримѣръ, города Куба, Шемаха, Баку, Шуша — это, можно сказать, главнѣйшіе пункты облюбованные татарами. Тутъ имѣютъ они свои отдѣльныя части города, гдѣ кромѣ нихъ никто уже не поселяется; а нѣкоторые изъ нихъ, конечно, изъ бекскихъ (дворянскихъ) родовъ, владѣютъ значительною собственностью,

состоящую изъ городскихъ домовъ и въ особенности изъ близлежащихъ фруктовыхъ садовъ, шелковичниковъ, виноградниковъ, и пр. и пр.

Дома богачей отдѣланы съ чисто-восточною роскошью. Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ путешественникъ: «Въ залахъ карнизы у потолка нерѣдко покрыты золотыми арабесками по голубому и красному фону; въ нишахъ, которые сдѣланы въ стѣнахъ въ видѣ украшенія, лежитъ по нѣскольکو свернутыхъ постелей вышитъ съ одѣялами, которыя вечеромъ развертываютъ на коврахъ, для того чтобы онѣ всегда были готовы къ услугамъ случайныхъ гостей. Между нишами развѣшено великолѣпное оружіе. Отъ пола и до высоты человѣческаго роста, стѣны покрыты коврами. Стѣнные зеркала составляютъ изъ маленькихъ, съ шифовкой по краямъ, расположенныхъ въ общей рамѣ въ персидскій манеръ. Деревянные этажерки, расписанныя яркими красками, заставлены множествомъ фарфоровыхъ чашекъ и другими бездѣлушками китайскаго и персидскаго происхожденія. Наконецъ, тамъ и сямъ видѣются великолѣпныя сруби и два или три сѣда, вышитыя золотомъ съ рѣдкимъ искусствомъ и безконечнымъ терпѣніемъ».

Но большинство ихъ, т. е. масса населенія, страдаетъ отъ

бѣдности и еле-еле перебивается. Впрочемъ, надо замѣтить, открыто на свою судьбу они не ропщутъ *), ибо кажется сами сознають, что они же главнымъ образомъ и виноваты въ своей бѣдности. И дѣйствительно: восточная лѣнь и любовь къ кейфу настолько отвратили татаръ отъ правильного труда, что каждый «правовѣрный» (если только онъ не торговецъ) скорѣе согласится кушать одну зелень и ходить въ рубищахъ, нежели работать и какъ слѣдуетъ трудиться—это во первыхъ; а во вторыхъ, слѣпо повинаясь буквѣ магометанства и потворствуя своимъ страстямъ, татары женятся обыкновенно (какъ и персы) очень рано, притомъ на нѣсколькихъ женахъ разомъ—такъ что у каждого изъ нихъ является очень быстро огромная семья, содержащую которую безъ средствъ и безъ усиленнаго труда дѣлается почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе что женщины сидятъ въ заперти, никому не показываясь и противъ воли тунеядствуютъ... Отсюда является бѣдность и—какъ спутница ея—такая страшная неопрятность, какая встрѣчается развѣ только у персовъ, которыхъ по справедливости считаютъ на Кавказѣ истинными врагами всякой чистоты и опрятности... Такимъ образомъ, закавказскіе татары почти во всемъ главномъ сходятся съ персами; за исключеніемъ, впрочемъ, единственнаго и весьма замѣтнаго качества: персы очень робки и чрезвычайно деликатны въ обращеніи; татары, напротивъ, грубы и дерзки. И что, между

прочимъ, достойно замѣчанія: въ городахъ гдѣ преобладаютъ, хотя количественно, персы и гдѣ достаточно русскаго населенія, какъ напримѣръ въ Баку,—тамъ татары несравненно скромнѣе, чѣмъ ихъ же кровные братья напримѣръ въ Кубѣ, гдѣ между татарами терются русскіе и персіане. Поэтому въ Шемахѣ, въ Шумѣ или въ Баку еще возможно увидать, хоть и не часто, татарина или малаго татарченка за работой; тогда какъ въ Кубѣ это уже величайшая рѣдкость. Наконецъ, въ Баку татары по-немногу принимаютъ наши вишніе привычки и даже нѣкоторые изъ нихъ не брвють иногда дѣтямъ головы; въ Кубѣ же этого нѣтъ: тамъ татары—всѣ бритые, нѣтъ важные-преважные, постоянно спуютъ по городу безъ дѣла или возлежать въ садахъ или просто на улицахъ, распѣвая свои пѣсни, лишены всякой мелодіи; хотя языкъ татарскій напоминаетъ музыкальнѣйшій языкъ въ мірѣ—итальянскій и даже отчасти, по замѣчанію Гилденштедта, испанскій и португальскій.

Остается для полноты очерка сказать, что татары одѣваются вообще по азіатски *), а духовныя ихъ лица носятъ болѣе просторное платье, безъ всякихъ воинственныхъ доспѣховъ, замѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ высокую баранью шапку чалмою изъ бѣлой матеріи. Лица эти, пользуясь извѣстнымъ уваженіемъ, держать себя еще важнѣе.

В. Сафоновъ.

АНГЛІЙСКИЙ СОЛДАТЪ.

Каждый англійскій солдатъ—«волонтеръ». Это звучитъ очень пріятно, не правда ли? Онъ идетъ въ военную службу не «по неволѣ». Однако же это добровольно желаніе весьма условно, такъ какъ «волонтеръ», только испытывъ всевозможныя житейскія поприща и на всѣхъ ихъ потерпѣвъ полнѣйшее крушеніе, рѣшается наконецъ, и то скрѣпя сердце, идти на «королевскій шпильннгъ». Этимъ онъ болѣею частью сжигаетъ свои корабли. Полное предразсудковъ англійское общество, даже низшій классъ, смотритъ на него неблагопріятно, потому что въ ихъ глазахъ онъ пересталъ быть личностью, пользующеюся всѣми правами свободы.

Появленіе «красныхъ мундировъ» въ вагонѣ желѣзной дороги или въ харчевнѣ—часто выгоняетъ оттуда мирныхъ мѣщанъ. Даже въ парламентѣ одинъ военный министръ выразился развѣ, что бѣдныхъ рекрутовъ «сметаютъ, кажется, изъ уличнаго сора». Всѣ эти мнѣнія жестоки и несправедливы; изъ исторіи мы видимъ, что какъ скоро война имѣла патріотическую цѣль, подъ знамена добровольно шли не одни тѣ, кого принуждалъ тяжелый гнѣтъ борьбы за существованіе. Разумѣется, нельзя сравнивать англійскаго солдата съ русскимъ. Въ такомъ сродномъ, наименномъ роискѣ, не можетъ быть того единодушія, того энтузіазма, какъ тамъ, гдѣ каждый стоитъ рядомъ съ своимъ братомъ и каждый готовъ «костыль лечь» за матушку Россію и за православную вѣру. Тѣмъ не менѣе, англійскіе солдаты, какіе бы они ни были, «вербованные», «наемные» или даже «сместенные изъ уличнаго сора»,—дерутся хорошо и отличаются храбростью, особенно шотландцы и ирландцы. Это доказали войны въ Индіи и Китаѣ. Между тѣмъ, надо замѣтить, что въ англійской арміи солдатъ также не имѣетъ никакихъ шансовъ на повышеніе; въ мирное время онъ не можетъ дослужиться болѣе какъ до сержанта, а въ военное, очень рѣдко, въ какомъ нибудь исключительномъ случаѣ, можетъ получить чинъ выше этого.

Только два года, какъ въ англійской арміи отмѣнена покупка офицерскихъ чиновъ. Прежде каждый чинъ имѣлъ свою таксу, доходившую до нѣсколькихъ тысячъ. Выходившій въ отставку продавалъ свой офицерскій патентъ, стараясь сдѣлать это какъ можно выгоднѣе для себя. Этими «дѣлами» занимались продуманные агенты съ той и съ другой стороны. Про солдата же можно съ достовѣрностью сказать, что онъ ни подъ какими видами не носитъ въ своемъ ранцѣ маршальскаго жезла, какъ наполеоновскіе гренатеры «великой арміи». Повышеніе изъ нижнихъ чиновъ въ офицерскіе немислимо. Такіе примѣры какъ возвышеніе Гавелона, спасшаго для Англіи Остъ-Индію—исключеніе. Это и могло случиться только вслѣдствіе необходимости минуты и притомъ только въ колоніи, за много тысячъ миль отъ законрѣбной въ сословныхъ предразсудкахъ метрополіи.

Полный составъ англійской арміи только и поддерживается барабаномъ вербовщика. «Два фунта стерлинговъ карманныхъ денегъ—и красный мундиръ»—вотъ что выбиваетъ барабанъ, проходя Англію, Шотландію и Ирландію, отъ населенныхъ рыбаками Гебридскихъ острововъ до южной оконечности Корнваллеса, гдѣ живутъ въ хижинахъ, имѣющихъ подобіе пещеръ,

стойкіе, мрачные потомки береговыхъ разбойниковъ и сильные рудокопы. Тамъ, гдѣ по дорогамъ стоятъ на каждомъ шагу кабаки,—гдѣ пріютилась нищета съ своимъ слезами и дѣти ходятъ въ такихъ лохмотьяхъ, что ихъ нанимаютъ служить чучелами на пшеничныхъ поляхъ,—гдѣ господствуетъ англійскій джиннъ, шотландскій портеръ и ирландская виски,—тамъ навѣрное не долго ждать вербовщика. Уже онъ тутъ въ «красномъ мундирѣ», или, чтобъ лучше удалась хитрость, въ статскомъ платьѣ. Хитрость и спаванье—самые дѣйствительные помощники вербовщика, который побрякиваетъ червонцами, угощаетъ всѣхъ «даромъ», сыплетъ неистощимыми анекдотами, ухаживаетъ за матеріями, расписываетъ невѣстѣ какъ ея возлюбленный вернется къ ней капитаномъ въ разпущтомъ золотомъ мундирѣ, жметъ на право и на-лѣво, даетъ всяческія клятвы, и мастеръ позабавитъ народъ. «Жизни—это танецъ; солдатская служба—полонезъ»; вѣдь ужъ кому жъ лучше знать, какъ не ему! тостъ за тостомъ, брудершафтъ за брудершафтомъ—«Гинн! гинн! Ура!» Шпильннгъ тихонько скользитъ въ руку—и птичка поймана. Вербовщикъ сдѣлалъ свое дѣло.

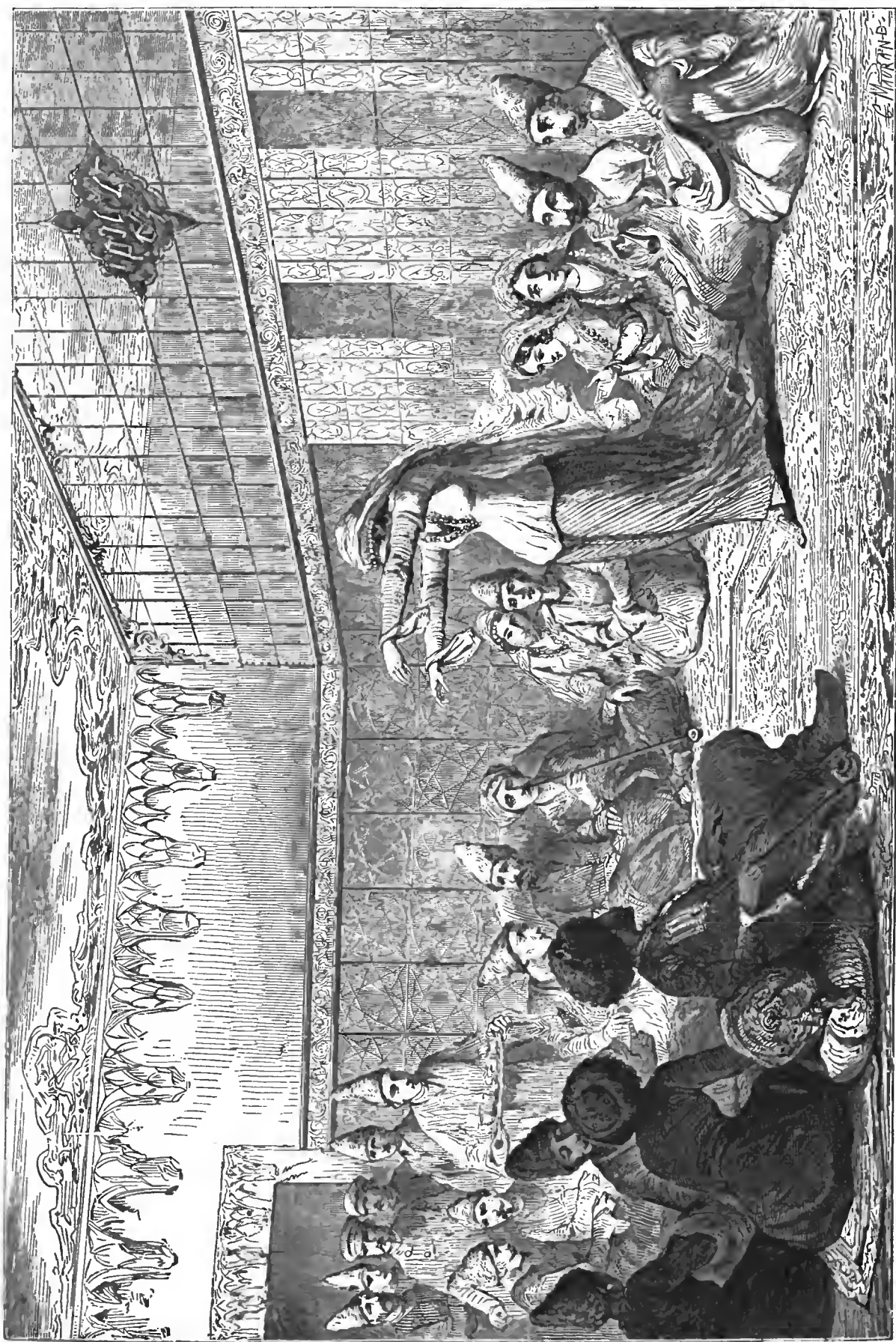
На слѣдующее утро, Томъ или Джекъ просыпается съ жестокой головной болью и съ недоумѣніемъ смотритъ на красную съ синимъ и бѣлымъ кокарду, которую во время вчерашняго кутежа приколотилъ къ его фуражкѣ состоящія на офиціальномъ жалованьи женщины. У него нѣтъ денегъ, чтобы выкупиться. Его ведутъ къ доктору, осматривающему его мускулы и члены, потомъ къ присягѣ, а черезъ недѣлю и на корабль—и отправится онъ черезъ всѣ михорадочныя станціи, въ Вестъ или Остъ-Индію или Америку. Если рекрутъ на другіе сутки убьютъ и спрячется у своей матеріи, это ему нисколько не помогаетъ. Вербовщикъ явится къ нему съ тремя солдатами, розничетъ его гдѣ бы онъ ни былъ, наложитъ ему ручные кандалы—и онъ будетъ присужденъ къ плети, такъ-называемой «девятыхвостной кошкѣ», съ девятью узлами на каждомъ хвостѣ. Ему аккуратно отсчитаютъ 81 ударъ, а не то такъ припалать и желѣзомъ. И тогда простн—ирошай, на многіе годы.

Шагахъ въ двухстахъ отъ зданія парламента въ Вестминстерѣ есть одна улица, называемая Карлстритъ. Тамъ, около гвардейскихъ казармъ, въ безчисленныхъ пивныхъ, кишатъ вербовщики. Ихъ легко узнать по краснымъ съ бѣлымъ и синимъ лентамъ, развѣвающимся на надѣтыхъ на бекрень шапкахъ, и по тростниковой палкѣ, этомъ знаменательномъ признаку—ихъ достоинства, такъ какъ военные не имѣютъ права носить оружіе, иначе какъ при непосредственномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Но болѣе всего изобличаетъ ихъ удалая наружность, жирное красное лицо, веселыя остроты и лукавое похлыванье по плечу всякаго, у кого замѣтятъ не слишкомъ тонкое бѣлье, но за то прямые ноги и сильные члены. Звонъ стакановъ, пѣсни и смѣхъ въ сосѣднихъ кабакахъ, доказываютъ, что нѣкогда не бываетъ недостатка въ жертвахъ.

Стройные молодчики поступаютъ въ гвардію, которая состоитъ изъ трехъ пѣхотныхъ и трехъ кавалерійскихъ полковъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ 1-й и 2-й лейбъ-гренатерскій полки и королевская конная гвардія, имѣющая синопю форму, почему конногвардейцевъ и называютъ «синими». Пѣхотные полки суть:

*) Конечно, я не считаю ропотомъ тѣхъ случаевъ, когда татары выходятъ съ полями на большую дорогу; а это—хоть рѣдко, но за ними водятъ, только не въ Бабинской губерніи.

*) Костюмъ азіатскій уже извѣстенъ читателямъ «Нивы» изъ изобразительныхъ статей.

Вечеръ у закавказскаго татарина. Рис. и грав. Моранъ.

гвардейскій гренадерскій, гольдстримскій гвардейскій полкъ и шотландскіе стрѣлки. Гвардія стоитъ въ Лондонѣ, Виндзорѣ и Дублинѣ. Гвардейскіе офицеры почти исключительно принадлежатъ къ аристократическимъ фамиліямъ, и пользуются привилегіями, какихъ далеко не изгнѣютъ ихъ товарищи по арміи. Они рѣдко бываютъ больше мѣсяца кряду на дѣйствительной службѣ, а когда послѣ шести или десятилѣтняго отсутствія приѣзжаютъ въ полкъ, то должны прибѣгать къ услугамъ экзерцирмейстера, чтобы вспомнить немного всѣ необходимыхъ приемы. При этомъ большинство этой «золотой молодежи» ведетъ такой образъ жизни, что трудно кому-либо перещеголять ихъ въ этомъ отношеніи.

Вообще говоря, гвардейская служба не обременительна. Послѣ ученія, солдаты расходятся по соседнимъ паркамъ, чтобы любовничать тамъ съ молодыми нянюшками, другіе развлекаютъ себя за стаканомъ пива или джина, третьи спать цѣлый день. Учрежденіе гвардейскихъ манерокъ оставляетъ желать многого. Солдатъ можетъ тамъ пить до тѣхъ поръ, пока не повалится безъ чувствъ на полъ; единственное наказаніе, какому онъ подвергается за такое пьянство, это уменьшеніе жалованья на извѣстный срокъ. Въ одномъ углу распивочной сидитъ кучка солдатъ играющихъ въ карты, сопровождая каждый ходъ страшными проклятіями. Въ другомъ углу солдаты хохочутъ съ безстыдными женщинами. Подъ столами всегда валяются нѣсколько человѣкъ безчувственно пьяныхъ. Ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ пройти мимо, чтобы не быть оскорбленнымъ. Такова система манерокъ избранныхъ полковъ британской арміи. Въ казармахъ, британскій гвардеецъ не рѣдко бываетъ наглымъ попропайкой, иногда просто даже уличнымъ грабителемъ.

Англійскій солдатъ мало, или почти совсѣмъ не знаетъ того

«esprit de corps», которое такъ сильно въ другихъ арміяхъ. Да откуда и быть у него этому чувству? Мѣщанское сословіе его не уважаетъ, отечество не оказываетъ ему благодарности. «Благодарное отечество своимъ вошмамъ!» такъ гласитъ надпись на какомъ-то монументѣ въ западной части Лондона. Но въ двухъ шагахъ отъ него зачастую вы увидите двухъ людей, не каменныхъ статуи, а живыхъ людей съ плотью и кровью; лица и руки ихъ коричневыя отъ загара—у обоихъ только двѣ руки—по одной живой—вмѣсто другой болтается пустой рукавъ, рука раздроблена и отнята послѣ жаркаго сраженія; оба инвалиды одѣты въ красные мундиры, солдатскія панталоны, на головѣ у нихъ красная солдатская фуражка, на лбу широкіе рубцы отъ ранъ, и на груди три медали, за «Индію», за «Китай» и за «Крымъ». У каждого изъ нихъ, кромѣ того, падаютъ на груди дощечка съ надписью: «Уволены по болѣзни съ трехмѣсячнымъ пенсіономъ по шести пенсовъ въ день». Оба героя — просятъ милостыню! Они въ теченіи одного десятилѣтія сражались въ трехъ войнахъ, и имѣли несчастье сдѣлаться героями раньше, чѣмъ это допускаетъ буква закона, чтобы имѣть право на поступленіе въ инвалидный домъ, содержимый государствомъ. Ихъ уволили за болѣзью, то есть вытолкали пробиваться чѣмъ знаешь по міру, или что еще хуже, по Лондону. Англійское правительство отягивало выдачу обѣщанныхъ денегъ отъ военной добычи въ Керчи, Делі, и проч.—радъ побѣдъ было довольно длинное! — по пяти, восьми, девяти, двѣнадцати лѣтъ. Еще въ 1868 г. государственные люди толковали объ уплатахъ за 1855 годъ. Когда же наконецъ начали платить, потому что прессы уже слишкомъ несносно напоминала объ этомъ, то третью людей оказалась въ могилѣ, жены и дѣти ихъ также большею частію погибли отъ нужды, а другіе принуждены были за ничто продать свои права разнымъ великодушнымъ Авраамамъ Шейлокамъ.

М А С Л Я Н И Ц А.

Масляница встарину имѣла преимущественное значеніе *прошенихъ дней*, т. е. поклоненія гробамъ умершихъ родственниковъ и припренія со всѣми живыми свойственниками, знакомыми и домашними. А потому въ высшихъ слояхъ московскаго государства, всегда отличавшихся любовью къ религіознымъ обрядамъ, масляница проходила чинно и пристойно ея значенію.

Въ *недѣлю масопустную*, т. е. въ воскресенье передъ масляницей, въ Москвѣ происходило такъ-называемое *дѣйствіе с. праснаго суда* на площади за алтаремъ Успенскаго собора по особому *чиновнику* или уставу. Здѣсь присутствовали царь и патріархъ, со всѣми боярами и прочими официальными лицами. Противъ царскаго и патріаршаго мѣста, на рундукѣ, обитомъ краснымъ сукномъ, поставлялся образъ страшнаго суда; самъ патріархъ обтиралъ его губкою, совершалъ моленіе и т. д. Передъ выходомъ на площадь, государь тайно посѣщалъ тюрьмы и богадѣльни, раздавая щедрую милостыню.

Съ половины масляницы наступали *прошенье дни*. Въ среду царь ѣздитъ въ городскіе монастыри и монастырскія подворья, — въ четвергъ и пятницу объѣзжалъ загородные монастыри: Новоспасскій, Симоновъ, Андрониковъ, Новодѣвичій и проч. Въ Новоспасскомъ монастырѣ государь *прошлись* у гробовъ родителей. Въ пятницу или субботу государь съ боярами и патріархъ со всѣми ходили для *прошенія* къ царицѣ въ ея золотую палату.

Въ *недѣлю сыропустную*, т. е. въ воскресенье передъ постомъ, царь совершалъ обрядъ прошенія съ чинами духовными и служилыми. Вечеромъ государь, въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ, шествовалъ въ Успенскій соборъ, а потомъ къ патріарху въ Крестовую палату, которая на этотъ случай снаряжалась сукнами и коврами. Здѣсь собиравшись всѣ духовныя власти, тутъ же устраивался царскій *питейный постъ* *свѣтъ* Сытнаго двора, а питеи отпускалъ думный дворянинъ съ думнымъ дякомъ. Государь со всѣмъ духовенствомъ палъ *прошальными чинами*: сначала кубки романа, ренскаго, да бастры; потомъ въ золотыхъ ковшяхъ красный медъ; напоследокъ въ серебрянныхъ ковшяхъ бѣлый медъ. Отъ патріарха государь шествовалъ въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри, въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ *прошались* у св. мощей и гробовъ родителей. Точно такой же обрядъ прошенія происходилъ и у царицы — съ ея дворомъ.

Въ этотъ же день царю докладывали о «колодникахъ, которые въ какихъ дѣлахъ сидятъ многія лѣта» — и многихъ изъ нихъ, особенно не тяжко-виновныхъ, царь освобождалъ по этому докладу.

Таково-то провозжали масляницу въ верхнихъ слояхъ старомосковской жизни. Въ народѣ же *масляница* всегда имѣла и нынѣ имѣетъ преимущественно значеніе *заговенья*, другими словами: широкаго разгула передъ великимъ постомъ. Это недѣля честная, веселая, широкая масляница; объѣдуха — деньгамъ приберуха; она тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка. Каждый день на масляной имѣетъ свое особое названіе: понедельник — *встрѣча*; вторникъ — *заигрыши*; среда — *лакомка*; четвергъ — *широкій*; пятница — *тешнины*; суббота — *зюловкины посидѣлки*; воскресенье — *проводы*, *прощанье*, *цѣловникъ*, *прощенный день*. Масляница — это первая *встрѣча* весны послѣ суровыхъ, холодныхъ святокъ. На свѣткахъ гадать о судьбѣ, объ урожаѣ, о замужествѣ, къ свадьбамъ готовятся. Къ масляницѣ всѣ уже переженились и веселятся безпечно, беззаботно, загрозо.

Масляница — но преимуществу праздникъ великорусскаго племені; блины и катанья съ пѣснями — неизмѣнные ея спутники. Даже на дальней сѣверной границѣ Великорусіи — въ Новгородской губерніи — и тамъ пекутъ блины да *рыбники* (рыбные пироги), варятъ поливо, насаживаютъ по нѣскольку бабъ въ одинъ сани и ѣдутъ по соседнимъ деревнямъ съ пѣснями, гармониками и бубенчиками, забѣгаютъ къ знакомымъ, пляшутъ и поютъ пѣсни; а по вечерамъ парни жгутъ цѣлыя кучи бересты на улицѣ. Даже на крайней восточной чертѣ — всякій пермякъ непременно варитъ брагу и пиво, печетъ блины, олады, сырники и рыбные пироги; вся молодежь катается на салазкахъ съ природныхъ горъ и разѣзжаетъ въ саняхъ по окрестнымъ деревнямъ. Въ центральныхъ же, среднихъ губерніяхъ — и говорить нечего: здѣсь обрядность сохранилась даже въ подробностяхъ. Посмотрите на прилагаемый рисунокъ, воспроизводящій во всей его типичности поѣздъ масляницы.

Выбираютъ самую разбитую, толстую, румяную бабенку и сажаютъ на высокія подмостки, прилаженные къ задку саней; тутъ же на толстой жерди укрѣпляется колесо, иногда снопъ соломы или елка разубранная лентами разныхъ цвѣтовъ: все символы приближающейся весны и хмѣльнаго, кругальнаго веселья. Бабенка представляетъ самую *широкую честную масляницу*. Въ передокъ саней заваливается какой-нибудь захудалый мужиченка съ балабайкой. Лошадей запрягаютъ цугомъ, подвязываютъ бубенцы-шаркуны — и вотъ, подъ предводительствомъ перваго пропоницы на селѣ, процессія трогается. Къ масляничнымъ санямъ присоединяется вереница дружекъ — и вся ватага съ пѣснями, хохотомъ и прибаутками несется проселкомъ, а то и по цѣлині — въ окрестныя деревни.

Животные, которые притворяются мертвыми.

Фукс, в своем сочинении о жизни животных в сравнении с жизнью человека, высказывает мнение, что задача ветеринара легче задачи доктора, потому что животные не притворяются. «Иногда кажется, говорить о том, что они это делают, по их действительности, в таких случаях, они или в самом деле страдают, или при живом напоминании бывшей боли, боятся ее возобновления. В подтверждение своих слов, автор приводит примѣры одной лошади, которая, больно ушибив раз ногу на одном мѣстѣ, вслѣдствіе чего она стала хромать, долго послѣ этого, уже совершенно выздоровѣвъ, какъ только приближалась къ этому мѣсту, всегда начинала хромать; мнивая въ это мѣсто, лошадь бѣжала безъ малѣйшей хромоты.

Однако же наблюдение показываетъ, что животные весьма способны притворяться; извѣстны случаи *преднамереннаго притворства* у собакъ, кошекъ, обезьянъ, домашнего скота, и т. д., когда они сдѣлали или собираются сдѣлать что либо запрещенное. Разказываютъ объ обезьянѣ, которая, если ее кто обидѣтъ, бывала очень привѣтлива къ своему оскорбителю, чтобы отплатить у него всякое подозрѣніе, и ждала удобной минуты мѣстечко у печки, куда товарищи ея успѣли забраться раньше ея. Вдругъ она съ отчаяннымъ лаемъ бросается къ двери, какъ будто бы тамъ былъ кто-нибудь чужой. Всѣ собаки послѣдовали ея примѣру, и пока онѣ также по во всемъ силѣ заливались лаемъ, хитрецу удалось завладѣть самымъ великодушнымъ уголкомъ у теплой печки. Одинъ попугай очень любилъ всякіе блестящіе предметы. Когда онъ вылеталъ изъ кѣтки и сидѣлъ на столѣ или на подоконникахъ, ему запрещалось играть такими вещами. Онъ долгое время дѣлалъ видъ, будто занимается со своимъ другомъ, не выпуская между тѣмъ изъ глазъ того, отъ кого исходило запрещеніе. Иныя только тотъ немного отворачивала голову, попугай тотчасъ же схватывалъ запрещенный предметъ.

Хитрость и притворство, свойственныя животнымъ, соединяются въ слѣдующемъ примѣрѣ. Мѣсто дѣйствія—лужайка на окраинѣ дубоваго лѣса. На этой лужайкѣ кошка играетъ съ пойманной мышкой въ жестокую игру, которая состоитъ въ томъ, чтобы поппидному выпускать несчастную мышку, но тотчасъ же выплывать въ нее убійственными когтями, прежде чѣмъ она успеетъ ускользнуть въ какую-нибудь щелочку. Вдругъ—такъ разказываетъ наблюдатель—надъ трагической сценой раздается съ самаго высокаго дуба громкій крикъ сороки; птица съ верхней вѣтви перелетѣла на одну изъ нижнихъ, выдающихся впередъ вѣтвей дерева и жадными глазами смотрѣла на продолжки кошки съ мышкой. Появленіе сороки не осталось незамѣченнымъ коварной кошкой; однако она только пскоса поглядѣла на непрошенную зрительницу, и не оставила своей забавы. Сорока, между тѣмъ, не переставая громко кричать, совѣмъ сошла на землю и подошла къ кошкѣ сзади. Послѣдняя сердито обернулась, и не выпуская своей маленькой жертвы изъ глазъ, прыгнула къ сорокѣ, которая уже преспокойно опять сидѣла на своей вѣткѣ. Кошка продолжала заниматься мышкой; конецъ бѣднѣжки былъ уже кажется близокъ, однако она еще могла кое-какъ пробѣжать нѣсколько шаговъ. Какъ только кошка приблизилась къ мышкѣ, сорока ужъ опять была тутъ какъ тутъ, и на этотъ разъ преслѣдовала кошку еще ближе. Кошка опять дѣлаетъ скачекъ къ птицѣ, но опять напрасно, потому что эта послѣдняя, прежде чѣмъ до нея успѣли достичь кошкины когти, уже по прежнему сидѣла на своей вѣткѣ. Когда кошка вернулась къ мышкѣ, онъ уже лежалъ при послѣднемъ издыханіи. Въ мигъ сорока была опять на землѣ, и такъ близко къ кошкѣ, что чуть не доставала до кончика ея хвоста. Кошка въ ярости бросается на сороку, та опять ускользаетъ у нея; кошка вскакиваетъ на дубъ и карабкается вверхъ, преслѣдуя своего врага. На это-то очевидно и рассчитывала сорока; она слетѣла съ дерева къ мертвому мышкѣ и унесла его въ своемъ клювѣ, а кошкѣ предоставила только посматрѣть себѣ вслѣдъ.

Это притворство достигаеъ у нѣкоторыхъ животныхъ способностью *прикидываться мертвыми*. Остановимся здѣсь на нѣсколькихъ примѣрахъ этой способности. Одна изъ самыхъ пестрыхъ, робкихъ, и выѣстъ съ тѣмъ умнѣйшихъ птицъ, находящихъ себѣ пищу какъ на землѣ, такъ иногда и довольно высоко въ воздухѣ—это удоу. Его всегда легко узнать по красновато-сѣрому брюшку, а особенно по крыльямъ, широко окаймленнымъ бѣловатой и черной полоской, и по такому же хвосту. Несмотря на это, природа тѣмъ старательнѣе надѣлила ее умнѣемъ, въ минуту опасности, быстро дѣлать себя неузнаваемымъ даже для самыхъ зоркихъ хищниковъ. Завидя такого врага, а часто и просто похожую только на него птицу, которую со страху робкій удоу принимаетъ за хищную, онъ не только припадаетъ къ землѣ, какъ ласточка—и многія другія, такъ, называемыя земляныя птицы (вѣдь при его яркіхъ перьяхъ, его все таки легко было бы различить),—нѣтъ, на время опасности, онъ вовсе пзмѣняетъ свой птичій видъ. Но какимъ же образомъ достигаетъ онъ этого? Очень просто: онъ плашмя бросается на землю, откинувъ голову назадъ, распустивъ хвостъ и

сложивъ колесомъ полу-распущенные крылья; въ этомъ положеніи онъ можетъ очень удобно и азглядѣть и спокойно наблюдать своего мнимаго или дѣйствительнаго врага. Невозможно понять его въ этомъ видѣ за живую птицу; всякій скажетъ, что это валяется доскутокъ старой, полосатой тряпки. Такимъ-то образомъ онъ обманываетъ хищныхъ птицъ, припадывая до тѣхъ поръ, пока онѣ не пролетятъ мимо. Между тѣмъ какъ своимъ, хотя легкимъ, но тѣмъ не менѣе довольно медленнымъ полетомъ ему ни за что не спастись отъ быстрого какъ стрѣла ястреба или сокола; а стоило бы ему только подняться на воздухъ и пестрыя его перушки какъ разъ привлекли бы къ себѣ ихъ взоры.

Удоу чрезвычайно пугливъ—и часто видитъ опасность тамъ, гдѣ ей вовсе нѣтъ. Другой разъ надъ полемъ или пастбищемъ пролетаютъ недалеко отъ него ласточки, а онъ ужъ испугается, и только много времени спустя возобновляетъ прерванные поски птицы. Но появленіе хищной птицы приводитъ его просто въ отчаяніе. Вышеописаннымъ образомъ бросается онъ на землю, и вертикально выставляетъ клювъ вверхъ. Всѣ его товарищи, находящіеся по близости, дѣлаютъ тотчасъ же то же самое. Только вопліи убѣдясь что опасность миновала, удоу принимаетъ свой натуральный видъ и снова весело прыгаетъ по полю.

Еще многія другія птицы обладаютъ способностью—для своей защиты притворяться мертвыми. Чепура, при приближеніи человека, вытягивается и стоитъ неподвижно, точно стоабу. Бѣкасъ, завидя опасность, плашмя прижимается къ землѣ, и именно на такомъ мѣстѣ, которое соответствуетъ цвѣту его перьевъ. Дикіе гуси, во время линянья, когда они не могутъ летать, для избѣжанія опасности, вытягиваются на землѣ точно мертвые, такъ что неопытный охотникъ пройдетъ мимо, думая что это лежатъ мертвая птица. Перепелъ, выоркутъ, также иногда изъ хитрости прикидываются мертвыми, и быстро ускользаютъ изъ рукъ обманутаго птицелова, въ ту минуту какъ онъ развязываетъ силковую петлю или отворяетъ капканъ.

Между млекопитающими есть также нѣкоторыя, отличающіяся не менѣе даромъ прикидываться бездыханными трупамъ; такъ напримѣръ, лисица притворяется такъ искусно, что не мигнетъ, если даже держать зажженную свѣчу передъ самымъ ея глазами. Двухотробка съ пугливымъ упорствомъ притворяется мертвой, какъ бы ни тормозилъ ее охотникъ, даже какъ бы сильно ни кусали собаки; она пошевеливается только или въ дѣйствительныхъ предсмертныхъ мукахъ, или если ее бросить въ воду.

Но величайшихъ виртуозовъ этого искусства представляетъ царство насѣкомыхъ. Жуки, если дотронуться до нихъ, сжимаютъ ноги и щупальцы и прикидываются мертвыми. Многіе изъ нихъ сваливаются въ такомъ видѣ на землю, если имъ угрожаетъ опасность на кустѣ или на деревѣ. Часто это спасаетъ имъ жизнь, такъ какъ большинство насѣкомоядныхъ птицъ совѣмъ не ѣстъ личинокъ и мертвыхъ насѣкомыхъ, когда есть возможность найти живыхъ. Забѣчательны въ этомъ искусствѣ притворства гусеницы геометры. Онѣ обладаютъ особенностью во время покоя, то есть въ то время когда онѣ не ѣдятъ, держаться на однихъ заднихъ ногахъ; передніе же, на оборотъ, онѣ притягиваютъ къ себѣ, и двумя передними третями тѣла, вытягиваются въ сторону отъ вѣтки. Такъ какъ онѣ болѣе или менѣе одного цвѣта съ древесной корой, то въ такомъ положеніи вовсе не похожи на живыхъ существъ, а скорѣе на тоненькій сучечекъ, или маленькую вѣточку безъ листьевъ, или плу. Навозный жукъ прикидывается мертвымъ для спасенія отъ воронъ, для которыхъ составляетъ любимое лакомство.

Этимъ примѣрамъ мы далеко не исчерпали ряда животныхъ, особенно насѣкомыхъ, обладающихъ способностью прикидываться мертвыми; но и сказаннаго достаточно, чтобы остановить вниманіе на этомъ странномъ явленіи. Объяснить его временнымъ обморокомъ—едва ли возможно. Оно основывается скорѣе или на хитрости, или на инстинктѣ. Это подтверждается тѣмъ, что, во всѣхъ своихъ болѣе выдающихся проявленіяхъ, оно преслѣдуетъ одну опредѣленную форму. Это особенно относится къ насѣкомымъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: многія ночныя бабочки получили свои названія отъ ихъ поразительнаго сходства съ увядшими листьями нѣкоторыхъ деревьевъ. Такой же обманчивый видъ имѣютъ нѣкоторыя молевидныя насѣкомыя, личинки которыхъ питаются древесными листвами; когда онѣ неподвижно спятъ на послѣднихъ, то какъ бы составляютъ часть листвы. Но ни въ комъ это сходство такъ не совершенно, какъ въ богомолѣ. Онъ съ своей въ высшей степени странной длиннѣе фигурой и большимъ, но тяжелымъ на подъемъ крыльямъ, ни дать ни взять, маленькая вѣтка съ нѣсколькими увядающими листьями. Шведскій натуралистъ Шарманъ былъ разъ обманутъ такимъ образомъ во время своего путешествія въ Южной Африкѣ. Онъ какъ-то легъ отдохнуть въ тѣни мимозы, положивъ свою шляпу подлѣ себя. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ, какъ на дно шляпы упалъ, какъ онъ думалъ, сухой, на половину свернутый листъ. Но, къ его удивленію, немного погодя, листъ этотъ медленно выплзъ изъ шляпы. Это былъ богомолъ (*Mantis*).

Птичный рядъ въ Апраксиномъ дворѣ.

Передъ наступленіемъ праздниковъ Пасхи и въ особенности Рождества, со всѣхъ концовъ громаднаго нашего государства летятъ по направленію къ Петербургу по желѣзнымъ дорогамъ и

битыхъ зайцевъ, куръ, рябчиковъ, глухарей и т. п. дичи—тутъ цѣлые холмы, потому что собственно *игры* этого добра вахотятся на знаменитой Сѣнной площади. Тамъ вы можете на-

мо собою разумѣется, что какъ для апраксинцевъ, такъ и для коммерсантовъ Сѣнной площади — оттепель — чистая бѣда, ибо вся эта мясная масса долѣе можетъ сохраниться въ морозной

въ Петербургѣ такъ же страшнѣе этимъ торговцамъ, какъ самъ караванъ, идущему по Сахарѣ... Разговоръ между апраксинцами въ птичномъ ряду и на Сѣнной о погодѣ вовсе не по-

ходить на болтовню въ гостиниѣ «о погодѣ»: въ гостиниѣ, въ будuarъ разговариваютъ объ этомъ предметѣ отъ скуки, чтобы только не молчать; а на площадкѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ о *оттеркѣ* со *взморья* говорятъ съ чувствомъ, наморщивъ брови, съ затененными вздохами, ибо вътерокъ зтотъ («чтобъ ему пусто было!») бьетъ прямо по карману...

— Диковинное дѣло, Сидоръ Прохорычъ, говоритъ рыжая борода, обращаясь къ бороде съ просьдью:—третьяго дня морозу было 22 градуса (городовой сказывалъ), а сегодня—и-на: пять!... Вотъ такъ городокъ распрекрасный!...

— А ты, голова, отвѣчаетъ Сидоръ Прохорычъ, моли Бога, что пять-то есть... Этта ежели теперича съ моря Нѣмецкаго потянетъ — адью, братья! Такая теплынь пойдетъ, что любо. Ну и дождичкомъ тово маленько прихлѣснетъ... Коли спустишь рябчиковъ за полцѣны — ставъ Николаю Чудотворцу пудовую свѣчу!...

— И-да, это точно что бываетъ... Городъ — мое почтеніе!

— Городокъ, брать, у насъ строгій...

Птичный рядъ въ Апраксиномъ дворѣ обилуетъ также и всякаго рода живой птицей, которая однако продается по такой высокой цѣнѣ, что даже курица *кусаются*. Въ обширныхъ, хорошо закрытыхъ сараяхъ можно встрѣтить и великолѣпную кохинку, и простую чухонскую курочку. Что касается голубей, то ихъ вообще въ Петербургѣ много, а на рыночныхъ площадяхъ — цѣлыя тысячи. Но они живутъ не въ сараяхъ, а надъ сараями, на сводахъ, т. е. не принадлежатъ къ разряду съдобныхъ пернатыхъ. Впрочемъ, въ послѣднее время и въ Петербургѣ начали употреблять въ пищу голубиное мясо, что, конечно, при дороговизнѣ говядины и рыбы, слѣдовало бы поощрять. Птичка эта можетъ замѣнить говядину на столѣ у тѣхъ, которые не обладаютъ большими средствами, а между тѣмъ, требуютъ хорошаго топлива для своего организма.

Птичный рядъ въ Апраксиномъ дворѣ, въ С.-Петербургѣ. Рис. И. Рупиковъ, грав. К. Баннеть.

внутреннихъ площадокъ Апраксина двора—часть птичнаго ряда.

ткнуться на Моибланъ изъ замороженныхъ свиныхъ тушъ, на Юнгъ-фрау изъ поросятъ и, пожалуй, Давалагири изъ куръ. Са-

атмосферѣ. Подъ дождемъ она быстро портится, вслѣдствіе чего конечно и теряетъ свою цѣнность. Западный (морской) вѣтеръ

дасъ физически, требуютъ хорошаго топлива для своего организма.

С М Ъ С Ъ.

Проблемы так долго существовавшие на всех картах Австралии начинают с прошлого года наполняться целыми рядами новых открытий, из которых одно должно лить свет на наш патристическому самолёту, а именно: въ незападной еще вполнѣ средней части Западной Новой Голландии открыта горная цѣпь, прозванная *Принцессой Мэри*, въ честь Великой Княгини Маріи Александровны. Горы эти были открыты знаменитымъ путешественникомъ по Австраліи *Джильсомъ* въ день бракосочетанія Ея Высочества съ Принцемъ Эдинбургскимъ, вслѣдствіе чего онъ и назвалъ ихъ этимъ именемъ.

Но не одна только эта цѣпь находится теперь на новыхъ географическихъ картахъ Австраліи; уже большая часть незападной до нѣтъ запада покрыта маршрутами и надписями, невольно бросающимися въ глаза. Считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь въ короткихъ словахъ объ сдѣланныхъ послѣднихъ открытияхъ. Прежде всего мы должны сказать объ крайне похвальной дѣятельности Колониальнаго Управленія, которое не смотря на всѣ затрудненія, опасности и издержки, высылаетъ все новыя экспедиціи на далекіи сѣверъ—чтобы основывать тамъ колоніи, а въ пустынные степи Средней Австраліи чтобы изслѣдовать ихъ. Рука объ руку съ этимъ развѣдываются уже знакомыя мѣста, для прокладыванія тамъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ, а также и для геологическихъ наблюдений.

Совершенно особеннаго рода дѣятельность развивается за послѣднее время въ Австраліи—п не проходить года безъ того, чтобы не расширялись наши свѣдѣнія объ этой новой части свѣта. Не смотря на печальныя происшествія (съ Лейкартомъ, Бурке, Вильсомъ и др.), Управленіе и частныя путешественники состязаются въ томъ, чтобы изслѣдовать страну; предпріятія ихъ тѣмъ болѣе достойны удивленія, что всѣ до сихъ поръ сдѣланныя экспедиціи далеко не дали въ практическомъ отношеніи ожидаемыхъ результатовъ, не оплачивали издержекъ и нигдѣ не находили благоприятной для колонизаціи почвы.

За то онѣ послужили географическимъ цѣлямъ и собрали въ короткое время неоцѣнимый матеріалъ, которымъ сравнительно не можетъ похвалиться никакая другая часть свѣта. Въ Африкѣ дѣлались однообразно такіе же экспедиціи, но путешественники этой страны были, вопервыхъ, всегда почти поддерживаемы правительствами или учеными обществами, а во вторыхъ, за исключеніемъ сѣверныхъ частей, боролись болѣе съ людьми чѣмъ съ негостеприимною природою; въ Австраліи же бѣдные изслѣдователи должны были преодолевать самыя страшныя опасности и препятствія именно со стороны природы. Большия тощія пространства съ изрѣдка разбросанными озерками соленой воды, и песчаные холмы съ густыми зарослями ядовитыхъ терновниковъ *спинифекса* (*Triodia irritans*) мѣняются здѣсь съ высокими каменными степями и большими солеными болотами,—и только въ дождливыя времена года отдыхаетъ усталый глазъ путешественника на зеленѣющемъ лугѣ и находитъ по близости горы хотя и по каплямъ но все же свѣжую воду. Если прибавить ко всему еще тропическую жару, то легко можно понять тѣ ужасныя бѣдствія и затрудненія, съ которыми приходится бороться путешественнику.

Въ 1869 году неутомимый Форрестъ сдѣлалъ свою послѣднюю попытку напасть на слѣды Лейкарта и отправился для этого сначала изъ *Перта* на сѣверъ, а потомъ по направленію къ востоку почти въ самый центръ страны.

Сухая почва съ скудною растительностью, пересѣкаемая большими солеными болотами, и почти совсѣмъ безводныя пространства—вотъ каковы были результаты этой поѣздки. Въ 1870 и въ 1871 г. изслѣдовалъ тотъ же неутомимый путешественникъ мѣстность Большой Австралійской бухты и озера Лейфроя, но также не удачѣе. Въ томъ же 1871 г. тщетно старался Браунъ проникнуть, начиная отъ *Кампанскаго* залива, черезъ озеро *Аустинъ* и гору *Каллонеръ* въ средину страны; а Колониальное Управленіе выполняло въ это же время одно изъ труднѣйшихъ предпріятій, проводя телеграфъ чрезъ громадныя степныя пространства, между портомъ *Авустой*, находящимся въ *Спенсерскомъ* заливѣ и портомъ *Дарвиномъ*, лежащемъ на далекомъ сѣверѣ,—перерѣзая такимъ образомъ средину всего континента. Только-что предпріятіе это осуществилось, какъ всѣ телеграфныя станціи внутри страны стали служить исходными пунктами новыхъ экспедицій. Принимая станціи *Леди Шарлоты Ваттерсъ* и *Алисы Спрингъ* за исходныя точки, *Джильсъ* сталъ изслѣдовать сѣверо-западную часть страны съ ея знаменитымъ *Чемберсъ-Пикомъ* (каменный пирамидальный утѣсъ вышиною въ 230 футовъ, представляющій собою высокій геологическій интересъ, какъ единственный остатокъ прежнихъ пространствъ наслоеній, которыя покрывали когда-то всю страну и были смываемы въ продолженіи тысячелѣтій, при этомъ открылъ онъ большое соленое болото, назвавъ его озеромъ *Амедея*. Въ 1873—1874 г. удалось *Варбуртону* проникнуть въ средину западной *terra incognita* до *Перта*, изслѣдуя такимъ образомъ одно изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ пространствъ.

Въ 1873 г. направился *Госсе* къ сѣверо-западу отъ станціи *Алисы Спрингъ*, но послѣ тщетныхъ усилій пробраться далѣе на западъ, принужденъ былъ свернуть къ югу, перешелъ восточную часть открытаго *Джильсомъ* озера *Амедея*, и изслѣдовалъ весьма важныя протяженія въ юго-западѣ; здѣсь долженъ онъ былъ оставить свое дальнѣйшее намѣреніе пробраться на западный берегъ, благодаря страшнѣйшей сухости и безводности почвы, а также и вслѣдствіе опасной *Triodia irritans*, и добрался съ большимъ трудомъ и опасностью только до станціи *Леди Шарлоты Ваттерсъ*. Еще съ большею опасностью было связано путешествіе *Джильса* 1874 г. Этотъ отважный путешественникъ проникъ до средины Западной Австраліи, гдѣ открылъ большое озеро (можетъ быть западный рукавъ *Амедея*), многія изолированныя горныя цѣпи. (одну изъ нихъ и назвалъ онъ принцессой *Маріей*) въ долинахъ которыхъ оказались хорошіе луга. Подъ 26° южной широты и 125° восточной долготы, добрался онъ однако до такой безотрадной мѣстности, что даже онъ оставилъ свое намѣреніе продѣлать далѣе до рѣки *Мурчисонъ*. Послѣ того, какъ проводникъ его *Гиббсонъ* погибъ въ пустынѣ а 9-ть лошадей окалѣли отъ жажды, *Джильсъ* пѣшкомъ съ боченкомъ прѣсной воды за спиною, возвратился обратно на станцію *Леди Шарлоты Ваттерсъ*. Не задолго передъ этимъ, онъ былъ тяжело раненъ въ схваткѣ съ туземцами. изъ-за обладанія лужицей воды, отчего и отложилось твое путешествіе въ 130 географическихъ миль, черезъ необитаемыя пустыни, густо поросшія *triodia*.

Въ томъ же 1874 г. изслѣдовалъ *Россъ* большую часть запада озера *Эйра* и дошелъ до 130°56' восточной долготы и 30°25' южной широты, но найдя здѣсь совершенно безводныя пространства и степи густо поросшія *Мула-Скруббъ*, оставилъ дальнѣйшіе путешествія до *Перта* и вернулся по южному направленію къ озеру *Торренсъ*. Всѣ эти безплодные труды не ослабляютъ однако предпримчивости путешественниковъ, а напротивъ возбуждаютъ ихъ еще болѣе къ таковымъ же труднымъ предпріятіямъ. Неутомимый *Мюллеръ* изъ Мельбуры, снарядившій уже нѣсколько экспедицій, и Колониальное Управленіе поставили себѣ повидимому задачей—какъ можно скорѣе наполнить пробѣлы картъ Новой Голландіи, для чего и подготовляютъ новыя экспедиціи: Форрестъ долженъ отправиться отъ рѣки *Мурчисона*, по направленію къ озеру *Амедея*, а *Джильсъ*, уже два раза спасшійся съ трудомъ отъ смерти, хочетъ изслѣдовать степи восточнѣе телеграфовъ. Нельзя отнестись безъ удивленія къ этой безкорыстной борьбѣ человека съ природою, и не пожелать этимъ безстрашнымъ труженикамъ науки отъ всего сердца счастья и успѣха!

Несчастные случаи отъ неосторожнаго обращенія съ керосиновыми лампами случаются въ Петербургѣ такъ часто, что мы могли бы посвятить въ нашѣмъ журналѣ отдѣльный столбецъ, гдѣ пересчитывались бы безпрестанно случающіяся несчастія. Но не одна неосторожность вызываетъ ихъ, а также и вредныя свойства керосина, дурное устройство лампъ и потеря присутствія духа необходимаго въ такихъ случаяхъ: никакъ не слѣдуетъ во время загорания пламя бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, и тѣмъ только усиливать пламя, но точнѣе же броситься на полъ и кататься по немъ стараясь загасить огонь; или же набросить на горящаго коверъ, одѣяло, все что попадется въ ту минуту подъ руку изъ плотной шерстяной матеріи. Но къ сожалѣнію въ этихъ случаяхъ страхъ всегда почти лишаетъ разсудка, вслѣдствіе чего опасности, такъ легко преодолима въ началѣ, принимаетъ размѣры, влекущіе часто за собою смерть. Сегодня намъ приходится сообщать особенно несчастное происшествіе. Въ Торговой улицѣ, въ домѣ Филантропическаго Общества № 16, помѣщается школа для дѣвочекъ. Одна изъ преподавательницъ этого заведенія Александра Ивановна Косничъ, хотѣла въ 7 часовъ вечера загасить горѣвшую надъ ея диваномъ керосиновую лампу, для чего, вставъ на диванъ, она сверху дунула въ цилиндръ лампы. Подобное средство для загашенія къ сожалѣнію довольно обыкновенно, хотя и крайнѣе опасно, если предварительно не завернуть нѣсколько разъ свѣтильникъ. Въ случаѣ напѣ описываемомъ—предосторожность эта не была взята, отчего огонь проникъ въ резервуаръ, который и разлетѣлся въ дребезги, а горящій керосинъ пролился на диванъ и платье несчастной женщины. При этомъ присутствовала ея пріятельница г-жа Обломская, которая сохранивъ присутствіе духа накинула на горѣвшую коверъ; но та, сорвавъ его, бросилась въ корридоръ, давая тѣмъ просторъ пламени. Въ заключеніе несчастная забралась подъ постель, откуда и была вытащена почти безъ признаковъ жизни, и бывъ перевезена въ больницу не прожила тамъ и нѣсколькихъ часовъ. Умершей было 20 лѣтъ, она была особенно любима своими ученицами. Пріятельница ея Обломская обожгла себѣ также обѣ руки.

Въ тотъ-же вечеръ одинъ работникъ съ Буховскаго завода на Васильевскомъ островѣ, въ 4-й линіи № 47, уронилъ зажженную керосиновую лампу. при этомъ получилъ страшные обжоги на грудь, рукахъ и ногахъ, такъ что въ настоящее время жизнь его находится въ опасности.

Разные Известия.

Дѣйствіе правительства.

— 23-го января 1873 г. Высочайше повелѣно: разрѣшить съ 1-го іюля 1873 года продажу установленной для губерній Царства Польскаго гербовой бумаги и изъ учреждений въ тѣхъ губерніяхъ казначействъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ ими производится уже продажа гербовой бумаги русскаго штемпля, съ тѣмъ чтобы объ этой мѣрѣ было объявлено всѣмъ дистрибуторамъ, съ предоставленіемъ имъ права или продолжать продажу гербовой бумаги на прежнемъ основаніи и съ обязанностью имѣть всегда въ запасѣ гербовой бумаги на сумму въ губерніяхъ городахъ не менѣе 150 р., а въ прочихъ 75 руб., или же закрыть свои дистрибуціи, а оставшуюся по дню закрытія нераспроданную полную годную къ употребленію гербовую бумагу представить въ мѣстную казенную палату и взаимно оной получить по разсчету ту сумму, которая уплачена была за означенную бумагу дистрибуторами при покупкѣ оной изъ казны, т. е. на 40% менѣе противъ продажной стоимости бумаги.

— 4-го января 1873 г. Высочайше повелѣно: распространить дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 7-го августа 1863 г. на мировыхъ посредниковъ, кои, бывъ вызваны изъ внутреннихъ въ Северозападныхъ и Бѣлорусскія губерніи, приобрѣли въ сѣхъ послѣднихъ земельную собственность, производили имъ съ 1-го января 1873 года добавочное по пятидесяти рублей въ годъ содержаніе, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ записной по каждой губерніи суммъ губернскаго земскаго сбора.

— 4-го января 1873 года Высочайше утверждена статья свода военныхъ постановленій, по которой „Не могутъ быть утѣры-офицерами военныя чины, назначенные по суду во время состоянія на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ виновными въ кражѣ или мошенничествѣ“.

Морское дѣло.

— Въ Анапѣ, Новороссійскѣ и Туапсе предполагено построить, какъ сообщаютъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, желѣзныя пристани. По всему восточному берегу Чернаго моря будетъ устроено маячное оживленіе.

— Русскіе каботажныя суда, приписанныя къ Ростову, считаются до 600, къ Таганрогу до 300 и къ Керчи до 150. Все число каботажныхъ судовъ Азовскаго моря превышаетъ цифру 1.200. Большинство этихъ судовъ выдѣлается отъ 2.500 до 6.000 пудовъ груза; средняя стоимость каждого судна простирается до 2.500 р., такъ что стоимость всего каботажнаго флота доходитъ до трехъ милліоновъ рублей.

— Навигация Николаевскаго порта продолжалась въ минувшемъ году съ 1-го марта по 6-е декабря; всѣхъ вооружавшихся судовъ Черноморскаго флота было 33, въ томъ числѣ: одна Императорская паровая яхта, одинъ броненосецъ, 3 винтовыхъ корвета, 6 пароходовъ, 12 шхунъ, 2 парусные тендера, 4 плавающие маяки и 4 шварные катера. Изъ этихъ судовъ 5 находились въ заграничномъ плаваніи. На всѣхъ судахъ флота, находившихся въ плаваніи, состояло: 2 адмирала, 96 флотскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, 48 штабныхъ, 14 морской артиллеріи, 52 инженеръ-механика, 1 корабельный инженеръ, 27 механиковъ, 39 гардемаринъ и кондукторовъ, 39 юнкеровъ флота, 3 юнкера и утѣры-офицера корпусовъ и 1.970 чел. нижнихъ чиновъ. Слѣхъ того въ гидрографической экспедиціи, занимающейся описью и промеромъ Чернаго и Азовскаго морей, состояло 34 штабъ и оберъ-офицера флота и корпусовъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Ученія и другія общества.

— По указу Императора, по положенію Комитета Министровъ, 17-го января сего года, Высочайше соизволило разрѣшить учрежденіе „Перваго общества желѣзнодорожныхъ дорогъ въ Москвѣ“, пріемъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія уставъ означеннаго общества.

— Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ открыта 9-го февраля постоянная выставка новыхъ и усовершенствованныхъ механизмовъ и аппаратовъ. Всѣхъ выставленныхъ предметовъ 125 номеровъ: оныхъ имъ уже напечатана и можетъ быть получена на выставкѣ, входъ на которую, съ платою по 16 к., открытъ ежедневно, исключая понедѣльниковъ, отъ 1 до 4 часовъ пополудни.

— Въ пользу общества ночлежищъ о больныхъ и раненыхъ воиновъ состоялся въ Черниговѣ балъ по поднескѣ. Военное общество квартирующаго тамъ Вологодскаго полка, совместно съ городскимъ, устроило это благотворительное дѣло. Кромѣ сбора въ пользу раненыхъ, были собраны деньги въ пользу городского вѣрюта, пріемъ военныхъ съ большими сочувствіемъ отнеслись къ нуждамъ города.

— Главное правленіе общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ получило, какъ сообщается въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“, изъ Тянь-Дзиня сообщеніе отъ капитанъ-лейтенанта Терентьева о спасительномъ бамбуковомъ плотѣ, называемомъ туземцами катамаранъ, при помощи котораго г. Терентьевъ, опрокинутый въ бурныхъ у о-ва Формозы, былъ спасенъ и доставленъ въ Тоуау. Катамаранъ представляетъ собою отличный спасательный снарядъ: онъ совершенно безопасенъ, вытребовъ противъ жестокаго вѣтра и могутъ держаться въ бурныхъ во цѣлѣмъ днѣмъ. Г. Терентьевъ прислать обществу модель катамарана. Предполагается испытать этотъ спасительный снарядъ въ водахъ примѣнныя его въ Россіи.

— Обществомъ архангельскихъ врачей 1-го минувшаго января открыта дѣлосница для приходившихъ больныхъ.

Сельское хозяйство.

— Въ непродолжительномъ времени на Императорскую ферму въ Ливадіи должна прибыть, сообщаютъ въ „Земледѣльческой газетѣ“, пара овецъ совершенно новой австралийской породы, представленная въ даръ Государю Императору, по преданію имъ неопрошенъ на то Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Высочайшаго соизволенія—прусскимъ подданнымъ Янке. Означенная порода овецъ имѣетъ огромныя преимущества предъ всѣми другими породами: при обильнѣмъ ягнѣ она даетъ дорого цѣнную шерсть, доведенную, по отзыву знатоковъ, до совершенства.

— Замѣчательный Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи, Ф. Г. фонъ-Гилленшмидтъ, разведши въ своемъ имѣніи улучшенную породу скота и устроивши за тѣмъ сироманно, открываетъ нынѣ школу скотоводовъ на 10 учениковъ. Въ школѣ этой будутъ преподаваться правильные кормленіе скота и вообще уходъ за нимъ, а также способы получения большаго количества удоенія. Въ виду той пользы, какую можетъ принести эта школа, Министерство Государственныхъ Имуществъ назначило г. Гилленшмидту субсидію по 120 р. въ годъ на каждого ученика.

— Изъ свѣдѣній о количествѣ истребленнаго хищными звѣрями скота въ Киевской губерніи за предѣлы съ 1871 по 1873 годъ видно, что крупаго скота погибло 7.642 штуки и мелкаго свыше 25.000 головъ, т. е. среднимъ числомъ въ годъ убитъ скота отъ дикихъ животныхъ простирается до 2.548 штукъ крупнаго и свыше 8.000 штукъ мелкаго. По сравненію этой средней убиты съ общимъ количествомъ разнаго скота въ губерніи (по послѣднимъ свѣдѣніямъ свыше 845.000 крупнаго и 1.304.000 мелкаго), оказывается, что дикими животными истребляется ежегодно 0,29% крупнаго и 0,65% мелкаго скота, болѣе чѣмъ на 110.000 р.

Новыя изобрѣтенія.

— 28-го минувшаго января Государь Императоръ изволилъ осматривать, какъ сообщаютъ „Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства“, на большомъ дворѣ Зимняго Его Величества Дворца, складныя передвижныя лѣстницы Порта. Его Величество, находя это новое изобрѣтеніе весьма полезнымъ въ примѣненіи его какъ для военныхъ цѣлей, такъ и для пожарныхъ и архитектурныхъ потребностей, вслѣдствіе легкости, прочности, а также устоячивости, удобопримѣнности и простоты системы снѣхъ лѣстницъ, изволилъ остаться осмотрѣть ихъ совершенно доволенъ.

— Объ удачномъ примѣненіи въ Кронштадтѣ новаго, изобрѣденнаго г. Липманомъ для тушенія пожаровъ снаряда—эксгиктора, пишутъ въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ между прочимъ слѣдующее: Въ арестантскомъ отдѣленіи Купеческой части, во время топки печи въ 8 1/2 час. вечера, отъ лопнувшей трубы, проходившей надъ дверью, загорѣлась складная рама, и огонь быстро охватилъ всю дверь; пламя было замѣчено тогда, когда дымъ распространился по всему отдѣленію, но благодаря снаряду Липмана пожаръ, угрожавшій всему зданію, былъ прекращенъ моментально. Въ отдѣленіи этомъ были закрыты всѣ форточки и заперты двери, но, несмотря на это, углекислый газъ, который содержитъ въ себѣ аппаратъ, не произвелъ на людей, бывшихъ въ этомъ отдѣленіи, ни малѣйшаго вреднаго вліянія. Такимъ образомъ, эксгикаторъ Липмана на практикѣ оказался не только весьма полезнымъ при тушеніи пожаровъ, но и совершенно безвреднымъ.

Археология.

— Изъ отчета церковно-археологическаго общества при Киевской академіи видно, что въ минувшемъ году число членовъ общества увеличилось до 84. Музей приобрѣлъ значительное число предметовъ, частью покупкою, частью чрезъ пожертвованія. Въ числѣ ихъ обращаютъ на себя вниманіе: рукописное собраніе масонскихъ рѣчей 1809—1813 гг., въ переводѣ съ лѣмбачаго; абиссинскія и древне-греческія рукописи, принесенныя въ даръ музею архимандритомъ Антоніемъ; 300 золотыхъ и серебряныхъ монетъ—еврейскихъ, сиром-греческаго царства, греко-египетскаго царства, византийскихъ, малозидскихъ городовъ и іерусалимскихъ временъ крестоносцевъ, и проч.

— Киевскій книгопродавецъ Е. Я. Федоровъ приобрѣлъ, какъ сообщаютъ въ газетѣ „Киевлянинъ“, принадлежавшую министру юстиціи временъ Императрицы Екатерины Д. П. Троицкому, бібліотеку. Поручивъ разсмотрѣніе въ приведеніе въ порядокъ этой бібліотеки очитымъ людямъ, г. Федоровъ издалъ въ послѣднее время печатный каталогъ. Особеннымъ богатствомъ отличаются отдѣлы богословія и словесности. Изъ періодическихъ изданій и журналовъ много относится къ концу прошлаго столѣтія, а большинство ихъ принадлежатъ первымъ годамъ настоящаго столѣтія.

— 21-го января умеръ въ с. Кривошеницахъ, Сквирскаго уѣзда, Киевской губерніи, крестьянинъ с. Молчановъ Григорій Мельникъ, извѣстный въ народѣ дивакъ и бантурщикъ. Будучи слѣпъ на оба глаза, онъ ходилъ по селамъ и деревнямъ и пѣлъ пѣсни по старинѣ. Въ день его смерти, по словамъ его сыновей, онъ пѣлъ въ корчмѣ с. Кривошеницы. Отложивъ въ сторону лиру, онъ къ вечеру заснулъ, сидя на лавкѣ: затѣмъ, всталъ съ лавки, легъ на землю, укрывъ колухою и, незамѣтно для присутствующихъ, безъ всякихъ страданій умеръ. Мѣсяку было далеко ко 60 лѣтъ.

Гигіена.

— Въ ноябрѣ минувшаго года распространился въ Москвѣ, какъ сообщаютъ въ „Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи“, слухъ о нѣсколькихъ случаяхъ отравленія трихинами. Хотя объ этихъ отравленіяхъ не поступало заявленій ни въ полицію, ни во врачебное

управленіе гор. Москвы, но по распоряженію московскаго генералъ-губернатора были приняты тогда же полиціею и медицинскою конторою мѣры къ разъясненію этихъ слуховъ. Изъ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній оказалось: всѣхъ случаевъ, когда врачи приходили къ заключенію, что заболѣвшие страдали припадками трихиноза, оказалось 13; одному изъ больныхъ была вырѣзана частичка изъ мышцъ пчры (m. gastrocnemii), на боль въ которой онъ жаловался. Частичка эта была расщеплена на нѣсколько отдѣльныхъ препаратовъ и просмотрѣна по всѣмъ правиламъ науки подъ микроскопомъ, но результаты получились отрицательные. Медиками было предпринято микроскопическое изслѣдованіе болѣе 400 образцовъ свиныхъ, разнаго рода кобыль, вѣтчныхъ и ососовъ, взятыхъ изъ всѣхъ кобыльскихъ заведеній и гастрономическихъ магазиновъ, а также изъ многихъ харчевенъ и трактировъ гор. Москвы. Каждый образецъ этихъ продуктовъ былъ подвергнутъ неоднократному тщательному изслѣдованію, и всѣхъ объектовъ, сдѣланныхъ для микроскопа, было болѣе 2.000. Изъ всей массы этихъ продуктовъ трихины оказались только въ одномъ изъ кусковъ вѣтчинной кобыльсы, взятой изъ магазина, Рюмина, вѣсомъ въ 1/4 фунта. Трихины въ этомъ кускѣ были найдены въ огромномъ количествѣ, такъ что въ одномъ объектѣ попадались ихъ по 5. Нѣскольکو такихъ препаратовъ съ трихинами залиты смолою и находятся въ медицинскомъ конторѣ и у многихъ московскихъ врачей. Въ сдѣланномъ медицинскою конторою заключеніи говорится, что всѣ изслѣдованные ею случаи заболѣванія трихинозомъ можно признать только иррегулярными и что вообще свинное мясо можно безъ вреда для здоровья употреблять въ пищу только хорошо прожаренное или проваренное: копченіе, соленіе, вяленіе и даже морозъ до 20° не всегда убиваютъ трихины.

— Въ виду удобопримѣнности хлорка, пропитаннаго хлористымъ жѣлѣзомъ и затѣмъ болѣе или менѣе высушеннаго, при остановленіи кровотеченій, если его можно получить тотчасъ, не дожидаясь приготвленія его по требованію врача, Медицинскій совѣтъ призналъ необходимымъ, чтобы сказанное средство находилось всегда готовымъ въ аптекахъ. Вслѣдствіе сего Медицинскій совѣтъ постановилъ: предписать циркулярно всѣмъ аптекамъ держать у себя готовымъ два сорта хлорка, пропитаннаго хлорнымъ жѣлѣзомъ, а именно: подъ названіемъ № 1—крепкій хлорокъ, освобожденный предварительнотъ жирныхъ веществъ (посредствомъ кипяченія въ водѣ съ малымъ количествомъ щелочи и затѣмъ высушеній), пропитанный растворомъ хлористаго жѣлѣза (Liquor ferri sesquichlorati), приготвленнымъ по указанію Россійской фармакопії, и выжатый между стеклами, какой-либо хлорокъ останавливаетъ кровотеченіе каустика своими свойствами, посредствомъ образованія яшара, и 2) подъ названіемъ № 2—слабый хлорокъ, также предварительнотъ освобожденный отъ жирныхъ веществъ, пропитанный растворомъ хлористаго жѣлѣза въ количествѣ отъ 15 до 30%, имѣющій провостанавливающее дѣйствіе вслѣдствіе створиванія бѣлка крови.

— Изъ отчета Главнаго военно-госпитальнаго комитета за 1873 годъ между прочимъ видно: Во всей Имперіи въ отчетномъ году состояло 78 госпиталей и полугоспиталей, съ 28.386 мѣстъ. Въ нихъ пользовались въ теченіи года 202.475 больныхъ. Въ 609 лазаретахъ и примѣныхъ покояхъ, о которыхъ доставлены отчеты, состояло 35.964 мѣста и пользовалось 314.120 больныхъ, Гражданскихъ больницъ, въ которыя поступили въ 1873 году лица, имѣющія право леченія на счетъ Военнаго Министерства, насчитывается по всей Имперіи 591. Въ нихъ лечилось военныхъ больныхъ 67.592.

— 2-го сего февраля открыта въ Житомирѣ фельдшерская школа гражданскаго вѣдомства на 30 казенныхъ воспитанниковъ. Въ школу эту будутъ приниматься и вольноприходящіе съ платою по 20 р. въ годъ. Дѣтей несоостоятельныхъ родителей предполагено освободить отъ платы за ученіе въ школѣ.

Литература.

НОВЫЯ КНИГИ:

Козловъ, А. А. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, доктора фило. офин Эдуарда фонъ-Гартмана. Полное изложеніе системы. Вып. II и посл. Москва. Тип. Грачева. 8 д. V—431 стр. 1.200 экз.

Голлицынъ, Н. С., кн. Всеобщая военная исторія древнихъ временъ. Ч. IV. Отъ начала войнъ Юлія Цезаря до Августа (58 г.—30 г. до Р. Х.). Спб. Тип. Меркуляева. 8 д. 32—425 стр. в 3 кн. 1.200 экз. П. 2 р.

Бовль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. II. Перев. А. Буинскаго и О. Нонаркова, Нах. 3-е, Черкесска. Спб. Тип. Бокрама. 8 д. 725—XII—52 стр. 1.500 экз.

Восаго. Очеркъ русской морской исторіи, Ч. I. Спб. Тип. Демакова. 4 д. IV—625—VIII—7 стр., 1 портр. и 16 л. чертежей, плановъ и рис. 1.200 экз.

Жюрье-де-ла-Гравьеръ. Флотъ настоящаго времени. Перев. Н. Трековскій. Спб. 1874. Тип. Морск. М.—ства. 8 д. V—176 стр. 600 экз.

СОДЕРЖАНІЕ: Альфонсъ XII, король испанскій (съ портретомъ). — Блуждающіе огоньки (Автобіографія Прыотцева). — Соч. Н. С. Лѣнова (Стебниченко) (продолженіе). — Соревъ вѣтчныхъ десятиль. — Народы Россіи. Кавказскіе татары (съ рисункомъ). — Англіійскій солдатъ. — Масляница (съ рисункомъ). — Животныя, которыя притворяются мертвыми. — Птичій рѣдъ въ Аппалачскомъ дворѣ (съ рисункомъ). — Сѣбѣ. — Разныя известія.

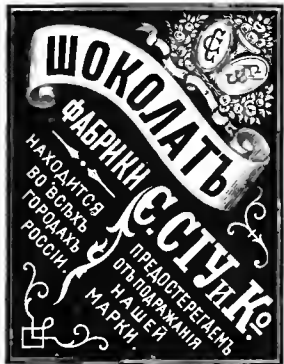
Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ВЪ МОСКВѢ
ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ

деревянный, двухэтажный, съ двумя флигелями, двумя каретными сараями, двумя конюшнями, пятью погребами, отдельною прачешною. Домъ и всѣ строения прочныя и не требуютъ ни малѣйшаго ремонта; при домѣ большой старинный садъ съ вѣковыми деревьями, бесѣдкою и курганомъ; всей земли по плану 2040 1/2 сажень. Мѣстность возвышенная и песчаная, разстояние отъ центра города 15-ть минутъ ѣзды. —Продается съ мебелью, зеркалами, экипажами, и со всею обстановкою; цѣна 40 т. рублей, дохода 3200 руб. застрахованъ въ 30 т. нигдѣ не заложенъ. Адресъ: близъ церкви Знаменія въ Зубовѣ, въ домѣ Хамовническомъ переулокѣ, домъ Н. А. Ариутова, гдѣ и проживаетъ хозяинъ.

3—2

6—4

ВЫШЛО И РАЗДАЕТСЯ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ШОПЕНА.
ТОМЪ III.
СОДЕРЖАНІЕ.

Соч. 22. Большой польскій Es-dur, 65 к.
Соч. 23. 1-ая баллада G-moll, 45 к. Соч. 24. Четыре мазурки, 35 коп. Соч. 25. Два-надцать этюдовъ 1 руб. 75 коп. Соч. 26. Два польскихъ, 45 к. Соч. 27. Два ноктюрно. Соч. 28. Двадцать четыре прелюдии, 1 руб. 35 к. Соч. 29. Экспромтъ, 20 коп. Соч. 30. Четыре мазурки, 45 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА 6 ТОМОВЪ 15 РУБ.

Подписка принимается въ музыкальномъ магазинѣ П. Юргенсона, Москва, Петровка № 6.

Подписка на 1875 годъ на ежедневную газету
„НОВОСТИ“

НОВОСТИ, какъ ежедневное изданіе, при своей незначительной цѣнѣ, представляютъ самый разнообразный и интересный матеріалъ для чтенія, одинаково удовлетворяющій потребностямъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ читателей.

НОВОСТИ, выходящія ежедневно, не исключая праздничныхъ, и послѣпраздничныхъ дней, печатаются листами, въ каждомъ номерѣ доставляютъ читателю самые интересные факты изъ отечественной и заграничной жизни.

НОВОСТИ даютъ ежедневно фельетонъ, въ который входятъ разсказы, очерки, повѣсти, романы и статистическія фельетоны „Новостей“, по разнообразію своихъ сюжетовъ, по живости и строгому выбору, доставляютъ читателямъ всѣхъ классовъ и возрастовъ.

НОВОСТИ, кромѣ множества помѣщенныхъ въ нихъ разсказовъ, приступили въ послѣднее время къ печатанію обширнаго русскаго романа изъ американской жизни Николая Муромскаго (псевдонимъ) — „Въ Новомъ Свѣтѣ“.

Интересъ, возбужденный этимъ романомъ, въ которомъ въ первый разъ въ русскаго печати появляется изображеніе, въ талантливомъ и живомъ разсказѣ, внутренней стороны американской жизни, побудилъ автора приступить къ составленію втораго тома его романа, который мы НАДѢЕМСЯ напечатать въ теченіе будущаго года.

НОВОСТИ, постоянно улучшаясь во всѣхъ отношеніяхъ, представляютъ въ теченіе наступившаго 1875 года еще болѣе интересъ, чѣмъ тотъ, который имъ удалось возбудить въ короткое время, съ переходомъ газеты къ новымъ издателямъ и редактору, употребляющимъ всѣ средства и усилія къ совершенствованію своей газеты.

Безъ доставки: на 12 м. 7 р., 6 м. 4 р., 3 м. 2 р., 50 к., 1 м. 1 р.

Съ доставкою: 12 м. 8 р., 6 м. 5 р., 3 м. 2 р. 50 к., 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: во все города на 12 м. 9 р., 6 м. 5 р. 50 к., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р. Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, кромѣ главной конторы „Новостей“, въ книжномъ магазинѣ Вазунова; у Казанск. моста д. Олькина.

Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы „Новостей“, въ Тверской, Малый Гибзидковскій пер., д. Пѣгова квар. № 5.

3—3

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

Руководство къ изученію часоваго мастерства

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ.

Съ 10-ю гравированными рисунками.

Нижній-Новгородъ 1870 года.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться съ часами при поврѣжѣ, прибавленіе и убавленіе хода, поврѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе, относительной разности мѣстностей и времени; составленія приложень и паяніе, напѣние стали, шлифованіе и полированіе металловъ, обрамиваніе мѣди, волоченіе и серебрѣніе. По этому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для слесарей, паяльчиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для впріобрѣтенія научныхъ познаній. Продается: въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ. —Пересылка бесплатно.

3—3

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ КНИГА
НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ Д. И. Стахеева.
2 тома, болѣе 700 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.

4—1

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ
БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ И ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной
про-
дажи высылается по
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мейо и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.

Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13—3

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛѢ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ поощрѣ кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фоктса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—11

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПРИЖИЖСІА МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.

АМУ-ДАРЬИНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. Природа и типы Аму-дарьинской дельты. (Продолженіе).

IV.

До нашего прихода на Аму-Дарью, каракалпаки земледѣльцы пахотились въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для своего культурнаго развитія.

Этотъ несчастный народъ, занимая самое перепутье разбойничьихъ дорогъ туркменскихъ родовъ, принужденъ былъ ежедневно трепетать за свою собственность.

Каракалпаки рыбаки, о которыхъ я говорилъ выше, жили еще, хотя сколько нибудь, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, относительно разбойничьихъ набѣговъ и захватовъ, благодаря своей земно - водной жизни; съ своихъ лодокъ, сквозь густыя чащи озерныхъ камышей, они могли смѣяться надъ коннымъ туркменомъ, они были недостижимы для этихъ наглыхъ разбойниковъ. Земледѣльцу же не предстояло другаго исхода какъ или разставаться съ своимъ добромъ, или же вступать въ борьбу, въ высшей степени для него неравную.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Туркменъ-Юмудъ. Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, Грав. Езерскій.

Эта тревожная жизнь, вѣчно подъ тяжелымъ гнетомъ страха за свое добро, а подчасъ и голову, оригинальнымъ образомъ выработала жизнь каракалпака земледѣльца, создала особый типъ его отдѣльныхъ жилищъ, а также и цѣлыхъ городовъ и селеній (кишлаковъ).

Каракалпакъ земледѣлецъ занималъ среднюю между кочевую и осѣдлою жизнью, съ тою только разницею, что мѣсто его лѣтней кочевки всегда одно и то же—его обрабатываемое поле.

Наступаетъ весна; начинаются разливы водъ Аму и ея притоковъ, продолжающіеся, благодаря таинію снѣговъ въ верховьяхъ, въ горахъ Тянь-шань, почти все лѣто. Природа устраиваетъ кочевымъ разбойникамъ непреодолимые водныя преграды.

Подъ защитою своихъ рѣкъ, озеръ и топей каракалпаки спокойны отъ набѣговъ и спѣшатъ на свои поля—добывать изъ земли все, что имъ подѣ силу.

Маленькія кибитки съ войлочнымъ верхомъ и камышевыми стѣнками переносятся на тѣ мѣста, которые предполагаются къ обработкѣ, и устриваются тамъ на все лѣто. Начинается рабочій сезонъ; и старый и малый—всѣ въ полѣ. Прочищаютъ оросительныя каналы, пашутъ, копаютъ и сѣютъ, заливаютъ водою поля, засѣянные рисомъ, проводятъ эту благодѣтельную воду дальше, куда еще она не проведена была до сихъ поръ,—однимъ словомъ, употребляютъ странныя усилія чтобы добыть свой насущный хлѣбъ... И все это дѣлается торопливо, лихорадочно, съ оглядкою, будто они воровскимъ образомъ пришли на чужія земли и сѣбѣнать эксплуатировать ихъ, пока не замѣтилъ настоящій хозяинъ.

Честный, мирный земледѣлецъ работать украдкою словно воръ, наглый разбойникъ рыскалъ съ гордымъ сознаніемъ полной гражданственности своей дѣятельности.

Лѣтомъ всѣ каракалпаки разсѣяны по своимъ участкамъ; рѣдко вы встрѣтите вмѣстѣ двѣ или три кибитки. Эти переносныя жилища разбросаны большею частью по одиночкѣ и теряются въ массахъ могучей, зеленой растительности. Вся жизнь переносится на поля; визгъ чигирей *) раздается съ раннего утра и прекращается только поздно ночью, а въ горячія минуты не прекращается даже вовсе.

Но вотъ лѣто кончается, воды вступаютъ въ свои берега, скоро наступаютъ осенніе холода, за ними морозы, скрѣпляющіе топи и болота; съ лѣваго берега надо ожидать несдобрыхъ гостей, надо спасаться. Наскоро пожинаются плоды невѣроятныхъ, земледѣльческихъ усилій, каракалпаки торопливо переселяются въ свои укрѣпленные города и кишлаки, за стѣнами которыхъ они рассчитываютъ укрыть и себя самихъ и свои зимніе запасы.

Устройство этихъ зимнихъ пунктовъ почти одинаково; они отличаются одинъ отъ другаго только своими размѣрами, зависящими отъ числа обитателей. Наружный видъ ихъ слѣдующій: четвероугольное пространство, большихъ или меньшихъ размѣровъ, обнесено высокою, глинобитною стѣною. Снаружи, у подножья этихъ стѣнъ тянется глубокий ровъ, черезъ который переброшены мосты, ведущіе къ воротамъ. По угламъ этого четвероугольника выведены круглыя выдающіяся башни съ бойницами, для фланкированія; если промѣжутки между башнями длинны, то вдоль фасовъ устроиваются еще башни, въ разстояніи одна отъ другой до пятидесяти сажень. Такимъ образомъ получается укрѣпленіе, сохранившее въ себѣ всю типичность древнѣйшихъ фортификаціонныхъ работъ.

Подобное укрѣпленіе не могло-бы и дня держаться противъ европейскихъ орудій, но для конныхъ туркменскихъ нашествій оно представляеть твердыню несокрушимую. Занежились въ своемъ городѣ, каракалпаки могутъ, съ высоты стѣнъ, спокойно поглядывать на рыскающихъ вокругъ всадниковъ. Развѣ только оплошность осажденных можетъ доставить успѣхъ туркменамъ; да послѣдніе, впрочемъ, какъ и всѣ азіаты, не любятъ долго стоять подъ стѣнами и сѣбѣнать далѣе—вымѣщать свою неудачу на богѣ оплошныхъ, не успѣвшихъ затвориться, или же довольствуются одиночными бродячими субъектами.

Туркмены переходятъ Аму-дарью не специально съ цѣлью грабить каракалпаковъ, они идутъ далѣе и цингуютъ несчастныхъ земледѣльцевъ только на перепутьѣ—вольно же селиться на самой дорогѣ? Воинственные сосѣди не обращаютъ вниманія

на то обстоятельство, что каракалпаки также какъ и они подданные одного хана хивинскаго, а по религіи ихъ правовѣрные собратья,—къ вопросамъ политики и религіи туркмены относятся довольно небрежно, чтобы не сказать болѣе. Грабители привыкли руководствоваться только однимъ правиломъ: «Сильный живетъ на счетъ слабого».

Вотъ эта самая тревожная жизнь и заставила каракалпаковъ скучиваться на зиму вмѣстѣ, въ обнесенныхъ стѣнами городахъ и кишлакахъ.

Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ развилась торговая и промышленная жизнь, тамъ и лѣтомъ обитаетъ довольно много народу, выстроенныя базары съ тѣнстыми переходами, съ рядами лавокъ. Горожане живутъ въ постоянныхъ сакахъ, построенныхъ по общему азіатскому типу, съ приспособленіями къ замкнутой гаремной жизни. Тамъ-же, гдѣ эти городскіе элементы отсутствуютъ,—лѣтомъ, за стѣнами зимовокъ вы не встрѣтите ни души; молчаливо стоятъ непривѣтливые, укрѣпленные пустыри, съ открытыми настежь воротами, и только кучи золы и навоза указываютъ на то, что они не навсегда покинуты. За то зимомъ, здѣсь кипитъ самая оживленная дѣятельность. Сплонными рядами заставлены кибитками все внутреннее пространство: конный съ трудомъ пробирается, пробѣгая по узкимъ проходамъ, между этими войлочными домиками. На ограниченномъ пространствѣ устриваются на всю зиму сотни и даже тысячи семействъ, и весь укрѣпленный кишлакъ принимаетъ видъ громаднаго муравейника, особенно напминающаго извѣстныхъ построекъ термитовъ.

На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ подобныхъ пунктовъ, кишлакъ Нукусъ, недалеко отъ новаго нашего укрѣпленія того же имени, близъ соединенія Куванъ-джормы съ Аму-дарею.

Другой рисунокъ изображаетъ врага, противъ котораго мирные земледѣльцы принуждены возводить свои укрѣпленія: это туркменъ юмудъ; воинственный всадникъ, вооруженный длиннымъ ружьемъ и шапкою, ловко сидитъ на своемъ боевомъ конѣ, покрытомъ съ головою теплою ковровою попоною. За его сплдомъ приторочены походныя сумки (коржумы), въ нихъ весь путевой багажъ наѣздника.. Туркменъ обернулся назадъ, должно быть поджидая оставшихъ товарищей.

Время идетъ, съ его теченіемъ многое измѣняется: худое смѣняется на хорошее, хорошее на худое—кому какое выпадетъ счастье. Для каракалпаковъ выпало несвое. Невзгоды и бѣды пролились. Съ сѣвера появились «бѣлые рубахи», заняли низовья Аму и подрѣзали крылья хищнымъ племенамъ лѣваго берега.

Въ двухъ, болѣе выгодныхъ въ стратегическомъ отношеніи, пунктахъ построены два сильныя укрѣпленія:—Петрово-александровское (Шура-ханъ) и Нукусъ,—около этихъ укрѣпленій сгруппировались первыя русскія колоніи. Энергичный начальникъ округа зорко обретае въѣренное ему пространство, безпрестанно разбѣгая по области и являясь совершенно неожиданно тамъ, гдѣ его не предполагали встрѣтить; одинъ изъ такихъ объѣздовъ изображенъ на третьемъ рисункѣ, приложеннымъ къ этому номеру журнала. Начальникъ округа, полковникъ Ивановъ ѣдетъ впередъ, верхомъ на приземистой, крѣпкой казачьей лошади, около него группируются офицеры его свиты, далѣе виденъ казачій конвой, надъ которымъ колыхается именной значокъ Иванова.

Посвященіе Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ узниковъ.

Не разъ приходилось намъ слышать ложное мнѣніе, будто, сравнительно съ прошлымъ, нынѣшнее легкое штрафованіе за проступки—ослабляетъ боязнъ преступить законъ. На самомъ дѣлѣ—наоборотъ: стыдъ и не страхъ способенъ удержатъ отъ преступленія. Суровость кары закона за преступленія представляеть, такимъ образомъ, вѣрную мѣрку степени цивилизаціи народнои. Въ старину, въ Москвѣ бѣлокаменной цивилизація была во младенчествѣ—и жестокость казни не отбывала отъ совершенія тяжкихъ, самыхъ звѣрскихъ преступленій и не удерживала злодѣевъ отъ тиранства надъ безвинными жертвами случайной ихъ злобы. Тюремъ и мѣстъ заключенія было много—и всѣ они были переполнены сидѣльцами и сидѣльцами на долгіе сроки. Доходовъ государственныхъ часто вообще не хватало на покрытие бюджета, а доходы собственно Разбойнаго приказа отъ излишковъ разбойническаго и воровскаго имущества за удовлетвореніемъ ущерба потерѣвшихъ отъ преступленія,—и подавно; поэтому содержать тюрьмы прилично не было возможности. Что касалось питанія заарестованныхъ и посаженныхъ, то вопроса о принятіи подобнаго расхода казною никто никогда не поднималъ до Петра I. До него же, для поддержанія жалкаго существованія тюремныхъ узниковъ,—часто цѣлыми семьями отсиживавшихъ годы, плодился и множась въ семейномъ сожителствѣ,—былъ одинъ источникъ: прошеніе милости по улицамъ и торгамъ ежедневно-выводимыми подъ конвоемъ несчастными

*) Чигирь—это водозакальный приборъ—большое вертикально-вращающееся колесо, ободъ котораго увязанъ глиняными сосудами, зачерпывающими воду внизу и выливающими ее въ жабо болѣе возвышенной канавы; системою изъ нѣсколькихъ чигирей можно, такимъ образомъ, поднимать воду на довольно значительную высоту.

изъ юдоли плача, страданій и грязи, съ спутникомъ ея—развратомъ въ самыхъ тущобахъ ужаса. Выполнившие изъ нихъ колоники, привлекая состраданіе проходившихъ, пользовались въ теченіе двухъ-трехъ часовъ обхода чистымъ воздухомъ, усиліемъ удовлетворять свой голодъ калачами и сайками подаваемыми сердоболіемъ христіанскихъ бѣдняковъ и богачей, безъ различія. Оставшіяся въ тюрьмахъ женщины не имѣли и этого утѣшенія, сколько пибудъ развлекавшаго скуку заключенія, конечно, не облегчая его тягости и безысходнаго томленія, до опредѣленія срока рѣшенія участи. Въ большинствѣ случаевъ имъ грозили тяжкія истязанія и безпощадная кара правосудія, больше не за вину ихъ, а только за такъ-называемое сообщество—недоказаніе содѣяннаго зла близкимъ сердцу отцемъ или мужемъ, рѣдко—братьями. Суровость «Уложенія» къ этимъ напшимъ объясняется временемъ составленія его въ ту еще пору, когда анализъ постепенности видовъ зла ограничивался только расчетомъ ущерба потерѣвшихъ, а жестокость истязаній при пыткѣ и выполненіи приговора имѣла одно въ виду—успокоеніе, «чтобы другимъ было не повадно!»

Уложеніе (глава XXI. «О разбойныхъ и о татинныхъ дѣлахъ») указываетъ мѣста суда для уголовныхъ дѣлъ: для совершенныхъ во всѣхъ пунктахъ кромѣ столицы—Разбойный приказъ; а въ столицѣ, въ городѣ только—Москвѣ—Земскій дворъ (родъ канцеляріи столичнаго генералъ-губернатора, сосредоточивавшей въ себѣ и всѣ распоряженія по землевлѣдѣнію столичныхъ обитателей). Уголовные судьи по городамъ назывались «Губными (отъ глагола *зубить*) старостами» и числились въ вѣдѣніи Разбойнаго приказа. На должность *губнаго старосты*—какъ и на

все прочія должности старинной земской службы—выбирались обществом оставшиеся дворяне с безупречною репутациею и с достатком, выслуженным прибавкою окладов за походы, при непремѣнномъ условіи—грамотности, единственно способномъ сдѣлать несуществующимъ все остальные права на выборъ. Уложение (глава XXI п. 4) прямо говоритъ: «которые грамотѣ не умѣютъ—тѣхъ въ губные старосты не выбирать». Въ вознагражденіе за труды, получалъ-ли что губной староста отъ общества его избравшаго—въ уложеніи не видно, но по переписнымъ книгамъ XVI вѣка видны нѣкоторые сборы съ *земли* въ его пользу, что заставляло предполагать сохраненіе ихъ постоянно, вошедшее въ обычай, всемъ извѣстное отбываніе, новымъ размѣромъ которому уложеніемъ не вводилось,—какъ по другимъ спорнымъ вопросамъ, гдѣ норма уложенія разбивала возникшія затрудненія. Въдѣлѣ же окладовъ въ уложеніи ни губнымъ цѣловальникамъ, ни дьячкамъ, ни тюремнымъ сторожамъ выбираемымъ сошнымъ людьми,—между тѣмъ извѣстно, что не было ни одной выборной должности, не представлявшей матеріальныхъ выгодъ служащимъ, натурою или доходомъ. Тѣмъ болѣе губнымъ старостамъ—самое утвержденіе которыхъ дѣлалось съ нѣкоторою торжественностью привода къ присягѣ въ столицѣ, въ Разбойномъ приказѣ. Для этого губные старосты непремѣнно лично являлись; все же прочіе чины, съ ними вмѣстѣ отбывавшіе службу, утверждались на мѣстѣ воеводами, при имѣвшихъ губного старосту не заведывавшимъ уже уголовнымъ дѣламъ. Губнымъ старостамъ давались наказы при вступленіи въ должность и отбирались подписки въ судѣ нелицемѣрномъ, причѣмъ выставлялось на видъ и съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобы они «про татей и про разбойниковъ сыскивали, и того смотрѣли, и берега на-крѣпко, чтобы однолично нигдѣ татей и разбойниковъ не было, ни разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ». Исковыя дѣла на уголовныхъ чинахъ администраціи опять можно было приносить въ одномъ Разбойномъ приказѣ. Неправосудіе губныхъ старостъ парализовалось перенесеніемъ разбора дѣла въ другую *губу* (уголовный округъ), а въ случаѣ доказаннаго кривденія всама правосудія—виновный судья лишался мѣста, подвергаясь штрафу. Кромѣ предоставленнаго закономъ права самому отыскивать преступленія, губной староста судилъ и разбиралъ уголовныя обвиненія въ воровствѣ приведенныхъ къ нему съ иочиннымъ, или оговоры въ убійствѣ и грабежѣ. За приводомъ и распросомъ приводчиковъ слѣдовала попытка обвиняемаго, хотя бы онъ и сознавался въ взыномѣ на него преступленіи. Пытали: не дѣлалъ-ли еще чего нибудь, кромѣ сознанія? Рѣчамъ съ пытки давали полную вѣру—и не сказавшій за собою ничего кромѣ первой кражи присуждался къ наказанію кнутомъ и отрѣзкѣ лѣваго уха, независимо отъ судна въ тюрьмѣ двухъ лѣтъ и конфискованія всего его имуществъ въ пользу псовъ. Срокъ пребыванія въ тюрьмѣ варіировался отсылкою на работы въ это время, по указу государеву, въ кандалахъ. Съ истеченіемъ же срока содержанія въ тюрьмѣ или въ работѣ за первую татбу, подвергшійся отвѣтственности высылался для поселенія на пограничной мѣстности—«на крайній» государства московскаго, по назначенію администраціи, или на службу тамъ-же, при свидѣтельствѣ изъ Разбойнаго приказа за что высланъ и какой срокъ отбылъ. Утрата или скрытіе этого свидѣтельства криминальности влекли за потеряшаго ухо и по этому явно отличаемаго субъекта—держаніе въ тюрьмѣ и разслѣдованіе. Вторичное воровство—удвоивало срокъ тюремнаго заключенія съ потерю праваго уха, съ пытками и слѣдовавшимъ наказаніемъ. А попадись чловеку съ обрѣзанными ушами, хоть въ ничтожной провинности, его ждала неминуемая смерть, какъ и убійцѣ вообще или кравшихъ изъ церкви—будь кража самая маловажная. Семейство воровъ, особенно жены въ рѣдкихъ только случаяхъ—нежелательства съ мужьями—не подвергались карѣ закона за соучастіе; не имѣя, можетъ быть, и возможности поступить иначе, какъ жены и матерн, для папанія дѣтей сами готовы въ крайности голода—красть. Можно по этому составить себѣ понятіе о количествѣ томившихся въ тюрьмахъ на Руси въ старину и въ Москвѣ, въ особенностн.

Съ приближеніемъ праздниковъ, столичные узники и узницы щедро снабжены были провіантомъ и лакомствами, во всѣхъ видахъ. Обычай посылать на праздники съѣстное, калачи и кушанья съ прибавкою денегъ, были сильно укоренившись въ православной Москвѣ, гдѣ торжества отличались всегда широкимъ хлѣбосольствомъ.

Въ большіе праздники царн нашъ—особенно, кроткій государь Алексѣй Михайловичъ—любилъ лично являться въ тюрьмы, на пасхѣ даже христосуясь съ заключенными и всемъ раздѣляя царскія подачки съѣдобнаго, одежду и деньги. Котопшинъ говорить о приказѣ *Волгою двора*, въ который стекалось въ годъ доходовъ до 120 тыс. рублей, кромѣ податей—только съ земли и угодьевъ принадлежавшихъ дворцовому вѣдомству—и исключая арендной платы за нортмоинные цоты и перевозки на Москвѣ рѣкѣ, въ городѣ;—изъ этихъ доходовъ въ приказъ Большаго двора расходовалось: «на церковныя строенія, и какъ царь ходитъ по монастырямъ и по церквамъ, и въ тюрьмы, и въ богодѣльни, и нищимъ, и убогимъ людямъ на милостыни, и на погребенія, и на дворцовыя всякіе расходы»

и пр... «А какъ царь ходитъ въ походы, и по монастырямъ, и по церквамъ, и для его выѣздовъ и выходовъ наготовливаютъ деньги въ бумаги, по 2 гривны, и по полу-полтинѣ, и по рублю, и по два, по 5, и по 10-ти, и по 20, и по 30-ти, кому сколько прикажетъ дати, чтобъ было готово. Такъ же и царица ходитъ и ѣздитъ и съ нею деньги возятъ и носятъ противъ такого-жѣ обычая; и раздача бываетъ всякимъ людямъ, кому что прикажетъ дати».

Эти простыя слова оживляютъ передъ вами праздничное времяпровожденіе царя Алексѣя Михайловича и его родителя. также какъ и царственныхъ подругъ жизни этихъ самодержавцевъ. Вотъ, въ часы общаго повального сна въ столицѣ, послѣ сытнаго обѣда въ поденѣ словно вымѣренной, показываются стремяныя конюхи пѣшіе и конные, каждый съ плетью въ рукѣ. Изъ толпы ихъ выдѣляется кучка сановниковъ, окружающихъ верховаго коня государя, или санн, или капитану (либо избушку) царицы. Задворные конюхи несутъ покровецъ (попону) на лошадей, *прислу* деревянные, обитыя бархатомъ,—чтобы подкинуть подъ ножки державнаго, какъ слѣзати съ коня будетъ. Стряпчие конюхи, управляя экипажемъ, тутъ же видны въ достаточномъ количествѣ (особенно при парадной поѣздкѣ). Дневальные комнатные и окольничіе—какъ свита государя, гардуютъ на прекрасныхъ лошадяхъ въ пышномъ уборѣ, немногимъ чѣмъ отличавшемся отъ владыкы.

Вся эта пестрая живая движущаяся кавалькада направляется къ уединенному острогу, гдѣ за крѣпкимъ тыномъ, въ сырыхъ и холодныхъ, душныхъ и вѣчно-нездоровыхъ землянкахъ содержатся парн общества, дѣйствительно впновныя, или только привлеченныя къ отвѣту, отягощая минимымъ заирательствомъ и безъ того тяжелую участь свою.

Завидѣвъ поѣздъ издали—строится стража дневальная. Растворются грозныя ворота юдоли страданій. Оповѣщаются заключенные о милости Божіей—«Государь, неровно, изволитъ самъ пожаловать: справитъ долгъ христіанскій; утолитъ печаль и скорбь достойнѣхъ его гнѣва, какъ отца способнаго дарить и миловать. Въ затишѣ безвыходнаго отчаянія возбуждается движеніе. Крики «ура!» возвышаются наступленіе державнаго обхода казеннокъ. Приставники тюремные на чеку: не было-бы какой накости со стороны сидѣльцевъ? Но, слава Богу все благополучно. Государь велитъ молиться за здоровье супруги и чады, раздавая милостыню. Рѣдко спрашиваетъ кого-либо: за что и на сколько?—Отвѣты иногда вызываютъ облегченіе участн. Въ большинствѣ—дѣло ограничивается подачею и цѣлованіемъ державной десницы. Казенки гдѣ брошены привезенные съ допросовъ съ пристрастіемъ—рѣдко открываются предусмотрительнымъ приставами, по мановенію десницы, или по взгляду, хорошо понимаемому подобострастіемъ. Но вотъ этотъ взглядъ и кивокъ головы—указали и завертку рѣшетку. Замокъ слѣтѣлъ, но приставъ нерѣшительно стоялъ взывшійся за дверь, рука окольничаго отдернула ее. Взглядъ государя упалъ на лежавшихъ въ безпамятствѣ. «Это больные,—съ допросу» процѣдилъ приставъ. «Сегодня въ такой день... торонится губной повершить, «сослано повелѣніе дознаться немотчавъ».—«Открыто?»—«Нѣкаются все... И пытки... Съ двухъ... ничего!»—«Выпустите: пусть Бога молятъ за свое согрѣшеніе, если былъ грѣхъ! Предать воли Божіей!» И слеза блеснула въ очахъ чувствительнаго государя.

Одинъ изъ несчастныхъ поднялся и жалобнымъ голосомъ произнесъ: «Да помилуетъ тебя господь Богъ, какъ насъ разыскалъ своей милостью. Не виновны мы государь... Не по сердцу томятъ на земскомъ дворѣ—дѣлать нѣча—вымолвишь, что велятъ».

Царь остановился и окольничій отворившій дверь выдвинулся впередъ. «Оедя! возьми къ себѣ это дѣло и положи намѣ. Посла по дохтура нашево—помочи!» отдалъ приказъ государь взволнованнымъ голосомъ, крестясь на икону, съ чуть брезжившей лампадкой въ углу.

— Въ тайный приказъ пойдетъ, шепнулъ приставъ со страхомъ кому-то:—и выпустилъ вѣдно этихъ самыхъ, добавилъ онъ нерѣшительно. Черезъ часъ переизывались страдальцы, обложенные мазию, уложенные на тендой лежанкѣ въ казенкѣ пристава—и не успѣли отзвонить вечерни какъ ѣздовой, съ запечатаннымъ толстымъ столбомъ криминальнаго процесса, скакалъ къ дому заведеннаго жалобника о бѣдныхъ—Федора Михайловича Ртищева. Черезъ недѣлю послѣдовала перетасовка на земскомъ дворѣ, и все говорили о неслыханной дерзости мужичника, что осмѣлился передать волѣ державнаго, безъ того изрекашаго милость. Долго послѣ подытели страдали, угрожая набольшему царскимъ спросомъ—не ровень часъ!

Вѣроятно подобный случай у родителя Петра Великаго былъ не единственный на вѣку, посвященномъ съ 17-ти лѣтъ мудрому правленію народомъ, которому монархъ этотъ далъ и уложеніе, щетно задумываемое нѣсколько разъ съ воцареніемъ новой династіи, когда старые порядки «Судебника» оказывались неприложимыми при сложившемся *statu quo* послѣ бури самозванцевъ.

Рисунокъ нами помѣщенный напоминаетъ намъ разсказанный случай—какъ черту царственной дальновидности правителя, для своего времени слышнаго ангеломъ доброты и отличнаго прозваніемъ «кротчайшаго».

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

XVI.

Я жестоко ошибся на счетъ старика Альтанскаго, котораго узналъ съ перваго на него взгляда. Этотъ человекъ никого не обижалъ и не могъ ни для кого быть причиною ни малѣйшихъ несчастій.

Матушка зажгла одну изъ стоявшихъ у нея на каминѣ свѣчъ, а Харита, воскликнувъ: „вотъ и мой старенькій тѣту пришелъ“, кинулась къ нему на шею—и нагнувъ къ себѣ его голову за затылокъ, поцаловала его два раза въ лобъ и въ высокую свѣтлую лысину.

Профессоръ былъ человекъ рослый и широкий, но не полный, а скорѣе худой и костистый. При своей нѣсколько высокой и продолговатой головѣ, онъ имѣлъ длинный прямой носъ, немного отвисшую нижнюю губу и очень большіе сѣрые глаза, сильно напоминавшие глаза дочери. Но что всего болѣе дѣлало ихъ похожими другъ на друга—это та же прямолинейная бровь. Я говорю *брови*, а именно *бровь*, потому что обѣ брови у профессора соединялись надъ глазами въ одну непрерывную линію. Обыкновенно такіа брови придаютъ лицу выраженіе твердое, энергическое и рѣшительное,—и такое выраженіе было у отца и у дочери Альтанскихъ, но только у обоихъ у нихъ оно смягча-

лось, какъ самъ профессоръ смотрѣлъ только внутрь самого себя, гдѣ у него былъ богатый складъ наблюденій, опыта и знаній.

Въ обхожденіи старикъ Альтанскій былъ прѣстъ и удивительно открытъ и привѣтливъ. Не успѣла матушка меня ему представить, какъ онъ сію-же минуту заговорилъ со мною точно со стариннымъ другомъ, и при томъ съ такимъ, который во всемъ былъ ему по всему

равенъ. Въ разговорѣ начатомъ непосредственно за его приходомъ и продолжавшемся около полутора часа, я не ощутилъ никакой разницы между его многоученостію и моимъ круглымъ невѣжествомъ.

Онъ никого не оспаривалъ и не *проводилъ* ни какихъ идей, но все что при немъ говорилось—невольно какъ-то выравнивалось и округлялось, по превосходной и совершеннѣйшей формѣ. О предстоящихъ моихъ съ нимъ заня-

тіяхъ онъ не сказалъ ни слова—и даже когда матушка отрекомендовала меня, сказалъ:

— Вотъ вашъ ученикъ.

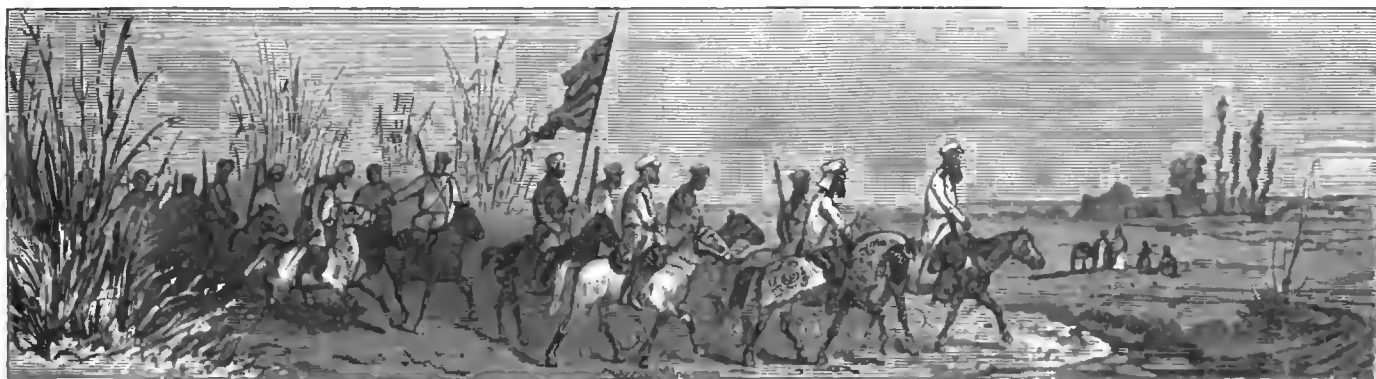
Онъ, ласково пожавъ мнѣ руку, тихо отвѣтилъ:

— Другъ, а не ученикъ.

Затѣмъ весь остальной разговоръ, сверхъ всякаго моего ожиданія, шолъ о предметахъ, о которыхъ я не имѣлъ тогда никакого понятія; но это Альтанскаго пови-

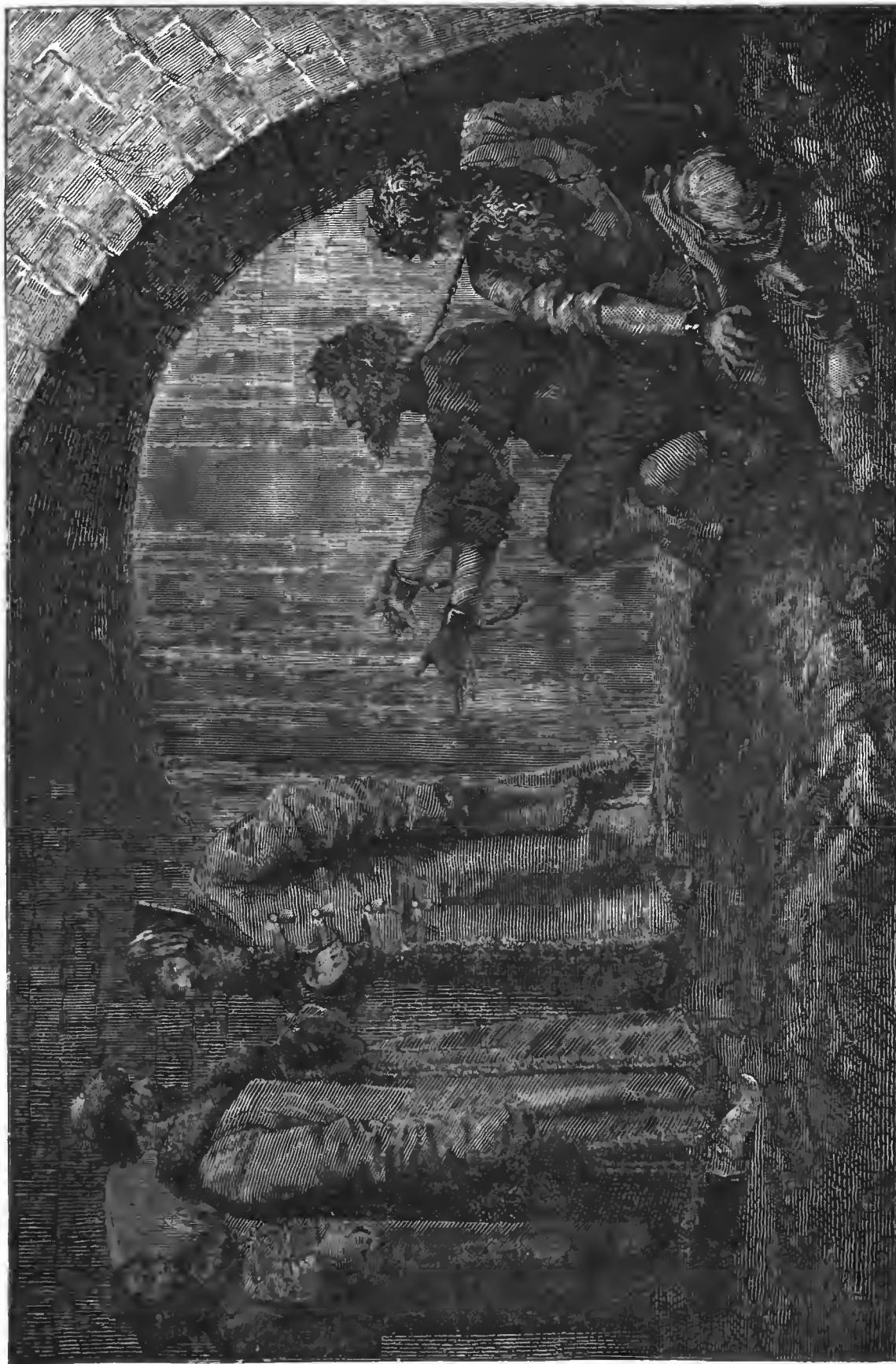
Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Киплакъ Нукусъ. Рис. членъ экспедиціи Н. Карзинъ, Грав. Шляскій.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Начальникъ Аму-Дарьинскаго округа, полковникъ Ивановъ и его свита, на объѣздѣ. Рис. Н. Карзинъ, Грав. Бергъ.

лось безконечною добротою, которая въ лицѣ отца дышала совершеннымъ младенчествомъ. Въ его глазахъ были даже тѣ свѣтлые блики, которые бывають въ глазахъ у младенцевъ и которые въ глазахъ его дочери перешли въ проницающую лучистость. Ей словно дано было читать въ глубинѣ души другихъ людей, тогда

димоу нисколько не смущало. Онъ говорилъ съ матушкою о правительствѣ, къ чему начальный поводъ дало мое исключеніе. Въ словахъ матушки я успѣлъ уловить въ этомъ разговорѣ, не мало жолчной ироніи, съ которой она отзывалась о правительственной системѣ того времени, а Иванъ Ивановичъ, точно Тацитъ, облегчалъ ея сужденія.

Царь Алексѣй Михайловичъ посѣщаетъ узниковъ на страстной недѣлѣ. Рис. Мердверъ, грав. Сташковскій.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я полуребенкомъ слышалъ эту первую политическую бесѣду, и я бы кажется легко могъ про нее позабыть,—но вѣщее пророчество ея, такъ поразительно сбывшееся на моемъ вѣку, не обминуло и мою голову—и тогда-то при тягостнѣйшихъ обстоятельствахъ моей жизни я вспомнилъ слова Альтанскаго, и какъ еще вспомнилъ!

Уходя домой, Альтанскіе упростили матушку дать мнѣ два дня льготы отъ ученія, а съ меня взяли слово завтра утромъ придти къ нимъ. Матушка согласилась, и проводивъ ихъ, спросила меня:

— Мой сынъ! ты кажется куришь?

Я сконфузился и потупилъ глаза.

— Къ чему это такъ рано? продолжала матушка:—я не думаю, чтобы эта бездѣльная привычка портить воздухъ необходимый для нашего дыханія—могла приносить очень много удовольствія; но если уже ты хочешь курить, то пожалуйста не скрывайся и кури при мнѣ. Это по крайней мѣрѣ не будетъ тебя приучать имѣть отъ матери тайны.

— Ужасная вещь! думалъ я:—бѣдная матушка и въ помышленіи не содержитъ, какія я имѣю отъ нея тайности.

Я чувствовалъ порядочную усталость, но улегшись въ постель не могъ уснуть и все обдумывалъ какой-нибудь планъ, какъ бы загарантировать себя отъ полученія отвѣта на мое посланіе въ Тверь. Я придумалъ идти завтра на почту и подкупить почталіона, чтобы, въ случаѣ полученія письма на мое имя, онъ не приносилъ его мнѣ домой, а оставилъ у себя пока я не приду за нимъ. Это меня очень успокоило—и я уже хотѣлъ повернуться къ стѣнѣ и заснуть, какъ вдругъ въ это время замѣтилъ, что свѣтъ въ матушкиной комнатѣ еще не погасъ. Сначала мнѣ показалось, что это горитъ лампада, но приставъ и поглядѣвъ въ дверь я увидалъ, что то горѣла подъ абажуромъ свѣча, передъ которою матушка сидѣла за столикомъ, какъ была одѣтая днемъ, и писала. Прошелъ часъ, огонь не гасъ и писаніе матери не прекращалось. Теперь, настороживъ ухо, я даже слышалъ, какъ быстро скрипѣло въ ея рукѣ перо,—и по непонятному предчувствію это позднее писаніе получило въ моихъ глазахъ какое-то особенное важное значеніе. Я былъ убѣжденъ, что она пишетъ что-нибудь касающееся до меня; но что это могло быть такое и къ кому она могла писать? Размышляя объ этомъ и не придя ни къ какому выводу, я заснулъ все при томъ же свѣтѣ, а утромъ, когда матушка напившись чаю посовѣтывала мнѣ сходить засвидѣтельствовать свое почтеніе Альтанскому, я получилъ отъ нея довольно тяжелый запечатанный конвертъ, съ тѣмъ чтобы я зашелъ и отдалъ его на почту.

Порученіе это было мнѣ очень кстати, потому что я, какъ выше сказано, намѣренъ былъ обдѣлать на почтѣ свое собственное дѣло; но мнѣ однако это не удалось, потому что, зайдя по дорогѣ къ Альтанскимъ на почту, я на самомъ крыльцѣ почтоваго дома столкнулся съ Харитиною Альтанской. Она тоже пришла сюда отправить письмо, которое мнѣ очень хотѣлось видѣть, для того чтобы узнать, кому оно посылается. По тѣмъ же предчувствіямъ мнѣ казалось, что письмо, которое было теперь въ рукахъ Альтанской, содержало развязку ея тайны, какъ письмо матери хранило другія тайны,—и я, вынувъ изъ кармана матушкино письмо, прежде чѣмъ отдать его приемщику, прочелъ: *„Филиппу Кольбергу въ Петербургъ.“*

Что необыкновеннаго можно найти въ такомъ простомъ имени какъ *„Филиппу Кольбергу въ Петербургъ,“* гдѣ такое множество всякихъ *берговъ*?—но вы не можете себѣ представить, какъ меня поразило это имя и какъ оно мнѣ понравилось. Читая впослѣдствіи письмо Гейне къ автору *Лалла Рукъ*, гдѣ поэтъ говоритъ, что не зная самаго сочиненія готовъ признать его превосходнымъ,

потому что у него такое прекрасное названіе,—я вспомнилъ, что то же самое было со мною, когда я въ первый разъ узналъ сладостное имя Филиппа Кольберга. Кто могъ быть этотъ человѣкъ, которому не ставить на письмо ни какого титула, а просто пишутъ одно его короткое имя: „Филиппъ Кольбергъ,“ тогда какъ всякому человѣку прибавляется хоть „благородіе“ или хоть „милостивое государство“? Неужто онъ не имѣетъ никакого права даже на самый скромнѣйшій изъ нихъ? Неужто онъ просто какой-нибудь ремесленникъ? Но не можетъ быть, чтобы мать моя писала такіа большія письма какому-то простому ремесленнику и при томъ.... и при томъ я былъ увѣренъ, что имя „Филиппъ Кольбергъ“ не можетъ принадлежать человѣку малообразованному. Я получилъ неодолимую и при томъ чуждую всякихъ сомнѣній вѣру, что человѣкъ, носящій это имя, долженъ быть какой-то превосходнѣйшій человѣкъ, которому нѣтъ никого подобнаго на свѣтѣ.

Но за то эти размышленія надъ письмомъ, а частію и присутствіе здѣсь дѣвицы Альтанской были причиною, что я не успѣлъ не только переговорить съ почталіономъ насчетъ ожидаемаго мною отвѣта на мое посланіе въ Тверь, а даже совсѣмъ позабылъ объ этомъ неприятномъ обстоятельстве, и не тревожился имя пока оно дало мнѣ себя почувствовать.

XVII.

Всего болѣе въ эту пору меня занимало, что я по глубокому и, какъ послѣ оказалось, совершенно безосновному предчувствію попалъ въ самый центръ сокровеннѣйшихъ тайнъ двухъ милыхъ мнѣ женщинъ, изъ которыхъ притомъ одна была моя мать.

Правда, что вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ (предчувствія мои я могу считать и не предчувствіями а проницательностію, и потому выводы этой проницательности принимать за открытія) — и этимъ именно открытіемъ я наносилъ своему сердцу небольшую рану, потому что послѣ вчерашняго вечерняго созерцанія Харитины Альтанской я уже снова начиналъ чувствовать, что во мнѣ зашевелилось нѣчто подобное тѣмъ возвышеннымъ, конечно, любовнымъ тревогамъ, какія я испытывалъ въ Твери. Теперь, когда обнаружилось, что на свѣтѣ несомнѣнно существуетъ кто-то, которому она пишетъ, и притомъ сама собственноручно отправляетъ на почту свои письма,—я видѣлъ необходимость перемѣнить позицію и ужъ строго держаться роли друга, чего мнѣ признаться сказать не особенно хотѣлось, такъ какъ Харита была не то что тверская барышня: той было тридцать лѣтъ и она приходилась на половину меня старше, между тѣмъ какъ этой шолъ девятнадцатый годъ и стало быть я былъ моложе ея только тремя годами. Но однако я утѣшался тѣмъ, что буду хранить ея тайну.

Что-же относится до тайны матери, то тутъ я предчувствовалъ одно, что тутъ пылаетъ кака-то купина, пламень которой долженъ быть для меня святъ, и сказалъ своему пытливому уму: „не касайся сего“.

Все это я обдумалъ идучи рядомъ съ Альтанской, которая, овладѣвъ мною, вела къ отцу. Мы шли съ нею въ полномъ молчаніи и не мѣшали другъ другу. Это былъ для меня первый опытъ пріятнаго молчанія, и онъ мнѣ чрезвычайно удался и полюбілся.

Они жили въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ съ стеклянною галереєю, въ концѣ которой была дверь съ небольшою мѣдною дощечкою, на которой вмѣсто имени профессора значилась слѣдующая странная латинская надпись: „Nisi ter pulsata aperietur tibi porta, honestus abeas“, то есть: „Если по троекратномъ стукѣ дверь тебѣ не отворится, то знай честь и отходи прочь“.

Харитина постучала трижды въ эту дверь, она намъ отворилась и мы вошли въ очень скромное помѣщеніе.

Старый профессоръ собирался на лекцію, но встрѣтилъ

меня очень ласково, наскоро закусилъ съ нами и ушелъ, поручивъ меня попеченіемъ дочери; но бѣдной дѣвушкѣ было кажется совсѣмъ не до заботъ обо мнѣ. Она видимо перемогалась и старалась улыбаться отцу и мнѣ, но отъ меня не скрылось, что у нея подергивало губы—и лицо ея то покрывалось смертною блѣдностію, то по немъ выступали вымученныя синерозовыя пятна.

Простодушный младенческій взглядъ старика кажется ничего этого не замѣчалъ въ то время, когда онъ навязывалъ меня на руки дочери, но я былъ гораздо прозорливѣе и практичнѣе и поспѣшилъ какъ можно скорѣе оставить ее въ покоѣ.

Не помню, какой я именно выбралъ предлогъ для того, чтобы ей откланяться,—но она сдѣлала эту выдумку совершенно излишнею. Въмѣсто отвѣта на мое прощанье, она взглянула на меня полными слезъ глазами и крѣпко стиснувъ мою руку произнесла по-малороссійски:

— Спасио вамъ, сердце! Маму вашу поцалуйте.

Я понялъ, что Харитина уразумѣла мою деликатность, и оцѣнивъ ее платитъ мнѣ трогательнѣйшею откровенностію,—и съ гордымъ спокойствіемъ держалъ мою роль, сказавъ ей прежнимъ спокойнымъ тономъ.

— Прощайте, Харитина Ивановна.

— Ивановна! отвѣчала она удерживая мою руку въ своей рукѣ.—Не зовите меня Харитиной Ивановной: нехай я буду для васъ просто ваша Христа.

— Извольте.

— Ну такъ скажите мнѣ: помилуй тебя Боже, моя милая Христа.

Я повторилъ ея задушевные слова и поцаловалъ ея руку.

— Вотъ это такъ—по нашему, отвѣчала она, и вынувъ мою руку, сама дала мнѣ знакъ скорѣе уходить, что я немедленно и исполнилъ, но сейчасъ же снова очутился въ большомъ затрудненіи. Проходя по стекляннѣй галереѣ, я по какому-то невольному побужденію взглянулъ въ окно комнаты, въ которой оставилъ Христа,—и увидалъ, что бѣдная дѣвушка лежала ницъ на полу и вытянувъ крѣпко схваченныя руки съ такимъ усиліемъ удерживала свои рыданія, что ея спину и плечи судорожно вело и корбило, межъ тѣмъ какъ тонкіе бѣлые пальцы нѣжныхъ рукъ посинѣли и корчились.

Первая мысль моя была вернуться къ ней и помочь ей встать и перейти на постель; потомъ я это отыѣнилъ и хотѣлъ послать къ ней изъ кухни ихъ прислугу; но еще черезъ минуту нашель, что и это вѣроятно было бы ей непріятно. Мнѣ показалось, что ея невѣдомое мнѣ, гордое, молчаливое горе должно ожесточаться отъ всякаго непрошеннаго и—увы—всегда безсильнаго участія. Я готовъ былъ самъ зарыдать, и нагнувъ шапку опроретью выбѣжалъ на улицу, по которой не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ меня нагналъ мой пріятель Пенъевскій.

(Продолженіе будетъ).

Хорошенькій козликъ.

(Изъ галереи маленькихъ картинъ).

Стрѣлки на циферблатѣ большихъ стѣнныхъ часовъ въ пансіонѣ Софьи Антоновны М* показывали половину перваго пополудни.

Воспитанницы только-что вернулись изъ столовой, гдѣ довольно таки скудно позавтракали, ибо былъ четвергъ,—а въ четвергъ, по распisanію, полагалась на завтракъ манная каша съ кусочкомъ масла величиной въ обыкновенную папироску и два ломтика французской булки, толщиною въ переплетенный катехизисъ.

Дѣвицы старшаго отдѣленія, вернувшись въ свою классную комнату, не чувствовали особенной тяжести послѣ завтрака и, будь это не четвергъ—пожалуй, стали бы подумывать о тайной командировкѣ горничной Дуниши за сардинками, колбасой, пеклеванникомъ и т. п. питательными продуктами, но теперь не о томъ онѣ думали... Изъ двухъ ощущеній, пріившихъ свое начало въ желудкѣ и сердцѣ, послѣднее—какъ сильнѣйшее—взяло перевѣсъ и, такимъ образомъ, уже не голодъ волновалъ дѣвицъ а ожиданіе... Чего же?... Черезъ четверть часа долженъ явиться учитель рисованія—г. Розмариновъ, по имени и отчеству Леонидъ Николаевичъ. Какая душистая фамилія! Какое романическое имя! И какъ то и другое было ему къ лицу! Прехорошенькій учитель... Дѣвицамъ казалось, что Леонидъ Николаевичъ и не могъ имѣть другой фамиліи, и если онъ былъ «Rozmarinoff», то ужъ не могъ быть ни Ивановъ, ни Петромъ, а непременно—Леонидомъ.

Говорить-ли послѣ этого, что урокъ рисованія былъ для нихъ любимѣйшимъ урокомъ. Но увы, онъ продолжался, какъ и прочіе уроки, только часть... Всѣ «старшія» обожали г. Розмаринова, а потому живопись имъ удивительно какъ полюбили: срисовывать глаза, уши, греческіе носы, пейзажи, коровокъ, козликъ—стало для нихъ просто наслажденіемъ!.. И какъ стремительно всегда бѣжали онѣ въ дортуаръ, чтобы тамъ, для этого урока, надѣть поверхъ платья рабочую кофточку изъ сѣренькаго шертинга!..

Старшая надзирательница—М-ле Тимофѣева еще не показывалась. Послѣ завтрака, она обыкновенно удалялась въ свою комнату, чтобы тамъ записать обязательную манну (или чтонибудь другое) необязательнымъ кофе. Это была дѣвица лѣтъ подлѣ 40, длинная, худощавая, съ птичьей фizioноміей, придиричивая и вообще большая ревнительница узенькой показной морали. Воспитанницы въ глаза называли ее «mademoiselle», а за глаза «Цапля Сидоровной». М-ле Тимофѣева не долюбливала мужчинъ вообще, а г. Розмаринова въ особенности—за то, что ему «по его лѣтамъ вовсе не слѣдовало бы давать уроки въ женскихъ заведеніяхъ»...

Въ классъ было довольно шумно. Барышни весело болтали, вынимая изъ шкафа рисунки, бумагу, карандаши и прочія при-

надлежности рисованія; инныя даже напѣвали польку, подплясывали, вертѣлись на одномъ каблучкѣ, словомъ—вели себя «неприлично», пользуясь отсутствіемъ чопорной и строгой М-ле Тимофѣевой. Звонкіе голоса наполняли комнату.

— Mesdames! Замѣтили вы одну странность въ нашемъ собраніи оригинальныхъ рисунковъ?

— Какую? Что? Странность? Укажи, укажи!

— Ни одного мужскаго лица нѣтъ! Ха, ха, ха!

— Да вѣдь и то! Да, да!

— Все женскія лица или какія нибудь животныя!.. Бараны, коровы, овечки, козлики...

— А ты забыла: одинъ ностъ есть съ усвми!

— Неизвѣстно кому принадлежащій!..

— Постояй: а турка?..

— Опять таки только ностъ видѣнь! Чалма слишкомъ больша, да и борода какъ вата растрепанная... Старикъ! Ты, Соня, кажется, рисуешь его?..

— Бросила. Такой онъ страшный... Сталъ во снѣ сниться—я и бросила!..

— Есть о чемъ горевать! А Леонидъ Николаевичъ?! Развѣ не живое лицо?.. Да онъ одинъ стоитъ тысячи рисунковъ!.. Вонъ Лиза Махрова и начала его срисовывать!..

— Mesdames, послушайте! звонко зашебетала Саша Гвоздикова, красивенькая брюнетка, предварительно заглянувъ въ коридоръ:—замѣтили вы, что Цапля Сидоровна начинаетъ все больше и больше ненавидѣть Леонида Николаевича?..

— Еще бы не замѣтить!

— Вѣдь онъ такой милашка!

— Съ ней—серіозень, съ нами—любезень!..

— Ей изъ зависти хотѣлось бы его выжить отсюда!..

— И вотъ, за кѣмъ она особенно слѣдитъ! воскликнула М-ле Гвоздикова, указавъ линейкой на Лизу Махрову.

— Ну ужъ и особенно! отозвалась Лиза.

— Именно—особенно. Цапля Сидоровна убѣждена, во первыхъ, что ты живописецъ, любимица Леонида Николаевича; а во вторыхъ, что ты ее обманываешь за одно съ нимъ: рисуешь потихоньку его портретъ, онъ тебѣ его поправляетъ, а для виду ты сидишь и отдѣлываешь козлика!

— Какимъ же образомъ могла она это узнать? Она никогда не входитъ въ классъ во время рисованія, а только постоятъ въ дверяхъ и уйдетъ... Коноузится его!.. Какъ же она могла разсмотрѣть, что Леонидъ Николаевичъ не козлика моего поправляетъ, а себя—и то минуты три-четыре, не больше?..

— Да это она чутѣмъ!

— Пустяки!

— Ну, смотри: сама заплачешь, когда портретъ-то будетъ кофискованъ! Дуниша говорила, что Цапля Сидоровна рвѣтъ

ночью лазила въ рисовальный шкафъ... А зачѣмъ? Это она все портрета искала!..

— Ну, и пускай ищетъ... Онъ у Дунаши хранится.

— Изловить тебя она. Вотъ и увидишь!

— Что-жъ за бѣда? Другой нарисую... На зло!

— Какъ что за бѣда? Изловить, покажетъ портретъ маман, прибавитъ что нибудь этакое, а маман пожалуй и попроситъ Леонида Николаевича больше не являться, пригласитъ на мѣсто его какого-нибудь замухрышку—въ родъ нашего математика... Прощай тогда и живопись! Останется турба, да чей-то носъ съ усами...

М-лле Махрова сморщила бровки.

— Я постараюсь сегодня же окончить портретъ... Все какъ-то съ дѣвымъ глазомъ у меня не ладится... Леонидъ Николаевичъ поправитъ глазъ—и я увезу портретъ. Вотъ что, mesdames, пожалуйста: когда онъ придетъ, я сейчасъ и выложу портретъ, а вы станьте такъ, чтобы заслонить насъ... Хорошо?..

— Да ужъ не выдадимъ!

— Я заслону, вызвалась Варя Перышкина.

— Ахъ, вотъ мысль! почти взвизгнула Саша Гвоздиковая.—Ахъ, mesdames, какая предестная мысль пришла мнѣ въ голову!..

Она фыркнула и засмѣялась.

— Ужъ ты извѣстная сочинительница!

— Говори скорѣй!

Саша понизила голосъ.

— Такъ какъ я увѣрена, что Цапля Сидоровна добирается до этого портрета, съ цѣлью показать его маман, то...

Но ужъ тутъ начался шопотъ. «Сочинительница» размахивала руками, дѣлала гримасы, представляя что-то и, наконецъ, разразилась веселымъ смѣхомъ... Засмѣялись и другія.

— Ну, что за охота, проговорила Лиза,—и почему ты думаешь, что именно такъ выйдетъ?

— Предчувствую, ма сѣге, предчувствую!

— Все это глупости...

— Отчего же не попробовать?.. Ну, душечка! Лиза, пожалуйста!..

Саша сейчасъ же нашла поддержку: барышни окружили Лизу и стали ее упрямивать осуществить «предестную мысль»...

— A vos places! Silence!

Все смолкло. Въ дверяхъ стояла М-лле Тимофѣева съ чулкомъ въ рукахъ. Она была въ очкахъ, которая какъ-то особенно поблескивали... Блескъ ихъ былъ, такъ сказать, *строго-холодный*...

— A vos places, mesdemoiselles! повторила надзирательница.—М-г Rozmarinoff arrive.

Застучали каблучки въ корридоръ—и въ комнату вошелъ, слегка сѣменя ногами, Леонидъ Николаевичъ—такой чистенькій, причесанный, съ закрученными усиками, словомъ—прелестъ, милашка... душка!.. На немъ былъ коротенькій пиджакъ и свѣтленькіе, сиреневые брики съ лампасомъ. Какъ только онъ вошелъ—запахъ пачули распространился по всей комнатѣ.

М-лле Тимофѣева, постоявъ въ дверяхъ секунды двѣ-три, задвигала чулочными спицами и скрылась, оставивъ какъ и всегда дверь отвернутую настежъ.

— Разъ пятнадцать еще заглянетъ! проговорила почти вслухъ Саша Гвоздиковая и, толкнувъ Лизу, шеннула:

— Замѣтила?.. Опять она сегодня въ очкахъ... Что, не права я? Ну, выкладывай портретъ... Леонидъ Николаевичъ сейчасъ къ тебѣ подойдетъ... О голубой ленточкѣ не беспокойся: ужъ я найду!

Лиза выложила портретъ учителя и прикрыла его почти окопченнымъ козликомъ.

— Ну, что ваша тирольская коровка? спросилъ г. Розмариновъ, подойдя къ Сашѣ и наклонясь надъ ея рисункомъ.

— Все носорогъ у меня выходитъ вмѣсто коровы... Да ужъ вы лучше не смотрите! проговорила Саша.—Противная корова!..

— А вы попробуйте носорога нарисовать—можетъ быть тогда у васъ корова выйдетъ?

— Мерси! Непремѣнно попробую... А теперь идите къ сосѣдкѣ: она васъ ждетъ.

Леонидъ Николаевичъ восхитительно улыбнулся, граціозно повернулся и подошелъ къ столику Лизы. Та сейчасъ же встала, уступила ему мѣсто и оперлась рукой на стулъ. Варя, взявъ рисунокъ свой, помѣстилась за Лизой, принявъ на себя роль заслонки.

— А я думалъ, что вы ужъ кончили, замѣтилъ Розмариновъ, взглянувъ на свой портретъ:—что? съ глазомъ не можете справиться?..

— Да, онъ какъ будто все не на мѣстѣ...

— На обумъ трудно-съ рисовать!.. Конечно, мнѣ пріятно, что вы занялись моею физиономіей, но... я бы вамъ не совѣтовалъ фантазировать карандашомъ: это можетъ вамъ повредить-съ! Рисуйте *только* съ натуры. Натура—первое дѣло. Вотъ, попробуйте снять портретъ съ вашей сосѣдки, и я увѣренъ, что выйдетъ хорошо.

Леонидъ Николаевичъ сѣлъ, а Лиза старалась глядѣть не на портретъ, а на козлика, стоявшаго на попугѣ.

— Позвольте карандашъ. Я сейчасъ поправлю этотъ глазъ...

М-лле Тимофѣева показала въ дверяхъ. Саша замѣтила, что она нѣсколько разъ становилась на цыпочки, какъ бы желая рассмотреть произведеніе Лизы Махровой... Потомъ (и это она

замѣтила) очки надзирательницы «ужасно» блеснули, губы ея злорадно улыбнулись, и м-лле Тимофѣева, торжественно повернувшись, скрылась въ корридоръ...

— Шабашъ! вырвалось у Саши.

— Что, коровка вышла? спросилъ Леонидъ Николаевичъ.

— Ахъ, не то... Это я такъ сказала!

Лиза вопросительно посмотрѣла на Сашу, которая и не замедлила краснорѣчиво кивнуть головой...

Г. Розмариновъ всталъ и положилъ карандашъ.

— Ну, вотъ-съ, глазъ поправленъ и портретъ оконченъ! Bravo! Сходство есть... У васъ положительно талантъ къ живописи... Да-съ! Вамъ слѣдовало-бы серьезно заняться этимъ предметомъ... Но, повторяю, главное: не фантазируйте! Съ натуры—и только съ натуры!

Лиза покраснѣла отъ удовольствія и живо свернула портретъ.

— Леонидъ Николаичъ, проговорила она,—я бы хотѣла попросить... васъ...

— Весь къ вашимъ услугамъ!

— Попросить, чтобы вы объ этомъ портретѣ...

— Ахъ, какая ты мямля! не выдержала Саша и, обратившись къ Розмаринову, прямо бухнула:

— Чтобы начальство наше не знало объ этомъ портретѣ! Не проговоритесь какъ нибудь...

— Но... что-жъ тутъ такого... Я не вижу ничего...

— Ну, а мы видимъ! Даетъ обещаніе?

— Извольте, извольте... Даю!

Леонидъ Николаевичъ зарумявился и, чтобы скрыть легкое смущеніе, сталъ разсматривать козлика.

— Недурно и козликъ у васъ вышелъ! Абрисъ совершенно вѣренъ... Ставлю вамъ сегодня двѣнадцать съ плюсомъ!..

Время быстро пролетѣло, и вотъ раздался въ корридоръ звонокъ. Учитель раскланялся и вышелъ. Барышни выбѣжали за нимъ. Саша Гвоздиковая была изъ первыхъ... Она куда-то торопилась.

М-лле Тимофѣева стремительно схватила за руку Лизу Махрову.

— Ecoutez, ma сѣге! Это что у васъ подъ передникомъ?..

— Ничего...

— Какъ ничего? Какой-то свертокъ...

— Это рисунокъ мой... козликъ...

— Зачѣмъ же вы его причете?.. И куда вы его несете?..

— Я хотѣла...

— А! Вы хотѣли вѣрно показать его маманъ?.. Я иду къ ней сейчасъ и ктати снесу... Позвольте, ma сѣге, мнѣ порадовать маман!

Лиза нехотя передала ей трубочку, обвязанную голубой ленточкой. Глаза Mademoiselle Тимофѣевой свернули зеленымъ огнемъ.

— И даже голубая ленточка! Премило!.. *Этого козлика* вамъ, Lise, возвратитъ сама маман...

Надзирательница отправилась въ комнату маман.

Дѣвицы, чтобы не фыркнуть, зажали ротъ платкомъ и бросились въ классную.

— Рисунокъ Лизы Махровой? О, вѣдь я знаю, что она у насъ художникъ! воскликнула Софья Антоновна и любезно прибавила:

— Но я теперь занята... Положите тутъ. Я послѣ посмотрю.

М-лле Тимофѣева упрямо протянула руку со сверткомъ и произнесла сладкимъ голосомъ:

— Но довольно одной минутки, чтобы взглянуть... Потрудитесь развернуть... Васъ навѣрно поразитъ это художественное произведеніе! Мнѣ такъ хочется, чтобы вы, Софья Антоновна, полюбовались!..

— Ну, позвольте... Пожалуй посмотрю.

Софья Антоновна взяла трубочку и развязала ленточку... М-лле Тимофѣева подняла голову и отступила на шагъ...

— А вѣдь дѣйствительно работа прекрасная! воскликнула маман.—Будто живой!.. Прехорошенькій!.. Молодецъ Лиза!..

Надзирательница широко открыла глаза; лицо ея выражало крайнее удивленіе...

— Прехорошенькій? повторила она.

— Да, я вообще люблю въ этомъ родѣ, продолжала Софья Антоновна, не выпуская изъ рукъ рисунка...—Какъ бородачка отлично отдѣлана.. Каждый волосокъ видѣнъ! Такъ бы и погладила...

М-лле Тимофѣева уже совсѣмъ вытаращила глаза: она ушамъ не вѣрила!.. Почтенная Софья Антоновна... любитъ такъ откровенно... Розмариновымъ! Погладить хотѣть его... Да не сонъ-ли это?..

— Я очень довольна, что дѣвицы вообще стали дѣлать успѣхи подъ руководствомъ Леонида Николаевича, проговорила маман.—Этотъ молодой человекъ, какъ видно, дѣльный и знающій учитель... Посмотрите, какъ даже хвостикъ хорошо нарисованъ...

— Хвостикъ!?

М-лле Тимофѣева почти вскрикнула это слово и, шагнувъ впередъ, вспыхнула...

— Чтѣ это васъ такъ удивило? Развѣ у козлика не бываетъ хвостика?.. Ну, однако, возьмите картинку... Мнѣ, право, некогда.

Рисунокъ самъ свернулся въ трубку, которая и очутилась въ рукъ м-лле Тимофѣевой. Совершенно растерявшись, она поспѣшила выйти изъ кабинета маман...

Хорошенькій козлихъ. Рис. Греглеръ, Грав. Пейне.

Народы России.

Бѣлоруссы.

Бѣлоруссію, въ тѣсномъ смыслѣ слова, составляютъ только три губерніи: Минская, Могилевская и Витебская. Верховія Западной Двины, среднее теченіе Днѣпра со впадающей въ него Припятью орошаютъ обширную низменность, лишь мѣстами пересѣченную невысокими холмами. По ней тянутся на большое пространство ливенные и хвойные лѣса въ перемежку съ болотами и многими сотнями озеръ. Въ одной Витебской губерніи болота занимаютъ около 500,000 десятинъ; озеръ насчитываютъ до двухъ съ половиною тысячъ. Все это остатки прежнихъ непроходимыхъ трупобъ, по которымъ сидѣли тысяча лѣтъ назадъ дикири кривичи и дреговичи. Растительныя силы не ослабѣли еще до сихъ поръ: дубы, клены, липы и березы растутъ на свободѣ и достигаютъ значительной толщины; ели и сосны тянутся въ высъ до гигантскихъ размѣровъ. Тамъ куда еще не заходила нога человѣка, много деревьевъ умираетъ не отъ топора, а естественной смертію старости. Зелень и вода куда ни оглянешь. Подъ зеленымъ навѣсомъ кроются зайцы, козы, лоси, медвѣди; въ озеркахъ и рѣчкахъ рыбы не выловишь. Благодаря этимъ условіямъ, на проѣзжающаго бѣлорусскан природа и бѣлорусскій ландшафтъ производятъ пріятное впечатлѣніе. Эти сплошные лѣса (напр. часть Минской губерніи) разнообразной окраски, полные тѣни и сырой прохлады; мелькающія въ перелѣскахъ озера; луга покрытые сочной травой и цвѣтами; холмы присыпанные желтымъ пескомъ—все это невольно чаруетъ глаза. Особенно много воды въ Витебской губерніи; лѣсовъ—въ Минской. Могилевская занимаетъ середину и много выигрываетъ отъ этого. Полоса въ полномъ смыслѣ слова непроходимыхъ бѣлорусскихъ лѣсовъ носитъ общее названіе Полѣсья; она составляетъ значительную часть того Полѣсья, которое тянется по смежнымъ губерніямъ, переходя въ литовскіе лѣса. Полѣсье—это низменность на низменности. Весной когда таютъ снѣга и рѣки выступаютъ изъ береговъ—едва ли не третья часть его стоитъ подъ водой. Нѣтъ возможности перечислить количество дужъ, ручьевъ, рѣчекъ, бродовъ и болотъ, которыми оно усажено. Особенно много болотъ. На этихъ страшныхъ зыбунахъ видѣются мѣстами островки съ привлекательной густой растительностью, но понасть на нихъ нѣтъ никакой возможности. Зыбунъ—это именно то, что народъ опредѣляетъ мѣткой загадкой: «не море—не земля, корабли ве плаваютъ и ходить нельзя». Наружность его обманчива. Дорогъ по описаннымъ трупобамъ собственно нѣтъ, если разумѣть подъ словомъ *дорога* нѣчто лишенное прелестей и крупныхъ неудобствъ. Отъ напора воды по Полѣсью устраиваютъ мѣстами плотины, а обыкновенные броды переѣзжаютъ, а иной разъ переплываютъ просто въ телѣгахъ, обходясь безъ перевоза. Бродовъ и бродковъ такое множество, что ихъ число вошло давно въ мѣстную поговорку (Отъ Колка до Храпуна сорокъ бродовъ да сорокъ бродиковъ; считаемъ необходимымъ замѣтить, что эти два селенія лежатъ въ десяти верстахъ одно отъ другаго). Болота Пинскаго уѣзда тянутся на многіе десятки верстъ, принимаютъ иногда видъ большихъ озеръ; озера по длинѣ и ширинѣ въ свою очередь смахиваютъ на рѣки. Однимъ словомъ: царство воды и зелени. Почва—песокъ, глина, камень и немного чернозему; климатъ крайне непостоянный; воздухъ пропитавъ сырыми испареніями болотъ.

Тысяча лѣтъ назадъ въ такой суровой обстановкѣ жили славяне-дикири; теперь живутъ бѣлорусскіе крестьяне. Обстановка измѣнилась въ немногое, только историческія условія измѣнились сильно. Предки теперешнихъ бѣлоруссовъ неохотно выходили изъ своихъ трупобъ, сидѣли по *застынкамъ*, за высокимъ заборомъ, били по сосѣдству звѣрей, ловили рыбу, поднимали сохой скудную землю. При этомъ они были суевѣрны, какъ всѣ дикири. Потомки ихъ сохранили ту же привычку къ домосѣдству, неприхотливости жилищъ, обычай, языкъ, съ тѣми же суевѣріями, гаданьями, примѣтами. По примѣру своихъ предковъ, бѣлорусскій крестьянинъ живетъ врозьспну, въ разбивку, по самымъ глухимъ мѣстамъ. Въ Витебской губерніи нарѣдкость встрѣтить деревню больше чѣмъ въ 20 дворовъ; обыкновенно два, три, много десять, а иной разъ всего одинъ дворъ. Тутъ вся сила въ унылѣдованной привычкѣ, потому что лѣсу много. Сельскія постройки тѣсныя великорусскихъ и разбросаны какъ попало, безъ всякаго *порядка*. Избы невзрачны и снаружи и внутри—часто вмѣсто драпи онѣ крыты подстриженной соломой; окна крошечныя, иногда въ какую-нибудь четверть аршина, да еще съ просвѣчивающей тонкой лучиной вмѣсто стекла. Въ избѣ холодная *клевъ*, гдѣ хранятся все что подороже, а черезъ сѣни теплая *хата*; въ ней дымъ гуляетъ подъ потолкомъ, по стѣнамъ копоть; подъ ногами битая глина вмѣсто пола, въ дождливое время—грязь. Въ Бѣлоруссіи очень много курныхъ избъ. *Положъ* въ хатѣ называется настилка изъ досокъ между передней стѣной и печью—на ней спать и вообще отдыхаютъ; а весной, когда птицъ надо сидѣть ва яницахъ, пускаютъ подъ *полъ* куръ, гусей, утокъ: зимой же, если нѣтъ тепла хлѣва—телятъ и гнѣять. Тутъ же и дѣти

возятся. Остальная обстановка та же что и въ русской избѣ: тѣ же лавки, столъ, палати. Вечеромъ въ хатѣ горитъ лучина или воткнутая въ стончій посѣтъ, или подвѣшенная съ нимъ къ потолку. Тамъ гдѣ лѣсу больше—жгутъ смолистую лучину (она подороже); гдѣ мало—лучину изъ *оболони* сосны, которая горитъ хуже сальной свѣчки. Въ тѣсной и душной хатѣ бѣлорусъ родится, растетъ и умираетъ. Самъ онъ такъ же невзраченъ, какъ и его домашняя обстановка: не великъ ростомъ, нездоровъ на видъ, худъ; волосы бѣлые какъ ленъ; во взглядѣ стрыхъ глаза что-то забытое. Нѣтъ того, подъ часть удалаго, выраженія лица, которое мы встрѣчаемъ у великорусса. Нарядъ тоже не отличается красотой, но заслуживаетъ описанія какъ характерный. Онъ почти весь домашняго издѣлья. Лѣтомъ мужики носятъ преимущественно бѣлые кастаны изъ сукна или холста, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ; на головѣ круглую особаго покроя поярковую *маерку* (см. рисунокъ), на ногахъ почти всегда ланги съ бѣлыми очурами. Зимой грѣть овчина. Многіе думаютъ, что отъ преобладающаго бѣлага цвѣта въ одеждѣ получила и свое названіе Бѣлая Русь. Прибавьте къ вышесказанному красный поясъ вокругъ талии, на немъ—мѣшечекъ съ кремнемъ и *осмаками* (деньгами), да крупную запонку изъ цвѣтнаго стекла на воротѣ—и праздничный нарядъ будетъ полнымъ. Бабы носятъ разное: *ситы*, запаски, а кто шуга и сарафаны,—головныя *намитки* представляютъ нѣчто въ родѣ длинныхъ подотенецъ, концы которыхъ спускаются по сторонамъ. Мужики щеголютъ поясомъ и запонкой; бабы—бусами. Полѣщукъ (житель Полѣсья) и могилевецъ видятъ за столонъ кромѣ хлѣба и картофеля—много; въ Витебской губерніи бѣлоруссъ вынужденъ питаться картофельной похлебкой и хлѣбомъ нополомъ съ микной. Городскіе жители зажиточнѣе этихъ зажиточныхъ въ глушь людей. Первые пасушныя потребности бѣлорусса удовлетворяются вышесказаннымъ. Такихъ потребностей, какъ извѣстно, три: гдѣ нибудь жить, такъ чтобы не холодно было и зимой, чѣмъ-нибудь прикрываться, чтобы можно было не замерзнуть въ холодъ, и что-нибудь ѣсть. Одни номинутыя потребности, будучи удовлетворены, даютъ уже небольшую долю счастья и отдыха послѣ тяжелаго физическаго труда. Бѣлорусъ работаетъ въ полѣ, въ лѣсу, на рѣкѣ. Мужики и бабы раздѣляютъ земледѣльческій трудъ между собой по ровну: мужья и холостые парни нахутъ, косятъ, подаютъ снопы, возятъ ихъ съ поля, вѣютъ и сѣютъ; жены и дѣвки жнутъ, берутъ ленъ, копаютъ огороды и пр. Сно собираютъ вмѣстѣ: это общій праздникъ. Когда молотятъ просо, выдавливан зерна погами, работаютъ и дѣти. Выѣстъ съ бѣлоруссомъ работаетъ на пашнѣ и волъ или лошадь, случается—даже корова. Много труда кладетъ бѣлорусъ за десятиной плохой земли, которая сносна въ одной Могилевской, а въ Витебской—камень. Если ночь выдѣтся лунная—она не пропадетъ для него даромъ, только бы было на чемъ пахать.

Бѣлорусъ кромѣ земледѣлія занимается еще пчеловодствомъ (преимущественно въ Минской губерніи) и водить скотъ; но часто, по сосѣдству, въ лѣсу водится четвероногий врагъ. Къ собранному на полѣ хлѣбу можетъ повадаться кабанъ—и хлѣбные стожки ставятъ на столбики. Въ снѣжную, выжнюю зиму не помогаетъ и это: вѣтеръ навѣетъ около нихъ кучи снѣга и звѣрь свободно добирается по нимъ до хлѣба. Тогда *полтигунъ* беретъ ружье и идетъ бить звѣря. Завердетъ бѣлорусъ скотину, прикормъ которой стоитъ недорого, —и тутъ враги—волки. Они цѣлыми стаями рыщутъ по Полѣсью—и съ ними у бѣлорусса идетъ нескончаемая война. До меда охотникъ медвѣдь-*медоводъ*. Въ Полѣсьѣ пчельни почти вѣкогда не бываютъ около избъ, гдѣ-нибудь въ саду, или на огородѣ, какъ у великоруссовъ; полѣщукъ ставятъ ульи въ бору, по высокимъ соснамъ, въ томъ-же бору гуляетъ и медвѣдь. Сажень въ 10-ти отъ земли прилаживаютъ настилку изъ досокъ и на нее втаскиваютъ съ помощью колеса и веревки нерѣдко 20 пудовой улей, два, три и больше. Снаружи улей утыканъ верескомъ и окропленъ сѣтой. Отъ пчѣсценій *медовода* его охраняютъ особымъ досчатымъ навѣсомъ. Приходитъ эсень—полѣщукъ бортникъ идетъ въ лѣсъ, закидываетъ крючкомъ за сукъ того дерева гдѣ у него вчелы, самъ садится на скамеечку, привязанную къ веревкѣ и вздергиваетъ себя на вастилку гдѣ ульи. Въ рукахъ у него обыкновенно коробка для меда и кусокъ дымящейся сосновой коры: двѣ вещи необходимыя при выдѣраніи. Случается что медвѣдь забирается на сосну раньше хозяина, успѣваетъ пробить голой ветхій навѣсъ и достать самый лакомый улей. Онъ имѣетъ обыкновеніе выбирать самый тяжелый, изъ котораго медъ такъ и сочится. Глубоко запускаетъ Мишка свои когти въ сакенный обрубокъ и нерѣдко рухаетъ съ нимъ на землю съ нысоты и съскользкихъ сажень. Тогда полѣщукъ беретъ его шкуру, а для предотвращенія дальнѣйшаго воровства вколачиваетъ въ сосну цѣлый рядъ ножей—острыми вверхъ. Про людей которые бы воровали медъ—не слыхать: по понятію бѣлорусса страшнѣе этого преступленія нѣтъ, и казнь за него въ старину была страш-

ная: преступника подводи́ли къ той соснѣ съ которой онъ укралъ, прибивали къ ней гвоздемъ его пуповину и затѣмъ гоняли кругомъ, при чемъ внутренности несчастнаго наматывались на дерево.... По истинѣ варварское наказаніе! Въ полѣсѣ бѣлоруссѣ охотятся съ капканомъ и ружьемъ за дикими обитателями тропы: зайцы, козы, лоси — его добыча. Подѣщикъ на видъ здоровѣе и крѣпче чѣмъ какой нибудь крестьянинъ Витебской губерніи. Онъ беззаботенъ какъ истый славянинъ — и когда спрашиваютъ: «Чѣмъ проживешь годъ?», «зимой за работаю въ лѣсу, а лѣтомъ из *флаасы*», отвѣчаетъ подѣщикъ. Въ лѣсу бѣлорусскій крестьянинъ гонитъ деготь, рубитъ дрова; у воды рыбачитъ, гонитъ барки и лѣсъ (*флаасы*) по рѣкѣ, извозничаетъ и работаетъ на заводахъ. Кромѣ исчисленныхъ выше насущныхъ потребностей у бѣлоруса есть другія — потребности духа: онъ поетъ, слушаетъ и рассказываетъ сказки, пляшетъ и поетъ горѣлку. Въ сказкѣ онъ вѣритъ въ возможность небывалаго счастья, въ пѣснѣ выражаетъ настроеніи души; кромѣ безшабашной веселости извѣстной минуты и горькой жалобы на свое горе — въ ней прорывается желаніе лучшей доли. Бытовая сторона жизни и семейныя отношенія, играющія такую важную роль въ замкнутой жизни крестьянина, лучше всего отражаются въ пѣснѣ. Она поется въ теченіи цѣлаго года — не зря, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, пѣтари установленныхъ обрядахъ и празднествахъ за работой. Обыденное теченіе жизни бѣлоруса все укладывается въ томъ народномъ дневникѣ, который постарается представить въ болѣе или менѣе сжатой формѣ. Нѣкоторые праздники особенно уважаются бѣлоруссами; въ такіе дни самый послѣдній бѣднякъ рассчитываетъ принарядиться, поѣсть сытнѣе обыкновеннаго и сходить въ церковь.

Первый зимній праздникъ въ году *Рыжтенинъ святки* (съ 24-го декабря по 7-е января), на нихъ мужики почти не работаютъ, развѣ 2—3 часа въ день; бабы прядутъ и стараются кончить пряжу на праздникахъ. Слѣдующіе шесть дней каждый бѣлорусъ празднуетъ свято: *Кутю*, Рождество, *Толстую коладу*, Васильевъ день, *Голодную коладу* и Крещенье. Сочельникъ передъ Рождествомъ празднуется вечеромъ за сладкой кутей (*сочевомъ*). Для этого столъ накрываютъ бѣлой скатертью, подъ которой настилаютъ сѣна, и въ растворенное окно говорятъ: «морозы! морозы! иди кутю псти!» За кутей вспоминаютъ о живыхъ и умершихъ. Остатки ужина не убираются до утра. На Рождество стараются разговѣться до свѣта, разговѣвшись успеваютъ соснуть часокъ другой, потомъ одѣваются и идутъ въ церковь. Разговѣются прежде всего *прижаниной*, это густое ржаное тѣсто, въ которое накрошено сало, свинина, колбаса, съ лукомъ и перцемъ. Вчерашній ужинъ снимаются со стола и всѣ садятся по старшинству — хозяинъ — подѣ образамъ. Въ глубокой чашкѣ хозяйка приноситъ *прижанину* и передъ каждымъ кладетъ по порядочной стопкѣ овсяныхъ блиновъ; хозяинъ крошитъ мясо и накрошивъ кладетъ въ чашку. Во вчерашней *кутѣ* и здѣсь — рюмка водки передъ тѣмъ имѣетъ большое значеніе. Выпивая ее, хозяинъ жадеетъ и на будущій годъ разговѣться всѣмъ въ добромъ здоровьи. Обычное молчаніе нарушается только послѣ водки. Оторвавъ кусокъ овсянаго блина, сидящіе свертываютъ его въ трубочку и такъ ловко макаютъ ее въ *прижанину*, что каждый разъ ловятъ то ломтикъ сала, то кусокъ мяса. За *прижаниной* подають все что есть въ печи. Канунъ новаго года называется *Товстой* или *Бытлой кылдой*. Въ этотъ день существуетъ обычай ѣсть свиную голову, основаніемъ котораго служатъ одно повѣрье. Кромѣ свиной головы мясное ѣдятъ весь день — *Голодная колада* (канунъ Крещенья) совсѣмъ не то: ѣдятъ постное и то немного. Крещенье завершаетъ *рыжтенинъ святки*. Въ эти дни дѣвки гадаютъ о женихахъ, а парви ходятъ и колядуютъ подѣ окнами хатъ.

Хозяюшка
Нашъ багюшка!
Подари гостей
Колядовщиковъ

Съ клѣти рѣшетомъ,
Съ пещи пирогомъ,
Подай колбасу —
Я въ зубахъ понесу.

Наступаетъ весна, а съ ней и весенній праздникъ — Пасха. По селу ходятъ водочевники съ мѣшками и собираютъ сытные подарки, распѣвая длинныя пѣсни, въ которыхъ верѣдко смѣются надъ скупыми хозяевами. Водочевники ходятъ гурьбой человекъ въ 20, 30. Кто поздравитъ тотъ съ мѣшкомъ, кто послабѣе тотъ съ душой или съ пустыми руками.

23-го апрѣля въ день св. Юрія выгоняють скотъ. Праздникъ переносится въ поле. Это пастушескій праздникъ — хозяева даютъ пастуху масла, сыру, хлѣба, молока и яицъ — иногда денегъ; въ складчину дѣлается ячница на молоко, покупается водка и сласти. Вся суть въ той церемоніи, съ которой варится ячница. На полянѣ, часовъ около двухъ раскладываютъ костеръ, для котораго каждый пастухъ обязанъ принести по охапкѣ разной суніи. На немъ варится ячница. Когда она поспѣла и уже остыла — *стадникъ* (главный пастухъ) ставитъ ее себѣ за голову; одинъ пастушокъ поднимаетъ къверху горящую головню, а другой — горсть соли. Около стада обходятъ въ извѣстномъ порядкѣ три раза. — Впередѣ идетъ подпасокъ и педкаетъ кнутомъ; за нимъ остальные пастухи, въ которыхъ каждый что нибудь несетъ: или цвѣты, или пучокъ травъ. Для предохраненія стада отъ *ида бычуга* и *звѣря лихаго* — въ поле бросаетъ

ся горящая головня и горсть соли, при чемъ стадникъ судитъ первую *въ зубы*, а послѣднюю *въ очи* невидимому зложестателю. Все это оканчивается ѣдой и попойкой.

Случай выпить и хорошо поѣсть представляется бѣлоруссу на *толокахъ* (то что у насъ помочи). Хозяинъ приглашаетъ сельчанъ съ нѣсколькихъ дворовъ, даже съ чуждой деревни поработать за угощеніе. При такихъ работахъ поются толочанскія пѣсни, содержаніе которыхъ часто вертится на гульбѣ и веселѣи, причемъ гости напоминають хозяину чтобы онъ не скупился на пиво и водку. Бывають и другаго содержанія: дѣвушка жалуется на отца съ матерью, что они отдали ее за старика, жалуется на семью; или жена проситъ мужа не бить ее, пьетъ съ горя что свекоръ журитъ понапрасну и пр.

Какъ только лѣсъ зазеленѣетъ — начинаютъ пѣть кунальные пѣсни. Настаетъ вечеръ 23-го іюня — Ивана Купада. Въ Витебской губ. справляютъ его слѣдующимъ образомъ: *молойцы* (парни) берутъ обмазанные смолой или дегтемъ колеса, сажаятъ ихъ на шесты, въ ступицѣ зажигаютъ и несутъ въ поле. За ними толпой идутъ дѣвки съ горшками, коробками, узлами; бабы несутъ кудлагу, мужики — водку. Дорогой поютъ обрядныя пѣсни. Въ полѣ еще съ утра отгорожено мѣсто, дойдя до котораго обходятъ съ пѣснями вокругъ ржаного поля и садятся какъ только дойдутъ до чужой межи. Случается что въ встрѣчу *молойцамъ* съ горящими колесами на шестахъ — попадаются другія процессіи изъ сосѣднихъ деревень. На мѣстѣ, нарочно для этого случая отгороженномъ, выкаютъ шесты и поджигаютъ заранее раздольные костры. Начинается плясъ, скакавые черезъ огни. Скачатъ попарно, взявшись за руки *дзянчокъ съ дудкой* (парень съ дѣвкой). Иные садятся на лошадей и перемахиваютъ черезъ пылающую костеръ, чтобы предохранить скотину отъ порчи, которой сильно боится суевѣрный бѣлорусъ. Дѣвки — которыя гадаютъ по вѣткамъ на водѣ, которыя расходятся по полю искать цѣлительныхъ травъ. Ими послѣ окуривають дѣтей отъ болѣзни, призора и всякаго рода вѣпастей, пользуютъ скотъ. Въ ту же ночь ищутъ цвѣтъ папоротника — вѣрное средство разбогатѣть. На жнивѣ, за тяжелой работой поются *жатварки*, пѣсни очень богатые по содержанію. Въ нихъ съ поразительной ясностью рисуется горькая доля крестьянская, особенно женская доля, поминаются и крестьянскія радости. Жатварки полвы простаго неподдѣльнаго лиризма. Въ нихъ поминають и безжалостную хозяйку и милаго, который только напрасно смущаетъ дѣвушку; молодая жалуется на свекровь со свекромъ, говоритъ: «не вадо имъ и виду показывать что спина болитъ послѣ работы, а то отколотятъ»; невѣстка жалуется на то, что деверь съ свекровью бытъ ея ребенка, думаетъ вернуться къ отцу, хоть далеко до него и трудны переходы да привѣтъ отца дорогъ. Темныя стороны замужней жизни бѣлорусской крестьянки выступаютъ въ пѣснѣ во всей своей безыскусственности: молодая жница предпочитаетъ ночевать въ полѣ чѣмъ у ненавистнаго мужа — «хорошо-бы выйдти за дворянина» думается ей.

Къ головѣ приливаетъ кровь, и руки устади и спина. Жница жалуется въ пѣснѣ, что она новольница: позже всѣхъ уходитъ съ поля домой. Припоминается ей изъ недавняго прошлаго, какъ панъ развѣзжалъ по полю и подгоинялъ работать проворнѣе.

Да ужъ вечеръ вечерее, | На постацахъ поѣздае,
Нашъ панъ веселѣе, | Свое жийке пригоняе.

При сборѣ яровыхъ хлѣбовъ поются особыя любимыя пѣсни (ярныя). Дѣвчья жизнь тоже часто не веселая жизнь: до замужества сплетни и толки, а замужемъ извѣстанъ горькая доля. Содержаніе одной пѣсни рассказываетъ о дочери, которая утѣшаетъ мать, а та плачетъ о томъ какъ худо будетъ ей у свекрови. Милому человѣку тоже трудно дозвѣриться. Кто его знаетъ, можетъ быть онъ только смущаетъ, обмываетъ — и вотъ одна изъ ярныхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ передаетъ о переговорахъ милаго черезъ рѣчку. Дѣвушка стоитъ на другомъ берегу и колѣблется: ийти или нейти къ нему. Только тогда соглашается она отдаться, когда милый самъ бросается за ней.

Я жъ къ табѣ милая | Я жъ къ табѣ милы мой
Соколомъ ляту, | Пирапелочкой!

Радостямъ любви отведено въ ярвѣхъ пѣсняхъ много мѣста. Сожалѣніямъ и надеждамъ тоже. Выражается желаніе поскорѣй свидѣться, при свиданіи дѣвушка завѣряетъ паря, что она хотѣла и нравилась паньчамъ, но любила его одного, своего милаго:

Я зъ тыми паньчамъ гордѣла.
За цѣбе моего Ваничку хоцѣла —

Въ другихъ пѣсняхъ парень жалуется, что женился рано, что взялъ въ жены бѣдную-безприданницу.

Осенью по хатамъ устраиваются *бесѣды*, поются бесѣдныя пѣсни, большею частью грустнаго, нерѣдко трагическаго содержанія. Горестъ разлуки; дума о томъ кого любить послѣ измѣны милаго и рѣшеніе: *никогъ*; размолвка съ милымъ; грусть о томъ, что милый женится; ревниость и ссора; отравленіе любимого человѣка и опять о трудной замужней жизни — вотъ содержаніе этихъ пѣсень. И въ самомъ дѣлѣ семейная жизнь бѣлорусскихъ крестьянъ мало представляетъ отраднаго: мужъ почти всегда пьяница; жена — нерѣдко — тоже; жалобы другъ на

друга, побои... Пьянство вообще сильно можно видеть въ одной изъ разгульных пѣсень, которыя поютъ дома и въ корчмѣ за стакавомъ горѣлки. Пьютъ всѣ

Ня одна я — усп родзина мой,
Буду пницъ ажъ до самаго дня!

постея въ пѣснѣ. Бѣлоруссы любятъ однообразную музыку своей дуды и любятъ плясать подъ нее, когда развеселится. Пляшетъ *мятлицу, подушечку, бычка, лявонису и тоукачки*. Последний танецъ очень оригиналенъ: пляшущій выдѣлываетъ ногами раз-

растворъ изъ муки, а самый каравай пекутъ когда молодые уѣзжаютъ въ церковь. Изъ-за корзины съ рожью завязывается борьба между парнями и дѣвками, послѣ того какъ мука сыпана въ квашню. Есть у бѣлоруссовъ повѣрье, что если парни успѣютъ закинуть корзину на печь — дѣвки въ этотъ годъ замужъ не выйдутъ. Чѣмъ больше коровай — тѣмъ лучше. Случается, что онъ не лѣзетъ изъ печи, тогда вынимаютъ нѣсколько кирпичей. Послѣ свадьбы коровай рѣжутъ — и молодые раздаютъ куски знакомымъ, а сами взамѣнъ получаютъ деньги. На сборный вечеръ долго поютъ и пляшутъ. Въ одной изъ свадебныхъ

Бѣлорусскія женщины. Съ фотографіи рис. и грав. Сосинскій.

ныс па въ углахъ сложенныхъ крестъ на крестъ лучинъ или палокъ, не задѣвая за нихъ ногами. Дуда — национальный бѣлорусскій инструментъ.

Ой безъ дуды, безъ дуды | А якъ дудку почуюць
Ходзюць иожки ня туды, | Самы вогн танцююць!

Осенью же и свадьбы у бѣлоруссовъ. «Коли бацька и маць хочучъ такъ пойду» говоритъ приходящимъ сватамъ невеста. Когда согласье получено, дѣву *записываютъ* т. е. сваты поютъ всѣхъ водбой. Обыкновенно свадьба начинается въ поскресный день. Накапунъ къ невестѣ и жениху собираются гости. Въ сборный вечеръ выбираютъ девять коровайницъ и заготавливаютъ

пѣсень постея, какъ дочь свила вѣногъ изъ руты и подала матери, а мать отвѣтила ей что у ней за слезами глаза не видать и руки не поднимаются отъ жалости: такъ горька разлука съ дочерью. Въ воскресенье гости поютъ невестѣ жалобныя пѣсни. Тяжеле всего, когда братъ расплетаетъ косу. Послѣ брака свадебный повѣздъ ѣдетъ обыкновенно къ жениху. Свадебный обрядъ принимаетъ съ этой минуты болѣе веселый характеръ. Женихова мать разстилаетъ на встрѣчу молодымъ холсты, выноситъ хлѣбъ соль: послѣ ужина сватъ выкупаетъ невесту деньгами и четвертой горѣлки. Тогда женихъ можетъ стать рядомъ съ невестой, только долженъ для этого перепрыгнуть къ ней черезъ столъ, не задѣвъ ногами за посуду. На молодую на-

дѣлають *метку* (особый головной уборъ), и всѣ, держась за полотенце, начинаютъ прыгать по лавкамъ и скамьямъ—молодые впереди всѣхъ. И такъ до трехъ разъ. На другой день утромъ отецъ и женихъ угощаютъ на гумнѣ. Начинается пѣнье, музыка, плясъ. Такъ празднуютъ свадьбу въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи.

Послѣдній въ году народный праздникъ Бѣлоруссіи—это *Дяды*: ихъ справляютъ въ субботу, три недѣли спустя послѣ Покрова. Въ хатѣ, послѣ молитвы садятся за столъ и помни-

призора,—и провожаютъ въ могилу, указывая сколачивать гробъ не иначе какъ изъ новыхъ недержаныхъ досокъ. Земледѣльческія работы обставлены разными повѣрьями и примѣтами. Достаточно указать хоть на слѣдующія: въ понедѣльникъ и пятницу сѣять нельзя: черви хлѣбъ будутъ точить; на ржаномъ полѣ надо закопать кости оставшіяся отъ стола на первый день Пасхи: если закопашь—градомъ хлѣба не побьетъ. Въ хозяйствахъ и общежитіи безъ примѣтъ ни на шагъ: если во время печенья хлѣбъ растрескается—къ покойнику. Не надо ѣсть тотъ

Бѣлоруссы. Съ фотографіи рис. и грав. Гусманъ.

чаютъ умершихъ. Для *Дядовъ* отливаютъ на скатерть немного водки, для нихъ же прежде всего ставятъ на окно чашку съ тѣдой. Поминками начинается и поминками заканчивается обрядный годъ бѣлорусса. Описаніе всѣхъ обычаевъ, повѣрій и примѣтъ, которые свято чтутъ здѣшній крестьянинъ и отъ которыхъ каждый обычай, каждая примѣта имѣетъ свое объясненіе въ прошломъ, свое символическое значеніе,—страшно велико. Сусвѣріе встрѣчаетъ бѣлорусса при появленіи на свѣтъ, когда окружающіе всячески заботятся чтобы кто не взглянулъ, берегутъ отъ

куска которымъ манишь собаку: вередъ въ горлѣ сидеть; въ печи дрова трещать—значить колдуна разорвало; если мужчина наступитъ нечаянно на ногу женщины—то покумится съ ней. Лѣсъ, поле, вода полны для сусвѣрнаго бѣлорусса разныхъ недоброжелательныхъ существъ. Крикнетъ въ лѣсу сова—ему кажется что это стонетъ *утиръ* сосуцій по ночамъ человѣчью кровь; поднимается ураганъ—бѣлоруссъ склонится върить, что это *чортъ* *сватѣба*; волкъ пробѣжитъ селомъ—это не волкъ, а *вожуклак* (оборотень); даже медвѣдь—и тотъ оборотень. Про него

ходить въ Бѣлоруссіи такое преданіе: разъ человѣкъ захотѣлъ Бога испугать и надѣлъ тулупъ шерстью вверхъ; за это Богъ сдѣлалъ его медвѣдемъ и вслѣдъ весь вѣкъ ходить въ вывороченомъ тулупѣ. По лѣсамъ, говорятъ крестьяне, русалки кличутъ людей и на русальную недѣлю (послѣ Сочествія Св. Духа) ни одинъ полѣщукъ не пойдетъ понапрасну въ лѣсъ. Между страшными непонятными для бѣлорусса силами природы и людьми—стоятъ *вѣдзьмаки* (колдуны) и *вѣдзьмы*. Они могутъ дѣлать всякое зло и дѣлаютъ. Корова доить мало—виновата вѣдма; а для того чтобы узнать всѣхъ вѣдмъ на селѣ—стоитъ поносить во рту весь постъ кусокъ сыру: тогда увидишь ихъ или нагими, или безобразно страшными.

Цивилизація еще плохо прививается къ бѣлоруссамъ, особенно къ полѣщукамъ, которые—истые дѣти природы. Общія съ сосѣдями у нихъ почти нѣтъ, жилье разбросано по лѣсамъ и трясинамъ; понятія о губернскомъ, даже объ уѣздномъ городѣ не рѣдко баснословныя. Трудолюбіе—отличительное качество бѣлорусса. Зимними вечерами, въ то время какъ дѣвки и бабы прядутъ—онъ сидитъ и вьетъ веревки, а не то лапотъ плететъ, ободъ дѣлаетъ, или лучину колѣтъ. На поясъ у бѣлорусса часто болтается деревянная палочка, которую онъ отъ нечего дѣлать хотъ вертитъ въ рукахъ и строгаеъ. Привычку къ неустанному физическому труду онъ унаследовалъ отъ предковъ, которые всю жизнь трудились надъ той же скудной землей и получали тѣ же бѣдные урожаи. Бѣлорусъ несмотря на все свое трудолюбіе—бѣденъ, но характеръ у него, какъ уже сказано, беззаботный и терпѣливый. Не одна плохая земля причиной бѣдности бѣлорусса. 19-е февраля изгавило его отъ другой, исторически сложившейся причины: отъ польскихъ пановъ, которые довели крестьянина описываемыхъ мѣстъ до такого жалкаго положенія и заботности. Паны, подпанки, *режонды* (управляющіе) *арендаторы* и эсаулы памятливы бѣлорусскому крестьянину. То было время панскаго произвола; священникъ рискованный вступиться за мужика подвергался панскому говенію

и долженъ былъ уходить въ другое мѣсто. «*Воля Божа и панска!*» привычка говорить бѣлоруссы; на грозный вопросъ *милостиваго* пана, они робко отвѣчали: «*До Бога и до пана!*», причемъ кланялись въ ноги. Въ большіе праздники по церквамъ молились одни старые да малые, а кто посильнѣе—тотъ работалъ на пана, на *шарваркѣ*: собиралъ сѣно и т. п. За каждой жнищей стояло по надсмотрщику съ нагайкой, или казакъ, или эконоомъ. Кто не работалъ въ полѣ—тотъ работалъ на смоляномъ панскомъ заводѣ, или гонялъ байдаки (лодки) да возилъ тачки. Крестьянскія подати сносились въ панскую эконоомію, а податей было не мало: каждая баба должна была доставлять въ годъ определенное количество пряжи, двѣ или три курицы, гуся, шестьдесятъ яицъ—пять-шесть копѣ грибовъ или орѣховъ; кто чѣмъ промышлялъ—несъ пану отъ промысла. Къ панамъ и экономамъ бѣлоруссы не смѣли приходить безъ приношеній, если у нихъ была какая нибудь просьба. Отъ нуждавшихся мелкихъ пановъ народъ терпѣлъ больше чѣмъ отъ крупныхъ. Положеніе было невыносимое—народъ сносилъ терпѣливо: въ немъ успѣли надорвать и физическія и духовныя силы. Бѣлорусскій крестьянинъ жаловался на тяжелые годы крѣпостничества. Его жалоба дошла до насъ въ прекрасной скорбной пѣснѣ:

Цеперь же намъ пане браце Содѣма, Содома!
Бо нема въ насъ снопа жита ни въ полѣ, ни дома;
Было въ мене трохи жита зелена, зелена
Да пожали вражи ляхи безъ мене, безъ мене;
Послалъ на насъ Боугъ правдивый цяжкую работу:
Увесъ ты дзень на панцины, шарварокъ въ субботу.
А въ недѣлю пораненко во всѣ звоны звоняць,
Асаулы з'козаками на панцину гоняць—
Старыхъ людей, молодици, жуночки, дзѣвокъ прясци
Малыхъ дзѣцей до цюцюну (табакъ) у папушки класци.

Эту пѣсню въ Бѣлоруссіи не поютъ, а плачутъ. За то монгольское иго не лежало на Бѣлоруссіи.

АДЕЛИНА ПАТТИ.

1874—1875.

Нѣтъ, нѣтъ! я не поклонникъ Патти!
Вѣнецъ искусства вижу въ ней;
Но дивный голосъ, чуждъ спмнатій,
Не шевелитъ души моей!
Волшебнымъ звукомъ очарованъ,
Я весь восторгамъ предаюсь;
Къ ея устамъ мой слухъ прикованъ,
Звукъ каждый проронитъ боюсь!
Они игривы, свѣжи, новы —
Алмазный плещетъ водометъ!..
Любуюсь Душенькой Кановы.
Но мраморъ холоденъ какъ ледъ!

И вотъ, немного лѣтъ промчалось

Какъ вновь я Патти услыхалъ;
Все тотъ-же голосъ!.. но казалось
Не тотъ ужъ звукъ мой слухъ ласкалъ:
Пылъ чувствъ въ немъ искрился безвѣстный,
Что свято въ сердцѣ мы таймъ!..
Такіе звуки въ поднебесной,
Летя, роняетъ херувимъ!
Вполнѣ сбылось перерожденіе!
Такъ, въ древности, Пигмаліонъ
Влюблся рукъ своихъ въ творенье
И, поцѣлуя въ уношень,
Былъ хладный мраморъ оживленъ!

Оянобишинъ.

С М Ъ С Ъ .

Странное пари. Преимущественно Германіи принадлежить честь изобрѣтенія микроскопическихъ машинокъ, по истинѣ чудесныхъ. Разсказываютъ о двухъ нѣмецкихъ артистахъ, поспорившихъ между собою о томъ, кто изъ нихъ сдѣлаетъ наибольше диковинную вещь. Одинъ изъ артистовъ-механиковъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, другой—часовщикъ. Въ деи, назначенный для состязанія, въ присутствіи избранныхъ ими судей, часовщикъ положилъ на столъ мѣднаго паука сдѣланнаго такъ искусно, что его можно было принять за живаго. По общему отзыву паукъ былъ своего рода совершенство. Золотыхъ дѣлъ мастеръ представилъ затѣмъ миниатюрію серебряную карету съ крошечными, сидѣвшими въ ней фигурами мужчинъ и дамъ. Поймавъ муху, онъ укрѣпилъ ее на козлахъ экипажа и, при движеніи ея крыльевъ, карета покатила по столу. Судьи пришли въ восхищеніе, а изобрѣтатель любовался своимъ твореніемъ въ нѣмомъ восторгѣ, увѣренный побѣдѣ.

— «Погодите!» замѣтилъ тогда, лукаво улыбаясь, часовщикъ. Онъ тронулъ пальцемъ паука и длинныя ноги наскочаго задвигались силою внутреннихъ, до невѣроятности малыхъ пружинокъ—и паукъ, будто живой, побѣжалъ по столу.

Судьи рѣшили единогласно, что гораздо труднѣе устроить такого рода механизмъ, чѣмъ привести карету въ движеніе при помощи живой мухи, и пальма первенства была присуждена часовщику.

Желѣзная муха. По поводу только-что приведеннаго считаемъ не лишнимъ сообщить весьма интересныя подробности, изъ которыхъ видно, что проданный въ парижской аукціонной камерѣ паукъ составляетъ далеко не послѣднее слово въ фабрикаціи автоматическихъ механизмовъ. Такъ, въ Кенигсбергѣ, нѣкто г. Іоганнъ сдѣлалъ однажды желѣзную муху, которая летала по комнатамъ и возвращалась прямо на руку изобрѣтателя. Не меньшую диковинку представлялъ **автоматъ орелъ**, сдѣланный тѣмъ же Іоганномъ. На разстояніи 500 шаговъ орелъ этотъ летѣлъ на встрѣчу Императора Фридриха и вернулся на то самое мѣсто, откуда былъ пущенъ. Далѣе, голландецъ Корнелій Фойт-Дреббекъ, физикъ и механикъ, умершій въ Лондонѣ въ 1634 году, устроилъ въ началѣ XVII столѣтія музыкальный инструментъ, крышка котораго отворялась сама собою на разсвѣтѣ и механизмъ издавалъ мелодическіе звуки когда солнце стояло на горизонтѣ.

Одна нью-іоркская газета, жалуясь на трудность достать хорошую прислугу, говоритъ слѣдующее: «Охота за носорогомъ на берегахъ Нила, за крокодиломъ въ Лузіанскомъ заливѣ, за львомъ въ Нумидіи, за гориллой въ Африкѣ, за тигромъ въ Бенгаліи, за бѣлымъ медвѣдемъ въ Швеціи и за медвѣдемъ въ лѣсахъ Россіи — сущая игрушка въ сравненіи съ *охотой за вѣрной, прилежной и скромной прислугой!*» Намъ кажется, жалоба эта и къ Петербургу примѣнима не менѣе чѣмъ къ Нью-Йорку.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— 20-го января сего года Высочайше повелѣно: дарованную Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го июня 1870 г. (распубликованная въ № Собрания узаконеній и распоряженій императорства, 14-го июля 1870 года) льготу лѣсопромышленникамъ Архангельской и Вологодской губерній при совершении рубки въ неотведенныхъ участкахъ оставить въ силѣ только при лѣсныхъ заготовкахъ въ дачахъ неустроенныхъ, въ которыхъ рубка производится урочными и неотграниченными инструментально участками; при заготовкахъ же въ дачахъ устроенныхъ и въ тѣхъ изъ неустроенныхъ, въ которыхъ рубка ведется инструментально отграниченными лѣсовыми, лѣсопромышленниковъ за рубку въ неотведенномъ участкѣ подвергать наказанію по силѣ ст. 161 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

— Государь Императоръ, 6-го сего февраля, Высочайше повелѣлъ созвать: Управление по военной части, состоящее при кутанскомъ губернаторѣ, упразднить.

— Государь Императоръ, 26-го декабря 1874 года, Высочайше повелѣлъ созвать: право на получение денежнаго пособія на обмундированіе при производствѣ въ первый офицерскій чинъ, предоставленное портупей-юнкерамъ, распространить и на тѣхъ юнкеровъ юнкерскихъ училищъ, которые являлись до поступления въ нихъ со свѣдѣтельствами объ окончаніи курса безъ переименованія въ портупей-юнкера.

— Государь Императоръ, Высочайше повелѣлъ созвать: Поступающимъ въ военная училища портупей-юнкерамъ и юнкерамъ, заслужившимъ до поступления въ эти училища какіе-либо знаки отличія, сохранить званіе портупей-юнкера и знаки отличія.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 11-го минувшаго января, Высочайше повелѣлъ утвердить опредѣленіе Святейшаго Синода объ учрежденіи женской общины въ мѣстѣ с.-петербургской купеческой жены Пелагеи Максимовой, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, съ укрѣпленіемъ за сею общиною жертвеннаго Максимовою недвижимаго имущества.

— Государь Императоръ, 4-го января 1875 года, Высочайше повелѣлъ утвердить опредѣленіе Святейшаго Синода на переименованіе существующей къ г. Козловъ, Тамбовской епархіи, Боголюбской женской общины въ общежительный женскій монастырь и на укрѣпленіе за симъ монастыремъ жертвенныхъ наслѣдками купца Воронова недвижимыхъ имѣній.

Городская хроника.

— Учрежденная въ Кронштадтѣ коммиссія для оказанія помощи пострадавшимъ отъ пожара съ 20-го на 21-е октября окончила свои занятія 7-го февраля.

— Глашій Ростовской городской думы (Екатеринославской губерніи) А. М. Баташковъ, съ согласія думы, принявъ на себя, безъ пособія отъ города, устройство сквера на Старобазарной площади въ г. Ростовѣ, по проекту, который долженъ быть одобренъ городскою управою по согласію съ жертвователемъ.

— Въ Николаевѣ 5-го сего февраля открытъ первый ночлежный пріютъ на 67 человекъ. Устройство этого учрежденія было поручено съ большимъ сочувствіемъ жителю Николаева: такъ торговцы лѣсомъ и полотною уступили необходимымъ для устройства пріюта нецѣ почти за полцѣны; мясники извѣстили желаніе ежедневно доставлять безплатно мясо, хлѣбники отпускали хлѣбъ по уменьшенной цѣнѣ, а открытая полиція дала возможность нанять весьма удобное помѣщеніе для пріюта.

— Въ ночлежные пріюты въ Одессѣ начали обращаться лица, имѣющія надобность въ работникахъ. Такъ, недавно нанято изъ этихъ пріютовъ на работы до 60 чел.

— Недавно въ Муромскѣ (Владимирской губерніи) тюремному комитетѣ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ зѣна, происходящаго отъ помѣщенія арестантскихъ дѣтей въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ родителями. Комитетъ обратился къ гражданскому губернатору съ предложеніемъ объ отдѣленіи дѣтей отъ взрослыхъ. Городской голова извѣстилъ согласіе на помѣщеніе дѣтей въ городскомъ дѣтскомъ пріютѣ, гдѣ они должны будутъ содержаться на общественный счетъ, съ приблизительнымъ и тѣхъ денегъ, которыя на нихъ отпускались въ тюрьмѣ.

— 17-го декабря минувшаго года въ Ташкентѣ открытъ водопроводъ, въ которомъ тѣхъ нуждалось русское населеніе города. Этотъ водопроводъ будетъ снабжать русскій Ташкентъ здоровою и чистою водою изъ р. Чирчика, вѣсто нынѣшней арчичной воды, текущей въ русскую часть Ташкента изъ сартовскаго города, который не можетъ похвалиться чистотою. Подобное сооруженіе для города, гдѣ до сихъ поръ по необходимости жители пользовались нездоровою водою, чрезвычайно важно.

— Министръ Финансовъ на основаніи п. 3 Высочайшаго утвержденнаго, 6-го февраля 1865 года, мѣняна Государственнаго Собранія по дѣлу объ учрежденіи городскихъ общественныхъ банковъ, по согласію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшилъ учрежденіе въ гор. Козмодемьянскѣ, Казанской губерніи, общественной банка. Основанію капитала банка опредѣляется въ десять тысячъ триста восемьдесятъ два рубля двадцать пять три четверти копѣйки, отчисляемыхъ изъ общихъ городскихъ суммъ.

Земская хроника.

— Калужское губернскае земское собраніе X очереднаго созыва, въ засѣданіи 18-го декабря, обсуждало докладъ губернской управы и мѣстныя коммиссіи о выгодахъ, какия могутъ произойти для земства отъ устройства постоянныхъ мостовъ взаимныхъ переправъ—козловской, борсковой, полотнозаводской и жуковской и взаимныхъ временныхъ мостовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ. Принимая во вниманіе, что стоимость постоянныхъ мостовъ, проектируемыхъ вмѣстѣ съ ремонтныхъ въ теченіе десяти лѣтъ, до 26.800 р., значительно выше суммы, необходимой въ теченіе того же десятилѣтняго періода на содержаніе означенныхъ переправъ и временныхъ мостовъ, со-

браніе нашло полезнымъ замѣнить переправы постоянными мостами; но, въ виду значительности суммъ (17.900 руб.), которая должна быть затрачена единовременно на устройство постоянныхъ мостовъ, постановило приводить въ исполненіе эту мѣру постепенно, постройкою въ годъ одного или двухъ мостовъ и съ тѣмъ, чтобы издержки на этотъ предметъ не превышала 8.000 р. въ годъ. Согласно этому, сдѣлано предложеніе устройство въ нынѣшнемъ году постоянный мостъ въ гор. Борсковѣ, стоимостью въ 4.000 руб. и въ селѣ Зубовѣ въ 2.250 руб., и сверхъ того приступить къ устройству дамбы, въ 1.025 руб., для предполагаемаго къ постройкѣ въ будущемъ году въ с. Жуковѣ постояннаго моста, на который ассигновано 2.975 руб. Въ томъ же 1876 году предполагается устроить мостъ и въ гор. Козельскѣ стоимостью въ 6.100 рублей.

— Стародубское уѣздное, Черниговской губерніи, земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва, имѣя въ виду, что проектируемая Брянско-Брестъ-Литовскую желѣзную дорогу предполагается провести по нижнему берегу и болотистымъ мѣстностямъ, съ удаленіемъ ея отъ города Стародуба на 34 версты, постановило ходатайствовать объ измѣненіи направленія названной дороги, съ тѣмъ чтобы приблизить ее къ Стародубу, такъ какъ чрезъ это можетъ облегчиться устройство полотна дороги вслѣдствіе продолженія ея по болѣе благоприятной мѣстности и достигнута удобство сообщенія гор. Стародуба съ другими городами, что дѣлается необходимо для мѣстнаго населенія съ открытій Стародубскаго окружнаго суда.

— Суражское уѣздное, Черниговской губерніи, земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва, признавая необходимымъ соединить пожелѣ Клинцы потовую дорогу съ городами Стародубомъ и Новозыбковомъ, постановило ходатайствовать, чрезъ губернскае земское собраніе, о проведеніи почтовой дороги между п. Клинцы и гор. Стародубомъ, и въ то же время ходатайствовать о соединеніи названнаго канала, чрезъ гор. Новозыбковъ, со станціею Тереховскою Ландарово-Роменской желѣзной дороги.

— Новозыбковское уѣздное, Черниговской губерніи, земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва, имѣя въ виду, что проектируемая между Брянскомъ и Гомелемъ желѣзная дорога пройдетъ только чрезъ незначительную часть Новозыбковскаго уѣзда, постановило ходатайствовать объ измѣненіи направленія предполагаемой дороги, съ тѣмъ чтобы она прошла южнее гор. Новозыбкова, чрезъ что будутъ достигнуты экономическія выгоды населенія и постройки самой дороги обойдется дешевле, такъ какъ при избраніи послѣдняго направленія дорога обойдетъ рѣку Инту, на которой долженъ быть устроенъ мостъ.

— Курское губернскае земское собраніе послѣдней очереди сѣансѣ, обсуждая вопросъ объ учрежденіи пенсіонной кассы для народныхъ учителей и учительницъ, въ видахъ обезпеченія ихъ будущности и удержанія на службѣ земству, постановило для образованія начальнаго пенсіоннаго капитала внести въ сѣансъ губернскаго земскихъ поименованій въ теченіе трехъ лѣтъ къ разду по 7.250 руб. для разработки пенсіоннаго устава избравъ изъ среды губернскихъ гласныхъ особую коммиссію.

— Воронежская губернія крестьяне двухъ сѣлъ Царевского уѣзда постановили притворы о недовозеніи ямъ въ сѣлахъ сѣлахъ заведенія, въ которыхъ допускается торговля яркими напиками.

Торговля.

— Въ теченіе недѣли съ 19-го по 26-е января явлено изъ Россіи въ Австрію чрезъ Броды, Тарнополь и Подольскіе 165.900 пуд. разнаго хлѣба и 54.600 пуд. русскаго табаку, для австрійскихъ табачныхъ фабрикъ. Изъ Богеміи и Моравіи чрезъ означенные пункты поступило въ Россію значительное количество сахарнаго песку, вывезеннаго на русскія рафинадные заводы.

— Изъ свѣдѣній о ходѣ торговли и судоходства въ Одессѣ въ 1874 году видно, что въ теченіе этого времени вывезено изъ Одессы разнаго рода хлѣба 3.714.000 четвертей, что вообще вывозъ 1874 года почти по всѣмъ статьямъ превышаетъ вывозъ 1873 года; исключеніе составляютъ только кукуруза и овесъ: первой вывезено менѣе на 393.000 четвертей, а втораго на 60.100. Изъ другихъ предметовъ вывоза обращать на себя вниманіе сало, котораго въ 1874 году вывезено въ 3 1/2 раза болѣе сравнительно съ 1873 годомъ. Къ 1-му января 1874 года въ Одесскомъ портѣ оставалось 17 судовъ; въ теченіе года прибыло 1.205: изъ нихъ отплыло: съ грузомъ 863 (240 парусныхъ и 623 парусныхъ) безъ груза за границу 244 и перешло въ практическую гавань 58. Къ 1-му января 1875 года оставалось въ портѣ 57 судовъ.

Сельское хозяйство.

— Урожай 1874 года на Европейской Россіи можетъ считаться безусловно хорошимъ (за немногими исключеніями) въ южной полосѣ Россіи, именно въ губерніяхъ Самарской, Саратовской, области войска Донскаго и Екатеринославской, затѣмъ во многихъ губерніяхъ центральной полосы, какъ-то: въ Харьковской, Курской, Воронежской, Симбирской и отчасти Орловской, Пензенской, Тамбовской и Рязанской; въ остальныхъ частяхъ этой полосы урожай удовлетворителенъ. Далѣе, въ юго-западныхъ губерніяхъ, Привислинскомъ краѣ, Прибалтійскомъ краѣ и въ губерніяхъ юговосточныхъ (Уфимской и Оренбургской), сѣверныхъ (Вологодской, Новгородской, Олонецкой и Исковской) и по среднему теченію Волги урожай можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ и, наконецъ, въ губерніяхъ сѣвероазиатскихъ, примосковскихъ, по верхнему теченію Волги и на крайнемъ сѣверѣ Россіи (губернія Архангельская)—неудовлетворительнымъ.

— Въ гор. Ливнѣ, Архангельской губерніи, будетъ открыта 16-го марта сего года выставка крестьянскихъ лошадей. Во время выставки этой будетъ произведено испытаніе лошадей въ возкѣ тяжестей. На призы и преміи назначено 400 рублей.

Театръ и музыка.

Изъ Смоленска въ „Рус. Инвалидѣ“ сообщаютъ, что въ началѣ января открытъ создательскій театр, устроенный въ отдѣленіи казармъ, отведенномъ для помѣщенія писарскаго класса и учебной команды мѣстныхъ войскъ. Основатель театра—штабсъ-капитанъ Кореньевъ, завѣдывающій этими командами, а актеры—солдаты, состоящіе въ его вѣдѣніи. При выборѣ пьесъ г. Кореньевъ имѣлъ въ виду прежде всего знакомство зрителя, большинство которыхъ, малограмотные, съ исторіею („Саардамскій корабельный мастеръ“); съ семейнымъ бытомъ древнихъ Государей русскихъ, съ благодѣтельными ихъ учрежденіями и дѣлами, съ реформами настоящаго царствованія, и живыми примѣрами возбудить еще болѣе преданность Государю и Отечеству („Купецъ Иголкинъ“). При этомъ, само собою достигаются и общіе результаты: презрѣніе къ осѣбываемымъ и наказываемымъ въ пьесѣ дурнымъ поступкамъ и стремленіе къ чистотѣ. Въ особенности театръ благотвѣтельно вліяетъ на новобранцевъ, и не только во время дѣйствительныхъ представленій, но и при репетиціяхъ отдѣленія для зрителя въ всегдашнюю. Нижние чины очень цѣнятъ пощечину ихъ театру офицерами, въ чемъ они видятъ особое вниманіе къ себѣ со стороны начальства.

— Въ Кузнецкѣ исполнено было, сообщаетъ въ „Рус. Инв.“ одинъ изъ корреспондентовъ этой газеты, въ началѣ января нижними чинами учебной команды коннаго полка Семипалатнскаго казачьяго войска нѣсколько театральныхъ пьесъ, соотвѣтствовавшихъ развитію и повиновѣнію исполнителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поучительныхъ для казачковъ въ нравственномъ отношеніи. Въ казачки отъ души рады такому начинанію, починъ котораго принадлежатъ юнкерамъ учебной команды. Зрители были главнымъ образомъ казаки и затѣмъ мѣстные жители гор. Кузнецка, татары, калмыки и торговцы-татары.

— Въ Андреевѣ, Келецкой губерніи, на бывшемъ недавно базѣ игралъ деревенскій оркестръ, прѣхавшій изъ деревни Рокна, близъ Цюковца. Оркестръ этотъ состоитъ изъ 13 мѣстныхъ крестьянъ, подлѣ управленія ихъ учителя сѣлеца, котораго крестьяне сами пригласили и взымаютъ ему 300 руб. въ годъ; они же собрали нѣсколько сотъ рублей на покупку духовыхъ инструментовъ. Всѣ эти крестьяне, за исключеніемъ одного, умѣютъ читать и писать. Оркестръ пробывъ въ Андреевѣ недѣлю и заработалъ болѣе 200 рублей.

Памятники.

— Въ гор. Притви (Пермской губерніи) въ засѣданіи городской думы 15-го минувшаго января былъ рассмотрѣнъ проектъ монумента Императрицѣ Екатерины II, предполагаемаго къ сооруженію въ гор. Притви, въ ознаменованіе дня столѣтій годовщины со времени изданія Высочайшаго указа (1775 года 3-го февраля) о переименованіи бывшей Притвской слободы въ городъ. Вмѣстѣ съ этимъ были рассмотрѣны и рисунки памятника, непонятный въ с.-петербургѣ академикомъ М. О. Микшинскимъ. По распоряженію проекта и рисунка, собраніе думы поручило городской управѣ ходатайствовать объ утвержденіи ихъ.

Литература.

НОВЫЯ КНИГКИ.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи въ древнѣйшіе времена. Т. XVII. Исторія Россіи въ эпоху преобразованія. Т. V. Изданіе 2-е. Москва. Унив. тип. 8 д. 417 стр. 1.200 экз. Ц. 2 р.

Терновскій, Филиппъ. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное положеніе къ древней Ресн. Вып. I. Киевъ. Унив. тип. 8 д. 314 стр. 400 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Градоевскій, А. Начала русскаго государственнаго права Т. I. О государственномъ устройствѣ. Сиб. Тип. Стасюлевича 8 д. II—436 стр. 3.000 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Погодинъ, М. П. О модныхъ у насъ философскихъ толкахъ. Москва. Тип. „Совр. Изв.“ 8 д. 80 стр. 1.200 экз. Ц. 30 к.

Болотовъ, А. Т. I. Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и о нынѣшнихъ въ народѣ слухахъ. 2) Любопытныя и достоверныя извѣстія дѣянія и анекдоты Государя Императора Павла Перваго. Москва. Тип. Печенева. 8 д. 165—122—IV стр. 1.200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Путешествіе поадесскаго челолика Матвія Гайрлярова Нечаева въ Иерусалимъ (1719—1720 г.). Изд. подъ ред. Н. П. Барсова. Варшава. Тип. учебн. окр. 8 д. 34—II стр. 350 экз.

Назаровъ, Д. Руководство къ арифметикѣ. Изд. 2-е, испр. и доп., С.-Петербургъ. Москва. Тип. Орлова. 8 д. 352 стр. 3.600 экз. Ц. 60 к.

Брунсъ. Астрономическій атласъ. Н.-рев. Е. А. Смирновой. Изд. 2-е, испр. подъ ред. Р. Н. Гриншана. Сиб. Тип. Стасюлевича. 2 д. 43 стр. текста и 12 таблицъ.

Захаровъ, Иванъ. Полный мануаль русско-русскій словарь. Сиб. Тип. Акад. П. 4 д. XXX—1.129—6 стр. 510 экз.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г-ну Н... въ Москву.

Окончаніе съ нотеріальнымъ ожидаемаго, какъ Вы знаете интереснаго романа Карлаина „Душной волкъ“ начнется печатаніемъ въ продолженіе марта.

СОДЕРЖАНІЕ: Аму-Даринская ученая экспедиція Протова и люди Аму-Даринской дельты. Члена экспедиціи Н. Н. Карлаина (съ тремя рисунками). Блаженныя огоньки (Автобіографія Протова). Соч. Н. С. Лѣкова (Стебничаго) (продолженіе). — Поезднѣ царемъ Александромъ Михайловичемъ узникомъ на страстной пѣдѣ (съ рисункомъ). — Хорошенькій козликъ (съ рисункомъ). — Бѣлорусъ (съ двумя рисунками). — Адамина Пяття. Стихотвореніе Ознобичина. — Сѣкс. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Библиотека "Руниверс"

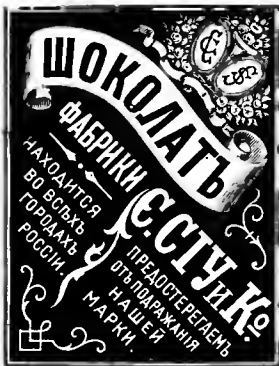
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ МОСКВѢ

ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ

деревянный, двухэтажный, съ двумя флигелями, двумя каретными сараями, двумя конюшнями, пятью погребами, отдельно прачебною. Домъ и всё строеніе прочныя и не требуютъ ни малѣйшаго ремонта; при домѣ большой старинный садъ съ разными деревьями, бесѣдкою и курганами; всей земли по плану 2040 1/2 сажень. Мѣстность возвышенная и песчаная, разстояніе отъ центра города 15-ть минутъ ѣзды. — Продается съ мебелью, зеркалами, экипажами, и со всею обстановкою; цѣна 40 т. рублей, дохода 3200 руб. застрахованъ въ 30 т. нигдѣ не заложено. Адресъ: близъ церкви Знаменія въ Зубовѣ, къ дому Хамовническому переулку, домъ И. А. Арнаутова, гдѣ и проживаетъ хозяинъ.

3—3

6—4

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ продаются съ слѣдующею скидкой:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельеена Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
 При Петрѣ, истор. пов., Кельеена и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
 Семья вольнодумцевъ, истор. пов., Петрова и Ключникова. Ц. съ перес. 1 р. 50 к., для подписчиковъ 75 к.
 Очерки, повѣсти и рассказы, соч. Всев. Крестовскаго. Ц. съ перес. 1 75 к., для подписчиковъ 90 к.
 Про что щибетала ласточка, ром. Шиньгагена. Ц. съ пер. 1 р. 75 к., для подпис. 1 р.
 Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
 Богъ въ помощь, романъ Вервега. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
 Вторая жена, романъ Маритта. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 30 к.

3—2

„ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ“

Большой батальный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполненный по оригинальнымъ рисункамъ Н. Каразина. Это одно изъ роскошнѣйшихъ изданій, въ форматѣ большихъ листовъ, хромо-литографированное первымъ заграничнымъ заведеніемъ Вилхельма и Штейнбока въ Берлинѣ. Цѣна 18 руб., съ пересылкою 22 руб. А такъ какъ этотъ альбомъ, какъ новѣйшее, художественное и вмѣстѣ съ тѣмъ научное произведеніе, составляетъ нѣкоторымъ образомъ необходимость для учебныхъ заведеній: гимназій, школъ и проч., для полковыхъ батальонныхъ и частныхъ библиотекъ и, вообще, для каждаго, любящаго искусство, — то редакция „Нивы“ приобрѣла его въ большомъ количествѣ экземпляровъ и желаетъ его сдѣлать болѣе доступнымъ для своихъ читателей. уже знакомыхъ изъ „Нивы“ съ художественными произведеніями Н. Каразина, — дѣлаетъ для своихъ гг. подписчиковъ уступку въ размѣрѣ 20%, т. е. вмѣсто 18 р. — только 14 р. 40 к., а потому гг. иногородные желающіе выписать этотъ альбомъ благоволятъ обращаться въ редакцію „Нивы“, прилагая вмѣсто 22 р. съ перес. только 18 р. 40 к.

3—1

ИЗДАНІЯ ЮРГЕНСОНА

ВЪ МОСКВѢ:

7-ое изданіе

Сокровище для матерей семействъ, первоначальная школа для фортепiano, посвященная

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНѢ,

СОСТАВЛЕННАЯ

БРАССЕРОМЪ и ЮТТИ.

Цѣна 5 рублей.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СОКРОВИЩУ

Для матерей семействъ (часть II), собраніе упражненій, этюдовъ, пѣснь въ 2 и 1 руки.

3-е ИЗДАНІЕ

Цѣна 4 рубля.

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ КНИГА
НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ Д. И. Стахѣева
2 тома, болѣе 700 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.

4—2

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Бурггардта, Вас. Островъ,
Румянцевская площадь, д. № 5.

8—5

„При этомъ номерѣ для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайн. магаз. К. Е. Киселева въ Москвѣ“.

Дозволено цензурою. 16 Февраля 1875 г.

Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Большая Морская, д. № Библиотечка „Нивы“ пр. № 10.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ
БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

Мужское, дѣтское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ И ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной
про-
дажи высылается по
востребованію бесплатно
и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мейо и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.

Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13—4

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицъ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—12

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 10 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выдаѣтъ 9-го Марта 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ГРАФЪ ГАРРИ ФОНЪ-АРНИМЪ.

Въ №№ 2 и 3 нашего журнала за текущій годъ, подъ рубрикой «Судебная хроника», была помѣщена статья о процессѣ графа Арнима. Читателямъ, конечно, уже извѣстна сущность этого процесса, этой *безкровной дуэли* между канцлеромъ-прогрессистомъ и посланникомъ-феодаломъ, аристократомъ по происхожденію и принцапъ. Судъ, какъ извѣстно, призналъ Арнима виновнымъ только въ небрежности, грозившей однако опасностью общественному спокойствію, вслѣдствіе чего графъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Прокуроръ протестовалъ противъ этого вердикта, и со стороны Арнима также подана была апелляция.

Прилагая въ настоящемъ № нашего журнала снимокъ съ фотографическаго портрета Арнима, пользуемся случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ этой личности, такъ интересовавшей европейскую публику.

Гарри-Карль-Эдуардъ-Куртъ фонъ-Арнимъ родился 3-го октября 1824 г. въ Поме-

раши, въ фамильномъ помѣстьи своего отца. Родъ Арнимовъ можетъ похвастаться своею древностью, многочисленностью, а нѣкоторые изъ его представителей — значительнымъ богатствомъ, что однако не мѣшало имъ нести государственную службу. Въ двадцать тому назадъ Гарри Арнимъ, какъ ловкій свѣтскій кавалеръ и человекъ многосторонне-образованный, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ — Бисмаркомъ, вступилъ на дипломатическое поприще. Потерявъ первую жену, онъ женился на родственницѣ графа Арнима ф. Бойценбурга и такимъ образомъ породнился еще ближе съ знатной Укермаркской аристократіей. Арнимъ сдѣлалъ весьма обыкновенную дипломатическую карьеру, ничѣмъ не обративъ на себя особеннаго вниманія. Благодаря Бисмарку, искавшему новыхъ, свѣжихъ силъ для дипломатическихъ атакъ, онъ скоро пошелъ въ гору. Въ 1870 г. Бисмаркъ предложилъ королю назначить Арнима посланникомъ въ Римъ. Король согласился на это, причемъ

Графъ Гарри фонъ-Арнимъ. Съ фотографіи грав. Гальбергеръ.

дать Арниму графский титул. Вообще Бисмарк ревностно старался устроить как можно лучше карьеру своего родственника, и наконец доверил ему дело действительно достойное благодарности: окончательное примирение Франции с Германией. Такое поручение не могло особенно затруднить Арнима, потому что французскому правительству так или иначе необходимо было подписать мирную. Граф в качестве посланника отправился в Париж. Попадая в такое блестящее положение, он стал увлекаться своею ролью и приписывать себе права, неотъемлемо принадлежащие канцлеру, как главному устроителю политического порядка вещей в западной Европе, — того порядка, которого он достиг после своих восьмилетних неуспешных трудов, походов дипломатических и военных. Что за тем последовало — читателю уже известно... В 1874 г. Арниму было предписано оставить Францию и отправиться посланником в Константинополь. Это его оскорбило — и он подал в отставку, которая и была принята императором Вильгельмом в *мягкой форме*, т. е. ему было предложено избрать какую либо другую служебную деятельность по собственному вкусу. С этого времени Арним стал врагом Бисмарка. Он уехал в Померанию, в поместье свое Нассергейде. 3-го октября 1874 г., в самый день рождения Арнима, когда

ему исполнилось 50 лет, Бисмарк съездил к нему скорпириз: из Берлина приехал к графу пезванные гости и — «пменем закоча» он был арестован. В дом его пропзвели обыск, по безуспешно, так как нигд не нашли тѣх денеш, которых искали. Граф Арним по приѣздѣ в Берлинъ былъ заключенъ въ тюрьму, и не смотря на всѣ хлопоты и старанія родни освободить его — просидѣлъ тамъ нѣсколько дней. Предлагали внести залогъ въ размѣрѣ 500.000 талеровъ, но и это предложение было отклонено. Наконецъ, по совѣту врачей, ибо здоровье графа разстроилось, арестанта перевели изъ тюрьмы въ болѣе удобное помѣщеніе, но онъ все таки оставался подъ стражей. Нечего и говорить, какъ разгнѣвалась аристократія за оскорбленіе, нанесенное одному изъ ея членовъ. Говорить, въ Помераніи дворяне такъ были раздражены, что мѣстной конкертотъ чуть было не открыло крестоваго похода противъ «печистой силы» (т. е. князя Бисмарка), какъ стали его называть. Но князь Бисмаркъ лично вовсе былъ неповиненъ въ томъ, что Арниму пришлось пробывать въ тюрьмѣ нѣсколько дней: вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли обвиняемаго заключить въ тюрьму или нѣтъ — разрѣшается обыкновенно судомъ, который въ данномъ случаѣ, желая быть вполне безпристрастнымъ, поступилъ согласно буквѣ закона.

Римскіе гладиаторы.

Pollice verso.

Ни въ чемъ такъ рѣзко не высказывалась разница народныхъ характеровъ древняго грека и древняго римлянина, какъ въ ихъ общественныхъ играхъ. Между тѣмъ какъ жизнепродолжительный эллисъ въ такіе дни искалъ не наслажденія или отдыха отъ заботъ и трудовъ, но самъ принималъ личное участіе въ празднествѣ, выставляя на показъ богамъ и народу свою тѣлесную красоту и ловкость, — болѣе грубый римлянинъ смотрѣлъ на торжественныя сборища какъ на приманку къ будничному труду — и по крайней мѣрѣ въ лучшія времена республики считалъ дѣломъ ниже своего достоинства лично участвовать въ увеселеніи прочихъ. Еще сильнѣе и отвратительнѣе проявлялся менѣе гуманный, суровый складъ римскаго характера въ томъ, что удовольствіе римлянъ росло по мѣрѣ увеличенія серьезной опасности, которой подвергались исполнители зрѣлища, такъ что наконецъ любимымъ развлеченіемъ этого народа стали предсмертныя судороги людей обреченныхъ на смерть въ потѣху праздной толпы. И эта варварская страсть преобладала не только въ низкой столичной черни, стекавшейся сюда изъ всѣхъ провинцій, — люди всякаго сословія, пола и возраста ненасытно любовались боемъ гладиаторовъ. Въ городѣ велась значительная торговля *программами* (афишами) этого увеселенія, которые разсылались даже по провинціямъ. Въ какомъ шумномъ множествѣ собирались зрители — на это указываютъ все увеличивающіеся размѣры цирковъ, пока наконецъ Флавій построилъ знаменитый коллизей, вмѣщавшій въ себѣ 84.000 человекъ. Сенаторы и всадники, государственные саловники, жрецы, даже дѣйствительныя весталки, въ праздничныхъ одѣяніяхъ, возсѣдали на почетныхъ мѣстахъ, ничуть не отличаясь отъ массы въ извѣщенныхъ восторгъ, когда подъ пекучимъ ударомъ меча падалъ пронзенный боецъ, или во взрывѣ негодованія доходившемъ до бѣшенства, если шой изъ сражавшихся выказывалъ робость и неохотно готовился къ смерти. Христіанскій писатель Пруденцій рѣзко выставляетъ противоположность между важною постоуною и полною стыдливаго достоинства осанкою весталокъ въ циркѣ и между страстнымъ участіемъ ихъ во всемъ, что происходило на аренѣ. «Гдѣ ты, бѣдная и кроткая женственность!» восклицаетъ онъ: — «онѣ (весталки) приподнимаются съ сѣдалищъ при ударахъ мечей — и какъ только побѣдитель вонзится сталь въ хребетъ поверженнаго, цѣломудренная дѣва изъясляетъ радость и сама подаетъ знакъ докопать падшаго». Этотъ гибельный для побѣжденнаго знакъ состоялъ въ томъ, что зрители вытягивали правую руку съ *опущеннымъ книзу большимъ пальцемъ* (pollice verso). Когда же въ рѣдкихъ случаяхъ толпа была тронута мужествомъ раненаго, то подавала знакъ пощады, поднимая большой палецъ вверхъ. Если уже весталки такъ относились къ этимъ кровавымъ зрѣлищамъ, что же сказать о прочихъ женщинахъ всѣхъ сословій? Страсть ихъ къ гладиаторамъ доходила до того, что побѣда любимаго бойца была имъ перѣдко дороже жизни кровнаго родственника, съ нимъ сражавшагося. Нѣкоторые отдавали даже любовь свою этимъ париямъ общества. Ювеналъ рассказываетъ, что жена одного сенатора бѣжала въ Египетъ съ малолѣтнимъ, некрасивымъ и подстѣпываемымъ публичнымъ бойцомъ, — «что пужды!» восклицаетъ знаменитый сатирикъ: — «онъ былъ гладиаторомъ — и этого довольно, чтобъ онъ былъ мѣлѣе Гадянта». Безстыдную супругу Марка Аврелія, Фаустину упрекали въ нескрываемыхъ похожденияхъ съ гладиаторами, а сына его Коммода, по поводу страсти послѣдняго къ цирку, считали плодомъ материнной распущенности. Но всего разительнѣе то хладнокровіе и равнодушіе, съ какимъ

относились къ этой бойнѣ просвѣщенные умы и философски развитые люди того времени. Такъ напр., въ «Тускуланскихъ бесѣдахъ» Цицерона читаемъ: «Бой гладиаторовъ нѣкоторые считаютъ тѣмъ-то жестокомъ и безчеловѣчнымъ — и пожалуй не безъ основанія при теперешнемъ его устройствѣ: въ прежнее же время, когда злодѣи съ мечомъ въ рукѣ должны были завоевывать себѣ право на жизнь — для ушей предстоящихъ пожалуй и нашлись бы болѣе крѣпко закаляющія средства противъ близки страданій и смерти, но ужъ для глазъ — конечно нѣтъ». Что Цицеронъ лично интересовался подобными зрѣлищами — видно изъ писемъ его къ одному изъ друзей, Помпонію Атикку. «По истинѣ», пишетъ величайшій изъ ораторовъ: — «превосходную казарму гладиаторовъ купилъ ты себѣ. Говорятъ, они у тебя отлично дерутся», и далѣе: «Ты мнѣ доставилъ удовольствіе, увѣдомивъ о своихъ гладиаторахъ — разумѣется, въ томъ случаѣ, если они хорошо дѣлаютъ свое дѣло; если же они плохо ведутъ себя — то нечего нисать». Точно такъ же относился къ этому: Паллій младшій, которому никакъ уже нельзя отказать въ мягкосердечіи, талантливый и славный многими доблестями Сяммахъ, поэтъ Овидій, почему-то несправедливо почитаемый противникомъ кровавыхъ зрѣлищъ, — и единственнымъ авторитетомъ, строго порицающимъ ихъ, остается Сенека. «Ничто не считается изорывымъ — лишь бы выпрять закладъ» пишетъ онъ. Лучшимъ: «человѣкъ, это священное существо, умерщвляется своимъ близкимъ на потѣху и какъ бы шуту, — и хотя великимъ грѣхомъ уже былъ самый приговоръ его къ нанесенію и полученію ранъ, а его еще выводятъ почти голаго и безоружнаго, и смерть его служитъ забавнымъ зрѣлищемъ». Эти скорбныя слова философа объясняются тѣмъ, что онъ еще прежде пришелъ къ сознанію правъ человѣка, предъ которыми всѣ люди равны, — и что въ силу высокаго уваженія человѣческой личности, онъ питалъ въ себѣ болѣе кроткія воззрѣнія и на работу, къ сословію которыхъ болѣею частію принадлежали гладиаторы.

И такъ, это было установившееся общественное зло, къ которому приглядѣлись и не отмѣняли его въ силу привычки, а частію и ложно-понятой государственной необходимости, какъ увидимъ ниже. Да и какъ не прирастаться было римскому народу къ бою гладиаторовъ, когда любовь къ кровавымъ зрѣлищамъ систематически поддерживали въ немъ въ теченіи послѣдняго столѣтія республики и во все время цезаризма! Не надо забывать, что гладиаторскіе бои ведутъ свое происхожденіе отъ этрусковъ — какъ похоронныя тризны въ честь умершихъ, замѣнивъ такимъ образомъ принесеніе человѣческихъ жертвъ для умилостивленія боговъ надъ душою покойника. И въ Римѣ гладиаторы вначалѣ имѣли то же значеніе. Первый бой данъ былъ въ 264 году до Р. Х., когда Децій и Маркъ Бруты вывели три пары гладиаторовъ на Скотпное Рынкѣ въ честь покойнаго отца своего, нѣкогда бывшаго консуломъ. Полиѣка спустя, роскошь настолько уже развилась, что трое сыновей Марка Эмилія Лепида, на погребеніи отца ихъ, выставили уже двадцать двѣ пары бойцовъ, которые должны были драться на Форумѣ (главная площадь Рима) въ теченіи трехъ дней. Въ 202 году дралось 25 паръ, въ 185 г. около 60 паръ. Вислѣдствіи чернь уже такъ привыкла къ этимъ зрѣлищамъ, что не было нпаго средства добыть любви народною кромѣ *жлоба и зрѣлищъ*. Правда, еще Цицеронъ внесъ между прочимъ законоположеніе, по которому, въ виду пресѣченія злоупотребленій со стороны честолюбцевъ, запрещалось кандида-

тамъ на общественныя должности, подъ страхомъ десятилѣтняго изгнанія, устраивать гладиаторскіе бои въ послѣдніе два года предъ выборами. Но уже въ то время и во всю эпоху цезаризма были учреждены особые чиновники, обязанность которыхъ состояла въ доставленіи народу любимаго зрѣлища. При паденіи же республики, многіе изъ знати пользовались шайками гладиаторовъ, какъ орудіемъ нападенія и защиты въ борьбѣ партій,—и эти бойцы по профессіи, у которыхъ естественными союзниками были все рабы, стали опасны государству. Катиллина и его сообщники сильно рассчитывали на ихъ помощь, почему Сенатъ и рѣшилъ удалить гладиаторовъ изъ Рима, распредѣливъ ихъ по удаленнымъ городамъ. Клодій и Милонъ вели свою ужасную войну при содѣйствіи гладиаторовъ. Правда, Цицеронъ впоследствии утверждалъ, что другъ его Милонъ лишь ради блага государства покупалъ гладиаторовъ, которые наконецъ и умертвили Клодія. Цезарь, во время своего зрѣлища, нанялъ своихъ соперниковъ и сенатъ множествомъ собранныхъ имъ гладиаторовъ—и не смотря на повелѣніе ограничить ихъ число, все-таки вывелъ 320 паръ на арену. Діонъ Кассій свидѣтельствуетъ о томъ, что Августъ хвастался въ своемъ завѣщаніи, будто бы онъ втеченіи своей жизни предать 10,000 гладиаторовъ въ жертву амфитеатра. Впослѣдствіи ихъ заставляли драться уже не одинъ на одинъ, а цѣлыми строемъ противъ строя, изображая историческія военныя событія, преимущественно морскія сраженія, вплоть сходящаго съ дѣйствительными. Августъ заставилъ 3,000 человекъ на 30 галерахъ воспроизвести на Тибрѣ Саламинскій бой, и Неронъ повторилъ это по его примѣру. Колоссальнѣйшее зрѣлище этого рода устроилъ Клавдій на Фузизскомъ озерѣ (нынѣ *lago di Celano*) между родосцами и сицилійцами. 19,000 человекъ на 100 трехъ-и-четырехъмачевыхъ судахъ мужественно дрались на смерть, между тѣмъ какъ императорская гвардія (преторіанцы) стояла кругомъ, препятствуя махившей попыткѣ къ бѣгству, а берега и окрестныя холмы кишѣли десятками тысячъ зрителей.

Откуда же бралось такое множество народа для удовлетворенія римской потребности въ бояхъ? Во первыхъ, на это предназначались *военнопленные*, которыхъ полководцы приводили за собою въ Римъ для украшенія триумфовъ, или присылали изъ дальнихъ странъ въ подарокъ народу. Большая часть выведенныхъ Клавдіемъ бойцовъ состояла изъ бриттовъ, причемъ императоръ даже хвастался, что отдѣлился отъ нихъ такимъ путемъ. Объ оставшихся гладиаторахъ, которые со Спартакомъ во главѣ, природнымъ еракійцемъ, произвелъ странную *невольничью войну*, Плутархъ рассказываетъ, что все они большею частью были родомъ изъ Галліи и Фракіи. По свидѣтельству Воиска, на триумфальномъ празднествѣ императора Проба сражались пѣнные германцы, эфиопы, сарматы и изаврійскіе морскіе разбойники. Въ 29 и 28 гг. до Р. X. на побѣдномъ торжествѣ Октавіана дрались даки и свевы, которыхъ Діонъ выдаетъ за Склеовъ и Кельтовъ.

Во вторыхъ, контингентъ гладиаторовъ составлялся изъ осужденныхъ на смерть не-гражданъ римскихъ, которые въ прежнія времена исключительно предназначались для арены. Таковъ былъ Спартакъ, узникъ въ разбоѣ. Разумѣется, понятія «осужденный» и «виновный» должны быть принимаемы въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ напр., Макринъ, противникъ императора Геліогабала, повелѣлъ всѣхъ бѣглыхъ рабовъ обращать въ гладиаторы. Во время гоненій на христіанство, достаточно было одного сознанія въ принадлежности къ *Гамельянамъ* для того чтобы быть приговорену къ аренѣ; отъ этого спасало только право римскаго гражданства. Та же судьба ожидала рабовъ, проданныхъ въ фехтовальныя школы, но уже Адріанъ, вообще много сдѣлавшій для облегченія рабства, запретилъ безъ достаточныхъ основаній продавать рабовъ на арену. Были *торговцы гладиаторами* по профессіи, получавшіе свой товаръ отъ

морскихъ разбойниковъ и воинственныхъ чужеземныхъ племенъ.

Въ третьихъ, нерѣдко случалось, что и свободные люди продавали себя за деньги и жалованье въ гладиаторы и при этомъ давали (упоминаемую Пестроніемъ, Сенекой и Горатіемъ) клятву, которою обязывались позволять себя жечь раскаленнымъ желѣзомъ, заковывать въ цѣпи, стѣть бичами и убивать мечомъ, словомъ: тѣломъ и жизнью принадлежать своему господину. Мотивами такого самоуниженія бывали обыкновенно отчаяніе въ неудачно и даромъ потраченной жизни, или разореніе проматывавшихся безхарактерныхъ юношей, не могшихъ привыкнуть къ труду и лишениямъ. «Посмотри на юношей, говоритъ Сенека,—которыхъ мотовство изъ лучшихъ домовъ привело на арену». Гностикъ Таціанъ упоминаетъ, что и бѣдные люди, не желавшіе работать, предпочитали арену труду. Бывали случаи самопродажи изъ благородныхъ побужденій. Такъ напр., Квинтиліанъ приводитъ случай, когда сынъ продалъ себя для того чтобы прилично похоронить умершаго отца, или другой примѣръ бѣднаго юноши, который замѣнилъ собою, проданнаго морскими разбойниками въ фехтовальную школу, богатаго друга своего. Самопожертвование старалось впрочемъ ограничить подобную самопродажу, налагая на продающихъ позоръ тяготившій надъ всѣмъ сословіемъ гладиаторовъ. Подобно рабамъ, свидѣтельству ихъ на судѣ давалась вѣра только въ томъ случаѣ, если они показывали съ *тытки*; дочери ихъ считались публичными женщинами, сыновья которыхъ не могли быть узаконены никѣмъ изъ людей имѣющихъ извѣстное положеніе въ обществѣ. Тѣмъ не менѣе самопожертвование существовала еще во времена Симаха. Самое чувство стыдливости ремесла гладиаторовъ исчезло, съ тѣхъ поръ какъ свободные римскіе граждане, даже сенаторы и всадники, стали появляться на аренѣ—или изъ низкой лестиности передъ владѣльцами міра, или по приуждѣнію плп. Уже на празднества Цезаря предлагали себя добровольно оппматы—и въ 46 г. до Р. X. онъ разрѣшилъ появленіе на аренѣ всадникамъ, а въ слѣдующемъ году и сенаторамъ. Ему конечно могло лишь нравиться, что ненавистная ему аристократія дерется на потѣху черни съ отверженцами общества. Въ 10 г. до Р. X. всадникамъ было это разрѣшено закономъ, и наконецъ Августъ дозволилъ преторамъ вносить ихъ въ списки своихъ бойцевъ. Калигула заставлялъ всѣхъ безъ исключенія, знать и чернь, участвовать на играхъ въ циркѣ: хуже всѣхъ въ этомъ отношеніи явился Неронъ, который однажды заставилъ биться разомъ 30 всадниковъ, а всего предать аренѣ свыше 100 всадниковъ и сенаторовъ. Наконецъ, высшей степени разнузданности достигла порча нравовъ, когда сами императоры, забывая свой священный санъ, стали выходить гладиаторамъ передъ праздною толпою. Уже Калигула, Адріанъ и Вѣръ находили удовольствіе въ фехтовальныхъ упражненіяхъ,—но открыто выйти на арену считалъ возможнымъ только безумный Коммодъ, который превыше всѣхъ титуловъ своихъ ставилъ наименованіе: «одной лѣвой рукой сражающагося передоваго бойца секуторовъ».

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ высшій моментъ возбужденія этой страсти въ зрителяхъ цирка. Подъ погамъ одного изъ гладиаторовъ лежитъ поверженный плмъ, раненый противникъ, мечъ уже занесенъ надъ несчастнымъ,—и побѣдитель, поднимая голову въ племъ, смотритъ въ открытія забрала на рукоплещущую толпу, не пожелаетъ ли она пощадить сраженнаго бойца... Но со всѣхъ мѣстъ блещутъ лигаторочно-кровожадные взоры, всюду видны напряженно вытянутыя руки съ характеристическимъ знакомъ *pollice verso*... Особенно страшно поражаетъ этотъ почти-судорожный изгнбъ большого пальца у женщинъ, представительницъ кротчайшей половины человѣческаго рода. «Бей, рѣжь, коли, доконать его! доконать!» Вотъ что слышится въ глазахъ, жестахъ и неистовомъ ревѣ толпы.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), соч. Н. Лѣскова (Стевницкаго).

XVIII.

Мой грандіозный коллега былъ теперь въ новой; слишкомъ для него просторной, поношенной венгеркѣ съ шнурами, въ четырехъугольной польской шапочкѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ.

Полный своей скорби за Христа, я хотѣлъ отъ него убѣжать, но это было невозможно.

— Здравствуй, Праотцевъ! вскричалъ онъ, хватая меня за руку.—Вотъ я думалъ, что мы съ тобой уже совсѣмъ разстались, а между тѣмъ опять привелось....

— Отчего-же совсѣмъ разстаться? отвѣчалъ я, стараясь скрыть свое волненіе.

— А такъ брать.... знаешь, у насъ того.... Э, да ты кажется чего-то плакалъ? Ты—вѣчная плакса.

— Вовсе я не плакалъ и не плакса, отвѣчалъ я и началъ распрашивать его, что такое у нихъ „того“...

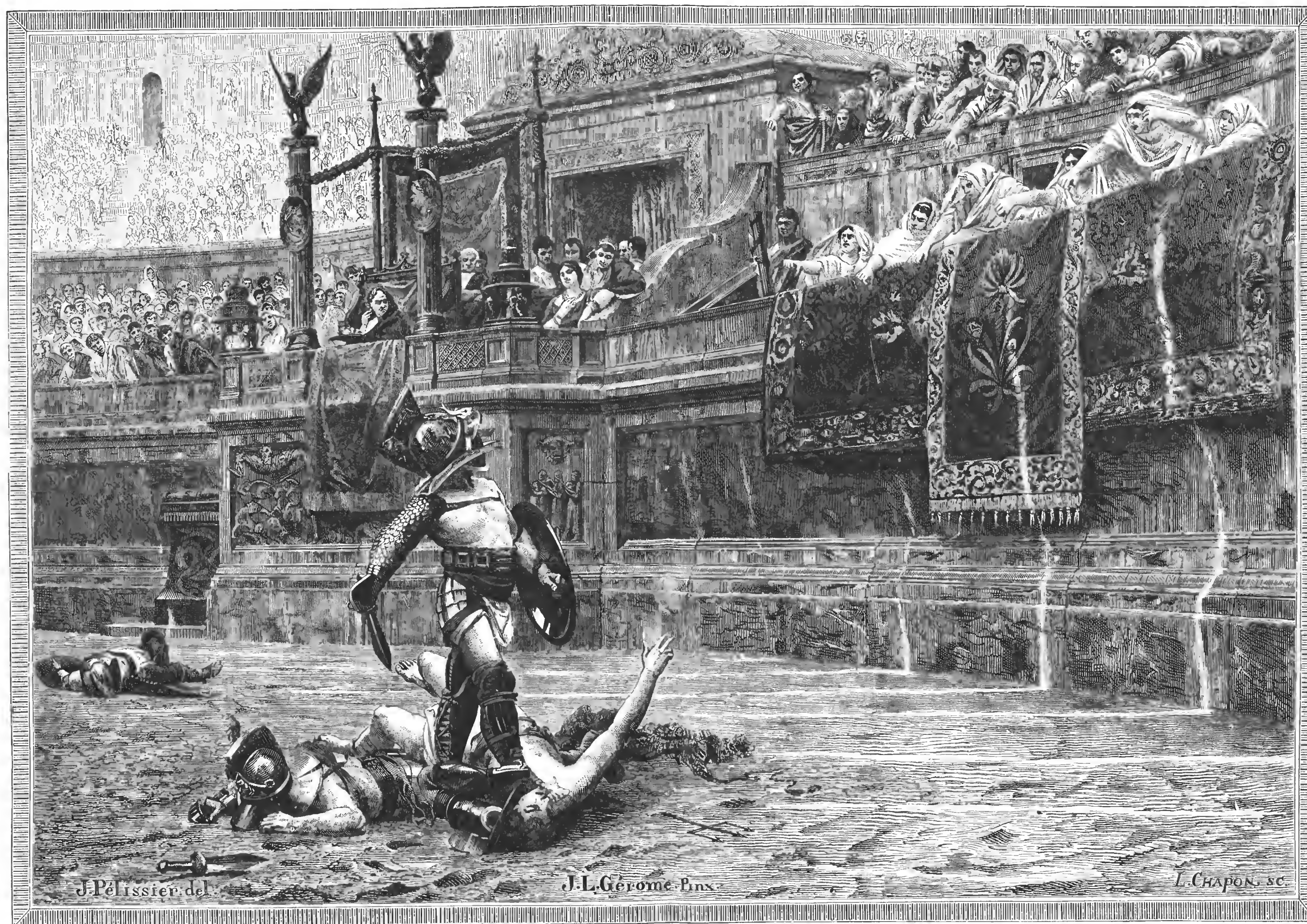
— Тсссъ! говори тише! у насъ въ домѣ говорятъ про страшныя дѣла: въ Австріи революція.

— Ну а вамъ что за дѣло до Австріи?

— Да это тебѣ нѣтъ дѣла, потому что ты русскій, а тамъ-братецъ венгерцы воюють.

— Такъ что-же такое?

— Какъ что?—это старые наши польскіе союзники:

Римские гладиаторы, Pollice verso. Картина Л. Жерома, рис. П. Л. Пелисье, грав. Шалонь.

polak z wegreм два bratanki, jak do szabli, tak do szklanki (*). Они памѣ свои.

Я этому нѣсколько удивился, потому что венгерцы въ моемъ тогдашнемъ пониманіи были тѣ люди, которые носятъ по селамъ лекарственныя снадобья да янтарныя чотки и крестики; но Пеньковскій разъяснилъ мнѣ, что есть еще и другіе венгерцы—очень храбрые, и что вотъ съ тѣмъ-то онъ какъ нельзя болѣе заинтересованъ въ ихъ революціи.

— Неужто же ты, молъ, пойдешь въ ихъ революцію?

— Нѣтъ, честное слово—пойду: если всѣ пойдутъ, такъ и я пойду. Но помни, братъ-Меркуль, заключилъ онъ остановясь и схвативъ обѣ мои руки,—помни, что мы все таки товарищи, и если мы встрѣтимся другъ съ другомъ съ оружіемъ въ рукахъ въ бою, я закричу: „скачи мимо!“ и тебя не ударю.

— И я тоже, и я тебя ни за что не ударю, отвѣчалъ я.

— Щадить другъ друга, падать какъ должно благороднымъ людямъ и одноклассникамъ. Слышишь?

— Хорошо, непременно поцажу, отвѣчалъ я.

— Махни саблей—и мимо.

— Махну—и мимо.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Руку отъ сердца!

Я подалъ руку.

Заключивъ этотъ союзъ взаимной поцады, мы крѣпко стиснули другъ другу руки и поцѣловались, что впрочемъ не обратило на насъ особенное вниманіе прохожихъ—вѣроятно потому, что въ тогдашнемъ ополченномъ кievскомъ обществѣ поцѣлуй при уличныхъ встрѣчахъ знакомыхъ мужчинъ были дѣломъ песьма обыкновеннымъ.

Затѣмъ Пеньковскій открылъ мнѣ, что онъ на войнѣ не будетъ нкого бить изъ товарищей и только возьметъ въ плѣнъ нашего военачальника, а потомъ полюбопытствовалъ куда лежить мой путь—и узнавъ, что я иду домой, вызвался меня проводить и дорогою спросилъ: „что говорить у васъ про венгерскую революцію“?

— У насъ объ этомъ ничего не говорятъ, отвѣчалъ я.

— Это нехорошо; это нехорошо, Праотцевъ!

— Что такое?

— Затѣмъ ты скрываешь?

— Увѣряю тебя.

— Такъ о чемъ же вы разговариваете?

— Ну вотъ! Будто только и разговора, что про революцію?... у матери бывають разные ученые люди и профессора, и она сама знаетъ по-латыни и по-гречески...

— Фуй, какая скука!

— Ни мало; напротивъ, мы вчера обсуждали правительство и очень пріятно провели время. Я люблю такіе разговоры.

— Ну ужъ я думаю! Не притворяйся-братъ умникомъ-то! Что тамъ можетъ-быть пріятнаго съ профессорами? А къ намъ къ отцу вчера пришли гости, молодые чиновники изъ дворянскаго собранія и изъ гражданской палаты, и все говорили какъ устроить республику.

Я удивился и спросилъ, про какую онъ говоритъ республику.

— Извѣстно какаа бываетъ республика! всѣмъ вмѣстѣ будетъ править и король и публика, отвѣчалъ весело Пеньковскій, и такъ какъ въ это время мы не только дошли до нашей квартиры но вступили въ самыя сѣни, то онъ снова потребовалъ мою руку и прощаясь сказалъ:

— Ты приходи какъ нибудь ко мнѣ: я тебя познакомлю съ моимъ отцомъ, у меня отличный отецъ; онъ

(*) Полякъ съ венгромъ — братья, какъ по оружію такъ и за бутылкой.

титularyный совѣтникъ и у него есть сѣдло и двѣ винтовки и сабля—и представъ себѣ, что онъ служить въ гражданской палатѣ и какъ двѣ капли воды похожъ на Кошута. Когда [начнется революція, онъ непременно хочетъ быть нашимъ полководцемъ, и всѣ чиновники на это согласны, но ты сдѣлай милость пока никому своимъ объ этомъ не говори.

Я далъ слово держать это дѣло въ большомъ секретѣ—и мы благополучно растались бы на этомъ, если бы матушка, встрѣтивъ меня у порога залы, не спросила: съ кѣмъ я говорилъ,—и узнавъ, что это былъ мой корпусный товарищъ, не послала меня немедленно воротить его и привести къ ней.

Исполняя это приказаніе безъ особенной радости, я однако ведучи подъ руку Пеньковского успѣлъ ему шепнуть, что-бы онъ не открывался при матушкѣ, что онъ революціонеръ.

XIX.

Пеньковскій обѣщалъ мнѣ быть скромнымъ насчетъ Венгрии и прекрасно исполнилъ свое обѣщаніе, но за то во всемъ другомъ обличилъ передъ маманъ такую игривую развязность, какой я отъ него никакъ не ожидалъ: онъ пустился въ рассказы о нашемъ прошломъ и представлялъ ей не только корпусное начальство, по и директоршу и офицерскихъ женъ; дѣлая при этомъ для болѣе наглядности выходы изъ открытыхъ дверей маминой спальни, онъ вдругъ появился оттуда въ матушкиномъ спальномъ чепцѣ и ночномъ пеньюарѣ.

Серьезная мать моя чрезвычайно оживилась и много смѣялась; но лукавый дернулъ Пеньковского вспомнить про извозчика Кирилу и рассказать, какъ онъ заѣзжалъ къ Ивану Ивановичу Елкину и какъ королевское „начальство“ отпоролло его на большой дорогѣ нагайкою.

Матушка встревожилась, что я былъ свидѣтелемъ такой грубой сцены.

— За что же это съ нимъ такъ поступили? спросила маманъ.

— А—а, не беспокойтесь сударыня, онъ этого слишкомъ стоилъ, воскликнулъ мой Пеньковскій. Я такъ и замеръ отъ страха, что онъ увлекшись самъ не замѣтитъ какъ расскажетъ, что Кирилъ предательски выдавалъ его за палача, который будетъ въ Кіевѣ наказывать жестоко-обращавшуюся съ крестьянами польскую графиню; но мой рѣчистый товарищъ быстро спохватился и рассказалъ, что Кирилъ будто-бы напившись пьянъ зацѣпилъ колесомъ за полицейстерскую коляску.

Я былъ необыкновенно удивленъ этою смѣлою и находчивою ложью Пеньковского, а матушка наморщивъ брови проговорила, что она просто представить себѣ не можетъ, какъ это можно было отправить насъ, дѣтей, съ однимъ пьянымъ мужикомъ.

— Какъ-же, это просто ужасно! поддерживалъ Пеньковскій.—Этотъ мужикъ былъ совершенно ужасный пьяница и при томъ.... и при томъ.... онъ постоянно пилъ водку и говорилъ всякій вздоръ.

— Вы могли Богъ вѣсть чего наслушаться!

— Помидуйте, да онъ насъ водку училъ пить...

— И неужто-же изъ васъ кто нибудь его въ этомъ слушался? воскликнула въ сдержанномъ ужасѣ мать, но Пеньковскій пресмѣло ее на этотъ счетъ успокоилъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—нѣтъ; то есть я и вашъ сынъ—мы его не слушались, потому что я самъ не пилъ и удерживалъ вашего сына, но другіе.... Положимъ, что это не совсѣмъ хорошо выдавать товарищей, но презирая ложь я не могу отрицать, что другіе, которые меня не слушались, тѣ пили.

При этомъ онъ подмигнулъ мнѣ—и такъ неловко подмигнулъ, что матушка это замѣтила. Впрочемъ научась въ одинъ день наблюдать ея страшную провицательность, я видѣлъ, что она еще во время самаго разсказа Пеньковского ему уже не вѣрила и читала истину въ

моих потушенных глазах;—но она разумеется прекрасно совладала собою—и съ спокойствием, которое могло бы ввести въ заблужденіе и не такого дипломата какъ Пенъковскій, сказала:

— Я вамъ очень благодарна за вашъ прекрасный примѣръ и совѣтъ, которыми вы сберегли моего сына отъ порока, одна мысль о которомъ должна быть противна честному человѣку.

— Какъ же: я его всегда оберегала, отвѣчалъ Пенъковскій; а матушка сказала, что она будто-бы очень рада, что я имѣлъ себѣ такого благоразумнаго и строгаго товарища.

Пенъковскому эти слова были все равно что обольстительный фиміамъ, въ сладкомъ дыму котораго онъ опалѣлъ до того, что вдругъ, принявъ вѣроятнo свою ложь за истину, возмнилъ себя въ самомъ дѣлѣ моимъ нравственнымъ руководителемъ,—началъ рассказывать, будто бы онъ всегда за мною наблюдалъ и въ дорогѣ, и въ корпусѣ, и тогда-то говорилъ мнѣ то-то, а въ другой разъ это-то, и т. п. Самая хвастливая и наглая ложь лилась у него рѣкою и приводила меня въ такое смущеніе, что я молчалъ и не перебилъ его ни однимъ словомъ даже тогда, когда онъ, истощивъ потокъ своего краснорѣчія насчетъ своихъ превосходствъ, вдругъ перешелъ къ исчисленію моихъ пороковъ, которые по его словамъ парализировали его вліяніе и часто мѣшали мнѣ усвоить ту безмѣрную пользу, какую могли мнѣ преподать его совѣты.

— Хорошо его зная, я могу сказать, что онъ еще не совсѣмъ дурной мальчикъ, говорилъ онъ, указывая на меня искоса глазами,—но у него есть этакое какъ бы вамъ сказать.... упрямство. Да, именно упрямство! Я ему всегда говорилъ: слушай меня во всемъ, потому что ты долженъ меня слушать! Но онъ одинъ разъ послушается, а другой разъ нѣтъ.—Что братъ? отнесся онъ непосредственно ко мнѣ:—я тебѣ говорилъ, что я ничего не скрою и все это со-временемъ расскажу твоей маман! Да; родители о насъ должны все знать—и ужъ ты сердись или не сердись на меня, а я теперь это дѣлаю для твоей же пользы.

— Вы знаете, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ маман,—въ Твери одинъ нашъ товарищъ...

— Послушай! вскричалъ я не вытергивъ и сквозь слезы.

— Что, братъ? Нѣтъ, ужъ извини: расскажу. Въ Твери одинъ нашъ товарищъ Волосатинъ пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, который давалъ его отецъ, и вашъ сынъ тамъ такъ неприлично повелъ себя.... просто такъ неприлично, что будь это въ другомъ мѣстѣ—я не знаю что бы могло выйти!

Маман вся вспыхнула и кинула на меня молніеносный взглядъ, но вѣроятнo встрѣтивъ мой взглядъ, потерянный, перепуганный и умоляющій, сейчасъ же успокоилась. А безпощадный Пенъковскій продолжалъ и благополучно окончилъ свой рассказъ о томъ, какъ я войдя впереди всѣхъ товарищей въ большую залу „какъ сумасшедшій бросился цаловать руки у всѣхъ женщинъ“.

— Это очень просто, маман, отвѣчалъ я:—я никогда не бывалъ на балахъ и думалъ, что это такъ принято.

— Ну да, тихо уронила матушка совсѣмъ успокоеннымъ голосомъ—и какъ я былъ несомнѣнно убѣжденъ, въ знаніе своего неосужденія меня за рассказанную неловкость, подала мнѣ ключикъ отъ своего туалета и велѣла подать ей оттуда батистовый носовой платокъ.

Въ этомъ незначительномъ порученіи я увидалъ знакъ снисходительнаго ея ко мнѣ благоволенія (такъ умѣла она выражать все однимъ тономъ своего прекраснаго голоса, что слова ея кромѣ своего банальнаго прямого выраженія имѣли еще иное тайное иносказательное—и именно такое, какое она хотѣла передать ими тому, кто долженъ былъ уразумѣть въ нихъ смыслъ непонятный для другихъ.) Я именно вялъ этому смыслу, и вый-

дя въ ея комнату за ея платкомъ вздохнулъ, отъ радости, что дѣло мое поправлено и что матушка на моей сторонѣ, а не на сторонѣ доносившаго на меня Пенъковскаго.

Между тѣмъ сей послѣдній, пока я возился у матушкинаго комода, вспомнилъ что ему пора домой. Къ не описанному моему удовольствію, онъ началъ прощаться съ матушкой и опять отгѣнилъ меня особеннымъ образомъ, попросивъ матушку отпускать меня изрѣдка къ нему, на его отвѣтственность, на что матушка и согласилась,—а Пенъковскій принялъ это согласіе за чистую монету, и поблагодаривъ матушку за довѣріе, закончилъ обѣщаніемъ приводить меня назадъ домой подъ его собственнымъ надзоромъ.

Тутъ я уже просто сробѣлъ передъ этою его выходкой и мысленно далъ себѣ слово никогда къ нему не ходить, хотя мать моя выразила мысль совершенно противную, сказавъ, что она будетъ очень рада этому, потому что эти проводы конечно доставятъ ей удовольствіе часто видѣть Пенъковскаго и ближе съ нимъ познакомиться.

Это я счелъ уже со стороны маман за непонятную для меня неискренность, которая меня очень покоробила, межъ тѣмъ какъ Пенъковскій былъ въ восторгѣ—и надѣвая въ передней свое пальто, весело прошепталъ мнѣ:

— А что же ты мнѣ не показалъ: гдѣ ваши ученые? Нѣтъ ихъ что-ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я сухо.

— А когда они приходятъ?

— Вечеромъ.

— Вечеромъ. Ну пускай ихъ ходятъ вечеромъ! а ты теперь кажется ясно можешь видѣть, что все дѣло заключается не въ учюности а въ практикѣ.

— Провалился-бы ты куда нибудь со всей твоей практикой! подумалъ я, и едва удержался отъ желанія сказать ему, что требую назадъ свое слово не сражаться съ нимъ, когда встрѣтимся на войнѣ, и махать саблею мимо. Энергически захлопнувъ за нимъ двери, я вернулся въ комнаты и почувствовалъ, что я даже совсѣмъ нездоровъ: меня знобило и въ лѣвомъ ухѣ стоялъ болѣзненно-отзывавшійся въ мозгу звонъ.

Лицо мое вѣроятнo такъ ясно передавало мое состояніе, что матушка, взглянувъ на меня, сказала:

— Ты кажется несовсѣмъ здоровъ, дитя мое?

— Да, маман; отвѣчалъ я:—мнѣ что-то холодно, и я чувствую звонъ въ ушахъ.

— Это тебѣ надуло въ голову, когда ты вчера курилъ у форточки. Поди лягъ въ свою постель и постарайся успокоиться: сегодня вечеромъ ты долженъ идти къ твоему дядѣ, а завтра подашь ему просьбу о принятіи тебя на службу въ его канцелярію.

— Какъ, маман, я долженъ идти къ нему безъ вась?! воскликнулъ я, почувствовавъ нѣкоторый страхъ при мысли о свиданіи съ статскимъ генераломъ, занимавшемъ по тогдашнимъ моимъ понятіямъ чрезвычайно важную должность.

— Да; ты долженъ идти одинъ, отвѣчала матушка и рассказала мнѣ, что когда я утромъ ходилъ къ Алтанскимъ, мой двоюродный дядя, этотъ важный статскій генералъ, былъ у нея и передалъ свое желаніе немедленно со мною познакомиться.—А знакомиться съ нимъ, добавила маман,—тебѣ гораздо лучше одинъ на одинъ, чѣмъ бы ты выглядывалъ какъ цыпленокъ изъ-подъ крыла матери. Притомъ же тебѣ надо привыкать къ обхожденію съ людьми и умѣть самому ставить себя на настоящую ногу; а это пріобрѣтается только навыкомъ и практикой.

— Опять практика! подумалъ я, упавъ въ постель съ тревожною мыслию, что вокругъ меня что-то тяжело и совсѣмъ не такъ какъ бы мнѣ хотѣлось. А отчего мнѣ было тяжело и какъ-бы я хотѣлъ учредить по иному—

этого я не зналъ; но только воображеніе несмѣло и робко, словно откуда-то издалека, напештывало мнѣ, что моя маманъ безъ сомнѣнія строгая, нравственная и въ высшей степени благородная, но сухая женщина,—и я вдругъ вспомнилъ объ отцѣ, и кусая концы носоваго платка, который держалъ у лица, тихо заплакалъ о покойномъ. Мнѣ показалось, что мы съ отцомъ „терпимъ одинакую участь“ отъ тяжести живо-нами-сознаемаго высокаго, но ужъ слишкомъ авторитетнаго превосходства матери, между тѣмъ, какъ есть же на свѣтѣ кто-нибудь къ кому она мягче и снисходительнѣе. Письмо къ Филиппу Кольбергу, которое я отдалъ утромъ на почту, мелькнуло передъ моими глазами,—и самъ Филиппъ Кольбергъ, котораго я никогда не видѣлъ, вдругъ нарисовался въ моихъ мысленныхъ очахъ такъ ярко и отчетливо, что я склоненъ былъ принять это за видѣніе—и затѣмъ начался сонъ, который во всякомъ случаѣ былъ пріятнѣе описаннаго бдѣнія. Мнѣ снилось будто Филиппъ Кольбергъ, высокій, чрезвычайно стройный и сильный человекъ съ длинными темнорусыми кудрями, огромными густыми усами и густой же длинной эспаньолеткой, смотрѣлъ на меня умными, энергическими, какъ небо голубыми глазами—и сжимая мою руку говорилъ:

— Да; ты отгадалъ: я люблю твою матъ, я люблю ее, люблю, люблю какъ херувимъ любить Бога, потому что видѣть Его благость и величіе и не любить Его невозможно, и мы съ тобою сольемся въ этой любви и полетимъ за нею въ ея сферѣ. Гляди!

Онъ указалъ мнѣ на плывущую въ эфирѣ, яркую, свѣтлымъ теплымъ пламенемъ горящую звѣзду, въ сферѣ которой мы неслись невѣдомо куда, и вокругъ насъ не было ничего, ни надъ нами, ни подъ нами,—только тихая лазурь и тихое чувство въ сердцахъ, стремящихся за нашею звѣздой.

XX.

Проснувшись я услышалъ, что матушка была не одна: съ нею былъ профессоръ Альтанскій, и они вели между собою тихую спокойную бесѣду.

Я былъ нѣсколько удивленъ этому спокойствію и подумалъ: неужто профессоръ ничего не знаетъ о томъ, какъ страдаетъ его дочь и въ какомъ она нынче была положеніи. Да и прошло ли это еще? Или можетъ быть это имъ ничего?

И затѣмъ у меня пошелъ рядъ самыхъ пустыхъ мыслей, съ которыми я дѣлалъ свой туалетъ, вовсе не думая о томъ куда я собираюсь и какъ буду себя тамъ держать.

Когда я былъ совсѣмъ готовъ, матушка позвала меня къ себѣ—и, не трогаясь съ мѣста, сказала мнѣ:

— Ну-ка, покажись, какъ ты одѣтъ...

Я сталъ.

— Перевернись.

Я повернулся спиной.

— Молодецъ! замѣтилъ глядя на меня Альтанскій.

— Молодецъ-то онъ молодецъ, отвѣтила, какъ мнѣ показалось, не безъ гордости маманъ,—но я вижу, что у этого молодца скверно сшито платье.

И съ этимъ она вздохнувъ встала и своими руками перевязала на моей шеѣ галстукъ, иначе чѣмъ онъ былъ завязанъ, поправила воротнички моей рубашки и перекрестивъ меня велѣла идти.

— Не сиди долго, сказала она въ напутствіе.

— Нѣтъ, маманъ.

— Однако и не сѣвши: что надо соображать по приему—какъ держать себя хозяева. Да говори почаще Льву Яковлевичу „ваше превосходительство.“

При этомъ губы матушки сложились въ нѣсколько презрительную улыбку, а профессоръ громко откашлялся и плюнулъ.

Я ни какъ не могу утверждать, что этотъ плевокъ относился непосредственно къ „его превосходительству“, но маманъ вѣроятно въ виду этой случайности сейчасъ

же нашла нужнымъ добавить, что Левъ Яковлевичъ очень не злой человекъ и имѣетъ свои заслуги и достоинства, а жена его Ольга Фоминишна положительно очень добрая женщина, и дѣти ихъ тоже очень добрые, особенно старшая дочь Агата, которую маманъ назвала даже натурою превосходною, благородною и любящею.

Путь мой былъ невеликъ—и я черезъ десять минутъ очутился на большомъ дворѣ, по которому бродили молча какія-то необыкновенно смиренныя, или привычныя къ незнакомымъ посѣтителемъ, собаки. Ихъ что-то было много и всѣ онѣ откуда-то вставали, переходили черезъ свѣтлую полосу, которая падала отъ одного изъ освѣщенныхъ оконъ и исчезали во тьмѣ. Въ дворѣ стоялъ большой, даже очень большой одноэтажный домъ и множество флигелей, построенныхъ углами и зигзагами. Все это, не смотря на сумракъ, представляло очень оживленную массу: во флигелевыхъ окнахъ свѣтились огни, а за углами, во всѣхъ темныхъ выпадинахъ шевелились какія-то тѣни—и ихъ было такъ много, что они становились для меня гораздо страшнѣе чѣмъ собаки, на добродушіе которыхъ я началъ довѣрчиво полагаться. Всѣ эти тѣни, населяющія дворъ моего родственника и покровителя, были жиды, которые каждый день подъ сѣнію сумерекъ въ обиліи стекались сюда, неся съ собою разнообразныя дары для пріобрѣтенія себѣ дядиной благосклонности. Они то—эти всевѣдущіе потомки Израиля—и указали мнѣ путь, какимъ я долженъ былъ проникнуть въ святилище, куда ихъ поочереды и лишь за дѣмьги впускалъ дядинъ камердинеръ.

Хотя генерала Льва Яковлевича мнѣ никто не рекомендовалъ съ особенно дурной стороны, но я не былъ расположенъ составлять о немъ хорошее мнѣніе: его домъ съ какимъ-то огненнымъ трясеніемъ во всѣхъ окнахъ, его псы, сумрачные жиды, а особенно его низенькій камердинеръ Иванъ съ узкимъ лисьимъ лицомъ и широкимъ алчнымъ затылкомъ—все это производило во мнѣ отталкивающіе впечатлѣнія. Не смотря на свою тогдашнюю молодость и неопытность, я во всемъ этомъ обонялъ какой-то противный букетъ взятки смѣшанной съ кичливой заносчивостью и внутреннимъ ничтожествомъ. Левъ Яковлевичъ съ виду не похожъ былъ на человека, а напоминалъ запеченный свиной окорокъ: что-то такое огромное, жирное, кожистое, мелкощетилистое, въ свѣтлыхъ мѣстахъ коричневое, а въ темныхъ подпаленное въ видѣ сженой пробки. Вся эта жирная массивная глыба мяса и жиру была кичлива, надменна, раздражительна и непроходимо глуха. Левъ Яковлевичъ былъ до того самообольщенъ, что онъ даже не говорилъ по-человѣчески, а только какъ-то отпырхивался и отдувался, напоминая то свинью, то лошадь.

При моемъ вступленіи въ его кабинетъ, онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за столомъ и продувъ что-то себѣ въ носъ запыхалъ:

— А?... какъ?... что такое?..

Я ничего не понималъ, но замѣтилъ, что у этого окорока засверкали подъ бровями его гаденькіе глазки, а камердинеръ подскочивъ ко мнѣ строго проговорилъ:

— Отвѣчайте же, сударь. Развѣ вы не видите, что генералъ сердится?

— Я ничего не понялъ... вы мнѣ расскажите, началъ было я, но этотъ гордый холопъ махнувъ презрительно рукой и пробурчавъ: „да ужъ молчите, когда не умѣете,“ подошелъ ко Льву Яковлевичу.

Ставъ за его кресломъ, Иванъ фамильярно поправилъ сзади гребешкомъ его прическу и молвилъ съ улыбкой:

— Они боятся предъ вашимъ превосходительствомъ.

— А... какъ?... что?... мм... да... чѣмъ?... чѣмъ?... зачѣмъ ко мнѣ?... зачѣмъ?... чѣмъ... ѣмъ... мѣ?...

— Къ генеральшѣ проводить прикажете?

— А?... да... мм... къ Ольгѣ Фоминишнѣ... да.

— Идите! скомандовалъ мнѣ лакей, и выведя меня

Маленькая смерть. Рисункъ Иосифа Вольфа, грав. Гимперъ.

черезъ двѣ застланныя коврами комнаты, ткнуть въ третью, гдѣ за круглымъ чайнымъ столомъ сидѣло нѣсколько меньшихъ окорочковъ, которые отличались отъ старшаго окорока тѣмъ, что они не столько не умѣли говорить, сколько не смѣли говорить.

Изъ всѣхъ этихъ отрожденій Льва Яковлевича я не могъ никого отличить одного отъ другаго: всѣ они бы-

ли точно семья боровыхъ грибовъ наплотившихся вокругъ дрябнущаго матераго боровика. Всѣ они были одной масти и одного рисунка,—всѣ одинаковы и ростомъ, дородствомъ, лицомъ, красотою; всѣ были живыя другъ друга подобія: однѣ и тѣ-же окорочныя фигуры, и у каждаго та-же самая на свѣтлыхъ мѣстахъ коричневая сальнистая закопченность.

(Продолженіе будетъ).

„МАЛЕНЬКАЯ“ СМЕРТЬ

(Картинка J. Вольфа).

...«Она—говорить Державинъ—глядитъ на силы дерзновенныя—и точитъ лезвіе косы!...» И гуляетъ эта коса по лицу земли, не разбирая своихъ жертвъ, не задумываясь рѣзнуть «дерзновенную» силу такъ же смѣло, какъ и зайчика, попавшагося ей на дорогѣ... Много *большихъ* смертей, да не мало и *маленькихъ* проходитъ незамѣченными! Гибнетъ одна жизнь—нарождается другая... Жизнь—это круговращеніе матеріи.

Спряталось солнце за далекими тучами, сумерки сгущаются и только вѣтеръ, какъ-то печально взвизгивая и вой, проносится надъ пустынной равниной; обнаженные деревья, простирая къ холодному зимнему небу свои голыя вѣтви, тихо покачиваются и поскрипываютъ... Все покрыто бѣлымъ саваномъ, и природа, какъ безжизненное тѣло, недвижимо лежитъ и не чувствуетъ, кажется, тяжелыхъ шаговъ воеводы-мороза, этого царя снѣжныхъ бурь, владыки ледяныхъ сокровищъ сѣвера. Цѣлыя вереницы разорванныхъ облаковъ летятъ въ перегонку по направлению къ югу, какъ-бы отыскивая себѣ убѣжище... Пусто, безотраднo, мертво кругомъ! Въ такое мрачное, тяжелое время ни одно животное не захочетъ высунуть носа изъ своего логовища, и еслибы не томительный голодъ—что заставило-бы его покинуть теплую норку?... Голодъ—это тоже владыка, могучій царь.

Вотъ... вотъ что-то небольшое, сѣренькое ковыляетъ по снѣгу... Это—подстрѣленный зайцъ. Съ трудомъ тащитъ онъ ногу, въ которую глубоко застряла дробь... Боль и страхъ подгоняютъ его; онъ ищетъ покойнаго уголка, онъ хочетъ укрыться отъ рѣзкаго вѣтра, отъ снѣжной метели, а главное—отъ назойливаго преслѣдованія безжалостныхъ воронъ... Одна такъ и кружится надъ нимъ!... Какъ хочется несчастному зайцъ добраться до своего теплаго жилища, изъ котораго недавно выгнала его охотничья собака... Не предчувствуя близкой бѣды, онъ, быть можетъ,

сладко мечталъ въ своей норкѣ о лунной лѣтней ночи, о томъ какъ хорошо порѣзвиться на зеленомъ лугу въ сообществѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ, о свѣжей капустѣ и т. д.?. Но—увы, далеко его домишко!... Если-бы не нога—пожалуй можно-бы добраться... Теперь-же приходится тащиться на авось, искать хоть какого нибудь уголка... Но гдѣ-же взять силъ?... Вотъ онъ остановился въ изнеможеніи, прижалъ уши къ спинкѣ и присѣлъ подъ тощимъ кустикомъ репейника... Плохая защита отъ зимней непогоды! А ночь надвигается... Но это все-бы еще ничего, если-бы не другая бѣда: почувли вордны добычу, замѣтили онъ, бѣдный зайка, что ты крѣпко раненъ и ослабѣлъ—и вотъ, страшно каркая, начали кружиться надъ тобой... Знаютъ онъ, что твои ясные глаза скоро помутятся, да и не станеть эта птица ждаты послѣдняго твоего вздоха: сейчасъ опустится она на твое изнеможенное тѣло, которое такъ еще недавно было полно жизни... Уныло завываетъ нѣтеръ, словно поетъ похоронную пѣсню, и сыплеть на зайку мягкіе хлопья снѣга, какъ-бы желая прикрыть умирающаго чистымъ, бѣлымъ покровомъ... Дѣ, много враговъ у зайца! А. Брѣмъ говорить, что имена непріятелей этого звѣрька подобраны даже подъ рифму и приводятъ стихотворный списокъ ихъ, который мы и предлагаемъ въ переводѣ:

Человѣкъ, собака, кошка,
Волкъ и рысь, орелъ, куница,
Филинъ, вѣронъ и ворона,
И сорока, и лисица,
Коршунъ, ястребъ—всѣ желаютъ,
Подобающую честь
Воздавая мясу зайца,
Изловить его и съѣсть!

ХАЛДЕЙСКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА НА БЕРЕГАХЪ ОЗЕРА УРМИИ.

Въ недавнее время, въ Петербургѣ находился представитель одного древняго христіанскаго народа, сынъ Авессалома, Александръ, халдейскій священникъ, селенія Гюгъ-Тани, находящагося на разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ озера Урмий (въ Курдистанѣ) на границѣ Персіи съ Малой Азіею. Академикъ Дорнъ, разсмотрѣвъ его вѣрительную грамоту, подлинсанную Халдейскимъ Патріархомъ Симеономъ Рувиниомъ, нашелъ, что личность прибывшаго тожественна съ поименованнымъ Александромъ; къ тому же его выговоръ, чистосердечіе и искренность въ разсказѣ—не позволяютъ намъ сомнѣваться, что онъ дѣйствительно тотъ, за котораго себя выдаетъ. Полагая, что читателямъ будетъ не безынтересно узнать нѣкоторыя подробности объ родинѣ и цѣлыя путешествія этого замѣчательнаго человѣка, и объ исторіи его христіанской семьи, нѣкогда многочисленнаго и могущественнаго народа,—сообщимъ нѣкоторыя данныя, которыя намъ стали извѣстны изъ его разсказа.

Въ самой дикой части, высочайшаго горнаго хребта, тянущагося съ Сѣвера на Югъ, по всему Курдистану, въ горахъ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, почти недоступныхъ, на плоской возвышенности, лежащей на 4300 футовъ надъ уровнемъ моря (при соленомъ озерѣ Урмий), покрытой богатыми пшеничными полями, арбузными бахчами и виноградниками живетъ остатокъ почтеннаго, древняго христіанскаго населенія халдеевъ. Не смотря на всѣ перевороты судьбы, не смотря на всѣ претерпѣнные ими несчастія, вѣра ихъ осталась непоколебима и до сихъ поръ какъ въ тѣ времена, когда они—народъ еще могущественный—объявили себя сторонниками Несторія.

Равнины Ассиріи стали, съ первыхъ столѣтій, мѣстомъ битвы между народами Востока и Запада; древніе же обитатели этой страны были постепенно разоряемы Персами, Гречами и Римлянами, почему потомкамъ ихъ достались только разоренныя города и села. Мало по малу однакожъ они оправились отъ понесенныхъ бѣдствій, и даже настолько, что мы встрѣчаемъ ихъ представителей не только на Никейскомъ Соборѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Азіи. Такъ, въ

Персіи, Аравіи и Индіи, ими были основаны христіанскія общины, которыя состояли подъ покровительствомъ Халдейскаго Патріарха. Въ седьмомъ столѣтіи, съ пмператорскою помощію, халдейскіе проповѣдники удалось проникнуть даже въ Китай и тамъ повсюду проповѣдать Евангеліе.

Халдейскіе мудрецы передали арабскимъ завоевателямъ не только свои знанія, преподаваемые въ школахъ въ Едессѣ и Селевкии, но познанокомпии ихъ и съ греческою литературою. По милости калифовъ, они были возводимы на степени губернаторовъ, лейбъ-медииковъ и секретарей. Но съ завоеваніями Монголовъ, при страсти ихъ къ псреблѣніямъ, наступилъ для Халдеевъ печальный переворотъ. Съ ненавистью и яростью преслѣдовалъ Тимуръ цвѣтущую халдейскую церковь; фанатики шіиты помогли ему разрушить ее во всей Персіи, такъ что въ началѣ XV столѣтія христіанство, проповѣдуемое смерва почти въ полнѣ части свѣта, удержалось только въ описываемой нами мѣстности Курдистана. До XVIII вѣка Халден пользовались политическою независимостію, изрѣдка тревожимые набѣгами сосѣдей своихъ Курдовъ. Но въ 1843 году Турки съ помощію разбойниковъ сосѣдей напали на несчастныхъ горцевъ и произвели страшную рѣзню,—стоившую жизни почти четверти всего христіанскаго населенія.

Занимаясь откапываніями древностей въ развалинахъ Ниневій, англичанинъ Лаярдъ носѣтилъ однажды близлежащія горы и напалъ на мѣста, бывшія свидѣлями этой страшной бойни. «Цѣлыя лощины и каменные стѣны (ишетъ онъ) были буквально покрыты скелетами, черепами и лохмотьями одеждъ несчастныхъ побѣжденныхъ!»

Но прошла грозная буря и для Халдеевъ наступило снова относительно спокойное время. Турецкіе караулы охраняютъ нѣсколько султанскія владѣнія но также и собственность горцевъ, но какъ турецкіе, такъ и персидскіе христіанскіе подданные не могутъ не чувствовать всей тяжести покровительства и подчиненности нехристіанскому народу.

Христіанамъ (Халдеемъ) запрещается пріобрѣтать помѣстья, а усиленный трудъ ихъ не приноситъ имъ никакой надежды

стать выше положенія раба. При занятіи же какими-либо ремеслом они не находят сбыта своимъ издѣліямъ, такъ какъ магометане, единственные достаточные потребители этой страны, не желаютъ приобретать ничего, дѣланнаго нечистыми руками христіанъ. Вслѣдствіе неслыхъ этихъ стѣсненій, народъ, равно какъ и его пастыри, носятъ на себѣ печать крайней бѣдности, а потому и понятно, какое страшное бѣдствіе приносятъ имъ съ собой неурожай. Въ нынѣшнемъ году снова постигло ихъ это ужасное несчастіе.

Несбыкновенно-христіанская жизнь этихъ людей не можетъ не вызывать сочувствія и удивленія.

Халдейскіе христіане, числомъ 17.000, отличаются отъ Халдеевъ, которые стараніемъ іезуитовъ перешли къ католицизму, и называются «католическими Халдеями» (а также и отъ тѣхъ 20.000), которые признаютъ себя «Несторіанскими Христіанами», управляются собственными своими патриархами тѣмъ, что одни постятся по нѣмъ строгостямъ католицизма и допускаютъ до причастія дѣтей, халдейскіе же христіане не признаютъ этого и только при большихъ несчастіяхъ страны палатаются повсемѣстнымъ нѣскольکو-дневнымъ постомъ.

Ихъ патриархъ, Симеонъ Рувишъ, живетъ въ Котшанѣ при Джуламетѣ;—ему подвластны четыре архіерея, подъ вѣдомствомъ которыхъ, въ свою очередь, находится 25 священниковъ; кромѣ того, 10 священниковъ обязаны наблюдать за братствами Св. Фомы, основанными въ Калькуттѣ и Бомбей.

Изъ разсказовъ Александра мы узнаемъ, что у Халдеевъ такая глубокая вѣра въ Бога, такое основательное знаніе Евангелія и серьезный взглядъ на жизнь, который по истинѣ изумляетъ всякаго;—особенно принявъ во вниманіе всѣ тѣ бѣдствія и несчастія, которыя испытываетъ этотъ народъ, и ту обстановку, при которой онъ живетъ окруженный со всѣхъ сторонъ язычниками.

Самъ патриархъ у нихъ наследственный въ одномъ какомъ-нибудь семействѣ, причѣмъ заставляютъ готовящагося къ нему воздерживаться съ дѣтства отъ мясной пищи и обязуютъ его обѣтомъ безбрачія.

Они очень благодарны американскимъ миссіонерамъ (проповѣдующимъ на берегу Урмійскаго озера съ 1835 года) за то что они пускаютъ въ продажу Евангеліе, писанное не на одномъ только старо-сирійскомъ нарѣчій по также и на новѣйшемъ ихъ народномъ языкѣ,—находясь впрочемъ въ оппозиціи съ ними изъ-за нѣкоторыхъ разлчій въ ученіи и ревнито оберегая свою самостоятельность.

Слово Божіе есть жизнь ихъ богослуженія. Каждое воскресенье по утрамъ они по очереди, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, поучаются у своихъ духовныхъ учителей Закову Божьему. По вечерамъ же вся община присутствуетъ при богослуженіи, которое проходитъ въ пѣніи псалмовъ, литургіи и проповѣдей.

Серьіозная жизнь ведется въ этой странѣ!

Единственнымъ поводомъ къ разладу служатъ у нихъ прелюбодѣяніе, которое строго преслѣдуется церковными положеніями.

Хотя дѣвочки наравнѣ съ мальчиками учатся въ школахъ чтенію и Закону Божьему, но тѣмъ не менѣе взглядъ у нихъ на замужнюю женщину сохранился еще совершенно восточный, вслѣдствіе котораго она не только отчуждена отъ постороннихъ мужчинъ, но даже отъ своихъ родственниковъ и домашнихъ.

За то тѣмъ сильнѣе и свободнѣе развита у нихъ братская любовь—и не только существуютъ общества, которые по примѣру апостоловъ помогаютъ бѣднымъ и навѣщаютъ больныхъ; но у нихъ сохранился до сихъ поръ тотъ взглядъ на собственность, по которому слѣдуетъ раздѣлять съ ближнимъ все что имѣемъ, въ случаѣ его нужды.

Вотъ исторія той общины, къ которой священникъ Александръ желалъ возбудить наше сочувствіе. Они хотятъ построить въ своемъ селеніи Гюгъ-Таши просторный но скромный храмъ, на созиданіе котораго персидскій шахъ далъ впервые свое разрѣшеніе. Храмъ этотъ долженъ стоить 2500 рублей. Собръ долженъ быть пересылаемъ черезъ Тифлисъ патриарху Симеону. Халдейская община, вслѣдствіе своей трагической исторіи и настоящаго положенія, дѣйствительно заслуживаетъ общаго сочувствія.

Нижній Базаръ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мы видимъ на картинѣ профессора Боголюбова пеструю, разнохарактерную толпу, бродящую около воезовъ и лавокъ. Это самая оживленная часть Нижняго Новгорода, называемая Рождественской улицей, а еще болѣе извѣстная подъ именемъ *Нижняго Базара*. Здѣсь сосредоточивается главная промышленная и торговая дѣятельность Нижняго Новгорода (называемого въ просторѣчьи просто *Нижнимъ*); какъ-то: торговля хлѣбнымъ товаромъ, солью, желѣзомъ, снастями и проч. На этой же улицѣ помѣщаются всѣ паромныя конторы, конторы маклерскія, дилижансовъ и транспортныхъ, страховых отъ огня обществъ, большая часть гостиницъ и проч. Деревянныхъ строеній немного, всего нѣсколько домовъ да корпусъ лавокъ, называемый *Посадскимъ рынкомъ*; прочія же зданія всѣ каменные, огромны, но большей части въ 2 и 3 этажа; архитектуры ихъ хороша, иногда даже изящна. Вообще, по красотѣ зданій и по многолюдію, *Нижній Базаръ*—безспорно лучшая часть Нижняго Новгорода. Она начинается съ западной стороны Кремля отъ Ивановскихъ воротъ, проходитъ черезъ Сафроновскую площадь и оканчивается на Нижней Благовѣщенской площади близъ Кунавинскаго перевоза, или того мѣста, отъ котораго начинается пласкоутиный мостъ, наводимый во время ярмарки. Первое зданіе на Нижнемъ Базарѣ съ правой стороны есть Спасская часовня, стоящая между бульваромъ и церковью Іоанна Предтечи. Самая же церковь, окруженная небольшою террасой, стоитъ нѣсколько выше улицы, у Зеленой горы. Отъ церкви начинается первый корпусъ Гостиного двора; онъ въ два этажа, съ галлереями; галерея нижняго этажа обведена арками, а верхняя украшена козлондой. Второй корпусъ, отстоящій отъ перваго черезъ проездъ, имѣетъ одинаковую архитектуру съ первымъ, но этажемъ выше.

На всемъ протяженіи *Нижняго Базара* круглый годъ оживленъ народомъ, но съ начала весны движеніе на немъ усиливается. Около Гостиного двора являются толпы всякаго рабочаго люда, ибо обширное судоходство по Волгѣ занимаетъ здѣсь много рабочихъ рукъ; судопромышленники приписываютъ клады на свои суда и нанимаютъ рабочихъ; *кладчики*, т. е. гуртоные торговцы хлѣбомъ, солью и другими товарами, и прикащики ихъ, запрягаютъ суда подъ перевозку товаровъ. Вездѣ кипитъ дѣятельность; тутъ нашивается артель, тамъ заключаются торговые сдѣлки на десятки и сотни тысячъ рублей. Последнія обыкновенно окончательно утверждаются въ многочисленныхъ гостиницахъ и трактирахъ за порціей чая или сельянка.

Весной, *Нижній Базаръ* и вся нижняя часть города становится еще многолюднѣе. По вскрытіи Волги и Оки, немедленно появляются на рѣкахъ пароходы, суда, лодки, цѣлый тѣсь

мачтъ подымается надъ Волгой и Окой, набережныя залиты народомъ; въ сосѣднихъ улицахъ, на плувучемъ арморномъ мосту, толкотня, говоръ; по вечерамъ раздаются здѣсь пѣсни, и гдѣ нибудь всторонкѣ не рѣдко отхватываютъ лихаго трепака, подъ звукъ балалайки или гармошки.

Съ открытіемъ большой Нижегородской ярмарки, которая официально должна начинаться съ 15-го іюля и кончаться 25-го августа, но на самомъ дѣлѣ начинается не раньше 20-хъ чиселъ іюля—движеніе на *Нижнемъ Базарѣ* нѣсколько ослабѣваетъ; оно постоляется обширностью ярмарки, представляющей безспорно видъ исключительнаго торжища въ цѣломъ свѣтѣ. Эта знаменитая ярмарка, обороты которой простираются на полтора-два сличкомъ миллионъ рублей (въ 1872 г. было привезено товару на 177,522,000, продано на 154,333,000), дѣлаетъ *Нижній Новгородъ* центромъ торговли востока съ Россіей и Европой. Небольшое населеніе города, не превышающее 45,000 человекъ, возрастаетъ во время ярмарки до 200,000. Нельзя себѣ вообразить болѣе пестрой и разноплеменной толпы. Глядя на эту картину, дѣйствительно чувствуешь себя на рубежѣ Европы и Азии. Бухарцы, татары, персіане, армяне, греки, турки, полу-дикіе башкирцы, киргизы, калмыки, даже кунцы изъ Камшира и Тибета, пріѣзжаютъ на нижегородскую ярмарку. *Нижній*—это главнѣйшій базаръ для торговли Россіи съ востокомъ. Произведенія Китая, Бухаріи, Персіи и Закавказья привозятся сюда частью самими азіатами, частью же русскими кушцами, торгующими на азіатскихъ границахъ. Но *Нижній* служитъ складочнымъ мѣстомъ не для одной торговли съ востокомъ; здѣсь кромѣ того, главное мѣсто сбыта для сырыхъ продуктовъ Сибіри и Сѣверной Россіи и для мануфактурныхъ произведеній центральнаго пространства: Москва, губернія Ярославская и Костромская, Шуя, Иваново, посылаютъ сюда свои издѣлія, расходящіяся потомъ во вторыя и третьи руки. Въ торговомъ отношеніи, *Нижній* играетъ значительную роль уже въ шестнадцатомъ столѣтіи. Петръ Великій назвалъ его *великимъ внутреннимъ портомъ Россійскаго государства*, и системой каналовъ соединилъ его съ Балтійскими портами. Это была первая великая эпоха для торговаго значенія Нижняго Новгорода; съ тѣхъ поръ оно стало быстро возрастать, а съ переводомъ изъ *Нижняго* въ 1817 году ярмарки изъ Макарьева, онъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи. Графъ Румянцевъ предсказывалъ, что *Нижній* возвысится современемъ на степенъ третей столицы Россіи. Насколько можетъ оправдаться это предсказаніе—неизвѣстно, но какъ бы то ни было, можно положительно сказать, что по своему географическому положенію, для уральскихъ, сибирскихъ и азіатскихъ товаровъ, *Нижне* всегда останется важнѣйшимъ нашимъ рынкомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Хивинскій походъ. Альбомъ хромофотографій, исполненныхъ заведеніемъ „Винкельманъ и Штейнбоксъ“ въ Берлинѣ по оригинальнымъ рисункамъ. Н. Н. Каразина.

Заведеніе Винкельмана и Штейнбока давно извѣстно русской публикѣ по тѣмъ превосходнымъ воспроизведеніямъ масляной и акварельной живописи, которыя все болѣе и болѣе входятъ въ моду и становятся потребностью въ самыхъ небогатыхъ домахъ. Это заведеніе, первое въ Европѣ по количеству и тщательности исполненія выпускаемыхъ имъ картинъ, располагаетъ громадными элементами производства — какъ матеріальными средствами и техническими приспособленіями, такъ и личнымъ контингентомъ художественныхъ силъ. Тѣмъ пріятнѣе было намъ узнать въ началѣ прошлаго года, что знаменитая фирма приняла на себя труды по изданію произведеній *русскаго* художника и даже сотрудника нашего журнала, Н. Н. Каразина. Читателямъ «Нивы» извѣстно, впрочемъ, какую популярностью пользуется нашъ талантливый оріенталистъ живописецъ и писатель въ Германіи, гдѣ его называютъ *русскимъ Герштеккеромъ*. Давно знакомые съ его альбомомъ рисунковъ изъ хивинскаго похода — по оригиналамъ, хранившимся въ портфелѣ художника, — мы съ нетерпѣніемъ ждали времени, когда эти превосходныя иллюстраціи бытъ-можетъ величайшаго изъ русскихъ походовъ станутъ доступными для всѣхъ и каждаго, — и вотъ, наконецъ послѣ цѣлаго года ожиданій, альбомъ появился въ продажѣ. Но привыкнувъ платить за небольшую акварель въ хромофотографіи отъ 2-хъ и до 6 рублей, мы съ понятнымъ разочарованіемъ услышали, что предлагаемое публикѣ изданіе состоитъ изъ 12 рисунковъ — 4-хъ маленькихъ, 4-хъ среднихъ въ полълиста и 4-хъ большихъ въ цѣлый листъ (10 вершковъ длины и 6½ вершковъ ширины). Каково же было наше изумленіе, когда мы узнали, что весь альбомъ въ красной папкѣ съ объяснительными подписями (по русски, по французски, по нѣмцки и по англійски) обою на тонкой бумагѣ, которую переложены рисунки, — стоитъ всего 18 рублей! Принимая въ разсчетъ количество литографныхъ камней потребныхъ для воспроизведеній разнообразныхъ красокъ и тоновъ, сумму художественныхъ и техническихъ работъ, издержки транспорта и проч., — дешевизна выходитъ по истинѣ невѣроятная.

Хивинскій альбомъ г. Каразина — это живописная эпопея недавняго подвига «бѣлыхъ рубашекъ» въ Средней Азіи, начиная съ выступленія въ походъ и кончая занятіемъ сказочной столицы, до сихъ поръ бывшей недоступною европейскимъ арміямъ. Позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ ознакомить читателей съ этимъ роскошнымъ изданіемъ.

Первая небольшая картина изображаетъ войска, готовя къ походу, на ночлегъ въ кибиткахъ, зимою. На темномъ фонѣ ночи и по снѣгу степи трепещетъ огнистое зарево изъ верхнихъ отверстій отапливаемыхъ кибитокъ, сплоченныхъ рядами въ густую массу. Въ нѣкоторомъ разстояніи цѣпь уединенныхъ часовыхъ и пушки охватили лагерь неподвижнымъ кольцомъ...

Въ *pendants* къ ней — выступленіе Казалинскаго отряда среди бѣлаго яснаго дня съ легкимъ морознымъ освѣтомъ розоватыхъ облаковъ. По широкому, снѣжно-бугристому раздолью степи змѣю вѣется колонна двинувшихся въ походъ. Впереди партія конныхъ везетъ знамя. По бокамъ колонны медленно тянутся выючные верблюды и тарчуютъ туземные всадники. Вдали на заднемъ планѣ — зданія Казалинска.

За тѣмъ слѣдуютъ два продольныхъ пейзажа *à la Pannley* — оба ночные. Въ первомъ надъ густой мглой ночнаго тумана прорывается полный мѣсяцъ и отражается дробясь мелкими огблесками на льду какъ-то плоско въ уровень съ берегомъ разлившихся водъ. Длинная вереница верблюжьихъ силуетовъ устало передвигаетъ ноги; сплошная масса штыковъ сверкаетъ въ блѣдомъ лунномъ свѣтѣ; на первомъ планѣ, во всю конскую прыть мчится туземецъ. Кругомъ затишье безотрадной пустыни. Это переходъ по замерзшимъ солончакамъ. Въ противоположность этому — какое оживленіе на слѣдующей картинѣ! У подножья громаднаго холма, увѣчаннаго сторожевой и какъ-бы насупившейся во мракъ башней съ флаштоккомъ, расположился русскій лагерь; освѣщенные краснымъ свѣтомъ бивачныхъ огней, въ отдаленіи рисуются наскоро-раскинутыя кибитки и бараки, люди массами разстелились по равнинѣ въ ожиданіи давно желаннаго отдыха... Вдругъ нагнало нѣчто грозное, мрачное, безформенное и ужасное въ своей безформенности... Какія-то не то воздушныя, не то сыпучія волны, цѣлыя груды напирющихъ другъ на друга волнъ — бѣшено мчатся по небу, охватывая лагерь, внося хаотическій беспорядокъ и смятеніе, затемняя самую луну, мелькающую въ обрывкахъ легучихъ облаковъ... Люди, животныя все смѣшалось въ переполохъ... Лошади безъ всадниковъ, люди съ обнаженной головой — мечутся во всѣ стороны и сталкиваются въ темнотѣ, подхваченные и увлекаемые вихремъ... Это ночной ураганъ и тренога на урочищѣ Халъ-ата.

Содержаніе слѣдующихъ двухъ маленькихъ картинокъ — стычка полковника Иванова съ тюркменами и сорванная вихремъ палатка — трудно передать на словахъ. Надо видѣть всю эту бездну

движенія въ первой — переѣзжавшихъ русскихъ пѣхотинцевъ и конныхъ яркоцвѣтныхъ халатниковъ, опрокинутыхъ коней, поверженныхъ бойцовъ, тамъ и сямъ выставлы, освѣщающіе маленькую группу и зловѣщій тонъ неба, — илп, на ея дружкѣ, треплющихся въ вихрѣ полотно и веревки кувыркающей палатки, гривы испуганныхъ лошадей и смятеніе застигнутыхъ врасплохъ постояльцевъ походнаго шатра...

Переходимъ къ большимъ рисункамъ — первымъ по хронологическому порядку является «Парадъ при поднятій флага въ новозаложенномъ укрѣпленіи *Благоуспенскомъ* (фортъ Иркибай)». Ясное, тихое утро въ песчаной степи, устланной походными кибитками; на громадной терасѣ, вздымающейся высокими крутыми уступомъ, поросшей карагачемъ и низкорослыми кустарниками, высятся земляныя стѣны укрѣпленія; въ воздухѣ полощется только что выкинутый флагъ и разстилается бѣлый дымокъ перваго салюта изъ пушки, рѣзко отдѣляющійся отъ небеснаго фона. Красоты впечатлѣнія этого одинокаго облака невозможно передать — кажется слышишь гулъ самаго выстрѣла... Стадо верблюдовъ въ правомъ углу картины такъ и шархнулось восторону; пестрая кучка азіатцевъ оживленно толкуется на первомъ планѣ, глядя съ обрыва горы на парадъ бѣлыхъ рубашекъ, которыхъ плотно сомкнутыя, стройныя массы занимаютъ глубину площади у подножья естественной твердыни подъ укрѣпленіемъ...

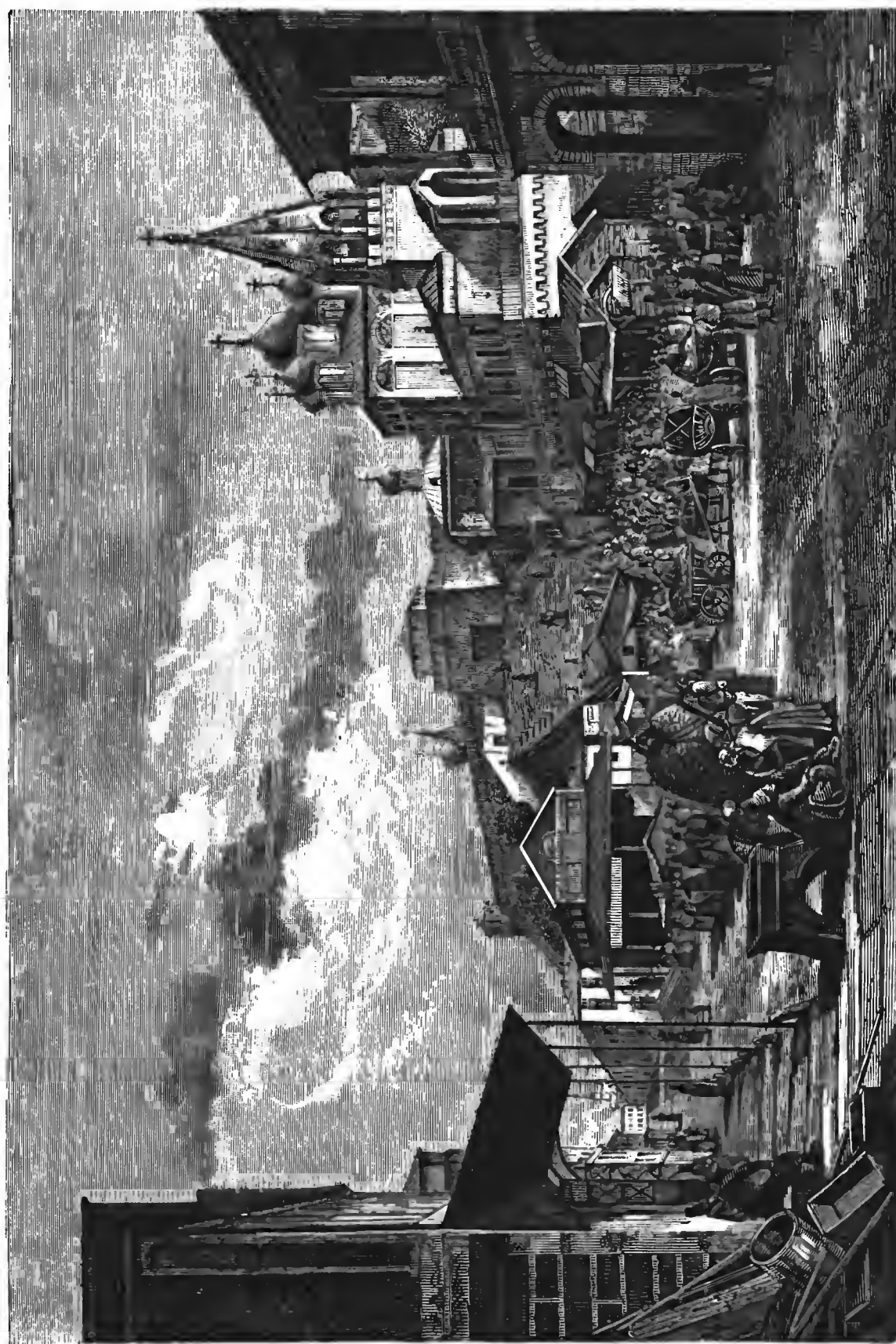
А вотъ передъ нами всѣ ужасы Адамъ-Крылгана (человѣчья погибель) съ его безводными урочищами. Раскаленный песокъ въ какой-то лучезарной мглѣ, если можно такъ выразиться, представляется совершенно бѣлымъ; особенно горы задняго плана — точно сплошь мѣловыя, и по нимъ-то вѣется разорванной лентой измученный походомъ, истомленный жаждой туркестанскій отрядъ... По обѣ стороны колонны степь буквально завалена павшими животными — верблюдами и лошадьми; тамъ и сямъ видны группы, слияющіяся поднять на ноги изнемогающую подъ выюкомъ скотину; полковыя собаки, высунувъ языки и поджавъ хвостъ, бродятъ какъ чумныя... По дорогѣ, пролегающей нѣ срединѣ картины, съ неимоверными усиліями коней и прислуги слѣдуетъ артиллерія... Страшное напряженіе послѣднихъ силъ чувствуется на каждомъ шагѣ — въ этихъ понуренныхъ конскихъ мордахъ и натянутыхъ постромкахъ, въ этой подмогѣ солдатъ, дружно подталкивающихъ орудіе сзади... Слѣва, на взгорьѣ, расположились начальники отряда съ своимъ штабомъ, задумчиво слѣдящій за движеніемъ отряда...

Какъ бы отдыхомъ для глаза, утомленнаго безграничнымъ просторомъ степей, при всѣмъ разнообразіи колорита и освѣщенія, служатъ два слѣдующіе рисунка въ *pendants* одинъ другому — «перевалъ артиллеріи и выючнаго обоза черезъ горы Аристанъ-белъ-тау». Съ ужасающей крутизны, надъ самымъ краемъ обрыва, обозначеннаго синеватымъ тономъ дальнѣйшихъ склоновъ, спускается батарея изъ нѣсколькихъ двухконныхъ и четырехъ-конныхъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ. Трудность пути мастерски передана въ постановкѣ фигуръ: всѣ онѣ — люди и кони какъ-то расшатаны; напоръ тяжелаго орудія, подпрыгивающаго по неровностямъ дороги, явно сбиваетъ ихъ съ естественныхъ положеній тѣла; верховые откидываются на крупъ, пѣшая прислуга напрягаетъ всѣ усилія, чтобъ затормозить движеніе раскатившихся пушекъ. Надъ батареей, высоко въ воздухѣ кружатся два горные орда. — На другой картинѣ тоже самое происходитъ съ обозомъ верблюдовъ — эти корабли пустынныхъ равнинъ оказываются вовсе несостоятельными въ горныхъ переходахъ. Солдаты руками подпираютъ выюки, чтобъ животное не опрокинулось на-сторону и не скатилось по крутизнѣ въ бездонную пропасть. Краснохалатные вожаки (лаучи), важно возсядая на мохнатыхъ горбахъ, распоряжаются движеніемъ... Справа на обрывѣ скалы кучка оицеровъ своими жестами и видимымъ участіемъ дополняютъ впечатлѣніе.

Слѣдующій за тѣмъ большой рисунокъ представляетъ видъ Хивы передъ воротами ханскаго дворца. Оригинальность архитектуры, скульптурныя украшенія колоссальной башни, вычурность стили зданій — переданы художникомъ чуть не съ фотографическою точностью въ деталяхъ. На площаді у дворцовыхъ воротъ происходитъ парадъ побѣднаго отряда съ распущенными знаменами. Плоскія кровли домовъ усыпаны любопытными туземцами въ ихъ живописныхъ костюмахъ.

Наконецъ послѣдняя картина — сраженіе подъ Чандыромъ 13 іюня 1873 г. — просто неопишимо. Дѣло происходитъ ночью при освѣщеніи выстрѣлами и цѣлымъ снопомъ ракетъ, пускаемыхъ изъ конгревовыхъ станковъ. Сшибка русской и тюркменской конницы воспроизведена во всѣхъ разнообразныхъ подробностяхъ мастерской кистью батальнаго живописца.

Повторяемъ, нельзя не поблагодарить автора за крайнюю умирненность назначенной имъ цѣны своему альбому. Не говоря уже о томъ, что подобная коллекція можетъ служить лучшимъ

Нижній базаръ въ Нижнемъ Новгородѣ. Съ рисунка проф. Боголюбова, рис. Космаковъ, грав. К. Вейерманъ.

настолярным украшением любого кабинета, — если вставить картины в рамы — их достанет с избытком, чтобы завешать ими самую большую комнату. Что же касается гг. подписчиков «Нивы», которые пожелали бы приобрести это издание, — то редакция, как и всегда стараясь предупреждать их

желания, вошла в соглашение с автором, по которому обращающиеся с требованиями в контору нашего журнала могут выписывать альбом с уступкою 20%, т. е. выслать вместо 22 р. только 18 р. 40 к. (с пересылкою). Особенно рекомендуем это издание полковым библиотекам и учебным заведениям.

Политическое обозрение.

Внимание всей Европы в настоящее время сосредоточивается на событиях во Франции и в Испании. Раздираемая внутреннею борьбою различных партий, оба эти государства для скорейшего умиротворения и устройства деля на развалинах старого порядка, стремятся, путем всевозможных уступок и соглашений, создать такое положение вещей, при котором могли бы сойтись интересы прогрессистов с интересами консерваторов, требования духа времени с преданиями и обычаями старины, — выгоды и преимущества отдельных сословий с общим благом всей страны. А так как соглашение и удовлетворение столь разнородных требований — если не невозможно, так во всяком случае весьма затруднительно, то и ожидаемое умиротворение подвигается вперед чрезвычайно медленными шагами. Заполучившая Франция переживает в настоящее минуту особенно тяжелые испытания. Можно сказать даже, что теперь для нее наступил такой кризис, от которого будет зависеть не только ее личное спокойствие, как одной из первостепенных держав Европы, но даже успехи прогресса и цивилизации вообще. Весь февраль месяц Национальное Собрание занималось обсуждением проектов конституционных законов, представляемых ему правительством Мак-Магона. От принятия или непринятия этих законов, в особенности же от самого характера их разработки в Собрании, а также от формирования их, зависело упорочение той формы правления, над установлением которой хлопотать лучшие люди страны вот уже несколько лет кряду. Быть или не быть республике во Франции — вот вопрос, занимающий умы всех и по настоящее время. Этот вопрос не представлял бы особенной важности, если бы дело касалось какой-либо другой страны; но для Франции он имеет решительное значение, ибо с разрешением его тесно связано и внутреннее спокойствие этого государства. Партия республиканская во Франции, после неуспешного опыта с двумя империями и с несколькими королевствами, приобрела в последнее десятилетие весьма значительное число сторонников; южные департаменты, всегда отличавшиеся холодностью к монархическому началу, с особенною ретивостью высказывают теперь свои республиканские симпатии и убийства. Склонности и влечения Парижа, вместе с его департаментом, также очень хорошо известны. Вот почему, едва ли где найдется другая страна, в которой почва для борьбы между приверженцами той и другой формы правления была бы подготовлена в такой степени, как именно во Франции. Читатели помнят, что, в предшествующие годы, к борьбе между двумя важнейшими партиями, республиканской и монархической, присоединился еще раскол в среде самих приверженцев монархизма, — что одни из этих последних, проповедуя восстановление в их отечестве монархии, представляли ее не иначе как империю, с Наполеоном IV во главе; другие прочли на престоле Франции принцип орлеанского дома; наконец, третьи стояли за графа Шамбора. В настоящее время горизонт несколько разъяснился — и вместо четырех-пяти политических партий, борьба идет, собственно говоря, только между двумя из них — правой, стоящей за монархию, и левой, мечтающей об утверждении республики. Правда, бонапартисты, стремящиеся к восстановлению третьей империи, высказывают в настоящую пору особенное оживление; но это оживление — не более, как последние усилия умирающего, старающегося поднять голову и сдвигать движение, за которым должна воспоследовать неминуемая и скорая смерть.

Конституционные законы, о которых сказано выше, имеют целью установление сколько-нибудь определенного порядка вещей, при котором Франция могла бы, наконец, почувствовать под собой хоть какую-нибудь почву. Между ними, особенное значение в глазах всей палаты имела проект закона об учреждении Сената, как законодательного собрания и как высшей государственной власти страны. На это учреждение должен был, согласно проекту, опираться глава исполнительной власти, так как в назначении сенаторов предоставлялось ему, и только ему одному, и так как, с другой стороны, самое распушение палаты зависело вместе от сената и от главы исполнительной власти. Проект этот возбудил борьбу между его сторонниками и противниками до такой степени, что можно было опасаться за самое Национальное Собрание, которое, в крайнем случае, подверглось бы распушению со стороны президента республики маршала Мак-Магона. К счастью, дело до этого не дошло и, вместо предполагавшегося разлада в палате, вдруг образовалось счастливое большинство, вотировавшее конституцию республики большинством 425 голосов против 254, в следующих общих положениях: законодательная власть в государстве принадлежит палате депутатов, избираемых всеобщей по-

дачей голосов, и сенату, составленному из 300 членов, из которых 75 выбираются национальным собранием, т. е. палатою депутатов вместе с сенатом, а остальные 225 — департаментами и колониями. Исполнительную власть составляют президент республики, избранный на 7 лет, и его министры. Выбор президента производится палатою депутатов и сенатом, которые соединяются вместе в одно общее национальное собрание. Глава исполнительной власти принадлежит почин в составлении законопроектов, которые представляются на обсуждение и утверждение палаты депутатов и сената; по принятии ими последними того или другого закона, президент республики публикует его всеобщее сведение и чрез органы своей власти наблюдает за точным его исполнением. Назначение служащих на все военные и гражданские должности принадлежит ему же; в руках его находится также и армия. Министры ответственны пред национальным собранием все вместе и каждый порознь; президент республики ответствен лишь в случае государственной измены. Палате депутатов и сенату предоставляется право, по совещании между собою или по требованию президента, заявлять о необходимости пересмотра конституционных (учредительных) законов; до истечения же срока полномочий маршала Мак-Магона, т. е. до 20 ноября 1880 года, пересмотр конституции может состояться лишь по желанию президента республики. Что касается до сената, то ему даны весьма важные полномочия, а именно: сенаторы от департаментов и колоний избираются на девять лет, и смещаются по третям, через каждые три года; сенаторы же, избираемые национальным собранием, несменяемы; сенат, в случаях особой важности, может быть обращаем в верховный суд над президентом республики, министрами и вообще лицами, посягающими на безопасность государства. Сенатором может быть только француз родом, не менее как сорока лет, и пользующийся притом всеми политическими и гражданскими правами.

Судя по характеру принятых собранием конституционных законов, можно заключить, что вотировавшее их большинство сошло на мысли об установлении во Франции так называемой *консервативной республики*. Организация сената из лиц не по назначению президента, а по выбору провинций и представителей народа в национальном собрании, предотвращает возможность частых столкновений между обоими палатами, а назначение для сенаторов сорокалетнего возраста, как минимального, — служит до некоторой степени ручательством за устойчивость их убеждений, вполне уже сформировавшихся, и притом скорее консервативных, нежели либеральных. Такое усиление консервативного элемента, созданного не искусственными мерами, а взятого прямо из нутра народных, не может не повлиять благоприятно на упорочение во Франции существующей в настоящее время — формы правления и тем доставить ей спокойствие внутри и значение извне. Теперь дело стоит только за образованием подходящего к настроению минуты министерства. Взоры маршала и значительной части Национального Собрания обратились в настоящее время на Бюффе, президента Национального Собрания, единственного человека, пользующагося доверием большинства и известного своим беспристрастием. По последним известиям он согласился составить желаемое министерство и с этою целью уже вступил в переговоры с представителями различных парламентских групп. До сих пор (26 февраля по ст. стилю) еще известен состав нового министерства; есть основание, однако, предполагать, что оно будет состоять из представителей умеренных партий собрания, т. е. из членов правой и левой центра. Бонапартисты, отодвинутые на задний план, вызывают всеобщее к себе нерасположение, особенно после разоблачений, сделанных депутатом Савари в Национальном Собрании по поводу происков бонапартистов на выборах в Ньеврском департаменте. Раздраженные этими разоблачениями, сторонники третьей империи ежeminутно прерывали оратора, пуская в ход даже ругательства, в род: «это ложь!» «это подлость!» и проч. Но Савари, с невозмутимым хладнокровием, продолжал свою обвинительную про них речь, выяснившую многим из обстоятельств бонапартистского заговора. По словам докладчика, во главе подпольной организации стоял правительственный совет, состоящий из министров второй империи; кроме этого, руководящего всем движением комитета, существует еще нечто в род государственного совета; есть особый агент печати. На обязанности которого лежит руководство преданными бонапартизму газетами, а также создание новых, действующих в том же направлении; у бонапартистов есть даже своя подпольная полиция не только в

Парижѣ, но и въ провинціи; есть у нихъ свои пресекты, дѣйствующіе рядомъ съ правительственными, особенно на выборахъ кандидатовъ въ національное собрание. Прокси бонапартистовъ состоятъ въ изданіи и распространѣніи бонапартистскихъ брошюръ, газетъ, фотографій, въ подстрекательствахъ къ подачѣ адресовъ, просьбъ, въ побѣздахъ съ поздравленіями въ Чизльгерстѣ, къ принцу Наполеону, въ устройствѣ молебновъ и вообще торжественныхъ служеній въ дни, особенно дорогіе бонапартизму, и т. д. Комиссіей, названной для изслѣдованія бонапартистскихъ происковъ, открыты еще и другія дѣйствія ихъ, а именно: подкупы и устрашеніе чиновниковъ, жандармовъ, полиціи и даже войска; пропаганда въ арміи, между политическими преступниками и въ средѣ рабочихъ; наконецъ стараніе залучить на свою сторону прежнихъ и нынѣшнихъ враговъ своихъ—соціалистовъ. Къ довершенію всего, бонапартисты распускаютъ слухъ, что Макъ-Магонъ (!!) возстанетъ во Франціи монархію съ Наполеономъ IV на престолѣ.

Положеніе дѣлъ въ Испаніи, со времени провозглашенія Альфонса XII королемъ, почти не улучшилось. Военныя дѣйствія карлистовъ на сѣверѣ и сѣверозападѣ государства не только не уменьшаются, но еще захватываютъ все большее и большее пространство; агитация въ пользу донъ-Карлоса проникла уже въ центральныя провинціи и чуть-ли не достигла даже Мадрида. Ни путешествіе короля въ главную квартиру своихъ войскъ, ни постоянныя смѣны военачальниковъ въ дѣйствующей противъ карлистовъ арміи, ни общія амнистіи (прощенья добровольно сдающимся), вмѣстѣ съ приѣмомъ на службу въ королевскія войска и съ дарованіемъ различныхъ выгодъ,—ничто, пока, не помогаетъ. Молодой король, признанный уже почти

всеми изъ европейскихъ державъ, однако, не унываетъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выслушиваетъ рѣчи новыхъ посланниковъ, аккредитованныхъ при его Дворѣ. Въ рѣчахъ англійскаго и шведскаго посланниковъ довольно категорически выражается желаніе, чтобы общаніе короля—поддержать и укрѣпить въ Испаніи вѣротерпимость—не осталось мертвой буквой, но перешло бы въ самое скоромъ времени отъ словъ къ дѣлу. Правительство же императора Вильгельма—и самое признаніе новаго правительства въ Испаніи поставило въ зависимость отъ утвержденія въ этой странѣ начала вѣротерпимости. А тутъ еще, какъ-на-зло, пущенъ былъ слухъ о какихъ-то тайныхъ приготовленіяхъ въ средѣ республиканской партіи, хлопочущей будто-бы о возвращеніи къ прежнему порядку вещей, т. е. къ восстановленію въ Испаніи республики. Въ отвѣтъ на эти слухи, послѣдовало со стороны представителей испанскаго республиканства заявленіе въ газетахъ, что сторонники этой формы правленія признаютъ законность нынѣшняго правительства Испаніи и, пока еще, ничего не предпринимаютъ для осуществленія своихъ давнишнихъ желаній. Какъ бы то-ни-было, но положеніе короля Альфонса, поставленнаго между нѣсколькихъ огней, далеко не можетъ быть названо блестящимъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ не можетъ считаться утѣшительнымъ и положеніе цѣлой страны, сильной не просвѣщеніемъ своимъ, а предрассудками, раздражаемой безконечными междоусобицами, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовой на подвиги самаго высокаго, хотя и не одинаково понимаемаго патріотизма—страны, захваченной руками религіозныхъ фанатиковъ, создавшихъ изъ религіи орудіе для политической пропаганды и для своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей.

Разныя Извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 19-го сего февраля, въ Гербовомъ залѣ Зимняго Его Императорскаго Величества Двора, была Высочайшій обѣдънный столъ на 400 персонъ, въ 6 часовъ, по случаю столѣтняго юбилея со дня сформированія лейб-гвардіи гусарскаго Его Величества полка.

Дѣла церкви.

— „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ слышалъ, что кадіяхъ членами св. синода окончены и приобрѣны изъ послѣдней редакціи переводъ священныхъ книгъ ветхаго завета, написанныхъ на еврейскомъ языкѣ. По этому поводу „Вѣстникъ“ замѣчаетъ: „Сдѣлана большая и труднѣйшая часть этого монументальнаго труда. Теперь остается только перевести немногихъ (ненаноническихъ) книгъ ветхаго завета, которыя написаны или дошли до насъ въ греческомъ текствѣ и уже не представляютъ тѣхъ огромныхъ трудностей для перевода, какими отличаются книги, написанныя на еврейскомъ языкѣ“.

— Въ понедѣльникъ, 17-го февраля, къ дѣлншей духовной академіи происходилъ ежегодный публичный актъ. Отчетъ о состояніи академіи за 1874 годъ читалъ экстраординарный профессоръ Гривинъ. Изъ этого отчета видно, что къ настоящему времени въ академіи всѣхъ преподавателей 29, изъ нихъ штатныхъ—7; всѣхъ учащихся считается 159, изъ нихъ—120 казенныхъ студентовъ, 30 свободныхъ, 6 стипендіатовъ свѣтлѣшаго синода, 1 стипендіатъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ и 2 вольнослушатели. По обзорнн дѣятельности академическаго совѣта и профессорствъ, которыя, сверхъ непосредственныхъ своихъ обязанностей, вѣли еще не мало другихъ занятій, болѣею частью лектурныхъ и иныхъ, въ отчетѣ“ представлены нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ академическомъ біографіи. Въ ней находится слѣдующее: 20,000 названій; въ прошлую году она увеличилась, между прочимъ, рѣдкими приобрѣтеніями изъ московскаго румянцевскаго музея, съ которыми академія помѣнилась своими любезностями (около 150). Книги, присланныя изъ музея, принадлежатъ изъ старинныхъ изданій церковно-славянскій печати, иачекая съ XIV вѣка и позднѣе, и между ними обращаетъ на себя вниманіе „Апостолъ“, изданный при первомъ самозванцѣ и лжепатріархѣ Игнатіи.

Военное и морское дѣло.

— Въ писемѣ, отъ 24-го января, изъ лагеря у Нукуса, „Московскимъ Вѣдомостямъ“ передаютъ слѣдующія подробности: „Безпрестанные грабежи и разбои туркменскихъ племенъ къ Хинискомъ Ханствѣ, неокорство ихъ хану, неплатель туркменамъ наложенной на нихъ контрибуціи вынудили начальника аму-дарьинскаго отдѣла двинуться съ отрядомъ на лѣвый берегъ Аму. Наканунѣ путешествія былъ сформированъ отрядный штабъ, составъ котораго слѣдующій: адъютантъ штаба—штабсъ-капитанъ Германъ, назначенъ отряда штабсъ-капитанъ Рыбушкинъ, офицеръ по военной части—поручикъ Топоринъ, ординары при начальникѣ всего отряда—есаулы Мавейскій и сотникъ Казанцевъ, начальникъ пѣхоты подполковникъ Комаровъ, начальникъ кавалеріи полковникъ Новокрещеновъ. 6-го января было заготовлено 300 арбъ нодъ тяжести, а 7-го января, въ 9½ часовъ, послѣ мѣлествия, выступилъ отрядъ пѣхоты, состоящій изъ шести ротъ, при шести орудіяхъ, и кавалеріи горного дивизіона. Пѣхота съ артиллріей двинулась по направленію къ Нукусу, а вечеромъ того же дня достигла до города Шабазъ-Вали. На другой день, 8-го января, двинулась кавалерія, къ составѣ 2½ сотенъ, которая къ вечеру и достигла пѣхоты къ городѣ Бѣй-Базаръ. 9-го января весь отрядъ слѣдовалъ на озеро Кара-Куль, 10-го января на Хаджа-Куль; здѣсь достигъ отрядъ полковникъ Иканевъ (начальникъ отряда), который к слѣдовалъ вмѣстѣ съ отрядомъ 11-го января на Камышлы, 12-го на Бѣй-Уй-

ротъ; 18-го достигли Нукуса и расположились лагеремъ изъ четырехъ перстахъ отъ укрѣпленія. Сегодня у насъ дѣвка, а завтра, 15-го января, переезда здѣсь же, на барказахъ, и частью, если конвоитъ лѣдъ, пѣхота перейдетъ по льду; барказы уже приготовлены; сверхъ того, изъ укрѣпленія Нукуса идутъ еще два орудія поднижкаго извода—это будетъ восемь орудій. Здѣсь, въ Нукусѣ, остается одна рота 8 батальона, изъ нашего отряда, которая поступитъ для закрѣпленія гарнизона въ Нукусѣ, а отсюда поступаютъ къ намъ въ отрядъ двѣ роты 4-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона (которыя до сего времени занимали гарнизонъ въ Нукусѣ). Такимъ образомъ, нашъ отрядъ состоитъ теперь изъ семи ротъ пѣхоты, съ ракетными дивизионами, при восьми орудіяхъ. Роты полныя, по военному положенію. Отрядъ снабженъ значительнымъ количествомъ боевнхъ снарядовъ и патроновъ, именно: сверхъ лимбическихъ въ сумкахъ у каждаго солдата 60 патроновъ, везется еще на каждаго по 100 патроновъ. Отрядъ снабженъ значительнымъ количествомъ провіанта, чаемъ, сахаромъ и другими продуктами, вообще всѣмъ необходимымъ. Люди идутъ бодро и хорошо, не извѣрая на то, что вслѣдствіе оттепели была грязь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; больныхъ почти нѣтъ. Погода стоитъ теплая и ясная“.

Пути сообщенія и каналы.

— Въ Министерство Путей Сообщенія поступило, какъ сообщается въ „Олонскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, ходатайство частныхъ предпринимателей о предоставленіи имъ сооруженія Бѣломорско-Онежскаго кодажнаго пути.

— Сѣверо-западная часть Ставропольской губерніи, составляющая бассейнъ рѣки Егорлыкъ, занимающей 13.000 кв. верстъ, представляетъ собою богатую степную полосу съ превосходными пахотными землями и обильными пастбищами. Населеніе этого бассейна, простирающагося по повѣтрнымъ численіямъ, до 100.000 человѣкъ, занято главнымъ образомъ скотоводствомъ и откормомъ гуртовъ, предназначенныхъ для отравленія въ Россію. Въ совѣтствіи, выработка львовъ въ верховьяхъ Егорлыка влечетъ на уменьшеніе ноды въ рѣкѣ, которая ко время продолжительныхъ жаровъ начала уже обращаться къ цѣль прудовъ и луговъ съ загнивающимъ кодомъ. Въ виду всего этого, губернскаго начальство Ставропольской губерніи, приди къ заключенію о необходимости обводненія рѣки, приступило къ производству изысканій между Кубанью и р. Большой Егорлыкъ. Результатомъ этихъ изысканій, произведенныхъ гг. Адамокинцемъ и Булашеничемъ, былъ планъ канала въ 22 вер. 200 саж. для проложенія ноды изъ Кубаня. Но дороговизна сооруженія этого канала заставила обратиться къ изысканію другихъ способовъ. Вскорѣ при Кавказскомъ отдѣленіи русскаго техническаго общества составился особая коммисія, съ цѣлью окончательнаго изученія въ техническомъ и финансовомъ отношеніяхъ вопросъ объ обводненіи Егорлыка. Производило работъ и составленіе проекта по этому предмету поручено было г. Агапону, который и представилъ къ отдѣленію общества отчетъ о своихъ работахъ. Въ отчетѣ отъ г. Агапона высказываютъ мнѣніе о возможности устройства обводнительнаго канала длною въ 68 версты по такимъ мѣстностямъ, гдѣ не потребуются ни большія земляныя работъ, ни сложныхъ искусственныхъ сооруженій. Приблизительная стоимость канала исчислена въ 440.900 рублей.

Музыка и театр.

— „Голосу“ сообщаютъ, что солистъ Его Императорскаго Величества и профессоръ петербургскаго консерваторіи, скрипачъ Леопольдъ Ауэръ и фортепианистъ Юсифъ Венликъ предпринимаютъ артистическое путешествіе по Россіи предоставляяъ великимъ постомъ. 2-го марта они дадутъ концертъ въ Рязани, 4-го въ Тамбовѣ, 6-го въ Саратовѣ, 10-го въ Орлѣ, 11-го въ Курскѣ, 12-го въ Харьковѣ, 13-го въ Полтавѣ, 14-го въ Елиса-

ветградѣ, 16-го въ Хавьковѣ, 18-го въ Тулѣ, 21-го въ Москвѣ, въ концертъ русскаго музыкальнаго общества, и 23-го тамъ же собственнаго концертъ г. Ауэра, безъ участія г. Вѣнянскаго, и, наконецъ, 30-го марта въ Петербургѣ, также безъ участія г. Вѣнянскаго.

— 17-го февраля, въ Парижѣ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ устроилъ, при участіи Бларо-Гарсін, г-жи Есиповой, Давыдова и Н. С. Курочкина, музыкально-литературное утро. Собръ съ него назначенъ къ устройству русскаго читальни, предназначенной служить мѣстомъ соборанія многочисленной нашей колоніи въ Парижѣ.

Спортъ.

— На дняхъ въ окрестностяхъ знаменитаго по своей живописности села Токоса, пущенъ въ „Пчелѣ“—нужкомъ любителей охоты была устроена охота на волковъ, любопытная въ томъ отношеніи, что въ ней участвовали двѣ молодыя дѣвушки, сестры Соколовны. Обѣ охотницы владѣютъ ружьями съ искусствомъ лучшаго стрѣлка и отличаются необыкновенною смѣлостью. Ими были убиты въ настоящій разъ три волка и козляка. На охотѣ онѣ были одѣты въ особый, чрезвычайно красивый костюмъ, состоящій изъ черныхъ пальто и темной куртки, вышитой золотомъ.

Литература.

— Мѣстная газета сообщаетъ, что съ марта въ Москвѣ будетъ выходить ежемѣсячный журналъ „Политехникъ“, изъ размѣръ четырехъ печатныхъ листовъ.

— По словамъ „Кавказа“, учитель башкирской гимназіи, мусульманинъ Гасанъ-Бекъ-Меликовъ, съ марта будетъ издавать газету на азербѣйжанскомъ нарѣчій. Это тотъ самый Меликовъ, который проектировалъ въ прошломъ году газету „Акичъ“ (Пахарь).

— На основаніи Высочайше утвержденнаго, 14-го іюня 1868 года, положенія Комитета Министровъ къ согласно заключенію совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, 19-го февраля, опредѣляетъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Голосъ“.

Неочастія.

— Изъ вѣдомости о пожарахъ, номѣщенной въ „Придворномъ Вѣстникѣ“, видно, что всего въ 1874 году было въ Россіи 26,326 пожаровъ, на 58,897,888 р. Изъ общаго числа пожаровъ произошли отъ поджога или при подозрѣніи въ ономъ 3,764, отъ невѣзистыхъ причинъ 14,882, отъ неосторожности 7,043, отъ молніи 637.

— Изъ вѣдомости о пожарахъ, составленной изъ доносеній губернаторовъ, поступившихъ къ департаменту полиціи исполнительной къ теченію января мѣсяца нынѣшняго года, видно, что въ минувшемъ январѣ всего въ Россіи было 1,727 пожаровъ, къ томъ числу отъ поджога или при подозрѣніи въ ономъ 254, отъ невѣзистыхъ причинъ 950, отъ неосторожности 523. Убытокъ (по 232 случаямъ непоказаннымъ) простирается до 2,872,440 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ Гарри фонъ-Арнимъ (съ портретомъ). — Римскіе гладиаторы (съ рисункомъ). — Блудящіе огоньки (Автобіографія Протцева). Соч. Н. С. Лѣткова (Стебникова) (продолженіе). — „Маленькая смерть (съ рисункомъ). — Халдеиска христіанская община на берегахъ озера Урми. — Нѣкій Вазрукъ въ Никнезмъ-Ногорохѣ (съ рисункомъ). — Художественное извѣстіе. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Даровое приложеніе: МОДЫ за Мартъ съ 8 рисунками и листъ чертеней выкроекъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Сего 1-го МАРТА вышла и разслана подписчикамъ III-я, МАРТОВСКАЯ,
книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Записки войска Донскаго атамана Адрияна Денисова: казаки за Дунаемъ; — Багратіонъ; — Платовъ; — 1812-й г.; — генералъ-адъютантъ Чернышевъ на Дону; — несогласіе съ нимъ; — отставка и проч. — II. Князь Григорій Потемкинъ-Тавричскій, очеркъ его жизни и его переписка съ Варварой Энгельгардтъ. — III. Тайная Канцелярія въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, 1741—1761 гг. — IV. Генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау: военныя дѣйствія на Кавказѣ въ 1833—1835 гг. — V. Александръ Ивановичъ Тургеневъ. нѣсколько о немъ припоминаній акад. И. П. Срезневскаго — VI. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: письма его къ г. Скандербеку, съ примѣч. В. В. Стасова. — VII. Александръ Федоровичъ Воейковъ, 1779—1839 гг.: 1) Забѣтки о немъ его пріятеля; 2) „Домъ сумасшедшихъ“ по подлинной рукописи автора; 3) Изображеніе автора „Домъ сумасшедшихъ“ въ 1831 г. — VIII. Адамъ Мицкевичъ: какъ и когда писался „Панъ Тадеушъ?“ статья Н. В. Берга. — IX. Постлѣдніи польская смута, рассказы Очевидца: маркизъ Велепольскій и Польша въ іюнѣ 1862 г.; — поляки-эмигранты; — молитва пилигрима; Мирославскій; — злодѣйство Ярошпскаго 21 іюня 1862 г.; — пилигримская литанія и пр. — X. Листки изъ записной книжки „Русской Старинѣ“: 1. Изъ семейныхъ бумагъ С. Г. Боборыкина; — 2. Примѣры гласности въ царствованіе Александра I: а) Смерть г-жи Араужо 1802 г.; б) неосновательные толки 1809 г. — 3. Контузія фельд-маршала Паскевича въ 1854 г., рассказъ доктора. — 4. Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ: анекдоты о немъ, его шутки и остроты. — 5. Севастопольская пѣсня, 1855 г. — 6. Братья Каржавины. — 7. М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой и Н. Ф. Павловъ. — XI. Петербургская Старина: новости, объявленія и рѣ-

шенія императора Павла на подаваемые просьбы въ 1798 г.

При этой книгѣ приложены портреты: атамана войска Донскаго Адрияна Денисова и автора сатиры „Домъ сумасшедшихъ“ А. Воейкова, гравироваль акад. А. А. Сѣряковъ.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г., 1873 г., и 1874 г. разошлась сполна по подпискѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 г., изданіе второе, можно получить всѣ 12-ть книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой (осталось 75 экземпляровъ).

ПОДПИСКА на „Русскую Старину“ изд. 1875 г. продолжается. 12-ть книгъ, съ портретами, рисунками и проч. приложеніями.

Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ — въ книжномъ магазинѣ А. Ө. Базунова (Невскій. 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Пв. Григорьевича Соловьева — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, въ д. Трута, кв № 12.

Примѣчаніе. Вслѣдствіе многократныхъ требованій редакція приступаетъ къ новому (третьему) изданію перваго года „Русской Старинѣ“, т. е. 1870 г., двѣнадцать книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ прислать въ скорѣйшемъ времени свои о томъ заявленія, такъ какъ по числу этихъ заявленій будетъ напечатано число экземпляровъ новаго изданія „Русской Старинѣ“ 1870 г. Цѣна будетъ 8 руб. съ пересылкой.

Библиотека для чтенія

В. Д. КАШИНА

Принимаетъ подписку на чтеніе книгъ и журналовъ по тремъ разрядамъ: съ платой въ годъ 16 руб. 12 руб. и 8 руб. и въ мѣсяцъ 2 р. 1 р. 50 к. и 1 р. Каталогъ и Прибавленіе къ нему (до 8000 названій) выдаются подписчикамъ бесплатно на все время ихъ чтенія, ц. 80 к.

Библиотека имѣетъ помѣщеніе такъ-же, гдѣ и Книжный Магазинъ В. Д. Кашина (Москва, Б. Лубянка, д. Мазуринной).

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Бурггардта, Вас. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 5.

8—6

ГАРМОНИУМЫ (фисгармоники)

20 различныхъ величинъ и цѣны отъ 100 до 750 руб. фабрики Краусса отъ 100 до 550 руб.

АМЕРИКАНСКІЕ LOTTAGE ORGANS

Знаменитой фабрики I. Эстей и Ко въ Бретльборо въ Америкѣ.

цѣною отъ 450 р. до 800 рублей.

Фабрика эта есть самая громаднѣйшая въ мірѣ и работаетъ гармоніумы въ 50 величинахъ и формахъ, иллюстрированный каталогъ которыхъ можно видѣть у агента этой фабрики.

Петра Ивановича Юргенсона,

въ его музыкальной торговлѣ

ВЪ МОСКВѢ, ПЕТРОВКА № 6.

Тутъ-же имѣются пѣанно и рояли цѣною отъ 350 р. до 2400 р.

Опытъ русско-украинскаго словаря, сост. М. ЛЕВЧЕНКО.

Цѣна съ перес. 1 руб. 30 коп.

КІЕВЪ. Книготорговля ЛЕВЧЕНКО и ИЛЬНИЦКАГО.

3—1

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ КНИГА

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ А. И. Стахѣева.

2 тома, болѣе 700 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.

4—3

Съ Января мѣсяца

ВЪ ГАЗЕТѢ

„РУССКІЙ МІРЪ“.

Начинается печатаніе исторической повѣсти

Вс. В. КРЕСТОВСКАГО:

„ДѢДЫ“.

5—5

Во всѣхъ Книжныхъ Магазилахъ въ Петербургѣ и Москвѣ продается

КНИГА

ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКИ

соч. Миссъ Джессъ-Вэлкъ переводъ съ Англійскаго.

Цѣна 80 коп.

3—3

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена.

50—6

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготавленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—13

НИВА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 16-го Марта 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Первый министр Дизраэли.

Лѣтомъ 1831 г. молодой чело-
вѣкъ — лѣтъ
двадцати пяти-
шести — вернул-
ся черезъ Фран-
цію домой, въ
Англію, послѣ
довольно продол-
жительнаго пу-
тешествія своего
по востоку. Въ
Европу возвра-
тился онъ какъ
разъ въ то вре-
мя, когда июль-
ская революція
очистила, подоб-
но налетѣвшей
грозы, тяжелый,
удушливый воз-
духъ континен-
та. Англія, окру-
женная морями,
замѣтила, что отъ
июльской грозы
и ея туманы дро-
гнули, и волну-
ясь, стали поды-
маться. Пробу-
дились сыны
Альбіона и при
крикахъ «рефор-
ма!» почувство-
вали, что пора
покончить съ
разлагающимся
порядкомъ ве-
щей, пора за-
жечь новой жиз-
нью, утвердить
прочныя сваи
для новаго го-
сударственнаго
зданія.

Такой перево-
ротъ въ мысляхъ
англичанъ нико-
му, кажется, не
былъ такъ кста-
ти, на руку, какъ

Веніаминъ Дизраэли. Съ фотографіи грав. Гальбергеръ.

нашему молодо-
му путешествен-
нику, прѣхав-
шему на родину.
Съ сердцемъ пе-
реполненнымъ
честолюбіемъ —
отправился онъ
два года тому на-
задъ на востокъ,
чтобы тамъ, ра-
ди самоудвле-
творенія, дать
болѣе простору
своей пылкой
фантазіи, — и
вотъ, на возврат-
номъ пути, по-
чувствовалъ не-
одолимое стре-
мленіе стать пе-
редовымъ обще-
ственнымъ дѣя-
телемъ въ сво-
емъ отечествѣ.
Какъ видно, за
эти два года че-
столюбіе ни-
сколько не уба-
вилось въ его
сердцѣ, скорѣе
— прибавилось.
Но чтобы играть
видную роль —
нужно сначала
опереться на
что-нибудь
крѣпкое, имѣть
подъ ногой поч-
ву, а у него
именно *этого* и
не хватало: мо-
лодой чело-
вѣкъ не принадле-
жалъ къ знатно-
му роду, да и
богатъ былъ не
достаточно, а
потому добиться
почестей въ сре-
дѣ англійской

аристократии было ему не совсем-то легко... Кроме литературного таланта, энергии, непоколебимой уверенности в своих силах и отчасти извешности как писателя—никакого другого оружия у него не было. И действительно, имя *Веніаміна Дизраэли* уже прозвучало в Англии с уважением. Глеть за пять-шесть до этого времени появился в печати роман Дизраэли, под заглавием «*Vivian Grey*». Книга эта обратила на себя внимание преимущественно высших кружков, потому что в ней живо, мастерски была изображена жизнь английской аристократии. Второй роман «*The young Duke*» еще более прославил Дизраэли. «О, это священный, юный талант!» так говорили о нем и прибавляли: «автор—революционер в лайковых перчатках»... Этого было достаточно для м-ра Веніаміна, чтобы считать свои надежды основательными,—т.е. надежды, которые были взлелены им с самой юности... Он мечтал попасть в члены парламента, сделаться важным политическим и государственным деятелем. И так, литературная известность (слава сравнительно небольшая) окриляла его—и он смел строить воздушные замки, надеясь добыть для них фундамент на землѣ.

Возвратившись в отцовский дом, м-ръ Веніамінъ принялся прилежно размышлять о трудностях своей политической карьеры в Англии, что однако не мешало ему попрежнему писать романы, вообще заниматься литературой. В Вайкомбѣ открылась вакансія депутата в парламента, и м-ръ Дизраэли явился кандидатом. Но избирателям хотѣлось залучить настоящаго, завыятаго радикала... Как им тяжело было м-ру Веніаміну, по онъ, скрѣпя сердце, заявилъ себя *такимъ*, выставивъ архирадикальную программу. Однако, это не помогло. Трираза еще являлся онъ на выборы и каждый разъ претерпѣвалъ неудачу. На выборахъ въ Таунтонѣ Дизраэли, согласно общему настроенію избирателей, заявилъ себя даже консерваторомъ—и опять провалился. Тутъ, въ самомъ разгарѣ борьбы, старый католическій агитаторъ О'Коннелъ сыгралъ съ нимъ злую шутку. Дизраэли по происхожденію—еврей. Предки его переселились изъ Португалии въ Венецію. Дѣдъ м-ра Веніаміна въ 1748 г. переехалъ въ Англию, гдѣ и остался. Отецъ нынѣшняго министра—высокоуважаемый писатель, человекъ ученый—перешелъ въ англиканскую церковь, вслѣдствіе чего Дизраэли и получилъ совершенно протестантское воспитаніе и началъ подписываться «Дизраэли» вмѣсто «Д'Израэли». О'Коннелъ, зная все это, нарочно повернулъ въ одну изъ своихъ рѣчей, что если м-ръ Дизраэли имѣлъ предка, то этотъ предокъ былъ именно тотъ «нераскаившійся работорговецъ», что умеръ во время оно на крестѣ... Это взбѣсило м-ра Веніаміна, и онъ послалъ О'Коннелю вызовъ, но когда тотъ отказался отъ поединка, Дизраэли вызвалъ на дуэль сына О'Коннелъ. Исторія эта наделала много шума, а потому честолюбцы были вполне удовлетворены, такъ какъ онъ собственно и добивался только шума, известности, скандала... Однако дуэль и съ молодымъ О'Коннелемъ не состоялась: Дизраэли, дѣлая паче, махнулъ рукой и всю досаду свою излилъ въ письмѣ къ О'Коннелю-отцу. Раздраженное честолюбіе его рѣзко обнаружилось въ заключительной фразѣ письма: «Погодите—при Филиппахъ мы еще встрѣтимся!» Подъ словомъ «Филиппы» онъ подразумѣвалъ парламента.

И действительно, въ 1837 году Дизраэли достигъ наконецъ давно-желанной цѣли: онъ былъ избранъ депутатомъ въ парламента въ округѣ Мейдстонъ и, въ качествѣ архи-либерала впервые вступилъ въ знаменитую Вестминстерскую залу, занявъ мѣсто среди политическихъ знаменитостей Великобританіи. Теперь онъ стоялъ на той ступени, съ которой могъ уже перебраться и на высшія... Вѣщая будущность манила его—и м-ръ Веніамінъ не долго думалъ, порѣшилъ взять приступомъ то, что еще плавало передъ нимъ въ розовомъ туманѣ. Но—увъ, въ парламента, какъ и при дворѣ коронованныхъ особъ, новичку легко поскользнуться на паркѣтѣ и плешнуться, особенно если новичокъ, въ дерзкой самонадѣянности, вздумаетъ шагать по паркету также развязно, свободно, какъ по уличнымъ плитамъ... М-ръ Веніамінъ Дизраэли крѣпко поскользнулся! Дѣло въ томъ, что у него не было ни надлежащей выдержки, ни умѣнья говорить такъ, какъ требовалось въ парламента... Слушатели разразились веселымъ смѣхомъ, пошла такая потѣха, что бѣдный ораторъ-депутатъ чуть не взвылъ со злости и отчаянія! Но самоуверенность и тутъ не оставила его: оборвавъ рѣчь, Дизраэли воскликнулъ: «Ну, хорошо! Придетъ время, когда вы станете меня слушать!»

Такъ всегда бываетъ, что человекъ, рано-ли, поздно-ли, подчиняется наконецъ обстановкѣ, окружающей его, подчиняется тѣмъ условіямъ, среди которыхъ пришлось ему жить. Случилось это и съ м-ромъ Веніаміномъ. Не желая снова стать посмѣшнымъ ветераномъ Вестминстерской залы, онъ началъ учиться *парламентской стратегіи* и мало по малу усвоивать себѣ надлежащія манеры, приемы, необходимыя въ словесной борьбѣ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ: Дизраэли, казалось, удовлетворялся честию быть членомъ парламента; онъ имѣлъ право, подписывая свою фамилію, ставить передъ ней буквы М. Р. (членъ парламента) и, повидимому, псалъ удовлетворенію своему честолюбію не на политической аренѣ, а на поприщѣ литератора. Новые романы его, какъ тенденціозные, имѣли порядочный успѣхъ. М-ръ Веніамінъ оказался не только тонкимъ наблюдателемъ общественной жизни, но и социаломъ-идеалистомъ—осо-

баго впрочемъ характера и оттѣнка. Изъ сочиненій его съ «направленіемъ»—романъ подъ заглавіемъ «*Coningsby*», появившійся въ 1844 г., занимаетъ во многихъ отрошенныхъ первое мѣсто. Можетъ быть, «*Coningsby*»—портретъ самого автора. Герой романа выставленъ защитникомъ социальной реформы, необходимой английскому обществу; кроме того онъ является современнымъ либераломъ, даже ужъ чересчуръ демократичнымъ, за что дѣдушка-консерваторъ и лишаетъ его наслѣдства. Но благодаря этому лишенію, герой-приобрѣтаетъ расположеніе богача-фабриканта, а потомъ и любовь дочери его. Фабрикантъ помогаетъ герою вступить въ парламента. «*Coningsby*», однако, не придаетъ большаго значенія парламентаризму: онъ смотритъ на это учрежденіе, какъ на обломокъ грубой постройки временъ давно-минувшихъ, какъ на памятникъ, останки полубразованныхъ пародомъ... «Пять, свободной странѣ нужны только свободное слово и свободная печать», говоритъ герой, и въ дѣятельности своей стремится къ этому идеалу. Въ этомъ романѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе одна утопія, а именно: Дизраэли слишкомъ пресозноситъ евреевъ. Разумѣется, онъ не отрывается отъ своихъ предковъ, но увлекшись, предсказываетъ правнукамъ ихъ всемірное господство. Указывая на знаменитыхъ евреевъ, прославившихся въ разныя времена и на различныхъ поприщахъ, м-ръ Веніамінъ, кажется, и самъ уже видитъ себя въ министерскомъ креслѣ...

Прошло еще нѣсколько времени—и слова Дизраэли, сказанныя имъ въ 1837 году въ Вестминстерской залѣ, оправдались; его стали *слушать*. Благодаря своему гибкому таланту, энергіи, онъ теперь крѣпко сидѣлъ въ парламента. Такъ какъ гораздо «интереснѣе состоять въ оппозиціи, чѣмъ быть на сторонѣ большинства», то понятно, что м-ръ Веніамінъ, желая еще болѣе выдвинуться, выступилъ заклятымъ врагомъ знаменитаго министра Роберта Пилъ. На бранныя выраженія (напр. «фразеръ», «измѣнникъ», «глава организованнаго лицемерія» и т. п.) онъ не скупился, а на шканье и смѣхъ въ парламента—не обращалъ уже вниманія, потому что все-таки умѣлъ заставить слушать себя. Однако, пошатнуть Р. Пилъ онъ не могъ; большинство было на сторонѣ министра. И вдругъ все это измѣнилось, и Дизраэли восторжествовалъ: въ сессію 1846 года Пилъ открыто высказался за принципы свободной торговли, которыми прежде такъ долго пренебрегалъ, и провелъ билль о свободномъ ввозѣ хлѣба въ Англию. Эта мѣра до такой степени раздражила парламента, что многіе перешли на сторону противника министра: такимъ образомъ, Дизраэли, найдя спящую поддержку въ нападкахъ своихъ на министерство Пилъ, могъ смѣлѣе повести атаку. Его называли справедливымъ, мужественнымъ, потому что онъ не стѣснялся говорить о Робертѣ Пилѣ, какъ о «великомъ отступникѣ». Но самому м-ру Веніаміну было рѣшительно все равно чѣмъ быть: либераломъ или пламеннымъ защитникомъ поппинной торговли, а потому онъ изъ либерала легко превратился въ самаго деревяннаго консерватора и, такимъ образомъ, собственноручно нахлебучилъ шутковской колпакъ будущей «свободной странѣ», о которой такъ много было говорено въ его романахъ... Колпакъ—колпакомъ, но за то Дизраэли остался въ выигрышѣ, ибо приобрѣлъ политическое значеніе, сталъ виднымъ лицомъ въ парламента, коноводомъ толпы, которая все увеличивалась. Лордъ Бентинкъ, глава оппозиціи, торіи пераго разряда, слѣдовательно врагъ Пилъ, двигалъ м-ра Веніаміна впередъ,—и если аристократъ этотъ былъ признанъ главою торіейской партіи, то Дизраэли считалъ его преемникомъ. И такъ, м-ръ Веніамінъ самъ сдѣлался «отступникомъ», но это нисколько не смущало его, не стыдило; онъ не желалъ быть «народнымъ трибуномъ», ему просто хотѣлось занять мѣсто *новыя*. Либеральное министерство (Росселя) смѣнило министерство Пилъ; Дизраэли, разумѣется, напалъ и на этотъ кабинетъ. Въ 1848 году умеръ лордъ Бентинкъ. М-ръ Веніамінъ сталъ главою консервативной партіи, которая, благодаря его ловкости, за все время либеральнаго министерства Росселя, пребывала въ примѣрномъ согласіи. Въ 1852 г., въ февралѣ, министерство это распалось, и лорду Дэрби (изъ лагеря торіи) поручено было составить новый кабинетъ. Онъ не могъ не предложить Дизраэли, какъ лицу уже вліятельному, мѣсто главнаго казначея въ своемъ министерствѣ. М-ръ Веніамінъ, конечно, принялъ это предложеніе, но изъ него вышелъ плохой министръ финансовъ, потому что онъ не былъ способенъ къ этому... А *министромъ* онъ все-такъ сталъ! Рубиконъ перемагнулъ и достигъ наконецъ главной своей цѣли. Честолюбіе было удовлетворено! Но выполнѣ ли?.. Оказалось, что цѣль не *состояла* еще достигнута: и близко къ локотъ, да не укусишь! Прошло нѣсколько мѣсяцевъ—и Дизраэли, сдѣлавъ несчастную попытку составить бюджетъ, потерпѣлъ такое сильное пораженіе, что долженъ былъ удалиться вмѣстѣ съ лордомъ Дэрби. Когда въ 1858 году кабинетъ лорда Пальмерстона рухнулъ, министерство Дэрби снова стало во главѣ, и Дизраэли опять былъ назначенъ министромъ финансовъ, но не надолго: уже въ іюнѣ 1859 года консервативный кабинетъ долженъ былъ распасться. Въ 1866 году, въ третій разъ, м-ръ Веніамінъ съ лордомъ Дэрби стали во главѣ правленія, хотя и временно. Дизраэли—то реформаторъ, какъ напр. въ вопросѣ о эмансипаціи евреевъ, то отъявленный консерваторъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, способствовалъ паденію кабинета Росселя (билль о реформѣ), а потому,

ставши самъ министромъ, долженъ былъ показать, какъ повести дѣло реформъ вѣрнѣе и лучше, чѣмъ полагать Россель... Но на этомъ-то пути и лежалъ камень преткновенія: министерство Дэрби-Дизраэли, питая особенное отвращеніе къ либеральной реформѣ избирательнаго закона, слишкомъ ясно обнаружило свои чувства, что и вызвало въ странѣ бурные митинги. Партія рабочихъ грозно двинулась впередъ, и въ то же время движеніе феніевъ приняло такой опасный характеръ, что вынуждены были воздвигнуть политическій эшафотъ... Эта послѣдняя мѣра сдѣлала министерство окончательно непопулярнымъ. Кабинетъ мало по малу началъ распадаться, но м-ръ Вениаминъ упрямо остался на «обломкахъ корабля»... Онъ надѣялся, что ему одному, какъ храброму, полновластному капитану, удастся провести корабль, счастливо минуя скалы и подводные камни... «Капитанъ», однако, ошибался, въ чемъ и самъ скоро убѣдился. Гладстонъ, глава либеральной партіи, выступилъ противъ Дизраэли, заявивъ о необходимости упраздненія государ-

ственной церкви. Предложеніе это было принято, а послѣдованіе затѣмъ новые выборы нанесли новый ударъ министерству, такъ что въ декабрѣ 1868 г. оно должно было подать въ отставку. Съ тѣхъ поръ, до февраля 1874 г., *капитаномъ корабля* былъ Гладстонъ... Его либеральное, но не энергичное, вялое правленіе, вѣроятно наскучило англичанамъ—и они пожелали новаго кормчаго. На послѣднихъ выборахъ большинство оказалось на сторонѣ консервативной партіи... Гладстонъ удалился, а противникъ его принялъ «корабль» подъ свое начальство. Таковъ политическій обычай въ Англіи. Но на этотъ разъ м-ръ Вениаминъ Дизраэли явился въ качествѣ *перво* министра. Теперь онъ достигъ давно-желанной вершины; честолюбіе его, можно сказать, исполнѣе удовлетворено: онъ сталъ во главѣ управленія королевствомъ, во главѣ правительства ея величества королевы, и теперь ему остается доказать: дѣйствительно ли онъ государственный мужъ, и если это такъ—можно ли причислить его къ политическимъ вѣздамъ первой величины.

Д В У Н О Г І Й В О Л К Ъ .

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II *).

I.

П О Б Ъ Г Ъ

Наташа рѣшилась идти.

Съ той минуты, когда всякія колебанія уступили мѣсто этой рѣшимости,—весь умъ, все способности мышленія были устремлены исключительно на обстановку побѣга.

Да, это былъ побѣгъ. Могла-ли Наташа хотя кому-нибудь высказать свое рѣшеніе? могла-ли хотя съ кѣмъ-нибудь посоветоваться? Никому и ни съ кѣмъ.

Еслибъ она сказала хотя слово—со всѣхъ сторонъ посыпались бы протесты, убѣжденія, и наконецъ приняты были бы такіе мѣры, при которыхъ личная воля Наташи была-бы парализована.

Ее просто не пустили-бы силою.

А день, назначенный въ запискѣ Атамкула, приближался. Русскіе перешли на ту сторону. Съ минуты на минуту она должна была ожидать прихода и тѣхъ людей, за жизнь которыхъ отвѣчать своею головою ей сынъ... Эти люди должны были помочь ей выйти изъ лагеря и провести ее—къ сыну...

И съ тѣмъ вѣстѣй — къ Атамкулу.

Но Наташа отстраняла отъ себя это послѣднее, она избѣгала даже думать объ немъ,—она вся сосредоточилась на первомъ, вѣд котораго въ настоящую минуту для нея ничего не существовало.

Она почувствовала себя совершенно чужою въ этомъ лагерѣ: словно лопнуло, порвалось все, что до сихъ поръ ее съ нимъ связывало...

Она пережила уже самую тяжелую минуту—и послѣ этой минуты ничего уже не было для нея страшнаго, никакой шагъ не былъ для нея не возможенъ.

Вчера вечеромъ пришли *эти люди*—одинъ изъ нихъ былъ даже у нея въ палаткѣ. Опять какой-то иранецъ незамѣтно подползъ подъ полу,—а это было такъ удобно: палатка стояла у самой стѣны—рядомъ росли два развѣсистые карагача, внизу кусты винограда. Иранецъ перелѣзъ черезъ стѣну, спустился на нижнія вѣтви карагача и ждалъ, пока сама Наташа не отступила внизу полы палатки и не указала ему куда онъ можетъ пробраться. А передъ этимъ, за полчаса, она написала извѣстную намъ записку къ Головину и кликнула Карпова.

— Карповъ!..

— Что, матушка, наше благородіе?

— Ты собирався сегодня къ гости куда-то...

— Точно такъ, ваше благородіе... Такъ какъ, значить, онъ мнѣ землякъ доводится, изъ одной деревни...

— Ну, ступай. Можешь попозднѣе прійти...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе...

И ушелъ Карповъ къ своему земляку—на другой конецъ лагеря; не подозрѣвая, что вернувшись, онъ уже не увидитъ своей барыни, а можетъ быть никогда и не увидитъ.

Затаивъ дыханіе, скорчившись и слегка вздрагивая, какъ волкъ въ заидаѣ, сидѣлъ иранецъ между сундукомъ и столомъ, прикрытый на всякій случай конскою попоною... Оборвышъ зналъ, что рискуетъ своею головою, если попадется, если его выдадутъ; но онъ также зналъ, что вернувшись одинъ къ Атамкулу—онъ попадетъ въ одной петли въ другую... Бѣгали его черные живые глаза изъ-подъ попоны. Въ ту минуту, когда Наташа разговаривала съ Карповымъ, онъ даже зажмурился свои глаза—и бормоталъ про себя что-то изъ корана, перепутывая все, что только зналъ на память изъ той книги... Однако онъ слышалъ все, что говорила Наташа, и успокоился.

Наташа Мартыновна начала послѣшно собираться.

Она связала небольшой узелъ—и умышленно связала въ черный платокъ... бѣлый-бы могъ ночью броситься въ глаза часовымъ и обратить на себя ихъ вниманіе... Въ этомъ заключались все ея сборы; потомъ она тщательно завязала тесемки входа изнутри, — чтобы вернувшійся Карповъ подумалъ, что она спитъ, и не беспокоить-бы своей барыни заглядываніемъ въ палатку. Сдѣлавъ это, Наташа сѣла на кровать, опустила голову и задумалась...

— Пора, уже темно... прошепталъ оборвышъ.

Наташа вздрогнула, словно проснулась отъ этого шепота и испуганно посмотрѣла вокругъ себя...

— Пора, произнесла она также тихо, почти беззвучно, и поднялась съ кровати.

Иранецъ выползъ изъ-подъ попоны и полѣзъ изъ палатки опять тою же дорогою какъ и пришелъ, Наташа послѣдовала за нимъ.

— Было свѣтло, шепталъ иранецъ, — и тамъ нельзя идти было; — теперь ночь, темно — тамъ идти можно... Иди слѣдомъ, не отставай... Вотъ сюда, держись за этотъ кустомъ... иди...

И Наташа шла, не разсуждая, не думая даже ни о чемъ, вся отдавшись на волю проподника,—шла не какъ живое существо, а какъ машина.

Пройдя шаговъ двадцать вдоль стѣны, иранецъ ощущалъ проломъ, промытый водою арыка; въ этотъ проломъ свободно могла проскочить развѣ только собака.

— Ложись! говорилъ иранецъ.

Платье Наташи мгновенно намокло, она почувствовала какъ холодная вода охватила ее тѣло, она задрожала, зубы у ней нервно застучали...

— Ползи! слышался впереди указывающій голосъ.

*) Такъ какъ первая часть этого романа была помѣщена въ „Ниву“ 1874 г.,—то въ виду громаднаго количества новыхъ подписчиковъ, начавшихъ читать „Ниву“ только съ сего 1875 г., редакция для удобства послѣднихъ отпечатала эту часть отдѣльно и отпускаетъ своимъ подписчикамъ безъ пересылки за 40 к. и съ пересылкою за 60 коп., которая можно высылать почтовыми марками.

„Словно въ могилѣ“ промелькнуло въ головѣ Наташи, когда она почувствовала надъ собою и съ боковъ глиняныя массы стѣны—такъ близко что она прикасалась къ нимъ локтями-рукъ и головою, если только чуть-чуть подняться повыше.

Впереди блеснула звѣздочка, одна-другая-третья... Они выбрались изъ пролома и могли стать на ноги; грязная вода текла съ намоченныхъ тряпокъ иранца, — все платье и бѣлье Наташи прилипло къ тѣлу и стало тяжело какъ свинцовое...

— А этотъ, вотъ видишь, сухой, показалъ ей иранецъ на узелокъ, — я его въ зубахъ несъ, оттого и сухой... Теперь сюда;—тамъ ваши солдаты стоятъ...

Русскій говоръ слышался не болѣе какъ въ десяти шагахъ... Наташа видѣла даже, какъ искрился огонекъ солдатской трубочки...

— Говорятъ, Оренбургскіе уже подошли къ Хивѣ?

— Слышать, что подошли.

— Эхъ, раньше нашего поспѣли, черти!..

— Ничего,—мы своего не упустимъ—безъ насъ тоже ни въ какомъ случаѣ не обойдется дѣло...

Слышалось въ той сторонѣ.

— Да будетъ воля Аллаха! шепталъ иранецъ,—теперь сюда... сюда!..

Листья густаго виноградника зашелестѣли вокругъ Наташи... Она поминутно спотыкалась на узковатые корни и перепутанные стебли, ноги вязли въ сухомъ, рыхломъ грунтѣ разрыхленныхъ грядокъ...

Виноградниками они шли довольно долго. По временамъ пригибались къ землѣ, ложились совсѣмъ и выжидали... Часто имъ слышался говоръ солдатъ — то справа, то слѣва,—то довольно далеко, то уже совсѣмъ близко... Стреноженная лошадь наострила уши и испуганно фыркнула—почувявъ вѣроятно ползущихъ.

— Здѣсь дальше, много дальше, но здѣсь нѣтъ собакъ, шепталъ проводникъ.—Человѣка всегда обмануть можно — собаку никогда... Увидить собака, услышать только, пропасть бѣдный иранецъ... Сюда-сюда!..

Бѣглецы проползли опять въ какое-то отверстіе и очутились на дворикѣ пустой сакли. На этомъ дворикѣ виднѣлись слѣды ожесточенной борьбы; валялась разбитая посуда, сломанная деревянная утварь, разное тряпье...

— Здѣсь подожди—я пойду узнаю: какъ русскіе поставили часовыхъ въ эту ночь. Они вѣдь всякую ночь мѣняють мѣсто... Я знаю, какъ было вчера, — не знаю, какъ сегодня. Сиди здѣсь и жди.

Онъ посадилъ Наташу въ углу темной сакли—и еще разъ добавилъ:

— Жди—я прииду скоро. Если услышишь тамъ (онъ кивнулъ рукою) шумъ—или выстрѣлъ — или я кричать буду... я непременно кричать буду, — тогда иди себѣ домой... поняла?...

— Поняла, прошептала Наташа и стала ждать...

Какъ темно было въ этой саклѣ, какъ душно! какъ безконечно долго тянулось время!..

Невидимая рука дернула ее за платье.

— Иди! прошептала надъ самымъ ухомъ знакомый голосъ...

— Слава Аллаху, говорилъ иранецъ,—въ этой сторонѣ казаки стоятъ—легко пройти будетъ; а вотъ еслибы стояли пѣше—тогда все дѣло пропало-бы;—а эти спать,—эти ничего не видятъ и очень мало слышать—пойдемъ!

— Знаешь, гдѣ теперь стоятъ послѣдніе русскіе часовые? спросилъ вдругъ Наташу проводникъ—и спросилъ уже не шепотомъ, а во весь голосъ, такъ что Наташа вздрогнула и невольно обернулась.

— Они теперь тамъ, и ты знаешь какъ далеко летаютъ пули изъ ихъ ружей—теперь-же эти пули едва-едва долетать до насъ могутъ. Аллахъ къ намъ въ эту ночь быть милостивъ.

II

Внѣ русскаго лагеря,

— Еще пройдемъ немного, а тамъ наши люди ждутъ; тамъ и лошади есть, не пойдемъ же мы пѣшкомъ всю дорогу... говорилъ весело иранецъ и крѣпко держался за платье Натальи Мартыновны...

Онъ вѣроятно боялся, что она еще раздумаетъ и захочетъ бѣжать...

— А намъ еще далеко надо уйдти въ эту ночь—далеко! теперь Атамкулъ за Хозаръ-Аспомъ стоитъ, Мать-Ніазъ къ Хивѣ отошелъ, Мать-Мурадъ не далеко отъ Атамкула, а всѣ остальные—тамъ, на западной сторонѣ съ русскими, что отъ моря подошли, бьются.

Иранецъ началъ по временамъ посвистывать.—Сперва никто не отзывался на этотъ свистъ; потомъ, пройдя еще съ полверсты, вправо отъ дороги, гдѣ силуэтомъ виднѣлись шесть съ конскими хвостами на могилѣ какого-то святого,—послышался другой свистъ, отвѣтный.

— Сюда! командовалъ иранецъ и потянулъ за собою Наташу.

Человѣкъ шесть вооруженныхъ джигитовъ со всѣхъ сторонъ окружили пришедшихъ.

— Привель, самодовольно произнесъ иранецъ, — хорошій баба привель — Атамкулъ большое спасибо скажетъ и дастъ мнѣ халатъ, лошадь и сто кокановъ, какъ обѣщаль.

— Можетъ дать, а можетъ и не дать, усумнился одинъ изъ джигитовъ.

— Дастъ! увѣренно замѣтилъ другой.

— Давай лошадей! распорядился иранецъ.

— Да она вся мокрая, ощупалъ Наташу джигитъ:—видишь, дрожитъ вся,—озыбла. Ты озябла, да?

— Совсѣмъ не жирная, ощупалъ другой...

— Эй—снимай съ нея это... такъ не годится. У меня два халата надѣто; я ей дамъ одинъ, все теплѣе будетъ—снимай!..

Неумѣлыя руки грубо принялись стаскивать съ Наташи ея платье—крючки лопались и отлетали, шнурки рвались...

— Вишь сколько тутъ напутано!.. Нѣтъ, наши бабы одѣваются лучше, толковали джигиты, хлопоча около Натальи Мартыновны,—снимай, снимай, чего упираешься!.. Подержи ей руки.

Наташа макиinally защищалась отъ этихъ заботливыхъ попеченій — она была въ какомъ-то полузабытьѣ; ей казалось, что все что съ ней происходитъ — происходитъ не наяву а во снѣ. Съ нея сняли рѣшительно все кромѣ рубашки и накинули ей на плечи ватный стеганный халатъ. Отъ этого халата пахло чѣмъ-то весьма неблаговонымъ, но въ немъ было тепло—и эта теплота пріятно охватила окоченѣвшіе члены женщины.

— Давай и шапку свою, говорилъ кому-то иранецъ,—ты и въ тубейкѣ одной поѣдешь, давай сюда... Вотъ такъ! совсѣмъ джигитъ сталъ, а не баба... ха-ха-ха! днемъ поѣдемъ, никто и не узнаетъ... Ну, теперь на лошадей.

— Бери ее, подсаживай... вотъ такъ! на, держи поводья; не надо нагайки, зачѣмъ—ты валяй впередъ, ны по бокамъ, а мы сзади... Трогай!

Высокій туркменскій аргамакъ покойно несъ на своей спинѣ Наташу... Мягкая подушка на сѣдлѣ и высокія стремена позволяли сидѣть совершенно покойно какъ въ креслѣ; Наташа Мартыновна выпустила изъ рукъ поводья и взялась за луку сѣдла... У ней кружилась голова и въ ушахъ стоялъ смутный гулъ, такъ что голоса ѣдущихъ съ нею рядомъ, казалось, неслись откуда-то издалека...

Туркменскія лошади не знаютъ другаго аллюра какъ широкій размашистый шагъ и полный карьеръ. Теперь вся кавалькада шла шагомъ, но подвигалась впередъ

Свадебная корзина. картина Вейса, грав. Павелье.

такъ скоро, что обыкновенныя лошади должны были-бы поспѣвать за ними полною рысью...

— Намъ нужно много уйдти до свѣту, говорили джигиты: — теперь мы и русскихъ должны бояться, да и своихъ тоже:—увидятъ, сохрани и помилуй Аллахъ, текинцы — отобьютъ; увидятъ чодоры *)—тоже не дадутъ спуска, драться придется; юмуды увидятъ—и говорить печего...

— Большіе безпорядки пошли у насъ теперь... Самого хана не бояться—всякъ что хочетъ то и дѣлаетъ... Эй подгоняй, передніе!.. давай ходу больше!..

Кавалькада шла по узкой дорогѣ между стѣнами садовъ, по сторонамъ виднѣлись темныя группы деревьевъ, кое гдѣ блистала вода—часто приходилось переѣзжать черезъ зыбкіе мостики, перекинутые надъ арыками.

Все кругомъ было пусто и тихо... Такъ много обработанной земли, такъ много жилья — и полное отсутствіе людей. Все бѣжало или попряталось, услышавъ о переходѣ русскихъ на этотъ берегъ Аму, — и оставило свои дома и сады на разореніе и гибель отъ рукъ жадныхъ побѣдителей.

Послѣ уже, когда вернулись бѣглецы на свои насиженные мѣста, они глазамъ своимъ не вѣрили и оцупывали руками чуть-ли ни каждый предметъ своего хозяйства. Они не рассчитывали найти все цѣлымъ и нетронутымъ.

Къ разсвѣту, кавалькада отошла отъ русскаго лагеря покрайней мѣрѣ сорокъ верстъ. — Городъ Хозаръ-Аспъ съ своею крѣпостью былъ обойденъ далеко стороною... Надобно остановиться и дать отдохнуть лошадямъ; но это еще не главная причина остановки:—лошади могли-бы сдѣлать еще столько-же не отдыхая, но наступило утро, а съ нимъ денной свѣтъ—и этого-то свѣта боялись джигиты,—хотя уже находились вѣдъ всякой опасности отъ преслѣдованія.

Выбрали удобное, скрытое отъ проѣздной дороги мѣсто и расположились на отдыхъ.

Это былъ дворъ старой мечети, обнесенный высокою стѣною. Посреди двора былъ четырехугольный маленькій прудикъ „хаузъ“ съ заплѣсневѣлою стоячею водою, надъ прудомъ неизбѣжныя карагачи, покрывающіе своею тѣнью чуть не все пространство двора:—у наружной стѣны, въ которой были продѣланы широкія ворота, тянулся полуразрушенный навѣсъ для лошадей съ выбитыми въ стѣнѣ впадинами для корма. Навозъ и остатки золы отъ костровъ показывали, что этимъ мѣстомъ многіе уже пользовались для остановокъ... Одна изъ кучекъ золы еще даже не совсѣмъ остыла, и это обстоятельство возбудило между джигитами муллы-Атамкула не мало тревожныхъ толковъ и предположеній, но выбирать было не изъ-чего и поневолѣ пришлось оставаться здѣсь, а потому тотчасъ-же и приступили къ устройству деннаго bivvaka.

Наташу отвели въ одну изъ заднихъ сакель, постлали ей тамъ конскую попону, дали подушку отъ сѣдла и представили караульнаго.

— Я тебѣ сейчасъ чаю сварю и принесу, сказалъ ей иранецъ.—У меня есть кунганъ — я разведу огонь... Живо поспѣть чай!.. Вотъ только жаль, что я не успѣлъ захватить сахаръ, что у тебя лежалъ на столѣ, я видѣлъ въ палаткѣ, и хлѣбъ, что висѣлъ въ мѣшкѣ, — я тоже видѣлъ... Ну, да что есть, того и довольно будетъ, пока — спи.

Но Наташа не нуждалась въ этомъ послѣднемъ приглашеніи. Едва только она слѣзла съ лошади, какъ ея ноги совершенно отказались ей повиноваться. Кое-какъ дотащила она до указаннаго ей мѣста, опустилась на попону, и тотчасъ-же заснула какъ убитая... Это былъ сонъ крѣпкій, — сонъ, который не могъ бы быть прерванъ никакимъ шумомъ—это былъ сонъ-обморокъ.

*) Чодоры, тске, юмуды—тюркменскіе роды.

Нервное напряженіе, давшее ей силы перенести эту ночь, со всѣми своими тревоженіями, уступило мѣсто полному физическому ослабленію...

Когда иранецъ принесъ ей кунганчикъ съ чаемъ, половину сухой лепешки изъ кукурузы и маленькую зеленую чашечку,—онъ не могъ добудиться своей добровольной плѣнницы—какъ ни хлопоталъ объ этомъ, потомъ плюнулъ, поставилъ около все принесенное, легъ у ногъ, свернулся какъ собака и захрапѣлъ на всю саклю...

III.

Атамкулова курама *).

Передъ вечеромъ опять пустились въ дорогу.

Наташу разбудили съ большимъ трудомъ. Проснувшись,—она долго не могла еще прійти въ себя, не узнавала мѣста, не узнавала людей, и дикими блуждающими глазами смотрѣла на все окружающее... Она будто забыла все, что случилось вчера и этою ночью... Она не понимала, что это такое съ нею происходитъ...

Все тѣло ея было разбито, она чувствовала немощную слабость, и ее почти на рукахъ вынесли изъ сакли и посадили на лошадь. Прохладный вечерній воздухъ и сырая свѣжесть испареній отъ безчисленныхъ арыковъ, вода которыхъ выступила изъ береговъ и мѣстами затопила дорогу, — подѣйствовали благотвѣльно на добровольную плѣнницу—и она мало по малу стала овладѣвать собою.

Всадники выбрались снова на большую дорогу. Отсюда весь путь былъ испорченъ, въ ожиданіи русскихъ... Мостики сломаны, на дорогѣ стояли сілопныя лужи грязи, въ которыхъ ноги лошадей вязли почти выше колѣна... Кромѣ того, мѣстами—дорогу перегораживали баррикады изъ аровъ, поломанныхъ и сваленныхъ въ кучи; цѣлыя деревья были срублены и повалены на дорогу... Приняты были всѣ мѣры, чтобы задержать движеніе напихъ войскъ и выиграть время для переговоровъ... Тамъ и сямъ показывались изъ-за стѣнъ испуганныя головы, въ большихъ бараньихъ шапкахъ, изрѣдка въ чалмахъ... Эти головы тотчасъ-же прятались до приближенія кавалькады — и потомъ глядѣли ей вслѣдъ, съ любопытствомъ и страхомъ.

Въ ханствѣ начала уже разыгрываться та неурядица, при которой — осѣдлое населеніе, собственники домовъ и обработанныхъ земель, не различало уже ясно — кто врагъ—кто другъ, кто чужой—кто свой, „Бѣлая-ли рубаха“ несетъ съ собою огонь и мечъ—или черная тюркменская шапка... Фанатическая ненависть къ русскимъ—стала уступать мѣсто страху передъ грабителями тюркменскихъ степенъ, нахлынувшими на оазисъ ханства какъ волки на издыхающаго верблюда.

Роль тюремени во время послѣднихъ хивинскихъ собитій весьма близко походила на ту роль, которую разыгрывали у насъ въ тяжелую годину междуцарствія—украинская и запорожская вольница.

Тюркмены, „любимое войско аллаха“, гроза всего міра, оплотъ величія и силы хивинскаго хана (какъ ихъ величаютъ разные письменные источники), оказались несостоятельными передъ „бѣлыми рубахами“ и уступили имъ поле. Побѣжденные — они не могли рассчитывать на военную добычу, но съ пустыми руками нельзя-же было имъ вернуться въ свои кочевыя становища — и вотъ они принялись за осѣдлыхъ жителей ханства... Войска хана: его регулярная пѣхота, артилерія и вооруженный сбродъ — были стянуты къ „Клычъ-Ніазъ-баю“ —оттуда напирала уже Оренбургскій и Кавказскій отряды... А съ востока уже подходили болѣе страшные враги—Туркестанскіе батальоны; кого имъ противопоставить, что предпринять?... Оставалось одно, загородить путь; задержать хотя па день—роковую минуту...

Мать-Ніазъ и Мать-Мурадъ теряли уже головы—и

*) Курама — сбродъ.

метались то туда то сюда съ своими полуразбитыми отрядами. Атамкуль съ своею вольницею, Садыкъ съ Кызыль-Кумскими киргизами обдумывали уже планъ отступленія въ тюркменскія степи, къ Мерву, — оставляя на произволъ судьбы своего хана...

Громче и громче, въ самой Хивѣ, раздавались голоса о мирѣ, о пощадѣ.

— Отвернулся Аллахъ отъ нашего хана, задумчиво говорилъ старый джигитъ, изъ тѣхъ что конвоировали Наталью Мартыновну...

Кавалькада подвигалась теперь медленно; наступившая темнота еще болѣе затруднила прокладываніе пути по этимъ исковерканнымъ пространствамъ... Часто приходилось останавливаться, слѣзая съ лошадей и руками растаскивать нагроможденные арбы, чтобы прочистить узенькій проходъ, достаточный только для того, чтобы кое-какъ могли проскользнуть въ него осѣдланная лошадь. Случались остановки, при которыхъ тратилось по полчаса времени и даже болѣе.

Вотъ чуть-чуть донеслись какія-то странные звуки; не то надтреснутый рожокъ, не то флейта... Однообразная, заунывная трель... дрожала и замирала въ ночномъ воздухѣ. Это были звуки чебызги, незатѣйливаго инструмента изъ камышины, съ прорѣзными дырочками... Иногда эти звуки прерывались, и тогда слышались глухіе удары—въ бубень, и такой-же монотонный нагѣтъ, словно вытье какое-то, —словно тамъ не люди, а волчья стая собралась вмѣстѣ и воетъ, глядя на добычу, хотя и заманчивую, но для нихъ недоступную...

— Тамъ наши, протянулъ руку съ нагайкою джигитъ...

— Э, гей! окликнули ихъ неожиданно справа.

Кони вздрогнули и попятились... всадники инстинктивно потянулись за оружіемъ.

— Кто на дорогѣ? послышался снова окликъ...

— Это Достъ-Магометъ кричитъ, это его горло, и слышу, произнесъ иранецъ...

— Свои... свои... окликнулъ джигитъ...

Нѣсколько всадниковъ словно вынырнули изъ мрака и подѣхали къ нимъ. Не смотря на темноту, они

разглядѣли Наталью Мартыновну, не смотря даже на ея халатъ и шапку.

— Баба?... спросилъ одинъ.

— Баба, да не твоя, огрызнулся иранецъ...

— Гдѣ взяли?...

— А тамъ, гдѣ ея теперь нѣтъ... Эй, пріятель, отъѣжай-ко подальше,—ну, пошелъ!

— Ишь молодая! полегче—чего ты? у меня у самого ножъ близко... чего пугаешь!

— Это жена Атамкула, произнесъ иранецъ.—Вотъ онъ вамъ дастъ, когда я расскажу ему; погодите... Онъ вамъ покажетъ... Ишь какіе охотники до чужихъ бабъ выискались!

— Да мы что-же, мы только посмотрѣли.—Мы развѣ до нея дотрогивались?..

— Гдѣ самъ?

— Въ Рустемовой саклѣ, въ саду сидитъ... только не идите: такой злой, что и подступиться нельзя, что-то съ Мать-Ніазомъ не поладило.

— Намъ не страшно—трогай!...

Кавалькада въѣхала въ ворота, между двухъ приземистыхъ, широкихъ башенъ съ зубчатыми вершинами. Ноги лошадей застучали по плитному мощеному двору... Опять всадники нырнули въ какой-то темный, крытый проходъ; и потянулись гуськомъ другъ за другомъ, по узенькой тропинкѣ, извивавшейся между абрикосовыми деревьями и кустами винограда.

Впереди виднѣлось еще какое-то темное массивное зданіе... тамъ мигали на стѣнахъ красноватая строенія костровъ—и слышались голоса... Иранецъ слѣзъ съ лошади, передалъ поводья джигиту, ощупалъ Наташу, какъ-бы удостовѣрившись тутъ-ли она, и пошелъ пѣшкомъ къ входу въ Рустемову саклю...

Всадники остановились и начали тоже слѣзая съ своихъ измученныхъ аргамаковъ. Впереди замелькали бѣлые и красныя точки бумажныхъ фонарей... Кто-то торопливо шелъ имъ на встрѣчу...

— Аллахъ былъ къ намъ милостивъ, слышался голосъ иранца...

(Продолженіе будѣтъ).

СВАДЕБНАЯ КОРЗИНКА.

— Ну, Таня, иди-же! Иди!..

И онѣ обѣ подошли къ столу, на которомъ стояла свадебная корзинка, *corbeille de mariage*, или, лучше сказать,—великолыбная шкатулка, наполненная драгоценными вещами и прелестными бездѣлушками.

Девятнадцатилѣтняя Таня была уже въ подвѣчномъ платьѣ; вънокъ изъ флѣръ д'оранжа лежалъ на ея мягкихъ бѣлокурыхъ волосахъ; она была блѣдна и нѣсколько задумчива... Черезъ полчаса ее поведутъ въ церковь. Соня, подруга невѣсты, хорошенькая брюнетка, напротивъ, была въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Еще-бы! Вѣдь послѣ вѣнчанья—будутъ танцевать, а она уже дала слово *ему* на три кадрили подъ-рядъ и на мазурку... Ужъ скорѣй-бы въ церковь!..

— Давай-же, Таня, смотри что въ шкатулкѣ! Вѣдь ты сама говорила, что еще не видела... Ахъ, какая ты пелюбонятная! ну, разъ—два—три! Открывай!

— Да не хочется... Послѣ, проговорила Таня и нервно завынула.—А ты смотри, если хочешь...

— Фи, какая ты скучная! Право, какъ будто ты насильно замужъ идешь... Вѣдь если-бы я не знала, что вы влюблены взаимно, то подумала-бы Богъ знаетъ что! Ахъ, постой: не узки-ли новыя твои атласныя башмачки?..

— Нѣтъ, ничего... Перестань шалить.

— Шалить! А все-таки тебѣ жмется что-то... Знаешь, Таня, я понимаю, вотъ если за старика выходить, или вообще за чело-вѣчка, котораго не любишь—ну, тутъ не до веселья! И мнѣ случалось видѣть, какъ невѣсты ревѣли... Но вѣдь ты любишь, любишь его! О, я это знаю... Отчего-же ты такая... такая... какъ будто грустная? Можетъ быть, тебѣ нездоровится?..

— Да нѣтъ-же... ничего! засмѣялась Таня.—Вотъ пристала ко мнѣ! Всегда я такая... Съ чего ты взяла?..

— Ну, хорошо, хорошо! Не сердись. Вотъ я сама открою шкатулку и буду показывать тебѣ разныя штучки—и ты мнѣ развеселишься!..

— Показывай. Такъ и быть—развеселюсь.

Соня открыла свадебную корзинку и стала вытаскивать отсюда разныя вещицы.

— Постой, вотъ—браслетъ. Что за прелесть! Посмотри: онъ изъ двухъ змѣекъ. У одной глаза—рубиновые камешки, у другой—изумрудные. Ахъ, какъ это хорошо! И какая работа!

— Дѣ, миленькій браслетъ... хорошенькія змѣйки.

— Очень хорошенькія! Какъ живыя...

— А слышишь, Соня, одна змѣйка шипитъ что-то...

— Шипитъ? которая-же?..

— Вотъ эта—съ рубиновыми глазами.

Дѣвушки притихли и стали прислушиваться. Соня держала браслетъ на ладони. Золотая змѣйка приподняла головку; малиновый огонекъ сверкнулъ въ ея глазахъ, и она прошипѣла стихи Некрасова:

«У него прекрасныя манеры,
Онъ не глумъ, не бѣдѣнъ и хорошъ—
Что гадать? Ты влюблена безъ мѣры
И судьбы своей ты не уйдешь».

— Правда! воскликнула Соня.—Не ушла ты своей судьбы: ты—невѣста и сегодня же будешь обвѣнчана съ нимъ!

Шевельнулась другая змѣйка, подняла головку и зашипѣла:

«Я могу сказать и безъ гаданья:
Если сердце есть въ его груди —
Ждутъ тебя, быть можетъ, испытанья,
Но и счастье будетъ впереди...»

Умолкла она и прищурила свои хитрые блестящіе зеленые глазки... Таня тихонько вздохнула.

— Ну, Соня, положи этотъ браслетъ. Теперь я сама выну что нибудь...

И изъ бѣленькой ручкѣ ея очутилась чудесная шпилька—золотая бабочка, усыпанная брилліантами; головка ея состояла изъ двухъ жемчужинъ, а самое тѣло изъ аметиста. Бабочка

встрепенулась, задвигала сяжками и тоненькимъ голоскомъ продекларировала:

«Не пзъ тѣхъ-ли только онъ бездушныхъ
Что въ столицѣ много встрѣтишь ты,
Одному лишь голосу послушныхъ —
Голосу тщеславной суеты?..
Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потерявъ сознание позора
Жизни дикой, праздною и пустой?..»

— Брось ее скорѣй туда! воскликнула Соня нетерпѣливо.— Гадкая какая бабочка! А вѣдь такая на видъ прелестная...

Таня улыбнулась, но бабочки не бросила.

— За что-же ты ее бранишь? Вѣдь она *только* спрашивала: «Не пзъ тѣхъ-ли только онъ бездушныхъ...»

— Какъ она смѣла? Ну, конечно, онъ не пзъ тѣхъ! Иначе-бы ты его не полюбила... Вѣдь такъ, Таня?..

— О, да!.. Я люблю его... Но развѣ не бывало ошибокъ? Развѣ не было примѣровъ, что послѣ раскаявались и..

Соня замахала руками.

— Знаю, знаю! Слышала, читала. Не будемъ объ этомъ говорить. Постой: вотъ коробочка! На-ка, посмотри что въ ней...

— Брошка. И какая великолепная! На листочкѣ сидитъ майскій жучекъ... Два крупные алмаза—это двѣ капли росы. Очень изящно сдѣлано!

— Въ самомъ дѣлѣ, та сѣре, что за прелесть! Ай, нѣтъ, нѣтъ—не стану хвалить!.. Что-то онъ еще пропоетъ тебѣ... Да ты бы его не слушала!

— Отчего-же? Пусть поетъ. Смотри: задвигался!

Жучекъ расправилъ крылышки, раза два махнулъ ими, опять сложилъ и тихонько загудѣлъ:

«Если такъ—плоха порука счастью!
Какъ бы чудно ты ни разцвѣла,
Ни умомъ, ни красотой, ни страстью,
Не поправишь рокового зла.
Онъ твои плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей —
Все отдастъ за плоскія ресоры
И за пару кровныхъ лошадей!..»

Соня захохотала, выхватила пзъ рукъ своей подруги коробочку съ брошкой и бросила ее въ свадебную корзинку.

— Ну, и видно что жукъ! Этакимъ невѣжа!

— Какая ты, право, смѣшная! замѣтила Таня смѣясь.— Развѣ все это непремѣнно къ нему относится? Мнѣ даже обидно... Вѣдь жучекъ только продолжалъ. «Если такъ»... вотъ съ чего онъ началъ. За что-жъ на него сердиться? Но *если такъ*—дѣйствительно плоха порука счастью! Но я вѣрю въ лучшее... Онъ любитъ меня искренно. «Сердце естъ въ его груди» и, если меня «ждутъ, можетъ быть, испытанья» (какъ прошигла змѣйка съ изумрудными глазками), то «счастье будетъ впереди!»

— Ты будешь.. будешь счастлива! воскликнула Соня и крѣпко поцѣловала свою подругу.

Дверь отворилась и въ комнату вошла старая няня Тани, съ платкомъ въ рукѣ. Глаза старухи были красны..

— Ну, птичка моя ненаглядная, заговорила она дрожащимъ голосомъ и протянула обѣ руки,—оставляешь ты свое гнѣздышко!.. Простимся, дитятко! Чу, пріѣхали за тобой... Пора въ церковь!

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

При видѣ этой многочисленной, мирно и молчаливо сидящей за чайнымъ столомъ семьи, я здѣсь оказался столь-же безтолковымъ со стороны моего зрѣнія, какъ за минуту передъ симъ былъ безтолковъ на слухъ: у Льва Яковлевича я не могъ разобрать, что такое онъ гнусить, а тутъ никакъ не могъ произвести самаго поверхностнаго полового отличія. Безъ всякихъ шутокъ, всѣ представлявшіеся мнѣ существа были до такой степени однородны и одновидны, что я никакъ не могъ отличить среди ихъ мужчинъ отъ женщинъ. Мать, дочери, сыновья, свояченица и невѣстка—все это были на подборъ лица и фигуры одной конструкции и какъ будто даже одного возраста: вся разница между ними видѣлась въ томъ, что младшіе были по-подкопченнѣе, а старшіе позасаленнѣе. Но вотъ одно изъ этихъ тяжелыхъ существъ встало изъ-за стола,—и я, увидавъ на немъ длинное платье, догадался, что это должна быть особа женскаго пола. Это такъ и было: благодѣтельная особа эта, встрѣтившая и привѣтствовавшая меня въ моемъ затруднительномъ положеніи посреди комнаты, была та самая Агата, о добротѣ которой говорила маман. Эта дѣвушка представила меня и другимъ лицамъ своего семейства, изъ которыхъ одно, именно: свояченица генерала, Меланья Ооминишна имѣла очевидное надъ прочими преобладаніе: я замѣтилъ это изъ того, что она содержала ключи отъ сахарной шкатулки и говорила вполголоса въ то время, какъ всѣ другіе едва шептали. Меланья Ооминишна дала мнѣ возлѣ себя мѣсто и налила чашку чая,—что я, будучи очень неловокъ и застѣнчивъ, считалъ для себя въ эту минуту величайшимъ божескимъ наказаніемъ. Но къ моему благополучію чай оказался совсѣмъ холоденъ, такъ что я безъ особыхъ затрудненій проглотилъ всю чашку однимъ духомъ—и на предложенный мнѣ затѣмъ вопросъ о моей маман, отвѣчалъ, что она слава Богу здорова. Но вѣроятно, какъ я ни тихо далъ этотъ отвѣтъ, онъ по обычаю дома все таки показался неумѣстно громкимъ, потому что Меланья Ооминишна тотчасъ же притворила дверь въ кабинетъ, и потомъ торопливо выпроводила меня со всѣми прочими въ комнату дѣвицъ, какъ выпроваживаютъ

дѣтей „поиграть“. Здѣсь мнѣ показывали какіе-то рисунки, разсматривая которые я мимоходомъ замѣтилъ, что у второй дочери генерала на одной рукѣ было вмѣсто пяти пальцевъ цѣлыхъ шесть.

Но вниманіе мое отъ этаго шестаго пальца вскорѣ было отвлечено появленіемъ въ комнатѣ молодого, очень стройнаго и пріятнаго молодого человѣка, которому всѣ подавали руки съ какимъ-то худо-скрываемымъ страхомъ.

— Ахъ, Сержъ! здравствуйте, Сержъ! привѣтствовали его дамы и дѣвицы, и тотчасъ же искали случая отъ него отвернуться, чѣмъ онъ повидимому нимало не стѣснялся и обращался съ ними съ какимъ-то добродушнымъ и снисходительнымъ презрѣніемъ.

Онъ мнѣ очень понравился—и я, продолжая разсматривать картинки, съ удовольствіемъ поглядывалъ на этого новаго посѣтителя, совсѣмъ не похожаго ни на кого изъ сѣрыхъ членовъ генеральской семьи. Въ его милomъ лицѣ и пріятной фигурѣ было что-то избалованное и женственное.

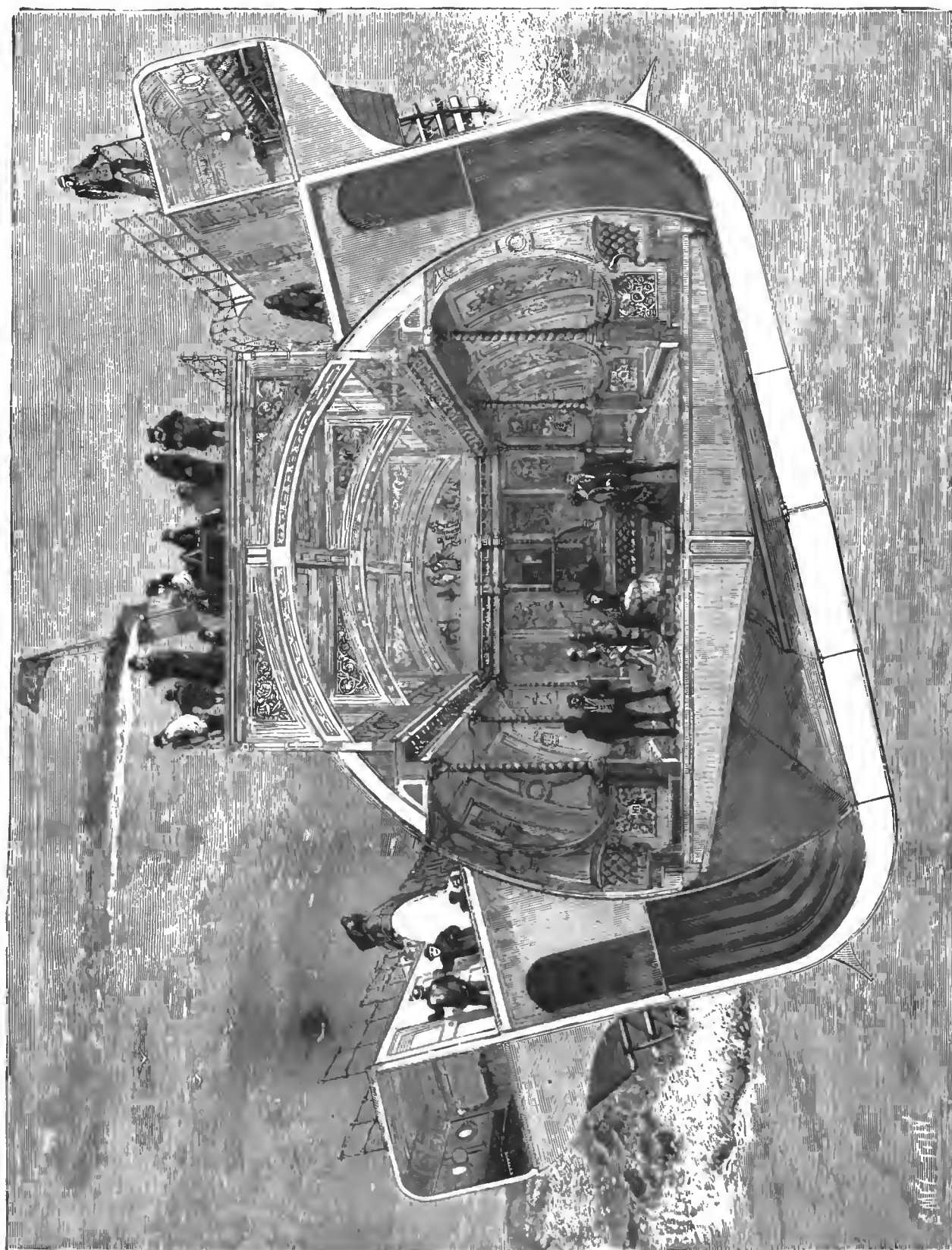
Сержъ сѣлъ въ уголокъ дивана—и красиво сложивъ на груди руки, закрылъ глаза или притворился спящимъ.

Во все это время мы и здѣсь все продолжали шептаться, но тутъ вдругъ вошелъ камердинеръ Иванъ и объявилъ, что генералъ велѣлъ мнѣ завтра явиться въ палату.

Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ самымъ ободряющимъ образомъ, и обѣ дочери генерала сразу спросили: — Папа уѣхалъ?

— Уѣхали, небрежно отвѣчалъ камердинеръ—и добавивъ, что лошадей велѣно присылать только въ двѣнадцатомъ часу, хотѣлъ уже уходить, какъ вдругъ Сержъ возвысилъ голосъ и громко велѣлъ подать себѣ стаканъ воды.

Повелительное обращеніе Сержа произвело самое радостное впечатлѣніе: всѣ лица оживились; голоса стали громче и смѣлѣе—и шестипалая дѣвица сѣла за рояль и начала играть, а другая запѣла. Сыновья ходили вдоль по-комнатѣ, а сама генеральша, усадивъ меня въ уголокъ большаго дивана, начала спрашивать: какъ мы съ матушкой устроились и что думаемъ дѣлать? Я со

Пароходъ Вессемера. грав. Мелъ.

всею откровенностию рассказал ей известныя уже мнѣ матушкины соображенія — и генеральша, а вслѣдъ за ней и всѣ другіе члены ея семьи находили все это необыкновенно умнымъ и прекраснымъ и въ одинъ голосъ твердили, что моя маман — необыкновенно умная и практичная женщина. Я замѣтилъ, что ничего не говорившій и повидимому безучастный Сержъ, при первыхъ словахъ о моей маман, точно встрепетулъ и потомъ началъ внимательно слушать все, что о ней говорили, а при послѣднихъ похвалахъ ея практичности — всталъ порывисто съ мѣста и, взглянувъ на часы, пошелъ къ двери.

— Сержъ, вы будете закусывать? спросила его вслѣдъ Меланья Өмнинишна.

— Нѣтъ, отвѣчать онъ голосомъ, который мнѣ тоже очень понравился.

— Оставить вамъ?

— Нѣтъ, ma tante, нѣтъ, — не оставлять.

— Но вы придете ночевать?

Сержъ остановился, улыбнулся, и низко поклонясь Меланьѣ Өмнинишнѣ, произнесъ:

— Приду, ma tante, на сонъ грядущій получить ваше святое благословеніе.

Съ этимъ онъ вышелъ.

— Шутъ, молвила ему во слѣдъ Меланья.

— А зачѣмъ вы его спрашиваете? прошептала одна изъ дѣвицъ.

— Отчего-же?

— Развѣ вы не знаете, какой онъ?

— Что мнѣ за дѣло, какъ онъ отвѣчаетъ: я исполняю свой долгъ.

— А я — что вы хотите — я очень люблю Сережу, протянула генеральша: — когда онъ пріѣдетъ изъ своей Рипатовки на одинъ денекъ, у насъ немножко жизнью пахнетъ, а то точно заиндевели.

Генеральша мнѣ показала очень жалкою и добродушною, и я въ глубинѣ души очень расположился къ ней за ея сочувствіе къ Сержу, насчетъ котораго она тотчасъ же объяснила мнѣ, что онъ ея племянникъ по сестрѣ Вѣрѣ Өмнинишнѣ и фамилія его Крутовичъ, что онъ учился въ университетѣ но къ сожалѣнію не хочетъ служить и живетъ въ имѣніи, въ двадцати верстахъ отъ Кіева. Хозяйничаетъ и покоитъ мать.

Меланья Өмнинишна очевидно иначе была настроена къ Сержу и по поводу послѣднихъ словъ сестры замѣтила:

— Да; не дай только Богъ, что-бы всѣ сыновья такъ покоили своихъ матерей!

— Отчего-же, Melanie?

— Такъ; будто вы не знаете?

Melanie говорила генеральшѣ вы, хотя видимо и ставила ее ни во что.

— Я, право, не знаю, отвѣчала генеральша: — по моему, онъ — добрый сынъ, очень добрый и почтительный, а ужъ какъ онъ въ субординаціи держитъ этаго дерзкаго негодяя нашего Ваньку, такъ никто такъ не умѣетъ. Видѣли: не смѣлъ ему прислать воды съ Василькою, а небось самъ подаль и не расписекалъ по подносу, какъ мнѣ плещетъ. Я всегда такъ рада, что онъ у насъ останавливается. А что касается до сережиныхъ увлеченій..... кто-же молодой не увлекался? Ему всего двадцать пять лѣтъ.

— Пора жениться.

— И не безіюкостесь такъ много, онъ Богъ дастъ на ней и не женится!

— Почему вы это знаете?

— Не женится, Melanie, не женится. Сержъ упрямъ, какъ всѣ нынѣшніе университетскіе молодые люди, и потому онъ насъ съ сестрой Вѣрой не слушался. Что же въ самомъ дѣлѣ: какъ вы съ нимъ обращались? — сестра Вѣра хотѣла его проклинать и наслѣдство ли-

шить, но вѣдь молодые люди Богу не вѣрятъ, да и батюшка отецъ Илья говоритъ, что на зло молящему Богъ не вмешаетъ, а наслѣдство у Сережи — отцовское, — онъ и такъ получить.

— Какія вы мысли проповѣдуете, Ольга, и еще при дѣтяхъ!

— Что-же я такое проповѣдую, Melanie: я говорю правду, что вы не такъ дѣйствовали, чтобы ихъ разъединить — и Сержъ упрямился; а Каролина Васильевна практическая, и ужъ если сестра Вѣра поручила ей устроить это дѣло, такъ она устроитъ. Каролина Васильевна дѣйствуетъ на нее, а не на него: это и умно и практично.

Практичность матушки сдѣлалась предметомъ такихъ горячихъ похвалъ, что я слушая ихъ получить самое невыгодное понятіе о собственной практичности говорившихъ и ошибся: я тогда еще не читалъ сказаній лѣтописца, что „суть бо кіяне льстиви даже до сего дне“ и принималъ слышанные мною слова за чистую монету. Я думалъ, что эти бѣдные маленькіе люди лишены всякой практичности и съ завистью смотрятъ на матушку: а это было далеко не такъ; но объ этомъ послѣ.

Въ десять часовъ на столъ была подана нарізанная ложками холодная отварная говядина съ горчицей, которую всѣ ѣли съ неимовернымъ и далеко ея недостойнымъ аппетитомъ, такъ что на мою долю едва достался самый крошечный кусочекъ. Затѣмъ тотчасъ же послѣ этого ужина я откланялся и ушелъ домой, получивъ на прощанье приглашеніе приходить къ нимъ вмѣстѣ съ маман по воскресеньямъ обѣдать.

Очутясь на тихихъ озаренныхъ луною улицахъ, и вздохнуть полною грудью — и глядя на открытую моимъ глазамъ съ полугоры грандіозную мѣстность Старога Кіева, почувствовать, что все это добро зѣло.... но не въ томъ положеніи, въ которомъ я былъ и къ которому готовился.

Прославляемая „практичность“ матушки приводила меня въ нѣкоторое смущеніе и начала казаться мнѣ чѣмъ-то тягостнымъ и даже прямо враждебнымъ. Разсуждая о ней, я начиналъ чувствовать, что какъ будто этотъ бѣдный Сержъ тоже страдаетъ отъ этой хваленной практичности. Боже мой, какъ мнѣ это было досадно! Да и одинъ-ли Сержъ? А отецъ, а я, а Христя?... мнѣ показалось, что мы всѣ страдаемъ и будемъ страдать, потому что мы благородны, горячи, довѣрчивы и искренни, межъ тѣмъ какъ она такъ практична!

Я былъ очень огорченъ всѣмъ этимъ и шолъ опустить голову, какъ вдругъ изъ-за угла одного дома, мимо котораго пролежала моя дорога, передо мною словно выросли двѣ тѣни: они шли въ томъ-же направленіи, въ которомъ надлежало идти мнѣ и вели оживленный разговоръ.

Изъ этихъ двухъ тѣней одна принадлежала мужчինѣ, а другая женщинѣ — и въ этой послѣдней я заподозрѣлъ Христю, а черезъ минуту убѣдился, что я пимало не ошибся: это дѣйствительно была она. Но кто же былъ мужчина? О! одного пристального взгляда было довольно: это былъ Сержъ.

Убѣдясь въ этомъ, я почувствовать, что у меня ёкнуло сердце, и уменьшилъ шагъ. Я сдѣлать это вовсе не съ цѣлью ихъ подслушивать, а для того, чтобы не сконфузить ихъ своимъ появленіемъ; но вышло все таки что я мимовольно учинился ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ сокровеннѣйшей тайны, — тайны, въ которой я подозревалъ суровое, жесткое, неумолимое участіе моей матери и.... желать ей неуспѣха.... Нѣтъ; этого мало: я желать ей болѣе чѣмъ неуспѣха и почувствовать въ душѣ злое стремленіе стать къ ней въ оппозицію и соединиться съ партією, которая должна разстроить и низвергнуть всѣ систематическіе планы, сочиненные ея угнетающею практичностью.

XXI.

Первые звуки разговора, которые долетѣли до меня отъ этой пары, были какія-то неясныя слова, перемѣшанные не то съ насмѣшкою не то съ укоризною. Слова эти принадлежали Сержу, который въ чемъ-то укорялъ Христю и въ то-же время самъ надъ нею смѣялся. Онъ, какъ мнѣ показалось, держать по отношенію къ ней тонъ нѣсколько покровительственный, но въ то-же время не совсѣмъ увѣренный и смѣлый: онъ укорялъ ее какъ будто для того, чтобы не вспылить и не выдать своей душевной тревоги.

Христя отвѣчала совсѣмъ иначе: въ голосѣ ея звучала тревога, но рѣчь ея шла съ полнымъ самообладаніемъ и увѣренностію, которая дѣлала всякое ея слово отчетливымъ, несмотря на то, что она произносила ихъ гораздо тише. Начавъ вслушиваться, я хорошо разобралъ, что она увѣряла своего собесѣдника будто не имѣетъ ни на кого ни въ чемъ никакой претензіи; что она довольна всѣми и сама собой, потому что поступила такъ, какъ ей должно было поступить.

Сержъ опять искусственно разсмѣялся.

— Что же? я радуюсь, что ты такъ веселъ, молвила въ отвѣтъ на это Христя, но мнѣ показалось, что эта неумѣстная веселость ее обидѣла, и она тихо сняла руку съ его локтя.

— Зачѣмъ же ты отнимаешь у меня свою руку? спросилъ Сержъ.

Христя промолчала.

— Слышите-ли вы, Харитина Ивановна? повторилъ онъ шутливо, — я васъ спрашиваю: зачѣмъ вы отнимаете у меня свою руку?

— Такъ намъ обоимъ удобнѣе идти, чтобы не сбить другъ друга въ грязь.

— Это острота, или каламбуръ?

— Право ни то, ни другое, Сержъ, и вы бы мнѣ кажется могли повѣрить, что мнѣ едва ли до остротъ.

— Но кто-же, кто всему этому виноватъ? вскричалъ нетерпѣливо Сержъ.

— Никто не виноватъ! все это идетъ само-собою такъ, какъ ему должно быть.

— Мать моя наконецъ вѣдь согласна на нашу свадьбу. Что же еще тебѣ нужно?

Христя молчала.

— Неужто тебя могутъ останавливать или стѣснять глупые толки этого кабана моего дяди или моихъ дуръ тетюшекъ? Гдѣ же твои увѣренія, что тебя не можетъ стѣснять ни чье постороннее мнѣніе? Ты значить солгала, когда говорила, что любишь меня и тебѣ все равно хотъ-бы весь міръ тебя за это возненавидѣлъ...

Христя снова промолчала и ступала тихо и потерянно глядя себѣ подъ ноги.

— Между тѣмъ, мнѣ кажется, я сдѣлалъ все, продолжалъ Сержъ: — ты желала, чтобы я помирился съ тетками, и я для тебя помирился съ этими сплетницами... И даже болѣе: ты хотѣла, чтобы, въ теченіе года какъ мы любимъ другъ друга, съ моей стороны не было никакой рѣчи о нашей свадьбѣ. Я зналъ, что это фантазія; вамъ угодно было меня испытывать, удостовѣриться: люблю-ли я васъ съ такою прочностію какой вы требуете?

— Да, Сержъ.

— И что-же? какъ это мнѣ ни казалось вздорнымъ...

— Нѣтъ, это не вздоръ, перебила тихо Христя.

— Ну и прекрасно, что не вздоръ — и я все это исполнилъ: цѣлый годъ я не говорилъ тебѣ объ этомъ ни одного слова (Христя вздрогнула). Наконецъ, продолжалъ Сержъ, — когда, по прошествіи этого года моего испытанія, мать моя по своимъ барскимъ предразсудкамъ косо смотрѣла на мою любовь и не соглашалась на нашу свадьбу, ты сказала, что ни за что не пойдешь за меня противъ ея воли: я и это устроилъ по твоему: мать

моя согласна. Ты теперь не можешь сказать, что это невѣрно, потому что она сама тебѣ объ этомъ писала, даже болѣе: она лично говорила объ этомъ твоему отцу; и наконецъ еще болѣе: я настоялъ, чтобы она сама была у васъ, и она одолѣла свою гордость и была у васъ, и была съ тобою какъ нельзя болѣе ласкова...

Христя перебила его — и протянувъ ему руку, произнесла:

— Да; благодарю тебя, Сержъ, это все правда: ты очень добръ ко мнѣ, и я не заслужила того, что ты для меня дѣлалъ.

— Нечего про то говорить: заслуживаешь-ли ты или не заслуживаешь; когда люди любятъ другъ друга, тогда нѣтъ мѣста никакимъ счетамъ; — но рѣчь о томъ, что всему же на свѣтѣ должна быть мѣра и свой конецъ.

— Ахъ, да, и они для насъ уже исполнились.

— Ну я этого не вижу, ты не идешь къ концу, а напротивъ все только осложняешь.

— Нѣтъ, Сержъ.

— Какъ-же нѣтъ? когда я уѣзжалъ отсюда недѣлю тому назадъ, ты просила меня вѣрить, что теперь уже все кончено и рѣшено, что я долженъ быть покоенъ, а тебѣ нужно только нѣсколько дней, чтобы выбрать день для нашей свадьбы; но прошелъ одинъ день — и я получаю отъ тебя письмо съ просьбою не пріѣзжать недѣлю сюда. Привыкнувъ къ твоимъ капризамъ, я смѣялся надъ этимъ требованіемъ, но однако и его исполнилъ. Въ эти восемь дней ты что-то писала маман... Что ты такое ей писала?

— Оставь это, Сержъ.

— Нѣтъ: я хотѣлъ-бы это знать, что у тебя за тайны отъ меня съ моей матерью?

— Я ей кое въ чемъ открылась.

— Открылась? въ чемъ?

— Это моя тайна, Сержъ!

— „Открылась...“ „тайна...“ Господи, что за таинственность!

— Оставь это, Бога ради; я открыла ей мои душевные уроки.

— Изволь. Я не знаю, что заключалось въ твоёмъ письмѣ; ты лжешь, что ты открыла какіе-то пороки, потому что твое письмо привело мать въ совершенный восторгъ. Я думаю, какъ-бы она съума не сошла; она цаловала твое письмо, прятала его у себя на груди; потомъ обнимала меня, плакала отъ радости и называла тебя благороднѣйшею дѣвушкой и своимъ ангеломъ хранителемъ. Неужто это все отъ открытія тобою твоихъ пороковъ?

Христя молча пошатнулась и схватилась рукою за стѣну.

— Что съ тобою? спросилъ Сержъ.

— Ничего; я поскользнулась. Не обращай на это вниманія, продолжай, — меня очень интересуетъ, что говорила обо мнѣ твоя мать?

— Ничего болѣе, какъ она отъ тебя въ восторгѣ, и ни за что не хотѣла показать мнѣ твоего письма.

— Вотъ виднѣнь-ли, какъ хорошо я умѣю утѣшиться!

— Да оно и должно-бы быть все хорошо; но что-же значить твое вчерашнее письмо, чтобы я не пріѣзжалъ еще двѣ недѣли, и твоя записка, которую я нашелъ у тѣтушки Ольги Ѳоминыны: что еще за капризъ или тайна, что ты не хочешь пускать меня къ себѣ въ домъ?

— Да, это тайна, Сержъ.

— Опять тайна! — новая, или все та же самая, что сообщалась матеря?

— Почти та же самая.

— И ты ее вѣроятно рѣшилась мнѣ открыть?

— Да; я рѣшилась. Я хотѣла сдѣлать это, но не такъ скоро. Я хотѣла собраться съ силами, — но ты не послушалъ меня, пріѣхалъ — и мнѣ ничего не остается

какъ сказать тебѣ все. Я знала, что ты пойдешь къ намъ и рѣшилась ждать тебя здѣсь... на дорогѣ.

Онъ пожалъ плечами и съ неудовольствіемъ произнесъ:

— Тайна съ открытіемъ на уличномъ тротуарѣ... Это оригинально!

— Да, Сержъ, да: оригинально, глупо, все что ты хочешь,—но здѣсь я открою ее, здѣсь или гдѣ попало, но не тамъ, не въ нашемъ домѣ, гдѣ меня оставляютъ силы, когда я подумаю о томъ, что я должна тебѣ сказать.

Сержъ остановился и выпустилъ ея руку.

— Нѣтъ, будемъ идти, настояла Христя и потянувъ его за руку, заговорила часто и скороговоркой:—между нами, Сержъ, все должно быть кончено... все... все... все... надежды, свиданія... любовь... Все и навсегда.

— Такъ ты это серьезно говоришь?

— Серьезно, Сержъ, серьезно; я не могу быть твоею женою... я не могу поступить противъ твоей совѣсти... Да; противъ совѣсти, Сержъ, потому что я... я люблю другого, Serge.

И она вдругъ схватила обѣ его руки, жарко ихъ поцѣловала—и поднявъ къ небу лицо, на которомъ луна освѣтила полные слезъ глаза, воскликнула: „Прости! прости меня!“ и бросилась бѣгомъ къ своему дому.

Молодой человѣкъ кинулся за нею—и нагнавъ ее остановился на калиткѣ.

Я не слышалъ первыхъ словъ ихъ объясненія на этомъ пунктѣ, а когда я подошелъ, они уже снова разставались.

— И вы запрещаете мнѣ встрѣчаться съ вами? спрашивалъ Сержъ.

— Да; я прошу... я не могу этого запретить, но я прошу объ этомъ, отвѣчала Христя голосомъ, изъ котораго уже не было слышно недавняго волненія.

Онъ нѣсколько патетически произнесъ: „прощайте!“ и встряхнувъ ея руку, пошелъ назадъ.

Я прислонился за темный выступъ забора—и пропустивъ его мимо себя, видѣлъ, какъ онъ остановился и, вздохнувъ словно свалилъ гору, пошелъ бодрѣе шагомъ.

Христя еще стояла на порогѣ и все смотрѣла ему вслѣдъ. Мнѣ казалось, что она тихо и неутѣшно плакала, и я все хотѣлъ къ ней подойти и не рѣшался; а въ это время невдалекѣ за угломъ послышались голоса какой-то большой шумной компаніи, и на улицѣ показалось нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ я съ перваго же раза узналъ Пеньковского. Онъ былъ очень веселъ—я замѣтивъ въ калиткѣ женское платье Христи, кинулся къ ней съ словами:

— Позвольте васъ одинъ разъ поцѣловать!

Калитка въ ту же минуту захлопнулась, и опомнившаяся Христя исчезла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я подскочилъ чтобы защищать ее отъ наглости Пеньковского, который, увидя меня, весело схватилъ меня за руку и вскричалъ:

— Ага! а ты это, братъ, что тутъ по ночамъ дѣлаешь?

— Я провожаю мою мать, отвѣчалъ я, боясь чтобы самое имя Христи не стало ему извѣстно.

— А-а! мать... Такъ это здѣсь была твоя мать?

— Да, моя мать.

— Да куда-же это она шла? Развѣ это вашъ домъ?

— Нѣтъ не нашъ, а тутъ одна наша знакомая больна.

— Фу, чортъ возьми, какая глупость! И чего же это однако твоя мать стояла на калиткѣ?

— Она меня крестила.

— Крестила тебя! Это какіе пустяки! Ну зачѣмъ... зачѣмъ она тебя крестила?

— На ночь. Она всегда меня крестить.

— Ахъ, чортъ возьми! Но ты ради Бога же не говори ей, что это я къ ней подлетѣлъ.

Я далъ слово не говорить.

— А ты какъ думаешь: узнала она меня или нѣтъ? безпокойно запыталъ Пеньковский.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—я думаю, что она не узнала.

— И мнѣ кажется не узнала... довольно темно, да и я немножко пьянъ, а вѣдь я ей наговорилъ, что въ ротъ ничего не беру. Ты однако-смотри это поддерживай.

— Какъ же: непременно!

— Да, а то это выйдетъ не по товарищески. А у насъ-братъ сейчасъ были какія ужасныя вещи! и Пеньковский, поотставъ со мною еще на нѣсколько шаговъ отъ своихъ товарищей, сказать о нихъ, что это все чиновники гражданской палаты и что у нихъ сейчасъ былъ военный совѣтъ, на которомъ открылась измѣна.

— Какъ измѣна? кто же вамъ измѣнилъ?

— Одинъ подлецъ дворянскій засѣдатель. Онъ подпisałъ на революцію сто рублей и на этомъ основаніи захотѣлъ всѣми командовать. Мы его высвистали, и отецъ чашъ тому назадъ выгналъ его каналью. Даже деньги его выбросили изъ кассы и мы ихъ сейчасъ спустимъ. Хочешь, пойдемъ съ нами въ цукерню: я угощу тебя сладкимъ тѣстомъ и глинтвейномъ.

Я поблагодарилъ его и отказался.

— Ну, какъ хочешь! сказалъ Пеньковский,—а то бы пошелъ и отлично бы накатились. Но все равно, иди домой и непременно развѣдай завтра, узнала ли меня твоя мать—и если узнала, ты побожись, что это не я.

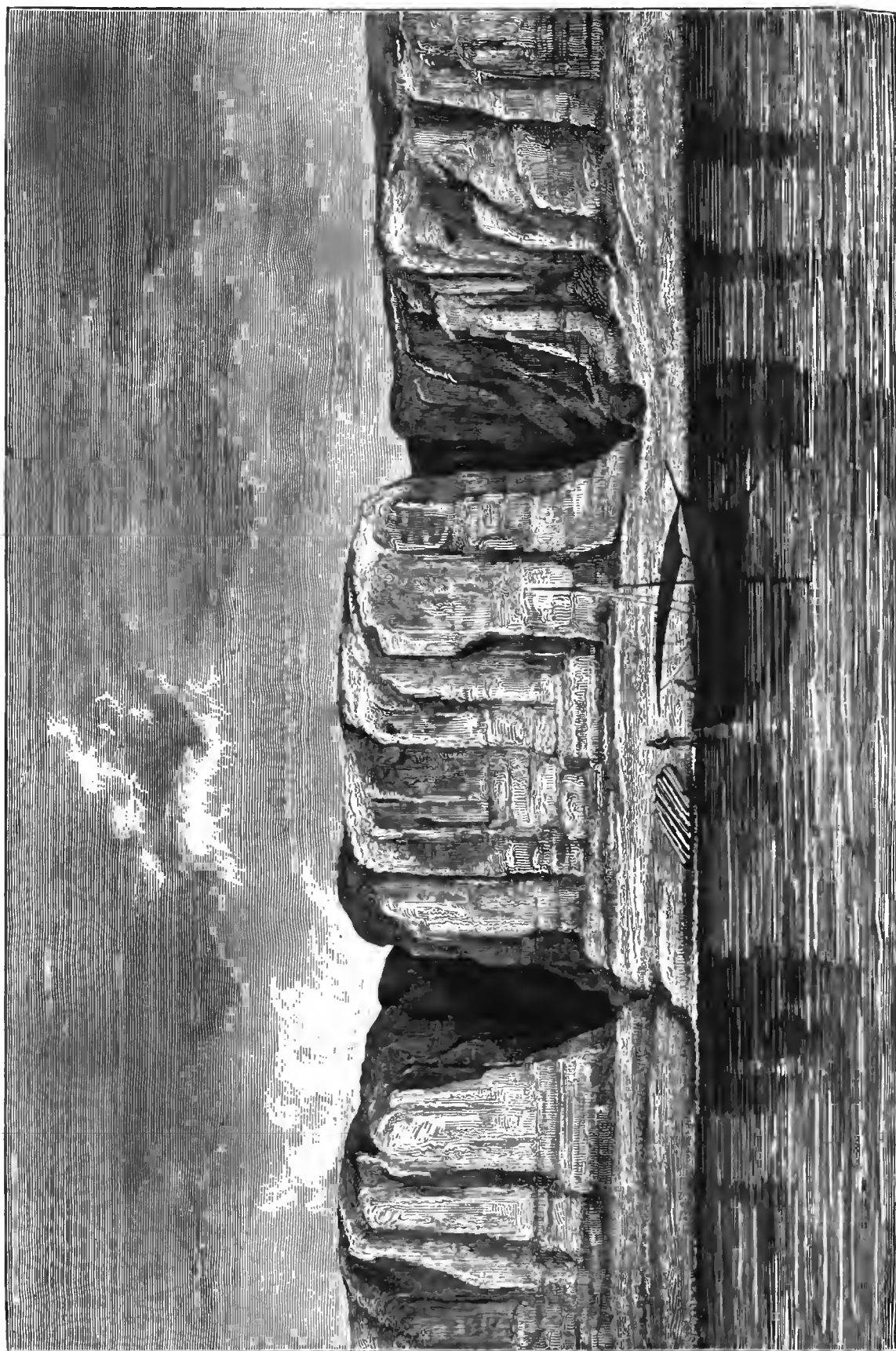
— Пожалуй.

(Продолженіе будетъ).

Пароходъ Бессемера.

Кто не слышалъ о такъ-называемой морской болѣзни? Вѣроятно многимъ изъ читателей «Нивы» приходилось слышать живые рассказы очевидцевъ—лицъ бывшихъ жертвою этого опаснаго, временнаго, но крайне-непріятнаго недуга, а можетъ быть не только слышать, но увѣ, и самимъ испытать вліяніе морской качки?.. Не говоря уже о женщинахъ—какихъ здоровыхъ, крѣпкихъ мужчинъ сваливаетъ съ ногъ эта интересная болѣзнь! Иной, находясь на сушѣ, и не знаетъ что такое дурнота, головокруженіе; но стѣбитъ ему, подверженному морской болѣзни, попасть на пароходъ и проѣхаться даже не по морю, а напр. по Финскому заливу до Ревеля, въ осеннее время, и онъ познакомится съ нѣкоторымъ весьма сквернымъ чувствомъ... Вотъ, пароходъ миновалъ Кронштадтъ; волны—раскатились, крупнѣе; вѣтеръ крѣпчаетъ; капитанъ, въ непромокаемомъ пальто съ капюшономъ, приказываетъ привязать всѣ неприкрѣпленные на палубѣ предметы; уже запрыгали зайчики справа и слева около парохода, который, летя въ туманную даль, то ложится на правый бокъ, то на лѣвый, и продѣлываетъ онъ это какъ-то особенно методично, правильно, плавно... Громадная люлька, качаемая невидимой колоссальной рукой подъ ушную плечу Борей!.. Это—бокованъ качка, сачалъ, говорятъ, грустная и сонливъ послѣдствіямъ для пассажировъ, подверженныхъ

морской болѣзни... Медленно, тихо начинаетъ вздыматься правый бокъ парохода; кажется—вотъ-вотъ довольно!.. Зачѣмъ еще выше?.. Назадъ! Нѣтъ, онъ все лѣзетъ... Остановился... Лѣвая сторона начинаетъ теперь подыматься! Лица пассажировъ вытягиваются... Сначала какое-то тоскливое чувство прѣираждается съ душу, затѣмъ, мало по малу, начинается человѣкъ мутить—мутить до того, что ему уже весь свѣтъ не мила,—и онъ въ порывѣ отчаянія восклицаетъ: «О, Господи! и зачѣмъ это я покушалъ при отъѣздѣ!..». Другой, напротивъ, стонетъ: «О, Господи! зачѣмъ я не покушалъ?!». Все бы легче было, а то тянетъ... тянетъ... Нигдѣ, кажется, такъ рѣзко не обнаруживается человѣческой эгоизмъ, какъ на водѣ во время крѣпкой качки. Не ищите ни помощи, ни поддержки: никому нѣтъ дѣла до васъ, ни капельки состраданія! Тутъ каждому своя рубашка какъ-то особенно близка къ тѣлу... Вотъ парочка: мужъ и жена. О, какіе они нѣжные супруги *на землѣ*! Но тутъ, оба пораженные морскимъ недугомъ, они не обращаютъ никакого вниманія другъ на друга... Все забыто! Забыты приличіе, вѣжливость, даже—стыдливость, ибо позы больныхъ бываютъ подчасъ довольно непринужденны... «Умереть бы... Ужъ одинъ копецъ!» Другіе искренно желаютъ, чтобы пароходъ съѣлъ на мель, разбился, пошелъ ко дву—нокрайней мѣрѣ тогда все бу-

Видъ Волги: Вугоръ Стенъи Газина. рис. Космаковъ, грав. Боярский.

доть конечно, всё мученіе прекратится... Какой-то еврей-комерсантъ, совершенно измученный качкой, пожелалъ смерти «и больше ницего!..» Поймавъ за ногу проходившаго матроса со шваброй, онъ сталъ просить, умолять его сжальться надъ нимъ и поскорѣй «выбрасивать его за бортъ»...

— Ви вождите минн жа нозки — и хераустъ!

— Ну, что еще выдумалъ! огрызнулся матросъ. — Пусти!

— Ахъ, скажите господину капитану! Онъ миня жнаеть... Я Лейба Перлыштейнъ! Онъ по знакомству позволить»...

Но матросъ не обратилъ вниманія на такую протекцію.

Естественно, что уже много разъ задавались вопросомъ: какъ бы избавитесь отъ морской болѣзни? Чтобы такое придумать, изобрѣсти, что могло бы сдѣлать качку нечувствительно для тѣхъ, которые подвержены этому недугу? Медицина не могла тутъ помочь; конечно, хлороформъ оказалъ бы услугу, но это средство во многихъ отношеніяхъ неудобно, особенно при дальнемъ плаваніи. Не всё однако заболѣвають этою болѣзнию; дѣло въ томъ, что нѣкоторые положительно не могутъ вынести колебанія того, что находится подъ ихъ ногами, напр. на качеляхъ или на палубѣ, въ каютѣ судна, во время качки. Находясь на землѣ, они слишкомъ привыкають ощущать подъ собой незыблемое, твердое; привычка эта такъ укореняется въ нихъ, что становится, такъ сказать, физиологическою потребностью организма. И—вдругъ они не находятъ опоры! То, на чемъ они стоятъ, а потомъ лежатъ, подымается, опускается, колеблется... Въ самомъ дѣлѣ—чувство страшное! Ощущеніе небывалое и, вѣроятно, такое же какъ при землетрясеніи. Понятно, организмъ возмущается, нервы приходятъ въ разстройство, и человекъ мутитъ, является даже желаніе воспользоваться знакомствомъ съ капитаномъ парохода—протекціей, чтобы только выбросили за бортъ!.. И такъ, нельзя ли какъ-нибудь при по-

стройкѣ пассажирскаго парохода избѣжать этого неудобства, т. е. чтобы при сильной качкѣ судна не ощущалось викакого колебанія? Этимъ вопросомъ занялся англійскій инженеръ Бессемеръ и—блестательно разрѣшилъ его. Ларчикъ и тутъ открылся просто: Бессемеръ *постылилъ* не только отдѣльныя каюты, но и главную залу парохода, особымъ образомъ прикрѣпивъ ихъ къ палубѣ, и такимъ манеромъ далъ возможность имъ всегда оставаться въ вертикальномъ положеніи, въ какую бы сторону не наклонился самый кузовъ судна. На нашей картинкѣ это ясно видно: нижняя, прямая линія вертикальнаго разрѣза главной залы остается горизонтальною и тогда, когда правый (отъ зрителя) бокъ парохода подымается; тотъ же самый, видимый въ разрѣзѣ, треугольникъ (пустое пространство между дномъ судна и нижнею поверхностью пола залы) появится и на правой сторонѣ, т. е. пароходъ будетъ наклоняться и вправо, и влево, а «висячая зала не измѣнитъ своего положенія, какъ и представлено на рисункѣ.

Пароходъ Бессемера въ первый разъ спущенъ былъ на воды Гумбера въ концѣ декабра прошлаго года. Опыты увѣнчались успѣхомъ. Скорость его равнялась 22 километрамъ въ часъ (почти 23 версты). При увеличеніи же паровой силы, пароходъ этотъ будетъ въ состояніи проходить по бурному Пад-Казъ приблизительно въ часъ времени.

Многие, конечно, отъ души благодарятъ г. Бессемера! Въ самомъ дѣлѣ, пріятно прокатиться въ покойной, великолѣпно-отдѣланной залѣ и даже на верхней висячей палубѣ, не ощущая ни малѣйшей качки; пріятно также не сожалѣть о томъ, что, вотъ, при отъѣздѣ вы не закусили какъ слѣдуетъ, и отправиться поэтому смѣло въ пароходный буфетъ, или, напротивъ, если уже успѣли закусить—не беспокоиться ни о чемъ и быть увѣренными (при сильной качкѣ), что за обѣдъ или завтракъ деньги не даромъ заплачены!

Бугоръ Стеньки Разина.

Есть на Волгѣ утѣсъ, дикимъ мохомъ обросъ.
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершинѣ его не растетъ ничего —
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ.
Да могучій орелъ тамъ притонилъ свой заветъ.
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Нѣтъ людей лишь одинъ на утѣсѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался —
И утѣсъ человека того не забылъ.
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

Н. Вроцкій.

Памятепъ Стенька народу. Исторія рассказываетъ про него одно, совсѣмъ другое говорятъ народныя преданія. Въ нихъ онъ и богатырь и чародѣй.

«Еще до Разина, услышите вы на Волгѣ, —Ураковъ разбойничалъ, только и давно же это было. Стенька совсѣмъ мальчишкой, лѣтъ пятнадцати, въ майку къ нему пришелъ. Изъ Ярославля, и въ кашевары поступилъ. Скоро не поладилъ онъ съ атаманомъ. Идетъ разъ судно купецкое, Ураковъ и хотѣлъ его остановить, а кашеваръ кричитъ: «Брось! Не стѣбитъ бѣдно!» Тотъ и пропустилъ. Идетъ другое. Стенька опять кричитъ: «Бѣдно! Брось!» Пропустилъ атаманъ и это судно, только озлился на Стеньку и ударилъ въ него изъ пистолета. А Стенька хоть бы пошатнулся, вынулъ пулю, да назадъ и подаетъ: «Возьми, говоритъ,—пригодится въ другой разъ». Ураковъ со страху на земь палъ. а шайка — въ расзынуну; потому — такого чуда ей видѣть не доводилось. Послеъ того, Стенька Уракова разряженнымъ пистолетомъ застрѣдилъ и самъ атаманомъ сталъ. И пошелъ Стенька по Волгѣ разбойничать, да вольничать. Ему, бывало, все одно — царскія ли, купецкія ли суда пудить — со всѣхъ бралъ положеное. Вотъ и шлетъ ему разъ царь строгій спросъ: «Зачѣмъ ты, Стенька, мои царскія суда грабшь?» А Стенька въ отвѣтъ: «Не знаю, говоритъ, ваше царское величество, которыхъ суда ваши, которыхъ не ваши». Тутъ царь на свои то гербы вслѣлъ ставить, Стенька послеъ того долго ихъ не трогалъ; купцы и догадались: давай гербы на своихъ посудинахъ прибавлять — Стенька опять безъ разбору началъ грабить, не стало отъ него ходу по Волгѣ. Царскаго войска онъ не боялся. Пускай тогда, слышно, и силы у царя не больно много было. Шелъ онъ разъ съ войскомъ мимо Царева Бугра и велѣлъ каждому по полной шанкѣ землѣ съ него взять—такъ только чуть всрѣшнику сняли; пу, а у Стеньки кромѣ людской другая сила была: онъ себя съ малыхъ лѣтъ нечистому продавалъ—ве боялся ни пули, ни желѣза; на огнѣ не горѣлъ и въ водѣ не тонулъ. Бывало сидеть на кошмѣ, по Волгѣ на ней и плыветъ. На воздухъ подымался на ней, потому былъ чернокопанинъ, глаза ужѣлъ отводить. Его въ острогъ посадятъ за рѣшетки, да за заборы; а онъ возьметъ уголь, напишетъ на стѣнѣ лодку, спроситъ воды испить —плеснетъ этой водой—рѣка станетъ. Сидеть въ лодку, кликнуть товарищей—глядь, ужъ и на Волгѣ Стенька. Ищѣмъ убить его нельзя было: ото всего былъ заговоренъ. Ну и не зналъ страху. На что грозный былъ воевода въ Аст-

рахани, а какую надъ нимъ Стенька шутку спутилъ! Пріѣхалъ изъ персидской земли и сталъ ему челомъ бить, что вотъ, молъ, разбойничалъ, а теперь царю русскому новую землю покорилъ, отпиши, что прошу у него милости. Много Стенька добра всякаго вывезъ изъ-за моря. Воевода кричать было началъ, задалъ Стенька его и разбѣжался у воеводы глаза: всего-то ему хочется; и того, и другаго—что ни завидитъ. Поправилась шуба, а была она у Стеньки завѣтная. «Подай шубу! Подари! Непто тебѣ, говоритъ, жалко ей?» грозитъ воевода: «Царю нажалуюсь!» Отдалъ Стенька, да и молвилъ: «На тебѣ шубу, да смотри, не надѣлала бы она шуму!» Такъ оно вышло: Стенька послеъ всю Астрахань разорилъ, а съ воеводы астраханскаго съ живаго шкуру спустилъ по самымъ пятки. И добро сдѣлалъ Стенька городу — комара не заклилъ. Астраханцы все къ нему приставали: «заключи, да заключи у насъ комара!» — «Не заключи, говоритъ, вы же безъ рыбы наспидитесь!» Такъ и не заключилъ. Изъ персидской земли княжну красавицу вывезъ, да и милуется съ ней. Товарищи и давай смѣяться: «Видно, говорятъ, тебѣ она дороже насъ стала — все съ ней вознишься..» Такъ что же Стенька? Взялъ княжну въ охапку, да въ Волгу и бросилъ — не пожалѣлъ. «На кормилца, говоритъ,—ничѣмъ-то я тебя не даривалъ!» Стеньки все ни почему было. Безбожникъ былъ Стенька: грабилъ онъ съ своей шайкой и обители святыя — монастыри, на все Богъ Стеньку попускалъ, только разъ остановила его Казанская Божія Матерь. Подомель онъ къ Устьмедевѣдницкому монастырю на Дону и сталъ требовать съ него откупъ. «Не дадите откупа — разорю, говоритъ, и васъ монаховъ всѣхъ перебью». Просилъ монастырь Стеньку поременить до утра. Ночь накрыла; шайка кругъ стѣнъ стоитъ, огни развела, спать улеглась. И явилась ночью Стенькѣ, во снѣ, чудной красоты женщина, явилась и сказала: «Отойди отъ этого мѣста!» Утромъ Стенька пришелъ въ монастырь и требуетъ, чтобы ему всѣ иконы показали, какія есть. Показываютъ Стенькѣ иконы — все не та. Наконецъ, спросилъ одну стараго греческаго письма — икона была Казанской Божіей Матери — взглянулъ Стенька и призналъ въ ней ту женщину, что ночью во снѣ видѣлъ. Зазила Стеньку совѣсть, помолвился онъ Владычницѣ, монастырь наградила и ушелъ, ничего не тронулъ. Послеъ опять Бога забылъ и много погубилъ христіанскихъ душъ. Дворянъ больно не любилъ Стенька, мучилъ ихъ всячески, а въ Астрахани архіерея съ колокольнымъ бросилъ. Прокляты за это Стеньку на всѣхъ соборахъ, а послеъ свои же начальству выдалъ, да онъ опять бѣжалъ и смерти ему по сѣю пору нѣтъ. Гдѣ пропадаетъ—невѣдомо. Старые люди сказываютъ, что будто въ горахъ, у моря Каспійскаго, мучается — выдали, говорятъ, его тамъ. Постарѣлъ Стенька, индо мохомъ весь обросъ, выходилъ изъ горъ и все спаливаетъ у прохожихъ, не умножилъ ли грѣхъ на Руси, не зажигаютъ ли по церквамъ салныхъ свѣчей замѣсто восковыхъ.

И по другому рассказываютъ — въ Жегуляхъ будто Стенька. «Шло разъ по Волгѣ судно. а на немъ одинъ бурлакъ хворый

быть. Видеть хозяйин, что работать бурлаку не в силу — дать ему лодку и посадить в горах. «Иди, говорит, куда нибудь выйдешь, а кормить я тебя даром не хочу — кто тебя знает, выздоровеешь ты или нет». И пошел бурлак по тропинке в лес, еле тащился. Ночь пришла, ни зги не видать, только вперед огонек мелькает. Пошел он на него и пришел в землянку сидит в землянке старик, волосатый весь и сдой — престой. Попросился бурлак переночевать — тот сперва не пускал, а потом говорит: «Пожалуй ночуй, коли не боишься!» Прохожий человек подумал: «чего бояться? разбойники-каж взять у меня нечего»; лег и заснул. Вдруг просыпается — шум, свист, втерь в лесу и влетела в землянку всякая нечисть. Давай старика мучать: тискают, груди у него сосут, а груди большие такие, ровно у бабы. Только зорька черкнула — они и отлетели. Переходнул старик и говорит бурлаку: «А знаешь ли, у кого ты почевал и кто я?» — «Не знаю», говорит тот. — «Я Стенька Разин — великий грешник — смерти себя не знаю и здесь за грехи свои муку терплю». У бурлака хворь давно как рукой сняло — стоит, слушает старика. «Далече отсюда, в земл. с кладом вместе, ружье зарыто, говорит Стенька, — сыры травой зарыжено — там моя смерть. На вот тебе грамотку!» И дал бурлаку записку на богатый клад — зарыт был он в Симбирской губернии в сел. Шатрапанах и столько казны в нем было, что на нее, по его сказаниям, можно было Симбирскую губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстрелять лучше пренияго. Все было прописано в грамотке — сколько чего и как взять. Первым делом надо было икону вынести Божьей Матери, часть денег по церквам и по нищей братии раздать, а потом взять из ружья выпалить, да сказать три раза: «Стенану Разину вечноя память!» Тогда бы в ту же минуту умерь Стенька и кончили бы его муки. Да не случилось так... Клад бурлаку не дался: человек был темный, грамоты не знал и отдать записку в чужьи руки; а грамотники словом одним обмолвились — клад в земл. и ушел; совсем было до него дорылись: дверь видно было. Перед тем как сплунуть, много успел Стенька всякого добра по берегу схоронить. Денег хватало было некуда. Струны у Стеньки разукрашенные, ключики позолочены, на молодцах бархат с золотом, дорожка шапки на берен сбиты — бдут Волгой плени удали поют, казной сорять. По буграм, да по курганам Стенька ее закапывал.

В Царичинском уезде, неподалеку от Песковатовки, курган небольшой стоит, всего каких-нибудь сажени две вышины. В нем, говорят народ, у него закопанный клад положен — целое судно как есть, полно серебра и золота. Стенька в полую лоду завел его на это место; когда вода сбыла — обсохло судно, он курган над ним и наметал, а для приметы наверху яблоню налку воткнул. Не простой человек посадил ее: стала палка расти, выросла в большое дерево и яблоки с него были, только безъянны, сказывают. Все доподлинно знали, что в кургане клад лежит, да руть было страшно: кто-то не простой был положен: из-за кургана всякий раз кто-то выскакивал страшный-престрашный. Нечистые стерегли Стенькино добро. Есть еще на Волге Настина гора — не клад в ней схоронен, а Стенькина любовница. Сам он одно время жил здесь и Настасья при нем жила. Уходил Стенька куда — около нея разбойников ставил сторожить. Берег Настасью атаман пуще глаза, да не уберечь от смерти — умерла дѣвка. Зарыт ее Стенька на бугре и закручинился: не знает чем место замѣтить, чем поминуть. А с бугра все видно: и обозы в степи и суда на рѣкѣ. Вот и видит Стенька: бдут три воза со стеклами. «Стой! Опрастывай! Тащи наверх!» В степи взяли было больше нечего, а Волге, как на грѣх, тоже не видать ничего — высыпал на бугор кучу битого стекла — тем и место замѣтить, а возникли на память отдали не одну мѣру серебра, да по разным дорогам и отпустил, чтобы они, выйдя друг над другом, худа какого не сдѣлали. Вот какой был Стенька! Битого стекла на бугре и сейчас много находят. На Дону у Стеньки камень был, а на Волге — бугор. Атаман на кошѣ на своей то и дѣло перелетает с Волги на Дон, с Дона на Волгу.

По правому берегу послѣдней рѣки дѣйствительно много показывают Стенькиных бугров. Чуть покруче — глядишь и его. Народ сам забыл, где настоящий бугор Стеньки Разина и

крестить его именем то один, то другой. «Тут Стенька станов стоял», говорят вам, «здесь шапку оставил, так и зовут это место «Стенькиной шапкой», на том бугре столько ищут, там клад положить и заковать». У всѣх этих бугров есть общія сходныя черты: все они крутой стѣной обрываются в Волгу, а от соседних возвышенностей отдѣляются глубокими ущельями. Недалеко от деревни Банновки, между с. Золотым, Саратовской губернии, и устьем Большаго Еруслана, обрыв в Волге носит название Бугра Стеньки Разина. Этот бугор изображен на прилагаемом рисункѣ.

Столообразный утес, сажень в шестьдесят вышины, отделился от соседних, сходных по очертанию, гор широкими оврагами, по которым сбѣгает каждый годъ лишняя вода. Народъ показывает в бугре яму, где была у Стеньки своя канцелярия «Костей много в ней находят», добавляють расказики. По преданию, Стенька долго жил на этом бугре, жилье у него было богатое: все дорогимъ бархатомъ обито, а на самомъ широкѣ кресло стояло с насѣчкой из кости слоновой; с него он суда осматривалъ и расправу чинилъ. Только платкомъ, бывало, махнетъ — судно сейчас, что надо, и выскачетъ. Большой у Стеньки клад в бугре зарыт, только взять его до сих поръ никто не могъ, а одинъ человекъ, — такъ, не такъ давно, пропалъ черезъ него. Вотъ какъ дѣло было:

«Заночевало у Стенькина бугра судно. Одинъ бурлак и сталъ товарищѣ спрашивать, не согласенъ ли кто идти съ нимъ на бугоръ, посмотришь, что тамъ есть. Ссыкался охотникъ, пошелъ. А бурлак то былъ изъ дошлыхъ: хотѣлось ему кладъ добыть. Вышелъ съ товарищемъ на берегъ и говоритъ ему: «Молчи, знай, что бы тебѣ ни померещилось. Ну, ладно. Вѣзлѣ на самую вершину, видать: яма не яма, а словно погребъ какой, съ дверью. Спустишь туда — в земл. попали. В переднемъ углу передъ иконою лампадка горитъ и такъ хорошо убрана землянка — что не вышетъ бы изъ нея. По середѣ гробъ стоитъ: на гробу три желѣзныхъ обруча и молотокъ большой возлѣ лежитъ, да пучка прутьевъ желѣзныхъ. А по стѣнамъ чего только нѣтъ? И бочки съ серебромъ, и бочки съ золотомъ; каменной разныхъ, золота, посуды сколько!.. П все какъ жаръ горитъ».

Помогли бурлаки иконѣ, а дока поднять молотъ и сбить обручи съ гроба долотомъ. Крышка у гроба отскочила и вышла дѣвица красавица-раскрасавица и спрашиваетъ: «Чего вамъ, молодцы, надо? берите всего, сколько хотите!» Красавица эта была Маринка безбожница. Дока ни слова не говори, схватилъ желѣзные прутья — давай ее полосовать, что есть силы. Товарища надо жалость взяла «Что ты, говоритъ, дѣлаешь! Побойся Бога!» Только онъ эти слова сказать, какъ в ту же минуту все пропало; подняло его невидимою силой и вынесло наверхъ. Нѣтъ ни ямы, нѣтъ ни двери. Только слышалъ, изъ-подъ земли крикнулъ кто-то: «Восемь. Девятаго!» Кладъ былъ заковать на много человѣчкихъ головъ. Отъ страха бурлак обезнамять, черезъ силу сползъ со Стенькина бугра и три гола нѣмымъ былъ послѣ этой окази. Съ той поры не высккивалось охотниковъ кладъ добывать, потому — кто его знаетъ, на сколько онъ головъ заковать.

Выше Камышина вереть на сорок, показывают еще бугоръ Стеньки Разина, а вереть на восемь выше слободы Данновки лежитъ ущелье, Стенькина тюрьма, прозванная *Дурманомъ*. Въ старые годы оно, говорятъ, окружено было такимъ густымъ лесомъ, такой чащей, что плѣнному выйти некуда было — оставалось только кинуться в Волгу.

Ниже Камышина, возлѣ Каравановой и у Дубовскаго посада стоитъ еще по бугру — и они — Стенькины. Весной в глубокі боковыя ущелья первого изъ нихъ заливается полная вода и бугоръ вылетаетъ надъ рѣкой какъ скалистый островъ.

И Уракову гору укажутъ вамъ неподалеку отъ колоніи Добринки. Это высокій, сажень в семьдесятъ, бугоръ, изъ котораго убитый Стенькой Ураковъ, говоритъ предание, сряду семь лѣтъ послѣ смерти кричалъ зычнымъ голосомъ проходившимъ по Волгѣ судамъ: «Привора-чи-ва-ай!» Гдѣ только не жилъ Стенька по разсказамъ? Пещеру его показываютъ и въ Жегуляхъ; толкуютъ про подземный ходъ вѣсколько верстъ, вырѣтый имъ подо всю луку. Про Стенькины ходы говорятъ и въ Симбирскѣ.

Народъ помнитъ своего неумирающаго атамана и ни о комъ нѣтъ столько преданій, какъ объ этомъ удавомъ разбойникѣ, чародей-богатырѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

„ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ“

Романъ Н. Карзинна. Часть первая Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.

Эта первая часть романа «Двуногий волкъ», имѣвшаго такой большой успѣхъ, была напечатана въ «Нивѣ» 1874 г. Въ настоящее время, приступая съ № 11-го къ печатанію второй части и нѣтъ въ виду громадное количество новыхъ подписчиковъ, начавшихъ читать «Ниву» только съ сего 1875 года, редакция, для удобства послѣднихъ, сочла нужнымъ отпечатать отдѣльно первую часть этого романа — и съ гг. новыхъ подписчи-

ковъ, желающихъ получить таковую, взимаетъ только свои собственные расходы, т. е., 40 коп. безъ пересылки и 60 коп. съ пересылкою. Эти 60 коп. гг. иногородные подписчики могутъ высылать въ простыхъ нѣсныхъ почтовыхъ маркахъ, которыя по почтовымъ правиламъ не нужно страховать, адресуя прямо въ контору редакціи «Нивы» А. Ф. Марксу въ С.-Петербургѣ.

2-й займъ 1866 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ

18-й тиражъ 1-го марта 1875 г.

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

На основаніи Высочайше утвержденного 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займъ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го Марта 1875 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫГРЫШИ ПАДЪ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
168	42	500	4902	33	500	9888	50	500	14063	26	500	16120	12	500
171	43	500	5118	17	500	9924	10	1000	14111	38	500	16150	37	500
268	46	500	5190	13	500	9997	28	500	14154	46	500	16165	1	500
278	39	500	5203	34	500	10015	30	500	14308	14	500	16195	3	500
397	16	1000	5216	3	500	10026	1	500	14418	7	500	16195	31	500
455	19	500	5294	37	500	10031	43	500	14576	45	500	16261	44	500
535	44	500	5346	33	500	10041	12	1000	14604	7	500	16289	20	500
611	24	500	5495	14	500	10101	42	500	14631	26	500	16309	9	500
714	41	500	5611	18	500	10166	49	500	14637	48	500	16340	36	1000
763	35	500	5648	48	40000	10192	26	500	14674	7	8000	16381	32	500
1007	22	500	5651	4	505	10197	49	1000	14698	44	500	16413	12	500
1142	5	500	5943	27	500	10285	25	500	14740	10	500	16415	35	500
1301	8	500	5961	24	500	10401	20	500	14805	38	500	16624	19	500
1306	26	500	6151	36	1000	10639	44	500	14919	49	500	16670	12	200000
1357	14	550	6248	30	1000	10852	35	500	14926	47	500	16780	49	500
1362	34	500	6267	12	10000	10875	36	500	15049	41	500	16781	31	1000
1413	26	500	6319	5	500	11010	7	500	15110	17	500	16875	26	500
1427	2	500	6460	8	500	11026	40	500	15219	10	500	16945	44	500
1606	7	500	6702	5	500	11196	19	500	15222	25	500	17000	21	500
1706	41	500	6849	32	500	11255	40	500	15421	50	500	17051	30	500
1743	50	500	6948	42	500	11265	24	500	15327	12	500	17100	40	500
1816	31	500	7035	38	500	11269	34	1000	15410	30	500	17103	9	500
1865	18	500	7102	47	500	11279	43	500	15435	11	500	17113	23	500
1873	19	500	7262	25	500	11307	24	500	15488	47	500	17150	7	1000
1968	44	500	7307	21	500	11310	43	1000	15501	20	500	17241	39	500
2088	49	8000	7360	36	500	11403	2	1000	15507	7	500	17265	27	500
2106	29	500	7561	22	500	11476	29	500	15702	46	500	17312	3	500
2159	28	500	7600	22	500	11636	17	500	15736	35	500	17631	1	500
2183	12	500	7653	8	500	11633	14	500	14762	26	75000	17662	41	5000
1356	17	500	7675	33	500	11707	13	1000	15834	5	500	17712	47	500
2681	36	500	7680	16	500	11710	10	500	15856	13	5000	17739	44	500
2684	46	500	7707	48	500	11752	45	500	15985	7	500	17830	7	500
2738	26	500	7760	34	500	11799	39	500	16055	39	500	17969	25	500
2768	17	500	7761	36	10000	11837	3	500	16091	42	500	17971	35	1000
2902	47	500	7922	50	500	11943	47	25000						
3001	14	500	8130	14	500	11964	43	500						
3057	12	500	8323	21	500	12045	16	500						
3093	19	500	8379	42	500	12079	16	500						
3113	30	500	8384	20	500	12097	6	500						
3200	17	500	8446	25	500	12141	7	500						
3203	7	500	8490	35	500	12150	37	500						
3301	5	500	8505	50	5000	12240	42	500						
2367	11	500	8511	9	500	12318	2	500						
2379	8	500	8520	35	500	12390	44	500						
3523	22	500	8599	48	500	12603	50	500						
3560	34	500	8614	27	500	12690	27	500						
3569	17	500	8666	30	500	12740	40	1000						
3651	29	1000	8722	3	500	12761	43	500						
2744	49	1000	8777	36	500	12856	47	500						
3777	1	500	8875	30	500	12923	46	500						
3789	12	500	8998	32	500	12940	49	500						
3925	6	5000	9032	30	550	12942	15	500						
4075	6	500	9039	23	1000	12999	20	500						
4078	29	500	9064	36	500	13157	19	5000						
4088	20	8000	9100	25	500	13258	29	500						
4113	33	500	9107	13	500	13400	6	10000						
4225	10	5000	9250	28	500	13505	30	500						
4273	38	500	9360	41	500	13558	32	500						
4313	33	500	9371	40	500	13594	10	8000						
4365	39	500	9582	33	500	13668	32	500						
4472	36	500	9627	5	500	13696	38	500						
3496	26	500	9646	3	500	13722	3	500						
4594	8	500	9719	38	8000	13801	44	500						
4661	17	500	9806	33	500	13905	24	500						
4702	14	500	9812	33	500	13938	19	500						
4773	20	500	9844	35	500	13973	30	500						

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Юня 1875 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го Марта 1875 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

30, 220, 919, 1144, 1392, 2316, 2453, 2528, 2903, 3566, 3639, 4242, 4318, 4978, 5095, 5243, 5495, 6092, 7206, 7854, 8184, 8353, 8901, 9841, 9910, 10006, 10705, 11071, 11239, 11978, 12730, 12815, 12861, 13843, 14132, 14636, 14718, 15094, 15179, 15411, 15538, 15556, 15741, 16508, 16632, 16882, 17077, 17299, 17614, 18381, 18810, 19594.

Всего 52 серій, составляющія 2,600 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Юня 1875 г. въ Государственномъ Банкъ, его Контрахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Первый министръ Дизраэли (съ портретомъ).—Двуногий волкъ. Романъ Н. Н. Каразина. Ч. II. — Свадебная корзина (съ рисункомъ).—Блуждающіе огоньки (Автобіографія Праотцева). Соч. Н. С. Лёнова (Стебничаго) (продолженіе).—Пароходъ Бессемера (съ рисункомъ).—Вторъгъ Стежки Разна (съ рисункомъ).—Тиражъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа.

Редакторъ В. Ключниковъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 12 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 23-го Марта 1875 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромя Воскресенья). Плата за строку пятадцать к. с.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ нумерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:

для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000

Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

- 1) за перемѣну С.-Петербургъ, на Иногородн. — 60 к.
- 2) „ „ Иногор. на С.-Петербургъ. — 50 „
- 3) „ „ Иногородн. на Иногородн. — 30 „

Отдѣльные нумера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣ.	На 4 мѣ.	На 3 мѣ.
Р.	Р.	Р.	Р.	Р.
К.	К.	К.	К.	К.
Безъ доставки въ Петерб.	4	2	1	1
Съ доставкою въ Петерб.	5	3	2	1
Безъ доставки въ Москвѣ,				
черезъ И. Г. Соловьева, А. Мангъ,				
А. Ф. Живарева и Васильева .	4	50	—	—
Съ пересылкою по всѣмъ го-				
рода и мѣст. Русской Имперіи	5	50	3	2
				1
				50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.

Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. нумера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонора. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

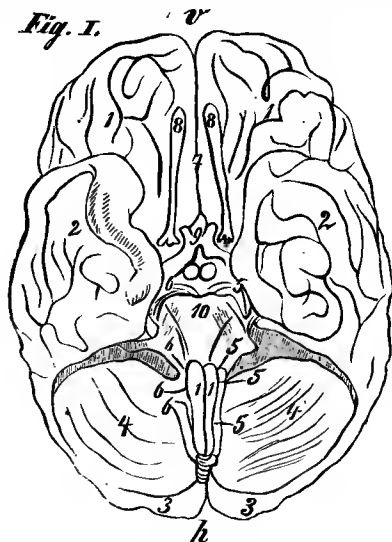
Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу). Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ и гравюры имѣются въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе приобрести таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

РВІТЕЛЬ ДУХА.

Что мозгъ есть органъ души—это стало въ наше время настолько твердымъ положеніемъ, что едва ли жому придеть въ голову серьезное сомнѣніе. Но далеко не всегда было такъ—и сколько ни ломали себѣ голову философы изъ нашихъ предковъ надъ этимъ вопросомъ, а все же мы обязаны хотя приблизительнымъ рѣшеніемъ его лишь тысячелѣтнимъ опытомъ и наблюденіямъ. Къ уразумѣнію его насъ постепенно привели многочисленные наблюдения у больныхъ коекъ, случайныя поврежденія черепа и вскрытія умершихъ отъ душевнаго недуга. При внезапныхъ обморокахъ, или въ случахъ апоплексіи, находили въ мозгу измѣненія или приливы крови; знали, что дѣтская водянка въ головѣ (Hydrocephalus) всегда сопровождается тупостью и идиотизмомъ. Тѣмъ не менѣе, самая способность мышленія—съ тѣхъ поръ какъ люди думаютъ—оставалась загадкой.

Фиг. I. Головной мозгъ, видимый снизу (v передъ, лобъ; А задъ, затылокъ).

1. Передній допасти мозговыхъ полушарій.
2. Средній
3. Задній
4. Заднія допасти на рисункѣ прикрыты мозжечкомъ.
- 5, 5, 5 и 6, 6. Первые отростки.
7. Передняя нижняя оконечность продольной складки.
8. Обонятельные нервы.
9. Скрещеніе зрительныхъ нервовъ.
10. Вароліевъ мостъ.
11. Продолговатый мозгъ.

Если, съ одной стороны, новѣйшее время путемъ многочисленныхъ опытовъ поставило душевныя отправленія въ нѣкоторую зависимость отъ мозгового вещества (такъ какъ, напр., можно чуть не по частямъ срѣзывать интеллигенцію животнаго вмѣстѣ съ слоями мозга),—то, съ другой стороны, это же новѣйшее время приписываетъ второму центральному нервному аппарату, спинному мозгу, такого рода дѣятельность, которая возбуждаетъ сомнѣнія относительно истиннаго вмѣстелища души. По воззрѣніямъ современной науки, *мысль есть нѣкоторое измѣненіе мозгового вещества*, мыслительная дѣятельность есть неотъемлемое свойство мозга, неотдѣлимое отъ его вещества, отнюдь не будучи при этомъ (какъ утверждаютъ материалисты изъ послѣдователей Фогта) *выдѣленіемъ* изъ мозгового вещества на подобіе испарины, слезъ, слюны, и т. п. выдѣлений желѣзокъ.

Осмотримъ прежде всего внѣшній видъ занимающихъ насъ органовъ. Головной и спинной мозгъ образуютъ соединенныя между собою массы, симметрично расположенныя, одѣтыя кожей и выполняющія почти всю вмѣстимость черепа и канала позвоночника. Если осторожно спилить верхнюю крышку черепа и снять облекающую мозгъ перепонку, поверхность мозга представляется нашимъ глазамъ: видны оба полушарія съ мно-

Фиг. II. Продольный разрѣзъ головного мозга по срединной линіи.

1. Внутренній видъ мозгового полушарія.
2. Разрѣзъ мозжечка съ тонкимъ абрисомъ такъ-называемаго *древа жизни* (arbor vitae).
3. Продолговатый мозгъ.
4. (Corpus callosum) мозолистое тѣло (мѣсто, въ которомъ оба полушарія соединяются подъ продольной складкой).
5. Вароліевъ мостъ.

и канала позвоночника. Если осторожно спилить верхнюю крышку черепа и снять облекающую мозгъ перепонку, поверхность мозга представляется нашимъ глазамъ: видны оба полушарія съ мно-

го численными извилинами на ихъ поверхности, сѣровато-желтаго цвѣта, раздѣленныя по срединной линіи пробѣгающею спереди назадъ разщелиною, складкою. Эта трещина впрочемъ лишь на передней и задней оконечностяхъ простирается до самаго основанія главной массы мозга, тогда какъ въ срединѣ она достигаетъ лишь незначительной глубины между полушаріями, которыя въ этомъ мѣстѣ соединяются между собою. Если эти полушарія, составляющія такъ-называемый *Большой мозгъ*, вынуть изъ костяной коробки черепа, осторожно перерѣзавъ всѣ ихъ связи съ послѣднею и взглянуть въ ихъ нижнюю поверхность, — то кромя многочисленныхъ извилинъ, замѣтимъ оторостки многихъ нервныхъ вѣтвей, а по срединѣ направленный наклонно внизъ, изъ такъ-называемыхъ *Варолиевъ мостъ* (pons Varolii) и *Продолговатый мозгъ* (medulla oblongata), изъ которыхъ послѣдній, спускаясь въ круглое нижнее отверстіе черепа, непосредственно затѣмъ переходитъ въ *спинной мозгъ*.

Внутренняя масса Большаго мозга представляетъ четыре пустоты (полости), соединяющіяся между собою и посредствомъ узкаго канала продолжающіяся въ центрѣ спиннаго мозга во всю длину его.

Вынуть изъ черепа большой мозгъ, мы увидимъ въ нижнемъ своѣмъ затѣмъ такъ-называемый *мозжечокъ*, отдѣленный посредствомъ шатрообразнаго, кожистаго покрова отъ лежащихъ надъ нимъ заднихъ долей большого мозга. Мозжечокъ значительно меньше послѣдняго и съ виду похожъ на сдавленную раковину: поверхность его не имѣетъ извилинъ, но отличается необыкновенно-нѣжнымъ рисункомъ вѣерообразныхъ желобковъ. Что касается вещественнаго состава нервной массы, то уже издавна извѣстно, что какъ головной такъ и спинной мозгъ заключаютъ въ себѣ «сѣрое» и «бѣлое» вещества, отличающіяся одно отъ другаго своимъ устройствомъ.

Въ Большомъ мозгѣ и мозжечкѣ—внѣшняя масса состоитъ изъ сѣраго вещества, а центральная изъ бѣлаго; въ спинномъ мозгѣ, наоборотъ, внѣшнее вещество бѣлаго цвѣта, а внутреннее—сѣраго. Центральные органы нервной дѣятельности обильно снабжены кровеносными сосудами, а потому и обильнѣе вещества въ нихъ весьма энергиченъ. Химія указала въ ихъ составѣ много особенныхъ жировъ, нѣкоторыя кислоты и значительное количество фосфора. Вообще же образующіяся тамъ соединенія—чрезвычайно сложнаго характера, какъ показываетъ недавно открытая Либрейхомъ составная часть мозга—*протитонъ*.

Вотъ все, что можно сказать въ общихъ, грубыхъ чертахъ. Но точнѣйшія подробности строенія органа души абсолютно темны, безпримѣрно запутаны, представляютъ бездну загадочныхъ образованій, значеніе которыхъ до сихъ поръ не разъяснено хотя приблизительно. Въ массѣ мозга попадаютъ холмы и долины, мосты и водопроводы, пещеры и выступы, деревья и снопы, балки и своды!.. Анатомъ изслѣдователь могъ бы заимствовать сравненія изъ всѣхъ царствъ природы. И не смотря на безустанный рвеніе, не смотря на точнѣйшія опредѣленія и описанія каждаго пункта въ этомъ запутанномъ лабиринтѣ, не смотря на массу названій,—относительно цѣлы нѣкоторыхъ мозговыхъ образованій мы обрѣтаемся въ томъ же невѣдѣніи какъ и прежде, и только въ послѣднее время, благодаря изысканіямъ Нотнагеля, Мейнерта и другихъ, пробивается слабый лучъ свѣта въ этомъ темномъ царствѣ. Какъ бы вслѣдствіе чьего-то роковаго намѣренія еще болѣе затемнить смыслъ этой книги за семью печатями, самыя опыты должны бороться съ громадными затрудненіями и часто приводить къ такимъ безсмысленнымъ результатамъ, что остается воскликнуть вмѣстѣ съ Лудвигомъ: «опыты надъ мозгомъ производить—все равно что изслѣдовать механизмъ карманныхъ часовъ, стрѣляя въ нихъ изъ пистолета», до того грубыми оказываются всѣ орудія и приемы опытовъ въ сравненіи съ нѣжностью и сложностью нервнаго аппарата.

Не взирая однакоже на такое положеніе дѣлъ, изслѣдователи прочно установили тотъ фактъ, что органомъ духовной дѣятельности служитъ исключительно головной мозгъ; тогда какъ мозжечокъ, продолговатый мозгъ и спинной мозгъ суть средоточія чисто-животной жизни. Такъ, въ продолговатомъ мозгѣ есть пунктъ, регулирующий дыханіе и сердцебиеніе безъ всякаго участія воли. Поэтому онъ и называется *жизненнымъ узломъ* (poeud vital) и разрушеніе его ведетъ за собой непосредственно прекращеніе жизни. Вотъ почему на боѣ быковъ матадоръ колѣтъ шпайга какъ разъ въ это мѣсто затылка, чтобы сразу покончить съ разъяреннымъ животнымъ.

Безчисленные факты изъ такъ-называемой *сравнительной анатоміи* подтверждаютъ, что Большой мозгъ есть исключительное вмѣстилище духовныхъ функций—и всегда животное бываетъ тѣмъ интеллигентнѣе (умнѣе), чѣмъ болѣе масса Большаго мозга относительно всего тѣла,—или, что сводится къ тому же—чѣмъ обширнѣе полость черепа сравнительно съ выступомъ лицевыхъ костей. Извилины Большаго мозга понятнымъ образомъ увеличиваютъ его поверхность, т. е. массу сѣраго вещества, играющаго главную роль въ мышленіи; а поэтому извилины тѣмъ многочисленнѣе и рельефнѣе, чѣмъ интеллигентнѣе порода и чѣмъ старше животное. И въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ мозга возрастаетъ по мѣрѣ развитія ума: онъ увеличивается до 25 лѣтъ, остается затѣмъ постояннымъ до 50, а послѣ этого возраста убавляется. Неестественно-малая величина Большаго моз-

га всегда сопряжена съ слабостью духовныхъ силъ, всегда сопровождается слабоуміемъ—лучшимъ доказательствомъ тому служатъ кретины (микрцефалы—малоголовые).

И такъ, несомнѣнно, что духъ пладывается въ Большомъ мозгѣ, но это ни на шагъ не подвигаетъ вопроса о мѣстопробываніи различныхъ проявленій духа, различныхъ духовныхъ функций. Для изслѣдованій этой загадки, ученые посвящали себя ей съ особенною любовью, съ теченіемъ времени пользовались тремя существенно-разными методами, а именно:

- 1) путемъ наблюденія надъ больными за секціоннымъ столомъ;
- 2) путемъ безустанно-возобновляемыхъ и постоянно-усовершенствуемыхъ опытовъ;
- 3) путемъ сравнительно-анатомическаго изученія съ измѣреніемъ череповъ.

Первый методъ конечно такъ же старъ какъ само мыслящее человечество, а поэтому существенные результаты его были почти такъ же извѣстны Гиппократу, какъ и въ наше время. Это фактъ взаимнаго перекрещиванія волоконъ въ мозгу, такъ что дѣятельность одной половины мозга отзывается въ противоположной ей половинѣ тѣла, напр., расслабленіе или параличъ правой половины тѣла всегда обуславливаются болѣзненнымъ измѣненіемъ или кровоизліаніемъ въ лѣвой половинѣ мозга и наоборотъ.

Къ этому, давно-извѣстному факту, въ послѣднее время присоединено въ высшей степени интересное открытіе, что въ третьей лобной извилинѣ передней части лѣваго мозгового полушарія надо искать средоточія способности *рѣчи*. Мы обязаны этимъ важнымъ открытіемъ (единственно вѣрно локализацію мозговыхъ функций) французскому анатому Брокъ. Вниманіе его на это обстоятельство было обращено ранеными, которымъ пуля такъ несчастливо—для науки же такъ счастливо—попадала, что повреждалась именно эта точка. Раненые при этомъ теряли способность говорить, хотя органы оставались у нихъ неприкосновенными, а равно и сознаніе, какъ и вся прежняя духовная дѣятельность, нисколько не пострадала. Скоро дознались, что и болѣзни въ этой части мозга сопровождаются тѣмъ же эффектомъ,—и оказалось, что возникающее при этомъ нарушеніе функций *рѣчи* проявляется въ различной, болѣе или меньшей степени. По этому стали отличать различные роды *афазіи* (потери *рѣчи*), смотря по тому или другому пробѣлу въ памяти. Такъ напр., одинъ изъ раненыхъ внезапно забывалъ *иностранный языкъ*, которымъ до того владѣлъ въ совершенствѣ; другой утрачивалъ цѣлыя категоріи словъ изъ своего роднаго языка, напр. подлежащія или имена собственныхъ, между тѣмъ какъ все остальное говорилъ весьма свободно. При этомъ болѣлые въ совершенствѣ понимаютъ все, что имъ говорятъ,—и доказываютъ это своими дѣйствіями. Они подають требуемый у нихъ предметъ, но только не могутъ сами его назвать, когда онъ имъ снова потребуется. Къ счастію утрата эта съ теченіемъ времени возобновляется—и кажется при этомъ третья лобная извилина передней части *праваго* полушарія получаетъ способность замѣнять *лѣвое* въ его отправленіяхъ.

Второй методъ, *опытный*, моложе всѣхъ и только въ послѣднее время достигъ той степени совершенства и утонченности, какая безусловно необходима при этого рода изслѣдованіяхъ.

Результаты этого метода должны быть выводимы съ тѣмъ болѣею осторожностью, что они добываются при наблюденіяхъ надъ животными, а потому частію представляютъ недостаточныя указанія, частію лишь съ большими ограниченіями могутъ быть прилажены къ человѣческой природѣ. Выводы изъ нѣкоторыхъ, нпрочемъ, не вполнѣ установленныхъ фактовъ, добытыхъ этимъ путемъ, довольно богаты; но главнѣйше обязаны мы этому методу открытіемъ слѣдующихъ двухъ знаменательныхъ фактовъ: 1) первая жизнь въ извѣстной степени продолжается и безъ Большаго мозга, но за то и безъ сознанія, 2) существуютъ извѣстные центры для многихъ полуживотныхъ душевныхъ отправленій.

Что касается перваго пункта, то онъ очевидно подтверждается при вынутіи мозга у животныхъ. Для подобныхъ опытовъ употребляютъ преимущественно птицъ, а именно голубей, потому что черепъ ихъ не толще пергамента и при этомъ кровь у нихъ такъ быстро свертывается на поверхности раны, что они не подвергаются значительному кровотеченію и общее состояніе здоровья не слишкомъ потрясается подобною операцией. Голубя, у котораго вынули Большой мозгъ, сидитъ въ глубокомъ снѣ и какъ бы въ отупѣніи цѣлыя недѣли, мѣсяцы, отнюдь не покидая своего мѣста добровольно. Онъ не получаетъ никакихъ сознательныхъ ощущеній отъ своихъ высшихъ органовъ чувствъ; имѣетъ глаза и не видитъ—ибо не клонитъ предлагаемаго ему гороха; имѣетъ уши и не слышитъ—ибо не шевелится отъ выстрѣла пистолетомъ надъ самымъ ухомъ; имѣетъ носовыя полости и не обоняетъ—ибо не отскакиваетъ отъ поднесеннаго ему скипидара, котораго голуби терпѣть не могутъ. Голубь сидитъ неподвижно—и если его не кормить, окочковѣетъ съ голоду передъ корытцемъ полнымъ корму, потому что имѣя въ глазу образъ пищи, а въ желудкѣ *потребность* ея, не можетъ соединить то и другое въ *дѣйствіе* *пды*. Для того чтобы голубь проглотилъ пищу или питье, они должны быть проведены ему въ

глотку до того мѣста, прикосновение къ которому вызываетъ непроизвольное глотаніе. При этомъ само собою разумѣется, что всѣ отправления животно-растительной жизни остаются совершенно нормальными и совершаются правильно, какъ-то: кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе и т. д. Голубь сохраняетъ даже чувство равновѣсія: сидитъ напр. у васъ на пальцѣ совершенно прямо—и тревожно машетъ крыльями, когда вы начинаете вертѣть палецъ.

Если его при этомъ подбросить на воздухъ, то въ немъ проявляется непонятное намъ чувство *лишенія твердой опоры*—и онъ начинаетъ летѣть:—случайно онъ можетъ налетѣть прямо на какое нибудь остріе, потому что не видитъ его. И такъ, лишенное мозги животное не только безучастно, оно поражено

несомнѣннымъ идиотизмомъ, ибо не можетъ соединять своихъ *ощущеній въ представленія и проявленія воли*. Слѣдовательно, мышленіе, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, отнюдь не необходимо для жизни: оперированныхъ такимъ образомъ голубей можно сберечь живыми продолженіи *двухъ мѣтъ*—и даже изъ превосходныхъ изслѣдованій Розенталя оказывается, что съ теченіемъ времени наступаетъ нѣкоторое улучшеніе, какъ бы возстановленіе до извѣстной степени мозговыхъ отравленій. Въ животномъ начинается пробуждаться участіе, отъ времени до времени птица перемѣняетъ мѣсто, проявляетъ удовольствіе и отвращеніе—и соответственно тому надъ краемъ старой раны вырастаетъ новая масса мозга.

(Продолженіе будетъ).

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

IV.

Разладъ.

Въ Хивѣ, въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, по ставкамъ разбитыхъ и окончательно деморализованныхъ ханскихъ войскъ, въ этой общей неурядицѣ и паникѣ, охватившей все ханство, все низовье великой „Аму“, начали ясно обрисовываться двѣ, совершенно противоположныя одна другой, партіи.

Одна партія требовала мира, требовала немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, цѣною какихъ бы то ни было соглашеній съ русскими. Если бы послѣдніе предложили этой партіи самыя тяжелыя условія—эти условія были-бы приняты безъ возраженія...

Другая партія настаивала на продолженіи войны, на продолженіи самаго упорнаго, фанатическаго сопротивленія.

Приверженцы первой партіи совѣтывали хану послать къ русскимъ „мудрѣйшихъ людей“, просить „генерала изъ Ташкента“ остановиться, общать все, что онъ пожелаетъ, и подкрѣпить свои обѣщанія клятвою. Они говорили, что русскихъ удержать силою уже невозможно. „*Дуй ртомъ навстрѣчу урагана, удержи его!*“ приводили они это картинное сравненіе. „Если ханъ съ покорностью явится къ русскому генералу“, предполагали они,—„тотъ не захочетъ его конечной гибели и предложитъ гнѣвъ на милость“. „Вотъ въ Бухарѣ, въ 1868 году,—припоминали эти сторонники мира, тоже самое съ эмиромъ бухарскимъ, Мозофаромъ было:—Вѣдь уже какъ на него злы за Самаркандъ были, да за сговоры съ сосѣдними беками... Всѣ мы тогда думали, что послѣ зарабулакскаго боя пришелъ конецъ Мозофарову ханству; а попросилъ онъ покорности, поклонился,—русскіе остановились, дальше не пошли. Правда, они у него полъ-ханства забрали, лучшую его половину, да все же кое-что и оставили, не все отняли. И теперь Мозофаръ спокойно себѣ въ Бухарѣ благоденствуетъ... А кому онъ обязанъ этимъ?—все вѣдь бѣдному Рахмедъ-Инаку, что его на миръ подбивалъ, вопреки мулъ-горлановъ *). Послѣ-же еще сами русскіе эмиру помогли, совсѣмъ изъ бѣды выручили, когда сынъ его на отца войной пошелъ; города, отобранные имъ, выручили... И теперь эмиръ-Мозофаръ не своею больше, а русскою силою на ханствѣ держится... Такъ-то!

— И хивинскаго хана, Сеидъ-Рахимъ-Богадура, русскіе не тронуть; оставятъ его же въ Хивѣ царствовать, сами уйдутъ, только порядки, можетъ, по своему завѣдутъ новые.

— Па все, на все соглашайтесь, лукавили они,—русскіе уйдутъ, тогда опять въ тихомолку на старый ладъ

повернуть можно... Когда еще русскіе спохватятся, замѣтятъ, да назадъ вернутся, много лѣтъ пройдетъ, много въ морѣ воды Аму-дарьинской утечетъ... Вѣдь вотъ, между тѣмъ, послѣднимъ разомъ, когда Перовскій изъ Оренбурга ходилъ, и нынѣшнимъ, безъ малаго полъ-вѣка прошло, а въ такое долгое время *можетъ и теперь станеть дуть иначе*.

— Русскіе—народъ не злопамятный; они покорность шибко любятъ; только не перечъ имъ и выходи на встрѣчу, съ клѣбкомъ и подарками... А что ужъ тутъ намъ и перечить, когда на ихъ сторонѣ вся сила.

— Вся да не вся! отвѣчали сторонники сопротивленія, укоризненно поглядывая на *трусовъ и людей забывшихъ, что они не въ бабьихъ рубашкахъ*.

— Сколько вѣковъ стоитъ Хива благочестивая! Въ ней лучшіе святые могины свои построили. Къ ней со всѣхъ сторонъ тысячи хаджей, богомольцевъ собираются. Въ Хиву вольный народъ добычу свою привозить, и самъ богатѣетъ и городъ богатитъ... Не можетъ нога невѣрнаго попирать благочестивую землю хивинскую! Ни святые, ни пророкъ, ни даже самъ Аллахъ не попуститъ этого позора и посрамленія. Если онъ послалъ теперь испытаніе и кару на хивинскій народъ, то скоро надо ожидать отъ него и помилованія, а не вымаливать это помилованіе у невѣрныхъ собакъ, предупреждать волю Аллаха.

— Пусть все забираютъ русскіе силою, послѣ всегда отнять назадъ можно забранное, когда счастье повернется въ нашу сторону.

— Хану говорятъ: „уйди некуда!“—не правда! Говорятъ: „все равно въ плѣнъ попадетъ къ русскимъ“—не правда и это! А Мервъ на что, а тюркменскія вольныя степи?! Ханъ къ тюркменамъ уйдти можетъ, а то такъ и къ самому хану кабульскому; тамъ его „инглизы“ поддержать, имъ это даже на руку будетъ... Мы вѣдь тоже кое-что да смыслимъ... Да развѣ русскіе пойдутъ дальше Хивы: это только дѣти такой вздоръ выдумать могутъ. Нѣтъ, они остановятся. Что имъ за охота въ тюркменскія степи забираться?! Они знаютъ, что *въ степи эти дорога широкая, да назадъ оттуда узкая*.

— И сюда-бы даже не пришли русскіе, если-бы не наши безпорядки да неурядицы... Песками-бы ихъ не пропустили, не то что на этотъ берегъ перебраться дали... Сами мы все грызлились между собою, да спорили, а дѣла не дѣлали настоящаго; потеряли головы—оттого все и вышло, а не отъ силы русской.

— Вотъ какъ надо намъ теперь дѣйствовать: далеко отошли русскіе отъ своей земли; широкія, безводныя пустыни легли за ними;—можно ихъ совсѣмъ теперь отрубать; замучить ихъ исподволь, истомить и погубить потомъ разомъ, однимъ дружнымъ натискомъ...

— Мало-ли русскихъ головъ торчало и гнило на коняхъ, на этихъ же самыхъ стѣнахъ? Погодите, прій-

*) «Рахмедъ-Инакъ-бекъ заадинскій», уговорившій Эмира-бухарскаго заключить миръ съ нами въ 1868 году.—Несчастный погибъ, имѣвъ несчастіе попасться въ руки инсургентовъ при набѣгѣ «Ката-тюра» на Заадинъ и Хатырчи.

деть время, и мы увидимъ еще цѣлые ряды такихъ же стриженныхъ головъ...

— Пусть поднимется всякъ, кто въ силахъ взяться за ножъ; пусть даже старики и дѣти идутъ сражаться. Во всѣхъ мечетяхъ, на всѣхъ перекресткахъ молитесь объ одномъ: о побѣдѣ надъ невѣрными... Аллахъ смилуется и не станетъ губить въ конецъ своихъ дѣтей вѣрныхъ.

На сторонѣ первой, мирной партіи, былъ Мать-Ніазъ, подерѣвленный осыдлыми хлѣбопашцами и садоводами, народомъ городскимъ и торговымъ; къ сторонѣ противной, враждебной, требующей „хазавата“, явно присталъ Мать-Мурадъ, а съ нимъ и вся вольница. Тюркмены отступили къ своимъ предѣламъ и выжидали, ханъ колебался между тою у другою стороною.

V.

Мать-Мурадова ставка.

Верстъ двадцать не доѣзжая Хивы, по Хазарь-Аспской дорогѣ, весь заросшій садами, таится кишлакъ Чаганакъ. Кишлакъ этотъ маленькій, всего изъ восьми сакель; сакли эти стоятъ по четыре на каждой сторонѣ улицы; съ крыши каждой изъ этихъ сакель на крыши противоположныхъ перекинута тонкая жердь, а на жерди хворостъ настланъ, а сверху все циночками прикрыто. Этотъ навѣсъ покрываетъ всю улицу; темно такъ въ ней, прохладно, и жители чаганакскіе съ утра и до ночи сидятъ въ своихъ лавкахъ, пользуясь этою тѣнью, заманивая ею всѣхъ проѣзжающихъ остановиться, покурить кальяна, напиться чаю и дать, тѣмъ временемъ, отдохнуть своей лошади.

Чаганакцы всѣ торговые люди; держутъ кальяны, самовары, и торгуютъ всѣмъ, чтѣ только нужно всякому дорожному человѣку... Они и живутъ только этими дорожными людьми, а потому всякаго остановка проѣзжаго, подъ тѣнью ихъ базара-улицы, приносить имъ, хотя и небольшую, за то вѣрную прибыль.

Особенно доходны чаганакцамъ большіе арбяные обозы... Чуть только услышатъ они скрытъ немазанныхъ осей по дорогѣ, сейчасъ торопятся роздуть уголья въ потухшихъ самоварахъ, подбросить хворосту въ огонь въ холодное зимнее время... Выглядываютъ изъ-подъ своихъ навѣсовъ и ждутъ... И не спѣшатъ они другъ передъ другомъ звать къ себѣ проѣзжихъ, знаютъ, что на всѣхъ хватитъ; всего вѣдь только восемь лавочекъ — „восемь караванъ-сараевъ“ — какъ они сами свои эти лавочки величаютъ.

Въ настоящее время много народу чужаго занимало Чаганакъ; вся улица была запружена лошадьми, мѣста не было проѣхать по дорогѣ, не было мѣста и въ лавкахъ, даже во дворахъ, занятыхъ биткомъ, отъ воротъ, вплоть до заднихъ стѣнокъ.

Только на этотъ разъ, отъ такого наплыва чужаго народу, чаганакцамъ выгоды не было. Самыхъ хозяевъ даже не было дома, всѣ разбѣжались и попрятались; остались только два сѣдыхъ старика, которымъ и ходить уже было не подъ силу, не то что бѣгать.

Со вчерашняго дня пришли сюда эти чужіе люди, заняли кишлакъ, да вотъ уже сутки какъ изъ него и не выходятъ. Весь кормъ, чтѣ только былъ заготовленъ, потравили лошадямъ, весь табакъ выкурили, весь чай выпили, все попріѣли... Хозяйничаютъ такъ, что послѣ хозяйства ихъ въ годъ не поправиться.

Это пришелъ самъ Мать-Мурадъ съ своими конными и пѣшими. Мало у него уже и тѣхъ и другихъ осталось, все поразбѣлось, кому куда глядѣлось охотнѣе, однако сотенъ до пяти еще насчитывалось вооруженнаго сброда... Слишкомъ мало, чтобы встрѣчать русскихъ боемъ; слишкомъ за то много для бѣдныхъ чаганакцевъ.

Да объ этихъ послѣднихъ, впрочемъ, никто и не заботился.

Далеко слышенъ былъ шумъ и говоръ, неспійся изъ-подъ чаганакскихъ навѣсовъ, звякало оружіе, ржали и грызлись злые тюркменскіе жеребцы, собаки хозяйскіе были подъ заборами; дымъ столбами валилъ изъ-за стѣнъ, коптя черные бока чугунныхъ и мѣдныхъ котловъ, блеяли бараны, сбитые въ кучу, у крайней сакли, звонко похлопывали ременные нагайки джигитовъ...

— Аллахъ, Аллахъ! пронеси дальше и скорѣе эту тучу!... молились, глядя на все издали, настоящіе чаганакскіе обитатели.

Но Аллахъ вѣроятно не слышалъ ихъ жаркой молитвы — Мать-Мурадъ не уходилъ и не уводилъ съ собою своей „тучи“.

Самъ датха *) занялъ вторую саклю, муллы Аманджула. Эта сакля была просторнѣе другихъ; на дворѣ у ней былъ вырытъ прудъ, а у пруда росли четыре тѣнистые карагача. Подъ этими карагачами и расположился Мать-Мурадъ, на разостланныхъ дорогахъ тюркменскихъ коврахъ; а по близости, въ томъ же дворѣ, у стѣнъ стояли его лошади и лошади его приближенныхъ нукеровъ... У воротъ сакли сидѣли два часовыхъ, въ темнокрасныхъ халатахъ съ длинными ружьями, съ подвязанными къ стволамъ подсошками, и никого не впускали во дворъ, безъ особаго приказанія или разрѣшенія самого датхи. Много народу развелось двуличнаго и двуязычнаго за послѣднее время, нельзя было знать навѣрное — съ добромъ или со зломъ идетъ человѣкъ, а потому никого незнакомаго и не впускали, безъ строгаго опроса и проверки.

Мать-Мурадъ не одинъ сидѣлъ въ своей ставкѣ, подъ карагачами; передъ разсвѣтомъ къ нему пріѣхалъ самъ Мулла-Садыкъ съ своими киргизами. Извѣстный агитаторъ кочевниковъ привелъ съ собою до двухсотъ всадниковъ, рѣзко отличающихся своимъ видомъ отъ нукеровъ Мать-Мурада.

Большинство садыковцевъ были кызыль-кумскіе киргизы, пришли они на приземистыхъ киргизскихъ лошадяхъ, одѣты были большею частію въ желтоватые халаты изъ верблюжьей ткани, и на головахъ у нихъ были лѣтніе малахаи изъ бѣлой тонкой кошмы.

Киргизы особнякомъ держались отъ тюрменъ и нукеровъ; они расположились по степному: — стрепожили коней и пустили ихъ прямо на траву, за околицею кишлака; человѣкъ десять стали поочередно сторожить пасущійся табунъ, а остальные разсѣлись группами на самомъ солнцекѣ; огни разложили и начали потрошить пригнанныхъ съ собою барановъ.

Мулла-Садыкъ былъ одѣтъ какъ самый простой киргизъ, въ такомъ же халатѣ верблюжьемъ, въ такой же войлочной шапкѣ, въ красныхъ штанахъ, вышитыхъ цвѣтнымъ шелкомъ, потертыхъ и засаленныхъ... Онъ прилегъ на коврѣ, щурясь потлядывалъ вокругъ своими узко-прорѣзанными, настоящими киргизскими глазами, и съ хрипѣніемъ пропускалъ сквозь зубы струю кальяннаго дыма...

Мать-Мурадъ сидѣлъ сановито, безпрестанно поглаживая густую, черную бороду съ просѣдью и сердито хмуря совершенно сѣдые брови... Онъ былъ видимо раздраженъ и говорилъ рѣзко, пересыпая разговоръ бранью. Садыкъ-же, казалось, совершенно равнодушно относился къ предмету разговора; только скулы его, сильно выдавшіяся, слегка вздрагивали и на узкихъ губахъ показывалась, по временамъ, не то насмѣшка не то гримаса отъ боли — вѣрнѣе послѣднее, потому что старая рана, полученная имъ еще пять лѣтъ тому назадъ подъ Датырчами, все еще не заживала какъ слѣдуетъ, и часто открывалась вновь, особенно въ жаркое лѣтнее время.

Кромѣ этихъ вождей, непреклонныхъ сторонниковъ — сопротивленія русскимъ, еще пришло на совѣтъ нѣ-

*) Датха (полководецъ).

Сожжѣніе разрядныхъ книгъ. Рис. Глушковъ, грав. Боярский.

сколько человек и съ ними Ата-назарь-ханъ, высокій тюрокменъ юмудъ, внослѣдствіе передавшійся русскимъ, и даже оказавшій намъ не мало услугъ, не въ пользу своихъ соотечественниковъ... Тутъ же сидѣлъ и посланный отъ Мать-Ніаза, Каримъ-Ходжа, въ большой чалмѣ и свѣтло-зеленомъ шелковомъ халатѣ, обличавшимъ его духовный санъ. Не смотря, впрочемъ, на этотъ санъ, Каримъ-ходжа былъ вооруженъ съ ногъ до головы, и около него лежало двустольное тульское ружье, съ придѣланной къ нему новою ложкою, позолоченною и раскрашеною по золоту красками.

Одинъ изъ нукеровъ только-что поставилъ передъ возжами блюдо съ пловомъ; два мальчика въ красныхъ халатикахъ и золотыхъ шапочкахъ услуживали гостямъ, подавая кальяны, локко шныри между сидящими... Голвки этихъ мальчиковъ не были обриты по мусульманскому обряду, а зашпечены въ косички и выбивались изъ-подъ шапочекъ, придавая лицамъ ихъ довольно милостивую женственность, такъ что мальчики напоминали своимъ видомъ скорѣе дѣвочекъ... Это были „Минъ“ и „Балта-Ніазъ“, любимые пажы Мать-Мурада.

— Хазарь-Аспъ безъ боя отдала—бабы! По такимъ-то дорогамъ не могли задержать русскихъ, пока я не подойду... бабы! вы, а не богатыри!.. произнесъ Мать-Мурадъ.

— А ты бы еще долѣе сидѣлъ у хана—милостей выпрашивалъ! скривилъ губы Садыкъ.

— Что мнѣ ханскія милости! тыфу!.. Мать-Мурадъ презрительно сплюнулъ,—самъ ханъ теперь мною держится, мою живетъ милостью..

— Не ты одинъ хану слуга и помощникъ, словно про себя проговорилъ посланный отъ Мать-Ніаза.

— Ты уже не говори! Вы тамъ съ своими давно-бы пошли хвосты цѣловать у гяуровъ, перетрусили ихъ пушекъ, все отдать готовы... Ты мнѣ не говори!.. Наклунулся на него Мать-Мурадъ.

— Время покажетъ, чья глаза лучше въ даль смотреть, покойно отвѣтилъ Каримъ-Ходжа.

— Еслибы не нашъ разладъ, еслибы дружнѣе за дѣло брались, еслибы между нами собакъ двуязычныхъ не развелось,—русскимъ я до Аму не дойти-бы. Кто ихъ на Сардыба-куль пустилъ? чьи трусы, какъ зайцы отъ волка, по степи скакали?—вы все, насмѣшники! ты вѣдь былъ съ ними, ты тогда еще по совѣту Ніаза все дѣлалъ.

— Со мною не много людей было... Тюркмены силою стояли, да ушли прежде—Садыкъ за ними; что я одинъ дѣлать буду?

— Я ушелъ, когда Атамъ-Куль повернулъ спину, улыбнулся Садыкъ.—Мнѣ нѣтъ расчета попасть въ русскіе когти... Сами мое дѣло знаютъ. „Волкъ не нойдетъ къ пастухамъ, когда не его, а ихъ сила“.

— То-то вотъ все и бѣжите отъ первой сшибки... Каики даже съ того берега не позабыли—русскимъ оставили...

— Кто отъ того, кто отъ другого, оглянулся Садыкъ, будто высматривалъ: нѣтъ-ли еще кого здѣсь по близости, посторонняго.—Другому можетъ быть расчетъ быть безъ боя уступить поле...

— Кому это? сдвинулъ брови Мать-Мурадъ.

— Не тебѣ, чего ѣшь глазами?!.. тебѣ русскіе денегъ не платятъ... А можетъ быть пытались... а?!..

Покосился Садыкъ пристально на хозяина ставки, такъ и пролизалъ его глазами...

— Я-бы съ живаго съ него кожу содралъ, крикнулъ Мать-Мурадъ,—еслибы знать навѣрное! А то, положимъ идетъ молва, бродятъ по пароду слухи... Только не всегда этимъ слухамъ вѣрить можно.

— Гдѣ онъ теперь шляется?

— Пріѣзжали люди, на Шейхъ-арыкѣ стоятъ, потому сюда перешелъ, на Мервскую дорогу. Теперь близко стоять...

— Что, сюда не пріѣзжалъ? Его давно не видно.

— Давно что-то; все какъ будто умышленно прячется, на глаза не показывается... Я посылаю звать.

— Видно совѣсть не чиста, процѣдилъ Садыкъ.—Вотъ и прячется.

— Уже поймаю я его, если только вѣрно, что народъ толкуетъ. Посидитъ онъ у меня на колѣ: безъ суда ханскаго обойдусь... На дняхъ—вотъ слово ему сказать, онъ огрызнулся. Счастье его тогда, что со мною народу мало было, у него больше... А то бы онъ заговорилъ со мною другимъ голосомъ.

— Отъ того вотъ, что всѣ вы другъ друга на колѣ сажать собираетесь, отъ того и пришлось намъ миру просить у русскихъ, произнесъ Каримъ-Ходжа.—Сами вы выповаты во всемъ, сами же намъ поправить дѣло своимъ задоромъ мѣшаете... Этотъ вотъ все на него, за старые счеты, зубы острить, кивнулъ онъ на Садыка,—ты вотъ тоже не ладишь съ нимъ, грозилъ колѣ; а ему передадутъ—поневоля его отъ общаго дѣла въ сторону тянетъ. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте Мать-Ніазову слову: „лучше какой ни на есть миръ съ русскими, чѣмъ конечная гибель и разореніе!“

— Старая пѣсня! Намъ прежде ея пѣвали, а выходило по нашему, не по вашему.

— Посмотримъ...

— Вамъ хорошо, заговорилъ Садыкъ, словно такъ про себя, ни къ кому особенно не обращаясь,—вамъ хорошо: помирите вы съ русскими, васъ не тронутъ, земель вашихъ, садовъ и сакель не отберутъ, нищими не сдѣлаютъ,—будете вы по прежнему жить и привольно и покойно; развѣ только силы да власти прежней не будетъ... Вамъ хорошо... А вы въ мою кожу влѣзьте... Врагъ я ихъ заклятый, давній. Мнѣ въ руки къ нимъ попасться—живому не быть... Моего добра мнѣ крохи не оставлять; мнѣ миръ вашъ не на руку: все равно пропадать приходится. Когда уже вся сила выйдетъ, живъ буду, уйду въ Мервъ, къ текинцамъ, и оттуда стапу выглядывать и выжидать, когда въ нашу сторону повернется счастье... Вотъ что я сдѣлаю, это вѣрно!..

— Атамкуль не такъ думаетъ... проворчать Мать-Мурадъ.—Ему, можетъ, отъ „бѣлыхъ рубашъ“ большой бѣды не будетъ, они вѣдь не злопамятны...

— Давно онъ уже хлопочетъ о томъ, да хитеръ, не понадастся, а ужъ я его подкараулю, собака перебѣгла!

— Такъ какое же слово твое послѣднее Мать-Ніазу? поднялся на ноги Каримъ-Ходжа.

— Все то же, обернулся къ нему, не вставая, Мать-Мурадъ.—А хану скажи: „не слуга я ему, колп русскимъ рабомъ сдѣлается“. Такъ скажи, не мѣняй мои слова на другія, мягкія,—слышишь?..

— Сумасшедшій! пожалъ плечами Каримъ-Ходжа и пошелъ къ воротамъ.

А тамъ уже его нукеры выводили со двора лошадей, высокихъ аргамаковъ, покрытыхъ роскошными, цвѣтными попонами, гремищихъ подвѣсками и кистями уздечекъ...

Сталъ Каримъ-Ходжа садиться на лошадь, одинъ нукеръ стремя держалъ, другой подсаживалъ старика. Выпрямился тотъ на сѣдлѣ, придержалъ разгорячившагося коня, осадилъ его и снова посмотрѣлъ на Мать-Мурада, словно этимъ взглядомъ требовалъ отъ него послѣдняго, рѣшительнаго отвѣта.

— Аллахъ да благословитъ путь твой! не безъ пропіи произнесъ Мать-Мурадъ и махнулъ рукою.

Каримъ-Ходжа съѣхалъ со двора, окруженный своею свитою... Съ трудомъ протискались всадники по загроможденной улицѣ, выбрались на дорогу и погнали ходкимъ проѣздомъ, по направленію къ хивинскимъ садамъ, чуть-чуть синѣвшимъ на горизонтѣ.

— Пора и мнѣ, съ трудомъ поднялся Садыкъ, приложилъ пальцы къ губамъ и пронзительно свистнулъ...

Такъ свистать табунчики, когда хотѣтъ заставить разомъ вострепнуться весь косякъ; отъ одного свиста,

разбредшіеся по степи, кони вздрагивают, пасторажи-вают уши и начинают сбиваться в кучи; предчувствуя какую нибудь скрытую опасность. Это свистъ-предостережение...

Свисту Садыка отвѣчают такой-же, за воротами; потомъ еще, дальше; потомъ еще донесся чуть-чуть слыш-ный отголосокъ. Киргизы, сторожившіе табуны, начали стягивать свою цѣпь... Степной бивуакъ закопошился.

— Въ Мервѣ собираешься? усмѣхнулся Мать-Мурадъ.

— Нѣтъ, пока еще здѣсь пошатаюсь, съ пустыми ру-ками, нечего въ чужой край собираться, нахально про-изнесъ Садыкъ. — Еще кое-кого пощупаю.

— Своихъ?..

— Кого придется. Ты вотъ спроси Ата-назаръ-хана, гдѣ онъ сорокъ четыре верблюда навьючилъ и куда отослать? можетъ въ тѣхъ мѣстахъ и про меня осталось.

— А ты видѣлъ? сердито проговорилъ тюркменъ. — А коли видѣлъ, другимъ не говори — я вотъ про тебя молчу-же...

— Да по мнѣ хоть всему свѣту труби!.. Заверну къ Атамкулеу, поболтаю съ нимъ... Мы вѣдь пріятели.

Въ голосѣ Садыка звучала самая злая пропія.

— Да что-же я—одинъ что-ли дожидаться русскихъ

буду? гнѣвно вскопился Мать-Мурадъ, глаза у него за-горѣлись, сѣдая борода затряслась отъ злости...

— Загороди мнѣ дорогу, держи ихъ на мѣстѣ, а мы сяди пособимъ. — Гайда!...

Согнулся Садыкъ на сѣдлѣ, щелкнулъ лагайкой и юркнулъ въ ворота.

— Отходи-ка къ Хивѣ лучше, чѣмъ здѣсь стоять, посоветывалъ Мать-Мураду Ата-Назаръ-ханъ.

— Еще посчитаемся, проговорилъ упрямый дятха. — Вотъ смотри: въ тучахъ, въ туманную полосу солнце садится, а ты знаешь какъ оно завтра поднимется?.. Все въ волѣ Аллаха—и гнѣву его когда нибудь конецъ да будетъ...

Задумался Мать-Мурадъ, глядя какъ багровою ве-чернее небо. Синія тѣни поползли отъ стѣпъ и деревьевъ, ярче засвѣтилось подъ навѣсами костровое зарево... Сти-халь бивучный шумъ—и ночная свѣжесть, возбуждала легкую дрожь, пробралась подъ двойные, ватные халаты.

Вдругъ, послышались два короткихъ выстрѣла; потомъ тревожные голоса... „Кто, что? Лови его, лови!.. перехва-тывай черезъ дорогу... не уйдетъ... держи!“

Это были крики погони; они слышались все ближе и ближе.

(Продолжение будетъ).

МОСКОВСКОЕ АУТО-ДА-ФЕ 1682 ГОДА.

Мѣстничество было старымъ зломъ древней Руси. Оно вело свое начало отъ родового быта, отъ временъ усобицъ и удѣловъ южно-русскихъ князей. Съ первыхъ лѣтъ основанія русскаго государства шла память о единствѣ рода, который въ сотни лѣтъ сильно умножился и развѣтвился. Каждому члену рода бы-ло присуще понятіе о родовой чести. Старшіе пользовались ува-женіемъ, но съ нихъ взыскивалось за младшихъ членовъ: они должны были смотрѣть за ихъ поведеніемъ, отвѣчали за ихъ проступки. Члены рода обязывались помогать другъ другу: вы-купать своего родича изъ плѣна, общими силами уплачивать за него долги. Слѣды опеки старшихъ въ родѣ надъ младшими членами видны еще и теперь въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ старшему брату и теперь говорятъ: «вы», а родителей считаютъ отвѣтчиками за дѣтей *). Въ тѣ времена про которыхъ идетъ рѣчь—родовая связь была крѣпка и отдѣльно взятая личность сама по себѣ, безъ рода, не имѣла значенія. Выраженіе: «безъ роду, безъ племени» прилагалось къ людямъ достойнымъ жалос-ти. Имя и отчество отдѣльной личности указывало лишь на существованіе отца, но ровно ничего не говорило, не объясня-ло; надо было знать какой у нея родъ и великъ ли.

Та честь которая прилагалась одному лицу—прилагалась и всему его роду; безчестье—на оборотъ. Оно клало на него пят-но. Родичи держались другъ за друга—и младшій изъ нихъ чув-ствовалъ невольное почтеніе къ старшему въ родѣ, въ силу из-давна укоренившихся патриархальныхъ привычекъ. Слѣды этой боязни забыть, оскорбить невниманіемъ какого-либо родствен-ника, видны въ безчисленныхъ письмахъ нашего простолюди-на, письмахъ наполненныхъ перечисленіемъ именъ и отчествовъ, поклонами и пожеланіями. Родовыя отношенія въ народѣ со-хранились почти въ полной неприкосновенности. Теперь, когда развитію и свободѣ личности выпавшей изъ массы—больше простору, теперь и то понятно, какое чувство заставляетъ че-ловѣка, занимавшаго высшую должность не идти служить надъ начальствомъ челоѣка, занимавшаго въ его время должность низшую. Для подобнаго честолюбія мы находимъ оправданіе въ присущей челоѣку гордости и т. д. Въ древней же Руси личность поглощалась родомъ, а вмѣстѣ съ ней и свобода дѣй-ствій. Унизивъ свое достоинство поступкомъ подобнымъ выше-приведенному, она неминуемо влекла за собой униженіе цѣлаго рода, а родовую честь слѣдовало беречь. Желаніе стоять за нее горой было настолько сильно, что бояре тягавшіеся изъ-за мѣстъ въ ратномъ строѣ, за столомъ и при томъ открытомъ пли противъ государевой воли, лѣзли подъ столъ, не желая сѣсть ниже кого нибудь, перечили царю и за это терпѣли изгнаніе, пытку, батоги и кнуты. У осудившихъ отбирали помѣстья и вотчины. Слѣдствиемъ какой либо *поруки* своему роду были бы безирерывные укороы, что «такой-то былъ выше тебя тогда-то, а такой-то младшій въ родѣ былъ выше старшаго въ твоёмъ родѣ» и пр. Для памяти велись особые списки, кто гдѣ и когда занималъ какое *мѣсто*. Последнее было тѣмъ почетнѣе, чѣмъ ближе къ царской особѣ.

Царь приближалъ къ себѣ юношу знатнаго рода, производя

его сначала въ спальники; изъ нихъ члены шестнадцати знат-ныхъ родовъ прямо переходили въ бояре. Между бояринѣмъ и спальникомъ была средняя стонепъ: окольничій (компанійскій бо-яринъ). Погоня за боярствомъ, мнѣя окольничаго, была силь-ная: для этого пускались въ ходъ всякія мѣры. Съ просьбами обращались къ царю, то умоляя не отнимать *старой мѣстни-ки*, то съ доводами, что такой-то хоть и знатенъ, да роду прина-длежитъ: для такой нибудь старшій московскій родъ, соглаша-лись на уступку, боялся «поруки не только себѣ по и отечеству». Всѣ эти челобитныя, ссоры и пересуды сильно надоедали мос-ковскому царю — и овъ нерѣдко, какъ мы видѣли, принималъ противъ челобитчиковъ карательныя мѣры. На выскочекъ въ знать старые роды нападали еще сильнѣе. Такъ напримѣръ, всю тяжесть мѣстническихъ обычаевъ испытывалъ на себѣ умный Ординъ Нащокинъ, котораго столынгъ Матвѣй Пушкинъ счита-лъ молодымъ и неродословнымъ, чѣмъ и оправдывалъ себя, говоря, что ему, Пушкину, въ отвѣтъ передъ Нащокинымъ *быть невѣстною*. Угрозы отписать имѣнья не помогли: Пушкинъ ска-зался больнымъ, когда надо было ѣхать къ польскимъ посламъ. Вслѣдствіе раскола, произошедшаго въ понятіяхъ южной и сѣ-верной Руси, вслѣдствіе того что въ послѣдней племянникъ отъ старшаго брата наслѣдовалъ старшинство поименъ своихъ дядей — происходили и родовыя усобицы, между самими родичами. Власть государя то и дѣло вмѣшивалась въ эти распри и раз-доры, мало по малу ограничивая надоедливыя споры изъ-за мѣстъ. Такъ, племянникъ Юрій Ромодановскій билъ челомъ на своего дядю Григ. Григорьевича Ромодановскаго, говоря: «хоть овъ мнѣ по родству и дядя, не можно ему со мной быть, пото-му что у отца моего овъ осьмой сынъ, а я у своего отца пер-вый сынъ и дѣдъ мой отцу его—большой братъ». Григорій ослу-шался государя: не хотѣлъ измѣнять своему роду и попалъ за это въ оковы. Мѣстничество проникло и къ приказнымъ людямъ.

Войны, которые вела Русь въ XVII столѣтіи и прежде того, не отличались особенной удачей; войско оказывалось несостоя-тельнымъ, иностранные офицеры не помогали. Корнемъ зла бы-ло настолько отсутствіе выучки и дисциплины—сколько мѣстни-чество воеводъ. Выборъ способнаго воеводы, но не родовитаго, вызывать цѣлую массу справокъ по спискамъ; товарищи писа-ли челобитную о томъ, что имъ нельзя съ нимъ быть, потому-то и потому-то. Царю приходилось или уступать ихъ прось-бамъ и назначать неспособнаго по родовитаго воеводу, или смѣ-нять товарищей и на ихъ мѣсто ставить людей хоть и неспо-собныхъ, но такихъ, которымъ бы было не зазорно быть съ воеводой. Былъ еще третій исходъ—и царь имъ часто пользо-вался—объявлялъ передъ походомъ: *быть безъ мѣст!* т. е. дру-гимъ словами, что назначенія сдѣланныя для похода противъ непріятеля — не будутъ имѣть никакого вѣса при мѣстническихъ препирательствахъ. Такъ дѣлалось при царяхъ Михаилѣ и Алек-сѣѣ. Рѣшительный шагъ къ конечному уничтоженію мѣстниче-ства былъ сдѣланъ въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. Ра-но или поздно, говорилъ Соловьевъ, указъ: «быть *всегда* безъ мѣстъ» долженъ былъ замѣнить повтореніе указа: «быть безъ мѣстъ» передъ каждымъ походомъ. Военная реформа вызвала отмену мѣстничества. Выборные люди на соборѣ 1682 года за-

*) Подтвержденіе послѣдней мысли можно найти во многихъ нашихъ пословицахъ.

явили, что надо искоренить «разрядные случаи», для того чтобы не было помехи в ратном и других делах. Перед этим они только что выразили мысль ввести в войска европейское разделение на роты, вместо прежних сотен, замкнуть сотенных голов ротмистрами и поручиками. Сознание о вреде мстничества уже назрело. Оставалось воспользоваться благоприятным случаем для его искоренения, уничтожить его, так сказать, юридически.

12-го января 1682 года царь Феодор назначил чрезвычайное сиденье с боярами. Патриарх, архиереи и выборные начальники монастырей были также приглашены. Царь, открывший заседание речью, умянул, что «злосознанный племосъятель и суностать общий, дьяволъ вселял въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мстныя случаи, отъ коихъ была великая пагуба въ делахъ и великое умаление ратнымъ людямъ», высказал свое желание пресечь укоренившееся зло и в конце речи предложил вопрос о том: быть мстничеству или нет. Патриарх отвечал, что от мстничества «происходило всему великое зло»; затем благодарил государя за великое наставление. Бояре, okolничьи и думные люди на тот же царский вопрос отвечали, что согласны с патриархом и указали на «великия пакости, встроения и разрушения, виной которых было мстничество. Они называли последнее делом богопротивным. Выслушав, царь велел принести все мстнически записи и предать огню, чтобы «злота эта совершенно погибла и впредь не номиналась и соблазна бы и преткновения никто ни такового не имел». Все бывшие на лицо отвечали: «Да погибнет во огни оное богоненавистное, враждотворное, брато-

ненавистное и любовь отгоняющее мстничество и впредь да не воспоминается во вѣки!» «Быть всегда без мсты!» было объявлено. Оставалось совершить торжественное ауто-да-фе. Разложили костер и стали сносить на него богоненавистныя книги и списки. Молодой царь, духовенство, бояре, все присутствовали при торжественном сожжении.

Списки разрядныхъ случаевъ были замѣнены родословными книгами; причемъ отличія служилыхъ людей опредѣлялись яснее: бояре, okolничьи и думные люди могли ѣздить въ будни на парѣ, въ каретѣ или саняхъ; въ праздники—на четырехъ лошадяхъ, а на свадьбу даже на шести. Спальники, столники, стряпчие и дворяне зимой имѣли право ѣздить на одной лошади, а летомъ не иначе какъ верхомъ. Для представленія ко двору были тоже установлены особый этикетъ, по чинамъ.

Уничтоженіе мстничества вызвало другую крупную реформу: отдѣленіе высшихъ гражданскихъ чиновъ отъ чиновъ военныхъ, уничтоженіе дружиннаго начала. Былъ поднятъ вопросъ о крайней необходимости постоянного войска и постоянныхъ воеводъ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображено торжественное искоренение стараго зла огнемъ, московское ауто-да-фе 1683 года, на которомъ горѣли не люди, а книги, хранившія на своихъ листахъ отжившіе вѣкъ людскіе предрассудки и вѣрованія. Новая Русь, подъ влияніемъ образованнаго запада, постепенно разрывала связь съ древней Русью. Родовому быту въ верхнихъ слояхъ общества былъ нанесенъ сильный ударъ, но протеста не было: новыя отличія скоро удовлетворили небольшое число недовольныхъ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стевницкаго).

(Продолженіе).

XXII.

Такъ, въ такой обстановкѣ и среди такихъ элементовъ я ориентировался въ живописномъ городѣ, который почитается колыбелью просвѣщенія для всего русскаго народа—и по степенію обстоятельствъ и по избранію моей матери въ теченіе десяти лѣтъ рядомъ былъ моею житейскою школою.

Это десять многозначительныхъ для меня лѣтъ, окончательно сформировавшія мой характеръ.

Послѣ того, что я описалъ, я непосредственно заболѣлъ; поводомъ къ этому педугу, какъ матушка отгадала, дѣйствительно была простуда, полученная мною во время куренія у форточки.

У меня сдѣлалась лихорадка и колотье въ ушахъ,—болѣзнь конечно не важная, но однако она мѣшала моимъ и служебнымъ и учебнымъ занятіямъ. Первый блинъ полъ комомъ: я только началъ уроки, только подалъ просьбу объ опредѣленіи меня на службу и сейчасъ же слегъ.

Въ это время, помимо болѣзни, со мною случилось еще двѣ непріятности: во первыхъ Кириллъ явился ко мнѣ прощаться, а какъ я тотчасъ не вставалъ съ постели, то его приняла матушка и дала ему рубль, и этимъ бы все могло благополучно и кончиться; но тронутый этою благодатью, Кириллъ захотѣлъ блеснуть умомъ и, возмнивъ себя чѣмъ-то въ родѣ многоопытнаго Улліса, пустился въ повѣствованіе о томъ, какъ мы дорогой страждовали, и какъ онъ послѣ многихъ мелкихъ злоключеній былъ наконецъ подъ Королевцемъ крупно выпоронъ.

Услыхавъ изъ своей комнаты, что дѣло дошло до королевецкихъ происшествій, я чрезвычайно оробѣлъ, а когда матушка вдобавокъ къ этому еще спросила: за что же именно его такъ обидѣли, страха мой уже не зналъ предѣловъ,—но коварный мужиченко отлично напелся. Немножко помямливъ и почесавшись, онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Эхъ, государыня-матушка, если всю правду говорить, какъ передъ Богомъ,—то вздохнувъ ко Всевышнему ничего я больше за собою не знаю, какъ это Господь наказалъ меня за мое лакомство.

— За какое лакомство? сказала матушка.

— А что я о ту пору лба не перекрести морковъ ѣлъ.

Послѣ такого объясненія Кириллъ былъ отпущенъ, и эта бѣда сплыла, но за то на мѣсто ея близилась другая: черезъ нѣсколько дней, во время самаго жестокаго пароксизма лихорадки, въ домѣ получилось на мое имя письмо. Находясь въ нестерпимомъ жару болѣзни я ничего не понималъ: ни адреса на конвертѣ, ни того, что стояло на вынудомъ мною листѣ; бумага трепетала въ моей рукѣ и строки тряслись и путались, а глаза ничего не видали. Тогда матушка, вынувъ изъ моихъ дрожащихъ рукъ это письмо, взглянула на первыя его строки и вся измѣнилась въ лицѣ, воскликнувъ:

— Боже мой! кто это смѣетъ тебѣ писать такое письмо?

— Что тамъ такое, мамаша? освѣдомился я, едва шевеля своими смягнутыми губами.

— Письмо начинается со словъ: „Праотцевъ, ты дуракъ!“

— Плохо! подумалъ я заключая, по слогу, что это вѣрно энергическая Тверь сносится съ вѣжливымъ Кіевомъ!

— Тебя бранять, продолжала матушка, показывая мнѣ листокъ, на которомъ я теперь при новомъ толчкѣ, даннымъ всѣмъ моимъ перьямъ, прочелъ нѣсколько болѣе того, что было сказано: „Праотцевъ! ты дуракъ и подлецъ“... Дальше нечего было и читать: я узналъ руку Виктора Волосатина и понималъ, что это откликъ на мою борзенскую корреспонденцію къ его сестрѣ, потому что вслѣдъ за приведеннымъ привѣтствіемъ стояли слова: „Какъ смѣлъ ты, мерзавецъ, писать къ моей сестрѣ“. Читая эти слова я вспомнилъ, что ихъ точно также читаетъ теперь и моя мать и потому быстро разорвалъ письмо и, отвернувшись къ стѣнѣ, проспалъ цѣлыя сутки.

Когда я проснулся опять, былъ день въ той же передобѣденной порѣ, около которой вчера было получено тверское бранное посланіе. Къ этой порѣ у меня обыкновенно начинался лихорадочный пароксизмъ; но однако проснувшись теперь, я этого не ощущалъ. Тверская встрепка меня вылечила: я съ горя переспалъ болѣзнь.

Осмотрѣвшись, я увидалъ, что со мною въ комнатѣ никого нѣтъ, но невдалекѣ въ матушкиной комнатѣ

Вотъ тебѣ разъ!.. Съ картины Вильгельма Циммера, грав. Брендамуръ.

шелъ тихій разговоръ. Этотъ разговоръ, который впрочемъ гораздо удобнѣе назвать медицинскимъ разсужденіемъ, происходилъ между маманъ и дѣтисъ—въ то время очень молодымъ—университетскимъ профессоромъ и касался меня.

Матушка жаловалась, что я на ея взглядъ очень нервнъ и впечатлителенъ, и что она этого боится, а медицинскіе отвѣчалъ:

— Да нѣтъ, онъ довольно хорошо построенъ, но онъ на длинныхъ ножкахъ, а ужъ такіе разумѣтся всегда немножко вальки.

— То-то мнѣ кажется, онъ слабъ, шептала маманъ.

— Да я вамъ и говорю: люди на длинныхъ ножкахъ всегда несколько кволя. Коротконожки гораздо прочнѣе, по ужъ этого не передѣлаешь: кто на какихъ ножкахъ заведенъ и пущенъ, тотъ на такихъ и ходитъ. Впрочемъ будьте покойны: все хорошио, а я сѣкну заѣхать къ Льву Яковлевичу.

Маманъ спросила: кто у нихъ болѣнъ?

— Кажется, всѣ вдругъ, отвѣчалъ докторъ и добавивъ, что онъ былъ у нихъ ночью и теперь снова сѣшнть, потому что тамъ весь домъ въ тревогѣ.

— Боже мой! что же это такое? а я не могу за болѣзнь сына ихъ навѣстить.

— Да и не сѣшните: тревога пустая и ничего опаснаго нѣтъ; вчера къ нимъ прѣхалъ ихъ племянникъ Сержъ и разругалъ ихъ за что-то по правамъ родства.

— Ахъ, какая досада! они и такъ его не жалуютъ.

— Да, даже самого Льва Яковлевича называлъ дикой свиньей, а съ тѣмъ отъ этого сдѣлался обморокъ, по то не важно: онъ на коротенькихъ ножкахъ и скоро поправится.

Съ этимъ докторъ взомелъ на прощанье взглянуть на меня—и какъ я притворился спящимъ, то онъ только указалъ матери на мои закрытыя одѣяломъ ноги—и прошепталъ, что лучше было бы, еслибы онъ былъ покороче, уѣхать.

Между тѣмъ я во все это время съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ изъ-подъ своихъ рѣсницъ собственныя ноги врача и нашелъ, что онѣ у него чрезвычайно пропорціональны.

Освободясь отъ этого визита, и снова открылъ глаза и сталъ размышлять: дѣйствительно-ли большая или меньшая длина ногъ можетъ имѣть такое важное влияние на судьбу человѣка, или же господинъ докторъ напиралъ на это только потому, что у сегого у него прекрасныя ноги и ему выгодно обращать на нихъ косвеннымъ образомъ всеобщее вниманіе.

Въ эту самую минуту къ моему изголовью присѣла съ визаньемъ въ рукахъ матушка, и взглянувъ на мое задумчивое лицо, спросила:

— О чемъ ты размышляешь, дитя мое?

Я сконфузился и покраснѣлъ.

— Если это секретъ, то не говори.

— Нѣтъ, маманъ, какой же секретъ!..

И я разсказалъ ей, что мнѣ пришло въ голову по поводу докторскаго разсужденія о ногахъ.

— Зачѣмъ-же такъ думать? отвѣчала маманъ:—нашъ докторъ очень хорошій и умный человѣкъ.

— Да; онъ мнѣ кажется слишкомъ практичный, маманъ.

— „Слишкомъ практичный“... что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Онъ... онъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ только то, что имъ пріятно или выгодно.

— Значитъ по-твоему быть практичнымъ все равно, что быть эгоистомъ?

— Да, маманъ... То есть позвольте, я это хорошенъко не обдумать.

— Такъ обдумай.

Матушка, не переставая работать длинными деревянными спицами своего филейнаго вязанья, сосчитала рядъ петель—и потомъ не ожидая моего отвѣта заговорила,

что я сужу чрезвычайно односторонне и неправильно: что быть практичнымъ—это еще отнюдь не значить быть себялюбивымъ эгоистомъ; но что кромѣ того въ свѣтѣ часто безъ разбора называютъ *практическими* людей, которые просто *разумны* и поступаютъ умно не вслѣдствіи большой практики а вслѣдствіи хорошей обдуманности и яснаго пониманія дѣла. Она мнѣ какъ профессоръ разъяснила, что—*практически* можно знать опредѣленное число тѣхъ вещей, въ которыхъ человѣку прежде уже довелось имѣть опытъ, а *разумно* постигать можно все доступное разумѣнію всестороннихъ свойствъ предмета, среды дѣйствія и условій времени и мѣста. И вслѣдъ за тѣмъ маманъ, какъ будто пожелавъ еще болѣе пояснить сказанное мнѣ живымъ примѣромъ, улыбулась и добавила:

— Вотъ напримѣръ, когда ты шелъ въ головѣ цѣловавшихъ дамъ ручки кадстъ или писать письмо о своемъ душевномъ состояніи, ты былъ *непрактиченъ*,—ты это сдѣлалъ потому, что не зналъ что это не принято и не дѣлается.

— Да, маманъ, да,—увѣрю васъ, что потому.

— Ну да, и вотъ потому-то, это, не заключая въ себѣ ничего особенно дурнаго и глупаго, только непрактично; а твой тверской товарищъ, который прислалъ тебѣ обидное письмо за твою ласковость, сдѣлалъ гораздо худшій поступокъ—уже не непрактическій а неблагодарный: онъ тебя обижаетъ за то, что ты ласкаешься... Это обозначаетъ плохую голову и нехорошее сердце...

— Онъ свѣтскій, маманъ.

— Не думаю: свѣтскіе люди стараются быть сдержанными; а люди практическіе—если хотятъ кого обидѣть, то не бранятся съ первыхъ строкъ, потому что тогда благоразумные люди далѣе не читаютъ. Кстати, извини меня: я бросила это глупое письмо въ печку.

Я обняла матушку и прицалъ головою къ ея плечу.

Меня обуревали самыя смѣшанныя чувства: я былъ радъ, что ненавистное письмо, котораго я такъ долго ждалъ и опасался—теперь мнѣ уже болѣе не странно: я чувствовалъ приливъ самыхъ теплыхъ и благодарныхъ чувствъ къ матери за деликатность, съ которою она освободила меня отъ тяжкихъ самоубицествій за это письмо, представивъ все дѣло совѣмъ не въ томъ свѣтѣ, какъ оно мнѣ представлялось,—а главное: я ощущалъ неодолимые укоры совѣсти за тѣ недостойныя мысли, какія я было началъ питать на счетъ материнаго характера. Я видѣлъ, что она добрая и благоразумная, а совѣмъ не *практическая*, какъ о пей толкуютъ,—и мнѣ ее стало безконечно жалко. Я прижался къ ней еще тѣснѣе и прошепталъ:

— Простите меня, маманъ!

Она взяла мое лицо въ обѣ свои руки и спросила:

— Въ чемъ, дитя мое?

— Маманъ, мнѣ это страшно сказать вамъ.

Матушка видимо встревожилась, а когда я къ этому прибавилъ, что вина моя заключается въ моемъ легкомысліи съ которымъ я позволилъ себѣ осуждать ее въ своемъ умѣ,—она даже поблѣднѣла и не могла произнести ни одного слова.

Въ моихъ мысляхъ мелькнулъ Филиппъ Кольбергъ и я увидалъ, что началъ пренеловкую рѣчь и поспѣшилъ поправиться.

— Маманъ, я ропталъ на васъ: вы мнѣ казались очень практичными, проговорилъ я, потупивъ глаза.

— Вотъ что!

И матушка приподняла мою голову, посмотрѣла мнѣ въ глаза—и спокойно улыбувшись, обняла меня и прижала къ сердцу.

Я слышалъ, какъ это сердце билось, и чувствовалъ, что оно бьется для меня, межъ тѣмъ какъ еслибы оно было практичнѣе—ему нѣтъ не смѣлъ-бы помѣшать воспользоваться своимъ правомъ биться еще для кого нибудь другаго, и при этой мысли я опять почувствовалъ

Филиппа Кольберга,—онъ вдругъ изъ какого-то далека насторожилъ на меня свои смѣлые открытые глаза, которыхъ я не могъ ничѣмъ прогнать—и только въ ревнивомъ страхѣ сжать матушку и въ отвѣтъ на ея ласки шептала ей:

— Матап, другъ мой! вы моя самая умная, самая добрая мать. Скажите же мнѣ, что вы меня простили.

— Ото всего сердца прощаю и извиняю.

— „Прощаю и извиняю“, подумать я... Отчего не просто прощаю?

— О чемъ ты задумался? спросила матап.

Я не вытерпѣлъ и отвѣчалъ:

— Я думаю о томъ, матап, зачѣмъ вы прибавили, что не только прощаете но и извиняете меня. Развѣ это не все равно?

Она опять улыбнулась и сказала:

— Итъ, это не все равно: прощенье дается, даромъ по снисходительности того, кто прощаетъ; а извинение вызывается причинами, которыя заставляютъ не считать вину виною. Но ты однако очень пытливъ—это хорошее качество, оно можетъ вести къ широкому разумѣнію; но надо чтобы при этомъ не было безпокойнаго воображенія, которое всегда ведетъ къ напраснымъ тревогамъ и ошибкамъ.

Все это для меня было чрезвычайно ново—и я съ восторгомъ чувствовалъ, что матушка вводитъ меня въ сознаніе простыхъ но важныхъ житейскихъ истинъ и гордился ею самою и ея умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое изъ ся словъ раскрывало передо мною въ самой малой вещи весьма сложныя идеи, объясненіе которыхъ было мнѣ чрезвычайно приятно: я вкушалъ въ эти минуты священную сладость просвѣщенія ума и сердца. Относился еще вчера весьма пассивно къ матушкиному проекту моихъ усиленныхъ научныхъ занятій, я теперь уже осуждалъ себя за это равнодушіе—и теперь самъ страстно желалъ учиться и учиться не для чего нибудь корыстнаго, не для чиновъ, не для званій или денежныя выгодъ, а именно для самыхъ знаній, для постиганія всего того, что при незнаніи и необразованности проходить у человѣка незамѣченнымъ и ничтожнымъ, межъ тѣмъ какъ при глубокомъ разумѣніи жизни въ ней все такъ осмысленно, такъ послѣдовательно, причинно и условно, что можно властвовать жизнью, а не подчиняться ей. Однимъ словомъ: задумавшись, хотя какъ всегда сдержанный, разговоръ, который я имѣлъ съ матушкою въ этотъ вечеръ, оставилъ своимъ слѣдствиемъ то, что во мнѣ вспыхнула жажда знаній—и я съ этихъ поръ безъ перерыва много лѣтъ сряду рыскалъ и шарилъ вездѣ, гдѣ надѣялся найти какое-нибудь новое знаніе.

Я не дожидаясь полнаго моего выздоровленія—и прежде чѣмъ недовольный моими погами докторъ разрѣшилъ мнѣ выходить изъ моей комнаты, я доставилъ матап и Ивану Ивановичу Альтанскому случай не разъ повторить мнѣ, что оба они мною очень довольны. Мое прилежаніе и быстрота, съ которою я одолевалъ самымъ мною выпрашиваемые и удвоваемые себѣ уроки, приводили и матап и профессора въ удивленіе. О напослѣднихъ учиться не бывало и рѣчи, и я уже слышалъ только одни удерживанія.

— Не спѣши, мой другъ, не спѣши, говоритъ мнѣ самодовольно улыбаясь Альтанскій.—Не опережай времени. Успѣемъ: ты еще молодъ для серьезныхъ занятій.

— У тебя ноги длинны, всего вдругъ не поднимешь, шутила на ту же тему матап.

Но я ничему этому не внималъ и погружился въ книги и ученіе какъ мышъ въ кадку съ мукою, откуда выглядывать на свѣтъ божій робко, изрѣдка, съ застѣнчивою дикостью и большою неохотою. При томъ же, удерживая сравненіе себя съ утонувшею въ мукѣ мышью, я долженъ сказать, что, найдя вкусъ и удовольствіе въ

занятіяхъ науками, я и наружу выглядывать какъ бы обсыпанная мукою мышъ, и уже въ столь ранніе мои годы начать казаться изряднымъ чудакомъ. Но буду по возможности держаться въ своемъ повѣствованіи порядка.

XXXIII.

Выздоровѣвъ я немедленно опредѣлился на службу, но о службѣ моей я не стану распространяться: это была канцелярская служба какъ большинство службъ этого рода, то есть служба весьма необременительная—и для меня какъ для „генеральскаго родственника“ даже совсѣмъ легкая. Самъ генералъ не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, а ближайшее мое начальство (купно до столоначальника) всячески мнѣ волюготило, конечно не потому чтобы тѣмъ хотѣли сберечь мнѣ мое время для другихъ болѣе пріятныхъ и полезныхъ занятій, а съ другою цѣлю, которой я тогда не понималъ. Чиновники, мѣряя меня на свой аршинъ, предполагали во мнѣ опаснаго конкурента на должности и потому заботились не допускать меня до ближайшаго изученія тайнъ канцелярской науки. Я обыкновенно переносилъ каждый день на-бѣло двѣ-три бумаги и за тѣмъ всегда съ большимъ удовольствіемъ уходилъ домой, гдѣ меня ожидали добрые друзья и научныя занятія, которымъ я, какъ выше сказано, неустанно предавался съ страстнымъ увлеченіемъ, и разумеется со-держалъ это въ полнѣйшемъ секретѣ отъ моихъ служебныхъ товарищей, съ которыми впрочемъ вообще я не имѣлъ ничего общаго кромѣ встрѣчъ въ канцеляріи.

Генералъ Левъ Яковлевичъ, въ началѣ моего служебнаго поприща, раза два оспѣдомлялся обо мнѣ, что я дѣлаю; но потомъ такая внимательность ему вѣроятно надобла—и онъ уже болѣе никогда не интересовался моими служебными успѣхами. Матушка это видѣла, но знала что мнѣ еще рано служить и что я служу только подчиняясь моей суровой долѣ, она даже радовалась, что я пребываю въ всякихъ надеждахъ на повышеніе по службѣ, но за то ничего и не замѣтывалъ и не уславивалъ себя изъ той чиновничьей среды, въ которую меня довольно на долго забросила житейская волна.

Знакомствъ мы никакихъ не дѣлали, какъ потому что жили на весьма ограниченныя средства, такъ и потому что не чувствовали въ нихъ ни малѣйшей надобности. Изъ дома мы выходили чрезвычайно рѣдко—и то только развѣ къ генералу Льву Яковлевичу, который, имѣя нѣкоторыя фамусовскія черты, требовалъ, чтобы и у него по праздникамъ обѣдалъ, что мнѣ впрочемъ всегда было сущимъ наказаніемъ. Матушку же туда довольно часто вызывали, но это тоже дѣлалось не по любви и расположенности къ ней, а въ цѣляхъ весьма практическихъ, такъ какъ воинственный статскій генералъ, зная, что матушка была дружественно знакома съ доможъ барона К. у котораго Левъ Яковлевичъ служилъ въ маленькомъ чинѣ, конфузился ея и при ней не позволялъ себѣ дебошировать въ той степени, до которой онъ порой доходилъ въ своей семьѣ, находясь на свободѣ безъ постороннихъ свидѣтелей. При этомъ я хочу замѣтить, что онъ однако никогда не дрался, а только шумѣлъ, гремѣлъ, стучалъ кулаками, источая потоки самой находчивой брани, называя больную жену „мокробіотницей“, старшую дочь „уродомъ“, а свояченицу „чертовой перечницей“ и другими сему подобными лестными кличками. При матап онъ такъ не ругался.

Матушка очень тяготилась необходимостью посѣщать этотъ домъ, но однако не отказывалась—сколько по своей добротѣ и миролюбію, столько же и потому, что считала нужнымъ удерживать эти отношенія для моей пользы. Другой домъ, гдѣ мы бывали, былъ домъ Альтанскихъ: сюда мы ходили съ удовольствіемъ но гораздо рѣже, потому что и профессоръ и его дочь (романъ которой до сихъ поръ остается неразъясненнымъ въ моихъ за-

пискахъ) были ежедневно у насъ. Совмѣстныя занятія науками, совмѣстная задушевная, умная и пріятная бесѣда у камина и совмѣстный чай, а потомъ легкій ужинъ ломтемъ холоднаго мяса—были нашимъ режимомъ, въ которомъ мы сблизились и слились до неразрывнаго душевнаго согласія, взаимной привязанности и единства.

Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ намъ не нужно было пи-

характеръ, незамѣтно но быстро давшій моему уму склонность къ изслѣдованію и анализу.

Отправленіе въ каждой бесѣдѣ отъ живыхъ и часто повидимому ничтожныхъ явленій частной жизни къ вопросамъ общаго значенія—дѣлало эту бесѣду столь легкою и доступною, что я, самый младшій и невоспитанный членъ нашего кружка, самъ не замѣтилъ, какъ начать свободно понимать все, что мнѣ доводилось слы-

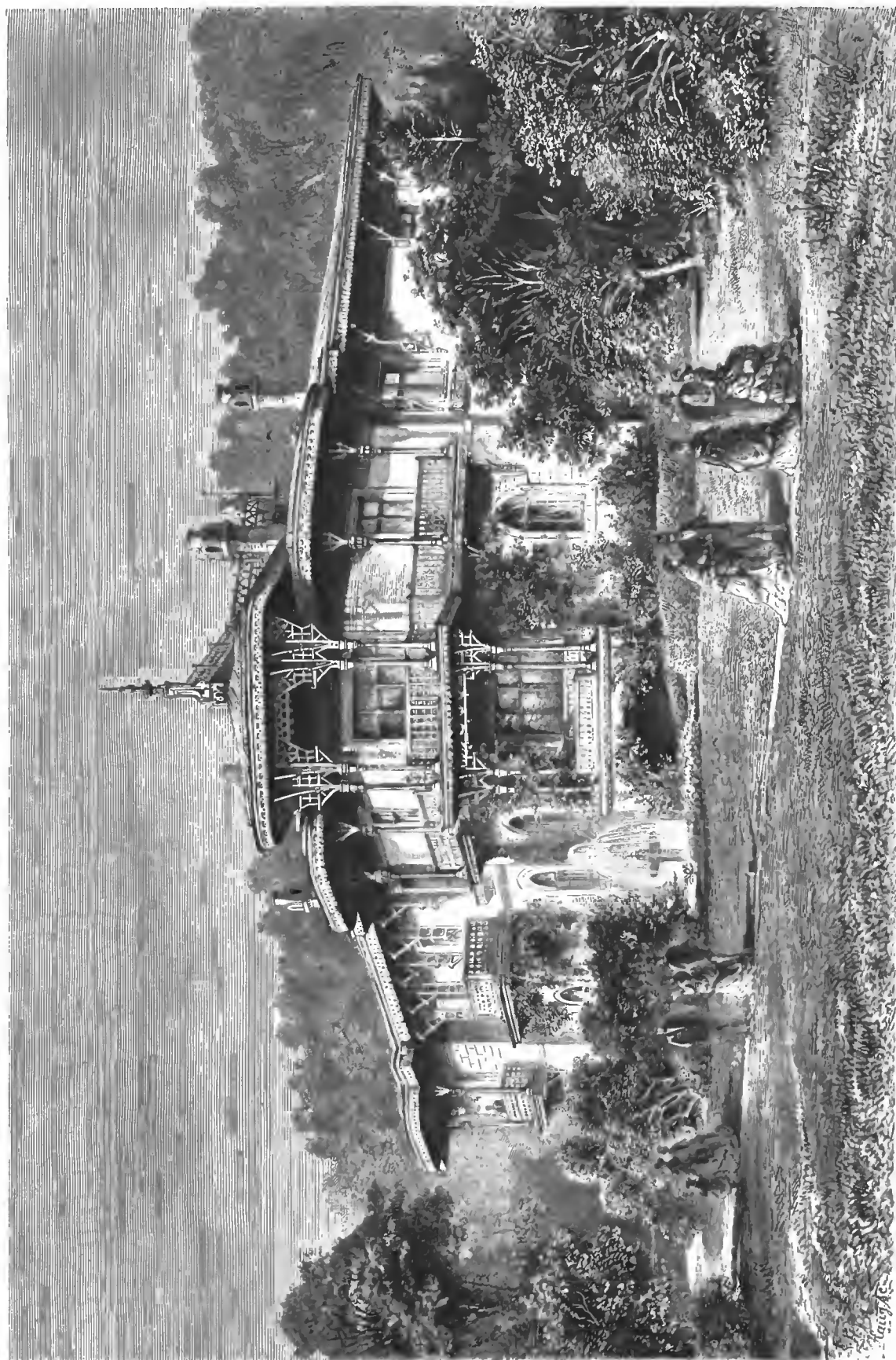
Народы Россіи. XXV. Болгары. Рис. Руссо, грав. Дельюкъ.

какого болѣе просторнаго міра, хотя мы отсюда часто обзрѣвали весь міръ и передвигали передъ собою его картины при различныхъ освѣщеніяхъ. Въ характерѣ нашихъ собесѣдованій было замѣчательно то, что лица въ нашихъ разговорахъ играли относительно очень небольшую роль; мы почти никогда не говорили о комънибудь, а всегда о чемънибудь—и потому разговоръ нашъ получалъ форму не осужденія а разсужденія, и черезъ это бесѣдѣ сообщался спокойный, философскій

характеръ, и чувствовать себя въ силахъ ставить иногда болѣе или менѣе умѣстно свое слово. Если мнѣніе мое не служило къ разъясненію вопроса, то оно не рѣдко было поводомъ къ указанію небывшаго до тѣхъ поръ на виду возраженія со стороны непроевѣщеннаго разума.

Голосъ мой въ своемъ родѣ былъ нѣчто въ родѣ голоса изъ толпы, на который всегда давался терпѣливый и разумный отвѣтъ, всегда шедшій мнѣ—представителю толпы—на добрую потребу.

(Продолженіе будетъ).

Вилла Государя Наслѣдника Цесаревича въ Ливадіи. градъ Гамбургскій.

Вотъ тебѣ и разъ!

(Картинка).

День воскресный — значить можно
Мальчуганамъ порѣзвиться,
Санки взять да рукавички
И на гору устремиться.

Ничего, морозецъ славный —
Щиплетъ уши, пось маленько...
Пусть его! Кататься лучше!
И гора-то какъ крутейка!

Вотъ, вскарабкались два братца
На желанную вершину.
— «Ну вальнемъ! поскликнулъ старшій:—
Сядь! Ужъ я не опрокину». —

Вася нѣсколько замаялся...
— «А какъ ты свернешь мнѣ шею?...»
— «Экой трусъ! Да-ну смѣй!»
Правишь ловко я умѣю». —

— «Нѣтъ ужъ, Одея, я не сяду
Впереди...»

— «Да почему-же?» —
— «Не хочу. Я самъ умѣю
Править санками не хуже!» —

— «Самъ?.. Ну, ладно... Погляжу я.
Только — чуръ: разквасишь носъ-ли,
Лобъ себѣ — не смѣй, смотри-же,
Ии ревѣть, ни хныкать посылъ!» —

Вася храбро съѣзъ за Одей.
Разъ, два-три! — и отпихнулись...
— «Ахъ, куда-жъ ты, Вася, правишь?!»
Тррахъ! п оба кувыркнулись.

— «Что? ха, ха! смѣялся Одея:—
Эхъ, хвастунъ, братъ, ты пугатый!..»
А ему въ отвѣтъ братишка:
— «Это... санки виноваты...»

Народы Россіи.

XXV. Болгары.

Нѣкогда, по восточному берегу Волги, отъ впаденія въ нея Суры до самаго Каспійскаго моря, и по Дунаю, существовало дна народа, извѣстныхъ подъ именемъ *болгаръ*. Первый исчезъ совершенно, другой составляетъ до настоящаго дня главную часть народонаселенія нынѣшнихъ турецкихъ областей Булгаріи, Румиліи, Македоніи и Альбаніи.

Болжскіе болгары раздѣлялись на волгайское, камайское и шализинское племена, изъ которыхъ послѣднее обитало при Каспійскомъ морѣ. Эта знаменитая отрасль болгарскаго народа оставила лишь нѣсколько монетъ, но никакихъ письменныхъ памятниковъ своего существованія. Самыми ранними и обстоятельными свѣдѣніями объ этомъ народѣ, — мы должны арабскимъ географамъ и путешественникамъ, изъ которыхъ многіе, какъ Ибнъ-Фонданъ, Ибнъ Хаукаль, Абуль-Хамидъ-Андалуси и др. сами посѣщали землю волжскихъ болгаръ. Ибнъ-Хаукаль повѣствуетъ, что языкъ ихъ былъ тотъ же самый, что и хозарскій. Но между ними былъ также распространенъ и татарскій языкъ. Это подтверждаетъ и татарское повѣствованіе изъ Ферисъ-Наме, говорящее, что, для обращенія болгаръ къ вѣрѣ, отправлены были три пророка, изъ коихъ одинъ, Танталъ, держалъ рѣчь передъ ханомъ, потому что онъ совершенно разучилъ турецкій и румейскій языки. Далѣе, главнымъ источникомъ служатъ русскія лѣтописи и наконецъ историки разныхъ націй. Къ этому можно еще присоединить нѣсколько преданій, которыми находятся въ татарскихъ сборникахъ. Сверхъ того, мы имѣемъ порядочное количество монетъ, выбитыхъ въ городѣ Болгарахъ, нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями на разныхъ языкахъ, и наконецъ небольшіе остатки развалинъ въ селѣ Болгары, существующемъ и нынѣ къ Казанской губерніи, Спаскомъ уѣздѣ, близъ заштатнаго города Тетюшъ, и называемомъ также Богородицко-Успенскимъ.

Древніе Болгары составляли многочисленный и предприимчивый народъ, что доказываютъ не только переходы ихъ къ Черному морю и южному берегу Дуная, но и вторженія въ сосѣдственныя русскія владѣнія. Для отраженія ихъ, еще во времена Рюрика, заложена была при берегахъ Оки крѣпость, нынѣшній Муромъ, которою въ 1083 г. болгары овладѣли. Въ 1183 г. они снова ограбили этотъ край, и также Рязань, а въ 1218 г. овладѣли Устюгомъ. Русскіе съ своей стороны также не рѣдко ходили на нихъ войною при Владимірѣ въ 1162 году, при Андрѣ Юрьевичѣ; въ 1184 году ходилъ на нихъ войною Всеволодъ съ своими союзниками. Походы эти возобновлялись нѣсколько разъ; наконецъ, въ 1219 г. они были побѣждены великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, просили милости и и принуждены были согласиться на всѣ его условія. Но покорность ихъ была недолговременна, и война съ ними продолжалась до самаго вторженія въ Россію монголо-татарскихъ народовъ. Въ первое нападеніе на Россію, монголы кажется оставили болгаръ въ покоѣ; но когда потомки Чингисхана отправились покорять земли, лежащія къ западу, Болгарія первая пала жертвою ихъ кровожадности. Съ этого времени болгары составили часть Кипчакской державы, и до самаго паденія раздѣляли судьбу ея, сливаясь болѣе и болѣе съ побѣдителями, такъ что утратили наконецъ и свое народное имя. Болгарская земля окончательно перешла во власть русскихъ царей, вѣроятно при Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ одно время съ паденіемъ Казанскаго царства. Однако титулъ государя Болгаріи носилъ

еще дѣдъ его, Иоаннъ III. Теперь, гдѣ красовалась торговая и воинственная Болгарія, видны бѣдныя жилища ногаевъ, чувашей, черемисовъ и мордвы.

За Дунай болгарскія племена начали переходить еще въ VI столѣтіи. Привлеченные пріятностью климата, многіе остались тамъ, а вскорѣ потомъ (въ 678 г.) значительная часть болгарскаго народа переселилась въ нынѣшнюю Болгарію, и основала Болгарское государство, которое называлось *Малой Болгаріей*, для отличія отъ *Великой*, какъ греки VII вѣка именовали первоначальное отечество болгаровъ на Волгѣ. Въ IX вѣкѣ болгары приняли христіанство, и уже совершенно стали отличаться отъ единоплеменниковъ своихъ, обитавшихъ на Волгѣ, языкомъ и обычаями. Вся исторія этого Болгарскаго государства, съ самаго основанія до завоеванія его турками, не представляетъ почти ничего, кромѣ безпрерывныхъ войнъ съ Византійской имперіей. Наконецъ, уже во время упадка послѣдней, она подпала подъ власть Византіи. Съ самаго покоренія Константинополя турками, до настоящаго дня, болгары оставались въ подданствѣ Оттоманской имперіи.

Въ Россіи болгары живутъ въ настоящее время только въ качествѣ эмигрантовъ и колонистовъ. Съ половины прошлаго столѣтія, они въ разные эпохи переселялись изъ Турціи въ Россію, гдѣ ихъ насчитывается въ настоящее время 59,000 человекъ; изъ этого числа 45,000 приходится на Бессарабію, 11,500 на Херсонскую губернію и 2,500 на Таврическую, гдѣ они поселились болѣе или менѣе большими группами.

Число всѣхъ болгаръ вообще простирается до 4,000,000 душъ; исключая русскихъ и австрійскихъ болгаръ (послѣднихъ 25,000), всѣ остальные принадлежатъ Турціи, и исповѣдаютъ греческую вѣру; только 80,000 изъ нихъ католики и 300,000 магометане.

Въ Турціи болгары распространены не только въ провинціи, специально называемой Болгаріей, но съ каждымъ годомъ двигаются все далѣе на югъ, въглубъ страны, каждый годъ разрабатываютъ новые участки земли въ Фракіи и проникаютъ въ самый центръ греческихъ провинцій. Эта наклонность распространяться и акклиматизироваться въ чужихъ странахъ, не теряя своей національности, происходитъ отъ мягкаго трудолюбиваго характера болгаръ.

Сѣверные болгары существенно отличаются отъ болгаръ южныхъ; первые извѣстны подъ именемъ *гагаузовъ*, какъ они сами называли себя, вторые называются черными болгарами. Большая часть гагаузовъ приняла исламъ, преимущественно изъ матеріальныхъ расчетовъ; эти болгары дикі, грубы, не гостеприимны, рабѣтны, и говорятъ такой скороговоркой, что часто нельзя даже понять, на какомъ языкѣ они говорятъ. Самый употребительный языкъ у нихъ — турецкій, впрочемъ валлахскій языкъ также въ употребленіи, а собственно болгарскій языкъ, на которомъ они говорятъ всего менѣе, очень похожъ на русскій.

Черные болгары, напротивъ, откровенны, пріятливы, гостеприимны; качества эти выражаются уже у дѣтей, которыхъ весело бѣгутъ на встрѣчу путешественнику, между тѣмъ какъ дѣти гагаузовъ прячутся, завиди незнакомаго человѣка. Черные болгары говорятъ, во первыхъ, на своемъ родномъ языкѣ, иногда также по турецки и по гречески. Собственный ихъ языкъ, сильно перемѣшанный сербскими и греческими оборотами, гораздо мягче и звучнѣе сѣверноболгарскаго нарѣчія.

Больше столѣтій тому назадъ, какъ болгары начали образовывать колонію въ Бессарабіи и въ Новороссійскомъ краѣ. Значительнѣйшія болгарскія колонизаціи начались съ 1801 и 1812 годовъ, что слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать внутреннимъ безпорядкамъ возникшимъ въ это время въ турецкой имперіи. Болгары, переселившіеся въ Россію между 1801 и 1812 годами, были колонизованы въ Херсонской и Таврической губерніяхъ. Въ первой изъ названныхъ губерній они основали шесть, а во второй три колоніи. Въ окрестностяхъ Одессы по сіе время существуетъ одна деревня, основаніе которой относится къ тому времени; она и теперь заселена болгарами, занимающимися разведеніемъ шелковыхъ червей. Переселеніе въ Бессарабію шло еще въ большихъ размѣрахъ. Болгары массами устремлялись туда вѣдѣть за русскими войсками, возвращавшимися изъ Турціи. Многочисленные эмигранты 1806—1812 годовъ, были названы Новыми Болгарами. Съ 1812 г. они уже сдѣлались русскими подданными, вѣдѣтвіе уступки Бессарабіи Россіи. Въ 1381 г. болгарскія колоніи въ Бессарабіи считали уже 38,000 душъ обоего пола. Война 1828—1829 г. между Россіей и Турціей и многочисленныя побѣды одержанныя русскими

въ Болгаріи—привлекли еще большее число болгаръ на русскую территорію. Около четырехъ тысячъ новыхъ пришельцевъ должны были искать убѣжища въ колоніяхъ своихъ бессарабскихъ соотечественниковъ, и эти послѣдніе способствовали по мѣрѣ своихъ силъ новымъ переселенцамъ, изъяснивъ даже готовность, въ пользу своихъ товарищей, довольствоваться тридцатію десятинами земли, вмѣсто шестидесяти десятинъ назначенныхъ на каждую семью. Къ сожалѣнію, однако, еще три тысячи болгарскихъ семей, переселившихся въ Бессарабію еще позднѣе, не нашли въ ней ожидаемаго пріюта; разныя липенія, наконецъ голодъ и чума почти истребили ихъ, и заставили уцѣлѣвшихъ отъ этихъ бѣдствій кое-какъ вернуться на родину. Въ 1850 г. число всѣхъ болгаръ въ 83 бессарабскихъ колоніяхъ простиралось до 81,500 душъ. Въ силу парижскаго трактата 1856 г. значительная часть болгарскихъ колоній досталась Молдавіи. Хотя многіе колонисты перешли на русскую землю, тѣмъ не менѣе, число болгаръ въ Россіи замѣтно уменьшилось. Болгары поселившіеся въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, приняли много малороссійскихъ обычаевъ. Всѣ они вообще мирные и трудолюбивые земледѣльцы.

Л И В А Д І Я.

Какъ только влажный вѣтеръ съ Запада сгонитъ снѣгъ съ улицъ Петербурга и многочисленные рукава Невы освободятся отъ сковывающей ихъ ледной коры, гулянье въ Екатерингофѣ возвѣщаетъ жителямъ столицы о наступленіи весны. Въ это время въ средѣ Императорской фамиліи идутъ дѣятельныя приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ, лежащій на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Благодаря тому, что ни одинъ климатъ не дѣйствуетъ такъ благопріятно на здоровье большинства больныхъ, какъ климатъ южнаго берега Крыма, Государыня Императрица проводитъ уже не первое лѣто пѣ ея любимой Ливадіи, гдѣ замѣтное улучшеніе Ея здоровья позволяетъ Ей вполне наслаждаться пріятною и спокойною жизнью.

Какъ ни просто и уединенно живетъ Ея Императорское Величество, присутствіе Ея оказываетъ громадное вліяніе на всю страну. Начиная отъ Ялты, отстоящей на 3—4 километра отъ Ливадіи, вся мѣстность принимаетъ видъ хорошо воздѣланнаго парка, принадлежащаго къ лѣтней резиденціи Царской фамиліи.

По улицамъ, дорогамъ и дорожкамъ, красиво проложеннымъ и заботливо поддерживаемымъ, толпятся военные всѣхъ чиновъ, снуютъ вездѣ и впередъ великолѣпные экипажи; маленькіе домики Ялты и близъ лежащихъ окрестностей кажутся столькими же вилами. Довольно самаго понерхностнаго взгляда, чтобы замѣтить, что обыкновенное населеніе страны уступило на нѣкоторое время свое мѣсто болѣе блестящему, болѣе высоко поставленному обществу. Но съ другой стороны польза не видѣтъ, что постоянные коренные обитатели Ливадіи носятъ отпечатокъ достатка и довольства, получая его отъ общества разбросаннаго по ихъ жилищамъ.

Въ прежнія времена Ливадія принадлежала богатому семейству польскихъ магнатовъ графовъ Потоцкихъ, которые купили ее за ничтожную цѣну у прежняго командира греческихъ батальоновъ города Балаклавы, Ривельоти. Государыня Императрица Марія Александровна увидѣла Ливадію во время одного изъ своихъ посѣщеній Крыма—и мѣстоположеніе этой виллы такъ понравилось, что Она купила ее у графовъ Потоцкихъ. Хотя Ливадія и не выказываетъ той дорого-стоющей роскоши, которою отличается Алушка, по ея дворцу, по своей архитектурѣ и внутреннему убранству имѣетъ всѣ признаки рѣдкаго вкуса; равно какъ и дворецъ Наслѣдника, въ мавританскомъ стилѣ, построенный по образцу Бахчисарайскаго замка, прелесть и вполнѣ гармонируетъ съ окружающею его обстановкою, а маленькая церковь—настрихъ перлъ въ своемъ родѣ.

Ливадія съ одной стороны ограничена горами, отличающимися дикою красотою, между которыми возвышается своею снѣжною вершиною Чатырдагъ; съ другой—прекраснымъ темнымъ, безграничнымъ моремъ, то разстилающимся какъ чистое зеркало на необозримое пространство, то гнѣвно бушующимъ поднимая свои пѣны воды подобно холмамъ и играя боль-

шими кораблями какъ мичками, — такая красота мѣстности привела, понятно, къ тому, что Ливадія въ короткое время сдѣлалась любимымъ мѣстопробываніемъ Августѣйшаго семейства. Само собою разумѣется, что маленький уздѣный городокъ Ялта, лежащій въ бухтѣ доступной со всѣхъ сторонъ южному и юго-западному нѣтрамъ, превращается во время пребыванія Императорской фамиліи въ сборное мѣсто всѣхъ тѣхъ, которые пріѣзжаютъ отсюда для того, чтобы хотя издали взглянуть на тихую жизнь монарха величайшаго въ свѣтѣ государетна, такъ какъ Государыня Императрица вообще рѣдко показывается публичъ.

Вслѣдствіе такого сильнаго стеченія народа, въ Ялтѣ оказывается мало мѣста для помѣщенія всѣхъ посѣтителей. Не смотря на сильное желаніе городского управленія увеличить городъ вдоль берега моря, оно вынуждено было признать это невозможнымъ, ибо никто изъ окрестныхъ землевладѣльцевъ ни за какія деньги не хотѣлъ продать ни одного дюйма земли, такъ что для будущихъ поселенцевъ остаются свободными лишь весьма немногія поля между ущельями горъ. Въ прежнее время въ Ялтѣ только съ большимъ трудомъ можно было найти себѣ хоть какое нибудь пристанище; теперь, напротивъ, тамъ выстроены двѣ гостиницы, изъ которыхъ одна русская а другая содержится французомъ. Нечего и говорить, что въ послѣдней за все приходится платить гораздо дороже, хотя она далеко не можетъ назваться лучшею.

Вилла Государя Наслѣдника въ Ливадіи состоитъ изъ двухъ этажей: нижній этажъ скрывается въ роскошной зелени, а вдоль всего верхняго прострается веранда, съ которой открывается прелестный видъ на море и на всю Ялту, лежащую у подножія этой виллы.

Между городомъ и виллой, изъ-за деревьевъ, широко раскинувшихъ свои вѣтви, виднѣются тамъ и сямъ прелестныя виллы, занятая частью свитой Ихъ Императорскихъ Величествъ, частью придворными елужителями. Превосходная дорога тянется отъ Орианды мимо виллы Нарышкина, княгини Мещерской, князя Кочубея, Мальцева до самой Алушки, гдѣ, продолженіе всего лѣтняго времени, кипитъ жизнь, подобная жизни большаго города. Сюда, какъ извѣстно, собираются даже издалика богачи и аристократы и остаются здѣсь очень долго, особенно во время пребыванія Государыни, которая живетъ иногда въ Ливадіи до глубокой осени. Если бы вѣчно шумящее море и темный лѣсъ не напоминали намъ постоянно, гдѣ мы находимся, мы могли бы подумать, что живемъ въ окрестностяхъ одной изъ столицъ Европы; такъ очаровательны и свѣжи туалеты дамъ, такъ безукоризненъ модный фасонъ платья мужчинъ, которые, въ этой, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, полудикой странѣ, говорятъ теперь на всѣхъ цивилизованныхъ языкахъ Европы.

Политическое обозрѣніе.

Вопросъ объ устанавленіи во Франціи республики рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Новое министерство окончательно сформировалось: Бюффе назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и вице-президентомъ совѣта министровъ, Леонъ Са—министромъ финансовъ, Валлонъ—министромъ народнаго просвѣщенія, герцогъ Декавъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, виконтъ де-Мо—министромъ земледѣлія и торговли, генералъ Сиссез—военнымъ, контръ-адмиралъ маркизъ Монтаньякъ—морскимъ, Дюфоръ—министромъ юстиціи, Кальйо—министромъ публичныхъ работъ. Изъ девяти министровъ, только трое: Леонъ Са, Дюфоръ и Валлонъ, принадлежатъ къ сторонникамъ республики; остальные, напротивъ того, извѣстны какъ болѣе или менѣе ярые ея противники. Вообще, весьма странно видѣтъ подобный составъ

министерства изъ странъ, только-что вотировавшей конституціонные законы, утверждающіе республиканскій образъ правленія, какъ единственно-возможную въ настоящее время правительственную форму. Ни старанія многихъ вліятельныхъ людей, ни продолжительные переговоры главнѣйшихъ партій Національнаго Собранія, не могли привести къ результату, болѣе отвѣчающему требованіямъ времени, нежели тотъ, который представляетъ собою настоящее министерство. Ничто нѣтъ удивительнаго, послѣ этого, если составленная новымъ кабинетомъ программа дѣйствій превзошла даже самую смѣлую ожиданія правой стороны Собранія,—если, затѣмъ, тѣмъ же отнеслась къ ней болѣе чѣмъ равнодушно, не проронивъ, при чтеніи ея, ни одного слова и не удостоивъ ея даже возгласа... Это мрачное

молчаніе чуть не половины собранія народныхъ представителей во всякомъ случаѣ не предвѣщаетъ ничего хорошаго ни въ настоящемъ, ни тѣмъ болѣе въ будущемъ; надъ злополучною стра- ной виситъ новый Дамокловъ мечъ, готовый ежеминутно сор- ваться и разсѣчь то, надъ учрежденіемъ чего такъ долго и не- уютно трудились истинные сыны своей родины. Этими Дамок- ловымъ мечемъ, по увѣренію многихъ, надо считать гидру бо- напартизма, несмотря на невозможныя разоблаченія не пере- стающего вести подпольную агитацію противъ существующаго порядка. Итакъ, новое министерство вступило въ свои права и обязанности; оно успѣло уже начертать программу своихъ дѣй- ствій и приступило къ ея осуществленію. Въ чемъ же состоитъ эта программа, какого рода путь изберетъ новое министерство и куда поведетъ оно страну, жаждущую покоя и мирныхъ, но коренныхъ преобразованій въ различныхъ сферахъ обществен- наго и государственнаго управленія? Въ программѣ, прочитан- ной министромъ Бюффе, прежде всего заявляется, что минис- терство «будетъ слѣдовать строго-консервативной политикѣ, одина- ково чуждой какъ слабости, такъ и вызывающаго образа дѣй- ствій». Правительство будетъ оказывать постоянную защиту честному и трудящемуся населенію, сочувствующему порядку и законности. Вообще, оно надѣется найти сочувствіе и поддерж- ку со стороны увѣренныхъ людей всѣхъ партій въ странѣ. Сво- бодное отъ всякаго чувства мести, оно постарается занять по- ложеніе примирительное, успокаивающее. Что касается затѣмъ до частныхъ мѣропріятій, то въ этомъ отношеніи новое мини- стерство обязано только предложить современемъ Палатамъ проектъ преобразованій законовъ о печати, который связывается съ вопросомъ о снятіи осаднаго положенія. Законъ о назначе- ній мэровъ остается безъ измѣненія и проч. Какъ видите, кро- мѣ общихъ фразъ, подъ которыми могло бы подписаться любое министерство, да туманныхъ, никому непонятныхъ общаній, новое министерство не представляетъ ничего. Вотъ почему, не- смотря на приглашеніе Бюффе выразить откровенно свои мыслы о предлагаемыхъ Национальному Собранію пунктахъ, никому не пришло въ голову выразить хотя какое-либо о нихъ мнѣніе, а пото- му никакихъ преній по сему предмету въ собраніи и не произошло. Населеніемъ новое министерство и распухшая канцелярія имъ программа были приняты почти равнодушно, — и только одна печ- ать позволила себѣ высказать по поводу нѣсколькихъ горь- кихъ истинъ. Въ мнѣніи по этому предмету слѣдуетъ къ тому, что, запуганное бонапартизмомъ, Национальное Собраніе должно быть довольно даже такимъ республиканскимъ министерствомъ, которое, въ составленной имъ программѣ дѣйствій, всячески из- бѣгало употребленія слова «республика». Даже бонапартисты не унываютъ, надѣясь найти въ новомъ правительствѣ — если уже не поддержку и покровительство, то по крайней мѣрѣ снисхожде- ніе и полную терпимость... Известный защитникъ бонапартизма, Поль-де-Кассаньякъ, въ издаваемой имъ на бонапартистскія день- ги газетѣ, прямо заявляетъ, что Бюффе, какъ представителю но- ваго кабинета, не мѣшаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ постоянно имѣть въ виду, что онъ, въ бытность свою наполеоновскимъ министромъ, слишкомъ много былъ обязанъ бонапартизму, а потому едва ли рѣшится быть слишкомъ строгимъ въ отноше- ній къ этой партіи.

Вопросъ объ установленіи во Франціи республики нѣсколько заслонилъ собою другой важный вопросъ, занимающій умы всей Европы — предполагаемую отставку князя Бисмарка. Существуетъ много самыхъ разнообразныхъ предположеній насчетъ истин- ныхъ причинъ этого важнаго рѣшенія; но такъ какъ ни одно изъ нихъ до сихъ поръ еще не подтвердилось официально, то мы считаемъ за лишнее приводить ихъ здѣсь. Несомнѣнно только, что князь Бисмаркъ *усталъ* въ борьбѣ своей за един- ство Германіи, за подчиненіе церкви государству; что князь Бисмаркъ разбитъ не только физически, но и нравственно; что

онъ, наконецъ, самъ начинаетъ опасаться за собственную жизнь и, поэтому, изъ предосторожности, окружаетъ себя переодѣтыми полицейскими агентами, безъ которыхъ и шагу ступить не рѣшается. Впрочемъ два важныхъ дѣла, надъ осуществленіемъ которыхъ такъ много потрудился канцлеръ Германской имперіи, поставлены имъ на надлежащую дорогу — по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это самъ Бисмаркъ. Объ- единеніе Германіи, начатое желѣзомъ и кровью (въ 1866 г.), быстрыми и вѣрными шагами подвигается теперь впередъ — но уже безъ кровопролитія и насилій, а единственно при помощи раз- личныхъ хитросплетеній и ловкихъ маневровъ. Политика гер- манскаго канцлера состоитъ въ томъ, чтобы издаваемъ различ- ныхъ законовъ, обязательныхъ для всѣхъ союзныхъ государствъ имперіи, мало-по-малу сдѣлать бесполезнымъ и ненужнымъ су- ществованіе отдѣльныхъ сеймовъ въ различныхъ, прсимуше- ственно южно-германскихъ королевствахъ и княжествахъ и кня- жествахъ. Дѣятельность Пруссіи въ этомъ отношеніи по исти- нѣ изумительна: такъ, съ 1871 года, значить — всего за какіе- нибудь 4—5 лѣтъ, издано въ Берлинѣ слишкомъ 120 законовъ, обязательныхъ для всѣхъ частей германской имперіи, не считая 79 изданныхъ до этого срока! Такая поспѣшность въ законо- дательномъ дѣлѣ объясняется въ Берлинѣ опасеніями за проч- ность новаго зданія Германской имперіи, особенно въ случаѣ новаго столкновенія съ Франціей, да и вообще — въ виду не совсѣмъ дружелюбнаго расположенія къ новымъ законамъ со стороны Баваріи и другихъ южно-германскихъ государствъ. Какъ бы-то-ни-было, противъ воли «Желѣзнаго князя» до сихъ поръ хотя и раздаются голоса, но не иначе какъ тихомолку. — Другое дѣло — борьба государственной власти съ католическимъ духовен- ствомъ — вступаетъ въ новую фазу своего развитія и изъ обла- сти штрафовъ, арестовъ и тюремнаго заключенія, переходить въ болѣе дѣйствительныя противъ непокорныхъ мѣръ, каковы, напри- мѣръ, изысканіе народныхъ школъ изъ духовнаго вѣдомства, подчиненіе сельскаго духовенства въ матеріальномъ отношеніи мѣстнымъ приходамъ, лишеніе духовенства правительственныхъ субсидій (денежной помощи) и т. п. Такое положеніе вещей, по крайней мѣрѣ въ глазахъ князя Бисмарка, можетъ считаться далеко не отчаяннымъ; а потому, казалось бы, и самые толки объ оставленіи имъ своего поста во всякомъ случаѣ преждевре- менны. Тѣмъ не менѣе настойчивость, съ какою онъ распро- страняется, даже совершенно-преданными политикѣ князя, га- зетамъ, показывать, что развязка служебной карьеры знамени- таго Бисмарка не за горами...

Вступившая на путь преобразованій, далекая Японія поражаетъ своими необычайными успѣхами даже самыхъ отчаянныхъ прогрес- систовъ. Въ 1872 г., однимъ взмахомъ пера молодого микадо (свѣт- скій императоръ), создано въ имперіи 53,000 школъ. Одновремен- но съ этимъ открыта была въ столицѣ школа инженеровъ, про- грамма которой весьма любопытна во многихъ отношеніяхъ. Самъ императоръ съ большою охотой и усердіемъ изучаетъ англійскій и нѣмецкій языки. Императоръ, императрица, всѣ чины и при- слуга двора одѣваются по европейски и вообще дозволяютъ себѣ отступленія отъ многихъ общепринятыхъ японскихъ обычаевъ. Будущимъ лѣтомъ, какъ слышно, Микадо собирается въ Европу и посѣтитъ Парижъ; многие изъ японцевъ учатся и теперь въ европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ общихъ, такъ и спе- циальныхъ. Наконецъ, императоръ не только не питаетъ къ ев- ropeйцамъ обычнаго японцамъ нерасположенія, но старается всячески сблизиться съ ними и съ этою цѣлью входитъ въ ди- пломатическія сношенія со многими изъ европейскихъ кабине- товъ, выписываетъ изъ Европы ученыхъ и технику-специали- стовъ и проч., и проч. Однимъ словомъ, черезъ какія-нибудь 20—40 лѣтъ, Японія, по крайней мѣрѣ по вѣншиности, догонитъ, пожалуй, Европу, оставивъ своихъ югозападныхъ сосѣдей (ки- тайцевъ) далеко за собою.

Разныя Извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по всеподлиннѣйшему до- кладу Министра Финансовъ, 7-го февраля сего года, Вы- сочайше повелѣлъ соизволять: разрѣшить перевозку тран- зитомъ, безъ досмотра и оплаты пошлиною, иностран- ныхъ товаровъ, слѣдующихъ изъ Пруссіи въ Австрію, черезъ Граевскую таможену, по желѣзнымъ дорогамъ Брестъ-Граевской и Кіево-Брестской, съ выпускомъ оныхъ за границу черезъ Раздвинскую таможену, предста- вить Министру Финансовъ установитъ, для предупре- жденія возможности подворенія нерезидентныхъ товаровъ въ Имперію, соответственныхъ, но усмотрѣнію его правила.

— Высочайше повелѣно: Высочайше утвержденное 9-го февраля 1865 г. положеніе о пошлинахъ за право торго- вли и другихъ промысловъ ввести въ дѣйствіе въ За- кавказскомъ краѣ съ 1-го января 1876 г., со всѣми по- слѣдовавшими въ измѣненіи и дополненіи сего положе- нія постановленіями.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 25-го января сего года, Вы- сочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 16-го октября (1-го ноября) 1874 г., объ обращеніи Деревляницкаго-Воскресенскаго мужскаго мо- настыря, новгородской епархіи, въ женскій, на изложен- ныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ.

настыря, новгородской епархіи, въ женскій, на изложен- ныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ.

— 22-го февраля освещена въ Кронштадтѣ временная деревянная церковь во имя Владимирской Божіей Мате- ри, сооруженная, какъ пишутъ въ «Крон. Вѣстникѣ», въ очень короткое время, дѣл командъ военно-сухопут- наго вѣдомства, которому принадлежала разрушенная но- жаромъ съ 20-го на 21-е октября Владимирская цер- ковь.

Народное просвѣщеніе.

— Изъ Кронштадтскаго техническаго училища мор- скаго вѣдомства предначинано въ нынѣшнемъ году къ выпуску 49 воспитанниковъ, изъ нихъ въ корпусъ мор- ской артиллеріи 8, въ корпусъ флотскихъ штурмановъ 23, въ корабельные инженеры 6 и въ инженеры-механи- ки 12.

— 1-го сего марта Харьковское городское управленіе получило, какъ сообщаютъ мѣстные губ. вѣдомости, оф- фиціальное сообщеніе о томъ, что въ Харьковѣ будетъ открытъ технологическій институтъ. Городомъ, три года тому назадъ, приобретены уже большой участокъ земли подъ постройку этого института.

— Въ азіатской части гор. Ташкента ощущается, какъ пишутъ въ «Турк. Вѣдомостяхъ», большая потребность

въ устройствѣ народной русской школы. Одинъ изъ фак- товъ, указывающихъ осознанію на эту потребность, заключается въ отравленіи туземцами дѣтей своихъ для обученія русскому языку, въ гор. Вѣрный, въ прожива- ющихъ тамъ въ качествѣ торговцевъ родственникамъ. Въ Вѣрномъ русская грамота прививается къ туземцамъ весьма успѣшно, и процентъ ядѣ, знающихъ читать и писать по-русски, съ каждымъ годомъ увеличивается въ значительной мѣрѣ. Весьма часто случается слышать за- явленія даже отъ торговыхъ людей весьма почтенныхъ лѣтъ о желаніи ихъ поучиться русскому письму; обуче- ніе ихъ въ народной школѣ однако невозможно, какъ по случаю дневныхъ ихъ торговыхъ занятій, такъ и по не- удобству ученивъ совмѣстно съ дѣтьми.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 13-го января Пулковское одноклассное учили- ще, 26-го января безплатное народное училище для дѣ- вочекъ въ Бердянскѣ, 19-го февраля въ Ревалѣ школа для мальчиковъ и дѣвочекъ при Николаевской право- славной церкви, въ мѣстечкѣ Бродяевѣ, Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи, двухклассное начальное на- родное училище; въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, сельская школа въ с. Сусленахъ преобразова- на въ одноклассное начальное народное училище Мини- стерства Народнаго Просвѣщенія.

Продолженіе смотри въ Прибавленіи листа.

„При этомъ номерѣ прилагается листъ объявленій“.

Военное и морское дѣло.

— Недавно прислали изъ Ташкента, какъ сообщаютъ въ „Туркестанскія Вѣдомости“, художественно исполненная серебряная группа, которую офицеры участвовавшие въ туркестанской экспедиціи 1873 года, и другія лица, служація въ Сыръ-Дарьинской области, поднесли на память объ этой экспедиціи, генералъ-лейтенанту Головачеву. 15-го июля, въ Чандырской битвѣ, Н. Н. Головачевъ, какъ извѣстно, былъ раненъ саблею въ руку. Одинъ изъ молодыхъ стрѣлковъ 2-го батальона, ридовой Саянши, успѣвъ во время подоскочить и заалотъ штыкомъ туркмена, уже раннаго своей саблей генерала Головачева. Наскорѣ перевязавъ рану, въ залитомъ кровью кителѣ, генералъ ин на минуту не оставилъ своего поста.

Группа, поднесенная генералъ-лейтенанту Головачеву, изображаетъ туркмена, съ записанной саблей, опрокинутого на землю сильнымъ ударомъ штыка. Фигуры стрѣла и лежащаго на землѣ туркмена — вполне безукоризненны по исполненію; не менѣе удачна и фигура верблюда, служащаго подставою всей группѣ. Кругомъ, на овальномъ покровѣ изъ сѣраго мрамора, вырѣзаны имена ахъ офицеровъ—участниковъ туркестанской экспедиціи, и лица, поднесшіе группу. Выше этой надписи видна другая, крупными буквами: „начальнику туркестанскаго отряда, генералъ-лейтенанту Головачеву“.

Группа исполнена въ Петербургѣ, по модели г. Либерица.

— 23-го февраля началась дѣятельность коммерческаго порта въ Севастополѣ. Въ этотъ день произведена первая хлѣбная нагрузка англійскаго парохода („Zeus“), предназначеннаго за границу—въ Марсель.

— „Николаевскій Вѣстн.“ сообщаетъ, что ранію весною планшетаго года будетъ произведена подробная съемка, промѣръ и нивелировка севастопольска бухты.

Пути сообщенія.

Для устранения частыхъ перегрузокъ рѣчныхъ баржъ, транспортирующихъ грузы по р. Кубани и далѣе по гирлязѣ, соединяющимъ Керченскій проливъ, русское общество пароходства, торговли въ Одесской желѣзной до-

роги проектируетъ, какъ сообщаютъ „Кубанскія Обл. Вѣдомости“, построить паровую желѣзную дорогу на небольшомъ пространствѣ между станціею Ахтанизовскою, расположенною на Ахтанизовскомъ лиманѣ, и Сѣною почтовой станціею, лежащую на Керченскомъ проливѣ. Общество намѣрено приступить немедленно къ изысканіямъ мѣстности, съ тѣмъ чтобы по составленіи проекта и смѣты войти съ ходатайствомъ о предоставленіи ему постройки желѣзной дороги, имѣющей соединить названные пункты, разстояніе между которыми составляетъ не болѣе 8 или 10 верстъ. Нынь существующій путь, по асторому транспортируются грузы по Кубани въ Керченскій портъ, продолжителенъ и требуетъ частыхъ перегрузокъ. Даже при благоприятныхъ условіяхъ, т.-е. при полноводіи, грузы, отправляемые водою изъ прикубанскаго края за границу, испытываютъ двѣ неизбѣжныя перегрузки, что влечетъ за собою непроизводительную потерю времени и увеличиваетъ расходы на фрактъ; при неблагоприятныхъ же условіяхъ, т.-е. при маловодіи, перегрузки совершаются еще медленнѣе и дѣлаются еще болѣе затратны.

— „Пермск. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ, что въ нынѣшнемъ году предложено отпустить на исправленіе сибирскаго тракта въ предѣлахъ Пермской губерніи 303.041 р. 96 коп.

Земская хроника.

— Въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи слѣдующимъ образомъ организована земская почта: два раза въ недѣлю два почталона отправляются по двумъ линіямъ, проходящимъ по всѣмъ волостнымъ правленіямъ и снова возвращаются въ Данковъ. Каждый почтальонъ снабженъ кожаной сумкою, изъ которой ааключается вся корреспонденція, казенная и частная. Ключи отъ сумки находятся въ уѣздѣ и во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ. Въ каждомъ изъ нихъ отпираютъ сумку и принимаютъ и отсылаютъ свою корреспонденцію. Такимъ образомъ, два раза въ недѣлю почта приходитъ въ каждый пунктъ уѣзда. Пеналомъ рисованнаго хода Данковской земской почты рисованы по всѣмъ волостямъ. Каждый почтальонъ снабжается нынѣ развѣ особыми бланками для отчета времени прибытія его на пункты. Для по-

сылки письма отправителю стоитъ только наклеить земскую марку, стоющую три копейки, и опустить его въ ящикъ въ ближайшемъ волостномъ правленіи. Устройство почты стоитъ земству крайне дешево — 357 руб. въ годъ.

— То же Тульское губернское собраніе, вслѣдствіе доклада губернскаго управы о переустройствѣ селеній по прааламъ строительнаго устава, постановило: для тѣхъ уѣздовъ, которые аавяютъ желаніе одновременнымъ перенесеніемъ нѣкоторыхъ дворовъ приводить все селеніе, или отдѣльную часть его въ законный видъ, согласно составленнымъ планамъ и съ засадою промежуточныхъ деревнями, опредѣлять выдачу на этотъ промѣтъ безаварныхъ пособій изъ страхового аапитала въ размѣрѣ до 1/3 части годоваго страхового оклада по каждому уѣзду, со выключеніемъ въ эту сумму и вымообразныхъ судовъ, если таковыя будутъ требоваться.

— Вятское губернское земское собраніе послѣднего очереднаго созыва, въ засѣданіи 9-го декабря, поручило губернской управѣ войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи распрѣдѣлять сиротъ изъ дѣтей чиновниковъ и канцелярскихъ служителей, воспитывающихся въ сиротскомъ домѣ, при неуспѣшности обученіи ихъ въ гимназіи и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ фельдшерскія школы и въ мастерскія Вятскаго земскаго техническаго училища, а также въ частныя лица для подготовленія къ торговымъ ааятіямъ, мастерствамъ и ремесламъ.

— Херсонскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ назначено на расходы по народному образованію въ нынѣшнемъ году—63.546 руб. 40 копѣекъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Обитѣль духа (съ двумя чертовами).—Двуногий волазъ. Романъ Н. Н. Каразика. Ч. II. (продолженіе).—Московское авто-да-фе 1682 года (съ рисунками).—Влуджающие огонь (Автобіографія Притчкова).—Соч. Н. С. Лѣнова (Стебникова) (продолженіе).—Вотъ тебѣ развѣ... (съ рисунками).—Народы Россіи. XXV. Болгары (съ рисунками).—Ливадія (съ рисунками).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Америкашская швейная машина съ правильною двойною стежкою, ручная и ножная. Королевская педагогическая комиссия изъ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д“ новѣйшая настоящая Америкашская швейная машина, ножная.

Г. Гетеръ Браме, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и малой Морсаой, домъ Струбинскаго № 11; по томъ еще продана у: Бриникъ и Ко. въ гостиницѣмъ дворѣ по большой суровской линіи № 132, Агентъ для Москвы, Шанксъ и Боликъ, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Нотомъ находится Агентъ почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—1

Въ книжныхъ магазинахъ ФЕНУ, магазинѣ для икогородныхъ продаются учебныя сочиненія профессора Бугаева.

1. Ариеметика цѣлыхъ чиселъ. Ц. 40 к.
2. Ариеметика дробныхъ чиселъ. Ц. 45 к.
3. Задачникъ къ ариеметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Ц. 25 к.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

П. ЮРГЕНСОНА

карманнаго музыкальнаго словаря, 3 изд., пересмотрѣнное и дополненное кн. В. О. Одоевскимъ. Ц. 50 к. Учебникъ элементарной теоріи музыки; составилъ профессоръ Императорской Московской консерваторіи Н. Капкинъ. Ц. 75 к. Руководство къ изученію элементарной теоріи, профессора П. Чайковскаго. Ц. 2 р. продаются въ музыкальномъ магазинѣ П. Юргенсона, Москва, Петровка № 6, и у другихъ музыкальныхъ торговцевъ.

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—7

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Буркгардта, Вас. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 5.

8—7

РУССКАЯ АЗБУКА.

Въ 11 урокахъ (11 недѣль), сост. М. Гребеннигъ. Вышла изъ печати 6 исправ. и доп. изданіемъ. Цѣна 10 а. Сладъ въ воен. типографіи Главнаго Штаба. Продаются въ книжныхъ магазинахъ Колосова и Михина, и Коканчикова, въ Гостинномъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЬЕ ИЗЪ БУМАГИ

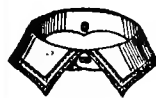
Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ И ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложеное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной про-
дани высылается по вос-
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13—5

Вышла и продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы

МИСТРИССЪ ФОУСЕТТЪ

Начальныя основанія политической экономіи

Цѣна 1 р.; перес. за одинъ фунтъ.

3—1

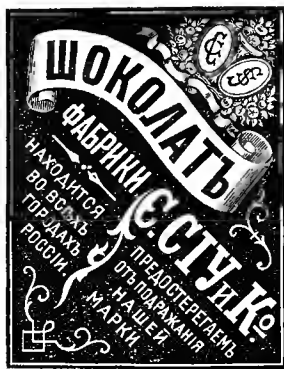
СКЛАДЪ РОЯЛЕЙ

въ 350, 375, 415, 435, 525, 550, 675, 750, 825, 875, 1200, 1300, 1400, 1700, рублей и дороже.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. И. Юргенсона.

Москва, Петровка, № 6.

6—5

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

Руководство къ изученію часового мастерства

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ.

Съ 70-ю гравированными рисунками.

Нижний-Новгородъ 1870 года.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться съ часами при повѣркѣ, прибавленіе и убавленіе хода, повѣрка часовъ по солнцу, устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе, относительной равености мѣстностей и времени; составленія припоевъ и паяніе, маленіе сталей, шлифованіе и полированіе металловъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебрѣніе. По этому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для слесарей, паяльщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній. Продается: въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ. — Пересылка бесплатно.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Пшотля и Шмидта, въ Сиб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма, Шпредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—14

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

издаваемый Императорскимъ Обществомъ иривильной охоты подъ редакціей **Л. П. Сабаньева**, выходитъ ежмѣсячно, книжками около 5 печатныхъ листовъ убористой печати, на веленовой бумагѣ, съ хромофотографированнымъ или фотолитографированнымъ (на стеклѣ) рисункомъ въ каждой книгѣ и политипажными въ текстѣ. Втеченіе года будутъ выданы гг. подписчикамъ, въ видѣ премии, нѣсколько хромофотограф. рисунковъ лучшихъ собакъ первой очередной выставки Общества. Подписная цѣна: на годъ 8 р. съ перес. 9 р; на полгода 4 р 50 к. съ перес. 5 р.

Съ 6 книжками, вышедшими въ 1874 году (съ 1-го Іюля) 12 р. съ перес. 13 р. 50 к. Въ трехъ книжкахъ, вышедшихъ по настоящес время, между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи.

Замѣтки стараго провинціального псового охотника **П. М. Мачеварианова**. Травля волка. **А. С. В—ева**. Воспитательное значеніе охоты. **С. Л—аго**. Охота на тигровъ на р. Сыръ-Дарьѣ. **Г. Иванова**. Липинскій лѣсъ (изъ записокъ кавказскаго охотника). **Н. Г. Вучетича**. Записки объ охотѣ въ Сѣверозападномъ краѣ. **И. Алмазова**. Токъ чернышей. **А. Ходнева**. Сврая Куропатка. **Н. Г. Вучетича**. Приморская и степная охота въ Астраханской губ. **И. Явленскаго**. Первая очередная выставка охотничьихъ собакъ и лошадей. **А. Е. Корша**. Удочка и уженье рыбы. **А. Н—ева**. (съ 32 полит.) Соловей, его ловъ и содержаніе. **Е. Навелина**. и мн. др.

Подписчики журнала охоты за пересылку сборника „Природа“ не прилагаютъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ редакціи Сборника „Природа“ и „Журнала охоты“ (Петровка, д. Самариной), въ книжныхъ магазинахъ Соловьева, Васильева и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ: въ Петербургѣ — у Базунова и Чересова; въ Кіевѣ — въ Южнорусскомъ книжномъ магазинѣ. **Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію.** Подписка въ разсрочку по соглашенію съ редакціей.

„ПРИРОДА“

(годъ третій).

Популярный естественно-историческій сборникъ, издаваемый подъ редакціей проф. **С. А. Усова** и **Л. П. Сабаньева**. Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ, съ хромофотографіями, фотолитографіями (на стеклѣ) и политипаж. въ текстѣ. Съ 1874 г. выходитъ 4 раза въ годъ книжками большаго формата, около 25 печатныхъ листовъ. 1 и 2 книги 1873 года и 2 книга 1874 одобрены Министерствомъ Нар. Просв. для библиотекъ учебныхъ заведеній и наградъ ученикамъ

Подписная цѣна 12 р. съ перес. 13 р. 50 к.

Подписчики, подписавшіеся въ редакціи (Москва, Петровка, д. Самариной) одновременно на 1874 и 1875 г. платятъ по 12 р. за годъ, съ 2 книжками 1873 г. (10 книгъ) 30 р. съ пересылкой.

Вышла и продается 1-я книга Сборника „Природа“ на 1875 г.

Содержаніе: Законы движенія. Проф. **Карстена**. Автоматы-лп животныя? проф. **Генсли**. съ полит. Жизнь въ мірѣ животныхъ и растений. **Л. Н. Попова**. Съ 36 полит. Вулканы. проф. **Н. Фохта**. съ 26 полит. Уродство. проф. **Бертильона**. въ 13 полит. Окраска лепестковъ. **Ф. Маевского**. съ 2 хромофотографіями. Сазань **В. Е. Яковлева**. Падающіе камни. **Мень**. съ 8 полит. Скорость ощущенія, мысли и воли человѣка. **Д-ра Б. С. Розенберга** съ 5 полит. Монголы. **Н. М. Прневальскаго**. Страна Монбутту. **Г. Швейнфурта**. съ килогр. табл. и 18 полит. Отдаленность звѣздъ. **Н. Фламмаріона**. съ 6 полит. Дятлы и ихъ значеніе въ лѣсоводствѣ. **Б. Альтума**. съ хромофотографіей. Кабаны. съ фотолитографіей. Чайки. съ фотолитографіей. Вальдшнепъ. съ фотолитографіей.

Цѣна 4 р. (выписывающіе нѣтъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ). Вышли и продаются новыя книги, изданныя редакціей Сборника „Природа“.

РЫБЫ РОССІИ

Жизнь, ловля и уженье нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ **Л. П. Сабаньева**. (650 стр.) съ 6 рисунками и 433 политипажными рыбъ и снарядовъ для ловли и уженья рыбы. Цѣна за всѣ три выпуска 4 р. каждый выпускъ отдѣльно 1 р. 50 к.

ФЛАММАРІОНЪ. „НЕБЕСНЫЯ СВѢТИЛА“

Популярное изложеніе Астрономіи. съ 75 полит. цѣна 1 р. 50 к. Выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ. Подписчики Журнала охоты и Сборника „Природа“, пользуются уступкой 20%.

3—1

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ КНИГА НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ **Д. И. Стахѣва**.

2 тома, болѣе 700 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп. 4—4

Опытъ русско-украинскаго оловара, сост. **М. ЛЕВЧЕНКО**.

Цѣна съ перес. 1 руб. 30 коп.

КІЕВЪ. Книготорговля **ЛЕВЧЕНКИ** и **ИЛЬНИЦКАГО**.

3—2

между ними, конечно, было не мало и етарообрядцевъ, какъ па то указываетъ еущеествованіе особаго «етарообрядческаго» кладбища. Поезѣ полтавской побѣды образованъ чугуевскій казакскій полкъ; это былъ одинъ изъ полковъ малороссійскаго казачкаго войска. Подъ начальствомъ Румянцева, потомъ Суворова, этотъ полкъ отличался въ битвахъ съ турками, за что и получилъ и награду ееребряныя знамена и трубы. Чугуевцы отличались въ войнѣ противъ турокъ и въ царствование Александра Павловича. Въ 1809 году чугуевскій казакскій полкъ названъ чугуевскимъ уланскимъ и подъ этимъ именемъ отличился въ 1813 году подъ Парижемъ, гдѣ чугуевцы паскомомъ взяли одну французскую батарею въ восемь пушекъ. Въ вышнемъ чугуевскомъ уланскомъ полку остался отъ Чугуева только звукъ его имени; самый же полкъ комплектуется новобранцами изъ разныхъ губерній и етоитъ на квартирахъ далеко отъ Чугуева.

Военныя поеленія упразднены; въ Чугуевѣ и его окрестностяхъ теперь живутъ вольные люди разныхъ еоселовій, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества; но въ постройкахъ домовъ еще можно замѣчать любимыя аракеевскія формы. — Приложенный «видъ города Чугуева» представляетъ одну изъ главныхъ улицъ — *Никитскую*, по которой вѣзжаютъ изъ Харькова въ Чугуевъ. На правомъ углу нашей картинкѣ виденъ уголъ чугуевскаго городского еада, который говорятъ былъ прежде болѣе похожъ на еадъ, нежели теперь; по другую сторону улицы — квартиры военного начальства и, черезъ улицу, начало чугуевскаго гостиннаго двора, который можетъ едѣлать красивымъ зданіемъ, когда оеуществится мысль о возведеніи надъ нимъ дома для будущихъ чугуевскихъ училищъ.

Въ Чугуевѣ находится поостоянныхъ жителей тыеачъ деесать; лѣтомъ же гораздо болѣе—отъ двухъ причинъ: одна—пріѣзды еюда и, еще гораздо болѣе въ жиюшныя окрестности города, дачники изъ Харькова, который лѣтомъ особенно етрадаетъ отъ безводья; другая—такъ-называемый «кампаментъ». Это поелѣднее елово изуродовано изъ французскаго елова *campement*, которое обыкновеннѣе выражается у насъ нѣмецкимъ еловомъ «лагерь», *Lager*; нельзя же намъ русскимъ употребить евое русское слово «етанъ»—изъ етарину замѣняли его татарскимъ еловомъ «кошъ», а теперь мы заимствуемъ все съ запада. Такъ вотъ на этотъ «кампаментъ» пріѣзжаетъ и приходитъ каждое лѣто въ Чугуевъ и его окрестности до еорока тыеачъ разнаго войска. До нихъ поръ было особенно много кавалеріи; со временемъ, говорятъ, будетъ преобладать артиллерія, у которой тутъ находится огромный екладъ разныхъ артиллерійскихъ принадлежностей. Кампаментъ бываетъ всегда во второй поло-

винѣ лѣта, когда по почтовой дорогѣ между Харьковомъ и Чугуевомъ проѣзжать можно удобно; и тогда, также какъ и зимою, движутся по этой дорогѣ безконечныя обозы; разныхъ товаровъ перевозителе въ годъ иъ сложности весьма почтенное количество: отъ десяти до одиннадцати милліоновъ пудовъ. Само еобою разумѣется, что это количество должно бы еще значительно увеличиться, если бы Чугуевъ могъ еоединиться съ общемо еѣтъю нашихъ желѣзныхъ дорогъ, до которой отсюда и недалеко—всего тридцать шееъ веретъ.—Теперь же еообщеніе по обыкновенной почтовой дорогѣ... а вочтовья дороги въ Россіи еоеставляютъ своего рода замѣчательность!—Нашъ великій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ практически зналъ росеійскія почтовые дороги премель Александра I-го и описалъ ихъ; всѣ ли мы знаемъ, что описаніе вѣрно и относительно нашего времени?—а дѣйствительно такъ: наши дороги и теперь отличаются тѣмъ, что въ дождливую пору года превращаются въ широкія—въ тридцать еажень шириною—канавы грязи, болѣе или менѣе тонкой или вязкой, смотря по почвѣ.—Спросите у мѣстныхъ жителей: зачѣмъ у васъ такая ужасная дорога? отвѣчаютъ: «да у насъ такая, какъ и елѣдуетъ по закону!» Это и дѣйствительно правда; одного только законъ не предписываетъ.—грязи безпрѣздной; впрочемъ, эта грязь является сама еобою—слѣдетвіе дождей; такъ у насъ иному и въ голову не приходитъ, что можно бы устроиться такъ, чтобы, несмотря на дождь, былъ удобенъ проѣздъ по дорогѣ.—Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ окрестности Чугуева, приходится очень долго етрадать отъ бездорожья... Харьковская губернія лежитъ въ такомъ климатѣ, гдѣ весна и осень не поглощаются долгой зимою, а ееютъ евое время; вмѣстѣ съ ними длится не мало и распутица на большихъ дорогахъ. Когда распутица еще не самая етрашная, тогда можно проѣхать и на лошадахъ, замѣнивши пару пятеркой и деесативеретную екорость пятиверетной; но бываетъ и такъ, что нужно замѣнять лошадей волами и доволетвоваться проѣздомъ по двѣ вереты въ часъ! Разумѣется, въ такую пору всякое товарное движеніе прекращается, ѣздятъ лишь крайняя нужда.—Желѣзная дорога была бы петиннымъ благодѣніемъ для тѣхъ мѣстъ и притомъ такимъ, которое оказать илчего бы не етогло, потому что дорога не еущеествовала бы въ убытокъ, а непременно давала бы достаточную выручку—еначала хоть бы и безъ барышей, только безъ приплатъ, а въ екоромъ времени и съ выгодой немалую для самой дороги.—Жители города Чугуева подали куда слѣдуетъ прошеніе о проведеніи желѣзной дороги отъ Харькова до Чугуева и въ свое время, конечно, получать отвѣтъ.

Ст. Варановскій.

СМЕРТЬ САРДАНАПАЛА.

Не смотря на то, что послѣ превосходныхъ изысканій Лейарда и Ботты древнѣйшая исторія Ассиріи — Ассиріи Нина и Семирамиды — оказывается нѣсколько мионической, мы полагаемъ, что басня, вдохновлявшая многихъ поэтовъ съ великимъ Байрономъ во главѣ, заслуживаетъ вниманія читателей — и потому, помѣщая снимокъ съ картины Делакроа, позволимъ себѣ привести въ сводномъ текстѣ всѣ сказочныя преданія древнихъ грековъ объ Ниневіи, этомъ диво-городѣ и его причудливомъ царѣ.

Основатель Ниневіи, баснословный Нинъ, по одному преданію, жилъ за 2000 лѣтъ, а по другому за 1200 лѣтъ до Р. Х. Онъ покорилъ всю западную и среднюю Азію, и вступивъ въ бракъ съ женою одного изъ своихъ полководцевъ, Семирамидой, заложилъ Ниневію — городъ, имѣвшій впоследствии, по свидѣтельству Ктесія (греческаго врача при дворѣ Артаксеркса II), 480 стадій или слишкомъ 80 верстъ въ окружности, причемъ самыя стѣны городскія были до 100 футовъ вышины и такъ толсты, что по нимъ могли рядомъ ѣхать три колесницы. Стѣны эти были укрѣплены 1500 оборонительныхъ башенъ. Еврейскій пророкъ Іона, проповѣдывавшій въ Ниневіи, свидѣтельствуеетъ, что населеніе столицы Ассиріи простиралось до 2.000.000 жителей. Въ этой Ниневіи, сосѣдкѣ, сестрѣ и соперницѣ Вавилона, высились исполинскіе чертоги, почему и называлась она *ha oir ha gdula*—*городомъ великимъ, Божеской-какимъ-великимъ*, восклицаетъ Іона. Здѣсь, по смерти Нина, Семирамида воздвигнула ему великолѣпный мавзолей, восьмизатяжную пирамиду, служившую основаніемъ

колоссальному чертогу, такъ-называемый *столтъ столновъ*, курганъ преогромный, по выраженію Ктесія. Сюда привозились изъ Вавилона превосходные ковры, которыми сплошь застилались кирпичные полы обширныхъ дворцовыхъ залъ,—великолѣпныя ткани, преимущественно хлопчатобумажныя, благовонныя воды, чудесно — выточенные трости и рѣзныя драгоценныя каменья; изъ Индіи—охотничьи собаки, борившіяся даже со львами, краски (копениль и лакка), золотой песокъ и драгоценности; изъ Арменіи—виноградныя вины, изъ Аравіи оиміамъ, изъ Финикіи пурпуръ, изъ Персіи жемчугъ и проч. и проч.

Въ этомъ-то средоточіи всевозможной роскоши, послѣ цѣлаго ряда царей-завоевателей, суровыхъ и грубыхъ азіатскихъ деспотовъ, является послѣднимъ извѣстнымъ владыкой Ассиріи—изнѣженный и сладострастный фантастъ, который, по свидѣтельству Арріана, построивъ въ одни сутки два города, оставилъ въ назиданіе потомства слѣдующую надпись подъ своей статуей: „Сарданапалъ, сынъ Анакиндаракса, въ одинъ день построилъ Анхіаль и Тарсъ. Ышьте, пейте, веселитесь: всѣ прочія людскія радости плевка не стоятъ.“ Окруженный несмѣтными сокровищами и цѣлымъ роемъ наложницъ, онъ проводилъ время въ этой роскошной праздности, утрачивая мало по малу послѣднія крохи мужества, необходимаго для управленія государствомъ. Понятно, что это должно было вызвать неудовольствія, волненія и мятежи въ подвластныхъ народахъ, привыкшихъ повиноваться лишь кровавому деспотизму его предковъ. Арабскъ, военачальникъ въ ассирійской про-

винции Мидии и самъ природный мидянинъ, скорбѣвшій о томъ, что управленіе громадною державою находится въ рукахъ такого нѣженки, и подстрекаемый вавилонскимъ жрецомъ Белесіемъ, возмущилъ своихъ мидянъ и вавилонянъ и выступилъ противъ Сарданапала. Оказалось однако, что опасность еще могла одушевить даже такого сластолюбца. Три раза отбивалъ онъ враговъ и поражалъ на голову Арбака, такъ что послѣдній началъ терять всякую надежду на успѣхъ. Возбужденный Белесіемъ, онъ рѣшился на четвертую попытку и осадилъ Сарданапала въ самой Ниневіи. „Ефратъ (ошибочно говорить Діодоръ Сицилійскій, вмѣсто Тигра) выступилъ вдругъ изъ береговъ, наводненіе разрушило часть городской стѣны, въ этотъ проломъ непріятель вошелъ въ городъ. Пока на улицахъ шла еще жесто-

чая рѣзня, Сарданапалъ, не желая доставаться въ руки побѣдителей, заперся въ своемъ дворцѣ, велѣлъ воздвигнуть громадный костеръ—и взойдя на него со всѣми своими наложницами, вѣрными рабами, боевыми конемъ и несметными сокровищами, сжегъ себя со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ красна была его жизнь. Самая столица стала жертвою пламени и была разрушена до основанія мидянами и персами. Только въ послѣдствіи, на мѣстѣ ея или около, возникъ новый городъ, развалины котораго и были изслѣдованы Лейардомъ и Боттою.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ послѣднія минуты величайшаго сластолюбца, имя котораго вошло въ поговорку, хотя единственнымъ точнымъ историкамъ того времени, еврейскимъ, оно даже неизвѣстно.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

VI.

Гаремъ Муллы-Атамкула.

— Здравствуй! сказалъ Атамкулъ и обнялъ Наталью Мартыновну за шею.

Та не сопротивлялась и стояла какъ окаменѣлая.

Одинъ изъ джигитовъ поднялъ бумажный, промасленный фонарь, и поднесъ его почти къ самому лицу несчастной женщины.

— Она мертвая! вскрикнулъ ренегатъ и отшатнулся.

Лицо Наташи было блѣдно какъ полотно, глаза смотрѣли тускло, неподвижно, даже ротъ полуоткрылся какъ у покойницы, нижняя челюсть отвисла, словно мускулы лица потеряли уже способность движенія.

Казалось, она даже не дышала.

Это былъ дѣйствительно мертвецъ, но мертвецъ страшный, стоящій на ногахъ безъ посторонней помощи...

На суетѣрнаго дикаря напалъ какой-то мучительный страхъ... Атамкулъ отступилъ шага на два назадъ...

Наташа пошатнулась, едва только онъ снялъ съ ея плеча свою руку.

— Это ничего, это отойдетъ, суеился иранецъ, — это она съ усталости... столько ѣхали... Она ничего... крѣпкая баба, хорошая баба... совсѣмъ джигитъ... Это ничего...

Богъ вѣсть, что происходило въ эту минуту въ душѣ Атамкула... Только онъ отодвинулся еще дальше, въ самую темь, куда не достигалъ свѣтъ фонаря, и отвернулся...

— Веди въ саклю... туда, къ тѣмъ, глухо и хрипло проговорилъ онъ.—Тамъ женщины есть, веди туда...

Тупой, мягкій стукъ упавшаго на землю тѣла—вызвалъ изъ груди Атамкула пронзительный, раздражающій вопль; но онъ не трогался съ мѣста—онъ дрожалъ и боялся даже взглянуть на упавшую...

— Неси... бери на руки... Неси!.. крикнулъ онъ и бѣгомъ бросился черезъ садъ, прямо въ ту саклю, откуда еще неслись голоса его джигитовъ, обѣдавшихъ руками какое-то жирное, мясное варево...

Иранецъ съ однимъ изъ пріѣзжихъ подняли Наташу и понесли. Въ потьмахъ трудно было что-нибудь различить впереди, но скоро иранецъ толкнулся объ шероховатую поверхность стѣны, оцупалъ засовъ калитки, отворилъ ее—и всѣ трое очутились въ еще болѣе густомъ мракѣ; даже звѣзды, усьявшія ночное небо, исчезли... Всѣ трое были подъ крышею.

— Эй, вороны, огонь зажигай!.. чего притаились?.. ну, проворнѣй!.. распорядился иранецъ.

Послышался пугливый женскій шопотъ и шелестъ въ углу...

— Я принесу фонарь... съ ними не скоро управишься, произнесъ джигитъ, и сталъ осторожно опускать на полъ ноги Наташи Мартыновны.

Въ темнотѣ заискрилась красноватая точка, около этой точки чуть-чуть обозначились сухія губы беззубаго рта и конецъ старушечьего носа.—Искра стала разгораться,—пучокъ сухихъ щепокъ затрещалъ охваченный пламенемъ и наконецъ ярко вспыхнулъ; пятнистый, мигающій свѣтъ озарилъ все окружающее.

Этъ была сакля, довольно богато убранная, сообразно съ мѣстными условіями роскоши: стѣны ея были гладко выштукатурены алебастромъ и росписаны аляповатыми узорами въ видѣ цвѣтовъ и какихъ-то фантастическихъ листьевъ; на брусчатомъ потолкѣ блеснуло даже что-то похожее на позолоту. Мягкій войлокъ покрывалъ сплошь весь полъ сакли, а у стѣнъ были разостланы пестрые ковры и стеганья, ватныя одѣяла. Посрединѣ, на непокрытомъ пространствѣ виднѣлась груда золы, а рядомъ вязанка хвороста и соломы. Тутъ же стояла разная домашняя посуда съ остатками ужина и мѣдные луженые купаны съ чаемъ. Кошма, по близости очага, была усьяна обгрызками дынныхъ корокъ и фисташковой шелухой... Неконченная работа—какія-то красныя тряпки—валялась тутъ же, и молодой, ошипанный котенокъ выглядывалъ изъ-подъ этихъ тряпокъ на шедшихъ, шуря на свѣтъ свои зеленоватые глазки...

Въ саклѣ были три женщины: двѣ еще молодыя, которыя закрылись съ головами своими сѣро-синими халатами и, прижавшись въ уголъ, выглядывали оттуда съ еще болѣе пугливымъ выраженіемъ чѣмъ котенокъ,—и старуха, безобразная, желтая, съ лицомъ, изуродованнымъ оспою и лишаями, торопливо вставлявшая въ мѣдный подсвѣчникъ огарокъ сальной свѣчки... Работа эта у ней не ладилась, догоравшая щепка обжигала пальцы, свѣча скользила въ дрожащей рукѣ...

— А вотъ и фонарь! вошелъ въ саклю джигитъ и покосился въ ту сторону, гдѣ сидѣли молодыя.—Ишь, съежились! проворчалъ онъ, вѣшая фонарь на крюкъ, у самой двери...

— Ступай, ступай... чего глазѣешь?.. ступай! прошамкала старуха.—Закона нѣтъ сюда ходить... ступай!.. за чѣмъ пришли чужіе мужчины?.. кого принесли?.. кто позволилъ?..

— Погоди, дай поглядѣть! усмѣхнулся джигитъ...

— Нечего глядѣть... Скажу завтра хозяину—онъ тебѣ покажетъ.—Ступай!

Смерть Сарданапала. Съ картини Делакруа, рис. Девилье, грав. Тома.

— Чего ступай!.. Все равно намъ отдадутъ—тѣхъ-то... Мы *ему* новую привезли;—такую, что послѣ нея онъ и смотрѣть на ту *надаль* не станетъ...

— Самъ ты *надаль*, дохлая собака! отозвалась одна изъ женщинъ, горловымъ, нѣсколько хриплымъ голосомъ.

— Откуда привезли?.. полюбопытствовала другая.

— Русская... не везли—сама *ѣхала*. Да вотъ что-то съ дороги разбохалась; ишь — пластомъ лежить, ужъ сколько мы возились съ нею, дорогою-то...

— Ты-то много возился! огрызнулся иранецъ,—ступай, я тутъ безъ тебя все справлю; уходи, а то покалуй *самъ* какъ бы не вернулся. И что это только съ нимъ сдѣлалось?! то ждалъ не дождался, а то вдругъ—ушелъ и не поглядѣлъ даже!..

— Молодая!.. шамкала старуха, присѣвъ на корточки и разсматривая лицо лежащей.. Она безцеремонно повернула голову Наташи къ свѣту и стала ощупывать крючковатыми пальцами ея грудь, плеча и руки.—Молодая—еще совсѣмъ не старая... Вѣдь онѣ, эти русскія, не скоро старятся... У насъ вотъ была одна, такъ до сорока лѣтъ хорошая еще баба была, свѣжая; другимъ нашимъ даже смотрѣть завидно было... чуть разъ было не удавили съ зависти...

— Ты вотъ придержи ее какъ слѣдуетъ,—я, видишь, тебѣ живую сдаю... видишь, дышитъ еще... гляди сама... Завтра чтобъ совсѣмъ годилась—помой и одѣнь—какъ очнется... Атамкулъ-мулла придетъ, чтобъ какъ слѣдуетъ встрѣтила... Уложи ея покойнѣе, да покрой чѣмъ потентѣе, голову намочи—это помогаетъ... Жаль водки русской нѣту... а то бы очень хорошо... я знаю... Пятки натри перцемъ, это тоже оттягиваетъ...

— Уходи-уходи!—мы и безъ тебя знаемъ, что дѣлать надо,—недаромъ на свѣтѣ шестой десятокъ живу!—Уходи, да скажи тамъ всѣмъ, чтобъ въ дверь не толкались; покою не дають, псы голодные!.. Я запру дверь засовомъ изнутри, а ты все-таки скажи имъ—ступай!

— Ну, такъ гляди-же, — я тебѣ ее живую сдалъ, помни! еще разъ повторилъ иранецъ.—Ну, будь здорова—прощай!

— Иди!..

Иранецъ понялся задомъ къ двери, еще разъ взглянулъ на добровольную плѣнницу и вышелъ изъ сакли, плотно прихлонувъ за собою низенькую рѣзную дверь, украшенную крупными шпалками гвоздей, вбитыхъ какъ попало безъ рисунка и симметріи...

Женщины остались теперь однѣ.

Едва только мужчины ушли и старуха плотно заперла за ними дверь сакли, какъ любопытство—эта преобладающая страсть женщинъ вообще и азіатскихъ въ особенности—охватило обѣихъ женъ муллы-Атамкула.

Онѣ однимъ прыжкомъ, какъ кошки, подскочили къ Наташѣ и принялись ее разсматривать. Женщины сбросили съ себя свои верхние халаты и остались въ однихъ длинныхъ шелковыхъ рубахахъ... Свѣтъ фонаря ярко освѣщалъ обѣ эти оригинальныя головы...

Одна изъ нихъ, та, что переругивалась съ джигитомъ, была персіянка—высокаго роста съ красивыми, рѣзкими чертами лица. Большіе черные глаза съ синеватыми бѣлками, окаймленные длинными рѣсницами, смотрѣли нѣсколько дико и даже отталкивающе. Въ этомъ взглядѣ постоянно мѣнялись два преобладающія выраженія—злости и какого-то особеннаго, рабскаго страха... Такъ смотрѣть собака, когда ее наказываетъ нехозяинская рука; она вотъ-вотъ готова укусить эту руку, она такъ и ловить удобную минуту для этой цѣли—и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ передъ этою рукою беретъ верхъ, парализуя всякую способность къ сопротивленію... Даже въ визгѣ и ворчаніи,—то злобомъ, то просительномъ,—слышится отголоски этой борьбы, этого колебанія между злобою и боязнью...

Оторочка красной шапочки, унизанная металлически-

ми подѣсками, сдвинувшись на лобъ, почти подъ самыя густыя, черныя брови, придавала всему лицу еще болѣе непривѣтливое выраженіе... Крупный, длинный носъ, съ красиво прорѣзанными, дрожащими ноздрями—напоминать что-то хищное, а между тѣмъ ротъ улыбался самою доброю, симпатичною улыбкою; даже, окрашенные черною краскою зубы не безобразили этого рта, не искажали граціозныхъ его очертаній...

Черныя косы выбивались изъ-подъ шапочки и, покрытыя металлическими, цѣнными украшениями, звонили при каждомъ движеніи женщины. Въ ушахъ продѣты были массивныя серьги, доходящія до самыхъ плечъ, на шеѣ нестрѣли и сверкали цѣлые ряды стеклянныхъ бусъ, а вся грудь красной рубахи ушита была золотыми и серебряными монетами, расположенными довольно красиво, оригинальнымъ узоромъ. Длинные, тонкіе пальцы были тоже унизаны перстнями, съ преобладающими бирюзою и сердоликомъ; ногти ея, тоже какъ и зубы, были выкрашены, только не черною, а ярко-красною, кровавою краскою.

Персіянка была еще молода, лѣтъ семнадцати не больше; ея рубаха, не стннутая поясомъ, обрисовывала стройныя, упругія формы... Она была любимѣйшая изъ женъ Муллы-Атамкула—и понятно, съ какимъ чувствомъ страха и ревности осматривала она теперь свою, вновь привезенную, соперницу...

Она словно сравнивала себя съ нею, она отыскивала и въ себѣ и въ ней—все, что можетъ быть въ ея пользу, и повидимому не со всѣмъ осталась довольна этимъ вопросомъ... Больше всего ее смущали длинныя, шелковистыя волосы Наташи, свѣтло-русыя, переливающимися при свѣтѣ фонаря такимъ нѣжнымъ блескомъ... Она пальцами перебирала эти волосы, взвѣшивала ихъ на рукѣ, измѣряла длину косъ... и вдругъ расхохоталась...

Зоркія глаза ревнивицы замѣтили въ этихъ нѣжныхъ локонахъ нѣсколько сѣдыхъ волосковъ, и это открытіе вызвало такой энергичный припадокъ веселости.

— Ну, чего заржала, кобыла иранская! замахнулась на нее старуха.—Молчать!.. я тебя!..

— Сама ударю—смотри! сверкнула на нее глазами персіянка, однако немного отшатнулась и замолчала.

— Ишь, звонкая! ворчала старуха, наливая воды изъ глинянаго кувшина въ плоскую чашку.—Завѣсь-поди дверь ковромъ, опять кто-то въ щель заглядываетъ... Я вѣдь слышу.

Другая жена Муллы-Атамкула была киргизка. Стоило только разъ взглянуть на эти выдающіяся скулы, на эти глаза, узко прорѣзанные, живые, бѣгающіе, на эти ярко бѣлые, крупные зубы, чтобъ не сомнѣваться въ ея происхожденіи. На головѣ этой дочери степей наверхъ былъ громадный бѣлый тюрбанъ (джавлукъ) съ концами, висѣвшими до плечъ и обшитыми золотомъ бахромомъ, — это была женщина толстая, ожирѣлая, и ея бѣшетъ плотно облегалъ массивныя, округленныя формы...

Удовлетворивъ своему любопытству, киргизка усердно принялась помогать старухѣ въ уходѣ за больной. Она намочила уже конецъ полотенца въ водѣ съ уксусомъ, распустила поясъ Наташи, стащила съ ея ногъ тяжелыя мужскіе саногы, приподняла голову и подложила круглую цилиндрическую подушку.

Добрая женщина даже поцѣловала при этомъ нѣсколько разъ свою пациентку, и пододвинула ближе къ огню чайникъ, чтобъ носѣ напоить Наташу горячимъ чаемъ, когда та очнется отъ своего обморока.

Она съ старухою только и возились около русской женщины, между тѣмъ какъ иранка, окончивъ свой осмотръ, ушла опять къ стѣнѣ, обнявъ руками свои колѣна и положивъ на нихъ свой подбородокъ.

Въ душѣ киргизки на мгновеніе только шевельнулось ревнивое чувство—и тотчасъ погасло, едва только она разглядѣла истомленные, печальныя, полныя самой глу-

бокой горести, хотя и безжизненные, черты лица покойной обитательницы гарема Муллы-Атамкула.

Наташу раздели советом — и стали вытирать все ей теплою водою с уксусом, потом покрыли ее ватным одеялом...

— Теперь она уже ожила, проговорила старуха, — она уже не мертвая; смерть ушла, сонг пришел... Она спит... видишь, как хорошо дышит?... Она спит... Ну, и пускай спит, а потом я разбужу ее и одену... Я знаю, когда будить нужно будет... Завтра же советом будет здорова — и Мулла мнѣ подарок даст, и тебѣ даст. Айбулгак, — а той же даст, та ничего не делала, так только сидѣла, да смотрѣла как другія работают...

Старуха злобно покосилась в ту сторону, гдѣ сидѣла персиянка...

— Джели тоже работала, она голову мочила, заступалась за подругу киргизка Айбулгак, — я сама видѣла...

— А я слышала, как она шептала и что такое шептала в это время; если я только заикнусь об этом хозяину, онъ ей и минуты не даст жить, велит зарезать... Я слышала.

— Что же ты слышала? тихо спросила персиянка.

— А то, что слышала...

— Что же я сказала?...

— „Давнута бы ее раз за горло хорошенько — вот бы и не ожила“ — вот что ты сказала.. Что, развѣ не так?.. Я хоть и стара, да еще не оглохла.

— А что ж, я и Атамкулу скажу то же, как только придет ко мнѣ, так и скажу. Онъ любит меня; онъ еще вчера говорил мнѣ, что лучше меня нѣтъ женщины на свѣтѣ. Еще посмотримъ, чей верхъ будет: мой или ея... Еще посмотримъ... Айбулгак хорошо! Онъ и безъ того на нее рѣдко взглядывал; ей все равно...

— Молчи, носатая ворона! Карга! пакинулась на персянку Айбулгак.

— А ты безпоса.. вишь торчитъ точно пуговица на животѣ, кромѣ скул да зубовъ ничего и не видно...

— Смотри, не попадись на эти зубы!.. взвизгнула киргизка...

— Тише, вы! что орете!.. закричала старуха. — Опять драться как утромъ собираетесь... Вотъ еще старыя царянины не зажили... Молчать!

Эта выходка пѣсколько успокоила раздраженныхъ женщинъ и предотвратила на этотъ разъ драку, обыкновенное явление гаремной жизни.

Паталья Мартыновна застонала во снѣ и пошевелилась.

— Что, разбудили?... гадины!.. Ей теперь спать надо, а вы шумъ подняли... Тише! может не проснется еще; тише сидите...

— Сказку рассказывай, вотъ мы и будемъ сидѣть, да слушать... предложила сразу успокоившаяся Айбулгак...

— Погоди!.. ворчала все взволнованная, злопамятная Джели...

— Ну, слушайте... произнесла старуха, и еще разъ наклонилась надъ лицомъ спящей, прислушалась, откашлялась и начала тихо, почти шепотомъ.

Обѣ слушательницы придвинулись поближе.

Старуха говорила тихо, словно ворчала что-то себѣ подъ-носъ — Айбулгак, забывши ссору, положила свою голову на колѣна персиянки, та опустила глаза и сидѣла неподвижно, перебирая пальцами концы своихъ косъ... Монеты на ее груди чуть-чуть побрикивали, при каждомъ дыханіи женщины. Нѣсколько почтовыхъ бабочекъ и мотыльковъ кружили около фонаря, целкались о его промасленную бумагу.

Въ углу саки тихо вздохнуло что-то, певидимое за складками ковра и большой шелковой подушкой...

Старуха начала свою сказку.

(Продолжение будетъ).

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

XXIV.

Первое что мнѣ припоминается — это бесѣда въ тотъ самый вечеръ, когда между мною и матушкой произошло сердечное примиреніе послѣ моихъ мысленныхъ противъ нея раздраженій.

Мы сидѣли въ полномъ сборѣ всѣ четверомъ, то есть я, еще немножко больной и помѣшавшійся въ глубокомъ креслѣ, моя матан, профессоръ и его дочь, которая появилась къ вечеру съ нѣсколько блѣднымъ но твердымъ лицомъ.

Матушка, наливъ всѣмъ намъ чаю, молвила, что у нея сегодня очень радостный день, — что она сегодня сдѣлала дорогую находку или пріобрѣтеніе.

— Развѣ вы выходили сегодня? спросила ее Христя.

— Нѣтъ, не выходила: я нашла мою находку у себя дома.

— Что же это такое?

Матушка отвѣчала, что она нашла сердце своего сына и пріобрѣла его довѣріе.

Я покраснѣлъ.

— Но развѣ его сердце не всегда вамъ принадлежало? продолжала Христя.

— Да; онъ меня любитъ и онъ былъ *уверенъ* въ моей любви, по сѣ сегодняшняго дня все, что мнѣ принадлежало отъ него *по вѣрѣ*, онъ отдалъ мнѣ *по убѣжденію*. Это мнѣ очень дорого — и я высоко буду цѣнить этотъ день. Это мой праздникъ.

Я покраснѣлъ еще болѣе.

— Не стыдись пожалуйста моей благодарности, продолжала матан, — я знаю, что присутствовать на своей собственной цепзурѣ очень непріятно, особенно когда насъ въ глаза хвалятъ; но я все это говорю не въ похвалу тебѣ, а просто открываю тебѣ мою высшую радость. Пріобрѣсти твою откровенность — это все чего я могла желать и молить у Бога, и онъ все это далъ мнѣ.

Я смутился: на душѣ моей лежала цѣлая тьма тайнъ, которыхъ я не открылъ и не рѣшился бы открыть моей матери; но эти ея слова, послуживъ мнѣ укоромъ, возбудили во мнѣ такой азартъ покаянія, что я заговорилъ:

— Нѣтъ, матан, я вамъ еще не все открылъ! и затѣмъ я началъ порывисто и страстно при всѣхъ приносить подробное покаяніе во всѣхъ моихъ путевыхъ проступкахъ, не умолкая даже о томъ, что встрѣтилъ подъ ярморочными шатрами въ Королевцѣ женщинъ и послѣ того не могъ помыслить: какъ я предстану матери и обниму ее.

Это сдѣлалось такъ внезапно, что неприготовленные къ тому Алтапскіе скромно потупили глаза, а Христя даже хотѣла выйти; но матан остановила ее за руку и, склонивъ голову, внимательно и казалось покойно слушала мою исповѣдь.

Когда я кончилъ и заключилъ словами:

— Матан, прошу васъ, переименуйте обо мнѣ ваше доброе мнѣніе, — я его не стѣю...

Матушка помолчала минуту, а потом начала спокойным и ровным голосом:

— Итъ, если ты открылъ все это съ тѣмъ чтобы не возвращаться къ тому, въ чемъ ты осудилъ себя, то ты стоишь добраго мнѣнія.

— О да, тамап, я гнушаюсь моимъ прошлымъ!

— Поди же и обними меня.

Это былъ такой краснорѣчивый отвѣтъ на мое сомнѣніе о правѣ обнять ее, что я кинулся ей на шею и обнявъ ее зарыдалъ.

— Перестаньте: вамъ еще вредно такъ спльно волноваться! прозвучалъ въ это время надо мною нѣжный голосъ Христи, и когда я, услышавъ этотъ голосъ, подиалъ свое лицо, добрая дѣвушка и мать обняли меня и обѣ поочередно поцѣловали.

Эти чистые поцѣлуи были цѣленіемъ отъ моей королевской проказы—и притомъ какимъ святымъ и плодотворнымъ цѣленіемъ! Ими одинъ порокъ былъ навсегда опозоренъ передо мною и вырванъ изъ моего сердца.

— Еще, тамап, продолжалъ я въ своемъ показномъ азартѣ:—я долженъ васъ предостеречь: я скрылъ отъ васъ, что мой товарищъ Пеньковскій совсѣмъ не такой, какимъ онъ себя вамъ представилъ: онъ меня ни отъ чего не удерживалъ. Но матушка остановила меня знакомъ и не позволила болѣе рассказывать.

— Я все это считала возможнымъ, сказала она,—по твоего товарища осуждать нельзя—этотъ бѣдный молодой человѣкъ живетъ безъ добраго руководства.

— Колелемая итромъ трость, тихо поддержалъ Альтанскій, и вынувъ изъ кармана круглую табакерку, отошелъ съ нею къ окну, добавивъ:—панское сердечко—шляхетска кровь.

— Да; къ тому же онъ имѣетъ несчастіе быть полякомъ и потому заслуживаетъ извиненія, подсказала тамап.

Помня недавній разговоръ о значеніи словъ *прощать* и *извинять*, я тотчасъ же поспѣшилъ вдуматься: почему польское происхожденіе можетъ заставить не только *прощать* пороки по милости, но даже извинять ихъ по какому-то праву на снисхожденіе, и я рѣшительно недоумѣвалъ, но матушка мнѣ это тотчасъ разъяснила.

— Поляки потеряли свою самостоятельность, продолжала она,—а выше этого несчастія нѣтъ; всѣ народы, теряя свою государственную самостоятельность, обыкновенно теряютъ доблести духа и свойства къ его возвышенію. Такъ было съ великими Греками, Римлянами и Евреями, и теперь тоже самое на нашихъ глазахъ происходитъ съ поляками. Это ужасный урокъ.

— Да; сей урокъ учить любить свой народъ, дабы не видать его въ униженномъ удѣлѣ побѣжденныхъ, вмѣшался Альтанскій.

— Вы прекрасно сказали, отозвалась мать и добавила:—но мнѣ кажется что этотъ урокъ тоже учить и снисхожденію, какое вызываетъ участь побѣжденныхъ?

— Да, да; тоже и этому. *Fortuna belli artem victas quoque docet.*

— Но позвольте, тамап, заговорилъ я:—я право не знаю, какъ мнѣ быть; но мнѣ кажется что я не долженъ отъ васъ скрывать, что Пеньковскій сказалъ мнѣ, будто они хотятъ дѣлать революцію.

Мамап сдвинула брови и переспросила меня, такъ ли я ей выразился; а когда я повторилъ ей мои слова, она сухо отвѣтила, что это непременно вздоръ.

— И на что это революція?

— Не знаю, говорю, тамап: они кажется хотятъ сдѣлать республику.

— Республика!.. Какая можетъ быть республика у пустыхъ и глухихъ людей?

— Не знаю, тамап, но онъ мнѣ говорилъ, что будетъ такая республика, гдѣ король и публика.

Мать промолчала, но профессоръ, сильно зарядивъ носъ табаконъ, проговорилъ съ легкою пасмышкою:

— Республика—гдѣ король и публика, а республиканція—гдѣ нѣтъ королю ваканціи.

Мнѣ показалось, что профессоръ слегка шутилъ не надъ однимъ Пеньковскимъ, но и надъ словами матери, которая тоже сдѣлалась съ нимъ на пѣсколько минутъ суше чѣмъ обыкновенно и сказала, что обращая все въ шутку можно довести до того, будто польская республика была ничто иное какъ котлета съ горошкомъ, которую скушали и ея какъ не бывало.

— Итъ, доказать, что ее какъ не бывало, невозможно, отвѣчалъ профессоръ,—потому что кто ее скушалъ тѣ отъ этого располнѣли; но можно доказать, что пустые люди, принимаясь за хорошую идею, всегда ее роняютъ и портятъ.

Съ этимъ профессоръ простился, оставивъ матушку примиренною съ его мнѣніемъ, а меня съ открытіемъ, что и онъ и мать мои въ душѣ республиканцы и притомъ гораздо большіе чѣмъ Пеньковскій, но совсѣмъ не такіе какъ онъ и его заговорщики.

Я не понималъ, что бы такое моя мать и Альтанскій могли сдѣлать для *великой идеи*, но былъ увѣренъ, что они бы ее ни за что „не уронили и не испортили“.

Впоследствии я убѣдился, что соображенія мои вѣрны, и притомъ изучая характеры и взгляды этихъ лицъ я открылъ, что у матушки были передъ профессоромъ значительныя преимущества возвышеннаго по пылкаго духа, тогда какъ профессоръ относился ко всему съ спокойнымъ величіемъ мудреца. Эта разность въ характерахъ порождала между ними легкія столкновения, разрѣшавшіяся чрезвычайно своеобразно. Когда матушка высказывала мысли подобныя тѣмъ, какія мною приведены выше по поводу разговора о Пеньковскомъ, профессоръ обыкновенно отходилъ съ своею табакеркою къ окну и казался думалъ совсѣмъ о другомъ, но уловивъ какое-нибудь одно слово, вдругъ подбиралъ къ нему болѣе или менѣе удачную рѣчь и отзывался шутливо въ стихотворной формѣ, въ родѣ:

„Въ республиканціи, нѣтъ королю ваканціи“.

Такъ какъ онъ употреблялъ этотъ „пріемъ“ очевидно съ добродушною ироніею надъ всѣмъ слышаннымъ, то матушкѣ это не очень нравилось—и она при всемъ своемъ самообладаніи въ подобныхъ случаяхъ обнаруживала легкое раздраженіе. Вообще же, хотя тамапъ отзывалась объ Альтанскомъ не иначе какъ съ величайшею похвалою, я чувствовалъ, что всѣ ея похвалы относятся только къ ея свѣтлому уму, непререкаемой честности и большимъ свѣдѣніямъ, но что въ немъ было нѣчто такое, что ей несовсѣмъ нравилось, и что если бы отъ нея зависѣло отлить человѣка въ идеальную форму, то этой формой не во всемъ послужилъ бы избранный ею мнѣ наставникъ.

Альтанскій былъ ученый бурсакъ—матушка просвѣщенная баронесса: эта разница лежала между ними всегда при всемъ видимомъ сходствѣ ихъ убѣждений и при несомнѣнномъ другъ къ другу уваженіи. Старый ученый считалъ мою мать женщиною выходящею далеко вонъ изъ ряда, но... все таки иногда давалъ ей свои рѣчюванные отвѣты, смыслъ которыхъ обозначалъ, что онъ считаетъ то или другое ея положеніе недостойнымъ отвѣта болѣе серьезнаго.

Между тѣмъ они были друзьями—и это меня чрезвычайно удивляло, такъ какъ я имѣлъ совсѣмъ иное понятіе о взаимномъ отношеніи дружественныхъ между собою людей.

Совсѣмъ не то установилось въ отношеніяхъ Альтанскаго ко мнѣ и въ отношеніяхъ моей матери къ Христѣ. Профессоръ, окончивъ со мною урокъ, часто и по долгу еще оставался за тѣмъ же столомъ и бесѣдовалъ со мною. Окончивъ занятія въ формѣ строго-паучьей, онъ давалъ мнѣ сладчайшую умственную пищу, продолжая разговоръ о томъ же предметѣ въ формѣ легкой и приятной, всегда вызывающей на размышленія и дающей

Конфетти (Confetti.) Сцена во время карнавала въ Римѣ. Картина М. Р. де Конинкъ. Эта гравюра приобретена нами по соглашенію съ единственными ея собственниками, Гупилемъ и Ко.

для нихъ обильную пищу. И здѣсь уже не было никакого мѣста рюмоплетенію, если только маман не вмѣшивалась въ дѣло; но всякое болѣе или менѣе продолжительное вмѣшательство съ ея стороны—тотчасъ же вызывало у профессора наружу и его стихи и его табакерку.

Маман это замѣтила—и впротивность своему общанію перестала присутствовать при папихъ урокахъ, а потомъ предложила, чтобы я для большаго удобства Альтанскаго самъ ходилъ къ нему на-домъ, что и мнѣ самому было чрезвычайно пріятно, такъ какъ дома у себя старикъ былъ еще дружественнѣе и общителнѣе. Уроки шли долго, но мнѣ казалось, что время за ними летѣло на крыльяхъ; а бесѣды, которыми Альтанскій заключалъ эти уроки, портили все росписание часовъ, сдѣланное для меня матушкой. Французскому и англійскому языку оставалось очень немного часовъ, потому что почти все вечернее время, послѣ занятій съ Альтанскимъ классиками, я проводилъ у него, уносясь восторженными мечтаніями во времена давно минувшія, въ міръ великихъ мудрецовъ и доблестныхъ героев. Христи въ эти самые часы обыкновенно брала свои музыкальные уроки и потомъ занималась съ маман по-англійски, а мы съ старикомъ оставались двое въ его оригинальномъ большомъ кабинетѣ, куда не допускался никто изъ непосвященныхъ, хотя бы даже для того, чтобы обмести пыль, которая лежала на всемъ густыми слоями или висѣла космами. Альтанскій никому не позволялъ нарушать тотъ безпорядокъ, въ которомъ онъ одинъ, къ неопisanному моему удивленію, всегда быстро умѣлъ находить все, что ему было нужно.

Я позволяю себѣ, въ виду сверкающихъ сѣдинъ, еще на минуту завернуть въ этотъ задумчивый и пыльный кабинетъ, куда я прятался отъ людей, чтобы лучше ихъ видѣть и понимать.

Мы сѣли здѣсь за свои занятія часъ спустя послѣ обѣда и выходили отсюда, когда Богъ полагалъ на сердце.

Заходило солнце, спускались сумерки, восходила луна и серебристый свѣтъ ея тихо ложился на пыльный, до полу покрытый толстымъ фризомъ и заваленный фоліантами столъ, а мы все бесѣдовали. Я гдѣ нибудь сидѣлъ въ углу, а сухой старикъ ходилъ—и ровною благородною ораторскою рѣчью повѣствовать мнѣ о дѣяніяхъ великихъ людей Греціи, Рима и Кароагена. И я все это слушалъ—и слушалъ часто весь дрожа и замирая отъ страстнаго волненія.

Однажды, весь взволнованный разсказомъ Альтанскаго о судѣ надъ Сократомъ, и весь преисполненный гнѣва и досады, я сорвался съ мѣста и схватилъ Альтанскаго за руку, какъ бы желая его остановить, но онъ спокойно обнялъ меня своею другою рукою рукою и увлекъ впередъ. Мы ходили обнявшись—и бесѣда не прекращаясь лилась и лилась своей чередой.

— Ты дрожишь, сказала онъ въ заключеніе, обращай ко мнѣ и впервые заговоривъ со мною на ты.—Ты дрожишь отъ негодованія на людскую несправедливость: слагай это въ своемъ сердцѣ.

— Я этого не позабуду, отвѣчалъ я, сжимая до крови потяжи грудь подъ сорочкой.

Старикъ остановился и посмотрѣвъ на меня спросилъ:

— Какого духа ты теперь исполненъ?

— Я умереть хочу за справедливость, прошепталъ я.

— О, добрый юноша! воскликнулъ старикъ,—справедливость куда лишь *хорошая идея*, осуществленія которой въ толпѣ нѣтъ точно такъ же, какъ не можетъ ея быть у тирана. Смирись передъ этимъ—и пооди въ кухню и поставь самоваръ.

И когда я пошелъ буквально исполнить то, что мнѣ сказано, старикъ уснулъ—и я засталъ его спящимъ на диванѣ, всего озареннаго янтарными лучами заходящаго солнца.

— Такъ-то миренъ закатъ твой! подумалъ я:—каконъ-то задастся онъ мнѣ? и при этомъ мнѣ вдругъ чудилось, что мнѣ еще куда-то надо собѣжать отсюда до заката; въ открытую форточку врывалась свѣжая струя куда-то манила... Куда?... Но я отвращался отъ этой взманы и учился, учился все больше и служить моему учителю все покорнѣе и смиреннѣй. Я съ какимъ-то сладкимъ работниствомъ исполнялъ при немъ разныя послуги: ходилъ покупать ему нюхательнаго табаку, бѣгалъ на Подоль за особыми булками, которые въ вечеру выносили на базаръ двѣ извѣстныя въ то время кievскія пекарки, Поднебесная и Керасовна, и аккуратно чистилъ кѣтку его сѣдаго бердичевского соловья.

За то и самъ Альтанскій не чинился со мною—и въ то время какъ употреблялъ меня вмѣсто отдыха на побѣгушки и ставленія самовара, онъ самъ сѣлся къ окну и при свѣтѣ сумерекъ или при слабомъ блескѣ луны царяла въ моей тетради мысли, которыя хотѣлъ водворить въ душѣ моей, чтобы поставить меня „господиномъ, а не рабомъ жизни“.

Успѣхи я дѣлалъ невообразимо быстрые, по вліянію ихъ на меня было нѣсколько странно; я чувствовалъ себя очень слабымъ на моихъ длинныхъ ножкахъ.

Однако объ этомъ невадѣлѣкъ рѣчь впереди.

XXV.

Отношенія маман и Христи являли другую картину; по моимъ замѣчаніямъ, маман не безъ нѣкоторой горечи видѣла мое исключительное пристрастіе къ Альтанскому, но нѣжно любила его дочь. Однако, какъ онѣ ни были другъ къ другу нѣжны, казалось что между ними нѣтъ той тѣсноты духовнаго единенія, какаго образовалась у насъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Чтобы характеризовать ихъ отношенія, я могу сказать, что матушка любила Христю, а та ея... тоже любила по горлодо менѣе чѣмъ уважала.

Я это замѣчалъ и очень сожалѣлъ мою бѣдную маман, у которой была какая-то несчастная привилегія, при всѣхъ правахъ на всеобщую любовь, внушать людямъ всевозможныя возвышенныя чувства кромѣ одной любви. Ей безусловно вѣрили, на нее полагались, ее уважали и всѣ отъ нея ждали поступковъ самыхъ благородныхъ и прекрасныхъ, но я никогда не зналъ тѣхъ, кто-бы ее беззавѣтно любилъ настоящею любовью тупе-пріемлемою и тупе-данасемою, —единою, какъ мнѣ кажется, истинною любовью.... Мнѣ сдавалось, что матушка это знаетъ,—да и могло-ли это быть иначе при той пронзительности, съ которою она читала въ сердцахъ людей? Я увѣренъ, что это было такъ—и этому болѣе всего приписываю ея постоянную тихую грусть, отражавшуюся въ ея взглядѣ.

Прекрасный и въ то-же время мучительный взглядъ этотъ сталъ мнѣ особенно чувствителенъ въ то время, когда между мною и Альтанскимъ началось дружеское сердечное слияніе,—и я началъ до такой степени страдать отъ этого взгляда, что однажды, когда мы сидѣли съ маман вдвоемъ, я вдругъ кинулся къ ней, схватилъ ея за руки—и покрывая ихъ поцѣлуями, воскликнулъ:

— Маман, другъ мой, отчего вы такъ грустно смотрите?

Но описаннаго мною взгляда уже какъ бы не было: матушка смотрѣла на меня примыми, добрыми и спокойными глазами, и поправивъ мои волосы, поцѣловала меня въ лобъ и сказала:

— О, дитя мое, я совѣмъ не грущу, я знаю что ты меня много любишь, и я очень счастлива; но ты самъ очень много трудишься—и я прошу тебя, оставь книгу и пройди къ Альтанскимъ: посиди съ Иваномъ Ивановичемъ—это тебя успокоитъ.

— Нѣтъ; я ни за что на свѣтѣ не пойду отъ васъ, маман, я хочу быть съ вами.

— Но, другъ мой, мнѣ нужно сходить посидѣть вече-

рокъ у твоего дяди, а какъ тебѣ тамъ нечего дѣлать, то ты можешь съ большимъ удовольствіемъ провести это время у Алтанскихъ, а потомъ, если хочешь, можешь попозже зайти за мною.

Я хотѣла возражать, но матушка, закрывъ мнѣ съ улыбкою ротъ своею ладонью, поцаловала меня въ голову и вышла въ свою комнату, чтобы надѣть шляпу. Потомъ я проводилъ ее до дому дяди, а самъ отправился къ Алтанскому и не замѣтилъ, какъ время ушло за полночь и я не успѣлъ проводить маман.

Матушка не сдѣлала мнѣ ни малѣйшаго упрека за это; напротивъ, спросивъ: весело-ли мнѣ было? и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, она сказала, что очень рада, что я умѣю находить удовольствіе въ бесѣдахъ съ такимъ разсудительнымъ человѣкомъ какъ старикъ Алтанскій.

Все это у нея выходило такъ невозмутимо ровно, по во всемъ этомъ я чувствовалъ жгучія мученія ревности и свѣтлыя, безавѣтныя уступки любви. Обо всемъ этомъ я скорѣлъ и влекся силою неодолимаго тяготѣнія по усвоенному направленію—и не могъ восполнить потребности любви въ благородномъ и великодушнѣйшемъ сердцѣ моей матери.

Мучась тѣмъ, что я не могу полюбить ее болѣе чѣмъ умѣю, я чувствовалъ безмѣрную радость, когда брать изъ рукъ почталіона и подавалъ ей въ недѣлю разъ письмо изъ Петербурга, надписанное по-русски но высоко-нѣмецкимъ почеркомъ: я по предчувствію и по наведенію зналъ, что эти письма приходятъ отъ Филиппа Кольберга,—и мудро было, чтобы я въ этомъ ошибался, потому что при появленіи каждаго такого письма, приходившаго съ нѣмецкою аккуратностію въ воскресный день разъ въ недѣлю, маман терила свою внѣшнюю спокойность—и перечитывая написанное по нѣскольку разъ, погружалась въ тихое, но восторженное созерцаніе или воспоминаніе чего-то чудно-прекраснаго и... *была счастлива*.

Я выводила, что когда маман чувствовала себя *счастливою*—это значитъ что она чувствовала себя *любимою*, и непременно любимую возвышенно, искренно, прекрасно, однимъ словомъ любимую гораздо болѣе, чѣмъ любили ее всѣ мы здѣсь ее окружающіе, и я за это безмѣрно любилъ тогда неизвѣстнаго мнѣ Филиппа Кольберга.

Но тѣмъ не менѣе я жилъ все таки тѣмъ-же порядкомъ и не умѣлъ стать въ лучшія отношенія къ маман. Впрочемъ, мнѣ ничего иного и не оставалось, потому что матушка сама утверждала этотъ порядокъ, столь далеко отступающій отъ порядка, продиктованнаго для меня ею въ первый день моего прибытія. Я дѣлалъ усилія измѣнить это, но безуспѣшно—ибо хотя я просилъ ее возстановить именно тотъ порядокъ, который она сочинила и который не практиковался, а съ самыхъ же первыхъ дней уступилъ мѣсто другому, но матушка рѣшительно отвергла мои представленія и отвѣчала, что это не возможно и не должно быть, потому что нынѣшній, органически возникшій порядокъ жизни ей кажется гораздо лучше и цѣлесообразнѣе.

— Къ тому-же, добавила она:—если бы ты теперь былъ болѣе со мною, а менѣе съ Иваномъ Ивановичемъ, то помимо того, что я не могу принести для твоего развитія той пользы, какую приносятъ онъ, но мы съ тобою поступили бы неблагодарно по отношенію къ такому достойному старику какъ Алтанскій, и огорчили бы его.

— Какое же огорченіе, маман!—я у него только отнимаю время.

— Нѣтъ, мое дитя, это не совѣмъ такъ, отвѣчала матушка:—ты Ивана Ивановича не обременяешь. Повѣрь мнѣ, что я въ этомъ кое-что понимаю: Иванъ Ивановичъ это то, что въ какой-то баснѣ представлено подъ видомъ лани, которая, лихась своихъ дѣтей и имѣя полное вымя молока, искала какого-нибудь звѣренныша,

чтобы онъ отдоилъ это отягочающее ее молоко,—ты для него этотъ звѣреннышъ, и при томъ очень добрый, а со временемъ будешь и благодарный.

— Маман, другъ мой, но я боюсь, что вы ошибаетесь: у него и безъ меня такая бездна слушателей въ его духовной Академіи.

— Это ничего не значить. Тамъ у него слушатели, которымъ онъ говорить только то, что *обязанъ* говорить по требованіямъ службы; а тебя онъ учитъ, какъ внушаетъ ему его любовь къ просвѣщенію и истинѣ. Ты—счастливецъ, сынъ мой: ты имѣешь рѣдкаго образователя, трудовъ котораго нельзя оплатить ни какими деньгами. Дорожи имъ и уважай его, потому что это такой честный и свободномысляющій человѣкъ, значеніе котораго ты поймешь только со временемъ.

Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ не продолжать катить мою жизнь по тѣмъ колеямъ, на которыя она стала, сама собою сорвавшись съ колеи, намѣченныхъ для меня матушкой.

Я такъ и дѣлалъ: я, если такъ можно выразиться, все больше и больше *прилипаясь* къ моему наставнику, учился у него съ чрезвычайно быстрыми и прочными успѣхами и заправлялся въ бесѣдахъ съ нимъ на особый ладъ, который впоследствии привелъ меня къ большому разладу.

XXVI.

Слова матушки были справедливы: любя Алтанскаго, я въ ту пору все таки еще не понималъ, коего духа онъ былъ человѣкъ,—это пришло ко мнѣ гораздо позже, когда его уже не стало. Въ тѣ-же юные мои годы, къ которымъ относится эта часть моихъ воспоминаній, я ощущалъ одно, что онъ былъ для меня какой-то сосудъ, заключающій цѣлебную смѣсь, которую однако надо было пить умѣючи, потому что малѣйшее усиленіе приема вмѣсто пользы, покоя, здоровья, развивала во мнѣ мучительный душевный недугъ.

Легкая форма его бесѣдъ, съ тонкою критикою исторіи культуры, зароняла во мнѣ мысль, что жизнь современнаго общества, которая дѣлалась доступною моему вѣденію, идетъ, не по тому теченію, которое можетъ вести человѣчество къ идеалу. Идеаль этотъ представлялъ мнѣ христіанство, которое всѣ будто-бы уважаютъ, но къ которому однако никто сильно и искренно не стремится. Что это за ложь? какъ повернуть чтобы это пошло иначе?

Алтанскій мнѣ объ этомъ *пока* еще ничего не говорилъ, но я изъ наведеній заключалъ, что выплыть къ этому идеалу можно только гребя противъ уносистаго течения себялюбивыхъ, низменныхъ страстей.

Это—образецъ тревоги отъ бесѣдъ; по злополучная натура моя разыгрывалась такъ, что ее преисполняли тревогой даже самыя строгія занятія точными науками. Что бы я ни постигалъ, въ головѣ моей вдругъ мгновенно зараждалась безпокойная мысль: а что если къ этимъ уже извѣстнымъ мнѣ положеніямъ возникнетъ такое или иное неизвѣстное? И я начиналъ объ этомъ думать и на яву и въ сновидѣніяхъ. Инныя изъ этихъ безпокойствъ занимали меня такъ сильно, что задумчивый видъ мой, который я принималъ подъ ихъ неотступнымъ давленіемъ, обращалъ на себя вниманіе матушки—и она вся блѣдная и встревоженная говорила:

— Боже мой! что такое дѣлается съ тобою, дити мое?

— Ничего, маман, отвѣчала я:—я не могу себѣ кое чего рѣшить.

— Чего? скажи мнѣ, что ты хочешь себѣ рѣшить?

Я конфузился, но большею частію открывалъ, что меня тревожить.

Это всегда было болѣе или менѣе вздоръ, но порою довольно оригинальный.

Такъ, я помню, что вскорѣ же послѣ начала моихъ

занятий съ Альтапскимъ, когда онъ поправлялъ мои познанія въ географіи, я впалъ въ задумчивость отъ того, что никакъ не могъ себѣ представить: какъ привести въ соотношеніе съ дѣйствительнымъ временемъ часы въ карманѣ путешественника, если этотъ путешественникъ поѣдетъ вокругъ свѣта по дорогѣ, которую проложить прямо вдоль по равноденственной линіи? Какъ: тогда сколько ни уходи время, а все долженъ быть полдень... все двѣнадцать часовъ...

Мой черепъ ломило отъ этого цѣлый день—и я едва могъ успокоиться и позабыть эту головоломную по тогдашнему моему состоянію дилемму.

Позже, когда мы начали заниматься исторіею и все опять шло какъ нельзя лучше, мнѣ опять пришло въ голову:

— Ну прекрасно, думалъ я,—теперь когда свѣтъ простоялъ вотъ такое-то количество лѣтъ, человѣкъ въ теченіи своей жизни можетъ изучить исторію человѣчества и передавать ее другому. Но ежели-же сегодняшний моментъ жизни есть только утро существованія нашего рода и впереди стоятъ миллионы миллионовъ лѣтъ... Какая же голова въ концѣ этого долгаго вѣка будетъ въ силахъ выучить и удержать въ памяти все, что случилось отъ доисторическихъ временъ? Къ чему тогда весь лѣтописный трудъ, архивы, къ чему сама исторія и жажда знаній, когда всего этого позднѣйшій человѣкъ не въ состояніи будетъ усваивать? а что онъ будетъ не въ состояніи—это вѣрно и... опять головная боль, досада и безпокойное томленіе до полного упадка духа.

Наконецъ однажды я окончательно испугалъ мать: это случилось тотчасъ чуть я только коснулся логики и философіи. Я опять зафантазировался—и когда матушка умоляла меня разсѣяться, я, послѣ продолжительной потери аппетита и глубочайшей сосредоточенности въ себѣ открылся ей, что терзаюсь неотвязною мыслию: отчего всѣ умные люди не соберутся въ одно мѣсто и не устроятъ такого государства, гдѣ бы или государь философствовалъ, или же бы гдѣ философъ царствовалъ.

Выслушавъ эти слова, матан посмотрѣла мнѣ въ глаза и сказала, что мнѣ рѣшительно надо отдохнуть отъ наукъ.

Я выразилъ недоумѣніе и замѣтилъ ей, что я не усталъ.

— Не усталъ, но у тебя слишкомъ безпокойно разыгрывается воображеніе.

— Чего же вы боитесь, матан, моего воображенія?

— Я боюсь... Да, я кое-чего боюсь.

— Но Бога ради: чего именно? скажите мнѣ, изъясните мнѣ вредъ моего безпокойнаго воображенія,—можетъ быть мнѣ это поможетъ.

— Вредъ безпокойнаго воображенія заключается въ томъ, что оно создаетъ призраки и съ нимъ ничего нельзя знать основательно.

— О, вы правы, матан!

И я схватилъ обѣими руками свою голову—и облокотился на столъ, залился горькими слезами.

Матушка встревожилась.

— Какая причина твоего отчаянія? запыталась она, отнимая руки мои отъ лица.

— Матан, вы вѣрно сказали: я никогда не буду ничего знать основательно—я это чувствую и это меня убиваетъ.

Она старалась меня успокоить тѣмъ, что знанія не даются вдругъ, а на приобрѣтенія ихъ нужно продолжительное время; но я не внялъ симъ утѣшеніямъ: я чулъ правду.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я, давясь слезами,—не утѣшайте меня, матан: я никогда этого не достигну... Вы сами сказали, что у меня безпокойное воображеніе и я никогда... никогда... не буду ничего понимать ясно.

И тутъ уже я такъ разрыдался, что матушка броси-

лась поить и брызгать меня водою, меня раздѣли и положили въ постель, въ которой я опомнился черезъ полтора мѣсяца, изнеможенный, блѣдный, худой, съ обритымъ теменемъ и растравленными ранами на спинѣ и на затылкѣ.

У меня было воспаленіе мозга, и я нѣсколько дней находился на краю гроба; — молодая натура моя вынесла эту опасную болѣзнь—и я послѣ кризиса очнулся, но неблагодежныя тонкія ноги не въ силахъ были держать моего исхудалаго тѣла и распаленная страстною жаждою знаній голова моя была не въ силахъ работать.

Я лежалъ въ постели, пользуясь безыотходнымъ вниманіемъ матери и Христи, которыя поочередно не оставляли меня ни на минуту,—и въ это-то время, освобожденный отъ всякихъ стороннихъ думъ и заботъ, я имѣлъ полную возможность анализировать взаимныя отношенія этихъ двухъ женщинъ и уяснить себѣ христининъ романъ, на который натолкнулся въ первое время моего пріѣзда и о которомъ позабылъ въ жару разсказа о своихъ ученыхъ успѣхахъ.

Теперь время это поправить и разсказать кстати о дѣятельности моего интереснаго пріятеля, пана Пенъковскаго, съ которымъ тоже этой порою стряслись немалыя бѣды.

XXVII.

Я начну не по порядку, то есть съ Пенъковскаго.

Напоминаю читателю, что мы въ послѣдній разъ видѣли этого находчиваго юношу на улицѣ, тотчасъ послѣ того какъ извѣстный ему дворянскій засѣдатель, пожертвовавъ сто рублей, хотѣлъ быть королемъ публики и потрясенный этимъ открытіемъ Пенъковскій возымѣлъ намѣреніе поцаловать Христю Альтапскую а потомъ напиться глинтвейну.

Съ тѣхъ поръ Пенъковскій бывалъ у насъ нерѣдко; но я, при своихъ постоянныхъ увлеченіяхъ то романами, то ученостію, рѣшительно не могу дать отчета: какъ онъ появился въ нашемъ домѣ, несмотря на то что оставался при убѣжденіи, будто онъ предлагалъ поцѣлуи матан. Кажется, мнѣ однако, что матан сама облегчила ему его затруднительное положеніе: дѣлая однажды свою послѣбѣднюю прогулку вблизи дома, она встрѣтила Пенъковскаго, и попенявъ ему, что онъ насъ позабылъ, зазвала его напиться чаю. Мнѣ помнится, будто онъ разсказывалъ что-то въ этомъ родѣ, но навѣрное помню только то, что однажды мы съ Иваномъ Ивановичемъ, окончивъ свои занятія, пришли вмѣстѣ къ намъ и, снимая въ сѣняхъ калоши, услышали чей-то громкій голосъ. Альтапскій, который терпѣть не могъ встрѣчи съ новыми людьми, хотѣлъ-было сейчасъ-же уйти, но къ счастью я, прислушавшись, узналъ голосъ Пенъковскаго и мы вошли.

Когда я отворилъ дверь, Пенъковскій стоялъ посреди комнаты и старался въ одномъ лицѣ изображать нѣсколько лицъ соединенныхъ въ одной общей сценѣ.

Онъ помыщался спиною къ двери, въ которую вошли мы, и обращаясь къ сидѣвшимъ на диванѣ матушкѣ и Христѣ говорилъ:

— Вотъ такъ: смотрите: отецъ шелъ вотъ такъ по той дорожкѣ, а Б... вотъ такъ по этой... Тутъ они встрѣтились, поговорили, и Б... его взялъ за усы и повелъ... Вотъ по аллеѣ, вотъ точно такимъ образомъ.

При этомъ Пенъковскій взялъ себя лѣвою рукою за губу—и подвигая передъ собою впередъ эту руку, тянулся за нею какъ бы нехотя по комнатѣ.

— Вотъ, картавилъ онъ по причинѣ зажатой въ рукѣ губы,—вотъ какъ онъ велъ: но тутъ мой отецъ вдругъ вотъ такъ...

Пенъковскій освободилъ губу, поцаловалъ свою руку и весело расхохотался.

Христѣ тоже смѣялась, но матан казалась смущенною и ничего не отвѣтивъ заговорила о чемъ-то съ

Легкорановъ. Картина Зюса, рас. на деревѣ Герландъ, грав. Рунфъ.

Альтанскимъ. Ей, кажется, очень не хотѣлось, чтобы Пеньковскій продолжалъ свой разсказъ, и тѣмъ болѣе чтобы онъ повторялъ его при Альтанскомъ; но мой другъ былъ не изъ таковыхъ чтобы его удержать—и чуть только я успѣлъ ему замѣтить, что давно его не видѣть, какъ онъ сейчасъ-же захохоталъ и понесъ:

— Когда тутъ, любезный другъ, видѣться! Я вотъ сейчасъ только разсказывалъ, что съ нами было...

Мамап встала и вышла въ свою спальню, а Пеньковскій весело продолжалъ:

— Ты, вѣдь, помнишь, о чемъ я тебя просилъ никому не сказывать?

— Помню.

— Ну такъ это теперь болѣе не секретъ, потому что съ такими негодьями, какъ дворянскій засѣдатель, ничего нельзя дѣлать. Ты помнишь, что онъ за свои сто рублей хотѣлъ быть королемъ?

— Помню.

— Вообрази же, что онъ, мерзавецъ, выдумалъ: пользоваться тѣмъ, что онъ имѣетъ деревню, онъ составилъ противъ насъ аристократическую партію, чтобы осмѣять отца,—и когда мой отецъ выходилъ изъ костела, ихъ нѣсколько человекъ подскочили къ жандарму, который зоветъ экипажи, и говорятъ:—„Зови Войницкаго кочи!“ это засѣдателя. Тотъ позвалъ; а они опять: — „Зови пана Кошута калоши!“ — Тотъ, разумѣется, и пошелъ во всю глотку орать: „пана Кошута калоши под-д-да-а-ва-а-ай,“ а отецъ соскочилъ съ крыльца да хлопъ засѣдателя въ морду. А тотъ къ полиціймейстеру и разсказалъ, что мой отецъ похожъ на Кошута; а полиціймейстеръ Б..., а Б... встрѣтилъ

отца на гуляньи въ саду, взялъ рукой вотъ такъ за усы: „пане Кошутъ, говоритъ, что это у васъ такое?“, а отецъ мой—онъ ужасно какой находчивый—онъ нимало не смѣшался и говоритъ: „Это вата,“ а тотъ его прямо за усы и повелъ передъ всей публикой по алѣѣ.

— Будто такъ прямо за усы и повелъ? переспросилъ удивленный Альтанскій.

— Честное слово вамъ даю, совершенно взялъ вотъ такъ за усы, но отецъ его въ руку...

— Укусилъ или плюнулъ?

— Поцаловалъ! съ гордостью воскликнулъ Пеньковскій.

Альтанскій отошелъ къ окну и громко щелкнулъ по табакеркѣ.

— О, онъ ужасно находчивъ: онъ поставилъ Б... въ самое мудреное положеніе—тотъ его сейчасъ и выпустилъ.

— Вашъ отецъ молодецъ, протянулъ Альтанскій и забурчалъ: „нашъ отецъ, молодецъ, сѣлъ въ конецъ, взялъ ларецъ“, и вдругъ повернувшись лицомъ, добавилъ: „процайте“.

Съ этимъ онъ всѣмъ намъ подаль руку и поропливо и наскоро, кромѣ одного Пеньковского, руку котораго онъ пожалъ теплѣе и съ видимымъ участіемъ. И странное дѣло: это участіе, которое разумѣется не скрылось отъ взшедшей въ минуту прощанія мамап, было какъ бы поводомъ къ тому, что она вдругъ сдѣлалась гораздо суше въ обращеніи съ Пеньковскимъ и во все оставшее время, пока онъ тутъ вертѣлся, даже избѣгала вести съ нимъ разговоръ.

(Продолженіе будетъ).

CONFETTI.

(Сценка во время карнавала въ Римѣ).

«Вѣчный городъ», со времени присоединенія своего къ итальянскому королевству, оживился, помолодѣлъ и даже воскресилъ старые свои обычаи. Онъ вернулъ и карнавалъ, и вотъ, во дни этой римской масленицы, улицы въ сумерки снова освѣщаются теперь тысячами мокколо; въ толпѣ то и дѣло стараются задуть другъ у друга огонь; опять, какъ и въ бывшія времена, льется цѣлѣнный дождь, падаетъ крупной градъ такъ-называемыхъ конфеттъ, опять тамъ и сямъ раздаются взрывы неподдѣльно-веселаго смѣха, опять соблазнительно сверкаютъ черныя глаза, женскія улыбки—пу, словомъ: разгулъ, праздничная свобода подъ солнечнымъ небомъ Рима явились съ прежней своей обаятельной, поэтической обстановкой.

Пьеръ де-Коппикъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Леона Конья, схватилъ такъ-сказать мимоходомъ во время карнавала хорошенкую праздничную сценку—она очутилась на полотнѣ. Передъ вами, читатель, совершенно живая картинка: три женщины, прелестныя трапестверинки, бросаютъ въ гуляющихъ, съ каменнаго балкона, розы и «confetti». *Конфетти*—собственно значатъ сахарныя лакомства; но конфетти на карнавалѣ—совсѣмъ другое дѣло. Этимъ словомъ называютъ небольшіе шарики изъ гипса, которыми осыпаютъ пѣшеходовъ поѣзды масокъ или зрители, занимающіе балконы и окна. Пѣшеходы, разумѣется, отвѣчаютъ тѣмъ же—и такимъ образомъ этихъ конфетъ потребляется безчисленное множество. Маленькіе шарики при ударѣ о какое нибудь тѣло тотчасъ разбиваются въ бѣлый порошокъ—и улицы послѣ карнавала словно устланы мукой. Многіе фабриканты готовятъ конфетти особеннымъ способомъ, искусственно усиливая ихъ способность разсыпаться. Они дѣлаютъ гипсовую скорлупу и наполняютъ ее мукою. Отъ малѣйшаго прикосновенія скорлупа разлетается—и бѣлое мучное облако запарашиваетъ лицо и платье подвернувагося. *Мокколо* суть коротенькія тоненькія свѣчки, зажигаемыя тысячами въ послѣдній вечеръ карнавала, чтобы «освѣтить милому гостю путь въ могилу». Съ этими свѣчами толкутся на улицѣ, стараясь задуть чужія свѣчи и сохранить пламя своей. Хитрость и сила пускаются въ ходъ, лишь бы загасить мокколо; нерѣдко употребляютъ мѣха, дѣйствующіе на нѣсколько шаговъ. Борьба и столкновения изъ-за того, что одни тушатъ, а другіе сплѣкомъ зажигаютъ свѣчи, поднимаетъ такой шумъ и суматоху, о которой мы-сѣверяне не имѣемъ ни малѣйшаго понятія.

Вотъ самая отважная, если не самая хорошенкая изъ

нашихъ трехъ грацій—наполнила свой передникъ этими confetti и швыряетъ ихъ цѣлыми пригорстями куда попало—и въ лицо, и въ затылокъ, и въ спину смуглыхъ кавалеровъ. Да развѣ не пріятно имъ получать такіе удары? Вѣдь они видятъ эту поднятую прелестную полную ручку!... Подруги этой бойкой красавицы-шалуны кажутся робкими, нерѣшительными. Та, которая слѣва отъ зрителя, какъ-то особенно нѣжно, кокетливо рождаетъ цвѣтокъ—конечно уже предназначенный... Она знаетъ, убѣждена, что брошенное будетъ поднято, даже—поймано налету! Другая, съ полуулыбкой и полунсугомъ, отклоняется, прячется отъ брошеннаго въ нее букета, который и полетитъ сейчасъ-же обратно.

Бросайте-же, бросайте ваши confetti, ваши весеннія розы, черноокія трапестверинки! Торопитесь жить, улыбайтесь, любите, потому что молодость ваша скоротечна, да и все влечетъ на землѣ, но «что пройдетъ—то будетъ мило...» Не смущайтесь тѣмъ, что не всѣ игры доигрываются,—иначе онѣ были бы нестерпимо скучны. Великій Гёте говорилъ, что красота проходитъ, и въ этомъ именно свойствѣ ея находилъ утѣшеніе, потому что *только преходящее и можетъ быть красиво*.

При взглядѣ на красавицу, кидающую confetti, вамъ, читатель, покажется, такъ сказать, понятнѣе слѣдующее прелестное стихотвореніе А. Н. Майкова—Fortunata:

«Ахъ, люби меня безъ размыслений,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній:
Что тутъ думать? Я твой, ты мой!

Что тебѣ отцизна, сестры, братья?
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятія?
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?..

Я любви не чплю и не мѣрю,
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа,
Я люблю—смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Чувствую, какъ тутъ я хороша...

Вѣрь въ любви, что счастьемъ не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о, гордый человекъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцалуя вѣкъ...»

ЛЕГКОРАНОКЪ.

(Съ картины Густава Зюса).

Постоянные читатели «Нивы» знакомы уже съ даровитымъ нѣмецкимъ живописцемъ, котораго произведенія не разъ уже появлялись на страницахъ нашего журнала. Такъ, въ 1870 году, мы приложили его рисунокъ, изображающій семейку только-что вылупившихся цыплятъ, а 1873 первое купанье утѣнковъ. Теперь бойкій карандашъ художника совмѣщаетъ въ одну сцену излюбленные имъ типы. Вы видите разомъ тѣхъ и другихъ представителей птичьяго двора въ портъ золотого дѣтства, съ обломками младенческой колыбели на первомъ планѣ. Въ послѣднокъ днѣйшихъ, населеніе его замѣтно прибавилось. Старая черная *холодушка* высидѣла семерыхъ цыплятъ, да тутъ же, вѣроятно по неосмотрительности, штуки четыре утиныхъ лицъ, подложенныхъ простоплѣтъ птичницей. Чтѣ изъ этого произошло, въ какомъ горѣ была бѣдная мать, когда четверо изъ ея птенцовъ ни съ того ни сего стали выказывать совсѣмъ несоотвѣтственный куриному роду наклонности, бросался въ первую попавшуюся лужу и даже въ прудъ, — какъ она бѣгала по берегу, хлопая крыльями и отчаянно кудахтала, — объ этомъ нечего распространяться, все это слишкомъ извѣстно. Утята уже съ перваго дня жизни — чрезвычайно ловкая и подвижная суще-

ства; бѣгаютъ они превосходно, плаваютъ и ныряютъ ловко, ловятъ себя насѣкомыхъ, ѣдятъ много и быстро растутъ. Но бѣда сторожить ихъ на каждомъ шагѣ. Всѣ хищныя птицы, лисы, куницы, крысы, вороны истребляютъ цѣлыя поколѣнія. Матки правда умѣютъ защищать и прятать своихъ дѣтенышей, но, въ нашѣмъ случаѣ, *холодушки* совершенно терпалась, когда пріемыши ея отправлялись на воду, такъ что наконецъ совсѣмъ махнула на нихъ... крыломъ. Тутъ и случилось изображенное происшествіе. Ключула ли несчастнаго какая-нибудь разбойница-ворона, или швырнулъ въ него камешкомъ злой мальчишка, только одинъ изъ утятъ вернулся на птичій дворъ сильно-ко-выла и едва волоча лѣвую лапку. Разумѣется, ранку точастъ-же осомогрѣли, пацли ее незначитель об, сдѣлали перевязку, забинтовали.. Бѣдняжка почувствовала большое облегченіе и успокоительно передаетъ этотъ случай соблазнующему сводному рабу. Особенность таланта Зюса состоитъ въ необыкновенномъ умѣнии придавать птичьимъ чертамъ почти человѣческое выраженіе; посмотрите, съ какою участливымъ любопытствомъ освѣдомляется цыпленокъ — и какъ полукапризно по-дѣтки жалуется ему легкоранокъ...

РАЗНЫЯ ИВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— 31-го декабря 1874 года Высочайше утверждены постановленія министерства финансовъ съѣхъ и раскладки повинностей на трехлѣтіе съ 1875 года.

— Государь Императоръ, 10-го сего февраля, Высочайше разрѣшилъ союзозвѣтъ продолжитъ до 1-го января 1876 года срокъ дѣйствія изданнаго въ 1871 году закона о штатѣ снабженія судовъ флота на плаваніе предметами на кораблестроительной части.

— Въ Дагестанской области вводится судебные уставы 20-го ноября 1864 г. въ полномъ объемѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 22-го ноября 1866 г. положенія о примѣненіи ихъ къ Закавказскому краю, а также положеніе о юрисдикціи судовъ флота на плаваніе предметами на кораблестроительной части.

Военное и морское дѣло.

— Изъ Моздока корреспондентъ «Русскаго Нивалида» сообщаетъ въ эту газету о сдѣланной полковникомъ командиромъ 18-го драгунскаго полка полковника Е. И. Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 15 офицерами и нѣсколькими нижними чинами этого полка проѣздъ въ гор. Владикавказъ переконъ, на собственныя строения лошадей. Все пространство между станціей Махметъ-Юртъ, квартирою пернаго эскадрона и Владикавказомъ, 60 верстъ, пройдено было, но смотра на тонкій грунтъ и частью кочковатую дорогу, въ 6 1/2 часовъ, по снѣгамъ 1 1/2 часового отдыха, который кавалкада да-ла себѣ на станціи Камышевской въ 20 верстахъ отъ Владикавказа. Лошади пришли совершенно събитыми, не было ни одной побойтой и захромавшей, а всадники не чувствовали никакой усталости. Подобно переходу для насъ, замѣчаетъ корреспондентъ извѣстной газетѣ, не представляется новости: случалось дѣлать и больше, но фавтъ этотъ можетъ свидѣтельствовать, что кавказскіе друины не забыли своихъ старыхъ привычекъ.

— Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» о находившихся въ настоящее время въ плаваніи русскихъ военныхъ судовъ, видно, что вѣнтовой корветъ «Богатырь» 2-го вивария вышелъ изъ Гонтъ-Конга въ обратное плаваніе въ Россію, чрезъ мысъ Доброй Надежды. Кляперъ «Вадимъ» сдѣлалъ бурное зимнее переходы изъ Шанга въ заливъ Посьета, за находившимся тамъ астрономомъ, а потомъ отсюда въ Нагасаки, причѣмъ выдержалъ два жестокаго шторма, отдѣлывшись, сравнительно, нѣсколько поврежденнымъ.

— «Варшавск. Діеви» сообщаетъ, что въ нынѣшнемъ году парокорство будетъ открыто какъ вънизъ, такъ и вверхъ по теченію Вислы. Бремъ сообщенія съ Влодавскомъ и Ново-Александріей (Пулавами), устроено будетъ парокорное сообщеніе между Влодавскомъ и Цюлкомъ, для удобства тѣхъ путешественниковъ, которые, ирѣхавъ Влодавскъ по Варшавско-Бромбергской дорогѣ, пожелаютъ отправиться въ Цюлку.

Городская хроника.

— «Тверскій Губ. Вѣдомости» сообщаютъ, что думеприказчикъ умершей канцелярской купчиха А. В. Вончаковой, купецъ В. Ярославцевъ, представилъ 21-го вивушаго ливара въ Канцелярію городскую думу семь 5/10 билетовъ Государственнаго Банка на сумму сто тридцать тысячъ рублей, завышенныя Вончаковой на благотворительныя дѣла, въ пользу нищелюбца гражданъ гор. Канши; изъ нихъ 50.000 руб. подлежатъ въ пользу бѣдныхъ гражданъ купюскаго и мѣднаго сословія, 50.000 руб. на содержаніе въ пріютѣ бѣдныхъ и престарѣлыхъ тѣхъ же сословія и 30.000 р. на выдачу 15 бѣднымъ дѣвкамъ тѣхъ же сословія приданнаго, при выдѣлѣ ихъ въ замужество. Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, но подъ завышенными, должны расходоваться только одна проценти, снѣмъ же канцелярѣ долженъ оставаться нѣсколько сотенныхъ на вѣчное время.

Городская дума, принявъ завышенныя Вончаковой канцелярѣ, единогласно постановила: въ извѣстную пріятельности въ память покойной за столь значительное пожертвованіе, отслужить на день ея кончины, въ Воскресенскомъ соборѣ, заупокойную и нѣхиду и свѣркъ

того, для сохраненія въ обществѣ благодарной памяти къ ней, вывѣсить портретъ ея въ залѣ думы, а для составленія ближайшихъ соорженій объ употребленіи завышеннаго канцелярѣ, устроить подготовительную комиссію.

— Елбужскій 1-й гильдин купецъ Стахѣевъ, бывшій городскимъ головою въ Елабугѣ съ 1865 по 1868 гг., построилъ на свой счетъ одинъ каменный и пять деревянныхъ корпусовъ торговыхъ помѣщеній, деревянныя зданія для казармъ и тюремнаго замка; за тѣмъ онъ пожертвовалъ городу совершенно безвозмездно означенныя соорженія, изъ коихъ торговля помѣщенія приноситъ городу ежегоднаго дохода болѣе 3.500 р., составляя такимъ образомъ одну изъ наиболѣе важныхъ доходныхъ статей въ составѣ городского бюджета.

Нынѣ Стахѣевъ сдѣлалъ новое пожертвованіе городу, принявъ на себя обязательство внести, въ теченіе трехъ годичныхъ періодовъ, въ мѣстный общественный банкъ 25.000 р., съ тѣмъ чтобы 10.000 р. были обращены на устройство указаннаго имъ моста въ городѣ, а 15.000 р. были употреблены для образованія капитала, проценты съ коего должны имѣть единственными своими назначеніемъ восполненіе для нѣмкогонаго открытій въ городѣ учебнаго заведенія. На сей же послѣдній предметъ поступилъ еще въ пользу города мѣстныхъ пожертвованій: П. Г. Стахѣева, въ разбѣрѣ 20.000 руб., Е. Е. Емелянова—9.000 р., П. К. Ушакова—6.000 р. и П. М. Шибалина—3.000 р.

— Нижегородскій 1-й гильдин купецъ П. С. Козловъ, уроженецъ гор. Саранска, выразилъ готовность пожертвовать этому городу 2.000 р. на устройство богадѣльни и 30.000 р. на обезпеченіе содержанія сей богадѣльни, съ тѣмъ чтобы послѣдняя сумма была внесена въ мѣстный общественный банкъ.

— Кунгурскій купецъ М. И. Грабунякинъ, выстроивъ каменный корпусъ торговыхъ лавокъ и расходовавъ на сей предметъ до 10.000 руб. собственныя средства, пожертвовалъ этотъ корпусъ городу, съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы одна половина доходовъ съ лавокъ обращалась въ городскіе доходы на удовлетвореніе общаго нужды города, а другая была употреблена исключительно на восполненіе для образованія дѣтей бѣдныхъ жителей города въ учебныя заведенія, посредствомъ учрежденія стипендіи для нихъ.

Сельское хозяйство.

— Населеніе Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ въ Кахетинѣ, расположенное цѣлымъ на правомъ берегу р. Алазани, на предгорьяхъ Гомборскихъ горъ, терпитъ большой недостатокъ въ водѣ.

Для орошенія всей этой части Кахетинъ нужна оросительная канализация длиною въ 140 верстъ. Водой она можетъ быть снабжена изъ рѣки Алазани, и стоимость ириведенія ея вычислена въ 1.120.000 рублей.

Канализация достаточнаго количества воды будетъ орошать площадь въ 1.400 кв. вер., или болѣе 140.000 десятинъ земли, на которой густое населеніе Кахетинъ съ ея селеніями, въ которыхъ 300 и 400 дворовъ не рѣдко, производятъ самое лучшее и цѣнное промысловое и овцеводство въ большихъ размѣрахъ, могущее съ прибылью покрыть канализацию предпринимателемъ орошенія. Для вынесенія убѣжденій и мнѣній, какинъ мнѣніи сами жители Кахетинъ на настоящему вопросу, 8-го января прибылъ, какъ сообщается въ газетѣ «Кавказъ», изъ Тифлиса въ Сигнахскій уѣздъ, тифлискій губернской предводитель дворянства, генералъ-адъютантъ князь Ладиславъ, вмѣстѣ съ гвардіей полковникомъ Масловымъ.

Въ день губернскаго предводителя были приглашены дворяне Сигнахскаго уѣзда, Телавскаго уѣздный предводитель, а также крестьянскія общества изъ разныхъ селеній. Съ 8-го по 15-е января все время было посвящено совѣщаніямъ по этому предпріятію.

— Въ Пензѣ открыта недавно мастерская для приготовления крестьянскихъ переносныхъ молотилокъ. Дѣлать такихъ молотилокъ уже сдѣланы на заказъ разныхъ лицъ, за 90 рублей каждая. Въ настоящее время цена на нихъ поднялась, и новые заказы принимаются не менѣе какъ 120 руб. за молотилку.

Археология и древности.

— При Варшавскомъ университетѣ открытъ недавно музей профессора Самоковскаго. Музей этотъ состоитъ изъ различныхъ славянскихъ древностей, найденныхъ при раскопкахъ могильныхъ кургановъ, преимущественно въ Куфской и Черниговской губерніяхъ. Такихъ кургановъ раскопано г. Самоковскимъ около 350. Разныхъ предметовъ найдено въ нихъ до 1.500 штукъ.

Профессоръ Самоковскій всего болѣе занимается рѣс-конками въ землѣ Сѣверинѣ. Найденныя тамъ предметы описаны подробно въ «Трудахъ московскаго археологическаго общества», 1874, стр. 77—82.

— Недавно въ Вишневахъ, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи, происходила, какъ сообщаютъ мѣстныя губ. вѣдомости, продажа съ публичнаго торга движимаго имущества изъ палата Вишневецкихъ на удовлетвореніе кредиторовъ графа Пилтуса. Въ числѣ конкурентовъ, желающихъ приобрести вещи, принадлежавшія древнимъ фамиліямъ Вишневецкихъ и Миницкихъ, находилось нѣсколько сосѣднихъ земледѣльцевъ, интигварій изъ Вѣны и какой-то богатый любитель, не имѣвшій денегъ. Цены падались оченъ горячо: за одно пальмовое и обивальное кресло съ гербомъ Вишневецкихъ заплачено 148 руб., за чудно чиника въ клѣткѣ, котораго собственноручно кормилъ король Августъ II, заплачено 800 руб. Вообще, движимость, первоначально оцененную въ 2.700 р., купилъ упомянутый любитель за 31.915 руб. сер.

Музыка и театр.

— Изъ отчета о дѣятельности Харьковскаго музыкальнаго общества за 1873—1874 г. видно, между прочимъ, что число слушателей и учащихся въ музыкальных классахъ и число посѣдителей возрастало въ дополненіе замѣтной цифрѣ. Такъ, напримѣръ, за 1873—1874 г., плата, въ снѣнни учениками музыкальных классовъ, про тиралась до 1.762 р., а въ 1873—1874 г. она возрасла до 3.547 руб. Число учащихся по специальности также замѣтно увеличилось: такъ, имено, число учащихся ии фортепиано возрасло съ 34 до 46; пѣвцы — съ 13 до 27; гитры на скрипки съ 6 до 12; виолончели — съ 3 до 4; теорія музыки — съ 11 до 22. Притомъ о тѣхъ много изъ учащихся, заявляя желаніе посвятить себя изученію музыки съ цѣлью ии будущаго, обративъ свои знанія въ женскую профессію по учительской или артистической дѣятельности. Бюджетъ общества также значительно усилился, и, за покрѣтѣмъ всѣхъ расходовъ образовался остатокъ въ 1.526 р. 92 к.

— Солдатскіе спектакли все чаще и чаще начинаютъ устраиваться въ полкахъ: такъ, на масленицѣ состоялось нѣсколько спектаклей въ Имбургѣ въ 93 пѣхотномъ Иркутскомъ, въ Каминѣ въ 1-омъ Лойбъ-драгунскомъ Московскомъ и въ крѣпости Новогороискомъ.

Литература.

— Подано въ Кіевѣ предпринято одно дѣло, заслуживающее, по словамъ «Кіевскихъ Губ. Вѣдом.», особаго вниманія какъ по своей цѣлѣ, такъ еще болѣе по способу исполненія. Это — «Исторія для сельскаго чтенія», редактируемый и издаваемый учителемъ одной изъ Кіевскихъ гимназій и мѣстнаго института благородныхъ дѣвчатъ. До сихъ портъ появилось два листа этого изданія, представляющаго ииѣе въ родѣ онита газетъ для крестьянъ. Каждый такой листъ (имѣющій видъ номера малюнькой газетѣ) состоитъ 2 коп., а цѣлымъ годовой экземпляръ, состоящій изъ 60 листовъ — 1 р. съ пересылкою.

СОДЕРЖАНІЕ: Чугуевъ (съ рисункомъ). — Смерть Сардананапа (съ рисункомъ). — Душотный полкъ. Романъ Н. Н. Каразина. Ч. II. (продолженіе). — Выжиданіе ошкни (Атобіографія Простачева). Соч. Н. С. Лѣскова (Стебничаго) (продолженіе). — Confeiti (съ рисункомъ). — Логжораловъ (съ рисункомъ). — Разныя ивѣстия.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ЛИТЬ ВАНЦЕРЬ“.

Пастолция Американская швейная машина съ правильно двойною стежкою, ручная и ножная. Королевская педагогическая комиссия, въ Ирландіи признала „Лить Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ея для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д“ новейшая пастолция Американская швейная машина, полезная для портныхъ.

Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и Малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; потомъ еще продажа у: Бринк и Ко. въ гостиницѣ дворъ по большой суровской линіи № 132. Агентъ для Москвы, Шанкс и Болинъ, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кроме того находится Агентъ почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—2

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—7

ЗАКАЗЫ НА

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

принимаетъ контора Фрицъ Бурггардта, Вас. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 5.

8—4

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БЪЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ и ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасонъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной
продажи высылается по
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во все государство. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:
M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13—6

Опытъ русско-украинскаго словаря, сост. М. ЛЕВЧЕНКО.

Цѣна съ перес. 1 руб. 30 коп.

КІЕВЪ. Книготорговля ЛЕВЧЕНКИ и ИЛЬНИЦКАГО.

3—3

„ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ“.

издаваемый Императорскимъ Обществомъ правильной охоты подъ редакціей Л. П. Сабантѣва, выходитъ ежемѣсячно, книжками около 5 печатныхъ листовъ убористой печати, на веленовой бумагѣ, съ хромофотографированнымъ или фотофотографированнымъ (на стеклѣ) рисункомъ въ каждой книгѣ и политинажами въ текстѣ. Втеченіе года будутъ выданы гг. подписчикамъ, въ видѣ преміи, нѣсколько хромофотограф. рисунковъ лучшихъ собакъ первой очередной выставки Общества. Подписная цѣна: на годъ 8 р. съ перес. 9 р.; на полгода 4 р. 50 к. съ перес. 5 р.

Съ 6 книгами, вышедшими въ 1874 году (съ 1-го Іюля) 12 р. съ перес. 13 р. 50 к. Въ трехъ книгахъ, вышедшихъ по настоящее время, между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи.

Замѣтки стараго провинціального псового охотника П. М. Мачеварианова. Травля волка. А. С. В—ева Воспитательное значеніе охоты. С. Л—аго. Охота на тигровъ на р. Сырь-Дарьѣ. Г. Иванова. Лицинскій лѣсъ (изъ записокъ кавказскаго охотника). Н. Г. Вучетича. Записки объ охотѣ въ Сѣверозападномъ краѣ. И. Алмазова. Токъ чернышей. А. Ходнева. Скрая Куропатка. Н. Г. Вучетича. Приморская и степная охота въ Астраханской губ. И. Явленскаго. Первая очередная выставка охотничьихъ собакъ и лошадей. А. Е. Корша. Удочка и ужение рыбы. А. К—ева. (съ 32 полит.) Соловей, его ловъ и содержаніе. Е. Кавелина и мн. др.

Подписчики журнала охоты за пересылку сборника „Природа“ не прилагаютъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ редакціи Сборника „Природа“ и „Журнала охоты“ (Петровка, д. Самаринной), въ книжныхъ магазинахъ Соловьева, Васильева и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ: въ Петербургѣ—у Базунова и Чересова; въ Кіевѣ—въ Южпорускомъ книжномъ магазинѣ. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Подписка въ разсрочку по соглашенію съ редакціей.

„ПРИРОДА“

(годъ третій).

Популярный естественно-историческій сборникъ, издаваемый подъ редакціей проф. С. А. Усова и Л. П. Сабантѣва. Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ, съ хромофотографіями, фотофотографіями (на стеклѣ) и политинаж. въ текстѣ. Съ 1874 г. выходитъ 4 раза въ годъ книгами большаго формата, около 25 печатныхъ листовъ. 1 и 2 книги 1873 года и 2 книга 1874 одобрены Министерствомъ Нар. Просв. для библиотекъ учебныхъ заведеній и наградъ ученикамъ.

Подписная цѣна 12 р. съ перес. 13 р. 50 к.

Подписчики, подписавшіеся въ редакціи (Москва, Петровка, д. Самаринной) одновременно на 1874 и 1875 г. платятъ по 12 р. за годъ, съ 2 книгами 1873 г. (10 книгъ) 30 р. съ пересылкой.

Вышла и продается 1-я книга Сборника „Природа“ на 1875 г.

Содержаніе: Законы движенія. Проф. Карстена. Автоматы-ли животныя? проф. Гэнсли. съ полит. Жизнь въ мірѣ животныхъ и растений. Л. К. Попова. Съ 36 полит. Вулканы. проф. К. Фохта. съ 26 полит. Уродство. проф. Бертильона. въ 13 полит. Окраска лелествъ. Ф. Маевского. съ 2 хромофотографіями. Сазанъ В. Е. Яковлева. Падающіе камни. Менье. съ 8 полит. Скорость ощущенія, мысли и воли человека. Д-ра Б. С. Розенберга съ 5 полит. Монголы. Н. М. Прие-вальскаго. Страна Монбутту. Г. Швейнфурта. съ килогр. табл. и 18 полит. Отдаленность звѣздъ. К. Фламмаріона. съ 6 полит. Дятлы и ихъ значеніе въ лѣсоводствѣ. Б. Альтума. съ хромофотографіей. Кабаны. съ фотофотографіей. Чайки. съ фотофотографіей. Вальдшнепъ. съ фотофотографіей.

Цѣна 4 р. (выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ). Вышли и продаются новыя книги, изданныя редакціей Сборника „Природа“.

РЫБЫ РОССИИ

Жизнь, ловля и ужение нѣкихъ ирисноводныхъ рыбъ Л. П. Сабантѣва. (650 стр.) съ 6 рисунками и 433 политинажами рыбъ и снарядовъ для ловли и ужения рыбы. Цѣна за все три выпуска 4 р. каждый выпускъ отдѣльно 1 р. 50 к.

ФЛАММАРИОНЪ. „НЕБЕСНЫЯ СВѢТИЛА“

Популярное изложеніе Астрономіи. съ 75 полит. цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ. Подписчики Журнала охоты и Сборника „Природа“, пользуются уступкой 20%, о. 3—2

Вышла и продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

МИСТРИССЪ ФОУСЕТТЪ.

Начальныя основанія политической экономіи

Цѣна 1 р.; перес. за одинъ фунтъ.

3—2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 14 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 6-го Апрѣля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромя Воскресенья). Плата за строку пятнадцать н. с.

ПРИЛОЖЕНИЯ къ номерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакціи просить гг. подписчиковъ писать:
1) за перемѣну С.-Петерб. на Иногородн. — 60 к.
2) „ „ Иногор. на С.-Петербург. — 50 „
3) „ „ Иногородн. на Иногородн. — 30 „

Отдѣльные номера высылаются не иначе какъ во полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.		На 6 мѣ.		На 4 мѣ.		На 3 мѣ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Безъ доставки въ Петерб.	4	—	2	—	1	50	1	—
Съ доставкою въ Петерб.	5	—	3	—	2	—	1	50
Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланге, А. Ф. Жилирева и Васильева .	4	50	—	—	—	—	—	—
Съ пересылкою во всѣ го- рода и мѣст. Русской Имперіи	5	50	3	—	2	—	1	50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.
Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. номера.

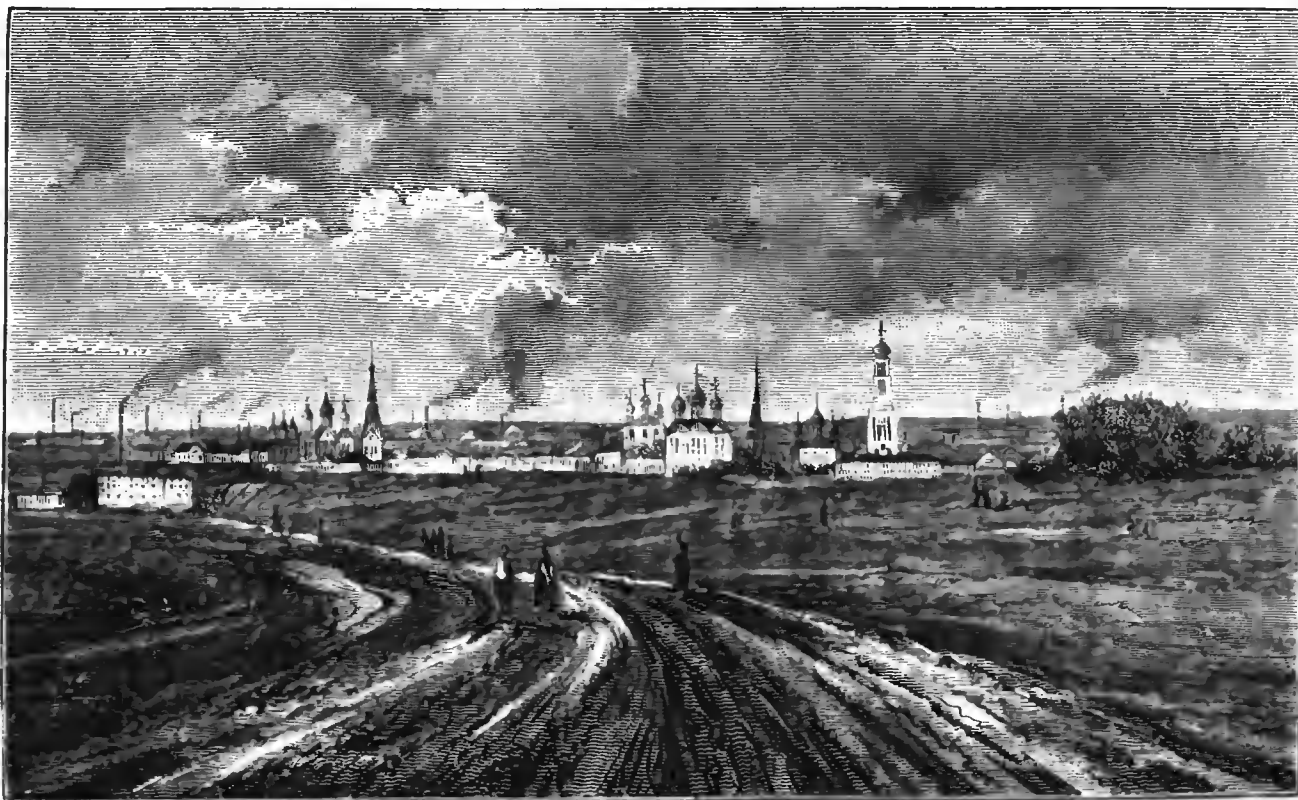
СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условій гонорара. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ и гравюры имѣются въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе приобрести таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

Русскій Манчестеръ.

Городъ Иваново-Вознесенскъ Владимирской губ. Съ фотографіи рисов. Космаковъ, гравъ Нантъръ.

Русский Манчестеръ.

Ситцы въ Россіи выдѣлываются преимущественно во Владимирской губерніи, въ селѣ Ивановѣ, Шуйскаго уѣзда, почему большую часть называются *Ивановскими*. Это производство р вышло у насъ лѣтъ 25 тому назадъ. Еще въ 20-хъ годахъ обыкновенный ситцевъ стоилъ 60 к. аршинъ и вырабатывало въ 12.000 пуд. пряжи. Въ 1855 году такой же ситцевъ стоилъ уже только 18 коп. и пряжи вырабатывалось 1.000.000 пудовъ. (Исторический словарь Толля. 1864. т. 3-й стр. 464).

Исторія села Иванова очень любопытна и поучительна. Если мы прослѣдимъ ее отъ «давно минувшихъ дней» до того времени, когда село заслужило громкое прозвище *русского Манчестера*, прививка и ростъ Ивановской цивилизаціи станутъ передъ нами во всей правдѣ, причемъ итоги подведутся сами.

Иваново числится въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, т. е. въ царствованіе Грознаго, въ *черныя*, государственныхъ волостяхъ, затѣмъ было пожаловано князьямъ Черкасскимъ, а отъ нихъ перешло въ первой половинѣ прошлаго столѣтія къ Шереметевымъ. При Петрѣ село имѣло уже три церкви и нѣсколько каменныхъ домовъ: народъ каждую недѣлю собирался на на большой Ивановскій торгъ, такъ что правительство нашло скорѣе необходимымъ учредить въ селѣ таможенную избу для сбора должныхъ пошлинъ. Весь округъ, въ которомъ лежало Иваново, занимался издавна обработкой льна, пряжей. тканьемъ холста и пестряди; были также шерстобиты и плотники. Все это достаточно объясняетъ, почему въ Ивановѣ, полтора столѣтія назадъ, стояло три церкви, нѣсколько каменныхъ домовъ, и держался торгъ. Помянутое село, также какъ и окрестныя, имѣло все-таки сельскій характеръ: каждое лѣто население высыпало на цѣлые дни въ поля собирать не всегда богатую жатву; причемъ вся жизнь сосредоточивалась за околлицей, а избы оставались перѣдко пустыми.

Иваново не отставало отъ остальной, земледѣльческой Россіи: жило просто и небогато, носило грубые ткани, плѣло свои незатѣйливыя крестьянскія пѣсни и вообще веселилось очень скромно. Благодаря тому, что баринъ жилъ далеко и заставлялъ ивановцевъ выплачивать не особенно тяжкій оброкъ, а главное благодаря подспорью кустарничества, пвановцы не бѣдствовали и нищихъ между ними не было. Почва была не на столько хороша, чтобы можно было надѣяться лишь на нее, не пща другаго исхода, на случай неурожая хлѣбовъ. Иваново не было однако особенно замѣтнымъ своей промышленной дѣятельностью въ средѣ остальныхъ, окружныхъ поселеній: Тейкова, Кохмъ, Лежнева, Шуй и пр. Кохмы, напр., стояли въ то время гораздо выше въ этомъ отношеніи: промыселъ его жителей былъ значительно ивановскаго. Но дѣло не въ этомъ.

Неизвѣстно, сколько времени пвановцы продолжали бы ходить на свои полевые работы, ткать по измамъ въ зимнее время незатѣйливыя грубые холсты и бить шерсть — не случись одно обстоятельство, круто повернувшее всю эту рутину жизни въ сторону. Ивановамъ суждено было однимъ случаемъ пойдти по другой дорогѣ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, крестьянинъ Григорій Бутримовъ, работавшій до этого въ Шлиссельбургѣ на ситцевой фабрикѣ, вывезъ отсюда секретъ набивать ситцы, расцѣпывать ткани красками. Первая ситцевая фабрика въ Ивановѣ заведена была въ 1750 году. Примѣру Бутримова послѣдовали другіе крестьяне: Соковъ, Усовъ, Грачевъ, Гарелинъ и проч. Начался крупный переворотъ въ бытовомъ обстановкѣ великорусскихъ крестьянъ описываемыхъ мѣстъ. Фабричная дѣятельность росла быстро и народъ охотно шелъ на возникавшія фабрики, потому что ему хорошо платили.

Въ годъ основанія на первой пзъ нихъ стояло уже сто набивныхъ и ткацкихъ станковъ, на слѣдующій—триста и т. д. Трудъ былъ ручной и выдѣлка ситцевъ не отличалась замысловатостью. Ивановскій ситцевъ того времени—тотъ же холстъ, только расцѣпченный красками, росписанный незатѣйливыми узоромъ. Набивныя того времени достойны описанія.

«Въ длинномъ деревянномъ строеніи, называемомъ *работной* или *набивной*, стоятъ верстаки, похожіе на обыкновенные продолговатые столы. За каждымъ такимъ верстакомъ стоитъ мужчина и обмакивая доску или «манеръ» въ краску, находящуюся тутъ же и растертую въ крутомъ обрѣзѣ, на сукнѣ, постукиваетъ по бѣлой новинѣ холста или полотна, положеннаго на верстаки». Вотъ и вся работа набойщика, главнаго мастера дѣла. Рисунокъ первыхъ ситцевъ простъ; за неимѣніемъ настоящихъ образчиковъ, съ которыхъ бы можно было его перенять — на холстѣ изображались лопаты, метлы и другіе предметы обыденной жизни. Фантазія не изощрялась надъ лучшимъ, не шла дальше. Такъ и теперь, говорятъ, наши балахонскіе кружевницы продолжаютъ снимать узоры для своихъ издѣлій съ росписанныхъ морозомъ стеколъ.

Набойщикъ набивалъ до семи *проходовъ* (кусковъ) въ день и съ каждого прохода (въ 50 арш.) получать отъ 50 к. до рубля ассиг. денегъ. Кромѣ мужчинъ въ ситцевой фабрикаціи участвовали и женщины. Онѣ занимались *расцѣпкой*, причемъ въ ходъ пускалась ими обмокнутая въ краску кисть, или попросту пять

пальцевъ. Нужно было особенное умѣнье разбрызгать краску по возможности равномерно и за это каждая баба получала отъ десяти до тридцати коп. въ день. Тутъ же и дѣти за 20 или 40 руб. асс. годовой платы растирали краски, а самъ хозяинъ заведенія сидѣлъ дѣл-нибудь по-сосѣдству въ тѣсной каморкѣ и варилъ требуемыя краски въ большихъ глиняныхъ посудинахъ.

Послѣ отечественной войны 12-го года пошелъ въ ходъ англійскій миткаль, въ Россію стали ввозить англійскую пряжу. Миткаль замѣнилъ холстъ: лентъ сталъ вытѣсняться хлопкомъ. По милости московскаго пожара, большаго требованія на ситцы и напилья иностранныхъ мастеровъ, ивановскіе фабриканты сильно обогатились, стали входить въ силу и извѣстность.

Крестьяне, видя хорошіе заработки набойщиковъ, шли на фабрики, бросали земледѣліе. Занимаясь послѣднимъ, приходилось бояться то мороза, то дождей, то града, однимъ словомъ, всякихъ случайностей погоды; здѣсь же ничего этого не предвидѣлось: ситцевое дѣло росло не по днямъ, а по часамъ. Хорошій набойщикъ имѣлъ возможность получать до 1.500 р. асс. въ годъ. Трудъ ткачихъ оплачивался тоже хорошо. Въ тридцатымъ годамъ количество ситцевыхъ фабрикъ возросло до 180. Между обогащавшимися отъ производства и работавшими на нихъ намѣчалась разниа. Эта разниа положеній члвкъ далѣе тѣмъ становилась ощутительнѣе. Шереметевъ давно обратилъ должное вниманіе на промышленный духъ своихъ крѣпостныхъ и увеличилъ крестьянскій оброкъ до 70 руб. съ тягла. Съ 1768 года и бабы были тоже обложены натуральной повинностью. Ткачихъ и пряжъ было много—возникъ оригинальный бабій оброкъ тальками. Число вносимыхъ въ контору талекъ было не одинаково: 18-лѣтнія бабы и дѣвки поставляли по три мотка пряжи; 30-лѣтнія—по десяти мотковъ.

Крѣпостное право давало себя чувствовать. Матеріальное благосостояніе бывшихъ крестьянъ-пахарей, теперешнихъ фабрикантовъ, побуждало ихъ по возможности скорѣе избавиться отъ тяжелой зависимости. Всѣ постройки, всѣ сооруженія находились на помѣщичьей землѣ, но главное—самыя личности соорудителей, а слѣдовательно и ихъ промыселъ, зависѣли отъ вотчинной конторы, отъ ея распоряженій. Богатѣйше стали откупаться на волю за страшныя суммы (онѣ доходили иногда до 20.000 р.) Въ 1828 году нервы вольноотпущенный былъ Шомонъ; за нимъ откупился Гарелинъ, родоначальникъ нѣкѣшнихъ ивановскихъ мануфактуристовъ. Оставалось выкупить земли. Здѣсь представлялись затрудненія, которыя надо было побороть или обойти. Жить становилось во многихъ отношеніяхъ неудобно: за землю приходилось платить большую арендную плату (тысячъ до десяти въ годъ), а продать землю купцамъ помѣщика не соглашался ни за какія деньги. Масса бѣднаго народа, оставшаяся (за неимѣніемъ средствъ откупиться) въ крѣпостной зависимости отъ вотчинной конторы, была недовольна, точила зубы на богатыхъ землевладѣльцевъ, усѣвшихъ вырваться изъ неволи. Происходили буйства и неурядицы, грабежи, убійства, пожары... Послѣдніе особенно успѣли въ 1817 г. Народная мысль съутно забродила. Въ 1823 году явился расколъ, а съ нимъ и релігиозныя вольнодумцы вроде Ивана Печунаева, топтавшего всенародно крестъ.

Откупившимся приходилось жутко жить среди такого непокойнаго населенія, какимъ было Ивановское. Учрежденная на время полиція только больше испортила дѣло—нужда заставляла перебираться куда нибудь въ другое мѣсто, бросать насаженный гнѣзда. Сосѣдніе землевладѣльцы были сговорчивѣе Шереметева и охотно продавали ивановцамъ свои земли. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ около Иванова стали появляться слободы. Фабрики постепенно переносились на пріобрѣтенные участки и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ возникъ правильно обстроенный Вознесенскій посадъ. Онъ выстроился какъ разъ напротивъ Иванова, по другую сторону рѣчки Уводи и главныя фабричныя слѣды, главные капиталы сосредоточились въ немъ. Это было дѣйствительно, по справедливому замѣчанію Безобразова, промышленный протестъ XIX вѣка противъ всемія вотчинной средневѣковой власти. Воля и главные капиталы ослѣпились на одномъ берегу; крѣпостные люди труда—на другомъ. Взаимная нужда перекинула черезъ Уводь небольшой мостикъ.

Ручной трудъ продолжалъ господствовать вплоть до сорокаго года. Первая и единственная печатная машина появилась у одного купца лишь въ 1838 году. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ никому въ голову не приходило завести подобную же у себя—всѣ отправлялись къ купцу и платили по семи рублей съ куска за *пропускъ*. Владелец машины подъ конецъ сильно нажился. Это побудило и другихъ пвановскихъ капиталистовъ приняться за вышшеку различныхъ машинъ.

Съ 40 года плата за трудъ набойщикамъ стала падать; началось входить въ силу ткачество. Прошло нѣсколько лѣтъ. Гарелинъ открылъ огромную мануфактуру со 180-ю ткацкими станками и массой рабочихъ. Машинныя, приводимыя въ движеніе паромъ, быстро убивали мелкое домашнее производство кустарей. Крутой и гибельный переходъ отъ ручнаго труда къ механическому ознаменовался страшнымъ пожаромъ, который,

уничтожить разного рода имущества слишком на три миллиона, пустить по миру массу рабочего люда.

Заработки крестьян стали сильно понижаться. Набойщики сороковых годов получали шестьсот руб.; набойщики шестидесятых — лишь триста. В такой же степени понижались и другие ручные заработки; полученная воля не могла оказать ивановцам той ощутительной пользы, какую оказала в других местах.

Явилось множество коммиссионеров, которые, условившись с фабрикантами в цену за работу, раздавали деревенским ткачам пряжу от себя. Покупщики нашли, что это дело выгодное, платили за клубок по полтину, а фабрикантам продавали рублей за пять. Архрейт был невинной причиной того, что ручное ткачество во Владимирской губернии было убито механическим. Между тем ивановцы отстали, отвыкли от земледельческого труда; приемы, навыки к новому производству стали переходить по наследству от отцов к детям.

Отношения к капиталистам стали для ивановцев тем неприятнее, что все произошло так-сказать на глазах. «*Фамилии* очень стали наши кучи, горючили в Иваново про Вознесенский посад, — а вчера такие же мужики были как и мы; это они каменных-то домов все в свою славу настроили».

И тем больше разрознился русский Манчестер, тем сильнее проявлялась разнь между фабрикантами и рабочими. Последние не раз протестовали против несправедливых расчетов своих хозяев, но все это не мешало хозяевам расписываться вместо денег браком, брать большие штрафы, устанавливать произвольные поборы и пр., *брать силой* по выражению Иванцев.

Русский Манчестер рос и обстраивался; но рядом с громадными фабричными постройками, где гудели машины с сотнями колес, рядом с помпезностями, где носились облака пыли слепящей глаза и вредных сырых испарений, до конца шестидесятых годов продолжали еще ютиться мизерные избушки, темные мастерские ручного труда. Тысячи рабочих, которых просят теперь в громадных свистящих фабриках по шестнадцати часов в сутки за машиной, нередко рискуя быть искалеченными на вехе, — зачастую вспоминают, а полагаю, эти темные *набейники* и *работники* своих отцов.

«После шипящего пара, грома машин, после огромных моет миталы, где промываются в суки цѣные десятки тысяч аршин, после всего этого гама, шума и гигантских размѣров производства», пишет составитель путешествия Цесаревича Николая, «странно было видѣть прародительское производство ситца: какъ два работника скромно печатали на ручныхъ станкахъ ситцы; какъ на шесть, руками же, опускали въ краску. Вѣка казалось прошло между двумя производствами, между фабрикой Зубова и избой Гандурной; а вѣдъ какъ еще недавно цѣлое Иваново работало почти исключительно такимъ способомъ! Мелкое производство держится покуда (1863) исключительно тѣмъ, что машинное печатаніе не нашло еще способа употреблять больше известнаго числа колеровъ, тогда какъ ручное производство можетъ употреблять гораздо болѣе. Но еще одинъ шагъ — и бѣдное кустарное производство должно будетъ уступить. Уже и теперь ему трудно бороться съ машиной и капиталомъ, производящимъ въ огромныхъ размѣрахъ». Въ то время какъ сложилась поговорка: «Богатъ, хвастливъ, какъ ивановскій мужикъ», Иваново съ его новымъ ситцевымъ производствомъ, дававшее возможность многимъ получать хорошую плату за ручной трудъ, вполне заслуживало названіе *золотого дна*. Оно дѣйствительно было такимъ для многихъ. Теперь же, привлекая къ работѣ сотни тысячъ окрестныхъ жителей, имѣя 10.000 фабричныхъ въ своемъ распоряженіи, прекрасныя каменные зданія съ высокими трубами, гостиницы, ряды оживленныя улицы — оно, если хотите, можетъ называться русскимъ Манчестеромъ — но только безъ особенной гордости. Мы видѣли, насколько понизилось благосостояніе прежнихъ кустарниковъ. Переломы, подобные ивановскому, тяжело отражаются на народной жизни: переходъ отъ полудикаго состоянія ко всемъ цвѣтамъ цивилизаціи даетъ въ этихъ случаяхъ не всегда ожидаемые результаты.

Эта быстро выросшая, такъ сказать *ситцевая* цивилизація быстро измѣнила бытовую сторону ивановской жизни и наружность Иванова. Поля опустѣли и не привлекали такого количества рукъ; жизнь сосредоточилась въ четырехъ стѣнахъ. Все стало пригляднѣе, если несмотрѣть издали, на известномъ разстояніи. Наряды стали нестрѣе, прежніе грубыя ткани вывелись, появились ситцевыя рубашки и платья смѣнили сарафаны. За платьями пошли платки, шляпки, желаніе франтить съ одной стороны, желаніе напаваться въ трактиръ — съ другой. Отсюда прямое слѣдствіе: раздоръ въ семейныхъ отношеніяхъ, легкіе нравы женщинъ — поощряемые соблазнами... Настали золотые годы народившейся буржуазіи, а о бою съ ней трудные годы массы земляковъ съ шестнадцатичасовой работой на ногахъ, съ пяти-часовымъ отдыхомъ въ тѣснотѣ и грязномъ жильѣ. Но зачѣмъ, скажете вы, читатель, брать печальную, неизбежную сторону цивилизаціи съ ея нищетою, которой нѣтъ

средствъ помочь, — съ ея, говоря вообще, тѣневой стороной. Не забывайте, что я говорилъ только про большинство и про трудность вышеописаннаго перехода именно для него. Говоря о меньшинствѣ, продолжая параллель между Ивановымъ и Манчестеромъ, нельзя ничего привести кромѣ самыхъ утѣшительныхъ цифръ возрастанія производства и удешевленія предмета этого производства.

«Еще въ двадцатыхъ годахъ обыкновенный ситецъ стоилъ 60 к. аршинъ и выработывалось 12.000 пудовъ пряжи; въ 1855 году такой же ситецъ стоилъ уже только 18 коп. и пряжи выработывалось 1.600.000 пудовъ» скажу словами Настольнаго словаря. Теперь могу прибавить отъ себя, что цѣна ситца спустилась еще ниже: до 10 к. за аршинъ, а производство увеличилось чуть не вдвое.

Пора однако обратиться къ рисунку, къ наружности Иванова. «И по характеру своего быта и по наружности — Иваново есть городъ (это писано еще 1861 году); съ своими выселками, Вознесенскимъ посадомъ и слободами, оно составляетъ одну неразрывную единицу населенія, почти даже сплошного; только нѣшнія, искусственныя условія этого цѣльнаго организма могутъ разрывать его на части. Притомъ Иваново имѣетъ со стороны и *несколько издали* даже фizioномію до такой степени городскую и пожалуй (въ мануфактурномъ отношеніи) европейскую, какой недостаетъ болѣе части нашихъ городовъ. Такое впечатлѣніе производимое Ивановымъ: группы фабричныхъ стрѣній, посреди нихъ множество дымящихся паровыхъ трубъ и церковныхъ куполовъ, безкопечный рядъ мыльных и заварочныхъ заведеній, расположенныхъ на р. Уводи; внутри разнообразное и оживленное народонаселеніе, исключительно предавшее городскимъ занятіямъ, въ городской одеждѣ и городскихъ экипажахъ; ряды гостиницъ и лавокъ; площади, кинія два раза въ недѣлю (во время ярмарокъ) народомъ всѣхъ возможныхъ сословій. Но всему этому недостаетъ присутственныхъ мѣстъ, по которымъ различаются у насъ города отъ селъ. За то Иваново имѣетъ особенность въ своей фizioноміи, какой нѣтъ въ нашихъ оффиціальныхъ городахъ: эта особенность — чрезвычайная противоположность въ наружности построекъ и совершенная неправомерность въ планѣ. Вы видите здѣсь многоэтажные каменные дома новѣйшей архитектуры посреди развалившихся лагувъ, остатковъ русской патриархальной деревни, заходящихъ подлѣ огромныхъ фабричныхъ корпусовъ; вообще здѣсь существуютъ человѣческія жилища, богатые и бѣдные, всякихъ назначеній, — жилища, росшія по мѣрѣ надобности, одно подлѣ другаго, не спрашиваясь ни у архитектора, ни у строительныхъ комиссій. Совершенно отличнымъ отъ этого безпорядочнаго, но живаго мѣста, представляется Вознесенскій посадъ, расписанный по всемъ новѣйшимъ соображеніямъ, съ своимъ Цесаревичъ проспектомъ, но мертвымъ и уединеннымъ. Что касается до картины всего этого вѣзвиза и въ своихъ деталяхъ, то она не представляетъ ничего изыскаго и сколько-нибудь примѣчательнаго; только на нѣкоторомъ разстояніи, съ высокаго берега Уводи, эта — тѣсная группа строеній, обитая внизу шевелящимся фабричнымъ людомъ, а сверху дымомъ паровиковъ, которые безпрестанно оглушаютъ воздухъ свистомъ, имѣетъ какой-то особенный, непривычный въ Россіи запахъ мануфактурнаго города, внушающаго почтеніе».

Наружность, какъ видите, очень обманчива: Иваново разбросано неправильно, но оврагамъ, внутри — солома и тесъ, грязь на улицахъ; въ Вознесенскомъ посадѣ одна Александровская улица смахиваетъ на городскую, а въ остальномъ та же обстановка правильно-разбитаго села. Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ въ Ивановѣ многое измѣнилось. Возникла Крестовоздвиженская ярмарка и лѣтняя Всесвятская, устроенъ обществениый банкъ, открыто училище для рабочихъ, проведена желѣзная дорога до Шуй и въ довершеніе всего Иваново сдѣлано городомъ Иваново-Вознесенскомъ, съ присутственными мѣстами и пр., чего не доставало ему въ 1861 году.

«Мы, иваново-вознесенцы», пишетъ отъ 19-го октября 1872 года одинъ газетный корреспондентъ, — «наканунѣ великаго событія. Кругомъ на что ни взглянешь, все говоритъ о величій грядущаго: съ метлами и лопатами на улицахъ будущіе граждане, возы съ провизіей и ящики шампанскаго торжественно подвигающіеся къ дворцамъ нашихъ графовъ хлопка и лордовъ ситца, снующіе чины полиціи, внушительно покрикивающіе на мирныхъ гражданъ съ метлами и лопатами: «Проворно! чище! Знаете, что васъ ожидаетъ. Ну же, мети чище, свинья!» Будущіе граждане чешутъ затылки — и сознавая важность пми совершаемаго, молча торопятся дѣйствовать. Что же это значить такое? Да то, что въ воскресенье 22-го сего октября 1872 г., со звономъ и пучечной пальбой торжественно имѣетъ быть совершено открытіе новаго города Иваново-Вознесенска».

Въ Иваново-Вознесенскѣ теперь до 20.000 жителей, изъ которыхъ болѣе половины — работники. Онъ по справедливости можетъ считаться, приобрѣтя всю городскую обстановку, *русскимъ Манчестеромъ*, хотя и очень миниатюрнымъ. Посмотрите на рисунокъ: Сколько трубъ, сколько дыма и камня, какая живая, кипучая дѣятельность!

Водяной.

(Посвящается М. Н. Каразину).

Видалъ, господа, видалъ и я виды на своемъ вѣку... Давно это было — въ блаженные дни студенчества, какъ ни странно покажется намъ сопоставленіе университета съ чертовщиной. Я прѣхалъ погостить на дѣло въ одну изъ деревенекъ замосковской, лѣсной полосы. Строевые боры съ вѣковѣчными соснами, сплошныя массы чернополья, куда-то исчезнувшіе теперь съ проведеніемъ желѣзной дороги, тогда еще раскидывались съ царственною роскошью, по всему горизонту, покуда глазъ хваталъ. Тутъ былъ притонъ и раздолье медвѣдямъ, лосямъ, глухарямъ и водъ всякой дичи. Подъ непроглядными чадами сочной листвы копилась влага, просасывались моховыя болота, журчали лѣсные ручейки, и все это въ совокупности, глядишь, вдругъ давало препорядочную рѣчку, на которой ставили запруды и мельницу. Одинъ изъ такихъ тихихъ уголковъ выбралъ я своимъ охотничьимъ становищемъ и часто поселялся на день на два съ кѣрпю Пальмой у мельника въ свѣтелкѣ. Охота охотой, но, собственно говоря, умыселъ другой тутъ былъ. Всего съ полверсты подальше, на взлобъ большого оврага, надъ тою же рѣчкой, что приводила въ движеніе мельницу, стоялъ большой поселокъ. Чаянникъ съ винокуреннымъ заводомъ. Самъ управляющій, высокій худощавый старичокъ изъ крѣпостныхъ, жилъ въ небольшомъ кирпичномъ домикѣ, правда двухэтажномъ, но всего по три окошечка на улицу. За то какъ уютно, свѣтло и радостно было въ его маленькихъ комнаткахъ!.. Водились въ нихъ и раскрашенные литографіи въ дубовыхъ рамкахъ по стѣнамъ, и вышедшая изъ моды подубарская мебель, и кисейныя занавѣски съ фуксіей на окнахъ, и курскіе соловьи, въ клѣткѣ закрытой зеленой тафтой, и даже старенькое брелчащее фортепиано.

Изъ этого послѣдняго атрибута, вы легко вы угадаете, что собственно манило меня въ домикъ управляющаго. И точно, дочка его, Таня, могла бы всякому векуржить голову — даже и не въ томъ заигномъ возрастѣ, когда, по выраженію великаго гѣмцакаго поэта, «въ каждой женщинѣ видишь Елену». Стройна, худощавая, смугленькая съ темнымъ румянцемъ и черными какъ смоль глазами и косами, — то въ городскомъ платьѣ, то въ ярковѣтномъ сарафанѣ боеоножкой, — плакая, что называется порохо, — она овладѣла вѣтми моими мыслями и желаніями съ перваго же дня, какъ только я увидалъ ее, завернувъ къ управляющему послѣ охоты. Танюша, такъ ее звали дома, была однимъ тѣхъ странныхъ еуществъ, которыя часто встрѣчались во времена крѣпостнаго права. Полуграмотная и ео всѣмъ невоеспитанная, отъ крестьянокъ она все такъ отстала, а къ барышнямъ не пристала, видимо тяготилась своимъ фальшивымъ положеніемъ и соображеніемъ ея нимъ одиочествовать, все къ чему-то порывалась — и продолжала жить день за днемъ въ глуши на винокуренномъ заводѣ, почитывая ея грѣхомъ пополамъ нетренированные переводные романы, подобрала съ пальца на палецъ аккомпаниментъ къ заносимымъ изъ городовъ романсамъ, изрѣдка урывалась въ рощу съ крестьянскими дѣвушками по орѣхи, по грибы, и етщидно вѣри въ домовыхъ, русалокъ, въ приворотное зелье... А между тѣмъ годы брали свое: дѣвушка развѣтывалась пышнымъ цвѣтомъ, горячая кровь начинала томить ее... Въ эту-то пору судьба и етолкнула насъ.

Все въ ней было такъ живо и въ вѣтѣ прелеетно: бывало ея важностью говорить что нибудь вычитанное, вдругъ ударить громъ — она перекрестится и какъ ни въ чемъ не бывало продолжаетъ... А то вдругъ перебѣетъ вашу рѣчь, екажетъ: «все это глупости!», возьмется руки въ боки и поидетъ по комнатѣ, плавно извивая станъ и припонывая русекую.

И еталь чаще и чаще заходить ея охоты къ Танѣ.

Мнѣ в голову не приходило за ней ухаживать, мнѣ просто почему-то пріятно было бывать съ нею, но какъ это всегда елучается — бѣда вепахнула и занялась разомъ... Помню, мы стоимъ разъ у открытаго окна — и я, по обыкновенію болталъ ей про жизнь въ егодинѣ, про наши театры, балы, етуденческій кружокъ... а вечерняя теплыня ласково вѣяла намъ въ щоки и прямо передъ нами въ концѣ широкой проеѣлки березника заходило яркое еолнце въ багряномъ разливѣ... Какой-то лихорадочный румянецъ трепеталъ по верхушкамъ деревьевъ и гдѣ-то близоконько въ кустахъ заливалась тоненькой трелью пѣлочка... Мы оба вдругъ притихли, глядя на закатъ, и я чувствовалъ близко отъ себя горячее дыханіе Тани, а еердце у меня билось билось и трепетало какъ подетрѣленная птица... Я вглянулся на нее украдкой и вдругъ инстинктивно прочелъ въ ея взволнованномъ взглядѣ, что и съ ней творится что-то изъ ряду вонъ... Меня такъ и потянуло къ ней — самъ не зная что дѣлаю я молча и робко взялъ ее за руку... А Таня вдругъ выеободила ее и страстно обнявъ мою шею, вея прижавшись ко мнѣ, прошептала только: «милый, милый», прильнула жгучими губами къ моимъ и замерла...

И стоялъ у окна въ какомъ-то сладкомъ столбнякѣ, поддерживая ея въ объятіяхъ и не замѣчая, что старикъ управляю-

щій давно уже идетъ по просѣкѣ и видитъ все происходящее въ окнѣ его домика...

Опуская ненужныя подробности о томъ, какъ вслѣдствіе этого невиннаго пассажа я долженъ былъ навсегда отказаться отъ моихъ посященій, какъ я томился въ разлукѣ — и лишь изрѣдка урывкой видалъ Таню въ церкви да утѣшался коротенькими посланіями карандашемъ на сѣрой конторской бумагѣ, которыя доставляла мнѣ кривая дѣвчонка съ завода, за мѣдный пятакъ готовая отмахать и не такое разстояніе какъ до нашей усадьбы. Зависки эти становились все иѣжнѣе и пламеннѣе. «Милый герой!», писала Таня своими каракулями, «не могу безъ тебя... Хотя бы мимо прошелъ съ ружьемъ на плечѣ, взгнула бы однимъ глазкомъ — душу отвела». Или: «приворожатъ ты меня, совсѣмъ не знаю что мнѣ и дѣлать — душу мою рада за тебя положить, приходи книжекъ — стану читать — все легче». Наконецъ пришло одно письмо такого содержанія: «Милый мой, глгдѣ нельзя намъ видѣться, только на мельницѣ; тамъ, говорятъ, водяной иииче завелся и туда никто не ходитъ — боясь. Ты этихъ глупостей не уважаетъ. Пристань тамъ на охоту — а ужъ я приду». На этотъ разъ я присталъ на мельницѣ не на шутку. Долго-ли боротко-ли, на капунѣ Купала приносите мнѣ кривал записку: «Сегодня ночью сказала иду тоить вѣнки съ дѣвушками. Приходи подъ самое колесо — тамъ и жди меня». Здравомыслящій человекъ ничего не поаялъ бы въ этихъ строкахъ, но у влюбленныхъ глаза велики. Я догадался, что дѣло идетъ о мельничномъ колесѣ — и чуть смерклось, былъ уже на мѣстѣ. Надъ рѣчкой было совсѣмъ темно. Чорныя куны деревьевъ, нависли съ береговъ. Глухо ворчала и булькала пода въ затворахъ и жолобахъ мельницы. Сѣдой туманъ подымался съ плотины, чрезъ которую сбѣгали струйки и крупныя брызги запруженной рѣчки, дробясь въ лунномъ свѣтѣ. Нужно ли говорить, кака тревога охватила меня, когда я чуть не оцунью пробирался въ кустахъ, какъ етѣняное мое дыханіе при малѣйшемъ шорохѣ, какъ я кидался навстрѣчу, завидѣвъ блѣный етволъ березы, который принималъ за Таню, какъ будто она должна явиться непременно въ бѣломъ платьѣ, — какъ боялся, что не поаялъ ея шепта или ужъ по опоздалъ-ли на свиданіе.

Время пошло мучительно медленно, словно за душу тянуло... Я неходилъ уже разъ десять пространство между мельничнымъ колесомъ и свѣтелкою, а Тани все не было. Какой-то неврыичный, нестерпимый жаръ палилъ меня, во рту пересохло, и я въ изнеможении опутился на большой жерновой камень, приставленный на ребро къ забору... Внезапная мысль какъ зарница мелькнула мнѣ: а что еесли Таня ждетъ меня по ту сторону колеса? Не зная устроитетна мельницы, я поворотно обошелъ вокругъ всего сруба и приптроекъ, зашелъ къ рѣкѣ е той етороны и начиналъ шарить въ прибрежныхъ кустахъ, тиетно заглядывая въ самыя темныя уголки. Разъ или два я даже покликалъ тихонько: «Таня!.. а Таня!..» и самъ поднималъ евоему голое, парушавшему ночную тишь. Я задумался, глядя на рѣку и отраженныя въ ней звѣзды, чуть мигавшія ея темнаго лона... Тревога во мнѣ уетунала мѣго какой-то тихой восторженности. «О, природа», говорилъ я вполголоса, поднимая лицо къ настоящимъ звѣздамъ, — «какое ты великое благо и какъ я ечастливъ въ ту минуту!.. Вдругъ въ этой самой тишинѣ такъ и рѣзнулъ мнѣ ухо пронзительный, отчаянный воилъ звонкаго знакомаго голоса и дрогнулъ вѣтмъ тѣломъ и ео всѣхъ погъ бросился назадъ... Нѣтъ ничего непріятнѣе такихъ перерывовъ восторженнаго настроенія — почти безъ памяти прибѣжалъ я почему-то какъ разъ къ жернову, на которомъ еидѣлъ передъ тѣмъ... Возлѣ него етоялъ глиняный кувшинчикъ съ водою и надѣтымъ на горлышко евѣжимъ вѣнкомъ изъ кленовыхъ листьевъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ дальше что-то бѣгло на траѣ въ холодныхъ лучахъ мѣсяца... Я кинулся туда — это былъ знакомый мнѣ козловый башмачокъ на каленкорной подкладѣ. «Юже мой! Это она приходила, она была здѣе, пока я бродилъ тамъ надъ рѣкой!» закипѣло у меня въ головѣ — «Таня!.. Таня!..» — вскрикнулъ, бросаясь по направлению въ просѣкѣ, ведешей на заводъ. Я шагаль изо всѣхъ силъ, въ мокрой высокой травѣ, пока не одумался на краю луговины... Просѣка пустынно уходила вдаль и на ней, на еколко хваталъ глазъ, не видно было души человекаекой... «Да полно Таня ли это была? Не поудилое-ли мнѣ? Гоеноди, гдѣ же она? Что ея нею?» думалъ я, оглгдывался. Вернувшіеся къ мельницу я долго не могъ еуеоконтенъ и бродилъ до зари, а на другой день явилась наа кривая и расказала мнѣ, что барышня ночью прибѣжала домой сама не своя и тутъ же едгла, еовѣтъ расхворалась. «Вся въ жару, гутаритъ не знаю что все о какомъ-то водяномъ... «Страшный» доночетъ это: «страшный — лапши у какия... борода сѣдая... Богъ меня наказалъ...»

Не стану разеказывать, какъ я мучился въ теченіи трехъ или четьрехъ недѣль, пока Таня лежала въ горчичкѣ, — какъ я упрекала себя въ томъ, что хоть на минуту отлучился отъ назначеннаго мѣста, гдѣ бы я могъ зацтитиъ и успокоить ее отъ

Русскія народныя повѣрья. Водяной. Рис. Н. Карзиннъ, грав. Ольшевскій.

всяких страхов... Я до того истязал свою голову, что и сам чуть не заболел от нервного напряжения.

Наконец пришла записка на сфрой бумаге — и я, обрадовавшись ей сначала как свету, едва имел силу докончить разбор знакомых каракулек...

«Миленький мой, писала Таня, — не судьба нам... Не ходи ни в жизнь на мельницу, там все правда — сама теперь знаю. Утешайся Богом, а я промаюсь как-нибудь. Надо отца старика пожалеть. Видь он давно говорил мне: ты на мне не женишься, а что с собой сладить не могла — это ей Богу! Ну только Бог попустил, Бог и спас. Заклинаю тебя великим словом, не допытывайся у меня, что и как. Жалко мне тебя, голубчик, что ты ждал меня верно долго и не дождался. А видь я не виновата: дедушка не захотел, напугал меня до смерти. Еще раз, поклянись мне, что не станешь меня искать, нас отсюда переводить в другое имение, — это моя святая просьба. Умолю тебя всем заветным, пожалей меня. Плету нам с тобой счастье — и Бог не дает, и другие не мирволят. Пусть батюшка бранит, а я тебя никогда не забуду.»

Что мне было делать?.. Одним из тех внезапных поворотов от страсти к великодушию, которые так свойственны молодости, я решил понаблюдать религиозное чувство и свято исполнить святую просьбу Тани. Только в день ее переселения, заведя два-три воза со всяким скарбом, которые ткнулись по знакомой просьбе, я не выдержал — схватив ружье зашел далеко вперед, прислонился к одному из деревьев, даже позу выбрал покартинный и так стоял неподвижно, провожая глазами свое *отлетающее счастье*... Таня тоже увидела меня издали, выскочила из повозки и махнула платком...

Но когда эта бедная повозочка повернула за угол леса, что-то больно-больно впилося мне в сердце, ноги подкосились, я упал в трану лицом, и долго и горестно плакать, судорожно всхлиывая всею грудью... С тех пор, до самого конца лета, местечко на мельнице у жернова стало моим излюбленным уголком, куда я нѣтъ-пѣтъ и приду бывало погоревать.

В это время я уже несколько иначе смотрел на нашу историю. Из сопоставления двух последних писем Тани (чего мне с переполоху на первых порах не пришло в голову сделать) я догадался, про какого дедушку она намекала: я понял, что она шла на свидание, странно боясь *водяного дедушки* — и он действительно померещился ей разстроеному воображению; она конечно перепугалась — и этот-то крик ужаса слышал я по ту сторону мельницы. Но склонный в то время к анализу сокровеннейших проявлений человеческого духа, конечно толкуемых мною кривь и вкось, я совершенно допускал возможность внезапного перехода от суетливого страха к страху религиозному — и говорил себе, что не разувтрив Таню в неглисти ее предразсудков, нельзя убить ее и в том, что небо может быть вовсе не хочет нашей разлуки. Теперь, потеряв ее навсегда, я готов был хоть сейчас же лететь и жениться на ней... но, с другой стороны, крайняя моя юшеская неопытность в женском сердце ставила меня думать, что без ясных доказательств Таня мне не поверит. А где их взять — этих очевидных *для нея* доказательств, что ни водяных, ни прочей чертовщины отнюдь не водится на блонде свѣтъ?.. Видь они вопь как важны для нея, что душу-то свою рада положить — стало быть судь Божий еще не так страшен, — а вот *другое-то* не мирволят —

выходить, что и на земле счастья не будет... О, суетливые! восклицать я, ломая руки.

Мечты истончают хуже всякой работы, я заметно худел, но самая скорбь словно тѣпила меня, и я не переставал аккуратно заходить на мельницу потосковать. Разъ я сидел глубокою ночью на излюбленном жерновѣ и машинально обводил глазами окрестность, вызывая из тьмы образ прелестной дѣвушки... Я то открывал утомленные бессонницей глаза, то вновь опускал отяжелѣвшія вѣки. Вдруг я невольно вздрогнул — так ливненно, так внезапно и вмѣстѣ отчетливо вырос передо мною вовсе неожиданный, совершенно иной образ... Приглядываясь, огромный сѣдой старик весь в блонте сидит передо мною на плотинѣ, положив руку на мельничное колесо; серебристая борода падает ему на колѣна, а грудь подь нею тихо и страшно дышет, и все тѣло как-то волнуется изъ стороны въ сторону... Ужас холодной струей пробѣжал у меня по спине — я, не помня себя, шарахнулся по-под заборомъ к свѣтелкѣ; но въ ту же минуту дремота слѣбла съ глазъ, сознание жаркой краской стыда прилило к щекам — и послѣ минутного колебания я тихо вернувшись назад... Смотрю: плотина как платина, колесо неподвижно просвѣчивает своими очертаниями въ туманѣ, мѣсяц серебрится въ струйках лепечущей воды — кругомъ затишье... Начиная догадываться, я подошел къ жернову, на котором сидѣлъ, принявъ прежнее положение, даже голову прислонил къ забору и медленно открылъ глаза: такъ и есть — страшный старик опять сидит передо мною, только теперь я уже ясно различал строение его тѣла... То, что казалось мне его головою, руками, станомъ — все это была вода и туманъ, разнообразно-освѣщенные мѣсяцемъ; серебрились пряди бороды были мелкія струйки, сочпвшіяся въ щели плотины и т. д. Я нѣсколько разъ обходил плотину кругомъ и становился на разныя мѣстечки — ни откуда не было видно водяного, — только свѣтъ на жерновъ получалъ я искомую точку, и вода принимала страшный образъ. Вотъ рѣшеніе загадки, такъ напугавшей Таню!.. Доказательство предразсудка найдено!.. Первымъ моимъ порывомъ было бѣжать на мельницу, ѣхать домой, взять почтовыхъ и сказать за Танию... Но, само собой разумѣется — порывъ остался порывомъ: студента, прѣхавшаго къ роднымъ на вакацію, задержали домашнія и всякія обстоятельства, помѣшали ему исполнить свое намѣреніе. Вскорѣ затѣмъ стали чинить плотину, вода направилась иначе — и водяной пересталъ показываться къ вящей радости окрестныхъ жителей; а еще чрезъ нѣсколько времени, въ шумѣ столичной толпы, все это представлялось какимъ-то сномъ въ лѣтнюю ночь — съ очаровательнымъ образомъ доморощенной Титани...

Потомъ до меня дошла вѣсть, что Таня вышла замужъ куда-то въ отъѣздъ. И лишь много-много лѣтъ спустя, когда поблекла и пожухла моя собственная молодость, сталъ я ощущать болѣзненные уколы въ сердцѣ при воспоминаніи объ этомъ ея эпизодѣ... Что-то милое, жалкое до слезъ, словно потерянное тамъ и невозвратимое, чуялось мне въ туманной дымкѣ прошлаго и приходила порою мысль: а что если бы я тогда отыскалъ Таню не были ли бы мы счастливы?.. Богъ вѣсть! — не думаю... Видь общаго между нами была одна молодость да горячка молодой крови — и слава Богу, что дѣдушка впору охолодилъ ее...

Такъ-то такъ, а все же водяной и до сихъ поръ еще памятенъ мне.

В. К.—вѣ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

VII.

Сказка о ханѣ-женщинѣ. *)

— „Давно это было, рассказывала старуха. — На земле совѣмъ все не такъ дѣлалось, какъ теперь, совѣмъ иные порядки, иные обычаи... Все иное. — Даже люди были иные, на теперешнихъ людей вовсе не похожіе...

— Ну, какую начала!.. недовольнымъ тономъ затинула Айбулгакъ. — Это только короткая — скоро кончишь... А ты такую Расскажи, чтобы до самаго утра хватило-бы...

— Конца у сказки нѣту, внушительно замѣтила рассказчица. — Конечъ всякой сказки у сказочника на

*) Сказка эта, переведенная подстрочно, передана мне въ нѣсколько-сокращенномъ видѣ.

языкѣ; хочу — коротко кончу, хочу — на трое сутокъ позатяну... Молчи, значить, и слушай...

— Все равно видь тебѣ — скоро захрапишь!.. улыбнулась Джелли. — Вонъ уже и теперь глаза какъ щелки сдѣлались...

— Ты не спи, глазастая, — я не засну...

— Опять!.. Да замолчите-же, сороки — тараторки... цыцъ!..

Замолчали и притихли.

— „Да, продолжала старуха, — совѣмъ все было не по нынѣшнему... Ханомъ надъ всей землей была тогда женщина — баба; и всѣ слуги ханскіе, старшіе, самъ даже „диванъ-беги“, были бабы...

Джелли глубоко вздохнула, словно пожалѣла, позабывала тѣмъ временамъ. Айбулгакъ клонула носомъ, но

поправились, выпрямилась и протерла кулаками свои косопорѣзанные глазки.

— „Хана того, женщину, звали „Занай“ и жила она въ большомъ городѣ „Самирамѣ“; городъ этотъ не на землѣ стоялъ, а на тысячахъ высокихъ столбахъ, и ѣздить не могъ ни попасть въ этотъ городъ, ни назадъ спуститься, пока ему не подадутъ лѣстницы... Оттого и городъ этотъ крѣпко держался, что высоко до него было: никакой туркменъ не могъ достать, съ самой большой лошади, самую длинную пикую...

„Женщины въ этомъ городѣ всѣмъ заправляли, а мужчины такъ, вотъ какъ мы, сложа руки сидѣли и ничего не дѣлали,—только спали, да ѣли, да дѣтей еще нянчили—и то мальчиковъ, а дѣвочекъ въ ханской дворцѣ всѣхъ сносили, и за тѣми былъ уходъ совсѣмъ особенный.

„Всѣхъ мальчиковъ, что родятся въ годъ, считали, и оставляли въ живыхъ только изъ ста одного, а прочихъ выбрасывали,—и пожирали ихъ волки, тигры, да птицы хищныя.

„Такой уже былъ заведенъ порядокъ, никто противъ этого порядка не могъ и слова сказать:—отсчитаютъ сотню, приведутъ слѣпую старуху,—она сама уже выберетъ того, кому живымъ оставаться.

„Разъ пришло время родить самой Занай — хану Самирамскому... Долго гадали тогда всѣ: мальчика родить ханъ, или дѣвочку? Всѣ говорили, что навѣрное дѣвочку; одна только женщина, именно та самая слѣпая старуха, завѣряла, что будетъ „мальчикъ“. Сказала старуха слѣпая это слово, „мальчикъ“ то есть, и заплакала, да такъ горько заплакала, что полились у ней слезы внизъ, на землю, потекли по всѣмъ тысячамъ столбамъ и пыль дорожную смочили у ихъ подножій...

— „О чемъ же ты такъ плачешь? спросили старуху старшие слуги и совѣтники хана-женщины, Занай...

— „А о томъ плачу, что будетъ этотъ мальчикъ не такой какъ прочіе, а совсѣмъ особенный, и будетъ отъ этого мальчика всему нашему царству гибель и разореніе...

„Сказала старуха-слѣпая — зарыдала еще пуще, такъ вся и вышла на слезы; стала таять какъ снѣгъ, когда его пригрѣетъ солнце,—мокнуть, все меньше да меньше становиться; такъ вся и растаяла старуха,—и осталась отъ нея, въ городѣ Самирамѣ, одна только небольшая лужица, да и та скоро высохла...

„Задумались тогда всѣ въ ханствѣ, а пуще всѣхъ задумалась сама Занай... Каково вѣдь матери, въ самомъ дѣлѣ, родить на свѣтъ гибель для своего же народа и царства!

„Собрали весь „диванъ“ *), стали думать. Думали тридцать семь дней и тридцать семь ночей и ничего не выдумали...

„Потомъ собрали весь народъ, кому только больше двухъ десятковъ лѣтъ было, опять думали тридцать семь дней и тридцать семь ночей—и опять ничего не выдумали.

„Созвали наконецъ всѣхъ двадцатилѣтнихъ: опять столько же думали—и опять ни съ чѣмъ разошлись.

„Рѣшили собрать дѣтей малолѣтнихъ, — можетъ они, по своей по глупости, что-нибудь хоть нечаянно умное скажутъ...

„Думали дѣти не долго; самая маленькая дѣвочка, совсѣмъ отъ земли не видно, и говоритъ:—„да вѣдь у насъ убиваютъ всѣхъ мальчиковъ, только одного изъ ста оставляютъ... Возьмите и убейте ханскаго сына, прежде всѣхъ, прежде чѣмъ пустите старуху выбирать кому жить...

„Вѣдь какъ просто, подумаешь, дѣло-то было, — а никто до него не додумался. Вѣдь только и страху все-

го оттого было, что боялись, какъ бы этому злополучному сыну ханскому жить не пришлось...

„Пошло веселье по всему городу Самираму, а оттуда и по всему ханству; всѣ обрадовались, что такъ легко отъ бѣды отдѣлались. Стали пировать, да спокойно поджидать, когда начнетъ ихъ ханъ Занай разрѣшать...

„Вотъ и пришло это давно жданное время.

„Загрустила ханъ-Занай, повѣсила голову... И ребенка-то своего жалъ—и ханства жалъ. Глядятъ другіе, что сама задумалась—стали нехорошее подозрѣвать: какъ бы Занай ихъ, ради своего дѣтища, не обманула, погибели бы царству не сберегла бы—сына не спрята-ла-бы. Приставили къ ней караулить двухъ женщинъ, самыхъ злыхъ, самыхъ зоркихъ да опытныхъ, такихъ, что провести ихъ никто не смогъ-бы.

„Заперли хана-Заная съ приставленными сторожами въ саклю, сами кругомъ сидятъ, стерегутъ, времени родовъ поджидаютъ.

„А ханъ-Занай, какъ осталась одна съ тѣми женщинами, долго крѣпилась, а потомъ и говоритъ имъ:

— „Слуги вы мои добрые, хорошіе, сослужите мнѣ службу,—вѣкъ я ее не забуду.

— „Какую службу тебѣ надо? спрашиваютъ приставницы, а сами переглянулись между собою; догадываются тоже вѣдь—хитрыя...

— „А такую, говоритъ Занай, — спасите сына моего, не выдавайте его на убой, волкамъ, тиграмъ, да птицамъ хищнымъ на растерзаніе...

— „Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ приставницы.

— „Просите отъ меня чего хотите — все сдѣлаю, говоритъ Занай:—золота дамъ столько, сколько унести сможете, халатовъ стрѣлко, что всю улицу до своихъ сакель сложите... Всю кладовую отворю для васъ—только спасите...

— „Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ приставницы.

— „Дамъ вамъ мѣста самыя послѣ меня первыя:—будете всѣхъ сами судить, рядомъ со мною на золотомъ коврѣ сидѣть, и будетъ вамъ почетъ въ ханствѣ—послѣ меня самый великій...

— „Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ приставницы.

— „Позволю вамъ выбирать себѣ мужей, какихъ хотите, безъ жребія, позволю даже отъ другихъ женъ отбирать мужей,—только спасите моего сына.

— „Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ непреклонныя приставницы.

„Заплакала тутъ Занай,—видитъ, что дѣло плохо; ужъ коли этимъ подкупить бабу упрямую невозможно, значить ничего не подѣлаешь,—отдавай сына волкамъ, тиграмъ, да птицамъ хищнымъ на растерзаніе.

„Такъ думала Занай, что дѣлу конецъ; однако выпло напротивъ. Сказать-то сказали приставницы:—„нѣтъ“, а сами задумались... Цѣлый день все ходили по саклѣ размышляючи, а потомъ сговариваться между собою начали...

„Вотъ и приходятъ онѣ къ Занай-хану передъ вечеромъ, а въ ту ночь и родить надлежало той-то; всего можетъ до родовъ часа три и осталось.—Приходятъ и говорятъ:

— „А повтори то, что ты намъ, Занай, послѣднее обѣщала,—повтори еще разъ.

„Занай повторила. А у самой въ сердце такъ и заиграло отъ радости — поняла мать, къ чему дѣло клонится.

— „Нѣтъ, говорятъ приставницы,—намъ выбирать себѣ мужей изъ здѣшнихъ нѣтъ большой корысти, а позволю выбрать себѣ изъ чужихъ, изъ тѣхъ, что вблизи ѣздятъ, у насъ между столбовъ, подъ городомъ, и въ городъ попасть не могутъ.

„А въ городѣ Самирамѣ былъ такой законъ, чтобъ именно съ чужими-то мужчинами, подъ страхомъ смерти лютой, отнюдь не водиться.

*) Совѣтъ.

„Крѣпилась Занай часъ — не давала этого позволения; крѣпилась другой — не давала; а какъ пришелъ послѣдній, — махнула рукою, да и говоритъ: — дѣлайте по вашему, даю вамъ это разрѣшеніе, и назавтра велю „диванъ-беги“ такую бумагу изготовить, съ монми золотыми и серебряными печатами, чтобы никто вамъ въ томъ не препятствовалъ бы.

„И родила ханъ-Занай сына.

„И придумали тутъ хитрыя приставницы такую штуку: — взяли этого мальчика, черезъ задній ходъ вынесли, обмѣнили на дѣвочку — и отворили ворота ханскія всему народу, что всю ночь дожидался, чѣмъ дѣло кончится.

Объявили тутъ всѣмъ приставницы, что обманула ихъ слѣпая старуха, вздору наговорила передъ смертью, оттого и умерла — слезами разошлась, что на старости лѣтъ *языку повернуться криво* дозволила.

„Кто повѣрилъ, кто пѣтъ, а потомъ ребенка новорожденного смотрѣть начали. Видятъ: правду говорятъ приставницы — дѣвочку родила Занай — всѣ въ томъ своими глазами увѣрились, значить о чемъ же тутъ безпокоиться.

„На другой же день и выбрали себѣ приставницы мужей. Два молодые туркмена давно уже подъ городомъ между столбовъ ѣздили, — статные такіе, красивые, глаза какъ уголья сверкаютъ изъ-подъ ихъ шапогъ высокихъ; халаты шелковые, сапоги золотомъ шитые, — кони такіе, что вѣтеръ съ ними спорить не можетъ, а на коняхъ сѣдла и сбруя ярче самого солнца блестятъ дорогими каменьями...

„Вотъ этихъ-то двухъ туркменъ и выбрали себѣ въ мужья лукавыя приставницы, спустили имъ лѣстницы и подняли ихъ на верхъ, въ городъ Самирамъ, вмѣстѣ съ ихъ конями разукрашенными.

„Стала расти, да поживать ханская дочь подбросокъ; стала расти и поживать ханскій сынъ, въ чужой саклѣ, у чужой матери... Прошло десять лѣтъ, ничего не случилось въ городѣ Самирамѣ...

„Занай издали смотритъ на сына, любитъ, надъ слѣпою старухою подсмѣивается, а приставницы съ своими мужьями „снизу“ — взятыми властью утѣшаются, никому о своемъ дѣлѣ пока не проговариваются.

„Прошло еще десять лѣтъ... Надвинулась на Самирамъ черная туча — и оттуда надвинулась, откуда ея и не ждали совсѣмъ и не чуяли.

„Зашевелилось зло черное въ самомъ городѣ Самирамѣ, и долго шевелилось тихо, такъ тихо, что его и не замѣчалъ никто, а замѣтили уже тогда, когда съ малой искорки раздулось, разгорѣлось большое пламя, пожараще.

„Поднялись, взбунтовались мужчины въ городѣ Самирамѣ; хотъ и мало ихъ, а какъ собрались всѣ вмѣстѣ въ одну кучу — стало довольно. Говорятъ эти мужны, что не хотятъ они больше бабьяго ханства, не хотятъ знать хана женщину Заная, — не хотятъ, чтобы ихъ, въ дѣтствѣ, внизъ бросали, волкамъ, тиграмъ да птицамъ на сѣденіе, — не хотятъ, чтобы ихъ выбирали въ мужья женщины, а чтобы они сами женъ себѣ выбирали...

„Хотятъ эти мужчины-подлые сами заправлять всѣми дѣлами, а женщинъ въ саки позапереть, засадить за домашнюю работу, за шитье, да тканье, за котлы да таганы... Хотятъ своего суда, не бабьева, хотятъ своего хана выбрать, и выбрали уже такого...

„А выбрали они молодого хана себѣ Искандера, того самого сына неизвестнаго Занаина, потому что всѣхъ умнѣе, всѣхъ красивѣе этотъ Искандеръ оказался, да и бунту мужскому онъ самъ былъ главною причиною.

„Стоитъ Искандеръ посреди толпы и грозитъ матери своею Занай, чтобы сейчасъ все имъ мужчинамъ въ руки сдавала, и народу своему бабьему бросить сабли, и пики, и луки, и стрѣлы, и топоры, и баты, все оружіе

приказала-бы, на колѣни чтобы становились и кланялись мужчинамъ съ покорностью.

„Собрались и женщины всѣ вокругъ своего хана-Заная... Много ихъ собралось, на одного мужчину сто женщинъ, и начался бой въ улицахъ Самирамскихъ...

„Долго бились мужчины съ женщинами, къ ночи бабы одоლвать начали. Окружили непокорныхъ крѣпкою желѣзною стѣною, и самого хана ихняго, нового Искандера арканами по рукамъ и по ногамъ опутали...

„А потому и верхъ бабій вышелъ, что бабы бились желѣзомъ, а мужчины только голыми руками, а то-бы гдѣ же бабѣ противъ мужчины сладить.

„Начали судить хана самозваннаго Искандера, и осудили его на смерть, самую злую, лютую.

„Сама ханъ-Занай должна была кривымъ ножомъ ему сердце вырѣзать и это сердце на высокому пестѣ, надъ городомъ выставить, на солнцѣ пускать сушиться.

„Собрался народъ смотрѣть на эту казнь лютую, пришла и Занай съ своими старшими слугами. Подали ей ножъ и на Искандера, связаннаго, указываютъ, говорятъ: — „ну, начинай, потѣшайся надъ своимъ врагомъ властью, и мы, глядя на эту потѣху, посмѣемся, порадуеться...

„И случилось тутъ съ ханомъ Занай странное дѣло: поблѣднѣла она вся, стала точно молоко бѣлая, не можетъ даже смотрѣть на Искандера приговореннаго, и изъ обоихъ глазъ, двумя рѣками широкими, слезы кажутся...

— „Рѣжь! чего ждешь!“ кричатъ кругомъ всѣ, и старухи и самыя маленькія дѣвочки. — „Рѣжь... да смотри потише, побольше, чтобы намъ отъ *ею* стоновъ веселѣе было-бы...

„Никто не зналъ — на кого Заная приходилось подымать свою свою руку материнскую; никто не зналъ, какой змѣй грызетъ ея бѣдное сердце...

„Посмотрѣла Занай на ножъ, посмотрѣла на сына, высоко взмахнула рукою и остановилась на минуту.

„Всѣ такъ и замерли, смотрять, дышать перестали, ждуть...

„И начала тутъ Занай, передъ всѣмъ своимъ народомъ женскимъ каяться:

— „Правду говорила слѣпая старуха: должна я была сына родить, не дочку, и надо было сбыться ея предсказанію: *будетъ поибель отъ новорожденнаго на насъ и городъ нашъ съ со порядками*“. Обманула васъ, точно родила сына и спрятала его, — и вотъ онъ, сынъ мой, на которого я же должна поднять свою руку... Не въ силахъ того сдѣлать мать, что должна сдѣлать я какъ ханъ вашъ, — и легче мнѣ свое сердце вырвать, чѣмъ его ножомъ этимъ ударить.

„Какъ сказала это, такъ и сдѣлала: засадила себѣ ножъ въ грудь, по самую рукоятку, и упала навзничъ, бездыханная...

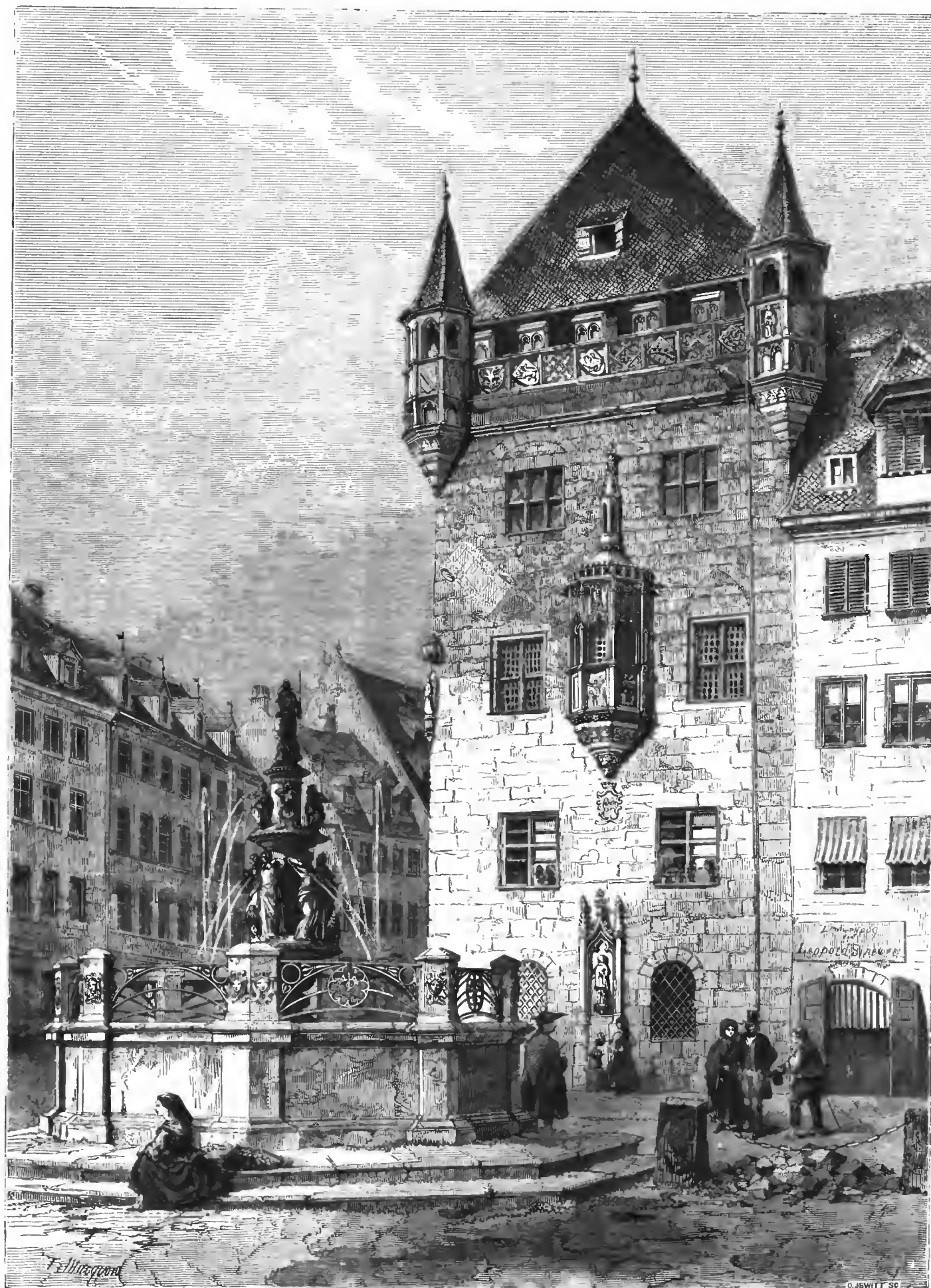
„Ахнулъ народъ кругомъ, и на всѣхъ страхъ напалъ, да смущеніе; разбѣжались всѣ по домамъ и на улицу выйти боятся; а тѣмъ временемъ Искандеръ съ мужчинами и воспользовался — отобралъ оружіе, заполонилъ женщинъ и сталъ надъ ними властвовать...

„Разлетѣлись прахомъ старые порядки, закатилось въ тучи бабье солнышко, и настали для насъ времена тяжелыя, не лучше, какъ вотъ теперь, нынѣшнія...

„И сбылись предсказанія слѣпой старухи: отъ того сына, отъ Заная рожденнаго, погибла воля женская, рассыпалось наше бабье царство

— Да вотъ оно, что значить мать! добавила старуха раскащица, уже не пѣвучимъ, сказочнымъ тономъ, а обыкновенною рѣчью. — Ну, кончилась моя сказка. Что, какъ она вамъ понравилась?.. Тс!.. гляди, никакъ наша проснулась!

Наталя Мартыновна давно уже открыла глаза — и осматривала все окружающее. Въ настоящую минуту,

Фонтанъ добродѣтели въ Нюренбергѣ. Домъ герцога Адольфа Нассаускаго. Рис. Макарь, грав. Іевитъ.

она приподнялась на локтѣ, откинула со лба прядь волосъ и глубоко вздохнула...

Вдругъ, въ углу, тамъ, гдѣ видѣнь былъ только скомканный край ковра, закопошилось что-то маленькое, тоже вздохнуло и широко раскрыло свои глазки...

Раздался невыразимый, потрясающій душу и сердце, дѣтскій крикъ...

“Мама! мама!”

Никто не сообразилъ въ первую минуту, что произошло.

Наташа съ быстротою молніи вскочила на ноги, задрожала—вскрикнула что-то не понятное и ринулась въ уголь. Маленькія рученки обвилися вокругъ ея шеи, маленькое, рыдающее личико прижалось къ ея лицу...

Мать отыскала своего сына.

Поняли тогда и Джелли-персіянка, и Айбулгакъ, и старуха-разсказчица, что такое произошло въ ихъ саклѣ...

Улыбнулся доброю, беззубою улыбкою старушечій ротъ. Смотритъ она на русскую женщину, и ея языкъ безсознательно лепечетъ послѣднія слова сказки: „Да, вотъ оно, что значитъ мать...”

Джелли отвернулась въ уголь, прижалась лицомъ къ стѣнѣ, и стояла такъ, не оборачиваясь; только плечи ея, да локти вздрагивали, и при каждомъ такомъ вздрагиваніи, серебристо звенѣли, нашитыя на рубаху, монеты.

Айбулгакъ припала къ ногамъ наташинымъ, обняла ихъ крѣпко, прижалась къ нимъ своими толстыми губами, и по саклѣ такъ и раздавались звучные поцѣлуи разчувствовавшейся киргизки...

Разсвѣтатъ начало; золотистый свѣтъ зари пробрался въ саклю, сквозь щели дверей, сквозь промасленную бумагу верхняго окошка, заставленнаго гипсовой, решетчатой рамой...

Заходилъ, затоптался народъ по всему двору и саду... Злые жеребцы ржали и грызлися, сталкиваясь на утреннемъ водопой...

— Эй, бабы, приготовься! раздался за дверью голосъ иранца.—Мулла-Атамкулъ идетъ... отодвинь засовъ, проворнѣе!...

(Продолженіе будетъ).

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Роч. Н. Лѣскова (Стевницкаго).

(Продолженіе).

Таковы были эти два лица: моя мать и Альтанскій, на которыхъ я смотрѣлъ какъ на образцы. Имѣя одни и тѣ же симпатіи и антипатіи, они однако ни въ чемъ не могли сойтись, какъ скоро доходило до дѣла, и при горячей любви другъ къ другу и взаимномъ уваженіи къ однимъ и тѣмъ-же принципамъ и идеямъ, они отвращались отъ всякаго взаимодействія въ духѣ этихъ идей.

Мать моя не одна была возмущена тѣмъ, что Б. провелъ за усы кievскаго Кошута, — Альтанскому это было еще болѣе противно; но какъ матушка этимъ возмущалась, то Альтанскій скрывалъ свое негодованіе и приемовалъ „отецъ, молодецъ, наконецъ и ларецъ“. Съ другой стороны, матушка, презирая ничтожный польскій характеръ, отразившійся между прочимъ въ поступкахъ стараго Пенъковскаго, всегда считала обязанностью относиться къ полякамъ съ безконечною снисходительностію, „какъ къ жалкому народу, потерявшему національную самостоятельность“, что по ея мнѣнію влекло за собою и потерю лучшихъ духовныхъ доблестей; но чуть только Альтанскій, питавшій тѣ-же самыя чувства, но скрывавшій ихъ, далъ волю своему великодушію и съ состраданіемъ пожалъ руку молодому Пенъковскому, который кичился позоромъ своего отца, — матери это стало противно и она не могла скрывать своего презрѣнія къ молодому Кошуту.

Христя, когда мы съ нею были одни, часто смѣялась надъ этою страстью нашихъ стариковъ противорѣчить другъ другу.

Впрочемъ и мы съ Христею были въ нѣкоторомъ смыслѣ то же самое что ея отецъ съ моею матерью: я дружески полюбилъ ее съ первой же встрѣчи съ нею, и очень высоко чтилъ ее, но мы не сходились тѣснѣе, чѣмъ мною описано. Эта малороссійская дѣвушка, съ характеромъ глубокимъ, сильнымъ и сосредоточеннымъ, была со мною очень ласкова и, какъ вѣроятно читатели помнятъ, она даже сама предложила мнѣ свою дружбу; но я пользовался ея дружелюбіемъ, а никакими правами дружбы отъ нея не пользовался—и это незамѣтно но скоро меня отъ нея отодвинуло. Мы съ нею встрѣчались всегда искренно и даже съ радостью—и говорили обо всемъ кромѣ того, о чемъ мнѣ сначала очень бы хотѣлось съ нею поговорить, то есть о ней самой и о ея любви къ Сержу. Но этого никогда не случалось,—сначала я не смѣлъ къ этому приблизиться, а

потомъ у меня явилось опытное заключеніе, что Христя при всѣхъ своихъ достоинствахъ, о которыхъ говорила моя мать и которыя я самъ признавалъ въ ней, была страшно горда и ни подъ какимъ видомъ никому не позволила бы прикоснуться къ ея горю. Въ этомъ заключалась разъединявшая насъ разница: я любилъ высказаться и искалъ сочувствія; она любила молчать и ни чьего сочувствія не требовала. Та откровенность, которую я могъ замѣтить у нея въ отношеніи къ маман въ первые дни моего пріѣзда, была короткимъ, временнымъ явленіемъ, вызваннымъ роковымъ значеніемъ тогдашней критической минуты,—но и то это была не откровенность, а совсѣмъ другое. Рѣшась по особымъ, достойнымъ вниманія причинамъ, разорвать свою условленную свадьбу съ Сержемъ, Христя искала въ маман даже не повѣрки своихъ мыслей а орудія; но разъ что она терзалась и мучась, какъ я описалъ, все это исполнила, въ обхожденіи ея съ маман произошла быстрая перемѣна: Христя безцеремонно замкнулась въ самой себѣ. Было время, было нѣсколько такихъ дней, когда мнѣ казалось, что Христя даже избѣгала свиданій съ матушкой и переносила ихъ съ большимъ для себя принужденіемъ; маман несомнѣнно это замѣчала и казалась огорченною. Однако-же это прошло—и у моей постели обѣ онѣ снова между собою сблизились. Не знаю, было-ли у нихъ какое нибудь объясненіе, но я засталъ между ними полнѣйшую *bonne intelligence*, хотя мой глазъ, или вѣрнѣе сказать, мое чувство, пріученное уже во всемъ видѣть недостатокъ гармоніи, открывало мнѣ и здѣсь что-то не то, что бы мнѣ хотѣлось видѣть въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мнѣ сдавалось, что Христя позволяла себя ласкать маман и сама была съ нею ласкова—не по потребности сердца, а только какъ бы изъ снисхожденія къ обычаю, и потому что это ей ничему не мѣшало.

Скоро явилась возможность убѣдиться, что я не ошибаюсь на этотъ счетъ—и я запишу здѣсь отертыя, какія являлись мнѣ сложный характеръ этой дѣвушки, втихомолку разыгравшей свой страстный романъ въ то время, когда всѣ мы считали его безвозвратно поконченнымъ и даже позабытымъ ею самою.

XXVIII.

Много ли, мало ли времени прошло съ тѣхъ поръ,

какъ я былъ свидѣтелемъ разлуки Христі съ Сержемъ, но у насъ въ домѣ никогда не говорили объ этомъ чело-вѣкѣ и я не разу не слышалъ, чтобы сама Христі произносила его имя. Прошолъ годъ и половина другаго, какъ вдругъ я однажды неожиданно услышалъ въ канцеляріи, что племянникъ моего генерала женится на одной очень богатой дѣвушкѣ изъ довольно-знатной фамиліи.

Меня это заинтересовало и я, пустясь въ распросы, узналъ, что предполагаемая невѣста Сержа считается очень высокою и даже лестною для него партією, которой этотъ молодой ни за что бы не сдѣлалъ, если бы въ устройствѣ этого брака не принимало участіе самое высшее лицо въ городѣ, имѣвшее особое попеченіе о матери Сержа. Все это я непременно, возвратясь домой, сообщить моей матушкѣ и былъ не мало удивленъ, что она выслушала мое донесеніе какъ вѣсть непріятную, но давно ей извѣстную; она сдвинула съ неудовольствіемъ брови и сказала:

— Только будь сдѣлай милость остороженъ и не говори объ этомъ ни одного слова при Христѣ.

Матап однако сдѣлалась очень озабочена: вечеромъ этого дня она куда-то ходила и не возвращалась довольно долго, такъ что пришедшая безъ нея Христі недождалась ея. Мы пили съ Христѣй чай двое и на-прасно искали нашего серебрянаго сливочника и сухар-ницы, которыя стояли на горкѣ, но которыхъ теперь тамъ не было. Затѣмъ Христі такъ и ушла недождавшись матап, а матап возвратясь около одиннадцати часовъ показала мнѣ еще болѣе взволнованною и сказала:

— Знаешь, сынъ мой, мнѣ необходимо съѣздить по нашимъ дѣламъ въ Одессу.

— Надолго, матап?

— Нѣтъ, недѣли на двѣ, или на три; но мнѣ немножко нездоровится и я боюсь ѣхать одна, а тебя мнѣ жалко отрывать отъ твоихъ занятій; я хочу просить Христѣю: вѣрно она не откажется со мною прокатиться.

— Да, я думаю, что она не откажется, отвѣчалъ я: — она васъ здѣсь ждала и мы съ нею пили чай.

— Ахъ, вы уже пили чай!..

— Да, пили; но только никакъ не могли найти сливочника и сухарницы. Гдѣ вы тамъ ихъ поставили?

Матап какъ будто немножко смѣшалась и отвѣтивъ скороговоркою.

— Все равно: онѣ отыщутся, поцаловала меня въ лобъ и ушла въ свою комнату.

Я не сомнѣвался что она пишетъ письмо къ Филиппу Кольбергу—и по обыкновенію заснулъ прежде чѣмъ у ней погасъ огонь. Утромъ я получилъ для отправленія письмо написанное тому кому я догадывался.

Все время, проведенное мною въ этотъ день на служ-бѣ, я продумалъ объ этомъ моемъ знакомомъ незнаком-цѣ, объ этомъ Филиппѣ Кольбергѣ, безъ отчета кото-рому моя матап не проводила ни одного дня и регу-лярно-получаемыя письма котораго всегда брала трепе-щущею рукою и читала по нѣскольку разъ съ глубо-кимъ и страстнымъ вниманіемъ, а иногда даже и со слезами на своихъ прекрасныхъ глазахъ. Характеръ этихъ отношеній никогда не переставалъ интересоватъ меня, а въ этотъ день я былъ почему-то особенно ими занятъ и въ такомъ настроеніи прямо со службы за-полъ къ Алтанскимъ. Христі была дома одна и пила.

Мнѣ она съ перваго взгляда показала очень спо-койною и даже веселою, но чуть я полюбопытствовалъ: знаетъ ли она что матап хочетъ просить ея съѣздить съ нею въ Одессу, въ ней произошла самая непріятная пере-мѣна: она сдвинула своими прямыми бровями и рѣзко отвѣтила:

— Да, я это знаю: Катерина Васильевна уже при-ходила ко мнѣ съ этимъ великодушнымъ предложеніемъ.

— Что же: вы конечно ѣдете?

Но Христі вдругъ вся вспыхнула отъ этого невин-наго вопроса и проговорила.

— Съ какой же это стати?... Напротивъ, я вовсе не ѣду: на мнѣ еще не лежитъ крѣпостной обязанности исполнять все что нравится вашей матап.

Этотъ тонъ и грубая форма отвѣта до того смутили меня, что я началъ извиняться за мой вопросъ и по-томъ не твердо проговорилъ.

— Повѣрьте, Христі, матап вѣроятно никакъ не думала васъ огорчить этимъ предложеніемъ: я ду-маю, что ей только хотѣлось соединить свое удоволь-ствіе съ удовольствіемъ которое эта поѣздка могла при-нести вамъ... Вы ее извините: она добрая.

— Очень добрая, только обо всемъ у Филиппа Коль-берга спрашивается, перебила Христі съ тѣмъ же худо-сдерживаемымъ азартомъ.

Это имя прозвучало для моего слуха какимъ-то страш-нымъ глаголомъ и мучительно отозвалось въ моемъ сердцѣ: я хотѣлъ броситься на Христѣю... и не знаю, что сдѣлать съ нею, но потомъ сдержалъ себя и только взглянулъ на нее съ укоризною. Христі конечно по-няла мое состояніе и поспѣшила поправиться.

— У Катерины Васильевны самое главное дѣло во всемъ этомъ поступить великодушно и написать объ этомъ Филиппу Кольбергу.

Я молчалъ и нетерпѣливо мялъ въ рукахъ мою фуражку. Христі продолжала тономъ, который зазвучалъ еще мягче.

— Вы развѣ не знаете, что все, что дѣлается съ людь-ми которые имѣютъ счастье пользоваться какимъ ни-будь вниманіемъ вашей матап, должно быть во всѣхъ подробностяхъ извѣстно какому-то господину Филиппу Кольбергу? Вы его знаете?

— Не знаю.

— И я не знаю; а между тѣмъ онъ есть, онъ суще-ствуетъ—и править и вами, и мною.

— Я знаю только то, что моя матъ въ перепискѣ съ чело-вѣкомъ, носящимъ имя, которое вы сейчасъ на-звали... но что мнѣ за дѣло до того о чемъ эта пе-реписка? Я моей матери не судья.

— О, Боже! Да ее не въ чемъ и судить!.. Успокой-тесь, другъ мой: я понимаю, что я говорю съ сыномъ о матери! И потому-то я такъ и говорю, что я знаю, что Катерина Васильевна не можетъ быть судима: она превыше всякаго чело-вѣческаго суда, но...

Христі развела руками и вздохнувъ добавила:

— Но не слушайте меня пожалуйста, я говорю вздоръ, потому что мнѣ тяжело.

— Что же васъ тяготитъ?

Христі пожала плечами и, вновь схвативъ свою на-минуту отброшенную работу, тихо уронила:

— Такъ... сама не знаю... Людямъ, пока они живы, тяжело съ ангелами.

И она, прилегли лицомъ къ шитью, начала откусыв-ать нитку, а сама плакала и горѣла.

Я глядѣлъ на нее и пересталъ сердиться.

— Что же, думалось мнѣ:—она говорить то самое, что не разъ противъ воли вертѣлось въ моей собственной головѣ: моя матап превосходная женщина, но она такъ высока и благородна, что съ ней именно тяжело—стоять рядомъ.

— Ея превосходство какъ-то давитъ меня, прогово-рила въ это время, словно подслушавъ мою мысль, Христі.

Я вострепнулся.

— Меня, меня, одну меня! повторила съ удареніемъ стаянувъ узелокъ Христі.—Это не можетъ касаться ни-кого другаго, кромѣ меня, потому что я... презлая и прескверная.

Она вздрогнула и замолчала.

— Матап вовсе васъ не считаетъ такою и очень васъ любитъ, Христі.

— Знаю.

— И потому она къ вамъ участлива, можетъ быть, болѣе чѣмъ вы хотите.

— Знаю, все знаю, и я совсѣмъ не участіемъ тягочусь: оно мнѣ дорого, и я люблю ее... но...

— Въ чемъ же дѣло?

Христя вся вспыхнула, и быстро сбросивъ на полъ

— Все дѣло въ томъ, воскликнула она,—что я люблю, люблю безъ разума, безъ памяти люблю!..

Эти слова были вмѣстѣ вопль, стонъ и негодованіе души, неодоливающей силы своей страсти.

Когда-бъ онъ зналъ!.. Картина О. Беккера, грав. Брендамуръ.

работу, вскочила съ мѣста—и ставъ посреди комнаты, закрыла глаза, не ладонями, а пульсами рукъ, какъ это дѣлаютъ плача простонародныя малороссійскія дѣвушки.

— Меня надо не жалѣть, а... проклясть меня! заключила она, дернувъ себя за волосы, и упала головою въ уголъ кресла.

(Продолженіе будетъ).

Подъ медвѣдемъ Рис. I. Вольфъ, грав. Гимперъ.

„ФОНТАНЪ ДОБРОДѢТЕЛИ“ ВЪ МЮРЕНБЕРГѢ.

Мюренбергъ основанъ въ 1050 г. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Германіи, и смѣло можетъ быть названъ колыбелью многихъ отраслей нѣмецкаго искусства. Прежде Мюренбергъ былъ имперскимъ городомъ, теперь онъ—вторая столица Баваріи и кромѣ того значительный торговый центръ, такъ какъ лежитъ у Людвигскаго канала, имѣющаго тутъ гавань. Городъ этотъ, построенный на двѣнадцати холмахъ, раздѣляется р. Пегнитцъ на двѣ почти равныя части: Зебальдерскую и Мюренцскую. На р. Пегнитцъ, чрезъ которую перекинута семь мостовъ, находится четыре островка; изъ нихъ самый большой служитъ мѣстомъ для прогулокъ и всякихъ парадовъ. Мюренбергъ окруженъ рвомъ шириною въ 100 футовъ, обнесенъ крѣпкою двойною стѣною со множествомъ башенъ и бастіоновъ и имѣетъ восемь воротъ, изъ которыхъ пять довольно большаго размѣра. Площадей и улицъ въ Мюренбергѣ не мало, но немногія изъ нихъ обширны и широки; улицы, какъ и вообще въ старыхъ городахъ, узки, кривы и мрачны. Дома по большей части древней архитектуры. Между наиболѣе замѣчательными зданіями первое мѣсто занимаютъ церкви: св. Лаврентія, въ готическомъ стилѣ (сооружена въ 1322 г.), св. Зебальдуса (X в.), св. Иоанна, съ кладбищемъ, и др. не менѣе древнія. Во всѣхъ этихъ храмахъ хранится множество драгоценныхъ памятниковъ искусства. Изъ «свѣтскихъ» зданій невольно обращаетъ на себя вниманіе старый замокъ построенный въ 1204 г. на самомъ высокомъ изъ двѣнадцати мюренбергскихъ холмовъ. Во время оно замокъ этотъ служилъ мѣстопробываніемъ бурграфовъ Мюренбергскихъ, а въ 1833 г. былъ подаренъ городомъ королю Людвигу I. Замѣчательны также: ратуша (1624 г.), имѣющая нѣсколько великолѣпныхъ залъ; на дворѣ ея устроенъ прелестный фонтанъ; большой госпиталь, зданіе музея и вокзалъ желѣзной дороги. Много въ Мюренбергѣ старинныхъ зда-

ній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, напр., можно указать на такъ-называемый Нассаускій Дворъ (XIII в.), домъ живописца Альбрехта Дюрера, жилище поэта Ганса Сакса и народнаго пѣвца Грюбеля. Не мало тутъ богатыхъ музеевъ, библиотекъ, картинныхъ галлерей, принадлежащихъ городу и частнымъ лицамъ. Изъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ упомянуть о гимназій, освященной въ 1526 г. Филиппомъ Меланктономъ; въ городѣ существуютъ школы политехническая и латинская, коммерческое училище и др. Мюренбергъ богатъ фабриками и разными ремесленными заведеніями. Много товара идетъ отсюда и расходится по всему свѣту. Кому не извѣстны такъ-называемыя «Мюренбергскія произведенія»: игрушки, мѣдныя и стальныя издѣлія, часы, карандаши (фабр. Фабера), фаянсъ, стекло, золотыя и серебряныя вещи, струны, музыкальные инструменты, краски, всякаго рода бумага и пр. пр. Мюренбергъ—родинна многихъ знаменитыхъ людей, прославившихся изобрѣтателями: такъ, здѣсь были изобрѣтены Петромъ Гелле карманные часы (Мюренбергское яйцо), затѣмъ—духовое ружье, кларнетъ, глобусъ и т. п. Городъ украшенъ памятниками, фонтанами—ихъ довольно много.

На картинкѣ, прилагаемой въ настоящемъ № нашего журнала, изображенъ, такъ-называемый «Фонтанъ добродѣтели» (Tugendbrunnen): Онъ находится на площадкѣ передъ Нассаускимъ Дворомъ. Давно бьетъ этотъ фонтанъ, и если-бы свѣтлыя струйки его, по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ заговорили понятнымъ языкомъ, то было-бы что послушать! Сообщили-бы онѣ много интереснаго изъ жизни стараго города, рассказали-бы и о томъ, какія сценки разыгрывались тутъ, о чемъ въ потемкахъ бесѣдовали прабабушки и бабушки и что передаютъ теперь другъ другу ихъ внуки, собравшись поболтать у «Фонтана добродѣтели».

КОГДА-БЪ ОНЪ ЗНАЛЪ!

(Картинка).

Вотъ у окошка сидитъ молодая дѣвушка; не то чтобы ей взгрустнулось, а такъ какъ-то помечтать захотѣлось... Подперла она себѣ правую щеку обѣими руками и вѣдь навѣрно если не поетъ—мурлычить:

«Когда-бъ онъ зналъ, что пламенной душою
Съ его душой сливаюсь тайно я!
Когда-бъ онъ зналъ, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!

(И не правда: совсѣмъ не отравлена! Ну-да ужъ слова изъ пѣсни не выкинешь).

Когда-бъ онъ зналъ, какъ страстно и какъ нѣжно
Онъ, мой кумиръ, рабой своей любимъ...
Когда-бъ онъ зналъ, что въ грусти безнадежной
Увижу я, непонятая нѣтъ!...

(Опять не правда; черезъ годъ, а можетъ быть и скорѣе, выйдя замужъ, вы разсвѣтете, пополюете и будете имѣть прекрасный аппетитъ! И почему „не понятая“? Строго говоря, и понимать-то тутъ нѣчего, а пожалуй и понимать нельзя, какъ это одна пламенная душа тайно сливается съ другой?..).

А впрочемъ, когда-же и мурлыкать такіа задушевные слова?...

Лови, лови
Часы любви,
Пока огонь
Горитъ въ крови!

Когда-бъ онъ зналъ! Но если онъ и не знаетъ—что-жъ такое? Вы такъ еще молоды, собой недурны, а главное у папеньки вашего ужъ конечно есть кое-что изъ благопріобрѣтеннаго... Не беспокойтесь: замужъ выйдете! Пройдетъ медовый мѣсяцъ, какъ и все проходитъ въ подлунномъ мірѣ, и вы, узнавъ мужа покороче, не станете называть его „кумиромъ“, да и себя не обидите словомъ „раба...“

Мужъ вашъ съ утра отправился по дѣламъ и еще не вернулся, а ужъ безъ пяти минутъ четыре—пора-бы и обѣдать, даже очень пора! Вотъ вы садитесь къ окошечку и начинаете напѣвать:

«Когда-бъ онъ зналъ, какъ я проголодалась!
Сегодня борщъ, а борщъ я такъ люблю!
Вчера его тоже дожидалась...
И вотъ опять мученія терплю!...

Впрочемъ—pardon! Вы не станете это пѣть, а скорѣе сердито произнесете, барабана пальчиками по стеклу, такіа слова:

— И куда это онъ провалился?... Не хочется одной обѣдать, но когда-бъ онъ зналъ, какой онъ противный! Когда-бъ онъ зналъ, что я уже съ трехъ часовъ хочу кушать!...

ПОДЪ МЕДВѢДЕМЪ.

Прошли для медвѣдъ красныя, золотыя дни. Существованіе его возможно уже только въ мѣстахъ, куда не проникъ еще безпкойный духъ человѣка. Обработка почвы идетъ постоянно впередъ, остатки дремучихъ лѣсовъ Европы рѣдѣютъ (что, сказать мимоходомъ, портитъ климатъ), и владѣнія человѣка простираются все болѣе и болѣе разнѣры. Мишку—Михайлу Пяныча Топтыгина тѣснятъ со всѣхъ сторонъ и принуждаютъ наконецъ совсѣмъ очиститъ по крайней мѣрѣ южную и среднюю Европу. Уже и теперь медвѣдъ не встрѣчается болѣе ни въ средней Германіи, ни на Великобританскихъ островахъ; и даже въ странахъ, говоритъ А. Бремъ, которыя можно назвать его родиной, онъ годъ отъ году появляется рѣже. Въ горахъ

западной Европы глухіе, дремучіе лѣса, окружающіе недоступныя долины и ущелья, куда не заходила еще ни чья нога, представляютъ конечно покойное убѣжище медвѣдью и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему возможность прокормить себя кое-какъ. Но несравненно ограднѣе сердцу мишки родные, непроходимые лѣса Россіи, Польши, Галиціи и Скандинавіи, куда человѣкъ лишь изрѣдка отваживается проникнуть, чтобы наложить свою руку на дикое населеніе лѣсныхъ грущобъ. Тутъ господину Топтыгину пока еще есть гдѣ разгуляться; тутъ онъ безъ всякой помѣхи можетъ промышлять о себѣ какъ знаетъ.

Такъ какъ изъ нижеслѣдующаго разсказа читатель увидитъ, что на прилагаемой картинкѣ изображена сценка изъ медвѣжьей

охоты в лесах Северной Америки, то считаем не лишним откомендовать ему прежде косматого американского Мишку. Из медведей Нового Света самые известные: *Барибал* или черный медведь и *Гризли*—серый медведь. Что касается барибала, то это довольно добродушный зверь, но гризли—пресвирное животное. Опытные охотники уверяют, что в сравнении с ним ягуар—овечка.

Серый американский мишка (*Ursus ferox*) имеет поэтому полное право на свое латинское прозвище «свириный». По телосложению и наружности он сходен с нашим бурым медведем, только гораздо больше, тяжелее, неуклюже и несравненно сильнее последнего. Лоб у него широкий и плоский и лежит почти в одной линии с носом. Уши коротки; хвост еще короче, чем у нашего Михаила Ивановича, но коти пораженной длины, сильно изогнуты, мало сужены к концам и вообще имеют форму долота. Темнобурая шерсть с светлыми концами часто покрывает все тело и вообще она гораздо длиннее, косматее и растрепаннее, чем у обыкновенного медведя, особенно на плечах, горле и животе. Голова покрыта короткими и очень светлыми волосами. Радужная оболочка красновато-бурая, коти белые. От европейского Мишки, американский отличается ростом, резко-коротким черепом и выпуклыми носовыми костями. Наш бурый медведь только в редких случаях достигает шести футов длины, тогда как гризли, или как охотники его называют «Эфраим», обыкновенно имеет в длину сажень, а зачастую и 7½ фута, и в силу от 7—9 центнеров. Этот медведь обладает действительно ужасными средствами для нападения; лапы взрослого самца имеют 18 дюймов длины и снабжены когтями в 5 дюймов. Коти, конечно, не так остры, как у ягуара, но относительно все-таки весьма остры; к тому же удар лапы могучего «Эфраима» до того страшен, что степень остроты концев костей и не может быть принимаема в расчет. Один из бывалых охотников говорит, что живучесть гризли так же велика как и его сила,—и каждая рана, не убивающая его наповал, гораздо опаснее для самого охотника, чем для медведя, который забывает тогда все на свете и только дышит мсткой.

Вот рассказ человека, которому пришлось пробыть несколько минут под таким страшным медведем:

«Было ясное зимнее утро — и мы отправились на охоту в один из дремучих лесов Северной Америки. Главной целью нашей было найти медвежью берлогу и убить ее хозяина, которого частенько мы видели летом, но тогда нам не удавалось овладеть им. Я отстал от моих товарищей и пошел один на счастье—авось посчастливится наткнуться на берлогу и... Природа одарила меня крепкими мышцами, ростом тоже не обидела, а чувство трусости было мне мало знакомо; к тому же со мной была прекрасная двустволка—одним словом, я храбро шел вперед по довольно глубокому снегу.

Прошло не более четверти часа, как я очутился в самой чаще леса и остановился перед опрокинутым древесным стволом, лежащим под двумя небольшими нависшими скалами: тут-то и была зимняя квартира косматого отшельника! Я увидел громадного медведя... Зверь повидимому был сильно истощен, однако мне удалось поднять его из берлоги. Он встал, выпрямился и шагнул ко мне... Глыба снега, на которой мы оба стояли, не выдержала такой тяжести и — провалилась. Медведь потерял равновесие, грохнулся и придавил себя меня... Шляпа моя и двустволка, при падении, отлетели в сторону. Сознание откровенно: ужас овладел мною! Я чувствовал страшную тяжесть на спине и сознавал всю безнадёжность своего положения... Я не смел сдвинуть ни малейшего движения: шевельнусь я — и ныхтящее, ворчащее чудовище разорвало бы меня в несколько секунд. Однако, и тут (чуждо устройству человека!) луч надежды, хотя и бледный, мерцающий, скользнул в мою душу и осветил, так сказать, предсмертные ноты... Нельзя ли хоть отсрочить смерть, зарыться поглубже в снег и — как знать — может быть таким образом спастись? Не подоспеют ли товарищи? Не добредут ли они на это место? Я был уверен, что отсутствие мое они уже заметили... Быть или не быть! Этот страшный вопрос Гамлета жег меня... И — вдруг, где-то вблизи раздался лай наших собак! Звуки эти показались мне какими-то неземными, я слушал и унывал ими как чудною исьбою прелестных гурей... Да, почуяли собачьи зверя, бегут сюда, значит и товарищи скоро будут здесь! Погребенный заживо под чудовищем, я еще больше притаился, как-бы замер, потому что господин Эфраим начал раздражаться и все сильнее и сердите схватывал меня за голову... Но вот я почувствовал, что он приподнялся на миг и вздрогнул. Лай собак раздался надо мной... Грянуло два выстрела. Тяжесть свалилась с меня... Медведь страшно засоптел и захрипел... Смертельно ли он ранен? Страшно было встать... Но когда испуганные товарищи стали осторожно поднимать меня — я сам вскочил и, не помня себя, бросился к убитому зверю, чтобы взглянуть на него. Странно, он схватывал мою голову, кушал ее, но... тяжелых ран не нанес... Странность эта сейчас же и объяснилась: Эфраим был уже весьма преклонных лет, зубы его были сильно стертые, так что они скользили только по моей голове, оставляя однако порядочные шрамы. Да, если бы не добрые собаки — мне пришлось бы погибнуть: он почуял зверя и спас меня, злобно напав на него со всех сторон. Он не давал ему времени заняться мной, отвлекал, тревожил, пока не приближали остальные охотники. Честь и слава вам, добрые, умные псы!

Очень может быть, что косматый старец, наскучив накопившимся некусывать меня, пустил бы в ход свои передние лапы — ну, тогда, конечно, никто-бы «не узнал, каково мне было под медведем!..»

Разные Известия.

Придворные известия.

— 25-го марта, в 4 часа утра, Ее Императорское Высочество Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Мария Феодоровна разрылись от бремени рождением дочери, нареченной Ксениею.

Действия правительства.

— Высочайше повелено:

1. Подаргнать новому пересмотру из законодательного порядка вопрос о размерах обложения гербовым сбором договоров о ссуде под залог процентных бумаг и других движимых имуществ, а также торговых мажорских записок.

2. Впредь до окончательного разрешения сего вопроса обложить временно:

а) Договоры о ссуде под залог процентных бумаг и других движимых имуществ — аксельным сбором (ст. 15 и 16 уст. о гербох. сборе) — и

б) Торговым мажорским запискам — простым гербовым сбором (ст. 12): из 40 коп. за лист, на сумму не менее 50 р., и из 5 коп. за лист на сумму менее 50 рублей.

Дела церкви.

— В воскресенье, 16-го сего марта, происходила в Свято-Троицком соборе Александрийской лавры крестная башня ректора самарской духовной семинарии, архимандрита Владимира, в сан епископа брестского, а также лавры литовской епархии.

— Из отчета сестроу при Обществе любителей духовного просвещения, отделе распространения духовно-наставительных книг, аудио между прочим, что деятельность отдела из минувшего году продолжала развлекаться и упрочиваться.

Из книг, распространяемых отделом, особенно значительное количество распродано: евангелия 3.935 экз., исаго завета 1.743 экз., псалтыри 937 экз., кратких молитвенников 2.758 экз., кратких объяснений 1.875 экз., кратких житий святых 8.311 экз., чтений для детей 6.356 экз. и избранных мест из творений Св. Отцов: Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского — 1.026 экз.; из изданий отдела распродано нотений против павства — 10.044 экз.; о про-

вождений воскресных и праздничных дней — 2.268 экз., и об обязанности изучаться в словах Божиих — 1.358 экз. евангелия.

Военное и морское дело.

— Из Севастополя в «Русский Инвалид» пишут, что из среды мистаго асенного общества, состоящего из пехотных и артиллерийских войск, весьма успешно идут военно-образовательные занятия: офицерам заданы тактические задачи; под личным руководством начальника дивизии и офицера генерального штаба производится асенная игра; с 5-го марта начались публичные чтения асенной гигиены, причем лектор (дизонный врач Потроцкий) намрен разоблачить причины постоянно господствующих здесь глазных болезней.

— В Вилье в течение первых недель поста, по ичину команди батальона, было прочтано всем утер-офицерам и чинам учебной команды несколько лекций о пехоте, кааалерии и артиллерии, а также плажены краткая понатия из топографии.

— В офицерском фехтовальном гимнастическом зале с 26-го сего марта будет производиться предарительное состязание офицеров в фехтовальном бою, ежедневно, кроме асенных и праздничных дней, от 3 до 5 часов пополудни.

— В «Кронштадтском Вестнике» сообщают, что работы по аоружению судов, назначенных из плаванья в нынешнем году, начались из Кронштадт 20-го марта, а в Петербурге 21-го. В Кронштадте будут вооружаться суда большой практической эскадры, учебные отряды и суда, назначенные для асобных целей и для производства гидрографических работ. Из судов, отправляющихся в заграничные плаванья, в Кронштадте аоружаются будут: 12-ти пушечный антоный фрегат «Сайтлана», под командой Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича, отправляющийся на станцию в Средиземное море, и новый паровой кларер «Крейсер», который будет спущен на воду нынче асно и отправится на станцию из Тихий океан.

Земская хроника.

— Владимирское губернское земское собрание послдней очередной сессии, выслушав заявление гласного По-

краского уезда, А. А. Соловьева, о том, что он, желая устройства в Владимирской губернии учительской семинарии, около гор. Киржача, жертвует на этот предмет 27 десятин земли из одной версты от Киржача, и 15.000 р., постановило: благодарить г. Соловьева и пожертвование его принять; ассигновать из губернского сбора на устройство семинарии, из дополнение из сдланному пожертвованию, еще 15.000 р. и поручить губернской управе ходатайствовать об учреждении в Владимирской губернии учительской семинарии около гор. Киржача.

— Нижегородское губернское земское собрание послднего созыва, выслушав заявление об учреждении в Нижнем-Новгороде общества по устройству колоний для малолетних преступников, постановило: 1) иразить желание собрания участвовать в единовременном пособии асновающему обществу и поддерживать его постоянным денежным асносом; 2) назначить обществу из аид единовременного пособия на первоначальное устройство колоний, 2.079 рублей, хранившихся в управе под названием «капитала на улучшение мств закнн», — и 3) в постоянную субсидию обществу назначить по 1.500 рублей в год.

— То же собрание, мтва в аиду, что мствность близ поселка Солцы, из Порховского уезда, изобилует соанными источниками, и ринув изследовать эту мствность, принало на асчет земства треть необходимых на производство разведок расходов, в количестве 3.333 р. Остальные две трети расходов на этот предмет принало на себя Министерство Государственных Имуществ.

СОДЕРЖАНИЕ: Русский Манчестер (с рисунком). — Воданой (с рисунком). — Двухмиллионный Роман Н. Н. Каразина. Ч. II. (продолжение). — Влуджающие огонь (Антография Ираотчева). Соч. Н. С. Лскова (Степничаго) (продолжение). — Фонтан добродетели из Нью-ренберга (с рисунком). — Под медведем (с рисунком). — Разные известия.

Редактор В. Ключников.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ

ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА,

Въ Спб. Гостинный дворъ по Большой Суровской Линіи № № 122/123,

Имѣя прямые сношенія съ первыми иностранными домами въ Парижѣ, Ліонѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, получая большой выборъ **НОВОСТЕЙ.****ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА:**

Пальто, кофты, доломаны и жакеты ліонскаго бархата, матласе съ шерстяными и шелковыми кружевами, богатымъ аграмантомъ и страсовымъ перомъ—въ большомъ выборѣ.

Модели тюниковъ лучшихъ парижскихъ домовъ изъ сисильена и дубль-кашемиръ и другихъ тканей въ большомъ выборѣ.

Ротонды ліонскаго бархата, фая, букле монтоньякъ и другихъ модныхъ тканей въ большомъ выборѣ.

Ватеръ-Профъ англійскихъ тканей въ большомъ выборѣ.**КОСТЮМЫ И ПЛАТЬЯ:**

Шелковаго фая—чернаго и цвѣтнаго самыхъ новѣйшихъ цвѣтовъ, также всевозможныхъ шерстяныхъ тканей—въ большомъ выборѣ. Дѣтскіе наряды для дѣвочекъ и мальчиковъ на всѣ возрасты и въ большомъ выборѣ.

Пальто, кофты, жакеты, платья и ватеръ-профъ.

Модели шляпъ первыхъ домовъ Парижа, всевозможный выборъ дамскихъ и дѣтскихъ шляпъ—креповыхъ, кастровыхъ, толѣвыхъ, Дамасе и соломенныхъ. Новости зонтиковъ солидныхъ и антука.

Кружевные вещи; тюники и безрукавки, вышитые стекларусомъ изъ тюль, гинюръ и камбръ. Ротонды кружевные и ляма; галстуки, воротники, вышивки, бархаты, фая, манчестеръ, матласе, ленты, цвѣты и верья.

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ, желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ цѣтъ матеріи, мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ.

Всѣ требованія отъ Гг. покупателей исполняются съ строгою аккуратностью.

Въ книжномъ магазинѣ **ЧЕРКЕСОВА** (Невскій просп., № 54) и у др. книгопродавцевъ продается книга:**„Безъ заглавія“ и „Ложное счастье“.**
ПОВѢСТИ ВЪДИ СЛОВЧКА.

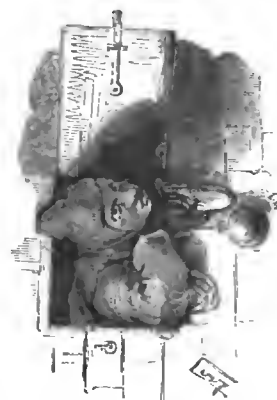
Въ повѣстяхъ, между прочимъ, описывается: легенда о красномъ яйцѣ; бытъ купеческій; жизнь проститутокъ; подробная роспись приданого; раскольничьи обряды, молитвы, заговоры и проч. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

У извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются новыя книги.

**ПОХОЖДЕНІЯ
БОМУШКИ ТРУБОЧИСТА**на землѣ и подѣ водою.
Сказка передѣланная съ англійскаго для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ.
Цѣна въ папѣ 1 руб.Новый историческій романъ Георга Борна.
ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Автора „Изабеллы“ и „Ежечинъ“. Съ портретомъ Донъ-Карлоса. 2 тома 2 рубля (томъ 3-й печатается, цѣна будетъ 1 р.) Предлагаемый его романъ еще интереснѣе прежнихъ. Въ этомъ новомъ произведеніи талантливаго автора съ поразительной правдой возстаютъ средь читателей, свирѣпая фигура Донъ-Карлоса, который путемъ убійствъ, грабежей, насилій и моровъ упорно стремится, противъ воли націи, овладѣть испанскимъ престоломъ и продолжатъ братоубійственную войну даже и по признаніи всей Испаніи короля Альфонса XII.

Выисывающіе вышеозначенныя книги, какъ вмѣстѣ, такъ отдѣльно каждую, отъ Н. П. Черескова, Спб. Гороховая 44, кв. 27, За пересылку не платятъ.

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильною двойною стежкою, ручная и ножная. Королевская педагогическая комиссія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи. „Ванцеръ Д.“ новѣйшая настоящая Американская швейная машина, ножная для нортныхъ.

Б. Г. теръ Браме, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; потомъ еще продажа у: **Бринки и Но.** въ гостинномъ дворѣ по большой суровской линіи № 132. **Агенты для Москвы, Шанси и Болими,** англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кромѣ того находятся Агенты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—8

„При этомъ номерѣ для Гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина Черескова“.

СОБРАНИЕ ПѢСЕНЪ**Г. ГЕЙНЕ**ПЕРЕЛОЖЕННЫХЪ НА МУЗЫКУ
(для пѣнія съ аккомп. фортепиано)**П. ЗАПОЛЬСКИМЪ**

22 пѣсни въ 4 тетрадахъ

по 75 к. каждая

вышли изъ печати и продаются

въ Москвѣ у П. Юргенсона, Петровка № 6, въ Петербургѣ у И. Юргенсона, Б. Морская № 9.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА**ГЕНРИХА****НЕСТЛЕ,****ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ****ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.**

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется потому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химическаго лабораторіи, русскаго общества торговлѣ аптекарскими товарами, у Гудковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—15

Вышла и продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы

МИСТРИССЪ ФОУСЕТТЪ.

Начальная основанія политической экономіи

Цѣна 1 р.; перес. за одинъ фунтъ.

3—3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 15 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Парижскія моды и листъ чертежей выкроекъ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромя Воскресенья). Плата за строку пятнадцать и. с.

ПРИЛОЖЕНИЯ въ нумерахъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высказать:
1) за перемѣну С.-Петерб. на Иногород. — 60 к.
2) „ „ „ „ С.-Петербургу. — 50 „
3) „ „ „ „ Иногород. на Иногород. — 30 „

Отдѣльные нумера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ.	На 6 мѣ.	На 4 мѣ.	На 3 мѣ.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
4 — 2	3 — 1	50 — 1	50 — 1
5 — 3	2 — 2	50 — 1	50 — 1
4 50 —	— —	— —	— —
5 50 3	— 2	— 1	50 —

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.
Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. нумера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонорара. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія-же, признанныя неудобными въ печати, уничтожаются.

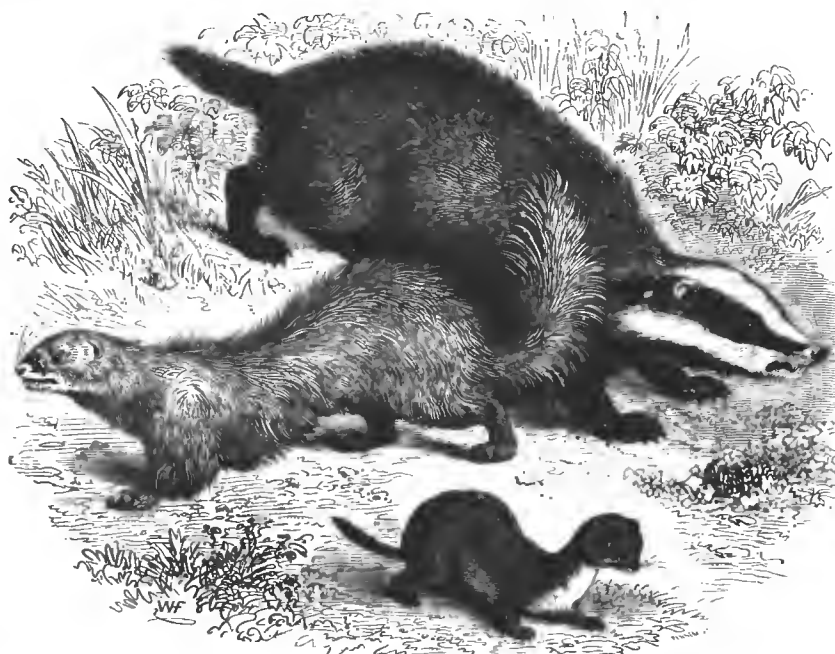
КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ и гравюры имѣются въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе приобрести таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

Барсукъ, хорекъ и ласка.

Типомъ самолюбиваго и недовѣрчиваго, угрюмаго существа, живущаго какъ будто во враждѣ съ самимъ собой, можетъ служить барсукъ (*Meles vulgaris*). Съ этимъ болѣе или менѣе соглашаются всѣ наблюдатели, хотя и признають пользу, приносимую этимъ оригинальнымъ животнымъ. Между крупными европейскими хищными животными, барсукъ самое безвредное; тѣмъ не менѣе его преслѣдуютъ, какъ волка или самую злохитростную лисицу. Только оригинальный образъ жизни барсука и можетъ объяснить такой строгій судъ надъ нимъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ звѣрь угрюмый, затворникъ, избѣгающій и людей и другихъ животныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лѣнивъ и любитъ комфортъ въ своемъ жилищѣ. По неуклюжему толстому туловищу, ходбѣ на всей ступнѣ, и по роду пищи, его относятъ къ медвѣдямъ; нѣкоторые зоологи до сихъ поръ держатся еще этого взгляда. Однако строеніе скелета и зубовъ, равно какъ и расположеніе мягкихъ частей тѣла положительно доказываютъ, что барсукъ принадлежитъ къ семейству куньихъ. Толстое тѣло съ толстой же шеей, длинной головой и

мордой вродѣ свиного рыла, маленькіе глаза и маленькія же, хотя и явственныя уши, голыя подошвы, короткій пушистый хвостъ и грубый густой мѣхъ—характеризуютъ этотъ родъ.

Хорекъ.

Барсукъ.
Ласка.

Рисов. Фриманъ, грав. Паннемазеръ.

подземныхъ млекопитающихъ. Онъ любитъ вести спокойную, созерцательную жизнь и прежде всего сохранять свою независимость въ самыхъ широкихъ Библиотека „Руниверс“

размѣрахъ. Благодаря своей силѣ, онъ можетъ выпрыгивать себѣ жилье съ большою быстротой—и какъ многія животныя, жнущія въ норахъ, можетъ спрятаться въ землю безслѣдно въ нѣсколько минутъ.

Въ норѣ своей барсукъ проводитъ большую часть своего времени и только съ наступленіемъ ночи рѣшается отойти отъ нея на нѣкоторое разстояніе. Охотнику лишь изрѣдка удастся истрѣбить барсука. Если осенью, рано утромъ, охотникъ стоитъ смиренно въ лѣсу, онъ можетъ видѣть отшельника, какъ тогь, послѣ почтой прогулки, задумчиво бредетъ домой. Движенія его медленны и лѣнны, походка тяжелая. Барсукъ вообще дѣлаетъ какое-то своеобразное впечатлѣніе, даже по своей наружности. Съ перваго взгляда можно подумать, что имѣешь передъ глазами свинью, а не хищника. Хрюкающій голосъ, наконецъ, самая форма животного напоминаетъ нашихъ нечистоплотныхъ домашнихъ животныхъ.

Пища барсука весной и лѣтомъ преимущественно состоитъ изъ кореньевъ, а именно березовыхъ; кромѣ того онъ отгрызаетъ гнѣзда шмелей или осъ, ѣстъ съ большимъ удовольствіемъ соты, не забывая объ укулахъ разсвирѣвшихъ хозяевъ. Жесткая шерсть, толстая кожа и лежащій подъ нею толстый слой жира, вполнѣ защищаютъ его отъ укуловъ пчелинаго жала. Только изрѣдка воруетъ онъ съ крестьянскихъ дворовъ утокъ и гусей, да и то если домъ лежитъ близъ самаго лѣса. Причина этому заключается въ его недовѣрчивости и трусости, —барсукъ ходитъ лишь въ такія мѣста, въ безопасности которыхъ онъ вполнѣ увѣренъ.

Къ концу осени барсукъ отбѣдается и сильно жирѣетъ, какъ это бываетъ обыкновенно съ людьми, которые ѣдятъ вдоволь и мало двигаются. Тутъ онъ начинаетъ помышлять о томъ, какъ бы проспаться зиму по возможности удобнѣе и дѣлаетъ для этого необходимыя приготовленія. Въ пору натаскиваетъ листья и устраиваетъ мягкую постель.

Охота за барсуками, благодаря осторожности этого животного, сопряжена съ большими трудностями, но тѣмъ не менѣе, составляетъ любимое удовольствіе многихъ охотниковъ. Барсуковъ ловятъ иногда ловушками, выкапываютъ изъ норъ и кромѣ того стрѣляютъ, выгоняя таксами. Польза убитаго барсука довольно значительна. Мясо его съѣдобно, и даже вкуснѣ свиного. Непромокаемый крѣпкій и прочный мѣхъ употребляется для обивки разныхъ вещей; изъ длинной шерсти и волосъ хвоста дѣлаются лучшія кисти и щетки; а жиръ, употребляемый какъ лекарство, цѣнится довольно дорого.

Второе животное, представленное на прилагаемомъ рисункѣ—хорекъ—хорошо извѣстно на всѣхъ крестьянскихъ дворахъ, особенно птичникахъ, или вообще ходящимъ за домашнею птицею.

Хорекъ, или какъ его называютъ просто народомъ—хорь, сложенъ нѣсколько тяжеловатъ и имѣетъ тѣло въ пятнадцать дюймовъ длины. Мѣхъ снизу равномѣрно чернобураго цвѣта, на бокахъ и на верхней части туловища свѣтлѣе, обыкновенно каштановобурыи; на верхней же части шеи и бокахъ свѣтлѣе, потому что здѣсь просвѣчиваетъ желтоватый подшерстокъ. Уклоненій въ цвѣтѣ очень много—и изъ-за нихъ отличаютъ между хорьками отдѣльные виды. Большую рѣдкость представляетъ бѣлый или совсѣмъ желтый хорекъ. Мѣхъ у нихъ правда густой, но далеко не такъ хорошъ, какъ куній или соболій.

Нашъ хорекъ живетъ во всей умѣренной Европѣ и Азій и даже переходитъ нѣсколько за сѣверный поляръ. Для хорька хорошо всякое мѣсто общающее поживу, и потому онъ живетъ и въ горахъ и въ равнинахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, но болѣе всего любитъ соседство человѣческаго жилья, наирѣмѣнъ, большіе крестьянскіе дворы. Онъ располагается въ дулистыхъ деревьяхъ, между камнями, въ оставленныхъ лисихъ норахъ и другихъ углубленіяхъ въ землѣ, найденныхъ имъ случайно. На поляхъ хорь прятается въ высокомъ хлѣбѣ, кромѣ того держится близъ скалъ, мостовъ, старыхъ построекъ, подъ корнями большихъ деревьевъ и т. п., словомъ—онъ умѣетъ найти вездѣ себѣ уютный уголокъ. Зимой хорекъ переселяется въ села и огороды, заходитъ перѣдко въ курятники, голубятники, конечно не на радость хозяевамъ. Однако хорекъ приноситъ хозяйству и своего рода пользу: если птичники хорошо запряжутъ курятники, а любители голубей—свои голубятни,—такъ что разбойникъ хорь, несмотря на свою ловкость и силу, не можетъ пробраться въ эти для него столь любимыя мѣста, то хозяева могутъ быть довольны его посѣщеніемъ, потому что онъ, какъ истинный философъ, за неимѣніемъ лакомого кусочка курпиды, утки или молодого голубка, остается довольнымъ чѣмъ либо и похуже, и истребляетъ громадное количество мышей и крысъ, очищаетъ соседство отъ змѣй, и за всѣ эти услуги беретъ себѣ только мягкую постель въ самомъ темномъ углу сѣновала. Есть мѣста, гдѣ хорька столько же любятъ, сколько ненавидятъ въ другихъ. Тутъ онъ дѣйствительно пользуется покровительствомъ хозяевъ, и стоитъ даже въ такомъ почетѣ, что если случайно въ курятникѣ и находится слѣды его разбойничьихъ походовъ, добродушный хозяинъ считаетъ его не причастнымъ этому дѣлу. Ему кажется невозможнымъ, чтобы *его* хорекъ, за которымъ онъ такъ нѣжно ухаживаетъ, могъ за всю доброту его отплатить такою черною неблагодарностью. Убийцей своихъ куръ или утокъ добродушный хозяинъ не обвиняетъ, считаетъ хорька со-сѣда, забравшагося случайно къ нему въ курятникъ. Такой об-

разъ мыслей конечно свидѣтельствуешь о добродушіи и честности хозяина, но въ то же время показывается и глубокое ненаніе права неблагодарнаго хорька.

Кромѣ этихъ лакомыхъ обѣдовъ, хорекъ ѣстъ ядовитыхъ змѣй, кроликовъ, кротовъ, полевыхъ и домашнихъ мышей, крысъ, хомяковъ, лягушекъ, ужей, однимъ словомъ: всѣхъ животныхъ съ которыми можетъ справиться. Лягушки для него являющемуся лакомое блюдо, потому что онъ наваливается на нихъ иногда громадное количество и цѣлыми дюжинами сохраняетъ въ своемъ жилищѣ. Въ случаѣ нужды онъ довольствуется впрочемъ одними кузнечиками и улитками. Хорекъ ходитъ такъ-же на рыбную ловлю и бродитъ по берегамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ, выискивая добычу; бросается внезапно въ воду, ныряетъ и хватается рыбу съ необыкновенной ловкостью. Кромѣ того, онъ любитъ еще медъ и изрѣдка ѣстъ плоды. Кроважидность хорька хотъ велика, но все-таки не азвита до такой степени какъ у каменной куницы, которая стоитъ на ряду съ хорькомъ въ отношеніи вреда наносимаго домашнимъ пернатымъ. Хорь, забравшись въ курятникъ, обыкновенно убиваетъ не всю птицу, какъ-то дѣлаетъ его сестра по грабежу кунница, а хватается первую попавшуюся подъ-руки жертву и бѣжитъ съ ней въ свое логовище. Болѣе всѣхъ другихъ видовъ своего семейства хорекъ имѣетъ обыкновеніе устраивать себѣ кладовыя—и въ его притонѣ не рѣдкость найти порядочный запасецъ мышей, птицъ, яицъ и лягушекъ.

Всѣ движенія хорька живы и проворны. Онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ красться и дѣлать вѣрные прыжки. Бѣгаетъ хорь очень проворно, и съ легкостью и спокойствіемъ перебѣгаетъ по самой тонкой перекладинѣ, лазитъ, плаваешь, ныряетъ и при случаѣ умѣетъ ныскать въ ходъ всѣ средства могущія быть ему полезными. Бѣжитъ съ тѣмъ, онъ хитѣрь, лукавъ, остороженъ, недовѣрчивъ и пронырателенъ, въ случаѣ нападенія умѣетъ постоять за себя, храбръ, золъ и драчливъ, словомъ: обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для крупныхъ разбойничьихъ подвиговъ.

По причинѣ значительнаго вреда, дѣлаемаго этимъ животнымъ, его почти вездѣ дѣятельно преслѣдуютъ. Противъ него употребляются всевозможныя орудія и всякія ловушки. Всего лучше т. наз. куньи ловушки—длинные ящики съ опускаемою дверью, которая захлопывается за животнымъ, лишь только оно дотронется до дощечки съ приманкой. Такую ловушку ставятъ не далеко отъ мѣста, гдѣ ходитъ хорекъ, отыскать это мѣсто не трудно—и въ большинствѣ случаевъ уже на другой день можно найти хищника въ ловушкѣ. Но въ мѣстахъ гдѣ много крысъ—лучше оставлять хорька въ покоѣ и вслѣдствіи труда, необходимый для устройства ловушки, на тщательное исправленіе и плотное запряганіе курятниковъ. Шкурка хорька даетъ теплый и прочный мѣхъ, который однако (благодаря своему противному устойчивому запаху) цѣнится гораздо ниже чѣмъ бы заслуживала по своей густотѣ.

Нѣкоторые натуралисты соединяютъ ласку съ хорькомъ; другіе прислужаютъ ее къ отдѣльному роду. Изъ этого слѣдуетъ конечно, что различія между обоими животными не очень рѣзкія. Ласки еще тоньше и длиннѣе прочихъ кунницъ, черепъ ихъ тоже тоньше и сзади уже. Этимъ почти ограничивается различіе между обѣими группами. Ласки держатся всего охотнѣе въ поляхъ, садахъ, земляныхъ норахъ, трещинахъ скалъ, подъ кучами камней, дровъ; охотятся какъ днемъ такъ и ночью. Онѣ самыя маленькія изъ такъ-называемыхъ плотоядныхъ животныхъ нашихъ странъ—и принадлежатъ вообще къ самымъ мелкимъ представителямъ этого порядка. Но мужество ихъ такъ велико, что онѣ могли бы служить примѣромъ для всей семьи. Между ними, именно вслѣдствіе такихъ нравственныхъ качествъ, первое мѣсто принадлежитъ обыкновенной ласкѣ (*Mustela vulgaris*). Животное это хорошо извѣстно у насъ по своимъ разбоямъ. Ласка водится во всемъ умѣренномъ полярѣ Старого Свѣта; живетъ гораздо менѣе скрытно чѣмъ другіе виды, и потому встрѣтить ее не рѣдкость. Она держится какъ на равнинахъ такъ и въ горахъ, въ безлѣсныхъ мѣстахъ и въ лѣсахъ, въ густо-населенныхъ и въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Для нея нездѣ найдется уютный уголокъ, потому что она умѣетъ отыскать его и устроить себѣ вездѣ вѣрное убѣжище отъ враговъ. Потому ласка живетъ въ дуплѣхъ дерева, то въ кучѣ камней и т. д. Зимой она держится въ амбарахъ и сараяхъ, погребахъ, конюшняхъ, чердакахъ и т. п., и не боится даже забираться въ города. Гдѣ ей не мѣшаютъ, ласка и днемъ бродитъ за добычей; если же боится преслѣдованій, то выходитъ или чрезвычайно осторожно днемъ, или ночью.

Если осторожно и безъ шума идти мимо мѣсть, гдѣ скрывается ласка, можно имѣть случай увидеть ее. Въ деревьяхъ послышится вдругъ легкій шелестъ и вслѣдъ за тѣмъ промелькнетъ маленький бурый звѣрокъ, который, завидя человека, становится на заднія лапки, чтобы лучше разсмотрѣть его. Обыкновенно крошкѣ и въ умъ не приходитъ бѣжать; напротивъ она смѣло и бойко смотритъ кругомъ съ какою-то вызывающимъ выраженіемъ лица. Когда къ ласкѣ подходятъ близко, она съ большимъ мужествомъ сама начинаетъ приближаться къ нарушителю ея покоя и смотритъ на него съ такою дерзостью, какъ будто собирается сиросить, что нужно непрошенному гостю.

Не раз случалось, что смѣлый звѣрѣкъ нападалъ даже на челоѣка и отставалъ отъ него не безъ продолжительнаго сопротивленія. Часто онъ вливается зубами въ ноги мимо проходящимъ лошадямъ, такъ что лишь соединенными усиліями всадника и лошади приходится отъ него избавляться. Съ такою храбростію соединено изумительное присутствіе духа. Ласка найдетъ выходъ изъ всякой бѣды; не потеряется даже въ когтяхъ хищной птицы; часто случается, что, схваченная какимъ нибудь хищникомъ изъ царства пернатыхъ, она вмѣсто того, чтобы сама жертвою и послужить ему вкуснымъ блюдомъ, изловчается перекусить ему артерію, а вслѣдствіе этого мѣняется съ нимъ ролями, и съ чувствомъ собственного достоинства и съ сознаниемъ своего ума и ловкости, сидя на своемъ врагѣ, поѣдаетъ его сама; понятно, что такое храброе животное должно быть относительно страшнымъ разбойникомъ. Наша ласка вполне заслуживаетъ такого названія. Она объявила

войну всѣмъ мелкимъ млекопитающимъ, и производитъ въ средѣ ихъ ужаснѣйшія опустошенія. Ей служатъ добычею домашнія, дѣсныя и полевые мыши, кроты, молодые хомяки, зайцы и кролики. Изъ птицъ ласка поѣдаетъ молодыхъ куръ и голубей, жаворонковъ и другихъ птицъ, живущихъ на землѣ, или спящихъ на деревьяхъ; грабитъ такъ-же гнѣзда. вездѣ гдѣ представится случай. Между земноводными и пресмыкающимися ласка охотится за ящерицами, мѣдвянками и ужами, не боится даже начинать иногда борьбу съ гадюкой.

Вообще ласка любитъ всякого рода мясо, не брезгая даже и своими сестрами. Можно смѣло сказать, что для охоты за мышами нѣтъ лучшаго животного какъ ласка, вслѣдствіе чего ее, точно такъ-же какъ и хорька, можно считать полезнымъ животнымъ, если смотрѣть аккуратно за птичниками и не давать поводовъ самимъ быть ее недовольнымъ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

XXIX.

Я, разумеется понимая, что рѣчь, сдѣлавъ такой рикшетъ противъ воли автора, касается не любви Христі къ моей маман, а чувствъ ея къ другому лицу, сказала:

— Христі! милая Христі!.. прошу васъ—успокойтесь! Можетъ быть все устроится.

Съ этимъ я подаль ей воды, которой она выпила нѣсколько глотковъ и, возвративъ мнѣ стаканъ, поникла головою на руку и крѣпко почесавъ лобъ проговорила:

— Ничто не можетъ устроиться: я сама все разстроила.

— Затѣмъ же вы разстроили?

— Такъ было надо: ваша маман все знаетъ. Такъ было надо... и я о томъ не жалѣю; но когда мнѣ по нотамъ росписываютъ: *какъ* это надо терпѣть,—въ меня входитъ бѣсъ и я ненавижу всѣхъ, кто можетъ то, чего я не могу... Это низко, но что съ этимъ дѣлать, когда я не могу! Я имъ завидую, что они дошли до того, что одинъ пишетъ „Gnaedige Frau“, а другая утѣшаясь отвѣчаетъ: „Ich sehe, Sie haben sich in Allem sehr ferfollkommenet“.

Христі произнесла обѣ эти нѣмецкія фразы съ напыщенною декламациею, съ какою говорятъ нѣмецкіе пасторы и актеры, и нетерпѣливо топнувъ ногой, докончила:

— А я родомъ не така! Да, я не такая, я этого не могу: я оторвала отъ сердца все, что могла оторвать; а что не могу, такъ не могу. Отказаться можно, а перестать любить нельзя, когда любишь.

— Это правда.

— Ага! вотъ то-то и есть, что правда! А любишь, такъ никакъ себя и не умиришь.

— Да и не умиряйте.

— Да я и не стану. О, вы мнѣ повѣрьте! добавила Христі, неожиданно улынувшись и протягивая мнѣ руку:—вы непременно будете несчастный челоѣкъ, да что-же!—это и прекрасно.

Я разсмѣлся.

— Да такъ, продолжала Христі.—Да и о чемъ хлопотать: все равно и они несчастны. Они прекрасные люди, только немножко трусы: имъ все *Ergwägung* снится, а все это вздоръ; мы будемъ смѣлѣе и пусть насъ не уважаютъ. Не правда ли? Если мы никому не дѣлаемъ зла,—пусть насъ не уважаютъ, а мы все будемъ любить то, что любили. Такъ или нѣтъ?

— Право, Христі, не знаю.

— Вздоръ; убей меня Богъ, знаетъ! отнеслась она безлично съ веселыми, вверхъ устремленными глазами, которые вслѣдъ затѣмъ быстро вперила въ мой взглядъ и съ комическою настоячивостію произнесла:

— Dites moi tout ce que vous aimez.

— Tout le monde, отвѣчалъ я.

— Ну, а я этотъ tout le monde терпѣть не могу: лживый, гнусный, лицеѣрный—ни во что не вѣрить, и все притворяется... Фу! гадость! Я люблю, знаешь, кого?

Я кивнулъ головою.

— Да, отвѣчала на этотъ знакъ Христі:—я его люблю,—очень, очень люблю; а онъ свѣрхный челоѣкъ, не хорошій, чепурной, ему деньги нужны, онъ за деньги и женится, но со мною бы никогда не былъ счастливъ, потому что я простая, бѣдная... Да, да, да... онъ только не зналъ, какъ отъ меня отвязаться... Что-же, я ему помогла!

— Я это знаю, какъ вы сдѣлали.

— Знаешь?

— Да.

Я рассказалъ ей, какъ подсмотрѣлъ и подслушалъ ея разговоръ съ Сержемъ.

— Ну, да, отвѣчала она спокойно:—я все ему соврала на себя. Никого я кромѣ его не люблю, но это такъ нужно, пусть его совѣсти полегчаетъ. Ему нужно... Онъ не можетъ не жить напомят—и пусть живетъ; пусть его всѣ родные за это хвалятъ, что онъ меня бросилъ. А они врутъ, бо онъ меня не бросилъ; бо я хороша, я честная женщина, а его невѣста поганая, дрянная, злая... тпфу! Онъ не ее, а меня любитъ; да, меня, меня, и я это знаю, и хоть онъ какой ни будь, а я все таки его люблю, и не могу не любить, и буду любить. И что мнѣ до всякаго *Ergwägung*? Тпфу!.. я надъ собой вольна, и что хочу то и сдѣлаю.

Я не смѣло спросилъ: что такое она хочетъ сдѣлать? Но Христі молча улынувшись и сдѣлавъ гримаску сказала:

— Вотъ я яка!..

Она обращалась со мною странно: вполнину какъ съ ребенкомъ, лепету котораго не придаютъ большего значенія; вполнину какъ съ другомъ, отъ котораго ждала сочувствія и отзыва.

Эта откровенность послѣ пасмурной рѣчи, которою начался нашъ разговоръ, увлекала меня за Христею въ ея внутренній міръ, гдѣ она жила теперь вольная, свободная и чѣмъ-то такъ полно счастливая, что я не могъ понять этого счастья.

— Полно же; слышите вы: годи намъ журиться—пусть лихо смѣется!.. Онъ женится... онъ женится, повторила она какъ бы съ угрозою, и стукнувъ рукою добавила:—а ко мнѣ вернется.

Этотъ вѣчно памятный мнѣ разговоръ съ Христей, который она вела со мною подъ тягостнѣйшими впечатлѣніями своей неласковой доли и притомъ незадолго до катастрофы, которую пророчески назнаменовала

себѣ, произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что когда я пришолъ домой, матушка, сидѣвшая за писаніемъ, взглянувъ на меня спросила:

— Ты видѣлъ Христа?

— Да, маман.

— Что съ нею?

— Кажется, ничего.

Маман вздохнула, хрустнула тонкими пальцами своихъ рукъ и приказала подавать мнѣ обѣдать, сама не сѣла за столъ, но продолжала писать.

— Конечно къ Филиппу Кольбергу, подумалъ я, впервые сяди одинъ за обѣденнымъ столомъ. Вѣрно Христия съ матушкою говорила еще откровеннѣе чѣмъ со мной—и вотъ эта теперь все описываетъ. Что это въ самомъ дѣлѣ за странная переписка?

Я уже въ глубинѣ души словно смѣлся надъ этою перепискою—и получивъ на другой день конвертъ со знакомою надписью, подумалъ, что если съ самымъ дѣлѣ матушка заботится о томъ, чтобы всѣхъ кого она любить воспитывать и укрѣплять въ своемъ духѣ, то она едва ли въ этомъ успѣваетъ. По крайней мѣрѣ Христия серіозно шла бунтомъ противъ ея морали, да и я чувствовалъ, что я... тоже склоненъ озбунтоваться.

XXX.

Такъ какъ Христия рѣшительно отказалась ѣхать въ Одессу, то и матушка туда не поѣхала—и нашъ серебряный молочникъ съ сухарницею, отправлявшіеся гостить къ занимавшемуся ростомъ помощнику письмоводителя рекрутскаго присутствія, черезъ мѣсяцъ возвратились назадъ; а къ этому времени подоспѣла и свадьба Сержа, которой маман кажется совершенно напрасно опасалась для Христия. Эта мудреная дѣвушка болѣе уже не впадала въ такую раздражительность, какую я описалъ въ предшествовавшей главѣ. Напротивъ, Христия вела себя чрезвычайно ровно и даже казалась очень спокойною, но только она какъ будто бѣжала изъ своего дома и все старалась оставаться какъ можно болѣе у насъ.

Маман разумѣется была съ ней въ крайней степени предупредительна и ласкова—и въ это время сдѣлала шагъ къ инымъ отношеніямъ со мною. Однажды, когда Христия ушла съ отцомъ домой, маман сказала мнѣ:

— Ты уже въ такихъ лѣтахъ, дитя мое, что я могу тебѣ разказать исторію нашей бѣдной Христия. Она превосходная, благороднѣйшая и очень гордая дѣвушка.

— Я это знаю, маман.

— Да; она когда-то, до твоего пріѣзда, часто бывала у твоего дяди и тамъ встрѣчалась съ Сержомъ. Ты видишь, что она почти красавица,—и Сержъ не могъ ее не замѣтить...

— Еще бы, маман!

— Да, онъ оцѣнилъ ея достоинства и полюбилъ ее.

— Я все это знаю, маман.

— Знаешь? Ну прекрасно! Но этотъ бракъ не могъ состояться, потому что и мать Сержа и твой дядя желали ему другой партіи, которую онъ теперь и дѣлаетъ. Это такъ выходило нужно по ихъ соображенію.

— Да, отвѣчалъ я:—имъ нужно взять богатую невѣсту и породниться съ большими домами.

— Можетъ быть; но я должна сказать, что Сержъ былъ довольно благороденъ и онъ не хотѣлъ этого брака, а уступилъ только настояніямъ и обстоятельствамъ...

— То есть это такъ, маман, что Христия сама его обманула.

Маман взглянула на меня съ удивленіемъ и послѣ маленькой паузы отвѣчала:

— Да; но ты однако знаешь болѣе, чѣмъ я предполагала. Христия поступила возвышенно, великодушно и благоразумно, потому что мать Сержа считала бы бракъ сына съ нею семейнымъ несчастіемъ... У нихъ запута-

ны дѣла и его мать... она черезъ это лишилась бы возможности поправить ихъ разстроенныя дѣла.

— Но позвольте, маман, вѣдь это низко?

— Да, мое дитя, это не высоко; но за то Христия поступила очень благоразумно и великодушно, что отказалась отъ Сержа.

— Почему, маман? онъ ее любитъ.

— Потому что у него натура похожа на придорожную землю въ притчѣ: онъ ее любитъ, и теперь онъ ее можетъ любить какъ недосыгаемое и прекрасное; но если бы она была его, онъ началъ бы сожалѣть о выгодахъ, приобретаемыхъ его нынѣшней женитьбой.

— Такъ онъ пустой человѣкъ?

— Да; онъ ея не стоилъ.

— Но она не перестаетъ и не перестанетъ его любить.

Маман опять пріостановилась и еще болѣе удивляясь сказала.

— Мой сынъ! но откуда тебѣ это все извѣстно?

— Отъ самой Христия, маман.

— Отъ самой Христия? Я думала, что ты такъ проницателенъ,—и хотѣла сказать, что ты можешь быть ошибаешься, но если Христия тебѣ сама сказала...

— Да; она мнѣ это сказала.

— Ну, въ такомъ случаѣ ты знаешь, гораздо болѣе чѣмъ я, отозвалась маман—и она мнѣ показала въ эту минуту чрезвычайно жалкою, какъ будто для нея въ жизни все кончено и она отрѣшена отъ нея. Такъ она была чутка и такъ немного надо было чтобы причинять ей чувствительнѣйшія раны.

Тутъ вскорѣ была Сержева свадьба, на которой маман не была по причинѣ ея весьма основательной болѣзни; но однако мы объ этой свадьбѣ имѣли самыя подробныя свѣдѣнія отъ друга моего Пенъковскаго: онъ попалъ туда какъ-то въ качествѣ ловкаго танцора и оказался большимъ наблюдателемъ, а также талантливый и притомъ весьма правдивый разсказчикомъ. Принесенный имъ къ намъ отчетъ былъ такъ полонъ, что мы знали все, начиная отъ мелочей столоваго меню до путешествія Пенъковскаго подъ столъ, что случилось съ нимъ будто бы въ жару танцевъ и не по его конечно волѣ, а потому что онъ разлетѣлся и у него лопнула штрипка и онъ упалъ. О женихѣ и невѣстѣ онъ не говорилъ ни слова—и это было очень удобно: Христия, слушавшая разсказъ Пенъковскаго о его паденіи подъ столъ, помирала со смѣха, точно все это было не на Сержевой свадьбѣ. Такъ все это прекрасно разыгрывалось, что лучше и желать было невозможно. Молодые уѣхали въ деревню, потомъ переѣхали въ городъ и снова откочевали на лѣто въ деревню, и опять появились на зиму въ городъ. Ушли два года, въ теченіе которыхъ утекло не мало воды: Христия постарѣла, пожелтѣла и поблекла; у меня вокругъ всего лица засѣлъ мягкій, но густой пушокъ, довольно красиво оттѣнявшій мои смуглыя щеки; а кто болѣе всѣхъ и выгоднѣе всѣхъ измѣнился въ эти года, такъ это Пенъковский: онъ сталъ атлетъ и красавецъ, приобрѣлъ себѣ массу знакомствъ и усвоилъ большую обходительность. Меня онъ считалъ самымъ жалкимъ ничтожествомъ—и обращаясь со мною свысока, обыкновенно подавалъ мнѣ два пальца. Христия не только не тревожили, но даже повидимому вовсе не занимали странныя извѣстія, которыя началъ доставлять намъ изъ дома Сержа Пенъковский, имѣвшій счастье обратить на себя вниманіе Сержевой матери, и учинившійся у нея какимъ-то секретаремъ фактотумомъ. Пенъковский доносилъ, что дѣла у молодыхъ пошли не ладно, что супруга Сержа своевольна, зла, капризна и самовластна.

— A do tego wsczystkiego trzeba wam dodac, ze ona ist i bardzo glupe, говорилъ Пенъковский, привыкшій уже считать себя полякомъ.

Это были общія характеристики, но вслѣдъ затѣмъ

Спаситель во гробѣ. Съ картин. Генриха Лейб, рисов. И. Петго, грав. Кенелъ.

Пеньковскій появлялся къ намъ отъ времени до времени, никѣмъ непрощенный, сообщалъ намъ скандалы и частнаго свойства, между которыми иные были весьма возмутительны и представляли положеніе Сержа очень жалкимъ; но самъ Сержъ кажется никому ни на что не жаловался и тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое горе.

Со временемъ онъ вѣроятно нѣсколько попривыкъ къ своему положенію, а чужіе люди перестали имъ интересоваться. Такъ ушли еще два года, какъ опять внезапно къ намъ появился Пеньковскій и сообщилъ при Христѣ, что жена Сержа, заплативъ какой-то значительный долгъ за него, или за его мать, сдѣлала ему столь сильную неприємность, что онъ схватилъ шапку, выбѣжалъ вонъ изъ дома и не возвращался до утра.

— И это у нихъ теперь часто будетъ повторяться, заключилъ Пеньковскій и заключилъ не опрометчиво, потому что одинъ разъ вскорѣ послѣ того, идучи вмѣстѣ съ Христей, мы замѣтили впереди себя одинокую фигуру, въ которой Христя не замедлила узнать Сержа и сжавъ мою руку дала знакъ идти тише.

Мы прошли за нимъ въ небольшомъ отъ него разстояніи нѣсколько улицъ. На дворѣ былъ поздній сѣрый вечеръ, покрапывалъ дождь и улицы были почти пусты. Сержъ шолъ тихо, понутивъ голову и часто останавливался;—мы все издали за нимъ слѣдовали—и я не замѣтилъ, какъ очутились въ улицѣ, гдѣ была квартира Альтанскихъ.

И что же? Сержъ, взоидя въ эту улицу, тихо пошелъ по противоположной сторонѣ и наконецъ остановился подъ темнымъ заборомъ.

Христя вздрогнула—и черезъ минуту, схвативъ меня за руку, тихо скользнула въ свою калитку, вбѣжала въ комнату и схвативъ карандашъ и бумагу написала дрожащею рукою нѣсколько строкъ и подала ихъ мнѣ съ словами:

— Идите и отдайте это ему.

— То есть Сержу? пересирсиль я.

— Да; то есть ему, повторила она снова меня передразнивая:—подите и отдайте! Или нѣтъ: стойте: вы не слуга мой, а другъ, и потому вы должны знать, что вы несете.

Она вырвала изъ моихъ рукъ записку, развернула ее и сказала:

— Прочтите.

Я прочелъ слѣдующее:

„Если вы несчастливы, и я могу что нибудь для васъ сдѣлать, то я ни передъ чѣмъ не останавлиюсь. Я хочу васъ видѣть.“

— Да, пусть онъ ко мнѣ придетъ. Что вы на меня такъ смотрите?

— Я, ничего..

— А ничего, такъ идите и скажите, чтобы онъ къ намъ пришелъ... по старому... завтра... я его ждать буду.

И съ этимъ она повернула меня и почти насильно выводила за двери.

Сержъ поврежнему стоялъ на улицѣ, но когда я сталъ приближаться, онъ тронулся съ мѣста и хотѣлъ уйти. Я ускорилъ шагъ и нагнавъ его слегка тронулъ его за руку и подаль письмо, которое онъ взялъ молча и нетерпѣливо бросился съ нимъ къ фонарю.

Меня душили слезы: я чувствовалъ, что сейчасъ, сію минуту совершится какое-то великое и тяжкое горе, и тихо зарывавъ въ рукавъ побѣжалъ домой, чтобы ничего болѣе не знать и не видѣть.

XXXI.

Описанное мною событіе имѣло свои большія послѣдствія, которые не могли долго скрываться: Сержъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ дома Альтанскихъ; онъ у нихъ обѣдалъ, у нихъ сидѣлъ вечера и вообще проводилъ у нихъ почти все свое время.

Я очень скоро узналъ объ этомъ, но молчалъ и ничего не говорилъ маман, отъ которой это также не скрылось и заставило ее сильно страдать. Она была такъ сконфужена, что даже перестала писать Филиппу Кольтбергу, а только стала очень часто нюхать спиртъ и проливать на сахаръ гофманскія кашли. Къ этому недоспѣла простуда и маман заболѣла. Тутъ Христя меня удивила: она была до того къ намъ невнимательна, что даже не приходила навѣстить маман. Съ того вечера какъ я отдалъ Сержу ея записку, она почти всѣмъ не появлялась въ нашемъ домѣ, но старикъ Альтанскій ходилъ къ намъ по прежнему и въ немъ вообще не было замѣтно ни малѣйшей переменъ ни въ какомъ отношеніи: онъ былъ такъ же спокоенъ, такъ же какъ и прежде шутилъ и такъ же занимался со мною классиками и математикой.

Частые визиты женатаго Сержа къ Христѣ повидимому не смущали старика, и даже можетъ быть совсѣмъ не останавливали на себѣ его вниманія, какъ нѣкогда не останавливало вниманія исчезновеніе этого молодого человѣка. Христя теперь, какъ и всегда, пользовалась неограниченнѣйшею свободою—и я страшился, что покровительствуемая этою свободою страстная ея любовь вѣроятно сдѣлала въ это время большіе и безповоротные шаги. Наклядая мою мать, я подозревалъ, что и она опасается точно того же. Мнѣ даже казалось, что это собственно было и причиною ея болѣзни.

Я и не ошибался.

Однажды Альтанскій прислѣлъ послѣ занятій со мною къ изголовью маман, сказавъ.

— Ахъ, я и позабылъ: у меня есть къ вамъ записка отъ дочери.

И онъ подаль маман распечатанную записку, которую та взяла дрожащими руками, и пробѣжавъ ее, потребовала у меня свой бюваръ, сунула туда полученную записку и написавъ отвѣтъ, велѣла мнѣ его запечатать.

Я взялъ бюваръ въ свою комнату и имѣлъ нескромность прочесть и Христину записку и материнъ отвѣтъ. Христя писала слѣдующее:

„Катерина Васильевна! Вы должны имѣть обо мнѣ самое дурное мнѣніе и мнѣ хочется сказать вамъ, что я его вполне стою: я *пропала*! Мое послѣднее поведение всякому даетъ право думать обо мнѣ какъ о самой недостойной женщинѣ—и я сама прежде всего считаю себя недостойною добраго расположенія и общества такой почтенной и горячо мною любимой женщины, какъ вы. Вотъ почему я не иду къ вамъ—и зная что вы болѣны по причинѣ, которую боюсь отгадать, рѣшилась просить васъ объ одномъ: не считайте меня холодною и неблагодарною, неумѣющую понимать и цѣнить вашей расположенности.“

Маман на это отвѣчала короткимъ словомъ: „Приди ко мнѣ другъ мой, моя милая Христя, я люблю тебя, я жду тебя со всѣмъ нетерпѣніемъ, и встрѣчу тебя съ вѣрнымъ тебѣ сердцемъ.“

Я запечаталъ это письмо и отдалъ его Альтанскому, а не болѣе какъ спусти одинъ часъ въ сѣняхъ нашихъ дверей послышался стукъ щекотды и въ дверяхъ залы появилась Христя.

Она была одѣта очень небрежно, въ какомъ-то старомъ черномъ изношенномъ платьѣ, и покрыта съ головы такимъ же чернымъ платкомъ; но лицо ея, хотя и было блѣднѣе обыкновеннаго, казалось спокойнымъ и даже счастливымъ.

Заставъ меня одного въ залѣ, она ни слова не говоря подала мнѣ руку, улыбнулась и поцаловала меня въ лобъ; я ей хотѣлъ что-то сказать, но она закрыла мнѣ ротъ и пошла скорыми шагами къ матушкиной комнатѣ, но вдругъ на самомъ порогѣ двери остановилась, закрыла ладонями глаза, и опустилась на колѣни.

— Боже мой! другъ мой! Христя! Ты ли это? воскликнула быстро вскочивъ и сѣвши въ кровати маман.

— Да; это я... посмотрите на меня Бога ради! отвѣчала не поднимаясь и не открывая глазъ дѣвушка.

— Зачѣмъ же ты тамъ стала? О, Господи! Иди, иди ко мнѣ, или я не выдержу...

— Вы меня не презираете?

— Нѣтъ, нѣтъ; я жалѣю тебя, я люблю тебя, я хочу плакать съ тобою!

Христя вскочила и бросившись къ маман обняла ее, а я поспѣшилъ уйти въ свою комнату и заперъ за собою двери.

Я долго сидѣлъ у себя, тяжело облокотясь головою на руки, и думалъ, что это за свѣтъ, что его за законы ради которыхъ лучшее гибнетъ принося себя въ жертву худшему,—и въ душѣ моей возставало смутное недовольство жизнью, которой я не понималъ, но уже былъ во враждѣ съ нею за эту Христю. *Я понимала что она сдѣлала* и она мнѣ казалась героинею—и при томъ такою искреннею, такою прекрасною, что я готовъ былъ за нее умереть; а когда я пересталъ философствовать и сдѣлался снова свидѣтелемъ разговора, который она вела съ матушкою, добрыя чувства мои къ ней еще болѣе усилились.

Христя не приводила ни какихъ аргументовъ въ свое оправданіе: она все брала на себя и говорила только одно, что она „не могла“ совладѣть съ собою“.

— Какъ же ты думаешь теперь жить?

— Ни какъ. Зачѣмъ думать: ни чего не придумаешь.

— Но твой отецъ?

— Отецъ мой меня любитъ.

— Но его годы, его взгляды...

— Не смущайте меня: я теперь счастлива, я любима, и вы меня не отвергаете—а болѣе мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла.

— А общество, а свѣтъ?

— А что они мнѣ дали? чѣмъ я имъ обязана? Не говорите мнѣ о нихъ: ихъ судъ мнѣ ненуженъ; я чувствую наслажденіе презирать его.

— Мой другъ, это не такъ легко.

— Легко ли, трудно ли, мнѣ объ этомъ теперь уже поздно думать.

— А собственная совѣсть?

— Совѣсть? она чиста. Я ни кого не погубила и не погублю: я отреклась отъ правъ на почетъ и уваженіе и взяла себѣ безславіе—и я снесу его.

— Зачѣмъ?

— Чтобы сдѣлать хоть немного счастливѣе того, кого я люблю и кто выше мѣры несчастливъ.

— А Богъ! а Богъ! ты забыла о немъ мое бѣдное дитя?

— Чей Богъ?

— Мой, твой, Богъ твоего отца.

— Богъ вашъ меня простить, потому что вы будучи его твореніемъ меня простили.

— Словомъ, ты не чувствуешь въ своемъ сердцѣ на себя ни какой грозы?

— Ни какой.

— И ничего не боишься?

— Ничего ровно. Я счастлива.

— О Боже! воскликнула маман.—Какъ правъ, какъ

правъ мой другъ, который предрекалъ мнѣ все это!

— О комъ вы говорите?

— Ты его не знаешь: его здѣсь нѣтъ.

— Его здѣсь нѣтъ; но я все равно его знаю: это тотъ, кого зовутъ Филиппъ Кольбергъ?

— Да; это онъ.

— Что онъ вамъ предрекалъ на мой счетъ?

— Когда мы познакомились съ тобою и я писала ему объ этомъ и описывала твое положеніе и твой характеръ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „остерегайтесь поддерживать гордость этой дѣвушки: такіе характеры способны къ неудержимымъ жертвамъ—и въ этой жертвѣ все ихъ оправданіе“. Я его не послушалась, я укрѣпляла въ тебѣ твою рѣшимость отказать Сержу, потому что я предвидѣла твое положеніе въ этой напыщенной семьѣ...

— И не жалѣйте объ этомъ, перебила Христя:—вы укрѣпили меня въ самую важную минуту и спасли меня отъ положенія тяжкаго, котораго я бы не спесла—и умерла бы ненавистною себѣ и ему; межъ тѣмъ какъ теперь я счастлива и умру счастливою.

— Къ чему же рѣчь о смерти?

— О! я скоро, очень скоро умру!

— Зачѣмъ такая мысль?

— Она меня радуетъ: я хочу умереть скорѣй, скорѣй...

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? О вы ли объ этомъ спрашиваете? затѣмъ, чтобы не надоѣсть и... умереть любимую! Неужто вы не чувствуете какое это блаженство?

Маман промолчала.

— О, я жалѣю васъ, если вы этого не знаете, продолжала дѣвушка.

— Нѣтъ, я это знаю, отвѣтила тихо маман,—но...

— Но, я знаю что вы скажете, перебила Христя:—вы скажете, что можно умереть любимую сохранивъ себѣ уваженіе, то есть не сдѣлавшись любовницею?

— Да.

— Отвѣчу вамъ: пускай это вмѣститъ, кто можетъ; я же не могла и спросить этого добраго Кольберга... Я думаю, что онъ добрый?

— Какъ ангель.

— И онъ конечно уменъ?

— О, очень уменъ.

— Ну, такъ спросите его: осудить ли онъ меня или нѣтъ, что я пожертвовала собою зная все... зная даже то, что меня долго любить не будутъ. Но я вамъ говорю: я предупредила это несчастіе и умру любимая.

— Какая ты славная и какая несчастная, Христя!

Она засмѣялась, и проговорила:

— Славная? да, я прословила; молчите обо мнѣ: прячьте мою славу, пока ее не выдастъ всѣмъ мое открытое безславіе. Вышла пауза—и я понималъ, что они въ это время должны были молча глядѣть другъ на друга: мать моя съ ужасомъ, а Христя со спокойствіемъ, которое вызывало этотъ ужасъ.

Я сталъ тихонько на колѣни передъ висѣвшимъ въ моей комнатѣ изображеніемъ Христа и горько рыдая просить Его:

— Омой, омой грѣхъ ея Твоею кровію!

Болѣе я ничего объ этомъ дѣлѣ не помню.

(Продолженіе будетъ).

Д В У Н О Г І Й В О Л К Ъ .

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

VIII.

Провиденіе.

Двери женской сагли растворились настезь. Утреннее солнце своими золотистыми лучами ярко освѣщало прилегающую къ сторонѣ сагли, часть сада—и блестя-

щая, изумрудная зелень виноградниковъ искрилась, вся обрызганная дрожащими капельками росы, еще неуспѣвшей испариться.

Изъ-за виноградныхъ лозъ, изъ-за этого ковра зелени, поднимались рядами сѣрые стволы тополей, а за ними, темнозелеными массами, виднѣлись группы карагачей,

закрывавшія собою даль, мѣстами только видѣвшуюся, въ проломахъ противоположной стѣны.

Свѣжій утренній воздухъ, ворвавшійся въ отворенную дверь, освѣжилъ затхлую, тяжелую атмосферу внутри сакли; обитательницы ея, въ первую минуту, инстинктивно, съ нескрываемымъ наслажденіемъ вздохнули полною грудью... Эта благодѣтельная, животворная струя возбуждающимъ образомъ подѣйствовала на Наташу, — она почувствовала въ себѣ приливъ бодрости и силы, а то и другое такъ нужно было ей въ эту минуту...

Всѣ зажмурили глаза, ослѣпленные на мгновенье яркимъ четверугольнымъ, блеснувшимъ, въ растворенной двери

Черный силуэтъ сутуловатой, колосальной фигуры заслонилъ этотъ четверугольникъ. Громадная чалма и широкія складки не подпоясаннаго халата еще болѣе увеличивали размѣры вошедшаго.

За нимъ виднѣлись еще два-три смуглыхъ лица, сверкнувъ на мгновенье рогатый стволъ мултука съ подсопками, зачернѣли высокія тюркенскія шапки... слышались сдержанныя, отрывочныя фразы...

Но дверь захлопнулась снова, и все это стихло и исчезло изъ глазъ обитательницъ женской половины двора, очутившихся снова во мракѣ, въ густой, непроницаемой темнотѣ, казавшейся еще большей, послѣ этого минутнаго, яркаго свѣта.

Атамкулъ самъ притворилъ за собою дверь и заложилъ ее засовомъ, оставивъ на дворѣ свою свиту, даже сопровождавшаго его, преданнаго иранца... Онъ вошелъ въ саклю одинъ.

Онъ тоже не видѣлъ ничего въ темнотѣ, въ первую минуту, и остановился у порога; но скоро тусклый, красноватый свѣтъ окна надъ дверью заклесенною промасленною бумагою, и еще изъ какого-то дымового отверстія въ углу, подъ самою крышею, слегка обрисовалъ размѣстившіяся по саклѣ женскія фигуры.

Айбулгакъ, при первомъ звукѣ голосовъ мужчинъ за дверями еще, отскочила въ самый дальній уголъ, повернулась къ нему лицомъ и присѣла; она даже халатъ накинула поверхъ своего тюрбана, и видѣлась въ своемъ убѣжищѣ, въ видѣ неуклюжей, безформенной массы...

Джелли быстрымъ движеніемъ разстегнула, почти разорвала воротъ своей рубахи, обнажила до половины грудь и растянулась навзничъ, на коврѣ, заложивъ обѣ руки себѣ за голову... Эта поза была очень эффектна и красива, и обличала въ красавицѣ опытную кокетку азіатскихъ гаремовъ...

Старушка разскащица подобострастно присѣла и съежилась, не въ далека отъ дверей; она дрожала какъ собака подъ занесенною надъ нею палкою, и слезливыми, часто морозящими глазами, смотрѣла прямо въ глаза Атамкула.

Этотъ робкій, рабскій взглядъ такъ и ловилъ, такъ и подстерегалъ малѣйшее желаніе, малѣйшій намекъ грознаго властелина... Вся фигура женщины одушевлена была однимъ инстинктомъ предупрежденія и мгновеннаго исполненія этого желанія, этого намека...

Наташа подняла голову, взглянула на эту темную массу, загородившую свѣтлый четверугольникъ дверей, и еще съ большею силою прижала къ своей груди, все еще плачущаго, нервно-дрожащаго ребенка.

Въ настоящую минуту она чувствовала въ себѣ приливъ такихъ колосальныхъ нравственныхъ силъ, такого мужества, что готова была на борьбу, самую безобразную по неравенству силъ... Она даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ болѣе сильный слабѣйшему, отнеслась къ человѣку — источнику всѣхъ ея страданій, мучителю, въ полной власти котораго она теперь находилась...

— Уйдите всѣ вонъ! произнесъ Мулла-Атамкулъ, шагнувъ впередъ.

Онъ положилъ свою руку на плечо Натальи Марты-

новны и даже наступилъ ногою на подолъ халата, какъ бы говоря этимъ движеніемъ, что приказаніе его относится не къ ней, а къ остальнымъ тремъ женщинамъ.

Старуха разскащица шмыгнула къ противоположной стѣнкѣ и начала поспѣшно отворять дверку, ведущую во второй, внутренній дворъ женскаго отдѣленія... Айбулгакъ пробралась вдоль стѣнки, не оборачиваясь сюда лицомъ, и первая проскочила, едва только эта внутренняя дверь отворилась.

Джелли не трогалась съ мѣста. Она лѣниво потянулась и притворно зѣвнула, вскинувъ на Атамкула глубокой, продолжительный взглядъ, въ которомъ отражалось наивное непониманіе: что, молъ, это такое передъ нею происходитъ?... Она даже улыбнулась — и хотѣла что-то сказать, вѣроятно спросить поясненія..

— Иди и ты, коротко пояснилъ ренегатъ.

Персіянка снова улыбнулась и отрицательно покачала головою.

— Ну! повторилъ Атамкулъ.

Медленно поднялась на ноги Джелли, опять потянулась, уже стоя, при чемъ все ея молодое тѣло красиво выгнулось, и серебристо зазвенѣли металлическія украшения, и подошла къ Атамкулу. Тотъ невольно попытался.

— Что-же, ты меня хочешь промѣнять на *эту*?!

Джелли указала на русскую женщину.

— Вонъ! заревѣлъ ренегатъ, выхвативъ изъ-за пояса нагайку и замахнулся.

За внутренними дверями послышался легкій, испуганный крикъ, подслушивавшей Айбулгакъ... Персіянка и не вздрогнула, только быстро поднесла руки къ лицу, какъ бы защищая его отъ готоваго разразиться удара.

— Хорошо-же, произнесла она. — Помни. Придешь ты ко мнѣ, я знаю, это будетъ скоро, можетъ сегодня-же,—тогда я сама скажу тебѣ: вонъ! Ты меня велишь зарѣзать,—и это, я знаю, съ тебя станется, а все таки живая Джелли больше твоею женою не будетъ, развѣ по рукамъ и по ногамъ связанная... Помни и ты! обратилась она къ Натальѣ Мартыновнѣ—хоть ты и не по своей волѣ, а все таки помни; я тебѣ *этого* не забуду...

Персіянка медленно пошла къ дверкѣ, остановилась еще разъ на порогѣ, звонко засмѣялась и хлопнула дверною щеколдою.

Атамкулъ и Наташа остались одни. Не совсѣмъ одни, между ними былъ ребенокъ.

Двуногій волкъ стоялъ теперь передъ нею и молчалъ.

Онъ не зналъ, чтѣ ему говорить, съ чего начать, какъ приступить къ дѣлу... Дикарь совсѣмъ растерялся въ эту минуту, и только машинально сжималъ въ своемъ кулакѣ тяжелую рукоятъ нагайки, поглядывая изподлобья, то на дверь, въ которую ушла Джелли, то на свою добровольную плѣнницу.

Петя выглядывалъ на Атамкула изъ-подъ обнимающихъ его рукъ. Онъ привыкъ уже немного къ своей новой обстановкѣ, къ новымъ лицамъ, къ этому пирату степей, ласкавшему его такъ часто, особенно въ послѣднее время, — и, не понимая вполнѣ всего происходящаго передъ его глазами, казалось, одинъ оставался совершенно равнодушнымъ зрителемъ... Только, въ моментъ взмаха нагайки, ребенокъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и крѣпче прижался къ груди матери; но онъ скоро замѣтилъ, что ударъ назначался не ему и успокоился...

— Здравствуй! опять началъ, съ того же, какъ и накануне, Атамкулъ.

— Я пришла... тихо, чуть слышно, произнесла Наталья Мартыновна.

Ренегатъ тяжело опустился на коверъ и чуть-чуть докоснулся руками къ одеждѣ женщины... Та отодвинулась...

— Зачѣмъ?.. хрипло спросилъ онъ—и покосился на нее изъ подлобья...

Глаза Атамкула разгорались какъ уголья; его нача-

Хищники и разбойники въ растительномъ царствѣ. Рисов. съ натуры Э. Шмидтъ, гравир. Аарландъ.

ла тристи нервная лихорадка, онъ быстро рванулся къ Наташѣ и обхватилъ ее обѣими руками... Онъ ничего не сознавалъ въ эту минуту, кромѣ одной ненасытной, жгучей страсти... Подставь ему къ груди ножъ — онъ бы не замѣтилъ его, не чувствовалъ бы какъ остріе проникаетъ въ его внутренности...

Ребенокъ попалъ какъ разъ между ними. Атамкулъ одною рукою отшвырнулъ его въ сторону, и Петя какъ мячикъ покатился по коврику, не успѣвъ даже крикнуть.

— Проклятый звѣрь! дико вскрикнула Наташа, вырвалась и бросилась поднимать ребенка.

За дверями опять послышался звонкій смѣхъ персианки...

— Гей! крикнулъ задыхаясь ренегатъ...

Старуха догадалась, что этотъ призывный крикъ отсылался къ ней и вошла въ саклю. Она знала, какого рода услуги отъ нея требуютъ хозяинъ...

— Бери ее! бери ее! прокричалъ Атамкулъ. — А этого щенка въ мѣшокъ и въ воду!...

Старуха какъ кошка шмыгнула черезъ саклю и вѣхнулась въ Наталью Мартыновну: она ловила сзади ея локти, стараясь стянуть ихъ за спиною.

— Вѣдь пришла я къ тебѣ, съ отчаяніемъ въ голосъ заговорила несчастная женщина, — вѣдь пришла... Зачѣмъ же насиліе... зачѣмъ?.. Ты самъ звалъ меня, чтобы отдать мнѣ моего сына... Утопить?.. Петю утопить!.. Я на все готова, на все; а ты его не трогай... Онъ вѣдь не твой; онъ мой!.. Его убьешь — меня убьешь, а развѣ ты моей хочешь смерти?!

Она освободилась изъ рукъ старухи и сама бросилась на шею Атамкулу.

— Погоди-же ты, русская собака! ясно послышалось за дверью...

— Мулла! Эй! Таксырь!.. Мулла Атамкулъ! раздался за противоположною дверью тревожные, призывные голоса.

Послышалось фырканье лошадей и топотня кованыхъ копытъ, будто весь садъ наполнился конными людьми. Атамкулъ слышалъ голоса и своихъ нукеровъ, и чужихъ... Голосъ Мать-Мурада покрывалъ все... Датха отчетливо и ясно отдавалъ приказанія прибывшимъ всадникамъ.

— Съ той стороны смотрите, чтобы не ушелъ онъ черезъ стѣнку! Выбивайте дверь, если самъ не отпираетъ. — Попалась ты мнѣ теперь, перебѣглая собака! Попался „языкъ раздвоенный“!

Атамкулъ ничего не понималъ, что дѣлается. Онъ чуялъ врага, врага страшнаго, онъ чуялъ смертельную опасность, не зная ея происхожденія.

Дверь, вытиснутая напоромъ нѣсколькихъ дюжихъ плечъ, сорвалась съ петель и съ трескомъ обрушилась внутрь сакли...

Ренегатъ выхватилъ ножъ и бросился въ внутренней двери. Эта дверь была снаружи приперта чѣмъ-то несокрушимымъ... Тамъ слышался все еще смѣхъ персианки и отрывистые ея фразы:

— Нѣтъ, не уйдешь... я здѣсь сторожу... Эй, сюда, сюда идите!.. Онъ ломится!..

Сакля наполнилась людьми. У Атамкула вырвали ножъ, его сбили съ ногъ и связали; — его подняли снова и повели къ Мать-Мураду, стоявшему верхомъ посреди сада и смотрящему на плѣнника, изъ-подъ чалмы, прямо въ глаза, съ самою злорадною, торжествующею улыбкою.

На Наталью Мартыновну — спрятавшуюся съ своимъ

ребенкомъ въ уголъ сакли — въ первое время даже и не обратили вниманія.

IX.

Досцакъ лауча попался.

Едва только Садыкъ съ своими джигитами оставилъ ставку Мать-Мурада и направился по Хазарь-Аспской дорогѣ, какъ на первой же верстѣ отъ кишлака, они встрѣтили чрезвычайно подозрительнаго всадника.

Этотъ всадникъ былъ киргизъ; онъ ѣхалъ легкою рысью, съ той стороны, откуда дожидались русскихъ. Лошадь у всадника была еще довольно свѣжа, и судя по ея виду, путешественникъ недавно только оставилъ мѣсто отдыха.

Всадникъ былъ одѣтъ по-киргизски, а лошадь осѣдлана по-русски, хотя эта подозрительная сѣдловка и была прикрыта полосатою попоною. Но это послѣднее обстоятельство еще болѣе увеличивало подозрѣніе...

Кромѣ того, едва только всадникъ замѣтилъ приближающуюся къ нему конную группу, какъ тотчасъ же поспѣшилъ свернуть въ сторону и скрылся за стѣнками одной придорожной сакли... Всѣ видѣли, какъ торопился онъ исполнить этотъ маневръ, какъ усердно хлесталъ нагайкою свою лошадь, заставляя ее перескочить арыкъ у дороги, какъ боязливо оглядывался онъ въ это мновѣніе на приближающихся и даже трогалъ рукою прикладъ ружья, бывшаго у него за плечами, словно готовился употребить въ дѣло это оружіе.

Приказанія Садыка никто и не дожидался. Не успѣлъ батыръ раскрыть ротъ для этого приказанія, какъ уже киргизы разсыпались цѣпью поперекъ дороги, гикнули и понеслись впередъ, заскакивая справа, слѣва, — всматриваясь во всѣ предметы, чтобы только не потерять, не проглядѣть какъ нибудь скрывшагося. Началась охота за этимъ подозрительнымъ всадникомъ.

Вотъ онъ снова показался между деревьями, замѣтилъ погоню и завертѣлся на мѣстѣ... Онъ находился какъ разъ въ центрѣ полукруга... Ему оставался только одинъ путь къ бѣгству — назадъ. Всадникъ однако колебался и мѣшкалъ — и вдругъ, завидѣвъ промежутокъ между двумя наѣздниками пошире, стремительно ринулся туда, не обращая вниманія ни на какія препятствія...

Вотъ тутъ-то раздался крикъ: лови, лови! — услышанные въ ставкѣ Мать-Мурада и надѣлавшіе тамъ такой тревоги.

Всадникъ проскочилъ; его лошадь оказалась лучшимъ скакуномъ, чѣмъ лошади его преслѣдователей...

Садыкъ снялъ съ плеча свое ружье, прицѣлился и, выждавъ минуту когда бѣглецъ выбрался на чистое мѣсто, выстрѣлилъ... Нѣсколько пуль еще понеслось по тому же направленію... Лошадь подъ бѣглецомъ споткнулась и упала какъ разъ посреди дороги, всадникъ перевернулся черезъ голову... Не успѣлъ онъ крикнуть, не успѣлъ стать на ноги, какъ уже почувствовалъ себя опутаннымъ волосатыми арканами.

Его поймали.

— Э, да это лауча Досцакъ, изъ русскаго лагеря!.. сразу узналъ пойманнаго одинъ изъ киргизовъ, присмотрѣвшись къ запыленному, покрытому грязью и потомъ, его лицу.

— Ну да, Досцакъ, — кому же больше? также сразу сознался и этотъ послѣдній.

Подѣхалъ Садыкъ, начался допросъ и обыскъ лаучи Досцака.

(Продолженіе будетъ).

СПАСИТЕЛЬ ВО ГРОБѢ.

(Снимокъ съ картины Генриха Лёви).

Многихъ живописцевъ, великихъ мастеровъ, съ давнихъ временъ вдохновляла исторія Новаго Завѣта и въ особенности исторія земной жизни Иисуса Христа. Кто

не видалъ по крайней мѣрѣ гравюръ и фотографій съ такихъ картинъ, какъ „Спаситель на Галгоѣ“ — Штейбена, „Снятіе со креста“ — Рубенса, „Тайная вечеря“ —

Леонардо-де-Винчи и пр. Сколько намъ извѣстно, немногіе художники задавались мыслью написать Спасителя во гробѣ, такъ какъ дѣйствительно въ художественномъ отношеніи такая тѣма не представляла бы надлежащаго эффекта, потому что не было бы видно Тѣла снятаго со креста и лежащаго *въ гробѣ, выставленномъ въ скаль* (Ев. отъ Луки, глав. 23—53), т. е. въ картинѣ не доставало бы главнаго, что преимущественно и должно было бы оставить впечатлѣніе въ зрителѣ.

Французскій художникъ — Геприхъ Леви, жертвуя исторической правдой, изобразилъ два длинныхъ, камня; на верхнемъ, какъ видно на картинѣ, лежитъ недвижимо измученное Тѣло Христа. Правая рука Его упала и лежитъ безжизненно, слегка касаясь плоскаго сосуда, въ которомъ лежатъ окровавленные гвозди... Два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ уже тутъ: одинъ, сидящій у изголовья, приподнялъ покровъ; другой—олицетво-

ренный образъ глубокой печали—склонился къ ногамъ Сына Божія и, осѣнивъ ихъ легкими крылами, какъ-бы замеръ... Это тѣ два мужа въ одеждахъ блистающихъ, которые сказали потомъ пришедшимъ искать Тѣло Господа Иисуса: *что вы ищите живаго между мертвыми?*

Въ пещерѣ свѣтло, ибо чудное сіяніе отъ главы Спасителя освѣщаетъ все окружающее. Вдали, черезъ открытый входъ въ пещеру, видѣтъ слабый свѣтъ—это начинается утро третьяго дня... Скоро придетъ Марія Магдалина, а за нею ученики—и не найдутъ они положеннаго въ гробѣ. Она наклонится плача надъ гробомъ и увидитъ вдругъ „двухъ ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи, сидящихъ одного у главы и другаго у ногъ, гдѣ лежало Тѣло Иисуса“. И скажутъ ей ангелы: *Жена! что ты плачешь?* (Ев. отъ Іоанна, гл. 20—13).

Прилагаемая нами гравюра сдѣлана съ фотографическаго снимка г. Феррье-Лекадра въ Парижѣ.

Хищники и разбойники въ растительномъ царствѣ.

Въ растительномъ царствѣ извѣстно не мало такихъ растений, которыя нападаютъ на себѣ подобныхъ съ цѣлью питаться на счетъ выработаннаго ими питательнаго матеріала. Эти такъ называемые паразиты болѣею частью отличаются отъ другихъ растений бѣдностью своихъ наружныхъ покрововъ, часто не содержащихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ зелени. Микроскопическія формы паразитовъ нападаютъ даже на живыхъ животныхъ, производятъ сыни и другія болѣзни и, увеличиваясь въ массѣ, не рѣдко ведутъ къ истощенію и смерти животныхъ. Все это извѣстно намъ уже давно изъ опыта; но что высшія растения, снабженныя прекрасными цвѣтами, съ удовольствіемъ сѣдаютъ маленькій англійскій бифтекъ и такимъ образомъ живутъ на па счетъ полученной ими добычи—это фактъ, открытый только въ повѣйшее время и не подверженный ни малѣйшему сомнѣнію.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ укореняющихся хищниковъ были сообщены англійскимъ натуралистомъ Эдмундомъ въ письмѣ его къ Линнею въ 1768 году. Ему было прислано одно изъ этихъ растений, живущихъ въ болотахъ сѣверной Каролины, такъ что онъ самъ могъ наблюдать его хищническія привычки. Онъ описываетъ этого бандита слѣдующимъ образомъ: изъ срединъ корневыхъ листьевъ этого растения, имѣющихъ особую форму и расположенныхъ въ видѣ розетки, выносятся цвѣтоносная ось, на вершинѣ которой раскрывается пучекъ прекрасныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, по устройству своему похожихъ на цвѣты нашего бѣлозвѣра болотнаго. Эдмундъ далъ растенію названіе Венера-муховка (*Dionea muscipula*), которое потомъ было принято также и Линнеемъ. Края листа снабжены рѣсничною бахромою и, кромѣ того, на поверхности каждой половинки листа находится еще отъ трехъ до четырехъ острыхъ щетиннокъ, между которыми помѣщаются маленькія красноватая желѣзки. Последнія отбѣляютъ слизистую жидкость, которая и служитъ приманкою для насѣкомыхъ. Коль скоро насѣкомое коснется поверхности листа, то обѣ половинки послѣдняго тотчасъ же захлопываются: его краевыя рѣснички такъ плотно складываются, на подобіе пальцевъ молниагоса, что пхъ скорѣе можно разорвать чѣмъ раскрыть. Эдмундъ утверждалъ что насѣкомое, попавшее на листъ, тотчасъ же прокалывается упомянутыми щетинками, такъ что его описаніе напоминаетъ такъ-называемыя «желѣзные дѣвы» средневѣковыхъ заступокъ. Это мнѣніе Эдмунда было, конечно, преувеличено, да и все письмо его казалось Линнею преувеличеннымъ. Линней считалъ муховку за новый видъ такъ-называемыхъ чувствительныхъ растений и потому думалъ, что листъ до тѣхъ поръ остается замкнутымъ, пока насѣкомое не перестанетъ раздражать его своими движеніями, послѣ чего онъ снова раскрывается, не извлекая никакой пользы изъ пойманнаго трупа. Линней зналъ ничего не хотѣлъ о пищеварительной силѣ растений, въ которой былъ увѣренъ Эдмундъ. Но уже послѣдшій замѣтилъ, что раздраженіе поверхности листа муховки глаголю или соломной можетъ заставить захлопнуться обѣ половинки листа, которыя потомъ вскорѣ снова раскрываются, когда замѣтитъ, что между ними нѣтъ насѣкомаго. Мнѣніе Линнея удерживалось и до сихъ поръ; только Дарвинъ-отецъ вилѣлъ цѣлебность въ любви растенія къ охотѣ и думалъ, что растеніе можетъ быть потому снабжено кружкомъ капкановъ, чтобы преградить насѣкомымъ доступъ къ цвѣткамъ, въ которыхъ онѣ могли произвести какія либо разрушенія.

Дарвинъ-сынъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими ботаниками Шпренгелемъ и Мюллеромъ, ясно показалъ ту пользу, которую цвѣтущія растенія извлекаютъ изъ посященія насѣкомыхъ выдѣленіемъ сладкаго сока и пестрою окраскою цвѣтовъ. Мы рассмотримъ часто вьющееся растеніе съ большими сердцевидными

листьями—кирканонъ, трубчатые цвѣтки котораго совершенно похожи на особаго рода мышеловку. Шеяка такого трубчатого цвѣтка тѣсно усажена плотными волосками, направленными къ нижней вздутой полости цвѣтка, такъ что насѣкомое можетъ войти, но не можетъ выйти оттуда, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не оставитъ на рыльцѣ принесенную пмь отъ другихъ цвѣтовъ цвѣточную пыль и взаменъ этой не заласается новою цвѣточною пылью. Тогда упомянутые волоски ослабѣваютъ и освобожденное насѣкомое улетаетъ, чтобы вскорѣ за тѣмъ попасть въ новую ловушку и тамъ снова повторить свою работу. Только до изслѣдованій молодого Дарвина могли думать, что такой чувствительный снарядъ для ловли насѣкомыхъ, какіиъ снабжена муховка, бесполезенъ для этого растенія.

Д-ръ Куртисъ изъ Вильмингтона въ сѣверной Каролинѣ дѣйствительно замѣтилъ (1834), что насѣкомыя, умерши внутри листа, мало по малу растворяются при дѣйствіи слизистаго сока, выдѣляемаго желѣзками листа. Это же наблюдатель показалъ что мѣстомъ раздражительности служатъ упомянутыя три щетинки, такъ что осторожное насѣкомое, проходящее между этими щетинками не касаясь ихъ, легко можетъ избѣжать угрожающей опасности. Тридцать четыре года спустя (1868), другой американскій натуралистъ Капби дополнилъ эти наблюденія, при чемъ онъ показалъ, что маленькіе кусочки мяса, положенные на листъ, побуждаютъ его тотчасъ же захлопнуться; въ этомъ положеніи листъ остается до тѣхъ поръ, пока не переварится все мясо, послѣ чего онъ снова раскрывается, готовый получить новый ужинъ. Далѣе Капби замѣтилъ, что сыръ, какъ пища трудно-варимая, не переносится и даже не рѣдко служитъ причиною смерти листа. За два года до этихъ замѣчательныхъ наблюденій, англійскій физиологъ Д-ръ Бурдонъ-Сандерсонъ нашелъ, что нервъ раздражительнаго листа муховки такъ же проводитъ электричество, какъ мышцы и нервы животныхъ. Этимъ подтверждается тотъ законъ, что между животнымъ и растительнымъ царствами существуетъ поразительное сходство какъ по отношенію къ органамъ движенія такъ и по отношенію къ органамъ пищеваренія.

Къ счастью, намъ не нужно ѣхать въ Америку для наблюденія надъ такимъ чудомъ растительнаго міра. Въ нашихъ торфяныхъ болотахъ и толяхъ почти повсюду въ средней Европѣ встрѣчаются нѣкоторые растенія, которыя не только представляютъ такіе же явленія какъ и муховка, но даже принадлежать къ числу самыхъ замѣчательныхъ и красивыхъ представителей нашей флоры. Мы говоримъ о видахъ росички, которыя, разумеется, неизвѣстны большинству нашихъ читателей, всегда благоразумно остерегающихся промочить ноги, ступая по болоту. Уже старѣйшіе нѣмецкіе ботаники смотрѣли съ удивленіемъ и почтеніемъ на эти маленькія растенія, видъ которыхъ навсегда оставался въ памяти у каждаго, кто хоть разъ видѣлъ ихъ во всей ихъ красѣ. Лѣтомъ, посреди торфянаго жа, мы находимъ розетку маленькихъ, свѣтлозеленыхъ, длинно-черешчатыхъ листьевъ, увѣнчанныхъ вѣчнозелеными, похожими на миртовойя листья, усиками какюквы; изъ средины этихъ листьевъ восходитъ цвѣторасположеніе, которое только въ полдень развертываетъ свои крошечные, бѣлые звѣздчатые цвѣточки. Но послѣдніе для насъ менѣе интересны чѣмъ листья. У вида чаще встрѣчающагося (*Drosera rotundifolia*) листья имѣютъ круглую форму, у другихъ же, болѣе рѣдкихъ, видовъ (*D. longifolia* и *intermedia*) — продолговатую; поверхность ихъ и края усажены множествомъ красноватыхъ или яркочерныхъ, болѣе или менѣе длиною, желѣзистыхъ волосковъ, мясистыхъ при основаніи, а на вершинѣ колбообразно-утолщенныхъ. На вершинѣ каждаго изъ этихъ рѣсничныхъ волосковъ находится маленькая капелька свѣтлой жидкости, такъ что листъ кажется

увѣнчаннымъ брильянтовой діадемой, при чемъ контрастъ листа съ пурпуровыми волосками и сверкающими, никогда не сливающимися, капельками представляеть очаровательный видъ.

Наши меланхолическіе предки, видѣвшіе капли на этихъ растеніяхъ въ жаркій полдень, когда роса исчезала на всей остальной травѣ, видѣли въ этомъ чудо природы и называли растеніе росянкой. Впослѣдствіи его перѣдко называли также солнечной росой, *Ros solis*. Въ то время, когда на основаніи наружнаго вида тѣлѣ природы предполагали, что эти тѣла созданы Богомъ ради медицинскіхъ, или другихъ какихъ либо цѣлей, росянку также считали лѣкарственнымъ средствомъ противъ изсушающихъ, болѣзней, именно противъ чахотки. «Основываясь на томъ обстоятельстве» — говоритъ Додонеусъ во введеніи къ своему гербарію — что трава удерживаетъ упавшую на нее росу, не смотря на жгучій солнечный жаръ, предполагали что эта трава представляетъ средство для увлажненія человѣческаго тѣла. Знахарки причисляли росянку къ тѣмъ волшебнымъ средствамъ, изъ группы мховъ и маленькихъ папоротниковъ, съ помощью которыхъ у каждаго можно было «отнять и опять возвратитъ силы». Дѣйствительно, виды росянокъ напоминаютъ мхи и папоротники не только своею красивою миньютюрною формою, но также и тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ молодые листья и побѣги свернуты при вершинѣ подобно вайдамъ папоротниковъ — странное исключеніе между вѣтвущими растеніями.

Алхимики, привлеченные страннымъ нашимъ болотнымъ растеніемъ, долгое время надѣялись открыть въ этой росѣ, противостоятелю дѣйствію солнечнаго жара, матеріалъ для золотой тинктуры и жизненнаго эликсира; особенную славу доставилъ этому растенію химикъ *Arnoldus de Villanova*, бывшій въ концѣ XVI столѣтія профессоромъ въ Барселонѣ и впослѣдствіи изгнанный испанскимъ духовенствомъ какъ алхимикъ и ученикъ дьявола. Въ Италіи, куда онъ бѣжалъ, онъ приготовилъ свою знаменитую золотую воду (*Aqua auri*), которая, подобно нынѣшнему королевскому напиту, должна была излѣчивать отъ всѣхъ болѣзней и была представлена въ видѣ вкуснаго ликера подъ именемъ *Rosoglio* (отъ *Ros solis*, росянка), который и въ настоящее время готовятъ и пьютъ въ Италіи.

Нѣмцкій ботаникъ, Ротъ, представившій свои наблюденія въ іюлѣ 1779 года, первый объяснилъ природу и значеніе такъ-называемыхъ росянокъ капель этого растенія, остатки котораго въ видѣ торфа нагрѣваютъ наши печи. Ему показалось страннымъ, что у отдѣльных листьевъ всѣ желѣзистые волоски наклонены къ одной точкѣ поверхности листа и что соотвѣственно этому края листьевъ также немного были загнуты внутрь. Когда онъ изслѣдовалъ нѣкоторые изъ этихъ листьевъ, сложенныхъ на подобіе кулака, то онъ нашелъ тамъ мертвыхъ насккомыхъ, болѣе или менѣе разложившихся. Онъ посадилъ нѣсколько экземпляровъ въ горшки, чтобы дома сдѣлать болѣе точныя наблюденія.

Когда онъ клалъ на листъ живаго муравья или маленькаго жука, то отдѣляемое кольцевидныхъ желѣзокъ въ видѣ тонкихъ нитей устремилось къ ногамъ животнаго и такимъ образомъ уничтожало всякую попытку къ бѣгству. Послѣ этого волосы мало по малу начинали изгибаться: сначала изгибались болѣе короткіе волосы, расположенные на поверхности листа, а потомъ и болѣе длинныя краевыя рѣснички, — такъ что спустя немного времени всѣ кольцевидныя утолщенія этихъ волосковъ были наложены на тѣло животнаго, которое, будучи схвачено какъ бы щупальцами полипа, обыкновенно уже черезъ четверть часа оказывалось мертвымъ. Но только спустя нѣсколько часовъ листъ вполне опорожнялся, причемъ его рѣснички принимали то положеніе, которое онѣ обыкновенно занимаютъ въ молодыхъ, еще не развѣвившихся листьяхъ. Тотъ же изслѣдователь замѣтилъ также, что листья росянки при солнечномъ свѣтѣ и тепломъ воздухѣ гораздо болѣе раздражительны, чѣмъ въ холодную и дождливую погоду, и что они повидимому менѣе чувствительны къ прикосновенію неорганическихъ тѣлъ, нежели къ прикосновенію живыхъ животныхъ; даѣе онъ замѣтилъ, что для ловли послѣднихъ свертываются только продолговатые листья, тогда какъ круглый листъ обыкновенной росянки работаетъ менѣе энергично. Эти наблюденія были подтверждены и другими изслѣдователями, послѣ чего въ теченіе 80 лѣтъ не появлялось никакихъ новыхъ наблюденій; наконецъ въ послѣднее время растеніе снова обратило на себя вниманіе естествоиспытателей.

Кромѣ англійскихъ натуралистовъ Дарвина и Беннета и французскаго — Циглера, извѣстна еще своими наблюденіями американка *Mrs Mary Treat*. Она производила опыты какъ надъ длиннolistными видами, не рѣдко встрѣчающимися въ въ нашихъ болотахъ, такъ и надъ неизвѣстнымъ у насъ видомъ *Drosera filifera*, причемъ оказалось, что растенія ловятъ не только мелкихъ насккомыхъ, муравьевъ, пауковъ, мухъ, но иногда также большихъ, какъ напр. моль и т. п. Если на поверхность длиннolistной росянки положить мертвое насккомое, или маленький кусочекъ сырого мяса, то спустя около двухъ часовъ листъ такъ совершенно свертывается вокругъ своей добычи, что верхушка его прикасается къ стеблю. Тогда какъ кусокъ сырого мяса производилъ раздраженіе листа также быстро какъ и живое животное, сухія минеральныя вещества, какъ напр. маленькія зерна кварца, кусочки извести и пр. даже по прошествіи двадцати четырехъ часовъ не оказывали никакого дѣйствія.

Важная извѣсть конечно раздражала листья, благодаря своимъ ѣдкимъ свойствамъ. Такимъ образомъ между раздражающимъ вліяніемъ неорганическихъ и животныхъ тѣлъ существуетъ несомнѣнная разница. *Mrs. Treat* наблюдала, что послѣднія производятъ раздражающее дѣйствіе даже на нѣкоторомъ разстояніи отъ листа. Въ іюлѣ 1873 года она прикрѣпила живую муху на разстояніи полдюйма надъ листомъ и замѣтила, что, спустя сорокъ минутъ, послѣдній замѣтно согнулся, а въ слѣдующіи затѣмъ десять минутъ животное было схвачено его рѣсничками.

Еще болѣе замѣчательны изслѣдованія Циглера, произведенныя имъ надъ различными видами росянки и сообщенныя въ началѣ 1872 года въ парижской академіи. Этотъ ученый старался доказать, что всѣ животныя бѣловыя вещества только тогда производятъ раздраженіе листьевъ росянокъ, когда ихъ предварительно держали нѣсколько времени между пальцами. Если онъ клалъ на листья бѣловыя вещества посредствомъ пинцета, не касаясь ихъ пальцами, то они не производили никакого раздражающаго дѣйствія. Напротивъ того, если онъ укрѣплялъ вблизи растенія ступокъ кроваваго бѣлка, продержавши его предварительно въ рукѣ около получаса, то, по прошествіи двадцати четырехъ часовъ, растеніе совершенно теряло свою чувствительность къ вліянію бѣлка. Послѣ этого листья могли быть раздражаемы хининомъ, завернутымъ въ бумажку. Но какъ бы ни объясняли эти явленія, во всякомъ случаѣ можно допустить, что чувствительные нервы относятся къ раздражающимъ дѣйствіямъ не безъ выбора, распространяютъ раздраженіе даѣе и возбуждаютъ къ дѣятельности мышечный аппаратъ.

Въ дѣйствительности, какъ у росянокъ, такъ и у другихъ раздражительныхъ растеній замѣчаются нѣкоторыя другія явленія, указывающія на нервную дѣятельность. Такъ напр. Дарвинъ, посредствомъ уколовъ иглою, могъ ослабить способность листьевъ росянокъ производить движенія, а Геккель въ Монпелье, равно какъ и другіе его предшественники, показали, что пары эфира и хлороформа оказываютъ такое же усыпительное дѣйствіе на раздражительныя растенія, притупляя ихъ чувствительность къ прикосновенію, какъ на большихъ и маленькихъ животныхъ, напр. на мухъ. Понятно, что отсюда нельзя заключить о существованіи у растеній центральной нервной системы, какую мы находимъ у высшихъ животныхъ: движенія растеній скорѣе соотвѣтствуютъ рефлективнымъ движеніямъ, которыя производятъ, напр., обезглавленная лягушка, если ее ущемить за ногу. Дѣйствительно, *Nuttall* замѣчалъ у свѣже-срѣзанныхъ листьевъ мухоловки на солнечномъ свѣтѣ такая же движенія, какія производятся листьями, не отдѣленными отъ растенія, хотя раздражительность срѣзанныхъ листьевъ быстро уменьшалась.

Такимъ образомъ оказывается, что растенія вовсе не такіе безчувственныя и индифферентныя существа, какими ихъ обыкновенно считаютъ — и насккомка святаго Августина надъ манхейми, которые смотрѣли на растенія какъ на одушевленные существа и жатву хлѣбонашцевъ считали повальнымъ убійствомъ, потеряла свое значеніе. На кроткихъ индусовъ, которые никогда не убивали животныхъ, эти растенія тоже должны были производить особенное впечатлѣніе, такъ какъ они настойчиво умерщвляли и пожирали животныхъ.

Англичанинъ Беннетъ показалъ, что отдѣленіе слизистаго сока изъ желѣзокъ росянки увеличивается отъ прикосновенія насккомаго, подобно тому какъ увеличивается отдѣляемое желудочныхъ желѣзъ у животныхъ, когда пища попадаетъ въ желудокъ. Подъ вліяніемъ этого сока мясо значительно измѣняется въ короткое время. Острота сока росянки извѣстна уже давно, такъ что этому растенію, растертому съ солью, приписывали нарквыя свойства. Листья растеній вообще сравнивали съ желудкомъ животныхъ, но до сихъ поръ никто не подобрявалъ, что существуютъ листья, поверхность которыхъ, подобно стѣнкамъ желудка, устлана желѣзами, отдѣляющими пищеварительный сокъ и способными всасывать питательныя вещества. Въ настоящее время особенное вниманіе обратила на себя группа растеній, листья которыхъ представляютъ ложь, всегда наполненную жидкостью, — это такъ-называемыя сумочныя и кружечныя растенія. Эти странныя болотныя растенія, къ которымъ принадлежатъ три рода: *Nepenthes*, *Sarracenia* и *Darlingtonia*, послужили предметомъ поэтическихъ описаній, по которымъ пугники, умиравшій отъ жажды въ далекой болотной странѣ, находилъ въ этихъ растеніяхъ прохладительный напитокъ; самъ Линней рассказывалъ, что птицы утоляли свою жажду жидкостью, заключенною въ листьяхъ *Sarracenia*. Въ дѣйствительности выделяемая растеніемъ жидкость заключена въ кружечкахъ, часто художественной формы, прикрытыхъ особенной крышечкой, которая предохраняетъ жидкость отъ испаренія и дождя; въ этой жидкости всегда находятъ множество труповъ насккомыхъ, которыхъ иногда загоняютъ туда насккомоядныя птицы. Яркая окраска и сладкій сокъ, выделяющійся въ входа въ эту кружечку (похожую у калифорнскихъ видовъ *Darlingtonia* на раскрытый ротъ пресмыкающихся) служитъ приманкою для насккомыхъ, которые тонутъ тамъ цѣлыми массами.

Еще въ 1791 году Вильямъ Бартрамъ высказалъ предположеніе, что жидкость, заключающаяся въ листьяхъ *Sarracenia* va-

Пасха въ селѣцѣ. Рис. Н. Карзина, грав. Дѣблицъ.

giolaris обладает свойством растворять и переваривать; это предположение подтвердилъ Бурнетъ въ 1829 году, а докторъ Меллишанъ, вратъ въ южной Каролинѣ, новыми опытами возвести это предположение на степень истины. По его описанію, сокъ этого растенія имѣетъ слизистый, вяжущій вкусъ и дѣйствуетъ ядовито на насекомыхъ. Упавшія туда животныя становятся неподвижными, но будучи вскорѣ вытащены, мало по малу опять приходили въ себя.

Пищеварительная сила соковъ различныхъ видовъ *Nepenthes*, которые содержатся въ нашихъ оранжереяхъ ради ихъ красоты, была изслѣдована докторомъ Гукеромъ; послѣдній нашелъ, что эти соки оказываютъ сильное растворяющее дѣйствіе на свернутый бѣлокъ, сырое мясо, хрящъ и пр. Куеки мяса вполне растворялись въ теченіе двухъ, трехъ дней; раствореніе происходило гораздо скорѣе въ самой кружечкѣ, нежели въ томъ случаѣ, когда сокъ былъ вышущенъ въ стаканъ. Изъ этого докторъ Гукеръ заключилъ, что внутренняя поверхность кружечки, соотвѣтственно количеству бѣлка, можетъ отдѣлять вещество, подобное пепсину желудочнаго сока животныхъ.

Впрочемъ, эти хищническія наклонности кажется врождены у маленькаго семейства росичниковыхъ, къ которымъ принадлежитъ также и мухоловка. По наблюденіямъ Штейна, они особенно рѣзко выражены у *Aldrovanda vesiculosa*, встречающейся въ Европѣ и вѣроятно переселившейся изъ Ост-Индіи. Во время одной экскурсіи въ Силезіи онъ нашелъ это водяное растеніе въ прудѣ и убѣдился, что каждый изъ его листьевъ, закрытыхъ въ полдень, заключаетъ въ себѣ пойманное насекомое. Въ теплой водѣ (30° R) это растеніе оказалось самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ сродныхъ съ нимъ видовъ, такъ что достаточно было только слегка пощекотать поверхность раскрытаго листа платиновой прополокой, чтобы заставить ее тотчасъ же захлопнуться вдоль срединнаго шва. Брошенная на листъ булавка немедленно была ловко поймана и выброшена обратно

только спустя 18—24 часа. Однако такая сильная раздражительность проявляется только въ очень тепломъ воздухѣ, какъ это было уже замѣчено старыми наблюдателями относительно видовъ росички. При низшей температурѣ, а также когда растеніе вынуто изъ воды, всѣ листья *Aldrovandae* остаются сложенными вмѣстѣ.

Послѣ того, профессоръ Зонъ въ Бреслау открылъ у другаго растенія, нерѣдко встречающагося въ канавахъ, у такъ-называемой пузырчатки (*Utricularia vulgaris*), маленькія чашечки, сидящія на подводныхъ нитевидныхъ листьяхъ и также предназначенныя для хищническихъ цѣлей. Эти чашечки также снабжены крышечкой, которая открывается только снаружи и препятствуетъ выходу попавшихъ туда животныхъ; по этому онѣ всегда наполнены остатками дафвій, червячковъ, мелкихъ ракообразныхъ животныхъ и водяныхъ жучковъ, тѣла которыхъ были высосаны растеніемъ. Мы воздержимся отъ болѣе подробнаго описанія этихъ растеній, такъ какъ всѣ роды хищниковъ представлены на рисункѣ. Въ верхней части рисунка изображены всѣ три рода сумочныхъ растеній (*Nepenthes*, *Darlingtonia* и *Sarracenia*), въ нижней части, съ лѣва на право, представлены мухоловка, пузырчатка, *Aldrovanda*, круглолистная и длиннолистная росички.

Въ заключеніе я обращаю вниманіе чтателей и читательницъ на удовольствіе, которое можетъ доставить имъ собственное наблюденіе надъ охотою и хищничествомъ росичнокъ, встречающихся въ торфяныхъ болотахъ. Если приподнять поверхность мха, то легко можно найти множество этихъ раздражительныхъ растеній, принести ихъ домой и пересадить въ горшокъ, наполненный торфомъ. Для нашихъ акваріевъ росички могли бы служить лучшимъ украшеніемъ и несмотря на то, я еще не видалъ ихъ ни въ одномъ акваріумѣ. Какое удовольствіе утромъ, послѣ золотыхъ рыбокъ, утолить голодъ росички кусочкомъ мяса и видѣть какъ это ей вкусу!

Пасха въ сельцѣ.

Въ наше время усиленнаго развитія городской жизни, едва ли среди подросткающаго поколѣнія въ столицахъ найдется много молодыхъ людей, которые совершенно ясно представили бы себѣ разницу между селомъ и сельцомъ. По крайней мѣрѣ намъ нерѣдко случалось слышать самоуверенныя опредѣленія вродѣ того, что сельцо есть небольшое село и т. п. А между тѣмъ эта, повидимому ничтожная разница, состоящая въ томъ, что въ селѣ церковь на самой площади, тогда какъ въ сельцѣ она за рѣкой, на другомъ берегу,—чрезвычайно своеобразно отражается въ бытѣ крестьянъ-обынателей...

Вотъ подходит великій праздникъ—свѣтлый день Воскресенія Христова, какъ бы прообразомъ совпадающій съ воскресеніемъ самой природы послѣ зимней летаргіи. По всѣмъ измамъ цѣлый день коношатся и гомозятся бабы съ утра до вечера. Надо все прибрать къ мѣсту, выставить казовымъ концемъ, вымыть и подмести полъ, убрать иконы чистыми полотенцами, вербой, чтобы не зазорно было добрыхъ людей пустить, какъ зайдутъ разговѣться; надо припасти и то, чѣмъ разглагольствовать. За Великій постъ накопились порядкомъ и яицъ, и молока во всѣхъ видахъ, творогомъ, сметаномъ, масломъ—хватитъ на всю святую. И вотъ еще со страстной пятницы закупѣла работа, мѣсятъ бабы тѣсто, мѣсятъ творогъ, красятъ яйца—чѣмъ-чѣмъ ужъ не красятъ: и лоскутками разноцвѣтными, и вѣничными листьями, и лукомъ, а кто побогаче—и сапаломъ. Всюду живая, пріятная дѣятельность. Весело и ребятамъ: не мало перепадетъ и на ихъ долю того-сего украдкой, какъ ни бояться они оскормиться—да гдѣ же! уберешься-ли? Одни только мужья и главы домовъ озабоченно поглядываютъ на рѣчку, покачивая головами. Вотъ ужъ сколько дней стоитъ оттепель. Грачи данымъ-давно прилетѣли, и важно расхаживаютъ у оттаявшихъ навозныхъ кучъ, по полямъ съ проталинъ то и дѣло срываются жаворонки, видѣли ужъ и слухъ (валышневовъ) въ старомъ осинникѣ... День и ночь неумолкаетъ капель съ крышъ и заборовъ; ледъ на рѣкѣ поспѣлъ совсѣмъ, вспучился. Глядятъ мужики, почесываются и опять покачиваютъ головами...

Вотъ наконецъ и страстная суббота доходитъ, все припасено, заготовлено; въ переднемъ углу на столѣ, на деревянныхъ кружкахъ, увязанные полотенцами стоятъ куличи, пасхи, яица, снаряжены въ церковь. Измаянныя хозяйки прикурнули на лавкахъ, спятъ, ждутъ перваго звона къ заутренѣ... Вдругъ—пафъ-па-па-па-тра-тахъ!.. словно залпъ изъ пушекъ раскатился снадворья, повскакали перепуганныя бабы, не разберутъ съ просонкомъ...

— Чтой-то? Нпкакъ рѣка?... надумывается невѣстка.

Въ пазу входитъ озабоченный хозяинъ, въ полупубкѣ на распаху.

— Тронулась, матушка!.. заявляетъ онъ во всеуслышаніе, широко крестясь:—лыдины такія пруть—страсти!..

— Мать Пресвятая Богородица!.. подхватываютъ бабы,—какъ же теперь... Вотъ бѣда-то!.. Ай, свѣтлпки!.. Нутка, Лукьянычъ, какъ же, отецъ?..

— Да вотъ-те и какъ же!.. недовольно ворчитъ глава,—что вамъ—впервой чтоль? Знамо дѣло на лодкахъ надыть—одно средство!..

— Да въдъ льдинами-то поди затреть чай, испропнеть... пѣвуче тынетъ старуха.

— Не бось, не испрокинеть!.. Ну-ка, чаво тутъ, собирайся... Живю... Пыхаться станемъ шестами—ничаво не затреть, успокоительно добавляетъ хозяинъ, доставая въ сѣняхъ багоръ на всякъ случай...

И тянутся вдоль темнаго порядка избъ взволнованныя кучки людей, съ куличами, пасхами въ уздахъ. Мужчины наскоро залятъ лодки, горлани во всю глотку на берегу, крестьянъ еще разъ, бабы съ визгомъ расаживаются...

— Трогай!..

Вдали на той сторонѣ свѣтится освѣщенная плошками деревянная колоколенка сельской церкви, словно спасительный маякъ привлекая взоры плавающихъ съ этого берега и путешествующихъ съ того...

Вотъ эта-то сцена обратнаго плаванія отъ ранней обѣдни домой на разговѣніе и изображена на прилагаемомъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

На этотъ разъ, за непмѣнимъ болѣе выдающихся новостей, мы припуждены занять вниманіе чтателей событіями, имѣющими второстепенный интересъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ борьба Испаніи съ карлистами. Видно по всему, что юный король Альфонсъ XII начинастъ сознавать беспіліе правительственныхъ войскъ подавить возстаніе Донъ-Карлоса, укрѣпившагося въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, обезпеченнаго

матерьяльно п фанатизируемаго правственно. Неудачное для войскъ правительства дѣло при Лакарѣ заставило королевскую армію еще болѣе ушатъ духомъ; съ другой стороны—и денежныя средства правительства въ столь незавидномъ положеніи, что не внушаютъ довѣрія даже самымъ легкомысленнымъ банкирамъ; земледѣіе и всякаго рода промышленность въ полномъ застоѣ; значительная часть государственныхъ доходовъ соби-

рается карлистами; пути сообщения не существуют... Такое грустное положение вещей не могло не остановить на себѣ вниманія болѣе осторожныхъ и благоразумныхъ людей, составляющихъ нынѣшнее правительство Испаніи, и король Альфонсъ уже вступилъ съ карлистами въ переговоры, послѣдствіемъ которыхъ могли бы быть взаимныя уступки и затѣмъ полное примиреніе. Но Донъ-Карлосъ совсѣмъ не такой человѣкъ, чтобы рѣшился на примиреніе изъ-за какихъ-нибудь ничтожныхъ обѣщаній, щедро расточаемыхъ на словахъ, но обыкновенно не выполняемыхъ на дѣлѣ. Онъ, какъ слышно, намѣренъ потребовать отъ короля Альфонса признанія себя инфантомъ Испаніи, съ тѣмъ, чтобы престолъ, въ случаѣ, если король умретъ бездѣтнымъ, перешелъ въ руки сына его, Донъ-Карлоса, и чтобы правительство взяло на себя уплату всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ карлистами теперь и въ первое ихъ возстаніе, въ 30-хъ годахъ. На помощь къ переговорщикамъ сторонамъ явился знаменитый въ лѣтописяхъ карлизма генералъ Кабрера, бывший въ первое возстаніе главнокомандующимъ карлистской арміей, а нынѣ безвыѣздно проживающій въ Англіи. Отказавшись отъ участія въ междоусобной боишѣ, генералъ Кабрера предпочелъ теперь взять на себя обязанность примирителя, и съ этою цѣлью обратился къ карлистамъ съ посланіемъ, которымъ старается склонить ихъ къ уступчивости и умѣренности. Чтобы дѣло переговоровъ пошло ускорѣннѣе, онъ рѣшился даже поцѣловать свое новое отечество, изъ котораго не выѣзжалъ въ продолженіе 35 лѣтъ, и отправился къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ карлистскихъ кружкахъ Кабреру считали измѣнникомъ, по обаянію этой личности все таки настолько велико, что присутствіе его близъ театра войны можетъ имѣть вліяніе даже на исходъ переговоровъ. Съ цѣлью разсѣять невыгодные для себя слухи и вмѣстѣ съ тѣмъ выиснить свой собственный образъ мыслей насчетъ настоящаго положенія Испаніи, генералъ Кабрера напечаталъ длинное письмо въ одной изъ клерикальных, а потому и наиболѣе читаемыхъ карлистами газетъ, въ которомъ онъ подробно развиваетъ мотивы, заставившіе его отказаться отъ борьбы за дѣло карлизма и выбрать болѣе мирное средство для улаженія настоящихъ безпокойствъ въ его отечествѣ. О результатѣ переговоровъ при участіи Кабреры, призывавшемъ къ конституціонной монархіи короля Альфонса, вмѣсто того, чтобы сражаться на-рискъ за клерикальную и деспотическую монархію Донъ-Карлоса, — мы не замедлимъ сообщить читателямъ въ свое время.

Не мало шуму въ политическомъ мірѣ надѣлало также столкновение между Турціей и Австріей повидимому изъ-за самаго ничтожнаго предлога. Дѣло идетъ о событіи, происшедшемъ на аудіенціи, данной султаномъ австро-венгерскому посланнику въ Константинополѣ, графу Зичи. На аудіенціи этой посланникъ лично получилъ отъ султана заявленіе, что турецкое правительство ничего не имѣетъ возразить противъ перенесенія правленія Общества постройки румелийскихъ желѣзныхъ дорогъ изъ Парижа, гдѣ оно имѣло до сихъ поръ свое пребываніе, въ Вѣну; а потому согласно и на перемѣну національности этого Общества изъ французской въ австрійскую. Заручившись этимъ объясненіемъ, графъ Зичи отправилъ въ Вѣну депешу, извѣщавшую о благополучномъ разрѣшеніи этого вопроса. Какъ вдругъ, въ тотъ-же самый день, получаетъ онъ великаго визиря (турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ) уведомленіе, что слова султана были будто-бы истолкованы графомъ Зичи не въ настоящемъ ихъ смыслѣ. Послѣ такого аффронта, австрійскій посланникъ почелъ себя оскорбленнымъ и, для разъясненія дѣла, потребовалъ вторичной у султана аудіенціи. Въ дѣло вмѣшались англійскій и германскій посланники и употребляютъ всевозможныя старанія, чтобы какъ-нибудь ослабить впечатлѣніе отъ этого

непріятнаго столкновения. Пока — все остается еще не разъясненнымъ и неулаженнымъ.

Итальянскія газеты наполнены описаніями имянитъ знаменитаго патріота и политическаго дѣятеля генерала Гарибальди, бывшаго 7-го марта. Въ этотъ день къ генералу Гарибальди явились съ поздравленіями и съ букетами цвѣтовъ, кромѣ многочисленныхъ частныхъ посѣтителей, выборы отъ рабочихъ союзовъ и разныхъ политическихъ обществъ; прочтаны были многіе адреса и сказаны привѣтственные рѣчи. Въ числѣ адресовъ, преподнесенныхъ Гарибальди, видное мѣсто занимаетъ адресъ, присланный отъ членовъ либеральной партіи въ Палатѣ Депутатовъ, за 83 подписями. Комитетомъ Общества ветерановъ войнъ за итальянскую независимость поднесенъ Гарибальди вѣнокъ изъ дорогихъ цвѣтовъ и серебряная черпильница, съ таковымъ-же орломъ на крышкѣ. Толпы народа, вмѣстѣ съ національной гвардіей, въ продолженіе всего дня выражали свою симпатію знаменитому борцу за единство, свободу и независимость ихъ чудной родины.

Общественное мнѣніе Англіи сильно взволновано происходящими въ настоящее время стачками рабочихъ и хозяевъ въ провинціи Южный Уэльсъ. Стачку открыли рабочие на каменноугольныхъ копяхъ, вслѣдствіе хронически возрастающаго пониженія заработной платы. Владѣльцы коней, въ свою очередь, произвели стачку, закрывъ свои мастерскія и тѣмъ лишивъ хлѣба болѣе 70,000 человѣкъ бѣднѣйшаго во всей странѣ класса. Не довольствуясь этой мѣрою, они согласились сдѣлать забастовку и владѣльцевъ рудниковъ. 30-го января, заводоладѣльцы распустили всѣхъ своихъ рабочихъ, заперли мастерскія, задули свои печи и постановили не возобновлять производствъ до тѣхъ поръ, пока противная сторона не уступитъ. Болѣе 300 тысячъ человѣкъ остались такимъ образомъ, безъ хлѣба и безъ работы... Ежемѣсячный убытокъ для англійской промышленности отъ этой чудовищной стачки равняется 17—22 милліонамъ рублей. Постоянно возрастающее въ послѣдніе годы пониженіе заработной платы, по словамъ хозяевъ коней и рудниковъ, вызвано сравнительно слабымъ спросомъ на англійское желѣзо, въ особенности же на англійскіе рельсы, такъ-что даже Россія, приобретающая обыкновенно рельсы изъ Англіи, получаетъ теперь довольно значительную часть ихъ на мѣстѣ, у русскихъ заводчиковъ. У Англіи же, вслѣдствіе этого, не остается уже ни одного крупнаго заказчика. Не отвергая всей силы экономического значенія подобнаго событія, мы желали бы охотно, чтобы дѣло поскорѣе перешло на почву нравственныхъ началъ и человѣколюбія, какъ извѣстно, далеко не всегда мирящихся съ экономическими принципами. На уступки, помимо этихъ соображеній, должна подвинуть также и личная безопасность, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. По словамъ газетъ, рабочие Южнаго Уэльса, отличавшіеся замѣчательнымъ добродушіемъ и терпѣливостью, начинаютъ теперь волноваться, вслѣдствіе чего принуждены усилить полицейскій надзоръ и держать на-готовѣ войска. Но если волненіе усилится, то едва-ли небольшой горсти охранителей общественнаго порядка будетъ достаточно для подавленія безпорядковъ со стороны чуть не трети псаго населенія провинціи, — тѣмъ болѣе, что голодная смерть страшнѣе смерти отъ пули.

27-го марта Франція лишилась одного изъ талантливыхъ писателей своихъ и вмѣстѣ члена Национальнаго Собранія, Эдгара Кипа. Онъ принадлежалъ къ крайней лѣвой партіи и, по своимъ убѣжденіямъ, характеру и воспитанію, представлялъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ типовъ идеалиста-демагога. На могилѣ было произнесено нѣсколько рѣчей друзьями и знакомыми покойнаго, и въ томъ числѣ Викторомъ Гюго и Гамбеттой.

С М Ъ С Ъ .

Благодарный сынъ. Къ одному молодому португальскому врачу, поселившемуся въ Марроко, приходитъ однажды молодой мавръ. Онъ обращается къ «великому чужеземному доктору» съ весьма странной просьбой, а именно, требуетъ средства, которое бы убило его отца, и обѣщаетъ хорошо заплатить за это. Докторъ слишкомъ хорошо зналъ мѣстные нравы, чтобы отклонить подобную просьбу со всѣмъ ужасомъ, какой бы возбудила въ немъ таковая, если бы была сдѣлана европейцемъ. Хотя въ первую минуту онъ невольно содрогнулся, однако скоро овладѣлъ собой и хладнокровно сказалъ:

— Ты вѣрно очень дурно живешь съ твоимъ отцомъ?

— О, нѣтъ, мы живемъ очень дружно, былъ отвѣтъ,—онъ нажилъ много денегъ, отдалъ мнѣ все свое состояніе и хорошо женилъ меня; но онъ старъ, не можетъ больше работать, а умирать не умираетъ.

— Въ такомъ случаѣ надо ему помочь, соглашается докторъ, приготовляетъ лекарство, которое должно возстановить силы старика, даетъ нѣжному сыну наставленія какъ его употребляютъ и получаетъ за это хорошия деньги. Черезъ недѣлю молодой мавръ является къ нему снова.

— Ну? спросилъ докторъ,—какъ подѣйствовало мое лекарство?

— Онъ все еще живъ, жалуется мавръ.

— Неужели! восклицаетъ докторъ съ хорошо-разыграннымъ изумленіемъ,—ну, ужъ теперь мы закажемъ ему чего-нибудь посылить. Онъ еще далъ стѣянку лекарства, взялъ за нее еще больше чѣмъ въ первый разъ—и черезъ двѣ недѣли узналъ объ результатѣ, какого онъ и ожидалъ: именно, что старикъ не только не умеръ, но напротивъ чувствуетъ себя гораздо сильнѣе и здоровѣе.

— Не унывай, утѣшалъ докторъ, находящій эти визиты очень выгодными для себя,—теперь ужъ я употребляю все свое искусство, и посмотри что удастся.

Молодой человѣкъ снова взялъ лекарство, но не возвращался больше къ доктору. Черезъ нѣсколько недѣль послѣдній встрѣчается съ нимъ на улицѣ и осведомляется о дѣйствіи своего послѣдняго лекарства.

— Ничего не помогаетъ, послѣдовалъ рѣшительный отвѣтъ,—мой отецъ не умеръ, а наоборотъ—просто помолодѣлъ, онъ даже опять можетъ работать. Я теперь вижу, что средства, которыя должны были ускорить его смерть, только продолжаютъ его жизнь, и поэтому намѣренъ предоставить природѣ дѣлать какъ она хочетъ. Отецъ хѣрю марабу (свѣтой).

Докторъ могъ только одобрить такое рѣшеніе; но такъ какъ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 16

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 20-го Апрѣля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Гансъ Христіанъ Андерсенъ.

2-го апрѣля (нов. ст.) исполнилось 70 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ гениальный сказочникъ Андерсенъ, всеобщій любимецъ во дворцахъ и хижинахъ, впервые увидѣлъ свѣтъ божій въ Одензе на островѣ Финненѣ. Конечно, знаменитый писатель въ теченіи семидесятилѣтняго поприща пробовалъ свои силы и въ другихъ родахъ, создавая, напр., романы, драмы и путевые очерки; но все это мало извѣстно за предѣлами его тѣсной родины. Сказки же покорили ему сердца всего земнаго шара. Здѣсь онъ по истинѣ поэтъ Божію милостью, ибо признанъ не одними лишь немногими избранными, но всѣми народами въ совокупности. Съ гордостью называютъ его Датчане своимъ Андерсеномъ, но не имѣя однимъ принадлежать онъ — истинный поэтъ принадлежитъ всему человечеству.

Сыну бѣднаго башмачника въ Одензе не легко было достигнуть высотъ, озаренныхъ солнцемъ славы. Отецъ его держался пословицы: «дно у работы — золотое» и мальчуга Гансъ Христіанъ долженъ былъ сильно работать молодкомъ и дравкой. Это конечно ему не мѣшало улавливать носившіеся въ его мысляхъ поэтическіе образы, но тѣмъ не менѣе, онъ лишь по смерти отца могъ послѣдовать внутреннему голосу, звавшему его въ высшія сферы.

Еще девяти лѣтъ отъ роду Андерсенъ считалъ себя поэтомъ и въ то время писалъ комедіи. Первую трагедію изготовилъ онъ по

разсказу тетюшки Бункефлудъ, вдовы датскаго писателя, разсказавшей ему трогательную исторію. Въ то время онъ посѣщалъ школу для бѣдныхъ въ Одензе и заходилъ къ тетюшкѣ Бункефлудъ въ часы отдохновенія убирать ея комнаты, за что добрая женщина давала ему поѣсть и разсказывала исторіи. Въ первой трагедіи онъ уморилъ отъ восьми до двѣнадцати дѣйствующихъ лицъ, но впоследствии отвыкъ отъ такой жестокости. Публика тоже не была признательна автору: уличные мальчишки дразнили его «комедіанчикомъ», а школьный учитель, которому онъ поднесъ стихи въ день рожденія, началъ высмѣивать поэта.

Вскорѣ умеръ отецъ, а мать, не имѣя средствъ содержать молодого Андерсена, послала его на фабрику. Здѣсь онъ, обладая прекраснымъ голосомъ, сталъ было забавлять рабочихъ пѣснями и декламаціей нѣтъ Гольберга — въ награду ему посыпались толчки — онъ убѣжалъ съ фабрики. Ему было уже двѣнадцать лѣтъ, онъ проглотилъ всѣ книги какія попадались подъ руку, и не имѣя средствъ исполнить свое завѣтное желаніе — поступить на сцену — самъ смастерилъ себѣ кукольный театръ и сидѣлъ дома, ставя на немъ цѣлыя пьесы Шекспира: «Король Лиръ» и проч. Мать Андерсена въ это время снова вышла замужъ — и вотчимъ предназначилъ своего пасынка въ портные. Ко дню конфирмаціи, Андерсенъ получилъ отъ полковника Гейтъ-

Гансъ Христіанъ Андерсенъ. Съ фотографіи грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Гюльденберга (брата поэта) в подарок *первые* сапоги и приличное платье; радость его была так велика, что он нарушал богослужение, то и дело показывая всем предстоящим и самому пастору новые свои сапоги и невыразимая. Это настроение впоследствии изображено им в сказке «Красные башмачки». Мало по малу скопил он 13 рейхсталеров и осадил свою мать просьбами отпустить его в Копенгаген, с тем чтобы он поступил на сцену и стал «знаменитым человеком». Та обратилась к гадалке и только тогда дала позволение. Когда предсказательница напроорочила «что Оденсе никогда не будет иллюминирован в честь Андерсена». 5-го сентября 1819 г. пришел он в Копенгаген и был встречен — плуками; какой-то мальчишка из мясной лавки закатил ему две пощечины, ошибочно приняв его за другого. Тут он пошел к театру, и благоговейно осмотрев снаружи здание, представился директору — но тот нашел его слишком *худощавым*: всякая надежда пропала. В отчаянии он купил себе билет в раек и пошел смотреть балет «Павел и Виргиния»; разлука любящих сердец до того его расстроила, что он расплакался навзрыд и рассказал собравшейся публике всю свою историю. Тогда он вспомнил о своем голосе и явился к профессору Сибони, как раз к обеду, в котором участвовали Баггезен и Вейзе. Его допустили к столу, он пел и играл на потеху присутствовавших, причем Вейзе собрал ему 70 талеров. В Копенгаген в течение нескольких лет он делил судьбу многих великих людей, которые, в борьбе за пальму первенства, испивают до дна всю горечь житейских забот.

Но послушаем рассказ самого Андерсена о том, как он сдвинулся писателем:

«Знаете, откуда я почерпнул тему первого своего произведения? Из жизни. Школьное время, по ходатайству профессора Сибони, я провел в доме одного из почтеннейших купцов в Копенгаген. Семейство это состояло из мужа, жены и ребенка. Я очень люблю детей, — крошка, видя меня ежедневно, скоро заметила это — и я стал ее лучшим, единственным другом. Отец? Он конечно любил свое дитя — по ему не хватало времени выказывать свою нежность; а мать питала в своем сердце так сказать две любви, как нельзя лучше ужинавшие вместе, что впрочем часто случается с женщинами: любовь к мужу и любовь к обществу. Она принадлежала к тем несчастным созданиям, для которых как бы нарочно выдуманы первые болзни, когда эти дамы случайно припущены бывают оставаться наедине с собою, — к тем женщинам, для которых развращение без усталости становится потребностью жизни, а иначе он для них жертва того первозданного состояния, той душевной болзни, что англичане так верно называют *сплином*».

«До самого рождения дочери, она еще не пропускала ни одного бала, ни одного концерта. В Копенгаген рассказывали, что дитя родилось между двумя кадрилями. Она любила свою дочку, она ласкала крошку Мэри и наряжала ее как куклу; но выезды не позволяли ей быть матерью. Таким образом я стал единственным другом маленького существа, а дитя — моим добрым ангелом. Если бы вы только видели Марию! Белокурая кудрявая головка с крошечным ротиком и большими голубыми глазами, сморщившаяся ямочка на щеках — надо кисть Мюрильо или резец Кановы, чтобы изобразить это.

«Когда маленькая „Лоло“ — так я шутя называл ребенка — была со мною, я воскресал, в сердце моем вставала весна. Однажды я отправился на короткую поездку с поэтом Гюльденбергом, который учил меня датскому и немецкому языкам. Разлука с ребенком показала мне невыносимо тяжелую — я любил Марию. Когда я вернулся через несколько дней, мне сказали, что ребенок заболел, — я поспешил в комнату крошки — и Мария увидав меня радостно вскрикнула и обвила ручонками мою шею. Но радость эта была лишь вспышкой, дитя безвольно упало в подушки. Мария была очень больна. Сопь не смыкала усталых, измученных безсонницей глазок ребенка, она мало и неохотно жала, личико ее исхудало, стало землистого цвета и синева на круги обозна-

чилась у глаз. Видали ли вы больного дитя? Видали ли вы молящий детский взгляд, которым безмощная крошка вы последние часы обводит все окружающее? Этими окружающими были и сиделка. Мать, правда, заходила изредка в комнату больной, говорила с докторами — и снова удалялась к своим туалетным утратам. Отца задерживали дела. На третий день моего приезда, заходящее солнце освещало лишь призрак синева на детском личике, с потухшими глазами: дыхание стало едва заметным, — еще один миг — и кроткий ангел смерти разрылся бдением от ее страданий. Жизненному огоньку не хватало масла для горения — легкое дуновение ветра — и он погас. Бедная Мэри!

«Я плакал о бедной детской душе — плакал об ангеле, который так любовно освещал мою жизнь. Проходили дни, недели, а образ «умирающего ребенка» стоял передо мною. Неотступно видела мне молящий взгляд безмощной крошки, — взгляд, искавший матери, отца — и горестно погасший, не находя их. Во сне и на яву грезился мне этот взор — он жил во мне — и я думал сохранить эту жизнь, изобразив его насколько я в силах. Так произошло мое «Умирающее дитя».

Чувствуете ли вы, читатель, что только детской чистоты великого поэта доступно изображение таких по видимому простых, а в сущности глубочайших и сильных ощущений?

В течение первого года своей жизни в Копенгаген Андерсен переслал в театральную дирекцию до 12 драм, которые все были разумеется отвергнуты; наконец, один из членов ее, Колин, согласился прослушать написанную им сказку, признав в ней некоторый талант, и вместе с Сибони доставил Андерсену возможность посещать латинскую школу в Слагельзе, под управлением славившегося знанием северных наречий и истории, проповедника Моллера. Моллер же стал платить и первый гонорар за труды Андерсена — по полталера за каждую сказку. Иногда, если сказка особенно ему нравилась, он повышал плату до талера. Так произошло эти знаменитые сказки, которые Моллер называл «сонным порошком для детей». Выслушав «Умирающее дитя», Моллер впервые прослезился — и этим-то первым слезам признания обязан Андерсен началу своей славы. В 1830 году появилось первое издание его стихотворений и сказок, принятых публикой с небывалым восторгом. В 1831 году предпринял он первую поездку по северной Германии, где его встретил как родного Шамиссо во Берлине и Людвига Тик в Дрездене. В Веймаре познакомился он с Вертольдом Ауэрбахом, который, подобно Андерсену, укоренялся в народной жизни, очаровывал уже всех своими «сельскими рассказами». Далее Андерсен объехал Швейцарию, Италию, Испанию, посетил Восток и даже Африку, всюду собирая перлы, так щедро рассыпаемые им впоследствии на страницах своих сказок. «Путевые очерки» его отличаются остротою наблюдательности и глубиной поэтического чувства. Снова объехал он Париж, Берлин, Веймар, Вфну, Рим и Неаполь, в которых сосредоточивалась жизнь цивилизованного мира, и всюду принимал его как всемирного поэта.

Из прочих произведений Андерсена замечательны романы и повести: «Импровизатор» (1834), сюжет которого дал Андерсену знаменитый соотечественник его, скульптор Торвальдсен, — «О. Т.» (1836), «Только скрипач» (1837), «Базар поэта» (1842), «Собрание рассказов» (1851), «Быть или не быть» (1857); затем автобиография: «сказка об моей жизни» (1847) и «Лисв Евангелие» (1844); наконец «Стихотворения» и «Путевые очерки».

Не смотря на семидесятилетний возраст, годы почти не изменили великого поэта: только сдвину и несколько согбенная осанка обличают их. Ясное, открытое чело его до сих пор свидетельствует о детской чистоте души. Детей любит он больше всего на свете. В доме его зачастую они киша киша, и целый шкаф лакомств постоянно готов к их услугам. Предсказание гадалки сбылось буквально: в пятидесятых годах, когда поэт посетил свою родину, город Оденсе был иллюминирован в честь Андерсена — это лучшее и неизгладимейшее из его воспоминаний о своей славе.

Очерки Сибири Семиреченская область *).

I.

Кастекское ущелье и станция Сары-Джасъ.

Если читатель развернет перед собой карту Центральной Азии и отыщет большое озеро Иссык-Куль, — лежащее в глубокой котловине в виде растянутого овала и окруженное громадными горами Ала-тау, Кунгей-Алатау и другими, из группы Тянь-Шань, одной из самых великих мировых горных групп, — то прямо на северо-запад от озера Иссык-Куль, правее Александровского хребта, тянется длинный горный отрог Безымянный — и, постепенно уменьшаясь, сливается с песками Караган-Кумъ, ветвями песчаных холмов, спускающихся

к северу, до самого озера Балхаш. Эти горы совершенно отделяют Токмакский район от Вяринского и ставят человека

*) Сотрудник „Нивы“ Н. Н. Карзинъ около 6-ти летъ провёл въ Средней Азии, собирав художественные и литературные материалы, могущие дать понятие о жизни, нравахъ, быта и природы посещенныхъ имъ странъ. — Материалами этими онъ уже не разъ дѣлился съ публикой, помѣщая ихъ въ различныхъ журналахъ, нашихъ отечественныхъ и иностранныхъ. На страницахъ „Нивы“ тоже не разъ появлялись какъ рисунки, такъ и литературныя произведенія этого автора. Въ настоящее время онъ готовитъ къ изданію большое сочиненіе „Картины быта и природы Центральной Азии“, сочиненіе, которое обѣщаетъ быть въ высшей степени интереснымъ, если принять во вниманіе известную читателямъ „Нивы“ наблюдательность, литературный и живописный талантъ почтеннаго автора. Книга эта — большое богато-иллюстрированное изданіе — имѣетъ выйти въ свѣтъ не ранѣе половины 1875 года, — а пока редакція предлагаетъ въсколько художественныхъ и литературныхъ описаній изъ этой книги, — которые и помѣститъ на страницахъ своихъ ближайшихъ номеровъ.

одно из самых непреодолимых препятствий к сообщению, — препятствий, которые едва только в продолжение пятнадцати лет удалось одолеть, и то после громадных усилий и материальных затрат по обработке путей сообщения.

Природа подготовила только два удобных прохода: ущелье Кастека и Боама, которые были исследованы в 1860—61 годах, и с тех пор — до самого настоящего времени, второе из этих ущелий, именно Боамское, все еще находится в первобытном состоянии; первое же, только в последние два года, обработано настолько, что по нему можно проходить даже в экипажах, но с большою осторожностью, с полным рядом предупредительных мер, не всегда впрочем гарантирующих путешественникам полную безопасность.

Дорога из Токмака до самой станции Кара-Булак, — которую прежде называли «выюнный Кастек», вероятно потому, что здесь приходилось бросать экипажи и продолжать путь верхом, выюнным способом, — тянется параллельно горного хребта, перебираясь с холма на холм и потом уже, пройдя восемь верст за станцию Кара-булак, круто поворачивается на левую и поднимается на гору, на высоту слишком двух тысяч футов, — а оттуда уже, короткими, страшными но своей крутизне и неожиданными поворотами спуском, сходить в узкую щель — «Кастекское ущелье».

В одном из номеров журнала «Нивы» за 1873 год, мы поместили рассказ и рисунок «катастрофы на Кастекском перевале» — который слишком ярко и картинно изображал всю трудность пути через этот перевал, всю величавую грандиозность этой дикой, необработанной природы. Итак, теперь, поднявшись на эту страшную высоту, начинаем спускаться вниз.

Кортеж наш состоял всего только из шести всадников: и сам, товарищ мой топограф К., двое прикащиков торговой фирмы Хлудова, наш общий слуга Шарип туземец и киргиз-проводник. Все мы были верхом на маленьких горных лошадках, совершенно изнуренных и обезсиленных от путевых трудов и продолжительной безкормицы. Зима в этот год стояла суровая, и в долинах лежал такой толстый слой снега, что скот горных кара-киргизов, — единственных и весьма немногочисленных обитателей этой дикой страны, — не мог добывать себе из-под снега подножный корм, а запасов сделано не было, так как это не в обыкновении беспечных дикарей, кочующих по всей горной области.

Крутые спуски заставляли принимать нас на съездах самые неудобные позы, — а маленький рост лошадей заставлял держать колена постоянно в согнутом положении. Это до такой степени утомляло нас, что мы вынуждены были большую часть дорог идти пешком, ведя лошадей в поводу, — расправляя на ходу свои затекшие, онемевшие ноги.

Далеко открытый горизонт с ослепительно-сверкавшим на солнце панорамой горных краев мало по малу суживался, по мере того как мы спускались все ниже и ниже. Справа и слева выросли крутые скаты гор и пестрели своими скалистыми выступами и обвалами. В трещинах и выдлинах держался еще снег, и эти ярко-белые пятна удивительно эффектно рисовались на черном фоне асидника или темно-красном фоне обильного железом глинистого сланца. Там, где от времени, или же подмытая водою, отвалились громадные скалы и загромодили ущелья, — там, на месте отлома, тянулись оригинальные слои горных формаций, представляя живописную пестроту для глаза любителя природы, — неисчерпаемый источник изучения для геолога.

Кое-где виднелись жидкие красноватые прутья горького терновника, — сухие стебли полыни и еще несколько родов колючих кустарников, дающих приют своим стеблям красивых горных курунатов, которых называют «кеглюх», по их оригинальному крику, когда они начинают перекликаться между собою. Этот крик, — эта воркотня, подхваченная горным эхом, чрезвычайно странно поражала наш слух, нарушая таинственную тишину грандиозного ущелья.

Товарищу моему захотелось попробовать свою охотничью двустолку, дня два тому назад вынутую из строгого заточения в чемаданы, — и он, передав мне поводья своей лошади, начал взбираться по камням и выступам, подбираясь к тому месту, где громче всего слышалось кеклюканье курунатов. Немного спустя, мы слышали, как зарокотал по горам звук выстрелов, — оказавшихся совершенно безплодною тратою пороха, не потому что они были неверно направлены, а потому что положительно невозможно было воспользоваться их результатами, так как птицы упали на выступ, недоступный по своей покатоности, и нам оставалось только издала полюбоваться одною из жертв, сфренкившим пятнышком видневшейся на самом краю выступа.

Охота нашего проводника-киргиза оказалась несравненно удачнее; он из своего фитильного муздука с подсопкою добыл — так нам обидно, воспользовавшись нашим получасовым отдыхом на половине спуска.

Долго мы шли таким образом, наконец утомление наше достигло крайних размеров. Самп лошади едва волочили ноги и тяжело тянулись на поводьях. Колена тряслись и подгиба-

лись. Головы наши начинали кружиться от этого вида безжизненно поднимавшихся с обычных сторон горных утесов... от этих обрывистых, ключеватых облачков, быстро бегущих мимо нас справа, слева, в недостижимой высоте, скользко по темно-синему небу.

— Если еще придется хотя четверть часа так идти... начал было один из хлудовских прикащиков и не кончил, потому что чуть-чуть не полетел вниз, — соскользнувшись одною ногою с обледенелой поверхности.

— Под ноги смотри! предостерег его, да и всех нас, горло проводника.

— Фу ты, чорт возьми! скоро ли эта проклятая станция? — спрашивал кто-нибудь из нас.

— Ике-чакрым (две версты), хладнокровно объявлял проводник.

Опять шли мы... шли долго... По нашему расчету давно уже была пора, проти эти «ике-чакрым» — но ничего похожего на станцию мы не видали впереди. Те же скалы, те же обрывы, те же утесы, сдвинувшиеся со всех сторон, словно намгравующие стиснуть нас и раздавить в этом тесном ущелье.

— Да скоро-ли наконец?! опять раздавалось петерфильное восклицание.

— Ике-чакрым — раздавался невозмутимый голос нашего Балай каракиргиза.

Нечего было и приставать с расспросами, только напрасно компрометирующими наш физический силы в глазах дикаря, и мы рывились стойчески подвигаться вперед и вперед, терпеливо ожидая, когда собственные наши глаза откроют какие либо признаки, указывающие на близость желанной станции.

— Вот она! совершенно неожиданно произнес проводник.

— Что... Кто?... посыпались вопросы.

— Сары-Джас!... станция, пояснял Балай.

Мы положительно недоумевали. Мы ничего не видали кроме того, что уже слишком сутки было перед нашими глазами... Те же скалы... те же... А! вот что-то бурое, коническое виднелось внизу... немного правее лошади... Вот еще... Точно два улья, или какая-то две муравьиные кучи (последнее сравнение удачнее) — торчат у самой дороги. Из людей, ни лошадей — ничего живого... никакого признака жизни... Мы подышали и слезли с лошадей.

Две войлочные желомейки, растрепанные, покосившиеся на бок — составляли все строение станции Сары-Джас. В одной кибитке еще можно было найти хотя относительный приют от горного, холодного ветра. Другая же ложительно не годилась нигде — так изорваны были эти кошмы, грязными, закомченными доскутами висели на поломанных, погнутых ржавках и ребрах. В первой мы нашли — остатки давнишнего должно быть костра, кучку былой, холодной золы, полуразнесенную ветром. Топлива запасено не было, корму для лошадей тоже.

Мы рассчитывали здесь сместить наших измученных лошадей и жестоко ошиблись в своем расчете... Пришлось здесь дать отдых несчастным животным и покормить их хотя чем-нибудь... а чем?..

Сарт-слуга и киргиз-проводник пошли рвать полынь и разную сучья для лошадей, — один из прикащиков принялся собирать высохшие куски конского и верблюжьего помета, чтобы развести огонь; К. занялся опиливанием пеньев с убитых курунатов и приготовлением нашего походного чайного прибора.

Кое-как, с большими усилиями, удалось развести маленький огонек; обжаренных птиц насадили на помпол и обожгли их со всех сторон (я не рываюсь назвать это жарением). Чай сварили на спирту. Прибавив ко всему этому горсти дыб сухарей и стакан хорошего рому, можно было достаточно подкрепиться и даже чувствовать себя сытым. Но наши лошади оказались менее счастливыми чем их господа: — то, что было собрано для их корма, едва бы хватило на одного осла — а не на восемь проголодавшихся лошадей, считая в то число и двух выюнных, везших наши чемаданы.

За то воды было вдоволь!.. Маленький, быстро бегущий горный ручей протекал у самых кибиток и сверкал своею прозрачною, холодною, необыкновенно вкусною водою.

Солнце стало садиться и в ущельях быстро темнело, но не надолго. Яркий фосфорический свет луны разлился по скалам, придавая им самые причудливые фантастические формы. Вид этих гор, этих снежных масс в вышине, при лунном свете был удивителен.

Пока мы отдыхали и спаряжались в дальнейший путь, мимо нас промелькнула небольшой легкой караван — и долго еще в наших ушах слышался мелодический звук бубенчиков, подвязанных под косматыми шеями верблюдов.

Встать за караваном тронулись и мы, обогнали его и снова погрузились в непроницаемый мрак, когда ущелье сужилось до такой степени, что на дно его не проникал даже лунный свет, освещая только далекие зубчатые гребни.

Опять та же поза на высоко-навьюченном неудобном съезде, опять та же тоскливая, невыносимая боль в согнутых коленях, опять то же безконечное путешествие — еще более скучное чем первое, благодаря темноте, отнявшей у нас возможность видеть что-нибудь по сторонам и впереди дороги.

Очерк Сибири: Ущелье Кастекъ въ Семипалатинской области. Съ натуры рисоваль Н. Карзинъ, грав. Пуцъ

Очерк Сибири: Станция и ущелье Сары-Джазъ въ Семирѣченской области (Иссык-Кульский край). Съ натуры рис. Н. Карзинъ, грав. Ольшескій.

Но вот ущелье мало по малу становится шире... впереди виднётся вертикальный просвѣтъ, словно въ дремучемъ лѣсу далекая просѣка... Что-то свѣтлое, бѣловатое видно за этимъ просвѣтомъ... Это уже ровное пространство, покрытое снѣгомъ, по ту сторону Безымяннаго хребта, по которому мы и погнали нашихъ лошадей, обрадовавшихся, что тяжелые подъемы и спуски остались уже позади, за ихъ хвостами.

Девять верстъ отъ выхода изъ ущелья до пикета Кастекъ

показались намъ девятью шагами; такъ пріятно было ѣхать по равнинѣ, выпустивъ стремена и свободно, по-англійски, протянувъ впередъ свои ноги. Красный огонекъ замигалъ впереди... что-то приземистое, черное виднѣлось вдаль—это были землянки, въ которыхъ жило человѣкъ шесть сибирскихъ козаковъ, поставленныхъ здѣсь въ видѣ сторожеваго пикета. Мы пріѣхали.

Н. Каравинъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каравина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

X.

Генеральское письмо.

— Ты откуда ѣхалъ? сталъ Садыкъ допрашивать пойманнаго джигита.

— Я?... я откуда ѣхалъ?... повторилъ вопросъ Досцакъ и началъ озираться во всѣ стороны, словно отыскивалъ кого нибудь глазами, въ этой толпѣ вооруженныхъ людей, окружавшихъ его плотнымъ, непроницаемымъ кольцомъ.

Большинство смотрѣло на пойманнаго только съ однимъ чувствомъ живаго любопытства, свойственнаго вообще всѣмъ азіатамъ. Одинъ Садыкъ внимательно осматривалъ джигита съ ногъ до головы, и особенно подозрительно посматривалъ на ременную перевязь сумки, спрятанной за пазухою Досцака... Этотъ ремень надѣтъ былъ петлею на шею, и только одинъ уголокъ подозрительной сумки виднѣлся изъ-за борта полосатаго, бумажнаго халата.

— Ну, говори, не вертись! а то я тебѣ развяжу языкъ, повытяну его наружу!.. прикрикнулъ батырь...

— Откуда ѣхалъ, тамъ меня теперь нѣтъ; а ѣхалъ я не къ тебѣ, а къ Мулла-Атамкулу... Вотъ что — ты вотъ перехватилъ меня, задержалъ... Мулла разсердился...

— А это у тебя что?..

Садыкъ взялся рукою за сумку и потянулъ, Досцакъ увернулся и поспѣшилъ запрячь эту сумку подалеке. Его схватили за руки и сорвали ремень съ шеи; послѣ минутной борьбы—сумка была отнята...

— Ухъ!.. экіе они у тебя сердитые!.. засмѣялся Досцакъ.—Ну, если отняли силу, не моя вина, такъ и скажу Атамкулу...

Развернули сумку, вытащили оттуда большой бумажный пакетъ, разорвали обертку, стали разсматривать, что тамъ написано...

— По русски... я не знаю, проговорилъ Садыкъ,—на коней и назадъ! Тамъ, у Мать-Мурада есть человѣкъ знающій, тамъ разберутъ. Гайда!.. А его держи крѣпко, гони пѣшкомъ, между лошадей, чтобы не ушелъ... Собака! собакамъ служить, собачью и смерть получить... гони!..

— Погоди еще смертью грозиться!.. проговорилъ довольно ясно Досцакъ,—можетъ быть еще большое спасибо скажете лаучѣ Досцаку, халатъ дадите новый шелковый и конемъ его подарите...

— Ишь ты какой до халатовъ охотникъ! засмѣялся одинъ изъ джигитовъ.—Ну, иди не упирайся, не привыкъ пѣшкомъ за лошадью бѣгать!..

— Не далеко... засмѣялся другой.

— А вонъ и самъ Мать-Мурадъ на встрѣчу ѣдетъ... Эй тамъ, очищай дорогу!..

Нашелся у Мать-Мурада человѣкъ знающій, разобрали письмо, что у Досцака въ сумкѣ хранилось...

— Что я говорить?... зло такъ улыбнулся Садыкъ.—Моя правда выходитъ, не вѣрили прежде.

— Проклятый пестъ, двудушный, двуязычный! произнесъ Мать-Мурадъ.—А ну, прочитай еще разъ, я не все понимаю...

Знающій человѣкъ опять прочиталъ письмо, и снова началъ подстрочно передавать его содержаніе... Всѣ слушали молча, съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ... Одинъ только Досцакъ, казалось, оставался совершенно равнодушнымъ зрителемъ всего происходящаго у него передъ глазами... Онъ посматривалъ по сторонамъ, переговаривался шепотомъ съ джигитами и только передергивалъ локтями, стараясь растянуть и тѣмъ ослабить немного веревки, связывающія его руки.

„Храброму батырю Мулла-Атамкулу, — отъ русскаго генерала письмо... читалъ знающій человѣкъ.

„... Да пошлетъ ему Богъ всякую благодать, всякихъ „успѣховъ, побѣду надъ врагами... и миръ въ его дому... „За то, что отвелъ своихъ отъ колодцевъ и отдалъ „намъ воду—благодаримъ; посылали обѣщанные десять „халатовъ и тысячу золотыхъ тиль, не получили еще „отвѣта; дошло-ли все въ цѣлости?... За послѣднее письмо „мо, въ которомъ извѣщаешь насъ о смутахъ въ нашемъ „ханствѣ и о томъ, что дорога въ Хиву съ этой стороны „открыта, благодаримъ тоже—слѣдующую тысячу „тилей и десять халатовъ вышлемъ немедленно... Обѣ „щаль ты намъ этого подлаго Мать-Мурада и злаго „человѣка, Мулла-Садыка, живыми захватить и выдать „намъ въ руки—мы за это согласны выдать, какъ ты „просишь, по десяти тысячъ тилей за голову; такъ и „знай. А за каики, что твои люди доставили намъ для „переправы, генералъ тебѣ большой крестъ съ орломъ „у „бѣлаго царя“ выхлопочетъ и чинъ полковника... Да „хранить тебя Аллахъ!.. увидимся скоро въ Хивѣ, „только ты помогай намъ попрежнему...

Кончилъ знающій человѣкъ, посмотрѣлъ Мать-Мурадъ на Садыка, тотъ на него вскинулъ глаза изъ-подъ малахая...

— Прежде чѣмъ ты наши головы выдашь, мы съ тебя самого съ живаго снимемъ шкуру! процѣдилъ сквозь зубы датха.—А съ тобою тоже дѣло скоро покончимъ, обратился онъ съ послѣдними словами къ Досцаку...

— За что, тюрка, за что казнить бѣднаго джигита, чѣмъ я виноватъ? меня послали,—ну, я и повезъ; развѣ я зналъ, что тамъ написано?... Я служилъ у русскихъ поневолѣ, меня силою взяли; я потому и повезъ письмо къ Мулла-Атамкулу, чтобы отъ русскихъ уйдти, да у васъ остаться... За что же меня убивать?..

Бѣдный Досцакъ такъ жалобно глядѣлъ на Мать-Мурада, такъ наивно приводилъ свои оправданія, что тотъ невольно улыбнулся.

— Еслибъ я зналъ, что тамъ написано, такъ я бы прямо къ тебѣ, датха, привезъ эту бумагу... Что мнѣ Атамкулу?... онъ мнѣ чужой!.. хочешь, я при тебѣ своими руками его зарѣжу?..

Послѣднія слова Досцака сопровождались слишкомъ выразительнымъ жестомъ; внезапное бѣшенство, заступившее мѣсто наивности, мгновенно исказило черты его лица. Эта перемѣна невольно поразила Садыка.

— А ты его знаешь?.. пыливо взглянуть батырь ему въ глаза.

— Й? Нѣтъ, я не знаю... видѣлъ его разъ только, когда онъ у русскихъ служилъ, — а больше ни разу... Нѣтъ, я его не знаю...

— Въ Рустемовъ садъ, тамъ разберемъ! махнулъ нагайкою Мать-Мурадъ, — дать ему лошадь, онъ намъ еще понадобится, кивнулъ онъ на Досцака. — Ночью пойдемъ, какъ разъ къ свѣту нагреемъ... Гайда!

Досцаку дали его же лошадь, связали ему ноги подъ брюхомъ коня, на всякій случай, прихватили за шею арканомъ для предосторожности, и вся кавалькада потянулась рысцёю восторону отъ Хазаръ-Аспской дороги, по направленію къ ставкѣ Муллы-Атамкула.

Садыкъ съ своими киргизами пошелъ обходомъ... Онъ разчитывалъ заѣхать съ другой стороны, чтобы отрубать Атамкулу отступление, если тотъ во время замѣтить угрожающую ему опасность.

Письмо — улику, работу писаря, *знающаго писать такъ какъ генералъ пишетъ*, Мать-Мурадъ тщательно сложилъ и спряталъ къ себѣ на грудь, за пазуху своего роскошнаго, питаго золотомъ халата.

Едва только взошло солнце — Рустемовъ садъ и сакли были уже окружены.

XI.

Судъ и казнь.

Мать-Мурадъ и Садыкъ слѣзли съ лошадей. Имъ разостлали на землѣ большой хивинскій коверъ, на который и сѣли они оба, приготавливаясь чинить судъ и правду надъ обвиненнымъ.

Остальные люди обоихъ полководцевъ заняли кругъ, усѣлись тоже, и молча ждали развязки этого импровизированнаго судилища.

Атамкуловы джигиты толпились издали... Ихъ было мало, а потому о попыткѣ выручить силою своего батыря не могло быть и рѣчи. Большинство изъ нихъ предпочло даже заблаговременно удалиться, и въ числѣ спрятавшихся былъ иранецъ. Онъ только пропмыкнулъ въ женскую саклю, шепнулъ: — бѣда, уходи скорѣе! и полѣлъ черезъ заднюю ставку, къ выходу въ поле.

Атамкула посадили какъ разъ напротивъ судей-обвинителей.

Онъ угрюмо смотрѣлъ въ землю и, казалось, былъ совершенно покоенъ... Онъ чувствовалъ, что дѣло кончится скверно. Онъ зналъ, что отношенія его къ Мать-Мураду и Садыку въ послѣднее время были далеко не дружелюбны; онъ не боялся ихъ до сихъ поръ, потому что не зналъ за собою ничего такого, что бы могло дать имъ право на его голову... Онъ считалъ себя ихъ товарищемъ, лицомъ совершенно равноправнымъ, на жизнь котораго они бы не осмѣлились покушаться... Однако онъ сознавалъ, что въ настоящую минуту, они обладаютъ этимъ правомъ: есть что-то, что развязало руки его врагамъ... Его занимала мысль: что же это именно такое?

Атамкулъ сталъ перебирать у себя въ памяти всѣ мелочи, всѣ обстоятельства послѣдняго времени, и невольно пожималъ плечами, теряясь въ недоумѣніи. — За старое мстить? думать онъ про Садыка, по тутъ же отбрасывалъ это предположеніе и переходилъ къ новому...

Иногда онъ косо посматривалъ черезъ головы сидящихъ джигитовъ въ ту сторону, гдѣ находилась женская сакля, и тогда его взгляды напоминали взгляды собаки на пригнотленную для нея чашку съ съѣстнымъ, въ которой ее пока еще не пускаютъ, а чужая собака ходитъ близко и вотъ-вотъ доберется до этой соблазнительной чашки...

Была минута, когда ему послышался женскій крикъ... Ему показалось, что это голосъ Натальи Мартыновны. Онъ вздрогнулъ и вскочилъ на ноги.

— Куда! проѣдиль сквозь зубы Садыкъ..

Руки у Атамкула были связаны, конецъ этой веревки былъ напутанъ на его лѣвую ногу, движенія несчастнаго были стѣснены, — и двое джигитовъ, безъ труда, усадили его на прежнее мѣсто.

Ему прочли обвинительное письмо.

— О чемъ тутъ писано, я ничего не понимаю, я не знаю... угрюмо отвѣтилъ Атамкулъ и поблѣднѣлъ.

Онъ сталъ соображать и догадываться.

— Дешево наши головы цѣнишь, проговорилъ Мать-Мурадъ, — а впрочемъ и за эту оцѣнку спасибо. Все таки честь и почетъ намъ сдѣлалъ: шутка-ли *десять тысячъ тиль!*

— А вотъ за твою я и фальшиваго кокана не далъ бы! засмѣялся Садыкъ. — Такая дрянь стала, что за негодностью придется тебѣ ее, кажется, сбросить...

— Свою береги... и до тебя еще дойдетъ дѣло, огрызнулся Атамкулъ.

— Побережемъ...

— Мусульманинъ-ли ты, или со всѣмъ особачился? укоризненно покачалъ головою Мать-Мурадъ. — Своихъ продавать началъ?..

— Неправда въ томъ письмѣ писана... Покажите мнѣ того джигита, что везъ эту бумагу; откуда вы взяли ее?.. Мало-ли, что можно написать по злобѣ... Кто привезъ эту бумагу?..

— Давай сюда его! крикнулъ Мать-Мурадъ.

Досцака ввели къ кругъ.

Атамкулъ заскрежеталъ зубами... Съ пѣною у рта онъ рванулся къ лаучѣ. Онъ бы задушилъ его на мѣстѣ, еслибы въ эту минуту лопнули какъ нибудь веревки, связывающія ему руки...

— Когда я въ плѣну былъ у русскихъ, захрипѣлъ обвиненный, — онъ погубить меня хотѣлъ, онъ мнѣ смерть готовилъ... Это врагъ мой... это ложная бумага... Кораномъ присягну... пусть сожжетъ меня молніей, пусть покроется тѣло мое проказою, пусть гниетъ мой языкъ, если лгу я теперь... Ложная это бумага! Врагъ я русскимъ, не якался я съ ними... это письмо мнѣ на погибель писано...

Несчастный говорилъ горячо, дрожа всѣмъ тѣломъ; все лицо его разгорѣлось, жилы напряглись на лбу, глаза безпокойно блѣгли... Атамкулъ почти блѣсновался...

Досцакъ сложилъ свои руки на желудкѣ и отвѣсилъ Мать-Мураду *большой кулдукъ* (поклонъ). Онъ выдвинулся впередъ и, замѣтивъ беззащитное положеніе Атамкула, сталъ отъ него шагахъ въ двухъ...

— Позволь, датха, мнѣ, червяку, по землѣ ползающему, недостойному рабу твоему, слово сказать. Позволь правдою глаза ослѣпить этому злому челоуѣку. Я, Досцака лауча, много знаю, много такого скажу хорошаго... Позволь говорить только...

— Говори, произнесъ Мать-Мурадъ.

— Этотъ челоуѣкъ много зла вашему ханству сдѣлалъ, позволь я его самъ спрашивать стану...

— Пусть спрашиваетъ, рѣшилъ Садыкъ.

— Такъ не получалъ ты отъ русскихъ халатовъ... не получалъ?.. Ой-ой!

Досцакъ укоризненно покачалъ головою и съ упрекомъ посмотрѣлъ на обвиняемаго. — Неужели скажешь — не получалъ?

— Нѣтъ, ты врешь, собака...

— Погоди... и денегъ не получалъ?

— Нѣтъ...

— И жену не получилъ?.. хорошую жену, что самъ просилъ у генерала?..

— Врешь — проклятый!

— Ой-ой-ой... какою злою неправдою языкъ твой воорочается!.. Поспроси, датха, у его людей: — привезли-ли ему па дняхъ, вчера еще должно-быть, русскую женщину, изъ ихняго лагеря, — и какую женщину! самую у нихъ лучшую... спроси-ко!

— Есть, тюр, выдвинулся одинъ изъ джигитовъ.—Самъ видѣлъ: сидитъ тамъ у него въ саклѣ русская баба... говорятъ: точно привезена вчера—самъ видѣлъ.

— Сюда ее!..

Нѣсколько человѣкъ бросились въ саклю—Атамкулъ заметался на мѣстѣ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія...

Изъ-за кустовъ показалась Наталья Мартыновна; ее вели, подхвативъ подъ мышки. Ее почти несли... Она неловко держала своего сына обѣими руками, ребенокъ трясся какъ въ лихорадкѣ и озирался кругомъ растеряннымъ, полупомѣшаннымъ взглядомъ...

Наташа едва шла—она, казалось, ничего не видѣла передъ собою. Какое-то оцѣпененіе охватило все ея существо; она не понимала, чего отъ нея ждутъ, — чего требуютъ.

— Моя правда... видишь?.. Моя правда! засуетился лауча Досцакъ.

— Ты изъ русскаго лагеря привезена? спросилъ Мать-Мурадъ.

Она молчала.

— Эй, толмачъ, спроси ее по ихнему, поправилъ дѣло Садыкъ.

Знающій человѣкъ перевелъ вопросъ.

— Да, русская... да я, русская... отпустите меня, это мой ребенокъ... не твой... отпусти! проговорила Наталья Мартыновна, не обращаясь ни къ кому особенно... такъ куда-то въ пространство.

Она говорила, какъ будто не сознавая того, что говорить... ея рѣчь была очень похожа на бредъ сонной...

— Бѣдная, бѣдная!.. произнесъ Досцакъ.—И для тебя, звѣря подлаго, обратился онъ къ Атамкулу,—для тебя, чтобы ножъ твой купить братоубійственный, чтобы измѣну твою купить, отдали тебѣ эту женщину...

— Кончимъ съ нимъ, что даромъ время терять... лѣниво звѣнулъ и потянулся Садыкъ,—дѣло ясное.

Мать-Мурадъ задумался...

Настала еще тяжелая, невыносимая минута общаго молчанія... Все притихло; только лошади грызли удила и отфыркивались, да сталъ розовыхъ скворцовъ суетливо возилась и щебетала въ густыхъ кронахъ сосѣдней группы карагачей.

Атамкулъ поникъ головою...

— Прикончить!.. тихо произнесъ Мать-Мурадъ и сдѣлалъ рукою характеристическій жестъ, черкнувъ пальцемъ по воротнику своего халата...

— Вставай, таксырь (грѣшный)! подошли къ приговоренному два рослыхъ киргиза.

— О, великій судья, да поплетъ Аллахъ много милостей на твою мудрую голову! обратился Досцакъ къ Мать-Мураду.—Позволь мнѣ самому—этому злому человеку горло перерѣзать...

— Свое береги... прочь! грозно прикрикнулъ датча и энергично плюнулъ на землю.—Кончайте скорѣе!

— Что вы лукавите?! пронзительно вскрикнулъ Атамкулъ,—что вы судьями прикидываетесь?! разбойники вы оба—и только!.. Давно моей смерти хотите. На те же, подавитесь моей головою, захлебнитесь моей невинною кровью—и пусть она тяжелымъ камнемъ повиснетъ у васъ на шеяхъ, пусть! проклятіе вѣчное падетъ на головы вапи!.. пусть...

Его повалили, накинули на голову халатъ и потащили за саклю.

— Брось эту падалъ! брезгливо отвернулся въ сторону Мать-Мурадъ, когда ему принесли голову „двуногого волка“ Муллы-Атамкула.

— Затѣмъ бросать! остановилъ Садыкъ,—эй ты (онъ обратился къ Досцаку)—возьми эту голову и отвези русскому генералу отъ меня и Мать-Мурада въ подарокъ... бери.

Досцакъ порывисто схватилъ этотъ безобразный остатокъ обѣими руками, на колѣняхъ подползъ къ Садыку и униженно поцѣловалъ полу его халата.

Его Юнусъ, его воспитанникъ былъ отомщенъ.

А въ то же время, по дорогѣ изъ Хивы, къ Гурленю, къ юмудскимъ кочевьямъ, спѣшно пробиралась группа всадниковъ. Посреди этой кавалькады ѣхалъ человѣкъ, еще молодой, но уже съ сильно-поношеннымъ, поблекшимъ лицомъ и апатично обвислою нижнею губою — на немъ былъ халатъ изъ кашемировой шали и на головѣ высокая тюркменская шапка.

Высокій аргмакъ шелъ плавно, широко шагая, остальные лошади трусили вокругъ него рысцою.

За кавалькадою тянулось десятка два аровъ, запряженныхъ гуськомъ, по двѣ лошади въ каждой. Арбы эти были безпорядочно нагружены. Видно было, что съ этою нагрузкою торопились и кое-какъ складывали все вмѣстѣ: дорогіе ковры, кованные сундуки, узлы съ платьемъ и множество металлической посуды.

Все это спѣшило, словно бѣжало, словно спасалось отъ чего то страшнаго, что находилось сзади, за ихъ спинами.

Они бѣжали дѣйствительно.

Это былъ ханъ хивинскій—Сеидъ-Рахимъ-Богадуръ, сбившій совершенно съ толку своими совѣтниками, окончательно потерявшій голову...

Русскіе были уже подъ стѣнами Хивы... Ханъ бѣжалъ. Куда? онъ и самъ не зналъ этого, онъ объ этомъ и не думалъ... Его словно пугали и заставляли вздрагивать эти отдаленные, глухіе удары, слышавшіеся по временамъ за его спиною.

То были русскія пушки.

(Продолженіе будетъ).

Блуждающе огоньки.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

XXXII.

Романъ Христи скоро получилъ огласку. Это и не могло быть иначе, потому что поведеніе страстно-влюбленнаго въ нее Сержа обличало его ежеминутно—и въ глазахъ его домашнихъ и въ глазахъ постороннихъ, которымъ была охота что нибудь видѣть. Я не знаю, было ли Христѣ что нибудь извѣстно о томъ, что о ней толковали, но полагаю что нѣтъ, потому что она рѣшительно умерла и погреблась для всего міра. Кроме ея собственнаго дома, ее нигдѣ нельзя было видѣть: къ намъ она приходила, вся закутанная, поздно вечеромъ и уходила ночью, да и то это продолжалось только до

тѣхъ поръ, пока мама была больна; но какъ только мама начала выходить, Христѣ съ тѣхъ поръ къ намъ уже не показывалась. Еще оставалась у нея церковь, такъ какъ Христѣ не смотря на свое своеволие была очень набожна, но она избрала для своего моленія самую уединенную церковь и тамъ пряталась отъ всѣхъ взоровъ. Вообще прятанье сдѣлалось у Христи какою-то страстью и наводило на меня лично очень непріятное впечатлѣніе: укрывающаяся Христѣ была точно олицетвореніе нечистой совѣсти, что во все не шло къ ней, тѣмъ болѣе, что она, судя по ея недавнему объясненію съ мамой, считала свою совѣсть совершенно чистою.

А время все шло своимъ чередомъ, дни уходили за

Литературный Альбомъ. Измаилъ-Вей. Соч. Лермонтова, рис. Медвѣдевъ, грав. Напѣръ.

днями; Христа все также старалась быть невидимой и мы видѣлись съ нею очень рѣдко, а съ Сержемъ никогда; но укрѣпившіися въ фаворѣ женской половины этого дома Пеньковскіи ретиво доносили намъ, что тамъ идутъ ужасныя сцены и что жена и мать Сержа задумали какой-то планъ мщенія. Планъ этотъ, какъ вскорѣ обнаружилось, состоялъ въ томъ, что высокій покровитель семьи Сержа, при которомъ сей послѣдній былъ записанъ на службу, дать ему порученіе въ Петербургъ. Сержъ было возсталъ противъ этого и подавалъ просьбу въ отставку, но просьбы этой отъ него не приняли, а Христа убѣдила его не поднимать спора и ѣхать. Онъ ее послушался и уѣхалъ, кажется, точно такъ же легко, какъ прежде послушался ее и женился на другой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, слушая ее, онъ слушался собственныхъ своихъ задуманныхъ и тайныхъ желаній, которыя Христа только умѣла отгадывать и предлагать въ видѣ своихъ просьбъ.

И такъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мы придвинулись къ Христѣ, которая была очень спокойна и даже какъ-бы довольна, что осталась одна,—обстоятельство которое меня еще сильнѣе павело на мысль, что Христа только бодритъ, а въ существѣ очень страдаетъ отъ невыносимой тяжести положенія, которое себя устроила очертя умъ и волю. Она внутренне подобрала себя къ рукамъ,—стала гораздо порядочнѣе и спокойнѣе въ поступкахъ и въ мысляхъ, и даже во внѣшности: ея костюмъ и ея комнаты все это приняло прежній стройный характеръ, который было совершенно утратился и исчезъ во дни ея безумныхъ увлеченій.

Такъ прошло болѣе мѣсяца, какъ вдругъ случились у насъ два происшествія: первое заключалось въ томъ, что къ роднымъ Сержа пришла будто бы вѣсть, что онъ въ Петербургѣ имѣлъ непріятную исторію съ братьями своей жены и опасно занемогъ. При разсказахъ объ этомъ чего-то очевидно умышленно недоговаривали и въ городѣ отъ этихъ недомолвокъ пошли толки, что у Сержи была дуэль и что онъ опасно раненъ. Жена его немедленно поскакала въ Петербургъ.

Христа, до которой дошла эта новость, сначала было очень испугалась, но потомъ подумала, успокоилась и сказала, что все это неправда.

Еще мѣсяцъ спустя получилъ извѣстіе, что Сержъ уѣхалъ съ женою для пользованія за границу.

Христа, услыхавъ объ этомъ, сказала:

— Ну вотъ *это* правда!

И вслѣдъ затѣмъ она получила отъ Сержа письмо, въ которомъ тотъ каялся, что роковая судьба заставляетъ его подчиниться тяжелымъ обстоятельствамъ; что онъ два года долженъ прожить съ женою за границею, потому что иначе теща лишитъ его значительной доли наслѣдства, но что онъ за всеѣмъ тѣмъ останется вѣренъ своему чувству къ Христѣ и будетъ любить ее до гроба.

Христа все это приняла съ улыбкою и перенесла съ такимъ спокойствіемъ, что казалось, будто она вовсе даже ни мало и не страдала. А вслѣдъ затѣмъ вскорѣ произошло событіе въ другомъ родѣ, которое ее даже заставило хохотать и долго было у насъ причиною немалаго смѣха.

Винникомъ этого веселаго событія былъ мой добрый другъ Пеньковский.

Я уже сказалъ, что онъ пользовался большимъ фаворомъ на женской половинѣ Сержева дома. Какъ началось ихъ знакомство и дружество—я не знаю; но когда мы стали обращать на это вниманіе, то дѣла уже стояли такъ, что Пеньковский былъ въ ихъ домѣ своимъ человѣкомъ и притомъ человѣкомъ самымъ необходимымъ. Теща, мать и жена Сержа, до самаго своего отъѣзда къ мужу, безъ церемоніи употребляли моего друга на разныя посылки и послуги и удостоивали при этомъ своей особой довѣренности, которою онъ и умѣлъ

пользоваться съ дѣлающимъ ему честь тактомъ. Посѣщая насъ и принося намъ разныя непрощенныя вѣсти изъ дома Сержа, онъ выуживалъ, гдѣ могъ, разныя сплетнишки о Христѣ—и снабжая ихъ своими комментаріями, сносилъ туда. Онъ же оказывалъ самое ревностное и въ то же время самое осторожное содѣйствіе въ устройствѣ спасительной высылки Сержа за границу и потомъ остался утѣшать двухъ старухъ: родную мать Сержа—здоровую, толстую и чернобровую старуху Анну Ивановну—и его тещу Марью Ильинишну, старуху менѣе старую, высокую, стройную и сохранившую слѣды нѣкогда весьма замѣчательной красоты.

Эта послѣдняя была женщина свѣтская,—но своему очень неглупая, щедрая, даже расточительная; она записалась Пеньковскимъ съ знаніемъ дѣла: экипировала его со вкусомъ и такъ выдержала въ отношеніи всей его внѣшности, что въ одно прекрасное утро, всѣ мы, невзначай взглянувъ на моего друга, почувствовали, что онъ имѣетъ неоспоримое право называться замѣчательнымъ красавцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его высокій ростъ, крупная но стройная и представительная фигура, прекрасныя свѣтлорусые, слегка въьющіеся волосы, открытое высокое чело, полное яблоко голубыхъ, завѣшанныхъ густыми рѣсницами глазъ и удивительнѣйшей, античной формы большая бѣлая рука, при мягкости и въ то же время развязности манеръ, быстро имъ усвоенныхъ подъ руководствомъ изящной и любившей изящество тещи Сержа, обратили его въ какого-то Ганимеда, затмѣившаго своей весенней красотой все, что могло сколько нибудь спорить о красотѣ.

Онъ это чувствовалъ и сознавалъ—и необыкновенно легко обучился держать себя съ большою важною. Состоя на однихъ со мною правахъ и потому будучи обязанъ служить приказнымъ, онъ однако бросилъ свою гражданскую палату—и перемѣстился въ аристократическую канцелярію къ начальнику, ведшему за усы его отца, взиралъ свысока на всѣхъ засѣдателей и надсмотричиковъ, которыхъ могъ обогнать однимъ шагомъ. Ему теперь все улыбалось—и онъ полилъ, добръ и ликовалъ, и отнюдь не подозревалъ, что въ это самое время ему готовился урокъ непрочности земнаго счастья. Среди самыхъ цвѣтущихъ дѣлъ онъ получилъ смертельный ударъ, заключавшійся въ томъ, что убогая жена моего дяди внезапно подавилась курною косточкою и умерла,—а дядя мой, отъ котораго по выраженію лица, у котораго служилъ Пеньковский, „взятками пахло“, чтобы отбить отъ себя этотъ дурной запахъ, сдѣлалъ предложеніе Марѣ Ильинишнѣ и получить ея руку, быстро и безповоротно. Этимъ политическимъ фортелемъ дядюшка, сблизясь съ главною начальникомъ края, укрѣпилъ себя на своемъ креслѣ, такъ какъ оно подъ нимъ довольно шаталось,—а бѣдный Пеньковский очутился безъ шага. Въ домъ дяди его не пускали, а тайно благодѣтельствовалъ ему Марья Ильинишна или не хотѣла, или онъ самъ считалъ неудобнымъ участвовать въ этой тройной игрѣ. Словомъ, дѣла его приняли вдругъ самый дурной оборотъ: аристократическая канцелярія не давала ему ничего, кромѣ какихъ-то весьма отдаленныхъ видовъ; но какъ было ихъ дожидаться, когда скупой отецъ не давалъ ему ни гроша, а самъ онъ не умѣлъ добыть трудомъ ни копѣйки.

Всякій бы на мѣстѣ Пеньковского сталъ въ тушикъ, и съ нимъ случилось то же самое, но только съ тою разницею, что онъ скоро нашелся какъ поправить свои обстоятельства и притомъ способомъ самымъ прочнымъ и капитальнымъ.

Разъ, въ праздничный день, онъ приходитъ къ намъ по обыкновенію развязнымъ цеголемъ и франтомъ, и предложивъ маманъ руку, просилъ ее его выступить. Они вдвоемъ вышли въ залъ, а я остался въ матушки-

ной комнатѣ, гдѣ грѣлся передъ каминомъ; но не прошло и десяти минутъ, какъ матушка вдругъ вошла торопливой походкой назадъ. Она имѣла видъ встревоженный и смущенный, и плотно затворивъ за собою дверь, сказала мнѣ:

— Выйди сдѣлай милость къ нему и скажи, что я почувствовала себя дурно и легла въ постель.

Я смотрѣлъ на маман молча, изумленными глазами, но она еще настойчивѣе повторила мнѣ свое порученіе и закопалась въ мелкихъ вещицахъ на своемъ туалетѣ, что у нея всегда выражало большое волненіе.

Я вышелъ въ залъ и увидѣвъ передъ собою представителя Пеньковскаго, ощутилъ всю трудность возложеннаго на меня порученія, тѣмъ болѣе что не зналъ, чѣмъ оно вызвано. Одну минуту мнѣ пришло въ голову, ужъ не сдѣлалъ ли онъ предложенія моею маман, но, вспомнивъ что онъ въ послѣднее время усвоилъ себѣ привычку говорить съ женщинами съ особенной тихой развязностью, я счелъ свою догадку преждевременной и просто попросилъ его въ свою комнату.

— Въ твою комнату? зачѣмъ это? спросилъ онъ меня съ легкой гримаской; но услыжавъ отъ меня то, что я долженъ былъ ему передать по порученію маман, онъ вдругъ смялся и на выхоленномъ лицѣ его мелькнули черты, которыя я видѣлъ на немъ, когда обнаружилось, что Кириллъ водилъ его подъ видомъ палача по королевской армаркѣ.

— Послушай, сказалъ онъ мнѣ въ одно и то же время и разсѣянно и строго:—я выправѣ отъ тебя однако потребовать одного, чтобы ты сказалъ: понимаешь ли ты, что это обидно...

— Ей Богу, ничего я не понимаю, отвѣчалъ я по истинѣ.

— Я объявляю твоей матери, что я женюсь на ея знакомой,—и такъ или иначе, дѣлаю ей все таки честь: прошу ее быть моею посаженою матерью; а она, вдругъ, представъ себѣ: молча смотритъ на меня цѣлыя пять минутъ... замѣть, все молча! Потомъ извиняется, быстро уходитъ и высылаетъ ко мнѣ тебя съ этимъ глупымъ отвѣтомъ, что она нездорова... Знаешь, милый другъ, что если бы я не уважалъ ее, и если бы это не въ такое время, что я женюсь...

— На комъ же, на комъ ты женишься? перебилъ я.

— А я, любезный другъ, женюсь на Аннѣ Ивановнѣ.

— На какой Аннѣ Ивановнѣ?

— На Довбичъ.

— На вдовѣ!

— Ну да, на вдовѣ.

— На матери Сержа?

— Ну да; на его матери.

— И Сержъ долженъ будетъ называть тебя по-прежнему?

У меня задергало щеки, и я не выдержалъ и расхохотался.

— Вотъ сейчасъ и видно, что ты еще дуракъ! сказалъ Пеньковский, которому и самому было и смѣшно и конфузно; но онъ однако на меня не разсердился и ушелъ удостоивъ меня чести приглашеніемъ въ шаферы.

Когда мы вечеромъ пришли къ Христѣ и я разсказалъ ей эту исторію, она смѣялась до упаду и до истерики, сколько надъ *cheré* рара, какъ стали мы называть Пеньковскаго, столько же и надъ маман, которая сама шутила надъ замѣшательствомъ, въ которое поставилъ ее Пеньковский этою по ея словамъ „противною сватьбой“.

Мы по этому случаю такъ много смѣялись и были такъ веселы, что и не думали ни о положеніи Христи, ни о томъ, что надъ самими надъ нами можетъ быть тоже виситъ какая-нибудь внезапность, способная пере-конфузить насъ болѣе, чѣмъ замужество одной старухи сконфузило Пеньковскаго и въ то же время дало ему счастливую мысль самому скорѣе жениться на другой.

XXXIII.

Ночью отъ этого усиленнаго смѣха Христи сдѣлалось внезапно такъ худо, что она присылала за маман—и я не слыхалъ, какъ маманъ къ ней ходила и возвращалась,—да собственно я не зналъ даже, что такое и было съ Христею и не видалъ ее послѣ того въ теченіи довольно продолжительнаго времени. Это случилось главнымъ образомъ отъ того, что я ѣздилъ по службѣ въ одинъ довольно-далекій великороссійскій городъ за принятіемъ мѣдной монеты. Порученіе это было пустое и весьма не лестное, такъ какъ его могъ бы исполнить всякій солдатъ; но маманъ оно очень нравилось—и даже я увѣренъ, что она сама и схлопотала мнѣ эту посылку.

Впрочемъ, выѣхавъ изъ Кіева послѣ продолжительнаго здѣсь сидѣнія, я и самъ былъ очень доволенъ случаемъ проѣздить. Новыя мѣста и новые люди всегда меня интересовали—и на этотъ разъ я ими очень занялся и провелъ нѣсколько времени въ дорогѣ и при приѣмѣ денегъ очень пріятно. Поневолѣ освободясь отъ книгъ, я сопричащался къ жизни чужихъ мнѣ людей и нашелъ это очень пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что куда я ни появлялся и съ кѣмъ ни сходилъ, мнѣ казалось, что всѣ меня очень ласкали и любили. Словомъ: я былъ очень счастливъ—и этимъ счастьемъ дышали всѣ письма, которыя я писалъ матушкѣ, описывая въ нихъ въ подробности всѣ мои думы и впечатлѣнія. Отпускомъ меня отсюда не торопились: денегъ, за которыми я пріѣхалъ не было въ сборѣ,—ихъ свозили въ губернскій городъ изъ разныхъ уѣздовъ; все это шло довольно медленно, и я этимъ временемъ свелъ здѣсь нѣсколько очень пріятныхъ знакомствъ; во главѣ ихъ было семейство хозяина, у котораго я присталъ съ моими двумя присяжными солдатами, и потомъ чрезвычайно живой и веселый живописецъ Лаптевъ, который занимался въ это время роспискою стѣнъ и купола мѣстнаго собора и жилъ тутъ же рядомъ со мною въ комнатѣ у того же самаго небогатаго дворянина Нестерова. Живописецъ Лаптевъ былъ человѣкъ маленькаго роста, съ веселыми карими глазками, широкой чистой лысиной, черезъ которую лежала одна длинная прядь черныхъ волосъ, съ открытымъ лицомъ и курносымъ носомъ. нѣсколько вздернутымъ и какъ бы смѣющимся. Однимъ словомъ: физіономія презамѣчательная и очень располагающая. Онъ имѣлъ отъ роду лѣтъ тридцать пять, происходилъ откуда-то изъ мѣщанъ; провелъ всю свою жизнь въ занятіяхъ церковною живописью, былъ очень уменъ и наблюдателенъ; любилъ кутнуть и считалъ себя знатокомъ церковнаго пѣнія, постоянно расиѣвалъ разные херувимскія и концерты, но пѣлъ ихъ не сплошь, а только однѣ басовыя партіи, отчего, если его слушать изъ-за стѣны, выходило похоже на пѣніе сумасшедшаго. Онъ то вырабатывалъ свою ноту, то вдругъ останавливался, воображая мысленно какъ поютъ въ это время другіе голоса, считалъ въ умѣ тактъ—и дождавшись времени, вдругъ опять хваталъ свою ноту и оралъ часто весьма немилосердно.

На этомъ мы съ нимъ и познакомились; онъ встрѣтивъ меня однажды спросилъ: не мѣшаешь ли онъ мнѣ заниматься? на что я ему и отвѣчалъ, что онъ мнѣ не мѣшаетъ, но что я удивляюсь, какъ ему не мѣшаетъ сумасшедшій, который у насъ гдѣ-то кричитъ.

— А—а! этотъ сумасшедшій? Ну, я къ нему уже привыкъ, отвѣчалъ добродушно смѣясь Лаптевъ.

— Развѣ вы давно здѣсь живете?

— Нѣтъ, я то здѣсь недавно, но онъ-то со мною уже давно; однимъ словомъ: этотъ сумасшедшій я самъ. Хе-хе-хе-хе! засмѣлся онъ какъ засыпалъ мелкимъ горошкомъ, и обвинявъ меня съ искренней дружбой, добавилъ:—не конфузьтесь, пріятель дорогой, не конфузьтесь! вы не первый сочли меня за сумасшедшаго; по-

читайте меня такимъ, ибо я и въ самомъ дѣлѣ таковъ: пою и пью, священные лики изображаю и ежечасно грѣшу: чѣмъ не сумасшедшій...

Вечеромъ этотъ веселый человѣкъ, придя съ работы изъ церкви, взманилъ меня идти съ нимъ въ театръ, гдѣ очень плохая провинціальная труппа разыгрывала *Каменного гостя*. И представленье и обстановка были крайне незамысловаты, но меня они однако удовлетворяли или по крайней мѣрѣ приводили въ нѣкоторый трепетъ; а Лаптевъ, который оказался большимъ театраломъ, по возвращеніи домой необыкновенно заинтересовалъ меня рассказами о столичныхъ театрахъ и актерахъ, изъ которыхъ онъ очень многихъ близко зналъ. Отъ актеровъ онъ перескочилъ къ пѣвцамъ, отъ пѣвцовъ къ живописцамъ и скульпторамъ—и рисуя одну за другою картины артистическихъ нравовъ, увлекъ меня этимъ бытомъ до восхищенія и восторга, выразившагося тѣмъ, что я вскочилъ съ мѣста и расцѣловалъ его.

Онъ мнѣ казался уменъ и прекрасенъ: чужъ въ немъ

біеніе пульса присущее художественной натурѣ, я ощутилъ въ своей душѣ ближайшее родство съ нимъ,—родство и согласіе, какихъ не ощущалъ до сихъ поръ ни съ кѣмъ, не исключая папана, Христи и профессора Альтанскаго.

— Гармонія—вотъ жизнь; постиженіе прекраснаго душою и сердцемъ—вотъ что лучше всего на свѣтѣ! повторялъ я его послѣднія слова, съ которыми онъ вышелъ изъ моей комнаты—и съ этимъ заснулъ, и спать видя себя во снѣ чуть не Аппелесомъ или Праксигелемъ, передъ которымъ всѣ дѣвы и юныя жены стыдливо снимали покрывала, обнажая красы своего тѣла; онъ были обвиты плющемъ и гирляндами свѣжихъ цвѣтовъ и держали кто на головѣ, кто на упругихъ плечахъ храмовыя амфоры, чтобы подъ тяжестью ихъ отчетливѣе обозначались линіи стройнаго стана—и все это затѣмъ, чтобы я, величайшій художникъ, увѣнчанный миртомъ и розой, лучше бы могъ передать полотну ихъ чаровническую прелесть.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Измаилъ-бей“ Лермонтова.

Эта *восточная повѣсть*, какъ называлъ поэтъ свое произведение, написана Лермонтовымъ еще въ юнкерской школѣ (1832 г.), когда онъ былъ извѣстенъ лишь товарищамъ—и то преимущественно шаловливыми стихотвореніями, въ родѣ «Уланши» и т. п. Въ то время, вслѣдствіе небольшой студенческой исторіи онъ только что былъ исключенъ изъ Московскаго университета, гдѣ оставилъ по себѣ память, какъ о неуклюжемъ и самолюбивомъ шестнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, котораго встрѣчали на уединенныхъ прогулкахъ съ Байрономъ подъ мышкой и который, безпрестанно влюбляясь, рисовался своимъ байронизмомъ передъ предметами своей юношеской страсти. Трудно найдти, даже въ тогдашнемъ періодѣ, поэму, гдѣ бы въ цѣломъ сильнѣе чувствовалось это вліяніе Байрова, чѣмъ въ «Измаилъ-бей». Но тѣмъ поразительнѣе пробивается будущій великій талантъ въ нѣкоторыхъ стривкахъ и поэтическихъ отступленіяхъ, которыми преисполнена поэма. Чѣмъ-то недѣтскимъ вѣетъ отъ стиховъ:

Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою,
Не отдавалъ души своей,
Тотъ пылкой женщины пристрасть
Не почитаетъ ужъ за счастье;
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ никогда святымъ
Шутить боится...

Или далѣе:

Такие люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостію дѣтской
Изъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечитъ край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой.
Но ожиданье ихъ напрасно:
Души все внѣшнее подвластно.

Таковъ отчасти самъ герой поэмы, этотъ Измаилъ-бей, почти съ дѣтства отосланный отцомъ въ Россію и воспитанный вдали отъ родныхъ горъ Кавказа и лазурнаго свода съ его орлами. Байроническія черты проглядываютъ въ каждомъ штрихѣ характера молодого горца, возвращающагося наконецъ на родину съ ненавистью въ душѣ къ своему пріемному отечеству и ко всему европейскому. Читатель, конечно, помнитъ, какъ остановился на перепутьѣ въ лезгинской саклѣ, Измаилъ очаровывается собою дочь хозяина, крѣпвицу Зару—и оттолкнувъ ея предложеніе любви, какъ-бы изъ состраданія пытается ея утѣшить:

Не обвиняй меня такъ строго!
Скажи, чего ты хочешь—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то мною:
Изъ міръ изъ зависти чужей!
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлить съ душею нѣжной,
Свободный, рвѣю иль властелинъ,

Пускай погибну я одинъ!
Все что меня хоть мало любитъ
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить—мнѣ власти не дано!
Я въ жертву счастье долженъ принести,
О, не жалѣй о томъ!.. Прости! прости!

Какой чисто-байроническій антитезъ герою поэмы представляетъ братъ его, этотъ умный князь, лукавый Рослаббекъ, который во время долгой отлучки Измаила на свѣрь,

Склонялся передъ русскими смиренно,
И между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разорялъ во тѣмъ ночной;
И возвратись въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ пѣвниковъ дрожащихъ приводилъ
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы...

Понятно, что, по возвращеніи Измаила, такимъ двумъ характерамъ невозможно было ужиться въ одномъ аулѣ. Рыцарь-Измаилъ увлекъ пылкихъ горцевъ такъ же скоро, какъ очаровалъ невинную Зару—и Рослаббекъ затаилъ глубоко на сердцѣ зависть и злобу на брата. Первое столкновенье между соперниками произошло на войнѣ во время совѣта, созваннаго Рослаббекомъ, гдѣ

Онъ говоритъ: «въ тиши ночной
«Мы нападемъ на ихъ отряды,
«Какъ упадаютъ водопады
«Въ долину сонную весной...
«Погибнуть молча наши гости,
«И ихъ разбросанныя кости,
«Добыча врановъ и волковъ,
«Стѣнутъ лпшенныя гробовъ.
«Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
«Начнемъ о мирѣ договоръ,
«И въ тайнѣ мѣстѣ кровавой
«Омоемъ долгій нашъ позоръ».
Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ;
Взмахнулъ онъ шапкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я видѣлъ, видѣлъ кровь люблю;
«Хочу, чтобъ мною пораженный
«Зналъ руку грозную мою!
«Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
«И даже болѣе чѣмъ ты;
«Но подъ покровомъ темноты
«Я чести князя не унижу!
«Иную мѣсть родной странѣ,
«Иную славу надо мнѣ!..
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ—всѣ еще молчали.

Старая исторія. Картина Бейшлага, грав. В. Гехтъ.

Но не такое испытание предстояло еще Измаилу. Однажды ночью, когда он, разведя сторожевой огонь, лежал вдали от своих приверженцев, является к нему русский офицер, в белой фуражке, печальный, бледный и худой, словно выходящий с того света. Заблудясь в горах и потеряв своих казаков, которых убили черкесы, он полагается на честь горца и просит у него гостеприимства и защиты. Измаил общается с ним и другое. Завязывается беседа, во почти с первых слов, русский объявляет ему, что он на Кавказе с единственной целью отыскать князя Измаила и снять его голову или сложить свою... И такая мастерская характеристика другой стороны обреченного князя в рассказе его гостя:

«Ты знаешь верно, что служил
«Въ российскомъ войскъ Измаилъ;
«Но недовольный между нами
«Родными бредилъ онъ полями,
«И все черкесъ въ немъ видѣнъ былъ.
«Въ пиряхъ и битвахъ отличался
«Онъ передъ всеми! Томный взглядъ
«Восточной нѣгой отзывался:
«Для нашихъ женщинъ въ немъ былъ ядъ!
«Воспламенивъ воображеніе,
«Повелѣвалъ онъ безъ труда,
«И за проступокъ наслажденіе
«Не почиталъ онъ никогда.
«Не знаю, было то презрѣнне
«Къ законамъ стороны чужой,
«Или испорченныя чувства...
«Любовью женщинъ, ихъ тоской
«Онъ веселился какъ игрой;
«Но избѣжать его искусства
«Не удалось ни одной!..
...«Въ то время Измаилъ случайно
«Невѣсту увидалъ мою,
«И страстью запылалъ онъ тайно.
«Межъ тѣмъ какъ въ дальнемъ я краю
«Искалъ въ бояхъ конца иль славы,—
«Сластолюбивый и лукавый,
«Онъ сердце дѣвы молодой
«Опуталъ сѣтью роковой.
«Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
«Къ себѣ довѣренность вселять,
«Насмѣшкой скромность побуждать,
«И, побуждая, видѣ покорный
«Хранить—иль весь огонь страстей
«Мгновенно открывать предъ ней!..
«Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
«Ея желанья; вѣдалъ онъ,
«Что быть не могъ ей супругомъ,
«Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ,—
«И обольщенная упала
«На грудь убійцы своего!
«Кромѣ любви, она не знала,
«Она не знала ничего.
«Но скоро скуку пресыщенія
«Постигъ виновный Измаилъ.
«Таяться не было терпѣнья.
«Когда погасъ минутный пылъ,
«Оставилъ жертву обольститель
«И удался въ край родной,
«Забывъ, что есть на небѣ мститель,
«А на землѣ еще другой!..

Русскій описываетъ далѣе, какъ покинутая потеряла рассудокъ, рыдала, плакала и все ждала измѣнника, сидя по цѣлымъ часамъ у окна. Поэтъ не рисуетъ намъ ощущеній Измаила во время этого разсказа—но видѣ намекъ дѣлаетъ отступленіе, отъ котораго не отказался бы самъ Байронъ...

...Есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, стояишь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Выкапчали стѣны тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь—и сломится ледя;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
*Но мощный умъ, крѣпкая и каменная,
Изъ обращаетъ въ пытку Прометѣя!*
Не сгладить время ихъ глубокой слѣдъ;
Все въ мѣрѣ есть—забвенья только нѣтъ!..

На утро Измаилъ хочетъ самъ проводить своего гостя; они идутъ опасными горными ущельями, не выпуская изъ рукъ оружія, спускаются все ниже и ниже въ долины... Вотъ уже забѣжала цѣнь русскихъ палатокъ въ туманной дымкѣ; Измаилъ прощается съ гостемъ...

«Прощай! Ты можешь безопасно
«Теперь идти въ патыры свои.
«Но, если вѣрнѣ мнѣ, напрасно
«Ты хочешь потопить въ крови
«Свою печаль! Страшнѣе, быть можетъ,
«Раскаянне прибавишь къ ней.

«Болѣзни этой не поможетъ
«Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
«Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
«Ты губишь прелесть юныхъ дней.
«Нѣтъ, не достать враждѣ твоей
«Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
«Онъ палачамъ судей земныхъ
«Не уступаетъ жертвъ своихъ!
«Твоя бѣ рука не устала
«Того, кто борется съ судьбой:
«Ты худо знаешь Измаила;
«Смотри-жъ, онъ здѣсь, передъ тобой!
И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ. —
И долго русскій, безъ движенія,
Одинъ, какъ вкопанный стоялъ.

Предоставляя читателю напомнить себѣ въ подлинникѣ, какъ они вторично встрѣтились въ бою и чѣмъ кончилась эта встрѣча, равно какъ и судьбу Зары, которая подъ именемъ Селима дѣлила съ княземъ всѣ ужасы войны подобно вѣрному пажу Лары у Байрона,—переходимъ къ заключительному эпизоду поэмы, изображенному на нашемъ рисункѣ. Завистливый Рослабѣкъ не могъ забыть своей ненависти къ брату даже въ чадъ битвъ и военныхъ погромовъ—онъ только выжидалъ случая—и вотъ

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ—Западъ дальній
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія воспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой..
Но что за выстрѣлъ?.. Дымъ взвился бѣлый,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ,
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Последній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ, и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Последняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла,
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ вѣдь тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой:
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной!..
Гремучій ключъ катился невдалеки,
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнуть ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковой,
И грудь обмытъ они уже хотѣли...
Но почему ихъ омарчили взгляды?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, исключивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ? Какой-то локонъ золотой
(Конечно талисманъ земли чужой),
Подъ грубою одеждою измятый,
И бѣлый крестъ на дентѣ полосатой
Блестали на груди у мертвеца!..

Нужно ли добавлять, что «Измаилъ-бей», не смотря на всю юношескую незрѣлость этого произведенія, быть можетъ самое живо воплощеніе байронизма—типа тѣхъ людей, которые, нося въ себѣ зачатки необузданныхъ страстей, не могли ужить въ строгихъ рамкахъ цивилизаціи, и въ то же время, одаренные мощнымъ умомъ и чуткимъ понятіемъ, не имѣли возможности снискать съ непосредственнымъ бытомъ дикарей, а слѣдовательно, куда бы судьба ни толкнула—всюду чувствовали себя въ роковомъ противорѣчій съ самими собою? Эти люди какъ-бы представляли въ себѣ совмѣщеніе и *врача* и *бомаго*, а такъ какъ почти ни одинъ врачъ не въ состояніи лечить самого себя по трудности наблюденія за самимъ собою, то понятно, что исходъ болѣзни (за исключеніемъ мнимо-больныхъ, т. е. притворявшихся байронистами) въ большинствѣ случаевъ былъ трагическій—и развязать этотъ роковой узелъ внутреннихъ противорѣчій могла только смерть, что и подсказало молодому Лермонтову чуткѣ великаго художника.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ.

«Это старая история».

Гейне.

Утро. Чась шестой вначалѣ;
Ужь проснулась канарейка;
На пикейпомъ одѣялѣ
Полоса лежить, какъ змѣйка
Золотая — это солнца
Лучь скользнула черезъ оконце
И заставилъ пробудиться
Канареечку другую,
Сашу — птичку молодую...
Встала Саша: ей не спится...

* * *

„И опять этотъ сонъ! И все онъ, и все онъ
Снится мнѣ п... цалуетъ такъ смѣло!
Отчего-жъ до него — никого, никого
Такъ любить прежде я не умѣла?

* * *

Не могу рассказать, не могу и понять,
Почему онъ мнѣ такъ полюбился?..
Далъ портретикъ мнѣ онъ, я его — въ медальонъ,
Тамъ сестры моей локонь хранился!

* * *

Не хотѣла смотрѣть, да никакъ утергѣть
Невозможно! Какъ только проснешься —

Такъ и тянетъ открыть... Ужъ взгляну — такъ и быть!
Тише, сердце... Зачѣмъ же ты бьешься?..

* * *

Не красавецъ онъ — да, только глаза никогда
Я такихъ не видала... Не знаю!..
Братъ замѣтилъ, что я какъ сама не своя —
И шепнулъ мнѣ вчера: „Поздравляю!..“

* * *

Съ чѣмъ?.. Смѣется, молчитъ, но лукаво глядитъ...
Я сейчасъ отъ него отвернулась;
Шепчетъ мнѣ онъ опять: „Такъ не знаешь? Сказать?..
Сердце женщины въ Сашѣ проснулось!“

* * *

Вся я вспыхнула тутъ... Угадалъ, вижу плутъ!
И заплакать была я готова...
„Слушай, Вася, любя, попрошу я тебя
Помолчать... и мамашѣ — ни слова!“

* * *

Какъ согрѣтъ медальонъ!.. Самъ-то знаетъ-ли онъ,
Что тепло на груди ему этой?..
Ну, bonjour!.. Мы одни... Но меня извини,
Что встрѣчаешь еще не одѣтой...

V.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Промышленность.

— 17-го февраля сего года на Перыкснхъ пушечныхъ заводахъ въ Мотовилихинскомъ сѣлѣ, въ 4 верстахъ отъ города Перми, окончилъ и пушечъ въ дѣйствіе молотъ, вѣсившій 3.000 пудовъ. Для перваго опыта особымъ рычагомъ была принята печь раскаленная болванка громаднаго пушечнаго козла, въ 400 пудовъ, подведенная къ молоту и положена на наковальню. По установкѣ этой болванки, началось по данному знаку дѣйствіе молота. Удары его были разнообразны. То почти тихо онъ спускался на горячую сталь, то съ высоты какъ бы обрывался и сдвигалъ раскаленную болванку. Послѣ 15—16 ударовъ, гром дная глыба стали понизилась почти на двѣ трети своей высоты. Молотъ этотъ, сила удара котораго равняется силѣ 12.000 пуд., управляется однимъ человекомъ.

Сельское хозяйство.

— Съ южнаго берега Крыма пишутъ въ „Одесскій Вѣстникъ“, что настоящая зима была тамъ довольно продолжительна, но тѣмъ не менѣе благоприятна. Морозы начались въ концѣ декабря и доходили до —8° по Реомюра; но это продолжалось очень недолго. Весь январь стояла самая полезная для растительности погода. Было нѣсколько прекрасныхъ, теплыхъ дней, но болѣею частью шли дожди, смѣняемые снѣгомъ, который быстро таялъ. Въ настоящее время хотя снѣгъ лежитъ еще на горахъ, но весна уже началась. Въ этомъ году садоводамъ слѣдуетъ ожидать урожая винограда, надѣясь, что пострадавшіе отъ полугодовой засухи виноградники могутъ оправдаться послѣ нѣжной влажной зимы. Земля проморола на значительную глубину. Обработка садовъ идетъ по этой причинѣ быстро и легко. Впрочемъ, садоводамъ слѣдуетъ сильно озабочены новой, еще малоизвѣстной болѣзью, вѣвчаемой на виноградѣ. Она заключается въ какихъ-то жесткихъ и темныхъ наростахъ, похожихъ на высокую кору дерева. Татары, искусные обработчики и довольно опытные виноградары, говорятъ, что они знаютъ эту болѣзнь давно; она распространяется медленно и убиваетъ кустъ въ одинъ или въ два года; преимущественно она появляется на александрийскомъ мускатѣ, но бываетъ и на другихъ сортахъ винограда. Обрѣзанъ виноградъ, татары обыкновенно тщательно очищаютъ кустъ отъ наростовъ, но эти послѣдніе искорѣны опять появляются.

— Недавно извѣстный кѣмпейскій садовникъ Христианъ Дегенъ (въ Кострицѣ) обратилъ, сообщая въ „Земледѣльческой Газетѣ“, внимание и на растение „перекрестнолистный молочай“ и занялся тщательнымъ его изслѣдованіемъ. Изслѣдованіе это дало чрезвычайно интересные результаты. Перекрестнолистный молочай (Euphorbia laetifolia) — извѣстенъ былъ еще въ средние вѣка. Уже Карлъ Великій совѣтовалъ монахамъ разводить это растение въ монастырскихъ садахъ. Семена его въ то время употреблялись какъ слабительное средство, подъ именемъ „дровчатистыхъ зеренъ“; въ настоящее время ими еще пользуются въ южной Франціи для той же цѣли; вообще, въ южной Европѣ различныя виды молочая употребляются какъ лекарство противъ перемежающейся лихорадки, водяной, бородавочъ, собачьяго бешенства, и т.п. Растеніе это дѣйствительно заслуживаетъ, по мнѣнію „Земледѣльческой газеты“, полногаго вниманія сельскихъ хозяевъ и технологовъ, такъ какъ въ его длинновато-

круглыхъ, величинаю съ зерно вики, сѣменахъ содержится почти 40—50% масла. Сѣмя, насыщенное на вазальную спицу, горѣло $\frac{1}{2}$ минуты большимъ (0,4 дюйма), продолговато-круглымъ пламенемъ и дало приятный и сильный снѣгъ. Повторенные опыты дали такой-же результатъ. Выжатое масло оказалось чистымъ, ильнимъ и прочнымъ; его ожидаетъ многообразное примѣненіе. Можно ли будетъ употреблять самую массу зеренъ для изготавленія снѣжечъ, подобно воску и салу — объ этомъ пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Перекрестнолистный молочай воздѣлываютъ подобно рансу и онъ хорошо развивается на сѣвѣхъ почвахъ. Корень переносятъ сама дѣтв зимы и весной даетъ побѣты. Послѣ произведенія въ концѣ іюля или въ началѣ августа, а уборку — въ августѣ или сентябрѣ слѣдующаго года. Семена созреваютъ не сразу, а постепенно; на стеблѣхъ же они остаются до тѣхъ поръ, пока всѣ не созреютъ. Зайцы и кролики охотно собираются около этого растенія, но не особенно вредятъ ему.

Гигіена.

— 8-го и 10-го марта, прочтаны были въ Кронштадтѣ г. Богдановымъ лекціи о гигиѣ приморскаго городского быта. Въ лекціяхъ этихъ, какъ видно изъ отчета о нихъ, напечатаннаго въ „Крон. Вѣстникѣ“, лекторъ указалъ между прочимъ на то, что устьевъ большихъ рѣкъ, находящихся въ морѣ и служащихъ источникомъ водоснабженія города, часто содержатъ испорченное, малогодную для питья воду; обмороженая, во время морскихъ отливовъ, часть берега бываетъ пропитана влагой и развиваетъ вредная испаренія и миазмы. Большое скопленіе рабочихъ массъ, вызываемое коммерческими, промышленными и военными цѣлями, обуславливаетъ варяженіе подпочвенной воды и моченкаго воздуха, служитъ расноагоющей причиной развитія тифа, холеры и другихъ болѣзней. Доброе качество водоснабженія приморскаго города и хорошая канализація его должны быть нервой заботой обывателей. Большое количество судовъ, приходящихъ въ портъ во время навигаціи изъ различныхъ мѣстностей и странъ сѣвера, можетъ быть причиной занесенія заразы; карантинныя мѣры составляютъ существенную необходимость. Но съ другой стороны приморскіе города имѣютъ и выгоды въ санитарномъ отношеніи; такъ, физическая работа въ этихъ городахъ здоровѣе, чѣмъ въ континентальныхъ того же климата. Въ приморскомъ воздухѣ болѣе развивается озона, разрушающая вредные продукты гниенія. Благоприятное дѣйствіе вѣтровъ, дующихъ съ моря, на зараженныхъ вредными испареніями, дѣйствуетъ на городъ освѣжающимъ образомъ, составляя естественную вентиляцію. Умѣренный климатъ для приморскаго города наилучшій; холодный — здоровье климата жаркихъ странъ. Въ развивавшіеся эпидеміи новоязныя въ приморскихъ городахъ жаркихъ странъ. Устья Миссисипи до сихъ поръ служатъ рассадникомъ желтой горячки, устья Ганга — холеры, устья Нила — чумы.

— По словамъ „Одесскаго Вѣстника“, на Куньминскомъ лиманѣ будетъ открыто нынѣшняго лѣтомъ кумысолѣчебное заведеніе.

Наши окраины.

— „Русскій Инвалидъ“, на основаніи доносенія полковника Иванова, отъ 18-го февраля, сообщаетъ, что дѣла на Аму-Дарѣ находятся въ весьма благоприятномъ

положеніи. Результаты послѣдняго движенія нашего отряда на лѣвый берегъ Аму очевидны и благотворны. Въ Хининскомъ ханствѣ теперь полное спокойствіе; нѣтъ слуховъ даже о какихъ бы то ни было мелкихъ случаяхъ грабежей и разбоя между туркменами.

Въ счетъ пенн, наложенной на туркменовъ въ 1873 году, они понимаютъ уплачиваютъ деньги, и за послѣднее время представили въ к. ссу Аму-Дарьинскаго отдѣла еще 4.798 р., вдобавокъ къ тѣмъ 36.000 руб., которые они внесли во время вѣварской экспедиціи на лѣвый берегъ и тотчасъ же послѣ за возвращеніемъ отряда въ укрѣпл. Петро-Александровское.

За ограбленныя у бухарцевъ баракы туркмены уплатили хозяевамъ 1.000 тилей (1.800 р.). Полковникъ Ивановъ извѣстилъ объ этомъ эмира Бухарскаго, который нѣсколько разъ писалъ начальнику Аму-Дарьинскаго отдѣла, прося его содѣйствія въ возвращеніи ограбленнаго скота у его подданныхъ.

Хининскій ханъ предполагалъ выѣхать изъ Хивы 20-го февраля, давъ посѣщенію всѣхъ туркменскихъ мочевцевъ. Онъ совершилъ эту поездку въ сопровожденіи 1.500 нузеровъ, при двухъ пушкахъ. Въ свитѣ хана будутъ всѣ его сановники и родственники. На время своего отсутствія, ханъ оставляетъ въ Хивѣ брата Тюри-Вуратъ.

Туркменамъ извѣстно уже о предположаемой поездкѣ хана и они живутъ спокойно. Даже откопавшіе позвратились въ свои мѣста, и въ числѣ ихъ старшина отдѣленія угузовъ, Ата-Викля. Этотъ послѣдній до сихъ поръ нѣкогда не слухалъ; онъ всегда стоялъ во главѣ всѣхъ беспорядковъ и воиновъ между хазинатскими іомудами. Въ настоящее время онъ вернулся къ мѣсту своей кочевки и прислалъ къ шибегі ханства, находящемуся, по приказанію хана, въ средѣ іомудовъ, деньги, слѣдующія съ него въ счетъ пенн 1873 года.

Полковникъ Ивановъ получилъ 16-го февраля письмо отъ начальника бухарскаго гарнизона въ Кабаклы, въ которомъ сообщается о полномъ спокойствіи въ предѣлахъ бухарской территоріи, смежной съ юго-восточной границей хининскаго оазиса. Люди, доставившіе насъ, говорили, что въ мѣстности около Кабаклы давно уже ничего не слышно о шайкахъ теке, и что наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Кабаклы пришло уже Мерва нѣсколько каравановъ, слѣдующихъ въ Бухару.

По слухамъ, послѣдній походъ Аму-Дарьинскаго отряда въ коновья хонинскихъ туркменовъ пропалъ безслѣдно и на токе. Двородный братъ хана, Ильтызаръ-Инакъ, сообщаетъ полковнику Иванову изъ Хивы, что іомуды нослали въ теке просить помощи противъ русскихъ, но текинцы отказали, объявивъ, что они рѣшили жить мирно.

СОДЕРЖАНІЕ: Гансъ Хрестіакъ Андерсенъ (съ портретомъ) — Очерки Сибири: Семирѣченская область. Каспійское устье и станція Сары-Джазъ (съ двумя рисунками). — Двухгогій волкъ. Романъ Н. Н. Каразина. Ч. II. (продолженіе). — Влуджающие огоньки (Автопортретъ) Протцева. Сок. Н. С. Лѣнова (Стебичаго) (продолженіе). — Литературный альбомъ. „Измакъ-бей“ Дермонтова (съ рисункомъ). — Старая исторія (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ИЗДАНИЯ ЮРГЕНСОНА

ВЪ МОСКВѢ:
7-ое издание

Сокровище для матерей семействъ, первоначальная школа
для фортепиано, посвященная

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНѢ,

СОСТАВЛЕННАЯ

БРАССЕРОМЪ и ЮТТИ.

Цѣна 5 рублей.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СОКРОВИЩУ

Для матерей семействъ (часть II), собраніе упражненій, этюды, пьесъ въ 2 и 4 руки.

3-е ИЗДАНИЕ. Цѣна 4 рубля.

Продаются въ музыкальномъ магазинѣ

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, у И. Юргенсона, б. Морская № 9.

САДОВЫЯ И БОТАНИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ З РЕГЕЛЯ.

Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣту-
щія растенія. Изд. 2-е исправлен.
и дополнен. съ 49 рис. 1854. Ц.
1 руб., перес. за 2 ф.

Содержаніе и воспитаніе рас-
теній въ комнатахъ. Ч. I. Изд.
2-е съ 121 рис. 1871. Ц. 2 р.,
перес. за ф.

Смородина, ея разведеніе и со-
держаніе. Изд. 2-е. Съ 5 рис.
1870. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.

Землянина, ея содержаніе въ
нашемъ климатѣ. Изд. 3-е. Съ 91
рис. 1874. Ц. 40 к., перес. за 1 ф.

Русская дендрологія. Вып. I:
Хвойныя. Съ 5 рис. 1870. Ц. 35
к. Вып. II: Окончаніе безпест-
ныхъ раст. Съ 18 рис. 1871. Ц.
65 к. Вып. III: Растен. съ цвѣт-
ами полными и однолѣпестными

въѣтникомъ. Съ 31 рис. 1874. Ц.
65 к. Вып. IV: Раст. съ полн.
цвѣтками и многолѣпест. въѣ-
тникомъ. (Роговиковые-Барбарисо-
вые). Съ 26 рис. 1874. Ц. 75 к.,
перес. за 3 ф.

Малина, ея разведеніе и содер-
жаніе. Ц. 15. съ перес. 20 к.

Путеводитель по Импер. С.-Пе-
терб. Ботаническому саду. Съ
планомъ. 1873 Ц. 50 к., перес.
за 1 ф.

Гофманъ. Землѣдѣльческая хи-
мія. Съ дополн. Энгельгардта. 1868.
Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Кронеръ. Руков. къ сельско-хо-
зяйствен. химическому анализу, съ
спеціальн. указаніемъ изслѣдов.
важнѣйшихъ сельско-хоз. продук-
товъ. 1867. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

Продаются въ книжномъ магазинѣ КАРЛА РИСКЕРА,
на Невскомъ просп., д. 14 въ С.-Петербургѣ.

Печи для дачъ

И ДЛЯ ОТОПКИ ВСЯКИХЪ ЗДАНИЙ.

Въ заведеніи нечей Давыдова, уголъ Греческаго проспекта и 7 улицы Песковъ, домъ
№ 21-ый, можно получить въ совершенно готовомъ видѣ съ пересылкою куда угодно
печи: изразцовыя (кафельныя) отъ 35 руб. въ желѣзныхъ оболочкахъ гончарной кон-
струкціи (внутренности) отъ 10 руб. и кухонныя очаги со всѣми принадлежностями отъ
35 руб. Вообще рекомендуемыя печи разныхъ величинъ, смотря по цѣлѣ, весьма кра-
сивыхъ и разнообразныхъ формъ, съ разнообразными удобствами и несравненно вы-
годно въ топлѣ и въ воздухѣ и въ топлѣ изъ чего бы оно ни заключалось, даже
и жидкихъ горючествъ, а притомъ по легкости своей не осаждаютъ и не уродуютъ де-
ревяниаго строения, которое безъ исключенія не избѣгаетъ этой участи при возмоз-
женіи всѣхъ допотопныхъ печей, содержащ. въ себѣ отъ 90 до 500 пудовъ.

Независимо отъ вышеказанныхъ готовыхъ печей, приготовляемыхъ въ моей мастер-
ской вывѣстѣ и школѣ для возможнаго образованія печниковъ, принимаю на себя
устройство вентиляціоннаго отопленія вообще печами моей извѣстной трубчатой систе-
мы; какъ-то: 1) центральное воздушное изъ подвальныхъ этажей, недопуская отнюдь
металла съ способомъ увлажненія нагрѣтаго воздуха. Комнатныя печи, калориферы из-
разцовыя и въ желѣзныхъ оболочкахъ, каминны, калориферы, т. е. всякой каминъ, не-
теряя своего назначенія, можетъ нагрѣть за всякую большую голландскую печь и за
поздныя печи. Желающіе благоволятъ обращаться письменно и лично: утромъ до 10,
позднѣе отъ 6 час., къ самому изобрѣтателю О. Д. Давыдову (только заблаговре-
мению).

1—2

Продаются мужскія ботинки изъ консервированной
кожи, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. № 10, въ
магазинѣ Мюнстерлейтъ. 2 1

„ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ“

Большой батальный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполнен-
ный по оригинальнымъ рисункамъ Н. Каразина. Это одно изъ роскош-
нѣйшихъ изданій, въ форматѣ большихъ листовъ, хромолитогра-
фированное первыми заграничными заведеніемъ Вилкельмана и
Штейнбока въ Берлинѣ. Цѣна 18 руб., съ пересылкою 22 руб.
А такъ какъ этотъ альбомъ, какъ новѣйшее, художественное и
въмѣстѣ съ тѣмъ научное произведеніе, составляетъ нѣкоторымъ
образомъ необходимость для учебныхъ заведеній: гимназій, школъ
и проч., для полковыхъ батальонныхъ и частныхъ бібліотекъ
и, вообще, для каждого, любящаго искусство,—то редакция «Нивы»
приобрѣла его въ большомъ количествѣ экземпляровъ и желая
его сдѣлать болѣе доступнымъ для своихъ читателей, уже зна-
комыхъ изъ «Нивы» съ художественными произведеніями
Н. Каразина,—дѣлаетъ для своихъ гг. подписчиковъ уступку
въ размѣрѣ 20%, т. е. вмѣсто 18 р.—только 14 р. 40 к., а по-
тому гг. инородные, желающіе выписать этотъ альбомъ,
благоволятъ обращаться въ редакцію «Нивы», прилагая вмѣсто
22 р. съ перес. только 18 р. 40 к. 3—2

ВЫШЛИ И РАЗДЮТСЯ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ

№№ 1—4 иллюстрированного ежемѣсячнаго журнала

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

изданіе «Русской книжной торговли», годъ VII-ой.

Содержаніе ихъ: Дробинка (по Эдмонду Абу). Святые ве-
чера. А. Круглова.—Настя.—Въ морозные дни.—Стих. А. Круг-
лова.—Сквозная скала.—Астраханскіе ловцы и Прикаспійскій
край.—На Югорскомъ шарѣ. А. Ефименко.—Какъ живутъ ди-
кіе люди.—Пигмей.—Торговля. В. Сорокина.—Экскурсія по У-
ралу. Д. Бялова.—Гнѣздо и его обитатели.—Объ умѣ животныхъ.
Объ языкѣ животныхъ. В. Висковатова.—Опредѣленіе деревъ
зимою.—Золотая рыбка. Ньюфаундленская собака.—Встрѣча
весны.—Скульптурныя издѣлія Е. Свѣшниковой.—Задачи.

№ 1-ый Педагогическаго листа также вышелъ.

Журналъ Дѣтское Чтеніе одобренъ Министерствомъ Народнаго
просвѣщенія для бібліотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и
женскихъ гимназій, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заве-
деній для возрастныхъ бібліотекъ младшихъ классовъ воен-
ныхъ гимназій и прогимназій, IV отдѣленіемъ собственной Его Им-
ператорскаго Величества Канцеляріи для классныхъ бібліотекъ жен-
скихъ учебн. заведеній и учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для
духовныхъ училищъ и фундаментальныхъ бібліотекъ духовныхъ
семинарій.

Журналъ Дѣтское Чтеніе издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Небольшіе повѣсти и рассказы. Очерки изъ народной жи-
зни и быта промышленниковъ. Біографіи.
- 2) Статьи по естественной исторіи. Явленія природы. Путе-
шества.
- 3) Технические производства и промыслы.
- 4) Игры, задачи, занятія и проч.

Приложеніе: Педагогическій Листокъ (для родителей и воспита-
телей), по программѣ, близкой къ программѣ другихъ педагог.
журналовъ. Большая часть статей посвящается начальному об-
разованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ
и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ выходитъ ежемѣсячными книжками въ
объемѣ не менѣе 5 печатныхъ листовъ съ рисунками въ текствѣ
и отдѣльными картинками, что составляетъ въ годъ 2 томъ,
закрывающихъ въ себѣ болѣе 60 печатныхъ листовъ и около
40 отдѣльныхъ картинъ. Педагогическій Листокъ выходитъ 4 раза
въ годъ книжками въ 5 листовъ.

Подписная цѣна на 1875 годъ опредѣляется такимъ образомъ:

Безъ Педаг. листка	Съ Педаг. листкомъ:
Безъ доставки 3 р.	4 р.
Съ доставкою 3 р. 50 к.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою 3 р. 65 к.	4 р. 65 к.

Дѣтское Чтеніе за 1869, 70 и 71 гг. все распродано.

Дѣтское Чтеніе за 1872, 73 и 74 гг. продается по слѣдующей
цѣнѣ: въ бумажкѣ 3 р., въ папкѣ 3 р. 60 к., въ переплетѣ
4 р. 50 к. за годъ. За пересылку прилагается за 6 и 7 фунтовъ
за каждый годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ «Русской книжной Торговлѣ», Невскій
проспектъ, д. Армянской церкви, № 42; въ Москвѣ: въ книжн.
магаз. Ив. Гр. Соловьева, Страстной бульв. д. Алексѣева.

Здѣсь-же въ «Русской книжной Торговлѣ» продаются между
прочимъ слѣдующія книги, составляющія выпуски «нашей
бібліотеки»:

„СРЕДИ ПРИРОДЫ“

А. Острогорскаго. 228 стр. съ 15 бол. рисунками сверхъ мно-
гихъ политипажей въ текствѣ. Содержаніе: Ясный и пасмурный
дни.—Подземныя воды.—Родникъ.—Рѣчные наносы.—Громъ и
молнія.—Озябъ.—Сѣверное сіяніе и др. Ц. 1 р. 50 к. Въс. за 2 ф.

„ВЪ СВОЕМЪ КРУГУ“

А. Острогорскаго. 276 стр. съ 7 большими рисунками кромѣ
рис. въ текствѣ. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 50 к. Въс. за 2 ф.

Статьи, вошедшія въ эти книги, были помѣщены въ Д. Чт.
прежнихъ годовъ несуществующихъ уже въ продажѣ, и въ «Чте-
віи для юности», выходившей при ж. «Учитель». Подписчики
на «Дѣтское Чтеніе», обращающіеся за этими книжками прямо въ
контору журнала, получаютъ ихъ по 1 р. 50 к. съ пересылкою.

СБОРНИКЪ ИГРЪ И ЗАНЯТІЙ.

Вал. Висковатова. Ц. 3 руб.

2—2

ИЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 17 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 27-го Апрѣля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Ижы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „ИЖИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ИЖИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Мизарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА САВИНА.

И въ публикѣ, и въ печати уже давно слышались жалобы: составъ нашей драматической труппы становится все бѣднѣе и бѣднѣе. Указываютъ на чувствительныя потери (смерть гг. Сосницкаго, Липской, Зуброва, отставка П. В. Васильева, Самойлова I), причемъ сѣтуютъ на то, что роли прежнихъ талантливыхъ артистовъ исполняются теперь такими-то и такими плохими актерами, что женскій персоналъ петербургской труппы особенно плохъ, что дирекція несетъ убытки, что... по такимъ *что* много! Однимъ словомъ, недовольныхъ—масса... Конечно, ни кто не станетъ оспаривать, что можно быть, напр., недовольнымъ дурной погодой, но вѣдь странно сѣтовать вслухъ, серьезно досадовать, что Петербургъ не на берегу Адриатическаго моря, что надъ Казанской площадью небеса не лазурны!.. Сложилась въ народѣ поговорка: «на нѣтъ—суда нѣтъ». Въ самомъ дѣлѣ, если бы гениі, таланты фабриковались, и ихъ было бы все-таки мало—ну, тогда почему жъ и не жаловаться, что мастера гениальныхъ особъ

Марья Гавриловна Савина. Рис. Тихоміровъ, грав. Пуцъ.

лѣнятся, фабриканты талантовъ занимаются лишь производствомъ посредственностей: по вѣдь если въ извѣстной средѣ въ данный моментъ ни гения, ни таланта не обрѣтается, а посредственность ѣдетъ на посредственности и посредственностью погоняетъ—то что-жъ дѣлать? На кого пенять? Такъ вышло—и конецъ. Это значитъ, что изъ всѣхъ младенцевъ обоего пола, родившихся лѣтъ 20—30 тому назадъ, ни одинъ и не могъ быть впоследствии (т. е. въ наше время) талантомъ, чему конечно были свои причины, а именно: первая и простѣйшая—часть младенцевъ умерла въ юныхъ лѣтахъ; вторая—остальные выросли, развились въ такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ, которыя способствовали только процвѣтанію посредственности. Однако, на самомъ дѣлѣ, въ массѣ родившихся всегда есть небольшая кучка доброкачественныхъ младенцевъ, съ высшей такъ-сказать организаціей, будущихъ талантливыхъ ученыхъ, артистовъ, дѣятелей на разныхъ поприщахъ. Если младенцамъ этимъ

удастся ускользнуть отъ скарлатины, крупа и др. смертельныхъ болѣзней, счастливо миновать всѣ педагогическія болота и дебри, уцѣлѣть, сохранить «огоньки», то лѣтъ черезъ 20—30 они непременно заявятъ себя съ выгодной стороны въ той или другой области знанія или искусства... Публика зарукоумещетъ пмя, печать станетъ ликовать—и имена ихъ будутъ отмѣчены. И такъ, отчаявшись нечего. Если, напр., *теперь* нѣтъ ни Мартыновыхъ, ни Липскихъ—то они *будутъ*... Послѣ Снѣтковой и Брошель долго не было порядочной драматической актрисы, но она *должна* была наконецъ явиться и явилась—въ лицѣ г-жи Савиной.

Марья Гавриловна Савина, до поступленія на столичную сцену, начала свое артистическое поприще въ провинціи. «Театральный альманахъ» на 1875 годъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: г-жа Савина играла небольшие роли въ Харьковѣ, затѣмъ занимала амплуа опереточной актрисы въ Калугѣ и между прочими ролями исполняла роль «Прекрасной Елены». Дра-

матическія роли она начала играть въ Саратовѣ, откуда и прибыла въ Петербургъ. Здѣсь она выступила на сценѣ Благороднаго Соборанія, въ комедіи Антропова «Блуждающіе огни» и имѣла громадный успѣхъ, а затѣмъ вскорѣ получила разрѣшеніе дебютировать на сценѣ Александринскаго театра.

Дебютъ удался. Съ первыхъ-же шаговъ молодая актриса увлекла публику глубиной чувства, художественнымъ исполненіемъ роли и вообще жизненною правдою въ игрѣ. И дѣйствительно, М. Г. Савина играетъ самостоятельно, а это много значить. Ничего рутиннаго, стараго нѣтъ въ ея игрѣ; она всегда стремится обрисовать, освѣтить изображаемое ею лицо—и это ей удается. Въ продолженіи послѣдняго сезона г-жа Савина являлась во многихъ роляхъ и, какъ артистка, крѣпко понравилась публикѣ Александринскаго и Маринскаго театровъ. Особенно хороша она была въ роли Дашни въ «Мишурѣ» и Елены въ «Злобѣ дня».

Д В У Н О Г І Й В О Л К Ъ .

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

XII.

Нѣсколько словъ о ханѣ и его подданныхъ.

А политическія событія шли своимъ чередомъ, развѣтываясь отчасти въ предугаданныя формы, отчасти—поражая своею неожиданностью.

Развязка всей драмы уже была подготовлена; паденіе Хивы было неизбежно, и бесполезное кровопролитіе подъ ея стѣнами нисколько не ускорило хода дѣла, а только вырвало нѣсколько лишнихъ жертвъ изъ нашихъ рядовъ—и безъ того немногочисленныхъ. Я говорю о попыткѣ взять городъ штурмомъ Оренбургскимъ и Кавказскимъ отрядами, въ тотъ самый моментъ, когда этотъ городъ высылалъ уже мирную депутацію къ главнокомандующему и отворилъ ему свои восточныя ворота.

Хивинскій ханъ бѣжалъ.

Это была его непростительная ошибка, глупость, хотя и подсказанная фанатиками, но чуть было не приведшая его къ потери трона.

Вѣроятно эта ошибка была понята Сеидъ-Рахимомъ-Богадуромъ въ-время, или же совѣты другихъ приближенныхъ, глядящихъ немного далѣе своего повелителя, взяли верхъ надъ фанатическими противниками русскаго вторженія,—потому что черезъ нѣсколько дней ханъ написалъ русскому генералу о своей полной готовности отдаться на волю побѣдителей и увѣдомилъ о своемъ возвратѣ въ городъ.

Составленъ былъ соединенный совѣтъ изъ русскихъ и туземныхъ представителей ханства. Этотъ совѣтъ обсудилъ ходъ дальнѣйшихъ дѣлъ и рѣшилъ участь Аму-Дарьинскаго оазиса. Миръ былъ заключенъ.

Поэтому миру мы возвращали хану его городъ и власть надъ всѣми племенами, населяющими большую часть Хивинскаго ханства; только правый берегъ Аму и ея дельта оставались въ нашей власти, и были присоединены къ обширной русской территоріи.

На хана и его подданныхъ наложена была денежная контрибуція, чтобы хотя отчасти покрыть значительныя издержки, вызванныя этимъ тяжелымъ походомъ. *Эту контрибуцію оставалось только собрать.*

Эту фразу написать очень легко, еще легче произнести, но не такъ легко примѣнить къ дѣлу, исполнить главнѣйшій параграфъ мирнаго договора.

Большая часть поданныхъ хана были весьма плохіе подданные—это подданство было почти фиктивно и ханская власть оказалась, относительно ихъ, болѣе чѣмъ слабою.

Я говорю о туркменскихъ вольныхъ родахъ, селящихся или (какъ говорятъ здѣсь) сидящихъ вдоль лѣваго берега Аму и дальше, къ югу въ глубину необъятныхъ степей, отдѣляющихъ ханство отъ Персіи и горныхъ странъ Гималаевъ.

Полукочевые, полуосѣдлые разбойники, они не знали до сихъ поръ другихъ отношеній къ хану, какъ повинности нукерами, т. е. вооруженными всадниками, которые являлись къ услугамъ хана, когда тому это требовалось. Затѣмъ они, въ видѣ почетныхъ подарковъ, доставляли своему повелителю извѣстную часть добычи отъ грабежей и разбоевъ, что и узаконивало для нихъ этотъ родъ жизни, старый, привычный, облюбованный туркменами, разстаться съ которымъ вовсе не входило въ ихъ дальнѣйшіе планы.

Туркменскіе роды составляли большую часть населенія ханства, они большую же частью и были причиною войны, они вызвали своими набѣгами и безчинствами эту кару, это возмездіе;—понятно, что на нихъ должна была лечь и большая часть денежной контрибуціи, а эту часть они отказывались платить начисто.

Ханъ Сеидъ-Рахимъ не имѣлъ силы принудить туркменъ къ повиновенію и откровенно сознался передъ русскими въ своемъ безсиліи.

А между тѣмъ давать потачку своевольнымъ разбойникамъ было бы болѣе чѣмъ безтактично;—ихъ надо было заставить повиноваться, на что было—во что бы то ни стало—сломить ихъ запосчивость, подорвать вѣру въ привычную безнаказанность.

Война съ хивинскимъ ханствомъ окончилась, но тотчасъ же приходилось вести другую войну—обуздываніе непокорныхъ.

Съ это цѣлью стали формироваться въ нашихъ лагеряхъ отдѣльные экспедиціонные легкіе отряды, которые должны были идти къ туркменамъ, въ самое сердце ихъ становищъ и кочевовъ.

XIII.

Рпять въ офицерскомъ кружкѣ.

Подъ густою тѣнью громадныхъ карагачей, въ окрестныхъ хивинскихъ садахъ, происходила оживленная, блестящая военная сцена.

Еще съ ранняго утра, вдоль дороги, у самыхъ стѣнъ пригородныхъ садовъ, вытянулись фронтомъ войска Кавказскаго и Оренбургскаго отрядовъ. Все это было одѣто въ мундиры и блестяло какъ на мирномъ парадѣ, на площадяхъ столицы: пѣхота въ оригинальныхъ папахъ, кавалерія въ своихъ красныхъ и бѣлыхъ черкесахъ, офицерство въ блестящихъ эполетахъ, громъ музыки, живая русская рѣчь,—все это заставляло наблюдателя забывать о томъ, что онъ находится въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ, дикихъ пунктовъ центральной Азіи, и переносило его назадъ, въ Европу.

И рѣзкимъ контрастомъ,—рядомъ съ этими парадными фронтами,—стояли другіе, полные простоты, почти какого-то нищенства, грозные батальоны туркестанцевъ... Запыленные бѣлые рубахи, бѣлые кепи съ холщевыми

назатыльниками, побурѣвшіи отъ времени и пыли, когда-то красныя, кожаныя шаровары, закорузлые отъ зноя и грязи сапоги, мѣшки за плечами,—все это такъ рѣзко отличалось отъ красивой одежды кавказцевъ.

Но въ этой простотѣ чуялась страшная, могучая сила, какое-то неотразимое обаяніе непобѣдимости... Та сила, что заставляла туземцевъ, спокойно смотрящихъ на другіе отряды, потуплять глаза въ землю, и съ уваженіемъ, доходящимъ до фанатическаго ужаса, стороною, издали обходить эти скромныя на видъ колонны.

Первою просьбою хивинскаго хана, когда тотъ явился къ намъ въ лагерь, была просьба показать ему, хотя издали, *тѣхъ страшныхъ солдатъ, что прошли смертною стѣною.*

Властелинъ Хивы не вѣрилъ, что это были обыкновенныя смертныя. Его воображеніе рисовало ему вѣроятно „Акъ-Кульмакъ“ въ видѣ какихъ-нибудь фантастическихъ, баспословныхъ чудовищъ. Надобно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ разсматривалъ ханъ смуглыя лица солдатъ, проходя вдоль фронта. Его губы шевелились и шептали что-то... Не творилъ ли онъ въ это время какія-нибудь заклинанія?

Смотръ окончился. Войска заняли мѣста, назначенныя имъ для бивакированія. Офицеры соединившихся отрядовъ начали сходиться въ кружки.

Нашлись и друзья и знакомые, и даже родственники; начались обниманія, поздравленія; полилась самая шумная, веселая, оживленная бесѣда.

Въ палаткѣ майора Пуговицына собрались его товарищи, человекъ десять. Деньчикъ майора, его бойкій Прошка, успѣлъ уже справиться у маркитантовъ Оренбургскаго отряда о состояніи ихъ походныхъ погребовъ, притащилъ цѣлую полудюжину пузатыхъ бутылокъ съ *блочною смолкою*, съ соблазнительно-блестящими ярлыками.

Какое наслажденіе предстояло гостямъ майора Пуговицына, послѣ цѣлаго ряда невольныхъ постовъ и лишеній!

Майоръ еще не знаетъ: увѣнчался или нѣтъ успѣхомъ походъ его вѣрнаго слуги въ сосѣдній лагерь,—и, входя въ только-что-разставленную палатку, покосился на Прошку и вопросительно произнесъ:

— Ну?..

— Есть! таинственнымъ шопотомъ отвѣтилъ деньчикъ, а потомъ, нѣсколько погромче, добавилъ: — Да у *нихъ* чего только нѣтъ, ваше высокоблагородіе!.. Я заглянулъ-это—просто разливанное море! Въ два дня не выкушать...

— Посуду! скомандовалъ хозяинъ.—Ну, господа, милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ... Эй, земляки, стели коверъ, подыми полы... вотъ такъ!.. Садитесь, господа!

Нѣсколько солдатъ бросились поднимать полы палатки,—образовался тѣнистый навѣсъ, подъ которымъ пахнуло свѣжестью и прохладою.

— Сидишь это, ну точно у Доминика, или у Донона!.. потянулся толстенный капитанъ съ лысиною черезъ всю голову, чрезвычайно любившій эти два сравненія, несмотря на то, что никогда въ своей жизни не былъ ни у Доминика, ни у Донона;—не былъ только по той простой, маловажной причинѣ, что ни разу не довелось ему быть въ Петербургѣ.

— Развѣ у васъ, въ Чебоксарахъ, есть Доминикъ или этотъ, какъ бишь ты его называлъ?.. любопытствовалъ сосѣдь.

— Аншанте-деликате-премьеръ-калите! разсматривалъ лысый капитанъ одну изъ бутылокъ и не удовлетворилъ любопытству сосѣда.

И хромой казакъ пришелъ сюда-же, кивнулъ съ улыбкою головой всей компаніи и, недожидаясь приглашенія, присѣлъ на коврики.

Оживленный говоръ замѣтно стихъ при его приходѣ. Печальное выраженіе лица пришедшаго, хотя съ виду

совершенно спокойное, даже улыбающееся, — не шло какъ-то къ этимъ веселымъ фizioноміямъ.

— Сюрероръ-экскузе... продолжать было лысый капитанъ, поднявъ голову—произнесъ отрывочное, недоумѣвающее: „э!?“ и поставилъ бутылку на мѣсто.

— Господа, я уйду. Что же вы это?! заговорилъ казакъ.—Что же вы это, словно я помѣшалъ вамъ?.. я не понимаю... Я бы не ходилъ, да вѣрите-ли? тоска такая одолѣваетъ одного — просто околѣть легче... Ну, и идешь къ народъ, гдѣ полуднѣ, да смѣху больше слышится... а вы вотъ... я, пожалуй, уйду...

— Ну полно, голубчикъ, ну чего?! придержалъ его за руку Пуговицынъ.—Сиди! Хорошій ты парень, только—баба... Вотъ на-ко выпей стаканъ шипучки;—смотри какую досталъ мой Прошка... Какъ ты говоришь:—экскузе..?

— Мопъ-плезиръ де-бонтъ-бонтъ...

— Слышишь какое? Садись...

— Опять вчера цѣлый день по городу ѣздилъ, шепталъ одинъ офицеръ другому, косясь на хромаго казака,—все еще надежды не теряетъ, розыскиваетъ.

— Конечно! пожалъ тотъ плечами.

— А я такъ говорю:—пиши пропало. Это вѣрно! Ну посуди ты самъ, ежели принять въ соображеніе: сколько времени, неизвѣстность направленія...

И онъ началъ что-то шептать на ухо, загибая и отгибая пальцы на рукѣ, и придерживаясь за пуговицу слушателя.

— Нѣмца видѣли, господа? звонко спросилъ молодой прапорщикъ.

— Это гусара-то? вотъ чучело!..

— Ну, ужъ вы и „чучело“. Человѣкъ какъ человѣкъ, только въ ногахъ тонковатъ, а пьетъ хорошо, я видѣлъ...

— Вѣрите-ли:—налилъ водки, положилъ туда кусокъ сахара, лимонной кислоты, стоитъ - прихлебываетъ и знай себѣ помѣшываетъ сухарикомъ... Меня чуть не не стошнило... Вотъръ санте-съ!.. Эхъ, ледку бы! хоть чуточку!..

— Копя, коня—полцарства за коня, то бишь—за кусочекъ льду! поправился одинъ изъ гостей.—Погодите, обживемся всего достанемъ:—дѣло бывалое!

— „Съ окончаніемъ!“ громогласно провозгласилъ Пуговицынъ.

— И въ ожиданіи будущихъ благъ свыше! продолжилъ тостъ майоръ Бирнасъ.

Офицеры начали чокаться налитыми до краевъ стаканами.

Въ первую минуту катастрофы, когда, въ палаткѣ Натальи Мартыновны, хромой казакъ прочелъ роковую для него записку,—онъ совершенно потерялъ голову. Онъ не зналъ что дѣлать, что предпринять.

— Догнать! это первое, что мелькнуло въ его головѣ, и онъ выбѣжалъ изъ палатки; но тутъ силы совершенно оставили его;—онъ схватился за грудь обѣими руками, шатаясь прошелъ нѣсколько шаговъ и сѣлъ на землю.

Къ нему подошли, его спрашивали,—онъ не отвѣчалъ ничего. Молча протянулъ онъ записку первому, кто очутился ближе всѣхъ къ нему.—Эту записку прочли, и черезъ четверть часа вѣсть о побѣгѣ Натальи Мартыновны разнеслась по всему лагерю.

Тотчасъ же снаряжена была погоня, начались розыскы, слѣдствіе,—но все не привело ни къ чему;—не получили даже и такихъ результатовъ какъ въ тотъ разъ, когда гнались за бѣжавшимъ Атамкуломъ,—тамъ по крайній мѣрѣ видѣли слѣды, видѣли самого разбойника, догнали и упустили изъ рукъ,—здѣсь же не напли ни малѣйшихъ признаковъ, ни самаго ничтожнаго намека. Время было упущено: его слишкомъ достаточно было, чтобы отойти отъ лагеря на такое разстояніе, на которомъ розыскы уже немыслимы.

Оставалось покориться судьбѣ и ждать.

Съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидать несчастный Головинъ каждаго шага впередъ, какъ мучила его малѣйшая остановка, малѣйшее замедленіе!.. Самыя ужасныя предположенія, самыя раздирающія душу мысли неотвязно лѣзли ему въ голову.

Были минуты, когда всѣ думали, что его мозгъ не выдержитъ этого испытанія.

Она навѣрное у Атамкула—это знали... Атамкулъ отступилъ куда-то въ глубину тюркменскихъ степей—это тоже знали.—Но куда именно?..

Кровавая развязка въ Рустемовомъ саду не была еще известна.

Блѣдный, исхудалый, съ сильно посѣдѣвшей за это время головою, бродилъ несчастный по лагерю, инстинктивно подходилъ къ кружкамъ, гдѣ только слышался болѣе оживленный говоръ, и вносилъ въ эти кружки только тоску и печаль, напоминая своимъ появленіемъ грустное событіе.

Разъ даже онъ рѣшилъ бросить все, тихонько уйти изъ лагеря и отправиться одному на розыски... Его поймали на первой же попыткѣ,—не придали ей, конечно, характера дезертирства, и только съ той минуты за Головинымъ постоянно наблюдали, дѣлая, или по крайней мѣрѣ стараясь дѣлать эти наблюденія для него незамѣтными.

Исчезновеніе Досцака, скоро замѣченное, показалось подозрительнымъ;—его связывали съ бѣгствомъ Паташи, и на голову бѣднаго, преданнаго лаучи напрасно взваливали тяжкое подозрѣніе.

Сильные, энергичные порывы тоски и грусти стали мало по малу стихать и смѣнились тупымъ, тяжелымъ чувствомъ какого-то страннаго оцѣпенѣнія. Къ Головину шли, съ нимъ заговаривали, его старались утѣшать, развлекать: всѣ радовались когда онъ подходитъ, бывало, къ какому-нибудь изъ кружковъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ его присутствіе тамъ было тяжело, подчасъ невыносимо.

Онъ не могъ не замѣчать этого, сильно огорчался каждый разъ, упрекалъ, жаловался, доходило иногда до слезъ, а все таки шель гдѣ людиѣ и шумнѣе, инстинктивно боясь тишины и одиночества.

Въ такомъ душевномъ настроеніи человекъ долго жить не можетъ, и сильный организмъ казака видимо слабѣлъ, уступая давленію тяжелаго гнета.

— Кончить чахоткою, что ужъ тутъ! говорилъ обыкновенно отрядный докторъ, глядя издали на Головина, и тотчасъ же пускался въ объясненіе связи между *физическою и моральною жизнью субъекта*, заканчивая всегда свой протестъ латинскимъ изреченіемъ, большею частью вовсе къ *дѣлу* не идущимъ.

— Ну-ко, братъ! протянулъ майоръ Пуговицынъ стаканъ своему печальному гостю и дружески обнялъ его за талию.

Тотъ выпилъ молча, однимъ духомъ, — отвернулся, подтянулъ къ себѣ сѣдельную подушку и легъ, отвернувшись отъ своихъ товарищей.

— А знаете-ли, господа, кого я встрѣтилъ сегодня? началъ подпоручикъ Кустиковъ.

— Ну?

— Иду я сегодня по кавказскому лагерю — и какъ имъ не жарко въ этихъ дурацкихъ папахъ?! Наши кепки гораздо лучше... Объ чемъ, бишь, я говорилъ? да. Иду я по ихъ лагерю—смотрю: что за чортъ,—знакомое лицо? Положительно гдѣ-то видѣлъ!.. Прошелъ еще разъ мимо, уже нарочно... да, онъ, вылитый онъ!.. Я еще разъ,—а деньщикъ его, точно на зло мнѣ, опустилъ полу палаточную—ничего и не видно, что тамъ внутри дѣлается... Такая досада!

— Да кто онъ?

— Можетъ быть и не онъ,—кто его знаетъ? Мало-ли сходство какое бываетъ!

— Да на кого же ты намекаешь?

— Помните Ровича, въ Чиназѣ еще...

— Не можетъ быть?!

— Ну, честное слово... и посадка на сѣдлѣ его,—помните-ли, онъ все еще этакъ на бокъ кривился, перегибался, и затылокъ тоже раздвоенный по-англійски... ну все, все... ей Богу же, онъ!

— Съ оренбурцами?

— Нѣтъ, деньщикъ въ черкескѣ, должно быть съ кавказцами... Штабный должно быть; вонъ тамъ они всѣ, въ саду, на отлетѣ стоятъ.

— Надо поразузнать... Господа, слышите, что Кустиковъ говоритъ? Ровичъ тутъ.

— Подай его сюда!

— Ну его къ чорту...

— Те! приподнялъ руку Пуговицынъ и покосился на хромого козака... Тотъ внимательно прислушивался.

(Продолженіе будетъ).

Рчерки Сибири.

Семирѣченская Рблать.

II.

„Кескеленъ“—казацья станица „Любовная“.

Усталые, измученные до послѣдней степени утомительнымъ двухсуточнымъ переѣздомъ черезъ горы, мы положительно не въ состояніи были продолжать свой путь дальше; экипажей съ нами не было—а верхомъ, не отдохнувъ какъ слѣдуетъ, пускаться было-бы болѣе тѣмъ безуміемъ—мы не проѣхали бы и десяти верстъ... Каждый изъ насъ смотрѣлъ на сѣдло какъ на что-то ужасное.. Если-бы каждому изъ насъ предлагали золотыя горы—и то врядъ ли бы кто нибудь согласился снова избираться на спину лошади. А между тѣмъ намъ надо было понасть въ Вѣрное къ данному сроку; срокъ этотъ близился—и по расчету времени мы не могли располагать и однимъ днемъ промедленія... Это было совсѣмъ скверно!

Размысленія эти, приведшія насъ къ самымъ неутѣшительнымъ результатамъ, пришли намъ въ голову конечно нѣсколько спустя по пріѣздѣ въ Кастекъ—а первое время мы только и думали какъ бы напиться горячаго чая и поѣсть похлебки съ баранinou, радушно предложенной намъ обитателями землянки.

Счастье ифротно покровительствовало намъ, потому что одинъ изъ казаковъ, старой сѣдой урядникъ сибирякъ, объявилъ намъ, что у нихъ есть что-то въ роѣ саней да еще въ двухъ экземилярахъ и что если мы заплатимъ имъ какъ слѣдуетъ, то они возьмутся довести насъ до самого Вѣрнаго на этихъ саняхъ—и могутъ даже пуститься въ дорогу немедленно.

Нечего и говорить, какъ обрадовались мы услышавъ это заявленіе—заломленная казаками солидная-таки цѣна за проѣздъ показала намъ необыкновенно дешевою, и мы велѣли не теряя времени приготовиться къ отъѣзду.

Часа черезъ два возни, крику и сборовъ на дворѣ землянки, намъ объявили, что все готово. Передъ-нами стояли двѣ тройки запряженныхъ дѣйствительно въ что-то похожее на сани-розвалы... Сѣна было положено вдоволь—и когда мы улеглись на эту мягкую постилку, то наши экипажи показались намъ не сравненно удобнѣе всякихъ вѣнскихъ дормезовъ съ подушками и выдвижными кроватями... Правда, что мы лежали на высотѣ не болѣе пяти вершковъ отъ земли и что комья снѣга летавшія изъ-подъ копытъ лошадей обсыпали насъ съ ногъ до головы; но это было сравнительно такое незначительное неудобство, что объ этомъ не стоило заводить и рѣчи.

Залегли, завернулись съ головою своимъ бурками и тронулись.

Ночь была морозная и тихая но съ половины пути морозъ усилился градусовъ до двадцати и подулъ рѣзкій вѣтеръ со стороны степи. Мы мало заботились объ этой переменѣ погоды; — зарывшись въ сѣно, укрывшись бурками, мы не боялись вовсе холода и скоро звопъ колокольчика передней тройки — стали замирать... Топотъ лошадей сталъ слышаться все слабѣе и слабѣе; покрикиваніе ямщиковъ казалось намъ какимъ-то лепетомъ... все слылось въ чуть-слышимый, смѣшанный гулъ—мы сладко заснули и въ этомъ снѣ забылись всѣ невзгоды и усталость дороги—рисовались самыя заманчивыя картины тепла и уютности

Очерк Сибири: Семирѣченская область. П. Станція Любонная (Кескеленъ). Иссык-кульскій край. На Китайской границѣ.
Рис. съ натуры П. Карзинъ, грав. Ключевскій.

Вдруг волны холодной как ледь воды обдали меня съ головою—и я почувствовал, что вся моя одежда, сапоги, бурка, все промокло разом... Сани колыхнулись и поплыли, лошади дико фыркали, испуганные голоса казаков побуждали их самыми безнадежными восклицаниями.

Я не съ разу понял въ чемъ дѣло. Поднявшись на козлахъ я увидалъ, что сани со всѣхъ сторонъ окружены водою, впереди шагахъ въ десять виднѣтъ противоположный берегъ—до котораго добирались вылавъ наши кони, сзади слышатъ былъ трескъ льда и плескъ воды подъ другою тройкою, попавшей въ проломъ по нашему слѣду.

Изъ горъ, поперекъ нашей дороги, вытекаютъ въ тѣхъ мѣстахъ ручьи, имѣющие иногда теплые источники—эти источники прелятствуютъ имъ покрываться толстымъ слоемъ льда—и наши тройки, обманутыя кажушеюся прочностью этого льда, попали именно въ одинъ изъ этихъ потоковъ. Потонуть положимъ мы не могли... добрые кони мигомъ выхватили насъ на противоположный берегъ, но тутъ случилось другое, несравненно худшее обстоятельство... Двадцати-градусный морозъ—при сильномъ вѣтрѣ—разомъ заморозилъ наши промокиши одежды, заморозилъ лица, глаза, бороды—лишилъ насъ движенія, лишилъ сознанія.

Мы превратились буквально въ ледяныя статуи... я чувствовалъ, что я не въ состояннй пошевелить ни однимъ членомъ... Какъ стоялъ я на козлахъ, такъ и остался съ лицомъ, обращеннымъ впередъ, по направлению дороги, съ руками протянутыми въ стороны... Я не видѣлъ ничего кромѣ спины казака, я не могъ видѣть ни одного изъ своихъ товарищей.

Вѣроятно, со стороны мы изображали изъ себя самыя комичныя фигуры, но самимъ намъ было положительно не до смѣха...

— Станція?

Это все что я могъ процѣдить сквозь зубы.

— Близо—вонъ чернѣтъ!.. отвѣчалъ не оборачиваясь казакъ.

Мы неслись въ карьеръ.

— Станція... станція, думалось мнѣ.—Опять кибитки—безъ защиты отъ вѣтра, безъ людей, безъ дровъ, безъ всякой возможности развести огонь—а значитъ безъ возможности не только обсушиться, даже оттаять... Никакое здоровье не въ состояннй выдержать этого... значитъ предстоить расчесть съ жизнью... смерть!

У меня начинались даже галлюцинаціи, я чувствовалъ приступъ смертельнаго сна, предвѣстника замерзанія... и вотъ мерещатся мнѣ ряды теплыхъ русскихъ избъ—высокіе коньки... шпиль деревенской церкви... радушные, пріятельные огоньки въ окнахъ... лай собакъ.

— Тишу!.. раздался голосъ ямщика...

За этимъ возгласомъ слышенъ усиленный тревожный стукъ въ ворота... скрипъ... голоса... «Вынимай изъ саней—неси всѣхъ въ избу проворнѣе... баню истопить... одежи дайте сухой... эй,

бабы! возжайтесь и проворнѣе... Авдотья—танц сапоги... —«Да примерзли! какъ ихъ стащишь?»...—«Мни руками! легче»...

Теплый воздухъ, пропитанный запахомъ овчины и горячаго хлѣба, охватилъ меня со всѣхъ сторонъ.

Что же это такое: сонъ или дѣйствительность?

Я раскрылъ глаза... Свѣтъ утренняго солнца, только что выглянуваго изъ-за горизонта, яркимъ лучемъ врывался въ окно—и полоскою тянулся по чистому досчатому полу, поднимался по гладко выбѣленной русской печи, разползшейся чуть не въ иловину пзы... Цѣлый иконостасъ почернѣвшихъ отъ времени образовъ и старыхъ крестовъ высился въ переднемъ углу, и красноватое пламя лампадки освѣщало темные пятнистые лики святыхъ; на выстроганныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ нестрѣли знакомыя суздальскія произведенія, изображающія очень большихъ генераловъ на коняхъ и очень маленькихъ солдатъ, марширующихъ подъ этими конями... Здоровая дѣблая баба раздувала самоваръ, и пыхѣла на всю избу, а другая баба накрывала столъ чистою скатертью и ставила водку и принадлежности... Въ печи на разные лады скворчала и пилила яичница и киѣло что-то въ чугунахъ, испуская цѣлыя клубы ароматическаго пара...

Прикащики Хлудова уже встали и курили трубки, сидя съ игонами на лавкахъ—одѣтые въ полушубки прямо на голое тѣло. Въ такомъ же точно костюмѣ находился и я самъ, и несмотря на такую ужасную ванну чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и въ самомъ веселомъ расположеннй духа.

— Очнулись! привѣтствовалъ меня сѣдой какъ лунъ старикъ, атлетъ по сложенію, входя въ избу въ весело поглядывая по сторонамъ на своихъ неожиданныхъ гостей.

Это былъ самъ хозяинъ—урядникъ Головинъ, старообрядецъ,—а находились мы въ станицѣ Любовной—въ первомъ русскомъ селеннй на нашей азіатской границѣ.

Скоро мы всѣ проснулись и за сытнымъ завтракомъ думали только объ одномъ: ятд если-бы станція Кескелень оказалась тѣмъ же что и Сары-Джасъ—а не тѣмъ что была на самомъ дѣлѣ?.. А вѣдь купанье это могло случиться и при другихъ болѣе худшихъ обстоятельствахъ—вѣроятно тогда мнѣ не пришлось бы писать эти строки—и я испыталъ бы на себѣ все то, что испытали несчастные, попавшіе въ матерьялъ для знаменитыхъ бирюзовскихъ ледяныхъ статуй. Но тутъ вспомнили мы анекдотъ о женщинѣ, уронившей полѣно съ печи и расплакавшейся по этому поводу, предполагая, что бы было еслибъ у ней родилась дочь, и еслибъ эта дочь сидѣла на полу, около печки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упало полѣно... и т. д.

Вспомнивъ объ этомъ анекдотѣ, я не строилъ уже болѣе никакихъ предположеній и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе радужнаго казака попариться въ его только-что-истопленной банѣ.

Н. Карзинъ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

О, юность! о, юность благая! зачѣмъ твои сны уходятъ вмѣстѣ съ тобою? Зачѣмъ не повторяются они такіе чистые и прекрасные, вдохновляющіе, какъ этотъ сонъ, послѣ котораго я уже не могъ уснуть въ эту ночь, всталъ рано и выйдя на корридоръ увидалъ моего Лаптева. Онъ стоялъ и умывался передъ глинянымъ умывальникомъ, и кивнувъ мнѣ головою спросилъ:

— Или не поспалось?

— Да, не поспалось, отвѣчалъ я:—мнѣ приснился horrible сонъ и заспать его не хочется.

— А что за сонъ такой снился? Пойдемте-ка ко мнѣ чай пить, да расскажите про него протобестію.

Мы взопли въ комнату и я рассказалъ мой сонъ.

— Важно! отвѣчалъ выслушавъ меня Лаптевъ:—сонъ хоть куда: хоть заправскому Рафаэлю. А знаете-ли что сей сонъ обозначаетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А я знаю и сейчасъ расскажу:—онъ значитъ, что впервыхъ у васъ художественная жилка есть и ей надо дать пожить: пусть она-каналья немножечко побьетъ! а во вторыхъ... который вамъ годъ?

— Девятнадцать.

— Гм! возрастъ бѣдовый: тоже своихъ правъ требуетъ. Мнѣ въ эти годы тоже чортъ возьми вдохновенныя пшучки снились, и я такихъ-то Лурлей у отца въ

лавкѣ на стѣнахъ углемъ производилъ, что ай люли! Только меня за это батѣа потягомъ по спинѣ катать!

— За что же?

— Чтобы стѣнъ, говорили, не портиль. Эхъ, да, сударь, да: искусство—это такая вещь, что не дается пока за него не пострадаешь. Музы ревнивы проклятыя: пока ото всего не отвернешься, да не кинешься имъ въ ноги, дескать „примите къ себѣ въ неволю“, до тѣхъ поръ все отворачиваются.

— И съ вами такъ было?

— Да, и со мною такъ было: отецъ мой въ городѣ лавчонку имѣлъ и меня къ этому же промыслу приучалъ, а я все рожи по стѣнамъ чертилъ,—онъ меня покойникъ за это и дралъ, дай ему Богъ царствіе небесное. А потомъ онъ умеръ, матушка меня къ чужому лавочнику въ такую же науку отдала: я опять рожи чертилъ, да къ звукамъ прислушиваться. Хозяинъ уйдетъ изъ лавки пообѣдать, а я стаканы на полкѣ разставляю, подбираю ихъ подъ тонъ да и валяю на нихъ палочкой „Всемирную славу“. Да разъ, эту „Всемирную славу“ исполняя, въ такой азартъ пришелъ, что забиралъ, забиралъ все *forto fortissimo*, да всѣ эти стаканы и поколотилъ. Бросилъ ихъ въ корзинку, а они дьяволы такъ сладостно зазвенѣли, что я сгребъ одинъ пятифунтовый да еще въ корзинку... Ахъ, хорошо!.. Я еще де-

сатирунговикъ,—еще лучше дребезгъ: точно изъ оратори какой нибудь на разрушеніе міра... Я и ну катать,—да потомъ какъ опомнѣлся, что такое патворилъ,—шапку въ охапку да маршъ большою дорогою черезъ заборъ въ Москву, разгонять тоску.

— Ну-съ?

— Ну-съ и поступилъ къ живописцу, да лучше его писать сталъ—онъ меня выгналъ; я въ Петербургъ, чуть въ Академію не попалъ.

— И отчего же вы не попали? воскликнулъ я съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Дуракъ былъ, отвѣчалъ Лаптевъ:—слюбился да женился,—муза сейчасъ и взревновала и наплевала мнѣ въ голову, а баба ребятъ нарожала—и вотъ я лысый нынче лажу по лѣсамъ, да куполы росписываю и тѣмъ свой гаремъ питаю.

Лаптевъ замолчалъ и сталъ собираться на работу.

Я ушелъ отъ него и мнѣ сдѣлалось невыносимо-скучно,—точно я разстался съ какимъ-то ближайшимъ и драгоценнѣйшимъ мнѣ существомъ. Повторяю опять, что хотя я въ этомъ влеченіи и узнавалъ знакомыя черты пылкости и восторженности моей натуры, но это было совсѣмъ не то, что я чувствовалъ нѣкогда къ матери или Альтанскому. Все то было сухо, строго и подчинялось разуму, межъ тѣмъ какъ тутъ меня охватывало что-то неодолимое и неодолимо же тайною властью влекло къ Лаптеву. Въ немъ я видѣлъ, или лучше сказать чувствовалъ посланца по мою душу изъ того чуднаго, завѣтнаго міра искусства, который вдругъ сталъ мнѣ своимъ—и манилъ и звалъ меня къ себѣ, привлекая и ластя... и я стремился къ нему, дрожа и млѣя и замирая отъ сладостной мысли быть въ немъ извѣстнымъ, знаменитымъ... славнымъ...

Бѣдный Лаптевъ уже представлялся мнѣ чѣмъ-то жалкимъ, добрымъ, но мизернымъ: крохотною козявочкой, которую я опережу однимъ взмахомъ крыла, крыла молодого, невыщипанного, бодрого и самонадѣяннаго.

Я отъ природы имѣлъ способность къ музыкѣ, какъ и къ живописи. Еще въ корпусѣ, находясь въ числѣ пѣвчихъ, я выучилъ вокальныя ноты подъ руководствомъ регента и самоучкою приспособился къ пониманію музыкальных нотъ, но не умѣлъ играть ни на одномъ инструментѣ, кромѣ сигнальнаго рожка, на которомъ при удобныхъ случаяхъ вырабатывалъ кусочки едва удобные на этомъ бѣдномъ инструментѣ. Рисовалъ же я хорошо и карандашомъ и красками, то есть разумѣется хорошо для кадета, а не для живописца, но я надѣялся быстро усовершенствоваться. При достаточной скромности я все таки былъ такъ самонадѣянъ, что считалъ себя способнымъ сразу сдѣлать громадныя успѣхи, на которые позволяли мнѣ разсчитывать мое относительно ужъ неужкое развитіе, вкусъ и знанія, какихъ не было у Лаптева.

Долговременное неупражненіе себя въ искусствахъ стало передо мною живымъ и нестерпимымъ укоромъ, и я страстно рванулся навестить все это—и ни минуты болѣе не размышляя бросился бѣгомъ въ церковь, гдѣ работалъ съ своими подмастерьями Лаптевъ.

Живописецъ сидѣлъ высоко въ люлкѣ и писалъ въ парусѣ купола Евангелиста.

Увидѣвъ меня, онъ захохоталъ опять тѣмъ же своимъ какъ горохъ дробнымъ смѣхомъ и крикнулъ:

— А что: не сидится, кортитъ?

— Скучно, отвѣчалъ я:—пришелъ посмотрѣть.

— Чего же даромъ смотрите: подѣзайте, работу дадимъ.—Ей, Архипъ! крикнулъ онъ живописцу, писавшему драпировки другаго Евангелиста:—дай-ка этому барину горшокъ съ брамротомъ,—пусть его фонъ затираетъ.

— Испортить, отвѣчалъ изъ-подъ паруса угрюмымъ басомъ Архипъ, большой человекъ, чрезвычайно похожій на отставнаго солдата.

— Нѣтъ, не испорчу, отвѣчалъ я.

— Кусковъ навальете—послѣ сбивай ихъ мастихиномъ.

— Ничего, ничего: дай ему краски, отозвался Лаптевъ и снова захохоталъ.

Я взлѣзъ, взявъ кисть и пошолъ затирать фонъ вокругъ подмалеваннаго контура Евангелиста Іоанна и исполнилъ это немудреное дѣло прекрасно.

Лаптевъ, очевидно давшій мнѣ эту работу для шутки, взглянувъ на нее улыбнулся и не безъ удивленія сказалъ:

— Хорошо.

На другой день я сдѣлалъ ту же работу въ другомъ парусѣ и украдкою позволилъ себѣ положить небольшіе блики на спускающейся внизъ рукѣ Евангелиста, которая казалась мнѣ неестественно освѣщенной.

Лаптевъ это замѣтилъ и еще болѣе удивляясь сказалъ:

— Вонъ оно, Архипъ, баринъ-то какъ мажетъ. Ему можно дать въ твоёмъ парусѣ драпировки подмалевать.

Въ этомъ парусѣ былъ изображёнъ Евангелистъ Іоаннъ, какъ онъ обыкновенно пишется,—съ орломъ у плеча, но съ перстомъ уставленнымъ въ лобъ.

Я не видалъ ровно никакого смысла въ этомъ упертостъ въ лобъ пальцѣ у Евангелиста, который писалъ вдохновеніемъ, для выраженія котораго здѣсь и представленъ орелъ. Такое сложное и натянутое сочетаніе мнѣ очень не нравилось—и я не преминулъ сообщить Лаптеву мою мысль.

Онъ задумался—и потомъ согласясь со мною, крикнулъ:

— Архипъ! слышь, баринъ-то дѣло говорить: зачѣмъ Евангелистъ палецъ въ лобъ уперъ?

— А куда же прикажете ему его упереть? сердясь отвѣчалъ Архипъ.

Лаптевъ разсмѣялся и проговорилъ:

— Вамъ насъ уже не переучить.

И съ этимъ мы съ нимъ ушли, а когда я на другой день пришелъ въ церковь, то онъ, предупредительно встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Садитесь-ко вотъ тутъ со мною, а то они сердятся.

Я помогалъ Лаптеву недѣли двѣ и во все это время онъ какъ на зло не говорилъ со мною ни одного слова объ искусствѣ, а между тѣмъ я видѣлъ, что онъ считаетъ меня далеко не чуждымъ этому призванію.

Меня это немножко досадовало, тѣмъ болѣе что я, со свойственною мнѣ страстностью, весь предался работѣ и не замѣтилъ, какъ словно тать въ ночи подкрался день моего отъѣзда назадъ, въ великолѣпно-скупающій Кіевъ, къ моей чинной и страдающей матери, невозмутимому и тоже кажется страдающему профессору Альтанскому и несомнѣнно страдающей хотя и смѣющейся Христѣ.

У меня жалось сердце: мнѣ стало необыкновенно жалко всѣхъ ихъ и въ то же самое время мнѣ было страшно возвращаться въ этотъ кружокъ, который мнѣ казался теперь такимъ унылымъ и скучнымъ... Я представилъ себѣ en detail свой домъ, домъ Альтанскихъ, всѣ эти милыя мнѣ, но какъ бы не моего письма лица и потомъ.. служба... канцелярія съ ея стертыми какъ старые пятиалтынные лицами и запахомъ спертато воздуха и папиросъ... и мнѣ хотѣлось куда-то бѣжать. Куда? Да не все ли равно: хоть подѣзай паруса церкви на люльку Архипа, хоть на подмостки театра въ тотъ командора, словомъ, куда бы ни было, но только туда, гдѣ бы встрѣтить жизнь, ошибки и тревоги, а не мораль, вѣчную мораль добродѣтели и заботъ о своемъ совершенствѣ.. Это все мнѣ ужасно надоѣло и... я къ стыду моему понялъ, что это значитъ: я не могъ лукавить съ самимъ собою, я долженъ былъ сознаться себѣ, что мнѣ пascучило быть съ матерью, что мнѣ не хочется уже къ ней возвращаться, и я заплакалъ... отъ

стыда своей неблагодарности и отъ досады, что я бѣденъ, ничтоженъ, что я не могу обезпечить мою мать всѣмъ нужнымъ и самъ броситься въ какую-то иную жизнь... Я не зналъ какую именно, но зналъ, что она должна быть совсѣмъ не похожа на ту, которую я проводилъ до сихъ поръ и которую уважалъ... Я хотѣлъ попробовать жизни—уваженія недостойной: я чувствовалъ, что это влеченіе во мнѣ становится неодолимо.

Лаптевъ былъ человѣкъ очень умный и при всей своей малообразованности онъ былъ настоящій „художникъ въ душѣ“ (что я считаю гораздо понятнѣе, чѣмъ напимѣръ „гусаръ въ душѣ“). Онъ понялъ, какой червякъ забрался въ мою душу, и порѣшилъ помочь мнѣ его выкурить; но ошибся въ расчетѣ и вмѣстѣ одного горя отпустилъ со мною на дорогу два, изъ коихъ одно было злѣе другаго, хотя оба они выводили меня на одну торную дорогу, къ глубочайшему раздору съ собою и съ міромъ, отъ котораго скрыла меня черная мантия и воскрылія клобука—моего духовнаго шлема.

XXXIV.

Вскорѣ же послѣ описанной мною сцены и незадолго до моего отправленія, Лаптевъ зашелъ ко мнѣ утромъ въ субботу и говорить:

— Вотъ что-съ, мой милостивый государь, не вамъ однимъ плохо спится, а и мнѣ тоже стало неспаться—и въ этомъ виноваты вы.

Я удивился.

— Да такъ-съ, продолжалъ Лаптевъ:—гляди на вашу страсть, я чувствую, что у меня старые пульсы заколотились. Чтѣ проку скрывать и молчать: я вамъ долженъ сказать, что вы мнѣ напомнили мои юные годы, когда я на стѣнахъ углемъ рисовалъ и стаканы билъ. Это, знаете, штука не безстрастная, да и не безстрашная,—потому я съ вами нѣсколько дней и не говорилъ объ искусствѣ.

— Я васъ не понимаю, отвѣчалъ я:—чего же вы испугались?

— И не удивляюсь-съ, и не удивляюсь, что вы меня не поняли! Искусство... искусство ухъ какая мудреная штука! Это вѣдь тоже, что монашество: оставь человѣкъ отца своего и мать, и бери этотъ крестъ служенія да иди на жертву—и то ничего не будетъ, или будетъ вотъ такой богомазъ, какъ я, или самодовольный маляришка, который чтѣ ни сдѣлаетъ—всѣмъ доволенъ. Художнику надо вѣчно хранить въ себѣ святое недовольство собою, а это мука, это страданіе, и я вижу, что вы уже къ нему немножко сопричастились... Хе, хе, хе!—я все вижу!

— Отчего-же, говорю,—вы это видите? я вѣдь вамъ кажется ничего такого не говорилъ, да и по правдѣ сказать, никакихъ особенныхъ намѣреній не имѣю. Я поучился у васъ и очень вами благодаренъ—это дастъ мнѣ возможность доставлять себѣ въ свободные часы очень пріятное занятіе.

Лаптевъ замолталъ головой.

— Нѣтъ, закричалъ онъ,—нѣтъ, атанде-съ; не говорить-то вы мнѣ о своихъ намѣреніяхъ не говорили, это точно—и можетъ быть ихъ у васъ пока еще и нѣтъ; но ужъ я испущонъ—и вы мнѣ повѣрьте, что они будутъ, и будутъ совсѣмъ не такія, какъ вы думаете. Гдѣ вамъ въ свободные часы заниматься! На этомъ никакъ не можетъ кончиться.

Меня очень заняла эта заботливость обо мнѣ веселаго живописца—и я, испытывая его пророческій духъ, спросилъ:

— А какъ же это кончится?

— А такъ кончится, что либо вы должны сейчасъ дать себѣ слово не брать въ руки кистей и палитры, либо васъ такой чортъ укуситъ, что вы скажете „прощай“ всему міру и департаменту,—а это пресладостно, и прегадостно, и превредно.

Я разсмѣлся.

— Тсс! тсс! остановить меня серьезно Лаптевъ:—я съ вами дружески говорю... потому что я васъ люблю и считаю обязанностію спасти васъ отъ опасности. Вы не смѣйтесь надъ этимъ:—я вѣдь рукоесломъ богомазъ, а у меня внутри художественный чертенокъ все таки живъ... Я люблю людей... такъ, ни за что. Взгляну въ харицу—и если замѣчу что на ней зракъ божественный отсѣивается... я и пропасть: пристращусь, люблю и иногда чортъ знаетъ до чего люблю. Вотъ такъ и съ вами: ишь у васъ мордоплясія-то какая. Ахъ ты каналья, какой онъ прекрасный!

И находившійся въ своемъ удивительномъ художественномъ восторгѣ Лаптевъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, преобильно ущипнулъ меня съ обѣихъ сторонъ подъ челюстями, и нѣжно поцаловавъ въ лобъ, договорилъ:

— Какъ же ты не художникъ, когда душа у тебя—вся душа паружи — и ты все это понимаешь, чтѣ со мною дѣлается? Нѣтъ; тебя непременно надо спасти и поставить на настоящую дорогу.

— Сдѣлайте милость, отвѣчалъ я:—я не прочь, только дорога-то для меня уже выбрана: я долженъ служить и сидѣть въ канцеляріи.

И при этомъ я рассказалъ ему о тѣхъ привилегіяхъ, которыя я получилъ въ напутственное благословеніе при исключеніи меня изъ корпуса съ обязательствомъ служить восемь лѣтъ до перваго чина.

Лаптевъ изрыгнулъ цѣлый потокъ самой злой брани, но потомъ успокоился и сказалъ, что и это ничего; что восемь лѣтъ пройдутъ какъ уже часть ихъ прошла—и тогда только настанетъ для меня пора настоящаго вѣбора.

— Вамъ будетъ двадцать пять лѣтъ, заговорилъ онъ,—и вы будете чиномъ коллежскій регистраторъ, это еще чуть-чуть не китайскій императоръ: съ этими началами чортъ бы ее побралъ, госпожу службу! Вотъ тогда-то вы и шатнетесь, а куда шатнуться—это надо знать. Надо дѣлать славу или деньги: это большой расчетъ. Мой вамъ совѣтъ: дѣлайте деньги.

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ, кромѣ всякихъ шутокъ. Тогда и поэзія, и искусство, все въ мірѣ мило будетъ, а иначе бѣда. Я объ этомъ и хлопочу: васъ надо отучить отъ искусства.

— Какъ же вы это сдѣлаете?

— А уже я сдѣлаю! Не безпокойтесь: я мужъ искусственный; у меня есть на это вѣрное средство. Я затѣмъ къ вамъ и приполъ. Вы скоро уѣзжаете, я не хочу чтобы вы уѣхали съ тѣмъ какъ теперь заправились. Вы вѣдь небось думаете, что вы видѣли искусство и искусника. Э, нѣтъ, отецъ родной, вы видѣли не искусника, а чорта въ вѣ стулѣ! А вотъ я вамъ покажу настоящее искусство и настоящаго искусника, такъ вы и поймете, что до него ухъ какъ далеко ѣхать! Да-съ, всякая охотипка отпадетъ какъ посмотритъ, сколько нужно грабаться на верхушку съ которой все видно станеть. Мнѣ счастливая мысль пришла: сегодня суббота, завтра воскресенье, а послѣзавтра праздникъ, а потомъ именинница Борисоглѣбская гостинница: мои молодцы попируютъ, а потомъ стануть зубы располаскивать и работать дня четыре не будутъ. Здѣсь въ городѣ и мнѣ, и вамъ страшно скучно—и я хочу вамъ предложить небольшую прогулочку за городъ, но только ручаюсь вамъ что прогулка будетъ первый сортъ, съ сопряженіемъ пользы и удовольствій.

Я пожелалъ что нибудь подробнѣе знать объ этой прогулкѣ, на которую звалъ меня Лаптевъ.

— Видите, отвѣчалъ онъ:—тутъ въ восемнадцати верстахъ отъ города, есть село Кротово. Кличка у него ни чего особеннаго не обѣщаетъ, но само оно чрезвычайно красиво: раскинуто на берегу Оки, и все въ садахъ и паркахъ, а что самое главное—такъ тамъ такая

Рябчикъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

господская усадьба, что передъ нею куда твой Петергофъ! Да, именно Петергофъ, потому что тамъ въ Кротовѣ даже есть такія собранія произведеній искусства, что всѣ пальчики оближешь: вотъ ихъ-то я вамъ и хочу показать. Самъ Павелъ Дмитричъ Кротовъ—антикъ, который надо продавать на золотники: онъ рассорился со всѣмъ Петербургомъ, уѣхалъ къ себѣ въ Кротово и никого видѣть не хочетъ, да намъ до него и дѣла нѣтъ; а у него есть галерея, — дивная галерея, картины всѣхъ школъ и едва ли не въ наилучшихъ образцахъ, и вдобавокъ въ куполѣ надъ библиотекою теперь у него пишеть что-то *al fresco* одинъ извѣстнѣйшій нѣмецкій художникъ: мнѣ страсть хочется это видѣть, да и вамъ совѣтую: во-первыхъ огромное наслажденіе, и притомъ несмѣтная польза.

— Какал же?

— А вотъ тамъ увидите. Такъ значитъ ѣдемъ?

— Извольте.

Лаптевъ выбѣжалъ и черезъ нѣсколько минутъ забарабанилъ пальцами по стекламъ моего окна и закричалъ.

— Подвода готова!

Я бросился къ окну и увидаль у воротъ насланную соломою крестьянскую тѣлежку, въ которой были запряжены худой, рослый, караковый меренъ и толстоногая буланая кобылочка, подъ выменемъ которой сосаль птѣй жеребенокъ.

— Такъ вотъ экипажъ, на которомъ мы поѣдемъ въ кротовскій храмъ искусства!—неважно! подумалъ я, нѣходя эту тѣлегу и сбрую, а особенно пристяжную кобылку съ жеребенкомъ, не особенно изящными; но дѣлать было нечего: „важнѣе“ намъ не на чемъ было ѣхать, да и къ тому же я скоро сообразилъ, что по деревенски это ничего не значить. И съ этимъ я не только радостный, но даже торжествующій, вскочилъ въ тѣлежку рядомъ съ моимъ Лаптевымъ и мы поѣхали, конвоируемые сзади жеребенкомъ, который, чувствуя впереди вольный воздухъ полей, заливался тонкимъ и веселымъ жеребячьимъ ржаніемъ.

(Окончаніе будетъ).

Рябчикъ.

Эта вкусная дичь настолько извѣстна всѣмъ жителямъ Вѣлкороссіи, Бѣлороссіи, Сибири, Польши, Финляндіи, Балтійскихъ губерній и въ особенности Петербурга, что мы считаемъ почти излишнимъ описывать внѣшній видъ рябчика. Стоить только спуститься въ кухню, разсмотрѣть застрѣленную птицу прежде чѣмъ ее опинируютъ — и этого нагляднаго ознакомленія не замѣнишь никакимъ описаніемъ. Другое дѣло — живой рябчикъ. Тутъ смѣло можно подержать пари, что изъ шестнадцати тысячъ подписчиковъ «Нивы» по крайнѣй мѣрѣ пятнадцать тысячъ пятьсотъ человѣкъ никогда его не видали. Мы знавали охотниковъ, полевавшихъ десятки лѣтъ и не убившихъ ни одного рябца.

Дѣло въ томъ, что рябчикъ держится большею частью попарно и очень любитъ прятаться. Большіе, темные и смѣшанные лѣса изъ дуба, ясени, березы и орѣшника, при томъ самыя густыя чащи ихъ, такъ-называемыя на охотничьемъ жаргонѣ *кряжи*, заросшія ягодникомъ — вотъ любимое мѣстопребываніе рябца; въ хвойныхъ лѣсахъ онъ уже рѣже и понадается въ одиночку, кромѣ осенняго времени, когда въ чернотѣсѣ начинаютъ опадать листья. Рѣдко — и то случайно развѣ — можно увидать его бѣгающимъ по землѣ или зимою сидящимъ на вѣткѣ. При малѣйшемъ шорохѣ или заплѣвѣ опасности, онъ думая, что летѣть уже поздно, прижимается къ землѣ или вдоль толстыхъ сучьевъ, вытягиваетъ шею и такъ притановачивается, что незнаетокъ ни за что не разглядитъ его, даже зная на какомъ именно деревѣ сидитъ рябчикъ.

Одна изъ самыхъ красивыхъ, а мѣстами и рѣдкихъ лѣсныхъ птицъ куриной породы (куда принадлежатъ тетерева, глухари, и бѣлыя куропатки), это рябчикъ (*Bonasia sylvestris*). Мясо его также чрезвычайно деликатно, и вкусомъ превосходитъ даже фазана. Обыкновенная длина этой птицы, 14 — 15 дюймовъ, а тяжесть рѣдко превышаетъ два фунта; съ распушенными крыльями она имѣетъ, отъ конца одного крыла до конца другаго, отъ 24 до 25 дюймовъ, особенно у взрослого самца; краснобурый фонъ съ черными и бѣлыми крапинками; подъ клювомъ, на горлышкѣ, черное съ бѣлымъ ободкомъ пятнышко, которое видно издали, и ясно отличаетъ самца отъ самки. Последнюю можно еще узнать по болѣе блѣднымъ перьямъ и свѣтложелтому горлышку; кромѣ того она меньше самца. Ярко-красная сосочковая полоска надъ глазами, придаетъ самцу особенно нарядный видъ; клювъ его, роговаго цвѣта, загнутъ только слегка. Полетъ рябчика производится съ усиліемъ какъ у всѣхъ тетеревиныхъ и съ сильнымъ шумомъ вслѣдствіе частыхъ ударовъ короткими круглыми крыльями. Къ этому средству спасенія рябчикъ прибѣгаетъ только въ крайности, если его захватятъ на тонкихъ вѣткахъ или на чистомъ мѣстѣ. Гораздо охотнѣе спасается онъ бѣгствомъ въ высокой травѣ или кустахъ.

Область распространенія рябчика весьма обширна, такъ какъ эта птица распространяется отъ южнаго склона Альпъ до Сибири и почти до полярнаго круга. Пища его состоитъ изъ отпрысковъ сосновыхъ и еловыхъ пѣлъ, вереска, древесныхъ почекъ, разныхъ лѣсныхъ ягодъ, особенно брусники, черники, также рябины, червяковъ, муравьиныхъ яицъ, сѣмянъ, для лучшаго перевариванія которыхъ рябчикъ, какъ и всѣ птицы этого семейства, охотно проглатываетъ песокъ и маленькіе камешки. Днемъ, маленькая птичка проводитъ большую часть времени на землѣ; она бѣгаетъ довольно проворно, отыскивая себѣ пищу, любитъ купаться въ пескѣ и пыли и сидѣть на нижнихъ вѣтвяхъ кустарниковъ. На ночь же она взбирается на верхнія

вѣтви, потому что въ ночное время ее сильно преслѣдуютъ лисицы, куницы, кошки и хищныя птицы, вслѣдствіе чего она и не размножается такъ, какъ другія лѣсныя птицы куриной породы.

Охотятся на рябчика съ лягавой собакой или на манку съ пищикомъ. Пищикъ — это родъ трубочки, при помощи которой подражаютъ голосу самца; на этотъ зовъ летятъ другіе драчливые птѣушки. Крикъ рябчика довольно громокъ; они часто примакиваютъ другъ друга короткимъ свистомъ, который выдаетъ ихъ охотнику. Этому свисту легко можно подражать на пищикѣ, дѣлаемому изъ птичьей кости, и заманивать имъ птицу, особенно во время спариванья или тока, продолжающагося отъ половины марта до половины апрѣля. Такъ какъ самцы для спариванья слетаются на этотъ крикъ, то ихъ легко собрать въ одну кучу и стрѣлять. Самокъ по возможности надо падить, потому что эта птица и безъ того слишкомъ мало размножается, да кромѣ того еще много молодыхъ выводковъ погибаетъ отъ разныхъ хищниковъ. При этой охотѣ надо хорошо знать и самый лѣсъ, такъ какъ главное дѣло при этомъ состоитъ въ умѣньи выбрать мѣсто и по возможности меньше шумѣть при переходахъ. Охотникъ раннимъ утромъ крадется въ лѣсъ и становится къ самому стволу подѣ какое нибудь высокое дерево, не заросшее чащей или кустарникомъ шаговъ на 30 въ окружности. Иначе самецъ, пользуясь прикрѣпками, будетъ не подлетать, а подбѣгать въ кустахъ и раньше замѣтитъ охотника, чѣмъ тотъ свою добычу. Выбравъ удобное мѣсто, стрѣлокъ прислоняется къ дереву, взводитъ курки, поднимаетъ ружье къ плечу, беретъ пищикъ и свиститъ какъ молодые рябчики. Въ хорошую погоду рябчикъ подлетаетъ съ перваго звука; если же нѣтъ — надо подождать минутъ пять по крайнѣй мѣрѣ, прежде чѣмъ снова свистнуть. Если самецъ летитъ на манку — слѣдуетъ стрѣлять въ тотъ же мигъ какъ онъ усядется на сукъ, потому что стоитъ ему только замѣтить охотника — и онъ тотчасъ спасается. При этомъ надо стараться убить его наповалъ; подстрѣленный часто пропадаетъ, зарывшись подъ корни или въ мохъ, или если хватить силы долетѣть къ густому дереву — въ его верхушкѣ, гдѣ и сидитъ недвижно до самой смерти. Если рябчикъ отвѣчаетъ на свистъ — значитъ онъ не хочетъ или боится явиться на зовъ; надо терпѣливо ждать, поманивъ еще разъ или два: черезъ пять или десять минутъ слышится шумъ взлета и рябчикъ падаетъ не рѣдко къ самымъ ногамъ стрѣлка. Если стрѣлку случится попасть въ мѣсто, гдѣ много рябчиковъ, которые перекликаются другъ съ другомъ, тогда надо манить на голосъ самки. Все это касается только мѣстностей, гдѣ рябчики сильно науганы охотой; въ болѣе же глухихъ уголкахъ, просто подаютъ пищикъ — и когда рябчикъ отозвался, прямо идутъ къ нему: вся трудность въ томъ, чтобы разсмотрѣть, гдѣ онъ сидитъ.

Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ рябчиковъ бьютъ изъ малокалиберныхъ винтовокъ (турокъ) пулею какъ бѣлку; ловятъ въ силки, устроенные передъ пучкомъ рябины или другихъ ягодъ, такъ что рябчикъ желая полакомиться просовываетъ голову въ силокъ — и какъ только начнетъ терѣбить ягоды, сторожка срысывается, петля силка затягивается — и рябчикъ повѣшенъ. Эти такъ-называемые давленные рябчики цѣнятся впрочемъ дешевле стрѣляныхъ, такъ какъ мясо ихъ красивѣе.

У рябчиковъ, также какъ у глухарей и тетеревовъ, есть свой токъ, во время котораго разгоряченный птѣушокъ свиститъ и поетъ всю ночь отъ заката до поздняго утра.

Самка кладетъ свои 10 — 16 свѣтложелтыхъ съ коричневыми

и черными крапинками ящъ въ безыскусственное гнѣздо на землѣ и высиживаетъ ихъ въ теченіи трехъ недѣль. Вылупившіеся дѣтеныши, покрытые коричневымъ пушкомъ, тотчасъ же слѣдуютъ за матерью, остаются при ней и при самцѣ въ одной стаѣ, и часто сидятъ на кустарникахъ такъ плотно, что не слезаютъ даже тогда, когда котораго нибудь изъ нихъ застрѣляютъ. Найдти гнѣздо чрезвычайно трудно, такъ какъ самка въ случаѣ приближенія врага безшумно удаляется отъ него, прокрадываясь въ травѣ и отнюдь не вспархивая. а циплята, окрашенные поразительно сходно съ почвою, прижимаются къ ней такъ ловко среди мха и травы, что только чутье лягавой собаки или лисы можетъ открыть ихъ. Къ осени молодые вы-

водки уже вырастаютъ, и на слѣдующую весну спариваются сами. Хотя они и не такъ пугливы какъ глухарь и тетеревъ, но нѣсколько разъ обстрѣлянные рябчики всегда очень насторожѣ. Когда осенью, въ хорошую и въ сырую погоду, а особенно по первому выпавшему снѣгу, рябчикъ завидитъ лягавую собаку, то крѣпко прижимается къ землѣ, и потомъ вскочивъ при приближеніи собаки, бросается обыкновенно на нижнія вѣтви и притаивается тамъ. Латинское названіе ихъ происходитъ, надо полагать, отъ того что на мясо рябчика смотрѣли какъ на *bona assa*, лакомый кусочекъ, что совершенно правда; вездѣ гдѣ только водится эта птица, ей оказывается большой почетъ—и она подается на самыхъ гастрономическихъ столахъ.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО. (Картинка).

Вотъ и весна! Давно уже надъ городомъ не было голубаго неба. Въ садахъ и палисадникахъ сѣрыя вѣтви и коричневые вѣтки, если смотрѣть на нихъ издали, какъ будто дымятся легкимъ зеленымъ дымомъ; солнце ярко свѣтитъ и согреваетъ громадныя стѣны каменныхъ домовъ. Снѣгъ давно сталъ, и уже давно не скользятъ санн по широкимъ улицамъ; за то черезъ двойныя рамы слышно, какъ дребезжатъ, извожичьи дрожжи по обнаруженному и еще сырому булыжнику мостовой. На площадяхъ и перекресткахъ собаки съ ошейниками и безъ ошейниковъ, большія и маленькія, развѣсно заводятъ новыя интересныя знакомства; по ночамъ кошки на чердакахъ и на лѣстницахъ поютъ какіе-то мотивы не то изъ «Гравіаты», не то изъ «Аскольдовой могилы»... Въ комнатахъ появляется откуда-то бойкая муха; молодыя кухарки и горничныя успешно угощаютъ кого-то *кофею*... Словомъ—весна! Все оживаетъ, движется, начинается полнѣе дышать. Привѣтливые лучи горячаго солнца проникаютъ вскоду, лишь-бы нашлась для нихъ щелочка. Вотъ они цѣлымъ снопомъ хлынули черезъ двойныя стекла окна въ небольшую комнату и бросили на желтый полъ шесть яркихъ квадратовъ; хлынувъ сюда, они скользили по развернутой книгѣ, лежащей на столѣ, прошли чрезъ граненую крышку стеклянной чернильницы, оставивъ радужную полосу на бѣлой тетрадь, и освѣтили кисть лѣвой руки, часть лба и золотистоблѣкучіе волосы блѣднаго юноши, сидящаго надъ раскрытой книгой.

Этому юношѣ лѣтъ семнадцать—не больше. Глаза у него большіе, голубые; лобъ бѣлый, хорошій, упи даже розовый, а надъ верхней губой желтѣетъ пушокъ, изъ котораго мѣстами торчатъ золотистые волоски Юноша — въ гимназическомъ скрутку на распахнутой черной галстучекъ лежитъ на столѣ. Юноша глядитъ въ книгу, беззвучно шевелитъ губами, по временамъ откидывается на спинку стула и бормочетъ что-то, замуривъ глаза.

Въ комнатѣ кромѣ него никого нѣтъ, и онъ можетъ спокойно заниматься, хотя день и воскресный. До обѣда остается еще добрыхъ два часа. Но вотъ юноша отвелъ глаза отъ книги; губы его слегка раскраснѣлись... За стѣной раздался звукъ рояля, такіе веселые, живые звуки...

— Ага! Это она играетъ! проговорилъ гимназистъ: — это ея ручки бѣгаютъ по косточкамъ... Счастливыя косточки!

Щеки его зарумянились, совсѣмъ заалѣли, но онъ махнулъ рукой и снова уткнулся въ книжку. Странно: глаза какъ-то упрямно останавливались на одной и той же строкѣ, не шли дальше, а тамъ чьи-то ручки еще звонче забѣгали по клавишамъ рояля, каждая нотка задѣвала за-сердце и, казалось, кричала: «радуйся! живи!»

— О, Варя! О, Варвара Петровна! *Amatino!* воскликнулъ юноша и прибавилъ, вливъ еще латинское слово:

— А еще лучше—*атаги!* И почему же мы не *быть любиму?*..

Тутъ онъ задумался на минуту, потомъ махнулъ рукой еще энергичнѣе, взялъ грамматику и забормоталъ:

— «При глаголахъ безличныхъ, значащихъ движеніе сердца... *roenitet... piget... pudet...* Гм!.. а ния предмета движенія сердечнаго... сердечнаго... въ родительномъ...» Такъ-съ!.. «*Nihil age, cujus te poenitere possit...*» Трудненько! «*Multos piget sortis suae...*»

Но не прошло и пяти минутъ, какъ книга пленилась на столѣ. Юноша всталъ, потянулся и, подойдя къ зеркалу, взглянулъ на себя. На щекахъ его игралъ румянецъ, глаза стали какъ-то голубѣе, цвѣтнѣе.

Громкій аккордъ прозвучалъ за стѣной, вотъ и замеръ, но одна нотка, сладкая, нѣжная, долго еще струилась въ воздухѣ и звенѣла въ его ушахъ.

— Нѣтъ, напишу, чортъ возьми! вдругъ произнесъ молодой человекъ и подошелъ къ столу.—Что-жъ за бѣда? Неужели она разсердится... обидится? Да и что-жъ тутъ худого?.. Наконецъ, развѣ я не замѣтилъ, что *ей* правдѣсь?.. И такъ, *scribendum est!* Попрошу Степаниду отнести... Она отвѣтъ принесетъ... Но какъ именно... изобразить? Люблю *тебя* или *васъ*? Стихами или прозой?..

Задумался юноша и, немного погодя, стремительно взялъ съ полки томъ стихотвореній Бенедиктова.

* * *

Въ роскошно меблированной гостиной, у окна, сидѣли двѣ нарядно-одѣтыя дѣвушки. Одна читала, другая вышивала шелками закладку для книги. Изъ залы доносились звуки рояля. Но вотъ грянулъ заключительный аккордъ, потомъ гулко что-то хлопнуло и послышался стукъ каблуковъ по паркету; слышно было, что тамъ кто-то принялся ходить взадъ и впередъ.

— Сегодня Варѣ что-то не играется, замѣтила дѣвушка, которая сидѣла за вышивкой.—Одинъ вальсъ только и пробривчала.

— Она любитъ, чтобы ее слушали, когда она играетъ, а слушать нѣкому, проговорила другая, не отрывая глазъ отъ книги.

— А Иванъ Николаевичъ? Ему все слышно.

— Какой Иванъ Николаевичъ?... Ахъ, это ты о Ладьяновѣ! Ну, какой-же онъ Иванъ Николаевичъ?! Онъ просто — Жанъ, гимназистъ.

— Это ты его такъ называешь, а я и Варя всегда ему: Иванъ Николаевичъ. Онъ еще вчера говорилъ, что ему за стѣной слышно, когда у насъ въ залѣ играютъ на роялѣ... Вѣроятно, между нашей залой и ихъ квартирой стѣна не толстая.

— Вотъ черезъ годъ, когда онъ будетъ студентомъ, и я его назову Николаевичемъ...

— А сознайся—онъ вѣдь хорошенькій!

— Н-да, мальчикъ—ничего. Глаза даже очень хороши.

Обѣ замолчали и, кажется, кто-то изъ нихъ вздохнулъ.

— Знаешь, Мариѣ, онъ, право, влюбленъ въ Варю...

— Ну—ужъ и влюбленъ! Пустяки.

— Почему-же? Онъ юноша, а не мальчикъ. У него и усы есть...

— Усы! У нашей ключницы Феклы Ивановны усы больше.

— Ахъ, это совсѣмъ другіе усы—отъ старости! Женскіе, противные... Фи!.. Нѣтъ, вотъ когда онъ у насъ бываетъ, то больше съ Варей бесѣдуетъ.

— Варя моложе насъ; больше ему подѣ нару, оттого онъ и бесѣдуетъ съ ней.

— Пойдемъ... Это что тамъ зашумѣло?

— Да это она несетъ сюда галопомъ!

Да, это была она—Варя, недуренькая, розовенькая брюнетка, лѣтъ шестнадцати, въ платѣ со шлейфомъ, съ маленькимъ задорно-вздернутымъ носикомъ. Она впрорхнула въ гостиную, дала шурѣтъ и весело крикнула:

— Письмо получила! Билль-душку! Поздравьте!

— Отъ кого это?

— Отъ Ивана Николаевича.

— Какимъ-же это образомъ? спросила старшая—Мариѣ.

— Какъ какимъ? Прислать съ кухаркой, кухарка передала. Дашѣ, Даша—мнѣ. Очень просто.

— Что-жъ онъ пишетъ? Въ любви объясняется? фыркнула Ольга.

— Какая ты догадливая! Не о пріяникахъ же ему писать! Впрочемъ, такъ какъ между нами нѣтъ секретовъ, то можешь прочесть вслухъ. Я и сама еще какъ слѣдуетъ не прочла... Только не здѣсь! Пойдемте въ ту комнату, за драпир.

И всѣ три сестрицы скрылись изъ гостиной.

Варя, подойдя къ столу, вынула изъ кармана атласный конвертикъ, вытащила изъ конвертика сиреневый почтовый листокъ и передала его Ольгѣ.

— Эге, даже—стихами! воскликнула Ольга.—И какъ прекрасно, четко написано!

— Ну, читай, читай... пока никого нѣтъ, а потомъ вѣдь надо отвѣтъ составить общими силами!

— Читаю. Слушайте:

«Люблю — произнести не смѣя —
Люблю тебя! я взорами сказалъ;
Но страстный взоръ вдругъ опустился, мѣля,
Когда твой взоръ суровый повстрѣчалъ»...

— Ну, это онъ лжетъ! перебила Варя.—Никогда я «суроваго взора» на него не бросала... Сочинитель какой!..

Ольга продолжала:

«Люблю тебя! я вымолвил робѣя,
Но твой отвѣтъ языкъ мой оковалъ»...

- Когда? Какой отвѣтъ? Да ужъ это не къ тебѣ-ли относится?
- Еще чтѣ! Не мѣшай-же, Варя.
- Да это вѣрно не его стихи, замѣтила Marie.—Ну, дайте.
- Гдѣ я остановилась? Да...

«Языкъ мой смолкъ и взоръ огня не мечетъ,
А сердце все—люблю тебя—лепететъ.
И звонкое сердечное бѣнене
Ты слышишь:—такъ, оно къ тебѣ дошло;
Но ужъ твоё сердитое велѣнье
Остановить его не возмогло...
Люблю тебя! и въ мѣсть за отверженіе,
Когда нибудь, безжалостной на зло,
Когда и грудь любовію отдышитъ,
Мое перо—люблю тебя—напишетъ!...»

— А вотъ и прозой:

«Варвара Петровна! падаю къ вашимъ ногамъ и объявляю, что до тѣхъ поръ не явлюсь къ вамъ, пока не получу отвѣта.

Глубоко преданный и любящій Н. Я.»

Варя первая фыркнула и, схвативъ письмо, воскликнула:

— О, Варвара Петровна не оставитъ васъ безъ отвѣта! Такъ я сердитая? безжалостная? А съ кѣмъ я подъ-рядъ три кадрили танцую?.. Хорошо-же! Давайте—сейчасъ-же составимъ отвѣтъ вчернѣ!... У меня кстатѣ въ карманѣ карандашъ, а тутъ,

на этомъ сиреновомъ листѣ, двѣ странички чистыя... Ну, mes-dames! Я взволнована, одна не могу...

— Да чтѣ тутъ составлять!.. Хочешь, я продиктую? звалась Marie.

— Ну, диктуй, только поскорѣе! Заповѣдь прериванія не говори. Сама поставлю гдѣ нужно.

— Пиши: «ваше посланіе, Иванъ Николаевичъ, я получила. Такъ какъ вы заранѣ назвали меня сердитой, безжалостной, то я и буду такой. Вы, очевидно, писали ко мнѣ не подумавши, а потому позвольте натолкнуть васъ на слѣдующія соображенія: я—уже взрослая дѣвица, вы—ученикъ; я—кончила курсъ наукъ, вамъ—еще надо кончить курсы гимназическій и университетскій. За любовь вашу ко мнѣ merci, но она для меня теперь не болѣе какъ золотой ёлочный орѣхъ. Вотъ, когда вы прокуроромъ или присяжнымъ повѣреннымъ будете» — теперь поставь скобку.

— Поставила. Только ты ужъ слишкомъ рѣзко...

— Можешь пзмѣнить. Послѣ скобки: «если не попадете въ солдаты на 21 году»—закрой скобку — «ну, тогда и стиховъ не нужно. Понял?.. Милости просимъ къ намъ сегодня на чашку чая. Можеть быть, потанцовать удастся»... Вотъ тебѣ и отвѣтъ; впрочемъ, передѣлывай, поправляй, прибавляй какъ знаешь.

— Дѣ, надо кое-что сгладить, задумчиво проговорила Варя.—Обижать его не слѣдуетъ... Жаль!

— Отвѣтъ немножко горьковатъ, замѣтила Ольга.

— Чтѣ-жъ, подъ конецъ, можно подсластить, посовѣтовала Marie—напиши, что сегодня у насъ будутъ виноградъ и яблоки...

— Непременно напишу! Опъ, бѣденскій, любить виноградъ, да и яблоки любить... А меня—больше винограда и яблоковъ!.. И Варя выбѣжала изъ комнаты.

Политическое обозрѣніе.

Едва только успѣла во Франціи установиться сколько-нибудь опредѣленная форма правленія, какъ уже въ средѣ новаго министерства возникли несогласія и препирательства. Первое столкновение, какъ и слѣдовало ожидать, должно было произойти между своенравнымъ и до упрямства настойчивымъ министромъ юстиціи (Дюфоромъ) и хитрымъ министромъ-президентомъ (Бюффе); другими словами: между искреннимъ умѣреннымъ республиканцемъ и сторонникомъ монархическаго правленія. Дюфоръ обратился-было съ циркуляромъ ко всѣмъ генеральнымъ прокурорамъ, въ которомъ провозглашеніе Національнымъ Собраніемъ республики названо «окончательнымъ» (definitif), а установленная недавно форма правленія—правительствомъ *республики* (gouvernement de la république). Противъ этихъ двухъ мѣстъ циркуляра возсталъ министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффе, и такимъ образомъ обнародованіе документа было приостановлено. Между Дюфоромъ и Бюффе завязались переговоры—сначала черезъ посредство секретарей обоихъ министровъ, а потомъ и личные. Дѣло, однако, шло къ соглашенію, и Дюфоръ, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, рѣшился на слѣдующія уступки: вмѣсто слова definitif—поставить «defini» (опредѣленное), а выраженіе «gouvernement de la république» — замѣнить словами «gouvernement républicain» т. е. *республиканское* правительство. Смыслъ обоихъ этихъ поправокъ показываетъ, что ни новое министерство, въ большинствѣ своихъ членовъ, ни избравшая ихъ партія въ Національномъ Собраніи не считаютъ провозглашенную во Франціи въ февралѣ наст. года форму правленія окончательною; но что, напротивъ того, опираясь на тотъ пунктъ новой конституціи, которымъ предоставляется Собранію право измѣнять и улучшать учредительные законы, монархическая партія считаетъ настоящій порядокъ не болѣе какъ *временнымъ*, сложившимся вслѣдствіе особенныхъ, можно сказать даже случайныхъ обстоятельствъ. Щепетильность и осторожность ненавистниковъ настоящей формы правленія доходитъ до того, что даже въ частныхъ разговорахъ они стараются избѣгать употребленія слова «республика», каждый разъ замѣняя словомъ *штука* (chose)!!

Несмотря, однако, на всѣ старанія монархическаго большинства нынѣшняго министерства умалить значеніе совершившихся въ послѣдніе мѣсяцы событій, сила вещей беретъ—таки свое, и заявленія сочувствія къ новому порядку вещей слышатся со всѣхъ сторонъ. При всей своей сдержанности и солидности, а можетъ-быть благодаря именно той и другой, циркуляръ Дюфора къ генеральнымъ прокурорамъ произвелъ весьма сильное впечатлѣніе какъ въ средѣ противниковъ республики, такъ и между самими республиканцами. Что-же особеннаго представляетъ этотъ циркуляръ и почему именно надѣлалъ онъ столько пума не только во обществѣ, но и во всей заграничной печати? Въ документѣ этомъ ни больше, ни меньше какъ выражается цѣлая программа дѣйствій настоящаго министерства юстиціи. Обращаясь съ рѣчью къ прокураторѣ, Дюфоръ прежде всего указываетъ на республику, какъ на совершенно установившуюся во Франціи форму правленія; признавая настоящій порядокъ вещей законнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что не потерпитъ никакихъ нарушеній этого порядка,—съ какой бы сто-

роны они ни приходили. Привязанность къ прежнимъ формамъ, дорогія сердцу воспомнанія — достойны, по его словамъ, уваженія лишь тогда, когда они не вытѣсняють собою обязанностей, лежащихъ на каждомъ гражданинѣ: — подчиняться существующимъ въ его странѣ законамъ. Въ этомъ мѣстѣ министръ указываетъ на борьбу различныхъ, непріязненныхъ нынѣшнему правительству, политическихъ партій и упоминаетъ о разнаго рода невольничьихъ средствахъ, къ которымъ они прибѣгали и прибѣгаютъ. Несовершенство существующихъ законовъ приводило къ тому, что въ руки правосудія попадали обыкновенно только мелкіе исполнители воли разныхъ политическихъ авантюристовъ, оставшихся обыкновенно въ тѣни или совершенно ускользавшихъ отъ преслѣдованія; тогда-какъ справедливость требуетъ обратить всю кару закона именно на этихъ послѣднихъ. Циркуляромъ этимъ министръ, очевидно, имѣетъ намѣреніе: съ одной стороны, вытѣснить взгляды прокуратуры на теперешнее положеніе отечества, а съ другой—получить отъ нея необходимыя свѣдѣнія о пропагандѣ различныхъ политическихъ партій въ провинціи, начиная съ бонапартистовъ, которыхъ вездѣ понимаетъ Дюфоръ, и кончая крайними людьми всѣхъ направленій.

Другимъ оффиціальнымъ провозглашеніемъ республики была рѣчь, сказанная нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи, Валлономъ, при раздачѣ наградъ въ зданіи Сорбонны. Упомянувъ въ одномъ ея мѣстѣ о томъ, что никакія политическія смуты и тревоженія не могли ослабить ревности французскихъ ученыхъ, съ похвальной энергіей продолжавшихъ трудиться на избранномъ ими поприщѣ, министръ сказалъ, что съ учрежденіемъ новой правительственной формы ученые встрѣтятся со стороны правительства еще большую поддержку и покровительство. Давъ республикѣ болѣе опредѣленный характеръ, Національное Собраніе выразило этимъ желаніе обезпечить для страны спокойствіе и порядокъ, въ которыхъ она такъ сильно нуждается послѣ вынесенныхъ ею потрясеній, и тѣмъ избавить ее отъ двухъ бичей новѣйшей исторіи: государственныхъ переворотовъ и революцій. Въ одномъ тонѣ съ заявленіями либеральныхъ министровъ Дюфора и Валлона, произнесены были рѣчи и нѣкоторыми изъ провинціальныхъ ораторовъ; между ними особенно выдается рѣчь Ваддингтона при открытіи сессіи генеральнаго совѣта Энского департамента. «До послѣдняго времени, сказалъ ораторъ, республика возникала вслѣдствіе какихъ-либо насильственныхъ переворотовъ, при помощи революцій; поэтому, съ одной стороны, она не могла не опасаться за прочность своего существованія, какъ учрежденіе, а съ другой—не могла внушить къ себѣ ни довѣрія, ни симпатіи въ людяхъ умѣреннаго образа мыслей. Ей подчинялись какъ неизбежному злу, которое можно было терпѣть, но съ которымъ нельзя было совершенно примириться. Въ настоящее время мы видимъ у насъ республику, установившуюся путемъ совершенно законнымъ, безъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ, посредствомъ правильного ея голосованія собраніемъ народныхъ представителей, выразившихъ въ данномъ случаѣ желанія большинства націи».

Подобныя же заявленія, но въ гораздо болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, высказаны были и нѣкоторыми другими оффи-

ціальными лицами; такъ напр., министръ торговли, легитимистъ виконтъ де-Мо, въ рѣчи, произнесенной имъ въ Сентъ-Этьенской торговой палатѣ, призналъ нынѣшнюю форму окончательной утвержденною, съ правильною организаціей учреждений, но приэтомъ лично не высказался въ пользу новой правительственной формы, прибавивъ, однако же, что коль скоро форма эта провозглашена и получила законную санкцію, то каждому, даже не раздѣляющему симпатій республиканизма, остается только преклониться передъ нею, — тѣмъ болѣе, что новою конститу-

ныхъ симпатій въ какой бы то ни было непріязненной законному правительству формѣ. Съ другой стороны, и вліятельные изъ республиканцевъ, какъ напр. извѣстный Жюль Симонъ, въ рѣчахъ своихъ, произнесенныхъ по разнымъ случаямъ, приглашаютъ своихъ сторонниковъ соблюдать порядокъ и повиноваться требованіямъ закона, показавъ тѣмъ, что республиканцы способны защищать собственность, семью и свободу совѣсти не хуже умѣренныхъ и безпристрастныхъ консерваторовъ.

Изъ другихъ выдающихся политическихъ событій останавли-

Любовное письмо. Картина Тулмуша, рисов. на деревѣ Бретонъ, грав. Дюмонъ.

цій предоставляется Національному собранію измѣнять и улучшать ее сообразно желаніямъ націи. Другой министръ не изъ республиканской партіи, именно военный, генералъ Спессъ, разослалъ всѣмъ корпуснымъ командирамъ циркуляръ, касающійся новаго порядка. Рѣшившись уважать убѣжденія и воспоминанія, сохраняемые каждымъ въ глубинѣ своей души, правительство, по словамъ военного министра, не можетъ, однако, въ интересахъ мира и порядка, дозволить выраженіе этихъ лич-

вають на себѣ вниманіе: путешествіе императора австрійскаго по Италіи и дипломатическое столкновение между Германіей и Бельгіей. Императоръ австрійскій предпринялъ путешествіе въ Италію, между прочимъ, для свиданія съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ, которое, дѣйствительно, состоялось въ Венеціи, при министрахъ иностранныхъ дѣлъ съ той и другой стороны. Свиданіе это и выраженіе особеннаго сочувствія итальянскаго населенія къ своему вѣнченному гостю подали поводъ ко все-

возможнымъ предположеніямъ политическаго свойства; говорили, между прочимъ, о союзѣ между Италіей, Австро-Венгріей и Франціей противъ надменной Германіи, будто-бы притѣсняющей папу... Дѣйствительно, вслѣдствіе инструкцій, полученныхъ изъ Ватикана, венеціанскій патриархъ жаловался императору австрійскому, въ бытность его въ Венеціи, на неносимое положеніе, въ которое ставитъ папство и католическія державы правительство Германіи, стремящееся подавить католицизмъ и даже посягающее на самую вѣру... Вѣрно также и то, что между представителями Австріи и Италиі, графомъ Андраши и Висконти-Веноста, происходили по этому предмету переговоры. Но ни императоръ австрійскій, этотъ наиболѣе католическій изъ всѣхъ государей, ни упомянутые министры не нашли удобнымъ предпринять даже дипломатическое вмѣшательство въ это дѣло, а ограничили только выраженіемъ сочувствія къ папѣ и совѣтами «быть осматривательнѣе въ борьбѣ, о которой всѣ сокрушаются». Путешествіе Франца-Иосифа не обошлось и безъ черныхъ тучекъ: нѣкоторыя газеты посмотрѣли на визитъ этотъ нѣсколько подозрительно, а въ одной изъ нихъ появилось даже письмо Гарибальди, который прямо заявляетъ, что ему не нравятся путешествіе австрійскаго императора по Италиі и Далмаціи—и что, прежде чѣмъ выражать свои симпатіи, пускай итальянскіе подданные Австріи вспомнятъ, какъ ихъ заставляли согласиться быть подъ ея властію. Письмо это на многихъ подѣйствило непріятно и во всякомъ случаѣ было совершенно неумѣстно.

Столкновеніе между Германіей и Бельгіей произошло все по поводу той же Kirchekrieg (церковной борьбы), которую правительство германское предприняло противъ папы и непокорнаго католическаго духовенства. Совершенно неожиданно-негаданно

но получаетъ нейтральная Бельгія отъ князя Бисмарка ноту, въ которой ей ставятся на видъ слѣдующія обстоятельства: 1) обнародованіе бельгійскими епископами пастырскихъ посланій, въ которыхъ германское католическое духовенство возбуждалось къ сопротивленію государственной власти; 2) обнародованіе адреса, посланнаго членами одного религіознаго общества пострадавшему германскому епископу (Падерборнскому) и 3) дѣло бельгійскаго подданнаго Дюпена, будто бы замышлявшаго убить князя Бисмарка. Упомянутыя объ этихъ трехъ обстоятельствахъ, нота германскаго правительства простираетъ свою смѣлость до того, что требуетъ отъ Бельгіи измѣненія конституціи въ смыслѣ, благопріятномъ желаніямъ и видамъ Германіи. Понятное дѣло, что требованіе такого рода не могло не возмутить національнаго чувства бельгійцевъ и подняло на ноги всю печать, какъ мѣстную, такъ и иностранную. Изъ сосѣднихъ государствъ, подъ покровительствомъ коихъ находится Бельгія, поступкомъ Германіи болѣе всѣхъ возмущены Англія и Франція: даже самыя сдержанныя и умѣренныя изъ англійскихъ газетъ не могли пройти молчаніемъ «дерзкаго» требованія, выраженного въ нотѣ германскаго правительства; о французской же прессѣ и говорить нечего. Отвѣтъ бельгійскаго правительства германскому кабинету написанъ въ весьма сдержанныхъ, но исполненныхъ собственнаго достоинства выраженіяхъ; въ немъ говорится о всѣхъ трехъ обвинительныхъ пунктахъ и представляются самыя удовлетворительныя объясненія по каждому изъ нихъ. Въ англійской Палатѣ Общинъ сдѣланъ былъ по этому поводу даже запросъ министерству, на который это послѣднее отвѣчало, что въ случаѣ если бы Германія вздумала принять по отношенію къ слабой Бельгіи болѣе угрожающее положеніе, — Англія не преминетъ исполнить свой долгъ по отношенію къ этой, покровительствуемой ею державѣ...

С М Ъ С Ъ .

Интересный автоматъ. Въ концѣ января, а по новому стилю въ первыхъ числахъ февраля, въ одной изъ аукціонныхъ камеръ Парижа былъ выставленъ весьма интересный автоматъ. Это—обыкновенной величины паукъ, сдѣланный изъ мѣди и отъ простаго прикосновенія начинающій бѣгать по столу, передвигая своими ножками съ необыкновенною быстротою. Автоматъ этотъ является поистинѣ чудомъ механики. Эта игрушка была сдѣлана сорокъ пять лѣтъ тому назадъ въ Нюрнбергѣ. Въ то время она была куплена для герцога Омальскаго. На аукціонѣ она была продана за 1200 франковъ.

Шарль Нюитеръ, архитекторъ, построившій зданіе новой Парижской оперы, издалъ недавно книгу, благодаря которой публика можетъ ближе познакомиться съ интереснымъ архивомъ и библіотекой этой оперы. Драгоценное собраніе Безаръ, заключавшее въ себѣ болѣе 80 томовъ in folio и in 4° бумагъ, относящихся къ первымъ временамъ оперы въ Парижѣ, къ сожалѣнію, сгорѣло въ 1871 г., вмѣстѣ съ ратушей, такъ что теперь наиболѣе древніе документы (только съ 1735 г.) находятся въ оперномъ архивѣ; однако и эти бумаги могутъ послужить богатымъ матеріаломъ для исторіи культуры. Какъ на куріозъ укажемъ, напр., на слѣдующее: 18-го Преріала IV года республики оперный сборъ далъ 1.000.000 ливровъ. Ложа 1-го яруса стоила 9.000 ливровъ. Интересенъ также списокъ абонентовъ ложъ съ 1728—1780 г. Что касается писемъ Софій Аргу, то они, къ сожалѣнію, пропали. Въ библіотекѣ оперы есть и драгоценные автографы, въпримѣръ: три оперы Рамо, два акта «Армиды» и отрывки «Орфея» Глюка, увертюра Мегюля, множество ненапечатанныхъ номеровъ изъ «Гугенотовъ» и «Роберта» Мейербергера, «Теля» и «Осады Коринфа» Россини. Въ библіотекѣ находятся небольшіе автографы почти всѣхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Новое стекло. Въ царствованіе Тиверія какой-то человекъ, какъ свидѣлствуютъ Плиній, Петровій и Діонъ Кассій, объявилъ, что онъ можетъ готовить *упругое* стекло, такъ какъ ему удалось совершенно устранить хрупкость, какъ свойство присущее стеклянной массѣ. Счастливый изобрѣтатель (одни называютъ его стекольщикомъ, другіе—архитекторомъ) преподнесъ Тиверію чашу изъ такого стекла, полагая, что будетъ щедро за это вознагражденъ; но онъ ошибся въ расчетахъ. Императору не понравилось это изобрѣтеніе—и единственно потому, что оно, какъ онъ думалъ, вѣрно уронитъ золото и серебро, понизивъ цѣнность ихъ... Въ гнѣвъ швырнулъ Тиверій чашу ва полъ—чаша только погнулась, какъ металлическая, во не разбилась. Изобрѣтатель новаго стекла тутъ же, на мѣстѣ, поправилъ попорченную вещь—постучалъ молоткомъ по помѣтому мѣсту чаши, и она опять стала прямой. Это еще болѣе не понравилось кесарю, и онъ велѣлъ немедленно отрубить голову стеклянныхъ дѣлъ мастеру, дабы съ нимъ умерла и тайна

производства упругаго стекла. Приказаніе, разумѣется, было исполнено: умеръ изобрѣтатель, умерла и тайна.—Съ тѣхъ поръ многіе ломали голову надъ вопросомъ: что это было за стекло, которое можно было *ковать*?

Въ новѣйшее время нѣкоторые изъ ученыхъ техниковъ, пытаясь разрѣшить эту задачу, заявляли, что вѣроятно это былъ *алюминій* или расплавленное *хлористое серебро*, однако такое объясненіе не совсѣмъ удовлетворяло. И вотъ теперь со всѣхъ сторонъ получаются извѣстія объ изобрѣтеніи *новаго* стекла—твердаго какъ металлъ, слѣдовательно не хрупкаго, которое отъ удара и даже отъ огня не растрескивается.—Еще прошлою осенью въ Буржѣ (во Франціи) составила акціонерная компанія (капиталъ ея 1.200.000 фр., фирма «А. де-ла-Басти и Комп.») для производства воизобрѣтеннаго стекла де-ла-Басти. Союзъ германскихъ фабрикантовъ стеклянныхъ издѣлій вошелъ въ переговоры съ поманутою французскою фирмою относительно покупки секрета, но переговоры ни къ чему не привели, такъ какъ «А. де-ла-Басти и комп.» зажали громадную цѣну; однако потомъ удалось узнать, что металличность (упругость) стекла получается такимъ образомъ: стекло, сильно нагрѣтое, до тягучести, нужно опустить въ герметически-закрытый сосудъ, наполненный масломъ, жиромъ, или вообще такимъ веществомъ, которое распускается при температурѣ значительно меньшей температуры кипящей воды. Въ Силезіи производились многочисленные опыты надъ стекломъ Басти, которые и подтвердили прекрасную аттестацию этого славнаго изобрѣтенія; а на дняхъ на Сольмской стеклянной фабрикѣ, близъ Кличдорфа, въ Бунслаусскомъ округѣ, гг. Любишъ и Ридереръ смастерили еще новое стекло *металлическое*. Дѣйствительно, оно отличается такою твердостью, что оловянная гирица вѣсомъ въ 40 граммовъ (граммъ немного меньше одного золотника), брошенная на стеклянно-металлическую пластинку, не могла ее разбить, и кромѣ того стекло это отлично выдерживаетъ быстрый переходъ изъ холодной среды въ жаркую.—И такъ, этому «металлическому» стеклу предстоитъ играть блестящую роль. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто, напр. прежнихъ хрупкихъ оконныхъ, ламповыхъ стеколъ, посуды и пр., вы будете имѣть нѣчто прочное, да къ тому же не уступающее въ мягкости и прозрачности обыкновенному стеклу. Въ виду того, что возможность эластическаго стекла уже доказана, можно смѣло ожидать теперь дальнѣйшихъ изобрѣтеній и усовершенствованій по этому предмету. Изъ Дрездена уже пишутъ, что одинъ изъ тамошнихъ инженеровъ г. Пиперъ изобрѣлъ «вулканическое» стекло и успѣлъ продать секретъ производства его за 300.000 марокъ. Какъ не воскликнуть тутъ: О, tempo! О, mores!

Если бы Тиверій всталъ *теперь* изъ гроба, то убѣдился бы, что никакое новое стекло не въ состояніи понизить цѣнности золота и серебра. Прошли вѣка, а эти «благородные» металлы не упали, да и когда упадутъ—неизвѣстно.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ удостоилъ въ С.-Петербургѣ, 26-го января 1875 г., Высочайшей ратификаціи конвенцію о наслѣдствахъ, заключенную 31-го октября (12-го ноября) 1874 г. между Россією и Германією. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на германскую 27 прошлаго января, и конвенція войдетъ въ дѣйствіе по истеченіи мѣсячнаго срока послѣ обмѣна ратификацій.

— Государь Императоръ, 10-го минувшаго марта, Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа 19 флаговъ, установленныхъ для переговоровъ въ морѣ по международному коммерческому своду сигналовъ, ввести въ сводъ военныхъ морскихъ сигналовъ 12 флаговъ, замѣнивъ ими то же число флаговъ этого свода.

— По окончаніи въ настоящее время распоряженій по заготовленію и разсылкѣ по губерніямъ вновь - устанавливаемыхъ гербовыхъ бумаги и марокъ, Министръ Финансовъ, признавая возможнымъ ввести въ дѣйствіе по Имперіи, не исключая и Прибалтійскихъ губерній, Высочайше утвержденныхъ, 1-го апрѣля 1874 г., уставъ о гербовомъ сборѣ съ 1-го іюля настоящаго 1875 г., представилъ о семъ въ Правительствующій Сенатъ для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

Дала церкви.

— Многія лица, сочувственно относящаяся къ важному событію совершающагося воссоединенія грекоуниатскаго населенія Холмской епархіи съ православною Церковью, желая придти на помощь нуждающимся церквамъ сей епархіи, просятъ указать имъ, куда могутъ быть направляемы пожертвованія въ пользу сихъ церквей.

Вслѣдствіе сего, канцелярія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ разрѣшенія его высокопревосходительства, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что пожертвованія въ пользу упомянутыхъ церквей, подъ какими бы то ни было видами, какъ-то: деньгами, парчею, церковною утварью, богослужебными книгами, иконами и вообще всѣми принадлежностями церковнаго богослуженія, въ конхъ но убожеству почти всѣхъ церквей Холмской епархіи настоятъ самая крайняя нужда, будутъ приняты съ живѣйшею признательностью. Но такъ какъ отъ щедротъ Его Императорскаго Величества нѣкоторыя изъ сихъ церквей снабжаются уже церковною утварью и священническими облаченіями, то для правильнаго распредѣленія всѣхъ заготовляемыхъ и жертвуемыхъ предметовъ желательно, чтобы пожертвованія доставлялись въ канцелярію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которая номѣщается въ домѣ Министра, по Мойкѣ, у Почтамтскаго мостика.

Народное просвѣщеніе.

— Московская городская дума, по выслушаніи Высочайшаго манифеста о рожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксении Александровны, положила: въ ознаменованіе сего столь радостнаго для древней первопрестольной столицы событія, учредить въ московскихъ женскихъ гимназіяхъ 25 стипендій имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксении Александровны. Послѣ прочтенія приговора, городской голова предложилъ поднести кубокъ вѣстнику столь радостнаго событія, флигель-адъютанту Толстому. Предложеніе это единогласно было принято собраніемъ.

— Въ виду необходимости въ подготовкѣ достаточнаго числа учителей для преподаванія химіи и механики въ реальныхъ училищахъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагаетъ въ текущемъ году отправить за границу и въ Императорское московское техническое училище извѣстное число молодыхъ людей, съ тѣмъ, чтобы они вырощеніи двухъ лѣтъ изучали назначенные имъ

предметы механики въ Москвѣ, а химіи за границею, по указанію Министерства, съ полученіемъ ежегодной стипендіи по одной тысячѣ и на путевые расходы по 100 р. — за границу, а въ Москву — по 50 р. каждому. Затѣмъ эти молодые люди обязаны будутъ прослужить по 6 лѣтъ учителями избранныхъ ими предметовъ въ реальныхъ училищахъ, также по назначенію Министерства.

Морское дѣло.

— Крестьянинъ Петрозаводскаго уѣзда Воронцовъ устроилъ, въ навигацію минувшаго года, на Климцекомъ островѣ Онежскаго озера небольшой маякъ, который и освѣщалъ на собственные средства. Вѣдомство путей сообщенія признало маякъ зтотъ полезнымъ для плавающихъ въ этой частн озера судовъ. Последнее очередное губернское земское собраніе, изъявивъ Воронцову благодарность за устройство маяка, постановило выдать ему, согласно его ходатайства, 25 рублей въ возмѣщеніе расходовъ, употребленныхъ на освѣщеніе.

Ученныя и другія общества.

— Изъ отчета о дѣятельности общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ за 1875 г. видно: къ концу отчетнаго года общество имѣло 28 морскихъ станцій, изъ коихъ: въ Бѣломъ морѣ 2 станціи, Балтійскомъ 19, Черномъ 6, Каспійскомъ 1; таможенныхъ постовъ, снабженныхъ спасительными средствами, на берегахъ Балтійскаго моря и Финскаго залива 117, на внутреннихъ водахъ: лѣтнихъ и зимнихъ станцій 14, постовъ, безъ лодокъ, съ одними кругами, поясами и концами 25; всего, на вѣнскихъ и внутреннихъ водахъ, 42 станціи съ лодками, плотами и ракетами, и 137 постовъ съ кругами, поясами и концами. Крушений на берегахъ Европейской Россіи въ истекшемъ году было 153, причемъ спасено морскими станціями общества — 155 чел. и на внутреннихъ водахъ 141; сверхъ сего, казенными морскими станціями 68; а со времени существованія общества въ трехлѣтіе съ 1872 по 1875 д.—505 человѣкъ.

Общество истратило въ истекшемъ году, собственно на устройство станцій, до 120.000 руб. Затѣмъ, къ 1-му марта наличными состояло въ обществѣ 78.000 по главному правленію и 36.000 въ округахъ. Въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала 74.000 рублей.

Сельское хозяйство.

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ, что по почину Министра Государственныхъ Имуществъ, изъ менонитовъ подлежащихъ отбѣтѣ воинской повинности, будутъ организованы артели рабочихъ, которые, подъ руководствомъ специалистовъ, займутся посадкой лѣсныхъ деревьевъ на казенныхъ земляхъ въ Новороссійскомъ краѣ.

— Въ Каранотайскихъ стенахъ Ставропольской губерніи, начиная съ вечера 15-го марта и весь слѣдующій день до полуночи свирѣпствовалъ, при 14° мороза, необыкновенно сильный снѣговой ураганъ. Къ утру 17-го числа вѣтеръ стихъ и погода прояснилась. Выюга надела огромные сугробы снѣга, которые по откосамъ ложбинъ возвышались болѣе чѣмъ на 1 1/2 сажени. Оставшіеся въ сени во время бури скопъ погибъ почти поголовно. На пространствѣ каждыхъ 5—6 квадратныхъ верстъ отыскивались десятки валявшихся труповъ животныхъ, на полонну засыпанные снѣгомъ. Въ первые дни послѣ бури, кочевники, отрывая изъ-подъ снѣга разныхъ животныхъ, находили между 20—30 штуками едва одну полуживую.

— Въ сел. Прасковеи, въ тѣ же дни (съ 15-го по 17-е марта) былъ такой же ураганъ. Здѣсь замерзло много людей, десятки тысячъ овецъ и пало много рогатаго скота и лошадей.

Гатіена.

— Докторъ Вудманъ въ статьѣ, номѣщен-

ной въ «The Medical-Presse and Circular», 1874, приводитъ пять случаевъ, въ которыхъ люди, носившіе вставные зубы изъ краснаго вулканизированнаго каучука, заболѣвали слюнотеченіемъ, язвами во рту, поносомъ и общимъ упадкомъ силъ, съ массой различныхъ нервныхъ припадковъ: у нѣкоторыхъ, кромѣ того, появлялось нѣчто въ родѣ lichen esematosum. Въ слѣдѣ больныхъ авторъ показалъ присутствіе ртути. Но особенно удивительно то, что всѣ болѣзненные явленія исчезали, когда больные переставали носить свои вставные зубы. Въ одномъ случаѣ больной три раза принимался носить свои вставные зубы послѣ исчезновенія всѣхъ болѣзненныхъ явленій, и каждый разъ вся группа припадковъ появлялась снова; когда же онъ вмѣсто опоры изъ краснаго вулканизированнаго каучука сдѣлалъ себѣ золотую опору, то болѣзненные припадки исчезли совершенно. Наконецъ, авторъ изслѣдовалъ и самый каучукъ, изъ котораго были сдѣланы искусственные десны, и нашелъ, что онъ содержалъ въ себѣ киноварь.

Празднества.

Изъ помѣщеннаго въ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» описанія празднованія въ Самарѣ двадцатилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора, между прочимъ, видно: Внутреннее и вѣнское убранство зданія городского собранія, въ которомъ происходило празднованіе, какъ нельзя лучше соотвѣтствовало значенію дня. Для двухъ портретовъ Ихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы, номѣщавшихся въ первой гостиной, были изготовлены рамы, обращавшія на себя всеобщее вниманіе красотою рѣзбы въ русскомъ стилѣ; образцы для рамъ заимствованы изъ чертежей дворца Великаго Князя Владиміра Александровича. Портретъ Государя Императора, номѣщавшійся въ залѣ, вѣнчала надпись: „Господи! силою Твоею возвеселится Царь“, начертанная золотыми славянскими буквами на серебряномъ полѣ.

На возвышеніи, устроенномъ у подножія портрета и покрытомъ малиновымъ бархатомъ, лежалъ по срединѣ, на бѣломъ атласѣ, экземпляръ положенія 19-го февраля, о-правленный въ зеленый бархатъ, въ вѣнѣ изъ лавровъ и дуба, а по обѣимъ сторонамъ — части разорванной желѣзной цѣпи, изображавшія 1861 годъ, и главные вѣстныя земледѣльческія орудія.

Заслуживало также вниманія убранство обѣденныхъ столовъ, приготовленныхъ на 170 лицъ. Ни одна изъ принадлежностей сервировки нашего времени не имѣла здѣсь мѣста: ихъ замѣнили на зтотъ разъ кубки, чары, стопы, мисы, жбаны, боценки и проч.; вышитыя полотенца служили вмѣсто салфетокъ; напитки предлагались участвующимъ исключительно русскіе: крымскія вина, медъ, простое домашнее пиво, разнообразныя фруктовыя воды и квасъ; блюда также были чисто русскія. Десертъ состоялъ изъ винограда, крымскихъ яблокъ, дуль, приниковъ съ кремлями и сахарныхъ теремовъ, изображавшихъ хоромы Царя Алексѣя Михайловича, Царяцы Марыи Ильиничны, Царевнѣ и боярѣ Строгоновыхъ. Наконецъ, скамьи, покрытыя коврами, замѣняли стулья.

Къ двумъ часамъ дня собрались всѣ участвующие въ празднествѣ, въ томъ числѣ было много дамъ въ русскихъ нарядахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Марья Гавриловна Савина (съ портрета). — Друной волкъ. Романъ Н. Н. Назарина. Ч. II. (продолженіе). — Очерки Сибири: Семирѣченская область. II. Станція „Кескелентъ“ Любонная (съ рисункомъ). Н. Н. Назарина. — Влуджащие огонь (Автобіографія Платонова). Соч. Н. С. Лѣскова (Стебничаго) (продолженіе). — Рыбчикъ (съ рисункомъ). — Любовное письмо (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Сжѣсь. — Разныя вѣстия.

Редакторъ В. Клошниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.
ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА НЕСТЛЕ,
ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ,
замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма
легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ пригото-
вленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей
Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта,
въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества тор-
говли аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма,
Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана,
Вас. остр., — у В. Валадина, Литейна, д. № 57-й, у Уша-
кова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и моск-
вельныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—16

Dr. HUNNIUS bleibt in Hapsal und ist bereit für
seine Patienten Quartiere zu besorgen.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ И ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе
лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фас-
новъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляе-
мымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи
его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а рав-
но и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается
обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложен-
ное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки,
маншеты бѣлые и цѣлѣные различныхъ колеровъ,
мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной про-
дажи высылается по вос-
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во все государство. Тор-
говцамъ уступка. Письма просятъ
адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать
и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9. 13—7

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой
Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—9

Печи для дачъ

И ДЛЯ ОТОПКИ ВСЯКИХЪ ЗДАНИЙ.

Въ заведеніи печей Давидова, уголь Греческаго проспекта и 7 улицы Песковъ, дачъ
№ 2/3-й, можно получать въ совершенно готовомъ видѣ съ нерыскаю куду угодно
печи: паразитны (кафельны) отъ 35 руб. въ желѣзныхъ оболочкахъ гончарной кон-
струкціи (внутренности) отъ 10 руб. и кухонные очаги со всѣми принадлежностями отъ
35 руб. Вообще рекомендуемая печь разныхъ величинъ, смотря по цѣли, весьма кра-
сивыхъ и разнообразныхъ формъ, съ разносторонними удобствами и несравненно вы-
годна въ теплѣ и въ воздухѣ и въ топливѣ изъ чего бы оно ни заключалось, даже
и жидкихъ горючествахъ, а притомъ по легкости своей не осаждаютъ и не уродуютъ де-
ревяннаго строенія, которое безъ исключенія не избѣгаетъ этой участи при возгрома-
женіи всѣхъ допотопныхъ печей, содержащ. въ себѣ отъ 90 до 500 пудовъ.

Независимо отъ вышеказанныхъ готовыхъ печей, приготовляемыхъ въ моей мастер-
ской вмѣстѣ и школѣ для возможнаго образованія нечистовъ, принимаю на себя
устройство вентиляціоннаго отопленія вообще печами моей извѣстной трубчатой систе-
мы; какъ-то: 1) центральное воздушное изъ подвальныхъ этажей, недопуская отнюдь
металла съ способомъ увлажненія нагрѣтаго воздуха. Комнатныя печи, калориферы ис-
различные и въ желѣзныхъ оболочкахъ, каминъ, калориферы, т. е. всякій каминъ, не-
теряя своего назначенія, можетъ нагрѣть за всякую большую голландскую печь и въ
печи печи. Желающіе благоволятъ обращаться письменно и лично: утромъ до 10,
позднѣе отъ 6 час., въ самому изобрѣтателю О. Д. Давидову (только благово-
рительно).

2—2

Продаются мужскія ботинки изъ консервированной
кожи, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. № 10, въ
магазинѣ Мюнстерлейтъ. 2 2

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина
съ нравильною двойною стежкой, ручная и
ножная. Королевская педагогическая комис-
сія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“
за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее
для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д“ новѣйшая настоящая Американ-
ская швейная машина, ножила для портныхъ.
Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей
Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и
малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; по-
томъ еще крошечка у Бринъ и Ко. въ гости-
номъ дворѣ по большой суровской линіи № 132.
Агенты для Москвы, Шансѣ и Болитъ,
англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту.
Кромѣ того находятся Агенты почти во всѣхъ
губернскихъ городахъ. 10—5

„ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ“

Романъ Н. Каразина.

Часть первая Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.

Эта первая часть романа „Двуногий волкъ“, имѣвшая такой
большой успѣхъ, была напечатана въ „Нивѣ“ 1874 г. Въ на-
стоящее время, приступивъ съ № 11-го къ печатанію второй ча-
сти и имѣя въ виду громадное количество новыхъ подписчи-
ковъ, начавшихъ читать „Ниву“ только съ сего 1875 года, редак-
ція, для удобства послѣднихъ, сочла нужнымъ отпечатать от-
дѣльно первую часть этого романа — и съ гг. новыхъ подписчи-
ковъ, желающихъ получить такую-то, взимаетъ только свои
собственные расходы, т. е., 40 коп. безъ пересылки и 60 коп.
съ пересылкою. Эти 60 коп. гг. иногородные подписчики мо-
гутъ высылать въ простыхъ письмахъ почтовыми марками, ко-
торыя по почтовымъ правиламъ не нужно страховать, адресуя
прямо въ контору редакціи „Нивы“ А. Ф. Марксу въ С.-Петер-
бургъ. 3—3

„ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ“

Большой батальный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполнен-
ный по оригинальнымъ рисункамъ Н. Каразина. Это одно изъ роскош-
нѣйшихъ изданій, въ форматѣ большихъ листовъ, хромолитогра-
фированное первымъ запрашиваемымъ заведеніемъ Вилкельмана и
Штейнбока въ Берлинѣ. Цѣна 18 руб., съ пересылкою 22 руб.
А такъ какъ этотъ альбомъ, какъ новѣйшее, художественное и
вмѣстѣ съ тѣмъ научное произведеніе, составляетъ нѣкоторымъ
образомъ необходимость для учебныхъ заведеній: гимназій, школъ
и проч., для полковыхъ батальонныхъ и частныхъ библиотекъ
и, вообще, для каждаго, любящаго искусство, — то редакція „Нивы“
приобрѣла его въ большомъ количествѣ экземпляровъ и желая
его сдѣлать болѣе доступнымъ для своихъ читателей, уже зна-
комыхъ изъ „Нивы“ съ художественными произведеніями
Н. Каразина, — дѣлаетъ для своихъ гг. подписчиковъ уступку
въ размѣрѣ 20%, т. е. вмѣсто 18 р. — только 14 р. 40 к., а по-
тому гг. иногородные, желающіе выписать этотъ альбомъ,
благоволятъ обращаться въ редакцію „Нивы“, прилагая вмѣсто
22 р. съ перес. только 18 р. 40 к. 3—3

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выданъ 4-го Мая 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Ижвы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Джонъ Мильтонъ и его поэма „Потерянный рай“.

Джонъ Мильтонъ.

Джонъ Мильтонъ и его поэма „Потерянный рай“.

Въ 1665 г. въ Лондонѣ появилась чума. Джонъ Мильтонъ покинулъ городъ и переселился въ Букингемширъ, а затѣмъ одинъ изъ его почитателей (бывшій ученникъ Эльвудъ) напалъ благодушно своему домику въ Чальфонтъ, гдѣ и посѣщалъ его часто. Въ одинъ прекрасный день, какъ рассказываетъ биографъ Мильтона, поэтъ подаль Эльвуду свернутую рукопись и попросилъ по прочтеніи возвратить ее въ цѣлости. Это былъ «Потерянный рай». — Поэма эта, какъ по вымыслу и разнообразію дѣйствій, такъ и по чувству и глубинѣ мысли, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду эпическихъ произведеній. Она состоитъ изъ двѣнадцати кнѣгъ.

Вотъ краткое содержаніе ихъ:

I. Пробужденіе Сатаны и созваніе совѣта адскихъ властей.

II. Совѣтъ и рѣшеніе адскихъ властей.

III. Сатана оставляетъ подземную бездну, чтобъ открыть новосозданный міръ.

IV. Появленіе Сатаны въ новосозданномъ мірѣ.

V. Сатана проникаетъ въ Эдемскій садъ. Архангелъ Рафаилъ явится Адаму, чтобъ предупредить его объ угрожающемъ ему бѣдствіи.

VI, VII и VIII. Архангелъ продолжаетъ повѣствовать Адаму о сотвореніи міра и о низверженіи падшихъ ангеловъ.

IX. Сатана снова проникаетъ въ Эдемъ, входитъ въ змѣя, который убѣждаетъ Еву вкусить плодъ отъ запрещеннаго древа.

X. Сынъ Вѣчнаго произноситъ приговоръ надъ виновными.

XI. Мессія ходатайствуетъ предъ Отцомъ за прародителей. Изгнаніе Адама и Евы изъ рая. Архангелъ повѣствуетъ имъ о грядущемъ.

XII. Адамъ и Ева оставляютъ Эдемъ. Архангелъ продолжаетъ свое повѣствованіе.

Пользуясь переводомъ въ стихахъ этой поэмы С. И. Писарева (изданіе Кораблева и Сирякова, 1871 г.), приведемъ нѣкоторые отрывки, относящіеся къ сюжету картины Кабанеля.

Змѣй-искуситель, подкравшись къ Евѣ и какъ-бы пораженный ея красотой, начинаетъ восторженно восхвалять ее и наконецъ восклицаетъ:

«Кто-жъ видитъ тебя здѣсь? Одинъ человекъ лишь!
(Что-жъ значить одинъ?) Вѣдь ты точно богиня,
Должна обожана быть лишь богами,
Служить тебѣ могутъ безчисленнымъ сонмомъ
Одни только ангелы свѣтлаго неба!..»

Видя, что Ева слушаетъ его охотно, змѣй заговариваетъ о чудномъ, запрещенномъ плодѣ. Ева колеблется, соблазняется; Сатана радуется и увѣряетъ ее, что

«...путь къ нему (древу) близокъ и легокъ,
Оно тамъ, за миртами, въ чудной равнинѣ,
Гдѣ свѣтлый источникъ струится игриво,
Гдѣ смирна бальзамъ источаетъ душистый.
О, если дозволишь, тебя проведу я!..»
— «Веди-же!» сказала прекрасная Ева.

И вотъ они у древа познанія добра и зла. Ева говоритъ змѣю, что именно *этихъ* плодовъ имъ и не вѣдно вкушать подѣ страхомъ смерти... Искуситель всячески убѣждаетъ ее послушаться этого приказанія и оканчиваетъ свой монологъ восклицаніемъ:

«Богиня! сорви и вкушай безъ боязни».

Богиня впадаетъ въ раздумье, а между тѣмъ полдень приближается — и она чувствуетъ, что вообще не мѣшало-бы покушать... Приятный запахъ плодовъ такъ и разносится! Тутъ уже Ева сама начинаетъ убѣждать себя, что почему-же не сорвать яблока и не стѣсть... Кажется ничего особенно худого нѣтъ... Да оно-же, яблочко это, даетъ и разуму пищу!

«Такъ что-жъ мнѣ мѣшаетъ сорвать и насытитъ
И духъ мой, и тѣло мое въ одно время?»

Сказала, сорвала и мгновенно вкусила. Чрезвычайно понравилось ей яблочко—этотъ лучшій изъ всѣхъ плодовъ рая! Но тутъ опять она впадала въ раздумье:

«...Какъ покажусь я однако Адаму?
Сказать-ли ему о моемъ превращеніи

И съ нимъ раздѣлить мое счастье не медля?
Иль мнѣ нераздѣльно одной наслаждаться,
Хранить преимущество мудраго знанья?
Дополню чрезъ то недостатокъ я пола,
Иѣжѣ полюбить тогда меня мужъ мой!
Съ нимъ сдѣлаюсь равной, а можетъ быть даже
Господствовать буду надъ нимъ я не рѣдко?..
Иначе могу-ль я назваться свободной,
Когда онъ главою мнойъ всегда будетъ?
О, какъ-бы могло быть все это прекрасно!
Но ежели Богъ Всемогущій все видѣлъ?
И ежели смерть меня быстро постигнетъ?..
Въ ничто обращусь я, Адамъ тогда снова
Найдетъ себѣ Еву и, съ ней сочетаясь,
Дѣлать будетъ жизнь свою, полную счастья...
О, страшная мысль, ты ужасишь смерти!
Поэтому твердо теперь я рѣшилась:
Пусть дѣлать со мной онъ и счастье, и горе!..»

И соблазнила она Адама: попробовалъ онъ яблочка, узнать вкусъ первѣйшаго плода и пришелъ въ восторгъ:

— «Я вижу, о, Ева, какъ вкусъ твой изыщен!
Какъ долго лишились мы всѣхъ наслажденій,
Страхась прикоснуться къ плодамъ этимъ чуднымъ...»

Тутъ онъ взглянулъ на нее и, удивленный, проговорилъ:

«Еще никогда, съ того дня, какъ увидѣлъ
Тебя я впервые и принялъ въ объятія,
Во всей красотѣ твоей прелести дивной,
Я не былъ такъ сильно взволнованъ желаньемъ
Упитаться восторгомъ въ объятіяхъ нѣжныхъ...
Какъ ты восхитительна въ эти минуты!
Какъ дивно вліяніе чудеснаго древа!»
....И взглядъ его полный желаній
Томленіе и жажду любви выражаетъ;
И понялъ былъ Евою взглядъ этотъ страстный:
Огонь тотъ-же самый блеснулъ въ ея зорахъ;
Беретъ ее за руку онъ и уводитъ
Въ сплошную тѣнь густо обросшихъ деревьевъ...»

Но скоро исчезла сила плода, которая держала ихъ въ безумномъ омыненіи, и остался только томительный, тяжелый сонъ... И вотъ, послѣ сна, видятъ они, что хотя и асны ихъ взоры, но души мрачны!.. Какъ пораженные громомъ, сидятъ они молча, угрюмо другъ подлѣ друга.

Загрустилъ Адамъ и въ отчаяніи воскликнулъ:

«О, сосны и кедры могучіе! скройте
Меня вы въ тѣнистыхъ, развѣсистыхъ вѣткахъ,
Чтобъ видѣть не могъ я божественный образъ
Великаго Бога, пи ангеловъ свѣтлыхъ!»

Наступилъ вечеръ, повѣяло прохладой, и вотъ, въ вечерней тиши раздался гласъ Божій. Грѣшники услышали Его, но оба спѣшать уйдти куда нибудь, скрыться въ глубокой чащѣ дремучаго лѣса... Богъ ближе подходитъ и Самъ зоветъ Адама:

— «Гдѣ-жъ скрылся Адамъ, ты?..»

И вотъ оба они передъ Нимъ — въ смущеніи, съ глубокой грустью, а въ глазахъ ихъ померкшихъ уже не было ирежней любви ни къ Богу, ни даже другъ къ другу... Адамъ обвинялъ Еву, Ева обвиняла змѣя...

Богъ изрекъ Свой приговоръ Адаму:

— «За то, что послушалъ жену и вкусилъ ты
Отъ древа, тебѣ запрещеннаго Мпою—
Пусть проклята будетъ и самая почва!
Трудомъ добывать себѣ будешь ты пищу,
Пока обратнись ты снова въ ту землю,
Откуда былъ взятъ ты!» —
А Евѣ сказала:
«Усилю твои Я страданья и слѣзы,
Родить ты дѣтей должна будешь въ болѣзняхъ,
Во всемъ покориться велѣніямъ мужа,
Онъ будетъ всегда надъ тобою владыкой».

Двуногій волкъ.

Романъ Н. Каразина.

Часть II.

(Продолженіе).

XIV.

Воспоминанія. — Старый знакомый.

Къ небольшой палаткѣ раскинутой отдѣльно отъ про-

чихъ, въ саду, гдѣ помѣстился штабъ Кавказскаго отряда, подѣхалъ всадникъ, въ короткомъ кителѣ съ офицерскими погонами, красиво облегавшемъ его стройный корпусъ; медленно, лѣниво слѣзъ онъ съ лошади, бро-

силъ поводя въ руки подбѣжавшаго деньщика и, влоча свою саблю въ металлическихъ ножнахъ, вопелъ согнувшись подъ тѣнь холщевой крыши своего походнаго жилища.

Этотъ офицеръ былъ нѣсколько взволнованъ и какъ будто озабоченъ чѣмъ-то: это замѣтно было и въ его разсѣянномъ, безпокойномъ взглядѣ, какимъ онъ окинулъ внутренность помещенія, и въ его движеніяхъ нерѣшительныхъ, даже въ его жестѣ рукою, совершенно непонятномъ для его деньщика, поглядывающаго вопросительно на господина. Этотъ жестъ долженъ былъ бы что-то означать, выразить какое-нибудь приказаніе, онъ даже сопровождался словами: „эй, послушай!“; но только тотъ, къ кому это относилось, болѣе ничего не слышалъ, и стоялъ, терпѣливо выжидая, держа въ поводу вымысленную, хотя и не устатую лошадь.

А господинъ его минуту постоялъ у средняго столба палатки, потомъ подошелъ къ складной кровати, подогнулъ немного колѣни, словно собирался на нея лечь, да видно раздумалъ. спялъ фуражку и снова падѣлъ ее, отодвинулъ ногою табуретъ; тотъ зашнурлся о коверъ и перевернулся кверху ногами, тогда нога въ ботфортѣ со шпорою потянулась за другимъ табуретомъ, притянула его удачнѣе, и офицеръ сѣлъ у стола, побарабанилъ немного пальцами, выпуль порть-сигаръ, оттуда сигару, откусилъ кончикъ, черкнулъ спичкою, выждать пока она догоритъ до самыхъ копчиковъ пальцевъ, бросилъ, но другую не зажегъ, и швырнулъ подъ столъ приготовленную сигару...

Деньщикъ все еще терпѣливо ждалъ и оглаживалъ терпѣливаго коня,—господинъ сидѣлъ и казалось разсматривалъ тѣнь отъ вѣтки, пересѣкавшую противоположную, холщевую стѣнку палатки.

— Самоваръ прикажете, ваше благородіе? рѣшился прервать молчаніе деньщикъ.

— Да, выводите его хорошепъко, а поить подожди... отвѣтилъ, словно проснувшись, офицеръ.

Очевидно, что отвѣтъ не шелъ къ вопросу, но вѣрный и смѣтливый слуга понялъ что ему надо дѣлать.

— Должно хмѣлень... зашибъ на завтракъ у генерала, соображалъ онъ, проваживая коня вдоль стѣны, не выходя изъ ея голубоватой, относительно прохладной тѣни,—теперь значить завалится спать, проспите часа полтора, тутъ безпремѣнно, чтобъ самоваръ ему послѣлъ;—крикеть: „чаю!“, чтобъ сію минуту, и лимону подать надо... Тамъ кто изъ господъ подойдетъ, пошлютъ къ маркизанту Груздеву за чѣмъ слѣдуетъ, въ карты это сядутъ; мнѣ тоже перепадетъ по положенію... Такъ до почи... Ну не шали „Голубокъ... Го-го!“

И деньщикъ огладилъ по шеѣ лошадь, собиравшуюся было пошалить и подняться на заднія ноги...

Но всѣ эти соображенія приземистаго, коряваго солдата, съ жесткими щетинистыми бакенбардами, съ добродушными, узенькими глазками-щелчками, на этотъ разъ оказались невѣрными. Его господинъ и не думалъ ложиться, а все еще сидѣлъ у стола на табуретѣ, подперевъ голову обѣими руками, его господинъ вовсе не былъ хмѣленъ, и ничего „не зашибалъ“, хотя и точно завтракалъ у генерала, и въ настоящую минуту онъ и не думалъ о постели, потому что въ головѣ его ворочались и возставали такіа воспоминанія, роились такіа соображенія, которыя навѣрно-бы разогнали сонъ, хотя бы и въ привычную для того пору.

И вотъ, этотъ офицеръ сидѣлъ и разсматривалъ тѣнь вѣтки... эта вѣтка должно быть принадлежала большому кусту серебристой акаціи, судя по перистымъ формамъ листьевъ отчетливо рисовавшихся на полотнѣ...

Пристально глядя впередъ, не сводя глазъ съ этихъ голубоватыхъ, причудливыхъ очертаній, офицеръ, казалось, видѣлъ въ этихъ очертаніяхъ другія формы, другія линіи... Маленькое облачко набѣжало и поглотило узоры на полотнѣ, но наблюденія офицера не прекра-

тились, его взглядъ все таки былъ устремленъ по тому же направленію, только слегка прищурился, когда снова ярко засвѣтилась стѣна и снова повторились знакомыя очертанія...

Двѣ палевыя бабочки, гоняясь одна за другою, вихорнули въ палатку, замелькали здѣсь двумя свѣтлыми, золотистыми точками, спустились на плечо къ сидящему, сѣли на самый погонъ, опять поднялись и опять засновали, словно переплетаясь между собою, и зашелкали о туго натянутое полотно...

Кто-то изъ мимо идущихъ споткнулся на веревку, и выругался. Вся палатка затряслась, что-то даже лопнуло... Большой, бархатистый паукъ, весьма подозрительнаго вида, бойко перебиралъ своими мохнатыми ногами, пробѣжалъ по столу и сталъ спускаться внизъ, по одной изъ его ножекъ... Два всадника въ карьеръ пронеслись по дорогѣ, поднявъ цѣлыя облака пыли, пахнувшей даже во внутренность палатки,—опять появился на столѣ тотъ же самый паукъ и остановился, словно раздумывая куда бы ему лѣзть: проходить-ли мимо, или не забраться ли въ рукавъ офицерскаго кителя, казавшійся ему, вѣроятно, тѣнистымъ и заманчивымъ тунелемъ...

Ни бабочки, ни прохожій такъ пеловко шагнущій черезъ веревку палатки, ни паукъ, ни всадники—ни что не обратило на себя вниманія задумавшагося офицера, и только, благодаря совершенно случайному движенію руки сидящаго, скверное насѣкомое измѣнило своему намѣренію и посѣщило ретироваться по знакомой дорогѣ.

Заглянулъ деньщикъ въ палатку, и его маленькія глазки нѣсколько расширились... Заглянулъ опъ опять, уже спустя, покрайней мѣрѣ, часть, и опять увидѣлъ то же самое...

Давно уже былъ вывоженъ и разсѣдланъ „Голубокъ“, давно уже кинѣлъ маленькій походный самоварчикъ, давно уже прошло обычное для чаепитія время, а офицеръ все сидѣлъ и думалъ, все еще смотрѣлъ на стѣну палатки, хотя тамъ давнымъ давно исчезла перистая тѣнь и смѣнилась другою, эта другая третьею, наконецъ все затянулось сплошь, безъ просвѣтовъ... Солнце уже стало должно быть спускаться къ горизонту... Затрубили къ водою въ казачьемъ лагерѣ, заигралъ пѣхотный рожокъ, зовущій стрѣлковъ сосѣдняго бивуака къ котламъ, на ротныя кухни... Совсѣмъ дѣло стало вѣчеру, а офицеръ все сидѣлъ и думалъ; только теперь онъ курилъ свои сигары, одна за другою, и окружилъ себя, какъ Юпитеръ на Олимпѣ, волнуящими облаками синеватаго табачнаго дыма.

Этотъ офицеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже былъ въ центральной Азіи, если и не здѣсь, на берегахъ Аму, въ окрестностяхъ Хивы, такъ въ другихъ пунктахъ: въ Ташкентѣ, въ Самаркандѣ, въ Чиназѣ... Изъ его головы не могли еще совсѣмъ изгладиться всѣ воспоминанія о томъ времени... Передъ нимъ рисовались, воскресая мало по малу, разныя картины недавняго прошлаго, проходили знакомые образы, нѣкоторые въ болѣе ясныхъ, отчетливыхъ формахъ, другіе чуть замѣтными, неопредѣленными, туманными силуэтами...

Чѣмъ дальше вдумывался офицеръ, тѣмъ яснѣе и яснѣе выступало именно то, что заставляло его погружаться въ это созерцательное состояніе; одинъ образъ обрисовывался все яснѣе и яснѣе, раздвигая все остальное — этотъ образъ словно живой стоялъ передъ его глазами, словно говорилъ ему: „ну, другъ мой, припоминай, припоминай... да смотри все... всѣ мелочи, всѣ подробности... ничего не пропусти, взвѣшивай и обдумывай, а я буду наблюдать за тобою: если что забудешь, я напомишу, я ничего не дамъ тебѣ обойти... Я, какъ непрощенный, незванный суфлеръ, буду подсказывать тебѣ, буду диктовать тебѣ отъ слова до слова всѣ твои воспоминанія... Не щади-же себя, мой милый!

Вѣдь никого нѣтъ, кромѣ насъ съ тобою, никто насъ не подслушиваетъ... припоминай-же... И такъ, ты прѣхалъ въ Чиназъ—на пароходѣ „Араль“ и здѣсь начались твои похождения“...

„А вотъ и старый пушкаръ—съ своей добродушною, веселою физиономіей, съ длинными, сѣдыми усами и еще длиннѣйшею трубкою... А вотъ и сварливая расплакавшаяся старуха, съ запахомъ кухни... А вотъ и еще около нихъ кто-то... стройное, миловидное существо съ безконечно-добрыми, любящими глазами. Ты узнаешь ее? взглядишь хорошенько“...

„А вотъ сутуловатая фигура въ сѣрой рубашѣ, нѣсколько грубая на видъ, но... Имени ты не можешь вспомнить, вертится что-то въ головѣ, только никакъ навернуться не можетъ, успѣло уже испариться изъ памяти, да это не бѣда, не въ имени дѣло...“

„Потомъ эта неспрѣйность... Ты ѣхалъ верхомъ и пѣлъ... ты былъ веселъ, беззаботенъ и не подозрѣвалъ, что врагъ страшный, смертельный близко... Онъ засѣлъ вонъ въ тѣхъ кустахъ и навелъ на тебя стволы своего штуцера... Здѣсь нить воспоминаній твоихъ прерывается... еще бы! иначе и быть не можетъ... пораженный никогда не слышитъ звука поразившаго его выстрѣла, конечно если этотъ выстрѣлъ смертельный или близко подходящій къ такому...“

„Снова туманъ разсѣивается... покойная постель... опять чьи-то добрые любящіе взгляды, нѣжная рука на твоёмъ лбу и груди... Ты думалъ тогда, что ангелъ сидитъ около тебя и вѣетъ на тебя своими чудными, свѣтлыми крыльями. Ты боготворилъ этого ангела... еще бы не боготворить посланника Божья? съ благоговѣніемъ ты прикоснулся къ этимъ тонкимъ, нѣжнымъ пальчикамъ... Не правда-ли, ты все это очень хорошо помнишь?.. то-есть припоминаешь теперь, а то было совсѣмъ забытъ, совсѣмъ прогналъ изъ своей памяти, замѣнивъ все это новыми, болѣе яркими, болѣе сильными впечатлѣніями...“

„Мало по малу ангелъ теряетъ свои безплотныя свойства, онъ спускался на землю и воспринималъ въ себя все земное... Онъ превратился въ женщину... и въ женщину любящую... Ты помнишь-ли что было дальше... ну?..“

„Вздоръ, пустяки! ну какой молодой человекъ не воспользуется случаемъ, если хорошенькая дѣвушка сама такъ охотно идетъ къ нему въ объятія! Кто-же тутъ станетъ соображать да обдумывать послѣдствія?.. Да и что за бѣда? Мимолетное увлечение проходитъ само собою... Никто отъ этого ничего не теряетъ... Хотя бы и она, напримѣръ, ну что она потеряла? Навѣрное уже давно успокоилась, забыла объ немъ, десять разъ уже можетъ успѣла выйти замужъ, родила дѣтей, вынчить ихъ и хозяйничаетъ, печетъ пироги и вотрушки по примѣру своей маменьки—и совершенно счастлива... Тамъ вѣдь кромѣ него много было вздыхателей—какой-то потѣшный, толстый маіоръ... опять хоть бы и этотъ сутуловатый, угрюмый... Впрочемъ... позвольте... кажется, съ тѣмъ сутуловатымъ что-то случилось... да... такъ... неужели-же и это тебѣ въ вину поставить?.. Всякій сумасшедшій ревнивецъ...“

... Исхудалый, оборванный, больной, съ дикими, блуждающими взглядами, бродящій по камышамъ, будто звѣрь какой-то, потерявшій разумъ и волю...

Офицеръ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, боязливо оглянулся и провелъ рукою по своему лицу, будто снялъ съ него насѣвшую паутину.

... Ребенокъ—это дѣло другое... конечно, тутъ надо было подумать; надо было, можетъ быть, нѣсколько иначе. Эхъ... опять вздоръ... что за бѣда, что ребенокъ!.. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, жениться на всякой женщинѣ, если только ей пришлось быть матерью твоего ребенка... это не возможно — уже потому... ну хоть бы потому, что мы не турки, и у насъ многоженство не имѣетъ гражданственности, не законно—такъ сказать...

Какъ же этого не могутъ понять люди?.. не можешь, наконецъ, понять ты, неотвязный, непрощенный суфлеръ... Да и его ли это еще ребенокъ? кто можетъ поручиться ему, что онъ одинъ...

Офицеръ покраснѣлъ до ушей и опять оглянулся, опять провелъ по лицу обѣими руками.

„Что, вѣрно еще не совсѣмъ заглохла у тебя совесть?.. видишь: проснулась; тебѣ даже самому стыдно за себя стало; ты самъ сознаешь теперь всю гнусность своего грязнаго предположенія“, шепнулъ ему на ухо знакомый голосъ.

И надо же было чтобы теперь, когда все давно уже улеглось, забылось... этотъ рассказъ, слышанный имъ въ офицерскихъ кружкахъ когда-то знакомаго лагеря—разомъ перевернулъ все верхъ дномъ, смутилъ его самодовольное спокойствіе... и вызвалъ весь этотъ рядъ томительныхъ воспоминаній.

Она, опять она заняла все его сердце; она взошла туда въ свое собственное, давно ей знакомое, привычное жилище и расположилась тамъ полновластною госпожею, разомъ вытѣснивъ оттуда все остальное...

— А гдѣ же она сама? Въ рукахъ дикарей, въ неволяхъ... жива-ли... или умерла, успокоилась навѣки многострадальная мать? и этотъ ребенокъ, его сынъ, что съ нимъ... гдѣ онъ?..

Болѣзненный стонъ вырвался изъ груди офицера, этотъ стонъ былъ услышанъ даже внѣ палатки, на довольно значительномъ разстояніи... Деньщикъ бакенбардистъ, дремавшій на войлокѣ, встрепенулся, вскочилъ на ноги и кинулся къ давно уже потухшему самовару, схватилъ его и столкнулся съ своимъ господиномъ у входа въ палатку...

Офицеръ вышелъ оттуда, слегка пошатываясь; онъ съ видимымъ наслажденіемъ дышалъ свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, пропитаннымъ смолистымъ запахомъ туюника... Нѣсколько минутъ онъ постоялъ у входа, а потомъ началъ медленно прогуливаться по утопанной тропинкѣ, извивающейся между корявыми, узловатыми стволами деревьевъ.

— Чудной день какой выпалъ сегодня!.. недоумѣвалъ бакенбардистъ, поставивъ самоваръ на свое мѣсто...

Этотъ офицеръ былъ нашъ старинный знакомый, Сергѣй Николаевичъ Ровичъ *).

ХV.

Досщакъ и его багажъ.

Въ ту-же ночь, въ передовой цѣпи казачьяго лагеря раздался одиночный выстрѣлъ. Этотъ тревожный звукъ поднялъ было на ноги весь лагерь—но все скоро успокоилось, когда разобрали дѣло и разъяснилась причина тревоги.

Казакъ часовой выстрѣлитъ по какому-то подозрительному всаднику—пробиравшемуся вдоль цѣпи... Всадникъ этотъ не отвѣтилъ на троекратный окликъ часового и попытался было скрыться за стѣнкою какого-то строенія... Пуля изъ казачьей винтовки помѣшала ему исполнить свое намѣреніе, и онъ, какъ снапъ, свалился съ сѣдла, а его лошадь понеслась по дорогѣ, растрепавъ въ дребезги свою сѣдловку... Первое, что оторвалось и упало на землю были переметныя сумы-коржуны; ихъ и подняли тотчасъ же подбѣжавшіе на выстрѣлъ казаки—подняли и трупъ неосторожнаго всадника, уже безъ всякихъ признаковъ жизни...

Въ темнотѣ можно было узнать только то, что всадникъ, надо полагать, не изъ нашихъ,—на этомъ и успокоились... За то, заглянувъ въ коржуны, казаки плюнули и отшвырнули отъ себя свою находку...

— Одначе это, ребята, не модель!.. рѣшилъ старый урядникъ,—и обо всемъ, значить, происшествіи—надоть доложить сотенному. Это, вонъ что бросили, под-

*) Повѣсть «въ Камышахъ». См. «Нива» 1873 г.

Потерянный рай. Поэма Мильтона. Картина Александра Кабанеля, грав. Дешань.

берн-ка, братъ, потому можетъ она для какого-нибудь слѣдствія потребуетъ... Положь сюда, рядомъ съ тѣломъ, вотъ такъ...

— Ишь ты какая падала!.. плюнулъ казакъ исполнявшій приказаніе урядника.—Что съ собою таскаетъ, тѣшій! эко дѣло, поштрѣли-тѣ, лукавый, тыфу!..

Положили убитаго, рядомъ съ нимъ его сумку, прикрыли все войлокомъ и приставили караульнаго.

А утромъ, когда разсвѣло и собрался народъ на мѣсто почнаго происшествія, нашлись тогда люди, которые узнали и убитаго и то, что заключалось въ сумкѣ.

Убитый оказался—старый лауча Доспачъ; въ сумкѣ лежала голова Атамкула-двуногаго волка.

— Эхъ, судьба-судьба! говорилъ спустя нѣсколько времени майоръ Пуговицынъ въ своей палаткѣ.

— Да, соглашался майоръ Бирнасъ,—не подвернись онъ подъ выстрѣлъ, мы бы можетъ быть узнали что-нибудь о Натальѣ Мартыновнѣ...

— Да, судьба! еще разъ повторилъ Пуговицынъ.—Пойдемъ-ка къ Головину—онъ бѣдняга, говорятъ, такъ пораженъ случившимся, что пожалуй и не вынесетъ.

— Я не понимаю, горячился Кустиковъ,—я этого не понимаю... неужели-же нельзя принять мѣръ? Ну, на-

примѣръ окружить всѣ тюркменскія степи, перешарить всѣ аулы, подвергнуть всѣхъ поголовно строжайшему допросу... ну и нападемъ на слѣдъ, покрайней мѣрѣ узнаемъ что нибудь, если не отыщемъ...

— Это ты вѣрно говоришь, серьезнымъ тономъ замѣтилъ Пуговицынъ,—вотъ что: мѣсяца два тому назадъ, не помню гдѣ именно, только гдѣ-то въ Кызыл-Кумахъ, потерялъ я, братецъ мой, пуговицу отъ кителя—вѣдь что бы стоило окружить всю степь, изрыть ее пальцами, просѣять, наконецъ, сквозь рѣшето, тогда бы навѣрное нашлась моя пуговица...

— О хо-хо-хо!.. засмѣялся потряхивая плечами майоръ Бирнасъ.

— Вы все шутите... смущеннымъ голосомъ пробормоталъ Кустиковъ.

И всѣ трое пошли утѣшать Головнина, на котораго ночное происшествіе подѣйствовало такъ сильно, что онъ долженъ былъ слезъ въ постель по приказанію доктора, а главное потому, что не могъ уже держаться на ногахъ, подкошенный возвратною горячкою, результатомъ новаго нервнаго потрясенія.

На выздоровленіе хромаго козака не было уже никакой надежды,—самый не унывающий, докторъ отряда рѣшилъ, что спасти больнаго можетъ только чудо.

А чуда—ожидать не откуда.

(Продолженіе будетъ).

Церковь лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка во имя Святой Троицы въ Петербургѣ.

На площади, гдѣ возвышается теперь величественный храмъ Св. Троицы, стояла прежде, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ нынѣ алтарь, скромная деревянная церковь, также во имя Св. Живоворящей Троицы. Она была заложена въ 1754 г. по волѣ Императрицы Елисаветы Петровны, вмѣсто маленькой походной полковой церкви, и въ 1756 году освящена.

Описываемая церковь была деревянная, холодная, крестообразной формы, о пяти главахъ, крытыхъ бѣлою жестью. Снаружи она была обшита досками, внутри имѣла хоры и была обита холстомъ, котораго пошло на этотъ предметъ до 10.000 аршинъ, а по немъ раскрашена. Поелѣ елишкомъ семидесятилѣтняго существованія, эта деревянная церковь стала болѣе и болѣе приходить въ ветхость, наконецъ въ 1827 г. отпразднать въ ней долге богослуженіе казалось уже почти невозможнымъ. Государь Императоръ Николай Павловичъ, бывшій шефомъ Л.-Г. Измайловскаго полка, въ память командованія своего этимъ полкомъ, пожелалъ чтобы вмѣсто приходившей въ ветхость деревянной церкви, была построена новая, каменная, на ечетъ Кабинета.

По плану архитектора Василія Петровича Стасова, извѣстнаго многими прекрасными постройками, въ 1828 г. въ день Св. Троицы, была сдѣлана закладка новой церкви. За отсутствіемъ Государя Императора, находившагося въ то время въ турецкой кампаніи, Императрица Марія Оеодоровна, еобетвенноручно, отъ имени Его Величества, изволила положить первый камень въ основаніе нынѣшняго великолѣннаго храма. Въ 1835 году, то есть черезъ семь лѣтъ послѣ закладки, несмотрѣ на колоссальность и отчетливую производимость работъ, церковь была окончена во всѣхъ подробностяхъ и освящена еъ большимъ торжествомъ, еще памятнымъ многимъ старожиламъ Измайловскаго полка.

Изясная простота и вмѣстѣ еъ тѣмъ величіе еоставляютъ отличительный характеръ этой церкви, какъ и всѣхъ произведеній В. П. Стасова. Тридцатисаженная внутренняя перелектива поражаетъ своимъ величіемъ, особенно когда открываются Царскіе Врата главнаго алтаря, возвышеннаго на три етупени отъ пола. Иконостасъ еквзозной рѣзбы какъ въ первыхъ христіанекихъ церквяхъ. Надъ престоломъ, на всеобщемъ вызолоченныхъ пармскихъ колоннахъ, ебнъ еъ херувимскими головками, вверху въ лучахъ Св. Духа, а по еерединѣ надъ Царскими Вратами еіаніе со еловомъ «Богъ» и вызолоченный крестъ еъ лучами; все это увѣнчано эмблемою Св. Троицы. Рѣзба вездѣ необыкновенно тонкая, нѣжная, ярко позолоченная. Амвонъ окруженъ очень красивой чугуноной рѣшеткой съ позолоченными поручнями. Четыре портика поддерживаются 24-мя колоннами подъ бѣлымъ мраморомъ; на бѣлыхъ етѣнахъ нѣтъ никакихъ украшеній кромѣ двухъ бѣлыхъ мраморныхъ досокъ въ золо-

тыхъ рамкахъ по обѣ стороны главнаго алтаря, на которыхъ написаны фамиліи офицеровъ Измайловскаго полка, убитыхъ въ сраженіяхъ отъ еформированія полка до освященія церкви, и Высочайшая еобственноручная грамота на пожалованіе полку георгиевскаго знамени. Вездѣ просторъ, евѣтъ, звучность. Сводъ куполовъ алтарнаго, еѣвернаго и южнаго, еѣяны внутр золотыми звѣздами по голубому небу; колоссальный же ередний куполъ, который вдвое выше остальныхъ, украшенъ лѣнной работой, а въ западномъ или колокольномъ естроенъ, ниже колоколовъ, етеклянный еводъ въ деревянныхъ рамкахъ. Главный алтарь евѣщенъ евѣтомъ, падающимъ ео всѣхъ пяти куполовъ, заразы. Изъ ередняго купола, еъ высоты 25 еажень отъ пола, еуекается замѣчательная люстра въ 300 евѣчей работы Грессона. Изъ драгоценностей храма уомянемъ о воздухахъ и двухъ покровцахъ еобетвенноручной работы Императрицы Елисаветы Петровны, принесенныхъ ею въ чинѣ прочей утвари въ даръ етарой деревянной церкви. Эти есердныя приношенія Императрицы хранятся нынѣ какъ драгоценность и употребляются разъ въ году, при евященнодѣйствіи въ Великую еуботу. Живописи на образахъ неолонена лучшими русскими художниками: Ирановымъ, Егоровымъ, Майковымъ. Замѣчательны также образа готлиеоваго иекуетва, тканые на Императорекой шпалерной мануфактурѣ.

Сооруженіе церкви обошлось въ два еъ половиной миліона. На колокольнѣ ея, помѣщающейся въ западномъ куполѣ, виетъ 18 колоколовъ; главный колоколъ вѣситъ 20.000 фунтовъ, а второй 10.000. Церковь теплая; она отапливается двадцатью двумя печами, изъ которыхъ шестнадцать внизу и шесть въ куполахъ, такъ что въ самые большіе морозы роздухъ въ ней всегда теплый и еухой.

Огромная площадь, на которой етоитъ церковь, значительно поднята, что предохраняетъ ее отъ наводненій. Въ церковной оградѣ, обнесеной чугуноной рѣшеткой и тротуаромъ, разведенъ скверъ. Весной и лѣтомъ еюда собирается все дѣтское населеніе той мѣстности. Это еущая благодать, для тѣхъ еособенно, кто не можетъ переѣзжать на дачи. Божій храмъ радушно открываетъ двери евоей ограды, и въ ея свѣжей зелени, въ тѣни капитановыхъ деревьевъ и густыхъ акацій и еирени, съ утра до ночи, подъ надзоромъ маменекъ и нянюшекъ, рѣзняются толпы дѣтей, еоставляя самую прелестную и оживленную картину.

Пять лазуревыхъ куполовъ, еѣянныхъ золотыми звѣздами, возвышались отъ земли на 38 еажень, еоодеветвуютъ надъ окрестностью и видны изъ далека. Церковь Св. Троицы, въ ясную погоду, видна даже изъ Царскаго Села и Кронштадта. отдаленныхъ отъ етолицы елишкомъ на двадцать веретъ.

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ.

(Автобиография Праотцева), Соч. М. Лёскова (Стебницкаго).

(Окончание).

Минуты этого отъезда, равно какъ и всего этого путешествія я никогда не позабуду. По самымъ страннымъ стеченіямъ обстоятельствъ этотъ выѣздъ былъ моимъ исходомъ изъ отрочества въ иной періодъ жизни, который я опишу когда нибудь, болѣе собравшись съ силами, а теперь подходя къ этому рубежу намѣчу только ту странную встрѣчу въ Кротовѣ, которая была для меня вѣхою, указавшею мнѣ новый путь и новыя страданія.

XXXV.

Село Кротово дѣйствительно было то, что называется „прелестный уголокъ“: оно очаровало меня еще издали его далеко открывшимися видами—и я находилъ, что мой Лаптевъ не только ни чего не преувеличилъ подмалевывая мнѣ картины Кротова, но даже былъ немножко излишне скромнѣе въ своихъ похвалахъ. Села лежало въ удольѣ вдоль быстрого ручья, вливавшагося въ русло Оки подъ прямымъ угломъ, а барская усадьба была въ сторонѣ, надъ самыми берегами рѣки, по которой ползли струга съ своими разноцвѣтными значками. Издали виднѣлся большой каменный домъ съ куполомъ и флагштокомъ, на которомъ впрочемъ флага не было, хотя владѣлецъ жилъ тутъ. Половина дома была не отдѣлана и по видимому заброшена, что придавало въ моихъ глазахъ всему зданію свою особенную поэзію. Домъ въ самомъ дѣлѣ похожъ былъ на замокъ, вокругъ котораго вѣяло чѣмъ-то мрачнымъ, таинственнымъ.

Рѣка подходила подъ самый паркъ и такъ терялась въ темной тѣни отражавшихся въ ней деревьевъ, что казалось будто деревья эти ссунулись въ воду. Я не зналъ, какъ мы переберемся черезъ эту рѣку: моста ни гдѣ не было видно и ни живой души ни гдѣ не шевелилось; но пока я размышлялъ объ этомъ затрудненіи, нашъ извозчикъ сложилъ у рта трубкой свои ладоши и протрубилъ какой-то гулкой звукъ, въ отвѣтъ на который на томъ берегу что-то щелкнуло и изъ темени густыхъ тѣней поползъ на шестахъ небольшой паромъ, сколоченный изъ двухъ плоскодонныхъ лодокъ.

Мы переѣхали и очутились подъ самымъ паркомъ хотѣли подниматься на гору, какъ одинъ изъ нашихъ перевозчиковъ остановилъ насъ и велѣлъ подвязать колокольчикъ.

— Зачѣмъ это?

— Баринъ не любитъ: у насъ для того больше и моста нѣтъ и съ того конца тоже человѣкъ приставленъ... наблюдаетъ.

Мы сняли колокольчикъ и стали подыматься по довольно крутому взвозу, который шелъ въ огибѣ парка и постоянно держалъ насъ въ какомъ-то секретѣ отъ замка и другихъ строеній, такъ что мы чѣмъ ближе къ нимъ приближались, тѣмъ меньше ихъ видѣли. Все это на меня дѣйствовало какимъ-то подготовляющимъ образомъ; мнѣ невѣдомо почему начало казаться, что я потерялъ въ моемъ сознаниіи мѣру времени и связь событий: я ни какъ не могъ себя увѣрить, что мое имя есть точно мое, что я имѣю мать, которой имя и лицо такое, какое оно есть, и что я ее покинулъ въ томъ, а не въ другомъ мѣстѣ, и что этому прошло уже нѣсколько времени, а все это случилось не сейчасъ, не сію минуту... Меня это даже испугало: мнѣ показалось, что нѣчто подобное должно чувствовать человѣкъ когда онъ начинаетъ терять разсудокъ, и между тѣмъ я не могъ искать на все это отвѣта у моего Лаптева, потому что я не могъ бы разсказать ему моего состоянія—и я съ прозорливостью провидца сознавалъ, что онъ меня не пойметъ и ничего мнѣ не въ силахъ будетъ отвѣтить.

Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ сидѣлъ въ своемъ камлотовомъ плащѣ—и высоко задралъ голову, что-то въ себя ткнулъ носомъ.

— Что вы дѣлаете? спросилъ я.

— А воздушекъ кушаю: вы развѣ не чувствуете какой воздухъ? вѣдь это, батенька, почкой пахнетъ, а въ почкѣ весь элексиръ жизни: мнѣ знаете даже спать захотѣлось.

— Вотъ какъ!

— Да что же: я всегда возобновляюсь этимъ и вамъ тоже совѣтую, а вотъ мы и вѣзжаемъ на дворъ.

Я взглянулъ впередъ и удивился: обогнувъ паркъ и взлѣхавъ на террасу, мы вдругъ очутились у двухъ каменныхъ столбовъ, замѣнявшихъ ворота и затѣмъ намъ открывался дворъ не дворъ—скорѣе цѣлая площадь, размѣры которой въ моихъ глазахъ показались чудовищными, вѣроятно отъ страннаго фокуснаго освѣщенія. Солнце совсѣмъ уже сѣло и западъ облитый багровымъ свѣтомъ гасъ, но угасая онъ еще освѣщалъ неотдѣланную половину дома и свѣтилъ черезъ незарамленные окна этой части на дворъ, тогда какъ въ всѣхъ другихъ окнахъ было темнешенько.. Престранный это имѣло видъ: точно домъ этотъ—словно многоглазое чудовище, у котораго когда одни глаза спятъ, то другіе смотрятъ. Я былъ тогда очень молодъ, очень мечтателенъ и склоненъ къ фантастическому, а ктому же въ этотъ день чувствовалъ себя въ особенномъ настроеніи и очень легко предался мечтамъ, которыя освѣтили меня, чуть только я коснулся головою подушки, которую подкинула мнѣ вмѣстѣ съ простынею и одеяломъ какая-то женщина.

Мы кажется пріѣхали не въ время: въ домѣ что-то такое происходило, что пріятелю Лаптева было недосужно принять насъ, а вдобавокъ ко всему для насъ не оказалось и особаго помѣщенія—и мы должны были довольствоваться комнатою въ неоконченной части дома. Здѣсь намъ сдѣлали на снѣгъ постель, на которую я и бросился, межъ тѣмъ какъ Лаптевъ пошелъ любоваться какими-то видами, представлявшими по его словамъ большой эффектъ при лунномъ освѣщеніи. Я за нимъ не послѣдовалъ, тѣмъ охотнѣе, что никакой луны не было—и я считалъ затѣю Лаптева о прогулкѣ пустою фантазіею, а потому, проводивъ его я уснулъ глубокимъ и сладкимъ сномъ, но... вдругъ совершенно неожиданно проснулся,—точно меня кто въ бокъ толкнулъ; я открылъ глаза: луна свѣтила въ окно, обливая длинную анфиладу огромныхъ опустѣлыхъ палатъ блѣднымъ дрожащимъ свѣтомъ. Сонъ мой былъ такъ крѣпокъ, что и проснувшись я еще никакъ не могъ придти въ себя и понять, гдѣ я и что передъ собою вижу. Я только оглянулся на постели—и увидалъ, что Лаптева нѣтъ возлѣ меня, подумалъ, что его со мною и не было; все дѣйствительное мнѣ представлялось сномъ и одинъ сонъ былъ какъ будто дѣйствительностію. Бесиліе разобрать что нибудь въ этомъ дѣйствовало на меня самымъ угнетающимъ образомъ—и я лежалъ точно въ какой летаргіи, тяжело устремивъ свой усталый, пристальный взглядъ въ одно мѣсто передъ собою. Какое это было мѣсто, -- спросите меня: я не знаю; надо полагать, что это была стѣна подъ высокою аркою, куда свѣтъ луны попадалъ какимъ-то рефлексомъ и печально обливалъ изображеніе... какое это было изображеніе? Это были какія-то фигуры, изъ которыхъ я не узнавалъ ни одной, кромѣ той, которой не могъ не узнать, потому что это... была моя мать. Чѣмъ я пристальнѣе въ нее вглядывался, тѣмъ она становилась яснѣе: это была она, я теперь ясно видѣлъ ея

стройную фигуру, ея небесныя черты и эти ея превосходные золотистые волосы, въ которыхъ только не было нынѣшнихъ бѣлыхъ нитей. Что это такое было: сонъ, видѣніе, или картина? Кто могъ изобразить эту картину, для которой моя мать послужила идеаломъ, и наконецъ, что представляетъ вся эта сцена, въ которой все казалось живымъ и движется, опять кромѣ *ея*, кромѣ этой святой для меня фигуры, которая стояла неподвижно, склонивъ подъ чѣмъ-то свою головку, — знакомое, прелестное движеніе, къ которому я такъ привыкъ, наблюдая ея въ тѣ минуты, когда она слушала о чемъ нибудь горѣ и соображала: какъ ему помочь и не остаться къ нему безучастнымъ...

Я боялся не только встать, но даже пошевелинуться. а межъ тѣмъ лунный свѣтъ все становился слабѣе и видѣніе темнѣло и меркло и словно переносилось со стѣны внутрь души моей: я сталъ припоминать, какъ я былъ неправъ противъ матери; какъ я тяготился даже ея чистотою и неотступнымъ ко мнѣ вниманіемъ, — словомъ: какъ мнѣ хотѣлось выйти изъ подъ ея опеки, и... мнѣ вдругъ показалось, что я изъ-подъ нея вышелъ, что матери моей болѣе нѣтъ во всемъ ея существѣ, а она остается только въ моей памяти, въ моемъ сознаніи и въ моемъ сердцѣ.

Я повернулся къ стѣнѣ и заплакалъ: спалъ или не спалъ я послѣ этого — не знаю, но только я слышалъ, какъ приползъ Лаптевъ, какъ онъ долго зажигалъ свѣчу отсырѣвшими спичками и все шопотомъ на что-то ворчалъ, и очень долго укладывался, и потомъ опять всталъ, скрипѣлъ что-то дверями, вѣроятно запиралъ ихъ, и снова ложился. Все это мнѣ ужасно надоѣло. Утромъ я всталъ очень рано: часовъ съ нами не было, они остались съ прочими нашими вещами внизу, въ жилыхъ покояхъ управителя, — но по солнцу я видѣлъ, что еще очень рано, и вскочивъ тотчасъ же наскоро одѣлся и вышелъ на цыпочкахъ, чтобы найти мое почное видѣніе.

Приотворивъ съ усиленіемъ двери, съ которыми такъ долго возился ночью Лаптевъ, я пролѣзъ въ нихъ и остановился; передо мною былъ огромный круглый залъ недостроенный, но скорѣе заброшенный и теперь по видимому вновь реставрируемый, — по крайней мѣрѣ я такъ заключилъ по загромождавшимъ его подмосткамъ, изъ-за которыхъ выглядывали на меня нобльдѣйшія головы фрескъ. Я повелъ глазами вокругъ, боясь найти, и боясь потерять обликъ, котораго искалъ, — и вотъ онъ: я увидалъ его тамъ же, вверху ниши стрѣльчатой арки, и не помня себя побѣжалъ вверхъ по зыбкимъ подмосткамъ. Я былъ уже почти наверху, почти у самаго изображенія моей матери, какъ вдругъ вздумалъ взглянуть внизъ... земля подо мною вертѣлась, прямыя доски косили и выгибались подъ моими ногами, — я какъ-то повернулся субочъ на одной ногѣ и почувствовалъ, что меня какъ будто что-то приятно ицѣкнуло по темени и затѣмъ вдругъ встряхнуло и вытянуло... Это было такъ непріятно, что я открылъ глаза — и увидалъ какого-то высокаго брюнета съ прекраснымъ чужеземнымъ лицомъ и сейчасъ же позабылъ и себя, и его, и въ предѣлахъ земныхъ все земное. Когда я пришелъ въ себя, была теплая, синяя ночь; комната, въ которой я лежалъ была не высока, но воздухъ въ ней былъ необыкновенно легокъ и пропитанъ какимъ-то тонкимъ, живительнымъ ароматомъ. Я по всей строгой истинѣ рѣшительно не могъ сказать гдѣ я нахожусь. Всѣ мои чувства были въ совершенномъ разбродѣ, но я ощущалъ какую-то невыразимо-пріятную тишину и разлитый въ воздухѣ запахъ сирени — и тихо приподнявшись сѣлъ на постели. Въ открытое окно глядѣлъ мѣсяцъ и мерцали съ синяго неба яркія звѣзды, а внизу на подоконникѣ лежали сиреневыя грозды. Что же это: гдѣ я наконецъ?.. Я никакъ ничего не могъ вспомнить, но въ это время за ковромъ, которымъ была завѣшана

стѣна у моей постели, послышался вздохъ, глубокій, теплый, куда-то рвущійся вздохъ и раздались щиплющіе за сердце металлическіе звуки цитры. Опытная и искусная рука играла хорошо знакомый мнѣ мотивъ псалма изъ старой гугенотской бібліи, которая не сходила со стола моей матери.

— Все она, и все она! Кто же это здѣсь ея занять? мнѣ показалось необходимою узнать это теперь же, сейчасъ, сію минуту, и я тронулся и пошелъ нетвердыми шагами, держась рукою стѣны. Мнѣ что-то попадалось подъ руку — я что-то обходилъ, за что-то зашѣлся и снова освобождался и наконецъ очутился въ совершенно-тѣсномъ пространствѣ, которое вѣроятно должно было быть корридормъ. Но что это за корридоръ? Я чувствовалъ подъ ногами обитый ковромъ полъ и обтянутыя какою-то матеріею стѣны и ничего болѣе. Куда ни двинешься — все то же самое. Но вотъ снова циннула цитра, и еще, и еще, и свѣжій, крѣпкій, мужественный баритонъ запѣлъ «Eternel, aie pitié de moi, car je suis sans aucune force! Eternel, retourne toi, garantie mon ame». Это было опять ея пѣніе, ея манера; я не выдержалъ и куда-то подвинулъ впередъ руки и остановился; тяжелый коверъ, преграждавшій мнѣ путь, поднялся и открылъ обширную комнату, меблированную въ старинномъ французскомъ вкусѣ. Всѣ окна ея были также выходили въ садъ и были растроены; свѣтъ и ароматъ въ нее лилъ еще раздражительнѣе и тутъ на длинной софѣ съ золоченымъ загибомъ сидѣлъ у небольшого легкаго столика... тотъ, кого я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда потерялъ сознаніе: высокій мужчина съ полусѣдою головою — и онъ пѣлъ этотъ чудный псаломъ.

Коверъ, которымъ я двинулъ, заставилъ его оглянуться и глаза наши встрѣтились.

— Богу хвала: вы живы! воскликнулъ онъ по французски и вскочивъ съ мѣста заключилъ меня въ свои объятія, и посадивъ въ кресло, подаль мнѣ стаканъ воды съ каплей какого-то вина.

— Живъ? спросилъ я: — развѣ я былъ болѣнъ?

— Да; вы лежали долго.

— Долго?

— Да; объ этомъ послѣ...

— Что же было со мною?

— Вы остунились съ высокаго мѣста.

— Помню. Что же, я разшибся?

— Нѣтъ; вы только получили большое сотрясеніе.

— Кто спасъ мнѣ жизнь?

— Конечно тотъ, кто вамъ далъ ее.

— Но я помню ваше лицо...

— Я былъ тамъ.

— Кто же вы?.. Какъ ваше имя?

— Мое имя Филиппъ.

— О, вы Кольбергъ!

— Я Кольбергъ, я тотъ, котораго мать ваша считаетъ своимъ другомъ; но теперь пока это все: пока болѣе ни слова. Слушайте меня: мы здѣсь одни, во всемъ имѣніи нѣтъ ни хозяина, ни управителя, ни Лаптева, который привелъ васъ; всѣ они разѣхались кто куда: я одинъ ждалъ васъ и дождался. За все это я попрошу у васъ повиновенія.

— Я долженъ повиноваться.

— Да; и она такъ хочетъ... она этого даже просила.

— Вы получили письмо отъ матушки?

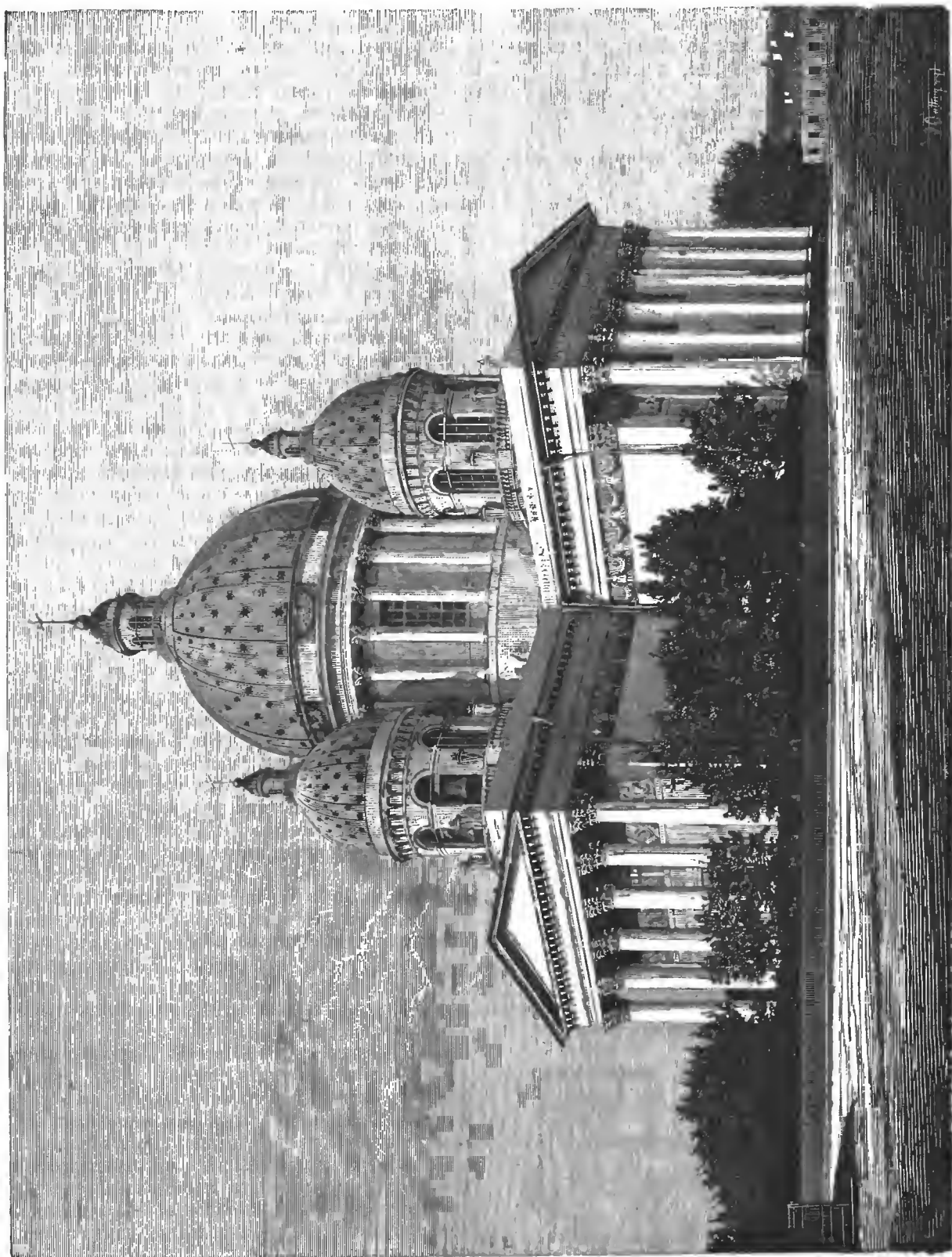
— Да.

— Нельзя-ли его видѣть?

— Нѣтъ; его нельзя видѣть, отвѣчалъ Кольбергъ, — и вы должны не повторять этой просьбы до тѣхъ поръ, когда я самъ найду нужнымъ это исполнить.

XXXVI.

Онъ не скоро это исполнилъ — и затѣмъ онъ исполнилъ это? О, сколько было бы лучше, если бы я ни-

Церковь Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка во имя Св. Троицы, въ С.-Петербургѣ. Съ фотографіи грав. Кетелинъ.

когда не узналъ того, что случилось с теми, кого любил я, в мое отсутствие.

Съ этой поры я виделъ Кольберга всякій день—и глядя на его вдохновенное лицо, думалъ:

— Что за тайна связываетъ этого человека съ моею матерью: можетъ быть она его любила, когда еще не была женою моего отца; можетъ быть онъ о сю пору ее любить.

— Господинъ Кольбергъ! спросилъ я его однажды, когда мы сидѣли вдвоемъ: я читалъ книгу, а онъ рисовалъ карандашомъ эскизъ будущей картины.

Онъ обернулся.

— Знаете, что я хочу васъ спросить?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не будетъ ли на этой картинѣ, которую вы сочиняете, лицо моей матери?

— Будетъ.

— Зачѣмъ вы его такъ часто рисуете?

— Потому—что оно прекрасно.

И онъ положилъ карандашъ и закрылъ руками глаза.

— Г. Кольбергъ! продолжалъ я.

— Спрашивайте.

— Какъ это было?

— Что?

— Матап и вы...

Онъ рассказалъ мнѣ странную исторію, въ которой самъ игралъ роль жалкую, а моя мать по обыкновенію святую и миссіонерскую: онъ былъ дерпскій студентъ, буршъ, кутила и демократъ; мать — христіанка. Онъ былъ происхожденія ничтожнаго; она—баронесса. Онъ за нее сватался—ему отказали,—онъ не переставалъ ее любить, искалъ забвенія въ искусствѣ, искалъ смерти на баррикадахъ и остался живъ, для того, чтобы встрѣтить ее вдовою. Онъ снова предложилъ ей руку и снова получилъ отказъ, но на этотъ разъ уже не отъ ея родителей, а отъ нея самой.

— И вы знаете, кто этому былъ виноватъ? заключилъ онъ:—виновникъ всего этого *вы*.

— Я!

— Да; она отвѣчала мнѣ: „и половина сердца не можетъ отвѣчать цѣлому, а мое цѣлое принадлежитъ все моему сыну“. Взамѣнъ любви она предложила мнѣ свою дружбу и я жилъ ею, но когда ея не стало, я буду жить любовью къ вамъ!

— Кого не стало? вскрикнулъ я.

— Кого?.. *дружбы*, отвѣчалъ Кольбергъ, по видимо-му совершенно спокойно, но я виделъ, что онъ лжетъ, и спросилъ:

— Развѣ вы поссорились съ матап?

— Да, мы разладили.

— На чемъ?

— Я вамъ это скажу завтра.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого завтра и не зналъ какъ начать, но Кольбергъ предупредилъ меня самъ и довольно грубо; онъ сказалъ мнѣ:

— Вы теперь достаточно сильны, чтобы узнать о томъ что случилось...

— Съ матап!

— Нѣтъ; съ дѣвушкою, которую зовутъ...

— Христія!

— Да.

— Что, съ нею?

— Ровно ничего.

— Какъ это?

— Ея больше нѣтъ.

— Она умерла?

— Умерла. Хотите прочесть объ этомъ?

— Очень хочу.

И я взялъ изъ его рукъ письмо матап отъ довольно давней уже даты и прочелъ вѣсть, которая меня ошеломила. Матап, послѣ краткихъ выраженій согласія съ Кольбергомъ, что „не все въ жизни можно подчинить

себѣ“, справедливость этого вывода примѣняетъ къ Христі, которая просто *захотѣла погибнуть* и погибла. Суть дѣла была въ томъ, что у Христі явилось дитя, рожденіе его было неблагополучно—и мать и ребенокъ отдали Богу свои чистыя души.

„Я укоряю себя за эту дѣвушку, писала матап:—я слишкомъ высоко подняла въ ней тонъ—и это ее сгубило. Принимая вещи обыденнѣе, она была бы счастливей, и“..

Тутъ что-то было далѣе, но Кольбергъ, слѣдившій за моимъ чтеніемъ, вынулъ на этомъ мѣстѣ изъ моихъ рукъ письмо и сказалъ:

— Остальное къ дѣлу не идетъ.

Я совсѣмъ оправился и сталъ собираться домой. Кольбергъ возвращался въ Петербургъ. Мы разстались въ городѣ очень дружно—и на прощаньи онъ взялъ съ меня слово, что если мнѣ когда нибудь понадобится другъ, то я не стану искать никого другаго кромѣ его. Я далъ ему это слово.

— А на дорогу совѣтъ, добавилъ онъ:—не поднимайте очень высоко тона...

— Не понимаю, говорю.

— Берите жизнь по-проще, а то спутаетесь и другихъ спутаете. Я пострадалъ отъ этого,—смотрите вы не пострадайте,—за то и выработалъ себѣ консервъ.

— Какой консервъ?

— Морали: я согласенъ, что не дѣлать того другому чего себѣ не желаешь—мало; слова нѣтъ что мало, потому что это одно отрицаніе зла, но не добро,—а вотъ какъ: *faites ce que vous voulez qu'on vous fasse* — и больше этого ничего не нужно. Прощайте.

Я ѣхалъ благополучно до самаго Кіева и уже перемѣнялъ лошадей на послѣдней станціи, какъ вдругъ смотритель мнѣ подаль накетъ. Я взглянулъ на адресъ и узналъ руку Кольберга, а распечатавъ нашелъ то же материнское письмо, которое уже было въ моихъ рукахъ и недочитано на буквѣ „и“.

— „Дочитайте!“ подписалъ на немъ Кольбергъ.

— „Принимая вещи обыденнѣе она могла бы быть счастливѣе, и это приложимо ко многимъ. Я часто думаю, что въ христіанскомъ мірѣ установился нѣсколько неправильный взглядъ на нашу собственную жизнь: отчего, изводя себя по мелочамъ, ради той или другой идеи, мы не въ правѣ дѣлать того же самаго *en gros*? Я этого рѣшительно не понимаю: тѣ, которые клали подъ топоръ свою голову за какую нибудь высокую идею, развѣ въ сущности не тѣ же самоубійцы? Если сохраненіе жизни важнѣе всего, то они должны были ее сохранить, и тогда у насъ не было бы тѣхъ идеалистовъ, которыми хвалятся и ими живетъ не доходя до крайней низости весь родъ человѣческій. Не укоряйте меня, мой другъ, что всѣ эти мысли приходятъ мнѣ, когда я думаю о моемъ сынѣ: онъ теперь прожилъ уже срокъ своего наказанія, получаетъ чинъ и былъ бы свободенъ: онъ бы уѣхалъ къ вамъ, вы бы открыли дорогу его художественному развитію, между тѣмъ, какъ со мною онъ погибнетъ здѣсь среди удушливой атмосферы канцелярской, но почему знать—можетъ быть со временемъ сживется съ нею и позабудетъ все, что я старалась въ него вдохнуть... Эта мысль не даетъ мнѣ покоя и я чувствую, что я съ нею не справлюсь: мое счастье развязать ему крылья и благословить его полетъ, искупивъ свое самовластіе надъ собою карою, какой буду заслуживать.“

Внизу этого рукою Кольберга было отмѣчено: „Съ тѣхъ поръ писемъ не было.“

Вы можете вообразить, въ какое состояніе пришелъ я прочитавъ это письмо! Вообразите же другое мое состояніе, когда я, входя въ свою квартиру, не встрѣтилъ моей матери... Я не спросилъ никакого объясненія у нашей служанки и бросился въ Альтанскому.

Это былъ вечеръ: старикъ сидѣлъ дома. все въ томъ

же крестѣ и въ томъ же халатѣ и за тѣми же классиками.

— А, другъ мой! это ты! Ну что же: ты прѣхалъ все таки не поздно, чтобы узнать свое горе.

— Моя мать... могъ я только проговорить.

— Твоя мать кончила съ собою (онъ не сказалъ мнѣ, какъ она отравилась). Она увлеклась своимъ самоотверженіемъ...

— О, я знаю это! знаю! и это я во всемъ виноватъ.

— Чѣмъ же?

— Я не умѣлъ скрыть, что мнѣ скучно, что меня манитъ что-то иное,—и я потерялъ ее, а съ ней все что было мнѣ мило.

— Что же, она значить своего достигла: теперь она для тебя никогда не умретъ.

Онъ болѣе не утѣшалъ меня, да я и не требовалъ утѣшенія: я провелъ нѣсколько дней молясь на могилѣ

матери и уѣхалъ отсюда навсегда, къ Кольбергу. Болѣе мнѣ ничего не оставалось дѣлать: я былъ выбитъ изъ старой колеи и долженъ былъ искать новой.

— Я не могу быть ученымъ какъ вы, сказалъ я Альтанскому:—въ душѣ моей горитъ другой огонь: огонь жизни; я хочу служить искусству.

— И служи ему, отвѣчалъ онъ въ часъ нашей разлуки, когда я въ послѣдній разъ поцаловалъ его въ блѣдныя уста.

Онъ остался на берегу Днѣпра, а я уѣхалъ къ Кольбергу. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ старика, онъ умеръ—не отъ грусти, не отъ печали одиночества а просто отъ смерти, и прислалъ мнѣ въ наслѣдіе своихъ классиковъ; а я... я вступилъ въ новую жизнь—въ новую колею ошибокъ, которыя запишу когда нибудь, конечно уже не въ эту тетрадь, заключающую дни моего дѣтства и юношества, проведенные между людьми, которыми да будетъ мирный сонъ и вѣчная память.

(Конецъ.)

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Лѣсъ зеленый раскинулся тутъ
Съ боку дуга, просторъ необъятный...
На душѣ и легко и приятно,
Грезы юности въ душу поззуть.
Здѣсь ребенкомъ любилъ я мечтать
О чарующей жизни когда-то,
И теперь этой жизнью измѣтѣнъ
Тѣбѣ мѣста посѣтилъ я опять,

И опять на душѣ заболѣло
Отъ горячихъ прихлынувшихъ слезъ:
Сколько грезъ, словно дымъ улетѣло!
Сколько юности розовыхъ грезъ!
И пуста моей жизни дорога,
И ведетъ она Богъ вѣсть къ чему,
И судьбою наказанъ я строго,
И наказанъ за что—не пойму!

Кн. Щ.—ва.

НОВОПРОЕКТИРОВАННАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА НА ВЕЗУВІЙ.

Для подъема на Каленбергъ близъ Вѣнны и на Шлосбергъ въ окрестностяхъ Офена-Песта задумали устроить проволочно-канатную дорогу—задумали и сдѣлали. Успѣхъ вышелъ полный. Это навело на мысль сдѣлать такую же дорогу на Везувій, такъ какъ на эту пресловутую гору уже съ давнихъ временъ постоянно тысячи иностранцевъ и мѣстныхъ обывателей совершаютъ «восхожденіе» любопытства ради. Модель проволочно-канатной Каленбергской дороги, бывшая на вѣнской выставкѣ, а равно и успѣхи опытовъ, произведенныхъ въ Вѣнѣ и Пестѣ падъ дѣйствіемъ предохранительныхъ тормазовъ при вагонахъ (на случай несчастія послѣдствіе разрыва каната), соблазнили нѣсколькихъ предприимчивыхъ иностранцевъ въ Римѣ и Неаполѣ, и господа эти задумали такое дѣло: прежде всего привезти обыкновенную желѣзную дорогу отъ Неаполя до подошвы Везувія на юговосточной сторонѣ его, а потомъ уже отсюда до вершины горы устроить проволочно-канатную. Длина *всей* дороги, по точнымъ измѣреніямъ—всего 26 километровъ; изъ нихъ только *три* километра пойдутъ собственно нодъ проволочно-канатную, и именно тамъ, гдѣ восхожденіе на гору является чрезвычайно затруднительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ Atrio del Cavallo до самаго кратера взбираться прямо невозможно по причинѣ неподвижныхъ волпъ неила и лавы; тутъ приходится просто карабкаться или поручить проводнику тащить себя посредствомъ надежной веревки; что касается прекраснаго нола, то любопытствующія дамы обыкновенно *восходятъ* на Везувій *сидя* въ носилкахъ. Господа проектировщики нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выставили въ Римѣ собственнаго сочиненія модель этой проволочно-канатной дороги, а затѣмъ Итальянское правительство, уваживъ ихъ просьбу, выдало имъ концессию на постройку всей линіи. Правительство потому благосклонно отнеслось къ этому предпріятію, что по его мнѣнію проведеніе желѣзной дороги отъ Неаполя до подошвы Везувія—оживитъ и осчастливитъ всю эту мѣстность съ ея почти стоты-

сячнымъ населеніемъ, которое до сихъ поръ не имѣетъ удобныхъ путей сообщенія съ главнымъ городомъ. Желѣзная дорога пойдетъ отъ Неаполя большимъ полукругомъ до подошвы горы, откуда уже и начнется проволочно-канатная. Первый участокъ проволочно-канатной дороги, еще довольно прямой, имѣетъ 1200 метровъ; величина подъема только 20% (т. е. на каждые 100 метровъ 20 метровъ); этотъ участокъ доходитъ до Atrio del Cavallo. Тутъ будетъ устроена станція съ подъемными машинami и возведены прочія необходимыя постройки. Отсюда начинается второй участокъ: дорога поворачиваетъ съ юга на сѣверъ; длина ея 1100 метровъ; подъема—уже 35%. Эта линія будетъ доведена до самаго кратера, такъ что послѣдняя станція будетъ лишь въ нѣсколькихъ метрахъ отъ жерла. Надъ этою станціей устроить изъ лавы покатую крышу длиною 20 метр., съ цѣлью защитить дорогу въ случаѣ изверженія: тяжелыя огненные волны будутъ скатываться съ крыши направо и налево. Для этой-же цѣли и самая дорога на своемъ протяженіи пойдетъ по довольно-высокой насыпи, что въ совокупности съ угломъ значительной величины воспрепятствуетъ скопленію и возвышенію лавы на самой линіи. Многолѣтнія наблюденія профессора Пальміери показали, что Везувій уже давно извергаетъ лаву преимущественно на сѣверо-западную сторону своего склона—поэтому-то и рѣшили провести проволочно-канатную дорогу съ противоположной стороны.—Отъ Atrio del Cavallo на разстояніи почти 250 метр. есть рѣзкій выступъ—это Monte Somma. Подъ этимъ выступомъ, въ случаѣ изверженія, можно спрятать весь строевой матеріалъ. Такъ какъ проволочно-канатная дорога вообще и дорога на Риги въ особенности приносятъ хорошій доходъ, то надѣются получить еще большую прибыль отъ дороги на Везувій, тѣмъ болѣе что поѣздка на Риги возможна только въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, а на Везувій—хоть круглый годъ кататься, конечно, если только гора эта будетъ вести себя смирно, не забываятъ напр. на цѣлый мѣсяцъ.

ПОДВОДНАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Скорость и удобство сообщенія—одно изъ немалыхъ благодѣяній цивилизаціи, и благодаря успѣхамъ механики и инженернаго искусства, мы уже достигли въ этомъ отношеніи весьма многого. Письма наши въ нѣсколько дней доходятъ въ отдаленнѣйшія страны, электрическій языкъ телеграфнаго аппарата день и ночь не-

умолчно передаетъ вѣсти изъ одной части свѣта въ другую; время и пространство для него не существуютъ. Паръ мчитъ насъ на неутомимыхъ крыльяхъ по доламъ и горамъ, черезъ крутя скалы и страшныя пропасти, переноситъ насъ черезъ моря и океаны. Поэтому, какъ ни безпримѣрно смѣлъ новый

проект, прибавляющий новое удобство для этого громадного мирового сообщения, тѣмъ не менѣе онъ уже не представляет собою никакого чуда.

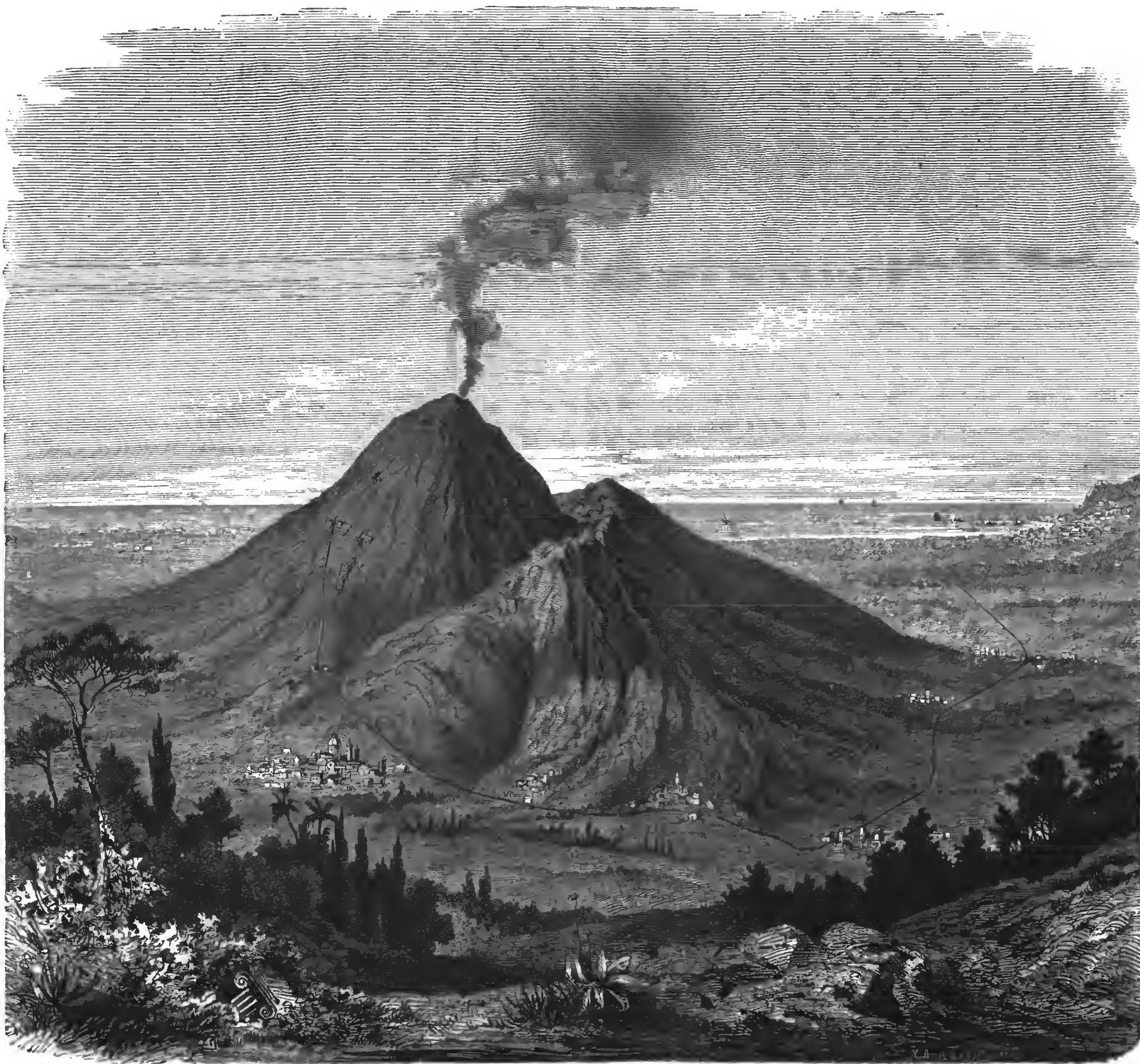
У французовъ и англичанъ давно уже родилась мысль подводнаго желѣзнаго пути черезъ раздѣляющій ихъ всегда-безпокойный морской рукавъ; для этого предполагалось, на протяженіи двадцати англійскихъ миль или около тридцати пяти верстъ, прорыть подъ морскими волнами, въ глубокомъ известняковомъ грунтѣ, туннель для двойнаго желѣзнодорожнаго пути. Уже дѣтъ семьдесятъ какъ предлагались различнѣйшіе планы такой дороги—и сверхъ воды и подъ водой, и надъ водой на висячихъ мостахъ, или на колоссальныхъ плоткахъ; всѣ эти проекты оказывались не состоятельными, наконецъ теперь пришли къ рѣшенію осуществить мысль прорытія туннеля глубоко подъ дномъ океана. Съ англійской стороны уже начались работы основаннаго съ большимъ капиталомъ общества, дѣйствующаго за одно съ такимъ же французскимъ обществомъ. Оба государства, столько столѣтій враждовавшія между собою, подозрительно наблюдая другъ за другомъ, хотѣли наконецъ заключить прочный и мирный союзъ. Хорошо еслибы это послужило первымъ шагомъ къ международному миру, который теперь, въ своемъ вооруженномъ состояніи, стоитъ всѣмъ образованнымъ государствамъ нять миллионы ежедневно.

Что касается до исполнимости предпріятія въ техническомъ отношеніи, то по основательнымъ приготовительнымъ работамъ, надѣются на всѣ шансы успѣха. Если можно было прорыть Монъ-Сенискій туннель и Суэзскій каналъ, то отчего не разсчитывать на удачу и теперь. Вѣдь тогда также считали невозможнымъ побѣдить препятствія, которыя представлялись въ тѣхъ грандіозныхъ предпріятіяхъ. Желѣзная дорога подъ бурными, предательскими морскими волнами—дѣло опять совсѣмъ иное, это безспорно. Однако, французскій инженеръ *Томе де Гаммонъ*, уже четверть столѣтія тому назадъ создавшій принятый теперь проектъ и доказавшій его исполнимость, упорно боролся со всѣми своими противниками, опровергая всѣ ихъ доказательства неисполнимости его проекта; только этотъ свой проектъ онъ признавалъ правильнымъ, отвергая всѣ прочіе, и наконецъ восторжествовалъ. Предварительныя изысканія, какъ въ глубинѣ земли, такъ и поверхности дали многочисленныя доказательства осуществимости его мысли.

Бурный каналъ, ежегодно переносящій по своимъ безпокойнымъ волнамъ болѣе 300,000 пассажировъ, изъ которыхъ почти каждый платитъ неизбежную дань морской болѣзни, собственно говоря не болѣе какъ большая рѣка, протекающая въ спокойномъ, слабо волнуемомъ, не очень глубокомъ морѣ. Даже въ половодье въ немъ не находили болѣе 180 футовъ глубины при хорошо обмытомъ, гладкомъ известняковомъ грунтѣ. Тщательныя глубокія просверливанія, съ обѣихъ сторонъ, показали также непрерывный известняковый грунтъ удовлетворительной крѣпости. Изъ этихъ опытовъ заключили, что весь грунтъ подъ каналомъ состоитъ изъ достаточно толстой, плотной, крѣпкой известняковой массы. Отъ правильности этого заключенія—несомнѣнно зависитъ удача предпріятія. Какойнибудь глубокой заузъ песку или другой какой либо мягкой массы подъ ложемъ канала—можетъ безвозвратно погубить весь туннель, заливъ его водой. Но это въ высшей степени не вѣроятно. По всѣмъ произведеннымъ до сихъ поръ изслѣдованіямъ и сверлѣніямъ, равно какъ по геологическимъ законамъ, грунтъ для предполагаемаго туннеля долженъ дать самый лучший матеріалъ для легчайшаго и вѣрнаго исполненія всѣхъ работъ. Известняковая масса достаточно глубока и крѣпка, а прорыть ее въ десять разъ легче, чѣмъ было сдѣлать это съ упорными скалами Монъ-Сениса.

Здѣсь намѣреваются примѣнить ту же самую систему какъ при прорытіи Монъ-Сенискаго туннеля, но, какъ говорятъ, съ усовершенствованной еще машиной, изобрѣтенной Дикенсономъ Брунтономъ. Начнутъ работать съ обѣихъ сторонъ сразу, сначала въ видѣ опыта, чтобы первоначально прорыть трубу въ девять футовъ въ поперечникѣ. Если обѣ стороны счастливо сойдутся на серединѣ, то будетъ приступлено къ разширенію этого узкаго туннеля такъ чтобы было мѣсто для двойнаго ряда рельсъ. Машина, работавшая при прорытіи Монъ-Сениса, пробурывавшая только одинъ ярдъ, или съ не болѣе трети четверти аршина въ день. Съ машиной Брунтонъ надѣются, въ болѣе мягкой

массѣ, дѣлать столько же въ часъ, слѣдовательно прорыться насквозь въ два года. Для разширенія этой первоначальной трубы понадобится еще четыре года и по крайней мѣрѣ столько же миллионы фунтовъ стерлинговъ. За послѣднимъ дѣломъ не станеть. Но надо взять въ соображеніе еще двѣ другія трудно-

Новопроэктивированная желѣзная дорога на Везувій. Рисунокъ Г. Мерте, грав. Бренд'амуръ.

сти. Съ одной изъ нихъ, какъ и при прорытіи Альпъ, можно справиться; другая же—совсѣмъ новаго рода. Надо доставлять рабочимъ воздухъ; вентиляторы были въ Монъ-Сенисѣ также невозможны какъ здѣсь подъ моремъ. Надо производить работы отъ одного конца до другаго, вывозить къ обѣимъ выхо-

дамъ всю взрытую массу, слѣдовательно, подъ конецъ работъ дѣлать для этого дорогу почти въ двѣ съ половиной мили, и при этомъ постоянно доставлять рабочимъ свѣжій воздухъ.

При прорытіи монъ-сенискаго туннеля, машины приводились въ дѣйствіе сжатымъ и постоянно перемѣняющимся, слѣдова-

Старый туннель подъ Темзой, неслыханный въ то время чудо, дѣлался точно такъ же, но это диллупская работа въ сравненіи съ нынѣшнимъ гигантскимъ предпріятіемъ. Тѣмъ не менѣе, при современномъ состояніи инженернаго искусства и при могуществѣ пара, это смѣлое предпріятіе кажется въ наше время болѣе исполнимымъ, чѣмъ казалось тогда прорытіе туннеля подъ Темзой.

По мнѣнію г. Лессенса, подавляющему имъ во французскую академію наукъ, не надо рыть болѣе чѣмъ на пятьдесятъ ярдовъ подъ морскимъ дномъ. Но во всякомъ случаѣ, прежде хотѣли сдѣлать нѣсколько опытовъ, и по прорытіи узкой трубы, въ видѣ пробы прорыть съ каждаго конца сначала по полъ-англійской мили во всю надлежащую ширину. Вообще, какъ это видно до сихъ поръ, все дѣло намѣрено вести очень осторожно, чтобы благоразуміемъ и осмотрительностью оградить его отъ всякихъ случайностей. И вотъ черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, въ глубинѣ земли, далеко подъ морскимъ дномъ, день и ночь безпрерывно будутъ раздаваться свистки локомотивовъ, и подъ морскими волнами загремятъ желѣзная дорога; триста тысячъ пароходныхъ пассажировъ, томящихся ежегодно въ морской болѣзни, превратятся въ три миллиона бодрыхъ путешественниковъ, отъ которыхъ не потребуются никакихъ жертвъ Нептуну. Выгоды какія принесетъ это предпріятіе въ торговомъ и социальномъ отношеніяхъ—пока трудно даже опредѣлить. Непосредственное сообщеніе двухъ главныхъ городовъ западной Европы, а вмѣстѣ съ этимъ и всѣхъ главныхъ сѣтей европейскіхъ желѣзныхъ дорогъ и приморскихъ гаваней, увеличитъ въ неомѣрной степени всевозможныя дѣловыя и увеселительныя поѣздки народовъ всѣхъ частей свѣта. И такъ, можно надѣяться, что этотъ англо-французскій желѣзно-дорожный туннель послужитъ прочнымъ международнымъ звѣномъ, которое, скрѣпивъ матеріальное и духовное общеніе народовъ, обезпечитъ мирное развитіе культуры и освободитъ насъ отъ всѣхъ золъ вооруженнаго мира, отравляющихъ существованіе современныхъ государствъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ каналѣ. Съ обѣихъ береговъ, французскаго и англійскаго, онъ начнетъ прорываться тамъ, гдѣ разстояніе между берегами всего уже; то есть, съ одной стороны, порядочно южнѣ Калѣ, съ другой, почти столько же сѣвернѣ Дувра. Къ тому же, какъ разъ въ этихъ мѣстахъ сходятся нѣсколько главныхъ жилъ французскихъ и англійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Съ французской стороны, онъ непосредственно соединяютъ берегъ съ Булономъ, Амьеномъ и Парижемъ, а слѣдовательно отсюда и съ Германіей и съ густой сѣтью бельгійскихъ дорогъ. Съ дуврскими станціями соединяется почти вся сѣть желѣзныхъ дорогъ Англій, развѣтвляющихся въ Лондонѣ и около него въ сотни надземныхъ и подземныхъ нѣтъей. Между двумя избранными пунктами, какъ морское дно, такъ и двойной известковый слой, весьма благоприятны; послѣдній имѣетъ на обѣихъ сторонахъ около пятидесяти футовъ толщины подъ водой, которая надъ линіей туннеля не доходитъ выше ста восьмидесяти футовъ глубины, такъ что опущенная въ нее Всегминстерская башня еще на сорокъ пять футовъ выходила-бы надъ ея поверхностью. До сихъ поръ всѣ держались того мнѣнія, что этотъ туннель долженъ быть прорытъ не паче какъ по крайней мѣрѣ на двѣсти футовъ подъ морскимъ дномъ, хотя, какъ уже упомянуто, по мнѣнію Лессенса, для этого достаточно пятидесяти футовъ.

Сверленія, произведенныя съ обѣихъ сторонъ на избранныхъ пунктахъ, показали съ англійской стороны у бухты Св. Маргариты сплошной известняковый слой въ пятьдесятъ сорокъ футовъ толщины. Только подъ этой глубиной, натолкнувшись на песокъ и такъ-называемый палеозоическій камень. Съ французской стороны нашли непрерывный известняковый грунтъ на глубинѣ пятидесяти двадцати футовъ. На эти предварительныя опыты, съ обѣихъ сторонъ, ушли почти всѣ 1866, 1867, 1868 года. Одновременно съ этимъ, производились также и изслѣдованія морскаго дна, оказавшагося, какъ уже сказано, необыкновенно благоприятнымъ.

На основаніи всѣхъ предварительныхъ изслѣдованій, съ англійской стороны туннель можетъ быть прорытъ въ известняковомъ слоѣ въ сорокъ семьдесятъ футовъ глубины подъ водой; изъ этого первые сто семьдесятъ пять футовъ состоятъ изъ бѣлаго, остальные изъ сѣраго известняка. Съ французской стороны нашли известняковый слой семидесяти пятидесяти футовъ толщины; изъ нихъ первые двѣсти семьдесятъ футовъ бѣ-

телинъ постоянно свѣжимъ для рабочихъ воздухомъ. Но все это происходило высоко надъ земной поверхностью. Здѣсь же, отъ обѣихъ исходныхъ точекъ, мы спускаемся въ колодезь болѣе ста ярдовъ глубины, и черезъ него-то должны проходить всѣ вырѣбленные массы, всѣ рабочіе и нужный для нихъ воздухъ.

лаго, остальные четыреста восемьдесят сѣраго известняка. Хотя положительно и нельзя утверждать, что морское дно, на протяженіи всѣхъ двадцати англійскихъ миль, непрерывно состоитъ изъ такой же массы приблизительно такой же толщины, но геологически это въ высшей степени вѣроятно. Остается только рѣшиться приступить къ дѣлу. Какъ франгузы такъ и англичане, стоящіе во главѣ смѣлаго предприятия, считаются за научно-образованныхъ и практическихъ людей. Съ англійской стороны председательствуютъ въ коммисіи лордъ Ричардъ Гросвеноръ и Вильямъ Гаусъ; съ французской Мишель Шевалье и превосходный инженеръ и творецъ всего плана, Томе де Гаммонъ. Имена англійскихъ инженеровъ: сэръ Джонъ Гаукшавъ и

Брунлисъ. Они уже открыли свою контору въ Викторіа-стритѣ, въ Вестминстерской части Лондона, близъ громадной желѣзнодорожной сѣти, по которой день и ночь, почти каждыя пять минутъ, а въ дѣловое время и чаще, бѣшено мчатся вездѣ и впередъ безконечныя поѣзды. Въ новооткрытой конторѣ работаютъ сначала одинъ секретарь, Беллингемъ, но ему находится теперь уже столько дѣла, что онъ долженъ прискипать себѣ все болѣе и болѣе помощниковъ. Въ теченіе настоящаго года, предполагаютъ начать съ обѣихъ сторонъ прорытіе узкой трубы. Весь образованный міръ, безъ сомнѣнія будетъ съ интересомъ слѣдить за этимъ смѣлымъ предпріятіемъ, и желать ему счастливаго окончанія.

С М Ъ С Ъ.

Мильтонъ.

Всякая страна, всякій народъ, болѣе или менѣе образованный, имѣетъ свою литературу и ея исторію. Литература составляетъ духовное богатство народа, она есть его достояніе; это драгоценныя скриняли, на которыхъ записана вся духовная и часто политическая жизнь народа; это неоцѣненный завѣтъ предковъ потомству. Понятно, что всякій народъ долженъ гордиться своею литературою. Но хотя и всякое произведение словесное составляетъ какую-либо часть ея, однакожъ въ исторіи литературы каждаго народа встрѣчаются произведенія такіа, которые знаменуютъ собою цѣлый вѣкъ, или же отражаютъ его въ себѣ какъ въ зеркалѣ со всѣми его нравами, предрассудками, понятіями, направленіями умовъ, господствующими идеями, и проч. и проч.,—словомъ, отражаютъ въ себѣ все, что составляетъ духовную жизнь человѣка и цѣлаго общества. Виновинокъ такихъ произведений, творцевъ ихъ, называютъ гениями, т. е. людьми съ необыкновенною силою ума, воли, способностей, людьми какъ бы отлѣченными самими небомъ. Чѣмъ болѣе такихъ произведений въ литературѣ, тѣмъ она богаче, тѣмъ болѣе народъ имѣетъ право гордиться ею. Но люди, жившіе въ извѣстныя времена, не всегда умѣли достойно оцѣнивать произведенія гения, и не рѣдко гениальные люди жили и не только не пользовались славой и уваженіемъ современниковъ, но даже должны были сносить презрительныя насмѣшки невѣждъ; умирали въ нищетоствѣ и бѣдности, не подозревая того, что придетъ время, когда соотечественники будутъ произносить ихъ имена съ благоговѣніемъ и національною гордостью. Такъ суждено было умереть и знаменитому Мильтону.

Мы расскажем здѣсь одно только происшествіе изъ дѣтства великаго поэта Англій, который былъ слышъ какъ Гомеръ, имѣлъ такой же гений какъ Данте, и который умеръ, не зная, что отечество внесетъ его въ число своихъ великихъ людей.

Мильтонъ, творецъ *Потеряннаго рая*, въ глазахъ своихъ современниковъ былъ не болѣе какъ жалкій стихотворецъ; его не удостоивали даже имени поэта, и только чрезъ много лѣтъ послѣ его смерти, Англія осмѣлилась причислить его *божественную* поэму къ числу національных сокровищъ своихъ. За то, при жизни Мильтона, едва соглашались прочитать изъ этой поэмы нѣсколько отрывковъ, прочитать изъ милости,—и тѣ, которые, какъ тогда говорили, имѣли твердость пробѣжать удивительные стихи поэта, рѣшили, что его твореніе заслуживаетъ только презрѣніе.

И такъ, всякій изъ насъ, чувствующій въ себѣ благородное желаніе славы, сознающій въ себѣ довольно силы, чтобы сказать: я пойду далеко,—припомнимъ эту печальную исторію славы Мильтона при началѣ, и столь блестящую потомъ, да не остановится на пути къ прекрасному храму этой богини! Можетъ быть никто не скажетъ вамъ, что дорога вами избранная, приведетъ васъ къ далекой цѣли, и что вы идете по ней достойно; не скажетъ—и лучше: не ждите похвалы преждевременной, слѣдовательно и незаслуженной. Ступайте, ступайте впередъ, не останавливайтесь, не робѣйте, и если теперь васъ не оцѣнятъ, если равнодушіе къ вашимъ усиліямъ будетъ повергать васъ въ отчаяніе, тогда вспомните, что чрезъ полвѣка послѣ смерти Мильтона, ему воздвигли монументы.

Мильтонъ былъ такъ хорошъ и такъ скромнъ, что школьные товарищи прозвали его прекрасною дѣвою. Его длинные

волосы, низпадающіе по обѣ стороны, красиво отлѣняли всегда задумчивое чело его, и крупными, густыми буклями разсыпались на алебастровыя плечи; его глаза были постоянно оживлены чистою, дѣтскою радостью; всегда блѣдное лицо его покрывалось, при малѣйшей похвалѣ, прелестною розовою тѣнью; и если правда, что прекрасная душа можетъ заключаться только въ прекрасномъ тѣлѣ, то незабвенный юноша вполнѣ оправдывалъ собою эту мысль.

Однажды, это было въ жаркій лѣтній день, Мильтонъ, утомившись послѣ долгой прогулки, заснулъ какъ беззаботное дитя подъ деревомъ, на краю большой дороги. Это усталое, немножко измученное отъ зноя лицо, эти закрытые большіе глаза, опущенные длинными рѣсницами, это небрежное положеніе прекраснаго юноши, эти нависшія надъ челомъ его кудри, все это должно было приковать къ нему вниманіе самаго строгаго цѣнителя красоты. Мильтонъ въ эту минуту могъ служить живымъ изображеніемъ спящаго Амура. По дорогѣ ѣхали въ каретѣ двѣ дамы; пораженные красотою юноши, онѣ приказали остановить лошадей и вышли изъ экипажа, чтобы полюбоваться имъ поближе. Одна изъ нихъ, которой казалось не болѣе пятнадцати лѣтъ, послѣ минутнаго созерцанія юношеской красоты,—созерцанія, похожаго на какой-то нѣмой восторгъ,—проворно вынула изъ кармана свой портфель, вынула изъ него одинъ листокъ, и написавъ на немъ дрожащею рукою нѣсколько строкъ карандашомъ, вложила его въ руки спящаго Мильтона; потомъ обѣ незнакомки сѣли въ карету и уѣхали. Мильтонъ, разбуженный своими друзьями, скрывавшимися въ продолженіе этой мгновѣнной сцены за кустами, узналъ отъ нихъ о происшедшемъ. Онъ спѣшилъ развернуть записку, которую рука его держала какъ бы по инстинкту, и прочелъ въ ней слѣдующія строки, ваяты изъ Guarini, итальянскаго поэта: «Прекрасные глаза, очаровательная свѣтила смертнаго, если вы закрыты сномъ покорили мое сердце, то какъ же велико должно быть ваше могущество, когда вы открыты?»

Друзья Мильтона долго смѣялись и шутили вадъ этимъ происшествіемъ, но онъ... онъ былъ смущенъ, потерянъ. Мысль—отыскать прекрасную незнакомку, подарившую спящаго юношу своимъ мимолетнымъ вниманіемъ, сдѣлавшую такое лестное примѣненіе къ нему стиховъ итальянскаго поэта,—эта мысль овладѣла всѣмъ его существомъ; но гдѣ же, подъ какимъ небомъ живетъ эта пери? Вотъ вопросъ, который напрасно предлагала себѣ юноша; отвѣта не было; а между тѣмъ онъ томился его нѣсколько лѣтъ. Но для гениальной души, стремящейся къ извѣстной цѣли, нѣтъ преградъ; онѣ существуютъ только для насъ, людей слабыхъ. Мильтонъ со всѣмъ рвеніемъ сталъ изучать языкъ Тасса и Петрарки, и скоро, узнавъ его, и яа это обязанъ былъ той, которую онъ никогда не долженъ былъ видѣть.

Постоянно преслѣдуемый желаемымъ осуществить свою прелестную мечту, онъ оставилъ Англію, отправился въ Геную, въ Венецію, Римъ, Неаполь—и тамъ, подъ роскошнымъ небомъ Италіи, долго оплакивалъ свое потерянное счастье. Онъ подружился тамъ съ поетами, которыхъ она, какъ ему казалось, предпочитала, а наконецъ и самъ сдѣлался поетомъ и, можетъ быть, этой случайной встрѣчѣ въ знойный полдень, подъ деревомъ, при большой дорогѣ, Англія обязана за божественную поэму Мильтона—*Потерянный Рай*.

Слава незнакомкѣ, воспользовавшейся сномъ юноши для того, чтобъ сдѣлать изъ него великаго человѣка!

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, утвердивъ, 27-го минувшаго марта, новый воинскій уставъ о наказаніяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Срокомъ для введенія въ дѣйствіе означеннаго устава назначить 1-е августа настоящаго года, съ тѣмъ чтобы съ сего числа

постановленія новаго устава примѣнялись ко всѣмъ дѣламъ, которыя не получаютъ до того времени окончательнаго рѣшенія — и

2. Изъ упомянутаго правила допустить лишь одно изъятіе для тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ опредѣляемые настоящимъ уставомъ взысканія строже наказаній, назначаемыхъ дѣйствующими доселѣ по военному

вѣдомству законами, и въ этихъ случаяхъ вѣннать судамъ въ обязанность постановлять приговоры о подсудимыхъ на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленій.

Железные дороги и телеграфы.

— 24-го января 1874 года, машинистъ пас-

сажирского поезда Тамбовской - Козловской желѣзной дороги, не остановивъ онаго у пассажирской платформы Покровской станціи, въ виду неизбежнаго столкновѣнія со входившимъ въ это время на станцію, съ противоположной стороны, товарнымъ поездомъ, далъ своему поезду обратный ходъ и затѣмъ соскочилъ съ паровоза. Товарный поездъ настигъ пассажирскій и при столкновѣніи съ нимъ сообщилъ ему нѣкоторую скорость, которая, вслѣдствіе сказаннаго обратнаго хода, быстро увеличилась до 40 верстъ въ часъ. Прислуга также вся оставила поездъ, но находившійся въ немъ пассажиромъ оберъ-кондукторъ товарныхъ поездовъ той же Тамбовско-Козловской желѣзной дороги, крестьянинъ Рязанской губерніи Степанъ Гавриловъ, замѣтивъ, что вся прислуга поезда осталась на станціи, влѣзъ на крышу багажного вагона и, убѣдившись, что на паровозѣ никого не было, вызвалъ пассажира, отставнаго машиниста, поселеннаго Самарской губерніи Пвана Карле. Съ самоотжечіемъ и опасностью для собственной жизни, оба они на ходу поезда перебрались по крышамъ вагоновъ до паровоза и на 10 верстъ отъ станціи Покровской, въ разстояніи 6 верстъ отъ смежной станціи Дмитровки, остановили поездъ, чѣмъ спасли пассажировъ отъ грозившаго имъ несчастья.

Въ 17-й день минувшаго января, Всемилостивѣе пожалованы Гаврилову и Карле золотыя медали, съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“, для ношенія въ петлицѣ на Владимірской лентѣ.

Изъ Винницы пишутъ въ „Одесскій Вѣстникъ“, что вся масса свѣга, засыпавшаго линію желѣзной дороги, растаяла и покрыла землю водою на большое разстояніе; рѣка Бугъ, въ обыкновенное время спокойная и небольшая, обратилась въ огромную разъяренную рѣку; разлившись на значительномъ протяженіи, она затопила окрестныя низменности болѣе чѣмъ на пять верстъ въ окружности. Все протяженіе пути отъ станціи желѣзной дороги до города Винницы до такой степени залито водою, что сообщеніе поддерживается лишь лодками; почта подвозится тоже на лодкахъ; дома во многихъ мѣстахъ затоплены; окружныя лѣса тоже залиты водою.

Сельское хозяйство.

Въ послѣднее время Министръ Государственныхъ Имуществъ предписалъ приступить къ усиленному лѣсоразведенію въ Киевской губерніи. Первоначальнымъ результатомъ этого предписанія было представленіе въ Министерство киевскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ нѣсколько проектовъ по лѣсоразведенію, составленныхъ различными лицами. По этимъ проектамъ, предполагается облѣсить нѣкоторые пространства въ казенныхъ дачахъ, обнимающія площадь въ 1974,72 десятины; изъ этого числа предполагается облѣсить посадкой 1, 2 и 3-хъ лѣтней сосны 1835,12 дес., посѣвомъ жерудей 59,92 дес. и посадкой шелюговыхъ черенковъ (видъ ивы — *Salix acutifolia*), ради укрѣпленія летучихъ песковъ, 79,68 десятины.

На всѣ работы по лѣсоразведенію предложено израсходовать 28.700 р. сер.

— 29-го минувшаго марта происходилъ второй выпускной экзаменъ изъ земледѣлческой школы гор. Бушекъ, находящейся въ 12-ти верстахъ отъ Владикавказа. Школа эта существуетъ уже пять лѣтъ; въ прошломъ году въ ней окончили курсъ 8 воспитанниковъ съ званіемъ ученихъ садовниковъ; въ настоящемъ году всѣхъ выпускныхъ учениковъ девять, между ими есть осетины, ингуши, тавлинцы и казаки.

Путешествія и экспедиціи.

Въ Сингапурскихъ газетахъ не лишено интереса свѣдѣніе о трудахъ г. Миклуха-Маклая. Неутомимый путешественникъ въ послѣднее время ѣздилъ въ Джаваръ, въ жон-

ную лѣсную часть Малакки, и провелъ тамъ 50 дней. Мѣстный магараджа оказывалъ ему особое вниманіе и тѣмъ далъ возможность собрать этнографическія свѣдѣнія о мѣстныхъ малайскихъ племенахъ; свѣдѣнія эти мѣстная газета называетъ весьма важными въ научномъ отношеніи.

— Путешествующій по Китаю съ учено-торговою цѣлью, капитанъ генеральнаго штаба Сосновскій, получилъ разрѣшеніе пекинскаго правительства на слѣдованіе вмѣстѣ съ своими спутниками собственно по Китаю, отправился на пароходѣ изъ Шанхая въ Хань-коу, озабоченъ о приобрѣтеніи содѣйствія мѣстныхъ властей къ безпрепятственному и спокойному продолженію хода экспедиціи и о разрѣшеніи производить необходимые при этомъ работы.

Пребываніе членовъ экспедиціи въ Хань-коу сопровождалось со стороны мѣстныхъ властей необычайными проявленіями вниманія и предупредительности: соотечественникамъ нашимъ предоставлено было право осматривать все въ городѣ, посѣщать даже такіе мѣста, куда, по понятіямъ китайцевъ, возбраненъ доступъ иностранцу, безпрепятственно дѣлать фотографическіе снимки, а въ военномъ лагерѣ произведены были парадъ и ученіе. При влѣдѣ и отбытіи членовъ экспедиціи изъ лагеря, они каждый разъ были встрѣчаемы съ торжественной обстановкой и пушечными салютами. Внимательности военныхъ властей простиралась до того, что онѣ иногда останавливали производившееся войсками пострѣеніе, чтобы дать возможность воспроизвести фотографическое его изображеніе.

Что касается собственно китайскихъ войскъ, видѣнныхъ капитаномъ Сосновскимъ, то, по его словамъ, онѣ представляютъ весьма красивое зрѣлище, благодаря массѣ знаменъ съ самыми причудливыми, эффектными сочетаніями красокъ, но сами по себѣ не имѣютъ никакого воинственнаго вида, ни малѣйшаго подобія тому, что принято въ Европѣ поимать подъ словомъ войско.

Некрологъ.

— 18-го апрѣля 1875 года, въ 5½ часовъ пополудни, умеръ въ Петербургѣ, послѣ кратковременной болѣзни, одинъ изъ дѣятельныхъ литературныхъ и журнальных тружениковъ, даровитый популяризаторъ научныхъ свѣдѣній и составитель хорошихъ дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ, *Алексій Елоричъ Разинъ*. Онъ былъ сотрудникомъ „Нивы“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Времени“, „Голоса“ и многихъ другихъ періодическихъ изданій. Одно время онъ раздѣлялъ съ г. Чистяковымъ редакцію „Журнала для дѣтей“. Литературное поприще свое онъ началъ переводами. „Популярный курсъ математической и физической географіи“ Бланка, измѣнившій въ дополненный имъ по другимъ сочиненіямъ — пользовался большимъ успѣхомъ. Онъ же перевелъ „Путешествіе Ливингстона“, „Настоящій Робинзонъ“ и др. Изъ дѣтскихъ и популярныхъ книгъ его лучшія: „Разсказы о животныхъ и растеніяхъ“, „Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ“, „Путешествіи по разнымъ странамъ міра“, „Историческіе разсказы и біографіи“, „Открытіе Америки, Камчатки и Алеутскихъ Острововъ“, „Повѣсти разсказы для дѣтей“. Особенно извѣстностью пользуется его руководство къ русскому языку для военно-учебныхъ заведеній, извѣстное подъ названіемъ: „Міръ Божій“. Онъ издавалъ также „Русско-хозяйственную бібліотеку“, писалъ и повѣсти: „Дѣдушка Гостомысль“, „Гетманъ Степанъ Острияница“, „Разоренный годъ“ и др.

Наши окраины.

— Во второй половинѣ минувшаго февраля прибылъ въ Красноводскъ одинъ изъ вліятельныхъ хановъ туркменовъ-теке, Софи-ханъ, въ сопровожденіи тридцати текинскихъ всадниковъ. Благодаря образу дѣйствій па-

чальника Закаспійскаго отдѣла, генерала Ломакина, и при посредствѣ именно Софи-хана, установились, наконецъ, какъ пишутъ въ „Рус. Инвал.“, вполнѣ мирныя и повидному, искреннія отношенія съ такъ-называемыми ахаль-теке, живущими вдоль сѣвернаго склона Кюрендагскихъ горъ, и которые, какъ извѣстно, до сихъ поръ далеко не отличались добрымъ расположеніемъ къ русскимъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Красноводскъ Софи-ханъ представилъ генералъ-маіору Ломакину, который вызвалъ хану и сопровождавшему его текинцамъ надежду, что они впредь будутъ жить мирно и исполнять всѣ требованія Бѣлаго Царя, направленные къ утвержденію спокойствія среди сосѣднихъ намъ туркменовъ, вручилъ Софи-хану грамоту, пожалованную ему Его Высочествомъ Главнокомандующимъ Кавказскою арміею, и золотую медаль для ношенія на Станиславской лентѣ. Эти знаки отличія служили наградой Софи-хану за его участіе въ установленіи добрыхъ взаимныхъ отношеній между нами и текинцами и за усердную его дѣятельность по освобожденію юмудовъ, взятыхъ въ плѣнъ разбойническою текинскою нартіею при ограбленіи въ октябрѣ прошлаго года аула Дашлы-кобиня. Сверхъ этихъ знаковъ вниманія со стороны высшаго русскаго начальства, Софи-хану былъ подаренъ серебряный парчевой халатъ; спутники его получили также по халату.

23-го февраля генералъ Ломакинъ устроилъ прогулку по Красноводскому заливу на пароходѣ „Красноводскъ“, и пригласилъ участвовать въ ней Софи-хана и остальныхъ текинцевъ, которые въ явились въ только-что подаренныхъ имъ халатахъ. На пароходѣ имъ былъ показанъ весь двигательный аппаратъ судна и каюты, причемъ текинцы, смотря на все это, выражали свое удивленіе нескончаемыми восклицаніями.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ виду неоднократныхъ запросовъ гг. подписчиковъ о томъ, почему до сихъ поръ не выдаются обѣщанныя преміи, редакція считаетъ необходимымъ объяснить, что такъ какъ, согласно желанію многихъ подписчиковъ, редакція рѣшилась, сокративъ число премій, настолько увеличить цѣны прилагаемыхъ, чтобы относительно качества не могло быть никакого сравненія съ прошлогодними, то, само собою разумѣется, и сроки выдачи ихъ раздвигаются пропорціонально числу премій. Двѣ преміи, которая редакція выдаетъ подписчикамъ 1875 года, представляютъ: 1-ая большой эстампъ съ картины знаменитаго профессора Пилоти „Смерть Юлія Цезаря“, воспроизведенный на лучшей картонной бумагѣ (40 руб. стопа), бумага 21¼ вершковъ длины и 15½ вершковъ ширины, — и 2-ая также большой эстампъ съ картины великаго испанскаго живописца, Себастьяна Мурильо, „Мадонна Севильская“, на такой же бумагѣ, 14¼ вершковъ ширины и 17¾ вершковъ высоты. Если купить подобную картину въ какомъ либо изъ магазиновъ, нужно заплатить minimum 3 руб., такъ что цѣна этихъ двухъ премій болѣе 6 руб. сер. Въ настоящее время обѣ преміи уже приготавливаются за границей. А такъ какъ художественное выполненіе ихъ требуетъ много времени, то первая изъ нихъ не можетъ быть выдана гг. подписчикамъ ранѣе, какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Джонъ Миллтонъ и его поэма „Потерянный рай“ (съ портретомъ и рисункомъ). — Другой возлѣ. Романъ Н. Н. Каразина. Ч. II. (продолженіе). — Блуждающіе огонь (Автобіографія Протцева). Соч. И. С. Лѣскова (Стебницкаго) (окончаніе). — Церковъ лейб-гвардіи Измайловскаго полка во имя Св. Троицы, въ С.-Петербургѣ (съ рисункомъ). — Въ деревнѣ, стихотвореніе Кн. Щ.-аой. — Новопроэктивированная желѣзная дорога на Везувій (съ рисункомъ). — Подводная желѣзная дорога. — Сибирь. — Разныя вѣвѣстія. — Почтовый ящикъ. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Май съ 10 рисунками, и листъ азыровъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ

ВЕДЕРНИКОВА и МИХАЙЛОВА,

Въ Спб. Гостинный дворъ по Большой Суровской Линіи № № 122/123,

Имѣя прямыя сношенія съ первыми иностранными домами въ Парижѣ, Лионѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, получилъ большой выборъ **НОВОСТЕЙ.**

ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА:

Пальто, кофты, доломаны и жакеты лионскаго бархата, матласе съ шерстяными и шелковыми кружевами. богатымъ аграмантомъ и страусовымъ перомъ—въ большомъ выборѣ.

Модели тониковъ лучшихъ парижскихъ домовъ изъ сицильяна и дубль-кашемиръ и другихъ тканей въ большомъ выборѣ.

Ротонды лионскаго бархата, фая, букле монтонажъ и другихъ модныхъ тканей въ большомъ выборѣ.

Ватеръ-Профъ английскихъ тканей въ большомъ выборѣ.

КОСТЮМЫ И ПЛАТЬЯ:

Шелковаго фая—чернаго и цвѣтнаго самыхъ новѣйшихъ цвѣтовъ, также всевозможныхъ шерстяныхъ тканей—въ большомъ выборѣ.

Дѣтскіе наряды для дѣвочекъ и мальчиковъ на всѣ возрасты и въ большомъ выборѣ.

Пальто, кофты, жакеты, платья и ватеръ-профъ.

Модели шляпъ первыхъ домовъ Парижа, всевозможный выборъ дамскихъ и дѣтскихъ шляпъ—креповыхъ, кастровыхъ, тюлевыхъ, Дамасе и соломенныхъ. Новостіи зонтиковъ солнечныхъ и антука.

Кружевные вещи; тоникіи и безрукавки, вышитые стеклярусомъ, изъ тмъ, гипюръ и камбрѣ. Ротонды кружевные и лямъ; галстуки, воротники, вышивки, бархаты, фая, манчестеръ, матласе, ленты, цвѣты и перья.

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ, желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ цвѣтъ матеріи, мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ.

Всѣ требованія отъ Гг. покупателей исполняются съ строгою аккуратностью.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ**новый АЛЬБОМЪ рукодѣлій**

изъ русск. и малороссійск. рисунковъ народной орнаментациі.

Состав. А. Ивченко. Альбомъ заключаетъ въ себѣ 25 листовъ, весьма красивыхъ и оригинальныхъ рисунковъ, приспособленныхъ для вышиванія полотенца, скатертей, салфетокъ, бѣлья и друг. вещей. Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к. На загранич. просп. № 62, кв. 4 и въ известн. книжн. магазин., а равно (при Газетномъ Бюро публикацій и подвѣски для разн. изданій) на углу Новск. просп. и Б. Морской, д. № 1814—гдѣ помѣщается Редакція русск. Нов. дамск. журн. „Моды и Рукодѣлія“—выход. 2 раза въ мѣс.—Цѣна въ годъ 4 р., съ доставкой 5 р., съ пересылкой 6 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к.—отдѣльный № съ выкройками 50 к., съ перес. 60 к. Гг. подписчики получаютъ всѣ съ января сего года вышедшіе №№ в 1 пробный за Декабрь 1874 г. —Имѣются также отдѣльные №№ лучш. французск. модн. журналовъ по 75 к. в 1 р. за экз. съ перес. отсюда же можно выписывать и ежем. журн. „Мужскія Моды“ (на русск. и нѣмецк. язык.) Цѣна въ годъ 6 р., 6 р. 50 к. и 7 р., на 6 мѣс. 3 р. 25 к., 3 р. 50 к. и 4 р. отдѣльный № 75 к., съ пересылкой 1 р. Тутъ же отдѣленіе конторы еженед. журн. „Живописное Обозрѣніе“.

Подписная цѣна въ годъ 7 р., на 1/2 года 4 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой. Отдѣльный № 20 к., съ перес. 30 к. Р. S. Для удобства отправки денегъ, накетовъ, благодарить высылать до 10 р. въ заказн. письмахъ, и мелкія суммы почтов. марками, или по переводамъ: по адресу Газетнаго Бюро и Ред. журн. „Моды и Рукодѣлія“.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА**ГЕНРИХА****НЕСТЛЕ,****ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ****ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.**

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ и вобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено портчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно беретъ ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб.—химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулжовіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр.—у В. Валандина, Литейна, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

ФИСГАРМОНИКИ съ валами**ГАРМОНИФЛЕЙТЫ съ валами****БЮССОФОНЪ (шарманки) съ валами**

цѣною отъ 200 до 650 руб.,

играющіе нѣсны изъ оперы «Жизнь за Царя», «Сибирячка», Камажинскую, Казачекъ, танцы Штрауса, Оффенбаха и другихъ, романсы, куплеты, Кочубей, Всеволодскаго, Шереметьева, Тарновской и др.

получены изъ Парижа

въ **МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ**

П. ЮРГЕНСОНА,

Петровка, № 6-й, въ Москвѣ.

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильною двойною стежкой, ручная и ножная. Королевская педагогическая комиссія въ Ирландіи признала „Литль Ванцера“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ея для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцера Д“—новѣйшая настоящая Американская швейная машина, ножная для портныхъ.

Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Новскаго и малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; потомъ еще продажъ у: **Брини и Ко.** въ гостин. номъ дворѣ по большой суровской линіи № 132, **Агенты для Москвы, Шаньси и Болинъ,** англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кроме того находятся Агенты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—5

ДАМА среднихъ лѣтъ, говорящая на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, предлагаетъ услуги ѣхать въ отъѣздъ за границу или въ провинцію въ качествѣ компаніонки безъ вознагражденія. Васильевскій островъ 14 лпія, д. № 21, кв. № 1-й.

Dr. HUNNIUS bleibt in HAPSAL und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—9

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 19 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 11-го Мая 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

АНТВЕРПЕНЪ.

Одинъ изъ самыхъ лучшихъ городовъ Бельгіи носитъ это имя, какъ и провинція, въ которой онъ находится. Антверпенъ расположенъ среди плодородной мѣстности; окруженный цвѣтущими полями,

зелеными пастбищами, онъ представляетъ великолѣпный видъ, когда къ нему подъѣзжаешь по желѣзной дорогѣ, соединяющей его съ Брюсселемъ. Издали еще сверкаютъ надъ безчисленными крышами высокія готическія колокольни его церквей; на самомъ же фонѣ вѣетъ голубой лентой Шельда съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, окаймляя прекрасную картину, которая представляется глазамъ путешественника. При вѣздѣ въ городъ вѣсь поражаютъ стѣны бастионовъ, которыми окруженъ Антверпенъ. Нѣкоторые изъ нихъ возведены французами, между 1803 и 1813 годами, желавшими сдѣлать

изъ Антверпена сильную крѣпость, оплотъ Франціи съ сѣверо-востока. Таковы: Монтебелло, Tete de Flandre, фортъ св. Филиппа; послѣдній самый сильный изъ нихъ.

Антверпенъ. Рис. К. Флейгъ, грав. В. Налукъ.

При вѣздѣ въ городъ вѣсь поражаютъ стѣны бастионовъ, которыми окруженъ Антверпенъ. Нѣкоторые изъ нихъ возведены французами, между 1803 и 1813 годами, желавшими сдѣлать

изъ Антверпена сильную крѣпость, оплотъ Франціи съ сѣверо-востока. Таковы: Монтебелло, Tete de Flandre, фортъ св. Филиппа; послѣдній самый сильный изъ нихъ.

Антверпенъ стоитъ на правомъ берегу Шельды, которая достигаетъ здѣсь 2.000 шаговъ ширины. Глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ настолько велика, что позволяетъ подходить къ Антверпену большимъ кораблямъ, а потому онъ считается хорошею гаванью, тѣмъ болѣе, что снабженъ великолѣпно-устроенными доками и перфьями. Болѣе 1.000 судовъ приходятъ сюда каждый годъ. Антверпенъ ведетъ обширную торговлю.

Находясь въ центрѣ бельгійской системы каналовъ, окруженный сѣтью желѣзныхъ дорогъ, онъ теперь считается самою важною торговою гаванью Бельгіи. Одно время полагали, что послѣ

отдѣленія Фландріи отъ Голландіи (1830); послѣ того какъ бельгійскимъ судамъ былъ закрытъ входъ въ голландскія колоніи, торговлѣ его будетъ нанесенъ значительный ударъ; но какъ большая часть торговыхъ оборотовъ Антверпена приходится на долю Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Востъ-Индскихъ колоній, Антверпенъ нисколько не потерпѣлъ убытка отъ этого отдѣленія. Изъ земель на континентѣ самую большую торговлю онъ ведетъ съ Сѣверной Германіей. Не смотря на близость Франціи, высокія таможенные пошлины пренятствуютъ удобному съѣзду бельгійскихъ товаровъ въ эту страну.

Снабженный обширными арсеналами, защищенный съ запада Шельдой, съ востока же неприступными укрѣпленіями, Антверпенъ имѣетъ большое значеніе и какъ сильная крѣпость. Центромъ всѣхъ фортовъ служитъ цитадель, которая находится въ южной сторонѣ Антверпена. Построенная еще герцогомъ Альбою, она расширена по приказанію Наполеона по планамъ извѣстнаго маршала Карно.

Самый городъ построенъ чрезвычайно красиво: улицы всѣ широки, много площадей, изъ которыхъ самая большая Морская, у самой гавани. Антверпенъ украшенъ многими прекрасными постройками, изъ которыхъ примѣчательнѣе соборъ Богоматери, вышиною въ 360 футовъ и сводъ котораго поддерживается 125 колоннами. Соборъ этотъ украшенъ многими работами знаменитыхъ художниковъ, какъ то: Рубенса (снятіе со креста и самое распятіе), Герренса. Шулца и многихъ другихъ. Къ несчастью, какъ большая часть готическихъ построекъ, онъ подолговѣченъ. Развалившаяся его башня подымается однако до 444 футовъ. Кромѣ того, нельзя не упомянуть о соборѣ св. Якова, украшенномъ точно также произведеніями великихъ мастеровъ фламандской школы, Ванъ-Дейка и Рубенса, гдѣ и помѣщается прекрасная гробница послѣдняго. Изъ другихъ построекъ выдаются ратуша въ готическомъ стилѣ и биржа, примѣчательная въ историческомъ отношеніи, такъ какъ она самая древняя въ Европѣ (построена въ 1531 г.). Такимъ же историческимъ памятникомъ можетъ служить домъ Ганзы, который принадлежитъ теперь уже не Ганзейскому союзу, а вольнымъ нѣмецкимъ городамъ.

Между учрежденіями, назначенными для распространенія просвѣщенія, слѣдуетъ упомянуть объ Академіи наукъ, Атенѣ, школѣ мореплаванія. Въ Антверпенѣ кромѣ того нѣсколько публичныхъ библиотекъ, музеевъ; есть картинная галлерея и Академія художествъ. Послѣдняя основана была еще въ XV столѣтіи подъ именемъ Братства св. Луки, но уже въ 1510 году она была переименована въ Академію. Изъ нея вышли самые знаменитые художники фламандской школы, какъ-то: Ванъ-Дейкъ, Кольвертъ, оба Теньера и мн. др.

Въ Антверпенѣ есть театры, увеселительныя заведенія; вообще можно сказать, что жизнь въ Антверпенѣ веселая, полная удовольствій, но нельзя не прибавить, что она служитъ полнымъ выраженіемъ практическаго фламандскаго характера. Характеръ антверпенцевъ, несмотря на нѣкоторую холодность, веселый и беззаботный. Всѣ ихъ стремленія направлены къ цѣли. Кажется, политикой интересуются они лишь настолько, насколько послѣдняя касается ихъ стремленій. Оттого-то и во время бельгійской революціи они почти не играли никакой роли! Высшіе классы антверпенцевъ говорятъ по французски, между низшими же распространены фламандское и валлонское нарѣчія.

Антверпенъ, кромѣ торговаго значенія, о которомъ я упоминалъ выше, замѣчательнѣе и какъ мануфактурный городъ. Множество фабрикъ выдѣлываютъ извѣстныя по своей добротѣ сукна, шелковыя и бумажныя матеріи. Жители занимаются еще рукодѣльемъ, какъ-то вышиваніемъ, вязаньемъ кружевъ. Послѣднія приобрѣли всемірную извѣстность.

Антверпенъ, какъ торговый центръ Фландріи и сильная крѣпость, игралъ въ исторіи Бельгіи большую роль. Поэтому считаемъ не лишнимъ присоединить къ описанію этого города и прежнюю его исторію.

Имя Антверпена впервые упоминается въ VIII столѣтіи, и уже въ то время онъ былъ извѣстенъ какъ хорошая гавань и торговое мѣсто. Въ періодъ крестовыхъ походовъ Антверпенъ по своимъ торговымъ оборотамъ возвысился еще болѣе; онъ сталъ на ряду съ первостепенными торговыми городами Фландріи: Брюгге и Гентомъ. Высшей точки своего развитія онъ достигъ въ XV стол., послѣ того какъ вышеупомянутые Брюгге и Гентъ благодаря внутреннимъ раздорамъ и междоусобицамъ постепенно начали терять свой вѣсъ и значеніе. Къ тому же открытіе Америки перенесло всю торговлю изъ Средиземнаго моря въ Сѣверное. Генуя и Венеція пали—и центромъ торговаго міра сдѣлался тогда Антверпенъ. Произведенія новаго континента начали появляться на его рынкѣ. Золото мексиканскихъ розсыпей и перуанское серебро начало стекаться въ Антверпенъ. Около этого же времени и Ганзейскій союзъ перенесъ свою контуру изъ Брюгге въ Антверпенъ. Подъ покровительствомъ Карла V, которому по наслѣдству достались Фландрія и Брабантъ, Антверпенъ не переставалъ развиваться. Говорятъ, что въ это время онъ въ мѣсяцъ совершалъ болѣе торговыхъ обо-

ротовъ, чѣмъ Венеція въ цѣлый годъ, даже во времена своего высшаго процвѣтанія. Антверпенскій рынокъ былъ наполненъ произведеніями самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ.

Народонаселеніе города увеличивалось и въ немъ насчитывалось до 240.000 жителей. Но недолго Антверпенъ былъ на этой высотѣ величія. Мрачный деспотизмъ Филиппа II положилъ конецъ его процвѣтанію. Началось преслѣдованіе возникшаго около этого времени протестантизма: во время послѣдовавшихъ затѣмъ религіозныхъ войнъ въ Нидерландахъ и Фландріи жители Антверпена приняли дѣятельное участіе. Его положеніе и значеніе какъ центра (всемирной) торговли обратили на себя вниманіе враждующихъ сторонъ, и онъ сдѣлался на нѣкоторое время яблокомъ ихъ раздора. Герцогъ Альба, чтобы закрыть за собою этотъ важный для него городъ и недовольный прежними укрѣпленіями, возведенными Карломъ V, перестроилъ (въ 1567) въ немъ еще сильную цитадель и занялъ ее испанскимъ гарнизономъ. Постройка этой цитадели обошлась въ 1.400.000 талеровъ, выслать которые были вынуждены сами антверпенцы. Всѣ старанія голландскаго штатгальтера Вильгельма Оранскаго выгнать изъ Антверпена испанскій гарнизонъ были безуспѣшны. Наконецъ въ 1577 году антверпенцамъ удалось цѣною золота купить удаленіе испанцевъ изъ цитадели. Немного лѣтъ спустя Антверпенъ обратился на себя вниманіе новаго испанскаго намѣстника Александра Пармскаго. Понимая всю важность завладѣть этимъ торговымъ и стратегическимъ пунктомъ, онъ устремилъ на это всѣ свои усилія. Онъ рѣшился вслѣдствіе того на осаду Антверпена, извѣстную въ лѣтописяхъ военной исторіи по трудностямъ, которыя пришлось ему преодолѣть. Окружить громадный городъ не представлялось никакой возможности. Вообще взять этотъ городъ, защищенный со стороны Фландріи Шельдой, со стороны же Брабанта укрѣпленный цитаделью и неприступными укрѣпленіями, при тогдашнемъ военномъ искусствѣ казалось дѣломъ совершенно невыполнимымъ. Но у Александра находились въ рукахъ многіе каналы, которые служили путями антверпенской торговли; онъ заперъ ихъ и прекратилъ подвозъ къ городу съѣстныхъ припасовъ. Чтобы подвергнуть его вопліи правильной блокадѣ приходилось запереть и Шельду, чтобы отрѣзать антверпенцевъ отъ моря, что онъ и сдѣлалъ, построивъ невѣроятный по своей длинѣ мостъ (полторы версты). Антверпенцы совершенно не ожидали послѣдняго; они считали его вопліи невозможнымъ, принимая во вниманіе странную глубину рѣки, позволявшую подходить прямо къ Антверпену громадными морскими кораблями. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ прорвать блокадную линію, изъ которыхъ нельзя не упомянуть о замѣчательной попыткѣ Фридриха Джабеллини взорвать этотъ мостъ на воздухъ посредствомъ нѣсколькихъ брандеровъ, они потеряли всякую надежду на спасеніе. Болѣе серьезной попыткой, но одинаково тщетной, было нападеніе на одинъ пунктъ блокадной линіи съ цѣлью прорвать находившуюся въ томъ мѣстѣ плотину. Антверпенцы надѣялись, прорвать послѣднюю и затопивъ окрестности, открыть снова путь къ морю. Въ началѣ предпріятіе было удачно: испанцы, вытѣсненные съ занимаемыхъ ими постовъ, должны были допустить антверпенцевъ начать ихъ разрушительную работу; но съ прибытіемъ Александра Пармскаго, послѣдствіемъ на ихъ предпріятіе, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. 17-го августа 1585 года антверпенцы сдались наконецъ на капитуляцію и принуждены были выслать 400.000 талеровъ военной контрибуціи. Съ этого времени начинается окончательное паденіе Антверпена. Позднѣе, во время войнъ за испанское и австрійское наслѣдство, Антверпенъ игралъ незначительную роль; онъ какъ и прежде переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ это время ему пришлось выдерживать еще осаду отъ маршала Морица Саксонскаго. Наконецъ въ 1792 году онъ достался французской республикѣ. Наполеонъ I обратилъ на него большое вниманіе. Желая возратить ему прежнее величіе въ торговлѣ и чувствуя его значеніе какъ стратегическаго пункта, онъ еще усилилъ его укрѣпленія и велѣлъ построить рядъ окружающихъ его со всѣхъ сторонъ фортовъ. Въ 1814 году Наполеонъ назначилъ антверпенскимъ комендантомъ маршала Карно, который съ 10.000 гарнизономъ блистательно защищался противъ всей англійской арміи подъ предводительствомъ Грама и наконецъ уже послѣ извѣщенія Наполеона сдать крѣпость, заключивъ перемиріе съ графомъ Артуа.

Съ этихъ поръ торговля Антверпена начала снова поправляться, но его процвѣтаніе было задержано революціей 1830 года. Началась война за свободу Бельгіи.

Городъ былъ сперва бомбардированъ комендантомъ цитадели Шассе, когда взбунтовавшіеся антверпенцы попробовали провозгласить независимость своего города. Правительства, гарантировавшая на Лондонской конференціи независимость Бельгіи, рѣшились въ 1833 году осадить Антверпенъ.

Послѣ осады и сильной бомбардировки, цитадель была взята штурмомъ 23-го декабря. Шассе долженъ былъ капитулировать. Съ этихъ поръ процвѣтаніе Антверпена безостановочно подымается—и есть надежда, что онъ достигнетъ прежняго своего величія.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XVI.

Суета и сборы.

Пошла суета по всему лагерю.

— „Выступать! выступать!“ только и слышалось во всѣхъ его концахъ, во всѣхъ кружкахъ: и въ офицерскихъ палаткахъ, и въ казачьихъ коновязяхъ, и у артиллеристовъ, засновавшихъ между своихъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ, и въ приземистыхъ „тантабри“ пѣхотинцевъ, смазывавшихъ свои высокіе сапоги, первымъ дѣломъ, при одномъ только намека на выступленіе..

— Кому выступать?.. кто остается?..

— Вашъ батальонъ идетъ что-ли?

— Вѣрно стрѣлкамъ опять счастье!.. чортъ бы ихъ побралъ!..

— Сбѣгай кто въ штабъ, узнай повѣрнѣе: что, кто и какъ?..

— Десять орудій идетъ, говоришь ты?

— Вотъ горе!.. мой лысый захромалъ, провалъ его побери! вѣдь каждый разъ такъ!

Только и слышались подобныя, отрывочныя, недоумѣвающія, безпокойныя рѣчи, по всему протяженію длиннаго лагеря, огибающаго Хиву растянутымъ полумѣсяцемъ.

Тюркмены зашалили. Они наотрѣзъ отказались платить возложенную на нихъ долю военной контрибуціи.. Наши лазутчики привезли самыя безпокойныя вѣсти.. Высшее начальство задумалось, низшіе и солдаты стали веселѣе поговаривать и потирать себѣ руки отъ удовольствія. Шутка-ли, почти мѣсяцъ даромъ простояли. Тоска, одурь возьметъ — сидѣть безъ дѣла!.. Добро-бы еще на мѣстѣ, на постоянныхъ квартирахъ... ну это все-бы еще ничего, дѣломъ какимъ ни на есть можно заняться, а то торчи тутъ на солнцепекѣ, вѣчно застегнувшись... ни назадъ, ни впередъ... удивительно весело! То-ли дѣло „тюркмены, милые люди, зашалили“. Вотъ пойдемъ къ нимъ, въ ихъ кочевки, недѣльки двѣ пошатаемся, новыя мѣста увидимъ, перепалочка можетъ, дастъ Богъ, выйдетъ, тоже не безъ пользы по службѣ... отличнѣ!..

— Слушай, братъ Раскатовъ, говорилъ Пуговицынъ своему фельдфебелю:—первымъ дѣломъ чтобы у меня ни одинъ сапогъ не зѣвалъ, каши бы не просилъ... самъ огляжу... У кого неисправенъ—вздую и вонь изъ фронта; со слабыми дома останется...

— Слушаю-съ... ваше высокоблагородіе! бурчалъ въ рыжеватые, щетинистые усы фельдфебель Раскатовъ...

— Ничего чтобы лишняго... этой дряни разной въ мѣшки не набирать, все равно дорогой огляжу—велю выпырнуть.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе!

— По двѣ рубахи... сухарей на пять дней, патроновъ полтора комплекта... двадцать рядовъ во взводѣ, да смотри чтобы сквозныхъ не было... „чай-сахаръ“ съ вечера принять... пошли капральныхъ... понялъ?..

— Понялъ, ваше высокоблагородіе!..

— Ну, пошелъ, хлопочи!..

— Да, господа, иначе нельзя, ей Богу нельзя! обращался заботливый командиръ, словно въ чемъ-то оправдывался, къ небольшой группѣ офицеровъ, стоявшей не подальку.—Иначе нельзя... не ткни ты его рыломъ во всякую малость,—потомъ наплачешься... это вѣрно...

— Понятно, заранѣе распорядиться нужно... соглашался одинъ изъ офицеровъ.

— Это все такія мелочи! небрежно, но все таки какъ будто про себя, замѣчалъ другой...

— А видѣли, господа, Бирнапса?.. совсѣмъ очумѣлъ...

— А что?..

— Да опять его батальонъ остается... незадача ему да и только: не везетъ, значить.

— Да, братъ, какъ не повезетъ, такъ оно того...

— Засуетился... все бѣгаетъ по штабамъ, хлопочетъ... Я встрѣтилъ его, такъ просто и не кланяется, раскраснѣлся какъ ракъ...

— Опять будетъ говорить: „интриги, интриги“... Потѣха!.. А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, господа, это немного несправедливо: ну посудите сами...

— Э, полноте! А шестнадцатаго кого въ авангардъ выдвали? А къ Хазарь-Аспу кто ходилъ?.. Ну полноте, пожалуста... какіе тутъ интриги! надо вѣдь и очередь соблюдать... Ты мнѣ не одолжишь своего револьвера?.. у моего барабанъ что-то плохо ворочается...

— Не дамъ.

— Ну, чортъ съ тобою!.. и не надо...

— Да Боже тебя сохрани—если хоть одинъ нарѣжется передъ выходомъ... Боже сохрани, живого съѣмъ и назадъ не верну; такъ и пропадетъ, собака, безъ вѣсти! докрикивалъ свои распоряженія маіоръ Пуговицынъ.—Боже тебя сохрани!..

— А знаешь что? говорилъ хрому казаку поручикъ Кустиковъ, навѣдавшись въ его шалаашъ.—Знаешь что?.. Оно конечно—разсчитывать трудно, а все таки...

— Что такое?.. досадливо спрашивалъ Головинъ.—Въ чемъ дѣло?..

— Да я все про то же; конечно, навѣрное разсчитывать трудно... а все таки...

— Экой у тебя языкъ непутевый... отстань!..

— Конечно.. я не говорю чтобы навѣрное... ужъ почти совсѣмъ про себя бормоталъ Кустиковъ и бѣжалъ дальше, сообщать другимъ свои догадки и предположенія...

— Въ самый центръ кочевковъ ихнихъ идемъ... говорилъ онъ, нѣсколько минутъ спустя, уже въ другомъ мѣстѣ, другимъ лицамъ.—Кавалеріи дано приказаніе идти обходомъ, на рысяхъ... Они поспѣютъ захватить ихъ еще на мѣстѣ... и вдругъ!..

— Не сбыточно, братъ, а впрочемъ...

— Вотъ я это и говорю... конечно, навѣрное разсчитывать нельзя, а все таки... Ну захватятъ ихъ, окружатъ... ни одна живая душа не выскочитъ... Вотъ мы тутъ и обшаримъ всѣ закоулки, всѣхъ переберемъ... и вдругъ... Вотъ было бы счастье!.. Да я, кажется, отъ всѣхъ наградъ отказался бы—ничего этого мнѣ бы не нужно... А вѣдь можетъ случится, можетъ... да?..

И Кустиковъ конфузился, и на его лицѣ появилась самая печальная мина, когда слушатель говорилъ ему: „Да ну, не мели, братъ, статочное ли это дѣло“... За то приходилъ въ восторгъ и готовъ былъ прыгать подъ самый верхъ палатки, когда слышалъ въ отвѣтъ, что его надежды и предположенія раздѣляются...

Но еслибъ только юный поручикъ получше зналъ человѣческое сердце—онъ понялъ бы, что надежды эти шевелились положительно въ каждомъ сердцѣ безъ исключенія,—что надежды эти не только копошились въ сердцѣ хромого казака, но рвались въ немя, чутъ на части его не разрывали,—что не было ни одного скептика, кто бы не думалъ того же самаго... Да только вотъ бѣда: сама-то эта надежда была до того слаба, а между тѣмъ такъ завѣтна, что даже языкъ не поворачивался выразить ее въ словѣ. Словно всякій изъ нихъ думалъ, что если онъ умолчитъ объ этомъ, то

легче само разочарование; и вот ради этого тяжелого разочарования—эти мнимые сны сберегали для себя впоследствии мнимо-же утешительную фразу:

— Ну вот видите—я же говорил, что *это* невозможно.

И странное дело: разговоры по поводу этой завѣтной надежды вертѣлись только на общих фразах:—„очень может случиться“... „хорошо бы если бы *такъ* случилось“... нѣтъ, *это* невозможно“... и вродѣ того; но никто не говорил точно и определенно, никто не рѣшался произнести прямо завѣтное, дорогое имя...

Только въ солдатскихъ кружкахъ слышалась иногда, полная простаго но сильнаго чувства, фраза:

— Эхъ, хоть бы ее-то, *нашу голубушку*, выручить!..

Выступление отряда назначено было еще до свѣта, ночью.

Ночь была темная, безлунная... Пѣхота поднялась безъ особаго шума и, рота за ротой, стала вытягиваться по дорогѣ къ Кунграду... Это не было настоящее направление экспедиции—впоследствии, въ свое время, предполагалось свернуть лѣвѣе, къ Чандыру.

Между стѣнъ, видѣвшихся въ темнотѣ болѣе свѣтлыми массами, потянулись бѣлые рубахи, навьюченные своими мѣшками и палатками... Почти безъ стука покатались орудія, оставляя своими колесами глубокія борозды дорожной пыли. Мѣстами, гдѣ прерывались стѣны и не было деревьевъ, рисовавшихся неопредѣленными силуэтами,—тамъ показывались вмѣсто нихъ иные силуэты, иные формы: то запестрѣли черточки скрѣпчивающихся ружейныхъ стволовъ съ примкнутыми штыками; то мелькнетъ рваный лоскутъ ротнаго значка, косматая шишка пушечнаго банника... Всадники показывались словно фигуры вырѣзанныя изъ чернаго картона и снова исчезали, поглощенные сплошной массой тѣни... Все это двигалось тихо, хотя и безостановочно... ни говору не было слышно, ни пѣсенъ, неизбѣжной приправы всякаго выступления.

Шли ощупью, осторожно подвигаясь впередъ... И безъ того было темно, а тутъ еще поднялись цѣлыя облака пыли изъ-подъ ногъ пѣхотинцевъ, изъ-подъ колесъ орудій. Совсѣмъ ничего не стало видно;—стали наткаться другъ на друга—задніе стали находить на переднихъ... чаще и чаще слышался металлическій звукъ сталкивающихся оружія.. предостерегательные возгласы:— „легче тамъ! Ну, не напирай... Да что тамъ впереди такое?.. Осторожнѣй!..“

Какъ маячные огоньки, тамъ и сямъ, повыше и пониже, мигали красноватые точки раскуренныхъ солдатскихъ трубочекъ и офицерскихъ папиросъ... Эти точки больше и обозначали движеніе всей массы, онѣ видимо передвигались, между тѣмъ какъ постороннему наблюдателю казалось бы съ перваго взгляда, что весь этотъ хаосъ, хотя и бурлитъ, хотя издаетъ неопредѣленные, глухіе звуки, хотя и шевелится... но не подвигается впередъ, будто на мѣстѣ топчется и ворочается вся эта неопредѣленная масса людей и животныхъ.

Клонить ко сну, одолеваетъ неотвязная дремота... всадники какъ-то подозрительно киваютъ всѣмъ своимъ корпусомъ... даже пѣхотинцы дремлютъ на ходу, спотыкаются, вздрагиваютъ и тупо озираются кругомъ, не узнавая въ первое мгновеніе—что съ ними, гдѣ они... куда идти, гдѣ находятся въ настоящую минуту...

Походъ ночью, да еще лѣтомъ, когда весь воздухъ наполняется густой, удушливою пылью, затрудняющей дыханіе,—такой походъ—дело тяжелое... Каждая верста, пройденная при такихъ условіяхъ, стѣбитъ, по крайней мѣрѣ, пяти, пройденныхъ при условіяхъ лучшихъ...

— Тутъ, братъ, вотъ какъ, говорятъ бывалые солдаты:—идешь это идешь, думаешь и ни вѣсть сколько ушелъ... Анъ взшло солнышко, глядишь—и двухъ верстъ не отошелъ отъ мѣста... такъ-то!..

И недолюбливаютъ, шибко недолюбливаютъ солдаты этихъ ночныхъ выступленій.

Вотъ сзади послышался гулъ какой-то большой приближающейся массы. Эта масса нагоняла двигающуюся пѣхоту... Послышались тревожные оклики и команды:

— Вправо-влѣво раздайся!..

— Возьми въ сторону... съ дороги прочь!..

А куда? Справа и лѣва высокія стѣны, а гдѣ этихъ стѣнъ нѣтъ—тамъ глубокія канавы, арыки... Блеститъ въ темнотѣ вода, нога вязнетъ въ топкую грязь...

Кое-какъ прижались пѣхотинцы къ стѣнамъ,—образовался посрединѣ небольшой промежутокъ: въ этотъ промежутокъ вдвигалась масса конныхъ... фыркали и храпѣли лошади, звонили сабли въ металлическихъ ножнахъ, задѣвая за стремяна... слышалось нѣсколько картавое:

— Здорово, пѣхота!.. какой батальонъ?..

Загудѣло по рядомъ хриплое, разбросанное, словно недовольное:

— Здравіе желаемъ ваше—ство!..

Проѣхало впередъ начальство, промелькнули высоко въ воздухѣ, надъ головами колонны, генеральскіе значки... и снова сплотилась вмѣстѣ пѣшая сила, снова началось задержанное на минуту движеніе...

Опять нагоняютъ сзади... земли просто дрожатъ подъ ногами отъ топота безчисленныхъ копытъ; опять голоса: „Раздайся!.. Вправо-влѣво!—пропусти!..“

Это кавалерія, тронувшаяся послѣ пѣхоты и получившая приказаніе обогнать ее и идти въ головѣ отряда...

Еще гуще стала пыль; сосѣдъ сосѣда уже не видитъ вовсе, удушливый капель надрываетъ грудь, на зубахъ скрипитъ песокъ какой-то... горло пересохло...

— А чтобъ васъ чортъ взялъ, кошеники!.. *)

— Молчи, колючка **), сторонись! Ладно!

— Легче, дьяволъ, ноги отдавить!.. Эко претъ, глаза залилъ, не видишь?..

— Да что, волкъ васъ заѣшь... много-ли еще васъ? Проѣзжай, что-ли!

— Не сердись, землячокъ, чего надрываешься!.. Тамъ за нами еще три сотни...

— Хоть бы водицы хлебнуть, горло промочить,—что, Митька, не всю еще изъ манерки вылокалъ?

— На, получай, малость осталась...

— Проѣзжай, казаки, проѣзжай, чего стали?..

— Справа рядами!..

Прошла казачья сила; стала пыль понемногу укладываться... Чуть-чуть на горизонтѣ протянулась свѣтлая полоска, предвѣстница разсвѣта. Кончились безконечныя, надоедливыя, скучныя стѣны, шире стала дорога... Пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, потянуло сырою отъ какого-то болота, лежащаго вправо... пугливо заметалась на немъ встревоженная птица. Стая скворцовъ съ шумомъ поднялась съ вершины раскидистаго карагача; аистъ встрепенулся на своемъ косматомъ гнѣздѣ; завyli туземныя собаки гдѣ-то въ сторонѣ...

— Стой!.. пронеслась давно-жданная, желанная команда.—Оправься, ребята, переведи духъ—пока подтянутся задніе!..

И снова стало веселѣе на сердце солдата, ушли прочь тяжелыя впечатлѣнія тяготы и невзгодъ походнаго быта.

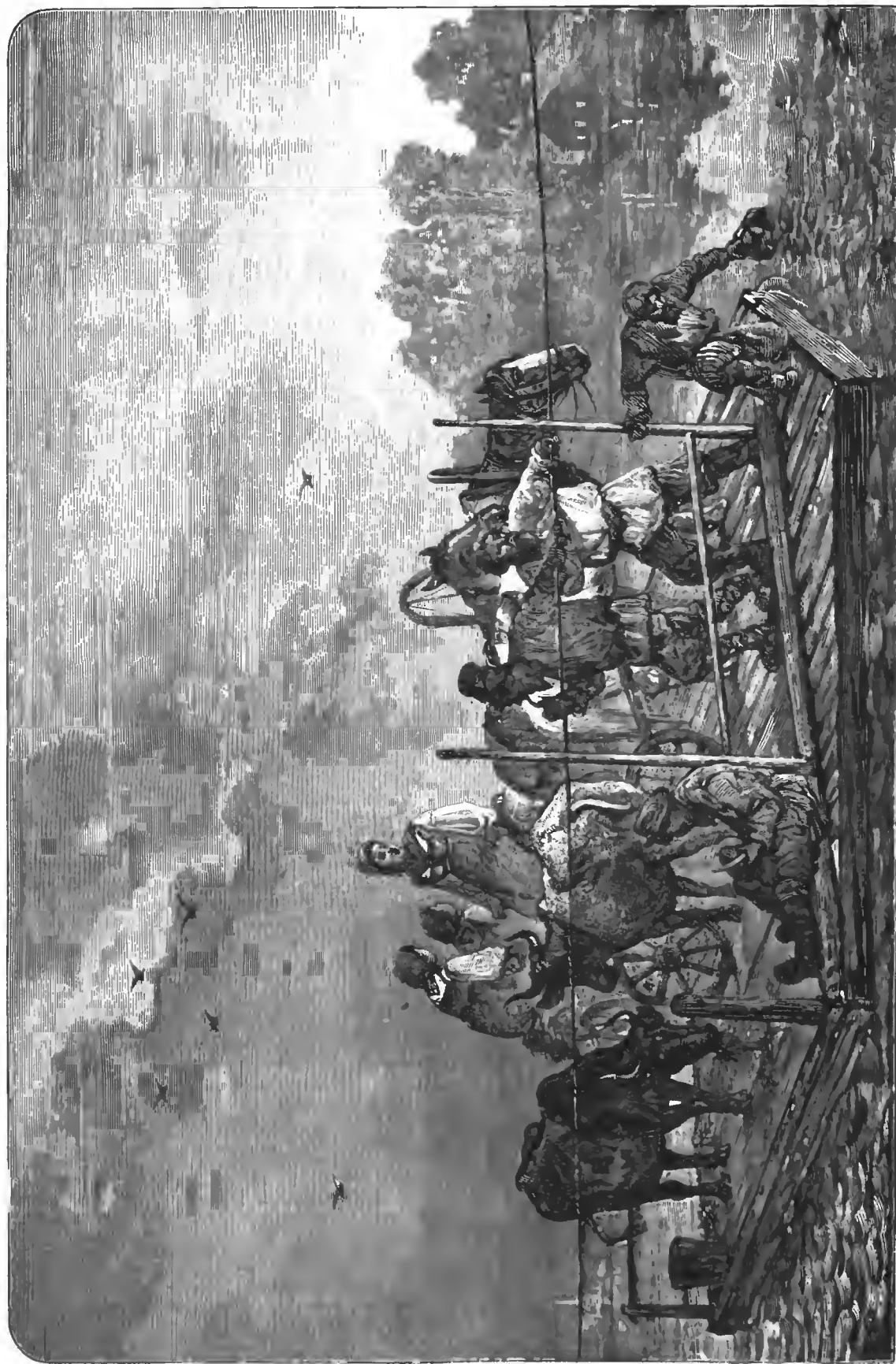
XVII.

Сергѣй Николаевичъ Ровичъ состоялъ при штабѣ, и въ настоящую минуту находился въ генеральской свитѣ.

Онъ тоже былъ въ числѣ тѣхъ всадниковъ, что обогнали пѣхоту. Совсѣмъ больной, съ разстроенными донельзя нервами, онъ самъ напросился въ этотъ походъ, чтобы въ пылу болѣе сильныхъ впечатлѣній забыть

*) Обидная кличка казаковъ.

**) Такая же кличка пѣхотинцевъ.

Паромъ (перевозъ). Рис. Н. Карзинъ, грав. Заболотій.

сколько-нибудь тоску, завладевшую его мозгомъ, его сердцемъ, всѣмъ его существомъ,—съ самой той минуты, когда судьба столкнула его обстоятельствами, вызвавшими цѣлый рядъ воспоминаній—такихъ воспоминаній, которыя прежде, при другихъ условіяхъ, располагали его только къ веселой улыбкѣ шалуна, вспомнившего о своей удавшейся шалости.

И вдругъ—эти самыя воспоминанія, совершенно неожиданно для него самого, превратились въ такой тяжелый, невыносимый укоръ, въ грозное „memento mori“, преслѣдовавшее его ежеминутно, отнявшее у него сонъ, перевернувшее разомъ вверхъ дномъ все его настроеніе, до сихъ поръ безпечное, самодовольное, веселое...

— Если вы больны—вы можете остаться, говорилъ ему еще вчера утромъ генераль, взглянувши вскользь на его осунувшееся, блѣдное лицо.

— Благодарю васъ, ваше п—ство! отвѣчалъ Ровичъ, и все таки поѣхалъ.

— А что если?.. ворочалось то же самое и въ головѣ Сергѣя Николаевича—и это „А что если“ наэлектризовывало всю его натуру, возбуждало энергію и подкрѣпляло силы, подорванные уже бессонными ночами и этимъ болѣзненнымъ напряженіемъ мозга, все на одной и той же роковой идеѣ...

Чувство какого-то омерзѣнія къ самому себѣ росло у него съ каждою минутою, и это чувство онъ самъ еще разжигалъ и усиливалъ, словно находилъ въ немъ какое-то утѣшеніе, облегченіе своимъ нравственнымъ страданіямъ.

— А что если... продолжалъ онъ развивать передъ собою цѣлый рядъ предположеній:—если сама судьба привела его сюда, заставила совершенно неожиданно столкнуться съ людьми имъ позабытыми, хотя когда-то коротко знакомыми... Если даже сама катастрофа съ Натальей Мартыновной предназначена судьбой для того только, чтобы вызвать этотъ нравственный толчекъ,

переворотъ во всей его натурѣ... Если эта судьба вернетъ ему когда-то дорогое, но неоцѣненное имъ, опозоренное существо... что тогда будетъ?

О, тогда онъ бросится передъ нею на колѣни... онъ выскажетъ ей всѣ эти муки, которыя онъ испытываетъ, онъ вымолитъ себѣ прощеніе,—и она, такая добрая, такая любящая, сниметъ съ него это тяжелое ярмо и протянетъ ему руку...

Съ какимъ бы восторгомъ, съ какимъ благоговѣніемъ онъ прикоснулся бы къ ея рукѣ, покрылъ бы ее безчисленными поцѣлуями... какъ онъ горячо прижалъ бы къ своему сердцу еще другое существо, ему не чужое...

— Господи, неужели все это не такъ должно случиться?

У него голова закружилась; онъ схватился рукою за лuku сѣдла, чтобы не упасть... Это случилось какъ разъ въ ту минуту, когда они протискивались между рядами пѣхоты...

— Вправо-влѣво раздайся! рывкнулъ около самаго Ровича голосъ Пуговицына.

Сергѣй Николаевичъ узналъ этотъ голосъ... Онъ поблѣднѣлъ, притаился—и боялся какъ бы его не замѣтили, не узнали... Онъ даже не сообразилъ, что въ этомъ хаосѣ мрака и пыли трудно узнать кого бы то ни было...

Онъ проѣхалъ мимо Пуговицына, какъ преступникъ, еще неузнанный, проходитъ мимо судьи—и чувствуетъ на себѣ его пристальный взглядъ, взглядъ за которымъ должно послѣдовать роковое: „а постой-ка, братъ... Наконецъ-то ты мнѣ попался!“

И Сергѣй Николаевичъ злился и досадовалъ на эту полоску свѣта на горизонтѣ. Онъ боялся солнца, которое ему помѣшаетъ прятаться, быть незамѣченнымъ, неузнаваемымъ.

Это нравственное состояніе могло бы окончиться умопомѣшательствомъ.

(Продолженіе будетъ).

ПАРОМЪ.

Маленькій плотъ, связанный изъ бревенъ четверугольной формы: на той сторонѣ этого четверугольника, которая обращена на встрѣчу теченія, приделана еще добавочная часть,—треугольникъ, расходящій своимъ верхнимъ угломъ воду. Кругомъ незатѣйливый перилла—два столба съ катушками, по которымъ скользятъ, перекинутый съ одного берега на другой канатъ... Канатъ укрѣпленъ на берегахъ прочно, по возможности натянута; паромъ ходитъ по немъ свободно: стбѣть только, стоя самому на паромѣ, перебирать руками канатъ, какъ бы тащить его къ себѣ отъ того берега, къ которому направляешься,—вотъ и все...

Все-то все—только не совѣтъ: кромѣ своего простаго устройства, кромѣ своего значенія какъ средства переправы, паромы (или вѣрнѣе перевозы) имѣютъ еще другое значеніе, дѣлающее ихъ, смотря по обстановкѣ, или самымъ скучнымъ, или самымъ приятнымъ пунктомъ дороги. Паромы имѣютъ свою особенную жизнь, свою собственную поэзію, свое политическое значеніе, какъ мѣсто сѣздовъ и сходокъ, пунктъ обмѣна всякихъ новостей и извѣстій, со всѣхъ тѣхъ сторонъ, откуда только тянутся, скрещиваются у паромъ дороги; паромъ—это клубъ проселочныхъ дорогъ, клубъ съ вѣчно-мѣняющимся составомъ посѣтителей.

Скучный, осенній день. Еще со вчерашняго вечера кругомъ заволокло небо тяжелыми, свинцовыми тучами; клочокъ голубаго не видно; мороситъ какъ сквозъ сито мелкій, холодный дождь, затянуло окрестность его туманомъ, раскисило мягкую дорогу и прорѣзались въ ней глубокія колеи-водоимы... Уныло гудитъ вѣтеръ, пробираясь по мокрымъ кустамъ чахлаго березника; закрываетъ длинные носы подъ крылья, сидятъ съевшіеся озябшіе грачи на коннахъ сѣна; почернѣло это сѣно, потеряло свой цвѣтъ пегельно-зеленый, свой ароматъ, что за полверсты слышался—навозъ-навозомъ стоятъ эти бурыя конны и словно углы чернѣютъ на нихъ нахлотившіяся птицы... Бредутъ пѣшеходы, стороной, по травѣ, гдѣ лотверже, накиннули себѣ полы армяковъ на головы, сапоги носилили чтобы кожа не мокла, такъ босикомъ и мѣсятъ личку, вязкую грязь... Чуть-чуть ползетъ, тащится тѣлега по дорогѣ,—тянетъ ее, надрывается тощая лошадевка, вплоть отъ дуги до хвоста рогожею по-

крытая, лежитъ на брюхѣ мужикъ въ телѣгѣ той и тоже рогожею покрылся...

Уныло, въ тонъ вѣтру, мычитъ корова гдѣ-то за кустами, а вдалекѣ звенитъ, захлебывается дорожный колокольчикъ, слово догнать васъ старается, да никакъ не можетъ... И не тотъ этотъ звонъ, веселый, разухабистый, душу радующій—нѣтъ... словно и колоколъ самъ и языкъ его сильно подмокли и голосъ свой потеряли: брякнетъ-брякнетъ разокъ, а потомъ и заерзаютъ языкъ по стѣнкамъ, стихнетъ на минуту и опять брякнетъ, словно оборвется что-то... Гдѣ уже тутъ звонитъ, когда нѣтъ у дуги настоящей встряски... нѣтъ у коренника настоящаго маху рысстаго, чуть только въ пору какъ ноги свои изъ грязи дорожной вытаскивать, чуть только въ пору всей тройкѣ, тарантасъ съ бариномъ да барынею по ровному выволакивать...

Словно лента оловянная тянется впереди рѣка съ желто-глинистыми, размокшими берегами, чернѣетъ на этомъ берегу кучка народу, тѣлеги штуки четыре ждутъ, ожидаютъ чего-то съ того берега.

А на томъ берегу, за дождевою сѣткою, чернѣетъ маленькая сторожка; дальше все крыши приземистыя, шпицы церковный, кабакъ покривившійся... Тихо тамъ, никакого движенія не замѣтно: все живое попяталось по домамъ да дворамъ отъ ненастья осенняго...

— Пар-о-омъ! реветъ паренъ въ вывороченномъ полушубкѣ...

— Паро-омъ!.. визгливымъ голосомъ надрывается баба въ зипунѣ, съ маленькимъ ребенкомъ за пазухою.

— Паромъ!.. чортъ-дьяволъ!.. заснули окаянныя!.. кричитъ, ругается и вашъ ямщикъ, ставъ на тѣлегѣ и приставивъ руки трубою ко рту...

И ждете вы долго, что пока ктонибудь крики ваши услышитъ, пока, случайно, паромщика въ кабаѣ не отыщутъ, пока соберется тотъ, не снѣша, да нехотя.

И разбираетъ зло васъ, глядя изъ-за рѣки на село съ теплымъ дворомъ постоялымъ: рисуется передъ вами самоваръ ведечный, бурлящій и посвистывающій, манитъ васъ печь, жарко натопленная... И близко все это, рукою подать, глазомъ видно, — а не доскочить.. Легла передъ вами рѣка—и туда не пускаетъ.

а паромщикъ, подлець, «чортъ заѣшь его душу»!, какъ на зло, словно какъ на смѣхъ вамъ издѣвается, еле-еле копаются...

Это мрачная сторона парома, изнанка его медали; а вотъ и и другая сторона, показистѣе...

Зашло солнце уже за полдень... Жара стоитъ въ воздухѣ.. Дремлетъ скотъ на полѣ, въ кучу сбившись... Мелькаютъ въ золотистой рѣпѣ бѣлые рубахи да красные платки жницъ притомившихся. Голубою лентою рѣка эта самая тянется, и манитъ она своею свѣжестью усталого человѣка дорожнаго.

Тожe ждуть поджидаютъ парома разные люди, только не злятся, не ругаются, паромщику отъ ихъ рѣчей легко на томъ

берегу икается... Куда спѣшить, когда и здѣсь ладно? Коней напоить время есть, самому напиться, а то и выкупаться, освѣжить свое тѣло, отъ жары изнывшее...

Всѣ кругомъ веселы, межъ собою разговариваютъ, итѣй на-родъ присѣлъ, переобувается... На ту сторону просто и не гля-дѣть даже; развѣ кто посердитѣе крикнетъ разокъ: «Да ну, не возись, черти косоланые! Подай, что-ли!..», да и то только такъ, для порядку, а не то чтобы человѣку ужъ очень таки спѣшно было, времени на жданье не хватало бы...

Вотъ одинъ изъ такихъ-то паромовъ и изображенъ на на-шемъ рисункѣ.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллеръ-Бирхъ.

„Дикая, робкая дѣвушка горь,
Ты устремляешь задумчиво взоръ
Съ башни высокой... Красиво
Алый корсажъ охватила твою грудь —
Къ сердцу невинному, чистому путь
Словно закрылъ онъ! Ревнива
Такъ и альпійская роза — она
Тамъ, на утесѣ угрюмомъ одна,
Чудно алѣетъ, а рядомъ
Камни да мохъ посѣдѣвшій давно —
И не заботится — ей все равно:
Кто подаритъ ее взглядомъ“.

Шеффель.

По тропинкѣ, извивавшейся глубоко внизу по Эцтской долинкѣ, брелъ путникъ—чужестранецъ. Вверху, на вы-сотѣ орлинаго полета, какъ разъ надъ его головой, на краю обрыва, довольно рѣзко очерчивалась женская фи-гура: хотя она и представлялась не больше альпійской розы, но ее все таки хорошо было видно, благодаря ярко-голубому небу и блестящему ледяному покрову дальнихъ горъ. Она стояла тамъ, какъ видно, спокой-но, самоувѣренно, не обращая вниманія на нахальные удары горнаго вѣтра, и смѣло смотрѣла въ самую безд-ну, туда, гдѣ ревла Ахъ въ ущельѣ и гдѣ косою лучъ солнца, пронизавъ водяную пыль, отбрасывалъ на стѣну противоположнаго утеса шевелящаяся радужная полоска. Женщинѣ этой и путникъ, и проводникъ его, шедшіе по тропинкѣ, похожей на ниточку, тоже каза-лись удивительно маленькими фигурками. Конечно, она не слышала ихъ разговора, потому что изъ такой безд-ны ни одинъ звукъ не могъ долетѣть до нея; но за то наверху хорошо было слышно, какъ неистово ревла горная рѣка. Не видѣла она и того, какъ проводникъ —молодцоватый охотникъ за дикими козами—грозно протянувъ руку, ткнулъ на нее, замѣтивъ спутнику: „Ужъ это навѣрно Валли—орель-дѣвка забралась туда! Ника-кая другая не сунулась бы на такой выступъ какъ разъ надъ пропастью... Вона—вѣтерокъ-то чуть не спихнулъ ее сейчасъ, а ей—ничего... Ну-да ужъ извѣстно, у ней все выходитъ какъ-то не по людски, не по христиански —по своему, значитъ!“

Тутъ они вступили въ темный, сырой и прохладный сосновый лѣсъ. Проводникъ опять приостановился и мет-нулъ вверхъ соколиный свой взглядъ, который скольз-нулъ по женской фигурѣ на утесѣ и по деревушкѣ, кра-сиво раскинувшейся на узкой горной площадкѣ. Де-ревушка вся была залита лучами яркаго утренняго солн-ца, которое какъ бы изподтишка бросало два-три за-летные луча въ глубь тѣнины, въ эту мрачную какъ могила бездну.—„Ну-ну, ладно, не гляди такъ, не под-трунивай оттуда, авось и къ тебѣ наверхъ дорожку-то найдемъ!“ буркнулъ проводникъ и пошелъ вслѣдъ за путникомъ. И вотъ, какъ бы на зло ему, дѣвушка пу-стила такой звонкій *юдль* *), что горное эхо отчетли-

во, ясно донесло эти звуки въ самую чащу дремлюща-го сосноваго лѣса. Казалось—это сами феи, враждеб-ные охотникамъ Эцтской долины, встрепенулись и вы-крикнули вдругъ эти таинственные, вызывающія нотки.

— Кричи себѣ! Погоди, перестанешь ты у меня ду-рить! огрызнулся онъ снова, затѣмъ сильно перегнулся назадъ, схватился за голову обѣими руками и пальнулъ въ стѣны утесовъ такимъ забористымъ и рѣзкимъ юд-лемъ, какъ будто бѣ къ губамъ его былъ приставленъ почтовый рожокъ.—Слышала? а?!

— Ты почему-же это называешь Валли орель-дѣвкой? спросилъ путешественникъ, когда они шли среди тем-наго, шумящаго лѣса, охваченные сыростью.

— А потому, сударь, что она, еще будучи ребенкомъ, сама добыла изъ гнѣзда орленка, причемъ подра-лась съ настоящимъ орломъ, заговорила тирольцъ.— Н-да, она красавица и, можно сказать, самая здоровен-ная дѣвушка во всемъ Тиролѣ, ктому-же очень богата, —ну, парни за ней хвостомъ, а она ихъ всѣхъ съ но-сомъ оставляетъ—срамить да и только! Старшаго нѣтъ надъ ней—вотъ что! Стойка, упряма какъ лѣсная кош-ка, и силачка такая, что парни такъ и порѣшили, что съ ней никому не совладать, потому сунься только—сейчасъ кубаремъ полетишь. Ну, если мнѣ доведется столкнуться съ ней—уйму я ее—или прочь тогда со шляпы и перо, и бородка дикой козы!

— Отчего же ты до сихъ поръ не попробовалъ счастья, коли она и красавица, и невѣста богатая?

— Эхъ, не нравятся мнѣ, по правдѣ сказать, такія дѣвушки—словно вотъ мальчишки! Впрочемъ, не вино-вата она въ этомъ. Старикъ-то Штроммингеръ человѣкъ злющій, скверный такой. Считался онъ у насъ лучшимъ дроворубомъ и первымъ силачемъ—слава эта и теперь еще за нимъ осталась. Ну, а дѣвчонку-то свою билъ онъ немилосердно и воспитывалъ какъ мальчугана. Ма-тери у нея, можно сказать, совсѣмъ и не было, потому родилась эта Валли такой крупной да здоровой, что мать тутъ же и духъ выпустила—умерла. Ну, попятно, и выросла она эдакой дикой и буйной.

Тирольцъ не ошибся. Дѣйствительно, женская фи-гура, стоявшая надъ обрывомъ, была Вальбурга Штром-мингеръ, дочь самаго зажиточнаго деревенскаго обыва-теля, а по прозвищу—орель-дѣвка. Проводникъ го-ворилъ чистѣйшую правду объ этой дѣвушкѣ: ей по шерсти дана была и кличка такая. Сила и мужество Валли были безграничны; казалось, небо надѣлило ее крыльями орла и вдохнуло въ нее душу суровую, неприступную, какъ тѣ крутые утесы, на которыхъ гнѣз-дятся хищныя птицы—эти могучіе пловцы въ воздуш-номъ океанѣ.

Случалась ли гдѣ нибудь опасность—Валли была уже тамъ изъ первыхъ, и всегда, съ самаго дѣтства, посту-пала отважно, такъ что далеко оставляла за собою пар-ней, перешеголять которыхъ ей ничего не стоило. Еще ребенкомъ она уже была дикой и недотрогой, похожей

*) Нѣсколько вотъ двухъ регистровъ—груднаго и горловаго въ перемежку. Тирольскій приемъ въ пѣніи.

на любого бычка изъ отцовскаго стада. Молодыхъ быковъ она любила укрощать—и укрощала. Однажды какой-то крестьянинъ случайно увидѣлъ на совершенно отлогой стѣнѣ гнѣздо орла-ягнятника и заявилъ объ этомъ, но никто изъ всей деревни не дерзалъ пойти и уничтожить это гнѣздо. Тогда денежный тузъ—Штроммингеръ сказалъ, желая подсмѣяться надъ всѣми деревенскими парнями, что онъ прикажетъ своей Вальбургѣ сдѣлать то, на что у нихъ ни храбрости, ни силенки не хватаетъ. И что-жъ? къ ужасу женщинъ и въ пику парнямъ, Валли сейчасъ-же согласилась разорить гнѣздо коршуна, а ей тогда было всего-то четырнадцать лѣтъ. „Эй, Штроммингеръ, не искушай Бога!“ заговорили крестьяне; но мѣстный капиталистъ захохоталъ потѣшиться: пусть-де всѣ знаютъ, что пѣтъ на бѣломъ свѣтѣ другой такой семейки, какъ семейка Штроммингера!..

— Ну, ну, поглядите, какъ моя дѣвка заткнетъ за поясъ десятерыхъ парней вашихъ! Пожалуйте! крикнулъ онъ смѣясь мужикамъ, сбѣжавшимся посмотреть на такое диковинное дѣло.

Многіе пожалѣли тутъ красивую, стройную дѣвушку, которая того и гляди погибнетъ, павъ жертвою злаго, хвастливаго самодура-отца; однако всѣмъ хотѣлось посмотреть на такую занятную штуку.—Утесъ, къ которому прикрѣплено было гнѣздо орла, былъ почти отвѣсный, такъ что по немъ даже и карабкаться было положительно невозможно, а потому Валли и обвязали веревкой. Четыре мужика гуськомъ (Штроммингеръ стоялъ первымъ) схватились за конецъ ея. Конечно, крѣпкія были у нихъ руки, но все-таки страхъ сжималъ сердце... И когда отважный ребенокъ, снабженный однимъ только ножомъ для защиты, подошелъ къ самому обрыву и смѣло прыгнулъ въ пропасть—у всѣхъ духъ захватило.. Ну, какъ узелъ развяжется? А вѣдь пожалуй и орелъ растерзаетъ ее, или она, на обратномъ пути, разобьетъ себѣ голову о какой-нибудь выдавшійся камень?.. Что за отвратительную забаву придумалъ Штроммингеръ—играть такимъ образомъ жизнью своего ребенка! А Валли между тѣмъ, храбро пролетѣвъ въ воздухъ до половины обыва, радостно вскрикнула—поздоровалась съ орленкомъ, который, при видѣ такой неожиданной, странной гостии, взбѣрошилъ свои юныя перья, пискнулъ и ужъ возмѣнилъ намѣреніе защищаться своимъ еще глупымъ, неумѣлымъ клювомъ. Дѣвушка быстро схватила лѣвой рукой птенца—онъ жалобно закричалъ, но она его сейчасъ же сунула подъ мышку. Вдругъ въ воздухъ что-то прошумѣло, и въ то же мгновеніе Валли увидѣла, что очутилась въ тѣни, а затѣмъ ударъ за ударомъ посыпался на ея голову и плечи. „Глаза береги! глаза!“ прежде всего мелькнуло въ головѣ дѣвушки, и она, прижавшись лицомъ къ утесу, стала не глядя отмахиваться отъ коршуна ножомъ, который держала въ правой рукѣ. Хищная птица развирѣла и пустила въ ходъ все—острый клювъ, когти и крылья. Тамъ, наверху, быстро тянули веревку, а битва Валли съ коршуномъ все еще продолжалась—но вотъ орелъ внезапно свернулъ крылья и полетѣлъ камнемъ внизъ... Должно быть, дѣвушка ловко попала въ него ножомъ. Вся въ крови, съ расцарапаннымъ лицомъ, очутилась наконецъ Валли на площадкѣ—съ живымъ орленкомъ подъ мышкой. Она никакъ не хотѣла разстаться съ нимъ.

— Эхъ, Валли, закричало нѣсколько голосовъ,—тебѣ бы лучше было бросить птенца-то, тогда и орелъ не тронуть-бы тебя!

Дѣвушка отвѣтила просто:

— Да вѣдь онъ, бѣдняжка, не можетъ еще летать. Если бы я его бросила—онъ упалъ бы туда, внизъ, и разбился бы до смерти.

Тутъ Штроммингеръ поцѣловалъ дочь—это случилось съ нимъ въ первый разъ въ жизни—но поцѣловалъ не

потому что разчувствовался при видѣ великодушнаго состраданія дочери къ слабому птенцу. Поцѣлуй этотъ былъ ей наградой за смѣлый подвигъ, который дѣлалъ честь столь знаменитой семьѣ Штроммингеровъ.

Такъ вотъ какая дѣвушка стояла тамъ, наверху, на выдавшемся узкомъ камнѣ, на которомъ только ноги и могли помѣститься свободно! Стояла она и глядѣла задумчиво въ глубь ущелья, вовсе не думая о томъ, что виситъ надъ бездною. Хотя Валли нравомъ была безпокойна, однако, случалось—вдругъ становилась тише воды, ниже травы, совсѣмъ притихала, и въ такія минуты какъ-то особенно грустно смотрѣла вдаль на что-то такое соблазнительно-манящее, къ чему душа ея тѣтно стремилась. Да, то былъ образъ вѣчно-юный, свѣтлый—видѣла-ли она его въ сѣромъ утреннемъ туманѣ, въ блескѣ-ли полуденнаго солнца, въ пламени заката или же при палевомъ свѣтѣ луны—образъ, не покидавшій ее вотъ уже цѣлый годъ... Куда бы Валли ни шла, гдѣ бы ни остановилась—при спускѣ ли въ долину, при восхожденіи ли на гору—онъ всюду слѣдовалъ за ней. Когда она стояла надъ обрывомъ и когда взгляды ея большихъ и боязливыхъ какъ у лани глазъ скользили по блестящимъ ледянымъ глыбамъ черныхъ вершинъ, проникали въ мракъ ущелья гдѣ шумѣла Ахъ—она хотѣла найти того, на кого былъ похожъ этотъ неотъязный призракъ, милый образъ... Случилось иногда, что тамъ внизу двигался крошечный путникъ—и вотъ Валли уже спрашивала себя: а не онъ-ли это? Какая-то небывалая радость наполняла тутъ грудь ея при мысли, что увидѣла таки она его, хотя увидѣть только и можно было фигуру человѣчка—живую куколку, какъ въ камера-кларѣ.

Когда прошли внизу—по тропинкѣ два путника, изъ которыхъ чужестранецъ повѣдалъ о ней, Валли, міру, а проводникъ-тиролецъ послалъ дѣвушкѣ угрозу—она опять прошептала: можетъ быть, это онъ?.. Сжалось сердце въ груди, тѣсно тамъ стало—и, какъ выпущенная на волю птичка, вырвался изъ горла ея радостный звучный іодль. Когда тиронецъ, среди дремлющихъ соседей, внизу, услышалъ эти звуки—онъ отвѣтилъ на нихъ—и какъ жадно Валли внимала этимъ отвѣтнымъ, далекимъ ноткамъ!.. Что-жъ, развѣ это не могъ быть его голосъ?.. Широко вспыхнуло страстное чувство, отъ знойнаго огня заалѣло дикое, суровое и озлобленное лицо дѣвушки, но она не знала, что забористая трель тирольца была только злой насмѣшкой. Если бы это было ей извѣстно—сжала бы она сильныя пальцы свои и тряхнула бы потомъ для пробы крѣпкимъ кулакомъ... Омрачилось бы ея лицо и стало-бы блѣднымъ, безжизненнымъ, какъ ледяныя глыбы въ сумерки. Валли успѣла на камнѣ, на которомъ стояла; ноги ея свободно повисли надъ пропастью, и болтая ими, она подперла красивую голову обѣими руками и начала вызывать въ памяти тѣ странныя, чудныя ощущенія, которыя пришлось ей испытать при первой встрѣчѣ съ нимъ.

I.

Медвѣжатникъъ Јосифъ.

Ровно годъ тому назадъ, около Троицына Дня, отецъ отправился съ нею въ Зельденъ. Тамъ она должна была подтвердиться. Епископъ являлся туда аккуратно разъ въ каждые два года, потому что главная проѣзжая дорога была только до этого пункта. Помнится, ей было какъ-то неловко тогда—такая она была высокая, да и стукнуло ужъ ей шестнадцать лѣтъ, а отецъ никакъ не желалъ, чтобы она подтверждалась раньше... Отецъ полагалъ, что какъ только дѣвушка оконfirmуется—сейчасъ тутъ и полѣзутъ всякіе ухаживатели-женихи, ну, а насчетъ этого торопиться нечего! И боялась она, что другія дѣвушки, при взглядѣ на нее, станутъ хихикать. Ничего такого не случилось, потому что никто ея не интересовался. Когда онѣ пришли

Литературный альбомъ. «Бѣла» Лермонтова. Рис. Медвѣдевъ, грав. Езерскій.

въ Зельденъ—весь народъ тамъ волновался, такъ какъ пронесся слухъ, что Иосифъ Гагенбахъ изъ Зельдена убилъ медвѣдя, который появился въ Виннгау. Молодымъ охотникамъ цѣлаго околodka все какъ-то не удавалось до сихъ поръ покончить съ этимъ косматымъ звѣремъ, а вотъ Иосифъ пошелъ на медвѣдя одинъ, да и застрѣлил его—еще въ прошлую пятницу. Вѣсточка эта прилетѣла изъ Шнальзера, и было извѣстно, что самъ Иосифъ скоро явится сюда. Зельденскіе обыватели, столпившись у церкви въ ожиданіи службы, гордились вслухъ, что вотъ именно зельденцу удалось совершить такое славное дѣло. Всѣ разговоры вертѣлись около Иосифа, который дѣйствительно былъ первымъ силачемъ и красавцемъ въ этихъ горахъ, да и стрѣлкомъ такимъ, что поискать другого такого—время только потеряешь. Дѣвушки удивлялись, слушая рассказъ о чудесныхъ подвигахъ Иосифа: ни передъ какой крутизной онъ не остановится, ему вездѣ и все близко, широкой пропасти для него нѣтъ—однимъ словомъ—это отважный храбрецъ. — Когда тщедушная и хвора на видъ женщина медленно проходила черезъ луговину—почти вся толпа бросилась къ ней и начала поздравлять ее, говоря, что вотъ молъ какъ сынъ ея прославился!.. — Н-да, кто другой, а ужъ твой Иосифъ можетъ быть и примѣромъ! ласково говорили крестьяне.

— Ежели бы живъ-то былъ твой хозяинъ-покойничекъ—ужъ вотъ бы возрадовался! вздыхали женщины.

Кто-то изъ толпы вѣжливо бухнулъ:

— Не вѣрится, право, не вѣрится, коли посмотрѣть на тебя, что молодчина эдакой—твой родной сынъ!

Мать Иосифа самодовольно улыбалась.

— Да, молодецъ онъ у меня, добрый сынъ, лучше и нѣтъ его, говорила она.—А ужъ, право, изъ-за его удалства-то я день-деньской все въ страхѣ, все въ страхѣ... Не хочешь думать, а сердце такъ и ноетъ, того и гляди—принесутъ его ко мнѣ совѣмъ разбитаго!..

Въ эту минуту на площадку вышло высшее духовенство. Разговоры прекратились. Толпа хлынула въ церковь вслѣдъ за дѣтьми въ бѣлыхъ передникахъ и пестрыхъ вѣнкахъ, явившимися конфирмоваться. Обѣдня началась.

Вали ничего почти не слышала; она объ одномъ только и думала—объ Иосифѣ, что побѣдилъ медвѣдя, и о всѣхъ его чудесныхъ подвигахъ. А вѣдь хорошо быть такимъ силачемъ, такимъ отважнымъ! Всѣ-то уважаютъ его—и нѣтъ ему равнаго! Неужели онъ не явится сюда, пока она въ Зельденѣ? Хоть-бы разъ взглянуть на него... Вали страстно желала этого.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Бѣла“ Лермонтова.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ средѣ читающей публики не найдется ни одного человѣка, которому была бы неизвѣстна эта симпатичнѣйшая изъ составныхъ частей „Героя нашего времени“. Кто не помнитъ, какъ Печоринъ встрѣтилъ красавицу-черкешенку княжну Бѣлу на вечеринкѣ въ аулѣ отца ея, какъ подбилъ сорванца брата ея увезти сестру, обѣщавъ ему въ калымъ славившуюся въ горахъ лошадь абрека Казбича, какъ онъ добился своего и самъ сдержалъ слово, какъ наконецъ Бѣла очутилась у Печорина, а Казбичъ убилъ ея отца, мстя за потерю своего скакуна?.. Тѣмъ не менѣе, вѣрные разъ принятому обычаю, мы позволимъ себѣ въ поясненіе прилагаемаго рисунка выписать нѣсколько страницъ, резюмирующихъ главную мысль повѣсти.

Добрякъ штабсъ-капитанъ, Максимъ Максимычъ, замѣтивъ начинавшееся охлажденіе Печорина къ Бѣлѣ, такъ передаетъ свое объясненіе съ Печоринымъ по этому поводу:

«Вотъ объ этомъ то я и сталъ ему говорить.

— «Послушайте, Максимъ Максимычъ», отвѣчалъ онъ: «у меня несчастный характеръ. Воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ-ли такъ меня создалъ—не знаю; знаю только, что если я причиню несчастія другимъ, то я самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родителей, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и разумѣется удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ—и скоро общество мнѣ такъ же надоѣло; я влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто. Я сталъ читать, учиться, науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача и чтобы добиться ея надо быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно. Вскорѣ перевели меня на Кавказъ; это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пугами, — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что право обращалъ больше вниманія на комаровъ и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бѣлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ держалъ ее на колысѣхъ цѣловалъ ея черныя локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ посланный мнѣ сострадательной судьбой. Я опять ошибся: любовь дикарки немного лучше любви знатной барыни. Невѣжестно и простосердечіе одной такъ же надоѣда-

ють, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь,—только мнѣ съ нею скучно. Глупецъ я или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія—можетъ быть больше нежели она»...

А Бѣла—какъ она относилась къ такому положенію дѣлъ?

«Въ одно утро захожу къ нимъ» рассказываетъ Максимъ Максимычъ, — «какъ теперь передъ глазами, Бѣла сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ, блѣдненькая такая, печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ? спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ?

Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера, сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала-думала, отвѣчала она сквозь слезы:—придумывала разные несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжила:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это будетъ такъ продолжаться, то я сама уйду; я не раба—я княжеская дочь.»

Въ воздухѣ надвигалась уже катастрофа; та или другая развязка была близка... Около крѣпости снова появился Казбичъ, въ него стрѣляли, онъ погрозили нагайкой и былъ таковъ, оставивъ въ головахъ штабсъ-капитана мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что нибудь худое.

— «Вотъ», продолжаетъ свой рассказъ Максимъ Максимычъ, — «разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отиѣкивался: ну что мнѣ быть за диковинка кабанъ! Однакожъ утащилъ-таки онъ меня съ собою. — Мы изняли чело-вѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шмыряли по камышамъ и по лѣсу—нѣтъ звѣря. «Эй, не воротиться ли?» говорилъ я: «къ чему упрямиться? Ужъ видно, такой задался несчастный день!» Только Григорій Александровичъ, не смотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи. Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ — подавай; видно въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана:—пасть! пасть!.. не тутъ-то было: ушелъ въ камыши... Такой ужъ былъ несчастный день!.. Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости; только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: пастъ поразило одинаковое подозрѣніе. Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ, — смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизнулъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла — и туда; я за нимъ.

Къ счастью, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла и съ каждымъ мгновениемъ мы были все ближе и ближе... И наконецъ я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, чтѣ такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поровнялся съ Печоринымъ и кричу ему: «это Казбичъ!» Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою и ударилъ коня плетью.

Вотъ наконецъ мы были уже отъ него на ружейный выстрѣлъ: измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, не смотря на всѣ его старанія, она не больно подвигалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагѣза.

Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... «Не стрѣляйте!» крикнулъ я ему: «берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ». Ужъ эта молодежь! вѣчно не кстаетъ горячиться... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади. Она сторжача сѣдлала еще прыжкомъ съ десятка, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрую... Это была Бѣла... Бѣдная Бѣла! — онъ что-то намъ закричалъ по

своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь наудачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бѣла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утѣсъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили съ лошадей и нинулись къ Бѣлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй! Хотѣ бы въ сердце ударилъ — ну, такъ ужъ бытъ, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... Самый разбойничій ударъ!... Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевезали рану какъ можно туже.

Для черезъ два Бѣла умерла; передъ смертью она то бредила объ отцѣ и братѣ, рвалась домой, въ горы, вѣжно звала Печорина и упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку (душечку), — то приходила въ память и печалилась о томъ, что она не христіанка и что на томъ свѣтѣ душа ея не встрѣтится съ душою Григорія Александровича и что иная женщина будетъ въ раю его подругой, то крѣпко обвивала его шею дрожащими руками, какъ будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу.

— «Нѣтъ», прибавляетъ Максимъ Максимычъ, — «она хорошо сѣдлала, что умерла! Ну, чтѣ бы съ ней стало, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось, рано или поздно!»..

ЗАМОКЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Алупка — маленькое татарское селеніе на южномъ берегу Крыма, въ шестнадцати верстахъ отъ красавицы Ялты, немного западнѣе этого миниатюрнаго, каменнаго городка. Съ дороги ведущей отъ Ялты къ Байдарамъ — селеніе не видать: оно прячется въ глубокомъ оврагѣ, за цѣлою рошею грецкихъ орѣшниковъ. Низенькія татарскія сакли, съ плоскими и гладкими какъ полъ крышами, закрыты ихъ широкой тѣнью отъ глазъ проезжаго туриста. Послѣдній инрочемъ и не особенно старается отыскать ихъ въ этой непроглядной, южной зелени: его привлекаютъ не уютія жилищъ крымскихъ татаръ (онъ ихъ видѣлъ много по дорогѣ), нѣтъ, подлѣ Алушкой онъ разумеетъ главнымъ образомъ замокъ владѣльца этихъ мѣстъ Воронцова, Алушскій замокъ, съ его роскошными парками и цвѣтниками.

Онъ осмотрѣлъ Ялту, этотъ сборный пунктъ путешественниковъ, до мельчайшихъ подробностей: отъ новаго бульвара пѣзъ мимоу до конца слободки за которой греки ловятъ кефаль, обѣгалъ Мордвиновскіе сады, приморскій бульварчикъ, палубовался на церковь обсаженную кипарисами; затѣмъ, нанявъ лошадь и взявъ проводника, побывалъ въ окрестностяхъ, поднимался по крутымъ горнымъ тропамъ до темныхъ гротовъ и пумящихъ каскадовъ, постоялъ возлѣ Учанъ-су, оглушенный падениемъ ея блестящаго водянаго занавѣса; наконецъ сунулся въ Магарачъ, въ Ливадію и Орланду... Вездѣ онъ восторгался и могъ передавать свои впечатлѣнія въ болѣе или менѣе испомѣ разсказѣ, хотя и перемѣшанномъ междомѣтіями и звачами удивленія. «Побывайте въ Алулкѣ!» сказали ему крымскіе старожилы и знакомые, пріѣхавшіе раньше. И онъ поѣхалъ въ Алулку.

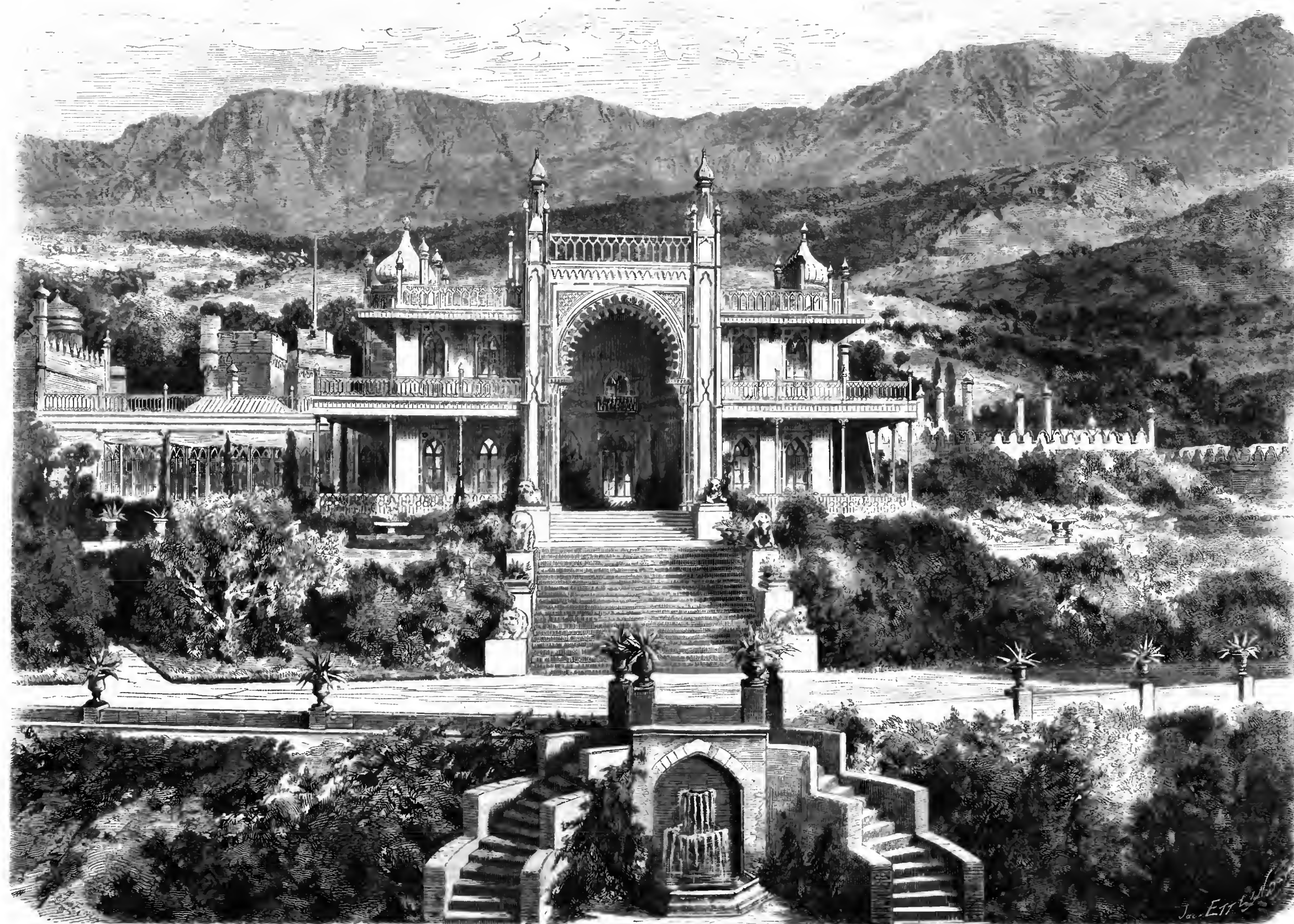
Еще спускаясь отъ Байдарскихъ воротъ по прихотливо-изгибающемуся шоссе, съ желтымъ скалами перебѣгающимъ отъ него то налѣво, то направо, заброшенный съ сѣвера туристъ различалъ по указанію ямщика довольно ясно абрисъ какого то бѣлаго зданія. Оно казалось притиснутымъ къ самому берегу неогляднаго моря бѣгущего со склоновъ зеленымъ, цѣлымъ моремъ лѣсовъ и виноградниковъ. «Вонъ Алупка!» говорилъ ему ямщикъ, сдерживая лошадей по указанію придорожнаго столба, напоминающаго о тормазѣ. По пріѣздѣ въ Ялту у пріѣзжаго осталось одно смутное воспоминаніе о бѣломъ пятнѣ, за которымъ было еще нѣсколько такихъ же бѣлыхъ пятенъ и все это — перечислялъ ему — дачи, дачи и дачи...

Полный неясныхъ представлений, заглянувъ между прочимъ въ мѣстный путеводитель Кондараки, который успѣлъ ему всучить спѣшнѣе у моста татаринъ въ синей курткѣ, онъ ѣхалъ изъ Ялты къ Воронцовскому замку. Въ его воображеніи смутно носилось что-то выходящее, по разсказамъ, пѣзъ ряда вонъ и онъ боялся разочарованья: впечатлительность была уже достаточно притуплена видѣніемъ отъ этого; но то чтѣ онъ нашелъ на шестнадцатой веретѣ отъ успѣвшей надобѣ Ялты — превзошло всѣ его ожиданія. Съ той поры какъ Крымъ сталъ принимать къ себѣ заѣзжихъ гостей, такихъ какъ онъ перебивало много. Ключекъ земли на самой южной оконечности Крыма съ величественнымъ замкомъ, выросшимъ въспѣдствіи на его скалахъ, привлекалъ общее вниманіе, сталъ классическимъ уголкомъ Южнаго берега. Дѣйствительно, было чтѣмъ любоваться.

«Въ Алулкѣ», говоритъ одинъ русскій туристъ, которому уда-

лось мастерски выразить словомъ прелести полученныхъ впечатлѣній, — соединены условія красоты, которыхъ почти нигде не встрѣчаешь вмѣстѣ. Алупка — дичь, пустыня, суровый хаосъ обладовъ, необузданная мочь растительной силы; море бьетъ въ открытый каменистый берегъ Алулки всею тяжестью своей груди, гложетъ и крошитъ ее, плышетъ и воетъ въ его тѣсныхъ бурунахъ, какъ голодная вѣдьма».

«Вы не услышите въ Алулкѣ человѣческаго голоса, пѣнья птицъ. Будто вымерло все въ этой заколдованной обители красоты. Прибой юленъ внизу, на морѣ, клетанье орловъ вверху, надъ зубцами Ай-Петри, — вотъ звуки Алушской пустыни. Но въ этой пустынѣ — всѣ чудеса цивилизаціи, всѣ побѣды разума. Гений художника овладѣлъ дичью, не возмущивъ ее; онъ заставилъ ее служить тонкому вкусу изящества и капризнымъ требованіямъ самаго изнѣженнаго удобства. Тѣнистыя, живошныя тропинки поднимаютъ и опускаютъ васъ въ ущелья, долины очарованья: куча скалъ, сброшенныхъ съ Ай-Петри, оказывается таинственнымъ гротомъ, пріютомъ любви и мечтанія. Горные ключи, наполняющіе лѣсъ своимъ несезымъ журчаньемъ и дыханьемъ горной свободы — бѣгутъ вамъ навстрѣчу, то пѣзъ опрокнутой урны античнаго мрамора, то пѣзъ сердцевины срубленнаго пня, пли изъ нѣдръ гранитаго обломка; то нпзвергаются дикимъ каскадомъ съ обрыва утеса, то спалываютъ широко распластанною скатертью по округленной поверхности камня... Иногда это меланхолическая струя, тихо урчащая въ непроглядную темь бассейна, кругомъ заслоненнаго вѣковыми деревьями; иногда это цѣлый могучій ручей, сбѣгающій по ступенямъ своего ложа и орошающій всѣ парки, отъ горы до моря. Все это словно устроилось само собою, но все это строго обдуманно и расчитано. Художникъ не оставилъ безъ вниманія ни одного камня, ни одной струи. Все вошло въ составъ его плана, всякая подробность получила роль въ задуманной имъ общей картинѣ. Ничего натянутаго, искусственнаго, сочпннаго. Природа вездѣ осталась сама собою, глубоко постигнутая, во всемъ живѣя и во всей характеристикѣ своей. Вонъ на кругломъ скатѣ столпились цѣлымъ полянцемъ, будто траурная толпа иноковъ — черныя кипарисы. Имъ невозможно было найти болѣе пригодноаго и болѣе эффектнаго мѣста, и они стали здѣсь. Спуститесь ниже, ближе къ морю, въ глубокое затиѣе зеленаго пригорка. Это природная теплица, льющая открытыми устами тепло и влагу южнаго моря. Посмотрите, въ этой зеленой теплицѣ уже пріютилась рошца молодыхъ олеандровъ; густыя розовыя шапки ихъ свадебныхъ цвѣтовъ такъ весело и ярко вырѣзываются на яркой и веселой зелени. Въ другомъ уголкѣ, такомъ же уютномъ — рошца магнолій. Магноліи Алушки достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Ихъ громадныя бѣлыя лиліи лежатъ на спонхъ вѣтвяхъ словно водяныя розы Викторіи регини. Нѣтъ другаго цвѣтка, подобнаго этому по пышности и величинѣ. Лавры, фотиніи, лавровишніи плдутъ сплошными корридорами. Эти вѣчно зеленныя рошцы сообщаютъ Алулкѣ счастливый, весенній видъ въ самый развалъ зимы. Неозиданности и разнообразію здѣсь конца нѣтъ, въ этомъ волшебномъ саду. Вотъ вы выходите пѣзъ густаго лѣса вѣковыхъ каштановъ или орѣховъ, подлѣ которыхъ забываете о крымскомъ солнцѣ — передъ вами безмолвная полянка, высланная будто сплошнымъ

Замокъ въ Алупкѣ (Крымъ). Съ фотографіи грав. Этлингъ.

сухонько—мелко зеленой травкой. Афинские пропилеи стоят с своими строгими колоннами на полях, глядя на далекое море. Старые платаны протягивают свои ветки плоским шатром. Кругом розовая ограда из цветущих олеандров застилает отсюда намирающую лесь и над ней высоко, широко надвинулась над всем господствующая твердыня Ай-Петри. Разбитый античный саркофаг с барельефами, опрокинуты античные амфоры и струя фонтана тихо звенящая в древний мрамор—просто отрывок пустынных берегов Элады, с тенью ее великой истории, с поэзией ее вечно песни. Вы должны употребить несколько дней, чтобы выходить все углы бесконечных парков и не спеша насладиться ими. Начинать лучше всего с моря и, не торопясь, не насылая ни ног, ни головы, двайтесь по незамысловатым склонам дорожек, по всем их извилинам, от нижнего парка в верхний, чуть не к самой подошве Ай-Петри. Верхний парк гораздо больше, гораздо менее отдален, но пожалуй он еще поразительнее нижнего. В нем особенное богатство скал со скрытыми в них гротами, обрывов, водопадов, тихих прудков. В нем цвела крытая аллеей роз, в нем горное озеро с белыми лебедями, с утесом по средине, с плавающими до земли ивами по берегам. Кому выпадет редкая доля провести в Алушке свою пору любви—то не найдешь на земле места более достойного богослужения любви. Он обретет здесь земной эдем. Он будет здесь один с своими мечтами, с своим другом. Таинственные сны парка и приюты диких, гроты останутся навсегда священными в его воспоминаниях. Здесь, в созерцании безпредельного моря, под владычеством заоблачных высей, среди тишины и мощи южных лесов, среди бодрящего лепета горных ключей—и любовь человека окрылится приливом певдоймой ему силы, невдомой прелести. Недаром и восточная легенда заставляла человека шусить первый трепет бытия, первые восторги любви, среди чудного, южного сада, орошенного водами могучих рек. Посидите здесь внизу на оторванных утесах берега, среди водоворота и тишины прибоя. Перед вами глаз-на-глаз открытое море, беззвучное, беззвучное, прямо надвигающееся от азиатского берега. Оттого обхватываю его громадею. Направо Айя далеко выдвинуто в море свой каменный нос, налево Ай-Тодор с башней своего маяка. Просторная рамка! По пора обернуться назад, к тому, что заканчивает вышпенриведенную талантливую картину алушских парков, ил, что втроне, вбичает ее; пора взглянуть на замок и сообщить о нем некоторые подробности. Люди выдавшие на своем ветку дворцы и роскошные виллы говорят про Алушский замок, что таких зданий как он—очень и очень немного. По мастерству исполнения, по замыслу, замок может легко соперничать с роскошнейшими виллами Англии и Шотландии. Он стоит на 155 футов над поверхностью моря и выстроен из сфозеленого диорита. Тот самый Ай-Петри, который высится над Алушкой больше чем на версту, выдвигаясь на спелем небес своим гранеными зубцами, набросал к морю много лет назад белая груды камней и скалы; он-то и послужили теперешнему замку князя Воронцова естественным и самым прочным фундаментом. Для того чтобы поставить на нем изысканное и громадное здание, надо было стесать эти скалы сверху; для того чтобы устроить в нем прохладные погреба—следовало пробить их во многих местах, что и приведено в исполнение, благодаря тому, что М. С. Воронцову место очень понравилось и он решил, что бы то ни стало осуществить заветную в голову мысль. Английский архитектор Блор дал нужные рисунки и по ним стали воздвигать эту дачу из дач южного берега. Фасад замка к морю в чисто-мавританском вкусе. От него веет сказками тысячи и одной ночи, испанской Альгамброй и временами Гаруп-Аль-Раида.

Широкая лестница из цинного блага мрамора едва заметна поднимается от моря. Она очень пологая, с площадками для отдыха и прекрасно исполненными изваяниями мраморных львов по сторонам. Львы изображены в разных позах—и по мере того как вы поднимаетесь по ступеням, фигура льва, спавшего на нижней площадке, уже мощно потягивается, а выше, при входе в замок, стоит в угрожающей позе. Кроме того лестница чуть-ли не сплошь обрамлена резными мраморными фонтанами, такими же вазами, скамьями и проч. Вода, бьющая свежей струей в мраморные водоемы, фонтаны поистине кружевной работы, мраморные статуи и саркофаги с цветными ралбросаны и по замковой площадке. Громадная полушаровая ниша, в глубине которой стеклянная дверь,—верх архитектурного, художественного совершенства. Над ней, видимо, мысль строителя работала больше всего. Прекрасны скульптурные украшения покрывают всю ее внутренность. Везде мрамор, куда ни оглянешься, мрамор, режущий глаза своей близостью. Два стройных тонких башенки взлетают вверх по обе стороны входа, в глубине которого, над дверью, легкий золоченый балкончик спускает длинные нити ползучих растений. С пестротой и причудами арабесков мшлается пестрота разбросанных цветов, масса тропической зелени в перемешку со статуями, фарфоровыми скамейками и диванчиками в китайском вкусе. Минареты-башенки, сквозные балконы и легкая как паутина решетка, луковичеобразные купо-

ла, напоминающие византийский стиль, высокие светлые окна, заостренные вверх, плоская кровля, сходящая уступами, тесные дворик и узкие галереи, длинные боковые веранды, все это переносит прямо на Восток, в места невозмутимой тишины и кайфа.

Длинная, сажень в 20, веранды особенно хороши осенью, когда окутанный их спом виноград спускает свои тяжелые, наспившие грозды, а густая тень от затканного лапчатыми листьями трельяжа борется с просветами крымского солнца, отражаясь на блонте мрамора илти. Другая сторона замка, обращенная к горам, не менее оригинальна. Во дворе ведут ворота, увенчанные княжеским флагом; к ним тянется прекрасная аллея из кипарисов. Двор необыкновенно чист, прекрасно вымощен; в одной из стн часов. Замок глядит при входе чм-то средневековым-рыцарским: толстая башня с зубцами затканная зеленью; стна выходящая на двор обвита цвкпм плющем с темными кожаными листьями, так что едва видны узенькие, стрелчатые окна. Пролз между службами и ладней стной замка напоминает узкую улицу какого-нибудь турецкого города, только лишенную тех зловоний, какими эти улицы изобилуют. На другом конце зеленого переулка стоят опять круглые, зубчатые башни, спом ползучим виноградом, помемны и плющем.

Внутренность замка соответствует пышной роскоши: в нем до двухсот комнат, в убранстве которых перемешались все вкусы востока с комфортабельными удобствами запада. В Алушском замке вы можете, переходя из одного покоя в другой, мнить обстановку, всецело переносясь то в Персию, то в Аравию и Китай, или под мрачные своды прирейнского замка. В таком пменно дворце следовало бы жить чудаку Вагнеру, любившему, как говорить, писать свои оперы в соответствующей их содержанию обстановке. Алушка дала бы ему обильный материал для вдохновения.

Обширный зимний сад, освещаемый фонтаном, ведет в мрачную, массивную столовую. Она напоминает обстановкой столовой средневековых рыцарских замков. Большой камин по средине, тяжелая мебельровка из дуба во вкусе пятнадцатого столетия, тяжелые резные буфеты по концам комнаты, резные украшения на потолке, дорогие, редкой работы деревянные часы, массивная люстра из красной меди под цвет мрачной обстановки, и одного цвета с мебелью тяжелые, вытканые в Лиепцком, темно-красные занавеси на окнах. В густой зелени, за старыми платанами, тутами и смоковницами прячется, соединенная с замком длинным перекодом, библиотека. Над ней высится башня с флюгером. Пройдя дворик, где неумолчно журчат фонтаны и пестрят до глубокой осени цветы, вы входите в обширные, высокие залы, где хранятся цинные фоланты, древние рукописи, археологические находки и другие драгоценности. Посредине одной из этих зал до сих пор стоит рабочий стол покойного князя, основателя Алушки, и его кресло.

Спускается опять по роскошной лестнице в парк, к безпокойному морю, совершенно излпне посл приведенного выше поэтического описания этих мест, в полном смысле слова невразумительно-прекрасных. Остается сообщить несколько данных об основании Алушки, ее климате и растительности, а затем бросить прощальный взгляд на всю окрестность.

В старых рукописях генуэзцев, которые были предками теперешних татар, Алушка носит название *Lapico*. От обвалов Ай-Петри около изобразовался цинный хаос скал и камней—так оставалось до начала нынешнего столетия. Мих. Сем. Воронцов, осматривая Крымский полуостров, пришел в восторг от прелестной дикости этих мест, от обилия воды и силы растительности. Место на котором стояла бедная татарская деревушка (в конце прошлого века в ней числилось всего сорок дворов) было куплено и произведены вскорь попытки разсаживать белжкие плодовые деревья южных стран. Попытки увенчались успехом. Доказательством того насколько велики растительные силы этой *теплицы* южного берега Крыма—могут служить указания Кастельно и других путешественников. Кастельно говорит, что он измерил толщину алушских деревьев и приводит цифры. Три старых грецких орешника достигали, по его указанию, следующего объема: один двадцати одного фута, другой шестидесяти, третий восьмидесяти футов. Одно оливковое дерево, на какие нибудь два аршина от земли, достигло 11 футов в окружности, а виноградные лозы нердко имли 2—3 фута толщины.

Геологические и исторические перевороты, протекшие над описываемой местностью, оставили теперь немного следов. Обломки скал и небольшой, как надо полагать, кратер давно потухшего вулкана да остатки древних крепостных стн на вершине Ай-Петри—вот все дошедшее до нас.

Алушка так быстро изменила наружность, так быстро поддалась проникшей в нее цивилизации, что один татарин, ушедший из нее в Мекку на поклонение Магомету, вернувшись на родину, не узнал ее. На месте прежних камней и пустынной глупы вознеслось величественное здание князя Воронцова, стоившее страшных денег (многие миллионы) на склоне горы разбросаны были деревья и кустарники не только южных, но и тропических стран. В Алушке есть даже

говорят, в несколько искривленных низкорослых пальм, растущих прямо из почвы. Куда ни помотришь, вездѣ миндали, восьмисаженные тополя, темные как почъ кипарисы, раскидистыя шелковицы, гранаты, оливки, лавровые кусты, померанцовыя деревья и персики. Въ цвѣтницѣ, передъ главнымъ фасадомъ замка, среди моря цвѣтовъ всевозможныхъ яркихъ окрасокъ, высится розовый кустъ достигающій вышиною двухъ сажень. Виноградъ стелется всюду, какъ простой плющъ.

Нижній садъ замка сливается съ обширными виноградниками, въ которыхъ по исчисленію сдѣланному лѣтъ десять назадъ было до 150,000 лозъ лучшихъ иностранныхъ сортовъ винограда. Алука славится кромѣ своего дѣйствительно хорошаго вина большими оливковыми насаждениями и лучшей по вкусу и прозрачности водой. Говоря о естественныхъ богатствахъ, нельзя не упомянуть и о залежахъ разноцвѣтнаго мрамора: зеленоватаго, розоваго, темнаго, бѣлаго.

Съ воздушныхъ по легкости террасъ Алукаго замка—прекрасный видъ на окрестности. Впередѣ—море съ чуть видными на горизонтѣ бѣлыми точками парусовъ, по склонамъ—лѣса, рощи, виноградники и бѣдное закинутое въ опрагъ селенье, съ красивымъ минаретомъ мечети, выстроенной въ индѣйскомъ вкусѣ. Мечеть сооружена тоже Воронцовымъ. Надъ селеньемъ высится церковь, подражаніе афонскому Параскеону, а позади—сѣрая громада скалъ съ Ай-Петри во главѣ, надежный оплотъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

«Не знаю, есть-ли гора въ Крыму живописнѣе Ай-Петри» говоритъ г. Марковъ въ «Очеркахъ Крыма»—«она вовсе не такъ близка какъ кажется вамъ изъ Алуки. Вы можете догадаться объ этомъ по тонко-синему тону ея красокъ. Она кажется близкою потому, что стоитъ надъ всѣмъ и за всѣмъ, что въ отсюда видите, загораящая небо, почти нависшая надъ головою вашей. Весь пейзажъ Алуки—въ сущности Ай-Петри и море. Скалы и лѣса долины имѣютъ смыслъ только потому, что они сбѣгаютъ съ Ай-Петри. Самъ замокъ Алуки—не тотъ титаническій и фантастическій замокъ что купаетъ свои зубцы въ облакахъ—а настоящій замокъ князя Воронцова, привлекающій въ Алуку туристовъ, самъ замокъ этотъ оттого является вамъ такимъ поразительно-оригинальнымъ и художественно-полнымъ произведеніемъ искусства, что онъ замаскированъ въ дико поэтическомъ вкусѣ Ай-Петри. Онъ носитъ на себѣ тотъ же общій характеръ пустынной и недоступной грандіозности какъ и гора здѣсь царящая».

Совѣтуютъ любоваться Алукинымъ замкомъ снизу отъ моря, при чемъ красота пидуть отъ зрителя, восходя все выше и выше до самого ника величественной горы, получившей свое звучное названіе отъ стоявшаго на ней когда-то храма Св. Петра. Замокъ словно нарисованъ на сѣроватомъ фонѣ горы.

Теперь онъ стоитъ много мѣсяцевъ въ году пустой; его только изрѣдка посѣщаютъ владѣльцы; случается, что старый садовникъ-татаринъ остается чуть не единственнымъ хозяиномъ сбѣгающихъ къ морю парковъ и роскошно убранныхъ комнатъ. При Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ были другія времена: въ Алуку шли шпы и празднества; сады оживлены были гуляющими толпами гостей; гостепріимство было такое же восточное какъ и вся обстановка. Еще не такъ далеко то время, когда прозакимъ туристамъ позволялось въ теченіи трехъ дней пользоваться столомъ и винами князя, а одно преданіе о прошломъ Алукаго замка очень распространено въ Крыму. Оно рассказываетъ, что разъ въ какой-то торжественный день у князя былъ шпръ; всѣ бывшіе въ замкѣ отобѣдали и разошлись—кто гулять, кто отдыхать. Имъ стали разносить кофе. Княжеская прислуга забѣгала съ подносами по комнатамъ и прохладнымъ коридорамъ дворца, по извилистымъ дорожкамъ парка... На одной изъ площадокъ бѣломраморной лѣстницы, сбѣгающей отъ замка къ морю, сидѣлъ оборванный мальчикъ-нищій. Прислуга вробѣжала мимо, не обративъ вниманія на бѣднаго оборвыша. Князь узналъ это и сдѣлалъ ей выговоръ, приказавъ впередъ не обносить его гостей.

Въ настоящее время прежнее широкое гостепріимство Алуки смѣнилось скромными услугами тѣсной, небольшошй гостиницы, гдѣ можно заказывать поріи и получать педурное вино, хотя далеко не по дешевымъ цѣнамъ.

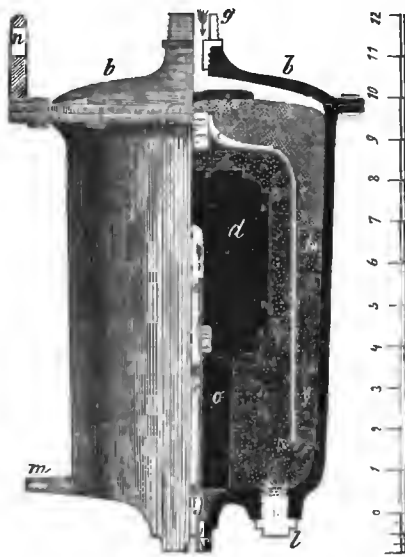
Если вы, читатель—житель сѣвера, если вамъ надоѣла окружающая васъ обыденщина и сѣренькая картина великорусской природы; если, добавлю я, у васъ есть возможность оторваться хоть не надолго отъ пріѣзжей дѣйствительности—укладывайте платье съ бѣльемъ въ чемоданъ и потѣжайте на южный берегъ, въ Алуку. Здѣсь вы узнаете и оцѣните значеніе двухъ словъ: «волшебная обстановка». Нѣчто намекающее на нее можетъ быть вамъ показывали въ оперѣ или балетѣ и то на извѣстномъ разстояніи, при искусственномъ освѣщеніи лампъ; здѣсь же вы увидите очаровательный пріютъ невидимой волшебницы, въ полномъ смыслѣ слова волшебный замокъ съ такими же окрестностями.

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ

Фильтрующий аппаратъ Крумбюгеля.

Пресловутая, ради своей будто-бы химической чистоты, нечистая вода—весною и осенью, а также и лѣтомъ послѣ сильнаго дождя, становится далеко не здоровою для питья, утрачивая свою синеву и прозрачность, и дѣлаясь сѣроватожелтою. Поэтому, во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій для здоровья, почти у всѣхъ зажиточныхъ обывателей въ Петербургѣ вошли въ употребленіе различныя водоочистительныя машины. Но, при несомнѣнныхъ гигиеническихъ выгодахъ, аппараты эти имѣютъ то неудобство, что доставляемое ими количество воды чрезвычайно незначительно. Поэтому нельзя не привѣтствовать новаго изобрѣтенія г. А. Крумбюгеля: это фильтръ, приводимый въ непосредственное соединеніе съ водопроводнымъ краномъ и во всякое время доставляющій потребное количество чистой и вкусной воды.

Фильтръ состоитъ изъ желѣзнаго цилиндра (горшка) внутри эмалированнаго, а снаружи бронзованаго, съ такою же герметически-замыкающею его крышкою. Аппаратъ наполненъ пластически-пористымъ углемъ, раздѣленнымъ стекляннымъ куполомъ на два отдѣленія, такъ что вода послѣдовательно проходитъ сначала сквозь пластически-порозный пластъ угля, затѣмъ снаружи стекляннаго купола сквозь мелкій пластически порозный зернистый уголь, далѣе внутри стекляннаго купола сквозь крупно-зернистый пластически-порозный уголь и наконецъ сквозь пластически-

Фильтрующий аппаратъ А. Крумбюгеля.

ски-порозные куски угля посредствомъ стеклянной трубки, чисто фильтруется, получаетъ свѣжесть и пріятный вкусъ, и течетъ тотчасъ какъ только откроютъ кранъ въ соединительной трубкѣ. Этотъ аппаратъ доставляетъ до 150 ведеръ чистой воды ежедневно, слѣдовательно совершенно достаточно для питья, варки пищи, стирки бѣлья и т. п. на цѣлый домъ.

При этомъ надо замѣтить что устройство фильтрующаго аппарата отнюдь не мѣшаетъ дѣйствию обыкновеннаго водопроводнаго крана. Постановка фильтрующаго аппарата требуетъ весьма мало времени—отъ 10—15 минутъ. Магазины А. Крумбюгеля отпускаютъ эти аппараты во всякое время на прокатъ съ платомъ 6 рублей въ годъ и единовременнымъ взносомъ 2 рублей за установку, при чемъ обязуется содержать аппаратъ въ постоянной годности и чистотѣ.

Какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ, аппаратъ состоитъ изъ эмалированнаго чугуннаго горшка, въ нижнемъ отверстіи котораго вставлена пробка, а въ нее проведена стеклянная трубка е. Къ этой послѣдней прикрѣпляется подставка изъ порознаго угля о, а на ней ставится фильтръ изъ того же матеріала d; надъ нимъ устроенъ стеклянный куполъ с; остающееся пустое пространство между фильтромъ и куполомъ наполняется сквозъ верхнее отверстіе купола зернистымъ пористымъ фильтровымъ углемъ h, послѣ чего отверстіе купола закрывается пробкою. Затѣмъ внѣшнее пространство между стекляннымъ куполомъ и стѣнками горшка точно также наполняется пористымъ зернистымъ фильтровымъ углемъ h, сверху накладывается угольная пластинка i, и наконецъ крышка b на края горшка, закраины которыхъ для герметичности обложены эластическимъ шнуркомъ. Въ верхнее отверстіе крышки b ввинчивается латунный винтъ g—и весь аппаратъ готовъ. Мѣсто, обозначенное буквой m служитъ точкой опоры у стѣны, для того, чтобы аппаратъ висѣлъ прямо и отвѣсно, а n обозначаетъ отверстіе которымъ аппаратъ привѣшивается на крючекъ въ стѣнѣ. k обозначаетъ отверстіе, а l запирающій его винтъ, служащее для того чтобы въ случаѣ нужды можно было произвести промывку аппарата, если онъ засорился, не вынимая пористаго угля. Это послѣднее устройство примѣняется лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Повѣсивъ аппаратъ надъ водопроводной раковиной, соединяютъ его съ водопроводнымъ краномъ, или ввинчивая сквозное

кольцо между краномъ и водопроводомъ, для чего въ стѣнкахъ крана, просверливается отверстие имѣющее въ диаметръ толщину кольца. Герметичность достигается посредствомъ двухъ кожаныхъ кружковъ. Если же кранъ недостаточно длиненъ для того, чтобъ вернуть въ него кольцо, то можно вернуть въ него муфту. Или муфту эту ввинчиваютъ между краномъ и водопроводомъ, просверливаютъ въ ней отверстие и устраиваютъ винтъ въ которомъ (или въ первомъ случаѣ нѣ кольца) впадается свинцовая выложенная внутри оловомъ труба; посредникомъ ея находится кранъ, служащій для регулированія потока воды въ аппаратъ. Находящійся на концѣ трубы полувинтъ привинчивается къ находящемуся на фильтр-аппаратѣ винту

и такимъ образомъ устанавливается соединеніе аппарата съ водопроводомъ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ «Нивы» мы помѣстимъ изображеніе капли неочищенной рѣчной воды со всѣми находящимися въ ней инфузоріями и микроскопическими растеніями.

СОДЕРЖАНІЕ: антверпенъ (съ рисункомъ).—Двуногий волкъ. Романъ Н. Н. Карзина. Ч. II. (продолженіе).—Паромъ (съ рисункомъ).—Орелъ дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ Гиллеръ-Вирхъ.—Литературный альбомъ. «Бада» Лермонтова (съ рисункомъ).—Замокъ въ Лалупѣ (съ рисункомъ).—Новое изобрѣтеніе. Фильтръ А. Крумбогеля (съ рисункомъ).

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Сего 1-го МАЯ вышла и разслана подписчикамъ V-я МАЙСКАЯ,
книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Воспоминанія перваго камеръ-пама великой княгини (императрицы) Александры Теодоровны, 1817—1819 гг. (окончаніе).—II. Князь Потемкинъ-Тавричскій, біографическій очеркъ, по неизданнымъ матеріаламъ: переписка и событія 1786—1789 гг.—III. Атаманъ войска донскаго Кутейниковъ: пребываніе двухъ сенаторовъ на Дону,—донесеніе сенат. Болгарскаго,—переписка съ Чернышевымъ и проч., 1827—1836 гг.—IV. Василий Назаровичъ Карзинъ: основаніе Харьковского университета, 1802 г.—VI. А. С. Даргомыжскій, матеріалы для его біографіи, 1865 г.—VII. Петръ великій во Франціи, 1717 г.: вновь открытія о немъ свѣдѣнія.—VIII. Екатерина II и Пугачевщина: неизданныя собственноручныя распоряженія императрицы Екатерины, 1774 г.—IX. Русская церковь въ Потсдамѣ, 1718—1807 гг.—X. Памятникъ Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи.—XI. Записки А. Баумгартена къ писемъ кн. Меншикова о Севастополѣ.—XII. Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь?—XIII. Листки изъ записной книжки „Русской Старины“: 1) Письмо служиваго человека при Петрѣ Великомъ.—2) Лекарство отъ правска.—3) Карлъ-Леопольдъ Мекленбургскій, † 1747 г.—4) Одинъ изъ докладовъ кн. Потемкина, 1788 г.—5) Характеристика полководца Суворова, пмъ самимъ сдѣланная.—6) Предсказаніе о смерти Ермолова.—7) Выкупъ артиста М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія 1818 года.—8) Письмо поэта Т. Шевченко съ примѣчаніями Н. И. Костомарова.—9) Архитекторъ Р. И. Кузьминъ.—XIV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ этой книгѣ приложены: I. Записки Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг., переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи автора. Глава V—VII, событія 1732—1734 гг. II. Заглавная виньетка къ XIII-му тому, рисунокъ профессора Шарлеманя, гравир. акад. А. А. Сѣряковъ.—III. Изображеніе рѣдкой медали: императрица Анна Иоановна.—IV. Снимокъ съ письма кн. Потемкина къ А. В. Суворову.—V. Рисунокъ памятника Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи.

„Русская Старина“ 1870 г., (два изданія), 1871 г., 1873 г., и 1874 г. разошлась сплошн по подпискѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 г., изданіе второе, можно получить всѣ 12-ть книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой (осталось 42 экземпляра).

ПОДПИСКА на „Русскую Старину“ изд. 1875 г. продолжается. 12-ть книгъ, съ портретами, рисунками и проч. приложеніями.

Цѣна 8 руб съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. В. Базунова (Нвскій. 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Примѣчаніе. Печатается (въ двухъ типографіяхъ) третье изданіе перваго года „Русской Старины“, т. е. 1870 г., двѣнадцать книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ присылать, восемь рублей, дабы своевременно получить это изданіе по его отпечатаніи. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

„При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайн. магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ“.

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильною двойною стежкой, ручная и ножная. Королевская педагогическая коммисія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ея для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д“ настоящая Американская швейная машина, ножная для портныхъ.

Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и мѣстность, на углу Невскаго и малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; по томъ еще продажн у: Бринъ и Ко. въ гостиницѣ дворъ по большой суровской линіи № 132, Агенты для Москвы, Шаньси и Болонь, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кромѣ того находятся Агенты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—7

Dr. HUNNIUS bleibt in HAPSAL und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

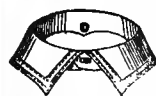
Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ И ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасонности и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный каталогъ различной продукции высылается по требованію бесплатно и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:
M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13—8

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 20 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВАДЦАТЬ СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 18-го Мая 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Николай Федоровичъ Сазоновъ.

Н. О. Сазоновъ—актеръ еще молодой. Родился онъ въ 1843 г., а изъ Театрального училища выпущенъ въ 1862 г. Воспитывался онъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, приготовляя себя въ инженеры. По словамъ изданнаго въ 1875 году «Театрального Альманаха», на долю молодого человѣка выпала слишкомъ ранняя забота о семействѣ, оставшемся на его попеченіи. Выйдя изъ пансіона, Н. О. опредѣлился на службу при одной изъ желѣзныхъ дорогъ, но прослужилъ тамъ не долго: его тянуло на сцену, страстно полюбили ему драматическое искусство — и вотъ онъ, оставивъ желѣзную дорогу, поступилъ вольноприходящимъ въ Театральное училище. Во время канікулъ Н. О. игралъ подъ фамиліей Шувалова на сценѣ Владимирскаго театра, а потомъ и въ Нижнемъ - Новгородѣ. Въ теченіи пяти лѣтъ съ 1862 г. онъ занималъ небольшія роли въ комедіяхъ и водевиляхъ, отличающихся своею бессмысленностью (Жилецъ съ трюмономъ и т. п.).—Первою большою и солидною ролью г. Сазонова была роль Стрежнева въ ко-

медіи «Два поколѣнія», поставленной въ 1867 г., а въ слѣдующемъ 1868 г. онъ особенно отличился въ пьесѣ «Демократическій подвигъ».

Затѣмъ настало царство оперетокъ, съ легкой руки «Прекрасной Елены». Но г. Сазоновъ скоро понялъ, что на Парисѣ далеко не уѣдешь впередъ (а ѣхать назадъ вообще неприятно человѣку, чувствующему въ себѣ силы подняться выше)—и отказался отъ оперетки, которая, впрочемъ, и сама уже пала. Къ его исполненію серьезныхъ ролей публика начала относиться строже, но за то и сочувственнѣе, усмотрѣвъ въ молодомъ артистѣ несомнѣнное дарованіе. Сезонъ 1873 г.—лучшій во всей двѣнадцатилѣтней артистической дѣятельности г. Сазонова. Задатки творчества, какъ талантливый художникъ, онъ уже проявилъ достаточно ярко (въ комедіяхъ «Общее благо», «Злоба дня» и др.), но талантъ его еще не окрѣпъ (въ роляхъ Хлестакова и Чацкаго г. Сазоновъ слабъ), а потому ему слѣдуетъ много потрудиться, позаняться напр. какъ Шумскій, чтобы оправдать пріятныя ожиданія публики.

Николай Федоровичъ Сазоновъ. Рис. Тихомировъ, грав. Пуцъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XVIII.

Нежданная-негаданная перекочевка.

Всполюшились аулы тюркменъ-юмудовъ.

Прискакали гонцы и развѣдчики изъ-подъ Хивы, говорятъ торопливо, другъ друга перебиваютъ; ничего не разберешь съ перваго раза, только чудится въ ихъ рѣчахъ одинъ кликъ, одинъ набатъ:—„спасайся кто можетъ!“

— Наши рѣшили русскимъ не поддаваться, говоритъ одинъ,—за чтѣ имъ платить будемъ?.. за то, что насъ же они побили, въ наши же земли пришли, да здѣсь же и хозяйничаютъ?..

— Сильно генералъ русскій сердится, перебивалъ другой.—Тамъ уже выходить собираются—это на насъ идти хотятъ...

— Эхъ, жаль, хлѣбъ собрать не успѣли! Мы бы имъ показали, гяурамъ, какъ совать носъ въ чужую кибитку... Мы бы имъ показали!.. Аллахъ да поможетъ намъ въ этомъ!..

— Уже выступили!.. прискакали новые гонцы.—Идутъ... Черезъ два дня здѣсь будутъ... Наши всѣ къ Такыру собираются: пѣшіе и конные... Вы чего тутъ сидите? идите тоже—Исметъ всѣхъ звать велѣлъ.

— Сбирай все на арбы, стоняй скотъ въ кучи... уходи куда дальше! распоряжались старшины.—Пусть „собаки“, приходятъ на голое мѣсто, пусть жрутъ навозъ да золу, что послѣ насъ останется...

— Они у насъ женъ отобрать хотятъ, да держать ихъ въ залогъ... предполапали многіе и сбѣжали прежде всего укрыть свои семейства, откочевать съ ними подальше, въ самую глубину своихъ степей, хотъ за предѣлы орошеннаго пространства, хотъ въ самые пески мертвые... Авось не доберутся туда „бѣлые рубахи“!

— Идутъ, близко!.. раздавались почти отчаянные вопли.—Сейчасъ нагрянутъ!

— Нѣтъ, еще далеко... еще и Улыкунъ-Арыкъ не переходили... Еще не скоро придутъ, тутъ вѣдь не близко.. раздавались другіе крики, болѣе успокоительнаго свойства.

Послѣ первыхъ—суматоха въ кочевьяхъ поднималась страшная; все сбивалось въ кучи, путалось и не знало за чтѣ взяться, какъ приняться за внезапную укладку и разборку своихъ кочевыхъ кибитокъ.

Вторые возгласы возстановляли нѣкоторое спокойствіе, давали старщинамъ возможность, хотя сколько-нибудь, обдумать пути отступленія... направить обозы по болѣе удобнымъ и надежнымъ направлеціямъ.

Имъ приходилось оставлять плодородныя, обильныя водою, насиженныя мѣста—и уходить въ пески... Надо же было запастись всѣмъ необходимымъ, и для себя и для своего скота; иначе, въ этихъ пустыняхъ, они точно спасутся отъ страшнаго врага „бѣлой рубахи“, но за то встрѣтятся лицомъ къ лицу съ другимъ врагомъ, не менѣе страшнымъ: голодомъ и жаждою...

А русскіе идутъ, все идутъ, не останавливаясь, не давая имъ время устроиться—идутъ впередъ, распро-страняя передъ собою паническій страхъ и смятеніе...

Еще и не видѣли бѣлые рубахи ни одного врага, еще ни одинъ ружейный стволъ, выщипанный еще въ Хивѣ, не закоптился вновь отъ выстрѣла, ни одно орудіе съ передковъ не снималось,—а уже въ аулахъ тюркменъ-юмудовъ, солоровъ и чадоровъ слышались вдали грозныя перебаты палубы, слышались ясно, будто стрѣляютъ близко, вотъ сейчасъ за тѣмъ бугромъ, за тѣми зубчатыми линиями садовъ,—межъ тѣмъ какъ эти звуки суще-

ствовали только въ разстроенномъ воображеніи кочевниковъ, совершенно потерявшихъ головы отъ неожиданности, на которую впрочемъ они давно рассчитывали, посылая къ русскому генералу свой рѣшительный отказъ повиноваться новому порядку.

Большой юмудскій аулъ, расположенный близъ Змукшира, тоже поднимался на ноги, встревоженный этими страшными вѣстями.

Это былъ очень богатый аулъ. Въ немъ насчитывалось до двухсотъ кибитокъ... Всѣ эти кибитки стояли просторно, съ большими промежутками... Тутъ же находились и зимовки тюркменъ,—въ видѣ дворовъ, обнесенныхъ высокими, глинобитными стѣнами, съ навѣсами и даже саклями... При аулѣ существовалъ даже постоянный базаръ, куда два раза въ недѣлю съѣзжалось все окрестное населеніе, свозило свой товаръ, стогнало скотъ и вымѣнивало все это на товары, привезенные изъ Хивы тамошними купцами.

Ярко-зеленѣющія поля окружали кочевье... разбитыя правильными четырехугольниками, они представляли чудную картину, дышащую довольствомъ и миромъ. Между этихъ полей, словно серебристыя жилки, змѣнились безчисленные арыки, покрывающіе сплошную стѣю все обработанное пространство; тамъ и сямъ сверкали четверугольные пруды-резервуары, обсаженные деревьями.

Пшеница уже дозрѣвала, и ярко золотились на солнышѣ засѣянные ею поля, волнующіяся отъ вѣтра... Черныя верхи кибитокъ, словно палки грибовъ, выдѣлялись за этими полями... Поднимались столбы кострового дыма; всюду замѣтно было движеніе, жизнь... Стада рогатаго скота и овецъ паслись въ окрестностяхъ, охватывая живымъ кольцомъ все кочевье...

И вотъ, теперь все это разомъ тронулось съ мѣста.

Снимали кибитки, укладывали по частямъ на арбы, нагружали на другіе узлы съ пожитками, сундуки, свертки ковровъ и войлоковъ... Наскоро жали еще не совсѣмъ дозрѣвшую пшеницу, что бы все таки гяурамъ не все осталось.

Женщины возились съ арбами и разборкой кибитокъ,—мужчины стогнали скотъ, или такъ больше рыскали на своихъ коняхъ по аулу, торопя и подгоняя женщинъ—и безъ того уже потерявшихъ головы отъ торопливости...

Да и немного мужчинъ осталось при аулѣ, всего ихъ до трехъ сотъ всадниковъ насчитывалось, а въ настоящую минуту дай Богъ чтобы три десятка набралось. Всѣ ушли къ сборнымъ пунктамъ, подъ значки Исмета, Иртыкъ-Мергена и другихъ вождей, не терявшихъ еще надежды удержать русскихъ, дать имъ почувствовать свою силу, а если Аллахъ поможетъ, то надолго отбить охоту къ новымъ походамъ въ ихъ благодатныя, до сихъ поръ недосыгаемыя для враговъ, кочевья.

Штукъ пятнадцать аробъ, еще незапряженныхъ, но уже готовыхъ къ отъѣзду, стояло вмѣстѣ, въ нѣсколь-ко рядовъ, на утопанной площадкѣ, передъ отдѣльною группою кибитокъ.

Съ нѣкоторыхъ кибитокъ уже сняты были войлоки, и ихъ оголенные ребра выдѣлялись словно какія-то огромныя клѣтки изъ красноватыхъ прутьевъ... Женщины въ бѣлыхъ чалмахъ, и просто повязанныя цвѣтными платками, надрывались, сворачивая кибиточные войлоки въ цилиндрическіе свертки, другіе поштучно разбирали самыя осланы и связывали ихъ въ пучки, третьи тащили къ арбамъ большіе сундуки, окованные желѣзомъ и вы-

крашенные яркими цветами, по красному и золотому полю...

Все это сносилось к арбам и здесь уже распределилось, что куда, для равномерной нагрузки...

Разная домашняя птица: куры с цыплятами, прирученные фазаны и цесарки—с криком бегали между тюками и арбами, поминутно попадаясь под поги... Поджарые, борзые собаки жалобно выли, глядя на всю эту суету... Полуголые ребятинки толпились группами, поглядывая недоумьбающими глазенками на все происходящее, не понимая, что это происходит перед ними, что за странную несвоевременную перекочевку затеяли их отцы и матери... Там и сям, прямо на солнцепек, виднелись люльки с грудными детьми, и в этих люльках ворочались и пищали какие-то смуглые, крохотные тельца, барахтаясь в тряглых ножках и рученками. Некоторые из них успели уже вывалиться из люлек и, незамечаемые захопотающимися матерями, ползали в пыли и рылись в кучах полусохшего навоза...

Вот прискакал всадник на взмыленной лошади... крикнуть во все горло:

— Скорее, скорее! Ишь не успели до сих пор выбраться!.. щелкнул опять плетью по боку коня и поскакал дальше, цыбком, безъездом, прямо через тюки и канавки...

Встрепенулось все от этого крика, и еще торопливее принялось за работу...

Арбы росли все выше и выше... вот уже словно горы виднелись какие-то на высоких колесах; стали их увязывать веревками... Ждут когда-то пригонять лошадей и волов, чтобы тащить все это, нагруженное и готовое к отъезду.

На некоторых арбах были устроены навесы холщевые, растянутые на четырех прикрепленных вертикально палках;—эти повозки предназначались для семей: жен и детей,—это были собственно пассажирские арбы...

Впрочем, большинство женщин сдвело себя лошадей, и садились на них иногда по две на одну—одна на сиденье, как следует, а другая сзади, на круп коня, держась за пояс впереди-сидящей.

Вот еще прискакали новые всадники.

— Да что же вы, коровы лживые, скоро-ли? Надо идти пока солнце не село, в ночь чтобы отойти подальше.

— Смотри, завтра утром как бы не нагрянули эти! Они уже близко—Будаевские аулы уже захватили, дорогу им отрезали... Проворнее, проворнее!

Пригнали волов и коней под арбы; облако пыли налетело на аул, поднятое ногами животных... Суматоха усилилась...

Волы все были приземистые, малорослые, по мускулистые, сильные; на каждом сдвло было надито, с высокою деревянною лукою спереди; на шеях—войлочные хомуты с веревочными петлями и деревянными накладками.

Привычные животные охотно становились между оглобель; лошади злились, брыкались и кусали друг друга, когда слишком близко приходилось сталкиваться... Волы протяжно мычали и сопли своими поздыми, прорванными желтыми кольцами, а то и просто веревкою, протернутой в окровавленное отверстие.

К некоторым повозкам не хватило скота...

— Ну их, пускай пропадают!—иногда—торопяты опять прискакавшие откуда-то мужчины.—Бросай все!.. иди—что готово!..

А бросить жаль. Как нарочно остались такие арбы, на которых лежали больше ценные предметы: одежда и металлическая посуда.—Началась поспешная перекладка: тюки распадалась, тазы, чашки и кунганы звеня сыпались на землю... Халаты из блестящих шелко-

вых тканей безжалостно пачкались в пыли и грязи... Зло взяло женщин от этих неудач, слышались попреки, укоры, брань...

И одна только женщина во всем ауле, равнодушно, безучастно смотрела на эту сумятицу; как неподвижная статуя сидела она на земле; только руки ее почти бессознательно перебирали в волосах прижавшегося к ней ребенка...

— Да ты что сидишь, сложа руки! крикнула на нее старуха-тюркменка,—бери это... тащи!..

Сунула ей старуха какой-то мешок, сама дальше побжала, а все ругается, даже бить грозится...

Встала на ноги женщина, взяла мешок—тяжелый, не поднимешь. Потащила его волоком, а куда—сама не знает... Ребенок упирается рученками, помогает матери, не плачет, а смотреть серьезно, знает, что не до слез теперь. А глаза у этого ребенка не такие как у других детей,—голубые, большие такие, и волосы на головке русые, а не черные, гладко остриженные... и у матери его—светлые запыленные косы висят сзади, ничем не покрыты... прикрывают прорехи в ее рубахе изорванной, затасканной, не разберешь какого и цвета...

— Сюда тащи, ты, русская собака! кричит с арбы румяная, толстая тюркменка, подпершись в бока руками. Чалма у ней сбилась на сторону, косички, бусами переплетенные, по ветру треплятся, по лицу струится пот грязными полосами...

— Не туда,—сюда! кричит другая, стройная, высокая, греми ожерельями и бесчисленными монетами, нашитыми на груди и бортах верхнего халата...

— Сторонись, раздавлю! визжит и хохочет третья, гарцуя на фоне жеребца, покрытом с хвоста до ушей попоною и коврами...

— Да куда-же? недоумевает бедная женщина...

— Вот-же тебе!.. слышится сзади.

Кто-то больно ударил ее по спине веревкою.

— Не тронь... брось ее! пускай здесь остается, ей ничего не делают русские, ведь она им своя... Брось! советует совсем молоденькая, лет четырнадцати девушка, выглядывая из-под арбяного навеса.

— Да, брось, как же вот! ворчит все та же старуха,—Ибрагим с меня после спросит, меня бить за нее будет... Ну, садись на арбу проворнее, тащи своего щенка... садись!..

Солнце стало уже заметно спускаться к горизонту, а обоз все еще не может выбраться... Несколько арб вытянулись уже на дорогу, остановились, поджидают, когда остальные подойдут... А оттуда опять клубится пыль, опять несутся всадники, опять слышны понукания и повторение все того же крика:

— Да скорее, близко же! говорят вам.—Бросай все и трогайся!

Стемнело уже, когда последняя арба вышла на дорогу и торопилась догнать видящийся у поворота хвост всего обоза.

XIX.

Враги.

Сергей Николаевич Рович не знал Головина во время первого своего пребывания в Азии. В настоящее время он из разговоров в офицерском кружке легко мог догадаться, какие чувства питал хромой казак к Наталье Мартыновне. И этого одного слишком было достаточно для того, чтобы возбудить в Ровиче сильнейшую ненависть к своему сопернику.

Тем более, что из подобных же толков и разговоров, к которым Сергей Николаевич так жадно прислушивался, он решил, что и Наташа, хотя отчасти, но разделяла чувство Головина, и одна эта идея доводила Ровича до изнеможения.

Впрочемъ, до сихъ поръ онъ избѣгалъ встрѣчъ съ своимъ соперникомъ—и избѣгалъ довольно тщательно, предупреждая всякую случайность, могущую свести ихъ вмѣстѣ.

Сергѣй Николаевичъ избѣгалъ даже встрѣчъ со своими старыми чиназскими знакомыми,—и съ самыхъ тѣхъ поръ, когда отряды соединились вмѣстѣ, подъ стѣнами Хивы, онъ, узнавъ о ихъ присутствіи здѣсь, сумѣлъ до сихъ поръ даже уклониться отъ необходимости раскланываться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, не только что вступать съ ними въ какіе бы то ни было разговоры.

Инстинктивно чувствуя, какую роль онъ игралъ въ ихъ глазахъ,—какъ должны были бы смотрѣть на него эти его старые знакомцы, друзья Натальи Мартыновны, онъ возненавидѣлъ ихъ всѣми силами своей души,—и въ минуты самыхъ пылкихъ своихъ мечтаній и предположеній, въ минуты своего нравственного покаянія и саморасканія—его не покидала одна злорадная идея: что „вотъ будетъ потѣха, когда они, всѣ эти ея друзья и поклонники, останутся съ своимъ хромымъ казакомъ... на бобахъ, и какія рожи примутся строить, глядя, какъ онъ, Сергѣй Николаевичъ Ровичъ, будетъ владѣть ихъ богатствомъ, ихъ „святымъ ангеломъ“.

— Безъ дуэли, пожалуй, не обойдется... думалъ онъ въ такіа минуты—и эта только добавочная идея охлаждала немного пылъ его предположеній.

Мелочный характеръ Сергѣя Николаевича высказывался весь въ этихъ его думахъ: его поверхностная натура не могла догадаться, не могла понять, что если бы онъ откровенно, хотя бы въ тяжелой минутѣ своего раскаянія, явился бы въ этотъ кружокъ „друзей Натальи Мартыновны“,—если бы у него хватило силы и способности высказаться передъ ними, предстать хотя такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, въ эти

тяжелыя, безсонныя ночи... онъ бы потушилъ разомъ эту ненависть въ ихъ сердцахъ—и очень можетъ быть, что, если бы они увидѣли вновь пробудившіяся у Наташи чувства нѣжности къ отцу своего ребенка, они бы первые протянули ему искренно дружески руку...

Но это естественное и прямое отношеніе къ дѣлу было не по силамъ Сергѣя Николаевича...

Вотъ въ отношеніяхъ хромаго казака къ Ровичу—тутъ ничего не было натянутого, неопредѣленного. Отношенія эти ясно опредѣлились уже давно, когда Головинъ и не видалъ въ глаза Сергѣя Николаевича, и только усилились съ той минуты, когда ему указали на него издали, черезъ длинный столъ, за завтракомъ съ тостами въ генеральской ставкѣ.

— На сто шаговъ не промахнусь—это вѣрно! сообщилъ въ то время Головинъ своему сосѣду, указавшему ему на противоположный конецъ стола.—Это вѣрно, потому на такую гадину у меня рука не дрогнетъ...

И хромой казакъ помѣнялся своимъ мѣстомъ съ другимъ офицеромъ, чтобы сидѣть спиной къ Ровичу и не видѣть передъ собою „эту гадину“.

Впрочемъ онъ не могъ его видѣть, вѣроятно, только за этимъ завтракомъ, потому что съ тѣхъ поръ Головинъ вовсе не избѣгалъ случаевъ встрѣчъ съ своимъ врагомъ, а напротивъ, искалъ этихъ встрѣчъ, и, завидѣвъ, бывало, вдали идущаго или ѣдущаго Ровича, онъ шелъ къ нему прямо на встрѣчу, пристально, даже безъ нѣкотораго нахальства, глядя ему прямо въ глаза, и этимъ заставлялъ несчастнаго поспѣшно сворачивать въ сторону и уклоняться отъ непріятнаго столкновенія.

А столкновеніе это, рано или поздно, должно было случиться. Оно было неизбежно.

(Продолженіе будетъ).

РЧЕРКИ СИБИРИ. Семирѣченская область.

III.

Гора Каскыръ-Тай.

Я съ моимъ слугою, кара-киргизомъ Байтакомъ, прибыли на мѣсто ночлега уже поздно, почти что передъ самою полночью.

Кругомъ была непроницаемая темнота, да еще туманъ въдобавокъ, — тотъ густой, непроглядный, черный туманъ, который скрываетъ отъ васъ всѣ предметы, хотя бы они находились не болѣе какъ въ двухъ, трехъ шагахъ отъ васъ. За этимъ туманомъ мы ничего не видали кромѣ нашихъ лошадей, которыхъ вели въ поводу, такъ какъ тропинка была очень крута,—и мой слуга, онъ же и проводникъ,—не рѣшился ѣхать верхомъ и мнѣ посоветовалъ тоже.

— Иди, да щупай дорогу; ногою щупай осторожно! остерегъ онъ меня.

И мы дѣйствительно шли и щупали, медленно, шагъ за шагомъ подвигались впередъ, пока, наконецъ, не стали.

— Прибылъ? освѣдомился я.

— Дальше нельзя идти. Развѣ завтра, когда свѣтло будетъ, сообщилъ мнѣ Байтакъ.

Это извѣстіе меня не очень-то порадовало... Я знаю что тутъ, гдѣ-нибудь по близости, должна находится стоянка нашихъ топографовъ-съемщиковъ,—и я именно рассчитывалъ провести ночь въ ихъ войлочной кибиткѣ.

Я продрогъ, проголодался; чаю мнѣ хотѣлось такъ, что я готовъ былъ заплатить за стаканъ чуть не половину того, что было у меня въ карманѣ... Я уже мечталъ о томъ, какъ денщикъ Дементій засуетится съ походнымъ самонаварникомъ, какъ мой товарищъ, топографъ К. улыбнется, себѣ на умъ,—иодминетъ и пользуетъ въ свой погребецъ за флакономъ съ ромомъ... рассчитывалъ я и на шаплыкъ, мелко наръзанный, шпичикъ и анетитно-поджаривающійся на желѣзномъ шомполѣ-вертелѣ. мечталъ я и о складной кровати, удобной такой, покрытой красивымъ хивинскимъ ковромъ... Въ головѣ моей рисовались самыя соблазнительныя картины—все одного и того же рода. И вдругъ все это рушилось разомъ, отъ одного слова: *дальше идти нельзя*, произнесеннаго рѣшительнымъ, безапелляционнымъ тономъ моего проводника.

— Ночевать... началъ было я и сталъ нерѣшительно оглядываться,—не увижу ли гдѣ-нибудь въ сторонѣ, темной, полукруглой массы нашей кибитки, не услышу ли чего-нибудь, напоминающаго о жильѣ, о близости живаго существа...

Сплошными темно-сизыми стѣнками стоялъ густой туманъ... Мертвая тишина царствовала кругомъ. Я, Байтакъ и наши двѣ лошади—только четыре живыя существа посреди этого тоскливаго безмолвія.

— Подержи лошадей—я пойду чего-нибудь поищу—огня развести... сказалъ Байтакъ и передалъ мнѣ поводья своей лошади. Да смотри, хозяинъ, съ мѣста не трогайся — тутъ обвалъ большой, дна не видно... и справа тоже круча.. Осторожнѣе!

Едва онъ отошелъ шага четыре, какъ точно же исчезъ поглощенный туманомъ. Его «чалышъ» повернулъ морду вслѣдъ за хозяиномъ и тихо заржалъ.

— О-го-го!.. отвѣтилъ ему голосъ Байтака уже довольно далеко...

Я остался одинъ... Жутко, боязно было въ этомъ глухомъ безлюдьи... Казалось и лошади раздѣляли со мною это непріятное ощущеніе... Онѣ тревожно поводили ушами, пофыркивали—и плотно жалась другъ къ другѣ...

— Гей! Гой!.. послышался снова голосъ Байтака... Онъ, видите, не могъ отыскать меня и окликивалъ. Я отозвался.

— Слышу! раздалось спустя минуту—ближе.—Ну, вотъ я!.. Показался Байтакъ совсѣмъ не съ той стороны, откуда я его ожидалъ.

Онъ принесъ цѣлую охапку сухихъ пихтовыхъ сучьевъ п разнаго бурелому — и скоро яркій огонь освѣтилъ кругомъ все тогъ же туманъ, который отъ этого красноватаго пожарнаго свѣта показался еще гуще, еще непроницаемѣе.

Провизія съ нами не было—и потому мы должны были ограничиться только тепломъ отъ этого жаркаго, смолистаго костра; другой, болѣе существенной пользы мы ожидать отъ него не могли...

Завернувшись въ бурки, сѣли у огня... Посидѣли; поговорили немного...

— Ытъ хочется... первый началъ Байтакъ.

— Хотѣлось бы и мнѣ... отозвался я ему — и въ тонѣ моего сочувственнаго восклицанія ясно слышалось:—мало ли что хо-

Очерк Сибири. Семипалатинская область. Гора Каскыр-тау. Исхмет-Кульский край. Съ аквар. Н. Карзина, рис. на деревѣ В. Аманъ, граф. Боярский.

тѣлось бы, да когда нечего, такъ зачѣмъ и выражать эти несбыточные желанія.

— И какъ это мы съ дороги сбились! началъ было и удивляться.

— Ничего не сбились! самоуверенно произнесъ Байтакъ.

— А гдѣ же стоянка!.. Гдѣ кибитка?! По расчету времени мы должны бы были быть давно на мѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, поблизости! не белѣ досады и укоризны въ голосѣ произнесъ я.

— Мы и поблизости... кибитка здѣсь!

— Что?!

Я посмотрѣлъ на своего кара-киргиза нѣсколько удивленными глазами.

— Она тутъ!..

И Байтакъ кивнулъ головою на туманъ..

— Внизу, продолжалъ онъ, — близко!.. слышишь, собака лаеет! Вотъ опять!.. Слышишь?!

— Ничего не слышу! сказалъ я, прислушиваясь и напрягая до послѣдней степени всѣ свои слуховыя способности.

— А я слышу.. Тамъ, совсѣмъ внизу... правѣй немного... Обрывъ — ничего не видно... Спуститься нельзя!.. Надо ждать до утра...

Онъ говорилъ обрывисто, короткими фразами, говорилъ и въ то же время прислушивался, но только совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ, по его предположенію, должна была бы быть желанная стоянка, а совсѣмъ въ другую, въ противоположную, — и въ то же время рука его словно машинально отыскивала пряжку ремня его винтовки.

— Что ты?..

— Ишь — бродяги!.. Ого-го-го!

Лошади заворочались, хрюкнули — и повернули головы въ ту сторону.

— Что тамъ такое, что?.. встревожился было я немного и тоже схватился за оружіе.

— Ничего... Медвѣди бродятъ — двое ихъ.. и Байтакъ совершенно успокоился, — и только такъ, на всякій случай, снялъ винтовку съ плеча и положилъ ее около подъ своей бурки.

Успокоился и я... Врагъ былъ слишкомъ неопасенъ, чтобы вызывать болѣе солидныя мѣры осторожности... Здѣсь въ горахъ водятся небольшой медвѣдь, совершенно черный, — трусливый и никогда не нападающій на человѣка, котораго онъ страшно боится, ибо чувствуетъ въ немъ серьезнаго врага — и врага неутомимаго, жаднаго до его превосходной, косматой шкуры съ длинными, шелковистыми волосами... Я видѣлъ, какъ въ туманѣ мелькнули двѣ какія-то темноватыя массы, — носоглазны носомъ, но точно такъ же, послѣ оклика Байтака, скрылись и болѣе не появлялись. Лошади тоже совершенно успокоились, понурили свои горбоносые головы и принялись дремать. Да и насъ сильно начала одолевать дремота...

— Ты, хозяинъ, ложись спи — я буду стеречь! предложилъ мнѣ мой кара-киргизъ, замѣтивъ, вѣроятно, какъ я раза три подвинулся клянуть посомъ.

Я снялъ подушку съ сѣдла, разостлалъ одну половину своей бурки, улегся и завернулся другой... Сырой туманъ знобилъ меня, пробирался подъ моей одеждой, — я ближе подвинулся къ огню, подумалъ о чемъ-то неопредѣленномъ и самъ не замѣтилъ какъ заснулъ, да такъ крѣпко, что когда проснулся, было уже совершенно свѣтло и туманъ медленно рѣсѣвался, расплываясь по горамъ дымчатыми полосками.

Мало по малу всѣ предметы стали обрисовываться кругомъ... Вотъ затемнѣли угловатыя линіи скалистыхъ кряжей: вотъ стали, словно изъ-подъ воды, показываться кудреватыя очертанія пихтовыхъ группъ... Шагахъ въ двадцати отъ насъ выросла черная скала, вся покрытая сѣдломъ, жесткимъ мохомъ, показались бѣлые пятна снѣга, скривившагося въ трещинахъ и впадинахъ... Но всѣ эти предметы были одного, какого-то неопредѣленнаго, туманнаго цвѣта, словно это не были сами предметы, а тѣни ихъ, отброшенныя на зубчатую лаванъ горнаго тумана... Это была психологическо-фантастическая, волшебная картина!

Байтакъ не раздѣлялъ моего восхищенія и поспѣшно приволокъ въ порядокъ наши сѣдла и вьюки.

Но вотъ тѣни стали покрываться соответствующими пѣт красками... Пихты начали зеленѣть... Показались красноватыя черточки ихъ стволовъ и вѣтвей... Впередъ, прямо противъ насъ, поднималось что-то необытное, гигантское; — за этою массою разгоралось небо и алые полосы свѣта полились оттуда, захватывая своимъ потокомъ и вершины древесныхъ группъ и выступы скалъ, и все, что только ни попадалось пѣт на встрѣчу... И все это словно вспыхнуло, словно загорѣлось кругомъ. Глубже и темнѣе стали синіе провалы ущелій. Чудная горная панорама раскинулась передъ глазами.

— Каскыр-Тау! указалъ Байтакъ на темную массу напротивъ. Кибитка! указалъ онъ внизъ, на самое дно котловины.

Я посмотрѣлъ по его указанію... Двѣ войлочные кибитки ясно, отчетливо видны были на сѣроватомъ тонѣ кремнистаго дна. Дымъ надилъ изъ обычныхъ отверстій въ крышахъ. По близости стояли на приколахъ лошади нашей съсмычной партіи, между ними особенно ясно виднѣлись бѣлый жеребецъ моего товарища К., нѣсколько человѣкъ бродили около кибитокъ, входили въ нихъ и выходили. Въ лагерѣ уже началась обычная, утренняя жизнь.

Анстѣтъ нашъ разомъ, почти моментально, возросъ до самой высшей степени, и мы начали спускаться внизъ, не тратя больше ни одной минуты на созерцаніе тѣхъ чудесъ природы, которыя раскрыло передъ нами, разогнавшее туманъ, поднявшеся изъ-за Каскыр-Тау, декабрьское солнце.

Н. Каравинъ.

РРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмъ фонъ-Гиллерн-Бирхъ.

(Продолженіе).

Но вотъ и обѣдня отошла. Дѣтей благословили и отпустили. Вдругъ, на площадкѣ передъ храмомъ, раздались радостные крики: „Вотъ онъ! Вотъ! Съ медвѣдемъ!“ Всѣ, бывшіе въ церкви, хлынули вонъ и бросились съ громкими привѣтствіями къ молодому охотнику, который шелъ черезъ лужокъ, въ толпѣ шнальзертальскихъ и пинчауэрскихъ парней. Молодцы были, что говорить, и шнальзертальцы и пинчауэрцы, но съ Іосифомъ никто изъ нихъ не могъ сравниться: ростомъ онъ былъ выше всѣхъ, а ужъ красивъ какъ — заглядѣнье! Просто — сіялъ весь, какъ сіяетъ тотъ славный витязь — Св. Георгій, что изъ церкви. Черезъ плечо у него была перекинута медвѣжья шкура; страшныя лапы звѣря висѣли на широкой груди Іосифа. Гордо шелъ онъ, въ осанкѣ его было что-то царски-величавое; другіе два раза шагнуть, а онъ — разъ, и глядишь — впереди всѣхъ. Хваламъ и ликованіямъ конца не было, какъ будто это шелъ не простой стрѣлокъ, а царская особа въ костюмѣ охотника. Кто несъ его ружье, кто тащилъ фляжку — и всѣ парни были подвыпивши; они галдѣли, орали, пѣли — только Іосифъ шагалъ спокойно, трезво. Смирненно приблизился онъ къ духовенству, которое только-что оставило храмъ, и снялъ шляпу, украшенную вѣнками. Гости-епископъ осѣнилъ Іосифа крестнымъ знаменіемъ и произнесъ:

— Сила Господня была въ тебѣ, сынъ мой! Онъ, Всевышній, помогъ тебѣ — и ты содѣлалъ то, что другіе не могли совершить. Люди должны тебя поблагодарить, а ты поблагодари Господа Бога!

Женщины до того умилились, что ужъ всхлипывали, и у Валли глаза что-то заслезились... Да, вотъ теперь только она почувствовала какое-то умиленіе, чего въ церкви съ нею не случилось: она увидѣла, какъ подѣ благословляющей рукою епископа склонилась голова молодца-охотника.

Епископъ съ своей свитой удалился.

Іосифъ прежде всего спросилъ:

— А матушка гдѣ-же? Развѣ она не тутъ?

— Тутъ! Вотъ я!..

И мать бросилась въ объятія сына.

Крѣпко обнявъ ее Іосифъ и проговорилъ:

— Слушай, родная, только ради тебя одной горько мнѣ было-бы пропасть, не вернуться сюда! Какъ-бы ты была безъ меня? Нѣтъ, не хотѣлъ-бы я умереть, не оставивъ тебѣ куска хлѣба!

Эхъ, вѣдь какъ хорошо онъ это сказалъ! Валли опладѣло какое-то странное чувство: она почти позавидовала матери, которая блаженствовала въ объятіяхъ любящаго сына. Валли видѣла, какъ эта женщина нѣжно прильнула къ богатырской его груди. Толпа радостно-

весело глядела на такую картину... Что-то непонятное творилось в сердце молодой дёвушки...

— А-ну-ка, рассказывай теперь, как это ты с медведём-то порёшишь! загалдели мужики.

— Ладно, почему не рассказать, хе, хе! усмехнулся Иосиф и бросил на землю шкуру медведя, — на-те, мол, вам—смотрите!

Тут ещё плотнее окружили его, а трактирщик тем временем выкатил на площадку бочку наилучшего своего пива, так как послё обёдни слёдовал горло промочить, потому что случай-то больно важный вышел; ну, а где же всё-таки поместиться в трактирной комнате?..

Нечего и говорить, какая толпа мужчин и женщин окружала Иосифа, рассказывающего о своём подвиге; молодежь, чтобы лучше видеть, повскакала на скамейки, а некоторые сидели уже высоко на деревянных ветвях; Валли—уж конечно первая—взобралась на пихту. Местечко выбрала она чудесное—так так прямо в лицо рассказчика и устанилась. Двое-трое позавидовали ей и возмели намерение спихнуть ее оттуда, но Валли уперлась. Спор и шум на пихте привлёк внимание Иосифа; блестящие улыбающиеся глаза его остановились на секунду на лице Вальбурги — и ей опять показалось, когда он поднял голову, что на нее глядит пресвятый витязь Георгий... Дёвушка почувствовала как кровь хлынула ей в голову—и страшно ей стало почему-то, а сердце так и колотилось в грудную стенку, славно выпрыгнуть хотело. Такого испуга она и не знала до сих пор и не могла понять—чего-же собственно она испугалась?.. Изъ рассказа Иосифа Валли улавливала только отдельные фразы, потому что в ушах у нея звенело—и одна мысль не давала ей покою: а-ну как он опять посмотрит?.. Она не могла рёшить: желать-ли ей, чтобы он взглянул на нее, или... нёть, не желать—страшно!.. И когда Иосиф, продолжая свой рассказ, снова глянул на нее—Валли живо отвернулась, вспыхнула, ей стало вдруг стыдно, как будто словили ее на нехорошем дёле. Что-ж, может быть, глядеть на него не годится... нельзя?.. Пожалуй, что и так. А всё-таки трудно, просто невозможно не глядеть—и она глядела в оба, причём дрожь пробирала ее при мысли:—ну, как он замечит?.. Но пресвятый Георгий не замечал ее взглядов... Да и станет-ли он интересоваться дёвчонкой, взобравшейся на дерево?.. Если он и посмотрел на нее раза два—то всё так мельком смотрит и на белку какуюнибудь... Подобные мысли толпились в голове Валли, и как-то странно больно сжималось ее сердце. Но никогда еще на душе у нея не было так ясно: сегодня, в первый раз, она ощущала какое-то небывалое блаженство... Если-бы ей пришлось дорогой выпить вина—она, пожалуй, подумала-бы теперь, что верно сильно охмелела. Кровь бурлила в ее жилах, чувство страха не покидало ее... Четки так и прыгали в руке ее, а четки были повеньки, красно-коралловые с изысканным крестиком из чистого серебра. Это был подарок по случаю конфирмации. Вдруг от сильной встряски и быстрого верчения шнурочек лопнул, и красные шарики посыпались с дерева—словно кровавые слезы брызнули у пихты. Внутренний голос прозвучал в Валли: „Скверный знак! Люккард не любить, когда что-нибудь разорвется, особенно ежели в время разрыва в голове дума сидит“...

Да какая-же дума сидит у нея в голове? В самом деле, о чем-же она думала?.. Валли не могла на это ответить, потому что не улавливала ни одной определенной мысли. Однако, странно: ей жалко почему-то, что шнурочек лопнул именно теперь, вот в эту самую минуту?.. Ей казалось, что и солнце внезапно погасло и струя холодного ветра пронизала ее, а между тем было так тихо, что ни один листок не шевелился. и солнце по прежнему проливалось целое море

света на всю окрестность и на далекое царство синяго льда и ярко-белаго снега.

Вот скользнула тень от набёжавшаго облачка—но небу-ли души ее пролетело оно или по голубому снегу над ее головой?.. Она этого не знает...

Иосиф кончил свой рассказ и вынул из кармана мешочек с сорока гульденами. Такую сумму тирольское правительство обыкновенно платит охотнику за каждую медвежью голову. И снова раздался хвалебный ликование, всякий непременно хотел пожать руку виновнику торжества. Один только человек угрюмо стоял в стороне—то был отец Валли. Его вообще злило, если кто-нибудь выдвигался, мог претендовать чьм-нибудь перед прочими... Нёть, кроме него и его дочери—никто на свете не должен быть сильнее. Уже тридцать лет как он по праву слыл первейшим силачем в этой местности, и вот теперь, когда уже постарел, никак не хотел примириться с мыслью, что всё-таки пора посторониться—дать дорогу молодым силам.

Кто-то из толпы сказал с радости Иосифу, что ничего нёть мудреного, ежели он стал таким силачем—всё он родной сын первейшаго стрелка и лучшего борца в здешнем краю!.. Тут уж старики не вытерпели и рёким словом брякнули:

— Эге! Да вы никак стали живых в землю зарывать?!

Эти слова заставили всех вздрогнуть и попятиться. Некоторые даже испугались и проговорили: „Штротмингеры!“...

— Да, Штротмингер! Он — ничего, жив ещё, здоров, и вот до сих пор не всё-таки о том, что Гагенбах был первейшим борцом! Правда, хвастун он был первостатейный,—ну, а больше-то что-же?..

Иосиф рванулся, как раненая дикая кошка, и бросил на Штротмингера сверкающий взгляд:

— Кто смеет сказать, что отец мой хвастун?

— Я! Штротмингер с Солнечной площади! Знаю я что говорю: раз десятков бросал я его на землю как какое-нибудь полёно!

— Ложь! крикнул Иосиф. — Чернить отца — не позволю!

— Потихе ты... всё это Штротмингеры! С ним лучше не связываться... зашептали ему из толпы.

— Что? Дался вам этот Штротмингер—акое солнышко напши! Слушайте, если-бы сам Бог, сойдя с облаков, захотел худое нымолвить про моего отца—я и тогда не стерпел-бы... Штротмингер всегда был не в ладах с моим отцом, знаю я это,—по той причине не в ладах, что один отец и мог только потягаться с ним. Ну, и бывало так, что либо Штротмингер побуждал, либо его самого одолевали!..

— Ложь! проревел Штротмингер. — В дураках-то всегда оставался твой отец. Вот, если кто из этих стариков честен, справедлив—пусть закроет мои слова! А коли ты все еще не хочешь поверить—так я тебе вобью это в башку!

При словах „в дураках... отец“ Иосиф, как бёшенный, подскочил к Штротмингеру и еле произнес от волнения:

— Бери—бери слова назад, или я...

— О, Господи Иисусе! завывали женщины.

— Оставь, Иосиф, оставь! упрашивала мать: — старик всё он, старика не годится трогать!

— Э-хе-хе! кричал Штротмингер, совсём красный, озлившись. — Да вы это что-же—хотите меня уж развалиной сдёлать?.. Ну, нёть, я еще не так одряхлел, чтобы уж не мог потягаться с таким мальчишкой! Сунься-ка сюда — увидишь, что не высохли еще мои кости; и не страшен ты мне нисколько, хоть-бы даже десятков медведей перестрелял!...

Старый силачъ, какъ дикій быкъ, налетѣлъ на молодого стрѣлка, такъ что тотъ отъ сильнаго натиска попытался, но черезъ секунду дѣло приняло другой оборотъ; гибкая, сильно-мускулистая фигура Іосифа была такъ упруга, что пригнуть, сломать ее никакъ не удавалось—она быстро выпрямилась, словно высокоствольная альпійская пихта, корни которой какъ желѣзные веревки сплелись въ обнаженной скалѣ... Рвутъ ее буйные вѣтры, глыбы снѣга лежатъ на ней, а она стоитъ, не ломится. Не могъ-же Штроммингеръ вырвать такое дерево — не могъ и Іосифа сбить съ ногъ. Не долга была борьба: молодой охотникъ крѣпко обнялъ старика и такъ сдвинулъ его, что Штроммингеръ громко застонать и не могъ даже рукой двинуть. Юноша-великанъ началъ встряхивать противника, приподнимать его, гнуть и туда и сюда, не торопясь, аккуратно, ударяя то по одной, то по другой ногѣ, какъ-бы желая совсѣмъ опрокинуть его. Зрители почти замерли, — въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище выходило изъ ряду вонъ, что-то странное совершалось — и они чувствовали, что не годится глядѣть, какъ свалится такой старый дубъ... Вотъ-вотъ — Штроммингеръ повисъ, онъ ужъ не касается земли... Онъ непременно упадетъ — но нѣтъ, Іосифъ самъ поддержалъ его и на крѣпкихъ рукахъ своихъ отнесъ старика на ближайшую скамью, гдѣ и усадилъ его. Вынувъ спокойно платокъ, молодой человекъ провелъ имъ по вспотѣвшему лбу побѣжденнаго.

— Ну, вотъ, Штроммингеръ, видите и одолѣлъ я васъ. И свалить-бы могъ, но Боже упаси опозорить стараго человека такимъ манеромъ! Ладно, будемъ теперь снова друзьями — миръ и забвеніе, Штроммингеръ!

Онъ чистосердечно протянулъ ему руку, но старикъ, злобно взглянувъ, отпихнулъ ее.

— Поди ты къ дьяволу, безсовѣстный! крикнулъ Штроммингеръ и всталъ. — Слушайте всѣ вы, зельденцы! Радовались вы, видя, какъ изъ Штроммингера сдѣлали посмѣище — такъ погодите-же: узнаете еще, кто я такой. Теперь — аминь, никакого дѣла не буду я съ вами имѣть, и хоть-бы половина Зельдена издыхала съ голода — не помогу!

Онъ приблизился къ пихтѣ, на которой Валли все еще сидѣла въ лихорадочномъ полу-снѣ, и, рванувъ дочь, за юбку, крикнулъ:

— Слѣзай! Не обѣдать-же намъ тутъ. Никогда этимъ зельденцамъ не удастся даже понюхать моихъ денежекъ!

Валли не слѣзла, а скорѣе свалилась съ дерева, и стояла неподвижно, какъ очарованная, почти съ мольбой смотря на Іосифа. Она думала, что вотъ, долженъ же онъ почувствовать, какъ ей непріятно удалиться отсюда; ему слѣдовало-бы, такъ ей казалось, взять ее за руку и сказать: „Оставайся со мной! Развѣ ты не моя? Вѣдь я же твой!“... Но — увы, Іосифъ стоялъ себѣ преспокойно въ кучкѣ зельденцевъ, которые съ вытянутыми лицами переговаривались о чемъ-то вполголоса... Дѣло въ томъ, что въ Зельденѣ многіе позадолжали Штроммингеру, да и вообще деньги его, поддерживая почти всю мѣстную коммерцію, сильно позваивали кругомъ.

— Пойдешь ты, что-ли! толкнулъ онъ дочь, и Валли по-неволѣ пошла... Губы ея дрожали, грудь тяжело дышала; она метнула въ отца взглядъ безсильный злости. Штроммингеръ погналъ ее передъ собой, какъ теленка. Скоро они услышали торопливые шаги, нагоявшіе ихъ, и когда оглянулись — увидѣли Іосифа въ сопровожденіи двухъ крестьянъ.

— Слушай-ка, толстый карманъ! Полно упрямиться! проговорилъ молодой стрѣлокъ. — Ну, какъ ты пойдешь съ дѣвочкой-то своей на тошакъ въ такую даль? Чай, не близко Солнечная площадка!

Іосифъ очутился рядомъ съ Валли, почти касался ея, такъ что она чувствовала его горячее дыханіе... Вотъ, и рука его упала ласково-сострадательно на пле-

чо дѣвушки... Вальбурга понять не могла: что творится съ нею?.. Такъ онъ добръ, ласковъ, внимателенъ, а между тѣмъ у нея на душѣ что-то такое, что разъ уже было тогда, когда она выхватила коршуненка изъ гнѣзда... И въ ту минуту какъ прошумѣли надъ ея головой крылья коршуна, темно вдругъ стало и она уже ничего не слышала. Вотъ, и теперь, вблизи ея, отъ прикосновенія его руки, молодое сердце ощущало такое-же странное, невыразимое чувство, что-то неземное... Валли не струсилъ, когда широко-крылатый хищникъ бросился на нее и заслонилъ ей солнце; она храбро и осторожно отбивалась отъ него — въ настоящую-же минуту тряслась, какъ въ лихорадкѣ, была смущена, растерялась...

— Убирайтесь вы! проревѣлъ Штроммингеръ и показалъ Іосифу кулакъ. — Прямо вотъ такъ въ лицо и ударю, коли ты не уйдешь отъ меня, хоть-бы это мнѣ жизни стоило!..

— Ну, ежели не желаете — какъ вамъ угодно, только глупецъ вы послѣ этого, Штроммингеръ! сказалъ спокойно Іосифъ, отвернулся и удалился съ товарищами.

Теперь Штроммингерамъ никто уже не мѣшалъ идти, и они пошли, и съ каждымъ шагомъ разстояніе между Валли и Іосифомъ увеличивалось. Валли не вытерпѣла — оглянулась, еще разъ увидѣла голову его надъ кучкой другихъ головъ и услышала, какъ тамъ, на площадкѣ, передъ церковью, толпа весело смѣялась и покрикивала. Ей все еще какъ-то не вѣрилось, что уходитъ она, не увидитъ больше Іосифа — пожалуй никогда не увидитъ... Вотъ обошли они скалу — и ничего уже не видать: площадка, люди, Іосифъ — все прошло, все! Тутъ вдругъ ей почудилось, что тамъ предвѣстникъ великаго счастья явился къ ней, улыбнулся, а теперь — исчезъ безвозвратно. Она въ послѣдній разъ оглянулась, какъ будто просила помощи, поддержки, потому что новыя невѣдомыя страданія угнетали ее, и сердце ныло, ныло... Но, увы, около нея никого не было, кто-бы сказалъ ей: „Успокойся подожди — лучше будетъ!“..

Горы, и ущелья, ледники кругомъ... Что-то мертвенное, неподвижное было въ окружающей природѣ, безучастно — холодное... У Валли пуще сжалось сердце. И что за дѣло этому необъятному міру до тревоженій какого нибудь бѣднаго человѣческаго сердечка?.. Отецъ молча шелъ съ нею рядомъ, и ей казалось, что возлѣ нея двигалась безмолвная скала... Дѣ, а вѣдь виноватъ-то онъ одинъ во всемъ! Злой онъ, суровый, безсердечный человекъ! И нѣтъ у нея въ цѣломъ мірѣ никого, кто-бы пожалѣлъ ее!..

Думала она такъ, терзалась, а сама между тѣмъ шла все дальше и дальше, впереди отца; ноги двигались какъ-то сами собою, вносили ее на гору, спускали съ горы, какъ будто хотѣли помочь ей убѣжать отъ гнетущей тоски.

Солнце накаливало голыя стѣны утесовъ, воздухъ былъ горячъ, нѣтъ-мѣтъ почти было дышать, языкъ и губы сохли, кровь бурлила въ жилахъ... Вдругъ въ глазахъ Валли закружилось, ноги подкосились, она упала, и громкія рыданія вырвались изъ ея груди.

— Хо-хѣ, что еще выдумала? спросилъ Штроммингеръ, сильно пораженный, потому что въ первый разъ слышалъ плачь дочери, которая, кажется, и ребенкомъ-то не плакала. — Съ ума спятила, а?

Валли промолчала. Она, такъ сказать, совсѣмъ окунулась въ волны сердечной печали и скорби.

— Разожми ротъ-то! гаркнулъ Штроммингеръ. — Ну, что такое? Эй, не молчи, а не то!..

Какъ горный потокъ стремительно вырывается изъ ущелья, такъ вырвалось наружу все, что накопило въ расходившемся, мятежномъ сердцѣ дѣвушки: правда рѣзкая, горькая, неистово-гнѣвно, такъ и хлынула на старика. Валли ничего не утаила; правдивая натура ея не терпѣла утайки, лжи, и она прямо говорила, какъ

Возвращение мужа (пѣтъ, не виновенъ). Картина Виктора Жиро, рисоваль Филиппото, грав. Пусъ.

ей понравился, полюбился Иосифъ, что полюбила она его такъ, какъ никого,—и какъ она радовалась, что ей можно будетъ перекинуться съ нимъ словечкомъ, и если-бы Иосифъ узналъ, что и она сильна, отважна, и тоже совершала подвиги, то ужъ навѣрно пригласилъ-бы ее танцовать, ну, а послѣ тоже непремѣнно влюбился-бы въ нее—и вотъ, это пошло прахомъ! Онъ, отецъ, лишилъ ее этой радости, потому что накинута на Иосифа какъ безумный и принудилъ ее бѣжать отсюда со стыдомъ и позоромъ... Нечего и говорить, что Иосифъ послѣ такой гадости не захочетъ никогда и посмотреть на нее!.. Да что! Отецъ всегда такимъ и былъ съ людьми—злющимъ, свирѣпымъ, потому-то всѣ и называютъ его „злымъ“, а вотъ ей и приходится за все это расплачиваться!..

— Стой!

И вслѣдъ за этимъ крикомъ Штротмингера раздался свистъ—это палка его со всего размаха ударила по спинѣ дочери... Ударъ былъ такъ силенъ, что Валли, вся блѣдная, поникла головой; ей казалось, что спина ея переломлена...

Довольно нѣсколькихъ градинъ, чтобы смять, погубить развертывающійся цвѣтокъ—юную, нѣжную душу. Сначала Валли было такъ дурно, что она не могла пошевелиться. Изъ закрытыхъ глазъ ея упало на грудь нѣсколько крупныхъ слезинокъ—такъ изъ сломанной вѣтви тихо падаютъ прозрачныя капли сока... Она стихла, все въ ней замерло.

Отецъ стоялъ тутъ-же, бормоча какія-то ругательства, и ждать, какъ ждетъ погонщикъ надъ волкомъ, который выбился изъ силъ и, не смотря на удары, не можетъ идти.

А кругомъ все та-же тишина, пустыня; не слышно ни шелеста листьевъ, ни щебетанья птички, потому что здѣсь голыя скалы, тутъ птица не вьетъ гнѣзда и нѣтъ ни одного деревца... На узкой тропинкѣ—только отецъ и дочь.

Можетъ быть здѣсь, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, бушевали силы природы и между ними шла ожесточенная борьба... Теперь, куда ни взгляни, только и видны колоссальныя слѣды страшной, дикой бури, оставившей одни громадные развалины. Давно потухли огни, которые развалили землю, давно замолкли тѣ волны, что неистово нагрянувъ увлекли за собою цѣлыя утесы. Теперь мирно покоится вся эта громада, и тѣ силы, которые могли возбуждать ее—спятъ глубокимъ сномъ, какъ мертвецы въ могилахъ; надъ этимъ безмолвнымъ кладбищемъ только ледяныя пики, въ своихъ бѣлыхъ цѣломудренныхъ одеждахъ, сурово высятся и, подобно мысли, стремящейся въ заоблачный міръ, парятъ надъ гиганскими могильными памятниками. Ничто не нарушаетъ здѣсь мертвой тишины;—одно лишь неугмонное созданіе—человѣкъ—все еще борется, не устаетъ и, страдая, смущаетъ торжественный покой природы.

Но вотъ Валли открыла глаза, оправилась чтобы продолжать путь. Она ни на что уже не жаловалась; губы ея были плотно сжаты. Посмотрѣла она на отца, но такъ, какъ смотрятъ обыкновенно на совѣмъ новое, чужое лицо... Слѣзъ давнымъ уже не было.

— Что, узнала теперь каково будетъ тебѣ, если не выкинешь изъ головы мысли о негодѣ, опозорившемъ Штротмингера? заговорилъ онъ, взявъ ее за руку.—Знай-же, скорѣе руки мои сбросятъ тебя съ Солнечной площадки, чѣмъ отдадутъ Иосифу!

— Пусть! отвѣтила Валли—и отвѣтила такъ выразительно, что даже Штротмингеръ остолбенѣлъ... Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ одномъ словѣ, въ тонѣ голоса, столько было желѣзнаго упорства, что оно невольно поразило старика, который замѣтилъ при этомъ дикображдебный взглядъ дочери, брошенный на него.

— У, злое отродье, злое! проворчалъ онъ.

— Свое отродье-то! пробормотала Валли.

— Погоди, будешь ты у меня ужъ шелковая...

И зубы Штротмингера скрипнули.

— Н-да! произнесла она, какъ будто хотѣла сказать:—сунься только!

Тутъ оба они умолкли и такъ дошли до-дому.

Когда Валли вошла въ свою комнату, чтобы скинуть съ себя праздничный нарядъ, старушка Люккардъ (она еще ея матери и бабушкѣ служила), эта вторая мать Вальбурги, выглянула изъ-за двери и прошептала:

— Ты плакала, Валли, а?..

— Ну? откликнулась дѣвушка особенно рѣзко грубо, чего прежде не бывало съ ней.

— Да вотъ, по картамъ-то слезы выпали тебѣ. Раскладывала я ихъ сегодня по случаю твоей конфирмовки... И стоишь ты промежду двухъ мужичь, да-а... Ну, а потомъ вышли страхъ и слезы; такъ все это близко одно къ одному, ровно-бы вотъ на сегодняшний день... И мѣсто указано было: какая-то тропиночка узкая...

— Новости какія! проговорила Валли равнодушнымъ тономъ и спрянула праздничныя юбки покойной матери въ большой деревянный сундукъ.

— Да что съ тобой? спросила старушка.—Нѣтъ, ты что-то глядишь нехорошо, да и пришли-то вы отсюда раненько... И не поплясала?

— Поплясала! Ха, ха, ха!..

Дѣвушка рѣзко, звонко размѣялась, словно по лютѣ сильно ударили молоткомъ—и всѣ струны ея, зазвенѣвъ, застонали...

— Какъ разъ было плясать—да! прибавила Валли.

— Да что-же вышло, голубушка ты моя? Расскажи, повѣдай—можетъ и пособлю чѣмъ...

— Нѣкому и нечѣмъ пособить мнѣ тутъ!

И она захлопнула сундукъ тяжелой крышккой, какъ будто хотѣла запереть тамъ все что мучило, сдавливало ея грудь... Казалось—это стукнула гробовая крыша, подъ которой легли на вѣки-вѣчныя всѣ золотыя, свѣтлыя надежды Валли.

— Ну, ступай теперь, уходи! скомандовала она, обращаясь къ Люккардъ.—Мнѣ хочется отдохнуть.

Такимъ тономъ она никогда еще не говорила съ этой женщиной.

— О, Господи Иисусе! Да это никакъ твои чети на полу-то? Разорваны?.. Кораллы-то гдѣ?

— Потеряны.

— Ахъ, Создатель, вотъ бѣда! Крестикъ да снурочекъ только и остались... Въ такой день разорвать четки, да тутъ еще слезы въ картахъ вышли—ну!... Ахъ, Мать, Пресвятая Богородица! Передъ какой это бѣдой стряслось?..

Старуха, почти выгнанная, вышла изъ комнаты, продолжая вслухъ скорбѣть. Валли сейчасъ же заперла за нею дверь, щельнувъ задвижкой. Оставшись одна, она кинулась на кровать—и какъ-то тупо, не мигая, стала смотрѣть на образъ Богоматери и на распятіе, висѣвшіе на стѣнѣ.

Что-жъ, рассказать имъ о своемъ горѣ, начать жаловаться?.. Нѣтъ, видно Божія Матерь не любитъ Валли... Если бы Она любила ее—развѣ допустила бы такъ испортить такой важный для нея день?.. Да и неизвѣстно Ей совѣмъ, что это за любовное горе: Она горевала только о Сынѣ, ну, а это совершенно другое чувство—не та тоска, которая сосетъ сердце Валли, мучитъ ее. А Спаситель?.. Но что Ему до людской любви? Ему это рѣшительно все равно... Нѣтъ, и къ Спасителю нечего обращаться съ подобными жалобами. Онъ желаетъ одного, а именно, чтобы всѣ люди помышляли только о Царствѣ небесномъ, жаждали бы этого Царства... Да, а ея—то юное, пылкое сердце летѣло и порывалось ежеминутно только къ ненаглядному, любимому человѣку—здѣсь, на землѣ!.. Далеко гдѣ-то свѣтлая, заоблачная обитель, и никто изъ живущихъ не знаетъ о ней,—такъ

какъ же дѣвушка порываться туда, и притомъ въ такія минуты, когда сильная, здоровая натура ея впервые стала настойчиво-смѣло заявлять свои права? Какъ-то горько-озлобленно смотрѣла Валли на эти святые изображенія, сознавая, что Мать и Сынъ могутъ скорбѣть объ иныхъ людскихъ напастьяхъ, сочувствовать всѣмъ другому горю и требовать отъ нея неисполнимаго. Она не могла ласково отнестись къ Нимъ, она почти сердилась на нихъ, какъ сердится дитя, когда родители несправедливо лишаютъ его какой нибудь радости.

Валли не вставала съ кровати, она долго еще смотрѣла съ упрекомъ на святые образы, но вотъ они исчезли въ туманѣ и передъ ней засіяло милое, красивое лицо Иосифа... Валли быстро положила руку на плечо, на которомъ еще сегодня лежала его рука, какъ бы желая этимъ удержать ласку милаго. Другое, женское лицо, ясно представилось ей—это лицо матери Иосифа... Она крѣпко завидовала ей. И вотъ опять эта женщина въ объятіяхъ его, и онъ такъ ластится къ ней!.. Прочь!.. Валли отбросила мать и сама припала къ груди Иосифа... Иосифъ обнялъ ее, и она впиалась взглядомъ въ его черные, огненные очи... Но что же могъ бы онъ сказать ей при этомъ? Она все придумывала ласковое слово и, наконецъ, прошептала: „Милая ты дѣвушка!“ Въѣдъ называлъ же онъ мать свою „милой“... Ахъ, какія чудныя, сладкія минуты!.. Ну, и что весь заоблачный міръ, куда другіе стремятся, въ сравненіи съ тѣмъ блаженнымъ состояніемъ, которое она ощущала даже только при мыслѣ объ Иосифѣ?.. А на самомъ-то дѣлѣ что будетъ?.. Такого счастья и не вообразишь!..

Вдругъ въ окно что-то стукнуло. Валли вздрогнула и какъ будто пробудилась отъ сладкаго сна. А стукнулъ это молодой коршунъ, тотъ самый, котораго она добыла изъ гнѣзда назадъ тому два года. Птица привязалась къ ней какъ собака. Валли позволяла своему питомцу гулять гдѣ ему угодно; онъ велъ себя смирно, любилъ бывать съ ней и неуклюже порхалъ за своей хозяйкой, такъ какъ крылья у него были подстрижены.

Дѣвушка открыла оконце, и коршунъ очутился около нея. Круглые желтые глаза его какъ-то любовно-довѣрчиво смотрѣли на Валли. Она ласково провела рукой по его шеѣ, потрепала его крѣпкія крылья, вернула ихъ, потомъ опять сложила... Въ комнату влетѣла струя свѣжаго воздуха. Солнце уже садилось гдѣ-то тамъ далеко, за горами; изъ оконца только и были видны тихія горныя вершины, окутанныя голубымъ туманомъ.

Въ груди Валли все утомилось, какъ будто и тамъ настали сумерки. Вечерняя свѣжесть оживила дѣвушку, она встала, посадила коршуна на плечо и сказала: — Идемъ-ка, Ганзль *)! Ну, что намъ тутъ? Ужъ будто и работы не найдется!..

Вѣрный орелъ былъ наилучшей отрадой Валли. Раздобыла она его тамъ, куда никто не посмѣлъ сунуться—крутъ былъ утесъ; она на смерть билась за орленка, силой отняла его у матери, приручила его—и теперь Ганзль неотъемлемая ея собственность.

— „И онъ будетъ, подожди, совѣтъ твоимъ!“ прозвучалъ въ ней тихій голосъ, когда она прижала къ груди своего питомца.

(Продолженіе будетъ).

НѢТЬ, НЕ ВИНОВЕНЪ.

Картинка В. Жиро.

Недавно въ Парижѣ основалось «Общество для улучшенія быта женщинъ». Члены этого Общества обратились съ адресомъ къ Виктору Гюго, прося его поддержки — конечно, поддержки нравственной. Въ этомъ адресѣ, между прочимъ, прямо говорится, что мать семейства—женщина не имѣетъ правъ, даже дѣти не принадлежать ей; супругъ для нея — опекунъ, почти господинъ; незамужняя или вдова — она подчинена, на основаніи кодекса (Наполеоновскаго) участіи воровъ и убійцъ. Въ политическомъ отношеніи она ставится ни во что. Законы наши (французскіе) поставляютъ ее внѣ закона... Викторъ Гюго отвѣтилъ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ стремленіямъ женщинъ и, съ своей стороны, сдѣлаетъ все что можетъ, причемъ замѣтилъ, что женскій вопросъ — есть вопросъ будущаго. «Странно сказать, говоритъ онъ,—а въ сущности мужчины зависятъ отъ женщинъ, такъ какъ сердце мужчины въ рукахъ женщины. Она въ домѣ своемъ владыка надъ добромъ и зломъ и можетъ при благоприятныхъ условіяхъ превратиться въ деспота. Женщина безгранично сильна въ борьбѣ съ мужчиной, хотя и безсильна въ борьбѣ за свои интересы»...

Если это такъ, если сердце мужчины въ рукахъ женщины, то въ рукахъ мужчины—вся жизнь женщины.

Вотъ, смотрите, какая сцена разыгрывается на лѣстницѣ: любимый мужъ вернулся домой и засталъ жену съ человѣкомъ, который счастливѣе его.

Она бросилась защитить свое счастье, но господинъ сурово оттолкнулъ ее, загородилъ ей дорогу — и поднялъ пистолетъ, цѣлясь въ своего соперника. Въ глазахъ его — ярость; нѣтъ пощады — онъ жаждетъ крови... Палецъ нажалъ спускъ — грянулъ выстрѣлъ — и заструилась кровь по каменнымъ плитамъ.

Убійца сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Входятъ присяжные, и старшина ихъ провозглашаетъ: «нѣтъ, не виновенъ».

Почему-же? Потому что онъ—французъ, а французъ можетъ безнаказанно убить любовника жены своей, если застанетъ ихъ вмѣстѣ. Въ послѣднее время, однако, французскіе присяжные только въ томъ случаѣ оправдываютъ такихъ убійцъ (овираясь на обычай), когда убійство совершено *на мѣстѣ роковой встрѣчи*. Такимъ образомъ *быстрота расправы* является обстоятельствомъ совершенно устранивающимъ законную кару, обуславливающимъ полную невмѣняемость. Если-же мужъ *опоздаетъ*, убьетъ донъ-жуана послѣ, не на мѣстѣ встрѣчи, то судится уже какъ обыкновенный убійца.

Въ картинѣ В. Жиро дѣйствующія лица въ костюмахъ прошлаго столѣтія, но накиньте на мужа дорожное пальто, дайте ему вмѣсто кремневаго пистолета—револьверъ, пусть унавившій донъ-жуанъ будетъ въ пиджакѣ—и передѣланная картина—увъ, не будетъ чуждою современнымъ нравамъ!..

ТЕТЕРЕВЪ-КОСАЧЪ.

Тетеревъ, полевикъ, чернышъ, косачъ—таковы названія этой птицы, данныя ей въ отличіе отъ глухаря, о которомъ мы уже бесѣдовали съ читателями въ «Нивѣ» 1870 года. Самецъ—блестящаго чернаго цвѣта; голова, шея и нижняя часть спины съ металлически-синеватымъ отливомъ; по сложеннымъ крыльямъ тянутся двѣ бѣлыя полосы; брови и голое мѣсто вокругъ глазъ ярко-краснаго цвѣта; хвостъ представляетъ расщепленную косяцу, изогнутую въ видѣ лиры, откуда и латинское названіе его (*Lutinus tetrix*). У самки (тетерки) цвѣтъ перьевъ представляетъ смѣсь ржаво-желтаго и ржаво-бураго съ черными полосками и пятнами. Длина самца 2 фута, самка на полфута короче.

Тетеревъ, подобно глухарю, распространенъ у насъ во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣверной и средней Россіи, до самаго Амура, гдѣ и живетъ осѣдно, т. е. зимуетъ, не выселяясь подобно болотной дичи на зиму въ болѣе теплыя страны. Касательно пищи онъ гораздо взыскательнѣе своего глухаго сородича: меніе его обыкновенно составляется изъ древесныхъ почекъ, листьевъ, ягодъ, зеренъ и насекомыхъ. Лѣтомъ онъ охотно посѣщаетъ моховыя болота съ кочкарникомъ и ягодниками, гдѣ щиплетъ чернику, бруснику, голубику; а зимой лакомится можжевельными ягодами, молодыми, зелеными сосновыми ши-

*) Ванятка.

печками и т. п. Изъ животныхъ веществъ онъ очень любитъ небольшихъ улитокъ, червей, муравьиныя яйца, мухъ, жуковъ, которыми почти исключительно и выкармливаютъ птенцовъ.

Косачъ бѣгаетъ скорѣе глухаря и чаще его попадаетъ на землѣ; въ лѣсу же лиственные деревья предпочитаетъ хвойнымъ. Полетъ его быстрый, прямой, съ шумомъ и трескомъ при взлетѣ, сопровождается частыми ударами короткихъ крыльевъ. Сверхъ того, полевые тетерева отличаются отъ глухарей и общительностью: оба пола живутъ постоянно вмѣстѣ, а осенью при взлетѣ, сопровождается частыми ударами короткихъ крыльевъ. Сверхъ того, полевые тетерева отличаются отъ глухарей и общительностью: оба пола живутъ постоянно вмѣстѣ, а осенью при взлетѣ, сопровождается частыми ударами короткихъ крыльевъ. Во многихъ мѣстностяхъ начинается тотчасъ, какъ появятся почки на березѣ, т. е. уже во второй половинѣ марта, и продолжается весь апрѣль и май. На сѣверѣ токъ начинается позже и длится нерѣдко до половинѣ июня. Ничего не можетъ быть забавнѣе собранія пѣтушковъ, которые поютъ, пляшутъ, дерутся, задавая настоящіе турниры въ честь своихъ дамъ. Для тока выбирается обыкновенно лѣсная луговина, прогалина или просѣка, куда чернышъ слетаются съ самаго разсвѣта. Послѣ перваго свиста или кваканья, слѣдуетъ такъ-называемое точенье, что въ родѣ шипѣнія, передаваемое на охотничьемъ жаргонѣ звукоподражательно словомъ «чуфыканье», смѣняемое воркованьемъ. Во все это время тетеревъ кривляется и вертится самымъ смѣшнымъ образомъ, расшпиряетъ хвостъ вѣеромъ, вытягиваетъ шею съ нахлещенными перьями, опускаетъ крылья, подпрыгиваетъ, прижимаетъ голову къ землѣ, хлопаетъ крыльями, опять вертится, прыгаетъ и т. д. Какъ только явится на токъ другой пѣтухъ, начинается драка, впрочемъ не имѣющая серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ противники стараются больше напугать другъ друга. Токъ прерывается и тетеревъ, съ которымъ побѣдители отпирываются ворковать на деревья, а затѣмъ улетаютъ на жировку.

Около половины мая тетеревъ устраиваетъ гнѣздо, выкапывая яму подъ кустарникомъ въ высокой травѣ, гдѣ и кладетъ 7—12 крапчатыхъ яицекъ, — отъ которыхъ отводитъ врага, притворяясь

пораненою и чуть двигающеюся, а затѣмъ быстро вспархиваетъ и летитъ въ противоположную сторону. Цыплята съ перваго же дня по вылупленіи умѣютъ уже искусно прятаться, скоро учиваются порхать и черезъ нѣсколько недѣль вскоду уже слѣдуютъ за старками.

Около 10-го июля начинается такъ называемая охота *по выводкамъ*. Вся семья держится въ это время по низкорослымъ кустарникамъ, гдѣ на нее чрезвычайно легко наткнуться лягавой собакой. Выводокъ поднимается почти весь разомъ, птица за птицей, словно шумящія ракеты, разлетаясь въ разныя стороны. Надо стараться прежде всего положить въ яхташъ матку. Если это удалось, охотникъ подманиваетъ ея голосомъ — цыплята отзываются и бѣгутъ къ нему подъ выстрѣлъ. Если же matka не убита на взлетѣ—слѣдуетъ манить на голосъ цыпленка; тогда она откликнется и подлетитъ. Такимъ образомъ можно перебить весь выводокъ.

Къ августу молодые окончательно вырастаютъ, но цвѣтъ ихъ свѣтлѣе старыхъ; это такъ-называемые *черныши въ стромъ перъ*. Въ это время они переселяются въ поля гречихи по опушкамъ лѣсовъ, гдѣ ихъ бьютъ также пзъ подъ собаки.

Въ Россіи чрезвычайно распространена охота *на чучела*, причѣмъ для охотника выстраивается шалаашъ, а на разстояніи ружейнаго выстрѣла на деревьяхъ рассаживаются картонныя или настоящія тетеревиныя чучела. Охотникъ садится въ шалаашъ, а помощникъ его сгоняетъ окрестную дичь, которая и собираетъ къ чучеламъ подъ выстрѣлы стрѣлка. При этомъ надо бить сидящихъ на нижнихъ вѣтвяхъ и отнюдь не выскакивать изъ шалааша. Если тетерева не очень напуганы, то сидящіе на верхнихъ вѣтвяхъ только глумо смотрятъ на падающихъ товарищей—и улетаютъ лишь послѣ 3-го или 4-го выстрѣла.

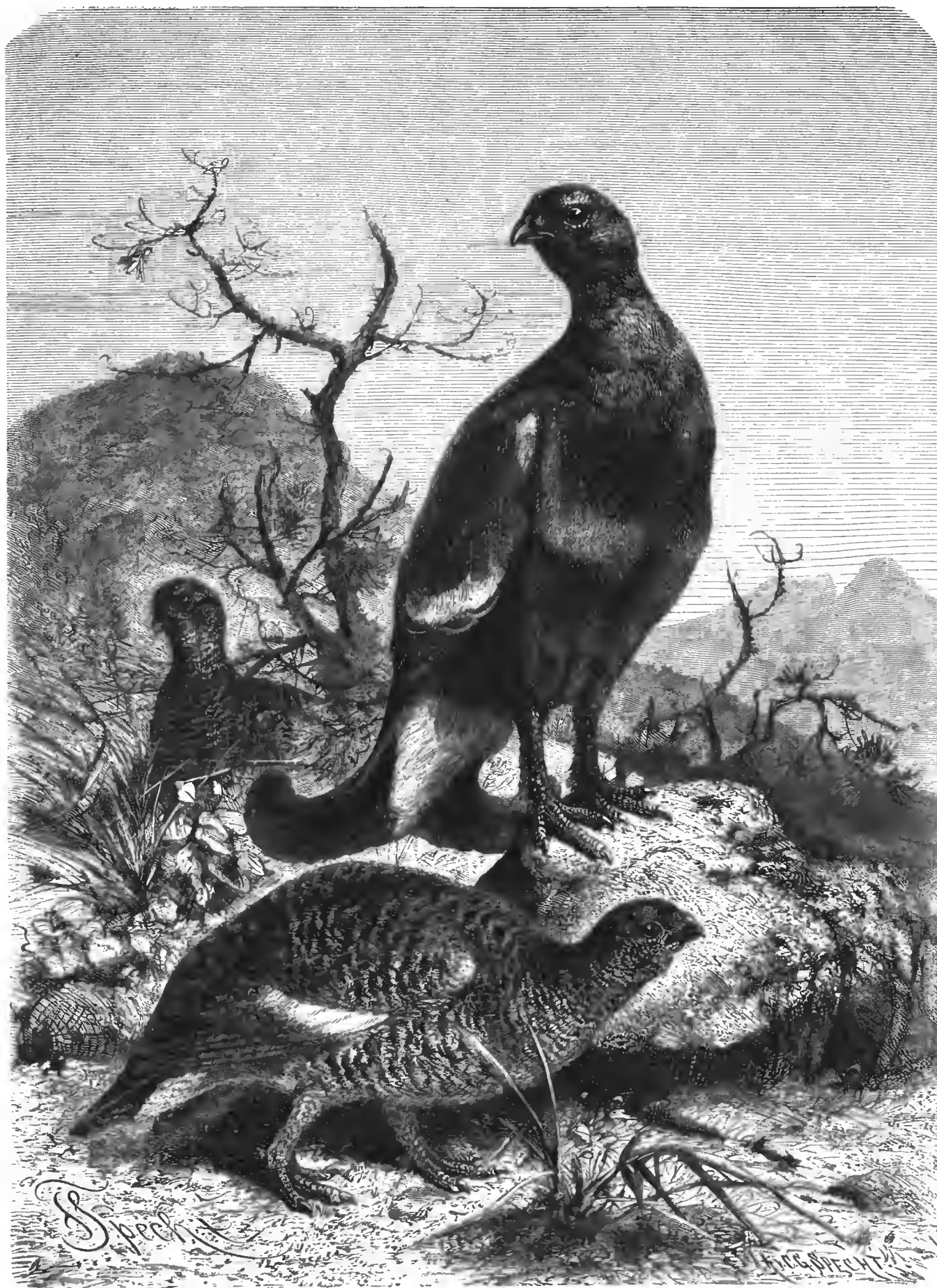
Въ глубокую осень, *по перелету*, тетереви бьютъ въ лѣсу на деревьяхъ, подбѣжая къ нимъ тройками на саяхъ. Зимою же нерѣдко кроютъ ихъ такъ-называемымъ *штрапомъ* (конической сѣткою) вмѣстѣ съ куропатками или отдѣльно.

Политическое обозрѣніе.

Германо-бельгійское столкновѣніе, о которомъ мы говорили прошлый разъ, продолжаетъ занимать умы и даетъ пищу для разнаго рода предположеній и толкованій. Грозная нота всемогущаго князя Бисмарка, сдѣлавшая столько шума и въ печати, и между дипломатами, вызвала отвѣтъ со стороны бельгійскаго правительства,—отвѣтъ, который въ Берлинѣ сочли довольно уклончивымъ и во всякомъ случаѣ не разъясняющимъ возбужденнаго германскою нотой вопроса. Въ такомъ смыслѣ составлена была вторая депеша германскаго правительства, въ которой, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ объ уклончивости отвѣта Бельгіи, выражается также нѣкоторое неудовольствіе по поводу слуховъ и неправильныхъ толкованій, извращающихъ истину и доказывающихъ, что будто бы германское правительство посягаетъ на свободу бельгійской печати и на самостоятельность нейтральныхъ державъ. Въ заключеніе, въ доказательство своего дружескаго и примирительнаго настроенія, германская депеша указываетъ на то, что Германія изъ дипломатическаго столкновѣнія съ Бельгіей вовсе не дѣлала частнаго вопроса, касающагося только одной этой державы, но что, напротивъ того, она старалась привлечь къ обсужденію поднятаго вопроса и покровительствующія Бельгіи государства, которымъ и сообщила объ этомъ предметѣ особыми депешами. Несмотря, однако, на примирительный, сдержанный тонъ заявленій германскаго правительства, дѣло остается далеко еще не разъясненнымъ и не оконченнымъ. Начать съ того, что самое выполненіе требованій князя Бисмарка, съ юридической точки зрѣнія—дѣло совершенно невозможное, какъ это обстоятельство доказалъ въ своей статьѣ профессоръ междунагоднаго права въ Женевскомъ университетѣ Горнунгъ. По его словамъ, бельгійское законодательство, по отношенію къ преступленіямъ, совершаемымъ на его территоріи противъ спокойствія другихъ государствъ, не только не снисходительнѣе законовъ другихъ странъ вообще, а Германіи въ особенности, но еще гораздо строже ихъ; слѣдовательно, требованіе германскаго правительства о исполненіи яко-бы существующихъ въ бельгійскомъ законодательствѣ преступленій, касающихся этой категоріи преступленій,—по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Авторъ цитируемой нами статьи проводитъ сравнительную параллель между законами различныхъ государствъ, не исключая и Германскаго, которою и подкрѣпляетъ свой выводъ. Другимъ немаловажнымъ препятствіемъ къ выполненію желаній германскаго правительства является то вліяніе, которымъ пользуется въ Бельгіи духовенство, и тѣ многоразличныя и утонченные способы борьбы, къ которымъ оно тамъ прибѣгаетъ, открыто проповѣдая сопротивленіе «властямъ предержащимъ». Въ прошломъ апрѣлѣ, напримѣръ, нѣсколько дней къ ряду, въ бельгійскомъ городѣ Лютихѣ (Льежѣ) произведены были весьма серьезныя демонстраціи богомольцами, составившими процессіи изъ одной церкви въ другую. Процессіи эти въ первые дни вызвали болѣе сильное къ себѣ равнодушіе со

стороны громаднаго большинства населенія, но потомъ возбудили противъ себя такое волненіе, что полиція сочла необходимымъ предостеречь духовенство; но это послѣднее не только не вняло голосу благоразумія, а на другой же день устроило процессію еще болѣе возмутительнаго характера. Громадная процессія, состоящая преимущественно изъ женщинъ и дѣтей, встрѣчена была у собора св. Іоанна цѣлымъ градомъ насмѣшекъ, криковъ и свистковъ. На пути слѣдованія процессіи къ церкви св. Дюнисія, крики обратились въ напѣлы: процессію нѣсколько разъ разрывали, богомольцевъ сбивали съ ногъ; но они громко иррежняго старались воспѣвать свои вопиственные гимны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завязывались даже схватки. Полиція, несмотря на всѣ старанія свои, не могла защитить богомольцевъ и возстановить порядокъ.

Такое положеніе вещей, по весьма понятной причинѣ, не можетъ правиться ни германскому правительству, ни самому правительству Бельгіи. Но это послѣднее, въ силу существующихъ въ странѣ законовъ и обычаевъ, не желаетъ и не можетъ прибѣгать къ тѣмъ мѣрамъ строгости, на которыя такъ щедро правительство Пруссіи. Оно предпочитаетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ этихъ манифестацій и предоставляеть дѣла ихъ собственному теченію. Сила вещей, по его убѣжденію, возьметъ свое, и никакіе воинственные клики не могутъ заглушить голоса науки и просвѣщенія. Совѣмъ не такъ смотрятъ на «церковную войну» въ Пруссіи: не удовольствовавшись изданіемъ извѣстныхъ майскихъ законовъ прошлаго года, совершенно парализующихъ притязанія католическаго духовенства, берлинское правительство отминою 15, 16 и 18 статей конституціи наноситъ теперь окончательный ударъ клерикализму: уничтоженіемъ первой изъ этихъ статей отнимается у церкви право самостоятельнаго веденія дѣлъ и распоряженія денежными средствами, назначенными для цѣлей исповѣданія, обученія и благотворительности, а взамѣнъ его устанавливается строгій контроль государства; отминою статьи 16-й духовенство лишается права безпрепятственно сноситься съ папой и вообще высшимъ католическимъ духовенствомъ и, наконецъ, 18-я статья конституціи, предоставлявшая духовенству свободу въ избраніи и утвержденіи лицъ, занимающихъ церковныя должности, своимъ упраздненіемъ даетъ возможность государству вмѣшиваться не только во внутреннія дѣла церкви, но имѣть вліяніе и на самое назначеніе духовныхъ лицъ. Отминая всѣхъ этихъ статей конституціи уже получила законодательную санкцію, не вызывая серьезнаго сопротивленія въ палатахъ. Въ лагерѣ же клерикаловъ она вызвала цѣлую бурю. Собравшись въ городѣ Фульдѣ, прусскіе прелаты, еще до вѣтирования предложенія объ отмины означенныхъ статей, составили адресъ императору, протестующій противъ послѣднихъ законодательныхъ мѣръ, въ особенности же противъ отнятія у духовенства казаскаго содержанія. Они заклинаютъ императора не утверждать этихъ законовъ,

Тетеревъ-Косачъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

«противныхъ вѣрѣ» и грозящихъ ея уничтоженіемъ. Но отвѣтъ министерства, ссылкой на примѣры другихъ государствъ, разбивается и эти доводы протестующихъ. Переполюхъ въ лагерѣ клерикаловъ вообще, а католическихъ въ особенности, поднялся недаромъ: они чувствуютъ, что почва подъ ногами ихъ начинаетъ колебаться и что дѣло, начатое съ ограниченій ихъ пригизаній на свѣтскую власть и на самостоятельное въ государствѣ положеніе, грозитъ въ самомъ скоромъ времени создать для нихъ положеніе уже совершенно подчиненное. Дѣйствительно, послѣ майскихъ законовъ прошлаго года, послѣ рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ въ нынѣшнемъ году католическому духовенству отнятіемъ у него казеннаго содержанія, права самостоятельно распоряжаться своими капиталами и фондами, права непосредственныхъ сношеній съ высшею католическою властью, права издавать постановления и распоряженія безъ вѣдома свѣтскаго начальства, и наконецъ права самостоятельнаго назначенія лицъ на духовныя должности,—правительство внесло въ сеймъ новый законопроектъ, довершающій ихъ поражение—проситъ упраздненія монастырей, судьбу котораго, послѣ блистательнаго успѣха предыдущихъ законодательныхъ мѣръ, предсказать не трудно.

Волненіе, вызванное провозглашеніемъ догмата о папской непогрѣшимости и охватившее почти всѣ католическія страны Европы, не минуло и Швейцаріи. Какъ извѣстно, догматъ этотъ и рѣшенія римскаго собора первымъ слѣдствіемъ своимъ имѣли раздѣленіе католиковъ на двѣ враждебныя одна другой партіи: на свободныхъ или старокатоликовъ, придерживающихся первоначальныхъ основъ католицизма, и на римскихъ католиковъ, припавшихъ догматъ о папской непогрѣшимости во всей его цѣлости, покорныхъ слугъ папѣ и вліятельныхъ кардиналовъ. Папскіе католики пользуются теперь малѣйшимъ случаемъ, чтобы какъ-нибудь насолить своимъ противникамъ: закрываютъ для нихъ доступъ въ церкви, лишаютъ ихъ церковныхъ мѣстъ и проч. Въ свою очередь, старокатолики не могутъ сносить всего этого равнодушно, прибѣгаютъ къ содѣйствию администраціи и съ ея помощью добиваются возстановленія своихъ правъ. Паписты, однако, не только не уступаютъ, но еще болѣе оскорбляютъ старокатоликовъ. Разительнымъ примѣромъ того, до какихъ размѣровъ можетъ дойти эта борьба сторонниковъ формы противъ послѣдователей духа религіи, служить закрытіе это, по словамъ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что ректоръ этой церкви, несмотря на неоднократныя настоянія администраціи храма—допустить къ богослуженію въ немъ и старокатоликовъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не только не позволялъ имъ совершать въ церкви Notre-Dame, крещеніе, бракъ и отиѣваніе, но даже отказывалъ администраціи въ описи движимаго имущества этой церкви. Коммисія долгое время не рѣшалась приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наконецъ, 6-го апрѣля, получивъ отъ духовенства отказъ выдать церковные ключи, она рѣшилась про-

никнуть въ церковь съ помощью слесаря, отбившаго замокъ; но едва только предсѣдатель коммисіи, вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ, приступили къ прикладыванію печатей къ дверямъ и шкапамъ, какъ въ церковь ворвались ректоръ съ нѣсколькими священниками и съ крикомъ: «спасите святыя дары отъ святотатства», стали требовать, чтобы имъ дозволено было вынести дары изъ церкви. Во избѣжаніе скандала, это имъ было дозволено. Дѣло пойдетъ на рѣшеніе гражданскаго суда, который, вѣроятно, выскажется за допущеніе къ богослуженію церкви Notre-Dame всѣхъ вообще католиковъ, безъ различія партій.

Дѣла въ Испаніи въ прежнемъ положеніи: Донъ-Карлосъ, стѣсненный въ небольшомъ уголкѣ на сѣверѣ Испаніи, не унываетъ и все еще продолжаетъ бороться; энтузіазмъ испанцевъ по поводу провозглашенія новаго короля мало-по-малу охлаждѣлъ, и хотя ни съ какой стороны не слышно ропота на неурядицы внутри страны, но за то не слышно и прежнихъ восторговъ. Семейство претендента на испанскій престолъ, донъ-Карлоса, никогда не пользовавшееся особенною популярностью въ Европѣ, въ настоящее время почти совсѣмъ ее утратило. Такъ можно заключить по крайней мѣрѣ по той грубой демонстраціи, которая произведена была недавно въ австрійскомъ городѣ Грацѣ противъ брата донъ-Карлоса, донъ-Альфонса, и его супруги, донны-Бланки. Донъ-Альфонсъ съ женой своей, при при выходѣ изъ церкви, былъ встрѣченъ свистомъ, гамомъ и неистовыми криками собравшейся густой толпы народа, главную часть которой составляли рабочіе и студенты. Съ криками: «разбойникъ, поджигатель, палачъ!» нѣкоторые подступили къ самому донъ-Альфонсу и не пропустили его, вмѣстѣ съ женой, къ экипажу, кучера заставили слѣзть съ козелъ, а лошадей держали подъ уздцы. Такая сцена продолжалась около часа, пока, наконецъ, сильному отряду полиціи не удалось пробиться сквозь толпу и освободить донъ-Альфонса съ супругой, которые конечно тотчасъ же поспѣшили уѣхать. Но демонстраціи продолжались и на другой день, такъ что принуждены были произвести нѣсколько арестовъ. По этому дѣлу производится слѣдствіе. Непріятное впечатлѣніе произвели въ Испаніи недавніе аресты нѣсколькихъ профессоровъ мадридскаго университета, а также ссылка нѣкоторыхъ изъ нихъ на Филиппинскіе и Канарскіе острова. Поводъ къ этимъ строгимъ мѣрамъ настолько ничтоженъ, что нѣкоторые справедливо видятъ въ этомъ слабость правительства, видящаго врага себѣ чуть не въ каждомъ гражданинѣ. Клерикализмъ, впрочемъ, и здѣсь, какъ и во всѣхъ почти католическихъ странахъ, разставилъ свои сѣти, овладѣвъ особою короля, а слѣдовательно и всѣми отраслями государственной дѣятельности. Въ пропскахъ этой партіи слѣдуетъ искать причину всѣхъ этихъ гоненій на лучшихъ людей страны.

Вывѣшій президентъ французской республики, знаменитый патриотъ, ученый историкъ и честный человѣкъ, Луи-Адольфъ Тьеръ выступаетъ кандидатомъ въ сенаторы отъ Бельфора, о чемъ уже и заявилъ приглашавшей его депутаціи.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Иллюстрированныя изданія Я. А. Исакова.

Броммъ. Систематическій атласъ къ естественной исторіи для употребленія въ школѣ и дома. Съ 700 рисунками и объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ Юл. Симашко и А. Павловскимъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное, съ приращеніемъ 457 политипажей въ текстъ. С.-Петербургъ 1874.

Наглядность атласа Броммъ, сдѣлавшая его общепотребительнымъ пособіемъ къ изученію естественной исторіи во всѣхъ заведеніяхъ, и педагогическая дѣятельность гг. Симашко и А. Павловскаго слишкомъ извѣстны публикѣ, для того чтобы новое изданіе вышеупомянутаго труда нуждалось въ какой либо рекомендаціи. Поэтому мы просто перечислимъ то, что на этотъ разъ прибавлено почтенными составителями. Въ текстъ совершенно переработаны отдѣлы анатоміи и физиологіи человѣка и отдѣлы ботаники,—причемъ къ первымъ двумъ приложено до 60 политипажныхъ рисунковъ, а къ послѣднему до 400 политипажей, выгладно изображающихъ органы питанія и размноженія растений. Анатомическіе рисунки частей человѣческаго тѣла выбраны чрезвычайно цѣлесообразно и многіе изъ нихъ даже взяты изъ превосходной «Описательной анатоміи» Жамбана. Текстъ настолько полонъ, что въ случаѣ нужды можетъ замѣнить собою любой гимназическій учебникъ анатоміи и физиологіи, не говоря уже о томъ, что читателю незнакому съ основами этихъ наукъ онъ дастъ полное понятіе о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго организма. Здѣсь подробно и всесторонне описано устройство и роль костей, мускуловъ, нервовъ и мозга, органовъ чувствъ (кожа, глазъ, ухо, носъ, языкъ), органовъ пищеваженія, всасыванія, кровообращенія, дыханія, и химическіе элементы нашего тѣла. Текстъ отдѣла Зоологіи остается тотъ же, что и въ прежнихъ изданіяхъ; это такъ-сказать свѣтъ и систематическій конспектъ всей науки, знакомящій съ необозримымъ богатствомъ и разнообразіемъ животныхъ формъ.

Позвоночныя (звѣри, птицы, гады, рыбы), суставчатые, (насекомыя, пауки, раки, многоножки, кольчатые и черви), мягкотѣлые (голоногие слизни, улитки, раковины и проч.), лучистыя (морскіе ежи, морскіе звезды, ягучки, полипы), студенистыя (вишуроры, корненожки, губки), все это является въ цѣльной и общепонятно-набросанной картинѣ животнаго царства. Отдѣлъ ботаники (самый богатый по числу политипажей) исчерпываетъ всѣ подробности органографіи (клеточки, сосуды, корни, стволы, стебли, листья, почки, цвѣтки, ихъ расположеніе и части, плоды, стѣмена) и систематику (описаніе семействъ растений). Въ отдѣлѣ минералогіи преимущественно разработано ученіе о кристаллахъ. Что касается самыхъ таблицъ атласа (35 раскрашенныхъ и 1 черная), то по дешевизнѣ его онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. До 700 рисунковъ, печатанныхъ на картонной бумагѣ, разцвѣчены всевозможными красками, передающими въ совершенствѣ натуральный цвѣтъ животнаго, растенія или минерала. Весь атласъ со 156 страницами мелкаго текста въ два столбца большаго in quarto, стоитъ съ раскрашенными таблицами 3 р. 50 коп., съ черными 2 р. 50 коп., составляя такимъ образомъ безцѣнное пріобрѣтеніе для самыхъ небогатыхъ семей и школъ, такъ какъ таблицы его могутъ быть весьма удобно развѣшаны по стѣнамъ для нагляднаго обученія цѣлаго класса.

Острова Тихаго океана. Исторія открытія, постепенной колонизаціи и картина первобытной жизни туземцевъ на островахъ Меланезіи, Полинезіи и Микронезіи. Соч. Ф. Кристиана и С. Оберландера. Переводъ съ немцаго С.-Петербургъ 1875.

Эта вторая часть обширнаго сочиненія Кристиана и Оберландера, первая часть котораго вышла въ 1872 году подъ заглавіемъ «Новая Зеландія»; тѣмъ не менѣе книгата представляетъ самостоятельное цѣлое и можетъ быть читаема безъ

предварительного ознакомления съ первымъ томомъ. Переводъ (г-жи Чистиковой) весьма удовлетворителенъ, хотя и уступаетъ нѣсколько переводу редакціи журнала «Всемирный путешественникъ». За то рисунковъ въ изданіи г. Исакова несравненно болѣе (123 политипажа) и выбраны они гораздо интереснѣе, а равно и выполнены отчетливѣе. Въ нихъ наглядно изображены характеристическія мѣстности странъ, города, селенія и жилища туземцевъ, типы жителей, ихъ одежды, утварь и оружіе, свадебные и другіе обряды, различные празднества и обычаи, фауна и флора острововъ, памятники, древности и проч. и проч. Изданіе чрезвычайно опрятно и печатано на хорошей бумагѣ. Цѣна 1 р. 50 коп. Въмѣстѣ съ первымъ томомъ 2 р. 50 к.

Садовый календарь Императорскаго Россійскаго общества Садоводства на 1885 годъ. Составилъ И. Волкенинъ. С.-Петербургъ.

Для незнакомыхъ съ этимъ въ теченіи 8-ми уже лѣтъ ежегодно появляющимся изданіемъ мы приведемъ здѣсь его содержаніе; кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній (мѣсяцесловъ, царскіе дни, астрономическія указанія и проч.), здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: Календарь садовыхъ и огородныхъ работъ: а) для сѣверной полосы, б) для средней полосы, в) для южной полосы, т. е. когда и въ какой мѣстности Россіи что надо дѣлать въ саду и огородѣ; народныя примѣты; градусы различныхъ термометровъ; таблица количества тепла, даваемая

го разнаго рода топливами; какъ предугадывать погоду; всхожесть сѣмянъ; число сѣмянъ нѣкоторыхъ овощей въ золотникѣ; признанія достоинствъ овощей и плодовъ; особенно полезныя растенія; разбивка сада съ чертежами; основныя правила содержанія растеній въ комнатахъ; огородъ, краткое наставленіе къ разведенію овощей; плодовые растенія; живая изгородь; лѣтники; уходъ за цвѣточными луковичками; уходъ за цвѣтами; главнѣйшія изъ вредныхъ насѣкомыхъ и средства отъ нихъ, и проч. и проч. Изъ этого перечня уже видно, что книжка эта составляетъ необходимость для всякаго сельскаго хозяина и цвѣтвода. Къ ней приложены 8 рисунковъ цвѣточныхъ новостей, появившихся въ прошломъ году загранично. Цѣна въ изящной хромо-типографированной оберткѣ 75 копѣекъ.

Евгеній Отмыкинъ. Романъ въ стихахъ А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе третье. С.-Петербургъ 1875.

Уютное карманное изданіе это на глянцевиной бумагѣ съ восемью художественно-выполненными заглавными рисунками г. Крюкова—безъ сомнѣнія будетъ весьма пріятно поклонникамъ нашего великаго поэта. П. А. Ефремовъ принявшій на себя трудъ редактировать эту книжку выполнилъ его съ тою тщательностью и добросовѣстностью, какой отличаются всѣ его редакціи русскихъ писателей. Цѣна этого во всѣхъ отношеніяхъ изящнаго изданія 75 копѣекъ.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія Правительства.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, 21-го апрѣля, Высочайше соизволилъ: 1) на учрежденіе при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предѣлительствомъ члена Государственаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, статсъ-секретаря Делянова, комисіи для пересмотра общаго устава Россійскихъ университетовъ 1863 года, и 2) на предоставленіе ему права выбрать членовъ въ эту комиссію, съ тѣмъ, чтобы оныя утверждались въ семъ званіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

— Высочайше повелѣно: Южную бухту Севастополя предоставить для помѣщенія какъ военнаго, такъ и коммерческаго флотовъ, съ отдѣленіемъ для нуждъ коммерческаго порта части западнаго, городского берега Южной бухты, отъ стараго адмиралтейства до Пересыпи, на протяженіи 780 сажень, и полосы восточнаго берега Южной бухты, въ 220 саж. отъ Пересыпи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, для таможенныхъ зданий и пакгаузовъ, уступлена часть мѣстности стараго адмиралтейства и постановлено не застраивать остальной части этого адмиралтейства капитальными строеніями, пока не выяснится на самомъ дѣлѣ торговое значеніе Севастополя. Если же въслѣдствіи окажется надобность въ уступкѣ для торговли всей мѣстности бывшаго адмиралтейства, то морское вѣдѣнство вступить во владѣніе заведеніями Русскаго общества пароходства и торговли, на мѣстѣ бывшаго Лазаревского адмиралтейства.

— Высочайше повелѣно: 1) воспретить, впредь до дальнѣйшаго распоряженія и не допуская никакихъ въ этомъ отношеніи исключеній, водвореніе во всѣ русскіе и финляндскіе порты, приходящими въ оныя судами, картофеля, равно мелуки, листьевъ и отбросовъ картофеля, а также всякаго рода помѣщеній, какъ-то: ящиковъ, мѣшковъ и т. п., служившихъ для прикрытія и унавоженія перевозимаго картофеля.

2) Установить наблюденіе за тѣмъ, чтобы никакія количества картофеля, привозимаго моремъ, въ видѣ сѣстныхъ припасовъ, не были, ни подъ какимъ предлогомъ, выгружаемы на берегъ—и

3) Соблюденіе этихъ правилъ возложить на строгую ответственность подлежащихъ мѣстныхъ властей.

Восенке и морское дѣло.

— Послѣ происшедшаго 20-го апрѣля, по случаю 100-лѣтняго юбилея лейбъ-гвардіи казачьяго Его Императорскаго Величества и лейбъ-гвардіи атаманскаго Государя Наслѣдника Цесаревича полковъ, Высочайшаго обѣденнаго стола въ Гербовомъ залѣ

Зимняго Дворца, офицеры лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка поднесли, какъ сообщается въ „Рус. Инв.“, своему Шефу юбилейный памятникъ, состоящій изъ краснаго янмоваго pedestala, въ видѣ скалы, на которой изображена серебряная конная фигура казака-вахмистра, со вновь пожалованнымъ штандартомъ; по угламъ pedestala четыре серебряныя фигуры казаковъ времени Императрицы Екатерины II Императоровъ Павла I и Николая I и одинъ нынѣшняго времени. По двумъ сторонамъ скалы серебряныя казачьи арматуры, а по другимъ двумъ медальоны съ изображеніями: на одной сторонѣ—Государя Императора и вокругъ—Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I: а на другой Наслѣдника Цесаревича и старшаго сына Его, Николая Александровича. Группа эта работы г. Овчинникова, была поставлена въ Георгиевскіе залѣ. Кромѣ этого, всѣ настоящіе и бывшіе офицеры этихъ полковъ поднесли Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу большія золотыя медали и Великому Князю, Главнокомандующему, такую же, серебряную. На одной сторонѣ медали соединенный бюстъ Императрицы Екатерины и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, а на другой, подъ соединеннымъ Ихъ вензелемъ, надпись: „Въ память столѣтняго юбилея лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества и атаманскаго Наслѣдника Цесаревича полковъ“.

— Въслѣдствіе ходатайства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить: открыть по Имперіи подписку на сооруженіе въ городѣ Владикавказѣ памятника штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову. Пожертвованія на сооруженіе памятника штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову принимаются въ конторѣ редакціи „Русскаго Нивалида“ и „Военнаго Сборника“, а также при штабѣ 20-й пѣхотной дивизіи, въ гор. Владикавказѣ.

Постройки и сооруженія.

— Постройка пристани и моста подъ Аренсбургомъ для пассажирскихъ пароходовъ подвигается весьма дѣлательно: ежедневно работаетъ до 200 человекъ. Ожидаютъ, что въ 1-ую мая мостъ будетъ совершенно готовъ.

— Въ Новочеркаскѣ въ скоромъ времени будетъ сдѣланъ, какъ сообщается въ „Одескомъ Вѣстникѣ“, опять постройки желѣзныхъ домовъ. Предполагено выстроить изъ этого новаго строительнаго матеріала для будущаго ремесленно-техническаго училища. Съ извѣстнымъ фабрикантомъ желѣзныхъ дорогъ въ Вѣнѣ, Даммерсомъ, будетъ заключе-

но условіе о доставкѣ на мѣсто всѣхъ частей зданія въ готовомъ видѣ. Строительный матеріалъ этихъ новыхъ построекъ состоитъ изъ гальванизированнаго желѣза, подшитаго особенно подготовленнымъ войлокомъ, закрытымъ папкою. Говорятъ, что подобнаго рода постройки, при чрезвычайной дешевизнѣ, вполне примѣнны какъ для жилыхъ помѣщеній въ климатѣ Норвегіи, такъ и въ тропическихъ странахъ.

Несчастія.

— Изъ вѣдомости о пожарахъ видно, что въ теченіе марта мѣсяца всего въ Россіи было 1847 пожаровъ, въ томъ числѣ отъ поджога или при подозрѣніи въ ономъ 168, отъ неизвѣстныхъ причинъ 1056, отъ неосторожности 623. Убытокъ простирается до 2.027.136 рублей.

— 2-го апрѣля, въ станицѣ Архонской, въ 17½ верстахъ отъ Владикавказа, сгорѣло 160 казачьихъ домовъ. Во время пожара погибла, какъ сообщается въ „Терск. Губ. Вѣд.“, четырехлѣтняя дѣвочка, и 11 человекъ получили ожоги. Пожаромъ истреблены запасы хлѣба, скотъ и все имущество. По собраннымъ на-скаро свѣдѣніямъ, убытки исчисляются приблизительно до 50.000 рублей. На другой же день послѣ пожара жители окрестныхъ осетинскихъ селеній прислали своихъ депутатовъ въ станицу Архонскую, съ засвидѣтельствованіемъ соболѣзнованія и съ предложеніемъ прислать къ нимъ подводы съ хлѣбомъ. Мѣстной администраціе приняты всѣ мѣры для облегченія несчастія погорѣльцевъ. Владикавказскій благотворительный комитетъ уже отправилъ нѣкоторую сумму для выдачи пострадавшимъ отъ пожара.

Литература.

НОВЫЯ КНИГИ:

Удѣльные, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Собранія гр. Э. К. Гуттенъ-Чанскаго. Спб. Тип. Акад. Наукъ, 4 д. 1—IV—182—200 экз.

Мартенсъ, Ф. Собраніе трагатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. II. Трактаты съ Австріею. 1772—1868 года. На франц. и русск. яз. Спб. Тип. Бенке. 4 д. XV—517 стр. 1.200 экз. Лихутинъ, М. Д. Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 г. Москва. Тип. Мамонтова. 1 д. 274 стр. 1.200 экз. Мурзавецъ (Карскій), Н. Н. Турція и Египетъ въ 1832 и 1833 годахъ. Ч. I. Театръ войны. Москва. 1874 Тип. Мамонтова и Грачева. 8 д. XVI—201 стр. и 1 карта. 1.200 экз.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Федоровичъ Сазоновъ (съ портретомъ).—Двуногий волкъ. Романъ Н. Н. Наразина. Ч II. (продолженіе).—Очерки Сибиря. Семирѣчская область. Гора Касыръ-тау. Иссыкъ-Кульскій край (съ рисункомъ).—Орелъ-дѣва (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Галлернъ-Бирхъ (продолженіе).—Нѣтъ, въ виновнѣ (съ рисункомъ).—Тетеревъ-востокъ (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Отъ Редакціи газеты „РУССКІЙ МІРЪ“.

Вслѣдствіе пріостановки газеты по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 5 Марта, Редакція не имѣла права на основаніи приб. къ 29 ст. пост. о печ. разсылать своимъ подписчикамъ общаго романа „Трагедіи Париза“. Ныпѣ съ окончаніемъ срока пріостановки (5-го Іюня) всѣ три части романа будутъ разосланы какъ прежнимъ, такъ и новымъ подписчикамъ.

Газета „Русскій Міръ“ будетъ выходить съ 5-го Іюня съ тѣмъ-же направленіемъ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Подписка принимается

Въ С.-Петербургѣ.

1) Въ Конторѣ г. зетн, на углу Семёновскаго переулка и Литейнаго проспекта, домъ № 8—45.

2) Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Блаунова и другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ.

1) Въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ

2) У П. А. Мейера, Солянка, первый подъѣздъ отъ Ивановской улицы, домъ Бабурина.

Подписная цѣна.

На годъ	16 р.	На 6 мѣсяцевъ	9 р.
На 7 мѣсяцевъ	10 „	На 1 мѣсяцъ	1 р. 75 к.

4—1

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

ЖИДКО КОНЦЕНТРИРОВАННЫХЪ ПРЯНОСТЕЙ И ФРУКТОВЪ

Употребляемыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, въ ресторанахъ, гостиницахъ, кухмистерскихъ, въ кондитерскихъ и булочныхъ, для приготовления ликеровъ и настоекъ, лимонадовъ и пр.

Фабрики Д-ра Л. НАУМАНА въ Дрезденѣ

поставщика Его Величества Короля Саксонскаго.

Главнѣйшія преимущества этихъ товаровъ состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) Въ значительной дешевизнѣ сравнительно съ соответствующими имъ сырыми товарами.
- 2) Въ сбереженіи матеріала вслѣдствіе растворимаго ихъ состоянія.
- 3) Въ удобствѣ, выигрышѣ времени и равномерности въ употребленіи.
- 4) Въ равномерномъ и тончайшемъ распредѣленіи пряностей въ блюдахъ.
- 5) Въ постоянной свѣжести и чистотѣ вкуса.

Кромѣ выше означенныхъ жидко концентрированныхъ пряностей и фруктовъ продаются у насъ сиропы для лимонада. Ананасъ 75 к. Лимонный 70 к. Флеръ д'Оранжъ 75 к. Малиновая 75 к. Смѣсь разныхъ фруктовъ 90 к.

К. НЕВЕ и ЮНГЪ.

С.-Петербургъ, Казанская площадь, уголъ Казанской улицы, домъ Кохендерфера № 2/5.

Прейс-Куранты съ объясненіемъ объ употребленіи по требованію высылаются.

Отправка товаровъ за счетъ заказчика чрезъ почту, транспортныя конторы или подрядчиковъ, по предписанію.

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильною двойною стежкой, ручная и ножная. Королевская педагогическая коммиссія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д“ новѣйшая настоящая Американская швейная машина, позная для портныхъ.

Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и Малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; нотомъ еще продается у Бричъ и Ко. въ гостиницѣ дворъ по большой суровской линіи № 182. Агенты для Москвы, Шаньси и Болоньи, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кромѣ того находится Агентъ почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—8

Dr. HUNNIUS bleibt in HAPSAL und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—12

При этомъ № для гг. иног. подписчик. приложено объявленіе отъ Агентства жидко-концентрированныхъ пряностей, К. Неве и Юнгъ въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 6 Мая 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш Морская, д. № 9. Тип. Веллукса, Англ. пр. № 10.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ
БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

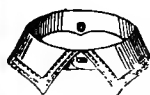
Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ и ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуетъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, манжеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной
продукции высылается по
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во все государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.

Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13—9

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переразрѣимо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и ово охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. мука.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудиковуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валадина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—19

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 21 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 18-го Мая 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕЕЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

БАЛТИМОРА.

Колоссальное богатство Америки, ея громадныя торговые обороты увеличиваются съ каждымъ днемъ, и если число жителей будетъ увеличиваться въ той же пропорціи, какъ это совершалось до сихъ поръ, то Америка грозитъ подавить окончательно торговлю Старо-го Свѣта, который, какъ извѣстно, уже достигъ своего максимума населенія и обреченъ весь его избытокъ высылать въ Новый Свѣтъ. По расчетамъ ученыхъ, одна сѣверная Америка только тогда сдѣлается густо-населенною страной, какими теперь являются государства Западной Европы, когда население ея возрастеть до 800,000,000; прибавьте къ этому роскошную производительность южныхъ штатовъ, покрытыхъ цвѣтущими плантаціями, обиліе минеральныхъ богатствъ, о которыхъ мы не имѣемъ ни-

какого представленія, способствующихъ развитію фабричнаго дѣла, громадную сеть желѣзныхъ дорогъ, изрѣзывающихъ стра-

ну по всѣмъ направленіямъ, энергичный и промышленный духъ жителей — и намъ будетъ ясно, что предстоитъ этому краю, который, несмотря на его сильную эксплуатацію, все еще можетъ назваться непочатымъ.

Въ послѣднее время русская литература обогатилась многими дѣльными сочиненіями объ Америкѣ; поэтому можно надѣяться, что каждый этюдъ относительно этой страны не будетъ лишень нѣкоторой доли интереса.

Въ настоящемъ номерѣ нашего

журнала помѣщенъ видъ Балтимора; считаемъ потому необходимымъ сказать нѣсколько объ этомъ городѣ, какъ объ одномъ изъ главныхъ портовъ сѣверныхъ штатовъ.

Городъ Балтимора.

Балтимора основана въ 1729 году; но до 1745 г. она была лишь маленькой деревушкой, известной под именем Джон-стона; съ этого же времени она носит свое теперешнее название. Еще въ 1763 году въ ней было не болѣе 50 домовъ и около 1.000 жителей, но со времени французской революціи, когда въ сѣверо-американскіе штаты пришло множество эмигрантовъ. Балтимора начала постепенно развиваться и достигла наконецъ громаднаго значенія. Она теперь служитъ столицей Мериланда и главнымъ складочнымъ мѣстомъ произведеній какъ этого штата, такъ и штатовъ Огіо, Виргиніи, Кентукки и другихъ, лежащихъ по бассейну рѣки Огіо. Благодаря удобствамъ своего приморскаго положенія и хорошей гавани, Балтимора ведетъ обширную, почти всемірную торговлю, въ особенности съ Вост. Индїей и Южной Америкой. Предметомъ вывоза служатъ главнымъ образомъ табакъ, ленъ, хлѣбъ, желѣзо, поташъ и медь. Последний продуктъ здѣсь добывается въ такомъ количествѣ какъ нигдѣ; за послѣдніе годы его ежегодно вывозилось до 600.000 ведеръ. Также значителенъ вывозъ пріобрѣтаемаго себѣ всемірную извѣстность табаку (Maryland doux), который воздѣлывается на мериландскихъ плантаціяхъ. Послѣдній главнымъ образомъ расположены по южнымъ окраинамъ Чизапикской бухты, у которой находится и сама Балтимора.

Столица Мериланда стоитъ на небольшой рѣкѣ Патапаско. Она состоитъ изъ двухъ (хотя мало отличающихся другъ отъ друга) частей: изъ стараго и новаго города; кромѣ того есть и нѣсколько предмѣстій. Какъ вообще и всѣ американскіе города, Балтимора построена правильно; улицы прямы, широки (60—100 ф.), великолѣпно вымощены и вечеромъ очень хорошо освѣщены. Какъ на лучшія изъ нихъ—можно указать на Восточную, Балтиморскую и Садовую. Эти улицы и служатъ балтиморцамъ мѣстомъ ихъ обыкновенныхъ прогулокъ. Вообще можно сказать, что лучшія зданія и улицы сосредоточены въ сѣверной части города, въ окрестностяхъ Вашингтонскаго памятника. Какъ на прекрасныя постройки, слѣдуетъ указать на думу (Cityhall), на зданіе суда (Court house), которые вполнѣ служатъ украшеніемъ города. Въ Балтиморѣ чрезвычайно много также хорошихъ церквей (до 104). Онѣ принадлежатъ самымъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ; большинство приходится на долю методистовъ (43) и англиканской церкви (12). Балтимора служитъ такъ же мѣстопривлеченіемъ единственнаго въ союзѣ католическаго архіепископа, а потому она является средоточіемъ католицизма Сѣверной Америки. Изъ католическихъ

церквей выдается соборъ св. Петра; онъ построенъ въ византийскомъ стилѣ (въ видѣ креста) и украшенъ двумя прелестными картинами Поля Герена: Снятіе со креста и Людовикъ св. при осадѣ Туниса. Изъ другихъ католическихъ церквей слѣдуетъ упомянуть о древней церкви св. Іоанна: она построена въ готическомъ стилѣ. Изъ протестантскихъ церквей лучше и больше другихъ церковь св. Троицы. Балтимора чрезвычайно богата также учрежденіями для распространенія просвѣщенія, таковы: три университета и три высшихъ училища, 35 классическихъ школъ, до 26 народныхъ. Въ Балтиморѣ находится также нѣсколько ученыхъ обществъ и благотворительныхъ учреждений. Изъ таковыхъ приходится упомянуть о Мериландскомъ госпиталѣ, который отличается замѣчательно цѣлесообразнымъ устройствомъ.

Много красивыхъ построекъ можно встрѣтить и въ окрестностяхъ города. Вообще мѣстность на которой стоитъ Балтимора—чрезвычайно живописна. Окрестности ея довольно холмисты, хотя съ замѣтнымъ склономъ къ берегамъ рѣки Патапаско. Почва этой части Мериланда не особенно плодородна. Обработка полей не приноситъ большихъ выгодъ, а потому остались нетронутыми многіе лѣса, которые и служатъ немалымъ украшеніемъ окрестностей Балтимора. Американская флора чрезвычайно разнообразна, а потому эти лѣса представляютъ пріятный видъ для глазъ. Но не смотря на малую производительность почвы, около Балтиморы весьма много обработанныхъ полей манса и ржи; многія поля засѣяны клеверомъ и тимофеевой травой.

Уже раньше упомянуто о томъ, что Балтимора важный торговый портъ, благодаря великолѣпной гавани. Послѣдняя—одна изъ лучшихъ въ Америкѣ. Входъ въ нее защищается сильнымъ фортомъ. Балтиморская гавань чрезвычайно вмѣстительна (до 2.000 с.), но надо сказать, что большіе корабли, свыше 200 тоннъ, не могутъ подходить къ самому городу: глубина не позволяетъ имъ подплывать ближе. Къ другимъ выгодамъ надо отнести, что гавань никогда не замерзаетъ и что она защищена отъ всѣхъ вѣтровъ, такъ какъ она представляетъ три замѣтныхъ бассейна, соединенныхъ лишь широкими проходами.

Важное торговое значеніе этого порта заставило американцевъ соединить Балтимору посредствомъ желѣзныхъ дорогъ или каналовъ со всѣми значительными центрами союза. Благодаря этому, Балтимора не перестаетъ развиваться—и надо надѣяться, что она еще далеко не достигла высшей точки своего развитія.

Двуногій волкъ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XX. Погромъ.

Большой отрядъ кавалеріи, въ нѣсколько казачьихъ сотенъ, растянувшись чуть не на двѣ версты, шелъ по пересѣченной, изрѣзанной арыками мѣстности—іомудскихъ кочевій. Этотъ отрядъ не зналъ дороги, по которой онъ шелъ... Вся мѣстность вокругъ него была ему неизвѣстна и нова; онъ теперь только изслѣдовалъ ее, такъ сказать изучалъ: то подвигался впередъ довольно быстро, то бралъ вправо и влево, словно отыскивалъ болѣе удобные пути, то даже пріостанавливался на нѣкоторое время въ недоумѣніи, и потомъ торопился впередъ, когда это недоумѣніе разрѣшалось,—торопился такъ, что, очевидно, хотѣлъ быстротою слѣдованія выиграть, вознаградить время, потраченное на остановку.

Отрядъ этотъ имѣлъ проводниковъ, но эти проводники, умысленно или неумысленно съ ихъ стороны, оказывались очень плохими-колоновожатыми: для отряда гораздо лучше было-бы, еслибы онъ не имѣлъ ихъ вовсе... проводники только сбивали съ толку, предлагая самыя сбивчивыя, противорѣчающія одно другому свѣденія... Эти проводники были большею частью туземцы, даже изъ такихъ, по мѣстности которыхъ и шелъ отрядъ въ настоящую минуту.

Весь этотъ многочисленный отрядъ, хотя и быстро двигаясь, утомляя своихъ коней и всадниковъ, очевидно шелъ ошупью...

Это не былъ обыкновенный переходъ съ одного пункта на другой,—иначе незачѣмъ было-бы идти такъ

много и часто на рысяхъ, или-же самымъ размахистымъ, ускореннымъ шагомъ, почти прѣздомъ... Кромѣ того, люди этого отряда были нѣсколько въ взволнованномъ состояніи, чего никогда не бываетъ при простыхъ походахъ, гдѣ все спокойно и даже дремлетъ, утомленное однообразіемъ дороги, однообразіемъ цѣли—пробытія на мѣсто ночлега... Напротивъ, здѣсь всѣ всадники тревожно и пытливо поглядывали по сторонамъ, а больше всего впередъ, словно отыскивая тамъ, въ этой волнистой линіи, пересѣченнаго мостами, заросшаго деревьями и кустарниками, горизонта—именно того, къ чему направлено было все ихъ вниманіе.

Это было преслѣдованіе... но преслѣдованіе, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: безъ знанія мѣстности и дорогъ, безъ надежныхъ проводниковъ, съ безпрестанными остановками и потерей времени.

Преслѣдуемые-же были въ совершенно иныхъ условіяхъ: они знали хорошо мѣстность, ибо сами-же ее населяли; они могли идти безъ остановокъ, и, проходя извѣстное пространство, портить его и дѣлать неудобно-проходимымъ для преслѣдователей... Ко всему этому, преслѣдуемые были во-время предупреждены о приближеніи опасности, и выиграли этимъ уже болѣе сутокъ времени. А сути времени—значить слишкомъ много, въ подобномъ случаѣ...

Но „Аллахъ“ прогнѣвался на своихъ правовѣрныхъ, закрылъ имъ глаза и уши, помутилъ разумъ туманомъ *)

*) Это заимствовано буквально изъ толкованій одного Муллы-политика, рассказывавшаго намъ эпизоды послѣдней войны въ хивинскомъ оазисѣ, оригинально освѣщая ихъ съ своей точки зрѣнія.

—посѣлѣть между нихъ смятеніе и страхъ—и прояснилъ глаза враговъ невѣрныхъ, далъ тѣмъ крѣпость ногъ, быстроту и силу,—и свершилось все по волѣ Аллаха, для примѣра всѣмъ, для указанія воли Его въ будущемъ“. А воля Аллаха—слишкомъ серьезная причина, чтобы перевернуть все вверхъ дномъ и сдѣлать именно такъ, какъ бы оно не могло сдѣлаться ни въ какомъ случаѣ, идя естественнымъ порядкомъ.

Это былъ тотъ самый отрядъ, который отдѣлился отъ главной массы нашихъ войскъ, выступившихъ для наказанія непокорныхъ туркменъ... Цѣлью движенія этого отряда было проникнуть въ самую глубину ихъ кочевій, обойти ихъ, захватить все еще на мѣстѣ и отрѣзать путь отступленія и бѣгства.

Отрядъ этотъ, съ перваго взгляда, очень мало походилъ на регулярное войско—это былъ какой-то сбродъ, смѣшеніе костюмовъ и типовъ; да и самый характеръ его движенія напоминалъ что-то азиатское, полудикое.

Казаки шли вразсыпную, то вытянувшись гуськомъ другъ за другомъ по узенькой, чуть замѣтной тропинкѣ, то сбиваясь въ кучу, когда передніе останавливались въ недоумѣніи передъ какимъ нибудь непреодолимымъ препятствіемъ... Орудія были немислимы при подобномъ движеніи, а потому ихъ и не было видно вовсе... Въмѣсто нихъ при сотняхъ ѣхали группами всадники, у которыхъ, за плечами, вмѣстѣ съ винтовками, торчали какіе-то удлинненные, съ закругленными оконечностями, предметы, довольно страннаго вида; это были ракетныя команды, съ своими ракетами и станками,—оружіемъ, столь-же шумнымъ и эффектнымъ, сколько и бесполезнымъ, хотя и дорого стоющимъ...

Тамъ и сямъ трепались по вѣтру цвѣтные значки отдѣльныхъ сотенъ и личные значки начальниковъ...

Почти каждая сотня шла отдѣльно, сама себѣ отсыкивая и выбирая дорогу. Тамъ собралась группа оренбургцевъ, въ своихъ пирокіихъ сѣрыхъ армячинныхъ рубахахъ и желтыхъ кожаныхъ шароварахъ... Казаки послѣзали съ лошадей и разстаскиваютъ руками барикаду изъ поломанныхъ арубъ и срубленныхъ деревьевъ, загородившую дорогу. Тамъ сибирцы, въ своихъ безобразныхъ косматыхъ шапкахъ съ красными суконными верхами, дѣлаютъ громадный обходъ, чтобы обогнуть—временное болото — рисовыя поля, на которыя нарочно пустили воду, чтобы обратить ихъ въ непроходимую топь... Тамъ кавказцы, сунженцы, въ папахахъ, козлами прыгаютъ черезъ арыкъ, на своихъ тонконогихъ, горныхъ лошадакахъ. Туземные джигиты и милиціонеры, въ цвѣтныхъ халатахъ, и въ туркменскихъ шапкахъ и чалмахъ, на разномастныхъ лошадакахъ, покрытыхъ попонами, рыскаютъ взадъ и впередъ, снуютъ между казаками, кричатъ и переговариваются на своемъ нарѣчьи, и еще болѣе пестрятъ общую картину, придають ей еще болѣе дикій, азиатскій характеръ... Одна сотня долго очень провозилась надъ какимъ-нибудь препятствіемъ, отстала, дала обогнать себя другимъ сотнямъ, а потомъ выбралась, наконецъ, сама попала на хорошую дорогу и въ карьеръ торопится выиграть пространство и время... Тамъ изъ-подъ ногъ лошадей поднимаются густыя клубы бѣловатой пыли, и совершенно скрываютъ идущую сотню, только значекъ мелькаетъ надъ нею грязною, изодравшейся тряпкою; тамъ, на оборотъ,—жидкая грязь плещется подъ ногами лошадей... кони вязнутъ по брюхо, падаютъ... Все, отъ головы до ногъ, покрыто грязью; хвосты и гривы облипли, одежда тоже; всадники берегутъ только патроны и оружіе отъ подмочки... Но вотъ выбрались на сухое мѣсто, и жаркое солнце почти мгновенно высушиваетъ всю эту грязь, возвращая всадникамъ опять ихъ прежній видъ, до новаго купанья въ другихъ топяхъ, которыхъ еще не одну придется переходить на пути слѣдованія.

Возможность пройти на рысяхъ извѣстное простран-

ство вызываетъ общую радость и оживленіе,—препятствіе, потребовавшее значительной потери времени, наводитъ на всѣхъ нѣкоторое уныніе, неудовольствіе,—и во всѣхъ взглядахъ нетерпѣливо устремленныхъ впередъ становится замѣтна злость, зависть къ другимъ, болѣе счастливымъ,—то самое чувство, которое ощущаетъ ѣздокъ на призовой скачкѣ, запнувшійся на препятствіи, видящій, какъ другой въ то время приближается къ цѣли, къ завѣтному флагу съ колокольчикомъ...

Энергія уступаетъ наконецъ физическимъ силамъ... эти силы слабѣютъ... И конями и всадниками начинается овладѣвать утомленіе... Лошади тяжело переводятъ своими впалыми боками, фыркаютъ и сопятъ красными, воспаленными ноздрями. Это движеніе продолжается уже почти десять часовъ, съ разсвѣта, чуть не до вечера... Пройдено уже много, а сколько впередъ идти—неизвѣстно. Можетъ быть еще день, два; можетъ быть только часъ, не болѣе... Кто знаетъ, что тамъ впереди? Можетъ быть сейчасъ, вотъ-вотъ за тою чертою, они увидятъ то, за чѣмъ гонятся уже столько времени.

Хриплый, надтреснутый звукъ трубы несется съ той стороны, гдѣ виднѣется большой красный значекъ, съ діагональною полоскою бѣлаго цвѣта... Звукъ досадный, проклятый, совершенно какъ будто неожиданный, хотя его давно уже ожидалъ всякій.

Это сигналъ „стой“, и потомъ—„стягиваться къ головной сотнѣ“,—надо сдѣлать отдыхъ, привалъ, иначе рискуютъ заморить лошадей окончательно.

Начинается это стягиванье: задніе мало по малу приближаются къ переднимъ... сотни, ушедшія впередъ, съ видимымъ неудовольствіемъ возвращаются, осаживаютъ... Располагается пространный бивуакъ, такой же беспорядочный, оживленный, пестрый, какъ и само движеніе.

Загораются костры, дымъ которыхъ поднимается черными высокими столбами; варятъ чай, жарятъ мясо прямо на угляхъ, благо дорогою попало нѣсколько штукъ забытыхъ барановъ и телятъ... Лошади стоятъ на приколахъ, понутивъ отъ усталости головы; нѣкоторыхъ заботливо вываживаютъ... Въ грязныхъ арыкахъ моются и купаются; тутъ же берутъ воду для варки и питья... Всюду устраиваютъ кое-какіе импровизированные шалаши и палатки, какое нибудь убѣжище отъ палящихъ лучей солнца... Гдѣ только есть одинокое дерево, или группа кустовъ, дающая тѣнь,—тамъ уже толпится густая толпа, несется оживленные, шумные разговоры, то недовольные, ворчливые, то веселые, полные самой беззаботной и безшабашной удалости...

Стоять предполагаютъ не долго, часа два не больше; это совершенно достаточное время, для того чтобы привычные, крѣпкіе, степные кони отдохнули, оправились и снова могли бы быть готовы на подобную-же усиленную работу.

Со всѣхъ сторонъ несется вѣсти и предположенія... И то, и другое выслушивается съ жадностью, съ лихорадочнымъ, нетерпѣливымъ блескомъ во взорахъ. А эти вѣсти такъ обильны, одна другой подстрекательнѣй...

—Теперь они близко, горячится одинъ,—это уже по всему замѣтно... И на кой чортъ останавливаться? все равно послѣ отдохнуть можно... Э-эхъ! досадно!

—А почему знать, что близко?.. Заморятся кони, тогда и совсѣмъ станешь; это бывало.

—Еще бы хотѣ съ полчаса погнать... Вонъ до того лѣса; вонъ гдѣ карагачи виднѣются.

—Жаль, Головина съ нами нѣту!.. сѣтовали въ другой группѣ.—Вотъ, я вамъ доложу, мастеръ высматривать... Вѣрите-ли? Такъ навѣрняка и говорить: „быть имъ вотъ тутъ“... „нагонимъ, говорить, черезъ часъ и три четверти“... И какъ сказалъ, такъ оно и есть, ровно черезъ три четверти и часъ времени—видимъ, глазомъ видимъ уже, только догоняй и бей... Знатокъ!

—Нюхъ дьявольскій... я знаю; охотничья собака ка-

кая-то!.. Помните, къ Ухуму ходили, послѣ Джюзакскаго нападенія насъ выслали?..

— Да что съ нимъ? кажется, какъ будто онъ выступилъ тоже. Я видѣлъ...

— Нѣтъ, лежитъ; совсѣмъ ослабѣлъ; плохъ сталъ.... Экъ его подкосило, здоровяка этакого!..

— Господа, казаки лошадь нашли приставшую, арбяную, хомутъ снять, а шея еще горячая, потная простыть не успѣла; видимо близко, недавно только брошена! сообщалъ торопливо только-что-подошедшій казакъ...

— Ну вотъ, видите, видите!.. Я говорилъ, что близко! Теперь это очевидно.

— Сунженцы сейчасъ вернулись,—золу нашли горячую—огонь-то залили, а простыть не успѣла... котелъ нашли брошенный, притащили съ собою даже.

— Э, да что мы, въ самомъ дѣлѣ, медлимъ! надо съ полковникомъ поговорить... Онъ знаетъ про это?

— Пошли докладывать.

— Смотрите, смотрите; вонъ сибиряки садятся на коней... чу-косъ! трубятъ!

— Къ конямъ! трубачъ, играй: „впередъ“.

Послѣднія извѣстія о горячей шеѣ коня и еще не простывшей костровой золѣ ускорили время, назначенное для отдыха... Сотни снова сѣли на коней и стали вытягиваться.

Мѣстность началась еще пересѣченнѣе и непроходимѣе. Узенькія дорожки вились то между стѣнокъ, то между обрывистыхъ канавъ, то пробирались сквозь густую чащу кустарниковъ,—эти дорожки путались, перекрещивались между собою или-же вдругъ мѣняли направление и шли совершенно въ другую сторону... На подобные сюрпризы натывались поминутно.

Справа и слѣва, между полями, засѣянными рисомъ и пшеницею, видѣлись слѣды только-что снятыхъ кибитокъ... эти круги, вытопанные и засоренные золою, отчетливо обозначались на поверхности земли... Ихъ тщательно изслѣдовали, пытались найти здѣсь хотя какія нибудь указанія...

А вотъ и свѣжіе арбяные слѣды! Здѣсь тяжелыя колеса прокатились черезъ вспаханное пространство и оставили тамъ глубокія борозды, тутъ вотъ они перебирались черезъ арыкъ, завязли; ихъ вытаскивали съ трудомъ: ишь сколько босыхъ ногъ топтались около!.. Забытыя куры бѣгали и путались между ногами казачьихъ лошадей, на нихъ не обращали вниманія, —слишкомъ ничтожная добыча, сравнительно съ тѣмъ, что имѣется тамъ, впереди... А вонъ и арба видна! лошадь выпряжена и уведена, но арба осталась, со всѣмъ своимъ грузомъ и одиноко торчитъ посреди дороги...

Къ ней поскакали со всѣхъ концовъ отдѣлившіеся всадники, повертѣлись около нея, потербели ея, понюхали и пристроились къ сотнямъ.

— Что взялъ? кричитъ одинъ.

— А чортъ знаетъ что! некогда копаться съ нею... Гайда, ребята, вонъ скотъ пасется, ишь — отгоняютъ! на перерѣзъ, братцы. Гайда!..

А вдали, въ сторонѣ отъ дороги, дѣйствительно пестрятъ, за полемъ съ джугарою, какія-то точки; можетъ быть и скотъ, а можетъ и что нибудь другое? Казаки увѣряютъ, что тамъ коровы; они видятъ даже людей, которые торопятся гнать ихъ куда-то...

— Нѣтъ, братъ, врешь! это уже наши! несутся въ карьеръ нѣсколько оренбургцевъ.

Опять попалась арба, за нею другая... Тамъ вонъ разомъ три, у одной колесо сломалось, на боку стоитъ... Тамъ и люди!..

На одной изъ аробъ стоитъ большая корзина плетеная, изъ нея выглядываютъ двѣ козихъ головы и одна человѣческая; послѣдняя принадлежитъ ребенку, не болѣе года... Черные глазенки испуганно смотрятъ на чужихъ людей, рыскающихъ вокругъ повозокъ... малень-

кій ротикъ полу-раскрытъ, ручки крѣпко вѣпились въ края корзины, словно этотъ крошечный сынъ степей боится, чтобы его не вырвали изъ его убѣжища.

Должно быть теперь близко — если торопятся такъ, что забываютъ захватить своихъ малютокъ...

Вонъ стоятъ кибитки, еще неубранныя. Ихъ не успѣли, не могли увести; одни стоятъ безъ войлоковъ, а другія даже въ полномъ убранствѣ... Вонъ даже люди копошатся и торопятся укладывать... Теперь уже поздно... наскружили!

— Кто остается на мѣстѣ—у того ничего не тронуть, тому ничего не сдѣлаютъ! наказываютъ только тѣхъ, кто бѣжитъ и сопротивляется!.. кричатъ имъ казаки переводчики (толмачи).

Бѣглецы ничего не понимаютъ... Они можетъ быть даже и не слышатъ этихъ успокоительныхъ фразъ. Женщины сбились въ кучу, присѣли и закрыли лица... Какой-то туркменъ легъ ничкомъ и притворился убитымъ... другой выстрѣлилъ въ упоръ въ наскружавшаго казака, свалилъ его съ сѣдла, и горячитъ своего бѣшеннаго коня; онъ пытается пробиться и ускакать... Тщетная попытка!

Впереди слышны выстрѣлы...

— Ракетную команду впередъ!.. несутся запыхавшіеся офицеры.—Сунженцевъ рубать... на выручку!..

Происходитъ что-то ужасное, какой-то хаосъ, въ которомъ ничего разобрать не возможно.

А впереди за этимъ косымъ пригоркомъ — тянется безконечный, громадный обозъ, арба за арбою; гонятъ стада, рыскаютъ вокругъ джигиты и отстрѣливаются... Тамъ сбились они въ кучу и пытаются противустоять казачьему натиску... Тамъ они заняты только одною мыслью: пробиться, спастись...

Все это уже окружено,—сгоняется вмѣстѣ; дороги въ степь, въ спасительные пески—отрѣзаны и заперты...

Спасти потерянна всякая возможность...

— Объявить всѣмъ: за малѣйшее безчинство разстрѣляю какъ собаку! женщинъ и дѣтей пальцемъ не трогать... Боже сохрани!.. Господа, собрать все въ порядокъ!.. говорить, нѣсколько картавя, начальникъ отряда, пробираясь сквозь весь этотъ хаосъ; а за нимъ треплется его значекъ, красный съ бѣлымъ, тянется пестрая вереница милиціонеровъ, трубачи сигналисты продуваютъ свои запыленные рожки...

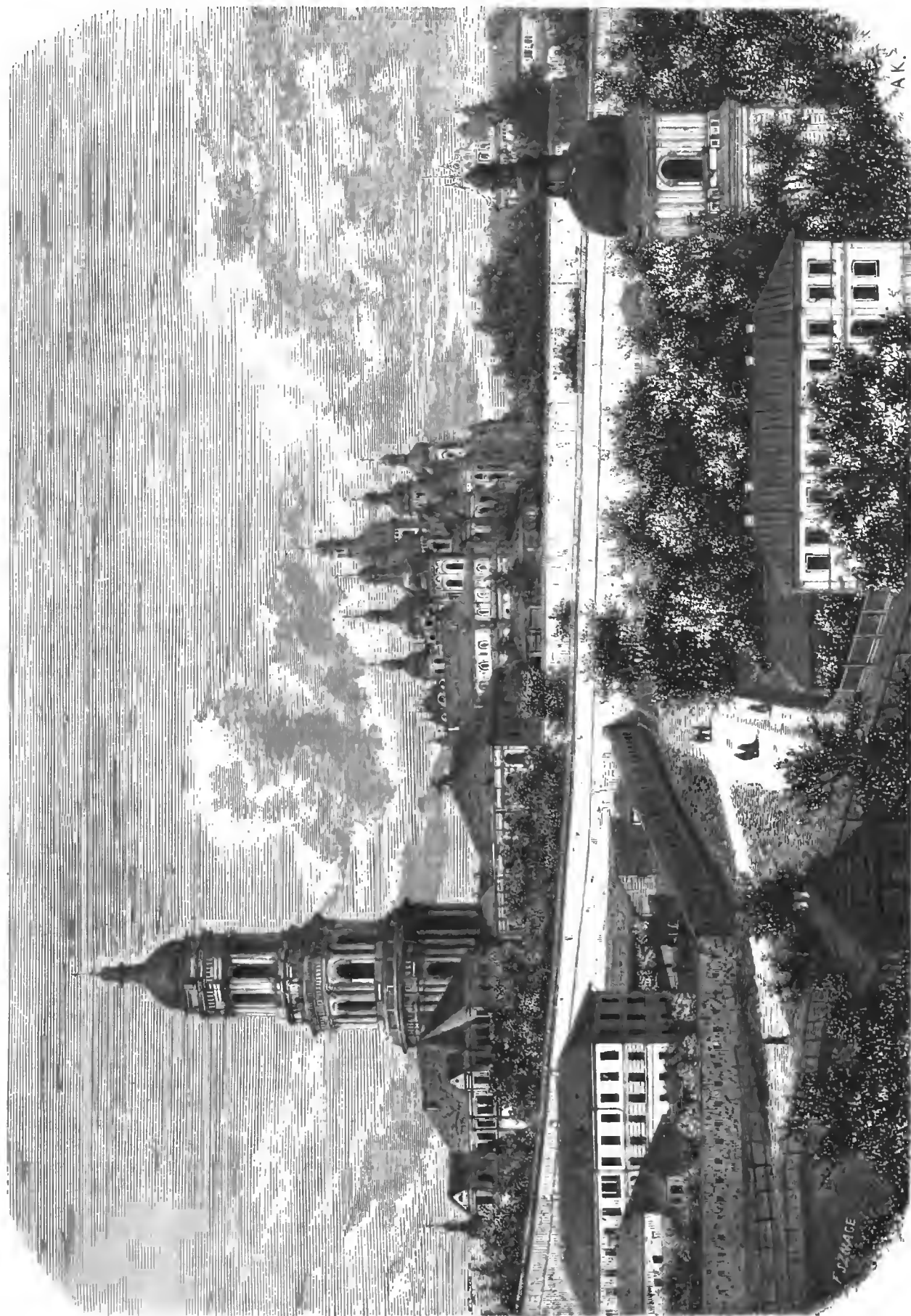
Солнце спускается за горизонтъ, багровое такое, туманное, наступаетъ темнота... Всѣ спѣшатъ воспользо-ваться остатками свѣта и водворить хотя какой нибудь порядокъ, во всей этой сумятицѣ. Ночью это будетъ не возможно...

Лошадей выпрягаютъ изъ аробъ и отводятъ въ сторону, повозки сдвигаютъ тѣснымъ вагенбургомъ; —несчастное населеніе этого вагенбурга предало себя волѣ Аллаха, и тѣснится у своего добра. Все окружается цѣпью часовыхъ,—казаки стягиваются и занимаютъ бивачныя мѣста, вокругъ обоза...

Коней не разсѣдываютъ всю ночь, никто не спитъ... Всѣ на сторожѣ и въ полной готовности къ бою.

Кто его знаетъ, что вонъ оттуда, изъ-за тѣхъ песчаныхъ холмовъ впереди, не покажутся свѣжія массы неприятеля, пришедшія на выручку своихъ семействъ и имущества!..

А на горизонтѣ, справа и слѣва, протягиваются какія-то подозрительныя полосы краснаго свѣта; тамъ какъ будто пожаръ... Вонъ даже мигаетъ пятнистое зарево; вонъ поднимаются черные клубы густаго дыма... Что это, горитъ степь? нѣтъ, это горятъ только поля туркменскія, ярко пылаютъ кѣмъ-то зажженная пшеница на полѣ,—и пламя пожара, расходясь съ необыкновенною быстротою, подбирается уже къ сложнымъ стогамъ, зимнему запасу—наказанныхъ—кочевниковъ...

Кієво-Печерська лавра. Съ фотографіи різьбъ на деревѣ Знає.

XXI.

Найдена!

Сергѣй Николаевичъ Ровичъ былъ при этомъ отрядѣ.

Понятно, въ какомъ лихорадочномъ состояніи провелъ онъ этотъ день. Его мучила неизвѣстность и сомнѣніе. Догонятъ-ли или нѣтъ? если догонятъ, то найдеть-ли онъ тамъ, что искалъ или нѣтъ?.. Нападетъ-ли хоть на какойнибудь слѣдъ Натальи Мартыновны, или въ результатѣ передъ нимъ окажется все та же невыносимая, тяжелая неизвѣстность?..

Онъ рыскалъ теперь по обозу, присматривался ко всѣмъ повозкамъ, прислушивался, пытался распрашивать плѣнныхъ,—все было напрасно. Ему не отвѣчали, онъ не могъ добиться ни слова на свои вопросы... Да и что могли отвѣчать эти несчастныя женщины и дѣти, обезумѣвшія отъ ужаса?..

Обозъ же былъ громаденъ—нѣсколько тысячъ аробъ... Все пространство, что было передъ глазами, все занято этими арбами... Чтобы ихъ пересчитать и осмотрѣть—пало, по крайнѣй мѣрѣ, сутки; а тутъ эта проклятая ночь, эта темнота, прекратившая всякую возможность дальнѣйшихъ розысковъ... Оставалось покориться необходимости и ждать.

О, какое мучительное ожиданіе!

А если она не здѣсь, если она въ другихъ обозахъ, успѣвшихъ скрыться? Что тогда?..

Эта идея невольно лѣзла въ голову, и еще болѣе увеличивала страданія Сергѣя Николаевича.

И не онъ одинъ былъ въ такомъ состояніи: всѣ офицеры тѣхъ сотенъ, что пришли изъ Ташкента,—испытывали почти то же самое, хотя и не въ такой сильной степени... Офицеры Кавказскаго отряда, не знавшіе Натальи Мартыновны, но слышавшіе объ ней, тоже горячо помогали розыскамъ, хотя и относились къ дѣлу гораздо покойнѣе.

Но въ головахъ первыхъ роилась еще другая идея: А что если *она* нѣтъ уже въ живыхъ? Но эту мысль всякій невольно гналъ отъ себя прочь, не позволяя ей даже сорваться съ языка, хотя бы однимъ намекомъ.

„Это было-бы совсѣмъ *несправедливо*! невольно думалось каждому,—несправедливо, со стороны кого?.. Въ эти подробности не входилъ никто... Казалось только пѣсмъ просто, что дѣло не могло, не должно окончиться подобной печальной развязкой.

Вагенбургъ былъ окруженъ цѣпью часовыхъ,—туда, внутрь его, запрещено было впускать кого-бы-то ни было—хотя-бы и офицеровъ...

Сергѣй Николаевичъ бродилъ пѣшкомъ около—и все еще приглядывался къ ближайшимъ арбамъ, къ темнымъ фигурамъ, сидѣвшимъ неподвижно подъ ними... онъ ждалъ разсвѣта.

— Еслибы она была здѣсь, говорилъ кто-то, не далеко отъ Ровича,—она бы сама вышла... не отвыкла же она совсѣмъ отъ русскихъ, не станеть же она, въ самомъ дѣлѣ, отъ насъ прятаться!.. Она бы давно сама вышла.

— А если она, больная, лежитъ гдѣнибудь и подпяться не можетъ?.. предполагалъ другой голосъ:—нѣтъ, братъ, надо будетъ искать.

Сергѣй Николаевичъ присмотрѣлся и увидѣлъ недалеко еще двухъ офицеровъ, повидимому пришедшихъ сюда съ тою-же цѣлью какъ и онъ.

Его начало разбирать нелѣпая, сумасшедшая ревность къ этимъ двумъ темнымъ силуэтамъ,—онъ готовъ-бы былъ уничтожить ихъ въ эту минуту...

— Только я одинъ имѣю право *ее* искать, *ее* ждать!

чего они пришли сюда-же! по какому праву? думалъ Ровичъ...

Онъ былъ убѣжденъ, что онъ думаетъ совершенно основательно и справедливо.

— Жаль, фонаря нѣтъ, а теперь бы хорошо побродить и поискать, отъ арбы къ арбѣ! можно попросить разрѣшенія...

— Поди, сунься; тамъ тебя, пожалуй, такъ пырнутъ ножомъ, что и сидѣшь на мѣстѣ. Онъ вѣдь бѣдовыя, эти тюременки!

Еще подошли двое, постояли съ минуту и пошли потихонько вдаль цѣпи.

— И эти!.. бѣсновался Ровичъ и грызъ отъ злости пальцы своихъ перчатокъ.

— Тохта! (стой) крикнулъ ближайшій часовой и приложился изъ винтовки.

Ровичъ издрогнулъ и сталъ всматриваться въ темноту... Онъ ничего не видѣлъ.

— Ты чего кричишь? спросилъ у казака.

— *Какая-то* къ цѣпи подходила оттуда—да пропала вдругъ... Таперь не видно.

— Гдѣ-гдѣ?..

— Кто начальникъ отряда?... послышался слабый голосъ около самого Сергѣя Николаевича...

Это былъ голосъ женщины.. Она говорила по русски. Нѣсколько темныхъ фигуръ бросились къ ней навстрѣчу...

У Ровича закружилась голова, въ глазахъ забѣгали огненные искры, ноги подкосились—и онъ опустился на землю, теряя сознание...

Женщина съ ребенкомъ на рукахъ была мгновенно окружена; къ ней протянулись десятки рукъ, ея подняли эти руки, и съ крикомъ торжества, съ самымъ дикимъ, неистовымъ „ура!“, понесли къ ближнему би-вуаку...

— Огня-огня! зажигайте костры... свѣту больше, свѣту! кричали кругомъ.

— Ура! носилось по лагерю, безконечными перекатами—другіе слышали этотъ вопль, подхватывали его, не зная въ чѣмъ дѣло, и бѣжали къ мѣсту происшествія...

Наталья Мартыновна смѣялась и плакала, и опять эти слезы смѣнялись смѣхомъ. Она говорила что-то много и разомъ; также точно много и разомъ говорили и всѣ остальные... Никто никого не слушалъ, да и это и не надо было никому; всѣ были безумно веселы и счастливы,—и еслибы завтра спросить когонибудь: какъ все это случилось, кто что сказалъ, что сдѣлалъ?.. то на эти вопросы, навѣрное, никто не въ состояніи былъ бы отвѣтить.

Очнулся Сергѣй Николаевичъ... быстро вскочилъ на ноги, бросился бѣгомъ туда, откуда неслись эти восторженные крики...

Яркій свѣтъ костра заливалъ своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ фигуру Натальи Мартыновны. Она была все въ той же рваной, тюременской рубахѣ, босая, полуобнаженная; она сидѣла на коврѣ, держала въ своихъ дрожащихъ рукахъ большую чашку съ чаемъ. Маленькій Петя переходилъ съ рукъ на руки и хохоталъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ... Офицеры толпились вокругъ; казаки суетились съ постановкою какого-то фантастическаго шатра изъ ковровъ, попонъ, всего, что попадалось подъ руку...

Сергѣй Николаевичъ видѣлъ все это и стоялъ на мѣстѣ. Онъ не въ силахъ былъ подойти къ ней...

На этотъ подвигъ у него не хватило рѣшимости.

(Продолженіе будетъ).

Кіево-Печерская Лавра.

Въ селѣ Берестовѣ, недалеко отъ Кіева, въ томъ самомъ Берестовѣ, гдѣ у князя Владиміра стоялъ загородный домъ,—жилъ при Ярославѣ одинъ благочестивый священникъ, по имени Иларіонъ. Онъ былъ, по преданію, «мужъ благъ, книженъ и постникъ». До насъ дошло его краснорѣчивое по тому времени «Слово о законѣ Моисеевомъ», считающееся въ хронологіи духовной русской литературы вторымъ произведеніемъ послѣ безыскусственно-простыхъ проповѣдей Луки Жидятки. Село Берестово, по соображеніямъ археологовъ, занимало одинъ изъ угловъ теперешней Лавры, именно сѣверо-восточный. Оно было заслонено отъ Днѣпра дремучимъ лѣсомъ, вся Печерская гора была покрыта имъ. Набожный Иларіонъ, не находя удобныхъ молиться на глазахъ людей, въ четырехъ стѣнахъ своего скромнаго жилища,—удалился изъ Берестова на приднѣпровскій холмъ, подѣ сѣнь его вѣковыхъ лѣсовъ. Сумрачная тишина лучше располагала къ молитвѣ.

Иларіонъ выкопалъ пещеру, сажени въ двѣ глубиной. Таково было древнее обыкновеніе, унаслѣдованное съ Востока, изъ Египта. Отшельническая жизнь берестовскаго священника, молва о его подвижничествѣ—привлекли вниманіе Ярослава, который самъ отличался набожностью и приближалъ къ себѣ такихъ людей. Вскорѣ Иларіонъ былъ поставленъ въ Кіевскіе митрополиты, а заброшенная на время пещера надъ Днѣпромъ дала пріютъ другому благочестивому человѣку, выходцу изъ Любеча, монаху Антонію. Покинувъ въ молодости родной городъ, онъ мною странствовалъ по разнымъ святымъ мѣстамъ, затѣмъ былъ постриженъ на Афонѣ и получилъ напутствіе отъ тамошняго игумена. «Иди, сказалъ игумень,—въ Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе Святой горы, да размножатся отъ тебя монахи!»

Прійдя въ Кіевъ, Антоній посѣтилъ прославленный Иларіонъ, лѣсъ на приднѣпровской горѣ, мѣсто ему понравилось, и овъ поселился въ двухсаженной пещеркѣ. Жизнь, которую онъ велъ въ ней, была полна лишеній: Антоній ѣлъ черствый хлѣбъ и то не каждый день, утолялъ даже свою жажду самымъ умереннымъ образомъ, однимъ словомъ: держалъ самый строгій постъ. Въ добавокъ онъ до изнеможенія работалъ надъ расширеніемъ пещеры, не зная отдыха. Скоро въ народъ прошла молва, что въ лѣсу, въ пещерѣ покинутой берестовскимъ священникомъ, трудится другой благочестивый человѣкъ, монахъ Антоній. Сначала въ пещеру стали сходиться простые люди; они приносили съѣстное и одежду, прося благословенія, а когда слава о подвижничествѣ дошла до князя Изяслава, сидѣвшаго тогда на Кіевскомъ столѣ, съ просьбой о молитвѣ и благословеніи пришелъ самъ князь съ дружиной. Въ числѣ приносившихъ подаянія были и такіе люди, которые тоже желали уйти въ лѣсъ отъ людской неправды, отрѣшиться отъ міра, поднаго соблазна. Вокругъ Антонія собралось двѣнадцать человѣкъ братья. Пещера, вырытая имъ, оказалась тѣсна—и общими силами ископали другую, большую и помѣстительную, съ подземной церковью и кельями. Возникъ подземный монастырь. Антоній, видя что его дѣло сдѣлано, что, благодаря его примѣру, положено начало монашескому сожителству, сдѣлалъ игуменомъ одного изъ братья, Варлаама, и затѣмъ удалился въ другое мѣсто, гдѣ выкопалъ для себя новую пещеру. На сорокъ лѣтъ удалился онъ въ нее отъ міра и умеръ въ ней, но изъ этого нельзя еще заключить, чтобы дѣла покинутой братіи его не интересовали. Какъ только требовалось немедленное разрѣшеніе какого-нибудь важнаго вопроса, братія шла въ пещеру Антонія и руководилась его совѣтами и указаніями.

Въ подземной обителі становилось тѣсно отъ пришельцовъ: вынужденъ были поставить небольшую деревянную церковь Успенія въ лѣсу, недалеко отъ пещеры.

«Князь! Богъ умножаетъ братію, писалъ вскорѣ Антоній Изяславу,—а мѣста мало; далъ бы ты намъ гору, что надъ пещерою». Князь согласился и отдалъ. Тогда Варлаамъ съ братіей поставилъ другую церковь, болѣе просторную, наполнилъ ее иконами, построилъ много монашескихъ келій и огородилъ возникшій монастырь стѣпьемъ. Въ народѣ стали его прозывать Печерскимъ, потому что онъ выросъ въ лѣсу надъ пещерами (пещерами). Названіе это такъ и осталось за монастыремъ. При игуменѣ Феодосіѣ, котораго Антоній поставилъ на мѣсто вызваннаго въ другую обитель Варлаама, монаховъ насчитывалось до сотни. Феодосій шелъ по слѣдамъ Антонія, велъ такую же суровую и труженическую жизнь какъ онъ, работалъ заодно съ братіей, не гнушался самыхъ грубыхъ, простыхъ работъ: колотъ дрова, носилъ воду и пр., заслуживъ этимъ всеобщее уваженіе. При этомъ третьемъ по счету игуменѣ монастырь сталъ управляться по уставу Студійскаго монастыря на Босфорѣ, завезенному въ Кіевъ однимъ грекомъ. Въ немъ было написано какъ и чѣмъ слѣдуетъ кормиться братіи въ такіе-то и такіе-то дни, какъ иѣтъ, держать поклоны, стоять въ церкви—однимъ словомъ: весь церковный порядокъ былъ изложенъ до мелочей. У другихъ, возникшихъ тогда монастырей на Русь не было никакихъ точныхъ уставовъ, такъ что Феодосій спискомъ со Студійскаго принесъ пользу не одной своей братіи. Въ правленіе

Феодосія Печерскаго постригся и будущій лѣтописецъ русскій, Несторъ; ему было въ то время всего семнадцать лѣтъ отъ роду.

Много бѣдствій пришлось перенести Кіеву въ тѣ тревожныя времена, а съ нимъ и Печерскому монастырю.

Въ 1096 году Половцы разграбили и сожгли его, разогнавъ монаховъ.

Въ 1169—разорилъ его сынъ Боголюбскаго, Мстиславъ Андреевичъ съ одинадцатью другими князьями.

Въ 1204—князь Смоленскій, Рюрикъ Ростиславичъ.

Въ 1235—обитель потеряла отъ Изяслава Мстиславича и Ольговичей Черниговскихъ.

Въ 1240 было нашествіе Батяи. «Нечестивіи варвары, пишетъ Инокентій Гизель въ своемъ *синапсисѣ* XVI-го столѣтія,—овнами и таранами стѣны каменные монастырскія столкши и до основанія сокрушивши, въ святую обитель войдоша, людей всякаго чина посякоша, нныхъ плѣнниа и самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы оскверниша, отъ всякаго украшенія обнажиша и крестъ со главы церковныя златоконный снхша, а верхъ до полуцеркви, по окна, повелѣніемъ проклятаго Батяи, испровергоша; такжеже и верхъ алтарь великаго по перси иконы Пресвятыя Богородицы избнша и весь монастырь, со всеми украшеніями и каменными стѣнами до основанія искорениша и разметаха». Уцѣлѣлъ всего одинъ придѣлъ, въ который тайкомъ сходились разбѣжавшіеся по окрестнымъ лѣсамъ монахи. 1240-й годъ былъ самый бѣдственный для Кіево-Печерской обители: она стояла въ запустѣніи около тридцати лѣтъ. Но бѣдствія ея еще далеко не кончились.

Въ 1399 и въ 1416 ее разграбили татары.

Въ 1482, при Иванѣ Третьемъ, она была разорена крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ.

Въ XVII столѣтіи обитель не мало потеряла отъ уніи. На *тревожливое* время монахи просили у Алексѣя Михайловича пушекъ и зелья (пороху), чтобы «твое вѣчное богомолье, писали они ему,—въ конечное разореніе не пришло и мы твои жъ Великаго Государя богомольцы до конца не пропали».

Въ 1703 году сгорѣли монастырскія келіи.

Въ 1718 сгорѣла вся Лавра вмѣстѣ съ записанной бібліотечкой рукописей, собранныхъ любителемъ письменности Ярославомъ Владиміровичемъ. Рукописей было нѣсколько тысячъ, главнымъ образомъ по исторіи славянскихъ народовъ.

Въ 1771 году братія вынесла сильную моровую язву.

Въ 1772 году опять пожаръ.

Таковъ скорбный листъ Кіево-Печерской обители, которая въ 1688 году признана была Лаврой.

Съ конца XV-го вѣка средства ея стали разширяться: народъ усердствовалъ и несъ приношенія; на монастырь отписывались села съ даями денежными и медовыми, всякія угоды, дома и подворья. По мѣрѣ того какъ доходы росли—измѣнялась и сама жизнь монаховъ. Она уже далеко не походила на жизнь временъ Феодосія, когда въ бѣдной *церковнѣ* горѣла простая сосновая лучина вмѣсто свѣтъ, когда самъ настоятель пекъ хлѣбъ и носилъ воду, читался черствымъ хлѣбомъ и шами безъ масла, носилъ платье въ заплаткахъ...

Лавръ принадлежало до 140 мѣстечекъ, селъ и деревень съ населеніемъ въ 60.000 душъ обоого пола. Толпы богомольцевъ стекались отовсюду на поклоненіе ея святынѣ.

На приложенномъ рисункѣ Кіево-Печерская Лавра снята отъ Кіева. За высокой двухсаженной оградой, возвыгнутой въ концѣ XVII столѣтія стараніями Мазепы, высится налѣво: знаменитая по красотѣ и вышинѣ колокольня; направо — Успенскій соборъ.

Про послѣдній Гизель говоритъ, что онъ былъ *подобенъ небеси* и только. Изъ этого можно вывести одно заключеніе, что церковь Успенія Богородицы была достаточно изукрашена еще въ XIII столѣтіи. Въ 1470 она была возобновлена послѣ Батыева разгрома. Пожаръ 1718 года уничтожилъ и эту постройку, такъ что теперешній Успенскій соборъ сооруженъ сравнительно недавно послѣ знаменитаго пожара. У него семь главъ съ золочеными куполами и девять придѣловъ. Длина собора съ алтаремъ 21 сажень, ширина съ придѣлами болѣе 20-ти, а вышина считая до кровли 22 сажени. По стѣнамъ—вмѣсто прежней мозаики и альфреско—иконы богато-убранныя, по посредственной живописи; высокий, въ пять ярусовъ, иконостасъ во вкусѣ рококо рѣзанъ изъ дерева и позолоченъ; надъ царскими дверями виситъ древнѣйшая въ Россіи икона Успенія, въ богатомъ убранствѣ изъ золота и камней; престолъ главнаго алтаря обложенъ толстыми серебряными досками, которые густо-вызолочены; вообще, по богатству внутренняго убранства, по ризницѣ наполненной драгоценностями, Успенскій соборъ въ Лаврѣ—одинъ изъ самыхъ ослѣпительныхъ русскихъ храмовъ. Изъ частныхъ лицъ на него особенно много жертвовала, теперь уже умершая, Анна Алексѣевна Орлова.

Списокъ драгоценностей Кіево-Печерской лавры очень длиненъ: достаточно упомянуть о наперстольномъ крестѣ изъ чистаго золота, вѣсомъ 1 фунтъ 35 золотниковъ, обѣ образѣ благословляющаго Христа, въ ковanej золотой ризѣ и вѣнцѣ изъ

крупныхъ брилліантовъ, громадномъ серебряномъ паникадилѣ и большомъ Евангеліи въ 17.000 р. сер.

Въ 20-ти саженьяхъ отъ собора стоитъ высокая и красивая лаврская колокольня. Она построена Шейденомъ въ стилѣ Renaissance, восьмиугольной пирамидой въ четыре этажа. Колокольня стоитъ на гранитномъ основаніи. Надъ нижними рустками возвышаются колонны Дорическаго ордена, выше—Ионическаго, а еще выше—Коринтскаго. Впечатлѣніе нѣсколько нарушается вѣнчающими послѣдній орденъ двуглавыми орлами, которыми художникъ замѣнилъ красивые листья аканфа. Куполъ сіяетъ позолотой; подъ главой на золотомъ полѣ четырехаршинные лики святыхъ, но снизу они кажутся очень небольшими, потому что колокольня очень высока. Она—одна изъ величайшихъ колоколенъ въ Россіи: отъ подошвы до оконечности креста 46 сажень. Триста семьдесятъ четыре ступени ведутъ въ куполъ, съ котораго открывается замѣчательный видъ на окрестности. Въ ясное время видны города и мѣстечки, лежащіе болѣе чѣмъ на сто верстъ разстоянія. Въ третьемъ этажѣ висятъ колокола, въ четвертомъ стоятъ часы. На эту массивную колокольню (43 сажень въ окружности), начатую во второй годъ царствованія Анны Іоанновны, потрачено въ 24 года стройки около 62.000 рублей. По замѣчанію Закревскаго, теперь эта же самая постройка обошлась бы милліона въ два. Достаточно упомянуть, что одна поправка ея въ первой четверти нынѣшняго столѣтія обошлась въ 60,000 слишкомъ.

О Лаврской колокольнѣ ходитъ преданіе такого рода: въ 12 году, когда французы вошли въ Россію и прошли до Москвы, вдругъ въ непоказанный часъ зазвонилъ тяжелый соборный колоколъ. Братія обѣжались и увидѣла солдата, который стоялъ на колокольнѣ и звонилъ. На вопросъ зачѣмъ онъ тутъ, солдатъ отвѣчалъ, что французы выгнаны изъ Москвы и Лаврская колокольня должна первая возвѣстить объ этомъ. Послѣ будто бы оказалось, что именно въ этотъ день непріятель дѣйствительно оставилъ Москву.

Въ Успенскомъ соборѣ похоронены многіе замѣчательные люди прежняго времени: кievскій митрополитъ Петръ Могила, борившійся съ унией, авторъ синодсиса Інокентій Гизель, казненный Петромъ Кочубей, Румянцевъ и др.

Массу простаго народа, каждый годъ стекающагося въ Киево-Печерскую Лавру, кромѣ благолѣпія службы, совершаемой въ 16-ти лаврскихъ церквахъ, главнымъ образомъ привлекаютъ вполнѣ уцѣлѣвшія подземелья прежней Печерской обители, обители Іларіона, Антонія и Феодосія. Пещеры раздѣляются на ближнія и дальнія, изъ которыхъ послѣднія идутъ даже подъ Днѣпръ. Пещеры невысоки и очень узки; въ нихъ по боковымъ большимъ нишамъ лежатъ мощи многихъ святыхъ (126), обернутыя въ бархатъ и парчу. При входѣ въ подземную часовню берутся свѣчи—и не переставая днемъ и ночью народъ тѣснитъ

ся по корридорамъ пещеръ и главнымъ образомъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. Впереди идетъ монахъ и быстро перечисляетъ имена и подвиги исподвижно-лежащихъ въ открытыхъ гробахъ труженниковъ и страдальцевъ. Впечатлѣніе, выносимое изъ этихъ подземелій, особенно человѣкомъ простымъ, сильно и поражающе. Тусклый свѣтъ восковыхъ свѣчъ, монотонный гулъ путеводителя-монаха и гробовая обстановка по обѣ стороны—долго не забываются. Корридоры, прорытые въ известковой почвѣ, почти незамѣтно понижаются вглубь горы и дѣлаютъ округленные повороты въ сторону. Особенно усердные богомольцы отламываютъ куски известняка отъ пещерныхъ стѣнъ и разносятъ эти отломки вмѣстѣ съ купленными крестиками, камешками и четками по дальнимъ угламъ своей родины. Въ даръ несутъ деньги, а за немѣняемымъ ихъ купленные передъ входомъ бублики. Послѣдніе вмѣстѣ съ мѣдными копѣйками и грошами просовываютъ сквозь рѣшетку къ почюющимъ двѣнадцати братьямъ-строителямъ, кладутъ въ гробницу Лукьяніи и въ другія особенно уважаемыя мѣста. Бублики, вынесенные изъ пещеръ, продаются опять слѣдующей смѣнѣ богомольцевъ.

Въ наземныхъ церквахъ скопляются болѣе крупныя приношенія: цѣлыя кучи серебра лежатъ на столахъ послѣ каждой обѣды. Книги духовнаго содержанія, печатаемыя тутъ же въ Лаврѣ, раскупаются въ лавкахъ чуть не на расхватъ за довольно дорогую цѣну; кромѣ большихъ доходовъ отъ типографіи и фотографіи, есть еще доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ и монастырскихъ стѣнъ, гдѣ у монаховъ три лавки. Каждый идущій смотрѣть пещеры—неминуемо долженъ купить свѣчу, заплатить за нее десять, двадцать и болѣе копѣекъ. Въ то время какъ около собора вся площадь залита народомъ, когда тысяча народа толпится начиная отъ воротъ и кончая папертью,—подземный Кіевъ (гдѣ покоются: Антоній, Іоаннъ Многогробный, мученица Іулія, Никонъ Сухой, Ілья Муромецъ и другіе подвижники) мертвенно тихъ; шумъ людскихъ шаговъ почти не раздается въ его тѣсныхъ корридорахъ, слышатся по временамъ лишь глубокіе вздохи и мѣрный, глѣбучій голосъ уставшаго рассказчика...

Лавра, какъ и всѣ окрестности Кіева, залита зеленью. Глубокій оврагъ, отдѣляющій ближнія пещеры отъ дальнихъ, проросъ деревьями; безчисленныя ступени лѣстницъ, оживленныя группами богомольцевъ, обѣгаютъ и поднимаются по его крутизнамъ.

Для бѣдныхъ въ Лаврѣ есть странноприимный домъ и больница; для состоятельныхъ—номера, гдѣ каждый жертвуетъ по усмотрѣнію за доставленный пріютъ и спрощенную пищу.

Ограда около Лавры съ четырьмя башнями по угламъ и тремя воротами—длинной болѣе версты, а сѣверо-востокъ Печерской горы, мѣсто прежняго Берестова, занятъ крѣпостью, заложеной Петромъ въ первые годы прошлаго столѣтія.

РРЕЛЪ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельминки фонъ-Гиллерн-Бирхъ.

(Продолженіе).

II.

На своемъ поставила!

Вотъ и вся исторія любви и горестей Валли. Эти чувства снова зашевелились теперь въ ея молодомъ сердцѣ; жгучая боль стиснула его, когда она устремила глаза внизъ, надѣясь увидѣть тамъ Іосифа, который частенько проходилъ мимо и никогда не искалъ дорожки къ ней... наверхъ! Дѣвушка провела рукой по вспотѣвшему лбу. Становилось жарко, солнце палило своими лучами, а она уже успѣла выкосить всю траву отъ самаго дома до Солнечной площадки, такъ назывався выдвинувшійся утесъ, на вершинѣ котораго она стояла. Это было самое высокое мѣсто, такъ что на него прежде всѣхъ падали горячіе лучи. По кличкѣ, данной утесу, назывався и деревни „Солнечной Площадкой“.

— Валли, а Валли! крикнулъ знакомый голосъ.—Ступай къ отцу! сказать что-то онъ тебѣ хочетъ.

Старушка Люккардъ вышла изъ дома.

Отецъ велѣлъ ея позвать? какое такое дѣло? Послѣ зельденской передерги онъ съ ней и слова не промолвилъ, а если и говорилъ, такъ что нибудь насчетъ повседневной работы—только. Валли почувствовала и страхъ, и отвращеніе, однако встала и послѣдовала за старушкой.

— Ну, чего ему?

— Большая новинка, отгѣтила Люккардъ и прибавила:—вотъ, взгляни сама!

Пройдя нѣсколько шаговъ, Валли увидѣла отца передъ домомъ и рядомъ съ нимъ молодого крестьянина изъ ихъ же деревни—Викентія Гелльнера, у котораго изъ петли куртки торчалъ большой букетъ. Это былъ приземистый, угрюмый дѣтина, упрямый, скрытный—такимъ Валли еще знала его съ самаго дѣтства. Добраго слова отъ него никогда никто не слышалъ—за исключеніемъ дочери Штротмингера, къ которой онъ лѣзъ съ любезностями еще на школьной скамейкѣ. Два мѣсяца тому назадъ онъ похоронилъ почти одновременно отца и мать и сталъ самъ хозяиномъ—вторымъ послѣ Штротмингера богачемъ въ околдѣхъ.

У Валли кровь похолодѣла въ жилахъ: она сейчасъ же поняла, угадала, что хотѣлъ сказать ей отецъ.

— Викентій хочетъ пожениться на тебѣ, произнесъ Штротмингеръ.—Я уже далъ ему слово. Въ будущемъ мѣсяцѣ свадьба.

Сказавъ это, онъ повернулся и скрылся въ домѣ, не находя нужнымъ что либо прибавить.

Дѣвушка на минуту онѣмѣла—словно громовой ударъ поразилъ ее. Надо было ей оправиться, придти въ себя. Викентій, не долго думая, смѣло подошелъ къ ней

Литературный альбомъ. «Ночь передъ Рождествомъ» Гоголя. (Кузнецъ Вакула ѣдетъ въ Петербургъ). Рис. Н. Каразинъ, грав. Барановскій.

и чуть не обнялъ ее, но она отскочила съ крикомъ ужаса... Чтѣ дѣлать, чтѣ говорить теперь—Валли уже знала.

— Слушай, Викентій, заговорила она, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ душевнаго потрясенія:—прошу тебя — иди домой! Быть твоей женой я не могу. Вѣдь не захочешь же ты, чтобы отецъ сталъ меня принуждать?.. Говорю тебѣ разъ навсегда: я не люблю тебя!..

Лицо Викентія судорожно передернуло, онъ закусилъ нижнюю губу, а въ черныхъ глазахъ его, устремленныхъ на Валли, сверкнулъ плотоядный огонекъ.

— Не любишь меня?.. Да я-то тебя люблю! Я жизни не пожалѣю, чтобы овладѣть тобой, чтобы ты была моею. Твой отецъ уже согласился—и я никогда не возвращу ему его слова. Полагаю, что ты еще думаешь-ся, если отецъ захочетъ, чтобы ты одумалась.

— Викентій, если бы ты былъ поумнѣе, ты не говорилъ бы такъ и зналъ бы, что ужъ теперь-то я ни за что не пойду за тебя, а принудить меня невозможно... Знай же это! Ну, иди теперь домой. Нечего намъ больше говорить.

И Валли отвернувшись отъ него, быстро пошла къ дому и скрылась за дверью.

— Охъ, ты мнѣ! гнѣвно крикнулъ ей вслѣдъ Викентій и, крѣпко огорченный, сжалъ кулаки, но сейчасъ успокоился и проговорилъ сквозь зубы:—ладно, что-жъ —и подождать могу! *Станемъ ждать!..*

Дѣвушка прошла прямо въ комнату отца. Штроммингеръ сидѣлъ уткнувшись въ свои счеты, и, когда она явилась, неторопливо оглянулся.

— Тебѣ чего надо?

Цѣлый снопъ золотыхъ, теплыхъ лучей солнца падалъ на Валли изъ небольшого окошка. Она стояла передъ отцомъ такая стройная, свѣтлая, какъ будто сама была свѣтящимся существомъ. Штроммингеръ невольно заглядѣлся на свое дѣтище—такъ ужъ хороша была Валли въ эту минуту. Она спокойно отвѣтила:

— Я пришла сказать вамъ только, что не пойду за Викентія.

— Хо-хо! воскликнулъ онъ, вскочивъ.—Вотъ какъ! Не пойдешь за него?..

— Да. Я не люблю его.

— Ну, а я у тебя спрашивалъ: любишь ты его или нѣтъ?

— Нѣтъ, я сама говорю.

— Такъ и я тебѣ самъ скажу: черезъ мѣсяцъ ты будешь женою Викентія—по любви тамъ или безъ любви—все равно. Я ему общалъ, а Штроммингеръ держитъ данное слово. Пошла теперь вонъ!

— Нѣтъ, отецъ, погодите, сказала Валли.—Я вѣдь не скотина какая-нибудь, которую хозяинъ захочетъ—продать, захочетъ—променяетъ, не спрашивая ее. Надо меня спросить, такъ я думаю, коли дѣло идетъ о моемъ замужествѣ.

— Очень нужно! Дѣти—собственность отца, также какъ теленокъ или корова собственность хозяина, а потому и должны повиноваться отцу.

— Это гдѣ-же сказано?

— Гдѣ сказано? Въ Библии!

Лицо Штроммингера побагровѣло, а это ничего хорошаго не предвѣщало.

— Тамъ сказано только, что дѣти должны почитать и любить родителей, а насчетъ выхода замужъ за противнаго человѣка—единственно по желанію отца—ничего не сказано! Вотъ, видите-ли, если бы этимъ я могла оказать вамъ помощь, если бы, идя за Викентія, я спасла васъ отъ смерти или нищеты—ну, тогда мнѣ слѣдовало бы пойти за него, хоть бы сердце даже разорвалось въ куски... Но вы вѣдь богаты, ни въ чемъ и ни въ комъ не нуждаетесь, вамъ все все равно съ кѣмъ бы я ни повѣнчалась, и вы дали слово Викентію лишь со злости, чтобы я не досталась Иосифу, котора-

го люблю! И онъ полюбилъ бы меня, если бы познакомился со мной!.. Нѣтъ, это не хорошо, и въ Библии не сказано, что дѣти должны въ такомъ случаѣ повиноваться...

— Вишь, нагородила сколько! Вотъ, я скажу капеллану, чтобы онъ тебя поучилъ, показалъ, чтѣ сказано въ Библии!

— Это не поможетъ; да если бы вы привели ко мнѣ десять капеллановъ, и всѣ бы эти капелланы стали говорить мнѣ, что я должна тутъ послушаться васъ—я все-таки не послушалась-бы.

— А я тебѣ говорю—послушаешься! Ужъ это такъ вѣрно, какъ я—Штроммингеръ. Не покорись—вытолкну тебя вонъ, лишу наслѣдства!

— Это въ вашей волѣ. Что-жъ, я здорова, сильна и сама себѣ кусокъ хлѣба заработаю. Все можете вы отдать Викентію, только—не меня.

— Болтай еще! проговорилъ Штроммингеръ, порядкомъ удивленный.—Развѣ я могу допустить, чтобы люди говорили: вотъ Штроммингеръ не можетъ совладать съ своей дочерью! Ну, и ты будешь за Викентіемъ, хоть бы мнѣ пришлось палкой вогнуть тебя въ церковь.

— Палкой—такъ палкой, только я и тамъ, предъ алтаремъ, скажу—нѣтъ. Убить вы меня можете, но я и подѣ палкой не выговорю „да“! Лучше со скалы прыгну въ пропасть, а ужъ въ гнѣздо нелюбимаго человѣка не войду.

— Цыцъ ты! крикнулъ Штроммингеръ гнѣвно. На его широкомъ лбу вздулась синяя жила, все лицо какъ будто вдругъ распухло, а бѣлки глазъ стали кровавыми.—Эй, не выводи меня изъ терпѣнія, не бѣси! Вѣдь ужъ разъ попало—такъ молчи теперь, а не то—худо будетъ!

— Да ужъ худо-то было—ровно годъ тому назадъ, когда вы меня треснули, въ день конфирмаціи моеи! Я тогда еще почувствовала, увидѣла, что все между нами порѣшено... И вотъ, знайте: съ того самаго дня мнѣ стало все равно—злы-ли вы на меня, добра-ли мнѣ, хотите или убить—рѣшительно все равно! Сердце мое для васъ закрыто, и я смотрю на васъ какъ на любой глетчеръ—Зимплаунскій, Фернагтскій, Мурцолль!

Штроммингеръ все выслушалъ, но онъ почти оцѣпенѣлъ, не въ силахъ былъ слова вымолвить и—бросился на дочь, схватилъ ее за бока, высоко приподнялъ надъ собой, сталъ трясти и, наконецъ, уставши, кинулъ на полъ. Валли упала на спину. Онъ шагнулъ къ ней—и нога его, въ сапогѣ подбитомъ гвоздями, стала ей на грудь.

— Повинись въ томъ, чтѣ сказала, не то, какъ червяка раздавлю! прохрипѣлъ отецъ.

— Раздави! пробормотала дѣвушка, глядя на него въ упоръ.

Она съ трудомъ дышала, потому что отцовская нога крѣпко надала на грудь, однако не шевельнулась, глазомъ не моргнула.

Вся мощь Штроммингера рухнула тутъ. Не могъ онъ исполнить своей угрозы—раздавить прекрасную, дѣвственную грудь своей родной дочери, и эта мысль затушила его ярость—онъ вдругъ очнулся. Дочь побѣдила отца. Онъ покачнулся и снялъ ногу съ груди.

— Штроммингеръ не хочетъ, чтобы его посадили въ смиренный домъ! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ и изнеможенный опустился на стулъ.

Валли встала; мертвенная блѣдность покрывала ее лицо, а глаза сухіе, тусклые казались стеклянными. Дѣвушка стояла неподвижно, она ждала конца этой сцены.

Штроммингеръ, послѣ минуты тяжелаго раздумья, заговорилъ съ хрипотой въ горлѣ:

— Я не могу тебя убить; но ты говорила, что тебѣ Зимплаунскій и Мурцолльскій глетчеры также любы какъ отецъ родной,—ну, вотъ, и будешь ты жить теперь съ ними. Какъ разъ туда тебѣ и дорога!.. Отцовскаго

стола ты ужь больше не увидишь. Отправляйся пасти скотину на Гох-юхъ! Ты будешь ты тамъ до тѣхъ поръ, пока не сообразишь, что теплѣ сидѣть въ гнѣздѣ Вицентія, чѣмъ въ Мурцолльскомъ снѣгу. Поторопись собираться, потому что я не хочу тебя больше видѣть. Уходи завтра утромъ, пораньше! Отъ шнальзерцевъ я отберу аренду, а на недѣль пошлю къ тебѣ съ работникомъ скотинку. Захвати съ собою сыру, хлѣба, чтобъ хватило, пока батракъ не придетъ со стадомъ. Клеттенмайеръ проведетъ тебя туда. Пошла теперь вонъ! Вотъ послѣднее мое слово, которому я не измѣню!..

— Хорошо, тихо произнесла Валли и, склонивъ голову, вышла изъ комнаты.

III. Выгнана.

И такъ, на Гох-юхъ! Ужасное слово выговорилъ отецъ. На безлюдныхъ поляхъ Гох-Юха никогда не увидишь веселой жизни пастбища, гдѣ въ ласкающемъ воздухѣ, насыщенномъ запахомъ разныхъ травъ, позваниваютъ бубенчики и раздаются гортанныя пѣсенки пастуховъ и пастушекъ... Увы, на Гох-юхъ зима круглый годъ, вѣчная зима, и ничто тамъ не нарушаетъ мертвой тишины. Какъ-то грустно и скупосторожно, какъ мать прикасается губами къ блѣдному лобу мертвого ребенка, посылаетъ солнце свои поцѣлуи этимъ никогда не тающимъ ледянымъ массамъ. Встрѣчаются тутъ жалкія лужайки, послѣдніе остатки цѣпкой органической жизни, и тѣ скоро исчезаютъ въ бѣлой, безконечной степи; чахнеть былинка тростника, послѣдняя капля жизненнаго сока расходуетъ... Природа медленно вымираетъ. Расчетливый поселянинъ пользуется и этою скудною растительностью: онъ посылаетъ сюда свою скотинку на подножный кормъ, и нерѣдко случается, что овечка, желая достать зеленую вѣточку, укрѣпившуюся тутъ какимъ-то образомъ, скользитъ и пропадаетъ безслѣдно въ широкой трещинѣ ледника.

И вотъ, единственному дѣтищу горделиваго богача, собственника обширныхъ земель, владѣнія котораго и вверхъ раскинулись до самыхъ облаковъ,—выпало на долю отпраздновать цвѣтущую весеннюю пору жизни среди постоянной, вѣчной зимы. Да, когда тамъ, внизу, заиграютъ майскіе вѣтерки, станутъ наливаться почки, когда птицы начнутъ вить гнѣзда и все весело встрепенется—Валли должна будетъ взять пастушью палку, покинуть зазеленѣвшія поля и идти въ пустыню—въ ледники. Но вотъ и весна и лѣто прошли внизу; воютъ тамъ осенніе вѣтры, скоро и снѣгъ покроетъ долины—Валли можетъ тогда оставить ледники, спуститься... въ объятія новой зимы, зимы пониже. Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто и тѣло и душу ея закалили зимѣ!..

Изъ окрестныхъ поселянъ никто не посылалъ туда своихъ пастуховъ. Горныя пастбища они обыкновенно отдавали въ аренду шнальзерцамъ по той сторонѣ хребта, къ которымъ они были ближе, а арендаторы отправляли въ эти мѣста двухъ звѣроподобныхъ, закаленныхъ въ невзгодахъ парней. Молодцы эти обвертывались въ звѣриныя шкуры и жили тамъ, какъ отшельники, въ каменныхъ конурахъ, разстояніе между которыми было довольно порядочное. Штроммингеръ, самый зажиточный во всей деревнѣ, всегда отдававшій свои пастбища въ аренду,—посылалъ теперь родную дочь попробовать, каково живетъ шнальзерскимъ пастухамъ!.. Валли и не думала жаловаться, и молча, не торопясь, собиралась въ дорогу... Невеселый путь предстоялъ ей въ горы. Утромъ, еще задолго до восхода солнца, когда всѣ еще спали, она вышла изъ-подъ родительской кровли. Одна старушка Люккардъ, „знавшая напередъ все это по картамъ“, провела съ Валли послѣднюю ночь, помогая ей укладываться; она засунула ей на прощанье букетикъ руты за ленту шляпы и захотѣла проводить ее, хоть немножко проводить. Плакала старуш-

ка, какъ будто провожала дорогаго покойника. Слѣдомъ за ними шель Клеттенмайеръ съ котомкой. Старый это былъ, вѣрный, работникъ Штроммингера; ему одному удалось посѣдѣть на службѣ у него—потому только, что онъ былъ крѣпокъ на ухо и не могъ слышать руготни хозяина. Этого старика Штроммингеръ и далъ въ проводники своей дочери. Люккардъ довела Валли до тропинки, круто поднимавшейся въ гору; тутъ она попрощалась съ нею и пошла домой, чтобы успѣть приготовить завтракъ. Дѣвушка, изобразившись уже довольно высоко, остановилась и глянула внизъ, на дорогу, по которой плелась старушка. Она увидѣла ее и замѣтила, что Люккардъ вытирала слезы передникомъ... У самой Валли сердце ёкнуло и стало какъ-то мягче... Въ самомъ дѣлѣ, старушка всегда была ласкова къ ней; эта старая, слабая женщина все-таки любила Валли... Вдругъ Люккардъ оглянулась и указала ей рукой наверхъ. Дѣвушка посмотрѣла туда, куда было указано, и увидѣла въ воздухѣ что-то темное, медленно и какъ-то робко цлывшее вдоль стѣны утесовъ; казалось—это былъ бумажный змѣй, который то падалъ, то снова тяжело поднимался, не поддерживаемый вѣтромъ... Молодой орелъ, махая подрѣзанными крыльями, летѣлъ за своей хозяйкой, но у него, какъ видно, не хватало уже силъ—и онъ еле двигался, подскакивая и дрыгая то однимъ, то другимъ крыломъ.

— О, мой Ганзль! Какъ же это я забыла тебя, Ганзль! воскликнула Валли и бросилась бѣжать на помощь къ вѣрному своему другу, выбравъ кратчайшую дорогу. Она съ легкостью серны перелетала съ камня на камень и скоро добралась до своего воспитанника. Люккардъ остановилась, поджидая Валли. Дѣвушка спустилась съ кручи и побѣжала по тропинкѣ, держа въ рукахъ орла; старушка такъ обрадовалась ей, какъ будто долго-долго не видѣла ее, а Валли стояла передъ ней, прижимая Ганзля, какъ ребенка, къ своему сердцу. Она со вчерашняго вечера уже не отдѣляла орла отъ Юсифа, думала о нихъ одновременно, и Ганзль былъ для нея теперь какъ-бы безмолвнымъ посредникомъ между ею и любимымъ человѣкомъ,—даже больше: Валли казалось, что Юсифъ превратился въ орла, и вотъ она держитъ его въ своихъ рукахъ.

Такъ человѣкъ, съ теплой вѣрой въ сердце, творить, создаетъ видимый, образный символъ, чтобы приблизить къ себѣ то, что представляется ему недостижимымъ, безконечно далекимъ; онъ воплощаетъ безплотное, видить невидимое, и вотъ деревянный крестъ и кусокъ разрисованнаго холста становятся для него священными, чудотворными предметами. Пылкая любовь также ударяется въ символику, хватается за видимыя, реальныя явленія, когда предметъ страстной любви недостижимъ или слишкомъ отдаленъ... Валли обрѣла въ своемъ Ганзлѣ великое утѣшеніе, единственную отраду.

— Ну, Ганзль, идемъ! заговорила она нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ,—идемъ вмѣстѣ въ горы! Мы неразлучны, мы навсегда принадлежимъ другъ другу!..

— Ахъ! голубушка ты моя! Нельзя ему быть тамъ съ тобой, замѣтила Люккардъ:—вѣдь онъ наверху-то съ голодухи пропадетъ... Гдѣ ты тамъ достанешь мяса? Птица эта ничего ѣсть не станетъ.

— Дѣ, это такъ, произнесла Валли печально,—но не могу-же я разстаться съ нимъ! Неужели мнѣ тамъ, наверху, въ пустынѣ, оставаться совсѣмъ, совсѣмъ одной?.. Да и дома не хочу я оставить его одного... Ктѣ тамъ, безъ меня-то, станетъ заботиться о немъ?..

— Ну—вотъ! Есть о чемъ беспокоиться! воскликнула старушка.—Ужъ я погляжу за нимъ!

— Какже! Такъ онъ за тобой и пойдетъ! Тебѣ съ нимъ и не совладать.

— Э, полно, голубчикъ! отвѣтила наивно Люккардъ:—ужъ коли я такъ долго за тобой ухаживала, о тебѣ за-

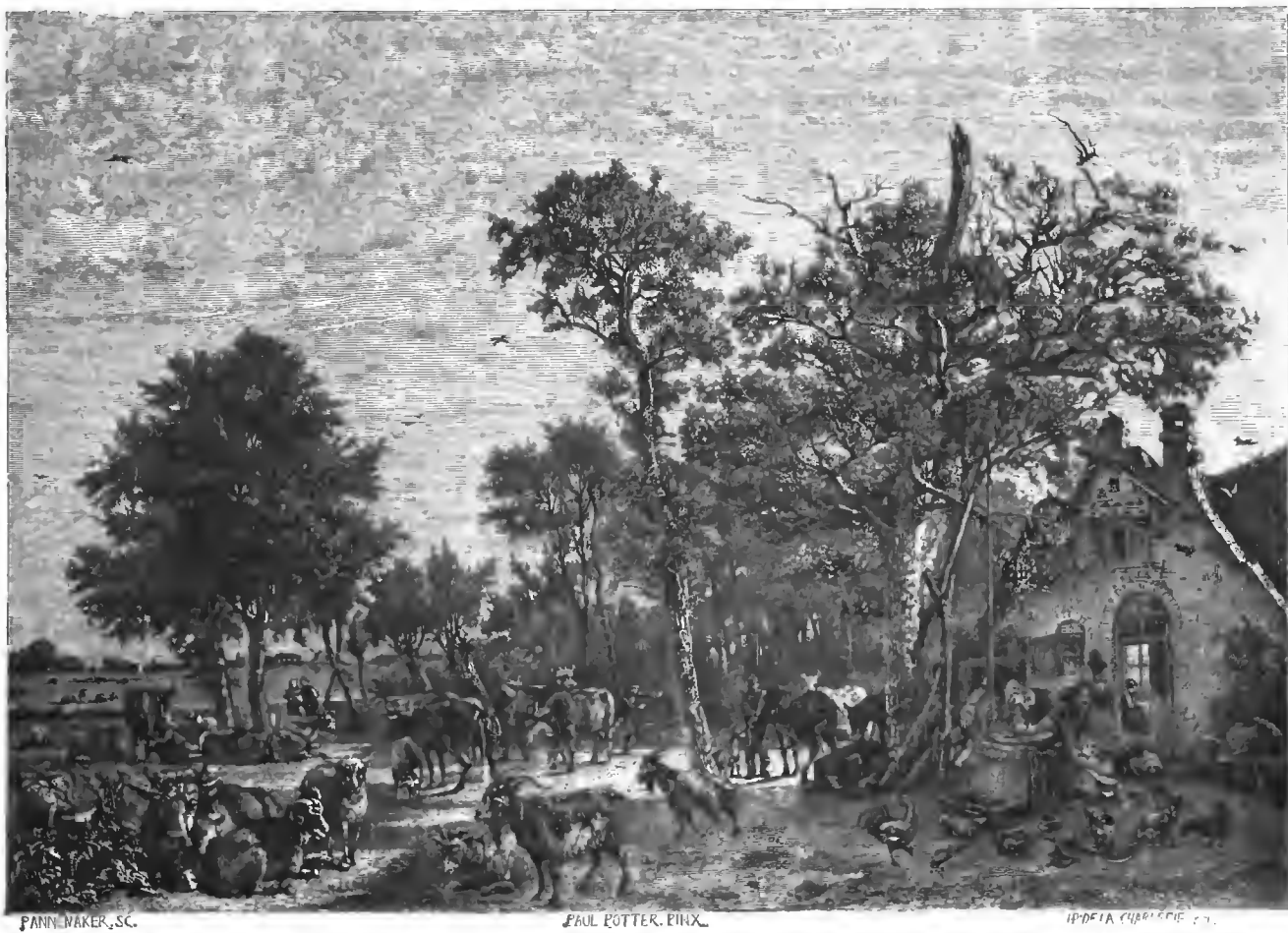
ботилась — съумѣю, значить, и за орленкомъ походить! Давай-ка его сюда—вотъ я снесу его домой.

И она протянула руки, чтобы взять Ганзля отъ Валли, однако—сильно ошиблась. Великолѣпный пернатый звѣрь сталъ обороняться, и съ такою злобой стукнулъ старуху клювомъ, что она въ испугѣ отдернула руки и попятилась. Нечего значить было и думать утащить Ганзля домой.

— Агъ—что? радостно воскликнула Валли.—Не хочеть онъ со мной разставаться. Ну, была-не-была, беру его съ собой! Ужъ коли я Орель-дѣвка, такъ пусть и буду такой! Эхъ, Ганзль, пока мы вмѣстѣ—все-трень трава!.. Послушай, Люккардъ, я дамъ ему отростить крылья... Какъ думаешь: не упорхнеть онъ отъ меня? Вѣдь онъ тогда и самъ найдетъ чѣмъ покормиться на верху.

который пріютился почти у подножья то надвигающагося, то отступающаго Гохфернагтскаго глетчера, и, казалось, говорилъ ему смѣло: „раздави!—какъ сказала она вчера отцу... И вотъ, также какъ и отецъ, Гохфернагтскій глетчеръ все отодвигалъ свою страшную стопу, словно не рѣшаясь сокрушить гнѣздо своихъ отважныхъ альпійскихъ сыновъ—„Клѣцовъ Рофенскихъ“.

Передъ Валли лежала дорога въ заоблачную пустыню, но она все стояла на одномъ мѣстѣ и глядѣла на выселокъ—на эту послѣднюю человѣческую обитель, и вдругъ тамъ, внизу, колоколь Вентской церкви ударилъ къ заутрени. Она видѣла, какъ изъ дверей церковнаго домика, подъ окномъ котораго утренній вѣтерокъ покачивалъ вѣточки горной гвоздики, вышелъ капелланъ, сложилъ набожно руки и скрылся въ церкви. Избушки, казалось, просыпались, открывая свои окошечки и двер-

PANNMAKER, SC.

PAUL POTTER, PINX.

H. DE LA HARPE, SC.

С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ. Поль-Поттеръ. Мыза (La ferme). Рис. де-ла-Шарлери, гр. Паннемакеръ.

— Да ужъ бери, бери его съ собой. Я вотъ ужъ пошлю къ тебѣ съ батракомъ свѣжей говядинки и солонины. Покуда самъ летать не начнетъ, ты и корми его.

Дѣло уладилось. Валли взяла Ганзля, какъ курченка, подъ мышку и простилась съ Люккардъ. Старушка не вытерпѣла и заплакала опять горькими слезами... Дѣвушка, не оглядываясь, подымалась все выше и выше на кручу, желая догнать Клеттенмайера, который ушелъ впередъ.

Прошло два часа—и они добрались до Вента, крайней деревушки у самыхъ вратъ царства льдовъ. Валли поднялась на возвышенное мѣсто, уже за Вентомъ, и изглянула на Гох-юхъ; отсюда начиналась дорога на него. Она пріостановилась, оперлась на палку и стала смотрѣть внизъ... Деревушка, которую они только что прошли, спала еще мирнымъ сномъ; вонъ и дикое озеро видно, а вонъ—тамъ—послѣдніе домишки Эйтской долины... Валли поглядѣла и на Рофенскій выселокъ,

ца; вонъ—и обитатели ихъ, одинъ за другимъ, выходятъ, потягиваются и, переваливаясь, направляются къ храму Божію.

Легкокрылые ангелы, рѣя въ утренней мглѣ, подхватили осторожно дрожащіе звуки колокола и бережно понесли ихъ въ высь, въ самыя горы, — и Валли услышала эти звуки... Ей казалось — то былъ голосъ ребенка, молящагося вслухъ. Сладкій лепетъ младенца будить мать, и она просыпается... Такъ и вентскій колоколь, чудилось ей, разбудилъ солнце: оно глянуло, и лучи его широкимъ огненнымъ снопомъ ударили по верхушкамъ горъ, воспламенили ихъ, а тамъ, на востокѣ, сверкали уже вѣщи другихъ вершинъ. Мгла, почти непроницаемая, вдругъ превратилась въ мрачно-синюю пелену; лучи становились все шире и ярче, и вотъ, наконецъ, солнечный ликъ всталъ надъ великанами, окутанными облачнымъ одѣяніемъ,—всталъ во всемъ своемъ лучезарномъ величій, и привѣтливо улыбнулся землѣ.

(Продолженіе будетъ).

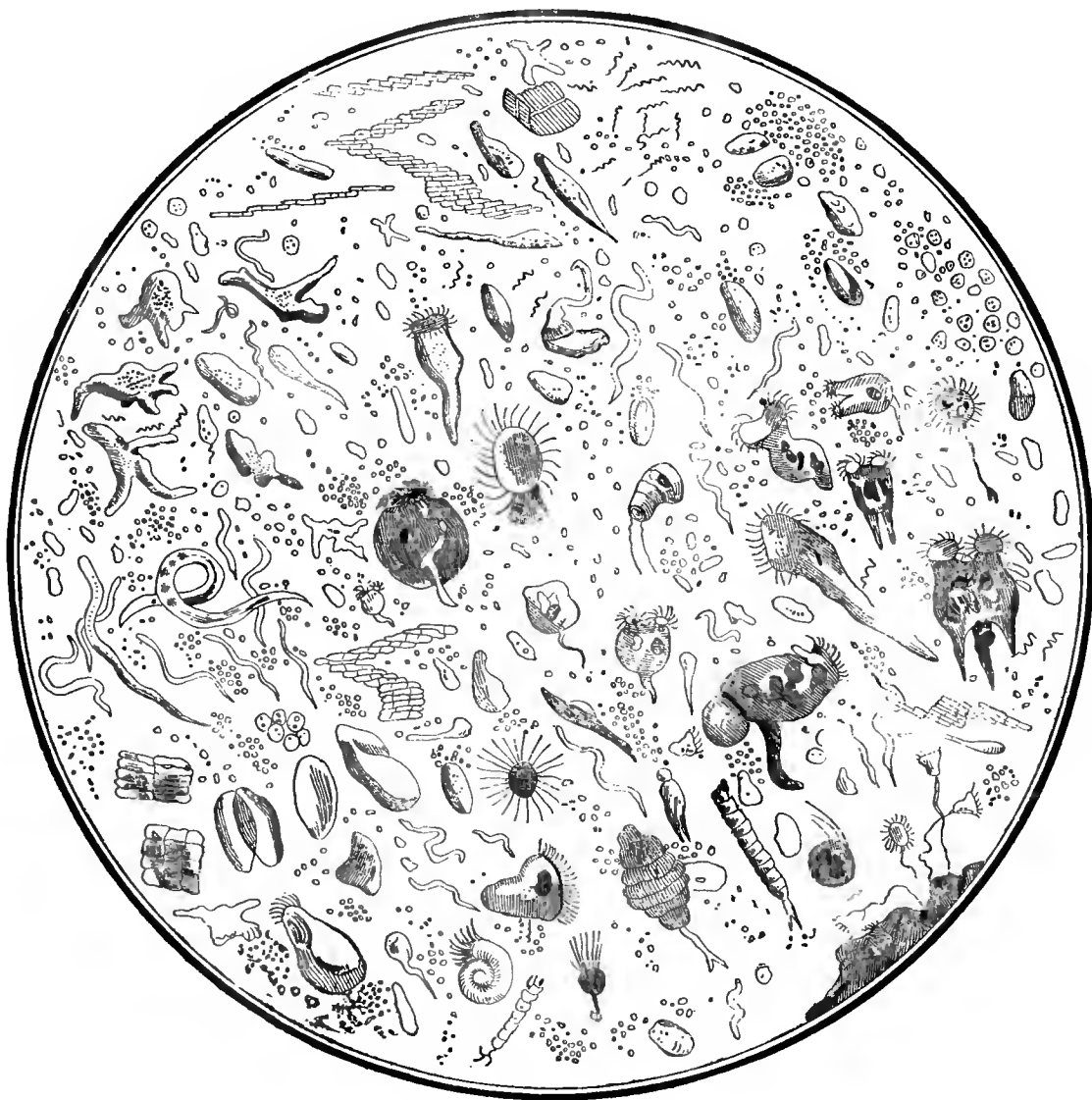
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

«Ночь передъ Рождествомъ» Гоголя.

«Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобъ всѣмъ было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнѣе чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа паробковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкой, какъ бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма на метлѣ... такъ высоко, что только однимъ чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды одна за другой пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли».

что онъ не нѣмецъ и не губернской стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ въ свою берлогу.

«Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его, но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожь, не смотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ, кривляясь и дуя перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огня для своей люльки (трубки); наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ, и какъ будто ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ далѣе.

Капля воды и ея населеніе.

«Вдругъ съ противной стороны показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться—и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы иадѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ; узенькая, безпрестанно-вертѣвшаяся и нюхавшая все, что попадалась, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ казачкѣ. Но за то сзади онъ былъ настоящій губернской стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлье трубочиста, можно было догадаться,

«Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя изъ четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того, ни съ сего, танцевалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою все село; но міряне качали головами и даже поднимали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое незаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый козакъ Чубъ приглашаетъ дьякомъ на кутю, гдѣ будутъ голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ картузѣ, бравшій самаго низкаго баса, козакъ Свербигузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутя будетъ варенуха, перегонная на шафранѣ водка и много всякаго съѣстнаго.

«А между тѣмъ, его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и

дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣй проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣла время кузнецъ занимался малеваньемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околѣдѣ. Самъ еще тогда здравствовавшій сотникъ Л...ко вызвалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить досчатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе козаки хлебали борщъ, были размаLEVаны кузнецовъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человекъ, и писалъ часто образа святыхъ, и теперь еще можно найти въ Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой онъ изобразилъ святаго Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злаго духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ попадо. Въ то время когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, поднималъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но не смотря на все, работа была кончена, доска ввнесена въ церковь и вѣдлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

«Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ, но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнливъ и не легокъ на подъемъ, къ дѣяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ, мимо мельницъ, мимо кладбища, огибада оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и яодка, истощенная на шафранѣ, могла бы заманить Чуба, но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, принимъ низачто не отважится идти къ дочкѣ, не смотря на свою силу.

«Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, ве только къ дѣяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому полу.

«Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько нибудь согрѣть мерзнувшія руки. Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, не смотря на то что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки вверхъ, отставила ногу, приведши себя въ такое положеніе, какъ человекъ летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, опустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго фанта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ нахалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

«Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула (такъ звали кузнеца) въ хату гостей; но увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшковъ, которые лежали посреди хаты, выдѣла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она минуто назадъ ѣдила на метлѣ.

«Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ роду не болѣе сорока лѣтъ. Она была ни хороша ни дурна собою. Трудно быть и хорошею ять такие годы. Однакомъ она такъ умѣла причаровывать къ себѣ самыхъ степенныхъ казаковъ, что къ ней хаживалъ и голова, и дѣякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дѣячихи не было дома), и казакъ Корній Чубъ, и казакъ Касянъ Свѣригузъ. И къ чести ея надо-сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ви одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ.

Предоставляемъ читателю напомнить себѣ въ подлинникѣ рядъ безконечно потѣшныхъ стѣнъ, какъ всѣ гости дѣяка одинъ за другимъ попадали къ вѣдмѣ Солохѣ и прятались другъ отъ друга въ мѣшки по двое въ мѣшокъ, какъ Вакула, раздасадованный холодною и насмѣшками красавицы Оксаны, Чубовой дочки, забралъ всѣ мѣшки и понесъ ихъ въ кузницу, да на до-

рогѣ опять встрѣтилъ Оксану и какъ она ему при свѣдѣтеляхъ заявила ему, что выйдетъ за него замужъ если онъ достанетъ ей тѣ самыя башмаки, какіе носить царица,—а онъ, принявъ это за насмѣшливый отеазъ, бросилъ мѣшки, кромѣ маленькаго, и побѣждалъ топиться, но одумался и рѣшился было прибѣгнуть къ колдуну Палюку, но опять одумался и опрومتью выбѣжалъ отъ колдуна.

«Однакомъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ, и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

«Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ:

«Это я—твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Де-нигъ дамъ сколько хочешь», пискинулъ онъ ему въ лѣвое ухо. «Оксана будетъ сегодня же наша» шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя. — «Изволь» сказалъ онъ наконецъ, «за такую цѣву готовъ быть твоимъ!»

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца. «Теперь-то попался кузнецъ!» думалъ онъ про себя: «теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небыллицы, взнодимыя на чертей! Что теперь сгнѣжутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человекъ въ моихъ рукахъ?»

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши какъ будетъ дразнить въ адѣ все хлостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считающійся между ними первымъ на выдумки.

«Ну, Вакула!» пропищалъ чортъ, все такъ же, не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ: «Ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ».

«Я готовъ» отвѣчалъ кузнецъ. «У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь».

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку—и хватъ чорта за хвостъ.

«Вишь какой шутникъ!» закричалъ смѣясь чортъ: «ну, полво, довольно ужъ шалить!»

«Постой, голубчикъ!» закричалъ кузнецъ: «а вотъ это какъ тебѣ покажется?». При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался тихъ какъ ягненокъ. «Постой же» сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю: «будешь у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ».

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и подвѣлъ руки для крестнаго знаменія.

«Помилуй, Вакула!» жалобно простоналъ чортъ: «все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!»

«А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сейчасъ же на себѣ! Слышишь, неси какъ птица!»

«Куда?» произнесъ печально чортъ.

«Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ».

И кузнецъ обомлѣлъ отъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ. Сначала страшно показалось Вакулѣ, когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу и пролетѣлъ какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что еслибы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однакомъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ клубился восторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго яерхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой видно, только что сѣздила, куда нужно, ядѣма. Много еще дряви встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него, и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ...

Вотъ этотъ-то моментъ и изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ бойкимъ карандашомъ г. Каразина.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ЭРМИТАЖЪ.

„Ферма“ Поль Поттера.

Поль Поттеръ, знаменитый голландскій живописецъ и граверъ, родился въ 1625 г. въ небольшомъ городѣ Енкѣйзенѣ. Съ самаго дѣтства онъ началъ подавать надежды на будущность. Любовь его къ рисованію была замѣчена его отцомъ, который также былъ художникомъ, и который ему и преподавалъ основанія этого искусства. Едва вышедши изъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ уже

написалъ нѣсколько картинъ. Но въ нихъ еще сильно замѣтна нѣкоторая сухость содержанія и формъ. Впослѣдствіи онъ успѣлъ приобрести болѣе мягкую кисть, и позднѣйшіе его изображенія отличаются уже вѣрною пластичностью соединеніемъ съ теплымъ и свѣтлымъ колоритомъ. Его картины по большей части касаются сельскаго быта; въ особенности Поттеръ

приобрѣлъ извѣстность умѣемъ изображать рогатый скотъ.

Изъ картинъ Поттера слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ:

Въ Гагскомъ музеѣ находятся двѣ знаменитыя картины; одна изъ нихъ изображаетъ молодаго быка (въ натуральную величину) среди пастбища, на которомъ виднѣются лежащая на травѣ корова и три въ подобномъ же положеніи овцы; другая картина, такъ-называемая «Коровій пастухъ», извѣстна тѣмъ, что она чрезвычайно понравилась Наполеону I, который велѣлъ ее перевести въ Парижъ вмѣстѣ со всею коллекціею Вильгельма V (въ 1795 г.); но послѣ 1815 года Голландія вытребовала себѣ чрезъ союзниковъ возвращеніе этой коллекціи и Луврская галерея принуждена была возвратитъ и эту картину. Во всѣхъ почти извѣстныхъ картинныхъ галереяхъ можно найти произведенія принадлежащія кисти Поттера. Болѣе извѣстныя находились въ Луврѣ, въ частной коллекціи короля Георга IV (въ Англіи) и въ Дрезденской галереѣ. Въ Эрмитажѣ также есть нѣсколько картинъ кисти этого художника, снимокъ съ одной изъ нихъ и помѣщенъ въ этомъ номерѣ нашего журнала. Какъ можно видѣть изъ гравюры, Поттеръ, когда писалъ «ферму» (такъ называется эта картина) задался идеей изобразить голландскую ферму въ полномъ разгарѣ дѣятельности, въ тотъ моментъ когда только-что пригнали скота. Не смотря на то

что художникъ замѣтно не стѣнялся въ выборѣ положеній, въ картинѣ проглядываетъ умѣнье совладать съ трудностью выбранной задачи. Картина такъ и дышетъ жизненною правдою.

«La ferme» прежде находилась въ Кассельской галереѣ, изъ которой перевезена въ Парижъ. Въ 1814 году императоръ Александръ I, во время своего пребыванія въ Парижѣ, посѣтилъ Луврскую галерею и здѣсь эта картина Поттера произвела сильное впечатлѣніе на государя. Онъ купилъ ее за 7000 рублей и велѣлъ помѣститъ въ Петербургскій Эрмитажъ, въ которомъ, какъ выше упомянуто, она до сихъ поръ находится.

Картины Поттера отличаются вообще блестящимъ колоритомъ и кромѣ того чрезвычайно тщательной отдѣлкой даже мелочей; кисть его лишена принужденія и малярности. Нельзя не замѣтить, что всѣ его произведенія отличаются небольшими размерами. Многія изъ его картинъ чрезвычайно распространились въ видѣ гравюръ; но гравюры сдѣланныя самимъ Поттеромъ (также замѣчательныя произведенія искусства) считаются болѣею рѣдкостью. Его рисунки карандашомъ также приобрѣли большую извѣстность. Особенно знаменитъ альбомъ получившій имя «Het bullenboeske»; онъ содержитъ 8 изображеній быковъ и коровъ. Вообще можно сказать, что Поттеръ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ художниковъ реалистовъ.

КАПЛЯ ВОДЫ И ЕЯ НАСЕЛЕНИЕ.

Именемъ «иаливчатыхъ», «инфузорій», обозначаютъ необычайно мелкихъ животныхъ, болѣею частью невидимыхъ простымъ (невооруженнымъ) глазомъ и доступныхъ нашему зрѣнію лишь при помощи микроскопа, сильно увеличивающаго ихъ дѣйствительные размеры.

Вооружась этимъ инструментомъ, мы вступаемъ въ новый міръ, совершенно отличный отъ окружающаго насъ. Такъ, напр. въ одной каплѣ воды, застоявшейся или настоенной гниющими растительными веществами, при свободномъ доступѣ воздуха и свѣта, развиваются міриады крошечныхъ живыхъ существъ, обладающихъ каждое болѣе или менѣ развитыми органами и замѣчательною безустойчивою подвижностью.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ такую водяную капельку, въ которой оставлены лишь немногіе изъ ея жителей, для того чтобъ не слишкомъ рябило въ глазахъ наблюдателя. Мелчайшимъ изъ этихъ существъ является монада (отъ греческаго слова: топаз—единство), образующая собою крайній предѣлъ, такъ-сказать исходную точку животной жизни. Группа мелкихъ зернышекъ, похожихъ на песчинки—въ верхней части рисунка и справа—представляетъ нѣсколько различныхъ видовъ этого рода. Обыкновенная форма ихъ—полупрозрачный шарикъ. Долгое время считали ихъ лишенными всякой организаціи и питающимися единственно всасываніемъ; но усовершенствованные микроскопы и превосходныя наблюденія профессора Эренберга въ Берлинѣ доказали, что каждое изъ этихъ крошечныхъ созданий (многіе миллионы которыхъ не занимаютъ 1/100 квадратнаго метра) имѣетъ не менѣ четырехъ обособленныхъ желудковъ. Средство, употребленное Эренбергомъ для наблюденія, состоитъ въ томъ, что воду, наполненную инфузоріями, окрашиваютъ карминомъ или индиго, затѣмъ берутъ одну капельку на чистое стеклышко, рядомъ съ нею капаютъ на то же стекло каплю чистой воды и затѣмъ остриемъ иглы соединяютъ обѣ капли узенькимъ каналомъ: инфузорія, переходящая изъ окрашенной капли въ безцвѣтную, омывается снаружы чистой водой—и только желудокъ съ кишечнымъ каналомъ остается окрашенъ карминомъ или индиго, а слѣдовательно и явственно виднымъ внутри ихъ прозрачнаго тѣльца.

Вольвокс (Volvox), изображенный тоже на правой сторонѣ рисунка, но нѣсколько ниже группы монадъ, несравненно крупнѣе монады. Это нѣсколько существъ, соединенныхъ одною оболочкой, изъ которой выступаютъ ихъ хоботки. На рисункѣ въ каждомъ крупномъ шарикѣ видны три-четыре темныя зернышка, хоботковъ же по товкости ихъ не видать. Нѣкоторые экземпляры вольвокса впрочемъ достигаютъ такой величины,

что ихъ можно видѣть простымъ глазомъ. Замѣчательное свойство этихъ животныхъ состоитъ въ томъ, что они безостановочно и съ необыкновенной быстротой вертятся вокругъ своей оси, какъ бы множество шариковъ, катящихся по наклонной плоскости.

Вибріоны (Vibrio), названные такъ по причинѣ волнообразныхъ движеній своихъ, изображены въ верхней части круга. Одинъ видъ этого рода живетъ соединяясь въ почти правильныя группы, какъ это видно на рисункѣ.

Протеи (Protoens) безпрестанно измѣняютъ свою форму самымъ причудливымъ образомъ. Крайнія фигуры въ лѣвой верхней четверти круга—лучше всякаго описанія даютъ понятіе объ этихъ превращеніяхъ: тутъ онъ виденъ удлинненнымъ, круглымъ, изогнутымъ и звѣздчатымъ.

Изъ полиповидныхъ инфузорій нѣкоторыя прилѣпляются къ твердымъ тѣламъ и хватаютъ пищу длинными отростками; другія свободно плаваютъ во влагѣ. Первый родъ видѣтъ въ въ самомъ низу правой нижней четверти круга—это колокольчатая инфузорія, Vorticella senta, увеличенная въ 144,400 разъ, и срисованная профессоромъ Эренбергомъ со всеми ея внутренними органами.

Коловератка видна въ срединѣ круга. Это животное представляетъ чрезвычайно странное явленіе, двигаясь какъ бы посредствомъ двухъ колесъ, напоминающихъ паровозныя. Движеніе это, долгое время занимавшее микроскопистовъ, прежде приписывалось за оптическое явленіе, что слѣдуетъ приписать несбыточной быстротѣ, съ которой двигаются цунальцы животного.

Изъ различныхъ суставчатыхъ, видимыхъ на лѣвой сторонѣ круга, тѣ что потоньше—суть укесусныя дрожалки, развивающіяся въ долго стоявшемъ укесуѣ; болѣе толстыя зарождаются въ дрожжахъ. Особенность этихъ дрожалокъ заключается въ томъ, что въ тѣлѣ ихъ всегда встрѣчается спираль въ родѣ штопора, занимающая почти всю длину животного. Если одну или нѣсколько дрожалокъ положить подъ микроскопъ между двумя стеклышками и слегка прижать ихъ, то дрожалки лопаются, завитки штопора вытягиваются и являются множество маленькихъ дрожалокъ, такъ же смѣшно извивающихся какъ и родительница ихъ.

Не надо представлять себѣ, что всѣ изображенные въ нашемъ кругѣ животныя попадаютъ въ одной и той же каплѣ воды. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ лишь въ опредѣленное время года, другія встрѣчаются лишь въ извѣстныхъ странахъ, и наблюдателю весьма трудно подчасъ увидѣть искомое животное, межъ тѣмъ какъ все поле микроскопа кишитъ прочими видами.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Природа и жизнь. Научнолитературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста. Съ 38 политипажамъ. Изданіе М. Малышевой и А. Пыловой. С.-Петербургъ 1875 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

Весьма толково-составленный сборникъ, въ составъ котораго входятъ 8 ни разу еще не появлявшихся въ русской печати разсказы Аидерсена, повѣсть «семейство Мерривалей», біографіи и характеристики Либиха, Линкольна, Георга Стефенсона, статьи по естествознанію (Зимняя спячка животныхъ, Золототысячникъ и вероника, Петролеумъ, Картезианскій чортикъ), по

этнографіи, технологія и проч. Переводы, а также и компилиціи издательницъ отличаются точностью и добросовѣстностью. Изданіе украшено прекрасными рисунками, поясняющими текстъ, гдѣ въ этомъ встрѣчается надобность.

Стихотворенія Н. З. Сурикова. Изданіе Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Москва. 1875 г. цѣна 60 коп.

Главнѣйшее право этой небольшой книжки на вниманіе публики состоитъ въ томъ, что авторъ—поэтъ-самородокъ, сынъ крестьянина. Хотя послѣ Кольцова и Никитина, которымъ явно подражаетъ авторъ въ своихъ стихотвореніяхъ, трудно уже соз-

дать что либо новос, а въ особенности лучшее, въ этомъ на-
правленіи,—тѣмъ не менѣ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ приро-
ды, г. Суриковъ возвышается до поэтической правды, а сводное
переложеніе былинъ о Садкѣ отличается и оригинальностью.

*Практическое руководство для священнослужителей при совер-
шеніи церковныхъ требъ, съ указаніемъ правилъ, гражданскихъ
постановленій и принятыхъ въ церковнобogosлужебной практикѣ
обычаевъ и наставленій, необходимыхъ священнику для правильнаго
совершенія св. Таинъ и другихъ священнодѣйствій и молитвословій
церковныхъ. Часть первая. О совершеніи св. Таинствъ. Выпускъ*

*первый: о Таинствѣ Крещенія, Миропомазанія и Причащенія. Зако-
ноучителя Лицея Князя Бессорбодко и Нѣжинской гимназіи, мисти-
тра Богослова, А. Ѳ. Хойнацкаго. цѣна 1 р. сер. съ пересылкою.*

Необходимая настольная книга для священнослужителей, въ
которой въ первый разъ на русскомъ языкѣ изложено извест-
ное Учительное Извѣстіе, печатанное въ большихъ служебни-
кахъ, а также полнѣйшее, неизвѣстное до сихъ поръ, изложе-
ніе Чина литургіи преждеосвященныхъ даровъ и проч. Продол-
женіе этого изданія появится въ нынѣшнемъ году, о чемъ бу-
дутъ особыя объявленія.

С М Ъ С Ъ.

Промошываніе мокрыхъ сапоговъ. Всякій кто испыталъ
это—знаетъ какъ неприятно надѣвать сапоги, которые были
промокли и потомъ ссылились. Обращаемъ вниманіе нашихъ чи-
тателей на описанное здѣсь средство высушивать мокрую обувь;
оно было сообщено намъ однимъ практическимъ въ этомъ дѣлѣ
человѣкомъ, лѣсничимъ, и поэтому заслуживаетъ полнѣйшаго
довѣрія. Снявъ съ себя мокрые сапоги, тотчасъ же надо напол-
нить ихъ сухимъ овсомъ. Послѣдній обладаетъ качествомъ силь-
но втягивать въ себя сырость; въ короткое время вся сырость
изъ кожи будетъ поглощена овсомъ. Выбѣвъ съ тѣмъ, втягивая
въ себя сырость, овесъ разбухаетъ, и такимъ образомъ не даетъ
кожѣ осыживаться и дѣлаться черезъ это жесткой. На другое
утро овесъ высыпаетъ изъ сапоговъ и высушиваютъ его око-
ло огня или повѣсивъ въ мѣстечкѣ надъ плитой, потомъ опять
употребляютъ при другомъ случаѣ. Чѣмъ суше овесъ, тѣмъ
лучше онъ дѣйствуетъ.

Средство узнавать чистое красное вино. Поддѣлка раз-

ныхъ съѣстныхъ припасовъ дошла до такихъ ужасающихъ раз-
мѣровъ (въ Америкѣ фабрикуется ветчина изъ коры!), что мы
должны быть весьма благодарны химикамъ, когда они нѣсколь-
ко ограждаютъ насъ противъ этого обмана, давая намъ сред-
ства отличить поддѣлку, прежде чѣмъ мы почувствуемъ это на
своемъ здоровьи. Ничто не подвергается такимъ разнообраз-
нымъ поддѣлкамъ, какъ вино — и именно красное; прежде его
дѣлали по крайней мѣрѣ изъ черники, но теперь и ее находятъ
должно быть слишкомъ дорогой, такъ какъ подъ именемъ крас-
наго вина продаютъ смѣсь изъ картофеля, спирта и вино-ка-
менной кислоты, подкрашенной сокомъ «черной мальвы». Узнать
присутствіе въ винѣ этой красной подмѣсы весьма легко слѣ-
дующимъ способомъ. Надо смѣшать 10 куб. сант. красного ви-
на съ 90 куб. сант. дистиллированной воды, взять 30 куб. сант.
этой смѣси и прибавить къ этому 10 куб. сант. концентриро-
ванного раствора сѣрно-кислой окиси мѣди (мѣднаго купороса).
Если вино настоящее, то оно тотчасъ же теряетъ цвѣтъ, если
же оно подкрашено «черной мальвой», то изъ него образуется
жидкость великолѣпнаго фіолетоваго цвѣта.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— 11-го марта 1875 года Высочайше по-
велѣно: I. Статью 104 уст. о наказ., налаг.
мир. суд., изложить такъ: „За употребленіе
лицами, неимѣющими права заниматься вра-
чебною практикою, при врачеваніи, ядови-
тыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ (уст.
врач. ст. 879 и прилож.) виновные подвер-
гаются: аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ,
или денежному взысканію не свыше трех-
сотъ рублей“. — „Правильно это не примѣня-
ется къ лицамъ, которые, по челоѣколюбію,
безмездно помогаютъ больнымъ своими совѣ-
тами и сообщеніемъ извѣстныхъ имъ средствъ
лѣченія“. II. Въ дополненіе ст. 371 улож. о
наказ., изд. 1866 г. постановить: „Если отъ
врачеванія лицами, неимѣющими на то пра-
ва и употреблявшими при лѣченіи ядовитыхъ
или сильнодѣйствующихъ веществъ (уст. врач.
ст. 879 и прилож.), произойдетъ вредъ для
здоровья, то виновные подвергаются: заклю-
ченію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣ-
сяцевъ, или аресту отъ семи дней до трехъ
мѣсяцевъ, или денежному взысканію не вы-
ше трехсотъ рублей“.

— Государь Императоръ, по всеподдан-
нѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ о
семъ докладу, 11-го апрѣля сего года, Высо-
чайше повелѣть соизволилъ: установленную
для городской телеграфіи корреспонденціи
въ столицахъ плату взимать за депеши, об-
мѣниваемые въ предѣлахъ другихъ городовъ
Имперіи, а также между городами и ихъ
предмѣстіями или другими близко отъ нихъ
отстоящими мѣстностями.

— 11-го апрѣля 1875 года Высочайше
повелѣно: „Продать Богословскій округъ ста-
тскому совѣтнику Башмакову и К^о (какъ пред-
ложившему на происходившемъ по сему пред-
мету въ Министерствѣ Государственныхъ
Имуществъ состязаніи высшую противъ дру-
гихъ конкурентовъ цѣну) за предложенную
цѣну (2.050.000 руб.) и на основаніи
условій, составленныхъ въ Министерствѣ Го-
сударственныхъ Имуществъ, согласно поло-

женію Комитета Министровъ, удостоившему-
ся Высочайшаго Его Императорскаго Вели-
чества утвержденія 21-го февраля сего года“.

Дѣла церквей.

— 11-го мая 1875 года совершилось тор-
жественное присоединеніе къ православно-
му администратора холмской епархіи, соборнаго
духовенства, семинаріи, гимназіи, училищъ
педагогическаго и женскаго, и 26-ти прихо-
довъ холмскаго и 21 красновостанскаго благо-
чиній съ 46-ю священниками. По окончаніи
литургіи, архіерискомъ благословилъ депута-
товъ отъ учебныхъ заведеній и приходовъ
инокѣи; потомъ высокопреосвященный Иоан-
никій, въ сопровожденіи всѣхъ присутство-
вавшихъ при торжествѣ, вышелъ на площадь,
гдѣ было приготовлено угощеніе для народа,
и благословилъ трапезу; на провозглашенный
тогда за здоровье Государя Императора на-
родъ отвѣчалъ неумолкаемыми задумевни-
ми „ура“.

— Государь Императоръ, 3-го апрѣля се-
го года, Высочайше соизволилъ утвердить
опредѣленіе Св. Синода объ учрежденіи вто-
раго викаріатства въ Грузинскомъ экзархатѣ
на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Викаріат-
ству сему состоятъ при Грузинскомъ экзар-
хатѣ и подъ управленіемъ экзарха непосред-
ственно заведывать церквами и причтами
гор. Владикавказъ, Сѣверной Осетіи и Ала-
гирскаго завода. 2) Епископу, назначаемому
на сіе викаріатство, именуются епископомъ
владикавказскимъ, вторымъ викаріемъ Гу-
зинскаго экзархата, и имѣтъ мѣстопробыва-
ніе въ гор. Владикавказѣ. 3) Содержаніе по-
лучать по штату, Высочайше утвержденному
Его Императорскимъ Величествомъ 14-го ми-
нувшаго января, а ризницею и прочими при-
надлежностями архіерейскаго служенія снаб-
дить викаря, на первое время, изъ тифли-
скаго кафедральнаго собора и изъ архіерей-
скаго дома экзарха.

— Изъ отчета о дѣятельности общества
для распространенія священнаго писанія въ
Россіи видно, что въ теченіи двѣнадцати лѣтъ

иго существованія общества распространено
имъ священнаго писанія 405 390 экз., въ томъ
числѣ подарено около 5.000 экз. въ тюрьмы,
больницы, богодѣльни, школы и бѣднымъ лю-
дямъ. Цѣны, по которымъ продаются книги
св. писанія, столь низки, что далеко не по-
крываютъ расходовъ по заготовленію и рас-
пространенію ихъ.

Железныя дороги и телеграфы.

— Въ „Кіевлянинѣ“ сообщаютъ, что на
протяженіи всей линіи Фастовской желѣзной
дороги начались работы; говорятъ, что 35
верстъ до Вѣдой-Церкви будутъ окончены къ
сентябрю и въ началѣ этого мѣсяца откроет-
ся на оконченной части движеніе.

— Съ открытіемъ навигаціи, на самарской
пристани начали высаживаться, какъ сооб-
щается въ „Самарскихъ Губернскихъ Вѣдо-
мостяхъ“, большими партіями рабочіе, пре-
имущественно землекопы изъ Смоленской и
Витебской губерній, запряженные правлені-
емъ общества оренбургской желѣзной доро-
ги для работъ по сооруженію дороги. Всего
прибыло въ Самару 7.000 рабочихъ, изъ ко-
ихъ около 1.000 человекъ остались для ра-
ботъ въ окрестностяхъ Самары, а остальные
отправились въ глубь губерній, на линію
строющейся желѣзной дороги.

— 27-го апрѣля, въ 2 часа пополудни, въ
Петербургѣ происходило открытіе главной
телеграфной станціи въ перестроенномъ для
нея помѣщеніи. Особенное вниманіе привлекъ
къ себѣ аппаратный залъ, представляющій
площадь въ 100 кв. саж., при длинѣ 10 саж.
1 фут., ширинѣ 9 саж. 6 фут. и высотѣ 13
аршинъ. Для освѣщенія зала устроено два
ряда оконъ въ наружныхъ стѣнахъ, сверхъ
того, сдѣлано въ потолокъ три просвѣта, за-
нимающіе площадь, въ общей сложности, въ
30 кв. саж. Потолокъ основанъ на желѣз-
ныхъ балкахъ, на которыхъ положены дере-
вянныя балки, для укрѣпленія желѣзныхъ
остововъ фонарей (просвѣтовъ). Для поддер-
жанія потолка установлены четыре металли-
ческія колонны, съ эмблематическими укра-
шеніями, вѣсомъ каждая до 90 пуд., выдер-

При этомъ номерѣ приложенъ листъ объявленій.

живающія грузы до 2.000 пуд. каждая. Во избежаніе штукатурки, вредной для аппаратовъ, сплошныя части потолка (незанятія простѣтами) и стѣны, до высоты 2¼ аршинъ отъ пола, обдѣланы деревянными филентами щитами, а остальные части стѣнъ покрыты обоями подъ мраморъ. Крыша надъ аппаратной стеклянная, для доступа свѣта черезъ фонари, и укрѣплена на желѣзныхъ стропилахъ. Размѣры зала рассчитаны на 150 аппаратовъ; въ настоящее время въ немъ установлено для дѣйствія 73 аппарата (58 Морзе и 15 Юза) и имѣется совершенно готовыхъ приспособленій для установки еще 26 аппаратовъ. Средняя зала занята коммутаторомъ, съ которымъ, посредствомъ мѣдныхъ изолированныхъ проволокъ, проложенныхъ въ особыхъ ящикахъ подъ паркетомъ, соединяются аппараты, батарея и проводы, вступающіе въ станцію извѣстѣ (съ линіи). Надъ коммутаторомъ возвышаются электрическіе часы съ четырьмя циферблатами, которые находятся въ соединеніи съ часами пулковской обсерваторіи. Вокругъ коммутатора, на пространствѣ всего зала расположены отдѣльными группами аппараты, а съ двухъ его сторонъ (у продольныхъ стѣнъ) установлены особые приборы (элеваторы) для подъема и спуска денегъ изъ кассы въ экспедицію и обратно. Въ сообщеніи съ аппаратной находится батарейная, дежурныя комнаты для телеграфистовъ, отдѣлы для мужчинъ и женщинъ, и бюро для справокъ (входъ съ парадной лѣстницы). Батарейная устроена на 5.000 элементовъ Мейдингера; въ настоящее время въ ней установлено 2.500 элементовъ, а для установки осталь-

наго количества ихъ сдѣланы всѣ необходимыя приспособленія. Элементы помѣщены на этажеркахъ особаго устройства, установленныхъ одна за другою по продольнымъ стѣнамъ батарейной.

Торговля.

— Съ Пруско-Литовской границы сообщаютъ, что въ ночь на 19-е марта объѣзчикъ Таурогенской бригады пограничной стражи Моховъ, во время дежурства у кордона 1-й линіи Пацы, замѣтилъ, что партія вооруженныхъ контрабандистовъ переезжаетъ изъ Пруссіи черезъ границу. На открытый, по его приказанію, стражниками поста огонь, контрабандисты отвѣтили нѣсколькими ружейными залпами и затѣмъ направились далѣе во внутрѣ края. Тогда Моховъ съ двумя объѣзчиками пустился за ними въ погоню. Около большой дороги, изъ м. Новое-мѣсто въ м. Швекшны, Ковенской губерніи, къ преслѣдующимъ присоединились бывшіе въ разѣздахъ, объѣзчикъ 2-й линіи п. Твескуцы, Андреевъ, и казакъ Земляковъ. Не смотря на то, что контрабандисты продолжали сильно отстрѣливаться, сидя на саякахъ, чинамъ стражи удалось отбить у нихъ одни сани съ тремя полубочками спирта и однимъ товарнымъ мѣстомъ. При этой стычкѣ объѣзчикъ Моховъ получилъ легкую рану въ високъ, а казакъ Земляковъ контуженъ въ локоть. Затѣмъ число преслѣдовавшихъ увеличилось старшимъ вахмистромъ Костюкомъ и нижними чинами п. Твескуцы, и когда всѣ они догнали контрабандистовъ въ лѣсу за деревней Будвицы, то бросились въ шапки, благодаря чему отбили еще двое саней съ тремя

лошадьми, съ 22 бочечками спирта и 2 паками товара. Во время этой послѣдней схватки, раненъ саблемъ ударомъ въ голову контрабандистъ, крестьянинъ Казимиръ Шимкусъ; скрывшійся въ чащѣ лѣса остальные контрабандисты ранили выстрѣлами лошадей подъ нѣсколькими объѣзчиками, прострѣливъ, сверхъ того, у объѣзчика Завьялова шинель въ трехъ мѣстахъ. Отбитые предметы оцѣнены въ 402 руб. 77 коп. Раненый контрабандистъ Шимкусъ, доставленный въ батальонный лазаретъ въ м. Новое-мѣсто, показалъ, что товары были взяты контрабандистами изъ прусской корчмы, содержимой евреемъ Лаксомъ. Получивъ доисленіе объ этомъ происшествіи, начальникъ таможеннаго округа немедленно просилъ прусскаго пограничнаго комиссара принять зависящія отъ него мѣры къ открытію и привлеченію къ отвѣтственности, какъ контрабандистовъ провозившихъ контрабанду и сопротивлявшихся съ оружіемъ въ рукахъ, такъ и отправителя ея или хозяина, и сверхъ того распорядился производствомъ формальнаго слѣдствія для открытія соучастниковъ контрабандиста Шимкуса, умершаго отъ полученныхъ ранъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Балтморъ (съ рисункомъ). — Двуконный волкъ. Романъ Н. Н. Назарина. Ч. II. (продолженіе). — Кіево-Печерская Лавра (съ рисункомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ Тверскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Виртъ (продолженіе). — Литературный альбомъ „Ночь передъ Рождествомъ“ Гоголя (съ рисункомъ). — С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ. Поль Поттеръ „Муса“ (La femme) (съ рисункомъ). — Капля воды и ея населеніе (съ рисункомъ). — Библиографія. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ АЛЬБОМА ДЛЯ ДѢТЕЙ 20 ЛЕГКИХЪ ПЬЕСЪ

изъ школы Гюитена, для начинающихъ играть.

СОДЕРЖАНІЕ: Боже, Царя храни. Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ. Ужъ какъ слава тебѣ, Боже. Не уѣзжай, голубчикъ. Но брани меня, родная. Гаданье. Утѣшка изъ оп. „Воевода“ Чвйковскаго. Я помню все. Лучинишка. Во полѣ березонька. Кубокъ янтарный. Не бѣлы сныги. Конькобѣжецъ—вальсъ. Хоръ изъ оп. „Гугеноты“. Молитва и Польскій изъ оп. „Гальша“ Моношкы. Любушка, голубушка. Нестеръ вальсъ. А провозъ Polka. Ахъ, скажите вы ей! изъ оперы „Фаустъ“.

переложенія А. Дюбуна.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ.

П. ЮРГЕНСОНА, Москва, Петровка № 6.

Березовый Бальзамъ Д-ра ЛЕНГИЛЯ.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Бальзамъ этотъ уничтожаетъ загаръ, веснушки, угри, красноту лица и проч., нечистоты кожи. Вымазавъ вечеромъ лицо или какую другую часть кожи этимъ бальзамомъ, то на слѣдующее утро уже замѣтно, какъ отдѣляется кожа небольшими кусочками, припинаясь въздѣіе этого бѣлый цвѣтъ и дѣлается чрезвычайно извѣною. Ищется еще и другія отличныя лицевыя средства. Ополосада, вегетарианское средство, замѣчательно вліяетъ на лицевою кожу и руки, и вообще пріятно дѣйствуетъ и придаетъ кожѣ извѣстный и красивый видъ. Мыло отъ загара и утреннѣе одовое и корболовое мыло, равныя пудры и кремъ. Магазины А. Штейнберга, Невскій пр. д. Казанскаго Собора, № 25.

ПЕРЧАТКИ.

Отъ 1 руб., 2 руб. до 2 руб. 50 коп.

Лайковые, шведскія, замшевыя, офицерскія и дѣтскія перчатки, замѣчательно хорошаго достоинства, самыхъ красивыхъ и модныхъ цвѣтовъ; получены также новыя лѣтнія англійскія фильдексовые перчатки, въ томъ числѣ замѣчательныя дамскія, для гулянья и верховой ѣзды. Если куплены въ нижеказанномъ магазинѣ перчатки не нравятся или не вѣдутъ, то таковыя можно во всякое время перемѣнить. Перчатки чистятъ хорошо и скоро. Магазины А. Штейнберга, Невскій пр. д. Казанскаго Собора № 25.

ДЛЯ ДАЧЪ.

На лѣтній сезонъ отпускаются дешево на прокатъ совершенно новыя музыкальныя инструменты какъ то: рояли, піанины и фисъ-гармоніумы. Магазины принимаютъ на свой счетъ доставку инструментовъ на дачу и обратно. Тутъ же производится самая дешевая продажа музыкальных инструментовъ. Александръ Вилькенъ. Вас. остр. 5 лнн. д. 2. противъ Академіи Художествъ.

Однѣ дѣла, вѣдающая немного французскій и нѣмецкій языкъ, желаетъ получить мѣсто компаньонки; а такъ-же при конторѣ катариуса или мѣсто конторщицы въ книжномъ магазинѣ. Адресъ на углу Большой Морской и Невскаго, № д. 24. Chalmres garnies, спросить № 21.

Отъ Редакціи газеты „РУССКІЙ МІРЪ“.

Вслѣдствіе приостановки газеты по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 5 Марта, Редакція не имѣла права на основаніи приб. къ 29 ст. пост. о печ. разсылать своимъ подписчикамъ общаго романа „Трагедія Парижа“. Нынѣ съ окончаніемъ срока приостановки (5-го Іюня) всѣ три части романа будутъ разосланы какъ прежнимъ, такъ и новымъ подписчикамъ.

Газета „Русскій Міръ“ будетъ выходить съ 5-го Іюня съ тѣмъ-же направленіемъ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Подписка принимается.

Въ С.-Петербургѣ.

- 1) Въ Конторѣ газеты, на углу Семёновскаго переулка и Литейнаго проспекта, домъ № 8—45.
- 2) Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова и другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ.

- 1) Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьёва на Страстномъ бульварѣ.
- 2) у Н. А. Мейера, Соланка, первый подъездъ отъ Ивлевской улицы, домъ Бузрица.

Подписная цѣна.

На годъ 16 р.	На 6 мѣсяцевъ . . . 9 р.
На 7 мѣсяцевъ . . . 10 „	На 1 мѣсяцъ . . . 1 р. 75 к.

4—2

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильною двойною стежкою, ручная и ножная. Королевская педагогическая коммисія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д“ новѣйшая настоящая Американская швейная машина, ножная для портныхъ. Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и Малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; по-томъ еще продавае у: Бринъ и Ко. въ гостиномъ дворѣ по Большой суровской линіи № 132. Агенты для Москвы, Шанинъ и Болинъ, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кроме того являются Агенты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—9

Dr. HUNNIUS bleibt in HAPSAL und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

„ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ“.

У Базунова, Исакова и въ «Русской Книжной Торговлѣ» въ Спб. и у Кашкина въ Москвѣ поступили нѣ продажу новыя книги (XIX и XX томы «Для Легкаго Чтенія»):

„ВАЛЛИ-ОРЛИЦА“.

Романъ изъ жизни въ «Тирольскихъ Альпахъ», Вильгельмины фонъ-Гиллернъ. Цѣна 1 р. 25 к.

КРЕСТЬ и МЕЧЪ.

Новый романъ изъ современныхъ политическихъ событій, Гр Самарова. Т. I. Цѣна съ билетомъ на II томъ 3 р. (Отдѣльно I томъ не продается):

Этимъ томомъ заканчивается первая серія книгъ «Для Легкаго Чтенія», и открывается подписка на вторую серію, по той же цѣнѣ, кака была назначена для первой, а именно:

За 20 томовъ 12 р., съ перес. и дост. 13 р.
 „ 10 „ 6 р. 50 к. „ „ 7 р.

Гг. иногородные подписчики съ требованіями благоволятъ обращаться въ редакцію «Для Легкаго Чтенія». въ Спб., на Николаевской ул., д. № 64, кв. № 1.

Подписчики на вторую серію получаютъ I томъ романа «Крестъ и Мечъ» бесплатно; II томъ войдетъ въ составъ второй серіи и будетъ выпущенъ въ свѣтъ одновременно съ окончаніемъ этого романа на нѣмецкомъ языкѣ.

Первые томы второй серіи печатаются и начнутъ выходить въ свѣтъ вслѣдъ за симъ. Въ нихъ будутъ помѣщены между прочимъ: «Маленькій Человѣкъ», ром. Додз, и «Юнская Роза», ром. Мисъ Олифантъ. Последующіе томы будутъ выходить и высылаться подписчикамъ безъ замедленія, по мѣрѣ появленія нѣ западныхъ литературахъ замѣчательныхъ произведеній, хотя бы приходилось издавать одновременно по нѣскольку томовъ.

Желающіе могутъ получать по вышеозначенной цѣнѣ, обращаясь преимущественно въ редакцію. 20 и 10 томовъ первой серіи (10 по выбору изъ 20). Требования исполняются съ первою отходящею почтою. Подписывающіеся на обѣ серіи платятъ 22 р., съ пересылкою 25 р.

Въ 20 томахъ первой серіи напечатаны слѣдующія произведенія, продающіяся отдѣльно по нижеозначенной цѣнѣ:

- I. Разказы Бретъ-Гарта, изъ американской жизни. I томъ. Ц. 1 р. 50 к.
- II. Искупленье. Романъ Фанни Левальдъ, изъ остзейскаго быта. 2 тома. Ц. 2 р. 75 в.
- III. Эпигоны въ Ремеръ. Романъ Гр. Самарова, изъ современныхъ политическихъ событій Европы. 2 тома. Ц. 1 р. 75 к.
- IV. Двѣ императорскія короны. Тоже 2 тома. Ц. 2 р.
- V. Последнее прощаніе легионовъ. Тоже 2 тома. Ц. 2 р. 75 к.
- VI. Вальфридъ. Романъ Бертольда Ауэрбаха, изъ франко-германской войны. Переводъ съ рукописи. 3 тома. Ц. 3 р. 50 к.
- VII. БОЛЬШЕ КОРАБЛИ. Романъ В. Ключникова, изъ московской жизни. 1 томъ. Ц. 2 р.
- VIII. ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ. Четыре новыхъ пьесы въ русскомъ переводѣ (дозволены драматической цензурою къ представленію на театрахъ): 1) Сфинксъ. Драма въ 4 д. Октава Феме. 2) Мосе Альфонсъ. Комедія въ 3 д. Александра Дома-сына. 3) Начальникъ отдѣленія. Ком. въ 3 д. Эдмонда Гондинъ. 4) Замужество Олимпіи. Драма въ 3 д. Эмиль Ожье.—1 томъ. Ц. 2 р.
- IX. ТУЛИСКАЯ ПРИНЦЕССА. Романъ новаго англійскаго писателя Вильяма Блэна. 2 т. Ц. 3 руб.
- X. ПРЯМО КЪ ЦѢЛИ. Романъ Амедея Ашара. 1 т. Ц. 1 р. 50 к.
- XI. ПРИОДЕНСЪ ПАЛЬФРЕЙ. Романъ изъ американской жизни. Томаса Альдриха. 1 томъ. Ц. 1 р. 25 к.
- XII. ВАЛЛИ-ОРЛИЦА. В. фонъ-Гиллернъ. Ц. 1 р. 25 к.
- XIII. КРЕСТЬ и МЕЧЪ. Гр. Самарова, т. 1.

Редакція обращаетъ вниманіе публики и книгопродавцевъ на то, что при выпискѣ 20 томовъ, каждый томъ обходится съ перес. только въ 65 коп.

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

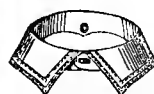
Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

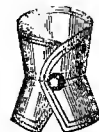
МЕЯ и ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной
продажи высылается по
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.

Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9. 13—10

съ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДІПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—20

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—13

ИЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 22 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выдастъ 1-го Іюня 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕБЪ. Цѣна этого № „Ижи́ва“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ.

Есть общественные дѣятели, для которыхъ наитруднѣйшія поприща представляютъ сравнительно легкій и пріятный путь, углаженный сочувствіемъ толпы и рвеніемъ многочисленныхъ пособниковъ. Стоустая молва громко повторяетъ славное имя передоваго чело́вѣка, заинтересованное общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ своего любимца, газеты жадно ловятъ малѣйшую подробность его частной жизни, сотни преданныхъ исполнителей наперерывъ добиваются чести осуществлять его предначертанія, самая личность его какъ бы сіяетъ въ ореолѣ всеобщаго почета и всевозможныхъ ованій... Это такъ-называемая популярныя дѣятели, у которыхъ или направленіе краткой дѣятельности, счастливой случайностью, совпадаетъ съ вѣчно-причудливымъ, непостояннымъ, временнымъ настроеніемъ большинства, — или самое время ихъ дѣятельности благоприятствуетъ спокойному теченію

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ. Рис. Тегадцо, грав. Пуцъ.

нію ея — относительнымъ спокойствіемъ умовъ, отсутствіемъ жгучихъ вопросовъ, всеобщимъ увлеченіемъ одного идеєю и т. п. Правда, исторія рѣдко заноситъ въ свою лѣтопись плоды этихъ блестящихъ существованій, оказывающіеся въ большинствѣ случаевъ пустоцвѣтомъ; за то, при жизни подобныхъ баюемой счастія, судьба ихъ положительно завидна...

Но бывають иныя времена — эпохи тяжелыхъ преобразованій государственнаго и общественнаго строя цѣлой страны, періоды упорной борьбы извѣтшавшихъ и отживающихъ началъ съ благотворными, но еще не проникшими въ сознаніе массы, вновь-создаемыми основами лучшей жизни, времена шатанія умовъ, невольнаго сбиваемыхъ съ пути тѣми элементами мрака, что слово изъ нѣдръ хаоса возникаютъ въ прахѣ обломковъ прошлаго: старческимъ недоверіемъ и робостью, мелкимъ эгоизмомъ и накопцемъ злонравіи

ною недобросовестностью представителей отживающего поколения...

Трудная стезя передового человека в такое смутное время, если он смел выступить против укоренившихся предрассудков, безоглядно разбивая идолов толпы и твердой рукой водружая новое знамя... Чем настойчивее и плодотворнее деятельность его, тем громче озлобленные крики сторонников недавнего мрака; самое имя деятеля становится в их среде каким-то бранным лозунгом; почти одному ему приходится ратовать в полг за дело будущего—и когда мало по малу сила вещей берет свое, новые благодетельные начала сознаются обществом и входят в жизнь, приобретая все больше и больше приверженцев, а он, усталый в борьбе, разбитый немощными трудами, изнемогая сходить с житейской сцены, как часто

«Отравлены его последние мгновенья,
Коварным шепотом безчувственных невжд!»

Какие бессмысленны глумленья раздаются еще то тут, то там, в виду святей могилы!..

Конечно и такое трудное поприще пользуется у современников своей, так-сказать отрицательной, славой; но в среде этого рода деятелей нередко встречаются личности, как бы преднамеренно уклоняющиеся от всего, что имеет характер фаста, торжественного признания заслуг, и выходящая единственную награду свою в постепенном развитии и усилках того дела, которому служат. Это труженики, деятельность которых повидимому не выходит за пределы кабинета или той корпорации, в которой они призваны действовать; имя их упоминается лишь парадом с другими именами, стяжавшими себя более громкую известность; вся жизнь их посвящена безостановочной и неблагодарной работе, — но они непоколебимо уверены в ее плодотворности и это составляет лучшую поддержку их в тяжелом труде...

Таким был покойный Павел Михайлович Леонтьев, так же одновременно отнятый смертью у его друзей и почитателей. «Можно сказать,—читаем мы в «Журнале Министерства Народного Просвещения» по поводу его кончины, — что она унесла его в могилу в то время, когда он находился в полном развитии своих духовных сил, когда энергия его усугублялась с каждым днем, когда он весь поглощен был довершением многих благотворных начертаний, в которых сосредоточивались для него цель и интерес жизни».

Павел Михайлович родился 18-го августа 1822 года в Тульскую губернию, в доме родителей, употреблявших все средства своего небольшого состояния для хорошего воспитания детей. С раннего возраста он привык видеть постоянные занятия окружающих его: отца, любящего чтение и хозяйству, мать, приготавливающую лекарства для окрестных простолудников и употреблявшую досуг в руководя трудных и изысканных. Любознательное уважение к книгам получило он вместе с первыми впечатлениями детства: дома было книг много и еще больше у прапрадеда его по матери, Андрея Тимофеевича Бологова, к которому каждый год возил его родители—до смерти почтенного старца в 1832 году. Первое обучение получил он от матери и трех домашних учителей, из которых одна была воспитанница Московского Екатерининского Института и две иностранки. В начале 1833 года его отдали в пансион, который г. Бегаель содержал в Туле; в этом же году скончалась мать Павла Михайловича. Пансионское учение было несомненно удовлетворительно, но в латинском языке и математике лучше нежели в других предметах; математику преподавал г. Сытин, учитель гимназии, бывший потом инспектором. Летом 1834 года Павел Михайлович вышел из пансиона и продолжал заниматься дома в деревне под надзором родителей, а в январе 1835 года поступил в Дворянский Институт в Москву, в четвертый класс. Вследствие особых распоряжений тогдашнего директора института С. Я. Унковского, он оставался на полу-году в 4, 5 и 6 классах (всех классов было 8), успевая особенно в латинском языке под руководством Т. П. Сирникова, и в математике, которую преподавал А. И. Мохтин. Летом 1836 года институт был преобразован и в состав преподавателей также произошли перемены: латинский язык в двух высших классах был поручен профессору Московского Университета Д. Л. Крюкову, который одним своим появлением в институте сильно подбуживал на учеников. По его совету, Павел Михайлович стал брать у г. Клина (теперь преподавателя в Московском Университете) частные уроки греческого языка, который не преподавался в Дворянском Институте. Курс окончил он первым учеником и получил серебряную медаль летом 1837 г., когда ему не исполнилось еще 15 лет. Вступление в Университет представляло трудности: собственное тогдашнее желание Павла Михайловича влекло его на математическое отделение; но попечитель Московского учебного округа, граф С. Г. Строганов, постоянно следивший за успевающими, советовал ему избрать словесное отделение и на том же настаивал профессор Крюков, которому П. М. наиболее обязан своим филологическим образованием. Окончив курс в 1841 году, он был

определен графом С. Г. Строгановым в должность помощника библиотекаря, которую и занимал до конца 1843 года. По выдержании магистерского экзамена отправлен за границу, на казенном иждивении в январе 1843 года, слушать лекции в Кенигсбергском (проф. Лобек и Розенкранц), Лейпцигском (Готфрид Герман, Гауш, Штильбаум), Берлинском (Бекк, Лакман, Шеллинг, Гергардт) и др. университетах и посетить замечательнейшие города Италии. Возвратившись оттуда он был определен исправляющим должность адъюнкта (в сентябре 1847 г.) и экстраординарного профессора (в мае 1851) по кафедре Римской словесности и древностей. Предметом первой, вступительной лекции его была важность всестороннего изучения классической древности—тезис, проведение которого в жизнь посвятил он всю дальнейшую свою деятельность, как профессор, публицист, сподвижник учебной реформы 1871 года, основатель и директор лицея Цесаревича Николая. Уже с первой лекции—в среде студентов возникло несомненное убеждение в том, что Павел Михайлович будет славой и украшением Университета. Его лекции о государственном быте древнего Рима не только вводили слушателей в самую глубь классической жизни, но были в то же время и школой высшего политического смысла и разумения, так что в аудиторию его вскоре стали стекаться многочисленные слушатели даже юридического факультета. Не меньшее влияние оказывали его лекции по истории и археологии древнего искусства, служившие основой эстетического развития будущих исследователей отечественных древностей, и лекции о древне-языческих религиозных воззрениях. Педагогическая деятельность Павла Михайловича не ограничивалась стенами университета; лучших из числа своих слушателей он собирал вокруг себя в частных беседах и здесь щедро делился своими сокровищами своего знания. Ученая его известность была упрочена диссертацией «о поклонении Зевсу», а затем изданным им пятью томами сборника «Проникни»—в такое время, когда преподавание классических языков было почти совсем вытеснено из наших гимназий. Нужно ли напоминать читателям, каким усилком в публике пользовался этот сборник, где наряду с блестящими статьями самого издателя печатались напр. «Римские женщины по Тациту» профессора Кудрявцева и проч.?

С 1856 года Павел Михайлович принимал деятельное участие в «Русском Вестнике», который, под редакцией Михаила Никифоровича Каткова, сразу занял первое место в русской журналистике, как орган всесторонней критики отживающих начал, особенно резко выказавших свою несостоятельность после крымской кампании, и в то же время как провозвестник иного наступающего времени. Лучшие имена тогдашней русской литературы укрывали страницы этого издания, как и ныне в нем же группируются крупнейшие таланты современной. Но параллельно движению в литературе и действительная жизнь общества шла гигантскими шагами. Реформы, ввернув отголоском и истолкователем которых являлся «Русский Вестник», осуществлялись с поразительной быстротой, встречая на первых порах почти повсеместную неумелость примириться к ним, а тем более содействовать; в среде учащейся молодежи возникали печальной памяти увлечения, вызванные людьми дурно-усвоившими себе смысл совершающихся общественных явлений; восторг от этого подготавливались польские неурядицы... Передовые люди чувствовали неотложную потребность переидти от сравнительно легкой критики прошлого к трудному делу настоящего—и вот, пока петербургская журналистика провалилась еще псевдо-либеральными фразами, давным давно утратившими жизненный смысл вместе с окончательным падением начал, против которых они направлялись, в Москве основалась газета, впервые заговорившая языком до тех пор неслыханным у нас, языком полным достоинства, самообладания, сдержанности и глубоко-политического такта. Патристическое значение «Московских Ведомостей», во время польского мятежа перешедших в руки М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, слишком известно, для того чтобы напоминать о нем читателям. С этого времени публицистическая деятельность обоих редакторов-издателей сливается в одно нераздельное целое. Заметим только, что все вопросы, глубоко затрагивавшие русские интересы, подвергались на столбах этой газеты всестороннему обсуждению и выводы ее нередко находили себе практическое осуществление в высших сферах государственной жизни.

В последние годы деятельности, Павлу Михайловичу суждено было проявить в полном блеске и другую сторону своей многосторонней и богатой натуры, а именно организаторскую способность. «Лучше чем кто-либо оценил он великое значение совершавшейся на наших глазах учебной реформы и служил ей своею опытностью и богатством своих сведений» *—«глубоко и всесторонне изучив педагогическое дело, он не только заботился распространить здравую о нем попят в публике, не только руководил своими наставлениями

*) Апрель. 1875.

и совѣтамъ педагоговъ, но рѣшился, вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ, основать учебное заведеніе, которое по справедливости могло бы назваться образцовымъ и стояло бы наравнѣ съ лучшими европейскими школами. На лицѣ Цесаревича Николая главнѣйшимъ образомъ сосредоточилась въ послѣдніе годы его дѣятельность: онъ отдалъ ему себя всецѣло, жилъ можно сказать для него, приписалъ ему въ жертву все свои силы. Родителямъ дѣтей, а также самымъ молодымъ людямъ, на долю которыхъ выпало завидное счастье получить воспитаніе подъ надзоромъ Павла Михайловича, лучше всего извѣстно, что они потеряли въ немъ. Для обучающихся въ лицѣ, онъ былъ не только мудрымъ наставникомъ, но самымъ заботливымъ отцомъ, близко принимавшимъ къ сердцу все, что ихъ радовало и печалило. Надо было видѣть этого, повидимому, холоднаго и сдержаннаго, человѣка вреди осиротѣвшей нынѣ лицейской молодежи, чтобы понять, сколько было въ немъ доброты и привѣтливости».

Лицею посвящать онъ свои дни и значительную часть ночей, являясь то архитекторомъ, то агентомъ его въ сношеніяхъ со всевозможными поставщиками, то руководителемъ педагоговъ, то преподавателемъ, изумляя обширностью и основательностью своихъ познаній самыхъ спеціалистовъ.

Слабое здоровье его не могло выдерживать столь сильныхъ и продолжительныхъ напряженій. Уже нѣсколько лѣтъ онъ часто страдалъ легочнымъ катарромъ; несмотря на то, онъ не прерывалъ своей многосторонней дѣятельности и ежедневно посѣщалъ лицей. Вечеромъ 11-го марта Павелъ Михайловичъ простудился—и хотя на другой день чувствовалъ сильную боль въ лѣвомъ боку, но тѣмъ не менѣе былъ въ лицѣ—и даже 13-го марта не прервалъ обычнаго урока, несмотря на сильную лихорадочную дрожь, вслѣдствіе которой онъ едва могъ говорить. Эта была его послѣдняя лекція; но даже среди страданій смертельнаго недуга—его не покидали заботы о лицѣ. Еще 21-го марта онъ работалъ надъ контрактомъ по сооруженію церкви для этого заведенія, а 24-го марта, въ 6 часовъ пополудни, онъ такъ тихо отошелъ въ вѣчность, что окружающіе долго считали его лишь уснувшимъ.

Таковъ былъ покойный какъ общественный дѣятель. Что же касается личности Павла Михайловича какъ ученаго и человѣка, то она вѣроятно не скоро еще выступитъ вполнѣ и въ надлежащемъ свѣтѣ, подъ перомъ его біографа, предъ глазами современниковъ. Люди, стоявшіе болѣе или менѣе близко къ покойному, могутъ засвидѣтельствовать, что запасъ его свѣдѣній былъ истиннѣ неисчерпаемъ. Филологъ-классикъ по спеціальности, въ тоже время практически владѣвшій съ одинаковою легкостью нѣсколькими живыми европейскими языками и славянскими нарѣчіями, онъ не только въ совершенствѣ зналъ исторію, правдѣ, финансы, но и высшую математику, приводя въ изумленіе своею памятью, которая позволяла ему напр. поситъ въ головѣ таблицы логарифмовъ и въ умѣ рѣшать относящіяся къ нимъ несложныя задачи. Память его была не менѣе феноменальна и въ мелочахъ; надо знать, напр., что такое такъ-называемый амбаръ университетской типографіи (съ 1863 г. арендуемой М. Н. Катковымъ. Комм.), въ которомъ хранятся все документы и счета по ея изданіямъ до самыхъ мелочныхъ росписокъ чуть не со дня основанія ея,—чтобы понять все изумленіе служащихъ, заявлявшихъ Павлу Михайловичу напр. о томъ, что они никакъ не могутъ найти такого-то документа и тутъ же получившихъ отвѣтъ: «а посмотрите на третей полкѣ такого-то шкафа, синія почтовая бумага съ выцвѣтшими чернилами», причемъ эта бумага оказывалась именно на указанномъ мѣстѣ. Будучи профессоромъ Московскаго Университета и членомъ попечительскаго совѣта Московскаго учебнаго округа, директоромъ лицея и со-редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», управлявшимъ всею хозяйственною частью изданія, онъ не забывалъ о такихъ мелочахъ, какъ напр. забавы типографскихъ учениковъ, игравшихъ на просторномъ дворѣ Университетской типографіи. «Пора перемѣнить кубари мальчишамъ», говорилъ вдругъ Павелъ Михайловичъ среди распоряже-

ній первостепенной важности, — «эти давно куплены — вѣрно уже сточились». Такъ же близко принималъ онъ къ сердцу и серьезныя нужды людей, имѣвшихъ съ нимъ постоянныя служебныя или дѣловыя сношенія, всегда снѣша помочь имъ матеріальными средствами и—что всего дороже—практически-полезными совѣтами и указаніями. Не имѣя собственной семьи, Павелъ Михайловичъ всемъ сердцемъ тяготѣлъ къ семейству М. Н. Каткова, съ которымъ былъ соединенъ узами тѣснѣйшей дружбы и жилъ въ одномъ домѣ. Онъ съ любовью слѣдилъ за развитіемъ дѣтей своего друга, и нерѣдко почтеннаго общественнаго дѣятеля видали преподающимъ урокъ начальной геометріи или правописанія одному изъ младшихъ членовъ какъ бы общей семьи. Трудолюбие его выходило за предѣлы всякаго вѣроятія; достаточно сказать, что кромѣ всѣхъ своихъ служебныхъ занятій (онъ былъ между прочимъ и хранителемъ муниц-кабинета въ Московскомъ Университетѣ), онъ самъ читалъ ежедневно послѣднія корректуры «Московскихъ Вѣдомостей», а въ разгаръ польскаго мятежа, вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ, нерѣдко проводилъ ночи въ наборной университетской типографіи, для скорѣйшаго составленія нумера,—такъ что молодые сотрудники, уходя съ вечера домой и возвращаясь раннимъ утромъ, къ изумленію своему иногда заставали редакторовъ все еще за тѣмъ же центромъ, гдѣ разстались съ ними наканунѣ. «Отдыхъ и развлеченіе положительно не существовали для Павла Михайловича»,—пишутъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»,—«онъ не любилъ появляться въ обществѣ лишь для того, чтобы убить время въ безсодержательной бесѣдѣ, но съ видимымъ удовольствіемъ искалъ такого обмѣна мыслей, изъ котораго могъ извлечь пользу. Требовательность его въ отношеніи къ самому себѣ не имѣла границъ: вѣчно занятый дѣломъ, непонимавшій, чтобы можно было относиться къ дѣлу какъ нибудь, спусти рукава, онъ былъ требователенъ и къ другимъ, и въ удивительно, что именно за это свойство многие считали его человѣкомъ тяжелаго характера. Въ сущности же рѣдко встрѣчалась личность столь доброжелательная, готовая служить каждому своими указаніями и совѣтомъ. Служеніе долгу вошло у него въ плоть и кровь, а долгъ свой понималъ онъ высоко и отдавался ему съ рѣдкимъ безкорыстіемъ». — «Онъ былъ счастливъ счастьемъ другихъ. Ему было пріятно оставаться въ тѣни и неизвѣстности, и во всемъ онъ выбиралъ себѣ что потяжелее и похужее*».

Лишь по смерти неустаннаго труженика выказалось вполнѣ то общее уваженіе, заявленій котораго онъ такъ старательно избегалъ при жизни. 28-го марта, когда тѣло усопшаго несли на рукахъ въ Алексѣевскій монастырь для преданія землѣ,—въ печальномъ шествіи, занимавшемъ длину нѣсколькихъ бульваровъ, принимали участіе высшіе сановники Москвы, генералъ-губернаторъ В. А. Долгорукій, командующій войсками Московскаго военного округа А. И. Гильденштуббе, Московскій комендантъ Л. К. Фридрихсъ, начальникъ первой гренадерской дивизіи Э. А. Моллеръ, многіе изъ почетныхъ опекуновъ, московскій оберъ-полиціе-мейстеръ Н. У. Араповъ, начальникъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ, баронъ Э. А. Бюлеръ, Московскій городской голова Д. Д. Шумахеръ, попечитель Московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, помощникъ попечителя, ректоръ Университета С. П. Соловьевъ и проч.,—а также многочисленныя друзья и почитатели Павла Михайловича, бывшіе изъ Петербурга. Огнѣваніе тѣла совершали: преосвященный Леонидъ, архимандритъ Златоустовскаго монастыря Афанасій, протоіерей Н. А. Сергіевскій (профессоръ Университета), А. М. Ивановичъ-Платоновъ, редакторъ «Православнаго обозрѣнія» священникъ П. А. Преображенскій, законоучитель Лицея: протоіерей Я. Д. Головинъ и Д. В. Разумовскій, священникъ Н. Г. Малновскій и приходскій священникъ А. В. Остроглазовъ. Воспитанники лицея, представители Университета и наборщики Университетской типографіи попеременно несли гробъ съ дорогими останками человѣка, много потрудившагося среди нихъ.

Вѣчная память ему въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, которые понимаютъ или современемъ «какъ много сдѣлалъ онъ поимутъ!»

Двуногій волкъ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XXX.

Самое непріятное и трудное положеніе.

Да, дѣйствительно не могло быть мучительнѣй того состоянія, въ которомъ находился Сергій Николаевичъ, съ той ночи, когда сбылась первая половина его надеждъ, заветныхъ желаній,—отысканіе Наташи. Теперь она найдена; остается только второе.

Какъ легко казалось это второе—прежде, такъ стало теперь трудно, почти невозможно его исполнить...

Подойти къ ней, принести повинную, вымолить себѣ прощеніе, конечно получить его—это прощеніе (Сергій Николаевичъ въ этомъ не сомнѣвался нисколько)... Затѣмъ предложить ей, то бишь, униженно, съ колѣно-преклоненіемъ просить у ней руки, — получить и это

*) «Русскій Вѣстникъ», апрѣль, 1875 года.

(ужь въ этомъ-то и не могло быть сомнѣнія)—сдѣлать-ся ея обладателемъ, мужемъ, законнымъ отцомъ своего ребенка... и въ концѣ-концовъ...

Вотъ это-то въ концѣ-концовъ особенно занимало голову Ровича... Не смотря на всю тягость своего нравственнаго состоянія, на всю сердечную боль, исковеркавшую даже его здоровую, цвѣтущую фizioномію съ англійскимъ пробормомъ на затылкѣ и превратившую ее во что-то похожее на мумію,—это „въ концѣ-концовъ“ такъ было заманчиво, такъ интересно, что вызывало въ немъ невольную улыбку, а иногда даже и чуть слышныя смѣхъ, сквозь зубы,—смѣхъ, въ которомъ ясно слышалось и нѣкоторое злорадство, и полное самодовольство, и даже...

Какіе-же онъ носы наклеить всѣмъ *этимъ*—и *тому* тоже!.. Они вотъ тутъ вертятся, увиваются, сохнутъ, а онъ... прійдетъ, возьметъ и увезетъ, развѣ скажетъ имъ въ вознагражденіе ихъ потери:

— Pardon, messieurs! que faire!.. Конечно, еслибы *это* не было желаніе самой Натальи Мартыновнѣ,—то я бы... Но вы сами видите, господа, и потому надѣюсь, что наши дружескія отношенія... не прекратятся; и въ случаѣ если кого либо изъ васъ судьба заброситъ въ Петербургъ, то я буду радъ и моя жена тоже... запросто, безъ чиновъ...

И проч. и проч. и проч.

И много еще въ этомъ родѣ наговорилъ бы *имъ*, *этимъ-то*, Сергѣй Николаевичъ,—только надо прежде, чтобы это все именно такъ случилось... А это случится все именно такъ легко, такъ просто, стѣбитъ только подойти къ ней и начать...

Но, вотъ, въ томъ-то и дѣло: Наташа провела уже въ лагерѣ всю ночь, провела утро, затѣмъ вотъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ омыдомъ, второй переходъ—это значитъ еще день, и ночь, и половину слѣдующаго дня; всего почти трое сутокъ... Съ ней уже успѣли поговорить, хотя и не наговориться, не только всѣ офицеры отряда, но даже всѣ простые казаки, всѣ, кто только ее зналъ прежде; даже многіе тѣ, кто и не знали ея;—а онъ, ну вотъ какъ нарочно, до сихъ поръ еще не успѣлъ сказать ни полслова, даже подойти не рѣшился настолько близко, чтобы можно было начать разговоръ... Мало того, онъ даже до сихъ поръ съ ней и не поздоровался,—онъ только одинъ имѣлъ видъ человѣка совершенно ею не заинтересованнаго, и держался далеко въ сторонѣ... Разъ даже умышленно отвернулся, когда ему показалось, что она смотритъ въ его сторону...

— Знаетъ-ли она, что онъ, Сергѣй Николаевичъ, здѣсь?.. думалось ему: „очевидно знаетъ! ужь не можетъ быть, чтобы ей не рассказали объ его присутствіи... вонъ *эти*, „проклятый народъ!“ Неужели-же они такъ все и будутъ около нея толочься, словно стража какая нибудь, почетная, безсмѣнная... А какъ-же начать говорить съ нею при этихъ неудобныхъ условіяхъ? Нельзя же разыгрывать глупую, смѣшную роль публичнаго кающагося... Наконецъ, между нами очень много найдется такого, о чемъ говорить съ глазу на глазъ... Надѣюсь и она такъ думаетъ... Она сознаетъ всю неловкость моего положенія, понимаетъ его и сочувствуетъ... Воображаю, какъ невыносимы ей кажутся подчасъ эти незванные-непрощенные пажі за ея шлейфомъ!.. Пажи съ небритыми подбородками, въ красныхъ кожаныхъ штанахъ и грязныхъ рубахахъ... Да отстаньте же, наконецъ, вы, идіоты недогадливые!“

Такъ думалъ Сергѣй Николаевичъ и грызъ отъ злости сигару за сигарою, поминутно награждая ударами шпоръ своего коня, уже конечно ни въ чемъ не повиннаго...

— Однако, это чортъ знаетъ что такое! это, наконецъ, должно-же кончиться... Надо рѣшиться—и разомъ!.. Что тутъ еще тянуть и откладывать?.. Можно, наконецъ, просто сказать имъ: „извините, господа, намъ нужно

поговорить безъ свидѣтелей“... вотъ они и отъѣдутъ... Рѣшено!

А все таки, третій разъ солнце спускалось за горизонтъ, и третій разъ поднималось снова, а Сергѣй Николаевичъ ни какъ не могъ привести въ исполненіе свою рѣшимость, выказать въ данномъ случаѣ свою, до сихъ поръ ему не измѣнявшую, энергію.

А Наталья Мартыновна, окруженная своими старыми и новыми друзьями, путешествовала съ комфортомъ, какой только можно было доставить ей при настоящихъ условіяхъ.

Для нея выбрали лучшую арбу, а выбрать было изъ чего... Эту арбу устлали толстымъ слоемъ ковровъ, устроили надъ нею высокій тѣнистый навѣсъ... Предупредительные казаки вымазали даже курдючнымъ саломъ оси повозки, чтобы скрипъ и визгъ колесъ не беспокоилъ путешественницу.

Арба была запряжена двумя казачьими лошадьми, что позволяло ей идти скоро и не задерживать движенія легкаго отряда.

Счастливая и довольная, Наташа сидѣла въ этой арбѣ, съ своимъ сыномъ, и служила для всѣхъ предметомъ самыхъ заботливыхъ попеченій, самой нѣжной предупредительности... И откуда только находилась эта нѣжность у этихъ суровыхъ, запыленныхъ фигуръ, окружавшихъ ея повозку!

Корявый, угреватый сотникъ Подпругинъ изобрѣлъ какую-то особенную развѣску боковыхъ ковровъ, „чтобы, какъ онъ выражался, и солнцемъ-то не пекло, и значить, насчетъ вѣтру чтобы было свободно, — продувало бы этакъ, легонько“... Эсаулъ Маслобойниковъ, не брезгавшій лично для себя водою изъ самаго соленаго, затхлаго, степнаго колодца, завелъ для „*матушки Натальи Мартыновны*“ такую баклагу, тыкву-горлянку, гдѣ мутная, глинистая вода арыковъ отстаивалась, даже на ходу, фильтровалась и предлагалась для чайниковъ путешественницы въ самомъ чистомъ, наипрозрачнѣйшемъ видѣ... Лысый сотникъ Машкинъ, Козьма Федосѣевичъ, и юный хорунжій Колобковъ—тѣ даже въ сторону отлучились верстъ за пять, и съ опасностью жизни (потому все таки сторона враждебная, въ нѣкоторомъ родѣ непріятельская) достали гдѣ-то еще незрѣвшаго свѣжаго урюку (абрикосовъ) и нѣскольکو кистей совершенно зеленаго, невозможнаго къ употребленію, винограда.

— Такъ-то его нельзя кушать, объяснялъ сотникъ Машкинъ,—а ежели положить въ чай, чудесно, замѣсто лимона!—пожалуйте, я вамъ нажму въ чашечку!

Хорунжій Колобковъ наварлъ—тоже гдѣ-то въ сторонѣ—розъ цѣлую торбу, да уже очень плотно уложилъ ихъ, а назадъ гналъ шибко, въ карьеръ все... ну онъ, эти розы, и того немного... навозъ-навозомъ стали...

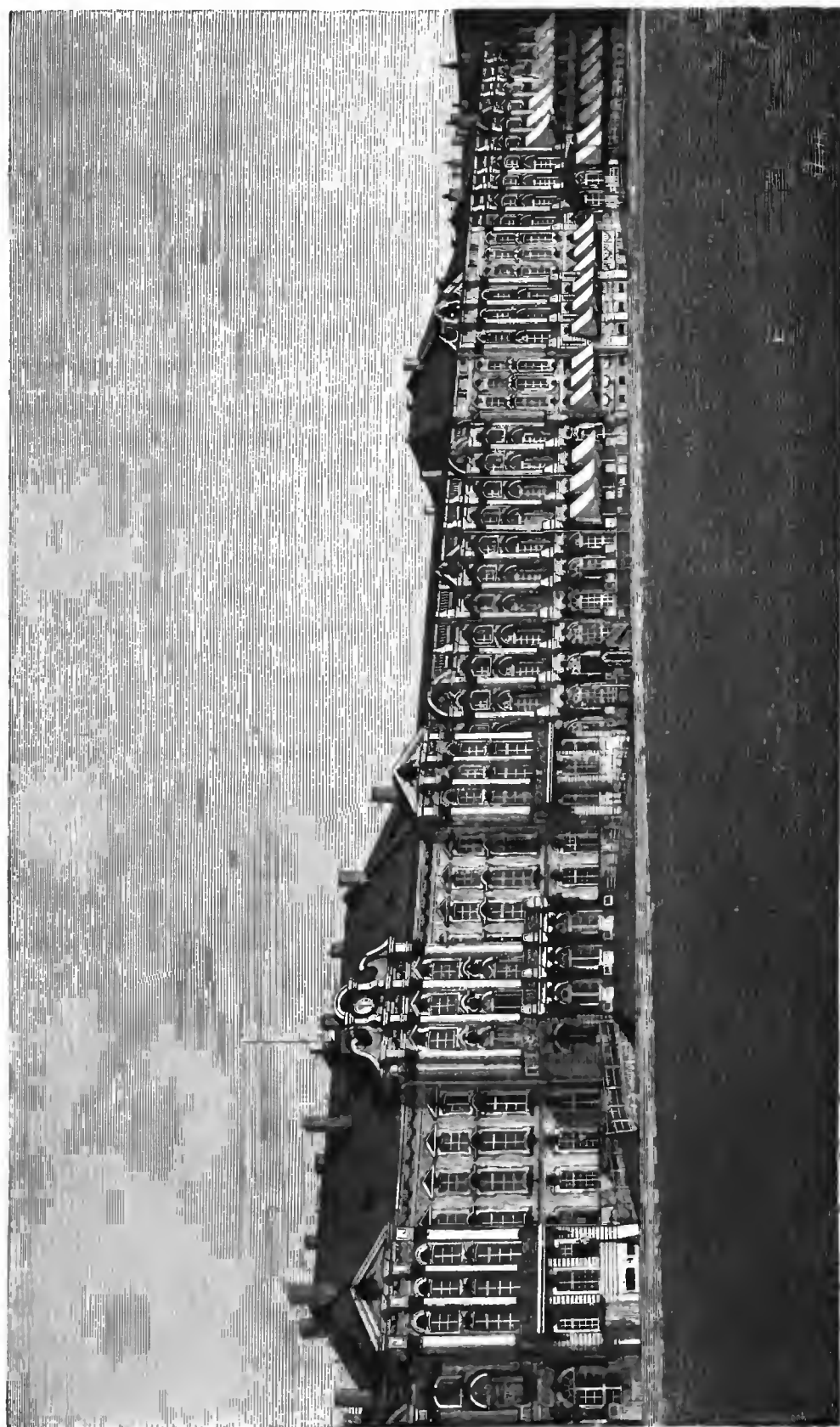
— Эхъ, жаль, помялись какъ! сѣтовалъ онъ,—виду точно нѣтъ въ нихъ теперь настоящаго,—а духъ претличный! еще лучше сталъ, какъ поразопрѣли.

— Дегтемъ пахнутъ ужасно! хохотала отъ души Наталья Мартыновна...

— Это ничего, это отъ торбы... Ишь, подлецы, говорилъ имъ, чтобы дали чистую!.. Ничего-съ, это скоро пройдетъ... выпѣтрятся... Вотъ тутъ бутончики есть, извольте посмотреть!.. ежели ихъ, теперь, въ воду,—за ночь распустятся... ей Богу-съ!..

Маленькій Петя—такъ тотъ только спать приходилъ въ арбу, къ своей мамашѣ, а то всю дорогу переходилъ изъ рукъ въ руки, съ одного сѣдла на другое... и былъ въ восторгѣ, когда въ его крошечныя ручки вкладывали толстые ременные поводья, каковыя онъ принималъ съ самою серіозною миною и даже нѣкоторымъ благоговѣніемъ...

Но, по временамъ, смѣющіеся веселые глаза ребенка принимали какое-то, совсѣмъ не дѣтское, пытлиное вы-

Императорскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ. Съ фотографіи на деревѣ рѣзалъ Квиттингъ.

раженіе; онъ пристально всматривался въ черты лицъ окружающихъ его казаковъ, потомъ смотрѣлъ по сторонамъ и задумывался... Малютка словно отыскивалъ глазами какое-то одно лицо, здѣсь не находящееся; лицо, почему-то сохранившееся въ его памяти...

Но одинъ изъ спутниковъ въ подобную минуту изобрѣталъ что-нибудь новое, особенно занимательное, и ребенокъ хохоталъ, снова переходя изъ рукъ въ руки, забывая на время о своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ.

За то Наталья Мартыновна, съ первыхъ же минутъ появленія своего въ русскомъ лагерѣ, окинула присутствующихъ точно такимъ же взглядомъ... Этотъ взглядъ былъ понятъ... ей дали отвѣтъ на него.

Она не скривилась отъ болѣзни Головина, сказавъ, что онъ находится при другомъ отрядѣ. Впрочемъ, спустя нѣсколько времени, она знала уже все случившееся; да это и не трудно было... Казачьи офицеры въ данномъ случаѣ оказались очень плохими дипломатами...

Ей разболтали даже и о Сергѣй Николаевичѣ, съ чисто степною наивностью, нисколько не соображая—пріятно ли будетъ ей или нѣтъ это напоминаніе. Ей даже указали на него, и Наташа нѣсколько разъ взглядывала на печальную фигуру щеголеватого офицера, держащуюся всегда въ такомъ почтительномъ отдаленіи.

Несмотря на веселую обстановку своего путешествія, Наталья Мартыновна задумывалась все чаще и чаще, видимо начинала грустить, и это состояніе ея не прошло незамѣченнымъ...

Наивные казаки понимали однако въ чемъ дѣло, но помочь не могли и ограничились только тѣмъ, что послали впередъ джигита въ лагерь, съ запискою къ Головину, слѣдующаго содержанія:

„Любезный дружище—барыню-то нашли и веземъ... „Ничего, слава Богу здорова и сынишка тоже... Больно о тебѣ печалится, такъ ты уже, братъ, того, коли „еще дышешь, да силы всѣ не потратилъ, собирайся „скорѣй, садись на лошадь, да выѣзжай на встрѣчу; а „то, коли она тебя, чего Боже оборони, найдетъ въ „постели, въ плохомъ видѣ,—силнѣе того разстроится „и прійдетъ совсѣмъ въ печальное положеніе, кое мы, „всѣ сообщаемъ, стараемся разсѣять оное, и отчасти успѣ- „ваемъ въ своихъ стараніяхъ... Этотъ, питерскій, „здѣтъ все по близости, сычъ-сычемъ, и на насъ косо „поглядываетъ... Наталья Мартыновна выдала его, мы „ей показывали, да это ничего! Судя по ея выраженію, „ямъ на сей предметъ, надо полагать, что ей напле- „вать на него, потому мазурикъ, одно ему слово... Пе- „тюкъ молодчина, слава Богу здоровъ, тебя тоже все „спрашиваетъ... Малецъ первый сортъ — казакъ лихой „будетъ. Пишемъ тебѣ секретно отъ Натальи Мар- „тиновны, а потому она и не приписываетъ отъ себя ни- „чего.—Увѣдомляемъ тебя о семъ, дабы ты въ чемъ не сомнѣвался...

Сотникъ Иванъ Подпругинъ.

Эсаулъ Павелъ Маслובойниковъ.

Джигитъ туземецъ, получивъ это письмо, тщательно запряталъ его въ поношенный кошель, засунувъ себѣ за пазуху, и поскакалъ впередъ, по знакомой дорогѣ. Ему дали десять кокановъ (2 рубля) при отправкѣ, и пообѣщали дать еще десять, если онъ, въ этотъ же день, будетъ въ русскомъ лагерѣ. А сумма въ двадцать кокановъ, слишкомъ почтенная сумма, что заставить джигита усерднѣе погонять своего аргамака, не жалѣя нагайки...

— Надо рѣшиться, надо рѣшиться! думалъ все Сергѣй Николаевичъ, и наконецъ рѣшился дѣйствительно...

А тутъ и случай представился, чрезвычайно удобный: отрядъ остановился на привалѣ... Мѣстность была тѣсная, вся перегороженная стѣнами и арыками; нельзя было стать въ кучѣ всему отряду и сотни растянудись

по дорогамъ, въ нѣкоторыхъ, одна отъ другой, разстояніяхъ.

Арбу Натальи Мартыновны завезли въ прохладный садикъ, немного въ сторону... Пока казаки отпрягали лошадей и хлопотали объ огнѣ для варки, офицеры разбрелись, каждый въ свою сотню, сдѣлать нужныя распоряженія,—и Наталья Мартыновна осталась одна съ своимъ Петей. Мало того, она даже отошла отъ повозки, гдѣ все-таки торчали два казака, и сѣла у прудика, на разостланномъ коврикѣ, въ тѣни дерева... Петя же сидѣлъ на арбѣ, наблюдая, какъ казаки возились съ своимъ походнымъ хозяйствомъ...

Сергѣй Николаевичъ замѣтилъ все это и рѣшился болѣе не откладывать... Да и какъ откладывать, когда завтра къ обѣду разсчитываютъ уже прійти домой, а тамъ ужъ и подавно будетъ поздно!.. Тамъ вѣдь *тотъ* дожидается... и чортъ ихъ знаетъ, какія тамъ у нихъ отношенія!..

Ровичъ поспѣшно пробрался между коновязями, перескочилъ арыкъ, подѣхалъ къ арбѣ, слѣзъ съ лошади и бросилъ поводья казаку... Петя смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, широко раскрывъ свои глазенки.

— А вотъ отлично! мелькнуло въ головѣ Сергѣя Николаевича. Онъ сразу почувствовалъ неудержимый приливъ отеческой любви и нѣжности... — „Съ ребенкомъ на рукахъ, съ моимъ сыномъ, я подойду къ ней, и тогда“...

— Не хочу!.. заплакалъ ребенокъ, упираясь ноженками и схватившись за коверъ руками.—Ни хочу!.. Мама!..

— Милый мой, родной... дитя мое! захлебывался Сергѣй Николаевичъ, стараясь поцѣловать барахтающагося мальчика и отцѣпить его руки.

А тутъ, какъ разъ передъ нимъ, словно изъ-подъ земли вынырнуло корявое лицо Подпругина и смотритъ на него изъ-за стѣнки, смотреть просто, какъ вообще смотрять люди, ничѣмъ не волнующиеся,—а Ровичу показалось, что онъ смѣется, да какъ! самымъ злымъ, самымъ дьявольскимъ смѣхомъ... ротъ до ушей, зубы на показъ, глаза такъ и прыгаютъ, такъ и искрятся...

— Проклятый!.. чуть-чуть не вслухъ подумалъ Сергѣй Николаевичъ...

— Зачѣмъ вы его трогаете? раздался вдругъ сзади знакомый мелодическій голосъ...

У Ровича и руки опустились; Петя вырвался и съ торжествомъ полѣзъ на плечи къ Подпругину; двое офицеровъ подошли еще (и откуда только они взялись?). Еще двое слѣзали съ запыленныхъ лошадей и отряхивались.

— Какаго я сазана выволокъ изъ пруда... въ како-го!.. Сейчасъ его, подлеца, жарить!.. рѣвелъ откуда-то эсаулъ Маслובойниковъ.—И какъ это я его ловко сцапалъ на крюкъ! Эй, Васютка, волоки сала, соли и сквороду—живо!..

Дѣлать нечего; Сергѣй Николаевичъ попался окончательно... Онъ даже подумалъ въ первую минуту, что эсаулъ, говоря о сазанѣ, намекаетъ именно на него, Сергѣя Николаевича.

— Наталья Мартыновна, началъ Ровичъ,—вы меня извините, что до сихъ поръ...

— Это ничего, перебила его Наталья Мартыновна.—Сейчасъ сварятъ чай... Мы будемъ здѣсь всѣ завтракать... хотите съ нами?..

— Я, право...

— Садись, что же; все одно уже... ничего, братецъ. Васютка, раздобудь въ сотнѣ еще одну чашечку-плоскенькую... распоряжался Маслобойниковъ, имѣвшій привычку говорить съ перваго раза *ты*, лицамъ даже незнакомымъ вовсе.

А тутъ возня началась; притащили коверъ большой, стали его раскладывать, разостлали попонку вмѣсто скатерти, собрали посуду со всѣхъ концовъ и мѣсть... Наталья Мартыновна принимала самое дѣятельное уча-

стие, продолжать разговоръ съ нею было положительно невозможно, и Сергѣю Николаевичу оставалось только одно изъ двухъ: или удрать поскорѣе, незамѣтно, пользуясь всею этою суматохою, благо на него не обращали вниманія, или же оставаться завтракать вмѣстѣ со всѣми, и тутъ, въ общемъ разговорѣ, намекнуть Натальѣ о необходимости личной аудіенціи; авось она устроитъ эту аудіенцію удачнѣе чѣмъ онъ, поможетъ ему въ этомъ дѣлѣ. Соображая выгоды того и другаго положенія, Ровичъ дождался между тѣмъ конца всѣхъ хлопотъ и услышалъ окончательное приглашеніе Натальи Мартыновны, только обращенное не къ нему одному, а ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Господа, милости просимъ! громко и весело произнесла Наташа и сѣла на коверъ около чайниковъ, а къ ней сейчасъ же подсѣли и другіе, образовавъ полукругъ, самое отдаленное мѣсто котораго досталось соображавшему Сергѣю Николаевичу.

Ровичъ сѣлъ; хотѣлъ было принять позу покрасивѣе, но все какъ-то приходилось, что ноги были выше всего остальнаго, коверъ-то былъ разостланъ подъ горку и панталоны въ обтяжку мѣшали. Наконецъ онъ сладилъ со своею позою, бросилъ задумчивый, полный чувства и тайной мысли на хозяйку бивуака, вздохнулъ при этомъ и опустилъ глаза внизъ, теребя пальцами кисточку темляка на своей саблѣ.

— Вамъ отъ хвоста, или отъ головы? спросилъ его Подпругинъ, распластывая сазана ножомъ и сосчитывая при этомъ число присутствующихъ.

Они тутъ всѣ свои, а Сергѣй Николаевичъ все-таки чужой, гость, потому казакъ и обратился къ нему съ этимъ предупредительнымъ вопросомъ.

Сергѣй Николаевичъ вздрогнулъ еще разъ, слегка вздрогнулъ, словно его пробудилъ изъ области поэтическихъ мечтаній этотъ прозаическій вопросъ и тихо проговорилъ:

— Благодарю васъ, я уже завтракалъ...

— Когда это вы успѣли, дорогою что-ли?! Я что-то не видалъ... посмотрѣлъ на него услужливый сотникъ.

— Да полно врать вамъ, ну чего церемониться—кушайте на доброе здоровье! извольте получить! произнесъ Маслобойниковъ и протянулъ ему кусокъ рыбы на кончикѣ татарскаго ножа.—Берите что-ли — экой икряный!..

Сергѣй Николаевичъ совершенно растерялся отъ этой простоты и безцеремонности обращенія; до того растерялся, что взялъ этотъ кусокъ, конечно рукою какъ и всѣ, но позабылъ при этомъ снять свои бѣлые перчатки, замѣтилъ потомъ это обстоятельство, а поправить дѣло было трудновато, положить опять кусокъ некуда; развѣ на коверъ? Да вишь какой онъ пыльный!.. вонъ и навозу немного къ нему присохло... На колѣни прямо? тоже не способно... А Наталья Мартыновна смотреть, и должно быть смѣется, Ровичъ не видитъ этого, по чувствуетъ, и готовъ швырнуть въ сторону этотъ проклятый жирный кусокъ жареной рыбы... Вотъ онъ уже отнесъ руку съ этимъ кускомъ немного въ сторону... Вдругъ—цапъ!

Черная кудлатая собака „Медвѣдка“ выручила его изъ бѣды; она давно уже сидѣла сзади, и посматривала на аппетитную порцію, случай удобный представился—вотъ она и того, попользовалась.

Раздался общій взрывъ хохота,—звонкій голосъ Пети покрывалъ почти все.

— Ну вотъ вы теперь и безъ рыбы, потому всю уже

роздали... Сами виноваты, успокоилъ его одинъ изъ офицеровъ.

— Извините, господа... Я бы очень радъ, но... Но мнѣ надо быть сейчасъ у начальника отряда—столько работы, столько хлопотъ... залепеталъ Сергѣй Николаевичъ и поднялся на ноги.

— А чаю? спросила Наталья Мартыновна.

— Нѣтъ... Я бы...

Ровичъ опять попытался было во взглядѣ выразить ей все, что не удобно было выразить въ словахъ, ловко раскланялся, попятился назадъ, чуть-чуть было не упасть, споткнувшись на эту-же проклятую Медвѣдку, вертѣвшуюся у него подъ ногами—и поспѣшно выпелъ изъ садика, проклиная чуть не вслухъ всѣ эти обстоятельства, мѣшавшія ему до сихъ поръ въ его заветныхъ, святыхъ намѣреніяхъ...

И вдругъ его осянула идея:

— А что если написать?... Конечно, въ письмѣ нельзя выразить всего, что въ живомъ словѣ, но однако все же можно сказать многое... Къ тому-же это представлялось положительно единственный исходъ изъ его положенія, и исходъ которымъ падо было спѣшить, въ виду близкаго прихода на мѣсто постоянной стоянки.

Весь этотъ переходъ, съ привала до мѣста ночлега, Сергѣй Николаевичъ обдумывалъ содержаніе своего письма, наконецъ обдумалъ окончательно, и, едва только стали на ночлегъ, тотчасъ-же принялся за работу...

Онъ написалъ все письмо по французски, но потомъ вспомнилъ, что Наташа не сильна въ этомъ языкѣ и вѣроятно ничего не пойметъ... Пришлось переводить его на русскій языкъ, вышло что-то не ладно... опять хоть за начало принимайся... Сколько листовъ бумаги перепортилъ Сергѣй Николаевичъ, сочиняя это второе письмо!..

— Что-то сдѣлалось со мною? недоумѣвалъ онъ:—вѣдь какъ легко писались мною прежде подобныя письма, а тутъ вотъ—поди-жь-ты!—чуть-какая-то выходитъ... Просто отупѣлъ совсѣмъ, дуракомъ сдѣлался...

Особенно затрудняла его вступительная фраза письма;—все остальное шло уже гладко, эта досадная вступительная фраза никакъ не подвертывалась:—то вышло слишкомъ уже высокопарно, то недостаточно чувствительно... чортъ знаетъ что такое!

Вся ночь проведена была за этимъ письмомъ; наконецъ таки побѣда осталась на сторонѣ Ровича, письмо было окончено, запечатано въ конвертъ и надписано... Казакъ драбантъ командированъ съ этимъ письмомъ, оставалось покориться судьбѣ и ждать.

И Сергѣй Николаевичъ, когда тронулись снова въ путь, принялся издали наблюдать, какъ его драбантъ подаль письмо Натальѣ Мартыновнѣ, какъ она взяла его, распечатала, вопросительно посмотрѣла вокругъ, какъ она наконецъ стала читать его и вся вспыхнула до ушей, какъ опять подбѣжали къ ней эти песенные тѣлохранители...

— Что это? Боже милосердный! Она даетъ имъ въ руки это письмо... его читаютъ вслухъ... это ясно... Вонъ они всѣ какъ сѣдель перегнулись, вслушиваются... Они смѣются—она тоже улыбается... О!.. если такъ, то это даромъ не пройдетъ ни ей, ни имъ никому — они за это поплатятся...

И Сергѣй Николаевичъ схватился обѣими руками за луку сѣдла, чувствуя, что теряетъ сознание и вотъ вотъ упадетъ съ лошади.

Впрочемъ онъ удержался.

(Продолженіе будетъ).

ИМПЕРАТОРСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Эта любимая лѣтняя резиденція Императорской фамиліи находится въ 24-хъ верстахъ отъ С.-Петербурга. Желѣзная дорога, первая въ Россіи, быстро переноситъ насъ черезъ это небольшое пространство. Поѣздъ останавливается довольно дале-

ко отъ дворца, но если мы не хотимъ идти пѣшкомъ, то у вокзала всегда есть зпмой сани, лѣтомъ дрожки и другіе экипажи, которые доведутъ насъ туда въ нѣсколько минутъ. Но прежде чѣмъ начать осматривать достопримѣчательности Царскаго Се-

ла, остановимся на его истории. Мѣстность, занимаемая нынѣ Царскимъ, называлась прежде Саарп (возвышенность); находившаяся здѣсь мыза того же имени въ 1708 г. была подарена Петромъ I Екатеринѣ I. Первые зданія были построены въ 1710 г.; изъ нихъ деревянная церковь во имя Благовѣщенія сообщила было на пѣткое время название и самой мызѣ, но съ 1725 г. село стало называться Царскимъ. Въ 1727 г. здѣсь былъ построенъ небольшой каменный дворецъ. При Елисаветѣ Петровнѣ, по плану графа Растрелли, къ этому дворцу были сдѣланы большія пристройки; тогда же былъ разведенъ паркъ и въ немъ устроены арсеналъ, павильоны, эрмитажъ, и проч. Но самымъ важнымъ дѣломъ Елисаветы Петровны для Царскаго села, было устройство водопровода отъ Виттелавскихъ ключей и начало другаго изъ Таицъ, имѣвша Демидовыхъ. Съ этого времени начинается существованіе собственно города. Самое цвѣтущее его состояніе надо отнести къ тому времени, когда въ немъ находился лицей. Съ перемѣщеніемъ послѣдняго въ столицу, Царское Осло вначалѣ замѣтно стало пустѣть, но замѣчательно здоровый воздухъ — въ Царскомъ никогда не было никакой эпидеміи — вскорѣ по прежнему сталъ привлекать сюда на мѣсто значительное число прѣзжихъ. Постоянныхъ жителей въ Царскомъ Селѣ съ небольшимъ двадцать тысячъ; оно считается уѣзднымъ городомъ С.-Петербургской губерніи.

Возвратимся опять ко дворцу. Послѣ Елисаветы Петровны, Екатерина II распространила его новыми пристройками. Фасадъ его имѣетъ 700 фут. длины. Всѣ статуи, пьедесталы и капители многочисленныхъ колоннъ, вазы, скульптурныя вещи и другія украшенія фасада, были сначала вызолочены. Потраченная на это сумма превышала миллионъ рублей. Съ теченіемъ времени позолота сошла и въ настоящее время оставлена только на церкви. Дворцовый фасадъ, обращенный къ парку трехъ цвѣтовъ, зеленого, бѣлаго и желтаго. При осмотрѣ дворца, обыкновенно прежде всего ведутъ въ домашнюю дворцовую церковь. Это обширная храмина, стѣны которой сплошь покрыты чернымъ деревомъ съ роскошной позолотой; потолокъ также весь сіяетъ этимъ драгоценнымъ металломъ; на стѣнахъ есть нѣсколько интересныхъ древнихъ образовъ. У алтаря виситъ ключъ отъ города Адрианополя. Изъ церкви, родъ галлерей ведетъ прямо во внутреннія комнаты дворца. Стѣны и потолки въ дворцѣ отдѣланы необыкновенно роскошно; первыя или бѣлыя съ золотомъ, или обтянуты дорогими шелковыми матеріями превосходныхъ рисунковъ и самыхъ живыхъ красокъ, нисколько не утратившихъ своей свѣжести. Одна изъ самыхъ изящныхъ залъ, это такъ-называемая липнѣ-лазуръ; на стѣнахъ сдѣланы инкрустаціи изъ этого камня; полъ слововой кости съ большими перламутровыми цвѣтами, что составляетъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ контрастовъ, какой только можно себѣ представить. Сама зала не очень велика, но эффектъ ея поразителенъ. Другая замѣчательная зала, это янтарная зала. Стѣны ея буквально состоятъ изъ янтарныхъ плитъ съ различными рисунками изображающими гербъ Фридриха Великаго, предложившаго въ распоряженіе императрицы Екатерины II свои янтарныя ломки. Привыкнувъ видѣть янтарь только маленькими кусочками, просто не вѣрится, чтобы эти большіе необдѣланные куски, выходящіе изъ стѣнъ, дѣйствительно были этимъ великолѣпнымъ ископаемымъ.

Спальня императрицы Екатерины II украшена стеклянными колоннами пурпуроваго цвѣта; стѣны въ этой комнатѣ фарфоровыя.

Въ парадной залѣ, всѣ стѣны покрыты золотомъ; тоже самое можно сказать почти о всѣхъ потолкахъ парадныхъ комнатъ. Золото вездѣ разсыпано щедрой рукой. Китайская зала замѣчательна по вкусу, съ какимъ въ ней устроено все на фантастическій манеръ небесной имперіи. Нельзя также пройти безъ вниманія двухъ большихъ бальныхъ залъ, въ концѣ которыхъ находится коллекція великолѣпнѣйшихъ китайскихъ вазъ, расположенныхъ кругообразными рядами до самаго потолка; на каждой вазѣ изображено Е, пачальная буква имени великой государыни. Вообще весь дворецъ дышетъ воспоминаніемъ о Екатеринѣ II. Домашнія комнаты императрицы сообщаются съ залами и садомъ очень отлогой лѣстницей, по которой императрица, когда болѣзнь огняла ея силы, скатывали и подымали вверхъ на креслѣ.

Комнаты Императора Александра I сохраняются по настоящее время въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ оставилъ ихъ, уѣзжая въ Таганрогъ. Черезъ кабинетъ, очень веселеную маленькую комнату, мы проходимъ въ бывшую спальню Императора, отличающуюся необыкновенной простотой, съ складной походной кроватью въ альковѣ. По другую сторону стоитъ столъ съ маленькимъ зеркальцемъ, обдѣланнымъ въ зеленый сафьянъ, и простымъ туалетнымъ приборомъ, состоящимъ изъ англійскихъ бритвъ, щетки и гребня. Тутъ же лежитъ носовой платокъ любимаго монарха, такъ, какъ онъ оставилъ его въ послѣдній разъ.

Александровскій дворецъ былъ построенъ Екатериной II для своего августѣйшаго внука Александра I. Этотъ дворецъ, въ противоположность баснословной роскоши стараго дворца, отличается простотой своего стиля, что нисколько не вредитъ его изяществу и красотѣ. Внутреннее убранство также въ выс-

шей степени просто. Массивныя бюро и письменныя столы въ кабинетѣ Александра I, облицуютъ въ немъ наклонности государственнаго человѣка. Позднѣе, государь Николай Павловичъ вездѣ оставилъ слѣды своихъ военныхъ вкусовъ. Вокругъ стѣнъ стоятъ стеклянные шкафы съ моделями разныхъ кавалерійскихъ полковъ; люди и лошади исполнены превосходно; малѣйшія подробности отдѣланы съ величайшею тщательностію. Картины на стѣнахъ изображаютъ военные маневры и солдатскіе карре.

Изъ картинъ, находящихся въ Царскосельскомъ дворцѣ, замѣчательнѣйшія:

Тенъера—Гвардейскій караулъ.

Адриана Ванъ Остаде—Нѣсколько фигуръ.

Филиппа Вувермана—Привалъ.

Ренне Бракенбурга—Нѣсколько человѣкъ въ деревнѣ.

Жана Миенце Моленара — Нѣсколько фигуръ; превосходная картина.

Жана Бота—Большой пейзажъ; отличная композиція.

Адама Пайнжера—Большой пейзажъ.

Артуса Ванъ-деръ Нэра — Зимній пейзажъ съ нѣсколькими фигурами на льду.—Пейзажъ при лунномъ свѣтѣ.

Давида Винкелума—Хорошій пейзажъ.

Жанъ Анри Рооса—Быкъ у ручья, оселъ и два барана.

А. Кюнленбурга, 1641—Гротъ съ нимфами.

Жана Файта—Двѣ хорошихъ картины; заяцъ и другія мертвыя животныя; на другой живая собака.

Жана Давида де Геема—Завтракъ.

Будкоровскаго, русскаго художника—Вдова съ ребенкомъ, который смотритъ на портретъ умершаго отца.

Эюссмана изъ Берлина — Молодая дѣвушка, причесывающая передъ зеркаломъ волосы; мраморная статуя.

Царскосельскій паркъ, кромѣ своей громадности и великолѣпной растительности, поражаетъ на каждомъ шагу разными неожиданными и затѣйливыми украшениями и постройками. Остановимся прежде всего на самомъ живописномъ изъ нихъ—арсеналѣ.

Этотъ маленькій замокъ, посреди парка, выстроенъ изъ краснаго кирпича въ готическомъ вкусѣ. Собранный въ немъ коллекція оружія и древнихъ вооруженій составлялась въ теченіи нѣсколькихъ царствованій. При государѣ Николаѣ Павловичѣ она была значительно добавлена и приведена въ тотъ порядокъ, въ какомъ находится въ настоящее время.

По обѣ стороны большой входной двери стоятъ двѣ желѣзныя пушки. Эти оружія изображаютъ младенческое состояніе военнаго искусства; появленіе ихъ на свѣтъ можетъ быть отнесено къ первымъ годамъ XV столѣтія. Эти пушки были найдены на морскомъ днѣ около береговъ Даніи и присланы королемъ Фридрихомъ VII императору Николаю Павловичу. Трофеи персидскихъ и турецкихъ походовъ 1826—27—28 и 29 годовъ и кавказская война доставили богатый матеріалъ для составленія восточнаго отдѣла, который еще увеличился счастливыми приобритеніями, сдѣланными въ Калькуттѣ и Дели. Въ 1852 г. арсеналъ былъ обогащенъ новыми дарами, состоящими изъ роскошныхъ сдѣловъ шитыхъ золотомъ и драгоценными камнями чевраковъ. Многія изъ этихъ вещей, а также восточныя кинжалы украшенные золотомъ, камнями и жемчугомъ, принадлежатъ къ екатерининскимъ и даже петровскимъ временамъ. Для украшенія арсенала была куплена коллекція художника Орловскаго, заключавшая красивыя русскія и польскія оружія XVI и XVII столѣтій. Много оружія прибавилось еще изъ Польши въ 1831 году; также много шведскихъ дѣлъ и касокъ XVI и XVII столѣтій. Музей обогатился еще Татищевской коллекціей, щитомъ дожа Агостини Барбариги, привезеннымъ изъ Италіи въ 1844 году, и многими дарами императорской фамиліи.

Около 1845 г. коллекція европейскаго оружія была столько же многочисленна, сколько богата и разнообразна; тогда приступили къ расположенію ея наиболѣе живописнымъ образомъ. На лѣстницѣ, пользующейся очень благоприятнымъ свѣтомъ, помѣстили предметы, которые должны быть разсматриваемы вблизи. Въ верхнемъ этажѣ устроена турецкая комната, содержащая оружія Турціи, Персіи, Египта и Кавказа; индо-мусульманская комната украшена оружіемъ Индіи и крайняго востока. Албанская комната помѣщена внизу. Эти три комнаты обиты краснымъ сукномъ, такъ какъ этотъ цвѣтъ какъ нельзя лучше согласуется съ оружіемъ блестящимъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.

Въ 1842 году, 23-го мая, по мысли государя Николая Павловича былъ устроенъ карусель, въ которомъ участвовало 16 кавалеровъ съ ихъ дамами, послѣднія въ средневѣковыхъ костюмахъ, первые въ вооруженіи XVI столѣтія. Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Цесаревичъ, нынѣ царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ—выбрали максимумъ вооруженія, хранившіяся въ комнатѣ Государыни Императрицы. Ихъ Высочества, младшіе сыновья Николая Павловича, были одѣты пажами.

Кортежъ, предшествуемый превосходной музыкой и герольдами, вышелъ изъ арсенала, и пройдя паркъ, выстроился около Александровскаго дворца, гдѣ должны были происходить эволюціи. Праздникъ удался великолѣпно; вся эта интересная спе-

Старый рыбакъ. Рисов. Медвѣдевъ, грав. Навъръ.

на была нарисована Орасомъ Верне: картина находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

По войдемъ въ Музей. Его какъ бы охраняютъ вооруженные рыцари. Обойдя комнаты нижняго этажа, мы подыдемъ по лѣстницѣ въ круглую комнату съ дубовымъ поломъ; стѣны ея покрыты фантастическими узорами изъ карабиновъ и различныхъ интъ. Въ этой же комнатѣ стоятъ въ кружокъ восемь конныхъ фигуръ, каждая на довольно возвышенномъ пьедесталѣ, въ натуральную величину, въ боевомъ вооруженіи, какъ англійскіе короли въ залахъ знаменитой Лондонской башни. Недѣзя не обратить вниманіе на то, съ какимъ искусствомъ распредѣленъ свѣтъ на всѣхъ этихъ предметахъ, съ какимъ изобиліемъ падаетъ онъ, напримѣръ, на этотъ массивный серебряный посохъ, составлявшій гордость какого нибудь папы, или на украшенную золотомъ, брилліантами и жемчугомъ сбрую какого нибудь паши, или на охотничій рогъ съ ручкой изъ слоновой кости, на артистически вырѣзанныя фигуры, и такъ далѣе.

Здѣсь же хранятся серебряная труба и барабанъ, которые Екатерина II дарила императору Павлу, когда онъ былъ ребенкомъ. Упомянемъ еще о двухъ сбруяхъ, подаренныхъ султаномъ императору Николаю. Украшающіе ихъ брилліанты—необыкновенной величины; блескъ ихъ ослѣпительнъ; одно сѣдло и уздечка почти сплошь покрыты брилліантами.

Мы не будемъ больше распространяться объ этомъ арсеналѣ, который составитъ для знатока предметъ неисчерпаемаго интереса. Пройдемъ дальше по парку. Въ одномъ изъ его уголковъ мы наткнемся на башенку красиваго зданія въ нѣсколько этажей, гдѣ Императоръ Александръ Николаевичъ, юношей, жилъ съ своимъ гувернеромъ; дальше мы увидимъ домикъ, гдѣ Великія Княжны забавлялись своимъ маленькимъ хозяйствомъ. На озерѣ стоитъ цѣлая флотилія маленькихъ судовъ, служившихъ для забавы, а потомъ для ученія Его Импе-

раторскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, теперешнему главному адмиралу русскаго флота. Прибавьте къ этому театръ, китайскую деревню, голландскую и швейцарскую фермы, турецкій кіоскъ, восточныя бани, павильонъ съ ионической колоннадой поддерживающей воздушный садъ, готическое зданіе называемое Адмиралтействомъ, мраморный мостъ съ коринтскими колоннами также изъ полированного мрамора,obelisks графу Румянцеву, гатчинскіе мраморные ворота въ честь графа Г. Г. Орлова, памятники воздвигнутые Александромъ I своимъ сподвижникамъ по оружію. Всѣ эти рѣдкости перемѣшаны цвѣтниками, эрмитажами, искусственными развалинами, римскими гробницами, гротами и каскадами. Немного въ сторонѣ отъ озера, прячется въ тѣни знаменитая статуя Соколова, изображающая молочницу съ разбитымъ кувшиномъ, изъ котораго льется струя свѣжей, холодной воды.

Одно изъ вѣрстѣйшихъ мѣстъ эрмитажа—это павильонъ на берегу одного маленькаго озера. Здѣсь, такъ рано похищенная смертью, Великая Княгиня Александра Николаевна, кормила обыкновенно своихъ черныхъ лебедей. Въ павильонѣ виситъ ея портретъ съ одной изъ ея любимыхъ поговорокъ: *Je sais, papa, que vous n'avez pas de plus grand plaisir que d'en faire à maman.* (Я знаю, папа, что для васъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ доставлять его маманъ). При входѣ въ альковъ стоитъ мраморная статуя, изображающая Великую Княгиню съ ребенкомъ на рукахъ.

Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ, мы только перечислили главныя достопримѣчательности этой великолѣпной императорской резиденціи. не описывая ихъ подробно. Но изъ сказаннаго можно составить себѣ понятіе о всѣхъ прелестяхъ Царскаго Села, не говоря уже о томъ, что въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ него находится Павловскъ, гдѣ въ лѣтніе мѣсяцы, каждый вечеръ играетъ превосходный оркестръ, привлекающій тысячи дачниковъ и пріѣзжающихъ изъ Петербурга.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Вирхъ.

(Продолженіе).

Горы сбрасывали свои легкія туманныя одежды и, обнажившись, предавались нѣгѣ въ волнахъ свѣта. Тамъ, на страшной глубинѣ, внизу, ворочались и колыхались какъ бы густые клубы дыма—словно туда устремилась, ища убѣжища, вся масса облаковъ. А высоко въ воздухѣ стояли свистъ и шумъ, точно это звучали хвалебныя пѣсни, и земля тихо роняла слезы блаженства послѣ сладкаго пробужденія, подобно дѣвственницѣ-невѣстѣ въ день желанной свадьбы. Эти слезы-росянки трепетали и сверкали на травѣ, на зеленыхъ вѣткахъ, на распускающихся почкахъ... Все возликовало — и на землѣ и надъ землей! Ослѣпительно-яркій лучъ солнца радостно сверкнулъ въ большихъ глазахъ серны, забравшейся на высокій утесъ, а тамъ внизу, въ долинѣ, уже весело порхаетъ надъ нивой жаворонокъ, и льется его звонкая пѣсенка.

Валли не могла оторвать глазъ отъ этой громадной, блестящей картины пробужденія природы, въ ея цѣломудренной утренней красотѣ, и только часть этой картины доступна была кругозору. Молодой орель, не покидая плеча дѣвушки, распростеръ крылья, какъ будто хотѣлъ привѣтствовать солнце. А въ Вентѣ все уже ожило; благодаря яркой зарѣ, Валли ясно могла различить и дѣвушекъ, и парней; она даже видѣла, какъ тамъ, у колодца, они обмѣнивались поцѣлуями. Изъ домовыхъ трубъ вылетали маленькіе бѣловатые клубы дыма, которые таяли и вдругъ совершенно пропадали въ ясной весенней лазури; — такъ и въ душѣ счастливца недолго живетъ печальная думка—зашевелится она и разомъ исчезнетъ бесслѣдно. На церковной площадкѣ столпились крестьяне въ праздничныхъ курткахъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ уже дымились трубочки въ серебряной оправѣ. Былъ Духовъ день, а потому всѣ были веселы, радостны, — вѣдь можно погулять, отдохнуть отъ работы! О, святой день! И такимъ же свѣтлымъ, чудеснымъ навѣрно былъ онъ тогда, когда Духъ Господень сошелъ на учениковъ, озаривъ ихъ божествен-

нымъ лучомъ свѣта, дабы разошлись они по всему лицу земли и стали бы повсюду возвѣщать евангеліе любви, проповѣдывать любовь эту пламеннымъ, широко-отверстымъ, ожившимъ сердцамъ... Съ весною земли явилась и весна человѣчества—Религія Любви.

Для дѣвушки, очутившейся на высотѣ облаковъ, ничего этого не существовало: для нея не было ни Духова дня, ни откровенія любви. Никто краснорѣчиво не возвѣщалъ ей животворящей евангельской правды, и евангеліе оставалось для нея кнigой на непонятномъ языкѣ, безплоднымъ зерномъ, по которому не скользнуло ни одного живительнаго теплаго луча и заглохло оно въ сердцѣ, не пустивъ ростка. Бѣдный Голубокъ не спустился къ ней изъ бездонной небесной синевы... Нѣтъ, единственнымъ вѣстникомъ любви и мира былъ для нея перватый хищникъ, преспокойно сидѣвшій теперь на ея плечѣ. Но вотъ Валли очнулась; ея мечты и грезы улетѣли; бросивъ прощальный взглядъ внизъ, на веселенькую картину деревушки, она отвернулась и пошла, поднимаясь все выше и выше, къ безмолвнымъ, снѣжнымъ полямъ Гохъ-Юха...

IV.

Дочь Мурцолля.

Цѣлыхъ пять часовъ поднималась она, проходя то полями пахучихъ альпійскихъ травъ, то снѣжными равнинами, гдѣ нога глубоко вязла, то широкими моренами*). Ночь проведенная безъ сна, тяжелая дорога — истомили дѣвушку, и она почти теряла надежду добраться до цѣли своего путешествія. Валли чувствовала, какъ у нея дрожали и руки, и ноги... Въ самомъ дѣлѣ, нести пятичасовую борьбу, спасая свою жизнь, съ этой суровой-непреклонной, коварной горой—чего нибудь да

*) Моренами называются валы изъ груды обломковъ и камней, обваливающихся съ горъ на поверхность ледника. Они тянутся во всю длину его по краямъ, а нѣрѣдко и по срединѣ—и даже въ нѣсколько рядовъ.

стоило. Крупные капли пота выступили на лбу ее, и вдруг, словно по взмаху жезла волшебника, перед Валли встала облачная стѣна... Пришлось обойти крайнюю скалу, которая заслоняла солнце. Валли обошла ее и сразу попала въ море густого тумана. Струя ледяного воздуха рѣзнула по лицу ее и стерла съ него потъ. Что ни шаг—то нога скользила... Зеркально-гладкая равнина лежала передъ ней: Валли была на льду, на Мурцолльскомъ глетчерѣ, на самой вершинѣ Гохъ-юха. Здѣсь, несмотря на снѣгъ и камни, кое-гдѣ пробивалась еще тощая травка; но далѣе, кругомъ блестяли синеватые ледяные разсѣлины и бѣлѣли снѣжныя поляны, дѣвственно-чистыя, никѣмъ еще не тронутыя въ этомъ году. Тутъ царилъ глубокая зима. Холодъ прохватилъ Валли; дрожь пробѣжала по ее тѣлу... Вотъ оно—преддверіе къ ледяному замку Мурцолли! Въ Эцтской долиинѣ много ходитъ преданій объ этомъ замкѣ, въ которомъ обитаютъ „блаженные дѣвы“. Бывало, въ длинные зимніе вечера, когда на дворѣ свирѣпѣла метель и разгуливалась вьюга, Люккардъ рассказывала маленькой Валли объ этихъ чудныхъ обитательницахъ Мурцолльскаго дворца. Изъ разсѣлинъ въ ледяныхъ стѣнахъ и зияющихъ пропастяхъ на дѣвushку повѣяло теперь давно-забытыми страхами дѣтства, какъ будто тутъ дѣйствительно властвовалъ страшный горный духъ, которымъ старая Люккардъ частенько страдала дѣвочку, когда та капризничала и не хотѣла ложиться спать.

Валли молча подвигалась впередъ. Глухой Клеттенмайеръ остановился наконецъ у приземистой избушечки, сложенной изъ камней, съ низко-нахлобученной крышей. Избушечка эта имѣла тяжелую деревянную дверцу и нѣсколько короткихъ щелей вмѣсто окошекъ. Внутри два закопченные камни замѣняли очагъ; постелью служилъ ворохъ полусгнившей соломы. Тутъ проживалъ прежде шнальзерскій пастухъ, а теперь въ этой каменной хижинкѣ, самой худшей изъ всѣхъ, пришлось поселиться Вальбургѣ Штротмингеръ.

Валли даже и не поморщилась при видѣ такого жалкаго, печальнаго пріюта—она вообще была не избалована. Ссылка въ такую глушь не могла сломить стойкую дѣвushку, поколебать ее мужество; однако Валли совершенно изнемогла тѣломъ... То, что перенесла она со вчерашняго дня—превышало даже ее необычайную тѣлесную силу. Она машинально помогала Клеттенмайеру, котораго Люккардъ, ради Валли, нагроулила всякимъ добромъ, устроить поудобнѣ постель и вообще хоть сколько-нибудь украсить неприглядное, печальное жилище. Дѣвushка не-хотя вмѣстѣ съ нимъ поѣла того, что ей на дорогу дала старушка. Клеттенмайеръ, видя какъ она блѣдна, жалостливо проговорилъ:

— Ну, вотъ, покушала и слава Богу, а теперь прилегла бы ты, да заснула малость. Надо это. Притащужо я тебѣ снизу дровишекъ, да чтобы на нѣсколько дней хватило, ну, а тамъ и пойду. Домой-то надо пораньше придти, потому отецъ твой крѣпко на крѣпко приказалъ мнѣ сегодня же быть дома.

Тутъ онъ вытряхнулъ свѣжую солому изъ мѣшка, который притащилъ съ собой. Валли, съ полузакрытыми глазами, тяжело опустилась на эту новую для нея постель и съ чувствомъ признательности протянула руку глухому старику.

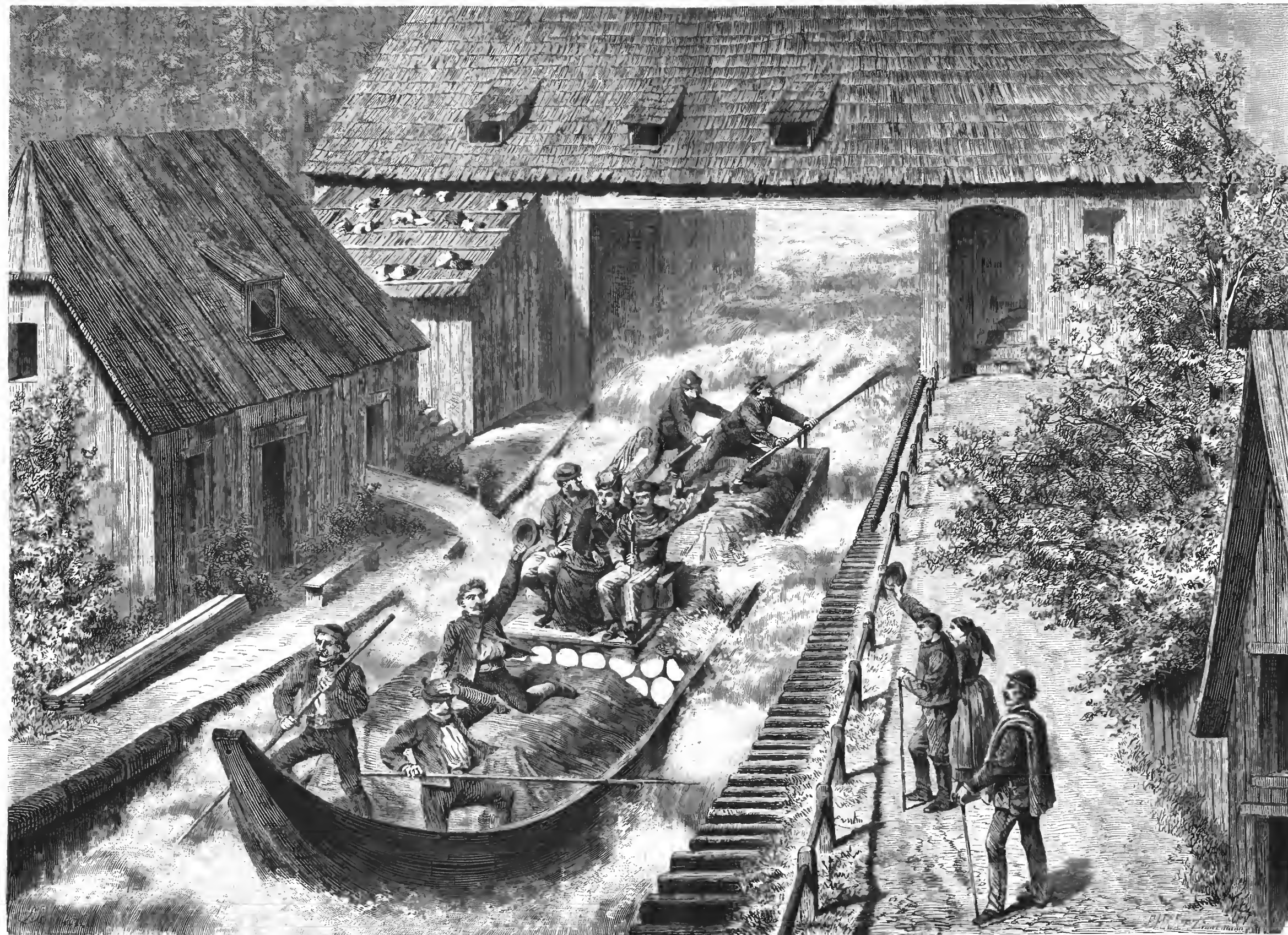
— Ты спи, я не стану тебя будить, сказалъ старикъ, —и если будешь спать, когда я приду съ дровами, то лучше мнѣ теперь съ тобой попрощаться. Ну, прощай! Здорова будь и ничего не бойся. Жалко мнѣ тебя... то есть одну-то на экой вышинѣ... А зачѣмъ отца не послушалась?...

Послѣднія слова Клеттенмайера были для Валли одними звуками, потому что она уже задремала. Старикъ вышелъ изъ избушки, жалостливо покачивая головой. Дѣвushка крѣпко заснула. Тяжело и какъ-то тревожно

вздыхалась ее грудь... Да, человѣка и во снѣ свѣжее и пережитое горе продолжаетъ давить, какъ обрушившійся камень. Валли снился отецъ. Онъ тащилъ ее за волосы въ церковь... „Вотъ, если бы у меня былъ ножъ“, думала она: „я-бы рѣзнула имъ по волосамъ и освободилась-бы...“ Вдругъ, откуда ни возьмись—явился Иосифъ: разъ—махнулъ онъ ножомъ и концы костей остались въ рукахъ отца, а она убѣжала, и пока Иосифъ возился съ нимъ, вскарабкалась на край обрыва Солнечной площадки, чтобы кинуться въ Ахъ. Поглядѣла въ глубь—и ей страшно сдѣлалось, раздумала она, а тутъ опять отецъ совсѣмъ близко, возлѣ нея... Валли съ отчаянья прыгнула въ бездну, летѣла, летѣла—и все не могла достать дна... Вдругъ ей почудилось, что снизу подхватила ее струя воздуха и понесла наверхъ... Все выше и выше летитъ она—и вотъ, наконецъ долетаетъ до самой верхушки Мурцолли. Какъ бы только удержаться прямо, въ страхѣ думаетъ Валли и, подобно кораблю, не знающему куда пристать, никакъ не можетъ найти за что бы ей ухватиться на скалѣ... Страшный вихрь подхватилъ ее снова, и она напрасно только пѣилется за голую стѣну. Черныя грозовыя тучи клубились вокругъ снѣжной вершины, которая казалась какимъ-то блѣднымъ привидѣніемъ. Огненные змѣи извивались по этимъ чернымъ клубамъ, чуть не задѣвая Валли, и вдругъ разразился такой громовый ударъ, что вся гора дрогнула... Валли опять закрутило, какъ оторванный листокъ, и она боялась только, какъ бы вихрь не перевернулъ ее, — она сознавала, что упади она—и не миновать ей тогда бездны. Нужно было выгибаться, вертѣться, выпрямляться, чтобы не потерять равновѣсія, словомъ—какъ челнокъ бороться съ волнами въ этомъ бурномъ воздушномъ океанѣ. Бѣшенный вихрь внезапно подкосилъ ей ноги; Валли, почувствовавъ, какъ голова перетягиваетъ ее, хотѣла закричать, просить пощады у бури, грома, у темной ночи, черныхъ тучъ—и совершенно онѣмѣла отъ ужаса... Вдругъ ее что-то удержало; она почувствовала подъ ногами нѣчто твердое... Не попала-ли она въ ущелье?.. Нѣтъ, это охватили ее колоссальныя каменные руки! Молнія разорвала тучу и изъ громадной прорѣхи выглянуло и наклонилось надъ Валли широкое каменное лицо великана. Это былъ старчески-темный ликъ самого Мурцолля. Сосны и ели, покрытыя снѣгомъ, замѣняли ему волосы; двѣ круглыя лыдины были вмѣсто глазъ, а сѣдой мохъ украшалъ его подбородокъ. Пушистыя брови отличались удивительною бѣлизной. Лобъ его былъ увѣчанъ серповиднымъ мѣсяцемъ, который мягко освѣщалъ блѣдное старческое лицо; ледяныя очи слабо мерцали въ синеватомъ лунномъ сіяніи. Старикъ устремилъ на Валли холодныя, прозрачныя, глубокія глаза, и взглядъ этотъ заморозилъ выступившія отъ страха капли пота на ее лбу; слезы замерзали на щекахъ и, скатываясь, падали слегка звеня, какъ стеклянныя буски. Каменные уста Мурцолля коснулись губъ дѣвushки, прижались къ нимъ, и, послѣ долгаго поцѣлуя, разгорячились, стали влажными; вокругъ нихъ зацвѣли альпійскія розы; а когда онъ снова взглянулъ на Валли—изъ ледяныхъ очей его потекли ручьи по мшистымъ усамъ и бородѣ... Небо прояснилось, весной повѣяло вдругъ въ ночной тиши. Мурцолль зашевелилъ оттаявшими губами—и раздался звуки, напоминающіе отдаленный гулъ летящихъ въ бездну лавин... Онъ заговорилъ:

— Ты отвержена отцомъ. Я хочу чтобы ты была моею дочерью, потому что холодный камень скорѣе способенъ разчувствоваться, чѣмъ зачерствѣлое сердце человѣка. Ты мнѣ пришлась по душѣ; ты также закалена, какъ и я! И въ тебѣ я вижу то же вещество, изъ котораго создаются скалы... Чтѣ-жъ, хочешь быть моею дочкой?..

— Хочу, произнесла дѣвushка и прижалась къ каменной груди своего отца.

По волнамъ Траунскаго водопада. Съ рисунка Имлауэра, грав. Ф. Циммерманъ.

— Вѣдь, и оставайся у меня, брось совѣтъ людям! Вѣдь у нихъ тамъ вѣчная борьба, а здѣсь—вѣчный миръ, покой...

— А Иосифъ?.. Но вѣдь я крѣпко люблю его, проговорила Валли.—Неужели-же онъ никогда не будетъ моимъ?..

— И его брось, отвѣтилъ старый глетчеръ.—Тебѣ не слѣдуетъ его любить: онъ все охотится за дикими козами—и дочери мои поклялись погубить его. Пойдемъ-ка со мной къ нимъ: онѣ сейчасъ убьютъ въ тебѣ сердечко, и безъ него ты славно заживешь тутъ, скорѣе привыкнешь къ нашему вѣчно-мирному царству!..

И онъ увлекъ ее и понесъ по громаднымъ, высокимъ комнатамъ и длиннымъ-длиннымъ галлереямъ. Вотъ достигли они большой залы, прозрачной какъ хрусталь и ярко-освѣщенной солнцемъ; лучи его тамъ и сямъ дробились на миллионы радужныхъ огоньковъ; за хрустальными стѣнами видно было, какъ тамъ что-то двигалось—словно и небо и земля слились во-едино. Дѣвушки, ослѣпительно бѣлыя какъ первый снѣгъ, въ туманныхъ покрывалахъ, играли въ этой задѣ съ дикими сернами. Весело даже было глядѣть, какъ онѣ мчались въ перегонку съ этими четвероногими горными скакуна-

ми, задѣвая и поддразнивая другъ дружку. Это и были дочери Мурцоллы—„блаженные дѣвы“ Эдтской долины. Когда отецъ ихъ поставилъ Валли на совершеннo-зеркальный полъ—онѣ окружили гостью и стали глядѣть на нее съ большимъ любопытствомъ. Дѣвушки эти, всѣ до одной, были ангельски-прекрасны, удивительно бѣленькія, съ румяными щечками; но когда Валли всмотрѣлась хорошенько, то ужаснулась, увидѣвъ у всѣхъ у нихъ ледяные глаза, такіе же какъ у самаго Мурцоллы; она замѣтила, что не кровь румянила имъ щеки и губки, а просто—краска альпійскаго розана, и почувствовала, какъ отъ нихъ, этихъ снѣжныхъ фигуръ, вѣяло холодомъ...

— Желаете принять ее? обратился Мурцолла къ дочерямъ.—Я люблю ее. Она сильная, твердая дѣвушка, точно каменная. Пусть она будетъ вамъ сестрой!

— Да, она хороша, отозвались дѣвы,—у ней и глаза такіе же какъ у серны... Но намъ извѣстно, что кровь-то у этой дѣвушки горяча—и къ тому же она влюблена въ охотника!..

— Ничего! Вы вотъ положите ей руки на грудь, ну, и замерзнетъ тамъ сердце, и любовь вся выморозится, и станетъ она тогда такой же блаженной, какъ и вы!..

(Продолженіе будетъ).

СТАРЫЕ РЫБАКЪ.

Если бы кому вздумалось, оставивъ всторонѣ исключенія, раздѣлить охоту вообще на различныя ея отрасли—по возрасту людей ей преданныхъ, то стрѣльба птицъ и звѣрей въ большинствѣ случаевъ оказалась бы достояніемъ молодежи, между тѣмъ какъ уженье преимущественно выпадало бы на долю стариковъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ родъ охоты, требуя наименьшихъ хлопотъ и подготовленій, въ то же время сопряженъ съ нѣкоторымъ покоемъ, какъ нельзя болѣе подходящимъ къ слабѣющимъ силамъ преклоннаго возраста, отнюдь не исключая волненія крови, составляющаго главную прелесть охоты. Вглядитесь въ старика, изображеннаго на нашемъ рисункѣ. Въ его лѣта плохо спитъ, онъ поднялся на зорькѣ, тутъ же на дворѣ накопалъ себѣ червячковъ въ глиняный горшокъ, изладилъ удочку, захватилъ пару-другую запасныхъ крючковъ и побрелъ себѣ на берегъ рѣки—той самой рѣки, что видѣла его и въ дѣтствѣ пускающимъ камешки скачками по гладкой поверхности, и юношей быть-можетъ пострѣлывавшимъ дикіхъ утокъ на лонѣ тихихъ водъ... Сѣлъ онъ и задумался, глядя на закинутую удочку; воспоминаніе за воспоминаніемъ проходило въ старческой головѣ, какъ полосы рѣчной рыбы, покачивающія поплавокъ, пабѣгаютъ къ берегу одна за другою... Одно занятіе не исключаетъ дру-

гаго: рыба рыбой, а грезы своимъ чередомъ; шевельлись только леса, дрогнул поплавокъ—и зоркіе глаза рыбака тотчасъ освѣтятся вниманіемъ, а вѣрная рука всегда во-время успѣетъ подсѣчь юркаго окунька или ерша, соблазнивагошаго на приманку. И грѣховности меньше въ этой забавѣ, по понятіямъ простодушна. Стрѣльба—иное дѣло: тамъ кровь проливается, а кровь показывать бѣлому свѣту—грѣхъ великій; рыба же тварь холодная, безкровная,—она не такъ мучится, скоро засыпаетъ... И отъ Бога она во всякое время на потребу человека показана, не то что мясо, и возни съ ней меньше въ стряпнѣ.

А неожиданности охоты, въ родѣ матерой голубоперой щуки, которая такъ рванетъ вдругъ лесу, что удилще затрепещетъ?.. А досада, когда черезъ-чуръ бойкій окунь только срываетъ прикормку и никакъ не хочетъ взяться съ крючкомъ?.. А колюшки, что только колятъ передъ червякомъ и мѣшаютъ крупный рыбе?.. А когда клюетъ такъ, что на два крючка едва успѣваешь таскать?.. А когда засѣчешь караса или окуня фунта въ два вѣсому, такъ что надо заводить издала на мелкое мѣсто къ берегу?.. Чтѣ и говорить, много удовольствія въ этой охотѣ, хотя и подсмѣиваются земляки, будто на удочкѣ съ одно-

го конца крючокъ, а съ другою—дуралочъ.

По волнамъ Траунскаго водопада.

Было время, читатель, когда и не подозревали, какую всепожирающую силу имѣетъ сжатый паръ; не думали тогда, что по двумъ желѣзнымъ полоскамъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ, и па водѣ противъ вѣтра и теченія, быстро двигаясь, можно пробѣгать большія пространства сравнительно въ весьма короткое время. Человѣкъ въ вѣчной борьбѣ своей со стихіями обладалъ немногими вспомогательными средствами, такъ что въ большинствѣ случаевъ ему приходилось, еще въ началѣ текущаго столѣтія, пользоваться исключительно своею собственною физическою силою. Въ такой борьбѣ, конечно, укрѣплялась мускульная сила, борцы закалялись, но при этомъ, что еще важнѣе, работалъ мозгъ и, работая, изощрялся, ибо тысячи препятствій, неудачъ, тяжелыхъ жертвъ и рядъ успѣховъ возбуждали умъ, разшевеливали его, развивали способность мышленія въ каждомъ труженикѣ, который въ неутомимыхъ поискахъ своихъ за новыми средствами, болѣе совершенными орудіями, находилъ таки желаемое, и съ новымъ оружіемъ въ рукахъ, не смотря на сопротивленіе, покорялъ себѣ природу.

Тѣ страны, тѣ уголки міра, куда успѣхи знанія, въ видѣ паримоторъ, новѣйшихъ машинъ, могли проникать лишь съ трудомъ и гораздо позднѣе,—наглядно, краснорѣчиво свидѣлствуютъ о силѣ изобрѣтательности и гениальности простыхъ тружениковъ-обывателей, которые, добывая себѣ хлѣбъ насущный, безустанно занимались различными промыслами, и безъ машинъ побѣждали громадныя мѣстныя препятствія, собственными средствами добились того, чего хотѣли.

Въ области озеръ, мачтоваго лѣса и горъ Зальцкаммергута и Зальцбурга (нынѣ соединенныхъ) встрѣчаются такія работы и

сооруженія, предъ которыми невольно останавливаешься—такъ они поражаютъ своею грандіозностью, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что все это дѣло рукъ простыхъ, неученыхъ людей. Этимъ труженикамъ приходилось преодолевать безчисленныя препятствія: такъ, напр., изъ первобытныхъ лѣсовъ имъ нужно было отправлять какъ-нибудь большіе древесные стволы; они должны были добывать соль изъ пропастей и скалистыхъ ущелій, причемъ наталкивались на водопады, съ которыми борьба была не легка; нужда толкала ихъ на волны буйныхъ озеръ; они смѣряли и подчиняли себѣ всеразрушающіе бѣшеные потоки; необходимость заставляла этихъ горцевъ переправляться чрезъ глубокія долины, соединять горныя вершины или пробивать въ нихъ пути. Мало этого: имъ приходилось даже давать совершенно иное направленіе стремленію горныхъ потоковъ, совершать подъемы чуть ли не цѣлага лѣса срубленныхъ деревьевъ и отправлять эту массу отъ однихъ горныхъ потоковъ къ другимъ. И, повторяемъ, все это совершалось въ тѣ времена, когда о паровой силѣ еще не знали и даже не могли при подобныхъ работахъ воспользоваться указаніями ученыхъ technicians. Путешествуя по австрійскому Зальцбургу, встрѣчаешь замѣчательныя *разсолонпроводы* (Soolen-leitungen), *испольскія сваи* (Holzgiesen), туннели, сооруженія для подъема воды, хорошо устроенныя плузы—и все это представляется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что громадныя препятствія, повидимому, были побѣждены тутъ какъ-то просто, безхитростно, что однако насколько не умаляетъ смѣлости и грандіозности основной мысли самихъ тружениковъ.

Къ такимъ удивительнымъ и даже можно сказать величественнымъ сооруженіямъ, хотя они на видъ и просты, безпор-

но принадлежать шлюзу и канал при Траунском водопаде, неподалеку от Гмундена.

Рѣка Траунъ, бурная, быстрая, вытекаетъ изъ горнаго озера, вливается въ другое, затѣмъ бѣшено стремится изъ него дальше, пролетаетъ еще нѣсколько озеръ и наконецъ впадаетъ въ Дунай. На пространствѣ между Гмунденскимъ (Траунскимъ) озеромъ и Бамбахомъ она катитъ свои сердитыя волны среди страшныхъ скалъ и угрюмыхъ утесовъ, мѣстами образующихъ ущелья. Волны эти, темнозеленыя и холодныя какъ ледъ, вскрѣвая на пути камни и другія преграды, съ остервенѣніемъ бьются, перешагиваютъ чрезъ нихъ, такъ что вся вода тутъ клокочетъ и пѣнится... Изъ темнозеленой она вдругъ превращается въ бѣлоснѣжную, которая, переходя въ желтопѣтый цвѣтъ, опять зеленѣетъ, темнѣетъ—до перваго камня, ставшаго ей на дорогѣ. Траунскій водопадъ шумитъ такъ, что его издали слышно. Тяжелыя воды его стремительно низвергаются широкой стѣной по уступамъ утесовъ—и кажется, что не устоять тутъ зубчатымъ скаламъ, на которыхъ съ ревомъ бросается всеразрушающая водяная масса, клубясь и летя неудержимо впередъ. Вотъ этотъ-то водопадъ, эти скалы и утесы, эту исполинскую мощь стремящейся водяной массы *нужно* было побѣдить, чтобы безопасно сплавлять плоты изъ громадныхъ еловыхъ стволовъ, а главное дать возможность плавать въ лодкахъ, такъ какъ лодка являлась здѣсь почти единственнымъ средствомъ передвиженія, да и до сихъ поръ нѣтъ еще дороги чрезъ утесы и скалы по берегу озера. Соль—самый драгоценный товаръ всей этой озерной области—могла вывозиться *только* въ лодкахъ, ибо добывалась исключительно въ этой мѣстности (по свойству своему она не терпитъ воды, потому что растворяется въ ней); что касается лѣса, то онъ росъ въ разныхъ мѣстахъ, откуда и могъ отправляться безъ особенныхъ хлопотъ. Вывозить соль *сухою*—вотъ это-то и было главною задачею обитателей горно-озерной области, этой неистощимой соляной кладовой для всей страны. Для быстрой, удобной перевозки соли—Траунъ представлялся наилучшимъ путемъ, къ тому же рѣка эта впадаетъ въ Дунай, а Дунай—единственная значительная торговая дорога между германскимъ Оберландомъ и Нидерландомъ. И такъ, нужно было добраться до этой *дороги*, а затѣмъ уже преспокойно отправлять далѣе нагруженные суда и плоты.

Говорятъ, что уже въ XV вѣкѣ существовалъ шлюзъ у Траунскаго водопада, но какъ онъ былъ устроенъ—неизвѣстно, потому что не сохранилось никакихъ чертежей по этому сооруженію. Въ 1552 г. лѣсничій, по фамилиі Зесауэръ, *побѣдилъ воду*, соорудивъ большою Траунскій шлюзъ, и продолжилъ такимъ образомъ безопасный водяной путь. Имя этого лѣсничаго до сихъ поръ съ уваженіемъ произносится въ странѣ: оно извѣстно почти въ каждой хижинѣ. — Нечего и говорить, какъ трудъ этотъ былъ громаденъ! Повыше водопада, среди скалъ, нужно было проложить дорогу, т. е. устроить каналъ изъ большихъ плитъ и поридочной толщены досокъ. Работать пришлось бокомъ-обокъ съ бѣшенымъ водопадомъ, да иротожъ довольствоваться тогдашнимъ бѣднымъ арсеналомъ орудій-инструментовъ... И кто же были

эти труженики? Простые дровосѣки!.. Какъ бы то ни было, но они соорудили *второй* водопадъ длиною въ 1.300 футовъ, причемъ, конечно, устроили и крѣпкій шлюзъ. *Новый* водопадъ былъ названъ «Добрымъ» въ отличіе отъ стараго—«Злаго», «Бѣшеннаго»; однако высота паденія воды (на всемъ протяженіи «Добраго водопада») пѣфетъ почти 50 ф., и тамъ, гдѣ онъ бурно вливается въ Траунъ, вскрѣшенныя волны съ страшною стремительностью подхватываютъ и увлекаютъ суда и плоты, которые летятъ среди скалъ и утесовъ внизъ по теченію. Когда утромъ или около полудня откроютъ шлюзъ—картина по истинѣ представляется великолѣпною! Вотъ идетъ «траунская лодка». Матросы ея уже на мѣстахъ. Они, въ особенности передовой, должны приложить всѣ старанія свои и усилія, чтобы лодка какъ нибудь не стукнулась, и наблюдать за массой воды отпридывающей отъ утесовъ. Эти люди обязываются доставить благополучно нагруженное солью судно только до назначеннаго прохода (пропуска), а ужъ тамъ—что Богъ дастъ!.. Сила вырвавшейся массы воды мгновенно подхватываетъ тутъ лодку и она летитъ... Здѣсь всѣ усилія челоѣка тщетны, и матросамъ остается только уповать на Бога да на безбездность «Добраго водопада»!.. Лодка летитъ какъ стрѣла; она довольно глубоко сидитъ въ водѣ, но зато носъ ея высокъ, что и нужно при подобномъ плаваніи. Волны, прыгающія передъ носомъ, все таки переделяютъ иногда черезъ него,—и эти «даровые фонтаны», разбиваясь на миллионы брызгъ, образуютъ высокіе столбы водяной пѣны, такъ что матросы въ одно время и въ водѣ и на водѣ... Такъ и кажется, что лодка не сдвобовать, что она учится прямо въ пропасть! Вотъ она совсѣмъ скрылась въ пѣнѣ... пропала!.. Нѣтъ, опять показалась!.. Лица мокрыхъ лодочниковъ угрюмы, серьезны; да, пе до смѣху тутъ... Они зорко глядятъ, и по временамъ ихъ желѣзныя руки поневолѣ хватаются за руль и за багры... Но за то какъ сердце зрителя радуется каждый разъ, какъ лодка в люди невредимо вылетаетъ изъ пѣнящихся волнъ!..

Въ тѣ времена, когда Траунъ была главнымъ путемъ сообщенія въ этой странѣ, когда вдоль побережья ея не было проложено еще рельсовой дороги, тогда и путешественники спускались по рѣкѣ въ «траунскихъ соляныхъ лодкахъ». Правда, страшновато было путешествовать такимъ образомъ, но ремесленному люду и любознательнымъ туристамъ трусить не подобаетъ: они *должны* быть отважными, мужественными. Конечно, немного теперь найдется охотниковъ лѣтѣть въ «Соляной лодкѣ» по волнамъ «Добраго» Траунскаго водопада, но такой оригинальный полетъ великолѣпенъ! Тѣ, которые любятъ вообще сильныя ощущенія—могутъ исполнть тутъ наслаждаться. Подобное же путешествіе можно совершить также по р. Трауну отъ Галльштедскаго озера черезъ «Дикий потокъ» въ Ишль. Такая прогулка для нѣкоторыхъ можетъ быть воспитательной.

Прилагаемая нами картинка не требуетъ, кажется, объясненій. Быстро, какъ птица, летитъ «соляная лодка» (особенно во время весенняго и осенняго половодья): духъ захватываетъ у пассажировъ, но это-то имъ и любо—страшно и чудесно!..

С М Ъ С Ъ .

Бѣлье изъ бумаги. Если бы истинное призваніе искусства состояло въ возможно-вѣрномъ подражаніи природѣ, то вѣкъ нашъ можно бы по истинѣ назвать художественнымъ. Кто не знаетъ искусственныхъ цвѣтовъ и зелени, украшающихъ дамскія шляпы и головки, искусственныхъ брильянтовъ и жемчуговъ, сіяющихъ на шеѣ, на груди и по рукамъ красавицъ, такъ что нѣтъ никакой возможности рѣшить, что это за произведенія—искусства или природы? Теперь до того подражаютъ природѣ, что ошибиться весьма легко. Таково и *бѣлье изъ бумаги*, о которомъ мы собираемся побесѣдовать съ читателемъ.

Подъ названіемъ бумажнаго бѣлья разумѣютъ воротнички и рукавички женскіе, мужскіе и дѣтскіе, а также манишки. Въ прежнее время части эти составляли нераздѣльное цѣлое со всею рубашкой, но такъ какъ скорѣе нашли, что они скорѣе всего грязнятся и вслѣдствіе этого не рѣдко приходится измѣнять бѣлье по нѣскольку разъ въ день, — то стали фабриковать отдѣльные воротнички, рукавички и манишки изъ полотна. Такимъ образомъ, стало возможно, не раздѣляясь, переимѣнить наиболѣе выставлемыя части бѣлья. Лѣтъ тридцать тому назадъ не знали иного бѣлья кромѣ полотнянаго, которое однакожъ имѣло ту невыгоду, что въ немъ весьма легко простудиться такъ какъ, полотно не легко поглощаетъ испарину. Вслѣдствіи вошелъ въ употребленіе англійскій шертингъ. Онъ фабриковался изъ хлопчатой бумаги и былъ дешевле полотна, пріятнѣе въ носкѣ и благотѣльнѣе для тѣла. Не смотря на то, онъ весьма медленно входилъ въ употребленіе. Воротнички, рукавички и манишки также стали дѣлать изъ шертинга; но въ мытьѣ они скоро теряли первоначальную форму, такъ какъ бумажная ткань, будучи намочена, вытягивается по всѣмъ направлѣніямъ.

Новенькіе воротнички, рукавички или манишки изъ полотна или шертинга отличаются прекраснымъ фасономъ, имѣютъ

блескъ и сидятъ большею частью безукоризненно и покойно. Но какъ только они попадаютъ въ стирку—всѣ прекрасныя качества ихъ чрезвычайно скоро теряются, и только искусная гладильница въ состояніи хотя приблизительно придать имъ прежній фасонъ. При этомъ они все таки становятся жесткими и шероховатыми, дѣлаются узкими или чрезъ-чуръ широкими, тѣснятъ, натираютъ шею.

Эти невыгоды навели людей изобрѣтательныхъ на мысль о замѣнѣ полотна или шертинга инымъ веществомъ, устраняющимъ вышеописанныя неудобства. Стали дѣлать воротнички, рукавички и манишки изъ бумаги.

Понятно, что для этого употреблялась не тонкая писчая бумага, а картонъ толщиною приблизительно въ полотняный воротничекъ.

Бумагу выбирали плотную и зернистую, чтобы она не такъ легко рвалась. Первые попытки не увѣчались быстрымъ успѣхомъ. Формы воротничковъ выражались ножомъ или ножницами, причемъ фабриковались только стоячіе воротнички, такъ какъ вслѣдствіе толщины бумаги нельзя было дѣлать гладкихъ перегибовъ. Но и эти попытки вышли себѣ отзвѣтъ въ публикѣ, причемъ конечно каждый потребитель былъ въ то же время самъ и производителемъ; такъ, въ сороковыхъ годахъ, при нѣмецкихъ университетахъ, вошли въ моду такъ-называемые *ватермбѣреры* (watermörder), длинные остроконечные стоячіе воротнички, охотно (хотя болѣе для шутки) фабриковавшіеся студентами.

Скорѣе однако началась попытка производить бумажное бѣлье механическимъ путемъ, помощью машинъ. Пробовали достигнуть гладкости въ перегибѣ, чтобы можно было дѣлать и отложные воротнички. Это удалось, хотя на первыхъ порахъ фасоны были не такъ изящны и разнообразны; приходилось ограничиваться нѣкоторой простотою.

Первые фабрикатъ были довольно дороги и покупались больше изъ любопытства. Никто изъ носившихъ ихъ не сообщалъ о томъ другимъ, стыдился признаться, изъ какого матеріала у него бѣлье. Скоро замѣтили, что оно долѣе не теряетъ своей бѣлизны, чѣмъ полотняное или шерстинговое. Это было уже успѣхомъ. Оставалось только позаботиться о дешевизнѣ — и вскорѣ возникла страшная конкуренція съ прачками, такъ какъ бумажное бѣлье стоило почти столько же, сколько брали прачки за мытье полотнянаго. Этимъ доказывалось практическое значеніе бумажнаго бѣлья.

Мало по малу въ обществѣ исчезло и чувство ложнаго стыда и теперь никто ужъ не считаетъ неприличнымъ носить бѣлье изъ бумаги.

Фабрикація дошла до такого совершенства, что моделируетъ напр. воротнички по атомически-правильной формѣ шеи, устраняя такимъ образомъ неприятное треніе.

Каждый воротничекъ, рукавичку или манишку можно носить по крайней мѣрѣ три дня — и бѣлье сохраняетъ при этомъ бѣлизну, чего отнюдь нельзя сказать о полотняномъ. Если принять въ расчетъ, что эти фабрикатъ даже дюжинами покупаются уже по цѣнѣ стирки (а многія вещи и ниже этой цѣны), то ясно, что по прошествіи года въ карманѣ остается вся сумма, потребная на возобновленіе полотнянаго бѣлья, а эта сумма по меньшей мѣрѣ простирается до 5 — 10 рублей на каждое лицо. А сколько труда пропадаетъ даромъ на уборку, счетъ и записыванія грязнаго бѣлья, тогда какъ здѣсь оно просто бросается! сколько неприятностей по поводу дурно-вымытаго или дурно-выглаженнаго бѣлья!

Американцы, наипрактичнѣйшій народъ во всемъ мірѣ, потребовали въ 1872 году около 450 миллионовъ бумажныхъ ворот-

ничковъ, рукавичковъ и манишекъ, англичане около 200 миллионовъ, французы — 100 миллионовъ, нѣмцы — 30 миллионовъ.

Нынѣ фабрикуются всѣ сорта стоячихъ и отложныхъ воротничковъ цѣною отъ $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ талеровъ за гроссъ въ 144 штуки; дамскіе воротнички до 2 талеровъ за гроссъ. Рукавички отъ $2\frac{1}{2}$ — 5 талеровъ за парный гроссъ, таже цѣна для манишекъ.

Фабрикація бумажнаго бѣлья началась въ Америкѣ. Саломонъ Селли Грей въ 1857 году открылъ первую механическую фабрику. Воротнички его, названные по его имени «Грѣвскими», сохранились до сихъ поръ и считаются лучшими. Основанная имъ въ 1865 году фабрика въ Парижѣ перешла въ руки гг. Мен и Эддиша въ 1867 году, а въ 1870 году они основали такую же фабрику въ Плагвицѣ-Лейпцигѣ, которая нынѣ превосходитъ всѣ прочія въ Германіи. Она вырабатываетъ ежедневно 400,000 воротничковъ, 100,000 рукавичковъ и 30,000 манишекъ. На ней заняты работою 150 женщинъ и 50 мужчинъ; она располагаетъ собственными паровыми машинами, картонной фабрикой, стальной и проч., и въ 1872 году переработала около 700,000 фунтовъ картона, изъ котораго приготовила около 20,000,000 воротничковъ, 5,000,000 рукавичковъ и манишекъ. Такъ-называемые бумажные обрѣзки, изъ которыхъ бумажные фабриканты выдѣлываютъ въслѣдствіи тончайшую почтовую бумагу, простираются до 70,000 фунтовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ (съ портретомъ). — Двуногий волкъ. Романъ Н. Н. Каразина. Ч. II. (продолженіе). — Царское Село (съ рисункомъ). — Орелъ-дѣвца (изъ жизни въ Тироляхъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллерн-Лирхъ (продолженіе). — Старый рыбакъ (съ рисункомъ). — По волнамъ Траунскаго водопада (съ рисункомъ). — Сѣнь.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Желающимъ приобрести себѣ швейную машину для семействъ или-же для мастерской самой прочной дѣйствительно усовершенствованной конструкціи

РЕКОМЕНДУЮТСЯ

только отличныя и солидныя машины Гамбургско-Американской фабрики

ПОЛЛАКЪ ШМИДТЪ И К°,

которыя признаны за самыя лучшія и дешевле всѣхъ дѣйствительно хорошихъ машинъ; особенно рекомендуется ножная швейная машина «Ласилансезъ» и превосходная ручная машина.

«ГЕРМАНИЯ СИЛАНСЕЗЪ»

Главный складъ для оптовой и розничной продажи находится въ Москвѣ въ Торговомъ Домѣ Ф. В. Гунъ и К°. На Большой Лубянкѣ д. Мазуриной, въ бель-этажѣ № 3.

Тамъ-же единственно Агентство чудотворныхъ фасоновъ-зальныхъ машинъ. Внутри Россіи можно получать швейныя машины Поллакъ-Шмидтъ и К° у всѣхъ болѣе значительныхъ торговцевъ швейныхъ машинъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

изданныя П. ЮРГЕНСОНОМЪ въ Москвѣ.

Бертини. Ор. 29 и 32. 48 этюдъ переложенныхъ для двухъ фортепіанъ (ad libitum) Адольфомъ Гензельтомъ.

- > Ор. 29 тетр. 1, 2, въ 2 руки по 1 руб.
- > > 29 > 1, 2, второе фортепіано по 1 руб.
- > > 32 > 1, 2, въ 2 руки 1 руб.
- > > 32 > 1, 2, второе фортепіано по 1 руб.

С.-Петербургъ. Больш. Морская № 9.

Москва. Петровка № 6.

у И. И. ЮРГЕНСОНА.

у П. И. ЮРГЕНСОНА.

Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичъ Лавровъ, получившій высшее образованіе въ Москвѣ и вышедшій изъ ней кистовымъ большіи денежныя порученности отъ помѣщиковъ Харьковской и Екатеринославской губерній, какъ напирѣвъ господъ Депредовичей, Римско-Корсаковыхъ и другихъ многихъ, — нынѣ, послѣ шестидесятилѣтней службы въ западныхъ краяхъ, снова возвратился на постоянное жителство въ Москву для воспитанія дѣтей; и потому проситъ Госудъ иигородныхъ благоволеніе поручать ему какъ и прежде въ Москвѣ всѣ нижеслѣдующія судебныя, банковыя и торговыя дѣла и сдѣлан, что будетъ выполняемо имъ со всею точностію и быстротою.

Адресовать-же: Въ Москву, Арбатской части, четвертаго квартала, у Патриаршаго пруда, домъ Алексѣевыхъ.

Отъ Редакціи газеты „РУССКІЙ МІРЪ“.

Вслѣдствіе приостановки газеты по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 5 Марта, Редакція не имѣла права на основаніи приб. къ 29 ст. пост. о печ. разсылать своимъ подписчикамъ обѣщаннаго романа „Трагедіи Парижа“. Нынѣ съ окончаніемъ срока приостановки (5-го Іюня) всѣ три части романа будутъ разосланы какъ прежнимъ, такъ и новымъ подписчикамъ.

Газета „Русскій Міръ“ будетъ выходить съ 5-го Іюня съ тѣмъ-же направленіемъ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Подписка принимается.

Въ С.-Петербургѣ.

- 1) Въ Конторѣ газеты, на углу Семёновскаго переулка и Литейнаго проспекта, домъ № 8—45.
- 2) Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Вазунова и другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ.

- 1) Въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.
- 2) У Н. А. Мейера, Солдатка, первый подъездъ отъ Ивановской улицы, домъ Бабурина.

Подписная цѣна.

На годъ	16 р.	На 6 мѣсяцевъ	9 р.
На 7 мѣсяцевъ	10 „	На 1 мѣсяцъ	1 р. 75 к.
			4—3

ОРЪХОВЫЙ ЭКСТРАКТЪ.

Для крашенія всякихъ сѣдыхъ волосъ въ ирочный, несмываемый, черныи, коричневый и русый цвѣтъ. Это средство изслѣдовано и разложено известными медиками и химиками и признано ими какъ самая лучшая изъ всѣхъ употребляемыхъ красокъ, не имѣетъ никакихъ вредныхъ вліяній на здоровье и волосы, такъ какъ оно приготовляется изъ зеленой шелухи орѣха; долговѣстными опытами орѣховый экстрактъ оказался какъ самое вѣрное, прочное и безвредное средство для крашенія волосъ и удостоилось отъ Императора Франца-Іосифа I единственной привилегіи на приготовленіе и свободную продажу орѣховаго экстракта для крашенія волосъ. Цѣна 2 руб. 50 к. съ пересылкою 3 руб. Оптовая и розничная продажа въ С.-Петербургѣ Магазины А. Штейнберга, Невскій пр. д. Казанскаго Собора, № 25, и у Саблукова гостиницы дворъ № 39.

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильно двойною стежкою, ручная и ножная. Королевская педагогическая коммиссія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи.

„Ванцеръ Д.“ новѣйшая настоящая Американская швейная машина, ножная для портныхъ.

Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; по томъ еще продажа у: Бринки и Ко. въ гостиницѣ дворъ по большой суровской линіи № 132, Агенты для Москвы, Шанинъ и Болинъ, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кромѣ того находятся Агенты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

10—10

Dr. HUNNIUS bleibt in Hapsal und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 8-го Іюня 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж.
маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ
другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Печерскій монастырь на Волгѣ.

Печерскій монастырь на Волгѣ, близъ Нижняго Новгорода. (Осн. въ 1380 году).

ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА ВОЛГѢ.

Въ первой половинѣ четырнадцатаго столѣтія, около 1336 г., когда на Московскомъ престолѣ сидѣлъ Иванъ Калита, — на Волгу, къ Нижнему Новгороду, пришелъ инокъ Кіево-Печерской лавры, по имени Діонисій. Къ нему примкнула горсть блачестивыхъ людей, тоже искавшихъ мѣра и спасенія въ смутное время татарщины.

Мѣсто около Нижняго-Новгорода, на берегу величественной рѣки, понравилось странникамъ: кругомъ, куда ни оглянешь, стояли лѣса, вѣковыя сосны вѣнчали горныя вершины, дубовыя и осиновыя рощи сбѣгали по склонамъ до самой Волги. Здѣсь, въ этой лѣсной тиши, можно было унести мысль къ Богу, отрѣшиться отъ земной скверны и основать обитель подобную той, гдѣ инокъ Діонисій получилъ священническій санъ.

Нога человѣческая была въ этихъ мѣстахъ не въ первый разъ: странники нашли нѣсколько обвалившихся пещеръ, гдѣ укрывались, надо думать, или бѣглецы отъ кары закона, или такіе же труженики какъ они. Слово *труженики* сложилось не даромъ; — только твердо убѣжденные въ правотѣ своихъ воззрѣній, люди сильныя духомъ, могли выносить такую суровую жизнь. Приходилось дѣлаться Робинзонамъ, искать средствъ гдѣ и какъ достать пропитаніе. Для этого нужны были рабочія, грубыя руки.

Діонисій выкопалъ этими руками подземное жилье; малочисленная братія послѣдовала его примѣру. Въ народѣ скоро разнесся слухъ, что, въ нижегородскихъ лѣсахъ, на Волгѣ, почитаются и молятся святые люди. Изъ окружающаго лѣса была срублена скромная церковь Вознесенія Господня, пещерная братія стала переходить въ землянки и кельи. Возможность отправлять церковное богослуженіе была прямымъ слѣдствіемъ наглядыва людей благочестивыхъ, уходившихъ изъ міра.

Обитель росла; добрая слава расходилась далеко; народъ стекался къ убогому деревянному храму и сносилъ приношенія. Суровая жизнь продолжалась, но прежняя нужда уже миновала. Двѣнадцать учениковъ Діонисія развились насаждать монастыри въ другіе углы Русской земли, кто въ Суздаль, кто на Унжѣ. Самъ Діонисій былъ сначала игуменомъ Печерскаго монастыря, затѣмъ (до 1374) архимандритомъ и умеръ Суздальскимъ епископомъ.

Завѣтная мысль бѣднаго инокъ исполнилась: на Волгѣ возникъ въ чащѣ лѣсовъ монастырь, напоминавшій своимъ именемъ славную Кіево-Печерскую лавру. Онъ также какъ и послѣдняя былъ выстроенъ на пещерахъ, рытыхъ въ горѣ.

Вмѣстѣ съ возрастаніемъ обители, возрастали и вклады въ нее и права даруемыхъ монастырямъ. Обитель богатыла довольно быстро, хотя и не могла въ этомъ случаѣ соперничать съ другими мѣстами поклоненія того времени. Самые значительныя вклады дѣлали князья: такъ, Борисъ Константиновичъ, сынъ Суздальскаго князя, снабжалъ возникавшій монастырь всѣмъ чѣмъ надо, приписалъ къ нему села: Кадницы, Новое и Коринское съ деревнями; сынъ Калиты, Іоаннъ, пожаловалъ еще два села съ деревнями. Въ четырнадцатомъ столѣтіи пожертвованія шли не прерывались. Наставалъ періодъ наибольшаго процвѣтанія Печерскаго монастыря, закончившейся слѣдующимъ столѣтіемъ.

Въ одномъ 1385 году онъ получилъ въ даръ двѣнадцать селъ съ деревнями и восемью храмами. Дворы и деревни съ выселками вносились на поминъ души; такъ, извѣстно, что какая-то Марина Карамышева отказала монастырю сельцо Карамышево. И князья, и бояре, и посадскіе люди съ крестьянами — всѣ вносили свою посильную лепту. Размѣры послѣдней бывали, какъ мы видимъ, довольно велики и зависѣли отъ доходовъ. Крестьяне давали монастырю деньгами, скотиной, хлѣбомъ и вещами. Богатые люди отдавали въ его распоряженіе села съ деревнями, починки, лѣса, воды и рыбныя ловли, бобровые гоны, пустоши, рѣки, озера, пожни, мѣста для мельницъ, бортныя угодья, лавки въ городѣ и дворы.

Съ шестнадцатаго до начала осмнадцатаго столѣтія пожертвованія продолжались — но уже въ меньшихъ размѣрахъ; причиной этого были многія обстоятельства. Страшными бѣдствіями начался и закончился для монастыря XVI-й вѣкъ. Не надо забывать, что казанскіе татары, жившіе по соседству, не были покорены; Казань еще была столицей ихъ царства. Въ 1505-мъ году татары ограбили около Нижняго-Новгорода все, сожгли нѣсколько селъ, угнали жителей въ лѣса, перебили много народа. Такіе набѣги не были въ то время рѣдкостью.

Печерскій монастырь не избѣгнулъ общей участи. Онъ былъ тоже весь разграбленъ и разоренъ. У братіи долгое время не было средствъ отстраиваться: многія крѣпости были затеряны во время погрома, и монастырь стоялъ пустой цѣлые шестьдесятъ лѣтъ. Надо было все начинать снова. Съ кого получать доходы, когда крестьяне сами разорены и разбѣжались? съ чего собирать хлѣбъ, когда поля лежатъ пустыми? Цари однако не оставили монастырь своимъ милостямъ. Иванъ Грозный пожертвовалъ ему 800 рублей, что равняется на наши деньги тысячамъ двадцати сличкомъ; сынъ его Федоръ Ивановичъ, за внесенные 300 рублей, просилъ вѣчно помянуть отда въ свя-

тыхъ монастырскихъ молитвахъ. Приказано было отпускать Печерскому монастырю жалованья: полтора са четвертей ржи и 10 пудовъ меду, все это — изъ нижегородскихъ житницъ царя. Въ вознагражденіе за утраченныя въ погромѣ крѣпости стали опять приписывать и села и деревни. Монастырь по немногу обстраивался: около него была высокая ограда, внутри — 6 церквей каменныхъ и одна деревянная (подъ горой); но лѣтомъ 1596 года случилась неожиданная катастрофа: Печерскій монастырь былъ опять разрушенъ. На этотъ разъ онъ потерялъ не отъ татаръ.

Въ половинѣ іюня, помянутого года, земля вдругъ подъ монастыремъ заколебалась. Инокъ въ страхѣ выбѣжали изъ келій и увидали, что церкви и другія зданія обители колеблются какой-то невѣдомой силой. Подъ землей слышались какіе-то сильныя раскаты, похожіе на громъ, то глухой гулъ. Гора, высившаяся надъ монастыремъ, поползла съ мѣста и своимъ движеніемъ перенесла далеко въ сторону монастырскій мостъ, бывшій вправо. Архимандритъ Трифонъ, увидя наступающее бѣдствіе, приказалъ выносить утварь и выгонять скотъ. Скоро обитель опустѣла: никто не рѣшился остаться въ ней, всѣ ждали въ страхѣ небывалой Божьей кары. Въ теченіе трехъ дней монастырь Печерскій стоялъ пескомъ; только подъ землей слышались шумъ и глухіе удары. 18-го іюня, въ три часа утра, всѣ были поражены страшнымъ зрѣлищемъ: отъ материка отстала гора, стоявшая надъ монастыремъ, и стала медленно двигаться на обитель, увлекая на пути все. Она миновала монастырскія стѣны и уперлась въ Волгу, отчего суда, стоявшіе у берега, вдругъ очутились на сушѣ, а потрясеніе было такъ велико, что раскачало до основанія всѣ обительскія зданія, причемъ уцѣлѣла одна деревянная церковь Николая Чудотворца (она только сползла на двѣ сажени); остальные же шесть каменныхъ церквей, колокольня, святыя врата, кельи монастырскія, сундуки и пр. зданія — разрушились. «Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Печерскомъ монастырѣ», передается въ Новиковской *Вислѣвникѣ*, — вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до монастырской слободы, а внизъ до Печоръ, всего разстояніемъ на версту, поверхъ монастыря на горѣ оказалась развѣлиная великая, а монастырь стоялъ въ полугорѣ и нача гора осыпаться со зрѣлымъ хлѣбомъ и бытъ трескъ и шумъ великъ отъ лѣсу и нападе на людей страхъ и ужасте велика... и прошла она гора подъ монастырь землею и вышла въ Волгу рѣку и оказалась бутраномъ, а которые струя подъ монастыремъ были на Волгѣ рѣкѣ, тѣ стали на сухомъ берегу, отъ воды въ дальнемъ разстояніи; въ монастырѣ же означенной отъ горы оползливой храмъ каменный Вознесенія Христова разрушенъ до основанія и т. д.» Однимъ словомъ, когда гора остановилась, въ Печерскомъ монастырѣ не осталось камня на камнѣ.

Грунтъ горы, состоявшій изъ онокъ и песку, — весь былъ проточенъ подземными родниками; онъ не представлялъ надежной опоры для тяжелыхъ каменныхъ зданій. Случай обваловъ на Волгѣ нерѣдки; они и послѣ повторялись во многихъ мѣстахъ отъ тѣхъ же причинъ. Достаточно указать на Соколову гору у Саратова и на Симбирскую гору, съ ея провалами и медленными сползаніемъ къ Волгѣ.

Когда гора надъ Печерскимъ монастыремъ сползла въ воду, къ потрясенію прибавилось еще наводненіе: рѣка выпла на берегъ, а позади обители, на томъ мѣстѣ гдѣ за нѣсколько часовъ до этого возвышалась гора — образовалось широкое ущелье. Изъ котораго забрала родниковая вода. — Годъ разрушенія монастыря совпалъ съ городомъ прекращенія рода Ивана Калиты: такое страшное событіе, опять приведшее обитель въ запустѣніе, содѣйствовало предзнаменованіемъ наступившихъ смутныхъ временъ. XVII столѣтіе открылось для русскаго народа бѣдствіями. Мало слышно про Печерскій монастырь въ эпоху самозванцевъ, казацкихъ неистовствъ и нашествія поляковъ. Дѣла государства принимали дурной оборотъ.

Съ возшествіемъ на престолъ Михаила Федоровича, строенія монастырскія были перенесены на версту выше, ближе къ Нижнему-Новгороду, на то мѣсто гдѣ вышло семь холмовъ. Зодчій Лаврентій Возоулинъ выстроилъ въ 1631 году Вознесенскій соборъ, а на мѣстѣ катастрофы, гдѣ теперь Старая Печора, была послѣ поставлена церковь Преображенія Господня.

Мирные не забывали монастырь и въ теченіи XVII столѣтія: такъ, изъ лѣтописи монастырской узнаемъ мы, что въ 1615 году была пожертвована Печерской обители одна городская лавка; въ 1640 восемь лавокъ, въ слѣдующемъ году — цѣлый дворъ съ хоромами въ Нижегородскомъ кремлѣ и много драгоценностей. Дьякъ Василій Ядинъ пожертвовалъ въ соборъ икону Знаменія Богородицы и въ іокотѣ крестъ съ мощами, а мощи въ немъ, гласитъ описаніе Печерскаго монастыря, были слѣдующія: «Персть гроба Господня, млеко Пречистой Богородицы, древо, гдѣ Пречистая сидѣла съ Младенцемъ (во время бѣгства въ Египетъ), мироточивая кость Θεοδосія Печерскаго, сакъ Іоанна Златоуста, нетлѣнная риза апостола Марка, часть камня съ котораго слѣлъ Христосъ на ослѣ; часть камня на который излилъ кровь Христосъ, часть камня гдѣ

лежать крестъ Господень, часть камня съ того мѣста гдѣ погребены 14,000 младенцевъ избѣнныхъ Иродомъ, часть камня съ котораго Христосъ вознесся на небо, Иорданская земля и пр.»

Въ 1640 году былъ сильный пожаръ, нанесшій много убытковъ; послѣ него вклады въ монастырь умножились: такъ, въ 1646 году крестьяне принесли ему въ даръ трехъ коровъ, двухъ быковъ, шпоходда съ верблюдомъ и нѣсколько штукъ мелкаго скота; въ 1664 году — одинъ изъ посадскихъ подарилъ три лавки въ городѣ. Ревнители благочестія продолжали лить на монастырь колокола, отписывать дома и пр.

Въ обители скоплялись деньги — и благодаря этому она уже мало походила на прежнюю обитель четырнадцатаго вѣка, когда изъ Кіева пришелъ попокъ Дюппіи. Печерскій монастырь сталъ крупнымъ землевладѣльцемъ: у него были привилегіи и крестьяне. Первые состояли въ томъ, что лица, находящіеся въ монастырскомъ вѣдѣніи — не подчинялись никакому суду, исключая княжескаго или суда приказа большаго дворца; настоятель монастыря былъ судьей мелкихъ проступковъ; одинъ разбой, убійства и кражи не подлежали ему; городскія строенія принадлежали монастырю — были свободны отъ казеннаго постоя; при продажѣ и покупкѣ съ монастыря пошлины не брали и пр.

Монастырскими крестьянами управляли особые посыльные старцы; они собирали съ нихъ монастырскія и казенныя деньги, а собравши, отсылали куда укажетъ архимандритъ. Посыльные старцы рядились съ крестьянами, наряжали ихъ на работы. Въ Москвѣ особые стряпчие вели монастырскія дѣла. Въ обители велись кладныя или кормовыя и келарскія книги. Въ первыхъ стояли имена благочестивыхъ вкладчиковъ, записано было кого поминать за упокой и за здравіе, какіе ставить кормы монашеской братіи; а во вторыхъ на дѣльный годъ были распределены монастырскія работы, значилось кого куда наряжать и какой отпускать кормъ. Хлѣбные запасы скоплялись въ монастырѣ громадныя. Въ одномъ селѣ Перевозѣ нажато было въ 1747 году до 25 тысячъ сноповъ. Въ 1764 году, въ царствованіе Екатерины II, за Печерскимъ монастыремъ числилось болѣе 8,000 крестьянъ и около 6,000 десятинъ земли, со всѣми угодьями.

Въ замѣтъ этихъ благъ земныхъ, Печерскій монастырь не ограничивался одними молитвами по синодикамъ, въ которыхъ обыкновенно значилось: *«пяти панихиды и литургии служить соборомъ (въ такой то день такого то мѣсяца) по вся годы и на братію кормы ставитъ болши»*. Монастырь находилъ возможность быть полезнымъ и государству, хотъ и не въ той степени какъ другіе русскіе монастыри. Въ его дачахъ обрабатывались пустоши и дикія земли, за его каменной оградой возникали пріюты для больныхъ и убогихъ, по монастырскимъ слободамъ процвѣтали разныя мастерства и лучшіе мастера не рѣдко отсылались въ Москву, на казенныя работы. Такъ въ 1858 году

для государева дѣла Печерскій монастырь послалъ нѣсколько портныхъ, а позже отправлялъ туда же каменщиковъ и кузнецовъ. Случалось, что ратнымъ людямъ выдавались изъ монастырской казны деньги и вещи. Въ монастырскихъ подвалахъ-тюрьмахъ сидѣли и преступники. Сидѣлъ какой-то старецъ Ивашка Шебада *чтобы придти ему въ чувство и отъ дурна унять*; сумасшедшій Константинъ Бабушкинъ, бѣснующійся и закованный въ цѣпи и желѣза Никишка Фадѣевъ, дяконъ Мисаилъ, обокравшій чернаго попа и бѣжавшій изъ-подъ караула; раскольникъ Мартыновъ и другіе.

Милости не огранивались одними землями и крестьянами: Печерскому монастырю дано было еще управленіе надъ четырьмя монастырями. Прежніе благочестіе и подвижничество, благодаря увеличенію матеріальныхъ средствъ — отошло на второй планъ, братія зажила хорошо, вкрались злоупотребленія — и послѣ страшнаго пожара 1640 года, истребившаго довольно богатое собраніе книгъ и рукописей, въ исторіи Печерской обители встрѣчаются на ряду съ народными бѣдствіями и темныя монастырскія дѣла. Велѣдъ за извѣстіемъ, что архимандритъ Макарій жилъ не по монашески и обокралъ весь монастырь, разогналъ вотчины и былъ отставленъ — слѣдуетъ упоминаніе о чумѣ истребившей много монастырскихъ крестьянъ. С. Токарика, да деревни сельца Рубскаго, да села Ельни *всѣ безъ остатка* вымерли; во многихъ селахъ дворы заустѣли. Затѣмъ, послѣ замѣтки, что отъ сосѣднихъ крестьянъ много было потрава, исторія заноситъ опять прискорбный фактъ объ архимандритѣ Симеонѣ, который взялъ много монастырской казны, и о келарѣ Омакинѣ: передавшемъ много вещей и денегъ своимъ родственникамъ.

Въ 1829 году около Печерскаго монастыря сползли къ Волгѣ сады съ заборами и сторожками: гора напомнила монахамъ катастрофу 1596 года.

Мѣсто на которомъ стоитъ теперь Печерскій Вознесенскій монастырь — одно изъ самыхъ живописныхъ: онъ раскинутъ въ полугорѣ, бокъ о бокъ съ Нижнимъ; сзади роца, вообще много зелени кругомъ. За каменной оградой съ пятью башнями помѣщаются кромѣ монастырскихъ зданій — сады и огороды; вперед — Волга. Въ Вознесенскомъ соборѣ (одна изъ пяти церквей) хранится старинная икона Печерской Б. Матери, много старыхъ сосудовъ, ковшикъ XVI столѣтія, синодикъ въ который по приказу Грознаго внесены имена казенныхъ имѣльщ. колоколъ XV вѣка, взятый Грознымъ въ Дерптѣ, плащаница 1672 года и много другихъ вещей заслуживающихъ вниманія археолога. Въ Печерскомъ монастырѣ постриженъ Никонъ, Макарій Желтоводскій и Евфимій Суздальскій. На приложенномъ рисункѣ Волга изображена не въ разливъ, а въ меженное время. Весной — картина измѣняется къ лучшему и пробѣгающей на парадѣ можетъ любоваться вблизи старыми стѣнами монастыря, купающагося въ свѣжей зелени окружающихъ садовъ и роцъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XXIII.

Письмо Сергѣя Николаевича и отвѣтъ на него.

„Милостивая государыня, Наталья Мартыновна“...

Такъ начиналось письмо Ровича, — начало, надъ которымъ Сергѣю Николаевичу приходилось болѣе всего задумываться, — начало, которое, какъ казалось Ровичу, составляло чуть не труднѣйшую часть всего его сочиненія.

„Дорогая, незабвенная, милая, родная, горячо любимая, страстно любимая... и пр. и пр. и пр., всѣ подобныя эпитеты такъ и рвались отъ сердца, такъ и тѣзли подъ перо, на кончикъ котораго нѣсколько разъ успѣвала засыхать капелька чернилъ, — но всѣ эти возгласы какъ-то не шли къ этому письму — къ посланію роковому, отъ котораго зависѣла вся дальнѣйшая судьба писавшаго, вся его будущая жизнь (это тоже такъ казалось Сергѣю Николаевичу)... „Тутъ, думалъ онъ — надо обдумать, надо извѣстить каждое слово... Надо начать просто, даже холодно нѣсколько, чтобы не съ разу дѣйствовать на ея нѣжное, легко увлекающееся сердце, заставить ее серьезно отнестись къ письму, взвѣснить, такъ сказать, каждое его слово, оцѣнить каждый намекъ. Надо писать такъ, чтобы, когда ей придется опустить руку съ письмомъ на колѣни, потупить прелестныя глазки и погрузиться въ глубокую думу, тогда

чтобы это самое письмо могло бы легко направлять ея мысли, давать впередъ всѣ отвѣты на тѣ вопросы и недоразумѣнія, которые зароятся у ней въ головѣ; — мало того — разбивать тѣ противорѣчащіе доводы, которые (весьма легко можетъ случиться) заявить ей кто нибудь изъ *тѣхъ, что тогда жрали руками жареную рыбу на привалѣ*, — эти несносныя, оборванные пажи и рыцари... Затѣмъ, мало по малу, страсть, охватывающая все существо писавшаго, должна высказываться все яснѣе и яснѣе, и подѣйствовать на ея сердце, велѣдъ затѣмъ какъ ея головка уже будетъ подготовлена умными и и рассчитанными фразами...

Вотъ какой планъ письменной атаки затѣялъ Сергѣй Николаевичъ (не даромъ такъ долго думалъ онъ надъ листомъ бумаги), планъ хитро-разсчитанный, планъ — передъ которымъ не устояла бы и болѣе опытная, свѣтская барыня, а не простодушное наивное дитя степей, когда-то такъ довѣрчиво, такъ безпредѣльно его любившее...

Вотъ, согласно этого-то плана, письмо и начиналось официальною фразою:

„Милостивая государыня, Наталья Мартыновна!

„Простите меня, если я начинаю съ воспоминаній, можетъ быть для васъ не совсѣмъ пріятныхъ, даже грустныхъ, но что-же дѣлать!.. Эти воспоминанія — для

меня лично еще болѣе тяжелы и безотрадны,—настолько, насколько могутъ быть тяжелы преступнику воспоминанія его преступленія; и если онъ, преступникъ, находить грустную отраду въ исповѣди своихъ проступковъ, то почему же и мнѣ не искать того же передъ лицомъ ангела, исповѣдуясь вамъ и разоблачая все то презрѣніе, которое я самъ къ себѣ въ настоящую минуту испытываю.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я встрѣтился съ вами и вы полюбили меня... Вы даже предпочли меня человеку, впоследствии погибшему отъ этого предпочтенія... Я тоже полюбилъ васъ, былъ увлеченъ своею страстью, въ пылу которой не въ силахъ былъ взвѣшивать послѣдствій своего увлеченія... Я тогда былъ слишкомъ еще молодъ и не умѣлъ цѣнить истинныхъ чувствъ женщины, очевидно посланной мнѣ самимъ провидѣніемъ.

„Подъ вліяніемъ понятій и потребностей того круга, къ которому я принадлежу, я долженъ былъ пожертвовать впоследствии своею любовью... Обстоятельства мои сложились такъ, что нашъ бракъ былъ невозможенъ,—и я вынужденъ былъ уѣхать, не простившись съ вами, чтобы избѣжать для себя самого, а также и для васъ, всей тяжести минуты прощанія... Я написалъ вамъ письмо, можетъ быть и нѣсколько холодное; но повѣрьте, что строки этого письма далеко не согласовались съ голосомъ моего сердца,—далеко не выражали того, что я чувствовалъ въ тѣ тяжелыя минуты.

„Казалось, что между нами все кончено... Нашъ раздѣляло разстояніе въ нѣсколько тысячъ верстъ. Впереди намъ не предстояло встрѣтиться снова... Мало по малу вы могли забыть обо мнѣ, полюбить другого, быть даже счастливой... Мало по малу и я, въ свою очередь, надѣялся потушить пламя моей страсти, огонь пожирающій мое сердце,—и тоже встрѣтить женщину, способную вытѣснить вашъ свѣтлый, ангельскій образъ. Но не все такъ дѣлается, какъ предполагается... Угрызенія совѣсти мучили меня, вашъ образъ преслѣдовалъ меня всюду: и въ блескѣ петербургской жизни, въ чадѣ спектаклей, баловъ,—всѣхъ шумныхъ развлеченій большаго свѣта, окружавшихъ меня, я не могъ забыть васъ, не могъ заглушить голоса моего сердца... Я проходилъ равнодушно передъ десятками и сотнями женщинъ,—женщинъ, предъ которыми всѣ падали ницъ, готовые на все; я же не могъ даже смотрѣть на нихъ, занятый одною вами, и одинокій бродилъ съ болью въ груди, съ жестокимъ раскаяніемъ, не дававшимъ мнѣ ни минуты спокойствія...”

— Ужъ врать, такъ врать! думалъ Сергѣй Николаевичъ; впрочемъ, ему казалось даже, что онъ и не вретъ, что это все такъ дѣйствительно и было, что это все такъ и должно было быть,—только онъ до сихъ поръ не замѣчалъ своихъ страданій, а вотъ теперь только увидѣлъ, убѣдился въ ихъ существованіи.

„Наконецъ это мое положеніе стало невыносимо... Я бросилъ все и рѣшился ѣхать снова въ эти дикіе края, отыскать васъ, пасть на колѣни и вернуть свое потерянное счастье... Я пріѣхалъ.

„Можете себѣ представить тотъ страшный ударъ, когда я узналъ обо всемъ, что случилось съ вами,—я думалъ сперва, что не перенесу этого; я былъ близокъ къ самоубійству, но—сила воли спасла меня отъ этого малодушнаго конца, и я рѣшился посвятить всю свою остальную жизнь розысканію васъ, если вы еще живы —и полному одиночеству въ стѣнахъ монастыря, если вы уже не существуете въ этомъ мірѣ...”

„Провидѣніе привело меня сюда, это-же провидѣніе сохранило васъ. Не будемъ же идти наперекоръ его святой волѣ и обсудимъ хладнокровно всѣ обстоятельства.

„Я виноватъ передъ вами, и я много страдалъ за это... Вы простите мнѣ мою вину, потому что нѣтъ преступленія, которое не могло бы быть прощено, а это преступленіе уже искуплено моими страданіями... Вы

найдете во мнѣ вѣрнаго, преданнаго мужа; наше дитя—своего отца и имя... О, какъ я люблю этого ребенка! съ какою завистью, издали смотрю я на тѣхъ, которые могутъ ласкать его безпрепятственно, когда я, его отецъ, не смѣю даже къ нему приблизиться!..

„Мы всѣ трое будемъ счастливы... Я горячо увѣренъ въ этомъ,—и наша жизнь будетъ однимъ безконечнымъ, веселымъ, свѣтлымъ праздникомъ...”

„Отъ вашего взгляда, въ которомъ я уже читаю прощенье,—отъ вашего одного слова зависить теперь все это счастье; бросьте же этотъ кроткій взглядъ, скажите-же это роковое для меня слово.

„Вы дороги мнѣ такъ, какъ никто и никому не можетъ быть дорогъ; вы необходимы для меня—и въ свою очередь я чувствую, что только одинъ я могу сдѣлать васъ вполне счастливою. Мои средства настолько хороши, что ни вы, ни ребенокъ нашъ, никогда не будете видѣть нужды и лишеній. Я окружу васъ роскошью и довольствомъ и введу васъ въ блестящій кругъ моего общества, въ которомъ вы займете почетнѣйшее мѣсто... Сжальтесь-же надо мною, не отнимайте отъ меня этой чудной, свѣтлой надежды, не отнимайте отца у вашего сына и протяните мнѣ снова вашу добрую, дорогую руку...”

„Каждое мгновеніе ожиданія вашего отвѣта кажется для меня вѣчностью, не томите же и безъ того измученнаго, истомленнаго... Я буду издали слѣдить за вами и съумѣю прочесть на вашемъ прелестномъ лицѣ отвѣтъ, прежде чѣмъ услышу его... О Господи, какъ страстно, какъ пламенно люблю я васъ! я чувствую что у меня сердце можетъ разорваться... я чувствую...”

...„Горячо цѣлую ваши ноги, руки, вашу одежду, моя дорогая, единственная, святая Наталья Мартыновна... моя *Наташа*!”

Слово „Наташа“ было подчеркнуто два раза и около него виднѣлось какое-то желтоватое, расплывшееся пятно. Это была дѣйствительная, настоящая слеза Сергѣя Николаевича, не что либо другое; только упала она не нечаянно, а была тщательно направлена писавшимъ и даже слегка размазана пальцемъ. Тамъ и сямъ, на листѣ почтовой бумаги, еще виднѣлось нѣсколько подобныхъ же пятнышекъ... Вѣскій аргументъ, усиливающій впечатлѣніе, подтверждающій искренность всего написаннаго...

Въ концѣ письма былъ, конечно, неизбѣжный PS, по которому значилось:

„Постарайтесь удалить тѣхъ, что постоянно васъ окружаютъ, чтобы я могъ поговорить съ вами глазъ на глазъ—это необходимо. Согласитесь, что есть вещи, о которыхъ нельзя говорить при постороннихъ свидѣтеляхъ”.

Письмо было, на всякій случай, не подписано. Зачѣмъ подписывать, когда она ясно знаетъ отъ кого?.. совершенно основательно соображалъ Сергѣй Николаевичъ.

Получивъ это письмо, Наталья Мартыновна въ первое время озадачилась, и даже повертѣла конвертъ въ своихъ рукахъ, не рѣшаясь его распечатывать... Она невольно посмотрѣла вокругъ нѣсколько вопросительно и совершенно уже машинально спросила у посланнаго:

— Отъ кого?

— Отъ его благородія, ротмистра Ровича, отпрапортовалъ ей деньщикъ Сергѣя Николаевича,—насчетъ отвѣту приказали, чтобы въ скорости, потому они изволятъ ожидать.

Это послѣднее деньщикъ добавилъ отъ себя.

— Вотъ какъ! улыбнулась Наташа и начала распечатывать... пальцы ея слегка вздрагивали при этомъ.

— Боже, какое длинное, да какъ мелко исписано!

— Интересно прочесть, что это *они* такое сообщаютъ? полюбопытствовалъ Поддугинъ и даже придвинулся поближе.—Весьма интересно...

Литературный альбомъ «Князь Серебряный», гр. А. К. Толстаго Юаннъ Грозный и спазочники. Рнс. Коверзевъ, грав. Бергъ.

Наталя Мартыновна несколько даже не показалось странным такое неуместное, безцеремонное любопытство; она даже нашла его весьма естественным.

— Уйдем! шепнул Маслобойников соседу, — зачѣмъ мѣшать!.. Мало ли, что можетъ... ну-ко!..

Тотъ толкнулъ другаго, другой третьяго; стали всѣ перешептываться да соображаться.

— Куда же вы, господа? опять совершенно машинально спросила Наталя Мартыновна.

— Да вотъ надо тутъ насчетъ сотни распорядиться... Урядника кликнуть бы, я не надолго...

— Что это такъ въ арбергардѣ растянулись?.. поѣхать поглядѣть... можетъ...

Наталя Мартыновна тѣмъ временемъ распечатала письмо и стала читать; всѣ присутствовавшіе, несмотря на высказанныя ими надобности, однако таки остались...

Остальное все видѣлъ издали Сергѣй Николаевичъ, и это все, видѣнное имъ, вызвало у него припадокъ неудержимой злости, почти бѣшенства...

— Вотъ какъ! всѣмъ показывать! хвастаться!.. смѣяться падо мною! повторять онъ чуть не весь переходъ, отѣхавъ одинъ всторону отъ отряда и вымѣщая свою злость на ничѣмъ-неповинномъ конѣ. — О, они меня еще не знаютъ! я имъ покажу! я...

Къ вечеру этого дня, за нѣсколько минутъ до остановки, онъ получилъ отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ привезъ ему ему Маслобойниковъ.

— Приказали передать вамъ, господинъ ротмистръ, сообщил хорунжій, подавая письмо, ловко перегнувшись съ сѣдла, и не безъ казачей грации приложивъ къ козырьку фуражки пальцы правой руки. — Отвѣтомъ просили не беспокоиться, добавилъ онъ и повернулъ лошадь...

— Благодарю васъ, процѣдилъ сквозь зубы Сергѣй Николаевичъ, принявъ отъ посланнаго даже незапечатанную четвертушку бумаги, отвѣтилъ такимъ же прикладываніемъ пальцевъ къ козырьку, и, выждавъ когда Маслобойниковъ отѣхалъ подальше, принялся за чтеніе.

Отвѣтъ Натали Мартыновны былъ написанъ карандашемъ, крупнымъ, хотя и не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ — и не безъ грамматическихъ ошибокъ.

„Милостивый государь, Сергѣй Николаевичъ!

Такъ начиналось и это отвѣтное посланіе, хотя и не по тѣмъ же глубокомысленнымъ соображеніямъ, какими руководствовался Ровичъ.

„Вы напоминаете мнѣ о прошломъ и просите за это напоминаніе извиненія — я вамъ охотно прощаю эту не деликатность и надѣюсь, что вы ее не повторите болѣе.

„Я несколько не сержусь на васъ; я даже благодарна вамъ очень за урокъ, который научилъ меня правильнѣе оцѣнивать людей. — Это мнѣ очень пригодилось впоследствии, и этимъ я вамъ даже нѣсколько обязана. Вы пишете, что вы были увлечены и не оцѣнили какъ должно послѣдствій; я согласна съ вами, скажу даже болѣе: — вы и теперь такъ же увлечены, и мое дѣло поправить ошибку вашего новаго увлеченія.

„Я вамъ отказываю именно по этимъ соображеніямъ. Я увѣрена, что послѣ вы сами будете благодарить меня за этотъ отказъ.

„Роскошь, которую вы мнѣ такъ обязательно предлагаете, для меня незнакома, а потому и не привлекаетъ меня несколько, также какъ и ваше блестящее общество, въ которомъ я буду чувствовать себя совершенно чуждою...

Когда Наташа писала эти послѣднія строки, она иронизировала...

— Напишите-ка ему, матушка, что вы наплевать хотите на его это общество, вотъ что! совѣтовалъ ей Подпругинъ, видимо озлившись на Ровича. — Чѣмъ наше общество хуже его, петербургскаго?.. эхъ! хлыщи они, фазаны пестрые — право! ей Богу напишите: „наплевать.“ да и шапашъ!..

Однако Наталя Мартыновна на этотъ разъ не послушалась совѣтовъ сердитаго эсаула.

„Могу ли я довѣрить судьбу свою и своего ребенка человѣку, разъ уже меня обманувшему?“ писала она. „И кто вамъ можетъ поручиться, что хотя вы и не забыли меня за это время, хотя вы и не увлекались болѣе ни одной женщиной“ (тутъ она опять пустила въ ходъ иронию, на этотъ разъ болѣе злую и ѣдкую), „за то можетъ быть я не была настолько постоянной и могла увлечься снова, — нашла человѣка, который сдумѣлъ заставить меня забыть свою первую ошибку и заставить полюбить себя настолько, чтобы окончательно заслонить вашъ образъ, никогда, впрочемъ, меня особенно не беспокоившій...

„Впрочемъ, меня вѣчно преслѣдуетъ другой образъ, вы понимаете о комъ я говорю, — и изъ уваженія именно къ этому образу, я не могла бы принять вашего предложенія...

„Что же касается до имени моего сына, замѣтите не вашего, — то объ этомъ прошу тоже не беспокоиться: у него, навѣрное, будетъ свое, если и не такое блестящее, то во всякомъ случаѣ не менѣе честное и достойное уваженія.

„Да и кто вамъ сказалъ, что Петя — вашъ сынъ?.. что онъ мой — это несомнѣнно, — но только это. Прошу понимать это какъ вамъ угодно.

„Мнѣ остается надѣяться, что этимъ моимъ письмомъ оканчивается всякая дальнѣйшая переписка между нами, — и я увѣрена, вы будете настолько обязательны, что прекратите всякое преслѣдованіе меня какъ вашими краснорѣчивыми взглядами и вздохами, такъ равно и объясненіями словесными и письменными“.

Письмо Натали Мартыновны тоже не было подписано и сопровождалось также PS, подъ которымъ значилось:

„Я посылаю вамъ мое письмо незапечатанное, а насколько публично чтеніе вашего письма — вы наблюдали сами... Это должно васъ убѣдить, насколько я откровенно дѣйствую и не стѣсняюсь присутствіемъ возлѣ меня моихъ друзей, которыхъ впрочемъ вы, какъ я замѣтила, не жалуете... Почему? — не знаю, да и не интересуюсь знать“.

— Такъ его, подлеца, хорошенько! даже на сѣдлѣ привскачилъ эсаулъ Подпругинъ.

— Урра! заревѣли Колобковъ и Маслобойниковъ.

— Эхъ, жалъ, переписать не успѣлъ для себя — для памяти! пожалѣлъ сотникъ Машкинъ: — особенно послѣднія строчечки... Вѣрите-ли, матушка, въ ладошку зашилъ бы, да и таскалъ бы на груди подъ рубахою... честное слово!

— Къ Чандыру подходимъ! слышались голоса впереди...

На горизонтѣ показались ряды деревьевъ и одинокія полуразвалившіяся сакли; тамъ, за ними, виднѣлись столбы дыма, — это столбы поднимались съ бивуаковъ большаго русскаго лагеря...

Впереди видно было густое облако пыли, оно быстро несло на встрѣчу; въ пыли мелькали конскія головы, размахивающія гривами, блистало оружіе и бѣлѣлись кителя всадниковъ.

Ясно слышались крики: ура! ура! сливаясь съ топомъ несущихся въ карьеръ лошадей.

— Наши выѣхали! на встрѣчу... Все какъ есть офицерство! кричалъ Маслобойниковъ.

— Гляди, гляди, — вонъ и солдатики бѣгутъ!.. экая ваять какъ, конныхъ опережаютъ!..

Наталя Мартыновна, вся взволнованная, высунулась изъ-подъ навѣса арбы, приставила руку къ глазамъ отъ солнца и жадно всматривалась впередъ.. Грудь ее порывисто дышала, глаза горѣли...

Эта женщина, въ тюркменской красной рубахѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, чувствовала, что она,

именно она—виновница всей этой тревоги, всего этого оживления. Она не выдержала болѣе и разрыдалась, прижимая къ сердцу своего ребенка... Но это были слезы веселыя, радостныя; такія слезы не искажаютъ лица, не придають ему печальнаго, страдальческаго выраженія, а напротивъ того, еще болѣе усиливаютъ эффектъ ве-

селой улыбки, какъ косые струйки лѣтнаго дождя усиливаютъ яркость свѣтящаго за ними солнышка.

— А вотъ мы посмотримъ, что скажетъ опъ завтра на барьерѣ!.. цѣдилъ сквозь зубы Сергѣй Николаевичъ, глядя на Головина, котораго онъ сразу замѣтилъ во главѣ выѣхавшей на встрѣчу кавалькады.

(Продолжение будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Князь Серебряный“ графа А. К. Толстаго.

Прилагаемый рисунокъ живо напомнитъ всѣмъ читавшимъ художественныя страницы этого романа-хроники времени Іоанна Грознаго, относящіяся до освобожденія изъ темницы главнаго героя, князя Серебрянаго, который навлекъ на себя гнѣвъ страшнаго покорителя Казани.

Серебряный когда-то выручилъ изъ бѣды двухъ разбойниковъ, Коршуна и Перстня, не зная что это за люди. Въ свою очередь, услышавъ о его заточеніи, они рѣшились освободить его. До нихъ дошло, что ключи отъ застѣпка, въ которомъ томится Серебряный, хранятся у грознаго царя подъ подушкой въ опочивальнѣ. И вотъ, перерядясь слѣпцами-сказочниками, они приходятъ на мѣсто царской охоты. Іоаннъ и опричники любуются ихъ шествіемъ...

Передній слѣпой оступился, упалъ въ лужу и потянулъ за собою товарища. Оба встали, покрытые грязью, отплевываясь и браня вожатаго, который смотрѣлъ разнія ротъ на блестящихъ опричниковъ. Царь громко смѣялся.

— Кто вы молодцы? спросилъ онъ:— откуда и куда идете?

— Проналивай! отвѣчалъ младшій слѣпой, не снимая шапки,— много будешь знать—скоро состаришься.

— Дурень! закричалъ одинъ опричникъ:— ахъ не видишь, кто передъ тобой?

— Самъ ты дурень, отвѣчалъ слѣпой, выкативъ на опричника бѣлки свои:— гдѣ мнѣ видѣть, коли глазъ нѣтути! Вотъ ты дѣло другое; у тебя безъ двухъ четыре, такъ ты видишь и далѣе и шире.

Царю нравятся прибаутки слѣпцовъ, онъ велитъ имъ идти въ Москву во дворецъ и потѣшить его сказками на сонъ грядущій. Но потомъ въ Грозномъ возникаетъ подозрѣніе относительно этихъ людей,—и прежде чѣмъ позвать сказочниковъ, царь надѣваетъ кольчугу подъ черный стихарь, а возлѣ себя кладетъ тотъ самый желѣзный остроконечный посохъ, которымъ нѣкогда пронзилъ ногу Василию Шибанову, гонцу князя Курбскаго. Сказочниковъ приводятъ въ опочивальню—и царь остается съ ними наединѣ.

— Какія же вы знаете сказки? спрашиваетъ царь у Перстня.

— Всякія знаемъ, батюшка царь, какія твоя милость послужать соизволить. Могу сказать тебѣ объ ершѣ ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, о семи Семіонахъ, о змѣѣ Горынищѣ, о гуслихѣ самогудахъ, о Добрынь Никитичѣ, объ Акундинѣ...

— Что же, перебилъ Іоаннъ,—развѣ ты однихъ сказки сказываешь? А старикъ-то зачѣмъ съ тобою пришелъ?

Перстень спохватился, что Коршунъ почти все время молчалъ, и чтобы вызвать его изъ неестественной для сказочника угрюмости, онъ вдругъ переимѣнилъ приемы и началъ говорить прибаутками.

— Старикъ-то? сказалъ онъ, наступая непримѣтно на ногу Коршуна:—это вишь мой товарищъ Амелъка Гудокъ, борода у него длинна, да умъ коротокъ. Когда я рѣчь веду скоромную не постную, несу себѣ околесную, онъ мнѣ поддакиваетъ, потакаетъ да присвистываетъ, похваливаетъ да помалчиваетъ. Такъ

ли, дядя, бѣлая борода, утиная поступь, куриныя ножки, не сбиться бы намъ съ дорожки!

— Вѣстимо такъ! подхватилъ Коршунъ, опомнясь,—наша чара полна зелена вина, а ужъ налилъ по край, такъ пей до дна; Вотъ какъ, дядя, пѣтушинный голосокъ, кротовое око; пошли ходить, заберемся далеко!

— Ай люли тарарахъ, пляшутъ козы на горахъ! сказалъ Перстень, переминая ногами:—козы пляшутъ, мухи пахнутъ, а у бабушки Евросиньи въ лѣвомъ ухѣ звенитъ!..

— Ай люлюшеньки люли! перебилъ Коршунъ, также переминая ногами:—ай люлюшеньки люли, сидитъ ракъ на мели; не горюетъ ракъ, а свиститъ въ кулакъ; какъ прибудетъ вода, такъ пройдетъ бѣда!

— Эхъ, батюшка Государь, закончилъ Перстень, съ низкимъ поклономъ:—не смотри на насъ искоса; это не сказка, а только присказка!

— Добро! сказалъ Іоаннъ зѣвая:—люблю молодцовъ за обычай; начинайте сказку; авось, я слушая васъ засну...

Іоаннъ слушаетъ сказку за сказкой, а самъ притворяется, будто ему все больше и больше дремлетъ; наконецъ онъ клонитъ голову на подушку и закрываетъ глаза. Раздается ровное дыханіе спящаго. Разбойники начинаютъ медленно подползать на колѣняхъ, и Коршунъ протягиваетъ руку къ изголовью, тихо и мѣрно отчеканивая слова Голубиной книги:

— Треть грѣхъ: тяжкое покаяніе: кто спозналъ съ кумою крестовый, кто бранитъ отца съ матерью, кто...

Въ это мгновеніе царь внезапно открылъ глаза. Коршунъ отдернулъ руку, но уже было поздно: взоръ его встрѣтился со взоромъ Іоанна. Нѣсколько времени оба глядѣли другъ на друга, какъ бы взаимно скованные обаятельною силой.

— Слѣпые, сказалъ вдругъ царь, быстро вскакивая:—третій грѣхъ: когда кто нарядится нищимъ и къ царю въ опочивальню войдетъ!

И онъ ударилъ острымъ посохомъ Коршуна въ грудь. Разбойникъ схватился за посохъ, закачался и упалъ.

— Гей! закричалъ царь, выдергивая остріе изъ груди Коршуна.

Опричники вбѣжали, гремя оружіемъ.

— Хватайте ихъ обоихъ! сказалъ Іоаннъ.

Какъ ярый пестъ, Малюта бросился на Перстня, но съ необычайною ловкостью атаманъ ударилъ его кулакомъ подъ локоть, вышибъ ногой оконницу и выскочилъ въ садъ.

Такимъ образомъ попытка добыть ключи для освобожденія Серебрянаго не удалась. Старый Коршунъ поплатился за неудачу, а Перстень впослѣдствіи сталъ знаменитымъ Кольцомъ, сподвижникомъ Ермака—и много лѣтъ спустя получилъ изъ рукъ самого Грознаго жалованную шубу съ царскаго плеча—за подвиги въ Сибири, причемъ Грозный благодушно отпустилъ ему и прошлый обманъ. Судьба же Серебрянаго составляетъ главную канву романа, который совѣтуемъ прочесть всѣмъ незнакомымъ съ этимъ истинно-художественнымъ возсозданіемъ быта древне-московской Руси.

РЕЛЪ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

новѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллервъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Повинуясь отцовскому приказу, всѣ дѣвы кинулись къ ней такъ стремительно, что Валли показалось, будто на нее налетѣла снѣжная буря... Онѣ протянули къ ея груди безжизненно-холодныя, бѣлыя руки,—и Валли почувствовала, какъ стало сжиматься ея сердце и все

тише, медленнѣе постукивать... Не вытерпѣла она—оттолкнула „блаженныхъ дѣвъ“ и воскликнула:

— Прочь! Я не хочу быть такой блаженной, я хочу—Іосифа!..

— Если ты опять пойдешь къ людямъ—мы поста-

раемся, чтобы Иосифъ разбился, и сбросимъ его тогда вмѣстѣ съ тобою въ пропасть! пригрозили бѣлоснѣжныя дѣвы.—Слушай: тотъ кому удалось увидѣть насъ—не жилецъ тамъ, внизу, между людьми!..

— А, коли такъ, бросьте же меня въ пропасть, только оставьте мнѣ сердце, любовь мою оставьте! Я все готова вытерпѣть, но любви не отдамъ!..

Въ порывѣ отчаянія она крѣпко охватила одну изъ „блаженныхъ дѣвъ“, желая побороть ее—и вдругъ хрупкая бѣлая фигура разломалась въ ея объятіяхъ: въ рукахъ Валли отталось только по комку таявшаго снѣга.

И опять стало темно... Оглянувшись Валли и видитъ—стоитъ она на голомъ утесѣ. Рѣзкій вѣтеръ хлещетъ ей въ лицо ледяными иголками—и ужъ нѣтъ „блаженныхъ дѣвъ“... Бѣлые клубы тумана бѣснуются вокругъ нея въ какой-то дикой пляскѣ, и высоко надъ ея головой смотреть изъ-за тучъ блѣдный ликъ Мурцолля... Вотъ опять загудѣлъ онъ, обращаясь къ ней:

— А! Ты противъ людей и боговъ забунтовала?.. Да будутъ враждебны тебѣ и небо, и земля!.. Горе тебѣ!..

И все разомъ пропало—Валли проснулась. Въ щели избушки, посвистывая, дулъ холодный вечерній вѣтеръ. Дѣвушка протерла глаза; сердце въ груди ея все еще трепетало отъ такого страннаго сновидѣнія; она долго не могла очнуться, —и передъ ея глазами, не смотря на убогую обстановку избушки, все еще мелькали таинственно-чуждые образы... Какой-то непонятный страхъ продолжалъ тревожить Валли: и сонъ, и дѣйствительность ужасали ее... Она вскочила и невольно кликнула Клеттенмайера, затѣмъ выпла изъ избушки чтобы посмотреть, гдѣ онъ.

Прекрасный, свѣтлый былъ вечеръ; солнце садилось, туманъ исчезъ, но начиналъ дуть рѣзкій верховой вѣтеръ. Валли бѣгала, искала глухаго старика, который уже отправился домой, оставивъ ей добрую вязанку соновыхъ дровъ. Она вспомнила тутъ, какъ онъ говорилъ ей, что не станетъ ее будить, а только притащить дрова, и уйдетъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Она спала, онъ оставилъ ея спящую... одну... Не хорошо это съ его стороны, даже—жестоко! Проснуться—и кругомъ ни души!.. Какъ тихо, пусто, безотрадно здѣсь!.. А вѣдь, пожалуй, шесть часовъ уже есть! пора, значить, коровъ подоить. Вотъ теперь навѣрно тамъ, дома, умныя коровушки посматриваютъ на дверцу хлѣва и думаютъ: что же это хозяйка не идетъ и не несетъ хлѣбца съ солью?.. А хозяйка-то, одна-одинешонька, вонъ гдѣ—на самомъ верху, и сидитъ сложа руки... Кругомъ тишина непробудная, ширь и высь необъятная... О, ты, мертвая тишь! О, противное бездѣлье!..

Валли не могла понять, что съ ней; такъ ей было жутко-жутко одной, совсѣмъ одной. Она вскарабкалась на выдавшуюся каменную глыбу, чтобы посмотреть вдаль. Въ аломъ заревѣ заката представилась ей невиданная, необъятная картина. Тирольскія горы всѣ были видны, какъ на картинкѣ. Вонъ тамъ, на далекомъ горизонтѣ, онѣ такія маленькія; а потомъ, чѣмъ ближе сюда, становятся все больше и больше, и ужъ тутъ—просто давятъ своей громадой, своимъ безмолвнымъ величіемъ. Среди этихъ великановъ разбросаны зеленныя плоскогорья, которыя мирно покоятся тамъ, какъ въ родительскихъ объятіяхъ. Дѣвухой овладѣла неизъяснимая тоска: она грустила о родномъ уголкѣ, о тѣхъ лугахъ, которые теперь (вотъ она видитъ ихъ!) заволакиваются тихими вечерними сумерками. Солнце совсѣмъ скрылось, разбросавъ по небосклону на лиловыя облака ярко-алыя и золотыя ленты. Блѣдный ликъ луны все свѣтлѣлъ и свѣтлѣлъ, какъ будто старался побороть свѣтъ догорающаго дня. Ночь уже окутала долины своимъ чернымъ покровомъ, изъ складокъ котораго мѣстами начали выскакивать и мигать чуть замѣтные огоньки—„земныя звѣздочки“. Теперь тамъ, внизу, всѣ дѣвухи-работницы легли спать. И хоро-

шо имъ подъ надежной, теплой кровлей родительскаго дома; онѣ могутъ беззаботно покоиться среди любимой семьи... Пожалуй, съ просонья, онѣ еще прислушиваются къ пѣсенкѣ своего милаго, которая раздается за окошечкомъ, занавѣшеннымъ кускомъ пестраго ситца.

Да, и только одна Валли заброшена въ эту глушь, отринута, оставлена на произволъ судьбы; помощи не откуда ей ждать, а ужасовъ тутъ много... Только у нея одной такой жалкій пріютъ; изъ щелей въ крышѣ избушки вѣтеръ такъ и свиститъ...

— Ахъ, отецъ, отецъ! какъ могъ ты поступить такъ со мной?!. громко воскликнула она.

Ночной вѣтеръ завывалъ вдали, свистѣлъ надъ ея головой... Другаго отвѣта не было.

Луна поднималась все выше и выше. Золотыя ленты на западѣ, казалось, теряли свою позолоту, какъ будто онѣ были изъ желтой мѣди. И небо тамъ становилось темнѣе. Горы сливались въ одну массу и росли, вытягивались въ сумракъ ночи. Ближайшій сосѣдъ Валли—великанъ Зимплаунъ—хмурился, грозно поглядывая на нее.

Хмурились и другіе гиганты, бросая на Валли угрожающіе взгляды. Казалось, имъ крѣпко не нравилось, что она осмѣлилась наблюдать ихъ житіе-бытіе ночью, подслушивать ихъ каменные рѣчи. Теперь великаны притихли, какъ будто появленіе дѣвухи заставило ихъ умолкнуть, притаиться... Такъ внезапно умолкаетъ оживленная бесѣда въ кружкѣ заговорщиковъ, когда въ средѣ ихъ появляется незнакомая личность. И вотъ, слабое человѣческое существо дерзнуло придти сюда! Валли стояла одна посреди безмолвнаго, мертваго, ледянаго царства, въ этой недоступной выси, вдали отъ всего живаго; грозныя облака, да грозно-нѣмые глетчеры—вотъ ея настоящіе собесѣдники. „Да, совсѣмъ ты теперь одна-одинешонька въ Божьемъ мірѣ!“ проговорилъ въ ней чей-то голосъ—и Валли стало такъ страшно въ этомъ одиночествѣ... „Погибну я здѣсь, погибну!“ мелькнуло въ ея головѣ... Ей казалось, что она затеряется въ этомъ громадномъ пространствѣ, пропадетъ безслѣдно... Въ отчаяніи она протянула руки къ скалистой стѣнѣ, стала цѣпляться за камни и, наконецъ прижалась грудью къ холодной твердой глыбѣ, чтобы успокоить трепетавшее, испуганное сердце.

Что-то странное совершилось въ ней въ это мгновеніе: Валли не могла дать себѣ отчета, что именно она ощутила; но ей показалось, что камень, къ которому она прижала свое юное, пылкое, буйное сердце—*отвѣтилъ* ей, таинственно повліялъ на нее, потому что съ этой минуты она сдѣлалась суровой, нечувствительной, жесткой какъ будто и на самомъ дѣлѣ стала дочкой старика Мурцолля.

V.

Люккардъ.

Прошла цѣлая недѣля и, наконецъ, пастухъ привелъ стадо. Взглянувъ на Валли, онъ почти испугался—такъ у нея былъ разстроенный видъ.

— Отецъ велѣлъ спросить тебя, сказалъ пастухъ,—не довольно-ли тебѣ сидѣть тутъ, на верху. и не хочешь ли ты быть послушною дочерью?

Дѣвуха сквозь стиснутые зубы отвѣтила:

— Скажи ты отцу: лучше дамъ я себя орлу расклевать, чѣмъ хоть что-нибудь сдѣлаю по желанію того, кто прогналъ меня сюда!

Этотъ отвѣтъ прекратилъ пока переговоры между отцомъ и дочерью.

Валли, увидѣвъ вокругъ себя небольшое стадо изъ овецъ и козъ (крупной скотинкѣ пришлось бы голодать тутъ), пріободрилась, какъ бы ожила и перестала страшиться окружающей пустыни. Теперь она была уже не одна: есть за кѣмъ посмотреть, есть о чемъ позаботиться; полно сидѣть сложа руки. Положимъ, и до это-

Изъ міра народныхъ повѣрій. Домовой. Рис. Н. Карзинъ, грав. К. Вейерманъ.

го, молодой орелъ, какъ вѣрный другъ, не покидалъ ее, но онъ не могъ дать дѣвушкѣ никакого дѣла, а праздность доводила ее чуть не до отчаянія; къ тому же, мрачнымъ думамъ, при безлюдьѣ, было больше простора и власти надъ сердцемъ. Мало по малу Валли привыкла къ одиночеству, не замѣчала его—и оно даже полюбилось ей. Жизнь среди людей, повседневная суета, всякія дразги, мелкія и крупныя стѣсненія гнетутъ вольнолюбивую душу, претятъ широкой натурѣ. Тутъ же, подъ самымъ небомъ, свободной, отважной дикаркѣ Валли было хорошо, просторно: воля безграничная, кругомъ—ни души, некому прекословить, никто не станетъ здѣсь перечить ей,—и она, какъ единственное существо, одаренное сознаниемъ, мыслью, считала себя владычицей этого необъятнаго, тихаго царства,—царицей, возсѣдавшей на высоко-вознесенномъ тронѣ, вдали отъ всего міра. И вотъ, Валли, съ высоты этого трона, начала поглядывать съ нѣкоторымъ состраданіемъ и презрѣніемъ на жалкій людской муравейникъ. Тамъ, далеко внизу, двуногіе муравьи возятся, мечутся туда и сюда, съ единственною цѣлью заполучить лишній грошъ, ведутъ счеты, обсчитываютъ другъ друга... Она уже не ощущала теперь тоски, не грустила о родномъ уголѣ—напротивъ, ей стало противно думать о немъ. На землѣ идетъ вѣчная борьба—и сколько тамъ страданій, преступленій!.. Да, старикъ Мурцолль говорилъ ей во снѣ правду: тутъ, на вершинѣ, среди чистѣйшаго снѣга и льда, въ неиспорченномъ воздухѣ, царитъ миръ и никакое тлетворное дыханіе не могло проникнуть въ эту дѣвственную пустыню, съ ея могучими великанами. Величаво-спокойные контуры горъ на первыхъ порахъ пугнули Валли, но теперь она начинала понимать все ихъ величіе—и чувствовала, какъ душа ея воспарила высоко надъ оставленнымъ внизу муравейникомъ. Но... тамъ остался *одинъ*, только одинъ, которымъ она дорожила, и онъ попрежнему былъ великъ для нея и прекрасенъ—это былъ Іосифъ, убившій медвѣдя, витязь Георгій, лучезарный образъ котораго являлся ей во снѣ. Что-жъ, вѣдь Іосифъ, какъ и она, ведетъ жизнь не въ долинахъ, а все больше въ горахъ; и на какихъ только не перебивалъ онъ вершинахъ, куда другіе охотники и не дерзали взобраться! Онъ бьетъ сернъ на самыхъ крутыхъ утесахъ, ему неизвѣстно чувство страха—ни тамъ, гдѣ пропасти, ни тамъ, гдѣ ходятъ тучи. Іосифъ—первый силачъ, отважнѣе его нѣтъ; такъ и Валли: первая силачка, самая отважная дѣвушка. Во всей тирольской странѣ только она одна была ему подъ парю—и для нея не было болѣе достойнаго мужа, чѣмъ Іосифъ. Лучшей парочки, право, и не подобрать: оба они горные великаны! И что можетъ быть у нихъ общаго съ мелюзгой, которая возится тамъ внизу?

И такъ, Валли, живя въ совершенномъ одиночествѣ ради своего милаго, ждала только дня, когда исполнится завѣтное ея желаніе, а такой день „непрѣмѣнно настанетъ“!.. Будучи увѣрена въ этомъ, она не отчаявалась и терпѣливо все переносила.

Вотъ и лѣто прошло; зимой повѣяло въ долинахъ, уже явились грозные предвѣстники ея—бури и снѣжныя мятели; скоро Валли надо будетъ сойти внизъ, туда, гдѣ все представлялось ей теперь чѣмъ-то давно забытымъ, чуждымъ... Ухъ, страшно даже и думать объ этомъ! Право, лучше было бы остаться тутъ, засѣсть въ какую-нибудь глубокую трещину въ ледникѣ и вести жизнь дикой медвѣдицы, чѣмъ опять мучиться въ душной коморкѣ, слушать надоедливое пѣнье веретена, видѣть грозное лицо отца, смотрѣть на гадкаго жениха и жить среди ехидныхъ бабъ и батраковъ, замуравившись въ домикѣ, окруженномъ высокимъ заборомъ изъ снѣга, такъ что изъ него бывало и выбраться нельзя въ продолженіе цѣлыхъ недѣль.

Дни шли, близилось это время, и на сердце Валли наваливался тяжелый камень: мысль о домашней тюръ-

мѣ все сильнѣе и глубже возмущала ее. Но.. за нею никто не являлся—точно тамъ-внизу и забыли о ней. А тутъ начались холода, погода портилась, дни умалились, ночи стали длиннѣе—и въ одну изъ мятелей пропали безслѣдно двѣ овечки; остальной скотинкѣ почти нечего было уже ѣсть, да и вообще пришло то время, когда обыкновенно стада оставляютъ горныя пастбища. Раздѣливъ съ Ганзлемъ послѣдній кусокъ сыра, Валли сказала своему товарищу: „Насъ хотятъ, видно, умерить здѣсь голодухой“... и невольный ужасъ овладѣлъ ею. Здоровая, цвѣтущая дѣвушка была возмущена этою страшною мыслью. Но какъ быть? Оставить стадо на произволъ судьбы и отправиться безъ провозкатаго искать дороги домой? Допустить погибнуть здѣсь неповиннымъ козамъ и овечкамъ?.. Ну, нѣтъ, она не сдѣлаетъ этого: стоять такъ стоять ужъ до конца—или пасть, какъ падаетъ на полѣ битвы честный военачальникъ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ. А не пойдти ли ей самой со стадомъ по ледникамъ, занесеннымъ снѣгомъ? Растерять козъ, овецъ или видѣть, какъ онѣ станутъ исчезать на глазахъ—нѣтъ, нельзя, нельзя! И такъ, оставалось одно—ждать.

И Валли дождалась: за ней пришелъ батракъ. Было мрачное осеннее утро; густой туманъ мѣшалъ что либо разсмотрѣть на аршинномъ разстояніи; скотинка ѣжилась отъ стужи и скучивалась въ загонѣ, а Валли, цѣпенѣя, сидѣла у жалкаго очага. Прежде ее пугала мысль умереть тутъ вмѣстѣ съ козами и овцами—умереть медленной *голодной* смертью; теперь она не менѣе ужасалась при мысли идти домой... Что же хуже: погибнуть здѣсь, оставшись у *второго* отца, угрюмаго Мурцолля, или отправится къ *первому*?.. Она колебалась. Батракъ нарушилъ молчаніе:

— Отецъ велѣлъ сказать тебѣ, чтобы ты и на глаза ему не попадалась, коли не хочешь исполнить его приказанія. И еще велѣлъ сказать, что жить ты будешь вмѣстѣ со скотницами, потому онъ клятву далъ, чтобы ты въ домъ ни ногой!

— Вотъ это ладно! произнесла Валли, и грудь ея свободнѣе вздохнула.

Работникъ слегка вытаращилъ глаза.

Дѣвушка стала собираться въ дорогу. Камень свалился съ ея сердца... Ее избавили отъ совмѣстнаго житія съ ненавистными ей людьми; она пріютится гдѣ-нибудь въ хлѣбѣ... Отецъ, думая наказать ее, дѣлаетъ ей благодѣяніе: поселившись внѣ дома, она спокойно можетъ предаваться своимъ думамъ, мечтать хоть цѣлый день, а если поговорить захочется—отчего же и не поболтать съ Люккардъ: старуха такая добрая, такъ ласкова къ ней... А вѣдь только тамъ, въ гостяхъ у Мурцолля, когда ей пришлось остаться совсѣмъ одной, она въ первый разъ подумала о преданной ей Люккардъ, опѣнила ее, и ужъ отецъ не отниметъ у нея этого послѣдняго утѣшенія.

Валли даже развеселилась и живо стала приготовляться къ возвращенію. Страхъ при мысли о неприятной совмѣстной жизни съ отцомъ—прошелъ, и она уже мечтала, тихо радуясь, о томъ, какъ возликуетъ старушка, когда воспитанница ея вернется къ ней. Хотя одна-то душа есть тамъ, внизу, которая будетъ ей рада!.. Дѣвушкѣ и это было отрадно.

— Идемъ, Ганзль! обратилась она къ орлу, когда все было готово. Ганзль, насушившись, съ взбѣшенными перьями, сидѣлъ у очага.—Идемъ опять къ нашей Люккардъ!

— Да ужъ старуха-то больше не у насъ, замѣтилъ батракъ.

— Какъ такъ! Гдѣ жъ она?..

Валли почти съ испугомъ взглянула на него.

— А хозяинъ выгналъ ее.

— Выгналъ ее—Люккардъ?! воскликнула дѣвушка.—Да за что же?..

— А вотъ, не могла она поладить съ Гельнеровымъ-то Викентіемъ. Теперь онъ у насъ, значитъ, большакомъ въ домѣ.

Работникъ проговорилъ это равнодушнымъ тономъ, потомъ свиснулъ и извалилъ себя на спину котомку съ вещами Вали.

Дѣвушка поблѣднѣла.

— Гдѣ же она теперь?..

— Да тамъ—у старухи Аннемидель, въ Винтершталь.

— Когда это было?

— Ну, недѣль этакъ съ десятокъ прошло. И горе-

вала же старуха—и-да! Просто вотъ идти даже не могла... Страхъ-то колѣнки ей такъ и подкашиваетъ. Если бы Клеттенмайеръ и Нацци ее не подхватили—упала бы... При всей этой деревнѣ было, и всѣ видѣли, какъ онъ ее вытурилъ.

Блѣдная, неподвижная, тяжело дыша, стояла Вали, и какъ только батракъ замолчалъ—схватила свой посохъ, стоявшій у стѣнки, взяла орла на плечо и вышла изъ избышки.

— Впередъ! крикнула она работнику рѣзкимъ голосомъ.—Поворачивайся!

(Продолженіе будетъ).

Д О М О В О Й.

(Разсказъ).

Иванъ Петровичъ Бутыревъ, помѣщикъ села «Густо-хлебова», собрался въ губернской городъ, на дворянскіе выборы.

Ну-съ, выборы дѣло не легкое—могутъ позатынаться пожалуй на мѣсяцъ времени, а то и побольше. Барыня, Настасья Яковлевна, скучать такъ долго въ деревнѣ, одной, безъ мужа, не приходилось, а въ городѣ предполагались разныя увеселенія, по случаю сѣзда дворянъ, со всѣхъ своихъ родныхъ гнѣздъ и менелицъ; балъ у губернатора, балъ у предводителя, обѣды съ дамами, при открытіи, обѣды при закрытіи, рауты у городского головы—и много разныхъ заманчивыхъ явленій и удовольствій... Какъ тутъ пустить одного Ивана Петровича? вотъ и рѣшено было—ѣхать въ городъ всею фамиліею, въ двухъ каретахъ и тарантахъ; а подводы со всѣмъ необходимымъ были отпращены ранѣе.

И опустѣлъ барскій домъ въ селѣ Густо-хлебовѣ, легко такъ вздохнулось всему люду дворовому, всѣмъ кто только отъ поѣздки городской былъ уволенъ.

При хозяйствѣ Ивана Петровича, между прочимъ, маленькій былъ заводикъ конскій: матки въ отдѣльной пустошѣ, при хуторѣ паслись; а два племенныхъ жеребца «Разгоняй» съ «Догоняемъ»—въ особомъ денникѣ содержались... Дорого хозяину эти жеребцы стоили, и берегъ онъ ихъ нуще глаза; а не беречь, не глядѣть за ними въ оба—нельзя было, потому въ ихъ сторонѣ пошаливали.

— Вотъ что, братцы... говорилъ, по барскому приказанію, старшій кучеръ Данило конюхамъ Прошкѣ и Мирошкѣ, передъ самымъ отъѣздомъ.—Вотъ что, ребятки: ежели-чего, оборони Господи... вѣдь запереть васъ, живьемъ съѣсть, такъ-то...

— Извѣстно, Данило Ионычъ! поскребъ за спиною конюхъ Прошка.

— Вѣстимо дѣло, почесалъ свой широкій затылокъ Мирошка.

— То-то, приглядывайте, подтвердилъ кучеръ Данило, затягивая кушакъ, передъ тѣмъ какъ ему на козлы передней кореты садиться.

— Не сумлѣвайся! ужъ мы, значитъ, все въ акуратѣ, доглядимъ! сказали разомъ Прошка съ Мирошкою, и оба при этомъ на дверь денника поглядѣли пристально.

— Днямъ, чтобы одинъ безотлучно при своемъ мѣстѣ находился, а ночью оба спать въ сараѣ, шарика съ жучкою при себѣ держите... поняли?..

— Извѣстно, съ собакою лучше; чѣмъ человѣкъ не дослышитъ,—пестъ завсегда, потому онъ звѣрь, тварь божья...

— Опять, чужаго человѣка оберегайтесь... гони въ шею, когда ежели шляется близко будетъ... Черномазыхъ этихъ, цыганъ значить, и въ село не пущайте, не то что къ барскому двору... Отъ нихъ завсегда всякой пакости ждать можно.

— Насчетъ вина вотъ тоже... Боже сохрани!.. Пьяный человѣкъ, что ребенокъ малый; либо добро барское испакоститъ, либо того хуже,—такъ насчетъ вина энтаго, значить, шаша!.. ии-чтобы-маковой росинки—появля?

— Появля! снова заскребли затылки Прошка съ Мирошкою, а сами промежъ себя думаютъ: чтожъ, много нельзя, а по малости ничего, вреда нѣтъ...

— Чистка утромъ, чистка ночью; поило какъ часы заведенныя, въ одно время; черезъ день прогулъ легонькій... все чтобы въ порядкѣ... На то васъ двое олуховъ остается, чтобы дѣло поспѣвало... смекаете?..

— Да ужъ что-тутъ, не сумлѣвайся, все какъ слѣдуетъ...

— А пока что, прощайте, ребята! Вонъ, вишь, дворецкій платкомъ машетъ,—подавать значить...

— Прощенья просимъ, Данило Ионычъ... благополучно назадъ вернуться; дорога скатерью!..

— Поправь шлею... такъ... Ишь, черти, завожжали какъ подурякомъ—поправь! Ну, пушай!.. эй вы, голубчики!..

— Сторонись!..

Подали экипажи. Усѣлся баринъ съ барынею въ переднюю карету, гувернантка съ дѣтми во вторую, горничная съ лакеемъ въ тарантахъ... Тронулись.

Вся дворня провожать выбѣжала, и все вслѣдъ глядѣли, пока пылью не заволокло весь поѣздъ, пока не скрылся онъ за Дмитровскимъ пригоркомъ, въ Качаловскомъ беззвукѣ.

— «Цыганъ гони въ зашей, жучку съ шарикомъ на цѣпъ... водки-ни-ни»... провѣряли про себя Прошка съ Мирошкою—данныя имъ инструкціи, огрѣли по затылку другъ друга, для прочности, а больше для удовольствія... и пошли оба вмѣстѣ на свой постъ, къ деннику, гдѣ Разгоняй съ Догоняемъ, жеребцы барскіе, стояли да овесъ въ колодахъ дожевывали.

На широкой полянкѣ, въ этомъ самомъ Качаловскомъ беззвукѣ расположился маленькій обозикъ стоянкою.

Чудное мѣсто проѣзжіе люди для своего отдыха выбрали,—полянка пригорочкомъ выходила; съ одной стороны къ ней вилотную черную боръ, дремучій: сосны все столѣтнія, въ четыре обхвата, словно столбы красные на темной синевѣ лѣса видѣются; золотомъ горятъ на солнцѣ вѣтвистыя вершины, а по низу темъ стоитъ, сырою прохладой вѣетъ, и смолой въ воздухѣ попахиваетъ.

Съ другой стороны полянки подходитъ беззвукъ мелкій, частый; бѣлые стволы, словно серебряные, въ яркой, дробной листвѣ рисуются, густая сочная трава лѣсная по низу цвѣтистымъ ковромъ раскинулась... Что грибовъ засѣло въ этой травѣ, подъ корнями да пнями!.. Широко-лиственный орѣшникъ заросилъ всю правую сторону; тамъ оврагъ крутымъ обрывомъ къ рѣчкѣ спускается, а за рѣкою—стелется поля крестьянскія, золотятся полосы ржи доспѣвающей, словно бархатъ зеленый овсы тянутся... За полями опять густымъ лѣсомъ садъ господскій видѣется, все липы да клены развѣсистые... изъ-за нихъ тонкій шпичъ торчитъ церковный, а самой церкви за садомъ не видно съ поляны; за то домъ господскій съ мезониномъ, съ балконами, съ бельведеромъ рѣшетчатымъ какъ на ладони... А вѣтви оиатъ пригорки пошли, полями исполосованныя, и въ самомъ концѣ ихъ, длинными рядами, коньки крестьянскихъ избъ вытянулись.. это и есть самое село Густо-хлебово...

Синее, туманною полоскою безконечная даль всю эту благодать охватываетъ, и въ этой дали, верстъ за двадцать—бѣлыя точки дальнихъ церквей, приходовъ, словно искры огненные блестятъ на солнышкѣ своими главами и крестами золочеными.

Тихо всегда такъ было на этой полянкѣ, въ Качаловскомъ беззвукѣ; а теперь за версту и больше—несетъ вѣтромъ... смѣхъ, пѣсни да говоръ по лѣсу;—балалайка потренькиваетъ, бубенъ гудитъ, стучитъ молотъ кузнечный и дымкомъ костровымъ попахиваетъ...

По самой срединѣ двѣ тѣлеги стоятъ, большія, крытыя,—оглобли кверху подняты, и на ихъ конпахъ раскинутъ широкій бѣлый шатеръ—пологомъ, рванный весь, заплатанный, много на своемъ вѣку буръ да не погодъ выдержавшій... Восторонѣ, поодаль еще тѣлега стоитъ поменьше, около нея маленькая походная кузница приспособлена, у тѣлеги четыре лошади стоятъ привязанныя, отъ комаровъ да оводовъ лѣсныхъ отмахиваются!..

Кони все разновозрастные, да разно-рослые, у котораго нога доколѣна отъ щиколотки тряпкою обернута; у котораго заволоки на шеѣ видѣются, мухами облѣпленные...

Восторонѣ, у опушки еще лошади, штуки три, бродятъ, на волѣ пасутся, собаки въ ростяжку лежатъ, на солнцѣ грѣются,—голые ребята, черномазые съ ними загрызаютъ, межъ собою воятъ...

Высокій мужикъ, черный, курчавый, зубы словно волчьи—подкову на наковальнѣ выправляетъ, молотомъ постукиваетъ; другой примочку какую-то изъ бутылки въ бутылѣ переливаетъ, встряхиваетъ да на солнце сквозь стекло поглядываетъ... Изъ тѣлеги еще мужскія ноги торчатъ; въ смазныхъ сапогахъ съ подковами... Краснощекая дѣвка, въ ярко-красномъ платкѣ, бродитъ по полянкѣ, простоволосая, на ребятъ покривляется; другая котелъ къ огню на треногѣ прилаживаетъ; третья по беззвучи гуляетъ, грибы собираетъ, да въ подолъ складываетъ...

Старая старуха, ну совсѣмъ на вѣдму похожая, подъ на-

вѣсомъ сидитъ; а другая старуха чинитъ ветошь какую-то, а ногою люльку качаетъ съ маленькимъ, къ оглоблямъ подвѣшенную...

Солнце поднялось высоко, на полдень, надъ самыми головами стало — тѣни легли самыя короткія, и въ лѣсу по низу золотистыя полоски забѣгали, даже туда пробрались сквозь листву лучи солнечные и засверкали перистые папоротники, закраснѣлись притаившіяся во мху ягодки....

Стали всѣ на полянѣ подъ навѣсъ прятаться, зѣвота одолѣ-

дымется въ станѣ — шумъ и говоръ обычный, снова бродячій народъ за свою работу принимается.

Вотъ уже седьмыя сутки стоитъ здѣсь таборъ цыганскій. На другой день, послѣ того какъ баринъ Густо-хлебовскій, съ семейкою своею, въ городъ выѣхалъ, — прибылъ сюда этотъ таборъ; знать мѣсто имъ больно понравилось, что надолго такъ отдыхать расположились; а впрочемъ снѣшнѣе тоже этому народу и некуда, да и не зачѣмъ.

Тюрингенская дѣвушка. Картина Брейтбаха, грав. Брендамуръ.

ла, сонъ полуденный... Притихли даже ребята малые, дѣвки голосистыя; залегъ кузнецъ черноволосый подъ свою тѣлегу, — и затихло все снова на полянѣ, въ Качаловскомъ березникѣ; только кони неугомонные все своими бубенцами да уздечками наборными побрякивали...

Каждый день такъ въ полдень поляна стихаетъ; а къ вечеру, когда прохладною повѣетъ, ниже за лѣсъ солнышко спустится, вплоть до тѣлѣгъ длинныя тѣни протянутся, — тогда снова по-

— А хороши жеребцы у барина Бутырева, у помѣщика! тряхнулъ одинъ цыганъ головою своею косматою, потянулъ изъ трубочки и сплюнулъ на сторону.

— Кони минковые *), согласился другой, — заторбанить **) — чудесно-бы было.

*) Минкль — тысяча; минковоме, на цыганскомъ жаргонѣ значить — тысячные.

**) Получить.

Перелетная саранча на хлебномъ полѣ.

— Ходилъ я туда; глядѣлъ, какъ ихъ на проводку вели—звѣри не лошади—просто глаза разгорѣлись... Такіе-то животы!..

— Мѣнять не стануть?... не спрашивалъ?

— Заводскіе, племенники, — какая тутъ мѣна!.. Вчера опять весь день бродилъ вокругъ усадьбы, все высмотрѣлъ... подступу нѣтъ ни откуда, крѣпко!

— Хорошо стерегутъ, «по сту чертей съ чертенятами нмѣ въ душу!»

— Зорко! Тамъ и заночевалъ, въ крапивѣ, за огородомъ; опять ходилъ глядѣть—двое спятъ у дверей, а съ другаго боку лаялки на веревкахъ сидятъ, тоже «не подходи—звѣри» сразу почувляи.

— Плохо!..

— Скажи кто мнѣ — «слушай, другъ, хочешь руку по локоть отсѣку тебѣ за такую пару?»... Ну, скажу, валий, на доброе здоровье!—не задумаясь.

— Сердитъ народъ?

— Въ деревнѣ ничего, а во дворѣ — бѣда! Наши дѣвки ходили гадать, такъ за полверсты ихъ оттуда по шествъ провожали, Майдѣ глаза подшибли, Туя — курицу сторбанила, такъ ее чуть до полу-смерти не убилъ...

— Хорошо, — полатыся; тоже даромъ нмѣ не пройдетъ это, сиволанымъ!

— Спасибо, что хоть откуда не гонять. Безъ тебя лѣсникъ приходилъ сюда; ну, такъ далъ два «кругляна» (цѣковикъ) онъ и ушелъ...

— Васыкъ нѣту что-то. Давно подѣхалъ долженъ бы былъ, онъ бы придумалъ подходъ; онъ и не такіа дѣла обдѣлывалъ—«глазъ у него зорокъ, да носъ дологъ...»

— И безъ него обойдемся—«у самихъ голова на плечахъ не лукошко...»

— Кто,—ты?

— Да хоть-бы я.—Моя голова, мой кони; за помогу съ рубля четвертакъ, за поимку выручка: я не изъ вашего табора, вы мнѣ чужіе.... Самъ помѣщикъ не скоро въ деревню вернется—говорили въ трактирѣ — на мѣсяцъ уѣхалъ.

«Эхъ ты моя молодка...

«Широкая глотка...

«Торбанъ-гузлукъ-дала-той-гага!

«Широкая глотка.

Запѣлъ дыганъ во все горло...

— Майда, пойдемъ грибы собирать. Идемъ что ли?

Майда, встала, потянулась,—и, улыбаясь, пошла на зовъ, черезъ поляну, къ березнику.

— Ау!.. чуть слышалось въ лѣсу за оврагомъ.

— Ау!.. еще тише доносилось—откуда-то слѣва.

— Мамка... ѣсть хочу!.. бѣжалъ къ старухѣ, подъ навѣсъ, чумазый цыганенокъ и кулаками по своему голому животу постукивалъ.

Подъ вечеръ, по дорогѣ черезъ село Густо-Хлебово, а оттуда мимо двора барскаго, мимо садовой рѣшетки, какъ разъ мимо конюшенъ господскихъ брелъ сѣдой старикъ, сторбленный... Загорѣло, сморщилось лицо у старика. мощи мошамы, выглядываеи; какъ лунъ борода бѣлая въ подгрудѣ свѣсилась... Чуть чуть ногами въ лаптяхъ переступаеи дѣдушко и на палку съ клюкою опирается.

(Окончаніе будетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прошедшій разъ мы упомянули вскользь о подготовлявшемся въ то время въ Пруссіи законопроектъ упраздненія католическихъ монастырей и всякаго рода монашескихъ конгрегацій. Теперь, въ виду окончанія этого законопроекта и принятія новаго закона прусскою Палатою Депутатовъ, мы можемъ сообщить о немъ и нѣкоторые подробности. Правительство рѣшилось нанести католическому духовенству послѣдній ударъ.—и съ этою цѣлью задумало положить конецъ распространенію тѣхъ религиозныхъ обществъ, которыя, подъ видомъ различнаго рода почтенныхъ цѣлей, служатъ ни болѣе, ни менѣе какъ орудіемъ для борьбы церкви съ государственною властью. Существованіе подобнаго рода обществъ, говорится въ объяснительной къ проекту запискѣ,—ставитъ государство въ величайшее затрудненіе, для устранинія котораго и для надзора за монастырями правительству пришлось бы содержать особую и притомъ весьма многочисленную полицію; во этого достигнуть невозможно за недостаткомъ необходимыхъ для того средствъ, а также за недостаткомъ людей, способныхъ къ такой роли. Постановленіе объ упраздненіи новиціата, т. е. права приѣма въ монастыри новыхъ членовъ, также не достигло бы цѣли, потому что только затнуло бы дѣло на неопредѣленное время и тѣмъ подвергло бы его всѣмъ колебаніямъ и измѣненіямъ. Сверхъ того, ни самый строгій надзоръ надъ монастырями, ни запрещеніе принимать въ среду свою новыхъ членовъ—не могли бы помѣшать развитію той вредной пропаганды, на которую обращено теперь все вниманіе прусскаго правительства. Существенный вредъ заключается въ самой организаціи монастырей, находящихся болѣею частью въ рукахъ настоятелей изъ иностранцевъ, проживающихъ частью во Франціи, частью-же въ Италіи. Значительная часть монастырей, притомъ, основана на іезуитскихъ принципахъ,—вслѣдствіе которыхъ личность каждаго члена, не только въ имущественномъ, но и въ нравственномъ отношеніяхъ, поставлена въ полное подчиненіе и зависимость къ настоятелю, получающему обыкновенно свое вдохновеніе изъ Рима. Такимъ образомъ, католическіе монастыри и конгрегаціи въ Пруссіи, за весьма немногими исключеніями, являются тѣсно-сплоченной антиправительственной корпораціей, дѣйствующей какъ одинъ человѣкъ и притомъ различными подкатами и хитро-сплетенною сѣтью всякаго рода интригъ. Вотъ мотивы, которые заставили правительство положить конецъ не только распространенію католическихъ монастырей и монашескихъ ордевовъ, но и существованію ихъ. Учрежденіе ихъ воспрещается и на будущее время. Для окончательнаго закрытія полагается шестимѣсячный срокъ со дня обнародованія новаго закона. Впрочемъ, министру духовныхъ дѣлъ предоставляется продлить этотъ срокъ для тѣхъ учрежденій, которыя посвящаютъ себя воспитанію и обученію юношества, но не болѣе какъ на четыре года, пока правительству представится возможность замѣнить ихъ другими, болѣе соответствующими цѣли, учрежденіями. Даже и по истеченіи означеннаго срока, министру предоставляется допускать отдѣльных членовъ конгрегацій къ участию въ воспитаніи и образованіи юношества. Исключеніе сдѣлаво только для учрежденій, поставившихъ для себя исключительную цѣлью уходъ за больными и ранеными: такіа учрежденія не закрываются, но законъ оставляетъ за собою право упразднить ихъ

во всякое время особымъ королевскимъ повелѣніемъ. За этими послѣдними сохраняется и право приѣма новыхъ членовъ. Существующіе и имѣющіе существовать монастыри и монашескія конгрегаціи подчиняются надзору государства. Имущества упраздненныхъ монастырей правительствомъ не конфискуются; управленіе же ими и ихъ охраненіе вѣтрется особымъ правительственнымъ комиссарамъ, обязаннымъ отчетностью только передъ королевскою счетною палатою. Бывшіе члены упраздненныхъ монастырей получаютъ содержаніе изъ доходовъ съ этихъ имуществъ.

Не трудно догадаться, что такая радикальная мѣра, какъ упраздненіе монастырей, должна была встрѣтитъ жестокой отпоръ въ средѣ клерикальных членовъ прусскаго парламента. Всѣ лучшія силы собранія выставлены были для борьбы противъ новаго закона, приведены были всѣ доводы, исчерпаны всѣ доказательства; противъ новой правительственной мѣры говорили и Виндгоретъ, и Рейхеншпергеръ, Хлаповскій, Герлахъ, Шорлемеръ-Альстъ; указывали на несправедливость этой мѣры, которая касается «и лучшихъ и самыхъ благородныхъ элементовъ націи—монаховъ и монахинъ, жертвующихъ своимъ состояніемъ, своимъ трудомъ, здоровьемъ и жизнью для блага народа, въ особенности же для низшихъ классовъ населенія»; намекали на горькія и даже весьма опасныя послѣдствія отъ этой мѣры для государства, которое, поѣтому, должно нести на себѣ и всю отвѣтственность за вихъ...; пробовали, наконецъ, ссылаться на примѣры исторіи, пытались подѣйствовать на чувствительныя души бюргеровъ, засѣдающихъ въ Палатѣ, и на демократическія наклонности прогрессивской партіи... Все было напрасно: большинствомъ 238 голосовъ противъ 82, законъ прошелъ. За то, какъ видно, не пройдетъ эта мѣра даромъ для главнаго виновника ея появленія и осуществленія — для министра духовныхъ дѣлъ, Фалька: въ послѣднее время имъ получено не малое количество угрожающихъ писемъ и распространяются слухи о предстоящемъ покушеніи на его жизнь. Вслѣдствіе этого, при министрѣ состоятъ неотлучно нѣсколько тайныхъ полицейскихъ агентовъ, сопровождающихъ его повсюду. Проведеніе новаго закона встрѣчено было нѣмецкою печатью несовѣснымъ сочувственно: клерикальныя газеты возстаютъ противъ него по весьма понятной причинѣ—и болѣею частью изъ-за того, что въ борьбѣ церкви съ государствомъ замѣшаны и личныя ихъ выгоды; партіи же умѣренно-либеральной не нравятся въ новомъ законѣ, помимо односторонности, съ которою онъ относится только къ однимъ католическимъ монастырямъ, еще и то, что надъ управленіемъ монастырскими имуществами не установлено иваго контроля, кромѣ контроля королевской счетной палаты, дѣйствующей не публично, подъ покровомъ канцелярскаго тайны.

Что касается затѣмъ до количества учрежденій и лицъ, на которыхъ главнымъ образомъ обрушиваются послѣдствія новаго закона, то число ихъ, по свѣдѣніямъ, приводимымъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ, слѣдующее: во 1-хъ, 13 монастырей съ чисто религиозною замкнутостью, насчитывающіе 274 члена (траписты, кармелиты, бенедиктинцы); во 2-хъ, 242 монастыря, съ 2,900 членами, посвятившіе себя исключительно воспитанію и обученію юношества; въ 3-хъ, ордена, поставив-

шие себя целью попечение о больных и раненых, имѣющие 259 монастырей, съ 1,888 членами; въ 4-хъ, ордена, занимающиеся одновременно и воспитаніемъ юнѣшества, и попеченіемъ о больных, насчитывающие 360 монастырей съ 3,000 членовъ; наконецъ, въ 5-хъ, ордена, занимающиеся проповѣдью Евангелія и вообще миссіонерской дѣятельностью, насчитывающие 39 монастырей съ 571 членомъ. Всего 913 монастырей, съ 8,633 католическими монахами и монахинями.

Новостей изъ Франціи очень немного. Національное Собраніе, послѣ довольно продолжительныхъ каникулъ, приступило снова къ занятіямъ; въ министерствѣ юстиціи подготавливается новый законъ о печати, который и будетъ въ скоромъ времени представленъ Дюфоромъ на разсмотрѣніе Національнаго Собранія; проектъ этого закона составленъ на весьма либеральныхъ основаніяхъ, такъ что, напримѣръ, для открытія газеты или вообще періодическаго изданія не требуется даже испрашиванія правительственнаго разрѣшенія. Событіемъ для Парижа, какъ и для всей Франціи, является рѣчь извѣстнаго представителя крайней лѣвой Леона Гамбетты, произнесенная имъ передъ населеніемъ одного изъ парижскихъ предмѣстій, Бельвилля. Рѣчь эта поразила всѣхъ своею умѣренностью и сдержанностью. Имѣсто вожака бельвилльскихъ головорѣзовъ, предъ ними возстаетъ спокойная, полная достоинства и патристическая личность дѣйствительнаго народнаго представителя; имѣсто разжиганія страстей и стремленія поддѣлаться подъ вкусъ грубой массы, мы видимъ желаніе научить и просвѣтить эту толпу, представить

ей положеніе вещей такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ, а не въ разпаленномъ воображеніи красныхъ представителей французскаго радикализма; мы находимъ намѣреніе примирить многихъ изъ французскихъ социалистовъ съ настоящими порядками, такъ какъ эти порядки являются лишь переходною ступенью къ лучшему будущему. Любопытенъ въ особенности взглядъ Гамбетты на вновь-созданное правительствомъ учрежденіе — Сенатъ. Благодаря новой организаціи этого учрежденія, онъ видѣть въ немъ не наполеоновскую креатуру, а собраніе французскихъ общинъ, присылающихъ въ него своихъ представителей; а потому до небесъ превозноситъ и несъ совершившійся переворотъ, считая его важнымъ шагомъ впередъ по пути провозглашенія и окончательнаго утвержденія во Франціи республики. Освѣщая такимъ образомъ значеніе совершившихся событій, Гамбетта приглашаетъ бельвилльцевъ быть какъ можно сдержанными и довольствоваться пока существующимъ, не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ переворотамъ и потрясеніямъ, которые, доставляя народу лишь временное облегченіе, созидаютъ въ то же время непреодолимые для него затрудненія въ будущемъ. Консерваторы и вся консервативная печать приходятъ въ полное недоумѣніе отъ этой рѣчи: болѣе добросовѣстные изъ нихъ вѣрятъ и радуются совершившейся въ средѣ французскаго радикализма перемѣнѣ, видя въ ней залогъ для спокойствія страны; другіе же стараются убѣдить своихъ собратьевъ, что рѣчь Гамбетты не болѣе какъ хитрая уловка, при помощи которой онъ намѣревается усыпить своихъ противниковъ.

ТЮРИНГЕНСКАЯ ДѢВУШКА.

(Сладкія минуты).

Передъ вами, читатель, молодая, крѣпкая—кровою съ молокомъ—крестьянская дѣвушка. Судя по странному головному убору ея—она родомъ изъ Тюрингіи, лѣсной страны, составляющей предгорья Гарца.

Вотъ, забравшись въ уединенное мѣстечко, дѣвушка вынула изъ кармана письмо, только-что полученное ею изъ Веймара—отъ жениха, милаго Фрица, который служитъ тамъ конторщикомъ въ одномъ солидномъ, торговомъ домѣ.

Письмо уже три раза прочитано, правда—оно коротенькое... Луиза замечталась, мѣть...

Сладкія, блаженныя минуты!..

Но вотъ, она принимается читать его въ четвертый разъ и въ пол-голоса произноситъ:

«Дорогая, неоцѣненная Луизхенъ!

Скоро, скоро я упаду въ твои крѣпкія объятія! Герръ Шульцъ наконецъ согласенъ дать мнѣ послѣ-завтра отпускъ на цѣлый мѣсяцъ, чтобы жениться. Сегодня портной принесъ мнѣ новенькое платьѣ. Ахъ, что за прелестныя клѣтчатыя брюки! Какъ

прійду—сама увидишь. Но ты, Луизхенъ, въ 1,200,000 разъ прелестнѣе всякихъ брюкъ для меня! Ну, ужъ и тебѣ везу я горстицы—заглядѣнь!.. О, какъ я рвусь къ тебѣ, какъ свистящій паръ изъ свистка локомотива! И зачѣмъ герръ Шульцъ заставляетъ меня ждать до послѣ-завтра? Безчувственный онъ человекъ! Ну, цалую тебя въ губы, носикъ, глазки, подбородокъ, въ щечки и остаюсь страстно-любящимъ тебя женихомъ!!!

Твой Фрицъ Кунстъ.

PS. При семъ препровождаю къ тебѣ, ангелъ мой, твое послѣднее письмо, съ надлежащими поправками. Я нашелъ въ немъ только 15 ошибокъ, а прежде бывало по 30. Въ родительномъ надежъ ты все еще слабенька, а также и въ запятыхъ. Но безъ запятыхъ никакъ нельзя писать! Обрати свои чудные глазки на всѣ подчеркнутыя мною мѣста въ письмѣ».

— О, я буду знать родительный надежъ и буду ставить гдѣ нужно запятые! воскликнула Луиза, чмокнула письмо—и опять замечталась, замѣла...

Сладкія минуты, сладкія!

ПЕРЕЛЕТНАЯ САРАНЧА И ЕЯ РАЗМНОЖЕНІЕ.

Перелетная саранча—это страшная язва жаркаго пояса стараго свѣта; опустошительныя набѣги ея нерѣдко распространяются даже далеко въ глубь болѣе умѣреннаго пояса. Не проходитъ почти года, чтобы мы не слышали, что такую-то или такую-то страну постигъ этотъ ужасный блѣтъ, противъ котораго человѣкъ не имѣетъ еще ни одного сколько-нибудь вѣрнаго средства.

Всѣмъ изъ нашихъ читателей конечно знать различныя породы скачущихъ прямокрылыхъ нашего пояса, какъ напримѣръ кузнечиковъ, медвѣдокъ, сверчковъ и тому подобныхъ насѣкомыхъ, питающихся исключительно растительными веществами. Различные большіе и малыя породы этихъ насѣкомыхъ, въ большіе массы, могутъ иногда быть опасными и нашему земледѣлю; но изъ счастья у насъ множество лѣвчихъ птицъ и насѣкомоядныхъ препятствуютъ слишкомъ большому размноженію этихъ необыкновенно-плодовитыхъ насѣкомыхъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ бѣдныхъ птицахъ странахъ жаркой Африки, Азии и Америки, гдѣ и есть настоящая родина различныхъ породъ перелетной саранчи. Это насѣкомое, имѣющее безъ крыльевъ, два дюйма длины, было неоднократно наблюдаемо относительно его образа жизни и размноженія. Оно превосходитъ величиной нашего обыкновеннаго большаго зеленого кузнечика, *Gryllus viridissimus*, имѣющаго около полутора дюйма длины, равно какъ и другаго кузнечика, *Gryllus campestris*, который не больше одного полнаго дюйма. Перелетная же саранча, какъ уже сказано, никогда не бываетъ меньше двухъ дюймовъ безъ крыльевъ; голова, грудь и ножки у нея зеленоватыя, остальныя части ея тѣла выпадаютъ болѣе въ коричневатый цвѣтъ, такъ что все насѣкомое часто кажется сѣровато-коричневымъ съ темными пятнами. Изъ середины шейнаго щита выходитъ стоячій стволъ, довольно жесткій на ощупь, имѣющий сзади тупой, спереди болѣе острый уголъ. Крылья

нѣсколько выступаютъ вверхъ надъ задней частью туловища; нижняя часть груди покрыта густыми волосами. Перелетная саранча также производитъ трещащій звукъ, потирая лямками заднихъ ногъ о крылья; послѣднія, какъ тонкіе листья, будучи приведены въ шуриющее движеніе, издаютъ звукъ по силу того же закона, по какому звучитъ струна, если по ней провести смычкомъ.

Самка перелетной саранчи кладетъ свои 30 и до 60 яицъ, закручиваетъ ихъ коричневымъ, состоящимъ изъ петель, хахлономъ и опускаетъ въ маленькія земляныя ямочки на склонѣ какого-либо холма. Ямочки эти заносятся сверху землей, и продолговатый яичный комъ можетъ лежать тамъ нѣсколько лѣтъ, ни сколько не теряя способности къ развитію. Когда же въ дождливое время ямочки размоются и находящіеся въ нихъ яйца пропитаются водой, то они быстро развиваются. И такъ, страпа только-что опустошенная въ одинъ годъ саранчей, на слѣдующій годъ точно такъ же можетъ быть наводнена тучами этихъ насѣкомыхъ. Сырость играетъ важную роль въ развитіи яицъ саранчи; въ сухіе годы, въ жаркихъ и теплыхъ климатахъ, обыкновенно не бываетъ слышно объ саранчѣ; напротивъ, послѣ сырыхъ зимъ и ранняго дождливаго періода она появляется массами. Личинки саранчи собираются въ безчисленное войско и сомкнутыми колоннами отправляются въ походъ, придерживаясь опредѣленнаго направленія. Вечеромъ онѣ дѣлаютъ привалъ, разсылаются по босѣднымъ кустамъ и деревьямъ и уничтожаютъ всѣ листья, стебли, вѣтки и всю сочную зелень. Фиговыя и тутовныя деревья пожираются саранчей до самой древесной, вслѣдствіе чего часто совсѣмъ погибаютъ. Земледѣлецъ еще можетъ сколько-нибудь избавиться отъ небольшого рои саранчи, которая своимъ направленіемъ угрожаетъ его полямъ. Для этого онъ ѣдетъ на встрѣчу летящей саранчѣ и махая направо и налево большимъ платкомъ, отклоняетъ тысячи

насъкомыхъ въ другую сторону. Но противъ большихъ тучеобразныхъ массъ, налетающихъ иногда съ южнымъ вѣтромъ, затемняющихъ воздухъ и возвращающихъ о себѣ особеннымъ, своеобразнымъ порошкомъ, похожимъ на шумъ сильнаго ливня съ градомъ (отъ тренія мильоновъ крыльевъ и треска прожорливыхъ челюстей), не помогаютъ ни зажженные огни съ дымомъ, ни звонъ металлическими предметами; единственное средство—стрѣлять по этимъ тучамъ мелкой дробью и избивать ихъ молотильнымъ цѣпомъ. Черезъ это, конечно, страдаютъ поля, но это вознаграждается тѣмъ, что такимъ путемъ преграждается по возможности новое размноженіе саранчи и появленіе молодыхъ личинокъ на будущій годъ.

По принятому вообще мнѣнію, большинство роевъ саранчи старого свѣта—вылущается въ пустынныхъ странахъ жаркой Африки, такъ какъ передовые ихъ отряды большею частью появляются съ южнымъ вѣтромъ. То же самое относится и къ Азии, Австраліи и Америкѣ, потому что и тамъ есть много пустынныхъ пространствъ, гдѣ могутъ разводиться массы саранчи.

Сѣверныя страны рѣдко подвергаются опустошительнымъ нападѣніямъ саранчи. Несравненно чаще страдаютъ отъ этой язвы южныя страны: Испанія, Италія, южная Франція, Венгрія, южная Россія, Балканскій полуостровъ. Еще чаще, еще болѣе разрушительна саранча въ жаркомъ поясѣ, въ Сиріи, въ Египтѣ, въ Нубіи, въ Марокко, въ Аравіи, въ Малой Азии, въ Персіи, въ Китаѣ, въ южной Сибири, въ сѣверной Индіи, въ Афганистанѣ, въ Хорасанѣ, на Молуккскихъ островахъ и проч. Въ недавнее время, саранча является въ сѣверной и южной

Америкѣ все чаще и разрушительнѣе; именно она оказывается самымъ страшнымъ врагомъ плантацій сахара, кофе, хлопчатой бумаги и табаку. Въ чрезвычайныхъ количествахъ, въ формѣ тучъ затемняющихъ небо, саранча является съ сѣвернымъ вѣтромъ на мысъ Доброй Надежды и разрушаетъ здѣсь всю растительную жизнь; она покрываетъ тогда землю слоемъ въ цѣлый футъ толщины. Послѣдствіемъ этихъ опустошеній бываетъ голодъ, съ которымъ борются только тѣмъ, что убиваютъ самую саранчу, поджариваютъ ее слегка на огнѣ, и въ этомъ видѣ употребляютъ въ пищу. Мы знаемъ изъ Библии, что саранча съѣдобна, и что ее ѣли уже въ древности. И въ настоящее время тысячи дикихъ обитателей Африки, въ сухое, голодное время года, живутъ такой сушеной саранчей. Также замѣчали, что когда на мысъ Доброй Надежды появляется саранча, то лошади, ослы, овцы, быки, свиньи, собаки, куры, гуси и утки жадно нападаютъ на этихъ насѣкомыхъ и насыщаются ими. Наша картина изображаетъ нападеніе такого роя саранчи на пшеничное поле.

СОДЕРЖАНІЕ: Печерскій монастырь на Волгѣ (съ рисункомъ). — Двухкопій волкъ. Романъ Н. М. Каразина. Ч. II. (продолженіе). — Литературный альбомъ. „Князь Серебряный“, графа А. К. Толстаго (съ рисункомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллертъ-Бархъ (продолженіе). — Домовой (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Тюргенгская дѣвушка (съ рисункомъ). — Перелетная саранча и ея размноженіе (съ рисункомъ). — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКИЕ МОДЫ за июнь съ 10 рисунками, и листъ выносокъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Сего 1-го ІЮНЯ вышла и разслана подписчикамъ IV-я ІЮНСКАЯ,

книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій, 1739—1790 гг., біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ: взятіе Очакова; пребываніе въ С.-Петербургѣ въ 1789 г.: переписка съ Прасковьею Андреевною Потемкиной и проч.—II. Замѣтка о гравированномъ на мѣди портретѣ кн. Потемкина, приложенномъ при этой книгѣ „Русской Старинѣ“, и о граверѣ акад. Пожалоостинѣ. — III. С.-Петербургскій воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ. А. П. Пятковского. — IV. Французская армія предъ войной съ Россіей, переводъ съ французской рукописи, 1808 г. — V. Максимъ Григорьевичъ Власовъ, атаманъ войска Донскаго 1836—1848 г., біографическій очеркъ и воспоминанія о немъ его адъютанта.—VI. Первое бомбардированіе Севастополя 5—13 октября 1854 года, историческій очеркъ М. И. Богдановича.—VII. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: письма къ друзьямъ, 1848—1866 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ.—VIII. Воспоминанія Л. И. Кармалиной, рожд. Бѣлеициной: М. П. Глинка и А. С. Даргомыжскій.—IX. Листки изъ записной книжки „Русской Старинѣ“: Пугачевскіе листы 1774 г.—X. „Ставленникъ“, русская опера въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненная въ Ярославлѣ въ 1780 г.—XI. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Приложенія. Къ этой книгѣ приложены: I. Записки Маиштейна о Россіи 1727—1744 гг., переводъ съ французской подлинной его рукописи: главы VI—VII, событія 1736—1737 гг. II. Портретъ кн. Потемкина-Таврическаго, гравировалъ на мѣди акад. И. П. Пожалоостинъ.

ПОДПИСКА на „Русскую Старину“ изд. 1875 г. продолжается. 12-тъ книгъ, съ портретами, рисунками и проч. приложеніями.

Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невскій. 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

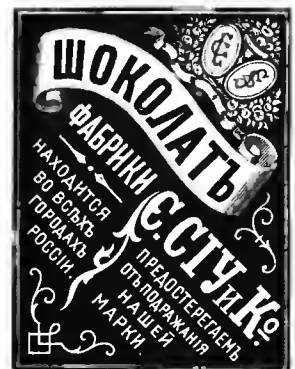
Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 г., изданіе второе, можно получить всѣ 12-тъ книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой (осталось 38 экземпляровъ).

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкой. Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 75 к. съ перес. Про что щебетала ласточка. Сочиненіе Штильматена. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

45—5

Отъ Редакціи газеты „РУССКІЙ МІРЪ“.

Вслѣдствіе приостановки газеты по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 5 Марта, Редакція не имѣла права на основаніи публ. въ 29 ст. пост. о печ. разсылать своимъ подписчикамъ общаго романа „Трагедія Парижа“. Нынѣ съ окончаніемъ срока приостановки (5-го Іюня) всѣ три части романа будутъ разсланы какъ прежнимъ, такъ и новымъ подписчикамъ.

Газета „Русскій Міръ“ будетъ выходить съ 5-го Іюня съ тѣмъ-же направленіемъ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Подписка принимается.

Въ С.-Петербургѣ.

1) Въ Конторѣ г. зоты, на углу Семіоновскаго переулка и Литейнаго проспекта, домъ № 8—45.
2) Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова и другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ.

1) Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.
2) У И. А. Мейера, Соланка, первый подъѣздъ отъ Ивановской улицы, домъ Бабурина.

Подписная цѣна.

На годъ 16 р.	На 6 мѣсяцевъ . . . 9 р.
На 7 мѣсяцевъ . . . 10 „	На 1 мѣсяцъ . . . 1 р. 75 к.

4—4

Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичъ Лавровъ, получившій высшее образованіе въ Москвѣ и имѣвшій въ ней постоянными большія денежныя порученности отъ помѣщиковъ Харьковской и Екатеринославской губерній, какъ направились госноду Депредавичей, Римско-Корсаковыхъ и другихъ многихъ,—нынѣ, послѣ шестнадцатилѣтней службѣ въ западномъ краѣ, снова возвратился на постоянное жительство въ Москву для воспитанія дѣтей; и потому проситъ Госноду иногородныхъ благоволеніе поручать ему какъ и прежде по Москвѣ всѣ имѣющіяся судебныя, банковыя и торговныя дѣла и сдѣлки, что будетъ выполняемо имъ со всею точностію и быстротою.

Адресовать-же: Въ Москву, Арбатской части, четвертаго квартала, у Патриаршаго пруда, домъ Алексѣевыхъ.

2—3

Dr. HUNNIUS bleibt in Hapsal und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Мендена. 50—14

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 24 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 15-го Юня 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Въ виду поступающихъ со стороны гг. подписчиковъ заявленій о неполученіи ими номеровъ журнала „НИВЫ“, контора редакціи означеннаго журнала считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что, вмѣстѣ съ жалобой о неполученіи того или другаго нумера журнала, слѣдуетъ присылать удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы въ таковомъ неполученіи, безъ котораго контора редакціи не можетъ обратиться въ газетную экспедицію съ просьбой объ удовлетвореніи поступившей жалобы.

Ипполитъ Ивановичъ Монаховъ.

И. И. Монаховъ родился въ Кіевѣ и окончилъ курсъ въ тамошнемъ университетѣ. Во время студенчества своего онъ обратилъ на себя вниманіе исполненіемъ роли Кочкарева, въ комедіи «Женитьба» Гоголя (Театральный Альманахъ г. Соколова). Переехавши въ Петербургъ, г. Монаховъ игралъ на любительскихъ сценахъ и прославился въ особенности какъ декламаторъ-стихотворецъ и пѣвецъ-куплетистъ. Въ 1868 г. онъ первый разъ дебютировалъ на сценѣ Александринскаго театра въ роли хлыща Бородавкина въ комедіи «Виповатая» Потѣхина, но особеннаго успѣха не имѣлъ — можетъ быть потому, что публика, благодаря игрѣ его, не могла симпатизировать, сочувственно отнестись къ такой гадинѣ, какъ Боро-

И. И. Монаховъ. Рис. Тихомировъ, грав. Пуцъ.

давкинъ. У насъ зачастую смѣшиваютъ актера съ тѣмъ лицомъ, которое онъ изображаетъ. Стигравъ роль Ахилла въ «Прекрасной Еленѣ», г. Монаховъ вдругъ понравился и полюбился публикѣ, а затѣмъ, изобразивъ прекрасно старичка Кутузкина въ «Виповатой», обратилъ на себя серьезное вниманіе театраловъ и критики. Тутъ дирекція назначила ему небольшое жалованье — до этого онъ игралъ даромъ. Вообще говоря, талантъ г. Монахова не изъ крупныхъ, и, къ сожалѣнію, въ немъ самомъ не замѣчается стремленія идти впередъ, поработать надъ собой, но за то какъ чтецу стиховъ и исполнителю куплетовъ — Ипполиту Ивановичу принадлежитъ неотъемлемо пальма первенства.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

Джигитъ-посланецъ благополучно доскакалъ до русскаго лагеря подъ Чандыромъ, и прямо явился къ генералу. Вѣсть объ удачномъ набѣгѣ и его результатахъ мгновенно облетѣла весь лагерь. Все всполошилось и поднялось на ноги...

Пуговицынъ занятъ былъ въ это время дометываніемъ сто четвертой талии, которая для него была необыкновенно счастлива—онъ убилъ уже третьяго вальта и готовился прихлопнуть четвертаго; передъ нимъ накопилась уже порядочная кучка смятыхъ, засаленныхъ бумажекъ...

— Легче братецъ! недовольно произнесъ онъ, когда въ палатку влетѣлъ Кустиковъ и запыхавшись, чуть не опрокинувъ стола, не вскрикнувъ, а какъ-то выстрѣлилъ:

— Наталья Мартыновна—здѣсь!..

— Что? вытаращилъ глаза майоръ...

Офицерство, забывъ расчёты, выскочило стремительно вонъ, путаясь и спотыкаясь о палаточныя веревки...

— Везуть, везуть! кричалъ поручикъ.—Джигитъ при- скакалъ... везуть... уже близко...

Внимательно посмотрѣлъ Пуговицынъ въ лицо Кустикову... видитъ—что-то похоже на правду... Прислушался—дѣйствительно, въ лагерѣ поднялась суматоха... слышенъ шумъ, лошадей сѣдлаютъ... Майоръ снялъ свою фуражку—онъ даже въ палаткѣ сидѣлъ съ покрытою головою—и набожно перекрестился; потомъ крикнулъ:

— Архипъ, сѣдлайте!

И, не спѣша, зашагалъ прямо къ палаткѣ своего пріятеля, хромаго казака...

— Встревожатъ его, размышлялъ майоръ дорогою,—бухнуть разомъ,—а докторъ давеча говорилъ: „Боже сохрани“ всякое потрясеніе... А какъ тутъ его уберечь?.. вѣдь вотъ встряхнуть его, и здорово встряхнуть... это вѣрно, какъ дважды два... Такъ и есть! ишь лупятъ прямо къ нему—шалыны! Господа, господа, осторожныѣе, не сразу... надо приготовить сначала... да слушайте-же, эй!..

Но его никто не слушалъ. Человѣка четыре уже обогнали мѣшковатаго майора и въ его глазахъ вскочили въ палатку Головина... Тамъ уже слышались восклицанія Кустикова, успѣвшаго опередить всѣхъ...

— Близко, совсѣмъ близко... слышался его голосъ:—джигитъ говорилъ: идутъ скоро, сегодня должны быть... тамъ пыль видѣли... это они, навѣрное они...

Когда майоръ вошелъ въ палатку, тамъ было такъ тѣсно, что трудно было даже повернуться. Головинъ, съ яркимъ пятнистымъ румянцемъ на щекахъ, торопливо одѣвался и натягивалъ на свои ноги высокіе сапоги, но довольно неуспѣшно—слабыя руки не слушались и дрожали... На лбу больного проступили крупныя капли пота... Въ противоположность румянцу щекъ, лицо его было блѣдно какъ полотно, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ...

— Ты не волнуйся, голубчикъ... Эй, да помогите же ему одѣться! говорилъ Пуговицынъ.—Ты не волнуйся-же, братъ, тебѣ очень вредно... ну, что толку?! чего торопиться!.. Слава Богу нашли, ну и будь покоенъ...

— Сердце мое чуяло, сердце чуяло... бормоталъ Головинъ.—Лошадь! ради Бога, лошадь!.. гнѣдаго сѣдлайте,—тотъ скачетъ лучше...

— Самъ ѣхать хочешь, что-ли? да гдѣ уже тебѣ!.. сиди и жди... Ну полно-же, что горячку пореши!..

— Мнѣ „гдѣ“? Да что я издыхаю что-ли?.. Я здоровъ! видишь: стою на ногахъ крѣпко... Я совсѣмъ здоровъ... смотри!

И Головинъ такъ стиснулъ своею рукою руку Пуговицына, что тотъ невольно поморщился...

— Э-эхъ!.. досадовалъ майоръ.—И къ чему было ему говорить?.. Обрадовались!.. Вотъ глупость сдѣлали!.. Ну Богъ съ тобою... тебя не удержишь... Постой, хоть я тебѣ сѣсть подсоблю... Казакъ, держи лошады!.. Да что же мою не ведутъ! эй вы тамъ—черти! дьяволы! Проворнѣ!..

— Здѣсь, готово, ваше высокоблагородіе! докладывалъ Архипъ, проталкиваясь впередъ и таща въ поводу упирившуюся лошадь майора.—Здѣсь! пожалуйста... извольте садиться...

— Ты хоть не скачи.. поспѣемъ! все еще уговаривалъ Головина Пуговицынъ.

А хромой казакъ, шатавшійся на ногахъ отъ слабости, словно преобразился, почувствовавъ подъ собою свое привычное сѣдло... Молодцовато сидѣлъ онъ на конѣ и уже несясь въ карьеръ, опережая столпившуюся въ узкомъ проходѣ между бивуаками, общую кавалькаду...

И въ солдатскихъ рядахъ вѣсть о прибытіи Натальи Мартыновны надѣлала тоже не мало тревоги: оттуда уже бѣжали „бѣлыя рубахи“—безъ шапокъ, кто какъ былъ, брали напрямикъ, перелѣзая черезъ изгороди, прыгая черезъ арыки, перебираясь гдѣ въ бродъ, гдѣ съ помощью рукъ, и не отставали отъ конныхъ.

— Ударъ теперь на насъ тюркмены, въ этотъ переполохъ... ну, задали-бы они намъ чесу! поговаривали между собою недовольные часовые и дежурные, недовольные ни тѣмъ безпорядкомъ, который они должны были бы предупредить по своей обязанности, ни тѣмъ, что эта проклятая обязанность удерживала ихъ самихъ отъ участія въ радостной встрѣчѣ своей „матушки-благодѣтельницы“.

Вотъ эту-то толпу пѣшихъ и конныхъ, такъ стремительно несущуюся впередъ, и встрѣтилъ казачій отрядъ, возвращавшійся со своего счастливаго набѣга, „удачной рекогносцировки“.

XXIV.

Рѣшеніе Натальи Мартыновны и результаты вызова Ровича.

И въ тотъ же вечеръ, въ палаткѣ Головина происходила слѣдующая сцена.

Хромой казакъ, выдержавъ такое страшное потрясеніе, совсѣмъ уже ему не по силамъ, лежалъ на постели, слабый, неподвижный, блѣдный какъ полотно, едва переводя чуть замѣтное дыханіе. Если бы кто взглянулъ на него въ эту минуту, тотъ бы навѣрное подумалъ, что видитъ передъ собою трупъ; но присмотрѣвшись пристальнѣй, съ должнымъ вниманіемъ, онъ могъ замѣтить, какъ много жизни сохранилось еще въ этихъ глазахъ, нѣжно устремленныхъ на сидѣвшую рядомъ, у постели женщину... Но только эти глаза одни и говорили, они только и высказывали тѣ чувства, которыя переполнили душу больного и донели его до этого печальнаго состоянія.

Головинъ молчалъ,—а какъ много хотѣлось ему говорить!.. Но онъ не говорилъ—не потому что языкъ его не въ силахъ былъ ворочаться въ пересохшемъ, воспаленномъ рту, а потому что въ ногахъ постели сидѣлъ еще человѣкъ, въ бѣломъ кителѣ, изъ-подъ котораго выглядывала желтая, шелковая рубаха, съ докторскими погонами на широкихъ, нѣсколько приподнятыхъ плечахъ...

Этотъ человѣкъ чуть не сотый разъ повторялъ одну

и ту же фразу: онъ произносилъ ее тотчасъ же, какъ только замѣчалъ въ больномъ желаніе воспользоваться своимъ языкомъ.

— Не смѣй говорить!.. повелѣвалъ докторъ,—только ротъ раскройте, чтобы болтать глупости, сейчасъ велю Натальѣ Мартыновнѣ выйти вонъ и не посѣщать васъ, впредь до моего на то докторскаго разрѣшенія... Поняли?..

А въ ту же минуту и рука Натальи Мартыновны нѣжно прикрывала ротъ больного и тотъ довольствовался въ такомъ случаѣ поцѣлуемъ этихъ тонкихъ, исхудалыхъ пальчиковъ.

На складномъ стулѣ—посреди шалаша сидѣлъ Пуговицынъ, и тоже повторялъ все одну и ту же ободрительную фразу:

— Э, ничего!.. онъ у насъ будетъ молодцомъ... Вотъ поглядите, коли мы его въ мѣсяцъ не поставимъ на ноги... Вспомните тогда мои слова... какъ дважды два четыре...

Кустиковъ тоже пробрался въ палатку и ухитрился такъ уѣсться, что могъ безъ труда прикладываться къ свободной рукѣ Натальи Мартыновны, что ему и не взбѣжало, какъ присутствующими, такъ и самой той, кому эта рука принадлежала.

Подругинъ и Маслобойниковъ, проходя мимо, то и дѣло навѣдывались въ палатку, заглянуть что тамъ дѣлается; а это было очень легко, ибо полы палатки, со всѣхъ сторонъ кромѣ одной, были приподняты для проветриванія.

У входа въ палатку стоялъ майоръ Бирнапсъ, выхлопотавшій такъ своему батальону право участвовать въ экспедиціи... Сосредоточенный и совершенно довольный собою остзейскъ разставилъ ноги, засунулъ руки въ карманы, и пускалъ изъ своей глиняной трубочки, которую онъ выдавалъ за пенковую необыкновеннаго качества,—такія густыя, волнообразныя струи табачнаго дыма, что изъ-за нихъ совершенно невидимо было его широкое, красное лицо, обрамленное щетинистыми, желтоватыми бакенбардами.

Наталья Мартыновна переодѣлась уже изъ тюркменской рубахи въ свое собственное сѣренькое платьице съ чернымъ фартукомъ и бѣлою полотняною накидкою, въ родѣ удлиненнаго пелерина. Ея одежда сбережена была Головинымъ и до сей минуты хранилась, какъ святыня, въ его походныхъ чемоданахъ.

— Слушай-же, говорила Наталья Мартыновна больному, положивъ свою руку на его потный и холодный лобъ:—я буду лечить тебя вмѣстѣ съ докторомъ—онъ будетъ лечить тѣло, а я твою душу—я хочу тебя вылечить и вылечу... для себя вылечу... Вѣдь я эгоистка, ты знаешь... Кромѣ тебя, дорогой мой, никто моимъ мужемъ не будетъ... такъ это ты и знай, а потому изволь выздоравливать...

— Э, ничего! онъ у насъ будетъ молодцомъ. Вотъ, поглядите-ка, какъ мы его въ мѣсяцъ на ноги поставимъ... Я посаженнымъ отцомъ буду... Такую свадьбу сыграемъ!..

— А я шаферомъ! нылъ Кустиковъ.—Наталья Мартыновна, я у васъ шаферомъ буду... Вы никого кромѣ меня не берите въ шафера... да? не возьмете?..

— И какъ я на сей свадьбѣ буду напиваться... О, я буду напиваться!.. возглашалъ майоръ Бирнапсъ, сквозь облако табачнаго дыма.

— Этимъ мы его пуще всякихъ лекарствъ поднимемъ, говорилъ докторъ:—потому, если не поможетъ эта великая сила, то что же можетъ сдѣлать вся наша походная аптека? тѣфу—одно слово! А впрочемъ, я все таки принесу вамъ сегодня порошки и въ пузырькѣ одной весьма полезной дряни—и все это вы аккуратно заставляйте его принимать, по инструкціи—на ярлыкѣ означенной...

— Доживу-ли я?.. чуть слышно шепталъ больной.

— Тс! закрывала Наталья Мартыновна ему ротъ,—ни слова!

— Молчать, а то сейчасъ выгоню всѣхъ безъ исключенія...

— Повиноваться господину доктору безпрекословно, какъ солдатъ своему генералу,—ибо больной—тотъ же солдатъ относительно доктора,—я такъ полагаю...

— Да кончите ли вы вашу трубку? полную палатку дыму напустили, прервала его разсужденія Наталья Мартыновна.

— Я уже оную окончилъ и кладу въ карманъ, произнесъ майоръ, укладывая въ карманъ всѣ принадлежности своего куренія...

— Вотъ бумага къ вашему высокоблагородію! доложилъ солдатъ, вытянувшись въ струнку передъ палаткою и протягивая конвертъ.

— Отъ кого это? спросилъ Пуговицынъ, принимая „эту бумагу“.

— Отъ его высокоблагородія господина ротмистра Ровича.

— „Головину“, произнесъ глубокомысленно майоръ,—ну, братъ, извини, я за тебя распечатаю и прочитаю... Ого!..

Больному было не до писемъ въ эту минуту, отъ кого бы они ни были и онъ не обратилъ даже вниманія на это послѣднее обстоятельство.

Пуговицынъ прочелъ и лицо его даже передернуло отъ злости... Онъ протянулъ записку Ровича Бирнапсу, тотъ прочелъ, произнесъ: „хлыщъ и дубина“ и передалъ Кустикову, тотъ тоже прочелъ и молча сунулъ бумажку въ руку доктора. Записка такимъ образомъ побывала у всѣхъ, за исключеніемъ именно того, кому она была адресована. Впрочемъ и Наталья Мартыновна чрезвычайно заинтересовалась ею, едва только замѣтила встревоженное, озлобленное выраженіе лица читавшихъ...

— Что тамъ?... дайте сюда, протянула она свою руку.

— А это до васъ, матушка, не касается, безцеремонно отстранилъ ее Пуговицынъ и вышелъ изъ палатки, взявъ у доктора записку.

Записка эта была очень коротка, всего въ нѣсколько разгонистыхъ строчекъ, написанныхъ нервнымъ, нетвердымъ почеркомъ:

„Милостивый государь“!

„Всякія объясненія излишни... Вы сами должны убѣдиться, что дѣло между нами можетъ быть кончено только на барьерѣ... а потому, если вы не труетъ, я васъ буду ждать завтра, на разсвѣтѣ, за Чандырскою могилою, въ двухъ верстахъ отъ лагеря.

Ровичъ“.

„У меня секундантавъ нѣтъ,—можете явиться со „своими“—сколько бы ихъ не было, это все равно“.

Спустя полчаса, послѣ нѣкотораго совѣщанія между созванными по этому поводу офицерами, отвѣтъ былъ составленъ, написанъ и препровожденъ по назначенію. Въ этомъ отвѣтѣ, не менѣе краткомъ какъ и само письмо Ровича, значилось:

„Вы, милостивый государь, или совсѣмъ дуракъ, или пошлый нахаль. Въ первомъ случаѣ да простить вамъ Богъ ваше убожество,—а во второмъ вы заслуживаете просто на просто быть высѣчены, во избѣжаніе чего и совѣтуемъ вамъ немедленно оставить отрядъ и убраться туда, откуда пожаловали.

Подписано: „по общей довѣренности, Пуговицынъ“.

— Пойдти и перестрѣлять ихъ всѣхъ какъ собакъ! рѣшилъ сгоряча Сергѣй Николаевичъ, прочитавши отвѣтъ на свой вызовъ,—но потомъ сталъ соображать... Соображалъ долго, чуть не всю ночь, а къ утру пришелъ къ такимъ выводамъ: „связываться съ ними со всѣми неудобно, по многимъ причинамъ... Тутъ, въ этихъ

Въ пустынь. Картина Жерома, рисов. Шютровскій, грав. Барановскій. Гравюра эта приобретена нами по соглашенію съ Гупилемъ и К^о, единственными собственниками этого художественнаго произведенія.

дикихъ мѣстахъ, при подобныхъ дикихъ, лишенныхъ цивилизаціи правахъ,—пожалуй и въ самомъ дѣлѣ выпорять... Дѣйствительно лучше уѣхать по добру по здорovu... Кстати—онъ замѣтилъ въ себѣ довольно утѣшительную перемену: его страстный пылъ къ Натальѣ Мартыновнѣ началъ вдругъ остывать, и чрезвычайно даже быстро... И такъ, рѣшено! Записка, эта скандальная, пасквильная записка, отвѣтъ Пуговицына,—была немедленно сожжена, подвергнута пламени спички, а депешикъ Ровича получилъ приказаніе укладывать господскіе чемоданы.

Оставалось только подать просьбу объ отпускѣ, получить его и отправляться. Къ тому же, онъ получилъ еще вторую записку, отъ того же лица; въ ней общались сохранить все дѣло въ тайнѣ, не разболтать о немъ и не компрометировать его, если онъ будетъ впредь вести себя прилично и не подастъ самъ къ тому повода. Эта вторая записка очень утѣшила и успокоила Сергѣя Николаевича,—и онъ даже рѣшилъ, что хотя эти степные рыцари немножко и дики, но все таки ничего, ребята добрые и зря не кусаются...

Въ отпускѣ Сергѣю Николаевичу отказано не было.

(Окончаніе будетъ).

АРАБЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

(Картина Жерома).

«Когда Творецъ задумалъ создать коня», говоритъ ученые арабскіе писатели—«онъ обратился къ вѣтру и сказалъ: «ты долженъ родить существо, которое будетъ пользоваться моимъ почетомъ. Рабы мои должны будутъ любить и уважать его». Затѣмъ онъ сотворилъ коня и сказалъ ему: «Съ тобою не сравнится ни одно животное: все земныя сокровища лежатъ между твоими глазами; ты будешь топтать моихъ праговъ и посѣтишь на себѣ моихъ друзей. Съ твоей спины будутъ произносить мои молитвы. Ты будешь счастливъ на всей землѣ и тебя будутъ цѣнить дорожники всѣхъ существъ». Отсюда у арабовъ распространилось суевѣрное мнѣніе, что благородный конь можетъ быть счастливъ лишь въ рукахъ араба. Съ другой стороны, арабы до того проникнуты мыслью о преимуществахъ этого животного и наслажденіи ѣздою на немъ, что сложили пословицу: «немной рай можно найти на хребтѣ коня, въ книгахъ премудрости и падѣ сердцемъ женщины». Жеребенокъ воспитывается со всевозможной заботливостью—и съ перваго дня появления на свѣтъ онъ живетъ какъ членъ семейства. Изъ этого понятно, что арабскія лошади стали домашними животными и томъ же смыслѣ слова какъ собака—и безъ малѣйшей опасности могутъ быть выпускаемы въ шатеръ хозяина и въ палатку его дѣтей. Брѣмъ видѣлъ арабскую кобылу, которая играла съ дѣтьми своего господина, точно такъ, какъ играетъ съ дѣтьми большая собака. Три маленькіе мальчугана, изъ которыхъ одинъ едва могъ ходить, забавлялись съ нею и сильно надѣлали ей;

но кобыла позволяла дѣлать съ собою все что угодно,—даже очень охотно удовлетворяла самымъ упрямымъ желаніямъ играющихъ дѣтей.

Съ наступленіемъ 18-го мѣсяца начинается воспитаніе жеребенка; предварительно на немъ пробуютъ ѣздить мальчикъ. Оба учатся вмѣстѣ: изъ мальчика будетъ наѣздникъ, изъ жеребенка—верховой конь. Обученіе начинается подъ открытымъ небомъ, но продолжается и въ шатрѣ. Слѣдятъ за каждымъ движеніемъ животного, обращаются съ нимъ съ любовью и гнѣзностью. Сѣдло на первый разъ берутъ самое легкое. Удила сначала обматываютъ шерстью и смачиваютъ соленой водой, чтобы лошадь легче привыкла къ непріятному для нея желѣзу. Только когда ей наступитъ седьмой годъ—воспитаніе ея считается оконченнымъ, что и говорится въ арабской пословицѣ: «семь лѣтъ для моего брата, семь лѣтъ для меня и семь лѣтъ для моего врага». Нигдѣ не придають такого значенія воспитанію, какъ въ большой пустынѣ: ѣздокъ образуетъ себѣ лошадь, такъ же, какъ мужъ жену» говорятъ арабы. Арабъ потеряетъ свое доброе имя, если отдастъ своего коня за золото или серебро. На такую лошадь не нужно бича: легкое прикосновеніе шпоры, одно слово всадника заставляютъ ее ускорять бѣгъ. Она понимаетъ всѣ приказанія господина, ложится у ногъ его, кладетъ голову ему на колѣва и загрызаетъ съ нимъ, какъ изображено это на прилагаемой картинѣ Жерома.

РРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллерн-Бирхъ.

(Продолженіе).

Маленькое стадо живо было собрано, молочная посуда уложена—и все тронулось въ путь. Валли шла молча. Мускулы лица ея были странно напряжены, губы сжаты, а сдвинутыя густыя брови образовали грозную складку, хорошо напоминавшую отца. Дѣвушка быстро шагала впереди стада; крѣпкія ноги ея оставляли глубокіе слѣды по снѣгу, и чѣмъ ниже она спускалась, тѣмъ все болѣе и болѣе прибавляла шагу, такъ что батракъ съ козами и овцами еле поспѣвалъ за ней. Тамъ, гдѣ спускъ былъ слишкомъ крутъ, Валли съ размаху всаживала желѣзный накопечникъ посоха въ землю и молодецки прыгала внизъ. Только одинъ Ганзль и могъ слѣдовать за ней, перелетая широкія трещины и зіяющія бездны. Частенько случалось, что работникъ и стадо совсѣмъ пропадали гдѣ-то въ туманѣ, тогда Валли приостанавливалась на минутку, ждала пока они снова покажутся; батракъ указывалъ ей путь—и она опять устремлялась впередъ, не зная устали, какъ будто летѣла спасать человека отъ неминуемой смерти.

Но вотъ выбрались они изъ области снѣга. Вонъ и Вентъ уже видѣтъ внизу... Та же картина представилась ей, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда она отправлялась въ горы, но теперь картина эта, освѣщенная лучами майскаго солнца, была такой тусклой въ мертвяще-осеннемъ холодномъ воздухѣ. Работникъ посоветовалъ отдохнуть въ Вентской деревушкѣ,

но Валли не соглашалась на это, хотя онъ и увѣрялъ, что сами они и скотинка пропадутъ, если не сдѣлаютъ получасоваго роздыха.

— Если хочешь—отдыхай тутъ, а я пойду дальше. Дорога мнѣ теперь извѣстна, сказала дѣвушка и прибавила:—если спросятъ, куда я пошла—ты скажи *тамъ*, что я пошла къ Люккардтѣ...

И она опять зашагала. Вѣрный спутникъ, преданный Ганзль, кружился надъ ней, помахиывая на нее крыльями. Онъ уже могъ теперь летать куда угодно, такъ какъ Валли не подстригала больше ему крыльевъ. Вотъ достигла она того мѣста, гдѣ старушка Люккардт попрощалась съ ней и пошла домой... Да, старушка Люккардт!.. Валли и теперь такъ ясно видѣла, какъ шла эта старая женщина и утирала слезы передникомъ... Вотъ, машетъ она ей на прощанье своими желтыми, костлявыми руками... Серебристыя пряди волосъ выбились изъ-подъ чепчика и развѣваются по вѣтру... Будучи въ почетѣ и силѣ въ домѣ Штротмингера, Люккардт состарилась на своей службѣ—и вдругъ дожить до такого позора—позора на такую сѣдую, почтенную голову!.. И Валли такъ легко разсталась съ нею, даже плакать ей запретила, грубо высвободилась изъ объятій старушки, которая, глубоко горя, не хотѣла ее выпустить... Какъ же это она тогда совсѣмъ ничего не предчувствовала? Отчего ей въ голову не пришло, на какую жизнь она оставляла безсильную, под-

начальную женщину, которой придется из-за нея же претерпеть бѣду, быть такъ опозоренной!..

Дѣвушка понеслась еще пѣбче, какъ будто надѣялась пагнать еще Люккардъ—шесть мѣсяцевъ тому назадъ проходившую тутъ.... Холодно было, а лобъ Валли покрылся потомъ, — то было отъ жгучаго нетерпѣнія поскорѣ заявить свою признательность старушкѣ, отдѣлаться отъ гнетущаго долга. Валли чувствовала, какъ горячія слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ... Передъ нею то и дѣло мелькала фигура тихо плачущей Люккардъ: вотъ она, вотъ—медленно движется по тропинкѣ, а Валли бѣжитъ къ ней, но разстояніе между ними не уменьшается... Далеко онѣ другъ отъ дружки—и ей никакъ не догнать ее!...

Дѣвушка должна была наконецъ перевести духъ, пріостановиться. Смахнувъ капли пота со лба и стеревъ слезы, она послѣ короткаго отдыха снова устремилась впередъ.

— О, погоди, Люккардъ, стой же! Вѣдь я бѣгу, бѣгу! почти шептала Валли, задыхаясь и думая успокоить себя этими словами.

Но вотъ и колокольня Гейлигкрейца, а вонъ и крутая тропинка, что ведетъ къ уединенной кучкѣ домиковъ по ту сторону ущелья — къ мѣстечку „Винтершталь“, гдѣ родилась Люккардъ. Пройдя Гейлигкрейцъ, Валли круто повернула и перешла черезъ трепещущій мостикъ, подъ которымъ бурлили пѣнистыя волны необузданнаго Аха, какъ будто онѣ гнѣвались на дерзкую дѣвушку и хотѣли забрызгать ее за то, что она ужъ слишкомъ безпечно глядѣла въ страшную бездну, вовсе не думая объ опасности и о томъ, что голова можетъ закружиться. Мостикъ остался позади, но надо еще выше подняться, — и вотъ, пройдя крутую тропинку, Валли достигла наконецъ цѣли, къ которой летѣла съ встревоженнымъ сердцемъ: она въ Винтершталь. Тутъ, сейчасъ, по лѣвой рукѣ, у дороги, стоитъ хижинка старухи Аннемидель, двоюродной сестры Люккардъ, хижинка съ окошечками и низко - нахлобученнай соломенной кровлей. И навѣрно подъ окошечкомъ сидитъ старушка со своей пряжей (обыкновенная ея зимняя работа)... Очутившись у этой избушки, Валли вздохнула всей грудью; однако, не отворяя еще двери, подкралась къ тусклому окошку и съ улыбкой заглянула въ него, надѣясь сейчасъ же увидѣть Люккардъ, но.... тамъ никого не было. Казалось, въ хижинѣ этой никто не жилъ и она совсѣмъ была заброшена; кровать стояла безъ матраца и вообще не имѣла надлежащаго вида. Фигура Христа изъ дерева, довольно грубой работы, съ пригвожденными къ кресту руками, обратила на себя вниманіе Валли, и она увидѣла на этомъ распятіи обрывокъ чернаго крепа и высохшій вѣнокъ изъ руты.... Не несла была картина! Вся радость дѣвушки вдругъ пропала..... Посадивъ Гапзля на изгородь, Валли толкнула дверь и очутилась въ тѣсныхъ сѣнцахъ, въ глубинѣ которыхъ видна была кухонька, гдѣ на очагѣ чадитъ горѣвшій хворостъ. Какъ видно, тамъ кто-то стряпалъ... И кому-же больше, какъ не Люккардъ?... Сердце сжалось въ груди дѣвушки и она вошла въ кухню. Передъ очагомъ стояла одна Аннемидель и отрѣзывала себѣ кусокъ хлѣба къ похлебкѣ.

— Ахъ, Боже ты мой! Штрюммингера Валли! воскликнула старуха и такъ растерялась, что уронила пожитки въ чашку. — Ахъ, Творецъ небесный — пришла! Эка жалость!...

— Люккардъ гдѣ? спросила Валли.

— Умерла.... Ахъ, Мать пресвятая Богородица! Что бы придти тебѣ, дѣвушка, тремя деньками пораньше?.. Вчера мы ее только схоронили....

Валли слова не вымолвила, ни одинъ звукъ не вырвался изъ ея груди, и, закрывъ глаза, она прислонилась только къ косяку двери.

— Ахъ, жалость какая! заохала болтливая старушка.—

Вѣдь Люккардъ-то все говорила, что не хочется ей умереть, не повидавъ тебя, и не умереть она, пока тебя не увидитъ, потому что такъ по картамъ выходило.... Ну, и она все слѣшала, и днемъ, и ночью: не идешь-ли ты?... А какъ почувствовала она свой конецъ, такъ и промолвила: „Приходится помирать теперь, ну, значитъ, никогда больше мнѣ и не увидѣть ее“.... Приказала подать въ послѣдній разъ карты, и передъ самымъ концемъ-то своимъ хотѣла погадать на тебя, да ужъ силы-то не было, руки такъ и упали.... „Совсѣмъ ничего не вижу!“ сказала это, потянулась и—отопла.

Валли закрыла лицо руками. Она все еще молчала, какъ будто онѣмѣла.

— Пожалуй въ горницу-то, войди! приглашала радушно Аннемидель:—я, вотъ, все не рѣшалась, одна-то, заглянуть туда, съ того самаго дня, какъ вынесли мы оттуда покойницу... А вѣдь какъ я рада-то была, когда сестра вдругъ явилась и сказала, что станетъ жить теперь со мной! Ужъ такая-то скукища была, когда я жила тутъ сиротой круглой.... Ну, однако сестрѣ не въ могоу было отъ стыда... Это я сейчасъ увидѣла. Стыдъ-то, точно вотъ камень тяжелый, придавилъ ей сердце.... Кусокъ въ горло ей не шелъ, и всѣ-то она ноченьки плакала, а потому слабѣла, хирѣла —ну, и померла.

Старуха отворила дверь въ горницу, которую Валли уже видѣла въ окошечко, и обѣ онѣ вошли туда. Полусонныя осеннія мухи встревожились и зажужжали надъ ними. Валли замѣтила въ углу старую — теперь уже умолкнувшую пралку Люккардъ.... Заброшенная кровать имѣла препечальный видъ.

Изъ висячаго шкафика (на немъ была изображена черная Альтенъ-Этингская Божія Матерь) Аннемидель достала старенькую колоду нѣмецкихъ игральныхъ картъ.

— Видишь — припрятала я карточки для тебя; знала, что придешь ты: ужъ такъ по нимъ вышло. Колода эта теперь не простая—волшебная она, какъ надо быть, потому ежели на какую колоду попадѣ предсмертный потъ—такія карты вдвое дороже, правдивѣе. Не знаю я, какая папастъ угрожала тебѣ, но сестра все покачивала головой и со страхомъ глядѣла на раскладку картъ. Ни словечка не сказала она мнѣ о томъ, что именно видѣла—а должно быть карты говорили что нибудь нехорошее....

Старуха отдала Валли колоду, та молча взяла ее и опустила въ карманъ. Глядя на дѣвушку, Аннемидель дивилась, почему это она такъ мало поражена извѣстіемъ о смерти Люккардъ, такъ равнодушна — даже слезинки не выронила?....

— Ужъ ты не зыщи, заговорила она,—я пойду въ кухню. Тамъ у меня супъ варится. Похлѣбаешь со мной—а?

— Хорошо, хорошо, отвѣтила Валли глухимъ голосомъ,—иди себѣ, иди, а я тутъ отдохну немножко.... Нибоко бѣжала я съ Гохъ-юха.

Аннемидель ушла, качая головой и бормоча:

— Ну-пу, ежели-бъ знала Люккардъ, что у дѣвушки этой вмѣсто сердца—камень!....

Какъ только Валли осталась одна—сейчасъ же заперла дверь на задвижку и бросилась на колѣни передъ кроватью. Вынувъ карты, она положила ихъ передъ собой, потомъ сложила руки крестомъ, какъ будто смотрѣла на священный предметъ, и—вдругъ застонала громко....

— Ты умирала, а меня тутъ не было! воскликнула дѣвушка. — Ты всегда, всегда, во всю жизнь, была добра ко мнѣ, ласкова!... Ну, а я.... я-то чѣмъ отблагодарила тебя?... О, Люккардъ, старенькая, миленькая Люккардъ—неужели ты ничего не слышишь?... Вѣдь вотъ я теперь тутъ, тутъ!.. Нѣтъ, ужъ поздно!... Продержали они меня тамъ наверху, слишкомъ долго... Ни одинъ пастихъ такъ поздно не уходитъ оттуда!... И все это со

злости они сдѣлали: пусть, молъ, она тамъ померзнетъ да порядкомъ поголодаетъ!.. Вонъ—и двѣ овечки у меня погибли, и тебя потеряла я тоже, бѣдная ты моя, хорошая Люккардъ!....

Валли вдругъ вскочила; въ красныхъ отъ слезъ глазахъ вспыхнулъ лихорадочный огонь; пальцы рукъ невольно сжались, и она подняла кверху загорѣлые кулаки.

— Ну, ладно же! Погодите вы тамъ всѣ... вѣрвары! Явлюсь я къ вамъ! Покажу я вамъ, что значитъ выгонять вонъ неповинныхъ, безпомощныхъ!.. Богъ свидѣтель, Люккардъ, услышишь ты въ могилѣ своей, какъ я отдѣлаю ихъ за тебя!...

Тутъ глаза ея нечаянно остановились на распятіи, висѣвшемъ надъ кроватью покойной старушки.... Въ порывѣ скорби Валли стала упрекать Того, Кого все еще не понимала и не могла понять. Она была страшна въ своемъ невольномъ гнѣвѣ.... Вся непреклонность, дикость, все что она унаслѣдовала отъ отца—развилось въ ней широко и безирепятственно въ глуши изгнанья, а честное, горячее сердце, знакомое только со свѣтлыми, благими стремленіями, ничего не подозревая, толкало и разносило по всему тѣлу пагубно-взбудораженную кровь.

Дѣвушка собрала свою драгоценность — карты, на которыхъ умиравшая старушка оставила для Валли незримую печать своей любви къ ней, и вернулась къ Аннемидель въ кухню.

— Ну, мнѣ теперь пора въ дорогу, проговорила она довольно спокойнымъ тономъ,—только прежде я бы попросила тебя рассказать мнѣ о томъ, что именно вышло тамъ между Люккардъ и... *хозяйномъ*....

Такъ Валли называла теперь отца. Аннемидель вылила похлебку въ деревянную чашку и почти принудила дѣвушку взяться за ложку.

— Изволь, расскажу, начала старушка, видя, что Валли стала ѣсть. — Слушай. Викентій-то совсѣмъ завертѣлъ твоимъ отцомъ, а тотъ съ лѣта захромалъ, пересталъ, значитъ, бѣгать. Ну, и сталъ этотъ Викентій каждый вечеръ къ нему показывать, карточками его

занимать: и все проигрываетъ, все проигрываетъ—ладно, думаетъ, весь проигрышь ворочу, когда дочкой твоей завладѣю!.. А старикъ такъ къ нему привязался, что скоро отдалъ ему въ руки все хозяйство.... Нога-то большая мѣшала ему часто выходить. Ну, Викентій и сталъ думать: что ужъ, домъ все равно что мой, будучи я управлять всѣмъ по своей волѣ. Вотъ тутъ-то и зачалась ссора между нимъ и Люккардъ. Сестра моя хотѣла по прежнему присматривать за порядкомъ, да нѣтъ: Викентій все у нея отобралъ, и она даже пикнуть не смѣла. Замѣтилъ онъ, что Люккардъ крѣпко горевала, вотъ и говоритъ онъ ей какъ-то: „хочешь—сдѣлаю я тебя настоящей хозяйкой, какъ слѣдуетъ; даже сквозь пальцы стану смотрѣть, ежели ты захочешь, примѣрно, чѣмъ поживиться,—но помоги мнѣ Валли получить: ты это можешь, она вѣдь тебя слушается!“.... Ну-ужъ тутъ Люккардъ не вытерпѣла, такъ и отрѣзала ему, что никогда она не была воровкой и не станетъ на старости лѣтъ брать на-душу такого грѣха, что не надо ей ничего кромѣ честно-заработаннаго, а ужъ о такомъ человѣкѣ, который о ней такъ дурно думаетъ, она и слова не вымолвитъ Валли.... И отплатилъ ей лиходѣй за это: сейчасъ пошелъ къ Штротмингеру и наклепалъ на нее. „Я, говоритъ, теперь увѣренъ, что все это дѣло Люккардъ: она наговаривала Валли и на меня, и на васъ, поджигала ее супротивничать, потому что ей самой хотѣлось все хозяйство къ рукамъ прибрать“.... Вотъ тебѣ и вся исторія! Ну, а это совсѣмъ сокрушило сердце моей сестры... Вдругъ такъ говорить о ней—и хоть одно-то было-бы слово правды! Дѣ, тяжело человѣку, ежели взводить на него напраслину.... Ну, скажи, учила она тебя идти супротивъ отца?...

— О, нѣтъ—никогда! Это была тихая, скромная женщина. Въ чужія дѣла она не любила вмѣшиваться....

Сверкавшіе глаза Вали снова затуманились отъ наворачившихся слезъ; она отвернулась и встала.

— Ну, храни тебя Богъ! Я скоро опять буду у тебя, проговорила дѣвушка, взяла пѣсохъ, шляпу, позвала Ганзля и быстрымъ шагомъ пошла домой.

(Продолженіе будетъ).

Д О М О В О Й.

(Разсказъ).

(Окончаніе).

За плечами котомка на полотенцѣ виситъ, подъ рубахою вериги желѣзныя побрякиваютъ, на груди образъ, складень мѣдный, на цѣпи болтается, а въ рукахъ у старика книжечка маленькая, и на книжечкѣ той желтою, потертою тесемкою восьмиконечный крестикъ выложенъ.

Идетъ старикъ тихо, въ полголоса пѣсни священные напѣваетъ, бормочетъ; притомился сердечный, ирисѣлъ на травку, не вдаль отъ конюшни, и краешку хлѣба изъ котомки вытащилъ....

— Хлѣбъ соль, дѣдушка! поклонился конюхъ Прошка.

— Хлѣбъ соль! выглянулъ въ окошечко конюхъ Мирошка.

— Спасибо, дѣтки божьи, прошамкалъ старикъ; — хлѣба кушать—милости просимъ....

— Откуда Богъ несетъ?

— Издалека... Охъ охъ! издалека...

— Изъ города что ли?

— Таперь вотъ изъ города, а въ городъ съ другого града веледѣнаго пришелъ, а въ томъ градѣ, богоснасаемомъ, свѣтымъ угодникамъ сподобился поклониться, устами своими нечестивымъ къ пречистымъ мощамъ коснуться... Помилуй меня Божье,—раба грѣшнаго Акима...

— Ишь-ты какой! шепнулъ вполголоса Прошкѣ Мирошка.

— Дре...евной... шепнулъ Мирошка Прошкѣ.

И подошли оба къ Божьему страннику, старцу Акиму многогрѣшному.

— Чтожъ на селѣ не остановился, дѣдушка, сюда пришелъ? спросилъ Прошка.

— Отъ міру дальше, соблазна и грѣха меньше, запомкалъ старикъ, потушившись въ землю.—Благодать въ пустынѣ, благодать въ полѣ, въ лѣсу божьемъ птички тебѣ чирикаютъ, Творца небеснаго славословятъ, уточки на рѣкѣ крикаютъ, голуби кур-

ныкаютъ, зайчики звѣрп милые, безобидные бѣгаютъ,—старца Акима не пугаются... Помилуй Господи, помилуй Господи, помилуй....

— Блаженный, шепнулъ опять Прошкѣ Мирошка.

— Надо полагать такъ, шепнулъ Мирошка Прошкѣ.

— Испить, водици нѣтъ-ли—подайте, Христа ради,—голубчики, божьи работнички!

— Квасу не хочешь ли, дѣдушка?.. У насъ важный; съ мятою...

— Не во чрево свое жить долженъ человѣкъ,—только во славу Божью... Вода питье отъ Господа данное, и за ту благодать благодаренье создателю...

— Подъ, принеси, въ ковшикъ; вонъ висятъ на крючкѣ, сказалъ Прошка Мирошкѣ...

— Далекое-ли, братцы, до монастыря Саввы преподобнаго—считается?... полюбопытствуй странникъ, осѣнивъ себя при имени святаго крестнымъ знаменіемъ.

— А ты туда, что-ли?..

— Туда пока, по обѣщанію; облобызавъ землю, что стопою своею попираю онъ,—нашъ милостивецъ, заступничекъ,—потомъ своимъ оросилъ праведнымъ.

Тучка стала выползати изъ-за лѣса, солнце за нее спряталось; блеснула зарница на горизонтѣ, за ней другая, а тамъ и греться... Шире и шире расплзалась эта тучка; вотъ уже полнеба охватила... вѣтромъ холоднымъ потянула, и глухо зашумѣли вершины липъ и кленовъ господскаго сада.

— Къ ночи ливень будетъ... вишь ты какъ заволакиваетъ, замѣтилъ конюхъ Мирошка,—хорошо коли бабы сѣно убирать догадаться, поспѣши... подмочить...

— Ты бы, дѣдушка, къ намъ въ сарай ночевать зашелъ, что здѣсь на дождѣ-то мокнуть; заходи, родимый, что-ли...

— Охо-хо-хо! заохалъ Акимъ старецъ:—ребята вы добрые,

Литературный альбомъ. Тарасъ Вульба въ Варшавѣ. Рис. Коверзневъ, грав. К. Вейерманъ.

ласковые, приютить хотите странника. Да поплетъ вамъ Господь за доброту вашу много милостей! Гдѣ у васъ сарай-то? я что-то плоховато вижу къ ночи-то.

— Ступай сюда, дѣдушка... Иди за нами — курная слѣпота чай?..

— Отъ старости, родной, отъ древности; сто восьмой пошелъ съ Николы майскаго, во сколько!

— Ишь ты! держись за рукавъ, шагай смѣлѣе...

— Миръ дому сему, миръ дому сему, миръ дому сему! трижды произнесъ дѣдушка, шагая черезъ порогъ въ заборной калиткѣ.

И зашли всѣ трое подъ навѣсъ, — а оттуда въ сарай, гдѣ такъ и пахло тепломъ, за день накопленнымъ свѣжимъ сѣномъ, да заново-смазаннымъ хомутами, въ порядкѣ на колкахъ развѣшанными...

Только успѣли убраться подъ крышу, разыгралась, расходилась непогода надъ селомъ Густо-хлебовымъ.

Разговорились наши конюхи съ заходящимъ старцемъ... Человѣкъ бывалый, много выпалый... Про что ужъ онъ имъ не рассказывалъ!.. Любо-дорого слушать, спасибо разговорился старый... И нѣтъ имъ дѣла до грозы и ливня. Подъ крышкою не промокаетъ, вѣтромъ не дуетъ, на сѣнѣ мягко, тепло, а рѣчи плывутъ плавно такъ, степенно, словно рѣчка журчитъ по камешкамъ...

— И всякая звѣзда, значитъ, на небѣ что-либо свое означаетъ? любопытствовалъ Прошка, — таперича, къ примѣру «Большая Медвѣдица», какъ вотъ баринъ сказывалъ?

— И всякая звѣзда — планета Господня, — глазъ ангела Божья... рассказывалъ старикъ, — Млечный путь, дорога Матери Божьей; по ней всѣ мы, всѣ пойдемъ, Божьи странники, — всѣ, кто вѣры праведной; а нечестивые по другому пути. Орionъ нарекаемому, тамъ зло, и гадъ, и тернія, и сила вся нечистая...

— Такъ, такъ... Лѣтній это, таперича, значитъ лѣсовикъ, онъ какъ же будетъ по твоему, — съ родни чортъ, али такъ, самъ по себѣ?

— Лѣтній — сила нечистая... Въ водахъ — тоже сила нечистая, дѣвы соблазна полныя... Въ дому — хозяйничать...

— Это домовый-то?

— Домовой: то будетъ тебѣ духъ добрый, зла отъ него не жди большого, а добра ожидай вволю... Только дѣла его не перечь, значитъ не препятствуй.

— А ты, дѣдушка, видаль кого изъ нихъ?

— Много злаго и добраго очеса мои грѣшныя видѣли, много видѣли...

— Расскажи дѣдушка... Да что это у тебя въ котомкѣ брянуло — ровно будто посудаина?

— Гдѣ это, сынокъ?

— Въ котомкѣ-то, эво!..

— Ахти-хти! и впрямъ посудаина! И позабылъ-то я про нее совсѣмъ... Кабатчикъ, впрямъ, должно быть подаль... Прохожу это я по улицѣ, а онъ говоритъ: «зайди, дѣдушка, выпей». А я говорю: «не потребляй въ молодости, и на старости устѣ сквернѣе не подobaетъ»... Сунулъ онъ мнѣ что-то въ мѣшокъ, должно это самое... говоритъ: «коли ежели самъ не пьешь, можетъ кому промѣняешь на что подходящее»...

— Никакъ птѣфъ дѣльный? вишь — оттопырился...

— Мѣры той не знаю, родимый, не вѣдаю.

— Такъ! покосился Прошка на Мирошку и рукавомъ рубахи ротъ вытеръ.

— Выпей ты! подмигнувъ Мирошка Прошкѣ и тоже утерся, зная на губахъ мокроту почувствовалъ.

Вытащилъ старикъ посудину, поставилъ... подчивать не подчаетъ, а такъ будто изъ предосторожности, на время, чтобъ не разбилась какъ-нибудь въ котомкѣ.

— Соблазнилъ меня одного раза духъ нечестивый, заговорилъ помолчавъ минуту Акимъ многогрѣшный... Соблазнилъ, да я не поддался... и чудное дѣло вышло такое!.. Да рассказывать ли, можетъ некогда?..

— Расскажи, родимый!

— Чай занятно!.. Рассказывай, ладно!.. Эхъ, кабы закуски!.. сбѣгай, Мирошка.

— Нѣшто съ огорода огурцовъ нарвать, да лучку повыдергать?

— А что же, дѣтки Божьи, кушайте на доброе здоровье, мнѣ не жалко.

— Нѣшто по стаканчику? ослабилъ Прошка.

— По парочкѣ ничего, присмокнулъ Мирошка, инда на сѣнѣ заерзалъ.

Раздобылъ Прошка рюмочку съ донцемъ отбитымъ, раскупорилъ, налилъ; перво на перво дѣдушкѣ поднесъ.

Потрясъ головою старикъ и рукою отстранилъ отъ себя поднесенное.

Нечего дѣлать, выпилъ самъ Прошка, налилъ Мирошкѣ; — выпилъ и тотъ.

— Погоди, дѣдушка, говорить, — безъ меня не рассказывай, я мѣгомъ на огородъ смахну, — у насъ тутъ не далеко, а хлѣба у себя розыщемъ...

Скоро вернулся конюхъ, приволокъ огурцовъ десятокъ, луку охапку, — выпили еще по стаканчику — закусили, фонарикъ застѣгнулъ на всякъ случай, прокашлялись, почесались подъ рубахами, глаза на дѣла уставили... ждуть.

— Шель эво я, одного лѣта, лѣсомъ Брыньскимъ, началъ Акимъ-многогрѣшный. Далеко этотъ лѣсъ дремучій отсюда... Идетъ онъ въ ширину на триста верстовъ, а въ длину и того больше... Ну, иду это я тихонько дорожкой, пѣсни пою священныя, о смерти помышляю, грѣхи вспоминаю, каюся значить. А съ боковъ — то сосны во какія! гудятъ ровно живыя, поскрипываютъ...

— Важно! прошепталъ Прошка.

— Странно! прошепталъ Мирошка, къ посудинѣ потянулся, палилъ себѣ и другу-товарищу, выпили, жевать принялись... все слушаютъ.

— Стеннѣло, братцы мои, на небѣ, а въ пизахъ-то чернота чернотой, словно въ котлѣ, подъ крышкою, — ничего не видно, темъ. Иду это я, знай пою... Вдругъ, что за диво! явственно такъ слышу... другой поетъ кто-то... и слышится пѣсня та же со стороны, не сзади, не спереди — съ самаго то есть пизу...

— Съ пизу... откедова же это?

— Изъ-подъ земли, братцы мои, изъ-подъ земли... будто кто подъ землею идетъ, меня провожаетъ... Изрекъ я сейчасъ что слѣдуетъ — стихло... Дальше иду, думаю: что это за гласы такіе снизу мнѣ слышались? Гляжу — огонь слѣва забѣгалъ, спій такой, ровно языкъ съ виду, — такъ тѣ съ сучка на сучокъ и непрерывиваетъ: скокъ да скокъ, скокъ да скокъ... На самую вершину забрался, сгинулъ... Дальше иду, какъ гаркнетъ кто-то сзади меня: «караулъ, рѣжутъ!», какъ загогоцутъ смѣхомъ дьявольскимъ!.. и это опять по всѣмъ деревьямъ огни алые, языки длинные забѣгали...

— То есть я бы ни въ жисть не стерпѣлъ того страха! проговорилъ Прошка.

— Помереть можно... это какъ разъ, согласился Мирошка.

И выпили еще по стаканчику, для бодрости.

— Сотворилъ я, грѣшный, крестное знаменіе, всталъ, дальше иду... И диковинное дѣло приключилось тутъ: иду я ровно дорожкой, а подъ ноги все трава высокая падается, путаетъ, словно это я сбился съ дороги-то и цѣлною шестую... Пошарилъ посохомъ: ладно... колею нащупать колесную — иду дальше... А на встрѣчу мнѣ дуетъ тройка... такъ и мчатъ кони, бубенцы брякаютъ, колокольчикъ заливается, ямщикъ посвистываетъ, илдо по уху рѣжетъ отъ его свисту... «Сторонись!» оретъ: «кто тамъ впереди на дорогѣ толчется!»...

— Я въ сторону, — чуть отбѣгъ, пробѣжала это мимо меня тройка, колеса прогромыхали, да тутъ же и спинули, не слышатъ ни свисту ямщицкаго, ни колокола поддужнаго, словно сквозь землю провалилось все это... Сталъ я опять искать дорогу посохомъ, все въ яму да на пни натыкаюсь, не найду дорогъ... Сробѣлъ маленько, а какъ сробѣлъ, такъ и начало меня валить со стороны на сторону; «не туда, дѣдушка!» оретъ слѣва; «держи правѣе!» оретъ справа; «влѣво, человекъ Божій!» гаркаетъ спереди, а сзади, братцы мои, словно кто въ зашей наяриваетъ...

— Слава тѣ Господи, память моя воротилась; зная не совсѣмъ я еще прогнѣвалъ Господа своими грѣхами окаянными, вспомнилъ это я молитву, на сей случай преподобнымъ Иракліемъ данную, — изрекъ... И стихло все, бѣжала сила нечистая...

— Это все отъ лѣшаго... его дѣло, дѣдушка! со знаньемъ сказаль конюхъ Прошка, хотѣлъ опять къ бутылѣ потянуться, да не дотанулъ, спасибо Мирошка-товарищъ выручилъ.

— Лѣтній, братцы мои, лѣтній... Проволадалъ онъ меня отъ дороги-то верстъ за восемь, заночевалъ я тутъ, подъ соснами... Гляжу утромъ, какъ свѣтало начало: — крутой оврагъ подо мною, бурелому что навалено, дикое мѣсто; только медвѣдью косолапому и впору... Ишь вѣдь куда затащили!..

— Отъ него жди...

— Злой духъ это — лѣсовикъ, не чета домовому... Тотъ добрый, и человѣку зла задаромъ дѣлать не станетъ... что, у васъ не слышать про него?

— Про домового-то? нѣтъ, не слыхать; за рѣкою вотъ, у отца дьякона, хозяйку его по ночамъ душить, сказывали, а у насъ не слышать... слава тѣ Господи!

— Просты вы, я вижу, ребята!.. Домового нѣту — добра нѣту... домъ безъ хозяйки! Вотъ что скажу я вамъ... Это вы значитъ не удостоились его посѣщенія... А вы «слава тѣ Господи!»

— Что же отъ него добра-то?

— Много есть... Перво на перво сторожъ для дома первый... Коли есть домовый, воръ въ тотъ домъ не дорога, — онъ его первый скрутитъ, изведетъ такъ, что не выжить... станетъ лихой человекъ сохнуть съ этого разу, такъ и истаеетъ весь, ровно свѣчка; такъ-то...

— А вѣдь это-то вѣрно, согласился Прошка.

— Говорятъ, онъ коней портитъ, замѣтилъ Мирошка. — У цѣловальника сосѣдскаго нѣгій меринъ, говорятъ, подохоъ отъ домового.

— Ежели конь не ко двору, али вотъ масть не любя *хозяину* — это точно; а ежели по сердцу прійдется — первый сортъ! безъ корма толстѣетъ скотина, да здоровья набирается, — въ силу приходять... Одно только отъ него худо...

— Что такое, дѣдушка?

— А вотъ что, дѣтки: — коли домовый облюбитъ коней, станетъ ихъ перво на перво пробовать, ѣздитъ на нихъ ночью, въ стойлѣ... Въ эту пору ему не перечь, не мѣшай... Боже тебя сохрани!..

— А что?

— А то, что как ты на него взглянешь, хоть бы не нарочно, так глаза у тебя наружу и выдвигут, полопаются; а то сведетъ всего въ дугу, горбъ на сини въпростетъ, ноги колесомъ станутъ... вотъ что!

— Ишь ты, страсти какія!

— На первое время только, а потомъ ничего, потомъ онъ смотрѣть на себя позволяетъ, не гнѣвается...

Яркая молнія такъ и блеснула прямо въ глаза собесѣдниковъ. Всѣ щеки сарае загорѣлись, какъ огненные, свѣтло какъ днемъ стало. Не успѣло стемнѣть, какъ ударъ грома оглушительно раздался надъ самыми головами... Забились, затоптались жеребцы въ денникѣ.

— Съ нами крестная сила! затрясся Мпрошка.

— Ну, гроза! Это... въ... какъ... трахххх... та-ра-рахъ!.. Ма-а-а-а! замолотъ коснѣющимъ языкомъ Мпрошка, хотѣлъ было перекреститься, да забылъ, которою рукою надо...

— Никакъ собака завыва? сталъ прислушиваться Прошка...

Послышалось что-то похожее на собачій вой, да разомъ смолкнуло. Въ денникѣ что-то стукнуло...

— Мохнатый, зубы какъ у волка, хвостъ страшный, сталъ рассказывать старикъ. — Сядетъ на лошадь, посидитъ, на другую пересядетъ, а то начнетъ гривы имъ да хвосты заплетать, путать... А глаза въ ту пору у него горятъ словно уголья... Те!.. «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его»!..

— Что ты, дѣдушка?.. попыталъ Мпрошка.

А у самого зубъ на зубъ не попадаетъ, такой вдругъ страхъ на него напалъ сразу, какъ только старикъ молитву читать началъ.

— Ба-а-а-а-а-а-а! замолотъ языкомъ конюхъ Прошка.

— Берегись... Онъ самый!..

Въ денникѣ совершенно явственно послышался стукъ копытъ и грохотъ обваливаемаго бревна, потомъ опять завозилось что-то и стихло...

— Ложись всѣ нычкомъ,—тверди «да воскреснетъ!» страшнымъ такимъ голосомъ проговорилъ старикъ и самъ первый сунулся носомъ въ сѣно...

Солнышко всходить начало—очнулись Прошка съ Мпрошкою... Какъ упали они ничкомъ въ ту пору, такъ до утра и проспала... Глядитъ парни другъ на друга осоловѣлыми глазами, и ничего взять въ толкъ не могутъ.

— Гдѣ же дѣдушка? смекаютъ.—Что за диво такое ночью сталося?..

Никого, окромя ихъ двоихъ, нѣту въ сараѣ... Все въ порядкѣ, — сѣно примято, валяется пустая посуда, огрызки огуречные, краяха хлѣба закушенная, стаканчикъ. Дверь у денника въ порядкѣ; замокъ виситъ на мѣстѣ, ключъ на поясъ Мпрошкиномъ болтается...

— Ну, слава тѣ Господи! думаютъ парни, и пошли дверь отпирать, коней убирать, чистить въ акуратѣ, да къ водопою вестъ, какъ имъ было наказано.

Отперли,—смотрятъ и рты поразѣвали... Что за диковинка?!

Свѣтло такъ въ денникѣ, стѣнка цѣлая бревенчатая съ другой стороны выбрана, бревна тутъ же валяются, — стояла оба пустѣ; а сквозъ проломъ обѣ собаки, Шарикъ съ Жучкою, осклаивши зубы, на боку валяются.

Ужъ и окопѣть обѣ успѣли.

Завылъ навзрыдъ мужики и пошли прямо за возжами, чтобы въ томъ самомъ сараѣ, на перекладинѣ повѣситься,—да спасибо люди добрые посѣли, помѣшали загубить имъ души свои христанскія.

Ну и драгъ же ихъ баринъ, когда домой изъ города вернулся, не будутъ впередъ домового бояться.

Такая-то оказія приключилась въ селѣ Густо-Хлебовѣ и про эту оказію по сіе время помнятъ Прошка съ Мпрошкою.

Они то мнѣ это все и рассказывали.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„Тарасъ Бульба“ Гоголя.

Въ № 7 «Нивы» за 1872 годъ мы помѣстили одинъ изъ эпизодовъ этой повѣсти героическихъ временъ казачества — именно, свиданіе младшаго сына Бульбы, Андрея, съ прекрасною польскою панною, которая соблазнила молодого казака на измѣну родному дѣлу и такимъ образомъ довела его до гибели отъ руки стараго отца, ставшаго сыноубійцею по долгу присяги. Ныѣ мы прилагаемъ въ рѣдантахъ новый рисунокъ, изображающій попытку стараго Тараса понидаться съ другимъ сыномъ своимъ, Остапомъ, истымъ типомъ запорожскаго лыцаря, взятымъ въ плѣнъ поляками. Остапъ сидитъ въ Варшавской тюрьмѣ и на дняхъ должна состояться надъ нимъ злая казнь; поляки устроили громаднаго мѣднаго вола, пустаго внутри: въ это мѣдное нутро посадятъ Остапа, а подъ воломъ разведутъ огонь и станутъ медленно жарить молодого казака. Старый Тарасъ добрался до Варшавы на дѣхъ воза, наложеннаго сверху кирпичемъ—такъ и донезъ его жидъ Янкель за двѣ тысячи червонныхъ, и когда Тарасъ выкарабкался наконецъ изъ-подъ кирпича на жидовскомъ дворѣ, онъ тотчасъ же увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ. Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ и хотя трудно будетъ уговорить стражей, но однакъ онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждого изъ нихъ. Что-то казалось сильно потрясло его: на грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды—надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія; старое сердце его начало сильно биться какъ у юноши.

«Слушайте, жиды! сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное. «Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морскаго, и пословница давно уже говорить, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему изъ дьявольскихъ рукъ. Вотъ я этому человѣку обвѣщаю двѣнадцать тысячъ червонныхъ,—я прибавлю еще двѣнадцать! всѣ какіе у меня есть дорогіе кубки и закопанное въ землю золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ.

— О, не можно, любезный панъ, не можно! сказалъ со вздохомъ Янкель.

— Нѣтъ, не можно! сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жиды взглянули одинъ на другаго.

— А попробовать, сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ:—можетъ быть Богъ дастъ.

Всѣ три жиды заговорили по нѣмецки. Бульба, какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать; онъ слышалъ только часто произносимое слово: *Мардохай*, и больше ничего.

— Слушай, панъ! сказалъ Янкель:—нужно посоветоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ... У, у! То такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ, вотъ ключъ—и не выпускай никого. Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жиды остановились посреди улицы и стали говорить довольно азартно; къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: *Мардохай, Мардохай*. Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы; наконецъ, въ концѣ ея изъ-за одного дряннаго дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ и замелькали фалды полукастанья. «А, Мардохай, Мардохай!» закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Тотъ жидъ, нѣсколько кочиче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили рассказывать ему, причемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону, и поднималъ фалды полукастанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, причемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ всѣ жиды подняли такой шумъ, что жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знаки къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность,—но вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вышѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу, и сказалъ: «когда мы захочемъ сдѣлать, то ужъ будетъ какъ нужно».

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ и получилъ нѣкоторую надежду.

Какъ извѣстно, надежда эта не сбылась, Мардохай поплатился только послѣднимъ пейсомъ, который видѣлся изъ-подъ ярмошки его, а Остапъ былъ замученъ на площади на глазахъ отца.

Мнѣніе Пегаса.

Гдѣ теперь найду я тѣмъ
Для стиховъ и для поэмы?
Ты совѣтъ мнѣ дай, Пегасъ;
У меня въ воображеніи
Вдохновенія лучъ погасъ...
Мысли всѣ мои въ броженіи...
Брежу тѣмой я прескверной,
Непригодною въ печать,
И съ моею музой вѣрной
Мнѣ приходится молчать.
Ты летаешь часто съ Фебомъ,
Ты знакомъ съ землей и небомъ,—
Для поэзіи затѣмъ
Долженъ знать ты много тѣмъ.
Но Пегасъ мнѣ отвѣчаетъ:
(Головой трихнувъ и гривой)
«Вѣкъ теперь не различаетъ
Прозу съ рифмою игривой;
Реализма вѣкъ насталъ,
Родъ людской черствѣе сталъ;
Для него стихи лишь бремя,
А поэзія въ наше время
Поплелась троною торпой
Въ малой дозѣ смѣхотворной;
Эстетическое чувство
На землѣ вездѣ ушло,
А изящное искусство
Ремесломъ какимъ-то стало.
Въ индивидуальномъ же родѣ,
Не найдешь ты тѣмъ въ природѣ;
Трудно Фебомъ любоваться
И природой наслаждаться,
Какъ не видишь иногда,
Съ мѣсяцъ, Фебова слѣда,
Да къ тому-жъ совѣтъ не модѣ
У поэтовъ современныхъ
Посвящать стихи природѣ
Или нѣжностямъ влюбленныхъ.

Ты не пой, поэтъ рѣчистый,
Страсти пламенныхъ томленій
Или молодости чистоты
Пылкихъ къ истинѣ стремленій,
Ты поэзію въ любви
Въ наше время не лови.
Трудно жить въ нашъ вѣкъ поэту!
Въ атмосферѣ прозы душевной,
Больше любить прозу эту
Современникъ равнодушный.
Прозу всѣ предпочитаютъ,
А стиховъ и не читаютъ;
Такъ что нынѣшней порою
Не великъ поэтовъ рой.
Тѣмъ также благодарной,
Съ духомъ вѣка солидарной.
Безъ таланта и труда,
Не найти вамъ никогда.
Время носить поколѣнья,
Чувства жалости не зная.
Убѣжденія и стремленія,
Ежедневно измѣняя;
Мрутъ и люди и народы,
Въ краткой жизни ссорясь вѣчно,
Но величіе природы
Передъ ними безконечно!
Гдѣ-жъ твоей беззвучной лирѣ
Воспѣвать природу въ мірѣ?
Лучше въ прозѣ упражняйся,
Но Парнасу не слоняйся,
Тамъ совѣтъ ты не у дѣлъ,
Къ Аполлону влѣзь въ удѣлъ;
Мѣру съ рифмами забудь
И сиюкоентъ счастливъ будь.»
—Разсудить прошу я васъ,
Какъ онъ дерзокъ—себѣ Пегасъ!

И Г.

Церковь Андрея Первозваннаго, въ Кіевѣ.

Одинъ греческій лѣтописецъ, жившій до нашего Нестора, говоритъ что когда апостолъ Андрей посѣтилъ Скию, то, взойдя на кіевскія горы, водрузилъ крестъ и сказалъ, что на нихъ возсіяетъ Божья благодать, будетъ стоять большой городъ и много церквей.

На этомъ мѣстѣ, по преданію, и была воздвигнута церковь еще въ 1212-мъ году. Слѣда отъ нея не осталось; извѣстно только, что въ 1701-мъ году на этомъ же мѣстѣ видимо разрушалась небольшая деревянная церковь. Когда Елизавета Петровна, отличавшаяся, какъ извѣстно, набожностью, проѣзжала Кіевомъ—по рисунку знаменитаго Растрелли былъ заложенъ каменный фундаментъ. Приказано было отпустить деньгами 20,000, изъ разныхъ сборовъ; работы однако подвигались не скоро: приходилось очень глубоко рыть фундаментъ. Въ мастерахъ однако не чувствовалось недостатка: изъ Петербурга прислали много итальянцевъ, знающихъ кирпичное и черепичное дѣло. Предсѣдатель строительной комиссіи былъ Васильевъ, архитекторомъ—Мичуринъ. Въ началѣ 1748 года возлѣ заложеннаго фундамента поставили цѣлый кирпично-черепичный заводъ. Въ огромномъ сараѣ каждый годъ выдѣлывали до двухъ миліоновъ кирпича и черепицы. Комиссія разсылала распоряженія въ формѣ императорскихъ манифестовъ. Дѣйствомъ подвозили нужные для стройки камни. Церковь была окончена незадолго до смерти Елизаветы Петровны, но строители сдѣлали крупную ошибку: они не отвели горюхихъ ключей изъ того холма, на который опирался храмъ. Андрей Первозванный вышиною 27 сажени, считая съ фундаментомъ;—колонны коринфскаго ордена возносятъ позолоченныя капители. На чугунную террасу, идущую кругомъ храма, ведетъ широкая чугунная лѣстница въ 53 ступени съ 3-мя площадками; видъ съ террасы восхитителенъ: съ холма, стоящаго надъ Дѣвиромъ на 42 сажени, виденъ весь Подолъ и рѣка и зарѣчье. Бѣлыя зданія, зеленныя крыши, сады, сияющіе куполы церквей—въ пріятномъ смѣшеніи поражаютъ глазъ. Стройная церковь, бѣлая съ золотомъ, красиво возносится въ небо свои тоненькія колоколенки и кажется виситъ надъ Дѣвиромъ. Ея внутренность соответствуетъ наружному виду; трехъ-ярусный иконостасъ рококо, образа итальянской живописи, писанные на холстѣ, много рѣзбы и золота...

Во все царствованіе Петра III и въ началѣ царствованія Екатерины II церковь Андрея Первозваннаго стояла запустѣлой и заброшенной. Она еще не была освящена, въ ней не было ни сосудовъ, ни ризъ; на колокольняхъ не висѣло колоколовъ. Между тѣмъ водяные ключи дѣлали свое дѣло и въ шесть лѣтъ успѣли попортить фундаментъ. Черепицы на церковной крышѣ повывалились, стекла были выбиты, въ щели заносило снѣгъ и струи дождя. Залетныя птицы свили въ церкви гнѣзда. Послѣ долгихъ стараній добились наконецъ того, что церковь была освящена въ 1767 году. Для поправки фундамента потребовалось около семи тысячъ. Назначили штатъ, задумали чинить, причемъ переговоры о томъ какъ и кому слѣдуетъ вѣстись за починку—тянулись 18 лѣтъ. Дальше возникъ вопросъ: кому заботиться о церкви, о ея содержаніи. Священники среди такихъ бознорядковъ чуть не умирали съ голоду: они ни откуда ничего не могли получить. Состояніе храма пришло въ такой упадокъ что въ 1773 году не было ни одной ризы, въ алтарѣ оказалась течь, штукатурка валилась кусками. Въ Кіевѣ народъ обозвалъ государеву церковь беззвонкой, потому что никто не слыхалъ ея благовѣста. Около полутоптыя не могли ее поправить, до тѣхъ поръ пока за это дѣло не взялся памѣстникъ Малороссіи Румянцевъ. Долго не могли отвезти ключей изъ горы и въ народѣ стали распространяться слухи, что на томъ мѣстѣ гдѣ Андрей апостолъ водрузилъ крестъ—непзсыкаемый колодезь, могущій внослѣдствіи затопить весь міръ, что остановить воду нельзя. Гора подъ Андреемъ Первозваннымъ продолжаетъ осѣдать и до сей поры. Быть можетъ она грозитъ гибелью одной изъ красивѣйшихъ русскихъ церквей, произведенію знаменитаго итальянца, воздвигнутаго Смольный, Николу Морскаго и нѣсколько дворцовъ—такихъ какъ Зимній, Царскосельскій, Апшчинъ.

Въ сороковыхъ годахъ въ высомѣ двухъ-этажномъ фундаментѣ Андрея Первозваннаго, гдѣ теперь ютятся небольшая церковь Захарія и Елизаветы, жилъ юродивый Иванъ Босой, ходившій и въ лютые морозы безъ всякой обуви. Онъ молился и содержалъ на собираемыя подаянія бѣдныхъ странниковъ, число которыхъ доходило до 200 человекъ. Иванъ Босой носилъ на себя тяжелыя вериги и когда умеръ—то весь Кіевъ торжественно хоронилъ своего блаженнаго.

Церковь св. Андрея Первозванного въ Кіевѣ. Съ фотографіи грав. Гораздовскій.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, французское Національное Собрание снова открыло свои засѣданія. На первый разъ палаты были представлены выработанные во время вакацій проекты дополнительныхъ конституціонныхъ законовъ, въ томъ числѣ законъ о порядкѣ производства общихъ депутатскихъ выборовъ, касающійся, слѣдовательно, и выбора сенаторовъ, и законъ, опредѣляющій отношенія высшихъ правительственныхъ учреждений другъ къ другу. Оба эти законопроекта вызвали большое волненіе въ средѣ различныхъ партій Національнаго Собрания. Разногласіе произошло сначала въ вопросѣ о порядкѣ производства выборовъ въ депутаты и въ сенатъ; одна часть собрания, вмѣстѣ съ правительствомъ, стояла за то, чтобы выборы производились по округамъ,—мотивируя это тѣмъ, что при такой системѣ въ депутаты могутъ быть избираемы люди болѣе благонадежные, извѣстные съ этой стороны избирателямъ того округа, который выставилъ ихъ своими кандидатами,—тогда-какъ, при выборѣ по департаментамъ, избирателямъ пришлось бы давать свои голоса за лицъ имъ почти неизвѣстныхъ. Противная партія, стоявшая за выборы по департаментамъ, какъ болѣе крупнымъ территориальнымъ единицамъ, доказывала, что ей непонятно, почему можно довѣрять выборамъ по округамъ и въ то же время сомнѣваться въ благонадежности выборовъ по департаментамъ. Исходъ этой борьбы еще неизвѣстенъ; нѣтъ сомнѣнія, однако, что съ передачею закона о выборахъ во вновь избранную конституціонную комиссію, состоящую болѣе чѣмъ на 4/5 голосовъ изъ сторонниковъ департаментскихъ выборовъ, возбужденный вопросъ будетъ рѣшенъ въ пользу втораго мнѣнія. Самый фактъ выбора новой конституціонной комиссіи также въ высокой степени знаменателенъ: надо знать, что еще до обсужденія новыхъ законопроектовъ въ палатѣ подготавлилось рѣшеніе—не передавать старой конституціонной комиссіи, состоящей изъ заклятыхъ враговъ республики и извѣстной крайней своей бездѣятельностью, не передавать на разсмотрѣніе ея новые законы, а образоватъ для этого новую комиссію. И дѣйствительно, когда рѣчь объ этомъ зашла въ собраніи и вопросъ подвергся баллотировкѣ, то за образованіе новой комиссіи оказалось большинство. На эту комиссію возложено и разсмотрѣніе другаго важнаго проекта, о которомъ мы упоминали уже выше,—о дополнительномъ законѣ, опредѣляющемъ взаимныя отношенія высшихъ правительственныхъ учреждений въ странѣ. Согласно этому проекту, сенатъ и палата депутатовъ, т. е. нынѣшнее Національное Собрание, должны собираться ежегодно во второй половинѣ января; сессія ихъ продолжается не менѣе пяти мѣсяцевъ. Президентъ республики имѣетъ право приостанавливать засѣданія, но не болѣе какъ на мѣсяцъ и не чаще двухъ разъ въ годъ; ежегодное открытіе и закрытіе сессіи принадлежитъ ему же; принятый палатами законъ долженъ быть одобренъ президентомъ въ теченіе мѣсяца со дни его принятія. За нимъ сохраняется право требовать пересмотра принятаго закона, а за палатами—право отказывать ему въ этомъ, если того потребуетъ интересъ дѣла. Президентъ республики можетъ быть преданъ суду не иначе, какъ по рѣшенію палаты депутатовъ; судить же его долженъ сенатъ, въ качествѣ верховнаго трибунала. Личность депутата ставится, по новому проекту, неприкосновенною, а потому въ продолженіи всей сессіи не можетъ подвергаться никакимъ преслѣдованіямъ, слѣдствію и заключенію, если только палата въ это согласится. Законопроектъ этотъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ Собраніи и, по пересмотрѣ его въ комиссіи, вѣроятно, будетъ имъ принятъ.

Едва только улеглось волненіе, вызванное германо-бельгійскимъ столкновеніемъ, какъ господствующему въ Европѣ миролюбивому настроенію стала грозить опасность съ другой стороны—со стороны Франціи и Германіи, и виновницей загоравшагося между ними неудовольствія здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, является все та же неутомимая и притязательная Пруссія, съ «желѣзнымъ» своимъ княземъ во главѣ. Германія, уже съ давнихъ поръ, смотритъ съ безпокойствомъ на вооруженіе своей все еще могущественной сосѣдки; не можетъ она также не сознавать, что рано или поздно, а французы попытаются таки возвратитъ себѣ—если уже не отнятыя нѣмцами въ прошедшую войну провинціи, то по крайней мѣрѣ свою военную честь и славу. Вотъ почему всякая новизна, хотя бы даже самая ничтожная попытка къ вооруженію и къ усиленію французскихъ силъ вызываетъ тревогу въ лагерѣ нѣмцевъ... Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Увеличеніе кадровъ французской арміи возбудило живѣйшее волненіе въ Берлинѣ, и только благодаря своему временному вѣзшателству Россіи и Англіи, дѣло не приняло серьезнаго оборота. Чтобы устранить всякіе поводы къ безпокойству, германскому посланнику въ Парижѣ поручено было его

правительствомъ выразитъ маршалу Макъ-Магону официальное увѣреніе въ самомъ миролюбивомъ и дружественномъ настроеніи Германіи... Однако, поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ между Германіей и Франціей этимъ не исчерпываются. Нѣмецкая печать не безъ раздраженія указываетъ на молчаніе французскихъ либеральныхъ газетъ о пріискахъ клерикаловъ, о стараніяхъ ихъ смутить общественное мнѣніе, внести въ него духъ разлада и безпокойствъ, тогда какъ эти же самые органы печати съ горячностью отстаиваютъ свои либеральные принципы, въ томъ числѣ вѣротерпимость и свободу совѣсти. По мнѣнію нѣмецкой прессы, представители французской либеральной печати стараются нарочно обойти клерикальный вопросъ, чтобы только не быть единомышленниками кн. Бисмарка въ его респективныхъ мѣрахъ противъ католическаго духовенства; между тѣмъ какъ въ душѣ они навѣрно раздѣляютъ съ нимъ взгляды на притязанія католицизма и на современную роль папы въ политическомъ мірѣ. Умалчиваютъ они также и о томъ, что въ послѣднее время клерикальная партія во Франціи чувствуетъ себя сильнѣе чѣмъ когда бы то ни было, а потому пользуется всякимъ случаемъ, чтобы заявить о своемъ существованіи и показать свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, чуть не ежедневно, въ различныхъ мѣстахъ Франціи и Бельгіи, духовенствомъ устраиваются процессіи, пилигримства, богомолья и пр. съ цѣлію демонстраціи, а не религіозною. На все это французское правительство смотритъ сквозь пальцы, и только, въ виду вавилывшейся на 29-е іюня громадной процессіи къ Монмартру, по случаю закладки тамъ церкви Сасге-Соеиг, да запрещеніемъ праздника въ Нанси,—оно выказало намѣреніе не допустить этой не столько религіозной, сколько политической демонстраціи.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца въ столицѣ Пруссіи разнесся слухъ о новомъ покушеніи на жизнь князя Бисмарка. Поводомъ къ этому слуху послужило слѣдующее мало-вѣроятное событіе. Къ начальнику іезуитовъ, проживающему въ Вѣнѣ, въ одинъ прекрасный день является нѣкій человекъ, лѣтъ 33-хъ, и оставляетъ слугѣ записку и запечатанное письмо. Въ письмѣ заключалось предложеніе убить кн. Бисмарка за вознагражденіе въ миліонѣ флориновъ (660 тыс. р. сер.). Въ назначенный въ запискѣ день и часъ, таинственный незнакомецъ явился къ отцу-іезуиту за отвѣтомъ, но былъ тотчасъ же арестованъ заранѣе предупрежденной обо всемъ этомъ полиціей. Арестованный оказался служащимъ въ одной изъ вѣнскихъ конторъ Іосифомъ Визингеромъ. Дальнѣйшіе розыски полиціи не обнаружили еще ничего особеннаго; утверждаютъ, однако, что Визингеръ былъ не болѣе какъ орудіемъ другихъ, болѣе заклятыхъ и болѣе осторожныхъ враговъ германскаго канцлера. Не окажется ли, впрочемъ, и этотъ случай такимъ же политическимъ маневромъ, какимъ представляется теперь извѣстное покушеніе бельгійца Дюшена?.. По крайней мѣрѣ въ нотѣ, адресованной бельгійскимъ правительствомъ германскому посланнику въ Брюссель, съ приложеніемъ официальныхъ документовъ по этому дѣлу, прямо заявляется, что при всей внимательности и ширинѣ произведеннаго слѣдствія, оно не привело ни къ какому серьезному результату,—что кромѣ писемъ о намѣреніи совершить преступленіе, которое не состоялось лишь вслѣдствіе непринятія предложенія исполнить его, ничего болѣе уголовнаго не обнаружено. Но бельгійское правительство считаетъ своимъ долгомъ успокоить германское правительство обѣщаніемъ внести на разсмотрѣніе палаты проектъ закона, по которому и непринятія предложенія или вызовы совершить преступленіе, въ родѣ покушенія на жизнь извѣстнаго лица, должны подлежать строгому исправительному наказанію. Обѣщаніе это произвело, однако, весьма невыгодное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Что покушенія на жизнь князя Бисмарка исходятъ отъ католическаго духовенства—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, особенно если принять во вниманіе общее количество жертвъ, пострадавшихъ отъ борьбы церкви съ сильною государственною властію. Вотъ любопытныя цифры, приводимыя одною изъ нѣмецкихъ газетъ лишь за первые четыре мѣсяца текущаго года: 241 церковнослужитель, 210 частныхъ лицъ и 136 редакторовъ газетъ присуждены были за это короткое время въ общей сложности, къ 55 годамъ, 11 мѣсяцамъ и 6 днямъ тюремнаго заключенія и 27,843 маркамъ 75 пфенигамъ пеней; въ томъ числѣ было: 41 случай оскорбленія монарха (12 лѣтъ, 8 м. 14 дн. тюремнаго заключенія); 68 случаевъ оскорбленія кн. Бисмарка (8 л. 5 м. 11 дней тюрем. закл.). Сверхъ того за это время произведено было: 30 конфискацій, 55 арестовъ, 74 домашніе обыски, 103 изгнанія или интерпривирования (заключенія на дому) и запрещено 55 обществъ. Въ 79 случаяхъ судомъ произнесены оправдательные приговоры. Нельзя сказать, чтобы подобнаго рода цифры не имѣли особеннаго интереса для современности...

С М Ъ С Ъ.

Морскія сокровища. Устрица.

Устрица принадлежитъ къ моллюскамъ, и притомъ, согласно

съ опредѣленіемъ Кювье, именно къ четвертому классу этихъ животныхъ, къ скрытиголовымъ или безголовымъ слизнякамъ (*acephala*). Ея мягкое тѣло покрыто подвижной, сжимающейся

кожей, такъ-называемой епанчей; изъ ея спинки выступаетъ мясистая кожаная мочка, выдѣляющая изъ себя известкообразное вещество для образованія обѣихъ створокъ раковины. Эти створки, гдѣ устрица прячется отъ всякаго неприятнаго соприсовѣсія съ вѣншиимъ свѣтомъ, соединены крѣпкой эластической суставной связкой и могутъ плотно замыкаться посредствомъ сокращенія мускуловъ животнаго.

Устрицы водятся почти во всѣхъ моряхъ умѣренного и жаркаго пояса; онѣ живутъ у береговъ на незначительной глубинѣ и всегда большими обществами (такъ-называемыя *устричныя мели*), приросши миллонами къ твердому дну или сросшись между собою. Последнее называется *устричною горой*, и устрицы этого сорта особенно цѣнятся. Точно также предпочитаютъ устрицы изъ песчаной и каменистой почвы тѣмъ, которыя водятся на тинистомъ днѣ. Нѣкоторыя устричныя мели лежатъ такъ высоко, что во время отлива обнажаются и устрицы можно собирать руками или снимать желѣзными граблями. Въ западной Индіи онѣ обыкновенно пристають къ корнямъ или нижнимъ вѣтвямъ растущихъ у берега мангровыхъ деревьевъ—и во время отлива эти послѣднія являются какъ бы покрытыя безчисленнымъ множествомъ живыхъ цвѣтовъ, весело качающихся на колеблемыхъ вѣтромъ стебляхъ.

Кромѣ своей созерцательной, опирающейся на твердую почву жизни, устрица отличается отъ пролетаріата воднаго царства еще и тѣмъ, что она нисколько не хлопочетъ о томъ, чтобы добывать себѣ пропитаніе, а скорѣе предоставляетъ самому океану принести ей потребную пищу, состоящую изъ микроскопическихъ морскихъ животныхъ, и доставить ей ее черезъ растворенныя створки или дыхательную трубку прямо въ жабры, не прерывая ни на минуту своего сладкаго покоя.

Способность устрицъ къ распложенію, обнаруживающаяся на третьемъ году ихъ возраста, громадна. Время метанія икры длится отъ іюня до сентября—и въ теченіе его одно и тоже животное мечетъ до 2 милліоновъ яицъ. Между тѣмъ какъ большая часть морскихъ животныхъ тотчасъ же представляютъ свои яйца на волю судьбы, устрица держитъ ихъ въскольکو времени въ складкахъ своей епанчи;—когда же они, одѣтыя слизистой массой, достигнутъ здѣсь болѣе полнаго развитія, то изъ раковины матери выходятъ микроскопическія личинки, снабженныя плавательнымъ аппаратомъ и глазами, которыя несутся по теченію до тѣхъ поръ, пока не встрѣтятъ какой нибудь твердой предметъ, на которомъ они могли бы остановиться. Черезъ годъ молодыя животныя достигаютъ величины крошечнаго, а на третьемъ году могутъ быть употребляемы въ пищу. Среднимъ числомъ устрицы живутъ отъ 10 до 12 лѣтъ.

Чтобы съ одной стороны сохранить молодое поколѣніе, которое болѣею частью погибло бы отъ своихъ подводныхъ враговъ въ первые же дни странствованія, а съ другой—чтобы улучшить породу устрицъ, во многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ устроены особые садки, такъ пазываемые *устричныя парки*, гдѣ эти животныя разводятся по особеннымъ правиламъ.

Эта промышленность была извѣстна еще древнимъ римлянамъ, какъ богатый источникъ приобрѣтенія. Плиній старшій, называющій устрицъ дорогимъ и превосходнымъ кушаньемъ, пишетъ, что всадникъ Сервій Ората, жившій во время оратора Луція Красса, нажилъ большія богатства, устроивъ при Лукринскомъ озерѣ одно изъ такихъ заведеній для моллюсковъ.

Въ настоящее время неаполитанцы, слышущіе вообще большими глѣтями, чрезвычайно прилежно занимаются искусственнымъ разведеніемъ устрицъ въ Лаго-ди-Фузаро, древнемъ Ахеронѣ Виргилія, небольшимъ солономъ озерѣ, лежащемъ между Лукринскимъ озеромъ, развалинами Кумъ и мысомъ Мизенумъ. Вокругъ всего озера расположены массы скалъ, покрытыя привезенными изъ Тарента устрицами. Между массами скалъ вбиты въ землю соединенныя веревками сваи, съ которыхъ свѣ-

шиваются въ воду длинныя связки прутьевъ; эти связки представляютъ прекрасное убѣжище для молодого поколѣнія и черезъ 2, 3 года покрываются тысячами зрѣлыхъ, гроздообразно приросшихъ другъ къ другу устрицъ. Въ извѣстное время года связки прутьевъ вынимаются изъ воды и освобождаются отъ своей дорогой воши, послѣ чего ихъ опять относятъ на прежнее мѣсто для принятія въ себя новаго поколѣнія.

Кромѣ этого, разведеніемъ устрицъ успѣшно занимаются во многихъ голландскихъ, бельгійскихъ, англійскихъ и французскихъ береговыхъ мѣстностяхъ. Въ особенности славятся устрицы Остенде, въ которомъ считается болѣе шести искусственныхъ устричныхъ парковъ (большихъ обнесенныхъ стѣнами бассейновъ, соединяющихся съ моремъ шлюзами), гдѣ эти животныя лежатъ сотнями тысячъ и достигаютъ вслѣдствіе тщательнаго ухода до необыкновеннаго *embouppoint*.—Точно также и въ нѣкоторыхъ береговыхъ мѣстностяхъ Франціи устрицы разводятся съ особеннымъ успѣхомъ. Такъ напр., въ заливѣ Сентъ-Бріекъ былъ сдѣланъ посѣвъ устричнаго зарода, доставляющій теперь почти несмѣтный доходъ. Маленькій пароходъ тянулъ на бичевѣ лодки съ сѣменемъ и сѣятелями—и посѣвъ былъ сдѣланъ также правильно и тщательно, какъ дѣлаетъ его въ поле земледѣлецъ. Для принятія молодого племени были давно уже опущены въ море вдоль берега гати. Съ тѣхъ поръ ежегодно собирались съ среднимъ числомъ съ каждой гашины (вязанки хворосту) около 20,000 штукъ, представляющихъ стоимость въ 400 франковъ. Маренскія мели доставляютъ ежегодно до 5 милліоновъ зеленыхъ устрицъ, получающихъ этотъ цвѣтъ отъ множества микроскопическихъ иодорослей, встрѣчающихся въ этой морской водѣ и очень уважаемыхъ въ торговлѣ. Маленькій нормандскій островокъ Джерзей тоже славится изобиліемъ устрицъ, которыхъ онъ отпускаетъ ежегодно слишкомъ 20,000 четвериковъ.

Ловля устрицъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Ихъ собираютъ или съ вынутыхъ изъ воды вязанокъ хворосту или гашинъ, или съ высоколежащихъ мелей руками во время отлива. Отъ болѣе глубокихъ мелей онѣ отрываються граблями и подхватываются привязанными къ нимъ стѣнами или грохотомъ. Для отправки устрицъ, начинающейся сейчасъ же вслѣдъ за ловлею, употребляютъ деревянные бочки, въ которыхъ входитъ отъ 400—600 штукъ. Такъ какъ устричныя раковины наполнены водою, то устрицы остаются живы до тѣхъ поръ, пока мхъ не предадутъ безжалостному лезвею.

Потребленіе устрицъ всего значительнѣе въ Англіи. Въ Лондонѣ во время сезона, собственно продолжающагося отъ августа до мая, въ Биллингсетъ, знаменитомъ лондонскомъ рыбномъ рынкѣ, продается, какъ говорятъ, не меньше 8 милліоновъ устрицъ. Парижъ употребляетъ ежегодно на 1,650,000 фр.

Что касается до питательности устрицъ, то мнѣніи на этотъ счетъ чрезвычайно различны. Извѣстно и доизано, что для питанія человека требуется ежедневно 21 лотъ азотистыхъ веществъ. Еслибы кто захотѣлъ имѣть такое же количество соотвѣствующаго вещества въ устрицахъ, то для этого потребовалось бы отъ 16 до 18 дюжинъ. Во всякомъ случаѣ этотъ видъ моллюсковъ составляетъ пріятную и удобоваримую пищу. Но когда мы читаемъ, что императоръ Вителлій, извѣстный своимъ взымательнымъ аппетитомъ, сѣдѣлъ *заразъ* до 1000 штукъ устрицъ, то это просто кажется намъ баснословнымъ.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще объ одной заслугѣ устрицъ, совершенно особеннаго, политико-экономическаго значенія; именно: устрицы были поводомъ къ учрежденію легкой почты въ германскихъ земляхъ, такъ какъ одинъ сѣверогерманскій дворъ для доставленія къ столу свѣжихъ устрицъ учредилъ въ свое время въ Гамбургѣ экстрас-почту, которую, само-собою разумѣется, воспользовались и для всеобщихъ сношеній. Такимъ образомъ, неподвижная устрица сдѣлалась рычагомъ промышленности и торговли.

Разныя Извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ удостоилъ въ С.-Петербургѣ, 27-го января 1875 г., Высочайшей ратификаціи трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный 4-го (16-го) мая 1874 г., между Россіею и Перуанскою республикою. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена на перуанскую въ С.-Петербургѣ 30-го января (11-го февраля) 1875 года.

— 4-го марта Высочайше повелѣно: учредить отдѣленія Польскаго банка въ городахъ Ломжѣ и Андреевѣ, Кіевоцкой губерніи, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ открыты таковыя отдѣленія въ городахъ: Влодавскѣ, Лодзи, Люблинѣ, Плоцкѣ, Каширѣ, Ченстоховѣ и Радомѣ, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ 5-го декабря 1869 года, 18-го сен-

тября 1870 г., 29-го января 1872 и 13-го (25-го) іюня 1873 года.

— 1-го апрѣля Высочайше повелѣно: Въ разъясненіе ст. 2.767 уст. торг. (св. зак. т. XI), постановить, что зерновой хлѣбъ продается на вѣсъ или на мѣру, или же совмѣстно тѣмъ и другимъ способами, по взаимному соглашенію продавца съ покупателемъ.

— 23-го апрѣля Высочайше повелѣно: 1) Статью 316 учрежденія судебныхъ установленій 20-го ноября 1864 г. изложить въ слѣдующемъ видѣ: „Въ случаѣ оказанія судебного приставу сопротивленія, онъ имѣетъ право требовать содѣйствія мѣстной полицейской власти, которая обязана оказывать ему сіе содѣйствіе безъ замедленія“. 2) Означенную статью дополнить примѣчаніемъ слѣдую-

щаго содержанія: „Въ случаѣ, если сопротивленіе не будетъ устранено мѣрами полиціи, призывъ военной силы производится общимъ установленнымъ для того порядкомъ“. 3) Статью 319 того же учрежденія изложить такъ: „Опредѣленнымъ въ статьяхъ 317 и 318 порядкомъ составляется и представляется прокурору или его товарищу особый протоколъ и въ томъ случаѣ, когда полицейская власть не исполнитъ требованій пристава о содѣйствіи“.

— 14-го мая Высочайше повелѣно: судебную часть въ губерніяхъ Царства Польскаго нѣмъ же присоединить къ вѣдомству Министерства Юстиціи, предоставивъ Министру Юстиціи тѣ права и возложивъ на него тѣ обязанности по отношенію къ нынѣшнему судебному вѣдомству въ означенныхъ губерніяхъ, кои доселѣ присвоены Управляющему

Собственно Е. И. В. Канцелярію по дѣламъ Царства Польскаго.

— Въ газетѣ „Кавказъ“ сообщаютъ, что 25-го марта, состоялось торжественное открытіе Сурмалинскаго уѣзда, по правому берегу Аракса, примыкающаго къ персидской и турецкой территоріямъ.

Дѣла церкви.

— На дняхъ состоялось опредѣленіе св. синода по одному изъ вопросовъ, близко затрогивающихъ экономическіе интересы нашего отечества. Дѣло идетъ о прекращеніи или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣненіи обычая украшать дома березками въ праздникъ Св. Троицы,—обычая, соединеннаго съ систематическимъ лѣсоистребленіемъ. Принимая во вниманіе, что украшеніе каждаго года въ день Св. Троицы храмовъ, жилыхъ помѣщеній и разныхъ предметовъ молодыми деревцами березы и другихъ породъ установленъ не церковными правилами, а народнымъ обычаемъ,—св. синодъ находитъ, что принятіе мѣръ къ искорененію сего обычая, вреднаго по отзыву министра государственнаго имуществъ, для отечественнаго лѣсоводства, зависитъ отъ подлежащаго гражданскаго начальства. Въ видахъ же содѣйствія со стороны духовнаго начальства къ искорененію сего обычая, св. синодъ опредѣляетъ: поручить православному духовенству, при всякомъ удобномъ случаѣ, объясняя прихожанамъ о могущемъ послѣдовать вредѣ для лѣснаго хозяйства отъ истребленія молодыхъ деревъ березы и другихъ породъ для украшенія хра-

мовъ въ нѣкоторые праздничные дни, убѣждать прихожанъ, чтобы они, для украшенія храмовъ въ день Св. Троицы, а равно и въ другіе праздники, употребляли цвѣты, кустарники и полукустарные растенія, вѣтви деревьевъ и т. п.

Морское дѣло.

— Высочайше разрѣшено: состоящій въ черноморскомъ флотѣ винтовой корветъ „Ястребъ“, по неблагонадежности отчислить къ порту, и состоящій при кронштадтскомъ портѣ пароходъ „Курьеръ“ исключить изъ списковъ судовъ флота съ обращеніемъ корпуса его въ баржу.

— Въ Кронштадтѣ 24-го мая начали пускать воду въ большой петровскій докъ крестъ-каналъ для вывода оттуда брестернаго броненоснаго корабля „Петръ Великій“. Для того, чтобы провести корабль, корма его будетъ приподнята двумя воздушными мѣшками, уже подведенными на мѣсто. Обшивка броненоснаго корпуса и брестеря корабля совершенно окончена. Машина его собрана и готова, такъ что будетъ испытываться почти тотчасъ же по выходѣ изъ дока. Въ настоящее время на корабль идетъ внутренняя отдѣлка и установка щитовъ; по выводѣ же корабля изъ дока на немъ начнутъ ставить боевыя башни, которыя не могли быть поставлены въ докъ, такъ какъ тяжесть ихъ настолько бы увеличила углубленіе корабля, что онъ не могъ бы выйти изъ дока. Окончательная отдѣлка корабля, за исключеніемъ установки башенъ, будетъ закончена въ теченіе юня мѣсяца, такъ что въ первыхъ числахъ юля

корабль будетъ въ состояніи присоединиться къ большой практической эскадрѣ на Транзундскомъ рейдѣ. Укрѣпленіе брони на кораблѣ замѣчательно по своей прочности и необычайной точности отдѣлки. Громадныя плиты брони пригнаны одна къ другой такъ аккуратно, что шовъ между ними едва отдѣляется незамѣтной полоской въ 2 или 3 линіи. Вообще корабль „Петръ Великій“ въ настоящемъ видѣ представляетъ много интереснаго для подробнаго изученія.

— Недавно въ Николаевѣ спущенъ на воду паровой плавучій кранъ, могущій поднимать до 50 тоннъ. Заказанный въ Англіи, онъ привезенъ былъ оттуда въ частяхъ, въ концѣ прошлаго года, и собранъ въ Николаевскомъ адмиралтействѣ. Размѣры его слѣдующіе: длина 100 футовъ, ширина 48 ф., углубленіе по спуску на 2 ф. 2 дюйма.

Кранъ этотъ составляетъ необходимое, весьма важное пріобрѣтеніе для Николаевскаго порта, такъ какъ даетъ возможность нетолково грузить на суда и сгружать съ нихъ значительныя тяжести, но и перевозить ихъ куда потребуется.

СОДЕРЖАНІЕ: Иполитъ Ивановичъ Монаховъ (съ портретомъ). — Другой волкъ. Романъ Н. Н. Каразина. Ч. II. (продолженіе). — Арабъ въ пустынь (съ рисункомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ Тироляхъ альпъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Галлернъ-Бархъ (продолженіе). — Домовой (Окончаніе). — Литературный альбомъ „Тарасъ Бульба“ Гоголь (съ рисункомъ). — Церковь св. Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Сибѣ. — Газнымъ извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугодъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка номеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27.

Подписка на „НИВУ“ въ 1875 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1875 ГОДУ №№ „НИВЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	4 р.	—	к.
съ доставкой на домъ	5	—	„
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ	4	50	„
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой	5	50*	к.

НА ПОЛУГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	2 р.	—	к.
съ доставкой на домъ	2	50	„
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ	2	50	„
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на	3	—	„

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, ДОМЪ № 9.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

„ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ“.

Настоящая Американская швейная машина съ правильною двойною стрѣлкой, ручная и ножная. Королевская педагогическая комиссія въ Ирландіи признала „Литль Ванцеръ“ за лучшую изъ швейныхъ машинъ и избрала ее для употребленія во всѣхъ школахъ Ирландіи. „Ванцеръ Д“ новѣйшая настоящая Американская швейная машина, ножная для портныхъ.

Б. Г. теръ Бране, главный агентъ для всей Россіи.

Контора и магазинъ, на углу Невскаго и малой Морской, домъ Струбинскаго № 11; потомъ еще продажа у: Ериши и Но. въ гостиницѣ дворъ по большой суровской линіи № 132, Агентъ для Москвы, Шансъ и Болинъ, англійскій магазинъ на Кузнецкомъ мосту. Кроме того находятся Агентъ почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

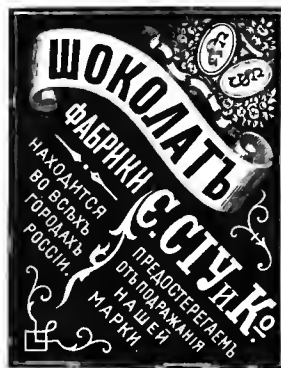
10—10

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 60 к., для Подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкой. Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ балетрической формѣ ознакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ пересылкой. Про что щербетала ласточка. Сочиненіе Шмилыгина. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

45—6

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—15

Dr. HUNNIUS bleibt in HAMBURG und ist bereit für seine Patienten Quartiere zu besorgen.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагается объявленіе отъ книжнаго магазина Плотникова.

ЖИВЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 25

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 22-го Юня 1875 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Верблюдъ, его исторія и географическое распредѣленіе.

Ни одно животное не связано такъ тѣсно съ исторіей и культурой своего отечества, какъ верблюдъ. Животное это съ незапамятныхъ временъ составляло неизбѣжную принадлежность жизни обитателя степей и пустынь, его богатство и гордость; это верховное и вѣчное животное бедуина, единственное возможное средство сообщенія въ пустынѣ.

Какъ извѣстно, верблюды бываютъ одногорбые и двухгорбые. Наружность верблюда поражаетъ своей странностью, и принимая за норму лошадь, кажется довольно некрасивой. Вытянутая впередъ голова съ выпуклыми глазными орбитами и отвислыми губами, длинная выгнутая шея, массивное туловище съ неуклюжимъ горбомъ, высокія толстыя ноги съ мозолистыми копытами, все это противорѣчитъ всякимъ условіямъ красоты. Между тѣмъ, съ другой стороны, верблюдъ соединяетъ въ себѣ послушаніе и быстроту лошади съ силой буйвола и съ умѣренными требованіями осла; ни одно другое животное не въ состояніи вынести столько

Верблюдъ въ Монголіи.

бѣдствій и лишеній съ такимъ терпѣніемъ, какъ этотъ прославленный арабами «ворабль пустыни» (сефинетъ эль бадійетъ).

Верблюдъ употреблялся въ качестве домашняго животного уже въ глубокой древности; неизвѣстно когда и какъ произошло его порабощеніе, но уже съ первыхъ страницъ исторіи мы видимъ это удивительное животное на службѣ человѣка. Въ XII главѣ Библии говорится, что у Авраама были: овцы, быки, ослы, рабы, рабыни, ослицы и верблюды. «Старшій рабъ дома пошелъ съ десятью верблюдами въ Месопотамію искать жену сыну своего господина. Онъ остановился у одного колодца, не доходя города Нагора, и встрѣтился здѣсь съ Ревеккой, которая нашла его верблюдовъ и сдѣлалась вполнѣ законною женой Исаака. Въ войнѣ Амалекитянъ и Мадианитянъ противъ Гедона, судьи израильскаго, по словамъ Книги Судей, «верблюды ихъ были безчисленны, какъ песокъ на берегу моря».

Верблюдъ съ древнихъ временъ употреблялся на войнѣ. Когда Куръ

двинулся къ Сардесу, его встрѣтилъ *Крезъ* съ превосходной кавалеріей. Но, по показанію *Геродота*, Киръ все таки одержалъ побѣду: онъ велѣлъ своимъ солдатамъ сѣсть на выюнных верблюдовъ и пустить ихъ впередъ. Позади этой верблюжьей кавалеріи помѣстивъ онъ пѣхоту, а за ней конницу. Хитрости удалась; при непривычномъ видѣ верблюдовъ лидійскія лошади бросились въ бѣгство—и побѣда осталась за Киромъ. Ксерксъ, Камбизъ, Александръ Великій и другіе, въ своихъ завоевательныхъ походахъ, также употребляли верблюдовъ, какъ верховое и выюное животное.

Обычай сражаться на верблюдахъ существовалъ у арабовъ съ незапамятныхъ временъ. *Ливій* рассказываетъ, что въ битвѣ при Магнезіи арабскіе стрѣлки Антиоха сплѣли на верблюдахъ и прыгали въ рукахъ тонкіе мечи въ четыре аршина длины, чтобы съ своего возвышенія доставать ими до враговъ.

Бедуины знаютъ, что онъ составляетъ одно нераздѣльное существо съ своимъ верблудомъ, что онъ обязанъ ему своей свободой и жизнью. Безъ удивительнаго терпѣнія и покорности этого животнаго, необъятныя песчаныя степи, со всепалющимъ дыханіемъ самауа или шамсиа, были бы и ему недоступны. Пустыню, со всѣми ея ужасами и лишениями, верблудъ превратилъ для араба въ дорогое, воспитанное отечество, въ непркосновенное убѣжище его необузданной страсти къ свободѣ и независимости.

Всякому другому смертному эти условія пустынной жизни были бы невыносимы, но для обитателя пустыни пего верблуда—это родная стѣхія, въ которой оба чувствуютъ себя привольно. Предложите бедуину всѣ сокровища, объ какихъ рассказываютъ его сказки, съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ свою колючую жизнь и основался на одномъ мѣстѣ,—онъ только посмотритъ на васъ съ презрѣніемъ. Пустыня также магически тянетъ къ себѣ бедуина какъ моряка море и альпійскаго охотника ледники. Мчаться на верблудѣ по необозримому песчаному морю, отдыхать въ оазисѣ у прохладнаго ручья подъ тѣнью финиковой пальмы, утолять голодъ плодами этого дерева и продолжительную жажду водою желаннаго источника,—это для него такіа наслажденія, какихъ не дадутъ ему никакія города со всѣми ихъ удобствами и удовольствіями.

Счастье безъ верблуда было искони немислимо для араба, а для того чтобы оно продолжалось и за гробомъ—въ домагометанскія времена верблуда заставляли умирать съ голоду на могилѣ хозяина: тогда, въ день всеобщаго воскресенія, и онъ оживетъ вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ и снова будетъ служить ему.

По корану, Аллахъ создалъ верблуда и финиковую пальму изъ той же глины, изъ какой былъ сотворенъ Адамъ и гуріи магометанскаго рая. Съ верблуда *Магометъ* изрекъ свои послѣднія откровенія—и до сего дня спина этого животнаго служитъ каедрой, съ которой мекскій хаджи ежегодно держитъ палgrimамъ умирительную проповѣдь. Пророкъ бѣжалъ въ Медину на верблюжьей кобылицѣ, и въѣхалъ на небо на своемъ верблудѣ Эль Борахъ. Имя верблуда связано съ сотнями разныхъ другихъ легендъ Ислама и древнихъ преданій.

Существо, отъ котораго зависитъ жизнь и благосостояніе его владѣльца, не могло оставаться только его рабомъ и выюнным животнымъ; оно сдѣлалось его другомъ и братомъ. Арабъ все дѣлитъ съ своимъ верблудомъ, ѣду и питье, трудъ и отдыхъ, радость и горе, жизнь и смерть; верблудъ принимаетъ участіе даже въ его молитвахъ, церемоніяхъ, омовеніяхъ и проч. Злодѣя, убившаго верблуда, преслѣдуетъ кровавая месть. Околѣващаго верблуда часто хоронятъ съ большими почестями.

Во время пути по пустыни, арабъ, бодро идя рядомъ съ своимъ верблудомъ, рассказываетъ ему цѣлыя длинныя исторіи, восхваляетъ его благородное происхожденіе, и въ награду за терпѣніе прочитаетъ ему многочисленное потомство. При этомъ онъ называетъ его другомъ и братомъ, вдвуетъ ему въ ноздри табачный дымъ и безъ усталости старается разговорами и развлеченіями облегчить ему—а также конечно и себѣ—тяжелую дорогу. Когда истощаетъ рассказы, онъ прибѣгаетъ къ длинной тростниковой дудкѣ, или поетъ усталому животному пѣсни о войнѣ или о любви; верблудъ внимательно слушаетъ, скрививъ отъ удовольствія зубами, и къ радости своего повелителя, кажется забываетъ усталость и не чувствуетъ тяжести ноши.

Но если животное отъ чего нибудь заупрямится и не захочетъ повиноваться, то пылкій арабъ раздражается на него цѣлымъ потокомъ гнѣвныхъ словъ и упрековъ, точно оно можетъ его понимать какъ человѣкъ; онъ напоминаетъ ему о всѣхъ оказанныхъ ему благодѣяніяхъ, объ амулетахъ, которые онъ покупалъ для его украшенія и для предохраненія «отъ дурнаго глаза»; бранитъ его за его неблагодарность «собачьимъ сыномъ» (ибнъ эль кельбъ), «назаряниномъ» (нессеранъ), «невѣрнымъ» (кафиръ) и проч.; но благородный арабъ никогда не унижаетъ себя до того, чтобы бить своего верблуда. Онъ управляетъ колоссальнымъ животнымъ единственно лишь словами, или игогой, тихонько наступая ею съ своего сѣдла на затылокъ верблуда; чтобы дать ему надлежащее направленіе, сѣдоку стѣбитъ только слегка тронуть его пруткомъ. Рѣдко приходится употреблять узду или поводья, еще рѣже носовое кольцо: и такъ, это огромное животное почти совершенно предоставлено самому себѣ; мѣрнымъ шагомъ движется оно съ тяжелымъ грузомъ, или

мчится съ однимъ всадникомъ по пустыни, гдѣ ничто не препятствуетъ его бѣгу.

Какъ многое зависить отъ обращенія съ животнымъ, насколько оно облагораживается отъ ласки и дичаетъ отъ грубаго обращенія, это какъ нельзя лучше видно на верблудѣ. Другъ и послушный помощникъ араба,—у другихъ народовъ, вслѣдствіе дурнаго обращенія, онъ превращается въ упрямаго и мстительнаго врага. Нагрузить его можно только силой; онъ съ ревомъ покореится неизбежной участи и злобно скалитъ на вожака челюсть съ длинными зубами. *Пюклеръ* рассказываетъ въ своемъ путешествіи, что въ Капрѣ одинъ вожакъ поплатился жизнью за дурное обращеніе съ своимъ верблудомъ. Разъ, когда вожакъ проходилъ мимо разсерженнаго животнаго, не имѣя въ рукахъ плети,—оно схватило его зубами, бросило о землю и ногами раздавило ему грудь. Подобные же случаи приводятъ и другіе путешественники.

Въ спокойномъ состояніи наружность верблуда меньше всего выражаетъ умъ; неоворотливая, горизонтально сидящая на изогнутой шеѣ, маленькая голова съ овечьей физиогноміей, большіе глаза безъ всякаго выраженія, отвислыя губы, которыя во время ѣды и жвачки дwigаются взадъ и впередъ, какъ маятникъ, открывая длинныя рѣзцы, придаютъ животному глупый и забавно-неуклюжий видъ. Но въѣдъ и породистый рысакъ въ стойлѣ не тотъ что на бѣгу. Надо видѣть верблуда въ дѣйствіи, чтобы понять его физическія и душевныя качества и вполнѣ оцѣнить его мужество и самоотверженную преданность своему хозяину въ опасности. Одно слово послѣдняго—и верблудъ съ пылающими глазами смѣло летитъ на врага; еще слово—и онъ, далеко забрасывая ногами, въ мигъ выноситъ своего повелителя изъ-подъ вражескихъ пуль.

Ни одна страна съискини не была такъ богата верблудами, какъ центральная горная возвышенность Недждедъ. Она, нисколько не пстокаясь сама, снабжаетъ этими неоцѣненнымъ перевозочнымъ средствомъ сосѣднія съ ней страны, какъ-то: Іеменъ, Оманъ, Геджасъ, Спрію, Иранъ, Месопотамію и проч., и арабы съ гордостью называютъ середину своего полуострова «Оемъ эль бель», т. е. мать верблюдовъ. Это справедливо въ отношеніи одиогорбаго верблуда; что же касается двугорбаго или бактрійскаго, то его первоначальная родина не Недждедъ, а какъ показываютъ уже одно имя—или древняя Бактрія или восточный Туркестанъ; колыбель его въ пустынѣ Шамо или Гоби, гдѣ онъ еще и по сіе время встрѣчается въ дикомъ состояніи: на него охотятся тамъ или ловятъ дѣтеннейшей и приручаютъ ихъ.

Исторія также говоритъ болѣе за происхожденіе двугорбаго верблуда изъ центральной Азіи, потому что одиогорбый верблудъ появился на востокъ тогда уже, когда первый давнымъ давно былъ тамъ вполнѣ домашнимъ животнымъ. Въ лѣтописяхъ Китайской имперіи, переведенныхъ французскимъ ученымъ Абедемъ Ремюза, между подарками платинихъ данъ королей Кохинскихъ, въ 1025 г. значатся также и верблуды съ однимъ горбомъ. Ихъ принимаютъ за первыхъ представителей арабской породы въ Китаѣ, между тѣмъ какъ появленіе бактрійскаго верблуда ведетъ начало уже во время династіи Ханъ (за 20 лѣтъ до Р. Х.); вслѣдствіи онъ распространился по всей сѣверной половины имперіи со включеніемъ части Манджуріи.

Сотни тысячъ верблюдовъ проходятъ каждый годъ страшныя пустыни китайско-монгольской горной страны, съ свирѣпствующими въ ней опасными снѣжными бурями. Ужасная пустыня Гоби, которая безъ верблуда представляла бы непреодолимое препятствіе для сообщенія народовъ по сю и по ту сторону гигантской естественной стѣны, теперь составляетъ почтовый и торговый трактъ между Пекиномъ и Кяхтой и даже зимой оживлена караванами.

Верблуды, которые могутъ переносить переходы черезъ высокую Гоби, принадлежатъ къ бактрійской породѣ, предназначенной исключительно для горныхъ странъ и сѣверныхъ степныхъ пространствъ; граница ея распространенія доходитъ до переднихъ цѣпей Алтая и Даурскихъ горъ, простираясь даже съ сѣверной стороны за Байкальское озеро. По большой нерчинской дорогѣ, между западной и восточной Сибирью, бурята, еще во времена *Палласа*, обязаны были на каждой почтовой станціи, сверхъ пятидесяти лошадей, всегда имѣть нѣсколькихъ верблюдовъ для транспорта казенныхъ чиновниковъ и кладей. Въ пстокахъ рѣки Уды, верблуды запрягались въ переднюю упряжку даже во время вынаденія глубочайшаго снѣга. По описаніямъ *Палласа*, иранскій горный верблудъ сдѣлался водянымъ животнымъ сибирскаго снѣговаго пояса. Разумѣется онъ не мало пострадалъ при этомъ какъ физически, такъ и морально: въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ упорно ложился на землю, и ничто не могло заставить его подняться, ни удары, ни держаніе носоваго кольца. Не оставалось никакого средства кромѣ замѣны некоренныхъ животныхъ другими. Такъ былъ спасенъ *Палласъ* 7 п 8-го мая 1772 г. въ занесенной снѣгомъ удинской пустоши. Бурята переплываютъ на верблюдахъ быстрія рѣки, какъ напр. Куду, Баргузинъ и др., что совершенно противно природѣ боящагося воды животнаго. Подобный же опытъ, кромѣ *Палласа* п *Георги*, былъ сдѣланъ еще въ 1692 *Исбрандомъ Йосомъ*, въ его путешествіи изъ Нерчинска въ Пекинъ. Правда, сначала верблуды очень боялись идти въ воду, но, какъ раз-

сказывает путешественник, почувствовать что у них под ногами пѣтъ почвы. Несутся по рѣкѣ точно надутый вѣтромъ пузырь.

Самоѣдскіе, киргизскіе, татарскіе и калмыцкіе верблюды точно также принадлежатъ къ двугорбой, бактрійской породѣ. Ногайскій татаринъ запрягаетъ верблюда въ ярмо между шеей и горбомъ къ дышлу своей нагруженной зерномъ арбы; китаецъ переходитъ съ нимъ караваномъ черезъ сѣверныя цѣпи Богдо и Мустага, гдѣ приходится даже переходить небольшое пространство глетчеровъ. *Тимковскій* рассказываетъ, что для этой цѣли пробиваютъ ступеньки въ ледяныхъ массахъ; но, не смотря на то, много верблюдовъ падаетъ въ пропасти, зіяющія по обѣимъ сторонамъ опасной горной дороги. Для калмыка верблюдъ необходимъ: онъ несетъ на себѣ весь его домъ, жену, дѣтей, боговъ и проч.; наѣвая пѣсни, калмыкъ весело переходитъ съ нимъ солончаковыя степи своей родины. Безъ верблюда онъ не могъ бы достать зимой ни дровъ, ни камыша, чтобы истопить свою юрту. Шерсть, которая весною снадеетъ съ животнаго клочьями, служитъ ему для изготовления бичевокъ, войлочныхъ покрывалъ, посовъ и проч.: верблюжий жиръ доставляетъ ему освѣтительный матеріалъ, мало чѣмъ уступающій восковымъ свѣчамъ въ свѣтѣ и добротѣ; навозъ даетъ хорошее топливо, мясо употребляется въ пищу, а кожа выдѣлывается на разные предметы.

Бактрійскій верблюдъ распространился преимущественно на сѣверѣ, арабскій же больше на югѣ центральной Азіи; первый касается области обитасмой озеями, второй граничитъ съ слонами. Внутри Бухары употребляются обѣ породы. Кромѣ двугорбой породы «аиръ» и одnogорбой «наръ», есть еще третій видъ верблюда «люктъ»; послѣдній, кромѣ своей величины и силы, отличается еще совѣмъ курчавой, темно-коричневой шерстью. Такъ какъ онъ не годится для большихъ караванныхъ путешествій, то вѣроятно по этому и мало извѣстенъ въ средней Азіи и Европѣ. На короткихъ переходахъ онъ можетъ нести отъ 800—1,200 фунтовъ, между тѣмъ какъ обыкновенная нагрузка верблюда не превышаетъ тамъ 650 фунтовъ.

И въ иранскихъ областяхъ обѣ породы верблюдовъ были извѣстны съ самаго начала исторіи. «Двухпородный верблюдъ, говоритъ въ *Зендавестѣ*,—созданъ только для чистыхъ; одинъ живетъ лишь въ горахъ, другой же, который держится въ долинахъ, не можетъ подняться больше какъ на двѣ горы; и тотъ горный верблюдъ глава всѣхъ верблюдовъ».

Хотя верблюдъ и не могъ распространиться въ передней Индіи такъ повсемѣстно, какъ въ безлѣсныхъ и безводныхъ пространствахъ передней Азіи,—тѣмъ не менѣе въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Бактріей, онъ употреблялся какъ выючное животное. Въ первобытномъ развитіи народовъ Индіи, верблюдъ уже потому не могъ играть такой роли какъ въ передней Азіи, что не былъ такъ безусловно связанъ съ первѣйшими потребностями Индуса, какъ это было съ семитическими племенами. Послѣдніе видѣли въ верблюдѣ отраженіе человѣческой души; для Индуса такое значеніе получилъ слонъ. Верблюдъ сталъ распространяться въ сѣверной Индіи только съ тѣхъ поръ, когда его ввели туда магометанскіе владетели съ цѣлью употребленія его на войнѣ, а также въ качествѣ перевозочнаго и рабочаго животнаго.

Съ туркестанской династіей Газнавидовъ, въ царствованіе султана Махмуда, для этихъ странъ началась новая эра; браминизмъ падаетъ, и на Индѣ и Гангѣ начало возвышаться магометанство,—съ нимъ вмѣстѣ стало возрастать и число верблюдовъ. Когда въ 1021 г. Махмудъ предпринялъ походъ для уничтоженія самаго большаго браминскаго храма, ему понадобилось, чтобы пройти лежащую передъ нимъ пустыню, 20,000 верблюдовъ для транспортированія одной воды для его войска.

Такъ какъ во многомъ верблюдъ можетъ быть полезнѣе слона, то и индусскіе раджи постепенно стали держать верблюдовъ при своихъ дворахъ и употреблять ихъ въ армію, а англичане воспользовались ими какъ превосходнымъ перевозочнымъ средствомъ на войнѣ и въ мирѣ.

Въ южномъ Индостанѣ, тропически-сырой климатъ котораго противенъ природѣ верблюда, онъ служитъ только для пролесей и держится при дворѣ важныхъ лицъ; въ восточной части этой страны встрѣчается онъ еще рѣже; за то въ сухой и без-

водной сѣверо-западной части, онъ до сихъ поръ гуляетъ при-вольными стадами. Безъ верблюда песчанья пустыни и степныя пространства Инда и Аму-Дарьи были бы непроходимы и всякія торговыя сношенія, какъ между Индіей и восточной Европой, такъ и между Китаемъ и Сибирью, невозможны.

Извѣстно, какое значеніе имѣли верблюды въ нашихъ хивинскихъ экспедиціяхъ. Въ походѣ на Хиву, предпринятомъ въ 1839 г. подъ предводительствомъ главнаго пачальника Оренбургскаго края, графа Перовскаго, при войсковомъ обозѣ было до 10-ти тысячъ верблюдовъ. Въ послѣднемъ походѣ было также употреблено огромное количество верблюдовъ. Такъ какъ при особенныхъ условіяхъ степныхъ походовъ, почти весь успѣхъ дѣла заключается въ умѣньши сохранитъ въ пути здоровье людей и свѣжесть и бодрость перевозочныхъ животныхъ, то войску необходимо имѣть съ собой на все время похода продовольствіе для людей, фуражъ, воду и проч. Понятно, изъ какого громаднаго числа тяжестей и перевозочныхъ животныхъ долженъ состоять такой обозъ. Въ этой экспедиціи на двухъ человекѣ отряда приходилось по 1—2 верблюда, и весь отрядъ представлялъ скорѣе огромный вооруженный караванъ, чѣмъ движущіся войска.

Персидскія войны ввели верблюда и въ Европу. Ксерксово войско сопровождало караваны выючныхъ верблюдовъ; но и тогда, ни позднѣе, когда въ 376 и 386 гг. по Р. Х. Готы проплыли до Дуная, и будучи разбиты императоромъ Феодосіемъ, бѣжали, оставивъ множество верблюдовъ, животное это не укоренилось въ Европѣ. Оно водится только въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ степяхъ, растительность которыхъ слишкомъ груба для лошадей и рогатаго скота; еще можно встрѣтить верблюда на береговыхъ террасахъ южной Испаніи, и въ Сая-Розоре близъ Пизы. Тамъ въ 1622 г. Фердинандъ II Медичи устроилъ большой паркъ для акклиматизаціи верблюдовъ, однако животное это не привилось въ Европѣ.

Между тѣмъ какъ Европа по своимъ счастливымъ условіямъ не нуждалась въ верблюдѣ, для Африки онъ составлялъ жизненную потребность; безъ посредничества такъ-называемаго корабля пустыни, весь сѣверъ этой части свѣта долженъ бы былъ пропасть для человечества. Но первоначальная африканская родина этого необходимаго тамъ животнаго неизвѣстна.

Египтяне познакомились съ верблюдомъ черезъ евреевъ, но какъ-то, по мѣстнымъ условіямъ, не имѣли въ немъ надобности, то и не особенно занимались уходомъ за нимъ; такимъ образомъ, послѣ удаленія изъ Египта дѣтей Израиля, онъ кажется совсѣмъ исчезъ отсюда; его не видно и между египетскими пероглифами.

Верблюдъ снова появляется въ Египтѣ только въ третьемъ столѣтіи до Р. Х., и именно въ коммерческомъ значеніи. Какъ рассказываетъ *Страбонъ* въ XVII книгѣ своей географіи, Птоломей велѣлъ сдѣлать дорогу между Контосомъ и Береникой и устроить на ней станціи и гостиницы для отдыха «кушцовъ ѣдущихъ съ верблюдами». Однако онъ больше нигдѣ не упоминаетъ о выючныхъ верблюдахъ, какъ въ Египтѣ, такъ и въ остальной Африкѣ. *Юлій Цезарь* первый въ своихъ африканскихъ войнахъ говоритъ о двадцати двухъ покоренныхъ верблюдахъ. Съ тѣхъ поръ распространіе верблюда въ сѣверной Африкѣ начало понемногу дѣлать быстрые успѣхи, потому что когда въ 428 г. по Р. Х. Вандалы перешли изъ Испаніи въ Африку, мавры выставили передъ своимъ укрѣпленнымъ лагеремъ десяти рядовъ верблюдовъ. Лошади испугались незнакомыхъ животныхъ, но неустрашенные всадники встали съ своихъ коней—и по трунамъ двухсотъ верблюдовъ проложили себѣ путь въ мавританскій лагерь, который, со всѣмъ чѣмъ въ немъ было, сдѣлали ихъ добычей.

Побѣдоносное распространіе ислама составляетъ эпоху въ исторіи верблюда. Онъ является въ нѣкоторомъ родѣ вѣстникомъ магометанизма, потому что во всю сѣверную Африку, даже въ Испанію, вмѣстѣ съ кораномъ проникли и онъ. Южное распространіе верблюда въ Африкѣ доходитъ почти до Судана; по ту сторону Сенегала и Нигера, на тучной, богатой травой почвѣ пояса тропическихъ дождей, прекращается практическая польза степнаго животнаго, хотя оно есть и роскошныя величинной въ человѣческой ростъ травы тѣхъ странъ.

(Окончаніе будетъ).

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Окончаніе).

Эпилוגъ.

Домикъ стараго пушкаря въ Чиназѣ оживился.

Давно уже, со смерти самого пушкаря, Мартына Федоровича Чижикова, а вслѣдъ за нимъ его ворчливой супруги, ставши безчисленныхъ оконъ этого домика были наглухо заперты, двери тоже; на замкахъ висѣли

даже красныя, сургучныя печати, на шнурочкахъ, приложенныя властью, въ ожиданіи наслѣдниковъ...

Темно и сыро было внутри этого домика. Тонкіе, какъ струйки, лучи солнечнаго свѣта прорывались иногда въ щели ставень—и скользили эти лучи по стѣнамъ, покрытымъ паутиною, по угловатымъ выступамъ мебели, словно чахлами задернутой толстымъ слоемъ пыли...

Сколько уже времени прошло, какъ ни одна нога не заходила сюда,—ни одна рука, вооруженная щеткою, заботливо не прикасалась къ этой мебели... Запущено было все, покинуто, забыто...

Приволье мышамъ и крысамъ, раздолье паукамъ, заткавшимъ всѣ углы своею работою, протянувшимъ черезъ всѣ комнаты, съ печи на шкафъ, со шкафа на висячую лампочку, оттуда на горлышко забытой на окнѣ бутылки, оттуда опять въ уголъ,—свои тонкія, колеблющіяся нити...

И вотъ, все это ожило разомъ, встрепенулось...

Двери распечатаны и стоятъ настежь отворены, окна тоже... Свѣжій воздухъ стремительно врывается въ забытое жилище, и свободно разгуливаетъ тамъ, тревожа отживающее свой вѣкъ тряпье... Мебель вынесена на дворъ и заботливо тамъ выколачивается;—двѣ бабы, подобравъ свои юпки къ поясу, напустили воды по щиколотку и бродятъ тамъ, съ тряпками и ведрами, стѣны штукатурятся вновь бѣлою какъ снѣгъ известью...

И странно смотрятъ изъ щелей на всю эту суматоху сконфуженныя мыши, и думаютъ бѣдныя: „что это за безпорядки такіе, что за неумѣстныя, несвоевременныя реформы!.. толи дѣло было при насъ, въ наше старое, доброе время!“...

А пауки—тѣ уже, съ покорностью судьбѣ, давно вымерены, вмѣстѣ съ соромъ на дворъ, давно склеваны курами, а который уцѣлѣлъ тоже не унываетъ: „что за бѣда! думаетъ:—чтобы я не нашелъ на Руси сорнаго мѣстечка, гдѣ опять могу какъ угодно раскидываться... вздоръ! земля наша велика и обильна... на нашъ пай хватить!...

Но тѣмъ, кто хлопоталъ объ очисткѣ домика стараго пушкаря, двумъ бабамъ и солдату, на помощь которому прислано было два казака изъ Головинской сотни, не было никакого дѣла до разсужденія мышей и уцѣлѣвшихъ пауковъ... Они только одно знали, объ одномъ думали:

— Живо, ребята, живо!.. черезъ два дня господа пріѣдутъ изъ Ташкента, чтобы все готово было, безпрѣмѣнно!

Вотъ они и спѣшили, и старались приготовить, освѣжить и очистить все къ пріѣзду господъ изъ Ташкента, а господа эти прибыли въ Ташкентъ изъ Казалинска, а въ Казалинскъ прибыли съ береговъ Аму, на пароходѣ „Перовскъ“, по Аральскому морю...

Господа эти были—Головинъ и его жена Наталья Мартыновна съ сыномъ Петей.

Соединенныя силы доктора и любящей женщины взяли верхъ надъ болѣзнию хромаго казака,—болѣзнию, гдѣ моральное разстройство и потрясеніе были главнѣйшею причиною. Спокойствіе, уходъ и ласка помогли природнымъ силамъ больнаго, поблекшія щеки загорѣлись свѣтлымъ здоровымъ румянцемъ,—окрѣпли силы и быстро зашагалъ счастливый пациентъ по дорогѣ къ выздоровленію.

Тамъ же, въ лагерѣ была и веселая, хотя чрезвычайно простая по обстановкѣ, свадьба Головина съ Наташею... Срокъ службы хромаго казака наступалъ—и онъ по нѣкоторымъ соображеніямъ лучшимъ счелъ остаться здѣсь въ центральной Азіи, гдѣ судьба послала ему счастье, нежели отправляться домой, къ себѣ на Ликъ, куда его, признаться, не тянуло вовсе. Мѣстомъ жительства избранъ былъ Чиназъ. Вотъ почему и поднялась такая тревога очистки и приведенія въ порядокъ забытаго домика стараго пушкаря.

Годъ тому назадъ, въ послѣднюю поѣздку мою въ центральную Азію, я былъ между прочимъ въ Чиназѣ, и навѣстилъ счастливую чету.

Домика стараго пушкаря просто невозможно было узнать, по крайней мѣрѣ очень трудно,—настолько трудно, насколько трудно узнать дряхлую старушку—силою

какихъ нибудь таинственныхъ чаръ помолодѣвшую лѣтъ на пятьдесятъ.

Густыя массы въющей зелени заплели всѣ стѣны, снаружи домика, и сквозь эту вырѣзную, изумрудную листву сверкали оконныя стекла и чистыя бѣлыя занавѣски, палисадникъ пестрѣлъ яркими цвѣтами и зеленью, по усыпанному пескомъ чисто-выметенному дворику прогуливались куры съ своимъ важнымъ пѣтухомъ супругомъ, сытыя лошади ржали въ тѣнистыхъ конюшняхъ, вновь возведенныхъ хозяиномъ, любителемъ этимъ четвероногихъ.

Какимъ молодцомъ вышелъ на крыльцо, мнѣ на встрѣчу, самъ хозяинъ,—такимъ, что любоваться надо! Статный, румяный, довольный и счастливый... кто бы могъ узнать въ этомъ богатырѣ прежняго больнаго, умиравшаго подъ гнетомъ предполагаемой, но не существовавшей впрочемъ, чахотки?! „Только нога каналья все еще выдаетъ, гсворилъ онъ,—безъ хромоты легонькой шагаты не позволяетъ; ну, да это не бѣда! я вѣдь не пѣхотинецъ!..

И Наталья Мартыновна сбросила съ себя наконецъ свой траурный, полумонашескій костюмъ сестры милосердія... похорошѣла еще больше, пополнѣла и...

Кажется, скоро Петя будетъ имѣть себѣ товарища своихъ игръ, брата или сестру, пока неизвѣстно.

Остается только пожелать имъ всѣмъ тремъ и въ будущемъ такого же довольства и счастья, какимъ они пользуются въ настоящую минуту—„ибо, какъ говорить старая мораль, они этого вполне заслуживаютъ“.

И еще съ однимъ героемъ моего разсказа судьба столкнула меня вновь, и даже очень недавно, не дальше какъ нынѣшнею зимою, въ Петербургѣ.

Разъ какъ-то пришлось мнѣ завернуть къ Борелю поужинать. Тамъ, у одного изъ столовъ, покрытыхъ остатками роскошнаго ордѣвра (такъ называютъ обыкновенно водочную подзакуску) сидѣли, если можно назвать эти позы сидѣньемъ, нѣсколько офицеровъ. Они ожидали заказаннаго ужина и пока разнообразили время веселою болтовнею, не лишенною рестораннымилитарнаго остроумія...

— Да, господа, продолжалъ одинъ изъ офицеровъ свой начатый разсказъ.—Да, это была любовь возвышенная, пылкая, полная самаго безкорыстнаго самоотверженія...

— Ты бы ее сюда приволокъ, Сержъ! раскачивался сидя верхомъ на стулѣ другой.

— Вотъ, нашелъ дурака! для степеней она на безрыбьи еще куда ни шло... а куда?! Ну что бы я дѣлалъ здѣсь съ этою „Гретхенъ“, тѣмъ болѣе что она выказала блестящія способности къ размноженію...

— Вѣрно!.. зарычалъ третій слушатель.—Господа, мѣсто! Омара волокутъ, омара-монстра, омара-колосса... Мѣсто!

— А потомъ пришлось мнѣ разсчитываться за мои донъ-жуановскія похождения, задумчиво говорилъ рассказчикъ, словно припоминая какія-нибудь непріятныя для него событія.

— Ихъ было шесть человѣкъ, я одинъ... Я предоставилъ имъ право стрѣлять первымъ. Я ждалъ... Шесть пистолетныхъ стволовъ были направлены противъ меня... Да, признаюсь откровенно, я не считаю себя трусомъ, но видѣть передъ своими глазами эти шесть зіяющихъ черныхъ точекъ пренепріятно... Я вынулъ часы... Первый выстрѣлъ, пуля провизжала у самого моего виска, второй—тоже, третій—мимо, третьей пули я даже не слышалъ, четвертая взрыла песокъ и обдала меня пылью, пятая пронеслась гдѣ то-надъ головою, шестая раздробила мой револьверъ.

— Господа! сказалъ я,—это сама судьба шадитъ васъ! и показываю имъ мое исковерканное оружіе.—Надѣюсь, всѣ недоразумѣнія между нами теперь кончены. Тѣ ре-

Скала Соколи подъ Житомиромъ. Съ фотографіи рѣсаль Кюблеръ.

вуть „ура! ура!“, бросились ко мнѣ, подняли на руки, принялись качать, пошлѣйшее обыкновеніе, затѣмъ перепились какъ свиньи, а я уѣхалъ въ Петербургъ, потому эта вся дичь, ей Богу, мнѣ надоѣла...

— И ты не врешь? полюбопытствовалъ какой-то скептикъ.

Сергѣй Николаевичъ только презрительно пожалъ плечами.

Татаринъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ принесъ подносъ съ какими-то закрытыми кострюльками—и господа принялись насыщать свои претендательные желудки.

СКАЛА СОКОЛИ ПОДЪ ЖИТОМІРОМЪ

Волынская губернія представляетъ рѣзкій контрастъ болотамъ Полѣсья и степямъ Малороссіи, которыми она ограничена съ сѣвера и востока. Здѣсь непривычный глазъ сѣверянпна впервые поражаютъ горы—не тѣ холмообразныя возвышенности, что едва заслуживаютъ этого названія, какъ напр. валдайскія и т. п.,—но горы въ полномъ смыслѣ слова, съ обнаженными слоями каменныхъ горныхъ породъ, въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, словомъ настоящія горы—отроги Карпатъ. Мѣстности эти, поистинѣ заслуживающія названія *русской Швейцаріи*, такъ и просятся на мольбертъ или подъ карандашъ художника. Вотъ, напр., одна изъ нихъ, на берегахъ рѣки Тетерева подъ самымъ Житомиромъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ устья Каменки. Это такъ-называемая скала Соколы, про которую донынѣ сохранилось слѣдующее преданіе. Давнымъ-давно, между обрывистыми утесами прибрежныхъ скалъ, поселился молодой казакъ, поименному разбойникъ. Но сердце дѣвушки, рассказываютъ окрестные старожилы, не справляется о людской молвѣ и беззавѣтно вѣрится страстнымъ клятвамъ милаго. Такъ и нашъ казакъ легко вскружилъ голову красивой хуторянкѣ, дочери другаго казака, по имени Сокола, владѣвшаго хуторомъ на горѣ, недалекой отъ Житомира, при старой почтовой дорогѣ на Звягль; гора эта и до сихъ поръ называется по имени владѣльца *Соколовою*. Молодой удалецъ, соблазнивъ дѣвцу, не заботился объ ея будущности, и

все еще увѣряя въ неизмѣнной до гроба любви, замыслилъ уже, какъ бы ее покинуть. Ыхалъ онъ однажды съ Соколова хутора и намѣревался никогда уже больше не возвращаться къ своей милой, какъ вдругъ вмѣстѣ съ конемъ окаменѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится небольшая площадь, главный базаръ мѣстечка. Мѣсто это въ то время было пустое, а не задолго до проведенія почтовой дороги, на немъ тѣснилось нѣсколько деревянныхъ домишекъ. Старожилы рассказываютъ, что передъ одной изъ этихъ хатъ лежалъ громадный камень, по наружному виду похожій на конское туловище съ сидящимъ на немъ всадникомъ,—и видятъ въ этомъ подтвержденіе преданія, конецъ котораго не менѣе чудесенъ.

Соблазненная хуторянка, которую звали по отцу Соколей, пропикнувъ силою чаръ въ замыслы милаго объ измѣнѣ, тою же силою чаръ превратила его въ нерушимый камень. Но, по прошествіи нѣсколькихъ мгновеній, любовь превозмогла жажду мести: дѣвушка бросилась въ погоню за казакъ, но прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что поздно спохватилась,—въ отчаяніи кинулась въ рѣку съ той скалы, въ которую былъ ею обращенъ любовникъ. Отсюда и называется этотъ утесъ скалою Соколы.

Поляки зовутъ этотъ утесъ *скалою Чацкаго*, находя сходство въ очертаніяхъ одного камня надъ рѣкой (на рисункѣ крайняя справа вершина посрединѣ межъ двухъ деревьевъ) съ профилемъ бывшаго старосты Новоградковскаго.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

VI.

День на родинѣ.

Валли пришлось снова перейти черезъ трепещущій мостикъ, и тутъ она почувствовала, что голова у нея кружится и кровь, хлынувшая въ голову, стучитъ въ вискахъ. Мягкость, влажность воздуха здѣсь казалась ей, сравнительно съ разрѣженнымъ, холоднымъ воздухомъ ледниковъ, тяжелою, давящею. Ганзль, покачиваясь отъ быстрой ходьбы ея, вѣпилъ когтями въ плечо.... Все это мучило Валли и казалось ей невыносимымъ. Вотъ она и у своей родной деревни, но чтобы дойти до дома отца, нужно было пропастись черезъ все селеніе. Обыватели, успѣвшие уже пообѣдать, глазѣли изъ оконъ—и завидя Вальбургу Штроммингеръ, оживились и затыкали на нее пальцами.

— Вонъ, глядите—Орель дѣвка пришла! Вотъ и ты, наконецъ, оттуда вернулась?.. Эва! и орла тащить съ собой!... Слыхъ ты, не померзли вы тамъ оба-то! Н-дѣ, старикъ-то заставилъ васъ тамъ порядкомъ погостить!.. Да-ну, покажись, какая ты теперича стала?.. Эхъ, и похудѣла-же, и почернѣла, рѣвно-бы вотъ шнальзерскій пастухъ!.. Ага, стала тамъ, наверху-то, тише воды, ниже травы—что?.. Тѣ-то, видишь, какъ хорошо супротивничать отцу!...

И такія злорѣчивыя привѣтствія раздавались и справа, и слѣва, пока дѣвушка шла, опустивъ глаза. Чувство стыда и горечи заставило ее сильно краснѣть... Въ самомъ дѣлѣ, горделивая Валли, дочь первѣйшаго богача, возвращалась домой, осыпаемая насмѣшками, оскорбленіями! А за что? Въ чемъ же она провинилась?.. И разгоралась въ ея груди непримиримая ненависть, а это чувство тяжелѣе гнѣва: гнѣвъ можетъ мало по малу улечься,—но ненависть, свившая себѣ гнѣздо въ

оскорбленномъ и крѣпко огорченномъ сердцѣ, быстро растетъ, пуская цѣпкіе корни во все существо; ненависть—это безмолвное, назойливо-постоянное проявленіе чувства безсильной мести.

Валли, не проронивъ ни одного слова, взопла на горку, на которой стоялъ домъ Штроммингера, гордо посматривая съ верху на всю деревню. Появленія ея никто не замѣтилъ, такъ какъ всѣ были въ полѣ; только одинъ глухой Клеттенмайеръ, колонный около сарая дрова на зиму, увидѣлъ Валли, снялъ шляпу передъ дочерью хозяина и проговорилъ:

— Да хранить тебя Господь Богъ!

Бросивъ котомку и освободившись отъ увѣсистаго Ганзля, дѣвушка протянула руку старику.

— Ну, слышала, чай? Люккардъ-то—а? спросилъ глухой.

Валли только кивнула.

— Н-дѣ, такъ-то вотъ, заговорилъ Клеттенмайеръ, продолжая колоть дрова,—ужъ ежели кого Викентій не полюбитъ—не угомонится до тѣхъ поръ, пока съ свѣту не сгинетъ!.. Желательно ему было-бы и меня вытурить: подмѣтилъ онъ, что я держать сторону Люккардъ... Забралъ онъ себѣ въ голову, что ежели-бъ тутъ никого не было, кто бы былъ за тебя, — такъ ты бы меньше упрямилась. Да вотъ нѣ съ чѣмъ ему ко мнѣ привязаться—ну, онъ и даетъ мнѣ нарочно самую что ни есть тяжелую работу. Каждый день мнѣ приходится теперь цѣлый возъ дровъ наколоть... Совсѣмъ изъ силъ скоро выбьюсь! А мнѣ-то, изволишь видѣть, третьяго дня семьдесятъ шесть стукнуло. Викентій этого, значить, и добивается, чтобы сейчасъ сказать хозяину, что старикъ, молъ, никуда теперь не годится; либо ждетъ онъ, чтобы я самъ отошелъ, когда ужъ силушки-то не

станеть... А куда я, этакой старый, сунусь?.. Ну, и надо жить тут!...

Валли, мрачная, нахмуренная, дала высказаться старику—и затѣмъ, повернувшись, быстро направилась къ дверямъ дома. Ей захотѣлось взять тамъ хлѣба, вина и угостить Клеттенмайера. Но кладовая и погребъ были заперты на замокъ. Она прямо пошла въ кухню. Сердце дѣвушки болѣзненно сжалось... Въдѣ тамъ—обычное мѣстечко Люккардъ, ей одной принадлежащее; старушка сейчасъ должна выйти къ ней навстрѣчу и спросить: „Ну, какъ живется—можется тебѣ? Чѣмъ попотчевать прикажешь? Какую работишку мнѣ дашь?“... Слова эти раздались въ ухахъ Валли, но—увы, все это миновало, прошло!... Какая-то незнакомая приземистая дѣвушка сидѣла въ кухнѣ у очага и чистила картофель.

— Гдѣ ключи? спросила Валли.

— Какіе такіе ключи?

— Отъ кладовой и погреба.

Новая кухарка дерзко оглянула Валли.

— Эва какъ! Ужъ больно громко... Даты кто такая?

— Смотри—и узнаешь, произнесла Валли гордо.— Я—дочь хозяина.

— Хи—хи—хи! Проваливай-ка лучше отсюда. Хозяинъ не велѣлъ тебя пущать въ домъ. Ступай на задворки, тамъ и комната для тебя припасена. Поняла?

Лицо Валли побѣлѣло, какъ у мертвеца. Такъ вѣтъ какъ ей придется жить въ родительскомъ домѣ! Она, Вальбурга Штроммингеръ, ниже послѣдней работницы—и гдѣ же?—у себя, подъ собственной, наслѣдственной кровлей!.. Это значитъ, что ее—мало того что видѣть не хотятъ—желаютъ еще осрамить, унижить, чтобы заставить покориться... Ее! Валли... Орель-дѣвкѣ!... Самъ отецъ когда-то съ гордостью говорилъ, что такая дѣвушка десятокъ парней за-поясъ заткнетъ!

— Подай мнѣ ключи! прикрикнула она.

— Эге! Вотъ это чудесно! Ужъ коли хозяинъ велѣлъ, чтобы ты зажила тутъ чумичкой, такъ ужъ о ключахъ лучше тебѣ молчать. За домомъ я теперь смотрю и безъ приказа хозяина ничего тебѣ не дамъ.

— Ключи! гаркнула Валли вспыхнувъ.—Я приказываю тебѣ!

— Не можешь ты мнѣ приказывать—не тебѣ я служу, а Штроммингеру. Въ кухнѣ, здѣсь, я хозяйничаю. Поняла? На тѣ воля хозяина; ну, а ежели онъ дочь свою родную считаетъ ниже насъ, наѣмныхъ работницъ—такъ ужъ знаетъ за чтѣ это...

Валли шагнула къ кухаркѣ, совсѣмъ приблизилась къ ней... Глаза ея горѣли, губы подергивались—той даже страшно стало; но прошла минута—и Валли овладѣла собой; гордость взяла верхъ... „Стдѣть-ли руки марасть? Жалкая наймичка—ну, ее!“ и она вышла изъ кухни. Кровь бурлила, въ вискахъ постукивало, глаза сверкали, грудь порывисто дышала... Дѣ, ужъ слишкомъ много сегодня обрушилось на голову дѣвушки!... Она машинально прошла по двору, какъ будто была въ лунатизмѣ, приблизилась къ Клеттенмайеру, взяла у него топоръ и заставила сѣсть старика на скамью. Клеттенмайеръ, еле-державшійся на ногахъ отъ усталости, никакъ не хотѣлъ сидѣть и говорилъ, что не смѣетъ бросить работу; но Валли успокоила его, сказавъ, что сама докончить рубку дровъ, сработаетъ за него.

— Ну, да будетъ надъ тобою Божье благословеніе, добрая ты душа! произнесъ старикъ и, совершенно изнеможенный, остался на скамьѣ. Валли вошла подъ навѣсъ и принялась за дѣло. Въ сильныхъ рукахъ ея топоръ высоко взлеталъ и съ трескомъ раскалывалъ увѣсистыя полѣнья, а если попадалось толстое бревнышко, то лезвѣ топора глубоко входило въ него. Не прошло въ ней гнѣвъ, она сердито махала этимъ орудіемъ, а Клеттенмайеръ глядѣлъ и удивлялся, какъ это у Валли

работа-то кипитъ—куда батраку противъ нея! И онъ любовался, радовался, смотря на дѣвушку; она выросла, разцвѣла у него на глазахъ; старикъ любилъ ее по своему. Вдругъ Валли приостановила работу: она увидѣла вдали ненавистную ей фигуру Викентія. Викентій, не замѣчая Валли, подкрадывался сзади къ Клеттенмайеру и внезапно всталъ передъ нимъ, такъ что старикъ даже испугался. Дѣвушка не спускала съ нихъ глазъ. „Новый хозяинъ“ схватилъ Клеттенмайера за воротникъ жилетки и заставилъ его подняться со скамьи.

— Хе! Такъ-то ты работаешь? крикнулъ онъ ему въ ухо.—Ахъ, ты бездѣльникъ! Ужъ который разъ я тебя ловлю на этомъ... Ну, теперь—полно. Вотъ подгоню я тебя, разшевелю!

И онъ такъ толкнулъ его колѣномъ, что обезсиленный старикъ кубаремъ покатился по вымощенному камнемъ двору.

— О-хо-хо-ой! застоналъ Клеттенмайеръ.—Охъ, помоги... хозяинъ... встать-то!

— А вотъ сейчасъ—постой! Я тебѣ покажу, какъ лѣнными рабамъ помогаютъ вставать...

Викентій схватилъ палку, замахнулся, но въ это мгновеніе что-то такъ сильно треснуло его по головѣ, что онъ вскрикнулъ и пошатнулся.

— О, Господи... ктѣ это? еле-произнесъ онъ и свалился на скамью.

— Это—я, Орель-дѣвка! отвѣтилъ ему знакомый, дрожавшій отъ гнѣва, голосъ—и Викентій увидѣлъ передъ собой Валли съ топоромъ въ рукѣ, съ побѣлѣвшими губами... Она дико смотрѣла на него и почти задыхалась отъ расхолодившагося сердца.

— Чтѣ—узналъ? заговорила Валли съ разстановкой, переводя дыханіе:—узналъ... каково... получить затрепину?.. а?! Я... покажу... тебѣ... чтѣ значитъ... моего вѣрнаго... старика слугу бить! Мою Люккардъ ты ужъ спровадилъ въ могилу... Клеттенмайера хочешь теперь?... Ну, нѣтъ—этого не позволю... Лучше домъ свой сожгу, выкурю тебя отсюда, какъ лисицу изъ норы!...

Поднявъ старика, Валли довела его до сѣновала.

— Ступай, Клеттенмайеръ, отдохни тамъ... Иди-же! приказала она.—Я такъ хочу!

Клеттенмайеръ повиновался, чувствуя, что въ эти минуты Валли была тутъ хозяйкою, и потомъ, однако, у самаго входа на сѣновалъ, отступилъ отъ нея и проговорилъ, покачивая головой:

— Эхъ, Валли, Валли! Не надо-бы такъ-то... Ну, чтѣ ты сдѣлала? Вѣтъ—гляди-ка: ужъ больно крѣпко ты его ударила...

Дѣвушка подошла къ скамьѣ, на которой лежалъ Викентій, и, слегка оробѣвъ, оглянула его. Онъ былъ безъ чувствъ, лежалъ неподвижно, вытянувшись; кровь изъ головы капала на землю. Не долго думая, Валли повернулась—и черезъ секунду уже была въ кухнѣ.

— Слушай ты, крикнула на кухарку:—давай укусу и тряпку, и ступай мнѣ помогать!

— Опять закомандовала! громко фыркнула работница и не двинулась съ мѣста.

— Да не мнѣ это нужно, сказала Валли, свирѣпо взглянувъ на нее, и схватила сама съ полки укусную бутылку.—Тамъ вѣтъ Викентій лежитъ... Я его ударила.

— Ай! О, Господи помилуй! завопила служанка, и вмѣсто того, чтобы бѣжать помочь Викентію—принялась шмыгать по всему дому, затѣмъ выбѣжала на дворъ и стала кричать:

„Караулъ! Валли пришибла Викентія!“

Тревога пошла по всей деревнѣ; тамъ и сямъ раздавались крики ужаса; на дворъ Штроммингера уже валила толпа.

Валли съ помощью Клеттенмайера облила рану на головѣ Викентія. Она не могла понять, отчего это ра-

на у него такая страшная?... Вѣдь она не острымъ концомъ топора треснула его, а только обухомъ... Но Валли и не подумала о томъ, съ какою силою ударила она его обухомъ. Гнѣвъ, долго сдерживаемый, вырвался наконецъ, разразившись однимъ ударомъ, а прежде только щепки летѣли отъ раскалываемыхъ полѣнцевъ.

— Чтѣ такое? грянулъ надъ головой Валли голосъ, отъ котораго кровь въ жилахъ у нея похолодѣла...

Отецъ, съ помощью костыля, кое-какъ добрался до мѣста происшествія.

— Чтѣ случилось? Что? загудѣла вдругъ разногласная толпа, которая все прибывала, увеличивалась.

Валли не отвѣчала. Любопытные шумѣли, тискались впередъ, ошупывали Викентія, лежавшаго, повидимому, безъ всякихъ признаковъ жизни, и восклицали:

— Померъ никакъ! Кончается?..

— Да какъ это вышло-то?

— Неужели это Валли его порѣшила?

Она не обращала никакого вниманія на толпу, какъ будто не видѣла, не слышала ничего, и молча продолжала обвязывать голову раненаго.

— Чтѣ-жъ ты, али нѣмой стала теперь? крикнулъ Штроммингеръ.—Чтѣ надѣлала—а?

— И такъ видно, отрѣзала Валли.

— Созналась! Господи Боже мой! Эка безстыдница! послышалось въ толпѣ.

— Злодѣйка ты! загремѣлъ отецъ.—Каторжной вернулась ты въ родительскій домъ!

При словѣ „родительскій домъ“ дѣвушка разразилась горькимъ смѣхомъ и пристально, въ упоръ посмотрѣла въ глаза отца.

— И она-же еще смѣется! Думалъ я—исправишься ты тамъ, наверху-то; а ты вонъ только придти успѣла—и ужъ такую бѣду сотворила!...

— Поведелись... Ожилъ! крикнула какая-то баба.

— Несите его въ домъ, кладите его на мою постель! распорядился Штроммингеръ.

Двое крестьянъ подняли Викентія и понесли.

— Эхъ, за лекаремъ-бы надо! тоскливо запищали женщины, идя вслѣдъ за ними.

— Жаль вотъ, что Люккардъ нѣтъ, а тѣ-бы и лѣкаря не нужно, замѣтили въ толпѣ.—Старуха-то насчетъ этого знала, какъ, значить, дѣйствовать тутъ...

— Чтѣ-жъ, пошлите за ней, скомандовалъ Штроммингеръ.—Пусть сейчасъ придетъ сюда!

И снова раздался хохотъ Валли.

— Ха, ха! Вотъ вамъ, Штроммингеръ, опять понадобилась Люккардъ? Ну-ужъ если посылать—такъ пошлите за ней—на кладбище!...

Всѣ въ смущеніи поглядѣли другъ на друга.

— Такъ она померла? спросилъ старикъ.

— Н-дѣ, вотъ ужъ третій день, какъ ея нѣтъ въ живыхъ... Убило ее горе, да обида, которую въ ей сдѣлали! Вотъ вамъ и урокъ, Штроммингеръ! А ежели вонъ и тотъ помереть, такъ какъ помочь-то теперь пекому—ну, туда ему и дорога! заслужилъ! За Люккардъ, значить, я съ нимъ рассчиталась.

Такія рѣчи показались толпѣ ужъ слишкомъ вольными, и она опять загудѣла:

— Вотъ какъ! Этакое злодѣйство совершила, и чѣмъ-бы повиноваться—она еще говоритъ „туда и дорога!“ Да вѣдь такъ, чего добраго, пожалуй, и намъ придется за жизнь свою бояться... А Штроммингеръ стоитъ себѣ, молчитъ—хоть-бы слово ей сказалъ! Ну, прекрасный отецъ!...

Валли, нисколько не оробѣвъ, напротивъ—бросая вызывающіе взгляды, стояла сложивъ руки, спиною къ кухонной двери, и смотрѣла прямо на отца, видимо озадаченнаго брошеннымъ въ него упрекомъ. Вдругъ, какъ-бы очнувшись, Штроммингеръ стукнулъ костылемъ, примился и съ удвоенною яростью крикнулъ толпѣ:

— А вотъ я вамъ покажу, какой я отецъ! Берите ее—вяжите!

— Связать ее, связать! зашумѣли вокругъ.—Такихъ надо взаперти держать! Подъ судъ отдать убійцу!

При словѣ „убійца“ изъ груди Валли вырвался глухой крикъ и она попятилась къ кухонной двери.

— Этому не бывать! загремѣлъ Штроммингеръ.—Я не позволю тащить въ судъ мою дочь. Напрасно вы забрали себѣ въ голову, что мнѣ охота пришло осрамиться на старости лѣтъ—допустить, чтобы дѣтище мое, дочь первѣйшаго богача во всемъ окологѣ, попала въ смиренный домъ! Не знаете вы меня, чтѣ-ли? И чтѣ мнѣ судъ? Будто я не могу самъ наказать ослушницу, дочь свою, коли она заслуживаетъ этого? На своей землѣ, въ собственномъ домѣ, я—владыка и судья. Штроммингеръ вотъ захромалъ теперь—ничего! Онъ вамъ еще покажетъ себя... Въ подвалѣ у меня будетъ сидѣть она—и я до тѣхъ поръ не выпущу ее оттуда, пока она не уймется, не покорится, пока на глазахъ у всѣхъ у васъ не заползаетъ передо мной на колѣнкахъ! Поняли?... Ну, а коли слова не сдержу—подлецомъ меня тогда назовите!

— О, Господи! и неужели Ты не защитишь меня?! воскликнула Валли.—Нѣтъ, постой, послушай, отецъ... Не запирай туда! Бога ради, не дѣлай ты этого!... Лучше прогоните вы меня совсѣмъ, пошлите опять наверхъ, къ Мурцоллю... Пусть я и погибну тамъ подъ свѣгомъ! Лучше съ голода помру, замерзну—но за то подъ открытымъ небомъ, на просторѣ! Ежели запрете—говорю—хуже будетъ!

— Хе-хе! Въ горы захотѣлось ей опять, это чтобы бродяжничать-то?... Полюбилось, небось?... Ну—нѣтъ, шалишь! Охъ, много, много я тебѣ потворствовалъ, спускалъ тебѣ... Знай: пока ты, на колѣняхъ, не попросишь прощенья у меня и у Викентія—быть тебѣ въ подвалѣ, подъ замкомъ!...

— Слушай, отецъ—ничего не выйдетъ. Будто ты не знаешь, что я скорѣе голодомъ тамъ уморю себя?.. Отпустите вы меня, или—въ послѣдній разъ говорю—будетъ... быть тогда бѣдѣ!

— Э, да что тутъ слушать!.. Ну, вы чего-же стоите—ждете? О чемъ призадумались?.. Мнѣ, съ больной ногой, чтѣ-ли, брать-то ее? Хватайте, да покрѣпче держите: она вѣдь отродѣ Штроммингера,—такъ чтѣ ей десятокъ такихъ какъ вы?.. Неравно разбросаетъ... Зарубите это себѣ на носу!

Такія слова разобидѣли и раздражили парней, и они бросились въ кухню вслѣдъ за Валли, презрительно фыркая и крича:

— А вотъ, она сейчасъ будетъ въ нашихъ рукахъ!

Валли, очутившись въ кухнѣ, подскочила къ очагу, выхватила изъ огня охваченное пламенемъ полѣно и крикнула:

— А—ну, суньтесь! Первому, кто дотронется до меня—сожгу волосы и кожу!

При взглядѣ на высокую, стройную дѣвушку, съ длинной горящей головней въ правой рукѣ, казалось, чтѣ то былъ самъ архангелъ съ огненнымъ мечомъ.

Парни понялись.

— Стыдно вамъ, стыдно! подзадоривалъ Штроммингеръ.—Вѣдь можете-же вы цѣлой-то оравой справиться съ одной дѣвушкой?.. Надо выпить у ней полѣно! вдругъ заоралъ онъ и затрясся отъ ярости. Совладать съ Валли, скрутить ее теперь на глазахъ всей деревни ему особенно захотѣлось: тутъ уже была затронута его честь.

Нѣсколько человекъ изъ нападающихъ вооружились принесенными палками—и началась настоящая охотничья схватка, какъ будто въ кухню Штроммингера забѣжалъ дикій звѣрь. И дѣйствительно, Валли походила теперь на дикаго звѣря: съ глазами налившимися кровью, съ холоднымъ потомъ на лбу, оскаливъ бѣлые

Семья Саккирози. Картина Луи Приу. Рис. на дереве Дювилье, граф. Ансо.

зубы и постукивая ими, она была полѣномъ направо и налѣво, куда попало, защищая себя отъ попаденія толпы, какъ отстаиваютъ свою свободу и жизнь кровожадные хищники пустыни. Когда на полѣно, которымъ отмахивалась Валли, стали чаще сыпаться удары, а оно было единственнымъ ея оружіемъ,—дѣвушка размахнулась и швырнула его въ толпу... Парни закричали и отступили, но это не помогло: Валли, вытаскивая новые рѣловни, принялась швырять ихъ въ лица нападавшихъ. Сумятица усиливалась.

— Эй, воды! закричалъ Штротмингеръ. — Затушить огонь! Несите-же воды!

Это была уже послѣдняя мѣра, и если это имъ удастся—тогда все кончено: гибель Валли неизбѣжна... Но вотъ и вода принесена... Валли оторопѣла, упала духомъ—и вдругъ ужасная, отчаянная мысль мелькнула въ ея головѣ! Некогда было тутъ размышлять... Мелькнувшая, еще неясная мысль прямо перешла въ дѣло: схвативъ горящее полѣно и махая имъ, она ринулась въ толпу, свободно вылетѣла на дворъ—и тамъ, сильно размахнувшись, пустила дымящуюся, красную головню въ открытый сарай, гдѣ лежали сѣно и солома.

Раздались крики ужаса.

— Тушите, заливайте теперь! крикнула Валли и пустилась бѣжать, выскочивъ изъ воротъ на улицу. Она неслась неудержимо все впередъ и впередъ, а на дворѣ Штротмингера раздавались вопли, стоны, однимъ словомъ—тамъ была кутерьма, потому-что изъ-подъ кровли сѣновала уже вылетали огненные языки, и толпа сѣбила затушить пожаръ.

Когда первый клубъ красного дыма поднялся надъ деревней, въ то же время съ крыши Штротмингера дома что-то черное шумно вспрыгнуло, точно это было дѣтище огня, и, покружась высоко въ воздухѣ, полетѣло слѣдомъ за Валли.

Дѣвушка услышала какой-то шумъ, раздававшійся позади ея, и полагая, что за нею гонятся люди—еще быстрее понеслась куда глаза глядятъ.

Ночь уже наступила, а кругомъ не было темно. Довольно яркій свѣтъ обливалъ дорогу, и трепещущія волны его какъ-бы сопровождали бѣгунку, издали. Валли поднялась на крутой утесъ, чтобы посмотрѣть: нѣтъ ли погони, и тутъ только успокоилась, увидѣвъ, что ее преслѣдуютъ лишь—по воздуху. Ну, вотъ и достигла она того, чего желала! Теперь уже никому не было дѣла до нея, гнаться за нею не стануть, потому что гораздо важнѣ потушить пожаръ, а при этомъ для всякаго найдется занятіе. Одинъ Ганзль догналъ таки ее и, разлѣтѣвшись, такъ ударился о Валли, что она еле на ногахъ удержалась. Дѣвушка прижала его къ груди и въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на землю. Раскраснѣвшееся, гнѣвное лицо ея было обращено въ ту сторону, гдѣ горныя вершины окрашены были заревомъ пожара... А пожаръ-то устроила она, и теперь не спускала глазъ съ этой картины. Что-то грозное, поражающее было во всей ея фигурѣ. Но вотъ на окрестныхъ колокольняхъ ударили въ набатъ—и Валли услышала, какъ колокола явственно, гудѣли: *пожогъ! пожогъ!* Эти страшные дрожащіе звуки убаюкали измученную душу дѣвушки... Она стала терять сознаніе и упала въ обморокъ.

VII.

Крѣпкая деревяшка.

Когда Валли очнулась и открыла глаза—темная ночь уже царила, зарева совсѣмъ не было, колокола молчали, все было тихо, только гдѣ-то тамъ внизу, въ безднѣ, монотонно грохоталъ Ахъ. Надъ головой Валли въ бездонной выси мерцала звѣздочка. Дѣвушка долго-долго смотрѣла на нее, лежа неподвижно на спинѣ, и ей казалось, что звѣздочка эта бросала ей всепрощающій

взглядъ. Безмолвная ночная тишь благотѣльно подействовала на Валли, успокоила ее, а прокладный вѣтерокъ обивалъ ей все еще горячій лобъ. Она поднялась и начала приводить мысли въ порядокъ... Дѣ, время было, какъ кажется, еще не позднее, луна не показывалась—значить, пожаръ не долго продолжался, очень скоро былъ погашенъ... И какъ же иначе? Вѣдь тамъ много было народу, всѣ, конечно, дружно бросились тушить пламя, ну и затушили въ-время. Размышляя такъ, Валли не могла уяснить себѣ, что въ ней происходило и, забираясь въ глубь души своей, тщетно искала тамъ самозабвенія. Что-жъ, если она и подожгла сѣноваль, то крайняя нужда принудила ее рѣшиться на это: нельзя-же не защищаться, когда нападаютъ,—и почему-же не отбросить врага въ сторону, не отвлечь его вниманіе? Она была увѣрена, что ее обзовутъ „поджигательницей“, но... неужели она въ самомъ дѣлѣ *такая* преступница?... Валли опять посмотрѣла на звѣздочку... Тутъ, впервые, подъ открытымъ небомъ, вдали отъ людей, она какъ-бы исповѣдалась передъ лицомъ Всевышняго—и почувствовала въ душѣ примиреніе. Чистое, темное небо какъ-то мягко, дружелюбно глядѣло на нее... Дѣ, вѣдь изъ любви къ этому небу, этому простору, Валли рѣшилась освободиться во что бы то ни стало—и *по своему* вырвалась на свободу. Подъ этимъ громаднымъ звѣзднымъ шатромъ грудь ея могла дышать легко, вольно... А тамъ, въ подвалѣ, лишенная свѣта и воздуха, она должна была сидѣть подъ-замкомъ на пролетѣ цѣлыя недѣли, мѣсяцы... Одинъ и былъ выходъ—въ домъ противнаго Викентія; да передъ выходомъ, на глазахъ у всѣхъ—проси прощенія у отца, кайся все-народно... О, какой стыдъ, позоръ!.. Нѣтъ ужъ это было-бы хуже смерти... Это просто—ну, невозможно!..

Валли, одна одинешенька, почти полгода прогостила среди суровыхъ ледниковъ; и какия почти довелось ей тамъ провести!... Бури ревели, градъ барабанилъ по избушкѣ, дождь неистово хлесталъ, зарождавшіяся молніи прежде всѣхъ ослѣпляли ее, ее первую оглушалъ громовый ударъ, а внизу слышали только его раскаты... Она чуть-ли не ежедневно бывала на волосокъ отъ смерти, перепрыгивала черезъ страшныя трещины, думалъ лишь о томъ, какъ-бы спасти глущую козочку, которая ужъ слишкомъ высоко взобралась... Такую дѣвушку нельзя было *приручить*.

Валли встала; камень свалился съ плечъ ея, на душѣ стало совсѣмъ легко,—и вотъ опять, какъ и прежде, стала она сильной, вольной птицей, спокойной, самоувѣренной.

— Ну, Ганзль, какже намъ быть теперь?

За неимѣніемъ другаго собесѣдника, Валли привыкла громко разговаривать съ своимъ орломъ. Ганзль посмотрѣлъ на нее—и вдругъ устремился за какимъ-то ночнымъ гадомъ, изловилъ его и живо съѣлъ.

— Вотъ это такъ, сказала дѣвушка:—намъ слѣдуетъ самимъ позаботиться о пропитаніи. Да тебѣ что? Ты вездѣ достанешь себѣ кусокъ, а мнѣ-то какъ?...

Ганзль опять встрепенулся, поднялся и сталъ что-то высматривать вдали.

Тутъ въ головѣ Валли мелькнула мысль: пожаръ-то вѣдь погашенъ,—пожалуй, стануть теперь искать ее? Уходить надо, да какъ можно поскорѣе... Однако, куда-же? Въ Зельденъ... Это первое, что пришло ей въ голову. И вдругъ она вспыхнула: пожалуй, Іосифъ подумаетъ, что она за нимъ гоняется? Да развѣ онъ долженъ увидѣть ее—бѣглою, опозоренною, да еще заклеянною прозвищемъ „поджигательница“... Нѣтъ, не бываеъ этому! Не видать ему теперь Валли!.. Бѣжать, бѣжать куда нибудь—только не въ Зельденъ!

Не долго думая, она посадила Ганзля на плечо—единственное свое имущество, никакой другой ноши у нея не было—и пошла по той дорогѣ, по которой возвращалась домой—по дорогѣ въ Гейлихкрейцъ.

Два часа она шагала, поранила ноги и почти выбилась из силъ. Но вотъ на темномъ фонѣ неба вырѣзалась передъ ней колокольня Святаго Креста, за колокольней выплыла блѣдная луна и стала свѣтить странницѣ, идущей куда глаза глядятъ. Странно утомившись, Валли насилу прошла черезъ сонную деревушку и остановилась у церкви. Двѣ-три собаки тявкнули ей вслѣдъ, когда она проходила мимо хижинъ, стараясь ступать какъ можно тише. А вѣдь пожалуй, если-бы теперь кто нибудь увидѣлъ ее—подумали-бы, что это воровка крадется... И она тряслась, какъ будто и на самомъ дѣлѣ была уличена въ кражѣ, она—эта горделивая Вальбурга Штроммингеръ!... Какое время настало для нея!...

Позади церкви стоялъ домикъ священника, а у домика, около дверей, помѣщалась деревянная скамейка. Надъ окошечками жилища патера висѣлъ коробокъ уже съ отцвѣтшей горной гвоздикой. Валли рѣшилась дожидаться здѣсь утра. Чтѣ-жъ, священникъ по крайней мѣрѣ защититъ ее отъ неприятностей, грубаго обращенія съ нею со стороны обывателей... Она прилегла на скамейку, посадивъ Ганзля тутъ-же, въ головахъ у себя, и почти сейчасъ-же крѣпко уснула. Природа взяла свое.

— О! Господи! Какого это подкидыша даровалъ Ты мнѣ?

Слова эти прозвучали надъ головой Валли. Она открыла глаза... Было уже совсѣмъ свѣтло, насталъ день. Передъ нею стоялъ самъ хозяинъ домика.

— Слава Тебѣ, Господи! произнесла дѣвушка, смутившись, и поспѣшно встала.

— И нынѣ, и присно, и во-вѣки вѣковъ! Аминь. Но какъ попала ты сюда, чадо мое? Кто ты? Ну, и странный же у тебя товарищъ, однако! прибавилъ патерь съ ласковою улыбкой:—я чуть не испугался, право!...

— Ахъ, ваше преподобіе, заговорила Валли откровенно:—очень уже тяжело у меня на совѣсти и хотѣла-бы я исповѣдаться! Я—Вальбурга Штроммингеръ, съ Солнечной площадки. Бѣгая я... А убѣжала потому, что ссора у меня вышла съ Гельнеровымъ Викентіемъ, и я голову ему проломила, да еще подожгла сѣноваль отцовскій!...

Патерь даже руками всплеснулъ.

— Ахъ, Создатель! Чтѣ это за исторіи ты рассказываешь!.. Этакая молодая и... столько въ тебѣ злобы!...

— Да нѣтъ-же, отецъ мой, совсѣмъ не злая я! Мнѣ вонъ и муху жалко убить... А ужъ очень разозлили они меня, отгѣтила Валли, прямо взглянувъ на священника своими большими, дѣтскими, чистыми, свѣтлыми глазами.

Этотъ взглядъ заставилъ патера повѣрить ей.

— Ну, иди за мной, произнесъ онъ,—и повѣдай мнѣ все, какъ это случилось; только пугало-то ужъ оставь здѣсь!...

Пугаломъ онъ обозвалъ орла. Валли сейчасъ-же подбросила Ганзля, который, взмахнувъ крыльями, усѣлся на крышѣ. Она послѣдовала за священникомъ въ его жилище.

Миръ и тишина царствовала въ этомъ домикѣ. Въ углубленіи комнатной стѣны помѣщалась простая деревянная кровать; надъ нею были изображены два горящія сердца: одно представлялось патеру сердцемъ Спасителя, другое—сердцемъ Дѣвы Маріи. Надъ этимъ изображеніемъ, рядомъ съ книжками духовнаго содержанія, стояла на полочкѣ фарфоровая кропильница. Въ комнатѣ было еще нѣсколько полочекъ съ книгами, была и старенькая конторка; передъ большимъ неуклюжимъ столомъ стояла скамья, выкрашенная темной краской; пять-шесть деревянныхъ стульевъ, напой съ довольно большимъ расцѣпъемъ, съ вѣнчикомъ изъ бѣлыхъ альпійскихъ цвѣтовъ, двѣ цвѣтныя литографіи, изобра-

жающія папу и святыхъ, кѣтка съ птичкой подъ толкомъ, да старинный коммодъ—вотъ и все убранство комнаты. Что касается коммоды, то онъ былъ тутъ первымъ украшеніемъ; въ сто ручекъ, въ тяжелые ящики его были вдѣланы львиныя головы изъ мѣди, державшія въ зубахъ кѣльца. На коммодѣ этомъ находилось много хорошенеккихъ вещей: поставецъ съ фигуркой святаго, тонко вырѣзанной изъ дерева, стеклянная коробочка съ младенцемъ Іисусомъ, сдѣланнымъ изъ воска и положеннымъ въ розовую люльку, прялочки изъ стекла, побурѣвшій отъ времени букетъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ (плодъ монастырскаго досуга) въ желтой урнѣ подъ стекляннымъ футляромъ, небольшая шкатулка, обшита раковинками, рудничокъ въ банкѣ, а по самой серединѣ—маленькія ясли, обложенныя мохомъ и блестящими слюдястыми камешками, обставленныя изящными фигурками людей и животныхъ; по обѣимъ сторонамъ яслей стояло по одной хрустальной солонкѣ; тутъ-же, рядомъ съ этими священными предметами, помѣщались хорошенеккія чашечки и кружечки. Чистота вездѣ была поразительная, какъ будто на свѣтѣ совсѣмъ и не существовало пыли. Коммодъ, разукрашенный такимъ образомъ, былъ такъ—сказать дѣтскимъ алтаремъ одинокаго священника, заброшеннаго на высоту шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и надъ всѣмъ тѣмъ, чтѣ мы называемъ современной культурой. И онъ самъ воздвигъ этотъ алтарь Господу Богу—Творцу всего прекраснаго на землѣ. Когда, бывало, кругомъ гудѣла мятель, ревѣла буря, потрясая домишко его,—патерь похаживалъ по комнатѣ своей, часто останавливался передъ коммодомъ и, задумчиво глядя на свое маленькое хорошенеккое царство, улыбался, покачивалъ головой и произносилъ: „Чего-чего только не сдѣлаютъ человѣческія руки!“...

Валли, взглянувъ мелькомъ на коммодъ съ такими чудесными штучками, также подивилась, хотя и молча, ловкости и искусству рукъ человѣческихъ. Вотъ вѣдь ужъ какъ богатъ ея отецъ, а подобныхъ штукъ въ домѣ у него не было,—да, впрочемъ, пожалуй, и не зачѣмъ было-бы имѣть ихъ: сработаны онѣ не для грубыхъ, неловкихъ крестьянъ... Она въ первый разъ въ жизни видѣла теперь такія прекрасныя вещи. Прялку свою, въ сравненіи съ граблями, вилами, косой,—Валли считала до сихъ поръ вѣрхомъ совершенства, самую изящную, красивую штучку! Ей какъ-то даже было больно оставаться въ этой комнатѣ... „Ступишь неловко, того и гляди разобьешь еще чтѣ нибудь“... и дѣвушка порѣшила, что тутъ надо ей быть совсѣмъ скромной, тихой. Ноги ея сами захотѣли сбросить у дверей тяжелые подбитые гвоздями башмаки, обычную обувь горцевъ, чтобы не поцарапать гладкаго бѣлаго пола; но хозяинъ попросилъ Валли не снимать башмаковъ, а прямо идти садиться—и она, стараясь ступать на носки, вошла въ горницу и осторожно спустилась на ближайшій къ ней конецъ скамьи. Священникъ, какъ человѣкъ наблюдательный, поглядывая на Валли своими радужными, свѣтлыми старческими глазами, замѣтилъ, что гостью особенно притягивалъ къ себѣ разукрашенный коммодъ. Старикъ хорошо зналъ сердце человѣческое.

— Тебѣ, вѣрно, хочется прежде посмотрѣть на мои вещички? обратился онъ къ Валли.—Чтѣжъ, погляди, посмотри, чадо мое!—а какъ поглядишь, ну, тогда ужъ поспокойнѣ будешь, повнимательнѣ къ другимъ вещамъ болѣе серіознымъ, о которыхъ мы хотѣли по бесѣдовать.

Священникъ подвелъ дѣвушку къ занятному для нея коммоду, и началъ объяснять и рассказывать ей, указывая на свои драгоценности.

Валли не дерзала проронить ни одного слова и только почтительно поглядывала на старика, внимательно слушая его. Но вотъ онъ добрался наконецъ до центра—яслей, какъ самой изящной изъ вещей—и сказалъ:

— Вотъ, гляди: это Иерусалимъ; а вотъ это три царя, которые приходили поклониться младенцу—Христу. Посмотри на звѣзду эту: она указывала имъ путь. А вотъ и младенецъ въ колыбелькѣ. Онъ и не знаетъ еще, что явился для того, чтобы искупить родъ человѣческій, пострадать за грѣхи его. Ни о чемъ Онъ не можетъ еще помыслить, и нѣтъ въ немъ ни единого воспоми-

нію, многіе говорятъ то-же и продолжаютъ вести грѣховную жизнь!

Валли все глядѣла на прекраснаго маленькаго младенца, окруженнаго лучами изъ золотой бумаги, лежавшаго такъ смиренно въ ясляхъ, и, слушая патера, думала о „строгомъ мрачномъ Богѣ“, пригвожденномъ ко кресту,—который былъ Сыномъ Человѣческимъ, родив-

— А затѣмъ, что Спаситель желалъ этимъ убѣдить людей, что не надо мстить, отплачивать зломъ за зло, ибо Богъ изрекъ: *Мишеньс мо!*

Валли крѣпко покраснѣла и опустила глаза.

— Ну, иди теперь сюда, чадо мое, сказать почтенный, умный старикъ,—и повѣдай мнѣ все.

— Да не много мнѣ, отецъ мой, придется говорить, за-

лодаго, прямодушнаго существа, которое дичало среди крутыхъ горъ и крутыхъ людей.

Давно Валли кончила свою исповѣдь, а священникъ все молчалъ и сидѣлъ, глядя задумчиво вдаль. Она видѣла, что глаза его были устремлены на старую потертую книгу, стоявшую на полкѣ. Книгу эту оставилъ патеру на память какой-то путникъ, въ благо-

На берегу моря въ Шевенингенѣ (La plage). Картина Кеммерера. Рис. на деревѣ Робертъ, грав. Трюшонъ.

нанія о Своей небесной родинѣ, зане́ Сыну Божию надлежало быть такимъ-же человѣкомъ, какъ и всѣ мы, дабы люди не могли потомъ говорить, что нечему удивляться, если Христосъ такъ добръ, долготерпѣливъ—вѣдь Онъ Сынъ Божій, одаренъ божественною силою, а потому гдѣ-же простымъ людямъ жить такъ, какъ жилъ Бого-человѣкъ?... Да, вотъ и теперь, къ сожалѣ-

шимся претерпѣть всяческія муки... И жалко, и больно стало ей, что она еще вчера, у смертнаго одра Люккардъ, такъ жестко обращалась съ Тѣмъ, Кто много пострадалъ, будучи распятъ на крестѣ.

— Но какъ же Онъ допустилъ всему этому совершиться? Зачѣмъ? спросила Валли, невольно, задавая этотъ вопросъ скорѣе себѣ, чѣмъ патеру.

мѣтила дѣвушка и, какъ всегда, прямо, откровенно, ничего не скрывая, рассказала всю исторію свою. Впрочемъ замѣтно было, что она слегка оробѣла, да и голосъ какъ-то глухо звучалъ. Почти съ первыхъ словъ Валли патеру все стало ясно: передъ нимъ встала полная картина грубой, по могучей жизни, хотя и наляпанная простой кистью,—и жалко ему стало этого ма-

дарность за оказанное ему гостепріимство. На корешкѣ было вытиснено золотыми буквами: „Пѣснь Нибелунговъ“.

Видя, что старикъ призадумался, Валли вообразила, что серьезное лицо его выражаетъ упрекъ, и опять заговорила:

— Ужъ больно много, отецъ мой, обидѣ-то накопи-

лось, право! Не уходило еще мое сердце за бѣдненькую Люккардъ, а тутъ онъ Клеттенмайера сталъ колотить! Никогда я не могла стерпѣть, допустить, чтобы старыхъ людей колотили... Никогда!... Доведись еще разъ увидѣть мнѣ это—ну и опять не спущу, точно такъ же поступлю!.. Только я—не поджигательница, хоть они меня и обозвали такъ. Послушайте, отецъ мой: какъ по вашему—поджигательница я или нѣтъ? Вѣдь ежели поджечь когда еще совсѣмъ свѣтло, значить—не ночью, да притомъ при всемъ народѣ—развѣ много можетъ сгорѣть?... Какъ защитить себя—я не знала, ну и подумала тогда, что ежели имъ придется тушить пожаръ—они бросятъ меня, я убѣгу, и ужъ погони не будетъ... Коли и это грѣхъ—такъ ужъ я и не знаю, право, какъ послѣ этого жить на свѣтѣ! Кругомъ эти-же злые люди, которые только и помышляютъ о томъ, какъ-бы другихъ сдѣлать несчастными...

— А надо такъ жить, какъ жилъ Христосъ: все терпѣть, все переносить! отвѣтилъ патеръ.

— Позвольте, отецъ мой... Вотъ Христосъ все терпѣлъ, все переносилъ—такъ Онъ и зналъ, зачѣмъ Онъ поступаетъ такъ: Ему хотѣлось людей научить. Ну, а я не знаю, зачѣмъ мнѣ-то такъ поступать? Да и кому во всемъ нашемъ околоткѣ пришла-бы охота хоть чему нибудь поучиться у меня?... Ну, хорошо, ну пошла-бы я смиренхонько въ подвалъ, позволила-бы запереть себя... Чтѣ-жъ, кому-бы было это примѣромъ? Никому!... А смиренство мое, пожалуй, меня-же и погубило-бы въ подвалѣ-то!...

Старикъ сидѣлъ призадумавшись. Помолчавъ съ минуту, онъ поднялъ голову, покачалъ ею, посмотрѣлъ на Валли своими пронизательными, ласковыми глазами и сказалъ:

— Ахъ, ты, чѣдо необузданное!.. Ужъ не хочешь-ли ты и со мной поссориться?... Дѣ, крѣпко испортили они тебя, очень раздражили, если ты ужъ стала теперь видѣть вездѣ однихъ враговъ и наталкиваться на противорѣчія. Успокойся-ка, пораздумай, да посмотри: гдѣ ты? Пришла ты къ Божьему слугѣ, а Богъ-то говоритъ: *Я—Любовь*. Не пустое это слово, и я покажу тебѣ, чтѣ оно—истина! Слушай-же: вотъ, всѣ люди ненавидятъ тебя, осуждаютъ, а Всевышній все-таки любить тебя, прощаетъ тебѣ всѣ прегрѣшенія. Такою, какова ты теперь, сдѣлали тебя безсердечные люди, да суровая жизнь посреди горъ. Господь Богъ все это видитъ и знаетъ очень хорошо; передъ Нимъ душа твоя открыта,

и Ему извѣстно, что сердцемъ ты добра, честна, хотя нагрѣшила и много. Знаетъ Онъ, что въ пустынѣ не можешь произрости садовый цвѣтокъ и что однимъ топоромъ тонкой вещицы изъ дерева не сдѣлаешь. Последуй теперь: если Отецъ нашъ небесный видитъ, положимъ, грубо-вырѣзанную фигурку, однако изъ очень хорошаго дерева, и находить, что стоитъ изъ такой деревяшки сдѣлать нѣчто лучшее—Онъ самъ беретъ тогда ножъ и начинаетъ исправлять то, что брошено недодѣланнымъ, испорченнымъ... Подъ Его рукой деревяшка принимаетъ другой, лучший видъ. Постой, я вотъ чтѣ хочу тебѣ сказать: ты должна стараться сдерживать себя, не давать еще болѣе ожесточаться душѣ своей, потому-что если Господь Богъ раза два-три проведетъ ножомъ и замѣтитъ, что деревяшка-то ужъ очень тверда—Онъ оставитъ эту работу, броситъ деревяшку... Позаботься, чѣдо мое, о сердцѣ своемъ! Пусть оно размягчится, аки воскъ, и будетъ послушно животворящей десницы Создателя нашего. Ну, ежели станеть не въ моготу—крѣпко больно, все-таки стерпи, соблюди себя! Помни, чтѣ это десница Божья трудится надъ тобой. Бываетъ—глубоко, страшно глубоко западетъ въ сердце горе... Знай: это ножъ Господній сглаживаетъ наросты, бугорки! Поняла теперь?...

Валли кивнула головой, хотя и не совсѣмъ увѣренно.

— Ну, хорошо, погоди, снова заговорилъ священникъ:—я тебѣ это получше объясню. Вотъ, чтѣ-бы больше хотѣлось быть тебѣ: простой палкой, деревяшкой, которою можно зашибить человѣка и которую, ежели сломаютъ, бросать въ огонь,—или напимѣръ, тонко-вырѣзанною фигуркою святой? Ты видѣла такую фигурку на моемъ коммодѣ... Дѣ, и ее ставятъ подъ стеклянный колпакъ и съ благоговѣнiемъ поклоняются ей. Ну?...

Это показалось дѣвушкѣ понятнѣе, и она весело тряхнула головой.

— Ну-да! Ужъ конечно *такую* лучше быть!...

— Чтѣ, небось? Тѣ-то вотъ я и говорю: простыя руки сдѣлали изъ тебя деревяшку, а подъ Божьей рукою ты можешь сдѣлаться святою—если будешь только поступать такъ, какъ я тебя училъ.

Валли посмотрѣла на старика большими, удивленными глазами... Странно какъ-то было у нея на душѣ: и хорошо-то, и такъ-бы вотъ, кажется, сейчасъ всплакнула!..

(Продолженіе будетъ).

Музыка.

Чудные звуки, прекрасные звуки,
Льетесь вы въ душу живою струей...
Сколько бы ни было горя и муки,
Все вы уносите, чудные звуки,
Въ миръ заколдованный свой.
Все вы уносите, мигомъ блѣднѣтъ
Траурный жизненный цвѣтъ,
Сердце и бьется... и биться не смѣтъ...

Умъ и работаетъ, и цѣпенѣтъ...
Жолчи и злости въ немъ нѣтъ.
Вы оживляете душу разбитую,
Силу надежды вы будите вновь,
Прежнюю вѣру, давно пережитую,
И ужъ давно и давно позабытую
Къ жизни и къ людямъ любовь...

Кн. Ц.—ва.

Шевенингенъ.

Шевенингенъ—это рыбацье мѣстечко въ Нидерландахъ, въ провинціи Южной Голландіи. Расположено оно на самомъ берегу Нѣмецкаго моря, на первыхъ дюнахъ, почти у самой Гааги, съ которою и соединено великолѣпною двойною аллеей и каналомъ. Въ Шевенингенѣ замѣчательны: королевскій павильонъ, оранжереи, прелестные фонтаны и т. п. украшенія. Въ самомъ мѣстечкѣ около 8,000 жителей; костюмъ ихъ и обычаи довольно своеобразны. Гаага и Шевенингенъ составляютъ одну общину. Недалеко отъ этого мѣстечка находятся чрезвычайно элегантныя и любимыя публикою морскія купальни, съ великолѣпнымъ «кургаузомъ». На шевенингенскихъ меляхъ волны очень безпокойны—тутъ онѣ бурлятъ, прыгаютъ, пѣняются, а это, по увѣреніямъ медиковъ, для купающихся весьма здорово. На лѣт-

ній сезонъ много наѣзжаетъ сюда публики—кто купаться въ морскихъ ваннахъ, а кто просто убить время, отдохнуть въ тиши отъ городскихъ тревоженій, въ пріятномъ кругу—особенно на самомъ берегу, куда собираются густыя слівки общества. Деревня—деревней, а наряды—нарядами, поэтому нечего и удивляться тутъ при видѣ изящно-разодѣтыхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ. Ужъ если стремленіе *себя показать* замѣчено нынѣ въ мирѣ безсловесныхъ четвероногихъ и пернатыхъ—то можно ли послѣ этого упрекнуть человѣка въ такой слабости? И вотъ, «показывающіе себя» индивиды обоего пола—сидятъ на морскомъ берегу и безмятежно наслаждаются. Кто уже выкупался, а кто намѣренъ еще броситься въ прохладныя волны. Тамъ и сямъ завязываются оживленные разговоры о спиритиз-

мѣ, о королѣ Альфонсѣ, о любви, о Бисмаркѣ, о женскомъ вѣпросѣ, о какихъ-нибудь соблазнительныхъ акціяхъ... Иные почитываютъ вслѣдъ свѣженки романчики (тутъ же и новые романчики зачинаются), другіе слушаютъ, подчасъ зѣваютъ и, по-

жалуй, подъ дуновеніемъ вѣтерка нѣтъ-нѣтъ да и задремлютъ... Конечно, относительно только немногимъ избраннымъ доступна такая роскошь—наслаждаться властью на берегу моря и сладко дремать.

С М Ъ С Ъ .

Семья сатировъ.

Древній грекъ, вѣрный врожденному чувству изящнаго во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, оставался художникомъ и въ религіи, равно и такъ-сказать объективно воплощая въ образы своихъ боговъ все: какъ возвышеннѣйшія свойства и проявленія духа, такъ и чувственные влеченія тѣла. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ воплощеній чувственности былъ культъ Вакха, бога естественнаго плодородія и виноградной лозы. Сынъ Зевса и Семелы, рожденный въ пламени, отъ котораго погибла его мать, онъ былъ воспитанъ нимфами во Фракіи и побѣдоносно прошелъ почти весь извѣстный тогда міръ, ваучая людей винодѣлію и высшимъ наслажденіямъ живни. Ему постоянно сопутствуетъ Силенъ, воспитатель Вакха, толстый и вѣчно-пьяный старикъ съ козлиными ушами и мѣхомъ вина на плечахъ. Свита Вакха состоитъ изъ сатировъ, представителей грубо-чувственной мужской ватуры, и вакханокъ, женщинъ из-

ступленныхъ подъ вліяніемъ вина. Сатиры изображаются козлиными, съ козьими рогами, увитыми плющемъ, съ козьимъ хвостомъ и съ козлиной шкурой за плечами. Вакханки, съ кистями винограда и листьями плюща въ волосахъ, драпируются обыкновенно барсовой кожей; неотъемлемая принадлежность ихъ тимпанъ (бубенъ) и тирсъ, жезлъ, обвитый хмѣлемъ и виноградомъ и увѣнчанный хвойной шишкой. Съ дикими пѣснями, плясками, гамомъ и возгласами: «Эванъ! Эвое!» несется шумная толпа, окружая Вакха на его колесницѣ, влекомой тиграми или барсами, и пьянаго Силена, верхомъ не осѣдъ...

Вотъ сюжетъ, вдохновившій даровитаго французскаго живописца, Луи Пріу, котораго картина «Семья Сатировъ» украсила Парижскую выставку прошлаго 1874 года. Это семья Сатира и вакханка, окруженная всѣми своими атрибутами. Старый сатиръ учитъ своего сына вакхической пѣсни на дуэльной цѣвницѣ и прищелкивая пальцами, поощряетъ его къ ускоренію бѣшенаго темпа...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ о бѣдствіи, постигшемъ 25-го минувшаго мая городъ Моршанскъ, Всемилостивѣйше повелѣлъ соизволить: кромѣ истребованныхъ уже въ пособіе пострадавшимъ отъ пожара 3,000 рублей изъ государственнаго казначейства, отпустить отъ имени Его Величества тридцать тысячъ руб.

Во вниманіе къ значительности понесенныхъ городомъ Моршанскомъ отъ пожара убытковъ и бѣдственному положенію жителей сего города, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ходатайствовалъ о Высочайшемъ соизволеніи на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки въ пользу погорѣльцевъ города Моршанска.

6-го текущаго іюня послѣдовало на сіе Высочайшее разрѣшеніе.

— 17-го мая 1875 года Высочайше повелѣно:

1. При предстоящемъ обмѣнѣ прежней гербовой бумаги на установленныя новымъ уставомъ о гербовомъ сборѣ, 17-го апрѣля 1874 года, гербовыя бумаги и марки, разрѣшить казеннымъ палатамъ и областнымъ правленіямъ: въ случаѣ представленія страховыми и транспортными обществами, товариществами и компаніями и тому подобными учрежденіями, а равно и частными лицами, въ казначейства послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 г., имени послѣ 1-го іюля 1875 г., отпечатанныхъ или отлитографированныхъ на нынѣ существующей гербовой бумагѣ 20 и 70 коп. и 1 рублеваго достоинства бланковъ разнаго рода документовъ, обмѣнивать таковые бланки въ теченіе годоваго, съ 1-го іюля 1875 года, срока какъ на вѣнь установленную гербовую бумагу всѣхъ разборовъ и цѣвъ, такъ и на гербовыя марки, по желанію предъавителей, съ тѣмъ, чтобы выдача новыхъ бумагъ или марокъ производилась въ ту лишь сумму, кака притѣтся по цѣвнмъ представленной къ обмѣну съ отпечатанными бланками гербовой бумаги прежнихъ цѣвъ; если же выдаваемые въ обмѣнъ новыя бумага или марки по цѣвнмъ ихъ будутъ превышать означенную сумму, то за излишекъ взыскивать въ казну, при самомъ обмѣнѣ, добавочныя деньги, и

2. Проставленные, въ видахъ контроля, на бланкахъ документовъ номера или особые значки не считать препятствіемъ къ обмѣну,

удовольряясь лишь въ томъ, чтобы бланки эти не были испорчены и чтобы въ нихъ не былъ внесенъ подлежащій текстъ, для выдачи по принадлежности.

Народное просвѣщеніе.

Изъ помѣщенныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности Новороссійскаго университета видно, что къ 1-му января настоящаго года общее число штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ было: ординарныхъ профессоровъ—27 (въ томъ числѣ профессоръ православнаго богословія), экстраординарныхъ—2, доцентовъ—10, астрономъ-наблюдатель—1, лекторовъ—3, лаборантовъ—5. Сверхъ того, въ историко-филологическомъ факультетѣ одно лицо читало лекціи по всеобщей исторіи въ качествѣ сторонняго преподавателя. Незамѣщенными оставались 6 кафедръ.

Студентовъ къ 1-му января 1875 г. было 273 и постороннихъ слушателей 25. Изъ общаго числа студентовъ пользовались стипендіями 112, на сумму 24,752 руб. На пособіе студентамъ произведена 31 выдача, отъ 20 до 50 руб., всего на 950 руб. Освобождено было отъ платы 147, что составляетъ 39% общаго числа студентовъ въ теченіе 1874 г.

— Изъ отчета о составѣ и дѣятельности Демидовскаго юридическаго лица видно, что что въ 1874 году личный составъ преподавателей состоялъ: изъ 3 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарнаго, 6 исправляющихъ должности доцентовъ, 1 преподавателя и 1 законоучителя.

Студентовъ въ лицѣ къ 1-му января 1875 года было 217.

— 2-го сего мая произведена въ Полтавѣ закладка зданія семинаріи и духовнаго училища. На устройство семинаріи исчислено болѣе 300,000 руб., а на устройство училища—болѣе 100,000 руб.

— Съ 1-го іюля сего года въ гор. Вильнѣ открывається учительскій институтъ.

— Общество взаимнаго кредита прикащиковъ въ гор. Харьковѣ предполагаетъ открыть, на свои собственные средства, второе реальное училище, на содержаніе котораго ассигновало отпускать ежегодно 10,000 руб.

— „Кіевскія Губернскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что въ городѣ Умані, Кіевской губерніи, предполагается устроить лѣсное училище для приготовленія лѣсныхъ кодукторовъ.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

Международная телеграфная конференція открыта въ С.-Петербургѣ 20-го мая (1-го іюня). Къ двумъ часамъ въ залѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ собрались правительственные делегаты и уполномоченные отъ телеграфныхъ компаний. Правительственные делегаты размѣстились вокругъ стола, въ алфавитномъ порядкѣ французскихъ названій всѣхъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азиатскихъ государствъ. Секретарскій столъ заняли: директоръ учрежденнаго въ Бернѣ международнаго секретариата телеграфныхъ управленій Кюрипо, секретарь того же секретариата Сави-Марсиаль и дѣлопроизводитель телеграфнаго департамента Сальмоновичъ. Программа телеграфной конференціи въ С.-Петербургѣ состоитъ въ разсмотрѣніи статьи за статью постановленій для международной конференціи, заключающихся въ проектѣ новой, въ отнѣну существующей, конвенціи и въ приложеніи къ ней, въ новой же редакціи, служебномъ регламентѣ, а также въ обсужденіи заявленій объ измѣненіи ихъ, полученныхъ предъ конференціей отъ телеграфныхъ управленій договорившихся государствъ.

— Укладка рельсовъ на Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ идетъ въ настоящее время по 2—3 версты въ день. Остается положить рельсы на протяженіи только 120 верстъ.

Торговля.

— Изъ свѣдѣній объ оборотахъ на Ирбитской ярмаркѣ сего года видно, что всѣхъ товаровъ привезено было на 48,145,500 руб., продано на 43,247,500 руб. и осталось на 4,898,000 рублей. Въ доходъ города поступило съ торговыхъ помѣщій 14,909 руб. 75 к., съ питейныхъ погребовъ 1,500 руб., съ гостиннаго двора 39,893 руб.

— Въ концѣ 1873 года, въ Самаркандѣ между торговцами возникло сомнѣніе въ добротности туземной серебряной монеты, называемой тенга или коканъ (цѣвною въ 20 коп.). Поводомъ къ этому послужилъ пронесшійся на базарѣ Самарканда слухъ, будто бы тенги получаютъ въ Самаркандѣ изъ гор. Кокана въ уплату за продаваемые тамъ товары, а между тѣмъ коканское правительство будто бы распорядилось всѣ постороннія монеты, въ томъ числѣ и русскія послѣдняго чекана, перечеканивать въ туземную монету для обращенія. Въ

отклонение сомнительно относительно доброкачественности коканского серебра сдѣлано было въ ташкентской химической лабораторіи химическое изслѣдованіе 15 экземпляровъ тенегъ, признанныхъ торговцами болѣе сомнительными. Результатомъ этого изслѣдованія торговцы Самарканды остались совершенно довольны и коканское серебро, по прежнему, стало обращаться между ними.

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ пишутъ, что въ Красноводскъ прибылъ изъ Хивы, въ первыхъ числахъ текущаго мѣсяца, караванъ въ 200 верблюдовъ; при караванѣ доставлено 150 плѣнныхъ персійскихъ и три плѣнныхъ текинцевъ, захваченныхъ хивинскими туркменами, о высылкѣ которыхъ кавказское начальство обращалось къ хивинскому хану. Одновременно съ караваномъ выселился изъ хивинскихъ предѣловъ въ Закаспійскій от-

дѣлъ, аулъ Муллы-Дундура изъ 260 кибытокъ хивинскихъ юмудовъ. Свѣдѣнія изъ Ахальтеке не совсѣмъ благоприятны, такъ какъ тамъ не спокойно.

— Въ Красноводскѣ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею, учреждается съ настоящаго года весенняя ярмарка, которая будетъ открываться около 9-го мая.

На эту ярмарку будутъ доставляемы туркменами: шерсть, кожи, мѣха, войлокъ, ковры, ковровые половники, каменная соль, нефть, нефтягиль, бараны, верблюды, и проч.

— Изъ Самарканды сообщаютъ въ „Туркестанскія Вѣдомости“, что въ Бухарѣ въ настоящее время находится очень много русскихъ товаровъ. Въ концѣ прошлаго года тамъ находился только одинъ довѣренный купца Веснина, съ товаромъ на 400.000 руб.

Теперь прислали своихъ довѣренныхъ купцовъ: Джоконъ, Веснинъ, Коншинъ и Ивановъ. Торговцы жалуются, что пошлинны, взимаемыя съ русскихъ товаровъ въ Бухарѣ, очень высоки; кромѣ зякета, который уплачивается въ обычномъ размѣрѣ (2½%), берутся еще маклерскіе деньги, разные торговые сборы, и т. п., такъ что приходится платить съ рубля 10 к. пошлинъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Верблюды, его исторія и географическое распредѣленіе (съ рисункомъ). — Диунотій волкъ. Роминъ Н. М. Каразина. Ч. II. (окончаніе). — Скала Соволи подъ Житомиромъ. — (съ рисункомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Виртъ (продолженіе). — Музыка, статотвореніе Ки. Ш.-вой. — Шененингъ (съ рисункомъ). — Семья Сатировъ (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

НОВАЯ КНИГА

„Записки по методикѣ русскаго языка“,

руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учителей народныхъ школъ.

Составленная преподавателемъ Черниговской Учительской Семинаріи П. Солониною.

Цѣна экземпляру 50 коп. Продается въ книжныхъ магазинахъ Чернышева и для иногороднихъ — въ Петербургѣ, — Салаева — въ Москвѣ, и въ Южно-русскомъ — въ Кіевѣ.

ВАЖНО ДЛЯ ТИПОГРАФІЙ.

На политехнической выставкѣ въ Кенигсбергѣ, въ Пруссіи, въ настоящее время дѣйствуютъ 2 превосходные скорочетные станка изъ знаменитой

Механической мастерской и машинодѣлательнаго завода

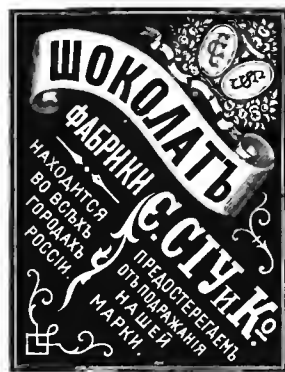
Г-ть МАРИНОНИ въ Парижѣ.

Сила 2500 и 5000 двойной печати въ числѣ при величайшемъ форматѣ. Въ вѣстивъ упомянутого этого дома извѣстна свою готовность динить всякія свѣдѣнія и просить обрѣцѣтъ съ запросами тѣмъ скорѣе въ экспедицію Кенигсбергской торговой газеты. Заказы всякаго рода печатныхъ стѣнокъ, отъ наибольшихъ до наименьшихъ размѣровъ, исполняются скоро и дешево.

ФРАНЦЪ ФРАНКЕЛЬ, ТЕХНИКЪ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная (безъ цензуры). Подписная цѣна на полгода: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ 8 р. 50 к., для иногороднихъ 9 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

45-7

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ и ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ,

мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный
каталогъ различной про-
дажи высылается по вос-
требованію бесплатно
и франко.

Пересылка во всѣ государства. Тор-
говцамъ уступка. Письма просятъ
адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать
и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13-11

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДІПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА НЕСТЛЕ,
ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ,
замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено портѣ; способъ приготавленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Свб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валадина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26-21

НИВЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 26 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 29-го Июня 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашего журнала будетъ приложена первая бесплатная премія „Нивы“ за 1875 годъ: большая гравюра съ картины профессора Пилоти „Смерть Юлія Цезаря“.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.

«Безцѣльная насмѣшка, смѣхъ ради смѣха — заслуживаютъ строгаго порицанія, а тѣмъ болѣе — подтруниваніе надъ народомъ, надъ этой «темной массой», неповинной въ пребываніи въ потемкахъ»... Такъ говорить у насъ многіе и, конечно, такому мнѣнію нельзя отказать въ честности, въ справедливости; но при этомъ обнаруживается нѣкоторое недоразумѣніе: опираясь на вышеприведенное мнѣніе, многіе нападаютъ на Горбунова, упрекая его, какъ рассказчика, въ публичномъ не деликатномъ отношеніи къ народу, забывая, что г. Горбуновъ, какъ талантливый художникъ, идеально воспроизводитъ въ сценахъ своихъ только дѣйствительность. Нападающіе забываютъ публику, которой, скорѣе чѣмъ Горбунову, можно сдѣлать упрекъ, ибо не онъ смѣется, а она. Надъ чѣмъ же? Строго говоря — ни надъ чѣмъ... На самое содержаніе пьески во-

И. Ф. Горбуновъ. Рис. Тихоміровъ, грав. Боярский.

обще мало обращается вниманія, смотрятъ почти исключительно на форму и, если она пикантна, игрива — наслаждаются ею, радуясь, что вотъ кое-какъ убили время. За такое убійство, какъ извѣстно, къ суду никто не привлекается.

Въ сценахъ и разсказахъ своихъ И. Ф. является несомнѣннымъ, истымъ художникомъ. Одинъ штрихъ, одно слово, изумительно — вѣрная интонація — и передъ вами ярко-очерченный образъ. Вы видите живьемъ — купца, кучика, мѣщанина, мужика, солдата, квартальнаго, бабу, фабричнаго — вы слышите ихъ простую, наивную, нерѣдко остроумную рѣчь, — и невольно вспоминается вамъ, что дѣйствительно вы видѣли гдѣ-то этихъ людей, слышали ихъ можетъ быть вчера, сегодня, годъ тому назадъ...

И. Ф. Горбуновъ не только рассказчикъ, онъ и актеръ, хотя репертуаръ его не очень обширенъ. Онъ удачно, даже

типически-вѣрно, изображаетъ молодыхъ купчиковъ, прикащиковъ, мѣщанъ, крестьянъ и т. п. Такъ, въ «Грозѣ» Горбуновъ— вслѣдствіе Кудрявца; хоронитъ онъ также: въ роли прикащика въ «Горячемъ сердцѣ», — конторщика въ «Не все коту маслищца», въ роли Аюпи въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»

и др. пьесахъ Островскаго.

Нѣкоторые изъ сценъ и картинокъ, художественно написанныхъ имъ, были напечатаны въ «Современникѣ» и др. журналахъ, а также въ «Складникѣ». Существуетъ нѣсколько изданий сценъ и рассказовъ Горбунова.

ВЕРБЛЮДЪ, ЕГО ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

(Окончаніе).

Изъ Африки, въ XVII столѣтіи, верблюдъ былъ перенесенъ по бѣдами Норманновъ на Канарскіе острова. Гумбольдтъ видѣлъ въ одномъ высоко-лежащемъ городѣ Лагуна бѣлыхъ верблюдовъ, которые перевозили товары изъ тамошнихъ въ магазины. Въ XVIII столѣтіи верблюды появились въ Перу, а позднѣе въ средней Америкѣ, однако введеніе ихъ туда осталось безъ послѣдствій. Гумбольдтъ предлагалъ испанскому правительству предпринять въ большихъ размѣрахъ акклиматизацію верблюдовъ. Позднѣе они были введены на Кубѣ, а также въ Техасѣ и Боливии.

Мнѣніе будто верблюдъ не можетъ жить иначе какъ въ сухихъ и песчаныхъ равнинахъ—не болѣе какъ предразсудокъ. Періодъ дождей во внутренней Африкѣ—самое трудное время для путешественниковъ; тропическія бури до того сильны, что продолжаютъ плыть по трое сутокъ кряду; непрерывные потоки дождя покрываютъ большія пространства водой и превращаютъ ихъ во временныя болота. Однако это не препятствовало многимъ путешественникамъ цѣлыя недѣли проводить съ верблюдами въ этихъ тоняхъ, безъ особеннаго вреда для животныхъ.

Берега верхняго и Бѣлаго Нила не ограничены рѣкою, какъ у другихъ рѣкъ, но на цѣлые часы незаметно теряются внутри страны, образуя огромныя болота съ вязкой глинистой почвой. Въ одной изъ такихъ мѣстностей живутъ Амгарскіе арабы; они принуждены строить свои хижины на сваяхъ въ болотѣ. На нѣкоторыхъ возвышенностяхъ, но все же очень сырыхъ мѣстахъ, пасутся ихъ верблюды, питаются водяными растеніями; при этомъ, вслѣдствіе чрезвычайной вязкости почвы, животные на каждомъ шагу завязываютъ чуть не по колѣна.

Въ такихъ же условіяхъ живетъ верблюдъ въ Нильской дельтѣ, напр. въ окрестностяхъ Даміетты и Розетты.

Но все таки настоящее мѣсто верблюда—пустыня и степи; здѣсь онъ является во всей славы своей цивилизаторской миссіи. Что бы была безъ верблюда теперешняя сѣверная Африка? Она представляла бы только различныя группы отдаленныхъ другъ отъ друга непроходимыхъ песчаныхъ моремъ, разрозненныхъ оазисовъ, жители которыхъ также бы мало могли входить въ сношенія между собою, какъ австралійскіе островитяне безъ кораблей на морѣ.

Только съ распространениемъ въ Африкѣ верблюда, могло установиться прочное сообщеніе между Египтомъ, Сенегамбіей, Нигрией, Мауританіей и др. мѣстами, такъ какъ благодаря верблуду, даже «Сахара бѣла ма», т. е. пустыня безъ воды, не представляла большаго непреодолимаго препятствія. Изъ знаменитаго своей мѣновой торговлей Томбукту или Тимбукту, ежегодно выходило тысячи верблюдовъ съ произведеніями юга и каучуковыхъ лѣсовъ Сенегала, въ Мурсукъ, Кабесъ, Триполи, Тафилельтъ, Марокко и пр. Точно также громадные караваны тянутся изъ Дарфура въ Каиръ и другія мѣста. Но изъ этихъ тяжелыхъ путешествій часто и половины верблюдовъ не возвращается домой; случается, что погибаютъ даже цѣлыя караваны въ легучихъ пескахъ Сахеля (западная часть Сахары; восточная и меньшая ея часть называется Ливійской пустыней). Такъ какъ оазы раскинуты на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, то стоять только песчаному урагану, которые такъ часты въ Сахели, засыпать хоть одинъ изъ источниковъ или колодезевъ, на который рассчитывали, и караванъ безвозвратно погибъ.

Англійскій путешественникъ Джексонъ рассказываетъ, что во время его пребыванія въ Марокко въ 1805 году, на пути изъ Томбукту въ Тафилельтъ погибъ отъ жажды караванъ въ 2,000 людей и 1,800 верблюдовъ, потому что не нашелъ воды на одномъ изъ обычныхъ переваловъ; во многихъ арабскихъ преданіяхъ и рукописяхъ говорится о подобныхъ несчастіяхъ.

Доказательствомъ неурядицы гибели каравановъ служатъ остатки людей и животныхъ, которые усыяваютъ караванный путь и указываютъ дорогу въ этой страшной пустынѣ. Верблюжьими костями, за недостаткомъ камня, обкладываютъ въ Сахелѣ колоды, и для предохраненія отъ песка, закрываютъ ихъ кожей этихъ животныхъ. Итакъ, верблюдъ, павъ жертвой своей службы человеку, полезенъ ему даже и послѣ смерти.

Верблюдъ принадлежитъ къ жвачнымъ животнымъ, но, какъ лама, нѣсколько отличается отъ нихъ строеніемъ ногъ. Во первыхъ онъ имѣетъ только два пальца, на которые животное наступаетъ; во вторыхъ пальцы не обложены рогами и плагищами, не раздѣлены и соединяются мозолистой подошвой.

Ноги снабжены на суставахъ мозолями, на которыя животное опирается въ лежачемъ положеніи; онѣ образуются именно

вслѣдствіе того, что животному приходится весьма часто ложиться на землю; дѣтенныи рождаются безъ нихъ. Самая большая затвердѣлость находится подъ грудью.

Скелетъ, хоть въ общихъ чертахъ схожій съ жвачными—во многомъ представляетъ большое родство съ однокопытными и служить такимъ образомъ переходной формой этихъ двухъ порядковъ животныхъ. Черепъ верблюда и ламы отличается отъ другихъ жвачныхъ тѣмъ, что сильнѣе сжатъ съ боковъ, имѣетъ болѣе выпуклыя глазныя орбиты, а главное его отличіе составляетъ соединеніе обѣихъ частей нижней челюсти, которая у остальныхъ жвачныхъ разъединена.

Зубная система верблюда также показываетъ наклонность къ однокопытнымъ; кромѣ клыковъ, встречающихся и у нѣкоторыхъ другихъ жвачныхъ, въ верхней челюсти верблюда имѣются еще особенные рѣзцы, которыхъ нѣтъ ни у одной породы животныхъ этого порядка. Клыки по формѣ и крѣпости похожи на клыки хищныхъ звѣрей.

Весьма замѣчательно у верблюда и у ламы строеніе желудка. Онъ отличается отъ желудка прочихъ жвачныхъ множествомъ большихъ ячеекъ въ первомъ и сѣчатомъ желудкахъ, необыкновенно малыми размѣрами желудка, называемаго книжкой, который же притомъ почти совсѣмъ не имѣетъ складокъ, и вторымъ желудкомъ въ формѣ кишки.

Что въ одномъ изъ этихъ отдѣленій хранится вода, и будто въ путешествіи, въ случаѣ крайней нужды въ водѣ, стоитъ только убить верблюда, чтобы во всякое время получить чистую, годную къ питью воду, это давнымъ-давно опровергнутая сказка. Когда и кѣмъ она была выдумана—неизвѣстно; вѣрно только то, что она не арабскаго и не персидскаго происхожденія. Одно время она находила даже ученую поддержку. Кювье и нѣкоторые другіе выражали мнѣніе, что назначеніе вышеупомянутыхъ ячеекъ заключается въ сохраненіи въ нихъ воды, чтобы при недостаткѣ сѣчаго питья смачивать ею пищу и даже полость рта, и дѣлать такимъ образомъ на долгое время возможнымъ лишеніе питья.

Но неправдоподобность и несостоятельность такого объясненія была доказана многочисленными вскрытіями верблюжьего желудка; теперь о назначеніи ячеекъ не осталось болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія. Онѣ признаны за приспособленіе, посредствомъ котораго природа увеличила отдѣляющуюся а можетъ быть и всасывающую поверхность этого желудка, не придавая ему несоразмѣрно большаго объема. Питья верблюда смачивается водянистой жидкостью находящейся въ желѣзахъ желудочныхъ ячеекъ, вслѣдствіе чего онъ можетъ переносить лишеніе питья долѣе чѣмъ всѣ другія домашнія животные.

Величина и форма горба, который образуется не отъ особеннаго удлинненія извѣстныхъ костистыхъ отростковъ спинныхъ позвонковъ, но отъ накопленія жиробразной массы, зависитъ отъ болѣе или менѣе хорошаго питанія животного. Отправляясь въ дальнее путешествіе, арабъ смотритъ на горбъ своего верблюда: если онъ достаточно жиренъ, то животное можетъ перенести много трудностей при самомъ умеренномъ питаніи—потому что по арабской пословицѣ верблюдъ питается своимъ горбомъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что какъ скоро горбъ уменьшается, верблюдъ уже не можетъ переносить большаго напряженія и постепенно ослабѣваетъ. Послѣ длиннаго путешествія животное почти совсѣмъ теряетъ горбъ, и для восстановленія его нуженъ трехъ или четырехмѣсячный покой и хорошій кормъ.

Цвѣтъ шерсти арабскихъ верблюдовъ по преимуществу коричневый, впрочемъ встрѣчается много и черныхъ верблюдовъ. Чѣмъ далѣе къ югу отъ Египта, тѣмъ цвѣтъ шерсти свѣтлѣе; въ Нубіи верблюды болѣею частью бѣлые, черныхъ тамъ совсѣмъ не встрѣчается. Верблюдъ, включительно съ горбомъ, достигаетъ 7 футовъ вышины и 9 фут. длины; двугорбый верблюдъ еще болѣе, и имѣетъ отъ 1,200 до 1,300 фунт. вѣсу. Кобылица ходитъ двѣнадцать мѣсяцевъ и приноситъ одного дѣтенныя, къ которому выказываетъ большую привязанность. Тимкоуэскій рассказываетъ, что онъ видѣлъ какъ у одной кобылицы, разлученной съ дѣтеннымъ, катились изъ глазъ крупныя слезы.

Какъ всѣ домашнія животныя, такъ и верблюды бываютъ различныхъ породъ; ихъ точно такъ же разводятъ и улучшаютъ посредствомъ скрещиванія различныхъ породъ между собою.

Тяжесть, нагружаемая на верблюда, сообразуется частью съ силой животнаго, частью съ продолжительностью пути; чѣмъ длиннѣе дорога и чѣмъ меньше по пути колодезевъ, тѣмъ легче и грузъ. Арабскій верблюдъ обыкновенно несетъ на себѣ отъ

4—5 центнеров на небольших переходах. Двугорбый верблюд въ далекомъ путешествіи несетъ до 6 цент., а обыкновенно отъ 8—10 цент. и больше; такой же силой обладаютъ нѣкоторыя расы одnogорбой породы, какъ напримѣръ египетскій и бухарскій «люк» съ короткой курчавой шерстью.

Чтобы удобнѣе было нагружать верблюда, его съ молодости приучаютъ ложиться на всѣ четыре колѣна. Для этого одну изъ переднихъ ногъ обвязываютъ веревкой и тянутъ ее; если же этого оказывается недостаточнымъ чтобы заставить верблюда встать на колѣни—то же самое самое повторяютъ съ другой ногой, и тогда животное разумѣется должно упасть. Этотъ маневръ съ извѣстнымъ восклицаніемъ продѣлывается до тѣхъ поръ, пока животное наконецъ само не ложится по приказанію вожака. Тогда его нагружаютъ; если тяжесть слишкомъ велика, верблюдъ издаетъ жалобный крикъ—и до тѣхъ поръ не подымается на ноги, пока не облегчатъ его ношу. Сѣдомъ у одnogорбого верблюда служатъ деревянные оббитые подушками козлы, «*раис*», на которые навѣшивается кладъ и распределяется по обѣимъ сторонамъ равномерно; тяжести такъ уравновѣшиваютъ другъ друга, что сѣдло это почти не надо укрѣплять. Прибывъ на станцію, вожакъ только слегка нагнетъ голову животного, и при обычномъ возгласѣ выпѣвшихъ бедуиновъ: крри! крри! онъ ложится. Грузъ спмается, и верблюдъ идетъ въ свое скудное, сухое пастбище.

Верховое сѣдло «*сердэжъ*» состоитъ изъ вогнутого сидѣнья, устроеннаго надъ мягкой нижней подстилкой; оно держится на горбѣ двумя широкими подпругами, опоясывающими животъ, и еще одной грудной подпругой.

Путешественники, для которыхъ верховая ѣзда слишкомъ неудобна и затруднительна, употребляютъ крытые паланкины, которые ставятся поперекъ сѣзда и привязываются веревками. Эти паланкины удобны тѣмъ, что въ нихъ можно лежать и спать сколько угодно.

Лошадь, правда, превосходитъ верблюда въ быстротѣ, но не въ продолжительности бѣга. Если верблуду дадутъ идти его любимымъ шагомъ, мелкой шиходью, то онъ дѣлаетъ въ часъ отъ 4—5 англійскихъ миль; а если онъ получитъ къ вечеру хорошаго корма, или въ случаѣ нужды будетъ ѣсть хотя черезъ день, то можетъ бѣжать сразу 5—6 дней.

«Я знаю», разсказываетъ Буркхардъ, «что изъ Аленпо въ Сохну верблюды приходили въ 5 дней, между тѣмъ какъ съ караваномъ это пространство пробѣгаютъ въ 21 день. Иногда гонцы изъ Багдада, отстоящаго на 25 дней ѣзды отъ Аленпо, прѣзжаютъ въ этотъ городъ на седьмой день; курьеры прѣзжали изъ Каира въ Мекку въ 18 дней, ни разу не перемѣняя верблюда, хотя по обыкновенному счету разстояние это требуетъ 45 дней ѣзды.

Не всѣ породы верблюдовъ въ одинаковой степени способны переносить жажду. Большіе египетскіе выюнные верблюды не такъ легко переносятъ лишения и тягости пути. Такъ какъ на плодородныхъ берегахъ Нила они привыкли къ обильному корму и питью, то имъ трудно выдерживать далекія пустынные путешествія, вслѣдствіе чего въ пути на богомолье, въ Мекку, всегда погибаетъ много верблюдовъ. Неджеданскіе верблюды въ состояніи перенести отъ 3—4 дней безъ воды, дарфурскіе и тимбуктскіе даже отъ 5—6 и болѣе. Вообще сахарскій верблюдъ крѣпче арабскаго, и потребности его баснословно малы. Всякой растительной пищи, какъ бы она ни была скудна, суха, жестка, достаточно для пропитанія верблюда. Въ обитаемыхъ мѣстахъ, онъ съ величайшимъ аппетитомъ ѣстъ солому, крапиву, финиковыя косточки; мансъ, бобы, ячмень—его лакомства. Въ пустынѣ онъ питается терновникомъ, колючими кустарниками и мимозами, острыя палы которыхъ онъ разминаетъ во рту и проглатываетъ, несколько не повреждая рта.

Но не смотря на такую скудную пищу, верблюжье молоко густо и жирно; оно составляетъ главную пищу для многихъ

степныхъ и пустынныхъ племенъ: однако бедуины не приготавливаютъ изъ него ни масла, ни сыра. Молоко двугорбого верблюда, вслѣдствіе его солоноватаго вкуса, употребляется преимущественно съ чаемъ; въ переброженномъ состояніи оно опьяняетъ сильнѣе кобыляго молока.

Мясо употребляется въ пищу всѣми татарскими и монгольскими народами, но только павшаго или больнаго животного. Арабы также рѣдко убиваютъ еще сильное животное, но ужъ тогда все племя принимаетъ участіе въ пирѣ. Если глава племени хочетъ оказать своему гостю особенную честь, то заставляетъ для него цѣлаго верблюда; къ этому подается огромный котелъ съ рисомъ. Гости, закинувъ широкіе рукава за плечи, рвутъ куски отъ колоссальнаго жаркого, захватываютъ горсть рису, скатываютъ всѣ вмѣстѣ въ клецку и проглатываютъ, съ наслажденіемъ облизывая съ пальца сокъ и кровь отъ жаркаго. Такъ водилось двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ водится и теперь.

Цѣны на верблюдовъ почти вездѣ различны и отъ времени до времени колеблются. Хорошій верховой верблюдъ стоитъ отъ 80 до 120 рублей, обыкновенный выюный верблюдъ рѣдко бываетъ дорожее 30 рублей.

Верблюдъ доживаетъ до 40 лѣтъ и больше, но послѣ 25—30-лѣтняго возраста силы его упадаютъ, и онъ уже не въ состояніи переносить большихъ трудностей. Большинство караванныхъ верблюдовъ отъ слишкомъ сильнаго напряженія получаютъ одышку; въ такихъ случаяхъ арабы прижимаютъ имъ грудь каленымъ желѣзомъ. То же самое они дѣлаютъ при ранахъ на горлѣ; къ концу длиннаго путешествія не проходитъ вечера, чтобы не производилось этихъ операций. Не смотря на то, на слѣдующее утро, если нѣтъ запасныхъ верблюдовъ, на больныхъ снова навьючиваются тяжести.

Изъ чувствъ у верблюда особенной чуткостью отличаются обоняніе и слухъ. На получасовомъ разстояніи животныя эти чувствуютъ влажность источника; прищуривъ глаза и заложивъ уши, нюхаютъ они воздухъ,—утомленные члены расправляются, съ дикимъ ревомъ бросаются изнемогающія отъ жажды животныя къ спасительному источнику. Понятно, что въ эту минуту они не обращаютъ никакого вниманія на голоса своихъ проводниковъ, стараются сбросить стѣснительную пошу, особенно если можетъ быть только передъ этимъ самому осыпалъ караванъ раскаленными песчаными волнами и довелъ жажду до невыносимой муки. Верблюды слышатъ ураганъ на далекомъ разстояніи, и всѣ ихъ постукии начинаютъ выказывать страхъ; они дрожа стоятъ на мѣстѣ, на кожѣ выступаетъ потъ, глаза выходятъ изъ орбитъ, бока тяжело поднимаются, потому что воздухъ дѣлается тяжелъ и дыханіе захватываетъ отъ пыли и жара, солнце палится лиловымъ цвѣтомъ, горизонтъ горитъ; все громче и громче слышится шумъ бури, появляются предвѣстники ея—песчаные вихри. Вотъ и она сама! Все инстинктивно бросается ницъ, синюю къ урагану; верблюды далеко вытянули шею, прижались къ землѣ и закрыли глаза. Ревущій песчаный потокъ гремитъ, бушуетъ и свиститъ надъ караваномъ, сосѣдъ не видитъ сосѣда, такъ густа волнующаяся песчаная масса. Самая гордая голова въ безсиліи склоняется передъ ужасомъ этого явленія природы. Въ такихъ положеніяхъ минута кажется вѣчностью; представьте же такихъ минутъ пять или шесть! Къ счастью, эти ураганы рѣдко продолжаются дольше; не смотря на то, многіе верблюды бываютъ не въ силахъ подняться съ земли и ихъ принуждены оставлять тутъ въ добычу хищнымъ птицамъ.

Правдивныя качества и характеръ верблюда нельзя опредѣлить однимъ общимъ мнѣніемъ. Одни называютъ его умнымъ, кроткимъ и добрымъ, другіе глупымъ и злымъ,—и обѣ стороны правы: такъ велика разница между породами и такъ многое зависитъ отъ обращенія съ животнымъ.

РЕЛЪ-ДЪВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллертъ-Вигхъ.

(Продолженіе).

Молчаніе продолжалось довольно долго, наконецъ она робко проговорила:

— Ну, я не понимаю, почему это такъ, только у васъ, отецъ мой, все по новому какъ-то... Никогда, ни отъ кого не слыхивала я такихъ рѣчей! Нашъ вотъ зельденскій патеръ все бранилъ, все бранилъ меня; и сейчасъ это у него: „дьяволъ и грѣхи наши“... Другихъ и словъ нѣтъ!... Не могла я понять, чего онъ собственно желаетъ: вѣдь въ то время-то ничего этакого дурнаго за мной не водилось. А вы такъ это все хорошо,

явственно показываете! Ежели-бъ да осталась мнѣ у васъ—ну, славно-бы зажила я! Ужъ само собой работала-бы я тутъ цѣлый день, хлѣба даромъ не ѣла-бы...

Старикъ не скоро отвѣтилъ...

— Нѣтъ, ужъ это оставить надо, заговорилъ онъ печальнымъ голосомъ, покачивая головой:—никакъ нельзя этого сдѣлать, бѣдняжка ты моя!... Простить я тебѣ могу—именемъ Божьимъ, а передъ людьми не могу такъ поступить: Богъ-то видитъ *намыреніе* человека, люди же смотрятъ лишь на поступокъ. Священникъ испо-

вѣдующій—совсѣмъ не то что священникъ живущій въ своемъ приходѣ. Исповѣдуя онъ, говоритъ кающемуся о *помилованіи*, какъ слугитель Божій; внѣ церкви, въ приходѣ, онъ долженъ быть стражемъ закона, какъ слуга земной власти. И намъ слѣдуетъ побуждать людей—словомъ и собственнымъ примѣромъ—уважать законы, не нарушать ихъ. Ну, сама посуди: что бы люди-то заговорили, если-бы нашъ братъ сталъ принимать къ себѣ завѣдомо поджигательницъ? Развѣ они сообразили-бы, почему я такъ поступилъ? Ничуть! Они просто подумали-бы, что священникъ-то нашъ сталъ укрывать поджигателей—ну, и стали-бы, пожалуй, дѣлать поджоги... А случись злоумышленный поджогъ—что тогда? Охъ, горько мнѣ пришлось-бы упрекать себя въ томъ, что вотъ я, изъ снисхожденія къ тебѣ, подстрекнулъ человѣка на такое дѣло!.. Понятно-ли это тебѣ?... Скажи: не станешь ты роптать, подчинившись неизбежнымъ послѣдствіямъ поступка, который сама совершила?

— Не стану, глухимъ голосомъ отвѣтила Валли. Глаза ея покраснѣли, она сдержала слезы и, быстро вставъ, отрывисто сказала:

— Большое спасибо вамъ, отецъ мой! Теперь прощайте...

— Эхъ-хе! Экая пряткая!... воскликнулъ патеръ,—Опять бѣжать? Ужъ махнула-бы прямо черезъ стѣну эту!.. Не любишь дверей? Ну, ломай, ломай стѣну-то!

Валли, совсѣмъ сконфузившись, опустила глаза.

Священникъ разглядывалъ ее съ какимъ-то комичнымъ удивленіемъ.

— Н-ну, не мало надо потрудиться, чтобы охладить, усмирить эту кровь! Кипитокъ!.. Чуть что—сейчасъ—фить!.. А я развѣ говорилъ, что бросаю тебя на произволъ судьбы, если не хочу только, чтобы ты у меня оставалась? Постой, ты прежде покушай какъ слѣдуетъ, вѣдь нельзя же человѣку безъ ѣды быть, кому-же ты давненько спокойно не ѣла; ну, а потомъ мы и еще побесѣдуемъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ форточкѣ въ стѣнѣ (она отворялась въ кухню) и приказалъ старухѣ-служанкѣ приготовить завтракъ на троихъ; затѣмъ присѣлъ къ старенькой конторкѣ, чтобы составить для Валли списокъ именамъ нѣсколькихъ крестьянъ - собственниковъ, которые были ему извѣстны за добрыхъ, хорошихъ людей.

— Ну, нѣ вотъ тебѣ реэстрикъ! Это, можно сказать, лучшіе люди въ долинахъ Этпской и Гурглерской, заговорилъ священникъ:—побывай у нихъ, скажи, что работы ищешь. Подальше-то, въ горахъ, вѣдь еще не провѣдали о твоихъ подвигахъ; ну, а пока тамъ раззнаютъ—ты ужъ покажешь себя съ хорошей стороны, какъ добрая, работящая дѣвушка... Люди тогда охотно станутъ смотрѣть сквозь пальцы на твое прошлое. Тебѣ, конечно, не слѣдуетъ говорить, что это я тебя послалъ, да оно и не нужно... Ты такая рослая, силачка, въ работѣ парню не уступишь—всякій съ радостью и такъ приметъ тебя. Станешь прилежно трудиться; если захочешь, не мало пользы принесешь. Ну, а *новинаться*-то ты научись, ибо пельза не подчиняться заведенному порядку... Ужъ противъ этого не иди! Я совсѣмъ не хочу, чтобы ты домой вернулась, позволила-бы запереть себя въ подвалѣ: такого наказанія ты не заслуживаешь, да оно и пользы-бы не принесло, а еще больше испортило-бы тебя. Не желаю я также и того, чтобы ты, изъ повиновенія отцу, вышла за Викентія и этимъ отравила-бы себѣ всю жизнь... Но, мнѣ вотъ что желательно—и я даже требую, чтобы ты укротила свое дикое сердце, смирилась бы, когда станешь работать въ честной семьѣ, когда займешься аккуратно дѣломъ: постарайся снова сдѣлаться полезнымъ членомъ людской общины. Чтѣжъ, даешь слово—а?...

— Попытаюсь, отвѣтила Валли, обпаруживъ и тутъ удивительную прямоту души, честное сердце свое.

— Ну, вотъ и ладно! Мнѣ ничего и не надо больше: знаю я, что по совѣсти ты и *не могла* иначе отвѣтить. Такъ; но попытайся хорошенько, будь потерпѣливѣе, да помни, что Отецъ небесный отталкивается слишкомъ-то твердую деревяшку!.. Вотъ я отправлюсь сегодня къ твоему отцу и постараюсь уговорить его, чтобы онъ простилъ тебя, помирился-бы съ тобой, а если нѣтъ—такъ ужъ оставилъ-бы тебя въ покоѣ. Поторопись меня извѣстить, у кого ты наймешься, и я тогда напишу тебѣ, на чемъ мы съ отцомъ порѣшили.

Старая Маріанна явилась съ завтракомъ. Старикъ подошелъ къ столу и сталъ читать утреннюю молитву. Валли смиренно скрестила руки и горячо молила Всевышняго помочь ей сдѣлаться совсѣмъ, совсѣмъ хорошей... Ей очень хотѣлось быть такой... Ахъ, если-бы она только знала, какъ это устроили!

По окончаніи молитвы—священникъ, Маріанна и Валли сѣли завтракать, но не успѣли проглотить они перваго куска, какъ на дворѣ послышался шумъ и раздались крики:

— Орелъ! Вонъ—на крышѣ орелъ! Стрѣляйте! Ружье сюда!

— Ай! Боже мой! это мой Ганзль! вскрикнула Валли и вскочила, чтобы бѣжать.

— Стой, стой! Куда? заторопился патеръ.—Развѣ тебѣ слѣдуетъ показываться? Сама хочешь, что-ли, выдать себя—такъ, здорово живешь? Вѣдь того и гляди, явятся сюда гонцы твоего отца, чтобы взять тебя!..

— Нѣтъ, Ганзля я не оставляю и ужъ убить не позволю, а за себя—не боюсь! воскликнула дѣвушка, прыгнула къ дверямъ и скрылась за ними.

Священникъ, покачивая головой, вопиелъ за нею.

— Позвольте, это совсѣмъ ручной орелъ! кричала Валли собравшейся толпѣ.—Онъ мой собственный! Оставьте, не трогайте его!

Нѣкоторые ворчливо отозвались:

— Да нешто позволено такого звѣря на свободѣ держать? Пусти его гулять—какже!..

Дѣвушка раздражительно крикнула:

— Ну, что-жъ, унесъ онъ у васъ ребенка? Овцу утащилъ—а?...

— Нѣтъ... Нѣтъ!

— Такъ чего-жъ вамъ? Ну, и оставьте его!

Валли приняла такую горделивую осанку, смотрѣла на толпу съ такимъ вызывающимъ видомъ, что всѣ невольно ротъ разинули.

— Валли, а Валли, прозвучалъ за нею тихій голосъ патера:—забыла твердую деревяшку?

— Не забыла, отецъ мой!

И она махнула рукой орлу:

— Ганзль, сюда!

Ганзль такъ стремительно ринулся съ крыши, что многіе въ испугѣ попятились. Посадивъ „звѣря“ на плечо, Валли подошла къ священнику.

— Ну, отецъ мой, да хранить васъ Господь Богъ, сказала она въ полъ-голоса,—и спасибо вамъ за все!

— Поѣсть-то тебѣ помѣшали... Зайди, покушай—а? предложилъ старикъ.

— Нѣтъ, ужъ—не надо... Да и его боюсь одного оставить. Уходить тоже нужно; чего мнѣ тутъ сидѣть?

— Ну, да будетъ надъ тобою благословеніе Божье и всѣхъ святыхъ! проговорилъ священникъ печальнымъ голосомъ.

А старая Маріанна въ это время засовывала въ карманъ широкой юбки Валли какую-то снѣдь—пригодится, молъ, на дорожку.

Дѣвушка еще съ минуту постояла у дверей домика, какъ-бы не рѣшаясь идти,—домика, который сталъ уже дорогимъ для нея,—и пошла медленнымъ шагомъ мимо толпы, удивленно глазѣвшей на нее.

— Кто такая? ктѣ? услышала она за собою шопотъ.

— Да надо быть—вѣдьма!..

С. Вернадскія собаки.

— Это—прохожий человек, заметили священник,— дѣвушка эта была у меня на исповѣди.

VIII.

Клѣцы изъ Рофена.

День за днемъ проходилъ, а Валли бродила по окрестнымъ мѣстечкамъ, ища мѣста, панимаясь въ работницы; но никто не принималъ ее съ орломъ, а она никакъ не хотѣла разстаться съ своимъ Ганзлемъ. Если-бы Валли рѣшилась даже покинуть его—онъ навѣрно прилетѣлъ-бы къ ней опять; ну, а убить такого вѣрнаго друга—невозможно!.. Да она и помыслить не могла объ этомъ. Будь что будетъ! рѣшила Валли и, въ самомъ дѣлѣ, стала съ этой минуты *Орель-Днякой*: судьба ея была неразрывно связана съ судьбою Ганзля, который былъ для нея почти человекомъ, спутникомъ въ жизни.

Старуха Аннемидель, сестра Люккардъ, даже рада была-бы зажить съ Валли (Валли и къ ней какъ-то завернула), но мѣстечко Винтершталь ужъ больно близко къ Солнечной Площадкѣ, а это значило для бѣглянки совершенно отдаться отцу, снова быть въ его власти... Нѣтъ, пока еще ноги крѣпки—слѣдуетъ ей уходить подальше, подальше...

А погода становилась все хуже, суровѣе; по временамъ уже снѣжинки кружились въ воздухѣ; по ночамъ было особенно холодно, и, не смотря на это, дѣвушкѣ приходилось ночевать гдѣ нибудь въ полѣ или на сѣновалѣ. То, что надѣто было на Валли—порядкомъ таки поистрепалось, загрязнилось; она стала походить на какую-то нищую, бродягу... Когда она, со своимъ Ганзлемъ на плечѣ, стучалась въ дверь избы—ей уже стали отказывать къ приѣмѣ грубѣе, сердитѣе... Самыя добрыя, гостепріимныя бабы не рѣшались впускать ее въ домъ, не соглашались дать ей даже двухчасовой работы, чтобы потомъ покормить—такъ ужъ она казалась имъ подозрительной! Приотворивъ дверь, Валли просто совали кусокъ хлѣба „Христа-ради“—и вотъ, гордая Вальбург-а Штроммингеръ, помѣстившись на крылечкѣ, читалась подаяніемъ!.. Дѣ, ей не хотѣлось еще умирать... Правда, горькая жизнь терзаемой, гонимой, нищей, полунагой—но эта жизнь все-таки еще *хороша покуда*, потому-что Валли не теряла *надежды*, что настанетъ же время, когда Іосифъ полюбитъ ее. Да, ради этого она готова все претерпѣть—и голодъ, и холодъ, и всяческія униженія!.. Однако томящія заботы о хлѣбѣ, напряженное состояніе, постоянная тревога повліяли на дѣвушку, еще недавно такую крѣпкую тѣломъ... Валли стала изнемогать, въ глазахъ у нея темнѣло, ноги подкашивались; стѣбало ей прилечь гдѣ нибудь—въ мысляхъ начиналась какая-то путаница, и она въ лихорадочной дремотѣ проводила длинныя ночи... Вдругъ ей стало невыразимо страшно при мысли: а ну какъ она заболѣетъ и, совсѣмъ обезсилѣвъ, свалится гдѣ нибудь въ сараѣ?.. Вотъ и возьмутъ ее, свезутъ къ отцу—она опять въ рукахъ у него!...

Валли исходила всю Гурглерскую долину и нигдѣ не нашла пристанища, и снова отправилась по тяжелой дорогѣ въ Эцталъ, такъ какъ ее тянуло что-то въ Вентъ, а Вентъ находился на окраинѣ царства ея втораго отца—Мурцолля... Это мѣстечко представлялось ей какъ-бы роднымъ уголкомъ... Но тутъ отнеслись къ Валли еще хуже: чѣмъ суровѣе была мѣстность, тѣмъ суровѣе оказывались и обитатели ея. Пока дѣвушка добрела до Вента—тамъ уже все было извѣстно о ней. Она стучалась у дверей, ей отказывали, глядя на нее со страхомъ и отвращеніемъ. Валли никому и ничего не говорила о томъ участіи, которое принялъ въ ней гейлхкрейцскій священникъ, такъ какъ онъ запретилъ ей ссылаться на него... Да она и сама поняла, что старикъ долженъ былъ такъ поступить. Обращаться къ какому либо

другому патеру тоже нестѣбало... что-же, вѣдь ни одинъ изъ нихъ не дерзнетъ открыто вступить за нее!...

Вотъ и послѣдній домишко въ Вентѣ только-что захлопнулъ дверь свою передъ Валли... Впереди уже ничего не было, некуда было идти: долину замыкали высокія стѣны Платтейкогеля, Дикой верхушки и Гохфернаттскаго ледника; тутъ, казалось, былъ край свѣта. Дѣвушка прошла какъ-бы до конца глухаго переулка, остановилась и стала глядѣть на высокѣ-вздывавшіяся крутыя стѣны. Сѣрое утро напоминало сумерки: снѣгъ, валившій въ продолженіе всей ночи, чуть не до-верху наполнилъ долину, обративъ ее въ какую-то огромную лохань съ неподвижными бѣлыми буграми. Все замело, засыпало... Нечего и искать пути. Валли сѣла, задумалась... и въ головѣ ея мелькнуло;

— А что, если заснуть тутъ, да и замерзнуть? Говорятъ—это самая легкая смерть...

Однако, нельзя было замерзнуть, потому что еще не такъ было холодно; тамъ, гдѣ она сидѣла, снѣгъ уже началъ таять; сырость прохватила ее, она вздрогнула, быстро встала и опять пошла по направленію къ той возвышенности за Вентской деревушкой, отъ которой идетъ дорожка на Гох-іохъ. Съ этого пункта Валли могла далеко обозрѣть всю окрестность. Взобравшись туда, она сейчасъ-же разглядѣла легкую борозду на снѣжномъ полѣ: борозда эта, начинаясь за деревней, вилась въ даль Таллейшпица и убѣгала въ самую глубь ледниковъ,—если это тропинка, то куда она ведетъ?.. Поднявшись еще выше, чтобы еще дальше видѣть, Валли вдругъ какъ-бы прозрѣла: да вѣдь это въ самомъ дѣлѣ *тропинка* подъ снѣгомъ, путь изъ Вента къ Рофенскому выселку! Рофенъ—самая высшая точка человѣческаго жилья во всемъ Тироли, крайнее мѣстечко въ Эцтской долинѣ, гдѣ еще живутъ люди, свивъ себѣ гнѣздо подобно орламъ. И всего-то двѣ семьи тамъ и есть: Клѣцы да Гштрейны. Рофенскій выселокъ, мирный, уединенный выселокъ, прильпился къ подножью грознаго Фернаттскаго ледника; за Рофеномъ—море льда, изрѣдко лишь посѣщаемое человекомъ, окутанное таинственнымъ покровомъ преданій, горныхъ легендъ. Вотъ уголокъ, предназначенный Валли, и это было послѣднимъ ея пріютомъ... Тутъ она могла отдохнуть, или по крайней мѣрѣ—умереть спокойно, какъ умираетъ звѣрь въ пустынѣ. Впередъ! Къ нимъ—къ рофенскимъ Клѣцамъ! Они вѣдь прославленные на весь Тироль проводники путешествующихъ чужестранцевъ; имъ, какъ горнымъ духамъ, привольно живется тамъ; взобравшись на страшную вышину, среди ледяныхъ великановъ и зіяющихъ безднъ, они чувствуютъ себя какъ дома... И какъ же имъ не понять, что Валли, желая отстоять свою свободу, вырваться на просторъ, не только могла домъ поджечь, но и жизнь свою пожертвовать!.. Дѣ, они поймутъ это и защитятъ ее отъ всѣхъ—вѣдь Рофенскій выселокъ пользуется правомъ *прибѣжища*. Герцогъ Фридрихъ, преслѣдуемый однажды врагами, нашелъ безопасное мѣсто въ Рофенѣ,—и вотъ, въ благодарность за это, даровалъ этому выселку право *не выдавать* гонимыхъ, нашедшихъ у него пріютъ. Іосифъ Второй, хотя и лишилъ рофенцевъ этой привилегіи (въ концѣ прошлаго столѣтія), но тиролецъ крѣпко держится обычая своихъ, уважаетъ преданія старины, а потому жители Эцтской долины добровольно признаютъ за этимъ выселкомъ право *прибѣжища*. Скрывшійся въ Рофенѣ считался неприкосновеннымъ, потому что „Гштрейны,“ и „Клѣцы“ не стали-бы держать у себя негодая, человекъ дѣйствительно преступнаго, да къ тому-же они, какъ и предки ихъ, пользовались не меньшимъ почетомъ окрестнаго населенія. Посягнуть на ихъ неотъемлемую собственность, на это какъ-бы „домашнее право“, значило бы то же самое, что святотатственно возстать противъ правъ церкви.

Валли подняла руки и отъ всего сердца поблагода-

рило небо за то, что оно указало ей этот путь. Крайне утомленная, но все еще держась на ногах, она собрала остатки сил и двинулась пошатываясь к последней своей цели, пошла по тропинке за Вентом и стала подниматься на крутизну. Трудно ей было идти по заметанным следам, но она шла, шла, далеко шла, и, наконец, увидела рофенские дворы, которые как будто спали, зарывшись в снег. Вот он—Рофен, такой тихий, почтенный, казавшийся ей с вершин Мурцолли орлиным гнездом на утесе! Валли часто бывало посматривала оттуда на это гнездо... Застучало сердце девушки, ноги подкашивались... А что, если и там не примут ее?...

Погода свирепела, завывала вьюга, хлопья снега кружились в воздухе, покрывая пустыню белой движущейся пеленой. У Валли голова тоже закружилась, в глазах зарило, ее заносило снегом, который таял на ее горячей голове, смачивал волосы, лицо... Дрожа как в лихорадке, она наконец добрела до дверей Никодима Клэца, схватилась за железную скобку и вдруг—как чудно светло стало вокруг нея! Валли глухо стукнулась головой о дверь, согнулась и тихо повалилась на землю.

А узкую долину все засыпало да засыпало как-бы клочками ваты; их так много навалило перед крыльцо-замкнутой дверью Никодима Клэца, что они мало по малу совсем покрыли неподвижное тело лежавшей у порога, превратив его в белый холм.

На скамье, перед теплой печкой, сидел Никодим Клэц. Он посасывал свою трубочку, посматривая по временам на снежных хлопья мелькавших за окном. Время незаметно летело, Леандр, младший брат Никодима, молодцоватый охотник, читал газету.

— Ишь ты, опять какая метелица! проговорил Никодим, пуская струйку дыма.

— Н-да, откликнулся Леандр, взглянув на окно и увидев, как там кружится снежная масса.

Вдруг на мутно-белом фоне мелькнуло что-то темное... Вот обрисовалось чье-то крыло, с шумом скользнуло оно по окну... затем за окном что-то зашуршало, забило, резко выкрикнуло и опустилось на крышу домика.

— Это что такое? спросил Леандр и встал.

— В самом деле, что за история? ворчливо пробормотал Никодим:—да куда ты? Сидеть-бы лучше... Этакая вьюга! Нечего соваться туда.

— Ну—вот, что за беда! отвetil младший брат и снял со стены ружье.

Охотничье сердце Леандра встрепенулось, как и всегда, при шуршании крыльями любой птицы, проле-

тавшей мимо него. Какже это не пойти ему взглянуть, что там зашумело?.. Чтобы не спугнуть птицы, он осторожно отворил дверь... В комнату влетели хлопья снега. Прищурив глаза, Леандр шагнул и наткнулся на холм у порога, который и преградил ему путь. Делать нечего—нужно было сначала руками разметать снег. Он сердито поставил ружье к косяку и принялся за работу.

— Господи помилуй! что тут? воскликнул Леандр. —Никодим, ступай сюда скорей! Подъ снегом что-то есть... Помогай!

Никодим кинулся к брату, и не прошло двух минут, как снежный бугор был размят.

Прежде всего братья увидели красивую, полную, круглую руку, и затем уже вытащили из-под легкого снежного намета безжизненное тело.

— Создатель милосердый! Девушка... и—ах, что за девушка! пролепетал Леандр, бросив взгляд на прекрасное лицо и девственно-высокую, роскошную грудь.

— Как это она очутилась здесь? проговорил Никодим, покачав головой и не без усилия поднимая тяжелое тело Валли.

— Да она... никак померла, сказал младший брат, потрогав ее, и устремил глаза на смуглое, мертвенно белое лицо бедняжки.

Сколько было в этом взгляде страха, участия!...

— Оттирать ее—да пожиле! скомандовал Никодим. —Поташим-ка ее в комнату!

Втащив в дом такую атлетическую фигуру, братья положили ее на постель, на которой обыкновенно спал Никодим.

— А ведь она, пожалуй, пролежала под снегом—то как есть полчаса, заметил он, потому что, помнится мне, слышал я, как что-то стукнуло в дверь, да признаться подумал: не свалился-ли это снег с крыши?

Леандр явился с чашкой, наполненной снегом, и обнаружил ревностную готовность помочь с своей стороны раздуть девушку.

— Оставь! заговорил Никодим (он был умен, проницателен).—Не годится... Молодой ты парень, ну, и она стала-бы послѣ стыдиться, ежели-б узнала про это. Смахай-ка к Г'штрейнам за Катериной или Марианной... Марш!

Леандр глаз не мог отвести от девушки, лежавшей неподвижно.

— Что за красавица! печально пробормотал он, соболезнуя всем сердцем, и скрылся за дверью.

(Продолжение будет).

ЕГИПЕТСКИЯ ДРЕВНОСТИ.

«Все боится времени, время же боится одних пирамид». Такова поговорка теперешних обитателей Нильской долины, которые, несмотря на свою удивительную безбечность, относятся к этим памятникам с робким уважением. Действительно, одни пирамиды избивали всеразрушительной силы вьюги. С величественным спокойствием смотря он с высоты на колоссальные развалины, которые разлагаются у их ног. Те же, безутешно выглядывая среди окружающей их пустыни, красноречивее всего в мире говорят нам о бренности творения рук человеческих. С спокойным величием глядя на пирамиды на грязных, погибающих племена, которые в нужде и заботах впадают в свое плачевное существование там, где за несколько тысяч лет жил могущественный, великий народ, достигший высокого развития культуры—в то время, когда еще остальное человечество было погружено в глубокое невежество. Теперь на берегах священного Нила живет горемычное племя, которое и не подозревает минувшего величия своей страны. Среди груд развалин, которые некогда были величественными дворцами, пред входами в пещеры-гробницы тысячи людей,—сидят теперь, поджав ноги, грязные

феллахи, поселившиеся в них с своими семьями и стадами коз и овец. Если вы иностранец—они вас примут с радушием; они в этом случае уверены, что вы будете нуждаться в проводнике, чтобы осмотреть остатки красоты древнего Египта. Но остерегайтесь: недоверие и предосторожность здесь больше чем где либо необходимы. Многие, проникнув во внутренность этих пещер, больше не видели солнечного света—никто и не вспомнил о безвестно пропавших.

Страсть к разрушению и жадность получили здесь страшное развитие. Что оставалось от меча Персов, Греков, Римлян, как свидетельство древней культуры, то не уцелело от вандализма Сарацинов. От величественного Мемфиса, где некогда стоял храм бога Фты, где царствовали Псамметихи, Амазис, где Моисей объявил Фараону волю неизвѣстнаго ему Иеговы,—теперь осталось лишь пустынное холмистое поле, усыпанное безчисленными обломками. Совершенно разрушенный Мемфис доставил материал для постройки Каира, расположенного на правом берегу Нила. С этого места оба берега реки переполнены указаниями на процветавший в древности народ. Повсюду разбланы во множестве развалины храмов, дворцов,

остатки колоссальных статуй, колоннад и сфинксовых аллей. Куда ни бросишь взгляд, вездѣ видны развалины. Обелиски и статуи низвергнуты, барельефы разбиты, даже могилы не пощажены. Многие изъ сокровищъ, что было удобно для перевозки, увезено въ европейскіе музеи; остальное поразрушили и иорастаскали сами жители, уже не изъ жадности, а изъ жадности. Прекраснѣйшія гробницы безпощадно разбиты, чтобы добыть могущія встрѣтиться тамъ цѣлности и реликвии, за которыми иностранцы платятъ большіе деньги. Въ Каирѣ цѣлые магазины завалены подобнымъ товаромъ. Древнія зданія занесены пескомъ и надъ ними стоятъ иногда бѣдныя хижины. Случается, что послѣднія построены изъ обломковъ стѣны какого-нибудь храма, покрытой нѣкогда драгоценною живописью; столбомъ служить иногда у нихъ обитатель канитель отъ колонны, колоду же замѣняетъ голова отъ статуи какого-нибудь царя. На плоской крышѣ почти совершенно занесеннаго пескомъ храма въ Эффу расположилось нынѣ цѣлое селеніе—и его обитатели продавали въ ней отверстия и выбрасываютъ мусоръ въ необъятную внутренность величественной постройки. Лишь въ нѣѣе время положенъ нѣкоторый предѣлъ этому вандализму, существовавшему цѣлыя тысячелѣтія безпрепятственно. Сами египетскіе паши начали спасать, что еще можно было сохранить изъ цѣлностей ихъ страны.

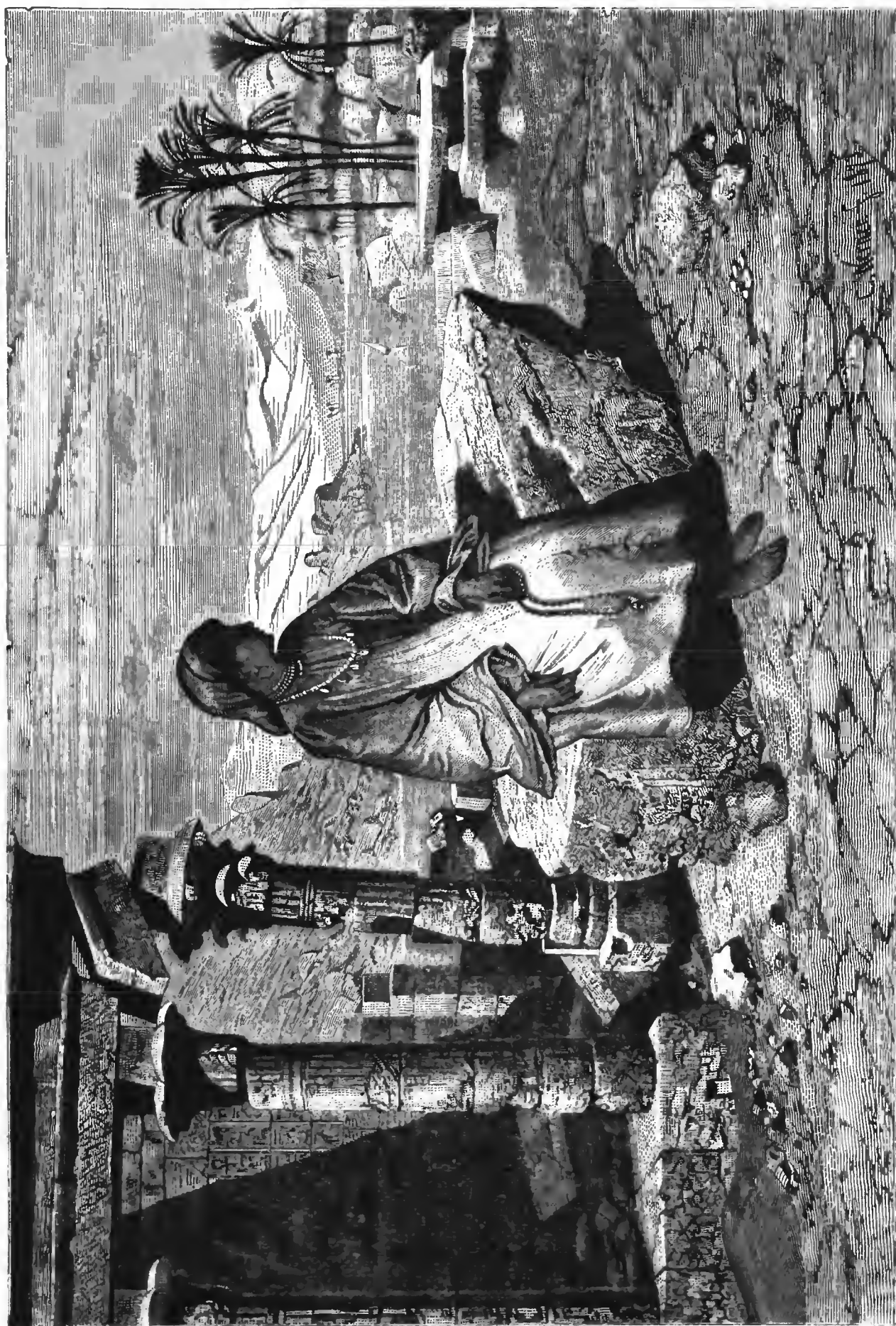
Одни пирамиды съ спокойнымъ величіемъ смотрятъ на колоссальныя развалины и на это необозримое поле могилъ. Разрушающая рука людей не могла потрясти эти исполненныя постройки. Какъ теперь, когда рука времени въ продолженіе сорока вѣковъ безсильно работала надъ ихъ разрушеніемъ, такъ и черезъ другія четыре тысячи лѣтъ, будутъ онѣ гласить уже другимъ потомкамъ о бренности земнаго великолѣтія, возбуждая удивленіе къ творческой силѣ исчезнуваемаго народа.

Государство Египтянъ простиралось до внутреннихъ частей Нубіи, до такъ-называемаго Нильскаго водопада. Окрестности этого мѣста борьбы воды и скалъ, находящагося между мѣстечкомъ Филе и островомъ, прозваннымъ Греками и Римлянами Элефантиной, представляютъ величественный историческій ландшафтъ. Среди бурнаго потока (Ниль въ этомъ мѣстѣ служиваетъ) виднѣются остатки гранитной стѣны, которую нѣкогда сила огня выдвинула изъ нѣдръ земли,—напоръ же рѣки, прорывая, снова низвергнула. Объ скалы (обломки этой стѣны) разбивается масса воды, покрываясь пѣной и обращаясь въ мелкую иль. Асуанскій водопадъ представляетъ величественное зрѣлище мѣста битвы силъ природы. Съ быстротою сильнаго потока выступаетъ Ниль изъ этой гранитной мѣстности въ песчаную. Отъ этого мѣста онъ уже болѣе не представляетъ препятствій для судоходства вплоть до самаго моря. Къ сѣверо-востоку отъ Филе, среди безмолвныя пустыни мы встрѣчаемъ мѣсто замѣчательное совершенно въ другомъ отношеніи, по слѣдамъ прежней дѣятельности человека: давно уже заброшенная галерея и залы нѣкогда знаменитыхъ Сіенскихъ каменоломенъ, изъ которыхъ добывался въ продолженіе цѣлыхъ десятиковъ вѣковъ, столь высоко цѣнившійся въ древности по своему цвѣту и прочности, сіенивъ. Вообще вся мѣстность изобилуетъ обломками и развалинами отъ построекъ древнихъ Египтянъ. Ниже мы возвратимся къ историческому обозрѣнію только что описанной нами мѣстности древней египетской Филе и греческо-римской Сіене (изъ послѣдней возникъ Асуанъ арабовъ). Теперь же перейдемъ къ обозрѣнію тѣхъ памятниковъ, которыми изобилуетъ мѣстность ниже острова Элефантины. Скоро песчаная почва замѣняется известнякомъ. Горы отступаютъ отъ обоихъ береговъ, и рѣка расширяется до трехъ, четырехъ миль. Съ обѣихъ сторонъ виднѣются безчисленныя развалины громаднѣхъ разбѣровъ; мы вступаемъ въ мѣстность, въ которой находились стовратныя Оивы, древняя столица египетскихъ царей. Онѣ наполняли все пространство между двумя цѣлыми горъ, которыя, надо замѣтить, отстоятъ на двѣ мили отъ береговъ рѣки. Могли ли Оивы, дѣйствительно, выставить 20,000 военныхъ колесницъ и 70,000 ратниковъ, мы оставимъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Однако все, что уцѣлѣло отъ громаднаго города, все это даетъ намъ указаніе на громадное значеніе ихъ въ эпоху своего процвѣтанія. Теперь же онѣ въ концѣ разрушены, колонны и обелиски низвергнуты, занесены пескомъ, и на пространствѣ этого гигантскаго города расположились 9 деревень: на правомъ берегу: Луксоръ, Кафръ, Карнакъ и Медъ-а-Мудъ; на лѣвомъ: Эль-Акальтегъ, Абу, Гамудъ, Эль-Бафратъ и Гурюкъ. Что за полчище развалинъ, что за обиліе памятниковъ! Тысячи повергнутыхъ колоссальныхъ статуй, колоннъ, сфинксовъ, разбитые обелиски повсюду несутъ почву и сами не менѣе испещренныя покрывающею ихъ землею. Они служатъ поводъ указаніемъ, что не пропало деспотовъ правителей, а культурное развитіе цѣлаго народа работало неутомимо надъ возведеніемъ этихъ гигантскихъ зданій. Центръ города находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ Мединетъ-абу, на лѣвомъ берегу рѣки. Здѣсь еще стоятъ огромныя статуи Мемнона 60-ти футовъ вышины. Онѣ представляютъ двѣ человѣческія фигуры въ сидячемъ положеніи; статуи эти сдѣланы изъ песчаника, причемъ надо замѣтить, одна изъ нихъ высѣчена изъ цѣлаго куска. Обѣ одинаково обращены лицомъ къ востоку, къ сторонѣ священнаго Нила. Сѣвернѣе отъ нихъ находится такъ-называемая поющая статуя; говорятъ, что при солнечномъ восходѣ

она обыкновенно издавала звукъ. Насколько справедливо это преданіе, мы можемъ судить по свѣдѣніямъ, которыя сохранились у древнихъ писателей и по надписямъ 72 лицъ, которые утверждаютъ, что они слышали голосъ Мемнона. Гораздо достовернѣе извѣстіе, что около времени Р. Х. верхняя часть этого гигантскаго изваянія лежала сброшенная на землѣ (должно полагать, что это было сдѣлано по повелѣнію персидскаго царя Камбиза) и что статуя была реставрирована Септиміемъ Северомъ. Надписи на ней древнѣе этой эпохи; достоверныхъ же свидѣтельствъ о томъ, чтобы статуя когда издавала звукъ послѣ этой реставрировки, мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Имя свое она получила отъ Грековъ, по видимому и здѣсь желавшихъ увѣковѣчить свои героическіе мѣны, что мы впрочемъ замѣчаемъ во многихъ именахъ и названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Египта, которыя, какъ видно, были до сихъ поръ извѣстны только въ греческой передѣлкѣ. Благодаря иероглифамъ и трудамъ Шамполіона младшаго, который открылъ способъ разбирать послѣдніе, мы можемъ наконецъ свѣтъ заѣсу съ исторіей Египта. Благодаря тому же мы узнали, что иероглифы на этомъ каменномъ изваяніи указываютъ, что оно служило изображеніемъ Фра-Аменготена—возлюбленнаго сына Аммона, титулъ который впрочемъ носила большая часть египетскихъ царей.

Немного далѣе, на правомъ берегу рѣки виднѣются, недалеко отъ Луксора (небольшаго городка, въ которомъ живетъ теперь около 3.000 жителей) остатки громаднаго храма Карнакскаго, который былъ посвященъ великому Аммону. Онъ служитъ нынѣ мѣстомъ наиболѣе посѣщаемымъ туристами.

Въ древности къ всякому храму египетскому вела длинная аллея сфинксовъ, которая оканчивалась у главнаго входа. Передъ нимъ возвышалась пара человѣческихъ фигуръ изъ темного зеленого гранита и два обелиска ярко-краснаго цвѣта. Съ обѣихъ сторонъ отъ входной двери, которая надъ выдавшейся крышей носила изображеніе окрыленнаго солнечнаго диска, возвышались пилоны; такъ назывались постройки, имѣвшія видъ башенъ съ отлого-подымавшимися вверхъ стѣнами и плоской крышей. По большей части пилоны были чрезвычайно массивны; такъ, напр., одинъ изъ нихъ 36 футовъ въ поперечникѣ имѣлъ стѣны въ 12 ф. толщины, такъ что внутри оставалось лишь 144 фута свободнаго пространства: туда вела лѣстница—и оно помѣщалось въ себѣ двѣ-три небольшія комнаты. Далѣе возвышалась зала съ колоннами, наполненная каменными изваяніями, которыя часто такъ близко стояли другъ отъ друга, что раздѣлялись пространствомъ не болѣе ихъ собственной толщины. Зала эта вела уже въ священное пространство, которое раздѣлено было на различныя отдѣленія; одинъ изъ нихъ служилъ помѣщеніемъ для храмовыхъ жрецовъ, другія же были предназначены для сохраненія принадлежностей египетскаго богослуженія. Въ самомъ заднемъ отдѣленіи стояло изображеніе божества. Эта постройка уменьшалась чрезвычайно страннымъ образомъ, занимая нѣсколько сотенъ тысячъ квадр. футовъ, окруженная обнимающею всю ее стѣною, она въ то же время сжимается по направленію къ задней части (къ святилищу) равномерно понижаясь; при этомъ уровень ея пола подымается. Изъ одного отдѣленія въ другое вели лѣстницы. По этому плану были построены самыя большіе храмы, но насколько мы можемъ судить по разбросаннымъ на землѣ частямъ даже незначительнымъ осколкамъ, Карнаксскій храмъ былъ построенъ по тому же образцу. Понемногу возвышающаяся терраса, на которой онъ стоялъ, выведена изъ кирпича. Сфинксовая аллея была длиною въ полчаса пути и въ ней насчитывалось болѣе 600 гигантскихъ сфинксовъ. Главная входная дверь была въ 60 футовъ вышиною. Статуи, стоящія внутри двора, были вышиною въ 70 футовъ; каждая была высѣчена изъ цѣлаго камня. Къ этому двору статуй примыкаютъ два пилонъ. Они вели въ залу со статуями, крыша которой поддерживалась 134 колоннами. Два другіе пилонъ вели въ узкій дворъ, который оканчивался третью парой пилонныхъ, ведущихъ собственно во внутренность храма. Послѣдняя со своими галереями, залами и колоннами, одна уже была длиною въ 400 футовъ. Не считая садовъ, сфинксовыхъ аллей и внѣшнихъ построекъ, самое зданіе храма занимало пространство болѣе 300.000 кв. футовъ. Чрезвычайная громадность этой гигантской постройки принудила строителей сдѣлать нѣсколько выходовъ, къ каждому изъ нихъ вело по сфинксовой аллѣ. Сколько десятковъ лѣтъ тысячи людей должны были трудиться надъ этой постройкой! Громадныя скалы добыты изъ горъ, отстоящихъ отъ Оивъ на нѣсколько миль, приготовлены на мѣстѣ и привезены сюда совершенно отдѣланными. Какъ эти громадныя массы камня сплавлялись на плотахъ во всѣ части государства—трудно понять: намъ это нѣсколько помогаютъ объяснить ежегодныя наводненія, которымъ подвергался Египетъ. Вообще все, что касается до перевозки и до способа, который употреблялся для поднятія этихъ громаднѣхъ скалъ, далеко еще не разгадано. Всѣ стѣны и колонны были покрыты барельефами и живописью. Достоверно, что живопись одного большаго зала со статуями, должна была занять 25,000 дней работы, предполагая, что человѣкъ ежедневно можетъ обертить, обрисовать и раскрасить не болѣе 10 кв. футовъ. Какое же время, следовательно, было необходимо для того, чтобы отполировать и поставить на ихъ мѣста сфинксы, обелиски и колоссальныя из-

Египетскія древности. Островъ Филэ. Мигріамъ. Картина проф. Вернера, грав. О. Ротъ.

ваяния? Само собою понятно, что все здание было окружено стѣною и двѣтцкими садами. Кто может рѣшить: одно ли пожелание построило это исполненное здание или докончить его пришлось на долю другого? И что осталось отъ этого пѣтробитнаго великолѣбнаго? Лишь знатокъ египетскихъ древностей можетъ на основаніи сохранившагося создать идею о цѣломъ. Туристъ стоитъ передъ этимъ лабиринтомъ каменныхъ развалинъ—и изъ этихъ огромныхъ остатковъ выноситъ лишь идѣю, что они нѣкогда, за нѣсколькими тысячелѣтіями составляли великолѣбныя, прекрасно-построенныя зданія. Четыре тысячелѣтія канули въ вѣчность. Что составляли этихъ сорокъ вѣковъ?—все пространство времени, которое заключаетъ всю минувшую исторію человѣка и въ то же время каплю въ море вѣчности. Прошло это мгновеніе—и цѣлый народъ египтянъ исчезъ съ лица земли. Ихъ храмы, которые строились съ цѣлью чтобы создать безсмертныя зданія—разрушены; разбросанные лежатъ они, погребенные подъ песками пустыни,—лишь одни пирамиды гордо поднимаютъ свои вершины, которыя однако своими подножьями попираютъ громадное поле могилъ. Какъ и за нѣсколькими тысячелѣтіями восходитъ солнце по небосклону, освѣщая ихъ своими лучами; лишь одна могильная тишина дѣлается все болѣе невыносимою. Когда же луна подымается ночью во время созвѣздія, отражаясь своими лучами въ тихихъ струяхъ священнаго Нила, и когда вѣтеръ начинаетъ шелестѣть листьями папируснаго тростника, тогда оживаютъ эти разрушенные дворцы и храмы, миллионы темныхъ фигуръ поднимаются надъ этимъ развалинамъ; не духи ли то?.. Нѣтъ, это лишь совы и летучія мыши—ихъ обитатели, и высокія колонады и портики развалинъ повторяютъ тысячеголоснымъ эхомъ громкія завыванія шакаловъ.

Однако эти развалины и обломки дали возможность историкамъ прослѣдить исторію различныхъ мѣстностей. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ по богатству матеріала—окрестности Филе и Нильскаго водонада.

Благодаря сохранившимся памятникамъ, мы можемъ прослѣдить исторію этой мѣстности вплоть до завоеванія Египта арабами, изслѣдуя надписи на тамошнихъ храмахъ и обелискахъ,—надписи, подобныя которымъ мы можемъ найти лишь въ Нильской долинѣ,—добыть вѣрные свѣдѣнія о судьбѣ этого острова. Надписи же дѣлались въ различные эпохи существованія древне-египетскаго государства; потому въ филѣскихъ развалинахъ мы ихъ встрѣчаемъ на весьма различныхъ языкахъ. Здѣсь можно найти и письмо іероглифами, и гератическія и демотическія надписи, древне-эфиопскія, коптскія, греческія, римскія и арабскія.

Насколько мы можемъ судить по этимъ источникамъ, одинъ изъ туземныхъ фараоновъ Нектонебъ II еще передъ своею войною съ Персами издалъ указъ о возобновленіи филѣскихъ памятниковъ. Онъ погребъ въ этой войнѣ, и Египетъ былъ завоеванъ Персами, но его планамъ слѣдовали фараоны изъ династіи Птолемеевъ. Точно такъ же и нѣкоторые изъ Римскихъ императоровъ заботились о возобновленіи многихъ памятниковъ и украшеніи этой мѣстности; потому они воздвигли въ различныхъ пунктахъ этого острова многія новыя художественныя соору-

женія. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ на филѣскихъ храмахъ мы находимъ объясненіе судьбы этого островка и его храмовыхъ построекъ въ эпоху позднѣйшихъ христіанскихъ императоровъ. Такъ напримѣръ, мы видимъ изъ одной греческой надписи на стѣнѣ, почти подъ самой крышей главнаго храма, что еще въ 453 г. по Р. Х., слѣдовательно болѣе полстолѣтія послѣ извѣстнаго едикта Теодосія (въ 391 г.), которымъ закрывались всѣ языческіе храмы въ предѣлахъ Римской имперіи,—коллегія жрецовъ еще владѣла въ Филе древнимъ храмомъ Изиды, какъ полною собственностью. Лишь при императорѣ Юстиніанѣ удалось наконецъ прекратить въ Филе культъ Изиды и лишь въ 560 году было упразднено святилище Филѣской богини; ея жрецы были заключены въ темницу, а священныя изваянія, столь уважаемыя египтянами, велѣно было перевести въ Константинополь. Скоро послѣ того въ храмъ Изиды проникло христіанское богослуженіе. Преподобный, посвященный египетской богинѣ, храмъ былъ превращенъ въ христіанскую церковь въ честь св. Стефана. Это богоугодное дѣло совершилъ епископъ Теодоръ, причѣмъ онъ не упустилъ случая выказать свое религиозное рвеніе уничтоженіемъ слѣдствій на стѣнахъ картинъ, изваяній и надписей. Но св. Стефанъ недолго былъ патрономъ въ филѣскомъ храмѣ Изиды; уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда Египетъ подпалъ подъ власть Арабовъ, Филе было отнято у христіанъ мечомъ Ислама. Самая свѣжая надпись на Филѣ относится къ 3-му марту 1799 года; она сдѣлана на плоской сторонѣ гранитной скалы и гласитъ о побѣдоносномъ вторженіи въ Египетъ французской арміи подъ предводительствомъ маршала Дезе и о занятіи ею даже острова Филе.

Многое можно сказать и о живописномъ видѣ такъ-называемаго перваго Нильскаго водонада; онъ ограничивается съ сѣвера мѣстностью древней Сіене и островомъ Элефантинной, на югъ же виднѣется въ туманной дали островокъ Филе. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о молодой Нубіанкѣ, выразительная фигура которой представлена на гравюрѣ, приложенной къ этой статьѣ. Помѣстивъ ее на переднемъ планѣ своей картины, г. Верперъ чрезвычайно счастливо избралъ сюжетъ для Филѣскаго вида. Смотри на гравюру нечего удивляться тому, что миловидная фигура и симпатичныя черты красивой дѣвушки обратили на себя вниманіе даровитаго художника и заставили его дать ей мѣсто въ Филѣскомъ ландшафтѣ.

Четырнадцатилѣтняя Міріамъ, дѣйствительно, дѣвушка рѣдкой красоты. Она младшая внучка знакомаго большинству посетителей Филе, сторожа прежняго храма—старика Абдаллы.

Родина прекраснаго ребенка на противоположномъ островѣ Боге. Тамъ живетъ она у своихъ родителей, въ домѣ почитаемаго главы семейства, Абдаллы. Послѣдній, будучи сторожемъ Филѣскаго храма, строго исполняетъ возложенную на него обязанность. Въ ирожденіи всей своей жизни достойный дѣдушка красавицы Нубіанки только нѣсколько разъ отлучался изъ своего дома, чтобы посѣтить недалекий Ассуанъ (полтора часа пути отъ Филе). Онъ ни разу не предпринялъ какого либо другаго путешествія, развѣ чтобы прокатиться на лодкѣ по волнующейся рѣчкѣ, да и то исполняя свою обязанность и показывая туристамъ величественныя окрестности своей родины.

НАРОДЫ РОССИИ.

XXV). Валахи и Молдаванинъ.

Валахи, влахи (молдавы, молдаване), румыны, румуны, румане или румини, суть народъ, происшедшій въ первые вѣка нашей эры, изъ смѣси даковъ (кельтовъ), римлянъ и славянъ. Ихъ считается всего 8,000,000; изъ этого числа 770,000 живетъ въ Россіи, болѣею частью въ Бессарабіи (620,000), и въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и Подольской.

Послѣ бухарестскаго мира (1812 г.) страна называемая нынѣ Бессарабіей—была присоединена къ Россіи. Она граничила тогда Прутомъ и Нижнимъ Дунаемъ, но парижскій миръ 1856 г. измѣнилъ эти границы, сокративъ ихъ на югъ и отчасти на западѣ. Населеніе Бессарабіи представляетъ самую пеструю смѣсь разныхъ народностей, но преобладающую его часть, почти три четверти жителей, составляютъ валахи или румыны и молдаване. Вся часть Бессарабіи къ сѣверу отъ верхняго Траянова вала, то есть нынѣшней узды Ясскій, Сорокскій, Кишиневскій и Оргѣвскій, почти исключительно населены ими. Но прежде чѣмъ говорить о нынѣшнихъ валахахъ и молдаванахъ, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію этого племени и остановимся на минуту на военной границѣ, называемой по сіе время Траяновыми валами.

Валъ, простирающійся отъ Прута къ Днѣстру, былъ, какъ надо думать, возведенъ осѣдлыми жителями Бессарабіи для защиты противъ воинственныхъ шаекъ нижней Бессарабіи или Буджака, ихъ самаго опаснаго сосѣда. Названіе «Траяновыхъ» сооруженія эти получили по всей вѣроятности потому, что были предприняты во времена этого великаго императора, разсѣявшаго римскіе элементы между Тиссою и Днѣстромъ, и даже въ

Бессарабіи оставившаго, въ видѣ этихъ валовъ, слѣды своего всемірнаго могущества.

Кромѣ верхняго вала, есть еще другой, гораздо древнѣе перваго; онъ идетъ отъ Прута (подлѣ Вадулуйскаго Иссака) до верхней части Катлабугскаго озера, а потомъ дальше, по прямой линіи, отъ верхней части озера Китаи до Сассина или Кундука. Затѣмъ уже встрѣчаются только отдѣльные остатки этихъ валовъ, идущихъ въ такомъ видѣ до Аккермана. Вѣроятно, въ первый періодъ національнаго существованія румынъ, назначеніе этихъ валовъ состояло въ томъ, чтобы не допускать враждебныхъ кочующихъ народовъ селиться внутри страны. Малороссы называютъ эти валы «Зміевыми»; по малороссійскимъ преданіямъ, они были сооружены въ древности съ помощью святыхъ угодниковъ, противъ драконовъ, которые опустошали эту страну.

Вся исторія бѣдныхъ румынъ есть длинный рядъ порабожденій то однимъ, то другимъ чужеземнымъ народомъ. Поставленные судьбою между сильными сосѣдями, они волею-нволею подчинялись то тому, то другому изъ нихъ, такъ что отвыкли даже отъ мысли, что судьбы ихъ могутъ зависѣть отъ нихъ самихъ. Это печальное прошедшее убilo въ народномъ характерѣ всякую энергію и лишило массы чувства патриотизма. Только поэтическая личность воеводы Стефана Великаго воспламенила народъ къ борьбѣ съ турками за независимость, но временной энтузіазмъ исчезъ, охлажденный долгими вѣками рабскаго существованія народа.

Народныя пѣсни сохранили память о Стефанѣ. Преданіе говоритъ, что мать Стефана, побуждавшая его къ борьбѣ съ тур-

ками, жили въ монастырѣ Нямцу. Разъ, послѣ пораженія турками, Стефанъ явился къ матери въ монастырь, но она не захотѣла принять его побѣжденнымъ. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ пѣсня:

«...Полночь ужъ пробило на часахъ;
Въ ворота замка кто-то постучался.
И слышится: «я, матушка, твой сынъ,
«Стефанъ; я раненый изъ битвы воротился,
«Намъ счастье измѣнилось въ этотъ разъ,
«Разбитое разсѣялось войско.
«Ворота отворите поскорѣе,
«Чтобъ турки не застигли насъ...»

Молодая монахиня бросается къ окну, но мать Стефана останавливаетъ ее порывъ, подходит къ окну сама и отвѣчаетъ сыну:

«Вдали находится отсюда мой Стефанъ!
«Онъ тысячи смертей врагамъ своимъ наноситъ,
«Я мать ему, и онъ—утѣха дней моихъ!
«Но если ты мой сынъ, мой Стефанъ знаменитый,
«То въ этотъ памятникъ завитой старины
«Мой Стефанъ не пойдетъ безъ лавровъ, безъ почета;
«За родину ты беишь, за нее умри,
«Пусть будетъ хотъ твой гробъ увѣнчанъ мной цвѣтами».

Послѣ знаменитой победы надъ турками при Вале-Альба, Стефанъ отправился сообщить матери о счастливомъ событіи, но уже не засталъ ее въ живыхъ.

Молдаване населяющие Бессарабію—народъ тихій, склонный къ мирной дѣятельности. Особенно трудолюбивымъ назвать его нельзя. Щедрая природа, роскошно вознаграждая труды земледѣльца, дѣлаетъ молдаванина лѣнивымъ и безпечнымъ. Кроме того, причину его лѣни можно искать и въ экономическихъ условіяхъ его быта, которыя ставятъ его нѣ безвыходное положеніе и дѣлаютъ апатичнымъ и равнодушнымъ ко всему окружающему. Румыны-земледѣльцы дѣлятся на *царанъ* и *резешей*. Крестянинъ-царанинъ по закону лично свободенъ, но не имѣя своей земли, долженъ платить за нее землевладѣльцу. Свободный по закону—крестянинъ оказывается совѣмъ не такимъ въ дѣйствительности; мало по малу онъ нѣтгивается въ неоплатный долгъ, становится вѣчнымъ работникомъ землевладѣльца, и принимаетъ свой трудъ въ чужую пользу считать дѣломъ обыкновеннымъ. Собственности у него никакой нѣтъ, да и не предвидится никогда. Хата, земля—помѣщичьи; одежда, скотъ, хозяйственнымъ и земледѣльческимъ орудіямъ приобретены въ долгъ, который еще Богъ вѣсть когда удастся выплатить—понятно, что при такихъ условіяхъ хотъ у кого опустятся руки, а тутъ еще и сама природа располагаетъ къ лѣни. Бываютъ, конечно, случаи, что неимовернымъ трудомъ и лишениями царанинъ дѣлается собственникомъ, *резешемъ*, но такіе примѣры рѣдки.

Резешей населяютъ особыя деревни на подобіе однодворцевъ, но не владѣютъ никакими особыми правами и преимуществами. Это остатки древнихъ румынскихъ бояръ, сохранившихъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ правъ только маленькую поземельную собственность. Эта собственность можетъ быть весьма незначительна, вся она можетъ заключаться въ хатѣ съ огородами, дворомъ и самымъ ничтожнымъ клочкомъ земли, но и этого достаточно чтобы совершенно преобразить человека Молдаванинъ-собственникъ—совѣмъ не то что собрать сго, бѣдный царанинъ, у котораго нѣтъ ни кола ни двора. «Резешъ живетъ самъ себѣ господиномъ въ чистой и просторной хатѣ, во всѣхъ его обстановкѣ замѣтно достатокъ и даже щегольство. Хата молдаванина обыкновенно состоитъ изъ сѣней, одной или двухъ комнатъ и кѣмаръ, то есть зимняго жилья. Въ комнатѣ всегда три окна, да еще за печкою; между комнатою и кѣмаръ также продѣлывается маленькое оконце. Кѣмаръ выходитъ всегда на дворъ; въ ней рѣдко бываетъ больше одного окна. У зажиточныхъ хозяевъ въ окна вставлены стекла, у бѣдныхъ они замѣняются пазуремъ. Середина избы занята огромной израсцовою печью, которая отопливаетъ всѣ комнаты; печи эти большою частію разукрашены самыми причудливыми фигурами и арабесками. Вся домашняя обстановка молдаванъ отличается необыкновенной опрятностью. Стѣны комнатъ всегда тщательно выбѣлены, а полъ ровно вымазанъ гливою. Въ переднемъ углу висятъ иконы, украшенные цвѣтами; передъ ними на полочкѣ, лежатъ восковые свѣчи, кусочки артоса, а по бокамъ висятъ небольшіе пучки перваго сжатого хлѣба. Перекладина подъ потолкомъ увѣшана связками яблоковъ и маленькими желтыми тыквами. Тутъ же висятъ пучки душистаго васьлика, который молдаванки-дѣвушки (*фаты*) толкутъ въ порошокъ и посыпаютъ имъ свои платья, отправляясь на чью-нибудь свадьбу или просто въ хороводъ, по молдавански *джогъ*. Во время сбора винограда потолокъ хаты убирается виноградными кистями.

По стѣнамъ хаты стоятъ широкія скамьи съ мягкими подуш-

ками, набитыми душистымъ сѣномъ; они всегда, даже у небогатыхъ хозяевъ, покрыты коврами собственного издѣлія. Это составляетъ гордость хозяекъ-молдаванокъ, вообще очень трудолюбивыхъ и чистоплотныхъ. Еще одно необходимое украшеніе каждой хаты—это большой раскрашенный сундукъ, покрытый коврами и подушками. Въ немъ хранится приданіе хозяйскихъ дочерей. Трудолюбивыя молдаванки по немного накапливаютъ туда всякаго добра, и чѣмъ выше наложено всего на сундукъ, тѣмъ больше чести хозяйкамъ.

Снаружи молдавнская хата, по румынски «касса», почти всегда выбѣлена, крыши крыты соломой или камышомъ. Трубы дѣлаются только у зажиточныхъ; обыкновенно же дымъ изъ печи выходитъ черезъ отверстие въ стѣнѣ. Около кассы молдаванина, какъ и у малороссіянъ, устроена всегда *присѣба*, то есть завалина. У достаточнаго селенина на дворѣ строится небольшая хатка съ кладовою, гдѣ хранятся разные хозяйственные принадлежности. Тутъ же устроено погребѣ для хранения вина; хлѣвъ, овчарня, конюшни и другія хозяйственные пристройки, составляющія дворъ, обносятся невысокимъ плетнемъ, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ—оградой сложенной изъ мѣстнаго камня.

Необходимая принадлежность каждаго хозяйства, это запасы кукурузы, которая составляетъ главную пищу молдаванъ. Вообще надо замѣтить, что молдаванамъ непривыченъ. Есть у него запасы кукурузы для мамалыги, и онъ совершенно спокоенъ. «Мамалыга» просто прѣсное тѣсто, національное кушанье молдаванъ; она готовится изъ муки кукурузы, замѣняетъ хлѣбъ и верѣдко составляетъ собою всю кухню молдаванина. Ее ѣдятъ съ растопленнымъ масломъ или саломъ, съ «брынзой», овечьимъ сыромъ. Другія кушанья, заимствованныя частію у малороссовъ, частію у турокъ, молдаване любятъ приправлять разными приностями, лукомъ; вообще кухни ихъ жирная, тяжелая и неудобоваривая для непривычнаго желудка.

Но насколько молдаване-простолудины несвзыскательны въ пищѣ, настолько же они любятъ щегольнуть своимъ нарядомъ. Одежда ихъ представляетъ смѣсь малороссійскаго костюма съ турецкимъ. Мужской костюмъ состоитъ изъ демикотоноваго, а у богатыхъ шелковаго кафтана, подпоясаннаго пестрымъ кушакомъ. Богатые, сверхъ кушака, подпоясываются еще широкимъ ремнемъ, украшеннымъ пуговницами, крестиками и разными блестящими. Шаровары носятъ демикотоновыя или суконныя, преимущественно синіе, очень широкіе. Сверхъ кафтана надевается куртка изъ пестрой матеріи, на мѣху. Сапоги длинные, съ высокими каблучками, подбитыми иногда мѣдью. Зимняя мужская одежда состоитъ изъ фуфайки, овчиннаго кофужа и бараньей смушковой шапки. Большая часть молдаванъ-простолудиновъ носятъ длинные до плечъ волосы, а бороды всегда брѣютъ. Грудь и шея у нихъ всегда открыты.

Наружностью молдаване большею частію красивы, особенно женщины. Но, какъ всѣ женщины юга, молдаванки очень скоро старѣются. Женщина въ тридцать лѣтъ уже старуха, что впрочемъ не мѣшаетъ ей имѣть много дѣтей и доживать до глубокой старости. Молдаванки очень любятъ наряжаться, носятъ много колецъ, ожерельевъ. Замужніе женщины повязываютъ голову платкомъ, а дѣвушки ходятъ съ открытыми головами. Густые, темные волосы ихъ заплетены въ нѣсколько косъ, которыя спускаются по плечамъ, или подобраны въ одну кучу, придерживаемую блестящими гребнями. Платья онѣ носятъ обыкновенныя ситцевыя, шерстяныя или шелковыя; по праздникамъ сверхъ платья надеваютъ еще подбитая мѣхомъ кацавейка. Старухи повязываютъ голову вмѣсто цвѣтнаго платка бѣлымъ полотномъ.

Праздники, а особенно свадьбы, справляются у молдаванъ очень шумно и весело. Ни одинъ праздникъ не обходится безъ кобзаря-цыгана. Подъ звуки унылой и тоскливой музыки этого бродячаго артиста, молодежь отплясываетъ любимый національный таецъ—*джогъ*. Куда дѣвается обычный тяжеловѣсность и неуклюжесть молдаванина! тутъ онъ выдѣлываетъ руками и ногами, всѣмъ туловищемъ, самыя удивительныя штуки. За то въ обыкновенное время движенія его вялы, походка медленная, лѣнивая. Посмотрите на этого сѣдого, усагаго молдаванина на нашей картинкѣ. Неподвижно сидитъ онъ на широкомъ подоконникѣ своего окна, замѣняющаго въ его незатѣйливомъ магазинѣ прилавокъ. Приди къ нему покупатель, молдаванинъ не станетъ суетиться передъ нимъ, какъ бойкій великороссійскій торговецъ,—а спокойно покажетъ на тигровую шкуру или на кривой ятаганъ и важно обвинитъ цѣну. Молодой разнощикъ, валахъ, также повидному не очень-то торопится идти дальше. Въ этихъ двухъ красивыхъ, во апатичныхъ фигурахъ, вѣрно схваченъ характеръ этого забитаго судьбою племени. Вѣка пережитого горя, убитое самолюбіе, наложили свою печать какъ на физиономію румына, такъ и на тѣ его унылыя протяжныя пѣсни, что раздаются изъ безконечныхъ равнинъ и степей Бессарабіи.

Десятинная церковь въ Кіевѣ.

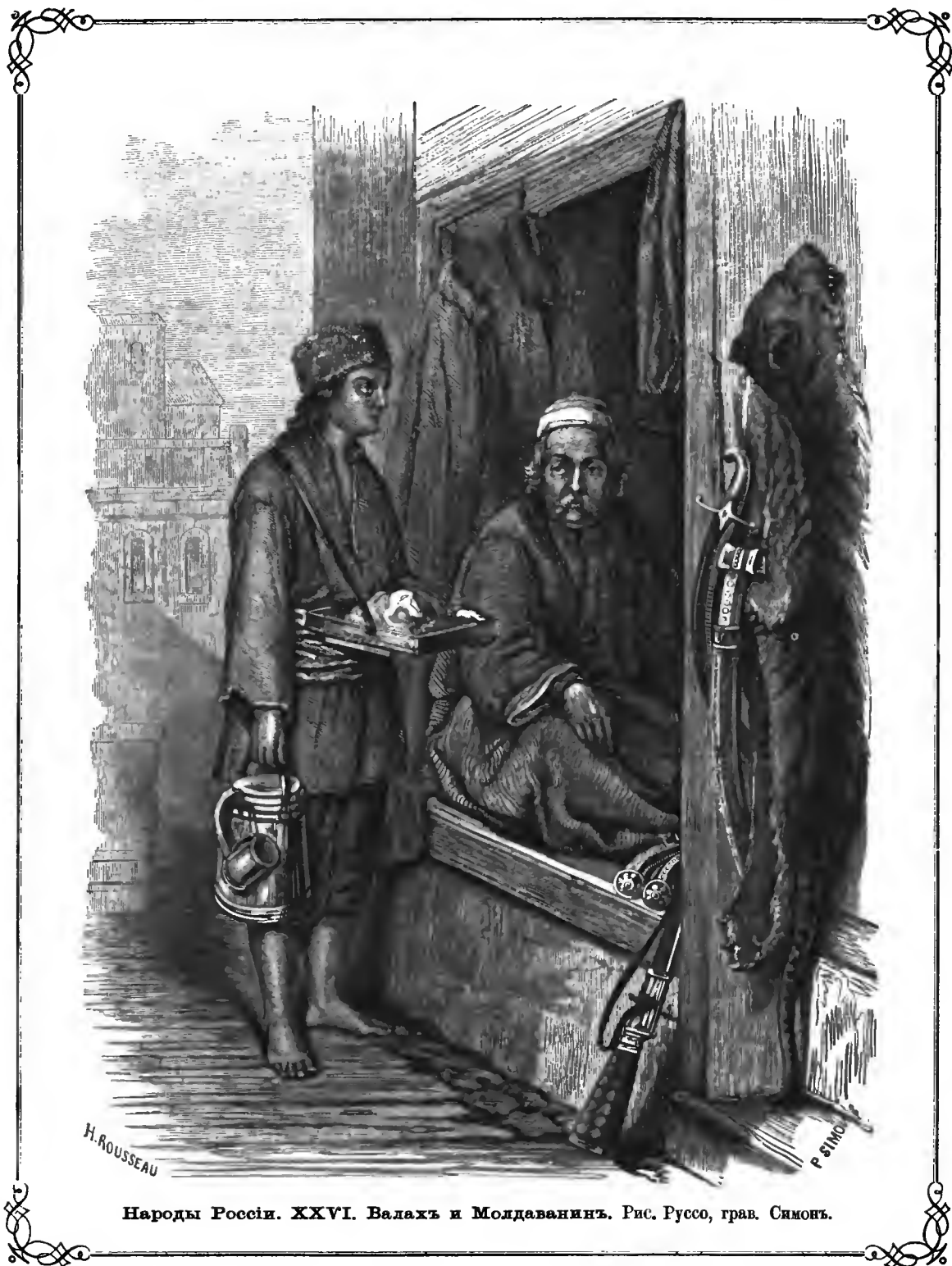
Въ тѣ времена, когда еще языческій Кіевъ приписывалъ чело-вѣческія жертвы—одного варяга-христіанина зарѣзали по кинуту жребію, въ угоду богамъ. На мѣстѣ убійства христіане

поставили церковь во имя Богородицы—и Владиміръ опредѣлялъ на ея содержаніе десятую часть своихъ княжескихъ доходовъ, почему она и называлась Десятинной.

989-й годъ считается годомъ ея основанія. Стронтели церкви были греки.

Въ 1240 году, когда Батый разорилъ Кіевъ съ его окрестностями, Десятинная церковь служила послѣднимъ пристанищемъ для кіевлянъ. Бояринъ Дмитрій съ горстью людей защищался въ ней цѣлый день, а народа столпилось въ церкви такъ много, что хоры обрушились. «Принде же проклятый Батый», говоритъ Ипатьевская лѣтопись, «съ силою многою подѣ Кіевъ и

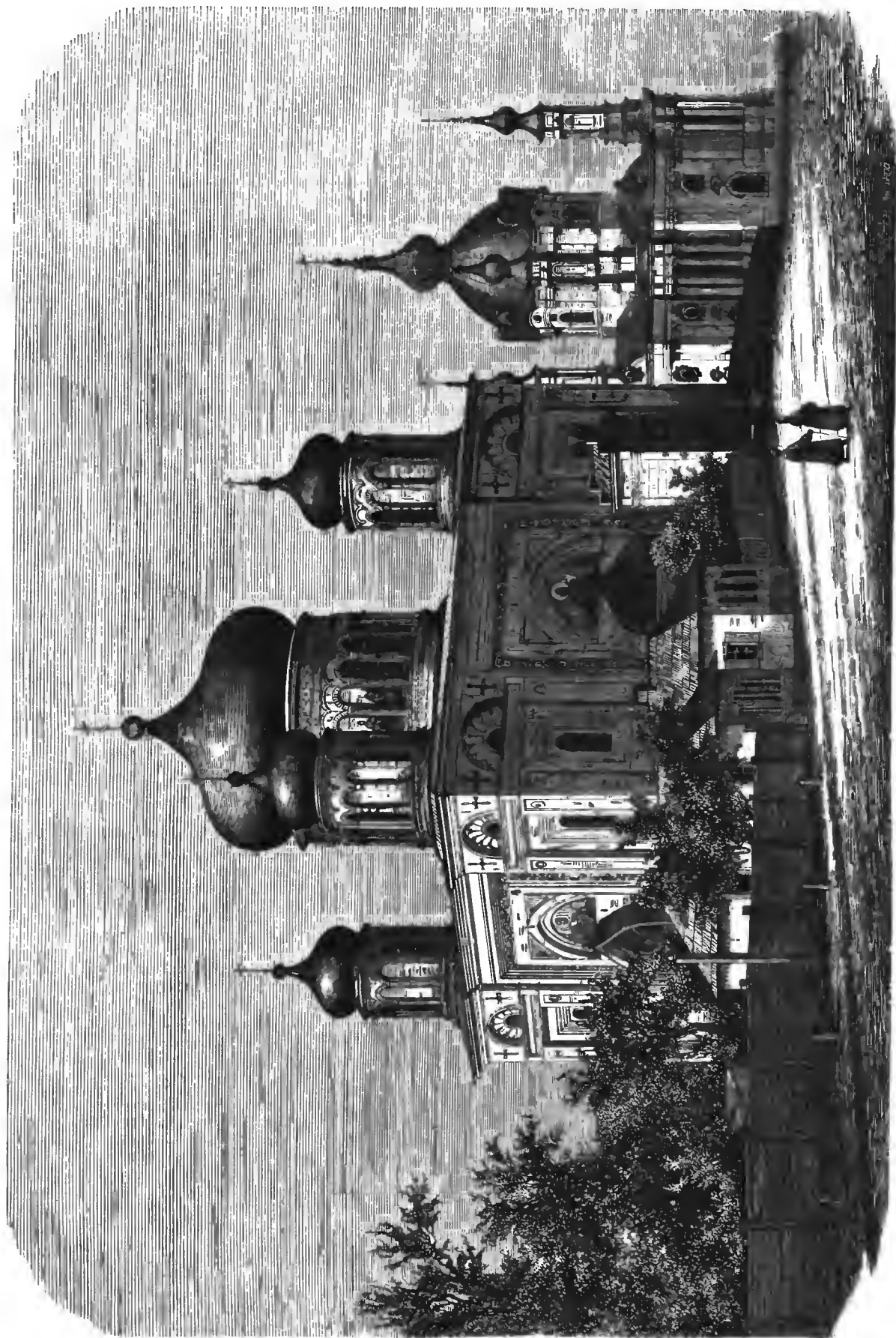
деревянное зданіе—шесть сажень въ длину, три въ ширину и восемь въ вышину. Церковь соорудили въ честь Рождества Богородицы. Дерево не могло продержаться долго, стало приходить въ ветхость. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ курскій номѣщикъ подалъ мысль возобновить храмъ сообразно съ древнимъ фундаментомъ X-го столѣтія. Стараніями любителя археологій, кіевского митрополита Евгенія Болховитинова, въ 1824 году фундаментъ расчистили, такъ что можно было соста-

Народы Россіи. XXVI. Валахъ и Молдаванинъ. Рис. Руссо, грав. Симонъ.

обступилъ его и нача порядки ставити и бити въ стѣны градскія. Люди же изъ града крѣпко бранишася, а потомъ окрестъ Десятинныя церкви Пресвятой Богородицы окопашася и на палаты церковныя много людей возбѣгоша, яко отъ тяжести ихъ палаты обвалишася и многихъ побиша, а татаре всея Россіи стольный и по всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша» и т. д. При Петрѣ Могилѣ хранилъ былъ опять возобновленъ, но только въ очень скромныхъ размѣрахъ: это было

вѣсть приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ была Десятинная церковь Богородицы до Батыева нашествія. Оказалось, что древній храмъ былъ богато отдѣланъ: полъ мѣстами выложенъ мозаикой, мѣстами сложенъ изъ отесанныхъ плитъ; алтарь устланъ мраморомъ и мурованными камнями, съ цвѣтными узорами; карнизы—частію изъ бѣлаго мрамора, частію изъ гранита; архитравъ—въ лѣпныхъ розеткахъ; стѣны росписаны водяными красками (альфреско), а въ алтарѣ украшены дорогой мусіей

Десятинная церковь въ Кіевѣ. Рѣзавъ на деревѣ Крижановскій.

(мозаикой). Этот древний способ украшения зданий, прекрасно сохранившиеся остатки которого до сих пор видны в Киевском Софийском соборе, отличается удивительной свѣжестью красок. Ликъ и одежда святаго составились трудомъ долгаго и кропотливаго складыванія отбитыхъ кусочковъ цвѣтнаго стекла или камешковъ, при чемъ получалось довольно грубое, но за то не требующее реставрировки изображение.

Когда раскапывали фундаментъ, то въ щеляхъ нашли много старинныхъ вещей, цѣнныхъ по древности и матеріалу. Щебень стали тщательно просѣивать. Народъ началъ растаскивать много обломковъ дорожной мусси, яшмы и т. п. украшеній, такъ что пришлось огородить мѣсто археологическихъ изысканій и приставить караулъ. Въ числѣ находокъ много насчитываютъ греческихъ и польскихъ монетъ, нѣсколько серебряныхъ штемпельныхъ слитковъ и другихъ драгоценностей. Въ одномъ мѣстѣ нашли мраморный гробъ и въ немъ женскій остовъ съ перстнемъ и маленькимъ крестикомъ, въ другомъ — два очень небольшихъ колокола и повсюду множество человеческихъ ко-

стей. Новая церковь была заложена въ концѣ лѣта 1828 года, въ 1842 освящена.

Въ настоящее время поставленная на фундаментъ древняго роскошнаго храма, Десятинная церковь представляетъ правильный квадратъ, каждая сторона котораго равняется тринадцати саженьямъ. Наружность ея нѣсколько тяжела, особенно если сравнить со стоящимъ неподалеку храмомъ Андрея Первозваннаго. Внѣшнія стѣны росписаны изображениями святыхъ во весь ростъ; внутри ведутъ три готическихъ входа; купола — луковичнообразной византийской формы, средний куполъ необыкновенно массивенъ. Въ стилѣ постройки видно смѣшанное разнообразіе всѣхъ вкусовъ.

Изъ остатковъ древности невывезенныхъ въ музей слѣдуетъ упомянуть о неопытной греческой надписи обѣданной въ стѣну (найдена была найдена при раскопкахъ) и обѣ уцѣлѣвшей части цвѣтнаго помоста изъ красной яшмы, мрамора и гранита.

Здѣсь же гробница св. Владимира.

Политическое обозрѣніе.

Тревожныя вѣсти приходятъ къ намъ изъ Греціи. Объ этой странѣ, болѣе чѣмъ о какой либо другой, можно сказать, что она стоитъ на вулканѣ, готовомъ ежеминутно взорвать на воздухъ государственный организмъ и потрясти до основанія учрежденія, падъ упроченіемъ которыхъ такъ долго и такъ много трудились. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни въ одномъ изъ государствъ Европы борьба политическихъ партій не доходитъ до такихъ крайнихъ предѣловъ и нигдѣ не пользуется она такими, иногда даже совсѣмъ неопознательными, средствами, какъ именно въ Греціи. Но что всего пагубнѣе для спокойствія страны, такъ это то, что борьба за преобладаніе и власть вызывается у греческихъ партій не государственными и народными интересами, а интересами и выгодами отдѣльных личностей, для доставленія торжества своей партіи не стѣсняясь въ выборѣ путей и способовъ дѣйствія. Смѣны министерствъ слѣдуютъ тамъ такъ быстро одна за другой, что рѣшительно не успѣваешь слѣдить за этимъ политическимъ калейдоскопомъ. Едва во главѣ министерства становится новое лицо, какъ тотчасъ же противъ него образовывается оппозиція; она склоняется на свою сторону Палату, возстановляетъ противъ новаго министерства печать и даже подстрекаетъ народъ не повиноваться правительству, отказывать ему въ уплатѣ податей, и въ случаѣ надобности защищать свое право съ оружіемъ въ рукахъ... Тѣснимое со всѣхъ сторонъ, окруженное недоброжелателями и сторонниками, министерство сходитъ со сцены; на его мѣсто становится другое, съ которымъ повторяется та же исторія; за вторымъ слѣдуетъ третье, четвертое и т. д., всѣ они терпятъ одинаковую участь. Последнее министерство — министерство Булгариса пало, и теперь королю предстоитъ въ высшей степени трудная задача — выбрать лицо, которое могло бы стать во главѣ министерства, угоднаго правительству и народу. Но тутъ-то и является камень преткновенія: такъ какъ почти всѣ способные люди перебивали уже на министерскомъ постѣ и вкусили отъ горькаго плода управленія страной при настоящихъ обстоятельствахъ, то едва-ли кто изъ умѣренныхъ людей согласится теперь принять на себя бремя власти. При такомъ печальномъ положеніи вещей, королю оставалось прибѣгнуть къ одному изъ двухъ рискованныхъ средствъ: или произвести государственный переворотъ, такъ-называемый *coup d'état*, послѣдствіемъ котораго было бы усиленіе власти короля насчетъ власти народныхъ представителей, — или же отдаться въ руки крайней либеральной партіи, открытыхъ приверженцевъ республиканской формы правленія и личнаго противника короля Георга. На первую мѣру король, не разсчитывающій на вѣрность арміи, рѣшиться не могъ; оставалось, слѣдовательно, обратиться къ тѣмъ людямъ, которыхъ задача заключается въ томъ, чтобы вырвать яму для конституціонной монархіи и на ея могилѣ водрузить знамя республики... И вотъ, мы являемся зрителями безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ конституціонныхъ монархій событія: во главѣ министерства въ государствѣ монархическомъ становится человекъ съ заведомо республиканскими убѣждениями, человекъ, всю жизнь свою посвятившій пропагандѣ республиканскихъ принциповъ и даже судившійся за оскорбленіе величества. Это — Трикуписъ. Первые шаги новаго министерства показываютъ уже, куда стремятся всѣ его помыслы и къ чему онъ поведетъ свою родину. Въ обращенной къ народу прокламаціи Трикуписъ прямо заявляетъ, что онъ призываетъ къ власти для того, чтобы достигнуть осуществленія

тѣхъ стремленій, зацѣлѣ которыхъ онъ посвятилъ многіе годы своей политической дѣятельности, т. е., какъ можно догадываться, стремленій къ водворенію въ Греціи республики. Положеніе короля отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ сдѣлалось настолько неловкимъ, что разнесся слухъ даже о намѣреніи его отречься отъ престола.

Почти въ каждомъ изъ обозрѣній намъ приходится знакомить читателей съ тѣми или другими подробностями борьбы свѣтскаго правительства съ духовными лицами въ различныхъ государствахъ Европы. Читателямъ извѣстны уже тѣ строгія мѣры, къ которымъ прибѣгаетъ въ особенности правительство Германіи; теперь мы можемъ указать на болѣе либеральныя державы, до сихъ поръ снисходительно смотрѣвшія на проски католическихъ агитаторовъ, наир. на Швейцарію и на нѣкоторыя второстепенныя германскія княжества. Бернскимъ кантономъ составленъ проектъ закона о нарушеніи религіознаго мира и будетъ скоро внесенъ на разсмотрѣніе союзнаго собранія. Этимъ закономъ запрещаются всякаго рода церемоніи и процессіи, кромѣ погребальной. Возстановленіе одной религіи противъ другой наказывается денежнымъ штрафомъ въ 1,000 франковъ или тюремнымъ заключеніемъ не свыше одного года. На священниковъ, коснувшихся въ своихъ проповѣдяхъ государственныхъ учреждений съ цѣлію унижить ихъ или набросить на нихъ тѣнь, налагается штрафъ въ 10,000 франковъ или же тюремное заключеніе не свыше одного года. Собранія религіозныхъ обществъ, противныя общественному порядку, подлежатъ закрытію, а члены ихъ предаются суду. Правительство Великаго Герцогства Баденскаго также опубликовало распоряженіе, воспрещающее совершеніе какихъ-бы то ни было религіозныхъ процессій внѣ церковныхъ зданий.

Въ газетахъ сообщаются нѣкоторыя подробности о заговорѣ противъ короля Альфонса XII-го, — заговорѣ, своевременно открытомъ и уже получившемъ огласку. Главными участниками въ этомъ заговорѣ называютъ генераловъ Хидалью, Паланку и Патино, принадлежащихъ къ радикальной партіи. Зачинщики арестованы и, какъ утверждаютъ, будутъ сосланы на Канарскіе острова. При всемъ томъ, новому правительству Испаніи не одобровать, и уже нѣкоторыми вѣстовщиками предсказывается самое близкое паденіе монархіи короля Альфонса.

Слѣдствіе по дѣлу Визингера, предлагавшаго убить князя Бисмарка (см. предыдущее обозрѣніе), и даже судъ надъ нимъ уже окончены. Его признали виновнымъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ подѣлиться съ читателями весьма ограднымъ рѣшеніемъ комиссіи французскаго Національнаго Собранія по вопросу о томъ, кому должно быть предоставлено право объявленія войны, президенту ли республики или же Палатамъ, т. е. Сенату вмѣстѣ съ Палатою Депутатовъ. По предложенію одного изъ своихъ членовъ, комиссія пришла къ заключенію, что президентъ республики можетъ объявлять войну лишь съ согласія обѣихъ Палатъ. Есть много вѣроятія, что это рѣшеніе будетъ принято и Національнымъ Собраніемъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ, затронутый комиссіей, чрезвычайно важенъ, въ особенности для Франціи, горькимъ опытомъ убѣдившейся въ пагубныхъ послѣдствіяхъ предоставленія права объявлять войну одному только лицу, хотя бы и стоящему во главѣ государства. Предоставленіе же этого права собраніямъ народныхъ представителей равносильно забракованію самой войны, какъ одного изъ величайшихъ бѣдствій современнаго человечества.

Смѣсъ.

Сентъ-Бернардская собака.

Объ этой знаменитой породѣ уже столько писано и о происхожденіи ея имѣется такъ много различныхъ гипотезъ, что въ

наше время оно мало по малу окутывается покровомъ сказочности, котораго даже нѣтъ возможности сорвать: относительно С. Бернардскихъ собакъ не сохранилось никакихъ указаній на что либо вродѣ родословнаго дерева, подобнаго генеалогіи араб-

сихих лошадей,—по всей же вѣроятности его никогда и не существовало. По одному, весьма распространенному сказанію, эта порода происходитъ отъ дога, завезеннаго какимъ-то графомъ и скрещеннаго съ валлійской овчаркой. Но сага эта не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія, такъ какъ ни во внѣшности ни въ характерѣ С. Бернадской собаки вовсе не замѣчается слѣдовъ происхожденія ея отъ дога. Она отличается отъ всѣхъ прочихъ породъ поразительной смѣлостью, а въ большихъ и прекрасныхъ глазахъ ея свѣтится кротость, которой совершенно лишены доги.

Мы скорѣе склонны думать, что С. Бернадская порода издревле существовала въ Швейцаріи, такъ какъ и въ наше время она лишь немного улучшается воспитаніемъ и уходомъ.

При основаніи пріюта для странниковъ на горѣ С. Бернадъ, безъ всякаго сомнѣнія и собаки взяты были изъ того околodka, какъ наиболѣе свыкшіяся съ климатомъ и мѣстностью. Постоянные и вѣрные спутники монаховъ, съ теченіемъ времени онѣ постепенно и систематически приучались отыскивать заблудившихся путешественниковъ, чему въ высшей степени способствовали природныя ихъ свойства. Впервыхъ, онѣ были защищены отъ холода густою волнистою шерстью, которая, въ теченіи долговременнаго пребыванія собакъ въ горномъ округѣ, естественнымъ путемъ приспособилась къ суровой природѣ; во вторыхъ, сильное мускулистое сложеніе дѣлало этихъ собакъ способными выносить величайшія напряженія силъ; и въ третьихъ,

наконецъ, необычайная смѣлость, развитіе которой поражаетъ даже въ щенкахъ этой породы, позволяла имъ оказывать и соответственные услуги. Само собой разумѣется, что особи, наиболѣе одаренныя въ этомъ послѣднемъ отношеніи, сохранялись для усовершенствованія породы, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній свойства эти передавались путемъ искусственнаго подбора. Это подтверждается и тѣмъ, что многія попытки приученія другихъ породъ къ той же службѣ на С. Бернадѣ оказывались вполнѣ безуспѣшными.

Съ теченіемъ времени, порода эта размножилась на С. Бернадѣ и прославилась своими подвигами спасенія замерзавшихъ и потребленныхъ подъ снѣгомъ путешественниковъ, ее стали разводить и въ другихъ странахъ, такъ что если бы какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ она перевелась на мѣстѣ своего происхожденія, не трудно будетъ снова возстановить ее.

Въ послѣднее время нѣкому Шумахеру изъ Гойлингена удалось найти въ Швейцаріи собаку этой породы, поразительно похожую (даже по цвѣту) на знаменитаго предка ея—историческаго Барри, который спасъ столькихъ странниковъ. Отъ нея и вывелъ онъ новое племя, нѣсколько представителей котораго изображены на нашемъ рисункѣ. Собаки представлены на поискъ за странниками; у каждой изъ нихъ къ ошейнику прикрѣпленъ небольшой боченокъ съ виномъ и съѣстными припасами, необходимыми для перваго подкрѣпленія силъ полужамерзшаго а нерѣдко и изъ-подъ снѣга откапываемаго путника.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— 18-го (30-го) іюня, въ среду, Герцогъ Альфредъ Единбургскій и Ея Императорское Высочество Марія Александровна, Герцогиня Единбургская, съ малолѣтнимъ Принцемъ, прибыли въ Вульвичъ и на королевской яхтѣ „Осборнъ“ отправились чрезъ Каленгагенъ въ С.-Петербургъ.

Дѣйствія правительства.

— 13-го мая 1875 г. Высочайше повелѣно постановить:

1. Право разыгрывать лотереи на сумму свыше тысячи пятисотъ рублей сохраняется въ теченіе восьми лѣтъ со дня изданія настоящаго узаконенія за слѣдующими благотворительными учрежденіями: а) дѣтскимъ пріютомъ Имени Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго; б) дѣтскими пріютами въ С.-Петербургѣ; в) дѣтскими пріютами въ Москвѣ; г) С.-Петербургскимъ женскимъ патріотическимъ обществомъ; д) Харьковскимъ благотворительнымъ обществомъ; е) Русскимъ благотворительнымъ обществомъ въ губерніяхъ Царства Польскаго (съ тремя отдѣленіями въ Варшавѣ, Кѣльцахъ и Петроковѣ), и ж) Николаевскимъ пріютомъ для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ.

2. Лотереи въ пользу означенныхъ въ ст. 1 учреждений допускаются не болѣе одного раза въ годъ и не должны превышать тѣхъ размѣровъ, въ коихъ онѣ разрѣшаемы были для каждаго учрежденія до 23-го мая 1870 года; во всякомъ же случаѣ, означенныя лотереи не должны разыгрываться на сумму свыше пятидесяти тысячъ рублей.

3. Нѣсколько отдѣльных лотерей не должны быть соединяемы въ одну.

4. Лотереи на сумму до тысячи пятисотъ рублей разрѣшаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а для дѣтскихъ пріютовъ и С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества—Главноуправляющимъ IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. На устройство же лотерей въ большихъ размѣрахъ испрашивается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ или Главноуправляющимъ IV Отдѣленіемъ, по принадлежности. Высочайшее разрѣшеніе чрезъ Комитетъ Министровъ; въ представленіяхъ по сему предмету должны быть въ подробности излагаемы тѣ основанія, по коимъ устройство лотереи признается необходимымъ въ предполагаемомъ размѣрѣ.

5. Число выигрышей въ лотереяхъ должно быть не менѣе одной сотой части всего числа билетовъ, а стоимость выигрышей не ме-

нѣ половины той суммы, на которую лотерея разыгрывается. Относительно оцѣнки выигрышей, описи ихъ и вообще контроли, всѣ лотереи подчиняются установленнымъ по сему предмету правиламъ.

6. Устройство на народныхъ и общественныхъ гуляньяхъ какихъ бы то ни было лотерей, въ томъ числѣ и лотерей-аллегрій, воспрещается. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется, въ видѣ изыятія изъ сего, по особымъ уваженіямъ, разрѣшать лотерей-аллегрій на такихъ общественныхъ гуляньяхъ, на которыхъ, независимо отъ платы за лотерейные билеты, назначается, собственно за входъ на гулянье, особая плата въ размѣрѣ не менѣе одного рубля.

7. Установленные статьями 449 и 460 уст. пред. прест. процентныя съ лотерей сборы—отмѣняются.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Съ линіи оренбургской желѣзной дороги пишутъ въ „Русскій Инвалидъ“, что начиная отъ станціи Плотавки и вплоть до Самары и Сызрани, вся дорога кишитъ тысячами рабочихъ. На р. Киньей, выдающей въ р. Самару, въ 40 верстахъ отъ гор. Самары, уже начата работа моста: въ рѣку введенъ пароходъ, который подвозитъ строительный матеріалъ. На остальныхъ переправахъ повсюду начаты работы, сложены камни, шпалы развезены почти по всей линіи. Не мало интереса представляетъ уже сооруженіе моста чрезъ Волгу, который предполагается построить недалеко отъ города Сызрани, между селеніями Старые-Костычи (Самбирской губерніи) и Новые-Костычи (Самарской губерніи). Въ настоящее время около этихъ пунктовъ идетъ самая дѣятельная работа по заготовкѣ матеріаловъ для моста, постройка котораго будетъ окончена, если не встрѣтятся особенныхъ какихъ-либо препятствій, въ 1877 году. Этотъ мостъ-гигантъ, длиною въ 650 сажень, будетъ поддерживаться 13 устоями, вышиною въ 20 саж. каждый, и при проходѣ судовъ раздвинется не будетъ. Вообще до настоящаго времени по линіи желѣзной дороги сдѣлана почти одна пятая часть всѣхъ работъ, и въ октябрѣ настоящаго года работы будутъ ходить отъ Самары до Бузулука, а въ концѣ будущаго года откроется движеніе и по всей линіи.

Наша окрایی.

— На прусско-литовской границѣ, 12-го минувшаго мая, въ 8 часу вечера, къ бывшему на границѣ часовымъ, стражику по-

ста Романишекъ (2-й роты на 1-й линіи) Василію Яковлеву подошелъ изъ Пруссій неизвѣстный челоѣкъ и просилъ его пропустить чрезъ границу, послѣ заката солнца, партію конныхъ вооруженныхъ контрабандировъ, предложивъ при этомъ Яковлеву 4 р. и 2 полунтофа спирта. Яковлевъ, принявъ подкупъ и изъяснивъ незнакомцу согласіе на его просьбу, по уходѣ его немедленно далъ знать объ этомъ младшему вахмистру ближайшаго поста, Ефремову, а затѣмъ опять вернулся на свое мѣсто. Вахмистръ Ефремовъ тотчасъ приказалъ тремъ стражникамъ занять секретный караулъ, а объѣздикамъ сдѣлать лошадей и быть готовымъ выѣхать по первому выстрѣлу. Вскорѣ по занятіи стражниками секретнаго караула, контрабандиры, перѣхавъ границу, направились во внутрь края, но тутъ наткнулись на бывшихъ въ секретѣ людей, которые открыли по нимъ огонь, вслѣдствіе чего контрабандиры, отвѣтивъ залпомъ изъ ружей, начали отступать обратно къ границѣ. Между тѣмъ, путь къ границѣ былъ имъ уже отбѣзанъ прискакавшими на выстрѣлы объѣздиками, которые, подъ предводительствомъ Ефремова, несмотря на превосходство силъ контрабандировъ, бросились на нихъ въ шашки. При этомъ Ефремовъ, будучи окруженъ тремя контрабандирами, одному изъ нихъ нанесъ смертельную рану выстрѣломъ изъ револьвера, а другаго ранилъ шашкою въ лицо. Остальные объѣздики успѣли задержать двухъ вооруженныхъ пистолетами контрабандировъ, крестьянъ Швецкинской волости: Сильвестра Павловскаго и Юзефа Рауптиса, пѣзъ коихъ послѣдній раненъ саблемъ въ голову и плечо; остальные же контрабандиры, въ томъ числѣ и раненый въ лицо, бросивъ свои ножи и разсыпавшись по кустамъ, успѣли бѣжать въ Пруссію.

Раненый Ефремовымъ изъ револьвера контрабандиръ, фамилія котораго неизвѣстна и у котораго отобрано разряженное ружье и сумка съ патронами, на дорогѣ съ мѣста перестрѣлки къ посту Романишки умеръ.

Задержанные на мѣстѣ перестрѣлки двѣ осѣдланныя лошади, десять пакъ и двѣ пачки съ товарами, ружье, два пистолета и сумка съ патронами оцѣнены новобѣстскою таможеню въ 1.359 р. 8 к.

Начальникъ юрбургскаго таможеннаго округа распорядился производствомъ формальнаго слѣдствія, для открытія и привлеченія къ отвѣтственности остальныхъ злоумышленниковъ, а равно и хозяина задержанныхъ товаровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ прусскаго пограничнаго комиссара принять за-

висяща от него мѣры для привлеченія къ отвѣтственности скрывшихся въ Пруссію злоумышленниковъ.

Путешествія и экспедиціи.

— Отъ извѣстнаго русскаго путешественника Н. Н. Миклуха-Маклая получено 6-го мая изъ Сингапура, гдѣ онъ теперь находится, отъ 1-го (13-го) апрѣля, краткое сообщеніе о произведенной имъ въ началѣ нынѣшняго года экскурсіи на полуостровъ Малакку съ цѣлю убѣдиться: находится ли на полуостровѣ палуасообразное племя, или по крайней мѣрѣ слѣды смѣшенія такого съ теперешнимъ населеніемъ. Объ этомъ вопросѣ извѣстія и мнѣнія европейскихъ ученыхъ крайне неопредѣленны и противорѣчивы. Особенно интересную разновидность представляетъ на полуостровѣ Малаккѣ племя семангъ, называемое здѣсь орангъ-акунгъ, орангъ-утангъ (люди лѣса), орангъ-букатъ (люди холмовъ), орангъ-маръ (дневные люди), и другими еще именами. Экскурсія г. Маклая продолжалась почти два мѣсяца: она была предпринята до конца дождливаго времени, такъ что

во многихъ мѣстахъ нашему путешественнику пришлось проходить по залитому лѣсу, и вода иногда была выше пояса. Чтобы пересѣчь Юхаръ отъ запада (устья р. Муаръ) къ востоку (устью р. Индау), г. Миклухъ потребовалось 30 дней, несмотря даже на то, что значительную часть пути онъ могъ сдѣлать въ пирогахъ, а пѣшіе переходы дѣлалъ нерѣдко по 10 и 11-ти часовъ въ день. Путешествіе очень замедлялось частымъ лѣсомъ, въ которомъ приходилось прорубать тропинку болотами, частыми ручьями и рѣчками черезъ которыя приходилось строить на скорую руку мосты изъ поваленныхъ деревьевъ, или связывать паромы, и постройкою баракковъ для ночлеговъ. Трудности пути еще усиливались безпрестаннымъ укушеніемъ шивкамн, комарами и животными изъ рода Scolopendra (сороконожки). Г. Маклай пишетъ, что онъ достигъ своей цѣли, и что встрѣтившись во многихъ мѣстахъ съ орангъ-утанами, имѣлъ возможность познакомиться съ этимъ интереснымъ племенемъ, которому не суждено вести долго свою бродячую и примитивную жизнь. При ихъ малочисленности,

при подвигающейся колонизаціи малайскаго племени и китайцевъ, при положительномъ нежеланіи орангъ-утангъ измѣнить образъ жизни, они или совершенно исчезнутъ, или почти безслѣдно сольются въ этнологическомъ отношеніи съ малайцами. Главный и отчасти неожиданный результатъ произведенныхъ наблюденій, какъ сообщается г. Маклаемъ, заключается въ убѣжденіи, основанномъ на положительныхъ фактахъ, что между населеніемъ орангъ-утангъ можно еще найти слѣды смѣшенія съ другимъ не-малайскимъ племенемъ, вѣроятно палуаскимъ. Разработку своихъ наблюденій Н. Н. Миклуха-Маклай оставляетъ до возвращенія въ Россію.

СОДЕРЖАНІЕ: Иванъ Федоровъ Гурбуновъ (съ портретомъ). — Орангъ-дѣва (изъ жизни въ Тироляхъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллертъ - Биртъ (продолженіе). — Египетскія древности (съ рисункомъ). — Народы Россіи. XXVI. Валахъ и Молдаванскіе (съ рисункомъ). — Десятинная церковь въ Києвѣ (съ рисункомъ). — Политическое обзоровіе. — Сибирь (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клоппниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продается:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марка (30 коп.) (прежде 2 марки).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).

Пробный листъ и нрѣсъ-журналъ бесплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германия.

1-6

Молодая дѣвушка (русская 19 лѣтъ) прошедшая 5 классовъ русской гимназіи, желаетъ получить мѣсто бонны или компаньонки. Адресъ: въ г. Ригу, на С.П.В. форшт. въ Доминной ул. д. № 4.

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА

ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СІЛЕСІИ.

Рекомендуетъ свои, получающія преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познани, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легководные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственные орудія.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно.

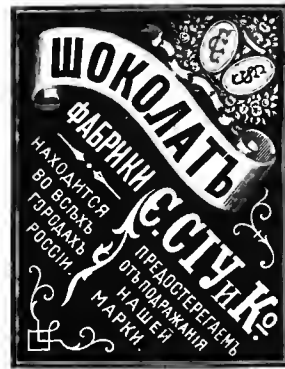
Письма прошу адресовать: O-r Werder, Leipzig.

1-5

НОВОЕ ВРЕМЯ

Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная (безъ цензуры). Подписная цѣна на полгода: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ 8 р. 50 к., для иногородныхъ 9 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

2-2

45-6

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

МЕЯ и ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно! быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный каталогъ розничной продажи высылается по требованію бесплатно и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.

Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9.

13-12

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДѢПАРТАМЕНТА. ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготвленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой материнки или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковскаго и Гольца, Шпредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26-22